РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

РУКОПИСИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Рукописи, которых не было

Подделки в области славянского фольклора

Издание подготовили
А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова,
Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская

ЛАДОМИР
Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Оформление серии
Д. Б. Шимилиса

На фронтисписе – фрагмент картины Василия Сварога
«И. В. Сталин и члены Политбюро среди детей
в ЦПКиО имени М. Горького» (1939)

© Топорков А. Л. Состав, статьи, 2002.
© Иванова Т. Г. Состав, статья, комментарии, 2002.
© Лаптева Л. П. Состав, статья, 2002.
© Левкиевская Е. Е. Статья, 2002.

ISBN 5-86218-381-7

Репродуцирование (воспроизводство) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

«*ОБАЯНИЕ* ЕСТЬ ЧУДЕСНАЯ СИЛА...»

> «*Обаяние* есть чудесная сила, истекающая из кудесника, приводящая в недвижимость, в страх и трепет всякого человека. <...> Рассказы бывалых людей о существовании Черной книги исполнены странных нелепостей.»
>
> И. П. Сахаров «Русское народное чернокнижие»

Крушение советской идеологии и свобода слова, помимо очевидных позитивных результатов, стимулировали всякого рода национальное, историческое и иное мифотворчество. Вновь и вновь переиздается, обрастая «научным аппаратом», пресловутая «Влесова книга»[1], успешно популяризируется псевдонаучная «новая хронология» А. Т. Фоменко[2].

В еще более острой форме процессы исторического мифологизирования протекают в других странах СНГ (в частности, на Украине[3]) и в национальных республиках, входящих в состав России. Каждый народ выстраивает свою версию истории, в которой сам он выглядит наилучшим образом, а его соседи рисуются как захватчики и поработители[4]. Подобные концепции воплощаются в учебниках для школ и ВУЗов и определяют историческое самосознание миллионов молодых людей. Создатели новых версий исторического процесса стремятся придать им видимость научности и при этом либо вольно интерпретируют источники подлинные, либо опираются на источники фальсифицированные.

Между тем в России, да и в других европейских странах, подделки исторических источников, литературных и фольклорных текстов имеют давнюю традицию. В некоторых отношениях такие подделки

---

[1] См.: *Творогов О. В.* «Велесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 170–254; *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С 314–327; *Козлов В. П.* Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 87–105.

[2] История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М., 2000.

[3] *Юдин А.* Новая украинская мифология // Неприкосновенный запас: Очерки нравов культурного сообщества. 2000. № 1 (9). С. 26–32.

[4] См. анализ этих концепций в сборнике: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999.

смыкаются с литературными мистификациями, представляющими собой важную и законную часть истории литературы[1].

Подделки в области фольклора установить значительно труднее, чем подделки исторических документов. Если текст был записан изустно, то нет и его рукописи, а раз нет рукописи, то нельзя опереться на данные палеографии и истории языка. В подавляющем большинстве случаев исследователь лишен возможности перепроверить текст, обратившись к его исполнителю. Он вынужден верить собирателю фольклора на слово.

Сама природа фольклора такова, что предполагает активное участие посредника и в его письменной фиксации, и в изготовлении «конечного продукта» — опубликованного текста (мы говорим сейчас главным образом о собирателях прошлого, не вооруженных аудио- и видеоаппаратурой). Собиратель должен найти исполнителя, организовать ситуацию, благоприятствующую записи, зафиксировать текст, потом переписать его набело (реально — восстановить целостный текст на основе черновых записей, более или менее дефектных). Естественно, что при всех этих действиях фольклорист опирается на свое субъективное понимание текста.

В XIX веке считалось возможным исправлять текст, записанный от исполнителя из народа, приближая его к гипотетическому прототексту. Знаменитый собиратель и публикатор фольклора П. В. Киреевский (1808–1856) в изобилии «изготавливал» сводные тексты духовных стихов, гораздо более полные и исправные, чем аутентичные версии. Впрочем, степень свободы обращения с первоисточником, характер и результаты постороннего вмешательства весьма существенно варьировались — от незначительной стилистической правки сказок у А. Н. Афанасьева до сочинения собственных сказок в слащавой псевдонародной манере у И. П. Сахарова.

Самым известным фальсификатом в области славянского фольклора была знаменитая Краледворская рукопись, созданная чешским филологом и поэтом В. Ганкой (1817 г.). В течение полувека она считалась одним из наиболее ценных источников для реконструкции славянской мифологии, а когда подделка была наконец разоблачена, это было воспринято чехами почти как национальная трагедия. Между тем и сама Краледворская рукопись, и ее русские переводы, несомненно, представляют собой интересные литературные произведения и в таком качестве они вполне заслуживают переиздания.

---

[1] *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 74–93; *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников: (Место мистификации в истории культуры) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 34. С. 200–219; *Попова И. Л.* Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1992; *Grabowicz G. G.* National Poets and National Mystifications // Literární mystifikace, etnické myty a jejich úloha při formování národního vědomí. Studie Slováckého Muzea. Uherské Hradiště. 2001. № 6. S. 7–24.

Из поддельщиков русского фольклора наибольшую славу стяжал И. П. Сахаров (1807–1863), впрочем, его «Сказания русского народа» и поныне благополучно переиздаются и цитируются глубокомысленными исследователями[1]. Иван Петрович был далеко не единственным, кто подвизался в России на благодатной ниве фальсификации фольклора.

Фольклорные фальсификаты П. М. Шпилевского, А. В. Шишацкого-Иллича, Г. Д. Книголюбова представляют собой своеобразные литературные фантазии на фольклорные темы. Они возникли в ту эпоху, когда литератор считал для себя возможным «улучшать» народнопоэтические тексты, возвращать им их «подлинный», архаический характер. Грань между публикацией фольклора и его литературной обработкой имела еще весьма зыбкий и неопределенный характер.

Иной тип отношения к фольклорной традиции сложился в советский период. «В начале 1930-х годов официозной наукой была поставлена перед собирателями задача найти в русской деревне песенные и прозаические повествовательные произведения о счастливой советской действительности и о героях нового времени. Очень скоро объективная собирательская действительность показала, что таких произведений русские сказители не поют и не рассказывают. И тогда фольклористы сформулировали себе иную задачу: помочь носителям фольклорной традиции создать произведения такого типа. В фольклористике появился тезис, немыслимый в дореволюционной науке, – о законности литературного сотрудничества собирателя и сказителя»[2]. Фольклористы обучали исполнителей из народа, как им сочинять песни о И. В. Сталине и других руководителях партии и правительства.

В настоящую книгу, состоящую из трех разделов, включены:

1) русские переводы Краледворской и Зеленогорской рукописей – знаменитых подделок чешской эпической поэзии;

2) фольклорно-мифологические фальсификаты XIX века: «Белорусские народные предания» П. Древлянского (П. М. Шпилевского), заговоры из рукописи Г. Д. Книголюбова, украинская историческая дума, опубликованная А. В. Шишацким-Илличем;

3) произведения так называемого «советского эпоса» 1930–1940-х годов: плачи о Ленине, Кирове и Чкалове, сказки и так называемые «новины» о Сталине, гражданской войне и освоении Арктики и др.

Взятые в совокупности, материалы сборника вводят в научный оборот целый корпус неизвестных или малоизвестных текстов, имеющих своеобразный полуфольклорный-полулитературный характер.

Андрей Топорков

---

[1] О подделках И. П. Сахарова см.: *Пыпин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. СПБ., 1898. С. 24–30 (Памятники древнерусской письменности. Т. 127); *Козлов В. П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. 2-е изд. М., 1996. С. 199–207.

[2] *Иванова Т. Г.* Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 84. Подробнее см.: *Miller F.* Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk; New York; London, 1990.

Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы

Л. П. Лаптева

КРАЛЕДВОРСКАЯ И ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ РУКОПИСИ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий раздел книги состоит из трех частей. В первой из них излагается история возникновения Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ) и полемика по поводу их подлинности за пределами России, характеризуются общественные условия в Чехии, породившие подделки, триумф фальсификатов в первой половине XIX века и их распространение среди славянских литератур. Со второй половины XIX века спор о подлинности РКЗ не только принимает острый политический характер, но и способствует изучению рукописей, в результате чего к концу века их поддельность была убедительно доказана. Несмотря на это, и в первой трети XX века продолжалась полемика, продиктованная политическими соображениями. Защиту подлинности РКЗ взяли на себя представители естественных наук, в истории и филологии профессионально некомпетентные и националистически настроенные. После Второй мировой войны, в связи со 150-летием возникновения РКЗ (1968 г.), было проведено дополнительное их изучение современными методами, учтены достижения в области исследования древней письменности, в языкознании, истории и палеографии; была подтверждена точка зрения, что РКЗ написаны в конце второго десятилетия XIX века, т. е. являются фальсификатами. К первой части нашей работы приложен большой справочно-библиографический аппарат, знакомство с которым поможет читателю уяснить, какие научные и политические силы стояли за полуторавековой полемикой по поводу рукописей.

Во второй части излагается вопрос об освещении истории РКЗ в русской литературе XIX и XX веков; говорится о влиянии РКЗ на произведения русских ученых в области споров об их происхождении, в сфере истории права и фольклора; характеризуются переводы РКЗ на русский язык. Научно-критиче-

ские выступления русских ученых против подлинности РКЗ появляются в основном с 70-х годов XIX века, но таких выступлений было не очень много. Основная масса русских славистов, писавших об РКЗ, верила в их подлинность. Ко второй части тоже приложен большой справочно-библиографический аппарат.

Третья часть представляет собой тексты переводов РКЗ на русский язык, опубликованные в печати. Это:

1) «Рукопись Краледворская. (В данном случае она названа "Кралодворской". – *Л. Л.*) Собрание лирико-эпических песен» (СПб., 1820) – первое издание РК на русском языке, в переводе А. С. Шишкова.

2) «Краледворская рукопись» – из книги «Переводы и подражания Н. В. Берга» (СПб., 1860).

3) «Краледворская рукопись / Перевод И. Новикова» («Новый мир», апрель 1939 г.).

Все тексты приводятся без изменений (исключение составляет только орфография).

I

КРАЛЕДВОРСКАЯ И ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ РУКОПИСИ – ЧЕШСКИЕ ПОДДЕЛКИ XIX ВЕКА

Подделка письменных исторических источников осуществлялась во всех странах и у всех народов, имевших письменность и достигших определенного уровня культурного развития. Чехия в этом смысле не исключение. Еще до возникновения Чешского государства, в великоморавский период, подделки документов использовались в качестве средств политической борьбы. В XII–XIV веках в Чехии подделывалось большое количество грамот – главным образом, монастырями. Дело в том, что в древний период чешский князь (позднее – король) не практиковал выдачу документальных подтверждений церковным институциям о своих им дарениях. Фиксировались дарения лишь в записях монастырей и костелов. А с конца XII века король стал требовать письменного подтверждения донаций, и не имевшие соответствующих документов монастыри стали подделывать грамоты на основании старых записей, не обладавших юридической силой. Множество поддельных грамот было составлено в XVII веке. С помощью фальсификатов некоторые церковные институции стремились восстановить права на владение имуществом, принадлежавшим им еще в догуситскую эпо-

ху[1], т. е. до реформации Церкви, о чем к XVII веку документы были утрачены. Подделывались подчас и никогда не существовавшие грамоты. Монастыри и костелы были не прочь захватить и такие земли, которые им вовсе не принадлежали[2]. В XIX веке древние грамоты подделывались по престижно-политическим соображениям. Так, в 1836 году моравский деятель Антонин Бочек[3] издал 1-й том Моравского дипломатария[4], а с 1841 по 1846 год, уже будучи земским архивариусом, — еще 4 тома моравских грамот (до 1306 г.). Во всех пяти томах Бочек поместил массу собственных подделок. Он «исправлял» древние грамоты в желательном ему духе, комбинировал текст из нескольких грамот, а многие документы сочинил сам. Подделки были разоблачены довольно быстро — уже в 50-х годах XIX века.

[1] Гуситская эпоха — это 1400—1470 гг. чешской истории. В это время чешский народ боролся против тяжелого экономического положения и социальной несправедливости, а также за реформу Католической церкви, ибо именно она являлась самым богатым и изощренным эксплуататором. Борьба масс всегда обеспечена неким идеологическим обоснованием; в Средние века оно выражалось в отрицании церковной догматики, порицании образа жизни духовенства и требовании возвращения к нормам жизни, изображенным в Евангелии и проповедуемым Иисусом Христом. Гуситское движение получило свое название от имени магистра Пражского университета Яна Гуса, возглавившего борьбу против Церкви, но обвиненного в ереси и сожженного в 1415 г. на костре по решению Констанцского собора католического духовенства. В дальнейшем гуситское движение прошло несколько этапов, наиболее драматическим из которых стали Гуситские войны (1420—1437). Завершение этой эпохи ознаменовалось секуляризацией в Чехии церковных земельных владений, в результате чего Католическая церковь лишилась бóльшей части своего имущества. Что касается догматического учения, то оно претерпело лишь незначительные изменения: за мирянами католики признали право на причащение под двумя видами (т. е. хлебом и вином из чаши); были введены и некоторые другие изменения. Впоследствии «Гуситская церковь» все более сближалась с Католической в обрядах, имущество же католиков, отвоеванное в суровой борьбе с ними, бывшие гуситы оставили за собой.

[2] До 1620 г. Чехия являлась самостоятельным государством с населением, которое на 90% исповедовало различные ветви протестантских религий — гуситство, лютеранство, кальвинизм и др. В 1618 г. чешские паны (феодалы) подняли восстание против короля из династии Габсбургов, который являлся одновременно императором Священной Римской империи. В 1620 г. восстание было разгромлено, а в результате дальнейшей политики Габсбургов страна лишилась политической независимости, причем католическая религия была провозглашена единственно допустимой, а все прочие вероисповедания объявлялись еретическими и запрещались. В Чехию возвратилась Католическая церковь со всеми ее атрибутами — обрядами, догматикой, костелами, монастырями и духовными орденами. Началась Контрреформация.

[3] О подделках Антонина Бочека (Boček, 1802—1847) см.: *Šebanek J.* Moderní padělky v moravském diplomatáři Bočkově do r. 1306 // Časopis Matice Moravské. 60. 1936. Seš. I. S. 27—84; Seš. 4. S. 455—499.

[4] Дипломатарий — издание средневековых грамот («дипломов»).

Но самые знаменитые фальсификаты появились в период чешского национального возрождения. Это – Краледворская и Зеленогорская рукописи. Они сочинены во втором десятилетии XIX века, а полемика вокруг них продолжалась более столетия и практически никогда не носила узкоакадемического характера, будучи связана с национально-политическими конфликтами.

Причины возникновения и благосклонного приема подделок общественностью связаны прежде всего с внутренними условиями развития Чехии периода национального возрождения. Однако не последнюю роль сыграла и интеллектуальная атмосфера, сложившаяся в Европе в конце XVIII – начале XIX века. Главным культурно-идеологическим течением стал романтизм, порожденный эпохой разложения феодального общественного строя и зарождением капиталистических отношений. Культурная атмосфера этого времени характеризуется признаниями высокой ценности народного творчества, явно выраженной тенденцией возвеличивания старины и непосредственно связанным со всем этим стремлением к разысканию памятников «славного прошлого» как свидетельства народного гения. Известно, что уже в 1760 году Дж. Макферсон[1] выпустил в Эдинбурге свой «перевод» на английский язык «древнегалльских» песен, собранных им якобы в горах Шотландии. Организованные им вскоре «новые поиски» привели к «обнаружению» и других эпических произведений, например песен о подвигах Фингала, об Оссиане, который «сочинил» эти песни в III веке н. э. В 1768 году также и Т. Чаттертон[2] опубликовал «сред-

[1] Макферсон Джеймс (Mackpherson, 1736–1796) – шотландский поэт. В 1760 г. издал книгу под названием «Фрагменты древней поэзии, собранные в горах Шотландии и переведенные с шотландско-кельтского, или ирландского, языка». Главным героем этих мнимых древних фрагментов поэзии, якобы собранных в горах Шотландии, был мифический кельтский богатырь III в. н. э. Оссиан, сын Фингала, также фигуры ирландской и шотландской мифологии. Его героические песни, записанные в древних манускриптах, Макферсон якобы не только нашел во время путешествия, но и перевел на английский язык. Ободренный неожиданным успехом их издания, Макферсон в 1762 г. опубликовал еще и обширный «Эпос Фингала», а в 1765 г. – целый сборник «Оссиановых произведений». И хотя критикой было вскоре доказано их новейшее происхождение, влияние Оссиана, вызванное романтическим настроением тогдашней Европы, оказалось столь велико, что подделки были переведены на многие языки. О влиянии Оссиана на создание РКЗ см.: *Dolanský J.* Záhada Ossiana: O Rukopisech Královédvorském a Zelenohorském. Praha, 1975.

[2] Чаттертон Т. (Chatterton, 1752–1770) – английский поэт. Автор баллад на средневековом английском языке, сочиненных якобы неким монахом Раули (XV в.), – «Турнир», «Битва при Гастингсе», «Месть» и др. Был быстро разоблачен. Покончил с собой.

невековые» сказки и повести, оказавшиеся подделками, как и песни Оссиана. Подобные фальсификаты XVIII – начала XIX века хорошо известны и в России, например «Гимн Бояна» А. И. Сулакадзева (ум. в 1830 г.)[1]. С другой стороны – в эту эпоху было разыскано и опубликовано немало подлинных древних памятников, например «Разговор угоден народа словенского» югославского просветителя А. Качича Миошича[2] (издан в 1756 г.), «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова (1770), «Песнарица» Вука Стефановича Караджича[3] (1814–1815) и др. Подобными открытиями чешская литература похвастаться не могла. Реальное же положение чешского народа было столь трудным, что даже само признание его существования наталкивалось на многочисленные препятствия. Поднять престиж чехов как внутри страны, так и вообще в Европе и мире было насущно необходимо. Общественно-политические устремления чехов могли находить выражение лишь в области языка, литературы, истории. Но в сравнении с наследием великих народов чешская средневековая литература не представляла собой ничего из ряда вон выходящего. Более того, к началу XIX века она считалась вообще несамостоятельной. Чувство «культурной неполноценности» чехов на фоне «более счастливых» народов и их литератур угнетало патриотическую интеллигенцию. По свидетельству

[1] См.: *Пыпин А. Н.* Подделки рукописных народных песен. СПб., 1898. С. 20 сл.

[2] Качич Миошич Андрия (1704–1760) родился в Далмации, в знатной семье; шестнадцати лет вступил в Орден францисканцев, получил широкое образование. Был патриотом своего народа и его славного прошлого, что нашло отражение в творчестве этого просветителя, написавшего (кроме упомянутого) еще ряд сочинений. См. об этом: *Dolanský J.* Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisu Královédvorského a Zelenohorského. Praha, 1968.

[3] Вук Стефанович Караджич (1787–1864) – сербский прославленный литератор, филолог, фольклорист и этнограф, идеолог национального возрождения сербов, неутомимый собиратель произведений устного народного творчества. В 1814–1815 гг. опубликовал в двух частях произведение «Мала простонародна Славено-сербска Песнарица». В целом же он собрал и опубликовал более тысячи лирических и героических народных песен, выпустил собрания сказок, пословиц и загадок, создал «Сербский словарь, истолкованный немецкими и латинскими словами». Беспрецедентным историческим подвигом является проведенная Вуком литературно-языковая реформа и создание нового литературного сербского языка. Литература о Вуке Караджиче весьма обширна. Укажем на новейшие работы: *Дмитриев П. А., Саффонов Г. И.* Сербия и Россия: (Страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 12–62, 72–140; *Гудков В. П.* Славистика. Сербистика: Сборник статей. М., 1999. С. 85–124.

Ф. Палацкого[1], отсутствие в чешской литературе произведений, подобных найденным в России и Сербии, воспринималось его поколением как «настоящее несчастье»[2]. Некоторые чешские патриоты решили «восполнить» этот пробел, и за короткое время вырос большой урожай чешских «памятников выдающейся древности». В 1816 году Й. Линда[3] при таинственных обстоятельствах «обнаружил» так называемую «Песнь под Вышеградом», относившуюся якобы к XIII столетию. Как показали последующие события, это был «пробный шар», своеобразная разведка мнения специалистов и общественности, их реакции на возможность обнаружения произведений подобного рода. На первых порах проба дала блестящие результаты. Даже Й. Добровский[4],

[1] Палацкий Франтишек (Palacký, 1798–1876) – знаменитый чешский историк и политический деятель. Осуществил критическую оценку источников по чешской истории и их издание. Высшим достижением научной деятельности Палацкого является «История народа чешского в Чехии и Моравии», вышедшая в 5 томах на немецком языке в 1836–1876 гг. и на чешском в 1848–1876 гг. и являющаяся классическим произведением романтической историографии. Чехи часто называют Палацкого «отцом чешской историографии». В политическом отношении он был сторонником и одним из творцов так называемого «австрославизма», активно действуя в духе реализации этой теории. Литература о Ф. Палацком огромна. Из новейших изданий см.: František Palacký, 1798–1998: Dějiny a dnešek // Sborník z jubilejní konference. Praha, 1999; *Лаптева Л. П.* Чешский ученый XIX в. Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой // Славяноведение. 1999. № 2. С. 51–69.

[2] См. предисловие издателя к кн.: Rukopisové Zelenohorský a Královdvorský, památka z 19. Věku / Vyd. J. Hanuš. Praha, [1911]. S. 40–41.

[3] Линда Йозеф (Linda, 1789–1834) – чешский литератор, изображавший в своих прозаических сочинениях далекую древность. Наиболее известна его поэма «Свет над язычеством». Был также редактором первой чешской политически направленной газеты «Пражске новины» (с 1829 по 1833 г.).

[4] Добровский Йозеф (Dobrovský, 1753–1829) – крупнейший чешский ученый, филолог-славист европейского масштаба, деятель Просвещения. Своим творчеством внес вклад в ряд научных дисциплин. Классическими сочинениями Добровского стали «История чешского языка и литературы» (1792) и «Чешская грамматика» (1809). Критическими историческими работами он подорвал ключевые позиции чешской Контрреформации, в частности, доказал поддельность рукописи Евангелия св. Марка, которая почиталась как подлинная, и развенчал легенду о Яне Непомуке, доказав, что такого святого никогда не было, а житие его сфабриковано в начале XVIII в. из источников фантастического свойства. Теоретические выводы ученого о происхождении слов в славянских языках принадлежат к основам сравнительного славянского языкознания. Добровский был высшим авторитетом в чешской и славянской науке своего времени. Из обильной литературы о нем укажем на кн.: Josef Dobrovský, 1753–1953: Sborník stati k dvoustému výročí narození. Praha, 1953; *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Йозеф Добровский и Россия. Л., 1990; *Титова Л. Н.* Чешская культура первой половины XIX века. М., 1991; *Лаптева Л. П.* История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени (1648–1849). М., 1998.

великий знаток чешской литературы, не сразу разглядел подделку и приветствовал открывателей. Другие же патриоты вообще бурно выражали свое ликование. Естественно, такая реакция вдохновила фальсификаторов на новые «подвиги». В сентябре 1817 года В. Ганка[1] приехал в гости к одному из своих друзей в городок Кралов Двор (Северо-Восточная Чехия). Здесь, под сводами церковной башни, между стеной и шкафом (по другой версии того же Ганки — в погребе), где хранилась разная церковная утварь, и была найдена оборванная рукопись, которую Ганка показал присутствующим и якобы принял сначала за остаток старого латинского молитвенника. Велика же была его радость, когда он «обнаружил», что находка представляет собой старочешскую рукопись! Уже на следующий день, в письме к Й. Добровскому, Ганка довольно подробно характеризовал находку. Добровский, опубликовавший как раз перед этим (в 1817 г.) «Песнь под Вышеградом», не выразил никаких подозрений и по поводу новой рукописи, получившей по месту находки название Краледворской. Прошел всего год с небольшим, и в октябре 1818 года чешские патриоты снова имели случай порадоваться очередному важнейшему «открытию». Обстоятельства его таковы: в связи с основанием в 1818 году Чешского национального музея было выпущено обращение к патриотам, призывавшее их передавать в музей на хранение имевшиеся у них памятники старины. В ответ на этот призыв

[1] Ганка Вацлав (Hanka, 1791–1861) — сын зажиточного крестьянина; окончив школу, способный к языкам и интересовавшийся наукой юноша поступил в 1809 г. в Пражский университет и стал заниматься в частном славистическом семинаре Й. Добровского. Затем учился также в Вене. В 1814 г. возвратился в Прагу, усердно занимался под руководством Добровского палеографией, древнеславянским и церковнославянским языками, а также совершенствовался в новых славянских. Будучи учеником Добровского, Ганка находился в дружеских отношениях с учителем, благодаря которому получил место хранителя библиотеки Национального музея. С 1848 г. преподавал в Пражском университете древнеславянский и русский языки. Занимался также переводами со славянских и других языков, издавал древнечешские и другие памятники литературы, в первую очередь чешской. Отличался русофильскими взглядами на славянскую взаимность и с 20-х гг. XIX в. был наиболее известным в России западнославянским ученым. Поддерживал широкие научные контакты со всеми славянами, способствовал значительному расширению славянской библиотеки Национального музея, благодаря чему Прага стала важнейшим центром изучения славян. О В. Ганке много писали, особенно в XIX в.; издана его переписка со славянскими учеными. О нем см.: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII — первой половины XIX стол. Варшава, 1902; *Титова Л. Н.* Чешская культура первой половины XIX в. М., 1991; *Kočí J.* České národní obrození. Praha, 1978.

бургграф Ф. Коловрат получил по почте пакет, содержавший древнюю рукопись и письмо, в котором отправитель объяснял свое желание остаться неизвестным: по его словам, он боялся лишиться службы у своего немецкого господина, презиравшего все чешское. Рукопись была названа «Либушин суд». Впоследствии, когда научная критика потребовала расследования обстоятельств находки, в ход была пущена следующая версия: в замке Зеленая Гора (Западная Чехия), принадлежавшем графу Иерониму Колоредо-Мансфельду, в 1818 году служил казначеем некто Йозеф Коварж. Он отвечал, в частности, и за сохранность архива графа. Архив же находился в одной из комнат нижнего этажа господского дома. «Обнаружив» в этом архиве старую рукопись, Коварж не сумел ее прочитать и по совету местного священника, установившего «чешское» происхождение рукописи, послал ее при своем ближайшем посещении Праги в адрес бургграфа Коловрата вместе с упомянутым письмом. После обнародования (в 1859 г.) этих обстоятельств рукопись получила название Зеленогорской.

За этими «открытиями» последовало много новых. В 1819 году В. Я. Циммерманн[1] «извлек из забвения» «Любовную песнь короля Вацлава»; в 1827 году Ганка «обнаружил» чешские глоссы в средневековом (XII в.) словаре «Матер Верборум»; в 1828 году «открыты» междустрочные переводы Евангелия от Иоанна и Псалма 109, а также части Псалма 145 в глоссированном псалтыре Пражского национального музея. Слова́ чешского перевода могли относиться к X–XI векам. В 1849 году круг «открытий» был завершен находкой «Пророчества Либуши» – персонажа, известного уже по ранее найденным манускриптам. Таким образом, пробелы в древнечешской письменности были заполнены целой серией «новооткрытых памятников», вполне отвечавших по своему содержанию самым пылким чаяниям патриотов. Все перечисленные «открытия» были разоблачены довольно скоро (хотя некоторые все же считались подлинниками десятки лет), и лишь РКЗ представляли собой предмет споров в основном до 1940 года. По своему значению РКЗ гораздо выше других фальсификатов не только из-за длительной полемики; их важность определяется тем, что они представляли собой памятники языка, истории, права, мифологии, эстетики и т. д. Этим и объясняется то большое внимание, которое уделялось РКЗ вплоть до настоящего времени.

[1] Циммерманн В. Я. (Zimmermann) – сотрудник (скриптор) библиотеки Пражского университета.

Рукопись Краледворская (РК) представляет собой довольно сильно загрязненную пергаментную тетрадку в 12 полных листов и два отрывка, имеющих смысловую связь с остальным текстом. Формат тетради в старых русских мерах: высота — 4 дюйма 6 линий, ширина — 3 дюйма. Высота письма — 3 дюйма 6 линий, ширина — 2 дюйма 1 линия. Письмо блеклое, но все же удобочитаемое. Буквы мелкие, часто без разделения на слова. Песни (отрывки) отделяются одна от другой только увеличенными инициалами вновь начинающегося отрывка. Текст в целом почти непрерывный, в него вставлены лишь цифры, обозначающие начала новых глав. Сокращений в рукописи немного. Характер письма книжный, готический; чернила зеленоватого цвета.

РК представляет собой как бы остатки некоего огромного сборника поэтических произведений. Это впечатление должно было создаваться тем, что в сохранившейся тетради заключались лишь некоторые главы «третьей книги» всего произведения, а именно конец главы XXV, полные главы XXVI и XXVII и начальная часть главы XXVIII. Всего «сохранилось» 14 песен, получивших в литературе следующие наименования: 1) «Ольджих и Болеслав»; 2) «Бенеш Германов»; 3) «Ярослав»; 4) «Честмир и Власлав»; 5) «Людиша и Любор»; 6) «Забой, Славой и Людек»; 7) «Збигонь»; 8) «Букет»; 9) «Ягоды»; 10) «Олень»; 11) «Роза»; 12) «Кукушка»; 13) «Сирота»; 14) «Жаворонок».

Первые шесть из названных песен представляют собой эпические поэмы. «Збигонь», «Олень» и «Ягоды» относятся к лирико-эпическим, остальные тексты — к лирическим произведениям.

В поэме «Ольджих и Болеслав» описывается изгнание поляков из Чехии и освобождение чехов от польского владычества. В песне о Бенеше Германове воспевается победа над саксами, одержанная чехами под руководством этого славного героя. Сам Бенеш Германов — лицо не историческое, а в поэме нет никаких упоминаний исторических фактов, которые могли бы послужить основанием для датировки произведения, а также описываемого в нем события.

Судя по всему, в поэме «Ярослав» описываются события 1241 года, так как речь идет о победе христиан над татарами. Татарское нашествие на Западную Европу объясняется как реакция на убийство дочери татарского хана. Рассказ о покорении татарами Руси и Польши завершается описанием битвы, якобы имевшей место под Оломоуцем. Идея поэмы заключается не только в прославлении мужества чешско-христианских

воинов, но и в том, что за убийство, совершенное немцами, спасать Европу от татар-ского нашествия пришлось чехам, с чем они полностью справились. Описанное в поэме событие исторически явно недостоверно.

Поэма «Ярослав» представляет собой стержневое произведение всей РК – как по объему, так и по замыслу. Представляется нелишним заметить, что легендарный победитель татарских орд Ярослав из Штернберка мыслился как представитель рода Штернберков, то есть, в частности, как пращур графа Кашпара Штернберка, входившего в число основателей Чешского музея, открытого именно в 1818 году. Вряд ли такое совпадение могло быть случайным.

Песня «Честмир и Власлав» повествует о некой междоусобной войне между князьями Пражским и Лучанским. С победой первого автор связывает возвышение Праги над другими городами Чехии. Событие это упоминается в ряде чешских хроник и относится к первой половине IX столетия. Однако у хронистов сочинитель заимствовал только сюжетную канву.

Поэма «Людиша и Любор» рисует рыцарские игры и пир. Главный рыцарь Любор побеждает своих соперников, а дочь князя – хозяина замка, где происходит действие, увенчивает Любора венком из дубовых листьев. Как показала последующая критика этой поэмы, сочинитель плохо знал обычаи рыцарских турниров и допустил много исторических ошибок и анахронизмов. В поэме «Забой, Славой и Людек» рассказывается о поражении, якобы нанесенном чехами чужеземцам, вторгшимся в страну и насильно вводившим в ней христианство. В основу этой поэмы не были положены какие-либо достоверные исторические факты. Главным ее героем является богатырь Забой, обладавший могучим даром увлекать за собою людей пением. В поэме говорится, как Забой, нарисовав перед соотечественниками картину угнетения отчизны, поднял их на борьбу против незваных гостей.

Как видно из сказанного, эпические поэмы РК прославляли героическое прошлое чешского народа, главным образом, его победоносную борьбу с иноземцами, в том числе с немцами. Такое направление поэм вполне отвечало идеалам чешских романтиков-патриотов второго десятилетия XIX века и имело целью способствовать становлению и развитию чешского национального сознания.

В лирико-эпических стихотворениях «Олень», «Збигонь» и «Ягоды» описаны такие сюжеты, как смерть красивого подобного оленю юноши от руки коварного врага. В другой поэме

юноша, сравниваемый с голубем, скорбит по поводу похищения у него милой злобным Збигонем, который уподобляется ястребу; убив Збигоня, юноша уводит свою милую. Лирические песни РК выражают тоску девушки о милом, боязнь одиночества и другие подобные чувства. И лирические, и лирико-эпические стихотворения РК призваны были показать высокую культуру поэтического творчества чешского народа в прошлом, а также продемонстрировать общеславянские черты старого фольклора. В лирической части РК особенно много сходства с русскими народными песнями, которые и легли в ее основу. Впоследствии этот факт использовался исторической критикой как аргумент против подлинности рукописи, а защитниками ее древности — как доказательство общеславянского характера древнечешского народного творчества.

В период появления РК временем ее создания считался рубеж XIII и XIV веков.

Зеленогорская рукопись (РЗ) представляет собой «находку» значительно меньшего объема, чем РК. В этом «памятнике» всего четыре пергаментных листа, связанных между собою тематически. Меньший отрывок состоит всего из девяти строк, описывающих окончание какого-то сейма; второй отрывок насчитывает 120 стихов, рисующих ссору двух братьев — Хрудоша и Стяглава, а также суд княгини Либуши по разрешению этого конфликта. На суд со всех концов земли Чешской созываются «кметы, лехи и владыки», чтобы разрешить спор между братьями. Большинством голосов сейм постановляет, что отцовское наследство, из-за которого рассорились братья, должно оставаться их совместным владением «по старому чешскому обычаю». В ответ на протест старшего из братьев, Хрудоша, ссылающегося на право первородства, один из присутствующих — Ратибор Крконошский — восклицает: «Не хвально нам в немцах правду искати», то есть передавать права наследования на основе первородства, как это принято у немцев. Следует полагать, что именно в этом восклицании заключен весь патриотический смысл поэмы. Она как бы подсказывала людям XIX века путь, по которому должны идти чехи.

Наряду с этим вся поэма отражает демократические идеалы чешских патриотов. Уже сам факт созыва сейма из представителей всех земель Чехии, атмосфера «праведного суда», решение вопросов тайным голосованием выражали желание сочинителя нарисовать перед чехами картину демократии, к которой следует стремиться в XIX веке. Кроме того, наличие на суде так называемых «досок правдодатных» должно было

свидетельствовать о существовании у чехов писаных законов уже в VIII–IX веках, к которым якобы относится описываемое в РЗ действие. В то время сама рукопись выдавалась за возникшую в X веке. Позднейшие исследования показали, что в поэме всё является вымыслом от начала до конца. Историческая критика решительно отвергла как всю картину сейма и суда Либуши, так и каждую деталь их описания.

Национально-идеологическую ценность для чешского возрождения имела не столько внешняя сторона РКЗ (пергамент, письмо, украшение инициалов), сколько содержащиеся в них сюжеты. Кроме того, рассуждения о возможном содержании обширных кодексов, фрагментами которых якобы были РКЗ, еще сильнее подогревали энтузиазм, сопровождавший «счастливые открытия». Главное же состояло в том, что поэтические песни X–XIV веков оказались созвучными взглядам и чаяниям чешской патриотической общественности, подававшими идеальный пример поведения и деятельности в национально-освободительной борьбе. РКЗ стали важнейшим аргументом для подтверждения тех мнений, которые провозглашала романтическая историография, особенно под влиянием высказываний немецкого философа И.-Г. Гердера, о характере славян, их древней высокой культуре и образованности[1]. РКЗ убеждали в преимуществах славянского характера и славянской культуры над германскими: славяне, судя по РКЗ, обладали гармоничностью, благородством, честностью, тонкостью духа, демократичностью и т. д., между тем как «кровавые повести», типичные для литературы германцев, свидетельствовали о грубости и жестокости народа, о его склонности к изменам и лести. Всеславянский дух РКЗ был созвучен идеалам не только чехов, но и всех других славян, так что «памятники» явились и средством пропаганды славянской взаимности, находя при-

[1] Гердер И.-Г. (Herder, 1744–1803) – сын художника-ремесленника; изучал теологию, медицину и философию в Кенигсбергском университете, где слушал лекции И. Канта. В 1764 г. оставил университет и направился в Ригу на должность помощника ректора церковной школы. Здесь заинтересовался историей России, что и повлияло в дальнейшем на выработку его взглядов на славянство. В 1766 г. И.-В. Гёте пригласил Гердера в Веймар. Гердер был философом, теологом, теоретиком культуры и литературным критиком. Его главным философским трудом стали «Идеи философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784–1791), где специальная глава посвящена славянам. Философские взгляды Гердера изложены в кн.: *Гулыга А. В.* Гердер. М., 1963. О нем см. также: *Lehmann U.* Johann Gottfried Herder (1774–1803) // Wegbereiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1983. S. 101–109.

знание в среде той славянской интеллигенции, которая ориентировалась на «всеславянство».

Первые сообщения об «открытии» РК появились в печати в 1818 году, тогда же вышли и отдельные части рукописи[1]. Самое важное из сообщений 1818 года принадлежит Й. Добровскому. В это время появилось его сочинение «История чешского языка и древней литературы»[2], в котором время возникновения РК отнесено к периоду 1290–1310 годов. Добровский считал, что «из одной только третьей книги» до нас дошло 50 стихотворений.

Первое полное издание РК вышло тоже в 1818 году в Праге[3]. Текст был представлен в «оригинале», в новочешской версии и в немецком переводе. Все издание и специально написанное к нему предисловие было делом рук Ганки. Что же касается РЗ, то Добровский объявил ее подделкой, ввиду чего первое издание вышло в свет вне Чехии, а именно в Польше, в 1820 году[4]. Первое же чешское издание появилось все-таки еще при жизни Добровского, в 1822 году, в журнале «Крок». В дальнейшем РКЗ издавались десятки раз[5].

Весть о «великом открытии» распространилась быстро, особенно в славянских странах, где стали издаваться переводы РКЗ. К 60-м годам XIX века РКЗ были переведены на все славянские языки, а также на немецкий, английский, французский, итальянский, венгерский, шведский. Составлялись и многоязычные издания РКЗ, так называемые «полиглотта». «Малая полиглотта» вышла на 8 языках в 1843 году, а «Большая полиглотта» – на тринадцати в 1852 году. Важное значение имело немецкое издание РКЗ в 1845 году с предисловием круп-

---

[1] *Linda J.* Starověký rukopis český: [Zpráva o nálezu RK; s úryvkem básně Čestmír] // Pražské noviny. 1818. Č. 29. S. 115.

[2] *Dobrovský J.* Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur. Ganz umgearbeitete Ausgabe. Prag, 1818. S. 385–390.

[3] Rukopis Královdvorský. Sebrání lyriko-epických Národních Zpěvu, věrně v puvodním starem jazyku, též v obnoveném pro snadnější vyrozumění, s připojením nemeckého přeložení. Starobylých skladání díl zvláštní. Vydan od Václava Hanky. V Praze u Bohumila Háze a Joz. Krause, nákladem vydavatelovým, 1819. [4] + + 119 + 7 str. Несмотря на то, что на титульном листе издания и в литературе годом публикации называется 1819-й, фактически книга вышла в свет в 1818 г., что доказано исследованием чешского библиографа М. Лайске. См. об этом в кн.: Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský. Dnešní stav poznaní. Praha, 1969. S. 323–327 (Sbornik Národního Musea. Řada C. Sv. XIII/XIV).

[4] В кн.: Prawda Ruska... przes J. B. Rakowieckiego. W Warszawie, 1820. T. I. S. 235–241.

[5] Чешский библиограф М. Лайске приводит около 60 изданий. См.: Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský. Dnešní stav poznaní... S. 327–335.

нейшего филолога П. Й. Шафарика[1]. Этот знаменитый чешский и словацкий ученый решительно высказался в пользу подлинности рукописей.

Огромное количество публикаций РКЗ в оригинале и переводах свидетельствует о большом интересе к этим сочинениям. Однако практически уже с 1819 года началась полемика по поводу подлинности РКЗ, продолжавшаяся около 120 лет. Как уже говорилось, Добровский, признавший «Песнь под Вышеградом» и РК за подлинные, решительно отверг РЗ. Честь начать исследование РЗ принадлежит ученику Добровского А. Я. Пухмайеру[2], но, не будучи в состоянии полностью разобраться в тексте, он послал его факсимиле Добровскому. «Патриарх славянский» разобрал рукопись лучше, но сразу же объявил ее подделкой. В письме к В. Заградник[3] от 9 февраля 1819 года Добровский сообщал буквально следующее: «Рукопись, которую ревностные ее защитники сами сложили и которую доставил неизвестный <...> для Чешского музея, без сомнения, подложна и недавно написана на старом пергаменте»[4].

[1] Шафарик Павел Йозеф (Šafařik, 1795–1861) – знаменитый чешский и словацкий славист, родоначальник научного исследования древних славян. Его сочинения «Славянские древности» (1838) и «Славянская этнография» (1842) стали основополагающими для изучения древней истории славян. Оба произведения переведены на русский язык в 30–40-х гг. XIX в. Шафарик оказывал большую помощь первым русским славистам, командированным за границу для расширения знаний в области славяноведения, и находился в тесном контакте со многими русскими учеными. Его научное и литературное наследие полностью издано (за исключением мелочей). Переписку Шафарика с русскими учеными и культурными деятелями опубликовал профессор Варшавского (а позднее – Пражского) университета В. А. Францев в кн.: Korespondence Pavla Josefa Šafařika / Vydal V. A. Francev. I. Vzájemné dopisy s ruskými učenci (1825–1861). V Praze, 1927–1928. Č. I–II. Литература о П. Й. Шафарике огромна, укажем лишь на некоторые издания: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII – первой половины XIX стол. Варшава, 1902; *Мыльников А. С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.; Л., 1963; *Лаптева Л. П.* Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1996. № 1. С. 10–21; Pavel Josef Šafařík a slavistika: Zborník prispevkov z vedeckej konferencie a dokumenty z osláv 200. výročia narodenia P. J. Šafařika. Prešov; Martin, 1996.

[2] Пухмайер Антонин Ярослав (Puchmajer, 1769–1820) – чешский поэт, автор сказок, филолог. Написал учебник русского языка. Патриотический священник. Издавал альманахи, на основе которых сформировалась чешская поэтическая школа.

[3] Заградник Винценц (Zahradník, 1790–1836) – католический философ, занимавшийся этикой, эстетикой, логикой и психологией. В литературе известен и как автор сказок.

[4] Цит. по: *Стороженко А.* Очерки из истории чешской литературы: Киев, 1880. Вып. I: Рукописи Зеленогорская и Краледворская. С. 39.

Что касается знаменитого венского филолога В. (Е.) Копитара[1], то он в первый момент не заподозрил подлога. В 1819 году он назвал открытие РКЗ событием счастливым, а для Чехии «неоценимым»[2]. Крупный чешский ученый Й. Юнгманн[3] переслал список текста РЗ в Польшу известному филологу и истори-

[1] Копитар Варфоломей (иногда Бартоломей; по-словенски звучит как «Ерней») (Kopitar, 1780–1844) – словенец, родился в Верхней Крайне в семье крестьянина и в детстве был подпаском, но уже девяти лет стал учиться в гимназии Любляны; по окончании гимназии стал домашним учителем в семье люблянского мецената барона Цойса, затем работал у него секретарем. Цойс покровительствовал развитию словенского языка и литературы и имел большое влияние на Копитара, который тоже стал интересоваться словенским языком, приобрел с одобрения Цойса обширные познания по различным научным дисциплинам. Вскоре Копитар составил грамматику словенского языка. В 1808 г. переселился в Вену, где познакомился и вступил в контакт со славистами, в частности с Й. Добровским, с которым дружил до конца жизни последнего. В Вене Копитар слушал лекции в университете и занимался в Придворной библиотеке. В 1810 г. он стал цензором славянских книг, а затем скриптором и кустодом Придворной библиотеки. В должности кустода пробыл всю свою остальную жизнь. Писал много статей и рецензий по славистике в различные журналы и альманахи. Первым его крупным печатным трудом стала «Грамматика словенского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», вышедшая в свет в 1809 г. Она имела не только научное, но и общественное значение, надолго сделалась источником знаний по словенской словесности и была переведена на другие языки. См. о нем: *Петровский Н.* Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906.

[2] Цит. по: *Стороженко А.* Указ. соч. С. 30.

[3] Юнгманн Йозеф (Jungmann, 1773–1847) – сын чешского ремесленника (портного). Окончил Пражскую гимназию и философский факультет Пражского университета. С 1799 г. профессор гимназии в Литомержице. В 1815 г. переехал в Прагу, где занимал должность профессора академической гимназии, а затем и Пражского университета. Принадлежал к числу крупнейших деятелей чешского национального возрождения, создал свою концепцию нации и патриотизма. Перевел на чешский язык много произведений мировой литературы, написал ряд сочинений, доказывающих родственность славянских языков. Разделял русофильское направление теории и практики славянской взаимности. В 1825 г. опубликовал сочинение «История чешской литературы, или Систематический обзор чешских сочинений с краткой историей народа, просвещения и языка». Это было первое цельное изложение такого рода. Юнгманн участвовал в организации многих культурных начинаний, способствовавших формированию национального самосознания народа. Он являлся сторонником подлинности РКЗ, защищал их в своих работах. Наследие Юнгманна издано почти полностью. Литература о нем очень велика; укажем лишь на следующие работы: Slovanské spisovné jazyky v době obrození: Sborník, věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna. Praha, 1964; *Kočí J.* České národní obrození. Praha, 1978; *Мыльников А. С.* Йозеф Юнгманн и его время. М., 1973; *Он же.* Культура чешского возрождения. Л., 1982.

ку И. Б. Раковецкому[1], который и опубликовал РЗ с собственным объяснением текста в своем труде «Правда Руска...» (1820). Раковецкий пришел именно к тем выводам, которые хотелось бы получить фальсификаторам. «Мы видим в этих остатках, — писал он, — красоту мысли, живость образов, легкость слога и силу выражения; все это убеждает нас: а) в высокой степени просвещения древних славян; б) в совершенстве их языка; в) в существовании у них с незапамятных времен искусства письма. Все славяне имели один общий кодекс религиозно-гражданских прав». В полном противоречии с действительностью Раковецкий утверждал даже, что события, описанные в «Суде Либуши», «засвидетельствованы историей»[2].

С решительным опровержением подлинности РЗ выступил в 1824 году Добровский в статье «Литературный обман»[3]. Здесь он показывал, что картина, нарисованная в «Суде Либуши», «грешит многими ошибками. Либуша не обладала княжеской властью, не существовало самой практики созыва сеймов для решения споров, древнечешское общественное устройство не знает термина "лех", а термины "кмет" и "владыка" употреблены неправильно». Добровский высмеивает даже мнимо-древний язык РЗ и раскрывает истинное назначение знаменитого высказывания «не хвально нам у немцев правду искати». По этому поводу Добровский саркастически восклицает: «Не влагает ли наш истинный патриот, который состоит на службе у немецкого Михеля, в уста старому Ратибору своего собственного искреннего мнения?!» В ответ на возражения защитников РЗ Добровский выступил еще с рядом статей, в которых развивал свое мнение[4]. Таким образом, Добровский, не высказываясь против подлинности РК, решительно отверг РЗ. Однако он со своим мнением, несколько задержавшим публика-

[1] Раковецкий Игнатий Бенедикт (Rakowiecki, 1783–1839) – польский славист. Родился в Бердичеве. Изучал древнее славянство, главным образом, его юридическое наследие. Издал работу: Prawda Ruska czyli Prawa Welikiego Xięcia Jaroslawa Wladimirowicza... (2 тома, 1820–1822), имевшую большое влияние на разработку славянских древностей в целом. Являлся сторонником теории славянской взаимности и представителем романтической историографии. Подробно о его деятельности см.: *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX стол. Прага, 1906. С. 217–243 и др.

[2] Цит. по: *Стороженко А.* Указ. соч. С. 41–49.

[3] *Dobrovský J.* Literarischer Betrug // Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. Jg. XV. Wien, 1824. № 46. S. 260.

[4] *Dobrovský J.* Vorläufige Antwort auf des Herrn W. S. Ausfälle // Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. Jg. XV. Wien, 1824. № 79. S. 435–436; *Idem.* Prawda ruska etc: Das russische Recht des Großfürsten Jaroslaw... / Von J. B. Rakowiecki // Jahrbücher der Literatur. Bd. 27. Wien, 1824. S. 88–119.

цию РЗ, остался, в сущности, в одиночестве. Правда, убежденный его доводами Копитар вскоре пришел к выводу, что подложна не только РЗ, но и РК, однако подробно своего мнения не обосновал, а лишь потребовал, чтобы возможно скорее были допрошены свидетели «открытия», пока они еще живы. Но чешские патриоты-романтики и слышать не желали ни о каких сомнениях в подлинности РКЗ. «Открытия» были приняты в образованном чешском обществе с огромным воодушевлением и стали источником вдохновения поэтов, художников, композиторов, создавших на их основе произведения большой художественной ценности. Чешская общественность выступила против Добровского. Основоположника научного исследования чешского языка и литературы обвинили в антипатриотизме. Полемика против него, как отмечает чешский историк Й. Кочи[1], отравила великому старцу последние годы жизни[2].

После смерти Добровского в 1829 году для РКЗ наступило время триумфа. Они переживали вершину своей славы. Содержащиеся в них сведения были использованы в качестве исторического источника во многих научных трудах. Помимо уже упомянутого И. Б. Раковецкого, на РКЗ ссылались также П. Й. Шафарик, Ф. Палацкий, Я. Э. Воцель[3] и другие. И вполне объяснимо, почему эти ученые неоднократно выступали в защиту РКЗ. Так, Ф. Палацкий подробно разобрал РКЗ в связи с их изданием в 1829 году, выразил уверенность в их подлинности, исследовал вопросы датировки отдельных частей, восхищался художественными образами и языком, а автором РК называл рыцаря XIII века Завишу из Рожемберка. В дальнейшем Палацкий неоднократно высказывался в пользу подлинности РКЗ. Решительную защиту рукописей Ф. Палацкий и П. Й. Шафарик предприняли в 1840 году, в изданной ими книге «Древние источники чешского языка»[4]. Признавая эти тек-

[1] Кочи Йозеф (Koči, 1922–1986) – чешский историк, автор многих трудов, в том числе фундаментального: «České národni obrození» (1978). К рассматриваемой тематике относится его очерк: Spory o rukopisy v české společnosti // Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský. Dnešni stav poznani. Praha, 1969. S. 25–48.

[2] *Koči J.* Spory o rukopisy... S. 530.

[3] Воцель Ян Эразм (Vocel, 1803–1871) – чешский археолог, историк, поэт и активный деятель чешского национального возрождения. Был профессором археологии и истории искусства в Пражском университете. Основное сочинение: *Vocel J. E.* Pravek země české Praha, 1866–1868. Имеется и русский перевод: *Воцель Я. Э.* Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. Киев, 1875.

[4] Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache: Libuša's Gericht, Evangelium Johannis, Der Leitmeritzer Stiftungsbrief, Glossen der Mater Verborum. Kritisch beleuchtet von P. J. Šafařik und Franz Palacký. Praha, 1840.

сты «древнейшими», авторы предлагали констатировать существование в Средние века особой чешской школы письма, признаки которого встречаются «только в чисто национальных памятниках». «Суд Либуши» датировался авторами концом IX или первой половиной X века, а его древность доказывалась на основе РК и других фальсификатов. В специальном параграфе авторы высказывали свои возражения Добровскому, отрицая его авторитет как палеографа, настаивая на древности чернил, которыми написаны манускрипты, отвергая сомнения в исторической достоверности сюжетов и в «чересчур высокой» для XIII века чешской культуре, изображенной в РК.

Научный авторитет Ф. Палацкого и П. Й. Шафарика был настолько высок, а желание иметь великолепные памятники древности — настолько сильно, что вплоть до второй половины 50-х годов, как остроумно выразился один позднейший исследователь, «в Чехии не было, по-видимому, никого кроме Ганки, кто сомневался бы в подлинности РКЗ»[1]. Каждому чеху, который высказал бы сомнение в древности рукописей, угрожала полная изоляция от патриотической общественности. Чешская интеллектуальная элита считала, что неверие в подлинность РКЗ возможно лишь в стане врагов чешского народа (прежде всего немцев), а отрицание «очевидных истин» может диктоваться только античешскими побуждениями и завистью.

Полемика, однако, показала, что рукописи мог изготовить и Ганка. Пройдя научную подготовку у Добровского и Копитара, он хорошо знал соответствующие реалии. В Вене Копитар открыл Ганке доступ к произведениям старочешской письменности, а сотрудничество с сербским просветителем Вуком Караджичем побудило Ганку перевести на чешский язык некоторые из собранных Караджичем южнославянских песен.

В составлении РКЗ участвовал также Йозеф Линда, ближайший друг Ганки. Он тоже был хорошо подготовлен в литературно-филологическом отношении, владел древними языками, знал кроме немецкого также английский и русский, которому обучался вместе с Ганкой у Добровского. К тому же Линда обладал несомненным литературным дарованием, о чем свидетельствует, в частности, сочиненная им и пользовавшаяся популярностью поэма «Свет над язычеством». Исследования

[1] Rukopisové Zelenohorský a Královedvorský, památka XIX věku. Vyd. J. Hanuš. Praha [1911]. S. 40–41.

последних лет показали, что Ганке и Линде, вероятно, помогал также художник и реставратор Ф. Горчичка, первый иллюстратор многих изданий РКЗ и всех прочих «открытий»[1].

В 1856 году Ю. Фейфалик[2], занимавшийся проблемами средневековой литературы, выступил со статьей о подложности «Песни короля Вацлава». Выразив сомнение и по поводу подлинности РК, он призвал к ее подробному исследованию и критике. Впоследствии он обобщил и развил свои взгляды в специальной книге.

Между тем именно в ту эпоху, когда национальный вопрос стоял весьма остро, РКЗ были важным идеологическим оружием. Цензурные ограничения не давали возможности выражать прямой протест против национального угнетения чехов, в то время как «древность» рукописей позволяла высказывать многое в форме прозрачных намеков. Понимали это и австрийские власти. Пражская полиция, как ныне доказано архивными документами, спровоцировала выступление против РКЗ. В октябре 1858 года в газете «Тагесботе аус Бёмен» появилась статья анонимного автора (как позднее установлено, А. Зейдлера), в которой РКЗ объявлялись подделками, а фальсификатором был назван Ганка[3]. На статью последовала бурная реакция чешской общественности. Поскольку статья появилась в немецкой газете, протесты приняли ярко выраженный националистический характер. Задачу научного опровержения изложенных в статье аргументов взял на себя Палацкий. Он выступил в журнале «Богемиа»[4] с ответом, где выразил глубокое убеждение в подлинности РКЗ, с возмущением отверг предпо-

---

[1] См. об этом: *Ivanov M.* Tajemství RKZ. Praha, 1969; *Idem.* Záhada rukopisu Královedvorského. Praha, 1970.

[2] Фейфалик Юлиус (Feifalik, 1833–1862) – моравский немец, сотрудник Венской университетской библиотеки. Отлично знал средневековую латинскую и немецкую литературу. Изучал сравнительным филологическим методом древнейшие памятники и издавал их, главным образом, в «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften» в Вене. Большое научное значение имели его лексикологические исследования по взаимосвязям устной повествовательной традиции и художественной литературы. В работе «Über die Königinhofer Handschrift» (Wien, 1860) собрал остроумные доказательства поддельности РК. См. о нем: *Kudělka M., Šimeček Z., Večerka R.* Česká slavistika v prvním období svého vyvoje do počátku 60. let 19. století. Praha, 1995. S. 315–316. См. также: *Грузинский А. Е.* К истории этнографических изучений: Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта к А. Н. Афанасьеву // Этнографическое обозрение. М., 1897. 9. Вып. 2. С. 139–151.

[3] *Zeidler A.* Handschriftliche Lügen und palaeographische Wahrheiten // Tagesbote aus Böhmen. 7. 1858. № 276, 285, 289, 292, 299.

[4] *Palacký F.* Handschriftliche Lügen und palaeographische Wahrheiten // Bohemia. 31. 1858. № 288, 289, 292.

ложение о возможности их составления в XIX веке, полагая, что среди современников нет такого человека, который обладал бы необходимыми для подделки знаниями об истории, древнечешском языке, искусством палеографа и необыкновенным поэтическим дарованием. «Ганка, конечно, не мог быть творцом поэм РКЗ», – заключал свое рассуждение Палацкий[1]. В защиту рукописей выступили также и другие ученые. Развернулась полемика. Под давлением руководителей чешского национального движения Ганка подал в суд на издателя «Тагесботе» за оскорбление. Процесс он выиграл. Издателю предстояло отбывать тюремное заключение, но приговор суда так и не был приведен в исполнение; возможно, осужденный пригрозил полиции разоблачением ее инициативы по написанию статьи. Весь этот эпизод утвердил руководителей чешского национального движения и других представителей общественности во мнении, что атака на рукописи велась не по научным, а по политическим соображениям. Авторитет РКЗ в чешском обществе поднялся еще выше.

Но в этот момент с научными аргументами против подлинности РКЗ снова выступил Ю. Фейфалик, которого поддержал и профессор всеобщей истории Венского университета М. Бюдингер. В 1859 году в статье «Краледворская рукопись и ее сестры»[2] Бюдингер прежде всего отказал в доверии самому Ганке, уже скомпрометировавшему себя рядом разоблаченных подделок. Далее Бюдингер касался содержания и формы РКЗ. Весьма подозрительными ему представлялись как манера письма, так и описание исторических событий. В то же время критик доказывает, что к 1817 году необходимыми для составления рукописи сведениями мог обладать всякий ученый, внимательно изучивший соответствующие источники и литературу. Небезынтересно замечание Бюдингера о противоречиях между языческой окраской ряда поэм РК и тем фактом, что ее автор был якобы христианином. Бюдингер указал далее, что сюжеты об изгнании поляков из Праги и борьбе против татар заимствованы из хроники Гаека[3]. Заключение Бюдингера сво-

[1] Цит. по: *Стороженко А.* Указ. соч. С. 157–158.

[2] *Büdinger M.* Die Königinhofer Handschrift und ihre Schwestern // Historische Zeitschrift (Munchen). Bd. I. 1859. № 1. S. 127–152, 575.

[3] Гаек Вацлав из Либочан родился в конце XV в., умер в 1553 г. Чешский католический священник, автор «Чешской хроники», очень популярной до середины XVIII в. В отличие от многочисленных сочинений того же жанра, написанных протестантами различных направлений, «Хроника» Гаека выделяется своей прошляхетской и прокатолической идеологией. При создании

дилось к тому, что с точек зрения поэтической, грамматической, лексической и палеографической РКЗ не выдерживают критики и должны быть признаны подложными.

Что касается Ю. Фейфалика, то в работе «О Краледворской рукописи» (1860) он доказывал, что песни РК не могут быть произведениями народной поэзии; он утверждал также, что немыслимо в одном произведении объединение строгого христианства и грубого подобия язычества; что форма ряда поэм заимствована из произведений более позднего времени, чем то, к которому относят РК. «Поэма РК, – писал Фейфалик, – по форме и по содержанию немыслима ни в каком периоде чешской литературы». Фейфалик не верит в то, что поэт XIII века мог быть глубоким знатоком Библии, заставляя своих героев петь молитвы и гимны, представлявшие собой компиляцию из псалмов. Невероятной казалась Фейфалику и та высокая культура, которой отличались герои песен. Обратив главное внимание на разоблачение РК, Фейфалик вынес затем обвинительный приговор и в адрес РЗ.

Одним из наиболее ревностных защитников РКЗ в описываемое время стал профессор славянской филологии Пражского университета Мартин Гаттала[1]. В своих статьях 1858–1860 годов[2] он утверждал, что язык РКЗ вполне обладает всеми древними признаками – как фонетическими, так и морфологическими,

---

своего произведения Гаек использовал многие архивные материалы, но интерпретировал их субъективно, а в тех случаях, когда источников не было, придумывал исторические события сам. В новое время «Хроника» Гаека стала символом фальсификаций. Заслуга разоблачения вымыслов «Хроники» принадлежит чешскому ученому Гелазию Добнеру (1719–1790). Но, несмотря на развенчание «Хроники» как исторического источника, она продолжала издаваться и оставалась популярным чтением, так как была написана на чешском языке и льстила чешскому читателю содержанием, излагавшим героическое прошлое народа. См. об этом: *Kudělka M.* Spor Gelasia Dobnera o Hájkovy Kroniky. Praha, 1964; *Лаптева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985. С. 75–79; Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. М., 1999. С. 81–83.

[1] Гаттала Мартин (Hattala, 1821–1903) – словацкий языковед и педагог, священник. Занимался славянским языкознанием. В 1854 г. был приглашен в Пражский университет, где прослужил профессором до 1891 г. Гаттала был кодификатором литературного словацкого языка и автором книги о его грамматике. Способствовал своими трудами развитию словацкого литературного языка, а в разного рода полемиках защищал консервативные позиции в языкознании. О нем см.: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských narodu od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972. S. 144–146.

[2] См., напр.: *Hattala M.* O enklitickém *ž* a *ť* co dukaze přesnosti Rukopisu zelenohorského a královdvorského // Časopis Musea Královstvi Českého. 34. 1860. Sv. 3. S. 313–320.

лексическими и синтаксическими. Свои доказательства Гаттала основывал на глоссах в «Матер Верборум», то есть опять же на подлогах.

В 1862 году в защиту РКЗ выступили братья Йозеф[1] и Герменегильд[2] Иречки — два известных чешских ученых. Ряд статей, опубликованных ими в различных журналах, послужил основой для издания книги «Подлинность Рукописи Краледворской»[3]. Рассмотрев РК с точки зрения языка, поэтики, мифологии и истории, оба ученых не смогли, однако, — даже по признанию их единомышленников — решить вопрос о древности манускриптов, об их авторе и т. д. Вообще же на рубеже 50-х и 60-х годов у РКЗ появилось много защитников из чешского патриотического лагеря. В их числе были такие ученые, как В. В. Томек[4],

[1] Иречек Йозеф (Jireček, 1825—1888) изучал в Пражском университете философию и право. Затем работал в Вене — в Министерстве культуры и образования, а в 1871 г. на короткое время стал министром. С 1874 г. жил в Праге; с 1875 г. — председатель Чешского королевского общества наук. Занимался преимущественно языком, литературой, фольклором, мифологией и историей культуры. Издавал сочинения П. Й. Шафарика и памятники древнечешской письменности. Ему принадлежат сочинения: «Очерк древнечешской грамматики» (1870), «Пособие по истории чешской литературы до конца XVIII в.» (1874), «История чешской литературы» (I—II, 1875—1876), «История чешской церковной поэзии до конца XVIII столетия» (1878). См. о нем: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře clovanských narodů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovnik. Praha, 1972. S. 204—205.

[2] Иречек Герменегильд (Jireček, 1828—1909) получил юридическое образование в Пражском университете, с 1854 по 1894 г. работал чиновником Министерства внутренних дел в Вене. Уйдя в отставку, занимался научной деятельностью. Был членом Королевского Чешского общества наук и Чешской академии наук и искусств, а также членом Академий наук в Петербурге, Вене и Загребе; занимался историей средневекового чешского права. Издал обширный корпус правовых источников Чехии — 13 томов «Codex iuris Bohemici» (в Праге, с 1867 по 1898 г.), а также старые юридические тексты русского, литовского, сербского, хорватского, польского и чешского права под названием «Свод славянских законов». Автор многих аналитических монографий и энциклопедических статей. В литературе его называли «последним великим представителем Возрождения». О нем имеется богатая литература, сведения о ней см. в кн.: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře... S. 203—204.

[3] *Jireček H., Jireček J.* Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Prag, 1862 (212 str.).

[4] Томек Вацлав Владивой (Tomek, 1818—1905) — чешский историк, политик и педагог. Сын сапожника. Учился в Пражском университете на философском и юридическом факультетах, затем был учителем в семье Ф. Палацкого и участвовал в научных изданиях последнего. В 1841 г. поступил на службу в магистрат Праги и занялся исследованием истории чешской столицы. Результатом этого дела всей жизни ученого явилась 12-томная «История города Праги» (1855—1901). Фактический материал этого труда и точность опи-

Я. Э. Воцель[1], В. Брандл[2], В. Небески[3]. К этому моменту критики и защитники разделились по национальному признаку. Чешские ученые подчеркивали «античешскую» тенденциозность Бюдингера и Фейфалика. А чешская интеллигенция признавала аргументацию защитников РКЗ убедительной. Впрочем, разделение по национальному признаку не было абсолютным: защитниками РКЗ являлись и некоторые немецкие ученые.

В 70-е годы вновь поднимается волна критики РКЗ. С ней выступали уже и славянские ученые. В. Ягич, издававший в Берлине научный журнал «Архив фюр славише Филологи»[4],

---

сания событий не утратили значения до настоящего времени. С 1850 г. В. В. Томек был профессором истории Австрии на философском факультете Пражского университета. Активно занимался он и политической деятельностью: избирался в австрийский парламент, где отстаивал консервативные взгляды. Томек — один из крупнейших чешских историков XIX в. Кроме названных выше, ему принадлежит еще ряд научных трудов, в числе которых «История Австрийской монархии» (учебник, выдержавший множество изданий и переведенный на ряд языков; впервые издан в 1852 г.), «Новейшая история Австрии (с 1526 по 1860 г.)» (1888). Работа Томека «Ян Жижка» была в 1899 г. издана и в русском переводе. О нем см.: *Kutnar F.* Stručný přehled českého a slovenského dějepisectví. II. Praha, 1977; Kdo byl kdo v našich dějinách do roku 1918. Praha, 1999.

[1] См. выше: сноску 3 на с. 27.

[2] Брандл Винценц (Brandl, 1834—1901) учился на юридическом и философском факультетах Венского университета, с 1853 г. работал профессором немецкого языка, истории и географии в средних учебных заведениях г. Брно. С 1861 по 1899 г. — земский архивариус (там же). Издавал чешские и моравские юридические памятники, писал исследования о чешском и моравском праве. Ему принадлежат также работы «Жизнь Йозефа Добровского» (1883), «Жизнь Павла Йозефа Шафарика» (1887). Брандл защищал подлинность РКЗ, в 1879 г. издал соч. «Защита Суда Либуши». О нем см.: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře... S. 62—63.

[3] Небески(й) В. Б. (Nebeský, 1818—1882) — чешский поэт патриотического направления, литературный критик, теоретик и историк литературы, переводчик и журналист. Исследовал древнечешскую литературу. В период перед революцией 1848 г. принадлежал к демократическому крылу чешского национального движения, но через некоторое время примкнул к консервативным либералам. Работая секретарем Чешского музея, редактировал его «Часопис». Поскольку национальные либералы во главе с Ф. Палацким выступали за подлинность РКЗ, а Небески(й) зависел от них, он тоже выступил в защиту рукописей и опубликовал на эту тему ряд статей в «Часописе Ческего музея». В их числе: «Краледворская рукопись» (1854), «Краледворская рукопись и господин М. Бюдингер» (1859) и др. Однако к концу жизни этого ученого все же травили за то, что он анонимно выступал против подлинности РКЗ, объявляя их подделкой. О нем см.: *Kudělka M., Šimeček Z., Večerka R.* Česká slavistika v prvním období svého vývoje... S. 312—313.

[4] Ягич Игнатий Викентьевич (Ватрослав) (Jagič, 1838—1923) — хорват, выдающийся филолог-славист, палеограф, издатель. Окончил философский факультет Венского университета, был членом многих академий, в том чис-

публикует рецензии на издания РКЗ, высказывает мысль о ненародном характере поэзии РКЗ, а также о подозрительно высокой образованности авторов (или автора) песен.

В 1877 году были окончательно разоблачены в их поддельности подозревавшиеся и ранее чешские глоссы в «Матер Верборум»[1], что оказало самое непосредственное воздействие на соотношение сил между критиками и защитниками РКЗ. Одним из первых чехов, выступивших против подлинности РКЗ, был профессор средней школы в Силезии Антонин Вашек, отличный филолог и известный чешский национальный деятель. Он доказывал поддельность РКЗ филологическими аргументами[2]. Независимо от него выступил против подлинности РКЗ старейшина ученых периода чешского нацио-нального возрождения А. В. Шембера[3], с 1850 года – профессор чешского языка и литературы в Венском университете. В четвертом издании своей «Истории чешского языка и литературы» и в ряде специальных работ о «Суде Любу-

---

ле и Российской академии наук. С 1874 по 1880 г. занимал кафедру славянской филологии в Берлинском университете. В 1875 г. начал издавать в Берлине первый международный журнал по славистике «Архив фюр славише Филологи». С 1880 по 1886 г., как профессор, преподавал церковнославянский и русский языки в Петербургском университете и других высших учебных заведениях столицы России. С 1886 г. занимал кафедру славяноведения в Венском университете. В 1910 г. издал на русском языке «Историю славянской филологии». Был чрезвычайно разносторонним ученым славистом. Ряд трудов посвятил русскому языку. Достиг крупных успехов в различных отраслях филологии. В «Архив фюр славише Филологи» публиковал рецензии и отклики на полемику вокруг РКЗ. Литература о Ягиче очень обширна, ее список приведен, в частности, в кн.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1. С. 305–309.

[1] См., напр.: *Baum A., Patera A.* České glosy a miniatury v Mater Verborum [Odhaleni padělku V. Hanky] // Časopis Musea Královstvi Českého. 51. 1877. Sv. 1. S. 120–149; Sv. 2. S. 372–390; Sv. 3. S. 488–513.

[2] *Vašek A.* Filologický dukaz, že Rukopis Královdvorský a Zelenohprský, též zlomek Evangelia sv. Jana, jsou podvřená dila Vaclava Hanky. V Brně, 1879 (80 str).

[3] Шембера Алоиз Войтех (Šembera, 1807–1882) – чешский историк и филолог. Окончил Пражский университет. С молодости участвовал в чешском национальном движении, дружил с В. Ганкой, Ф. Палацким, Й. Юнгманном. После революции 1848 г. стал профессором Венского университета. Как историк известен сочинениями о славянах, особенно о Моравии. Автор большого числа трудов по истории литературы, права, демографии, лингвистике. Наиболее значительные его сочинения: «История древних моравских земских досок» (1846), «Западные славяне в древности» (1868), «История языка и литературы чехо-славянской» (I–II, 1858–1869). О нем см.: *Kudělka M., Šimeček Z., Večerka R.* Op. cit. S. 193–194, 216–217 и др. по указателю.

ши»[1] (в русской литературе встречаются написания как «Любуша», так и «Либуша») Шембера доказывал новейшее происхождение РКЗ, называя фальсификатором В. Ганку[2].

Исследования А. Вашека и А. В. Шемберы вызвали взрыв чешского национализма. В борьбу вступили все крупнейшие представители чешской гуманитарной науки: В. Томек, В. Брандл, братья Иречки, М. Гаттала, Й. Эмлер[3], а также профессор чешской филологии в Пражском университете Я. Гебауэр[4]. Полемика не осталась в границах сугубо научной печати, ее подхватили журналисты. Еще в 1877 году чешские журналы и газеты, отмечая 70-летие А. В. Шемберы, превозносили его заслуги перед наукой и национальным движением, а через год те же издания всячески поносили и оскорбляли ученого. Все они захлопнули свои двери перед этим корифеем и не давали ему возможности отвечать на нападки. Особенно травил его Йозеф Иречек, давний личный враг, использовавший полемику для унижения и научной дискредитации смелого исследователя. В националистическом угаре защитники под-

[1] См.: *Šembera A. V.* Libušin soud, domněla nejstarši památka řeči české, jest podvržen, též zlomek Evangelium sv. Jana. Viden, 1879 (142 str.).

[2] *Šembera A.* Kdo sepsal Královdorský Rukopis roku 1817? Ve Vidni, 1880 (62 str.).

[3] Эмлер Йозеф (Emler, 1836–1899) – чешский историк, первый профессор вспомогательных исторических дисциплин в Пражском университете. Учился в Венском университете, затем вернулся в Прагу и много лет являлся редактором ряда научных журналов. С 1872 г. стал экстраординарным, а после разделения университета Праги в 1882 на немецкий и чешский – ординарным профессором Чешского университета. Был также сотрудником архивов; продолжал дело Ф. Палацкого по изданию чешских исторических источников, осуществил целый ряд их серийных изданий. Являлся их выдающимся знатоком. О нем см.: Josef Emler (1836–1899): Přispěvek k jeho učitelské, vedecké a organisatorské činnosti. Praha, 1989.

[4] Гебауэр Ян (Gebauer, 1838–1907) – выдающийся чешский языковед и историк литературы. Родился в бедной крестьянской семье. Далекие предки имели немецкие корни, что отразилось в фамилии ученого. Учился в Пражском университете, специализировался по чешскому языку и литературе, а позднее расширил свои интересы на всю славянскую филологию. В 1880 г. стал профессором Пражского университета, а после его разделения на чешский и немецкий в 1882 г. перешел в чешскую часть, где проработал до конца жизни. Создал здесь семинар по славянской филологии – первую в Европе институцию такого типа. В этом семинаре воспитывались все последующие слависты-богемисты эпохи. Гебауэр заложил основы исследования чешского языка с учетом новейших достижений науки и оставил в этой области фундаментальные труды, оказывавшие влияние на дальнейшее развитие богемистики вплоть до Второй мировой войны. Ученый решительно выступал против подлинности РКЗ, хотя первоначально и считал их древними. Его лингвистические аргументы сыграли одну из главных ролей в разоблачении подделок. О нем см.: *Syllaba T.* Jan Gebauer. Praha, 1979.

линности РКЗ забыли, что «патриот» Й. Иречек принадлежал с 1848 года к консервативнейшим кругам чешского общества. Таким образом, «защитником священных национальных начал» стал именоваться проавстрийский консерватор, а старейший деятель национального возрождения был провозглашен изменником.

Между тем против подлинности РКЗ стали выступать ученые и во многих славянских странах. Так, во Львове опубликовал несколько работ галицко-русский ученый А. С. Петрушевич[1], указавший на возможность подделки глосс в «Матер Верборум», предпринятой специально с целью оправдания РКЗ, а также на сходство отдельных поэм РКЗ с сочинениями В. Ганки и Й. Линды[2]. Критические нотки в отношении РКЗ стали звучать и в России, о чем будет подробно рассказано ниже.

Решительная битва вокруг РКЗ развернулась в 1886–1918 годы. В это время на сторону критиков РКЗ перешел Ян Гебауэр. Этот крупнейший филолог-славист, как уже упомянуто, первоначально защищал РКЗ, и сторонники подлинности рукописей ожидали от него решения вопроса в желательном для них духе. Но по мере накопления знаний о древнечешской грамматике Гебауэр превращался из защитника в противника подлинности РКЗ. В 1885 году, публикуя статью об РКЗ в немецкой энциклопедии Эрша и Грубера[3], Гебауэр изложил в ней свои сомнения в подлинности рукописей и потребовал новых палеографических и химических исследований. Против него немедленно выступили защитники РКЗ, главным из которых стал на этот раз профессор Пражского университета М. Гаттала, опубликовавший в том же 1885 году в газете «Народни листы» и в 1886 году в газетах «Покрок», «Глас народа», «Политика», «Светозор» серию статей с возражениями Гебауэру. Тем не менее последний обрел единомышленников в чешском научном журнале «Атенеум», возглавившем критику

[1] Петрушевич Антоний Стефанович (1821–1913) – галицко-русский историк, археолог, исследователь русской и другой славянской письменности. Его биография имеется в кн.: *Аристов Ф. Ф.* Карпаторусские писатели: Исследование по неизданным источникам. М., 1916. Т. 1. С. 234–291. Здесь на с. 273–289 помещен хронологический перечень опубликованных трудов А. С. Петрушевича. Литература о нем приведена в кн.: История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965. С. 452.

[2] *Петрушевич А. С.* О подложных старочешских письменных памятниках – «Суде Либуши», евангелическом отрывке св. Иоанна, Краледворской рукописи... Львов, 1878.

[3] *Gebauer J.* Königinhofer Handschrift // Ersch-und-Gruber. Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste. Zweite Sektion. Leipzig, 1885. Bd. 28. S. 231–235.

РКЗ. Редактировал этот журнал профессор Т. Г. Масарик[1], философ и политический деятель буржуазно-либерального направления, объединивший молодых профессоров Пражского чешского университета, стоявших по своим научным взглядам и методам в оппозиции к национально-романтической историографии.

Пятнадцатого февраля 1886 года в «Атенеуме» появилась статья Я. Гебауэра «Необходимость дальнейшего исследования»[2], где он подвергал сомнению подлинность рукописей с лингвистической точки зрения. Гебауэр пользовался особым авторитетом во всем, что связано с древнечешским языком, поскольку был лучшим его знатоком, изучившим все доступные к тому времени тексты и составившим позднее трехтомную «Историческую грамматику чешского языка» (1896–1898) и «Древнечешский словарь» (два тома изданы в 1903–1904 гг., словарь не закончен). В РКЗ Гебауэр обнаружил такое количе-

[1] Масарик Томаш Гарриг (Masaryk, 1850–1937) родился в небогатой семье и пробивался в жизни благодаря недюжинным способностям и трудолюбию. Окончив Венский университет, занимался филологией. Затем путешествовал и в течение года посещал также Лейпцигский университет. В 1882 г. получил место в Пражском чешском университете, где через некоторое время стал профессором философии. С 1883 г. издавал журнал «Атенеум», на страницах которого развернулась полемика по вопросам РКЗ. Эта борьба вылилась в политическое течение, направленное против консерваторов. Сторонники Масарика организовали политическую группу «реалистов». С 90-х гг. Масарик занимался как политической, так и научной деятельностью, издал ряд трудов, в числе которых: «Чешский вопрос» (1895), «Наш современный кризис» (1895), «Ян Гус» (1895), «Социальный вопрос» (1897) и ряд др. В 1900 г. Масарик создал Чешскую народную партию, которая с 1905 г. носила название Чешской прогрессивной партии. Масарик проявлял большой интерес к России, в 1887 и 1888 гг. посетил Петербург, Москву, Ясную Поляну и Киев; имел научные и политические контакты с русскими учеными либерального толка. Некоторые сочинения Масарика переводились в России на русский язык. Перед Первой мировой войной вступил на путь борьбы против Австро-Венгерской монархии, за создание самостоятельного Чехословацкого государства. После развала Австро-Венгрии играл решающую роль в становлении самостоятельной Чехословацкой республики и был избран ее первым президентом. Этот пост он занимал с 1918 по 1935 г. За этот же период написал важные труды «Мировая революция» (сочинение не закончено) и «Россия и Европа». Т. Г. Масарик – один из крупнейших ученых и политиков первой трети XX в. Литература о нем огромна, укажем лишь на следующую: *Dolanský J.* Masaryk a Rusko předrevoluční. Praha, 1959; *Syllaba Th.* T. G. Masaryk a revoluce v Rusku. Praha, 1959; *Machovec M.* Tomáš G. Masaryk. Praha, 1968; *Opat J.* Filozof a politik T. G. Masaryk, 1882–1893. Praha, 1990; Masaryk a myšlenka evropské jednoty. Sborník příspěvku konference, konané ve dnech 13. a 14. června 1991 na Universitě Karlově v Praze. Praha, 1992.

[2] *Gebauer J.* Potřeba dalších zkoušek Rukopisu královedvorského a zelenohorského // Athenaeum. 3. 1885–1886. Č. 5. S. 152–164.

ство лингвистических несообразностей, что оказалось возможным разделить их на ряд групп. Он указал, например, на неверные флексии, неправильное употребление временных форм, совпадение отдельных элементов РКЗ с элементами уже разоблаченных и несомненных подделок, таких, как «Песня под Вышеградом», «Любовная песнь короля Вацлава» и др. Имелись в РКЗ также и ошибки, проистекавшие из того, что фальсификатор неправильно понял тексты подлинных памятников, с которыми имел дело. Сходство некоторых ошибок в РК и РЗ доказывало, что они принадлежали одному автору.

Защитники рукописей возражали Гебауэру довольно беспомощно. В сущности, ни один из его доводов так и не был опровергнут. Гебауэр выступил и с доказательствами, касавшимися источников новейшего происхождения, использованных для составления РКЗ, а также и по другим связанным с ними проблемам. Согласно библиографии литературы об РКЗ, изданной в 1969 году, Гебауэру принадлежит 61 работа об этих рукописях[1]. Среди них и исследовательские статьи, и ответы на нападки противников, и заметки по различным деталям темы, и отдельные суждения в более общих трудах. В целом, работами Гебауэра в области лингвистики мнению о подлинности рукописей был нанесен сокрушительный удар.

По проблемам РКЗ в «Атенеуме» выступал не только Гебауэр. Т. Г. Масарик привлек к сотрудничеству в журнале также других крупных филологов и историков. В своей программе изучения РКЗ он поставил несколько задач: а) научное выяснение обстоятельств открытия РКЗ; б) их грамматический анализ; в) историко-социологический анализ текстов; г) их эстетический анализ; д) палеографические исследования: характер пергамента, чернил, краски, манеры письма и т. д.; е) выяснение авторства, места и времени написания отдельных отрывков и РКЗ в целом.

Эта программа выполнялась в течение ряда десятилетий. Обосновывая свое стремление узнать истину происхождения РКЗ, Масарик подчеркивал, что правда не может повредить престижу народа, критиков же подлинности РКЗ следует считать истинными патриотами, а не предателями, как это пыталась делать политически ангажированная пресса.

Сам Масарик тоже опубликовал много статей по разным аспектам, касающимся доказательств поддельности РКЗ. Так, в соавторстве с учеными своего круга он издал статью о срав-

[1] См. об этом: *Laiske M.* Bibliografie RKZ // RKZ. Dnešni stav poznání... S. 411 (по указателю, рубрика «B»).

нении эпических поэм РК и РЗ с новейшими литературными произведениями; он также выступал и самостоятельно со статьями, содержащими эстетическую оценку и социологический разбор РКЗ[1].

Предпринятый Масариком эстетический анализ имел целью выяснить, действительно ли все поэмы «найденных» рукописей столь совершенны в языковом и художественном отношении, как это представляли апологеты «памятников». Ведь одним из аргументов защитников подлинности было утверждение, что в Чехии XIX века не существовало такой личности, которая была бы способна создать шедевры, подобные РКЗ. Масарик же доказывал, что для такой компиляции, которую представляют собой РКЗ, совсем не обязателен великий талант и эрудиция. В первые десятилетия после «открытия» рукописей их художественные достоинства были сильно преувеличены. Масарик также показал, что все произведения РК по их эстетическому характеру отнюдь не являются ни народными, ни древними, а отвечают только тем представлениям о прекрасном, которые характерны для романтизма и сентиментализма XIX века.

Масарик был также автором различных примечаний и небольших заметок по частным вопросам, а в целом – движущей силой борьбы против фальсификаций, ее методологическим обоснователем и организатором[2].

В 1886 году крупнейший чешский историк Ярослав Голл[3] опубликовал в «Атенеуме» исторический обзор поэм РК –

---

[1] См.: *Masaryk T. G.* Příspěvky k aesthetickému rozboru RKho a RZho // Athenaeum. 3. 1885–1886. C. 7. S. 275–298; *Idem.* Načrt sociologického rozboru RZho a RKho // Athenaeum. 3. 1885–1886. C. 10. S. 422–426.

[2] См.: *Opat J.* Filozof a politik T. G. Masaryk, 1882–1893. Praha, 1990. S. 149. В этой книге содержится целая глава 5 (с. 136–191), посвященная полемике об РКЗ и освещению в ней роли Масарика.

[3] Голл Ярослав (Goll, 1846–1929) – один из крупнейших чешских историков, основатель нового для Чехии направления в изучении истории вообще, т. н. позитивизма. Окончив Пражский университет, Голл еще долго учился в Германии (в Геттингене и в Берлине). С 1880 г. – профессор всеобщей истории на философском факультете Пражского университета. Изучал политическую и религиозную историю Чехии XIII–XV вв. и особенно чешскую Реформацию. В рамках всеобщей истории уделял большое внимание истории Польши и полабских славян. Выступил с отрицанием идеи о специфическом характере развития славянских народов и тем самым стал в оппозицию к романтической историографии. В 1895 г. основал журнал «Чески часопис хисторицки» и редактировал его до 1918 г. Воспитал большую школу историков-позитивистов. Активно участвовал в борьбе за разоблачение РКЗ. Основное его сочинение: «Хельчицкий и Община чешских братьев в XV веке» (1916). О нем см.: *Marek J.* Jaroslav Goll. Praha, 1991; *Kutnar F.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectvi. II. Praha, 1972.

«Ольджиха», «Бенеша Германова» и «Ярослава»[1], в котором показал, что содержание первых двух поэм заимствовано из хроники Бецковского[2], изданной в Праге в 1700 году, и что поэма «Ярослав» также содержит данные из поздних источников. Я. Голл обнаружил массу анахронизмов, вымышленных битв, никогда не существовавших замков, укреплений и т. п. Этим был решен в основном вопрос об РКЗ с точки зрения истории.

Против Голла выступил В. Томек, за ним последовали Й. Калоусек[3] и другие. Борьба и на этом этапе вышла из академических рамок, вне которых силы оказались неравными. С одной стороны – горстка молодых ученых, ранее в национальной жизни малоизвестных, сгруппировавшихся вокруг журнала с небольшим тиражом; с другой стороны – признанные авторитеты нации и вся остальная чешская журналистика с ее тысячами читателей. Политические партии и отдельные группы общества обрушились на «Атенеум». Партии старочехов и младочехов[4], прежде враждовавшие между собой, объединились под лозунгом «защиты национальных интересов». Во гла-

[1] *Goll J.* Historický rozbor básní RK: Oldřicha, Beneše H. a Jaroslava // Athenaeum. 3. 1885–1886. Č. 10. S. 422–426.

[2] Бецковский Ян Франтишек (Beckowský, 1658–1725) – представитель духовенства, происходил из бедных горожан. Свою незаконченную «Чешскую хронику» (Poselkyně starých příbehu českých, 1700) написал (в соответствующей части хронологии) на основе «Хроники» Вацлава Гаека из Либочан (см. сноску 3 на с. 30), которому полностью доверял, но самостоятельно довел изложение событий до своего времени.

[3] Калоусек Йозеф (Kalousek, 1838–1915) – чешский историк. Происходил из бедной крестьянской семьи, с большим трудом получал образование. Получив докторат в Пражском университете, стал доцентом, а позднее и профессором. Изучал чешское государственное право и историю – главным образом, чешского крестьянства периода феодализма. В подходе к изучению истории стоял на позициях Ф. Палацкого (см. сноску 1 на с. 16), был его последователем и защитником. Активный деятель национального движения, а именно – его националистического крыла. Наиболее ценный его труд – многотомное издание документов по аграрной истории Чехии – «Rady selské a instrukce hospodářské» (1905–1913) – по фактическому материалу не превзойден и до настоящего времени. Политической деятельностью занимался, стоя на позициях партии старочехов, отстаивавшей в 80-е гг. XIX в. консервативные, архаические ценности чешского общества. В споре о рукописях выступал за их подлинность и резко критиковал точку зрения Я. Голла и Т. Г. Масарика, например, в статье «В споре о рукописях» (Osvěta. 16. 1886. Č. 4, 6, 8, 9, 12). См. о нем: Kdo byl kdo v našich dějinách do roku 1918. Praha, 1999. S. 186–187.

[4] Старочехи, или «Национальная партия» (Národní strana), – организация, основанная Ф. Палацким и Ф. Л. Ригером (см. о нем сноску 2 на с. 41), т. е. умеренными либералами, проявлявшими в национальной борьбе лояльность к Австро-Венгерской монархии. В 1874 г. в результате споров по вопросу о политической тактике, от Национальной партии отделилось радикальное крыло, создавшее Национальную партию свободомыслящих (Národní strana svo-

ву угла они поставили травлю противников подлинности РКЗ на почве разжигания национализма. Так, газета «Народни листы» (издатель Ю. Грегр[1]), стремясь дискредитировать Т. Г. Масарика, писала, что он специально прибыл из Вены, чтобы произвести «подкоп» под чешское общество, что в этом человеке «нет ничего чешского», что ему «неведомы чешские языковые и культурные отношения». Среди прочих включился в защиту РКЗ и вождь старочехов Ф. Л. Ригер[2]. Наука отошла на задний план: старочехи и младочехи стремились лишь усилить свою популярность в народе. Есть основания полагать, что, например, Ю. Грегр вовсе не верил в подлинность РКЗ. Конечно, доводы группировавшихся вокруг «Атенеума» критиков РКЗ, обладавших фундаментальными для своего времени познаниями в различных науках, не были поколеблены в своей позиции разгулом национализма. Однако научные аргументы убеж-

---

bodomyslná). Ее лидером стал Ю. Грегр (см. ниже сноску 1). Идеология этой партии была более демократичной, она не соглашалась с пассивной оппозицией старочехов и получила название младочехов.

[1] Грегр Юлиус (Grégr, 1831–1896) – чешский политик и журналист, юрист по образованию. В 1860 г. стал редактором (а затем и издателем) чешской политической газеты «Народни листы», первый номер которой вышел в свет 1 января 1861 г. В 1865 г. «Народни листы» объединились с газетой «Глас», и Грегр сосредоточил в новой общей редакции цвет чешской журналистики. Сам он писал легко и увлекательно. Постепенно Грегр стал крупным предпринимателем и одной из важных фигур чешской политической жизни. В начале своей политической карьеры он был демократом и антиклерикалом, постепенно сделался фактическим вождем младочехов (см. выше сноску 4), которые к 90-м гг. возглавили чешское национальное и политическое движения. Появление же «партии реалистов» представляло собой опасность для влияния младочехов, в том числе, конечно, и ее лидера Ю. Грегра. См. о нем: *Urban O.* Česká společnost 1848–1918. Praha, 1982. S. 673 (и др. по указателю); *Opat J.* Op. cit. S. 172–176; *Čepa M.* Julius Grégr ve sporu o Rukopisy // Bratři Grégrové a česká společnost v druhe polovině 19 století. Praha, 1997. S. 165–169.

[2] Ригер Франтишек Ладислав (Rieger, 1818–1903) – чешский политик. Получил юридическое образование в Вене и Праге. Со школьных лет занимался патриотической деятельностью. Был одним из активных деятелей либерально-буржуазного лагеря в период революции 1848–1849 гг. После революции путешествовал по Западной Европе. По возвращении в Чехию осуществлял руководство подготовкой первой чешской энциклопедии, издание которой началось в 1860 г. Стоял во главе чешской политики, участвуя во всех ее важнейших акциях. Являлся автором многих документов и программных статей, в которых требовал равноправия для всех народов Австрийской монархии, их самоуправления и гражданских свобод. Был постоянным членом Чешского сейма, одним из создателей и ярких представителей старочешской партии; и, хотя в связи с формированием младочешского движения имел политических оппонентов, большинство чехов считало его своим народным вождем. Постепенно политика старочехов перестала отвечать требованиям социального развития общества и они утратили свои позиции. См.: *Urban O.* Op. cit.; *Opat J.* Op. cit. S. 136–191.

дали лишь сравнительно узкий круг интеллигенции, способной понять их действительный смысл, а тысячи читателей политической прессы, находившихся в плену националистических предрассудков, считали, что критика национальных святынь есть измена народу.

Конец XIX века ознаменовался новым углублением критики РКЗ. Так, было доказано, что автор РКЗ имел довольно смутное представление о задружном (т. е. общинном) строе чехов, который он хотел изобразить в «Суде Либуши». Свои представления о современной ему задруге сочинитель просто перенес на раннее чешское средневековье. Критика еще раз остановилась на вопросе о праве наследования в чешской и немецкой традиции. Это было важно, потому что, судя по РЗ, это право было у обоих народов совершенно различным: немецкое право основывалось якобы на понятии первородства, а чешское предполагало совместное владение унаследованным имуществом. Ведь именно этим «различием» и была вызвана знаменитая фраза: «Не хвально нам у немцев правды искати». Но к 80-м годам XIX века на основе новых достижений истории права было доказано, что право наследования по первородству установилось у немцев лишь в XIV–XV веках. Между тем «Суд Либуши» — если защищать его подлинность — мог быть отнесен не позднее чем к XI веку. Таким образом, права наследования в указанном аспекте были к тому времени у чехов и немцев идентичны, а сакраментальная фраза Ратибора оказывалась лишенной смысла. А ведь именно она вызывала особые восторги патриотов![1]

Критика выразила свое явное недоверие и к картине съезда знати со всех концов Чехии для решения частного вопроса, как это изображено в РЗ. Было показано, что такого рода централизации в Чехии раннего средневековья не существовало, а границы расселения чехов были значительно уже, чем это представлено в «Суде Либуши».

Вообще все случаи несоответствия описываемых в РКЗ фактов исторической действительности были систематизированы. Так, в поэме РК «Ольджих» автор представлял Прагу на правом берегу Влтавы как укрепленный город, каковым она стала лишь во второй половине XIII века. Далее, в источниках отсутствовали сведения об одержанной якобы в 1203 году победе над саксами. Главный герой поэмы «Бенеш Германов» — лицо не историческое. Не подтверждается источниками факт битвы чехов с

[1] Оценка РКЗ с точки зрения права и история их разоблачения с этих позиций изложены в статье: *Procházka V.* Rukopisy a právni historie // Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský: Dnesni stav poznáni. Praha, 1969. S. 179–195.

татарами под Оломоуцем в 1241 году. Не является историческим лицом и Ярослав, главный герой одноименной поэмы РК.

Наряду с крупными историческими несоответствиями критика обнаружила также массу неточностей в деталях, например в изображении рыцарского турнира и связанных с ним обычаев, в описании битв, оснащения и вооружения войск и т. п.[1] Историческое исследование РКЗ доказало, что рукописи являются подделками нового времени, в чем ученые историки были убеждены уже к концу XIX века. Но ряд мелких деталей, имевших принципиальное значение для доказательства подделности РКЗ, еще оставались неосвещенными, поэтому исследование продолжалось и в XX веке. За последнее десятилетие XIX века не нашлось ни одного аргумента, который мог бы ослабить силу возражений против подлинности РКЗ. После этого критика пошла по пути углубления разоблачений, главным образом — по пути поиска тех источников, которые могли послужить сочинителю примером и материалом.

В результате предпринятого сопоставления текстов стало понятно, что фальсификаторы опирались на такие источники, как: относящийся к XIV веку чешский перевод описания путешествия Марко Поло, озаглавленный «Миллион»; перевод Й. Юнгманном произведения великого английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай»; сборник русских песен М. Д. Чулкова (ок. 1743–1792); издание «Слова о полку Игореве» (1800 г.); две части «Песнарицы» Вука Караджича; «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта периода Ренессанса – Торквато Тассо (1544–1595). В 1899 году чешский литературовед Я. Махал[2] опубликовал исследование о русских

[1] Обзор литературы, оценивающей РКЗ, и современная точка зрения на них изложены в статье: *Meznik J.* Rukopisy z hlediska historie // Ibid. S. 147–177.

[2] Махал Ян (Máchal, 1855–1939) — крупный чешский литературовед. В Венском и Пражском университетах изучал классическую филологию, чешский и немецкий языки. С 1901 г. профессор славянских литератур в Пражском университете. Являлся членом Чешской академии наук и искусств, редактором ряда научных журналов. В первый период своей деятельности занимался вопросами славянской мифологии, этнографии и фольклора, используя при этом критический сравнительный метод исследования материала. Многие работы Махала посвящены истории славянских литератур и межславянских литературных связей. Его монографии анализируют чешский роман, старочешские драматические произведения, историю чешской драмы и другие темы. Он много занимался и русской литературой, писал о Л. Н. Толстом, А. С. Пушкине, Н. А. Добролюбове, Н. Г. Короленко, А. М. Горьком, Д. С. Мережковском и других русских писателях, публикуя статьи о них, в основном, по поводу памятных дат и юбилеев. О нем см.: Ceskoslovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře... S. 293–294.

источниках, использованных фальсификатором при составлении РК[1]. Позднее было доказано, что фальсификаторы использовали также произведения русских писателей М. М. Хераскова (1733–1807) и Н. М. Карамзина (1766–1826)[2]. Из всех этих произведений заимствовались отдельные идеи, образы, целые исторические сцены и в значительной мере также словарный состав и грамматика. Что же касается общей исторической канвы, то она опиралась на старые чешские хроники: Козьмы Пражского (XII в.), Пулкавы (XIV в.), Далимила (XIV в.) и особенно Гаека из Либочан (XVI в.)[3]. Все это причудливо комбинировалось, монтировалось, сдабривалось солидной толи-

[1] *Máchal J.* Hankovy ohlasy písní ruských: Příspěvek k dějinám proviniencie RK// Listy filologické. 26. 1899. C. 1. S. 30–47.

[2] См.: *Dolanský J.* Ohlas ruských básniku v rukopisech Královédvorském a Zelenohorském. Praha, 1969.

[3] Козьма Пражский (год рождения неизвестен, умер ок. 1125 г.) – автор первой чешской хроники. Его «Чешская хроника» писалась с 1119 по 1125 г. Она излагает чешскую историю от легендарного прихода чехов на свою будущую землю до первой четверти XII в. Представляет собой литературное сочинение (как и все средневековые хроники), которое пользовалось большой известностью как уникальный источник по описываемому в ней периоду чешской истории. «Хроника» часто переписывалась, материал из нее широко заимствовался позднейшими летописцами, а историки нового времени излагали по сведениям Козьмы древнюю чешскую историю. И только во второй половине XX в. была осуществлена критическая переоценка этого памятника. См. об этом: *Лаптева Л. П.* В. Э. Регель как исследователь «Хроники» Козьмы Пражского и ее оценка в современной историографии // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 93–105. Имеется издание «Хроники» и на русском языке (1962).

Пулкава из Раденина (ум. в 1380 г.) – магистр свободных искусств, священник; примерно в 1374 г. начал писать «Chronicon Bohemiae», где изложил события от «разделения человечества на отдельные народы» при Вавилонском столпотворении и вплоть до своего времени, т. е. до конца 70-х гг. XIV в.

Далимил. – В 1313–1314 гг. в Чехии появилась анонимная рифмованная чешская хроника.

Вацлав Гаек из Либочан (см. о нем сноску 3 на с. 30) приписал ее авторство Далимилу Межеричскому, канонику Болеславскому. Впоследствии ошибочность этой атрибуции была убедительно доказана, да и вообще существование упомянутого каноника как исторической личности вызывает сомнения. Тем не менее за рифмованной хроникой утвердилось упомянутое название, впрочем с добавлением: «Хроника так называемого Далимила». Хроника освещает чешскую историю от ее «начала» в рамках всемирной истории и заканчивается 1314 г. Это литературное произведение, исторически несостоятельное и малодостоверное, написано на чешском языке, отражает патриотизм чехов того времени и отличается яркой антинемецкой направленностью. Поэтому «Хроника» и была популярна, питая национальное чувство чехов. См. об этом: *Šťastný R.* Tajemství jména Dalimil. Praha, 1991.

Обо всех упомянутых здесь хрониках см.: *Лаптева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.

кой фантазии, так что разоблачение было делом отнюдь не легким.

Защитники рукописей пытались еще цепляться за результаты химического анализа РКЗ, показавшего, что текст написан на старом пергаменте, а использованные при письме чернила изготовлены по средневековому рецепту. И хотя это вовсе не доказывало подлинности РКЗ, полемика еще продолжалась. Историк и археолог Й. Л. Пич[1], веривший в подлинность РК, предпринял путешествие с двумя ее листами к знаменитым французским и итальянским палеографам и расценил их неопределенные высказывания как свидетельства в пользу древности РКЗ. По возвращении в Прагу он опубликовал 17 декабря 1911 года в газете «Народни политика» статью, в которой объявил, что анализ якобы доказал несомненную подлинность РК[2]. В ответ на это другие газеты напечатали статьи ряда чешских ученых, полностью опровергавшие доводы Й. Л. Пича. 31 декабря 1911 года 45 представителей чешской науки обнародовали в чешских газетах декларацию, в которой заявили, что подлинность РКЗ и их написание Ганкой и Линдой доказаны (со стороны лингвистической, исторической, литературно-исторической, а также палеографической) многочисленными не вызывающими сомнений, неопровергнутыми и неопровержимыми доводами; что какая-либо дальнейшая защита этих подделок может быть только повторением тщетных попыток, уже имевших место ранее и основанных на ложных суждениях и недостаточной компетентности в обсуждаемом вопросе. Подписавшиеся под декларацией ученые заявляли далее, что какое-либо возобновление спора по решенному вопросу, к тому же в непрофессиональных изданиях, является лишь напрасной

[1] Пич Йозеф Ладислав (Pič, 1841–1911) – чешский историк и археолог. Учился на философском факультете Пражского университета, специализировался по истории и географии. С 1883 г. – директор Доисторического отдела Чешского национального музея. Член Чешской академии наук и искусств. Активно сотрудничал с русскими учеными и являлся членом многих научных обществ в Одессе, Москве, Петербурге, Рязани. Занимался историей славян в Венгрии и Румынии, Болгарии и России, позднее занялся археологическими исследованиями и стал основателем чешской современной археологии. Некоторые работы Пича опубликованы и на русском языке, например, «Очерк политической и литературной истории словаков за последние сто лет» (Славянский сборник, I–II. 1875–1877). На чешском языке Пич опубликовал сочинения «История русского народа» (1889), «Очерк чешской археологии» (1908) и мн. др. О нем см.: Československé práce o Jazyce, dějinach a kultuře... S. 381–382.

[2] *Pič J. L.* Rukopis králo-dvorský před mezinárodním soudem palaeografu skvěle obstál // Narodni politika. 29. 1911. Č. 348. Příl. S. 1–2.

тратой времени, которое могло бы пригодиться для выполнения научных и общественно значимых задач с большей эффективностью[1].

В 1914 году известный исследователь старины Г. Фридрих[2] осуществил разбор РКЗ с палеографической точки зрения[3]. Его заключения сводились к следующему: РК написана на пергаменте, который уже до написания на нем текста был сложен по определенной форме и должен был служить иной цели. Малоформатные листки пергамента были вырезаны из больших листов. Далее, РК, как известно, украшена цветными инициальными буквами, выписанными на золотом фоне. Эти буквы Г. Фридрих признал лишенными всякого смысла, резко отличающимися от действительно древних украшений. Таких начальных букв в РК имеется 7. Они написаны на четырехугольном золотом фоне красками – красной, зеленой, голубой. Относительно последней химический анализ задолго до этого установил, что была использована берлинская лазурь, открытая только в начале XVIII века. Орнаменты же РК настолько грубы и тяжелы, искусственно примитивны и совершенно неуместны стилистически, что в бесспорно древних рукописях мы не найдем для них никаких аналогий. В памятниках старых (XIII–XIV вв.) даже совершенно простые инициальные буквы украшаются орнаментом, несравненно более тонким и нежным, свободным от той шаблонности, какою отличаются оригиналы РК. Если к ним можно подыскать какую-нибудь анало-

[1] Prohlášení // Národní politika. 29. 1911. Č. 360. Цит. по: Prohlášení o vyřešení otázky rukopisné // Almanach rukopisné obrany. IV. 1997. S. 101–104. Опубликовано было еще и в ряде газет: Národní listy. 51. 1911. Č. 360. S. 7; České slovo. 5. 1911. Č. 325. S. 6 и другой прессе.

[2] Фридрих Густав (Friedrich, 1871–1943) – крупнейший чешский палеограф. Ученик Я. Голла и Й. Эмлера, воспитанник Венской школы вспомогательных исторических дисциплин. С 1898 г. – в Пражском университете. Специалист по критическому разбору средневековых рукописей, что позволяло ему надежно отличать подделки от подлинников. Занимался дипломатикой (т. е. изучением средневековых грамот), своими научными разработками заложил основу чешского дипломатария (сборника грамот) и издал три его тома. Опубликовал также учебник по латинской палеографии (1898). С молодости интересовался РКЗ и осуществил их палеографический разбор. См. о нем: *Kutnar F.* Op. cit. S. 167–169; *Hlaváček I., Kašpar J., Nový R.* Vademecum pomocných věd historických. [Praha, 1993]. S. 26, 29, 162, 309.

[3] *Friedrich G.* Rukopisy královdvorský a zelenohorský po stránce palaeografické// Národní listy. 54. 1914. Č. 93. S. 17; Č. 120. S. 17; Č. 134. S. 17. См. также: *Францев В.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в палеографическом отношении // Русский филологический вестник (Варшава). 1914. № 2. С. 606–609; *Кораблев В. Н.* Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. 1932. № 6. С. 530–531.

гию, то только в крестьянских рукописных молитвенниках XVIII века.

Далее Фридрих отмечает, что письмо рукописи — это только подражание древнему письму. Почерк писца РК не изящен, буквы неодинакового размера, не совпадают по толщине даже в одной и той же строке. В рукописях бесспорно подлинных, создатели которых владели почерком своего времени, наблюдается несравненно большее единообразие письма. Общее впечатление от письма РК таково, что исполнитель не владел свободно тем самым письмом, которое использовал. Он стремился писать почерком, для него совершенно чуждым, к которому рука его не привыкла. Писец выводит буквы не с естественной плавностью, а вторично обводит уже написанные, доделывает отдельные части букв. В сокращениях, обычных для древних рукописей, встречающихся в РК, имеются отступления от приемов древних писцов. Кроме того, в РК встречается много разур, а также подскабливаний в тех текстах, где писец желал исправить уже написанные буквы и слова, сближая их с формами более древними.

Свои заключения Г. Фридрих резюмирует так: рукопись исполнена писцом, привыкшим к иному правописанию, чем то, которому он должен был следовать в РК, не знавшим основательно знаков сокращения (аббревиатур), чем в совершенстве владел каждый писец Средневековья; в РК использованы многочисленные разуры, при помощи которых писец придает словам и формам «древний» вид. Таким образом, РК не могла быть творением средневековым, а является произведением позднейшего подражания древнему письму и, следовательно, представляет собой подделку.

Что касается РЗ, то наблюдения Г. Фридриха сводились к следующему: РЗ написана на пергаменте, извлеченном из какой-то более объемистой книги, причем предварительно были выскоблены имевшиеся на листах заметки, а затем уже написан текст РЗ; вся рукопись выполнена зеленой краской, ею же и разлинованы на строки листы; однако написание целых листов зеленой краской — явление, в Средние века совершенно необычное. Далее: РЗ написана почерком, который является лишь простым подражанием древнему письму, причем наряду с формами букв, появляющимися только в XII—XIII веках, встречаются формы, уже давно исчезнувшие. РЗ выполнена индивидом, который не знал настоящего значения сокращений, хорошо знакомых каждому средневековому писцу. Таким образом, РЗ есть несомненный подлог.

В 1917 году другой чешский палеограф — В. Грубы[1] — в исследовании «Ганка ли написал Краледворскую рукопись?»[2] подверг тщательному палеографическому анализу не только РКЗ, но и прочие «старые памятники», связанные с личностью В. Ганки. Исследователь изучил каждую букву в этих произведениях и пришел к выводу, что все тексты написаны одним человеком и в новое время; что буквы в РКЗ и других «памятниках» нарисованы, а не написаны естественным почерком.

Возражений на изыскания Г. Фридриха и В. Грубы не нашлось, поддельность РКЗ была полностью доказана.

С конца Первой мировой войны до оккупации Чехословакии нацистской Германией в 1939 году наблюдается два подхода к исследованию РКЗ. Каждый из этих подходов как бы продолжает те направления в полемике, которые уже сложились на предшествующих этапах. В 1918 году Т. Г. Масарик стал президентом Чехословацкой Республики. Его политический авторитет оказался решающим в научном споре. Все специалисты в области общественных наук, независимо от их политических убеждений, после 1918 года сходились во мнении, что РКЗ — подделки. Вопрос считался в научной среде решенным окончательно. Однако поскольку еще существовали защитники рукописей, ученые историки, литературоведы и палеографы продолжали изучать детали, стремясь обнаружить новые свидетельства подделок, источники отдельных частей и РКЗ в целом.

В 1919 году В. Грубы издал книгу «Вацлав Ганка и его Краледворская рукопись»[3], основанную на ряде опубликованных им ранее статей. Грубы показал, что Ганка монтировал свои произведения из различных известных ему источников, что именно он написал не только тексты РКЗ, но и «Песню под Вышеградом», и «Любовную песнь короля Вацлава», и большинство чешских глосс в «Матер Верборум», и отрывки перевода Евангелия от Иоанна. Обнаружил Грубы и несколько ганковых приписок в подлинно старинных рукописях.

---

[1] Грубы Вацлав (Hrubý, 1885—1933) — палеограф, ученик Густава Фридриха, с 1925 г. работал в семинаре вспомогательных исторических дисциплин в Брненском университете. Изучал древнейшие документы. Написал ряд мелких и популярных работ, доказывавших сравнительным методом поддельность РКЗ и авторство Ганки. Издавал древние документы чешских архивов, писал пособия по дипломатике и палеографии. О нем см.: *Kutnar F.* Op. cit. S. 359.

[2] *Hrubý V.* Psal Hanka Rukopis Královédvorský?: Jubilejní vzpominka paleografova // Český časopis historický. 23. 1917. S. 1—37. 280—309.

[3] *Hrubý V.* Václav Hanka a jeho rukopis Královédvorský. Praha, 1919.

Йозеф Гануш[1], критиковавший РКЗ уже в начале XX века, издал книгу «Национальный музей и наше возрождение» (в 2-х томах, 1921 и 1923)[2], где снова подчеркнута роль Ганки как главного инициатора и исполнителя фальсификатов, обеспечивавшего их «старочешскую» форму – языковую и графическую, артистически разыгравшего комедию «открытия» рукописей, организовавшего их переводы и многочисленные издания, распространение в Чехии и за ее пределами, защиту против критики Добровского и подозрений Копитара. Гануш отметил, что именно Ганка несет полную ответственность за то, какие влияния и последствия имела эта мистификация в процессе развития чешской и славянской филологии, истории, археологии, мифологии, да и всей чешской литературы и культуры. Гануш указал также на то, что некоторые части фальсификатов принадлежат Линде.

Параллельно с Ганушем над текстами РКЗ работал чешский историк Вацлав Флайшганс[3]. Опубликовав еще в 1896 году большую работу «Борьба вокруг рукописей»[4], он продолжал свои изыскания и в более позднее время. Он не только обобщил результаты предшествующих исследователей, но и изучил вопрос о действительном времени составления РК и РЗ,

---

[1] Гануш Йозеф (Hanuš, 1862–1941) – чешский историк литературы и культуры. В Пражском университете обучался классической филологии, богемистике и германистике, затем преподавал историю чешской литературы в средних учебных заведениях Праги, а с 1920 г. стал профессором древней чешской литературы на философском факультете Пражского университета; с 1921 г. – профессор университета в Братиславе, в 1939–1941 гг. жил в г. Брно. Написал ряд фундаментальных трудов по истории чешского возрождения и его деятелях – Й. Добровском, П. Й. Шафарике и многих других, а также о роли Чешского национального музея в Возрождении и в литературной фальсификаторской деятельности В. Ганки и его друзей. См. о нем: *Kutnar F.* Op. cit. S. 143.

[2] *Hanuš J.* Národní museum a naše obrození: K století jubileu založení Musea. I–II. Praha, 1921–1923.

[3] Флайшганс Вацлав (Flajšhans, 1866–1950) – чешский историк и литератор, профессор средней школы. Известен работами о чешской культуре XIV в. и особенно исследованиями о литературной деятельности и жизни чешского реформатора XV в. Яна Гуса. Флайшганс издавал и комментировал его сочинения и письма. Труд Флайшганса «Литературная деятельность магистра Яна Гуса» (1900) и биографический труд «Ян по прозванию Гус из Гусинца» (1901) пользовались большой популярностью. В России Флайшганс известен как автор книги «Ян Гус», изданной на русском языке в 1916 г. Ученый активно участвовал в исследовании РКЗ и выпустил на эту тему более 40 работ разного объема. О нем см.: *Kutnar F.* Op. cit. S. 192.

[4] *Flajšhans V.* Boj o Rulopisy// Časopis Musea Království Českého. 70. 1896. S. 349–385.

а также об авторах отдельных отрывков, подчеркивая при этом значительную роль Линды в составлении многих из них. С исторической точки зрения поддельность РКЗ активно разоблачал в это же время выдающийся чешский историк Й. Пекарж[1]. В 1900 году он выступил со статьей, доказывавшей несостоятельность отражения в РК задружного строя[2], а в 1927 году опубликовал статью «Рукописи с точки зрения истории»[3].

Лагерь защитников РКЗ возглавил в этот период профессор физиологии Ф. Мареш (1857–1941), выступавший также и как философ против материалистического понимания окружающего мира. Он просто игнорировал научные аргументы общественных дисциплин. Защитники подлинности РКЗ цеплялись за то, что фотохимический и рентгенологический анализы не давали однозначного ответа на вопрос о подлинности или подложности РКЗ. Впрочем, такие анализы и не могли окончательно рассеять все сомнения. Ими можно было установить древность пергамента, характер чернил, наличие подчисток и т. п. Но поскольку фальсификаторы использовали действительно старинные материалы, проведенные анализы ничего не приба-

[1] Пекарж Йозеф (Pekař, 1870–1937) – один из самых знаменитых чешских историков, ученик Я. Голла. В 1897 г. получил место доцента, а в 1901 г. – профессора австрийской истории в Пражском университете; с 1898 г. в течение 30 лет был редактором журнала «Чески часопис хисторицки», сыгравшего большую роль в развитии исторической науки в Чехии. Научная деятельность Пекаржа посвящена, в основном, средневековой чешской истории. Ему принадлежат фундаментальные труды о чешских легендах (житиях святых), о гуситском движении – «Ян Жижка и его время» (о полководце и народном герое периода гуситских войн в Чехии XV в.), а также о чешской истории XVII и XVIII вв. В 1918 г. Пекарж написал учебник «История Чехословакии». Еще в 90-е гг. XIX в. он привел исторические аргументы против подлинности РКЗ; выступал с тех же позиций и в период существования самостоятельного Чехословацкого государства. С другой стороны, с 1912 г. Пекарж вел научную полемику с Т. Г. Масариком о «смысле чешской истории». Несмотря на то, что Масарик уже был президентом, полемика продолжалась и в 20-е, и в 30-е гг. Масарик считал, что «главной осью» чешской истории была идея религиозная, тогда как Пекарж выдвигал на первое место идею национальную. За консерватизм, за негативную оценку гуситского движения и подчеркивание позитивных сторон чешской истории после 1620 г. (т. е. лишения независимости Чешского государства) марксистская историография полностью отрицала значение трудов Пекаржа. Ныне чешская наука принимает меры для объективной оценки деятельности этого крупнейшего историка. О нем см.: *Kutnar F.* Op. cit. S. 100–110; Kdo byl kdo v našich dějinách do roku 1918. Praha, 1998. S. 300–301; *Kalista Z.* Josef Pekař. Praha, 1994.

[2] *Pekař J.* K sporu o zadruhu staroslovanskou // Český časopis historicky. 6. 1900. S. 243–267.

[3] *Pekař J.* Rukopisy se stanoviska historického // Národní listy. 67. 1927. Č. 147. S. 9.

вили к уже имевшимся сведениям. Борьба приняла уже совершенно чуждый науке, чисто политический характер.

Ф. Мареш, ярый националист, отличавшийся еще в молодости реакционными политическими взглядами, был противником философии Масарика и его партии «реалистов». После 1918 года Мареш выступил против президента и его национально-политической программы. С этого времени защитники РКЗ стали орудием в борьбе не только против буржуазно-либерального правительства, но и против всех демократических партий и течений. В 1927 году Мареш опубликовал брошюру «Научные методы реализма, особенно в вопросе о рукописях»[1], на что последовал ответ – снова в форме декларации – крупнейших чешских ученых, опубликованный 19 июня 1927 года в газете «Народни листы». В нем говорилось, что проф. Мареш в своем сочинении, изданном под титулом «Научные методы...», называет выступление в печати 45 чешских ученых в 1911 году «декретом 45 реалистических специалистов». Говоря о «реалистических научных методах», как якобы недостаточных научно и безнравственных этически, он утверждает, что эти методы не дали никаких точных доказательств того, что РКЗ являются подделками нового времени, и что декларация только отражает убеждение «реалистических специалистов» в поддельности рукописей. На самом деле в декларации было сказано:

«Отвергая необоснованные замечания и неправомерные выводы, которыми изобилует брошюра Мареша и которые свидетельствуют о том, что профессор Мареш не ознакомился в достаточной мере с литературой вопроса и что он имеет абсолютно несостоятельное мнение о доказательствах филологического свойства, мы подтверждаем полностью нашу декларацию от 31 декабря 1911 года. Если проф. Мареш считает, что упомянутая декларация не отражает объективной действительности, т. е. заключения о поддельности РКЗ, а является лишь "научным убеждением" нашей группы, то это его дело. Да, научным убеждением всех нас, подписавших этот документ, является то, что РК и РЗ неопровержимо определены как подделки нового времени». Под декларацией стояли 33 подписи чешских ученых[2].

---

[1] *Mareš F.* Vědecké methody realismu, zvlaště v otázce rukopisu. Praha, 1927 (58 str.).

[2] Текст декларации, опубликованный в газете «Народни листы» 19.06.1927, помещен в издании: Almanach rukopisné obrany. IV.1997. S. 104–105. Цитируется по этому изданию.

Под флагом защиты рукописей Мареш и его сторонники распространяли идеологию шовинизма, антисемитизма, антидемократических установок. Ближайшим и наиболее ревностным сотрудником Мареша был студент Ян Врзалик, член молодежной фашистской организации «Влайка»[1]. В то время как Мареш публиковал статьи в защиту РКЗ, Врзалик разъезжал по стране с «лекциями». И хотя Масарик к тому времени давно отошел от занятий рукописями, Врзалик использовал их как повод для выступлений против реалистов. Лейтмотив же «лекций» состоял в нападках на правящую партию и левые силы, в пропаганде фашистской идеологии. Чешские ученые, критики РКЗ – В. Флайшганс, Й. Пекарж, Ф. М. Бартош[2] и другие – также активно выступали в прессе[3] и давали отпор фашиствующим защитникам подлинности РКЗ. Впрочем, особой популярностью сборища Врзалика не пользовались, посещали их в основном фашистские и фашиствующие элементы. «Влайка» развернула также интенсивную публицистическую деятельность, издавая книги и листовки, газеты и журналы с целью подготовить чешскую молодежь к восприятию фашистской идеологии. Однако привить чешской интеллигенции фашистские взгляды под флагом защиты РКЗ не удалось, а народные массы вообще не проявляли интереса к рукописям.

Специальной институцией по защите РКЗ стало основанное в Праге в 1932 году Чехословацкое общество рукописей, которое объявило себя неполитическим объединением, но в дей-

---

[1] Подробнее см. в статье: *Kočí J.* Čeští fašisté a obrana Rukopisu Královédvorského a Zelenohorského // Dějiny a současnost. 9. 1967. Č. 9. S. 6–13.

[2] Бартош Франтишек Михалек (Bartos, 1889–1972) – историк. Учился на философском факультете Пражского университета, а также во Фрейберге. С 1914 по 1931 г. – профессор средних учебных заведений. В 1931 г. стал профессором чешской истории на евангелическом факультете Пражского университета. С 1956 г. – доктор исторических наук. В творчестве Бартоша большое место занимает исследование истории гуситского движения. На эту тему он написал крупные монографии, такие как «Чехия в период Яна Гуса. 1378–1415» (1947), «Гуситская революция» (2 тома, 1965–1966) и мн. др. Использовал новый материал, найденный в архивах и библиотеках, глубоко проанализировал теологические трактаты гуситского периода. Занимался также чешско-польскими связями и мн. др. сюжетами. В Чехословацкой республике был одним из активных сторонников подложности РКЗ. См. о нем: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře... S. 32–33; *Kutnar F.* Op. cit. S. 262–266.

[3] См., напр.: *Flajšhans V.* Jak to vlastně bylo? // Český časopis historický. 37. 1931. S. 473–511; *Idem.* Zázrak hostýnský a báseň Jaroslav // Ibid. 38. 1932. S. 78–92; *J. P.* [i. e. Josef Pekař]. Houževnatí obránci pravosti RK // Český časopis historický. 41. 1935. S. 624–631; *Bartoš F. M.* Historický rozbor rukopisu Královédvorského a Zelenohorského. Praha, 1939 и мн. др. издания.

ствительности не чуралось политики антидемократического направления – не случайно одним из учредителей Общества был Ян Врзалик. Первым председателем избрали Вацлава Перека, бывшего моравского депутата парламента ЧСР, а после его смерти председателем стал фотохимик Викторин Войтех. Своими задачами Общество провозгласило проведение научных исследований о древних рукописях вообще, но в действительности сосредоточилось исключительно на РКЗ. Среди членов Общества преобладали лица консервативных взглядов и ярые националисты. Оно издавало свой печатный орган – «Известия», на страницах которого и публиковались, в частности, статьи в защиту РКЗ. Общество продолжало существовать и в период оккупации ЧСР нацистами. Мареш и его сторонники надеялись, что утверждение власти нацизма в Чехии развяжет им руки. Поскольку антинемецкая направленность РК хорошо известна, Мареш в одной из статей 1939 года – уже после оккупации страны – пустился в софистические рассуждения, силясь доказать, что РКЗ вовсе не носят антинемецкого характера. Он особенно акцентировал тот факт, что РКЗ критиковались в первую очередь самими славянами – И. Добровским, В. Копитаром, В. Ягичем и другими, а также французами – Г. Пари, Л. Леже, Э. Дени[1]. Что же касается немцев, скептически относившихся к РКЗ, то Мареш называл их «нечистыми германцами», видимо, намекая на еврейское происхождение некоторых оппонентов. Однако этими софизмами Марешу не удалось воздействовать на нацистские оккупационные власти. В 1941 году были закрыты «Известия Чехословацкого общества рукописей» и запрещено помещение в печати материалов об РКЗ.

Спор о рукописях отражал политические интересы и идеологические противоречия отдельных групп и слоев чешского общества как в XIX, так и в XX веке, вплоть до оккупации Чехословакии гитлеровскими войсками. После окончания Второй мировой войны полемика прекратилась, однако сторонники подлинности РКЗ остались, особенно в среде провинциальной интеллигенции. После вынужденного самороспуска Общества рукописей в 1952 году (к этому времени оно насчитывало 311 членов) защитники РКЗ практиковали ротапринтные издания различных статеек и «исследований» в пользу своей концепции. Движимые ложным патриотизмом, провинциальные учителя, священники, мелкие чиновники и т. д. находили себе в этом духовное развлечение, не имея понятия о действитель-

[1] Известные французские ученые – слависты, филологи, историки.

ном положении дел. До 1967 года в научной печати не появилось ничего существенного.

В 1967–1968 годах в связи со 150-летием РКЗ ряд чешских ученых предприняли издание, подводящее итоги полуторавековой работы по исследованию рукописей. В это же время тексты были подвергнуты криминалистическому обследованию на основе новейшей методики[1]. Подтвердилось, что письмо РКЗ – искусственное, а РЗ представляет собой палимпсест: с пергамента стерто прежнее письмо и взамен написан текст «Суда Либуши».

Итоги исследований подвели лингвисты, подтвердившие, что язык РКЗ не является древнечешским, а представляет собой искусственное образование периода чешского возрождения[2]. Историки литературы не только показали, что РКЗ относятся к эпохе национального возрождения, но и исследовали источники, ставшие в той или иной мере образцом или импульсом для составления подделок[3]. Так, в книге Ю. Доланского «Неизвестный югославянский источник РКЗ» показано, что Ганка заимствовал эпические образы, многие слова, синтаксические элементы и стилистические средства из книги югославянского поэта А. Качича Миошича «Разговор угодни народа славенскога» (1756). Как уже упоминалось, в других книгах Ю. Доланского показано влияние на РКЗ поэзии М. М. Хераскова и Н. М. Карамзина, а также текста русского перевода песен Оссиана[4].

С исторической точки зрения, РКЗ в основном разоблачены в XIX – первой половине XX века. Чешские ученые 60-х годов XX века завершили эту работу[5], уточнив исторический фон источников РКЗ, после чего стало ясно, что рукописи не являются памятниками чешского средневековья. К аналогичным выводам пришли и историки права[6].

---

[1] См. об этом в уже упоминавшихся книгах: *Ivanov M.* Tajemstvi RKZ. Praha, 1969; *Idem.* Zahada Rukopisu Královédvorského. Praha, 1970. Последняя из изданных по этому вопросу книг Иванова: *Ivanov M.* Utajené protokoly. Praha, 1994.

[2] См.: *Komárek M.* Jazykovědná problematika RKZ// RKZ. Dnešní stav poznání... S. 197–256.

[3] О критике РКЗ с позиций литературоведения см.: *Otruba M., Řepková M.* Lierárněvědná kritika RKZ // Ibid. S. 83–146.

[4] См. уже упоминавшиеся изд.: *Dolanský J.* Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisu Královédvorského a Zelenohorského. Praha, 1968; *Idem.* Ohlas dvou ruských básniku v rukopisech královédvorském a zelenohorském. Praha, 1969; *Idem.* Záhada Ossiana v Rukopisech Královédvorském a Zelenohorskem. Praha, 1975.

[5] Сведения об этом см. в статье: *Meznik J.* Rukopisy z hlediska historie // RKZ. Dnešní stav poznání... S. 147–177.

[6] *Procházka V.* Rukopisy a právní historie // Ibid. S. 179–195.

Подведен итог и палеографическому изучению подделок[1]. Таким образом, уже современными методами научного исследования подтверждено, что РКЗ являются фальсификатами начала XIX века.

Однако мифы, особенно, если они льстят национальному самолюбию, трудно поддаются истреблению. Как известно, некоторые из них бытуют в человечестве не одно тысячелетие и продолжают оставаться объектом веры, несмотря ни на какие рационалистические аргументы. Видимо, мышление человека сочетает рациональное и иррациональное, и разум не всегда в состоянии победить эмоции.

Казалось бы, вопрос об РКЗ ясен. Но в Чехии всегда были люди, сомневавшиеся в этом факте. Сначала они создали «Клуб друзей рукописей», а в 1993 году 13 его членов, собравшись в одном кафе Праги, учредили Чешское общество рукописей, зарегистрированное в Министерстве внутренних дел Чешской республики как общественная организация. Общество объявило себя преемником объединения, закрытого 50 лет тому назад, и провозгласило те же задачи своей работы — доказательство подлинности РКЗ, ибо, по мнению его организаторов, «еще никто научно не доказал» их поддельности. В отличие от официальной литературы и истории, члены Общества считают, что рукописи подлинные. Для пропаганды этого мнения было создано частное издательство «Неклан», которое выпустило в свет текст РКЗ и публикует периодически «Альманах защиты рукописей», первый выпуск которого был организован членами «Клуба друзей рукописей» еще в 1991 году.

На страницах этого и некоторых других изданий публикуются материалы, отрицающие аргументы ученых, доказавших поддельность РКЗ. Никаких соображений, кроме тех, которые были высказаны защитниками рукописей в прежние времена, указанные издания не приводят — разве что фантазии, вроде той, что рукописи были созданы южными славянами и привнесены в Чехию в XV веке, и т. п.

Подводя итог более чем полуторавекового спора в Чехии о знаменитых фальсификатах, следует подчеркнуть, что эти произведения, являясь подделкой общественно-политического характера, сыграли тем не менее в истории чешского народа именно ту роль, для которой были предназначены. В социально-политическом аспекте они явились фактором, способствовавшим воспитанию в чешском народе национального само-

[1] *Fiala Z.* O rukopisech po stránce paleografické // Ibid. S. 49–82.

сознания и становлению чешской буржуазной нации. В этом смысле посеянные рукописями семена пали на хорошо подготовленную почву. В культурном аспекте РКЗ стали источником вдохновения поэтов, писателей, художников, композиторов, создавших классические произведения чешской культуры.

В научном аспекте РКЗ сыграли сложную и противоречивую роль. Своим историческим содержанием и языковой формой они долгое время вводили в заблуждение специалистов по целому ряду отраслей науки. На РКЗ базировались многие труды по истории, филологии, истории права, мифологии, языкознанию. Отсюда проистекали многие ошибки в трудах по этим наукам. В этом смысле РКЗ явились тормозом развития наук, источником заблуждений и ложных выводов. Но, с другой стороны, сам факт фальсификации оказался стимулом, ускорившим развитие ряда научных дисциплин. Так, стремление подтвердить или опровергнуть подлинность РКЗ повлекло за собой тщательнейшее исследование древнечешских текстов, древней и средневековой чешской и немецкой истории, истории права и т. д. Сопоставление содержания и формы РКЗ с подлинными произведениями древности способствовало углублению сравнительно-исторического метода и приемов исследования как в лингвистическом, так и в других научных планах. В процессе изучения и критики РКЗ возникли важнейшие труды по истории чешского языка, основанные на исследовании всех без исключения подлинных древнечешских текстов, дошедших до нового времени.

В условиях чешской действительности прошлого столетия РКЗ стали фактором большого общественного звучания. Уже к середине XIX века РКЗ превратились в орудие чешского национализма. Борьба за выяснение истинного происхождения РКЗ стала частью движения за свободу научного исследования, а в более широком плане – за демократические свободы вообще. Впрочем, и критики подлинности РКЗ подчас использовали полемику в своих политических целях.

Кроме того, рассматривая весь процесс полемики вокруг РКЗ, необходимо учитывать, что убедительное разоблачение подделок стало возможным лишь на новом этапе развития ряда наук, наступившем во второй половине XIX века.

II

КРАЛЕДВОРСКАЯ И ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ РУКОПИСИ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

Изготовив РКЗ, их авторы, в первую очередь В. Ганка, стали активно популяризовать их – главным образом, среди славянских ученых, но также и по всей остальной Европе.

Первые сведения о РК в России относятся к 1820 году, когда известный славянолюб и государственный деятель А. С. Шишков[1] издал первый русский перевод этой рукописи[2]. В своем предисловии Шишков сообщал, что первое чешское издание (1818) было доставлено в Российскую академию[3] известным просветителем – графом Н. П. Румянцевым[4]. Шишков также привел мнение Й. Добровского о РК, рассказал об истории

---

[1] Шишков Александр Семенович (1754–1841) – русский писатель, переводчик, филолог-любитель, военный и государственный деятель. Происходил из мелкопоместных дворян. Получил образование в Морском кадетском корпусе, служил во флоте, участвовал в войнах и был произведен в вице-адмиралы. Был государственным секретарем, членом Государственного совета, министром народного просвещения, а с 1813 по 1841 г. президентом Российской академии. Занимался проблемами изучения русского языка с консервативных позиций, не различал литературный русский и старославянский языки. Был противником реформы русского литературного языка, начатой Н. М. Карамзиным. Поддерживал работу по славянским исследованиям, создал Славянскую библиотеку, вел переписку со славянскими учеными, обменивался с ними литературой. Писал литературные сочинения, филологические работы, словари и частные лингвистические заметки. В целом концепция Шишкова о развитии русского и славянских языков была архаичной и бесперспективной. Но, несмотря на консервативные политические и научные убеждения, Шишков внес большой вклад в русскую культуру, поддерживая научные начинания, инициируя многообразные научные мероприятия. Переводил литературу с итальянского, французского и других языков. О Шишкове написано довольно много. Укажем на соч.: *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных. Л., 1986. С. 41 сл.

[2] Рукопись Краледворская: Сборник лирико-эпических народных песнопений / Издано В. Ганкою в Праге, 1819 (фактически – 1818. – *Л. Л.*) // Известия Российской академии. 1819 (фактически – 1820. – *Л. Л.*). Кн. 7. С. 48–215.

[3] Имеется в виду Российская академия, созданная в 1783 г. В задачу этого научного учреждения входили изучение русского литературного языка, разработка грамматик и словарей. Первым президентом Академии была Е. Р. Дашкова (1743–1810). В 1841 г. Российская академия слилась с Российской академией наук.

[4] Румянцев Николай Петрович (Румянцов) (1754–1826) – русский государственный деятель, дипломат, меценат, ученый, коллекционер. Происходил из старинного дворянского рода, сын фельдмаршала П. А. Румянцова. Получил образование в Европе, служил при дворе, был министром иностранных

находки рукописи В. Ганкой и выразил мнение, что она полезна «столько же и для нашей словесности», поскольку «язык сей старинной рукописи есть почти чистый наш язык». «Что же касается перевода, — продолжал Шишков, — то я оный делал с тем, чтобы показать близость сего старинного богемского языка с общим у нас с ними языком словенским». По мнению Шишкова, все славянские языки настолько близки, что разделяет их «главнейшим образом» лишь письменность, а если бы все они пользовались кириллицей («имели словенские буквы»), то «в произношении слов и даже в самих грамматических правилах не было бы почти никакой разницы». О своем переводе Шишков сообщает, что стремился сохранить «не только те же самые слова, но даже тот же самый порядок оных»[1]. Разумеется, Шишков ни в малейшей мере не сомневался в подлинности РК. Ее открытие он считал большой заслугой В. Ганки. В издании Шишкова чешский и русский тексты напечатаны параллельно. К каждой песне РК издатель предложил собственное толкование отдельных слов и выражений подлинника, а в некоторых случаях приводил «для лучшего понимания» также и текст немецкого перевода, выполненного В. Свободой. Чешского языка Шишков не знал. Разумеется, перевод был далек от совершенства, что было обусловлено уже установкой не отходить от дословного звучания подлинника.

В следующем, 1821 году Шишков издал и РЗ, текст которой он получил при обстоятельствах, описываемых во введении к его изданию. Чешский профессор Й. Юнгманн прислал РЗ польскому ученому Раковецкому, который издавал на польском языке книгу под названием «Правда русская...», для публикации РЗ в этой книге. Шишков приводит отрывок из письма чешского ученого польскому, где и излагается мнение Юнгманна о происхождении древних славян и их языка. Шишков,

---

дел и канцлером. С 1814 г. находился в отставке. Издавал на свои средства «Собрание государственных грамот и договоров», объединил вокруг себя молодых ученых Петербурга и Москвы, составивших т. н. «Румянцевский кружок», члены которого обследовали архивы, разыскивали памятники славянской письменности и совершили ряд серьезных открытий. Некоторые из членов кружка своими исследованиями древних памятников внесли значительный вклад в разработку славянского языкознания. Н. П. Румянцев был организатором научных изысканий, на его средства издавался журнал «Библиографические листы», где публиковались и новые исследования в области славяноведения. О Н. П. Румянцеве см.: *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Н. П. Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888; *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.

[1] О некоторой древней рукописи // Известия Российской академии. СПб., 1821. Кн. 9. С. 47—63.

изложив это мнение, подчеркивает, что из «Суда Либуши» видны «некоторые тогдашнего времени языческие обряды, також и некоторые выражения, показующие, что сии славянские письмена имели свою правду, то есть законы от предков своих наследованные и на собственном их языке писанные»[1]. Таким образом, текст РЗ Шишков получил через Раковецкого. Затем издатель публикует чешский и русский тексты РЗ с примечаниями. Перевод был таким же буквальным и страдал теми же недостатками, что и перевод РК.

Об интересе русской публики к РКЗ в начале 30-х годов XIX века свидетельствует тот факт, что издатели популярного журнала «Телескоп» опубликовали в 1833 году перевод французской статьи Эдгара Кине «О богемской эпопее»[2]. Этот перевод был напечатан лишь с краткими примечаниями, касавшимися, впрочем, не РКЗ, а других вопросов, затронутых Кине попутно. Остальные положения этого автора, видимо, возражений не вызвали. Поскольку же сам Кине был уверен в подлинности РКЗ, это убеждение явно разделялось и русскими издателями статьи.

Широкое применение нашли РКЗ в творчестве и педагогической деятельности О. М. Бодянского[3]. Преподаватель латинского языка во 2-й Московской гимназии, будущий профессор кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, Бодянский издал в 1837 году свою магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских пле-

---

[1] Там же. С. 49.

[2] *Кине Э.* О богемской эпопее // Телескоп. 1833. № 7. С. 273–287. Название оригинала: *Quinet E.* De l'Epopée des Bohèmes // Revue de deux mondes. Paris, 1831. T. 3. № 4.

[3] Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – один из основателей славяноведения в России. Родился в семье приходского священника. Окончил Московский университет в 1834 г. Со студенческих лет интересовался литературой и историей, изучал произведения народного творчества, которое хорошо знал. После защиты магистерской диссертации был командирован за границу для подготовки в славянских странах к занятию в Московском университете вновь учрежденной кафедры истории и литературы славянских наречий. В командировке побыл 5 лет, посетил многие славянские земли, но бóльшую часть времени провел в Праге, слушая лекции главным образом у П. Й. Шафарика, с которым впоследствии сотрудничал вплоть до смерти последнего в 1861 г. Перевел на русский язык знаменитые произведения Шафарика «Славянские древности» и «Славянскую этнографию», а также и ряд других работ, посылал чешскому ученому книги и научные материалы и получал из Праги литературные новинки по славяноведению. Этот научный обмен весьма способствовал развитию славяноведения в Московском университете. Был также секретарем Общества истории и древностей российских и редактором его научного журнала «Чтений...», первого в России, где публиковались источники

мен», за которую первым в России получил степень магистра славянской филологии. В диссертации подробно разбирались поэтические произведения чехов, словаков, сербов, поляков и русских; доказывалось, что славяне своей народной словесностью богаче всех других европейских народов. Чешская поэзия характеризовалась на основе РКЗ[1].

Работа в целом была встречена русской критикой недружелюбно. В журнале «Библиотека для чтения» был помещен насмешливый отзыв, в котором Бодянский обвинялся в идеализации славянства. Этот отзыв — при всей его неакадемической форме — был по существу справедлив[2]. Идеализация славян в диссертации Бодянского действительно имела место и базировалась, в частности, на РКЗ как доказательстве высокой культуры и добродетельности славян уже в древности. Впрочем, такая идеализация объяснялась и общим состоянием науки о славянах.

В дальнейшей своей деятельности в качестве единственного профессора славяноведения в Московском университете Бодянский широко использовал РКЗ в занятиях со студентами. В его архиве сохранилось большое число рукописных студенческих работ, содержащих переводы на русский язык отдельных поэм РК и РЗ, их филологический и исторический анализ, что выполнялось по заданию профессора[3].

В качестве источника для исторического исследования первым в России использовал РКЗ знаменитый впоследствии русский славист И. И. Срезневский[4]. Во время своей продолжительной заграничной научной командировки (1839–1842) он

по истории славян, памятники славянской письменности, исторические и филологические исследования. В ходе многолетней работы в Московском университете воспитал ряд одаренных учеников, в том числе и будущих крупных ученых-славистов. Внес большой вклад в изучение славян и вообще в развитие славяноведения в России. Литература о Бодянском обширна. Новейшее освещение его творчества см. в кн.: *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 40–108 (и другие по указателю).

[1] О народной поэзии славянских племен: Рассуждение на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Иосифа Бодянского. М., 1837. Здесь на с. 56–80 имеются сведения об РКЗ.

[2] Библиотека для чтения. Т. XXIII. 1837. С. 15 сл.

[3] Отдел рукописей Института литературы (Киев). Ф. 99. — О. М. Бодянский. № 99 $^{211}/_{824}$; 99 $^{216}/_{811}$ и др.

[4] Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — крупнейший русский ученый-славист XIX в. Родился в Ярославле, в семье профессора. Окончил Харьковский университет, защитил магистерскую диссертацию и стал адъюнк-

долго жил в Праге и близко сошелся с В. Ганкой, связи с которым не прерывал до смерти последнего в 1861 году. Внимание Срезневского привлекла к себе прежде всего РЗ. В одной из своих работ 1838 года, коротко остановившись на истории ее открытия, ее содержании и изданиях, а также на отрицательном отзыве Й. Добровского, Срезневский решительно защищал подлинность РЗ и выражал свою солидарность с теми учеными, которые считали ее «драгоценным памятником». Срезневский тоже опубликовал РЗ в подлиннике и «в русском чтении», сделал при этом попытку прокомментировать отдельные слова РЗ и упомянутые в ней факты. Материал РЗ служил Срезневскому для суждений об общественном устройстве, образованности и других особенностях жизни древних славян. Весьма характерно для общего настроения ученого заключение статьи: «Любите, храните, чехи, свои народные драгоценности и защищайте их от нападок всеразрушающей критики, если по

том (т. е. преподавателем) этого учебного заведения. Собирал и записывал песни, предания, думы и другие произведения народного творчества. С середины 30-х гг. публиковал статьи в ряде журналов об украинской истории, этнографии и фольклоре. В 1839 г. был командирован за границу для приготовления к профессорскому званию и последующего занятия в Харьковском университете кафедры истории и литературы славянских наречий. За время пребывания за границей (1839—1842) посетил почти все славянские страны, изучал живые славянские языки и этнографию славян, сделал ряд существенных уточнений в определении границ расселения славянских народов и распространения их языков. Многие славянские земли прошел пешком, например Лужицы — территорию расселения лужицких сербов в Германии. По возвращении в Россию занял кафедру истории и литературы славянских наречий в Харькове, а с 1847 г. стал профессором Петербургского университета на такой же кафедре, где и проработал до конца жизни. Срезневский принадлежит к числу основателей славяноведения в России. Он первым в Российской империи стал доктором славяно-русской филологии, защитив в 1846 г. диссертацию на тему «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям». Ему принадлежат сочинения «О наречиях славянских» (1841), «Исторический очерк серболужицкой литературы» (1844) — первое описание культурно-литературной деятельности лужицких сербов не только в России, но и в Европе, а также много других важных сочинений. В Петербурге Срезневский перешел главным образом к изучению русского языка и изданию древних памятников русской и другой славянской письменности. Являлся действительным членом Российской имп. академии наук и играл весьма активную роль во всех делах ее Второго отделения (т. е. Отделения русского языка и словесности — ОРЯС). О Срезневском существует огромная литература. Укажем следующие издания: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916. Кн. I; Славянские языки, письменность и культура: (К 180-летию рождения И. И. Срезневского). Киев, 1993; *Богатова Г. А.* Измаил Иванович Срезневский. М., 1985.

совести признаете их того достойными»[1]. Через два года Срезневский обратился также к РК. И эту рукопись он также признавал без всяких сомнений подлинной, характеризуя ее как «общую драгоценность всех славян, драгоценность неоценимую, памятник старины о старине», «как средоточие красот поэтических, которыми столь богато ее содержание». Срезневский признавал высокую ценность РК в языковом и особенно в этнографическом отношении и делал вывод, что «она должна быть изучаема с ревностию всеми, для кого не чужды имя славян и их былое», а также отмечал большое значение РК для исследований о древней религии славян и собирался «выписать из стихотворений все места, имеющие отношение к религиозным верованиям и обрядам», чтобы «заполнить некоторые белые пятна в истории религии славян»[2].

В 1846 году Срезневский по материалам РКЗ написал сочинение «Об обожании солнца у древних славян».

Еще одним русским ученым, использовавшим РКЗ в своих исследованиях, был Н. Д. Иванишев[3], впоследствии профессор Киевского университета. Он также во второй половине 30-х го-

---

[1] *Срезневский И.* Сеймы // Очерки истории России, издаваемые В. Пассеком. СПб., 1838. Кн. I. С. 226–239.

[2] *Срезневский И. И.* Извлечение из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Ч. XXVIII. 1840. № 12. С. 115–148.

[3] Иванишев Николай Дмитриевич (1811–1874) – правовед и историк. Сын священника, родился в Киеве. Окончил в 1835 г. Петербургский педагогический институт и был командирован за границу для подготовки к профессорскому званию сроком на два с половиной года. Изучал историю права в Берлине, славянские языки – в Праге, здесь же разыскивал памятники славянского права. Один из первых юристов, убежденных в необходимости изучения истории славянских законодательств для объяснения древнерусского права. Под руководством В. Ганки в Праге занимался и палеографией. В 1838 г. возвратился в Россию и был определен адъюнктом в Киевский университет. В 1840 г. защитил диссертацию и получил степень доктора. Обстоятельства отдалили Иванишева от занятий славянским законодательством, с 1843 г. он перешел к изучению истории Юго-Западного края Российской империи, то есть Украины. К этому времени он был уже профессором Киевского университета и читал различные курсы лекций по предметам юридической науки. Иванишев прослужил также 20 лет в киевской Комиссии для разбора древних актов. По его инициативе в 1852 г. был создан в Киеве Центральный архив. Иванишев издавал документы, писал работы на основе новых, ранее неизвестных источников и внес существенный вклад в развитие отечественной науки. См. о нем: *Лаптева Л. П.* Профессор университета св. Владимира Н. Д. Иванишев (1811–1874) и его деятельность в Киевской археографической комиссии // Український Археографічний Щорічник. Нова Серія. Київ, 1992. Вип. 1. С. 47–58; *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии: (Школа западно-русского права). Брянск, 1996. С. 17–30.

дов XIX века был в командировке с научной целью за границей и около года занимался в Праге славянскими языками, древностями и законодательством. Особенно близко он сошелся с В. Ганкой, при котором выполнял даже некоторые секретарские обязанности: многие черновики писем Ганки в Россию написаны рукой его русского ученика. Иванишев занимался историей славянского права и написал на эту тему ряд работ, в том числе докторскую диссертацию «О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою» (Киев, 1849). Кроме нее Иванишев посвятил славянскому праву также «Рассуждение об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском». Оно представляло собой речь, которую юридический факультет Киевского университета поручил Иванишеву произнести на торжественном акте 15 июля 1841 года. В этой речи говорилось, в частности, о конкубинате и умерщвлении младенцев родителями как об обычаях древних народов. Речь возмутила митрополита Киевского Филарета, посчитавшего ее оскорбительной после «приобщения Святых Тайн». Разгорелся скандал. Дело дошло даже до царя, но потом уладилось. Текст речи был даже опубликован, правда, с сокращениями[1]. Между тем содержание речи большого научного значения не имело; хотя оно основывалось на сравнительном рассмотрении славянского и германского законодательств, но в части «богемской» опиралось на подделки – «Суд Либуши» и РК. В своей речи Иванишев ссылался на издание этих рукописей, осуществленное П. Й. Шафариком и Ф. Палацким в 1840 году[2].

В 1845–1846 годах А. Соколов[3] издал в Казани РК и РЗ в русском переводе с собственным введением и примечаниями. Обе рукописи он назвал «самыми замечательными памятника-

[1] ЖМНП. Ч. XXXVI. 1842. № 10. Этот текст опубликован и в переводе на чешский язык: Časopis českého museum. 17. 1843. S. 597; 18. 1844. S. 128, 349, 389.

[2] *Šafařík P. J., Palacký F.* Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache... Prag, 1840.

[3] Соколов Авдей Иванович (1824–1893) – филолог, журналист. Окончил Казанский университет, читал лекции по славянским наречиям там же в 1849–1850 гг. В последующие годы публиковал переводы на русский язык из польской и сербской поэзии. До 1873 г. служил на различных должностях по ведомству народного просвещения, затем был редактором «Саратовского справочного листка». Занимался публицистикой. РКЗ исследовал еще будучи студентом. О нем см.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь (далее – СДР БС). М., 1979. С. 365–366; *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX – начала XX вв. // Sborník Národního musea. Řada C. 1973. Sv. 18. Nr. 1–2.

ми древней литературы чехов»[1]. Он перечислил осуществленные переводы РК и ее фрагментов на русский язык, высказал некоторые оценки о них. Так, упомянув о переводе РК А. С. Шишковым, Соколов констатирует: «Не зная чешского языка, Шишков переводил, сообразуясь с немецким переводом и со словопроизводством часто натянутым». Затем Соколов перечисляет русские переводы и перепечатки фрагментов РК, появившиеся в разных изданиях. Так, он указывает, что в «Телескопе» была помещена поэма «Забой, Славой и Людек», переведенная П. Д<убровским>, а также опубликован перевод статьи Э. Кина «О богемской эпопее»; что в «Очерках России» В. Пассека (кн. III) была помещена статья А. В<ельтмана> «Русская литература», где автор касался РК, приводил в подлиннике текст поэмы «Забой, Славой и Людек» и отрывки из других. В «Маяке» был напечатан в стихах перевод той же поэмы, осуществленный Тарховым, а также его перевод поэмы «Роза». Наконец, указано, что в сочинении Боричевского «Повести и предания народов словенского племени» помещены переводы поэм «Ольджих и Болеслав», «Забой, Славой и Людек» и «Суд Либуши», однако и перевод, и примечания к нему «не имели, — по мнению А. Соколова, — большого значения»[2].

Из приведенного им перечня переводов и публикаций, появившихся в русской печати, можно сделать вывод, что элементы РКЗ уже вошли в русскую литературу и историографию, поскольку публиковалась не только информация о них, рукописи использовались и в качестве источников при исследовании вопросов, касающихся русской и другой славянской народной словесности.

Далее Соколов в своем сочинении подробно останавливается на составе РК, что в России было осуществлено впервые. Он приводит мнения ученых о возможной датировке описываемых в РК событий и датировке самой рукописи, о возможном ее авторе, о первых публикациях и переводах. Соколов разобрал каждую из поэм РК, привел различные высказывания об особенностях их стиля и содержания. В области оценки РК главным авторитетом был для него чешский историк Ф. Палацкий. Однако по некоторым вопросам русский автор высказывает и свои собственные суждения, притом критические. Так, по его мнению, в поэме «Честмир и Власлав» бросается в

[1] *Соколов А.* Краледворская рукопись и «Суд Любуши» // Ученые Записки, издаваемые Имп. Казанским университетом. 1845. Кн. IV (145 страниц; указанная фраза на стр. 1).

[2] Там же. 1846. Кн. I. С. 10.

глаза неопределенность местности, где происходит действие, а «осада Крувоева города представлена так, как, по нашему мнению, она никогда не могла происходить у чехов». Словом, хотя эта поэма основана на старых сагах, «но выполнена по идее гораздо позднейшего поэта», – заключает автор[1]. Излагая содержание поэмы «Ярослав», где описывается битва христиан с татарами, Соколов констатирует: «Здесь поражает нас ее сходство со "Словом о полку Игореве" – как в отдельных словах, так и в духе ее»[2]. Далее Соколов замечает, что во всех лирических песнях РК «более или менее виден отпечаток характера общеславянских песен, и некоторые иногда напоминают наши русские песни, доныне ходящие в устах народа <...>. Так, песня "Ягоды" сходна с русской песней "Ходила младешенька по борочку", песня "Роза" напоминает "Ах ты сад ли мой сад, сад да зеленое виноградье". Конец этой песни сходен с другой русской песней»[3]. Аналогичным образом разбирается Соколовым и РЗ[4]. Приводятся данные о ее «открытии», первых изданиях, критике И. Добровского, возражениях на эту критику Ф. Палацкого. О русских переводах РЗ говорится, что первый из них выполнен А. С. Шишковым и существуют еще «переводы Граматина и Боричевского. Первый перевел "Суд Либуши" стихами и поместил в своем сочинении при издании "Слова о полку Игореве". В замечаниях к словарю, приложенному к тексту, автор замечает: "Некоторые слова совершенно сходны с нынешним языком <...> и вообще язык РКЗ очень сходен с русским и особенно с церковнославянским"»[5].

В целом, А. Соколов безоговорочно верит в подлинность РКЗ, а исторические несоответствия в них объясняет древностью, т. е. возникновением рукописей в то время, когда других источников не было. Сходство языка с другими славянскими является, по Соколову, подтверждением общности их происхождения, а аналогий песен РКЗ с русскими он не объясняет никак. Соколов повторяет доводы Палацкого о том, что в Чехии просто не было фальсификатора, способного сотворить такие подлоги. Работа Соколова представляет собой не только простой перевод РКЗ, это первый в России подробный их разбор, осуществленный на основе знаний, накопленных наукой первой половины XIX века.

[1] Там же. 1845. Кн. IV. С. 25.
[2] Там же. С. 16.
[3] Там же. С. 26.
[4] Там же. 1846. Кн. I. С. 1–78.
[5] Там же. С. 67.

В 1846 году вышел первый русский стихотворный перевод РК[1]. Переводчик – Н. Берг[2] – назвал РК «собранием древних чешских стихотворений». В своем предисловии он остановился на истории открытия РК, основных ее изданиях и переводах на русский язык. В работе Берга приведена также основная библиография по теме.

На издание Берга откликнулся известный в то время русский публицист О. Сенковский[3]. Его отзыв представляет собой первую в русской литературе работу, решительно отрицавшую подлинность РК, правда, без особой научной аргументации. Приводя сведения о всякого рода литературных подлогах с древних времен до XIX века, Сенковский отмечал, что к началу этого столетия «почти повсюду неожиданно стали открываться древние народные песни, рассказы, эпопеи <...> Господин Ганка, богемский литератор, антикварист и мечтатель, столь известный своей восторженностью, отправился в начале 1817 года в городок Кралеви Двор нарочно для отыскания древних памятников чешской литературы; и как он отправился туда нарочно и в макферсонову эпоху, то, разумеется, и не мог не найти там в каком-то погребу отличного отечественного Оссиана. Целую рукопись привез он оттуда в Прагу. Как обыкновенно водится в подобных "открытиях", рукопись эта единствен-

---

[1] Краледворская рукопись: Собрание древних чешских эпических и лирических песен / Пер. Н. Берга // Московский литературный и ученый альманах. М., 1846. С. 219–291.

[2] Берг Николай Васильевич (1823–1884) – историк, поэт, переводчик. Происходил из семьи обрусевших прибалтийских немцев. Учился в Московском университете. В период Крымской войны находился в действующей армии, служил переводчиком. С середины 50-х гг. занялся журналистской работой, писал корреспонденции в различные периодические издания. В 1863 г., во время восстания в Польше, находился там в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», позднее описал историю восстания в «Записках о польских заговорах и восстаниях» (1873), эта работа стала его главным историческим сочинением. Как переводчик, сыграл важную роль в ознакомлении русской публики с поэзией западных и южных славян. Кроме Краледворской рукописи переводил произведения А. Мицкевича, сербские народные песни, в 1854 г. издал сборник «Песни разных народов». Его переводы пользовались большой популярностью, некоторые не утратили художественной ценности и до наших дней. О нем см.: СДР БС. С. 47–48; *Ровда К. И.* Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур. 1870 – 1890. Л., 1978. С. 98 – 120.

[3] Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – профессор востоковедения Петербургского университета. Издавал журнал «Библиотека для чтения», где помещал критические рецензии на исторические и литературные сочинения. В собственных рецензиях, очень толковых по существу, любил «позабавиться и поглумиться», чем нередко вызывал скандалы. Журнал его имел весьма высокий тираж.

ная, codex unicus... А по старинным и непременным законам критики рукописных литератур одно это уже обстоятельство — единственность списка — достаточно для причисления открытия к разряду opera spuria... Как бы то ни было, поэмы Краледворской рукописи вскоре затмили славу самого Оссиана. Господин Берг вспомнил о ней ныне и перевел вторично — для чего, про то знает он. Господин Берг суда критики не признает над собою. Он сам себе критик. Все достоинства своего труда он излагает откровенно и беззаботно». Далее рецензент резко критикует стихи Берга и заключает: «Всюду заметно подражание Оссиановым формам. Поэма "Людиша и Любор" — чистый Оссиан». Сенковский подчеркивает свое неверие не только в подлинность РК, но и других «новооткрытых» памятников. Так, он замечает: «"Суд Любуши" (в России часто это имя транскрибировалось именно так. — *Л. Л.*) открыт неизвестным лицом и подарен Пражскому музею неизвестно кем»[1]. Как видно из приведенных отрывков рецензии, Сенковский не вдавался в научный анализ РКЗ. Единственным его доводом против их подлинности был тот факт, что памятники открыты в «макферсонову эпоху» и представляют собой codex unicus. Тем не менее следует воздать должное чутью одного из талантливейших русских публицистов, который в обстановке всеобщего восхищения фальсификатами посмел высказать столь решительную уверенность в «незаконности» их происхождения.

1850-м годом следует датировать возникновение интереса к РКЗ у крупнейшего историка литературы и слависта А. Н. Пыпина[2]. Позднее он вспоминал, что, собираясь поступать в Пе-

[1] [*Сенковский О.* Рец. на кн.:] Краледворская рукопись / Пер. Н. Берга // Библиотека для чтения. Т. 84. 1847. Август. Отд. 6. С. 1—10.

[2] Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — крупнейший русский литературовед, этнограф, археограф, публицист. Окончил Петербургский университет. В 1857 г. защитил магистерскую диссертацию «Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских». В 1858—1859 гг. был за границей для приготовления к профессорскому званию. Посетил Германию, Францию, Англию, Голландию, Швейцарию, Италию, а также Чехию, куда приезжал и позднее. По возвращении стал в 1860 г. экстраординарным профессором Петербургского университета, но вскоре, в знак протеста против правительственной политики в отношении студентов, вышел в отставку и занялся исключительно литературной деятельностью. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Современник», а с 1867 г. до конца жизни — в «Вестнике Европы». Пыпин исследовал историю древнерусской и зарубежной литературы, общественную мысль, этнографию, писал биографии и оценивал творчество писателей современности и прошлого. Большой вклад внес он в изучение славяноведения. В 1865 г., при участии В. Д. Спасовича,

тербургский университет, часто беседовал со своим кузеном Н. Г. Чернышевским[1], в то время уже студентом и учеником Срезневского, о славянских древностях, в частности — «с большим любопытством слушал отрывки из Краледворской рукописи и Любушина суда». Из тех же воспоминаний явствует, что Срезневский, будучи горячим защитником подлинности РКЗ, ввел лекцию о них в свой университетский курс. Можно отметить, что и молодой Чернышевский находился под влиянием своего учителя и разделял его отношение к РКЗ.

Любопытное свидетельство интереса А. Н. Пыпина к РКЗ можно найти в одном из посвященных ученому некрологов. Здесь указано, что он в конце 1850 года писал своему другу, будущему писателю Д. Л. Мордовцеву[2] следующее: «Я читал Краледворскую рукопись на новочешском языке <...>. Как бы хорошо было, если бы ты перевел Краледворскую рукопись на хохлацкий язык (или малороссийский, как угодно), на тот, которым говорят у Вас на Дону. Ганка затевал издания Крале-

---

опубликовал «Обзор истории славянских литератур», а в 1879–1881 гг. вышло второе переработанное его издание под титулом «История славянских литератур» (в двух томах). Книга носила новаторский характер, была первым опытом систематического освещения истории славянских литератур, получила широкую международную известность, была переведена на многие языки. Литературное наследие Пыпина огромно. Он опубликовал около 1400 работ разного жанра, содержащих исследования по истории культуры России, славянских и других народов, оценивая материал с прогрессивных позиций. В течение ряда десятилетий он входил в число авторитетнейших ученых в широком спектре общественных дисциплин. Из-за своей твердой либеральной ориентации в рамках современной ему политической и культурной жизни Пыпин был избран академиком только в 1898 г. Литература о Пыпине очень значительна, основные сочинения указаны в изд.: СДР БС. С. 286–289.

[1] Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — писатель, мыслитель, публицист, критик. Сын священника. В 60–70-е гг. XIX в. являлся духовным вождем революционно-демократического направления общественной жизни России. Окончил Петербургский университет, защитил магистерскую диссертацию на тему «Эстетическое отношение искусства к действительности» (1855). За революционную деятельность был осужден в 1862 г., предан гражданской казни и сослан в Сибирь на каторгу. Возвратился в 1883 г., но не получил разрешения жить в столицах и поселился в Астрахани, а последние 4 месяца жизни провел в Саратове. Славистическую подготовку Чернышевский получил у И. И. Срезневского и в суждениях о РКЗ находился под его влиянием. С 1854 г. поместил в журнале «Современник»много рецензий на славистические работы. Поскольку Чернышевский относился к революционным демократам, его творчество подробно изучалось марксистской историографией в России. Издано собрание его сочинений (Т. 1–16, 1939–1953), создана огромная литература, которая перечислена в статье В. А. Дьякова о Чернышевском; см.: СДР БС. С. 359–362.

[2] Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) — писатель и историк.

дворской рукописи Polyglotta; через Срезневского твой перевод мог бы быть передан Ганке <...> странно было бы, если бы не было переводов славянских, когда есть перевод немецкий, даже английский. Я просил уже Николю (т. е. Чернышевского. – *Л. Л.*) поговорить об этом со Срезневским. Ты, разумеется, стал бы переводить стихами. Древнечешский язык так нетруден, так близок к церковнославянскому, даже к нынешнему русскому, что не будет предстáвлять почти никакой трудности». Далее Пыпин рисовал своему товарищу лингвистические особенности РК и ее потенциального перевода самым детальным образом. Известно, что Д. Л. Мордовцев выполнил перевод и выслал его Пыпину, что Пыпин тщательно и заботливо отнесся к рукописи своего друга, предложив ему внести лишь некоторые исправления и уточнения[1]. Однако в печати перевод Д. Л. Мордовцева так и не появился.

С конца 50-х годов судьбой РКЗ заинтересовался известный в ту эпоху русский славист П. А. Лавровский[2]. Весной 1860 года он совершил поездку по чешским городам, о которой впоследствии написал подробный отчет, изданный, впрочем, лишь через 8 лет[3]. Посетив Зеленую Гору, Лавровский описал историю находки РЗ. Поездка Лавровского состоялась в тот мо-

---

[1] *Глинский Б. Б.* Александр Николаевич Пыпин // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 28–78.

[2] Лавровский Петр Алексеевич (1827–1886) – ученый и деятель просвещения. Сын сельского священника. Окончил Главный Педагогический институт в Петербурге, где славистические дисциплины преподавал И. И. Срезневский. По рекомендации последнего занял в 1851 г. кафедру истории и литературы славянских наречий Харьковского университета. Читал различные славистические курсы, изучал вопросы славянской филологии. В 1852 г. защитил магистерскую диссертацию «О языке северных русских летописей». В 1859–1861 гг. находился в заграничной командировке в славянских странах. Посетил Чехию. Был сторонником славянофильской концепции. По вопросам внутренней политики России разделял охранительные взгляды. Поэтому в 1869 г., когда в Варшаве был создан русский университет, Лавровский был назначен его ректором, а затем занимал высшие государственные должности в сфере просвещения, например, попечителя Одесского учебного округа. Основные славистические труды Лавровского посвящены языку и палеографическим особенностям древних письменных памятников. Так, его докторская диссертация носит название «Исследование о летописи Якимовской». Несмотря на консервативные политические взгляды и предвзятое, в идеалистическом смысле, славянофильское отношение к славянам, Лавровский внес своими трудами большой вклад в российское славяноведение. В 1870 г. издал «Сербско-русский словарь», а в 1880 – «Русско-сербский словарь». Литературу о нем см.: СДР БС. С. 213–214; *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1 (далее – Б.ВЯ.Бс.1). С. 140–142.

[3] *Лавровский П. А.* Поездка во внутреннюю Чехию весною 1880 года // Утро: Сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1868. С. 93–246.

мент, когда чешская общественность живо обсуждала недавний судебный процесс между Ганкой и редактором газеты «Тагесботе аус Бёмен» Д. Ку (Kuh). Полагая, что русскому читателю РКЗ и их история мало известны, Лавровский подробно изложил связанные с ними события, упомянул о воззвании Ф. Коловрата (1818 г.) присылать в Чешский музей старинные рукописи, об анонимном пакете с рукописью «Либушина суда» и дальнейшей судьбе присланного текста. Лавровский осуждает Й. Добровского за неверие в подлинность РЗ, объясняя его старческой раздражительностью корифея, принявшей «болезненные формы». По словам Лавровского, после смерти Добровского в 1829 году началась новая эпоха в судьбе «драгоценного отрывка»[1]. Русский ученый с энтузиазмом пишет о многочисленных изданиях РЗ и о защите ее подлинности Ф. Палацким. Естественно, позиция Копитара Лавровским не одобряется. Зато он всячески приветствует книгу П. Й. Шафарика и Ф. Палацкого «Старейшие памятники чешского языка» (1840), полагая, что этот труд корифеев славистики «разом перевернул» мнения о заподозренном памятнике, так что последний «занял место в науке о славянстве как один из редчайших по древности и драгоценнейших по содержанию своему для истории, права, языка и поэзии отдаленной эпохи жизни славянской». Лавровского радует, что РЗ стала изучаться в гимназиях и университетах, что на эту рукопись «не останавливались делать и ученые ссылки в самых строгих и глубоких исследованиях». Весьма характерна та оценка, которую Лавровский дает общественной атмосфере с точки зрения отношения к РЗ отдельных личностей. Он пишет: «Выступить против так высоко оцененного памятника стало означать то же, что вступить в прямую борьбу со всем специально ученым и образованным славянством»[2]. Разумеется, выступление в октябре 1858 года пражской газеты «Тагесботе» против подлинности РКЗ Лавровский расценивает как прямую попытку немецких шовинистических кругов («поборников немецкого пропагандизма между славянами», как он это охарактеризовывает) дискредитировать славянскую науку и принизить престиж славянства во всем мире. «Чехи, – говорит он, – видели в обвинении своего ветерана (т. е. Ганки. – *Л. Л.*) нападение на целую свою народность, усилия оттолкнуть и унизить все, чем справедливо гордятся они»[3]. Любопытно, что Лавровский упомина-

[1] Там же. С. 190
[2] Там же. С. 191.
[3] Там же. С. 192–194.

ет и о получении Ганкой от археолога Крольмуса известной записки, в которой последний сообщал, что его покойный друг Горчичка неоднократно рассказывал ряду лиц об обстоятельствах открытия РЗ. Лавровский полагает, что Ганка не использовал эту записку для своего оправдания потому, что не желал «быть свидетелем в собственном деле»[1]. Разумеется, Лавровскому и в голову не могло прийти то объяснение, которое высказано в самые последние годы чешским исследователем Мирославом Ивановым, полагающим, что Ганка не воспользовался свидетельством Крольмуса, боясь проникновения в судебный процесс имени Горчички, который, видимо, снабжал Ганку чернилами, изготовленными по древнему рецепту[2].

Лавровский излагает также историю расследования дела об открытии РЗ, предпринятого В. В. Томеком. Ученый и позднее продолжал интересоваться Ганкой и его рукописями. В 1861 году, сообщая о смерти Ганки, Лавровский писал, естественно, и об РКЗ, о том судебном процессе, который был якобы начат «Кугом» и представлял собой дело «чисто правительственное», так что «продажный Куг явился только орудием немецко-австрийской централизации». В вызванном судебным процессом потрясении Ганки Лавровский усматривает и непосредственную причину его смерти, не подозревая, разумеется, сколь сильным на самом деле могло быть это потрясение для фальсификатора. С точки зрения Лавровского, ухудшение здоровья Ганки могло произойти от «глубокого оскорбления и огорчения, нанесенных славному старцу процессом с Кугом, орудием темной австрийской власти»[3]. Исследования последних десятилетий XX века подтвердили, что процесс был затеян австрийской полицией с провокационными целями.

Почти одновременно с Лавровским Прагу посетил и А. Н. Пыпин, который тоже подробно описал свое пребывание в чешской столице. Судебный процесс между Ганкой и Ку побудил и Пыпина детально рассказать русской публике об РКЗ. Пыпин тоже предстает защитником их подлинности. Он полагает, что РК «бросила совершенно новый свет на всю чешскую древ-

[1] Там же. С. 196–208.

[2] См.: *Ivanov M.* Záhada rukopisu Královédvordkeho. Praha, 1970. Иванов Мирослав (р. 1929 г.) – чешский журналист и писатель. Окончил Пражский университет, работал там же на кафедре чешской и словацкой литературы философского факультета. Затем полностью перешел к литературной деятельности и написал ряд книг, среди которых «Тайна РКЗ» (1969), где на основании данных криминалистического исследования описана история возникновения РКЗ и подтверждена их подложность.

[3] Известия Второго Отделения имп. Академии наук. 1861. Т. IX. С. 234–238.

ность», «имела благодатные действия на ход новой литературы», что «в великолепных песнях Краледворской рукописи открылся новый мир древнечешской поэзии»[1]. Далее Пыпин описывает историю открытия РК, всеобщее восхищение, вызванное ею в литературных кругах, упоминает о предпринятом И.-В. Гёте переводе одного из отрывков и о новых изданиях РК. Затем Пыпин говорит также о РЗ, выражая мнение, что теперь уже не приходится сомневаться в этом памятнике как «драгоценном остатке славянской древности». Критику Добровского А. Н. Пыпин, как и П. А. Лавровский, объясняет «желчностью и подозрительностью». В том же духе, что Лавровский, Пыпин описывает и отношение Копитара к РЗ и РК, одобряет оценку рукописей Шафариком и Палацким (1840) и т. д. Обвинения немецких ученых в адрес Ганки, в котором они подозревали фальсификатора, Пыпин квалифицирует как «наглость». С иронией говорит он о «скептиках, считавших свои сомнения за верх критицизма». Пыпин полагает, что «после превосходного критического издания Палацкого и Шафарика <...> сомнения (в подлинности. — *Л. Л.*) обнаруживают уже не тонкость, а скорее тупость критической способности у тех, кто продолжает стоять на скептической точке зрения». Далее Пыпин рассказывает о статьях в «Тагесботе», комментируя их словами: «Автор (статей в этой газете. — *Л. Л.*) не боится поднимать дело, уже порешенное». Процитировав некоторые отрывки из статей в «Тагесботе», Пыпин заявляет, что чехи «давно не видели подобной наглости в своих противниках». В вопросе об инициаторе судебного процесса между Ку и Ганкой Пыпин оказался информированным лучше Лавровского. «Ганка, — отмечает Пыпин, — не нашел лучшего средства отвечать на клевету, как предоставивши спор на решение суду; он начал литературный процесс против редактора "Тагесботе" как против клеветника». Пыпин излагает также содержание известного ответа Палацкого на статьи в «Тагесботе», опубликованного в газете «Богемиа». Далее Пыпину представляется весьма удачным объяснение филологических особенностей РКЗ, предложенное М. Гатталой. Русскому ученому было известно и исследование Германегильда Иречека об исторической и юридической стороне РЗ.

Особенно необоснованными представлялись Пыпину нападки на РК, он объяснял их «невежеством и недобросовестностью». По мнению Пыпина, исследования защитников под-

[1] *Пыпин А. Н.* Два месяца в Праге // Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910. С. 160 (впервые опубликовано в 1859—1860 гг.).

линности РКЗ опровергли «все сомнения, какие только мог выставить недоброжелательный взгляд неизвестного чехоеда».

Пыпин останавливался не только на чисто научных аспектах спора, но и на резонансе, вызванном в обществе полемикой вокруг РКЗ. В заключение статьи Пыпин, как и Лавровский, рассказывает о расследовании В. Томека[1].

Как видно из изложенного, Пыпин в начале своей научной деятельности не во всех вопросах расходился со славянофильскими представлениями, свойственными значительному числу его современников. Следует, однако, учесть, что, защищая тезис о подлинности РКЗ на рубеже 50-х и 60-х годов XIX века, Пыпин уже в то время решительно отвергал славянофильский взгляд на славянство в целом. Естественно, что в более поздние годы он переменил и свое мнение о РКЗ.

В 1861 году Пыпин отозвался на смерть Ганки, о котором писал прежде всего как о человеке, открывшем РК, и называл этот памятник «собранием поэм и песен XIII—XIV вв.», приведшим в восторг патриотов своими «славными национальными преданиями <...> чувством народности и мягкой, увлекательной поэзией». Разумеется, следует согласиться с суждением Пыпина, что открытие РК «сделалось событием для целого славянского мира», что «чехи с гордостью видели в ней лучшее произведение, какое только сбереглось от старой поэзии славянского племени». Пыпин и в 1861 году полагал, что рукопись открыта «случайно». Он с увлечением излагал историю «открытия», состав рукописи, характеризовал лирические и эпические ее песни; подчеркивал, что «чешская старина явилась в поэмах Краледворской рукописи в таких привлекательных чертах», что чешские патриоты обрели действительную веру «в высокие достоинства славянского гения», веру, которая «поддерживала их в усилиях восстановить старую независимость народности». Далее Пыпин говорит о большом распространении РК, о ее переводах на многие языки Европы. Характеризуя Ганку как человека, приобретшего большую популярность, Пыпин рассказывает затем об «ожесточенных нападениях», которым Ганка подвергался и непосредственно после «открытий», и к концу жизни. Пыпин полагает, что главным поводом для нападок послужила РЗ, хотя «к имени Ганки она была совершенно непричастна». Изложив историю полемики по поводу РЗ, Пыпин делает вывод, что «сомнения Добровского и Копитара не уничтожили авторитета памятника». Отмечает Пыпин и интерес к РКЗ в Западной Европе.

[1] Там же. С. 159–252.

Новые сомнения в подлинности РЗ, возникшие в конце 50-х годов XIX века, имели, по мнению Пыпина, «не литературные цели». Эти сомнения представляются Пыпину ненаучными. Вслед за многими славянскими органами печати Пыпин повторяет, что с нападками выступал человек, «служивший потом верой и правдой австрийским полицейским интересам», что целью этого человека было «поднять скандал» против деятеля, «пользовавшегося уважением и любовью в своем народе». Пыпин относится к «памфлетисту» резко отрицательно, осуждая его за саму попытку объявить духовных вождей чехов обманщиками, а гордость чешской народности, т. е. РКЗ — фальсификатами. Характерно заключение Пыпина об исходе процесса: «Суд приговорил автора статей к трехмесячному тюремному заключению[1], но решение суда не было исполнено, потому что немецкие друзья автора сумели остановить исполнение». Пыпин полагает, что подобное «произвольное» решение было принято для того, чтобы не давать опасной, с точки зрения австрийских властей, «потачки чешским притязаниям». Впрочем, Пыпин признает, что некоторые критические замечания в адрес РКЗ содержат и серьезные аргументы, «и в результате стали поводом для дельных исследований». Он даже указывает, что «всего лучше» возражения против РКЗ изложены в брошюре Ю. Фейфалика «Über die Königinhofer Handschrift» (Wien, 1860). Касаясь вопроса об обнаружении РЗ, Пыпин пересказывает историю, ставшую известной в связи с судебным процессом, упоминает также о расследовании В. Томека и заключает, что это расследование «вполне объясняет таинственную присылку рукописи в 1818 году»[2].

Таким образом, хотя в данной статье и имеются некоторые расхождения с предшествующей работой того же автора, в целом она все же свидетельствует о том, что Пыпин еще не изменил своего отношения к РКЗ.

В том же 1861 году по вопросу об РКЗ дважды выступил и Срезневский. Одна из двух его статей представляет собой попытку защитить рукописи на основании научных доводов, вторая же упоминает РКЗ в связи со смертью Ганки.

Первая из статей Срезневского, опубликованных в 1861 году, посвящена вопросу об эпическом размере РКЗ. Собствен-

[1] Здесь Пыпин допускает явную неточность, ведь автор статей в «Tagesbote» А. Зейдлер был в то время неизвестен и всю ответственность нес издатель газеты Д. Ку.

[2] *Пыпин А. Н.* Вячеслав Ганка // Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910 (эта часть книги впервые опубликована в 1861 г.).

но, речь идет о том, в какой мере этот размер характерен именно для древнечешской поэзии. Поскольку некоторыми критиками размер РКЗ признавался свойственным скорее сербской поэзии, Срезневский пытается доказать, что этот же размер характерен для поэзии многих славянских народов. «Правда, – пишет он, – что в чешских стихотворных произведениях Средних веков господствует преимущественно стих осьмисложный <...> правда, что такими стихами любили и старались писать книжные поэты чешские очень долго; но это им не всегда удавалось <...>. Даже в таких произведениях, где строго выдержан стих осьмисложный, встречаются неожиданно стихи десятисложные этого склада». Срезневский признает, что «в народных чешских песнях нашего времени редко употребляется десятисложный стих», но, по его мнению, он все же встречается «по крайней мере, в соединении со стихами других размеров». На основании своих аргументов Срезневский делает вывод, что «эпический десятисложный стих был у чехов и словаков народным издревле, и если стал употребляться все реже, то вследствие отклонения вкуса народа к другим размерам». Срезневский полагает, что этот размер является общим для всех западных славян и даже общим достоянием всех славян, «а не исключительно принадлежностью одной только сербской народной поэзии»[1].

В другой своей статье Срезневский упоминает об обвинении Ганки в подлогах. По мнению русского ученого, обвинители доказывали «справедливость своих догадок бранями и такими доводами, которые были лишены всякого ученого достоинства, но на людей неумных и доверчивых могли производить впечатление». И далее Срезневский с возмущением пишет о том, что, несмотря на выигранный Ганкой процесс, «ни ложный обвинитель не обвинен, ни Ганка не оправдан открыто. А обвинения между тем вместе с бранями сыпались и сыплются»[2].

Как видно из содержания этих двух статей, Срезневский относился к Ганке и к РКЗ с явным пристрастием. Литературоведческие аргументы первой статьи весьма шатки даже для своего времени и ослаблены множеством оговорок. И если такой автор, как Пыпин, признает определенный научный смысл в критике РКЗ 1858–1860 годов, то Срезневский видит в ней лишь брань и невежество. Его утверждение, будто бы

[1] *Срезневский И. И.* Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен // Известия Второго Отделения имп. Академии наук. 1861. Т. IX. С. 345–366.

[2] *Срезневский И. И.* Воспоминание о Ганке // Там же. С. 228–229.

доводы критиков подлинности РКЗ способны произвести впечатление лишь на людей недалеких, искажает истинное положение вещей, поскольку критика велась как раз с научных позиций и была доступна далеко не каждому. Отношение Срезневского к РКЗ обусловливалось всей системой его мировоззрения, явившегося результатом образования и воспитания в начальный период развития русского славяноведения.

Совершенно иное отношение к критике РКЗ выразил другой русский славист, А. А. Котляревский[1], написавший: «В 1860 году в Вене появилось замечательное сочинение Фейфалика "Краледворская рукопись". Не только в ней, но и в "Суде Любуши" он видит умышленный подлог. Это крайнее заключение, объясняемое современными обстоятельствами, со временем, конечно, должно измениться. Но из-за этого никто не откажет австрийскому ученому в таланте, а его книге в ученом значении»[2].

Как видно из приведенной выдержки, Котляревский, хотя и был убежден в крайностях критики Фейфалика, однако — в противоположность ряду других ученых — вовсе не отвергал ее как невежественную. В этом смысле Котляревский продолжил и углубил ту линию, которая только наметилась в одной из упоминавшихся работ Пыпина.

К сожалению, это было мнение лишь единичного ученого. Что же касается официальных органов Императорской Акаде-

---

[1] Котляревский Александр Александрович (1837–1881) — филолог, историк, этнограф. Сын чиновника дворянского происхождения. Окончил Московский университет, в 1868 г. получил степень магистра славянской словесности за диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян». В 1867–1873 гг. — экстраординарный профессор Дерптского университета. В 1872–1874 гг. был в заграничных командировках. В 1874 г. получил степень доктора славянской словесности за диссертацию «Древности юридического быта балтийских славян», которая явилась первым в России сравнительным исследованием быта и юридических памятников славянских народов. Но при этом Котляревский пользовался и фальсификатами, в частности РК, хотя уже были высказаны сомнения в ее подлинности. В отличие от многих современных ему русских славистов, Котляревский судил о славянах без их романтической идеализации. С 1875 по 1881 г. являлся профессором Киевского университета и преподавал все предметы славяноведения (как это чаще всего и имело место во всех университетах России). Издал более сотни работ. По методике исследования и подходу к изучению славянства стоял в целом на уровне современной ему европейской науки. См. о нем: СДР БС. С. 193–194; *Лаптева Л. П.* Русский славист А. А. Котляревский и его связи с чешскими учеными: (По материалам неопубликованной переписки с А. Патерой) // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 118–130.

[2] *Котляревский А.* Старина и народность на 1861 год // Библиографическое обозрение. М., 1862. С. 13.

мии наук, то они безоговорочно усматривали в критике РКЗ лишь злонамеренность «чехоедов». Никак нельзя назвать объективными суждения типа: «Чуть ли не полвека оспаривают подлинность Краледворской рукописи люди <...> и очень знающие, а все еще не могут доказать своего убеждения. Не ясно ли, что со всей своей ученостью они гораздо слабее знаниями средневекового быта и языка чехов, чем создатель Краледворской рукописи, с которым они борются как с поддельщиком <...>. Казалось бы, нетрудно было ученому нашего века при помощи одной палеографической внимательности указать на черты ее (РК. – *Л. Л.*), не соответствующие времени, к которому она может быть отнесена <...>. Отчего же никто не возьмет на себя такого труда? К чему устраняться от этого прямого пути и выбирать окольные? Ведь сколько ни отыскивать таких окольных путей, дело все-таки останется нерешенным без приговора палеографии. Чудный мастер этот творец, заставляющий молчать палеографов! Чудны ученые, молча заявляющие, что они знанием слабее тех палеографов, которые жили за полвека до них, когда о чешской палеографии и помину почти еще не было <...>. Глядя с палеографической точки зрения, я позволю себе назвать труд г. Фейфалика <...> напрасным: не играя с читателем в жмурки, он бы должен был разобрать Краледворскую рукопись палеографически, и тогда бы не понадобились никакие литературные и исторические доказательства». Впрочем, оценивая ответ братьев Иречек Ю. Фейфалику, автор цитируемой статьи не оставляет и их книгу без критики. Ее полемическое направление он считает главной слабостью, из-за которой эта книга «едва ли переубедит кого-нибудь из единомышленников Фейфалика». Однако научные выводы труда братьев автор объявляет правомерными[1]. Рецензия не подписана. Автором ее мог быть Срезневский, но мог быть и А. Куник[2], как это видно из его статьи, появив-

[1] [Рец. на кн.:] Über die Königinhofer Handschrift. Von Jul. Feifalik. Wien, 1860; Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Kritisch nachgewiesen von Jos. und Herm. Jireček. Prag, 1862 // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1862. Т. X. Л. 251. Стб. 412–413.

[2] Куник Арист Аристович (Ernst Eduard Kunik, 1814–1899) – историк, нумизмат, филолог. Русский ученый немецкого происхождения. Родился в Силезии, учился в Берлинском университете. В 1839 г. приехал в Москву для изучения русского языка и древнерусской истории. В 1841 г. вернулся в Пруссию, но, не встретив там интереса к своей работе, поселился в 1842 г. в Петербурге. Изучал славянские древности и источники по русской истории. С 1850 г. до конца жизни – экстраординарный академик. До 1850 г. писал сочинения только по-немецки и по-французски, после этого – по-русски. С 1859 г. – хранитель нумизматической коллекции Эрмитажа. По мировоззрению атеист и

шейся в другом издании Академии наук в это же время и содержащей очень похожие положения. В этой статье Куник писал:

«Подлинность "Суда Любуши" считаю несомненною <...>. Я прямо и решительно утверждаю, что никто из чешских литераторов 1818 года не сумел бы сочинить на правильном древнечешском языке стихотворения такого объема и содержания, как "Суд Любуши" и Краледворская рукопись». По мнению Куника, «Копитар в своих гипотезах, парадоксах и в особенности в своей полемике против чешских славянистов часто руководился не чистою любовью к науке, а разными субъективными <...> побуждениями». Куник упоминает все суждения Копитара о подложности РКЗ, но полагает, что этот ученый «не представил ни малейшего доказательства в подтверждение своего мнения». Далее Куник излагает историю опровержения «Любовной песни Короля Венцеля», факты полемики между Фейфаликом и Бюдингером, с одной стороны, Ганкой и Палацким — с другой. Особое внимание Куник уделяет сомнениям Ф. Миклошича в подлинности РК. Приведя аргументы Миклошича, Куник пытается их опровергнуть.

В известной брошюре Фейфалика 1860 года Куник находит просчеты, кстати сказать, действительно существенные. Ухватившись за ошибку Фейфалика, безосновательно посчитавшего некоторые песни РКЗ близкими к творчеству Гердера, Куник стремится отвергнуть на этой основе выводы брошюры в целом.

Впрочем, русский ученый не проявляет особых восторгов и по поводу книги братьев Иречек. Упоминает он и об ошибке Палацкого, высказавшегося в пользу подлинности ряда текстов, подложность которых была позднее надежно доказана. Признав, что некоторые неясности в РКЗ так и не растолкованы, что защитникам рукописей пока не удалось нанести решительный удар по критике, Куник, однако, заканчивает статью тем же, с чего начал: в 1817 году, в связи с бедственным положением славистики, никто не обладал достаточными зна-

---

рационалист. Издавал труды по сравнительному языкознанию, источниковедению, археологии, нумизматике, византиноведению, истории славян, истории России. Представитель сравнительно-исторического метода научного исследования, что, однако, не избавило его от ошибок. Защищал норманнскую теорию происхождения Русского государства, игнорируя аргументацию ее критиков. В споре об РКЗ стоял на ложной концепции, не допуская и мысли об их подельности, но в других вопросах славяноведения, византиноведения и источниковедения внес существенный вклад в развитие русской науки. О нем см.: СДР БС. С. 207–208 (здесь же приведена литература о Кунике).

ниями, чтобы совершить тот подлог, о котором толкуют критики[1].

А. Н. Пыпин и к 1865 году еще не преодолел веру в РКЗ, господствовавшую в русской науке. Ему представлялось, например, что предпринятое В. Томеком расследование истории открытия РЗ дало «вполне удовлетворительные результаты» и полностью реабилитирует рукопись. Изложив содержание РЗ, Пыпин сожалеет лишь об отрывочности обоих затронутых в РЗ сюжетов — сейме и суде Любуши. Касаясь РК, Пыпин выражает уверенность в том, что она действительно представляет собой несколько глав утраченного обширного кодекса. Пыпин не сомневается в том, что и РЗ и РК действительно «открывают перед нами языческий быт Чехии с внутренними и национальными отношениями». Сомнения Копитара Пыпин называет «желчной подозрительностью», а для окончательного суждения об РКЗ рекомендует уже неоднократно упомянутую книгу братьев Иречек. Изложив содержание и оценив каждую из поэм РК, Пыпин приходит к заключению, что «народнопоэтические качества древнейших поэм Краледворской рукописи не подлежат сомнению» и что «происхождение этих песен, несомненно, относится к тем же временам, которые в них описываются». В отличие даже от Куника и Срезневского, Пыпин считает подлинной и «Любовную песнь короля Вацлава (Венцеля)», и «Песнь под Вышеградом»[2]. Подобные заблуждения можно объяснить лишь тем, что к 1865 году Пыпин еще не расстался с некоторыми романтическими мечтаниями своей молодости.

В 1871 году вышел изданный Н. В. Гербелем сборник «Поэзия славян». В нем приняли участие известные ученые А. Ф. Гильфердинг и О. Ф. Миллер[3]. Миллер опубликовал об-

---

[1] *Куник А.* Спор о подлинности «Суда Любуши» и Краледворской рукописи // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. 2. Кн. 1. С. 1—18.

[2] *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 251—256 (весь раздел о чешской литературе составлен А. Н. Пыпиным).

[3] Миллер Орест Федорович (1833—1889) — фольклорист, историк русской литературы, критик, публицист. Сын чиновника из прибалтийских немцев. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1858 г. защитил магистерскую, а в 1870 г. — докторскую диссертацию; последнюю — на тему «Илья Муромец и богатырство Киевское» (1869). С 1870 по 1888 г. профессор Петербургского университета по кафедре русской словесности. Талантливый педагог. Написал ряд славистических исследований, а также работ по русской литературе и истории. Изучал фольклор славянских народов, главным образом эпос. Автор обзора славянской эпической поэзии в сборнике «Поэзия славян» (1871). Убежденный славянофил, что осо-

зор славянских народных песен, коснувшись при этом и РКЗ. Он писал, в частности, что «чехи могут <...> похвастаться песенными произведениями, которые <...> закреплялись письменностью в Средние века и дошли до нас в отрывках двух старых рукописей». Упомянув о сомнениях в происхождении РЗ, Миллер относит ее «уж по крайней мере к исходу Средних веков». Он проводит параллели между идеями и образами РЗ, с одной стороны, и некоторыми произведениями русского фольклора – с другой. Сравнивает он РЗ и с сербскими народными песнями. Главным аргументом против древности РЗ Миллер считает содержащуюся в ней ссылку на немецкое право первородства, но полагает тем не менее, что «самые противопоставления <...> славянского права немецкому сохраняют свою силу. Как бы поздно ни явился в германском племени майорат, он, однако же, в нем пустил корни, тогда как славянам всегда представлялся он нарушающим правду по святому закону». В подтверждение исконного отвращения славян к майорату Миллер прибегает даже к фактам русской истории XVII–XVIII веков. Петру I не удалось завести в России этого западноевропейского учреждения, «служившего одной из самых твердых основ для аристократизма». Основываясь на славянофильских представлениях о единстве этнографических черт всего славянства, Миллер с необыкновенной легкостью использует факты истории одного славянского народа для объяснения быта и нравов другого. Сейм, на котором собираются главы семей, представляется Миллеру неотъемлемой частью юридического быта любого из славянских «племен» в Средние века. Суд, творимый женщиной, изображается Миллером как «блистательное проявление <...> одной из сторон славянского равенства между обоими полами». Миллер отдает дань известным романтическим представлениям об «издавней смягченности нравов» как типичной черте «славянского племени».

Касаясь РК, Миллер, как и его предшественники, признает в ней отрывок обширного кодекса, вобравшего в себя как чисто народные произведения, так и песни отдельных авторов. Никаких сомнений в подлинности РК у Миллера не возникает. Сходства между песнями РК и древними произведениями других славянских народов отмечаются им с воодушевлением[1].

бенно проявилось в его работе «Славянство и Европа» (1877) и статье «Славянофилы и Катков» (в газете «Русский курьер», 1887, № 267). Литература о нем приведена в справочниках: Б.ВЯ.Бс.1. С. 168–169; СДР БС. С. 239–240.

[1] *Миллер О.* О славянских народных песнях // Поэзия славян / Сборник... изданный под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1871. С. 27–31.

А. Ф. Гильфердинг[1], поместивший в том же сборнике, что и Миллер, статью о чешской литературе, снова пересказал историю обнаружения РК Ганкой и характеризовал ее как часть обширного собрания древнечешских стихотворений, очень хорошо сохранившуюся и читаемую без особого труда. Гильфердинг использовал содержание РКЗ как аргумент для вывода, что «уже на самом расцвете истории» в чешской поэзии проявлялось «живое сознание борьбы за народность, какого нельзя заметить нигде в тогдашней Европе». В подтверждение этого тезиса Гильфердинг ссылался на знаменитые строки из РЗ: «Не хвально нам в немцах правду искати», а также на песню Забоя из РК, которую Гильфердинг толкует как при-

[1] Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – крупнейший русский славист XIX в. Историк, археограф, лингвист. Выходец из семьи обрусевших немцев. Родился в Варшаве, где его отец занимал должность директора Дипломатической канцелярии при наместнике Российской империи в Царстве Польском графе И. Ф. Паскевиче. А. Ф. Гильфердинг окончил Московский университет и начал заниматься наукой. Его магистерская диссертация посвящена проблемам лингвистики, но после ее защиты он поступил в Министерство иностранных дел, оставил занятия лингвистикой и перешел к изучению истории и этнографии славян. В 1856–1859 гг. он служил российским консулом в Боснии и использовал свое пребывание на Балканах для изучения жизни и культуры балканских славян. По возвращении из Боснии служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и других государственных учреждениях. Вел активную работу по пропаганде знаний о славянах, в частности являлся председателем Петербургского Славянского благотворительного комитета. Интересовался он и народным творчеством севера России. В 1872 г., уже вторично, отправился в Олонецкую губернию для сбора былин этого края, заразился тифом и умер в Каргополе. Как исследователь зарубежных славян являлся одним из крупнейших ученых не только в России, но и за рубежом. Издал книги «История балтийских славян» (1855), «Письма об истории сербов и болгар» (1855), «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» (1856), «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859), «Очерк истории Чехии» (1862) и много других сочинений. Все они основаны на данных источников, многие из которых открыты автором. Большинство работ Гильфердинга о балтийских и южных славянах впервые в историографии освещают затронутые в них проблемы. На историю каждого из славянских народов и славянства вообще Гильфердинг смотрел со славянофильских позиций, он стал творцом славянофильской концепции истории славян. Собранные им былины Олонецкого края неоднократно издавались; см., напр.: *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины: Т. 1–3. 4-е изд. М.; Л., 1949–1951. Сводное издание его трудов вышло под титулом: *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч.: Т. 1–4. СПб., 1868–1874. О нем см.: *Лаптева Л. П.* Александр Федорович Гильфердинг // Лаптева Л. П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997; *Она же.* А. Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1997. Вып. II. С. 183–201; *Она же.* Александр Федорович Гильфердинг // Историки России XVIII–XX веков. М., 1999. Вып. 6. С. 37–45.

зыв восстать против притеснителей. Также и далее русский ученый обильно цитирует те отрывки из РКЗ, которые можно толковать как проявление национального сознания. Песни РКЗ он относит к XI—XIII векам. Попытки оспаривать подлинность РКЗ представляются Гильфердингу плодом происков немецких врагов чешской национальности. Их воззрения он сводит к одному: «Как, мол, могли славяне, народ грубый и к цивилизации неспособный, иметь, да и еще в столь древнюю пору, такие превосходные поэмы, которые, пожалуй, лучше немецких творений того времени». Научные аргументы противников подлинности РКЗ отвергаются Гильфердингом с порога. Он не считает нужным даже на них останавливаться, отсылая читателя к трудам Шафарика, Палацкого, Томека, братьев Иречек. Как и Куник, Гильфердинг полагает, что в начале XIX века не существовало ученого, способного создать фальсификаты, подобные РКЗ. Русскому исследователю представляется, что такому ученому потребовался бы «дар провидения открытий, сделанных наукою лишь в последние десятилетия». К сожалению, Гильфердинг не поясняет, какие именно открытия он имел в виду; похоже на то, что это была лишь фраза.

Характеризуя РКЗ, Гильфердинг относит их к тому периоду творчества, «когда народная песнь и поэзия художественная еще не отделились». Он сравнивает РКЗ с песнями Гомера, рапсодов, бардов, скальдов, сербских гусляров, малороссийских бандуристов и т. д. Таким способом он стремится разрешить поставленный уже ранее вопрос о двойственном (народном и художественно-поэтическом) характере песен РКЗ. По его заключению, «в них совмещается характер непосредственной народной поэзии с несомненными признаками художественной отделки». Коротко изложив содержание песен, Гильфердинг специально останавливается на их форме. Он констатирует, что и в «Суде Любуши», и в ряде песен РК использован десятисложный эпический стиль, местами переходящий в вольный и обнаруживающий следы аллитерации. Опираясь на эти данные, Гильфердинг сближает стихи РКЗ с сербским народным эпосом, древнерусским «Словом о полку Игореве» и даже с некоторыми элементами германской и скандинавской поэзии. Достойно внимания, что Гильфердинг, будучи весьма образованным ученым, замечал в содержании некоторых песен РК кое-какие несообразности. Но убеждение его в подлинности «памятника» было столь незыблемо, что он усмотрел в этих несообразностях лишь новые, ранее не привлекавшие к себе

внимания сведения. Примером может служить разбор Гильфердингом поэмы о Ярославе. «Ее сочинитель, — пишет ученый, — как бы не знает различия церковного, уже отделявшего Западную Европу от Восточной. Он говорит о великой победе татар над христианами, о том, как они <...> подчинили себе два царства — старые Киев и Новгород. <...> Читая это с понятиями нашего века, мы тут не находим ничего особенного. Но надобно вспомнить, что это говорит чешский поэт XIII столетия, эпохи крестовых походов и апогея римского владычества. Если бы вторжение татар в Европу в XIII веке описывал поэт из западных народов, то он едва ли решился бы назвать русских — наряду со своими единоверцами — просто-напросто христианами, ибо для западного человека того времени последователи Восточной Церкви были неверными, немногим лучше язычников»[1].

Таким образом, Гильфердинг тонко подметил определенную несообразность в тексте фальсификата. Можно было бы констатировать, что он оказался выше фальсификаторов в понимании умственных настроений, типичных для Средних веков. Однако, вместо того чтобы подвергнуть сомнению в связи с этим подлинность источников, Гильфердинг поддался своей славянофильской предвзятости и предпочел объяснить несообразность содержания песни тем, что автор принадлежал не к «Западу», а к славянству. В общем, в суждениях Гильфердинга проявились его широкие знания, оказавшиеся, однако, недостаточными для преодоления овладевшей им априорной идеи.

В 1872 году появилось новое издание РК, предпринятое Н. Некрасовым[2]. В довольно подробном предисловии (24 страницы) издатель изложил историю «открытия» РК, описал внешний вид рукописи и выразил уверенность в том, что она представляет собой фрагмент обширного утраченного кодекса.

---

[1] *Гильфердинг А. Ф.* Чешская литература // Поэзия славян... СПб., 1871. С. 327–330.

[2] Некрасов Николай Петрович (1828–1913) — языковед, славист; профессор Петербургского историко-филологического института. Занимался исследованием истории славянских языков. Судя по данным В. Н. Кораблева, был учеником И. И. Срезневского, а работа Некрасова об РК представляла собой магистерскую диссертацию (см.: *Кораблев В. Н.* Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись // Известия Академии наук СССР. VII серия: Отдел общественных наук. 1932. № 6. С. 529). Наибольших успехов Некрасов достиг в изучении русского языка, ему принадлежат работы «О значении форм русского глагола» (1865), «Начертание славянской грамматики» (1883) и др. О нем см.: Б.ВЯ.Бс. 1. С. 172.

Вновь повторено утверждение, что рукопись относится к XIII веку и включает в свой состав произведения, восходящие к XI столетию. В предисловии подробно описаны различные издания РК, приведены мнения ряда ученых о возможном характере рукописи в целом. Сличив фотографическое издание А. Я. Вртятко[1] (1862) с более ранними изданиями, Некрасов обнаружил в последних ряд ошибок. Он критикует перевод РК А. С. Шишковым, но выражает мнение, что для своего времени это был достойный труд, поскольку в начале XIX века переводчик не мог иметь тех знаний, которые собраны к 70-м годам. Сам текст РК издан Некрасовым в двух транскрипциях – старочешской и новочешской. За текстом следует словарь, далее – грамматические пояснения и ряд приложений. В числе последних – отрывок из «Хроники» Козьмы Пражского на латинском языке, хроник Далимила, Пулкавы и Вацлава Гаека из Либочан[2].

В целом издание Некрасова не внесло особых дополнений в прежние сведения об РК. Его значение состояло лишь в распространении среди русской публики сведений об РК, ее форме и содержании.

На издание Некрасова отозвался известный русский славист, в то время еще молодой ученый А. С. Будилович[3]. «От-

---

[1] Вртятко Антонин Ярослав (Vrťátko, 1815–1892) окончил философский факультет Пражского университета, после чего служил воспитателем в шляхетских семьях. После смерти В. Ганки стал библиотекарем и хранителем рукописей Чешского национального музея. В 1867 г. посетил Россию как член чешской делегации на Этнографическую выставку в Москве и привез из России около 350 названий книг. Состоял в переписке с некоторыми русскими славистами. Был ярым защитником подлинности РКЗ, но его статьи на эту тему были столь неудачны, что явились одним из важных источников для доказательства поддельности рукописей. В 1862 г. предпринял издание: Rukopis Královdvorský. Vydání fotografické. S úvodem, vysvětlujícím popisem a opravným čtením / Od Ant. Jaroslava Vrťátka... V Praze, 1862. О нем см.: *Vrchotka J.* Dějiny Knihovny Národního Muzea v Praze 1818–1892. [Praha, 1968.] S. 145–149.

[2] *Некрасов Н.* Краледворская рукопись в двух транскрипциях текста с предисловием, словарем, частью грамматическою, примечаниями и приложениями. СПб., 1872. С. 1–24 – предисловие; С. 25–131 – текст; С. 135–148 – словарь, грамматические пояснения, примечания и приложения.

[3] Будилович Антон Семенович (1846–1908) – филолог, славист, журналист, политический деятель. Сын униатского священника. В 1867 г. окончил Петербургский университет, где проходил обучение по славяноведению у И. И. Срезневского и В. И. Ламанского, считая себя учеником последнего. Был адептом славянофильских взглядов и существующих политических порядков. Последнее обстоятельство весьма позитивно отразилось на его карьере. После защиты в 1871 г. магистерской диссертации «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова» Будилович в том же году

крытие» РК он характеризовал как «переворот в науке исторической и филологической. <...> в чешской общественной жизни и народном сознании», как «луч света, вдруг осиявший пять веков самого раннего и темного времени чешской истории». Для Будиловича нет сомнения в том, что РК открыла «задернутую уже было туманом времени и забвения картину чешской жизни». Подчеркнув, сколь велико для чешского общества значение РК, Будилович обратил внимание на большие усилия, предпринятые чешскими учеными для исследования «этого клада своего языка и народности». Рецензенту издания Некрасова представляется, что в большинстве стран РК была принята благосклонно, и лишь «одни немцы по национальным своим предрассудкам не хотели примириться с мыслью, что и чехи имеют своих Нибелунгов, своих скальдов и миннезингеров, и притом настроенных враждебно к германскому племени». И далее в полном противоречии с фактами Будилович утверждает, что результатом полемики между немецкими и чешскими учеными «было совершенное устранение всяких сомнений в принадлежности рукописи к концу XIII века». Что же касается издания Некрасова, то Будилович считал его образцовым[1]. Рецензия Будиловича выдержана в духе его общего мировоззрения. Известно, что этот ученый начал свою деятельность под сильным влиянием славянофильских концепций и не разочаровался в них до конца жизни.

А вот учитель А. С. Будиловича, В. И. Ламанский, был совершенно не согласен с упомянутым отзывом[2]. Характеризуя тот же труд Некрасова, он писал: «Это – работа не научная.

стал экстраординарным профессором Историко-филологического института в Нежине, а с 1881 г. – профессором по кафедре русского и церковнославянского языков в Варшавском университете, где он был также деканом и замещал ректора. При преобразовании немецкого Дерптского университета в русский Юрьевский, Будилович стал его первым ректором. В 1901 г. он переехал в Петербург. В 1907–1908 гг. издавал газету «Московские ведомости». Как ученый, Будилович занимался преимущественно языкознанием, о чем свидетельствует и его докторская диссертация «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (1879), и др. работы. Как активный публицист, Будилович защищал интересы самодержавия, идею православия для всех славян и внедрения «русских начал» в Польше и Прибалтике. Литературу о нем см. в изд.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского... СПб., 1905 (с автобиографическими сведениями о А. С. Будиловиче); СДР БС. С. 86–88; Б.ВЯ.Бс. 1. С. 42–44.

[1] *Будилович А. С.* [Рец. на кн.:] Краледворская рукопись в двух транскрипциях, труд Н. Некрасова // ЖМНП. Ч. 160. 1872. № 4. Отд. 2. С. 295–301.

[2] Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – крупнейший русский славист второй половины XIX и начала XX в., историк, филолог, обществен-

Автор не чает и не гадает, что есть на свете критика, без которой нет и науки. Он с полным доверием и величайшей важностью приводит иногда самые вздорные мнения знаменитых ученых вроде Свободы, Иречка, Вртятки и пр., и не хочет знать ни о каких сомнениях и несообразностях. <...> Составитель труда, изданного в 1872 году, ничего еще не слыхал о доказанной подложности пергаментного листочка, про который нельзя было серьезно говорить уже после статьи Хаупта (1847). Но г. Некрасов имел время прочесть и статью Фейфалика (1858). О критике же его (Фейфалика. – *Л. Л.*) Крале-

---

ный деятель. Родился в дворянской семье, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился славяноведению у Срезневского, но впоследствии стал его коллегой, получив должность доцента по истории и литературе славян, а в 1873 г. стал ординарным профессором кафедры славянской филологии в Петербургском университете. За более трети века преподавания и научной деятельности в университете воспитал целую школу ученых-славистов, занявших кафедры славянской филологии почти во всех университетах России. Исследовал славянские языки, литературу, историю, этнографию, археологию, активно интересовался современным ему славянством, публиковал архивные документы, писал монографии и исследовательские статьи. На славянство смотрел как на единое целое, но считал, что его истинное единство было лишь кратковременным; что западные и южные славяне лишились единой (а именно Православной) Церкви и национальной опоры, утратили свою политическую независимость и подчинились чуждым народам как раз из-за отсутствия единства. В основе этой концепции лежал славянофильский взгляд на славянство, однако он отличался, например, от концепции А. Ф. Гильфердинга. В своих трудах, как научных, так и публицистических, Ламанский подчинял политическую идеологию своим научно-историческим построениям, а его исследования отражали то политическое мировоззрение, для которого характерно сочетание славянофильства с либерализмом и переработкой идейных основ западничества. Издал более 400 работ, участвовал в организации Славянского благотворительного общества в Петербурге, являлся членом ряда научных объединений в России и за границей, поддерживал контакты с зарубежными славянскими учеными и политическими деятелями, был редактором славистических журналов, основал и издавал журнал «Живая старина», где широко освещались вопросы славяноведения. Являясь сторонником монархической формы правления, защитником самодержавия и православия, выступал, однако, против цензуры, за автономию высшей школы, против насильственного насаждения русского языка среди «инородцев» России. Призывал к распространению знаний и просвещения вообще. Его наиболее крупные работы: «О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» (1859); «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении» (1865); «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871); «Михаил Васильевич Ломоносов: Биографический очерк» (1864). О Ламанском имеется большая литература, указанная в справочных изданиях: СДР БС. С. 214–217; Б.ВЯ.Бс. 1. С. 142–144; Русские писатели 1800–1917. Т. 3. С. 283–285. См. также: *Лаптева Л. П.* В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX – начала XX веков // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 118–129.

дворской рукописи г. Некрасов знал едва ли не из сочинения Иречков, которое отличается, собственно, желанием унять всякую критику». Ламанский выражает полное недоверие к филологической образованности Некрасова и заключает свой отзыв словами: «Этим-то грамматическим понятиям и сведениям вполне соответствуют примечания и комментарии г. Некрасова к Краледворской рукописи»[1].

Процитированные нами суждения высказаны, правда, лишь через семь лет после выхода в свет книги Некрасова. Однако они полностью отражают то глубокое недоверие, которое питал Ламанский к «открытиям» Ганки и которое в особой мере проявилось в его обширной статье об этих «открытиях», разбираемой нами ниже. Под «пергаментным листочком» Ламанский, несомненно, понимал «Любовную песнь короля Вацлава»: именно об этой подделке писал, как известно, М. Хаупт; правда, его работа вышла в 1848, а не в 1847 году, но на титульном листе год издания обозначен не вполне определенно, так что ошибка в один год легко объяснима[2].

Срезневский и к концу 70-х годов стоял на своей прежней позиции. В 1878 году он высказался прежде всего по проблеме чешских глосс в «Матер Верборум». Собственно, его высказывание представляет собой обширное послесловие к изданию русского перевода работы А. Патеры «Чешские глоссы в Матер Верборум» (1877). Срезневский вынужден признать, что сомнения в подлинности большинства глосс весьма основательны. Как бы оправдываясь за свои и чужие прежние ошибки, он перечисляет массу крупных ученых, полностью доверявших этому источнику и пользовавшихся им для своих научных трудов. Срезневский говорит, в частности, о том, что издание глосс Шафариком и Палацким «не могло не утверждать» за ними «безусловного уважения и доверенности. <...> Считалось совершенно достаточным доверие к ним, как к несомненным». Срезневский далее сожалеет о том, что разоблачения не были сделаны на полвека ранее, ведь это позволило бы избежать «тех жалких ошибок, которыми не только наполнились замечательные произведения ума и знания, но овладело уже и научное предание, перешедшее из ученых книг в учебники <...>

[1] ЖМНП. Ч. 204. 1879. № 7. Отд. 2. С. 7.

[2] См.: *Lajske M.* Bibliografie RKZ // Ibid. P. 345, запись № 138. (*Haupt M.* Über die bohmische Übersetzung eines der Lieder König Wenzels von Böhmen // Bericht über die Verhandlungen der königlichen sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Aus den Jahren 1846 und 1847 [Leipzig, 1848]. Bd. 1. S. 257–265.)

в общечитаемые книги <...> всюду, где не доискиваются прямых источников». Срезневский полагает, что «поддельщик должен был понимать», сколь важны фальсифицированные глоссы; что он представлял себе их важность «даже яснее, чем это высказано Палацким». Но далее русский ученый все же цепляется за мысль, что не было в начале XIX века ученого, способного на столь искусную подделку. Авторство Ганки Срезневский отвергает. В заключение он ставит вопросы: «Не приписаны ли заподозренные глоссы также в древнее время?.. Если даже и доказано будет, что глоссы приписаны в XIX веке, то все еще остается вопрос: не списаны ли они с какого-нибудь утраченного или скрывавшегося древнего памятника»[1].

Таким образом, Срезневский пытался обелить даже явно фальсифицированный документ. Скорее всего, вера в глоссы в «Матер Верборум» была ему необходима, чтобы не поддаться сомнениям в подлинности РКЗ. В том же 1878 году Срезневский, высказываясь об РЗ, еще раз обнаружил свое стремление отстоять и эту подделку во что бы то ни стало. Он лишь допускал, что «былина» о Любушином суде относится к более позднему времени, чем обычно считают. Для доказательства Срезневский привлекал слова «воевода», «лехи», «владыки», «доски», «карающий кривду меч», «стол золотой отцовский», «вековечные боги» и др. Эта лексика, по мнению Срезневского, должна относиться к несколько более поздней эпохе, чем время предположительного правления Либуши. Приложив массу стараний, затратив много труда на сравнение РЗ с древними литературными произведениями Западной Европы, Срезневский в конечном счете приходит к выводу, что текст РЗ относится к XI–XII векам или даже к позднейшему времени[2]. Однако ученый с прежним упорством отрицает и малейшую возможность подделки РЗ.

В конце 70-х годов XIX века со статьями об РКЗ выступил также В. В. Макушев[3]. Эти статьи вышли затем отдельным

---

[1] *Срезневский И. И.* Дополнительные замечания к сочинению А. Патеры... // Записки имп. Академии наук. СПб., 1878. Т. 31. Приложение № 4. С. 82–85, 102, 151.

[2] *Срезневский И. И.* Былина о Суде Любуши // Русский филологический вестник (далее – РФВ). Варшава, 1878. Т. 1. С. 1–34.

[3] Макушев Викентий Васильевич (1837–1883) – один из крупнейших русских историков-славистов. Занимался преимущественно исследованием истории южных славян. Родился в семье военного инженера, русского, женатого на польке. Окончил Петербургский университет, где изучал под руководством И. И. Срезневского народную словесность славян и славянские древности. В 1861 г. вышла в свет его книжка «Сказания иностранцев VI–X веков о быте

сборником в 1879 году. Первая, появившаяся сначала в 1878 году, посвящена РЗ. Макушев еще раз излагает историю открытия памятника, приводит в русском переводе текст сопроводительной записки к письму, в котором РЗ была прислана в музей, и делает замечания, свидетельствующие о его скептическом отношении к рассказанной в письме истории. Например: «Таинственность, которую окружил себя аноним, и несообразности в его письме не поразили графа Коловрата», т. е. адресата. Далее Макушев описывает путь рукописи к Пухмайеру и Добровскому, повествует о резкой критике Добровского и устранении РЗ из музея как подложной. Сообщает Макушев также и об издании РЗ Раковецким (1820), Шишковым (1821) и т. д. Следует учесть замечание Макушева о том, что таинственность появления РЗ была одним из пунктов нападения на нее, «который не могли устранить ее защитники». Затем Макушев упоминает о событиях 1859 года, появлении в спорах имен Р. Воржишека, В. Небеского, О. Земана, Ф. Боубеля, Й. Коваржа, Ф. Горчички, рассказывает также о расследовании В. Томека, не выражая никакого недоверия к собранным им пока-

---

и нравах славян». По окончании университета Макушев около года провел в Германии и Франции в качестве домашнего учителя в семье князя М. В. Кочубея, а затем поступил на службу в Азиатский департамент МИД и с 1862 по 1866 г. занимал должность секретаря русского консульства в Дубровнике. Здесь он основательно познакомился с архивами, содержащими документы о славянах. В 1867 г. в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника». В 1868–1871 гг. был в научной командировке, в основном в Италии, и собрал в тамошних архивах много документов о языке, литературе, истории южных славян, а также об албанском языке. В 1872 г. защитил докторскую диссертацию «Исторические разыскания о славянах в Албании» и стал ординарным профессором Варшавского университета. Здесь преподавал историю славянских литератур в связи с историей народов. Был талантливым исследователем: все свои работы основывал на данных источников, обладал способностью их критической оценки. Его преподавательская деятельность была также успешной, среди его учеников были лица, ставшие впоследствии видными учеными. В политическом отношении был консервативен, стоял на позициях защиты русского самодержавия, особенно в польском вопросе. Кроме указанных выше работ издал ряд источников по истории славян, писал научные и публицистические статьи, популяризировал сведения по истории славян. Хорошее знание древних латинских текстов о славянах позволило Макушеву усомниться в подлинности РКЗ, и он одним из первых в России выступил с критикой подделки. О нем см.: *Лаптева Л. П.* В. В. Макушев как исследователь истории средневековой Албании // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 155–173; *Она же.* Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сборник научных статей. [Самара,] 1996. Вып. I. С. 156–167.

заниям. «Вообще вся эта мистерия о nalezeni Libušina soudu, — пишет Макушев, — по нашему искреннему убеждению есть pia fraus». В подтверждение этих слов он обращается ко всем критическим замечаниям об РЗ, появившимся ранее в литературе. Наряду с известными отзывами Добровского он приводит, например, оценку немецкого палеографа Г. Х. Перетца (1847), назвавшего РЗ «без сомнения новейшим фальсификатом». Аргументы М. Гатталы в защиту рукописей Макушева не убеждают. Более того, он опровергает их собственными рассуждениями. Русский ученый возражает также по поводу толкования ряда слов РЗ Юнгманном, Шафариком, братьями Иречек, Будиловичем. «Таких сомнительных слов и форм, — пишет он, — в Любушином суде можно насчитать еще несколько, но и указанных нами достаточно, чтобы заподозрить эту песню. <...> В языке Любушина Суда невольно нас поражает смесь древнейших, доисторических, предполагаемых форм с формами исторически известными из памятников XIV–XVI веков. Откуда происходит и чем объясняется такое странное смешение древнейшего с довольно поздним? Мы иначе не можем себе объяснить подобного явления, как только тем, что фальсификатор, знакомый со старочешским языком, старался по соображениям (т. е. по догадкам. — *Л. Л.*) восстановить древнейшие формы, чтобы придать вид глубокой древности сложенной им песне. С этой же целью он мог заимствовать из других славянских наречий слова, казавшиеся ему более древними, чем те, которые употребляют в чешском». Отвергает Макушев и ряд собственных имен, доказывая, что они относятся к значительно более поздней эпохе, чем та, которую фальсификатор тщился изображать в РЗ. Констатируя, что картина суда могла быть заимствована из хроник Козьмы и Гаека, Макушев обращает внимание на существенные различия между РЗ и текстами обеих упомянутых хроник. У Козьмы тяжба происходила между посторонними лицами и не касалась наследства. Макушев признает это обстоятельство решающим для суждений об РЗ, поскольку «чешское право впоследствии до самой Белой Горы допускало или совместное владение, или раздел поровну <...> а тем самым устраняло всякую возможность тяжб из-за дедин». Несообразным представляется Макушеву описание сейма. В частности, судя по древнейшим описаниям, Вышеград, где якобы происходил сейм, был основан в более позднее время, чем то, о котором может вообще идти речь в РЗ. Далее, по убеждению Макушева, роль кметов в РЗ не соответствует историческим представлениям. Это же касается сбора голосов

девами. «История, – пишет Макушев, – не знает дев судных у славян; да едва ли они были у какого-нибудь народа». Отмечается в статье и то, что «доски правдодатные» появились в Чехии лишь в конце XIII века, и не существовали у славян в языческую эпоху. Макушев – единственный русский ученый, рассказавший о позиции П. Й. Шафарика на заседании Чешского ученого общества 19 декабря 1859 года. Из изложения Макушева видно, что Шафарик был уже готов признать несостоятельность РЗ, если только неопровержимы сведения о позднем происхождении майората в немецком праве.

Продолжая логическую цепь своих рассуждений, Макушев делает вывод, что былина о Любушином суде могла возникнуть лишь после 1620 года. «Но в XVII и XVIII веках, – продолжает ученый, – чешская литература была в таком упадке, что никому и в голову не придет относить к этому времени сложение Любушина суда; он мог появиться только в начале нынешнего столетия, во время сильной агитации для пробуждения чешского народа из двухвековой спячки. Это было самое удобное время в Чехии для подражания подвигам Чаттертона и Макферсона. Но цель уже достигнута, и пора признаться в мистификации». Впрочем, Макушев не находит извинения и русскому ученому Гильфердингу, как и Палацкому, и Шафарику, «и другим чешским патриотам, отстаивавшим и отстаивающим подлинность и отдаленную древность Любушина суда». Даже проявляя понимание упорной веры в фальсификаты, Макушев все же заканчивает словами: «Нельзя защищать так называемую Зеленогорскую рукопись доводами, которые представили и представляют Палацкий, Шафарик, Гаттала, Томек и некоторые другие».

Наконец, Макушев решительно отвергает мнение, высказывавшееся как в чешской, так и в русской литературе, о неспособности Ганки или кого-либо другого сочинить произведение, подобное РЗ. Особенно безосновательным кажется Макушеву утверждение А. Куника о правильности древнечешского языка в этой рукописи. С нескрываемой иронией Макушев «убедительнейше» просит «почтенного академика представить доказательства правильности древнечешского языка в Любушином Суде». Упомянув еще некоторых ученых, пытавшихся защитить РЗ, Макушев заключает статью словами: «Мы твердо остаемся на нашем мнении, т. е. что Суд Любуши есть подделка начала нынешнего столетия»[1].

[1] *Макушев В. В.* Так называемая Зеленогорская рукопись // Макушев В. В. Из чтений о старочешской письменности. Воронеж, 1879. С. 34–64.

Следует, однако, отметить, что при столь непримиримой позиции в отношении РЗ Макушев все же признавал подлинность РК[1].

Иначе, нежели Срезневский, отнесся Макушев и к исследованию А. Патеры[2] о чешских глоссах в «Матер Верборум». Макушев приводит примеры поддельных глосс, констатирует, что «фальсификатор был ученый славист и чешский патриот: подделанные им глоссы важны или в филологическом, или в историческом отношении и обнаруживают в их авторе знание не только старого и нового чешского языка, но и других славянских наречий, а также знакомство со славянскими древностями; у него была определенная историческая цель — доказать подлинность Любушина Суда такими словами, которые в чешских памятниках не встречаются, а которые он заимствует из других наречий или сам сочиняет, а также возбудить в чехах еще большую ненависть к немцам». Впрочем, Макушев подчеркивал, что подобные выводы из труда Патеры можно делать за пределами Чехии, в то время как самому автору «было неудобно высказываться с нашей откровенностью». Русский ученый заключает свою статью пожеланием исследовать в

[1] Там же. С. 45.

[2] Патера Адольф (Patera, 1836–1912) — чешский языковед и историк литературы. Окончил философский факультет Пражского университета. С 1863 г. работал в библиотеке Национального музея, до 1892 г. — хранителем, после этого — директором. В чешских и зарубежных архивах обнаружил много древних рукописей и издал их. Высокая эрудиция в области чешских письменных памятников позволила ему усомниться в подлинности РКЗ, однако он не мог опубликовать своего мнения по соображениям политического и этического характера, так как был сотрудником Национального музея, руководство которого, как и имевшие к нему отношение чешские ученые, были защитниками подлинности рукописей. Но в 1877 г. Патера все же опубликовал работу «Чешские глоссы в "Матер Верборум"», которая подтвердила аргументы критиков РКЗ. Патера имел широкие контакты со славянскими учеными, особенно с русскими. Он помогал им в работе при их пребывании в Праге, состоял в переписке почти со всеми русскими славистами, которые посещали библиотеку Национального музея в Праге за период с 1863 по 1908 г. Был членом Чешской академии наук и искусств, почетным доктором Киевского университета, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, членом многих российских ученых обществ. О нем см.: *Лаптева Л. П.* Письма В. В. Стасова чешскому ученому Ад. Патере // Советское искусствоведение. М., 1980. Т. 2. С. 347–354; *Она же.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н. А. Попова с А. Патерой // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 290–298; *Она же.* Русский славист А. А. Котляревский и его связи с чешскими учеными: (По материалам неопубликованной переписки с А. Патерой) // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 118–130.

дальнейшем, какие глоссы фальсификатор заимствовал из других наречий и какие выдумал сам[1].

Как видно из отзывов Срезневского и Макушева, их отношение к поддельным глоссам прямо связано с убеждением в подлинности или подложности РЗ. Нам представляется, что само внимание русских ученых к «Матер Верборум» как раз и обусловлено тем, что глоссы использовались как средство для подтверждения подлинности РЗ.

Поскольку мнение Макушева об РЗ было прямо противоположным мнению Срезневского, легко понять, что в русской литературе возникла полемика между ними. Оценивая упоминавшуюся выше статью Срезневского об РЗ, Макушев повторил и усилил свои доводы против ее подлинности, указал Срезневскому на его ошибки в толкованиях и чтениях и сделал вывод: «При всем уважении к уму и учености» Срезневского, невозможно «признать Суд Любуши памятником не только XI–XII веков, но даже XIII–XIV веков», и остается лишь констатировать, что РЗ — «подделка нынешнего столетия»[2].

Об отношении Макушева к РК мы знаем из ряда его статей. Выше уже указывалось, что в 1875 году он считал РК подлинной. Однако это мнение не мешало ему тщательно следить за всеми материалами по исследованию РК, в том числе и за критикой. В 1879 году Макушев осветил для русской публики новые данные об РК, опубликованные в Чехии, в журнале «Листы филологицке». Обзор Макушева затрагивает статьи И. Б. Машека и Я. Гебауэра середины 70-х годов, анализирующие ряд песен РК. Особое внимание Макушев обращает на выводы Гебауэра о соотношении песни «Ярослав» и чешского перевода «Миллиона» Марко Поло. Русский ученый присоединяется к мнению Гебауэра, что нельзя — подобно тому, как это делает Палацкий, — признать автором «Ярослава» Завишу из Розенберга и относить рукопись к 80-м годам XIII века[3].

Из другой заметки Макушева, опубликованной одновременно с предшествующей, ясно, что его взгляд на РК изменился коренным образом. Макушев сообщает о том, что учитель чешской гимназии в Брно А. Вашек «издал в июне сочинение, в котором отвергает не только Любушин Суд, но и Краледвор-

---

[1] *Макушев В. В.* Глоссы в Mater Verborum // РФВ. 1879. Т. I. № 2. С. 143–144.

[2] *Макушев В. В.* Мнение И. И. Срезневского о т. н. Зеленогорской рукописи // Макушев В. Из чтений... С. XVI–XVII (сноска 1 на с. 91).

[3] *Макушев В.* Замечания о содержании Listy filologické a pedagogické... ročn. V, seš. 1–4. 1878 // РФВ. 1879. Т. 2. № 3. С. 132–134.

скую рукопись на основании филологических данных». «Я, как защитник этой рукописи, — продолжает Макушев, — возражал ему в обширном частном письме, но после продолжительного разговора, который мы имели недавно в Вене, я убедился, что г. Вашек прав». Далее Макушев с сочувствием пишет о намерении Вашека продолжить разоблачение РК, несмотря на то, что «страстные невежды в Праге подымут новую тревогу, как это было по поводу Любушина Суда». В той же заметке Макушев сообщает о своей переписке с А. В. Шемберой по поводу РЗ. Письмом от 10 августа 1879 года Шембера благодарил Макушева за отзыв на книгу «Либушин суд» (*Šembera A. V.* Libušin Soud. Videň, 1879) и выражал удовлетворение по поводу общности взгляда обоих ученых на РЗ. Макушева он называл при этом «основательным знатоком дела, справедливым и беспристрастным судьею его»[1]. Шембера имел в виду отзыв, опубликованный Макушевым все в том же 2-м томе «Русского филологического вестника» за 1879 год. В этой рецензии Макушев написал о работе Шемберы весьма сочувственно. Он цитировал, в частности, те места книги, где чешский ученый отвергает недостойные методы, к которым прибегают его противники. Макушев разделял возмущение Шемберы тем, что братья Иречки, Брандл и некоторые другие защитники РКЗ исказили результаты добросовестного исследования и встретили одной только руганью старания «очистить чешскую литературу от всякой нелепости». Затем Макушев обильно цитирует рассуждения Шемберы, замечая, впрочем, что чешский ученый прошел мимо некоторых работ русских авторов, уже выразивших убеждение в подложности РЗ. В целом Макушев оценивает труд Шемберы о Либушином суде как «одно из замечательнейших и радостнейших явлений в славянских литературах за последнее время» и выражает мнение, что после этого труда «верить в подлинность Любушина Суда было бы по крайней мере смешно»[2]. Разумеется, оценивая полемику между Шемберой и Й. Иречеком, Макушев стоял на стороне первого. На статью Й. Иречека «О новейших возражениях против подлинности наших древних памятников» (1878) Макушев откликнулся лишь совсем короткой заметкой, в которой заявил только, что Й. Иречек «конечно, никого не может убедить в подлинности Любушина Суда»[3].

[1] Там же. С. 166–167.

[2] *Макушев В. В.* [Рец. на кн.:] Libušin Soud... jest podvržen... čehož dukazy podává A. V. Šembera, Videň, 1879// Там же. С. 121–129.

[3] Там же. С. 137.

Из изложенного ясно, что Макушев был среди русских ученых наиболее квалифицированным для своего времени критиком РКЗ. Самое главное состоит в том, что его критика основывалась на чисто научных принципах исследования. На наш взгляд, он внес свой собственный, пусть и весьма скромный, вклад в разоблачение знаменитых фальсификатов, не говоря уже о том, что благодаря ему среди читающей русской публики стало широко известным мнение о подложности РКЗ.

Почти одновременно с Макушевым выступил с критикой РКЗ также В. И. Ламанский. Его отзыв на издание Н. Некрасова уже приведен выше. Основная же его работа против подлинности РКЗ носит название «Новейшие памятники древнечешского языка». Она публиковалась с января 1879 по июнь 1880 года, и хотя осталась незаконченной, но совершенно недвусмысленно выражала отношение Ламанского к фальсификатам. Уже в первой из серии названных статей Ламанский весьма резко отозвался о книге Шафарика и Палацкого «Древнейшие памятники чешского языка» (1840), с названием которой явно связано и заглавие работы русского ученого. Ламанский полагает, что это издание «породило и развело множество самых неправильных соображений, самых печальных ошибок и заблуждений. <...> Не найдется в нашей науке другого исследования, второй книги, которая имела бы такое же вредное и дурное влияние». Примером этого влияния Ламанский считает фанатичную веру ряда русских славистов в подлинность РКЗ. А объясняет он это влияние всей атмосферой европейской славистики 30—40-х годов XIX века, в которой «увлечения наших первых славистов западнославянским движением и его веяниями были естественны и неизбежны». Ламанский полагает, что к концу 70-х годов XIX века время этих увлечений прошло и «стало возможно спокойно и критически отнестись к вопросу о подлинности всех заподозренных или отвергнутых Добровским и Копитаром памятников древнечешской письменности»[1]. В связи с этим Ламанский резко критикует отзывы Срезневского и Лавровского о Ганке как об ученом и человеке. Он говорит, что оба русских ученых «одинаково забыли, что первые подозрения шли не от австрийских полицейских агентов <...> и не от врагов славянства, а от Добровского и Копитара». Интересно замечание Ламанского по поводу различной трактовки исхода судебного процесса между Ганкой и Ку. Если Срезневский не издавал «победного клича» по пово-

[1] ЖМНП. Ч. 201. 1879. № 1. Отд. 2. С. 131—160.

ду поражения «античехов», то П. Лавровский «торжественно заявил» о победе Ганки. В связи с этим Ламанский делает вывод, что знаменитый фальсификатор освещал дело в Праге иначе, чем в своих письмах петербургским корреспондентам. Ламанский особенно возмущен тем, что защита некоторых рукописей продолжается, несмотря на разоблачение других «памятников». Он объясняет это упорство не недостатком знаний — «ибо в 50—60-х годах наши ученые знали больше Добровского и Копитара», — а «нравственной невозможностью заподозрить Ганку в подлогах, других чешских ученых — в известной ему поблажке и благочестивом укрывательстве», и именно это мешает исследователям «подняться на известную высоту, с которой можно было бы цельно обнять и беспрепятственно оценить западнославянские движения первой четверти нашего столетия со всеми его светлыми и темными сторонами». И далее Ламанский утверждает, что время слепого преклонения перед авторитетами миновало, что герои Любушина Суда и Краледворской рукописи «уже отжили свое время, и не только для других славян, но и для самих чехов», а РКЗ сохраняют «лишь историческое значение как предмет веры и обожания нескольких поколений, как памятники ученой доверчивости и слабости критики, законных, впрочем, и неизбежных в жизни каждой науки в первый период ее развития»[1].

Во второй части своей обширной работы Ламанский — уже в третий раз в русской литературе — останавливается на книге А. Патеры о чешских глоссах в «Матер Верборум». Независимо от Макушева, но в полном согласии с ним Ламанский высоко оценивает работу Патеры и его соавтора А. Баума и язвительно критикует попытку Срезневского принизить значение разоблачений. Статью Срезневского Ламанский оценивает как «памятник ораторского искусства», «блестящую адвокатскую речь», «oratio pro Venceslao Hanka» и отчасти «pro domo suo», то есть в защиту и оправдание ученых, впавших в некоторые ошибки только потому, что «фальсификатор был так велик»[2].

В третьей части своей работы Ламанский привел ряд филологических доказательств подложности глосс в «Матер Верборум», указал на источники, которыми фальсификатор определенно пользовался, и заключил эту часть обвинением в адрес Ганки. Ламанский писал: «В полном сознании всей тяжести

[1] Там же. С. 147, 154.
[2] Там же. Ч. 202. 1879. № 3. Отд. 2. С. 118, 152.

возводимого нами обвинения на человека, которого так долго все в России, и мы в том числе, считали одним из лучших и благороднейших славянских деятелей, я считаю себя вправе и даже нравственно обязанным не скрывать правды, не молчать об обнаруженной и столь долго царившей в науке лжи, но утверждать прямо и решительно, что эти подчистки, подделки и подлоги принадлежат, без всякого сомнения, бывшему библиотекарю Музея В. Ганке»[1].

В следующей части работы Ламанский определяет большое значение разоблачения глосс в «Матер Верборум» для суждений об РКЗ. Он видит это значение не только в дискредитации отдельных слов, но и в изменении общего суждения о целом ряде «памятников», якобы открытых Ганкой, — «Песне о Вышеграде», «Любовной песне короля Вацлава» и др. Правда, из факта защиты Шафариком и Палацким ганковых фальсификатов Ламанский делает, быть может, слишком далеко идущие выводы. В книге «Древнейшие памятники чешского языка» (1840) и в обширном предисловии Шафарика к немецкому стихотворному переводу РК, выполненному графом Й. М. Туном (1845), Ламанский усматривает «вещественный знак <...> отношений чешских ученых и властенцев (т. е. патриотов. *Л. Л.*) к немецкой исторической шляхте». Именно из этих отношений, по мнению Ламанского, зародилась даже старочешская партия. Такой вывод связан, вероятно, с неприязненным отношением Ламанского к старочехам, проповедовавшим, как известно, австрославизм и вытеснявшим тем самым из чешского общества мысль о России как потенциальной защитнице угнетенных австрийских славян. Когда к переводу Туна Шафарик написал предисловие, а Палацкий примечания, то они, по мысли Ламанского, как бы давали представителю старой австро-немецкой фамилии Туну ручательство в возможности сотрудничества между чехами и немцами в пределах Австрии. Разумеется, продолжает Ламанский, это ручательство было выражено не прямо, а лишь на базе общего научно-литературного сочинения; немецкий переводчик самим фактом своего труда как бы утверждал, что в чешских памятниках нет ничего грубого и низкого, «ничего такого, что так претило и претит исторической шляхте и чешской старине и народности», а также «ничего гуситского и еретического».

Ныне подобные суждения представляются тенденциозными. Ламанский отлично знал содержание РКЗ, в том числе и

[1] Там же. Ч. 201. 1879. № 2. Отд. 2. С. 313–366.

их антинемецкую направленность. Вряд ли сотрудничество Й. М. Туна-Хоэнштейна с Шафариком и Палацким имело столь серьезную политическую подоплеку, как это казалось Ламанскому. И все же в суждениях русского ученого проглядывает стремление возможно глубже и детальнее разобраться в причинах решительной защиты РКЗ чешскими будителями. Сама постановка этого вопроса имела определенное положительное значение.

Приведя доказательства Шафарика и Палацкого в пользу подлинности РКЗ, Ламанский высказывает свое уважение к чешским ученым, но со всей решительностью объявляет их аргументы несостоятельными. Тот факт, что Шафарику и Палацкому «долго вторил весь ученый и неученый мир», нанес, по мнению Ламанского, огромный вред науке.

Далее Ламанский переносит проблему еще в одну плоскость. Он пишет: «Вопрос о подлинности Суда Любуши и Краледворской рукописи может еще получить такую формулу: мог ли Ганка успеть провести (т. е. обмануть. – *Л. Л.*) Шафарика и Палацкого Судом Любуши и Краледворскою рукописью, как он их провел глоссами в "Матер Верборум"?» Таким образом, Ламанский ставит вопрос не столько научный, сколько этический, о том, с какого времени оба чешских корифея, зная о подлогах, все же пытались их выгораживать. Следует признать, что этой «проблеме» отведено слишком большое место в сочинении, задуманном как научное. Здесь Ламанский выступает скорее как публицист, чем как ученый. Впрочем, аргументация его, далеко не всегда безупречная, все же достаточно любопытна, чтобы на ней остановиться. Прежде всего Ламанский предполагает, что ни Шафарик, ни Палацкий уже в 30-е годы не верили в такие «памятники», как «Песнь о Вышеграде», «Отрывки Евангелия от Иоанна», «Любовная песнь короля Вацлава». В связи с этим Ламанский предъявляет обоим чешским ученым тяжелое обвинение: «Патриотизм и любовь к народности, – пишет он, – дело святое. Но если из патриотизма люди сознательно терпят ложь и попускают ей держаться и развиваться в науке, то такая терпимость и такие компромиссы являются самыми грозными и губительными врагами прежде всего просвещения, а затем политической свободы. <...> Палацкому с его палеографической и критической опытностью, а Шафарику с его филологическим знанием, обоим с их образованностью, умом и дарованиями, невозможно приписывать наивную веру в новейший палимпсест. <...> Палацкий и Шафарик своими утверждениями, а Челяковский

своим молчанием грешили недостатком искренности и научной прямоты». Ламанский, правда, допускает, что обман совершался «с болью в сердце и с содроганием <...> из желания прикрыть Ганку и спасти его честь <...> из опасения, как бы не дать против себя оружие народным врагам». Однако, несмотря на эти частные оправдания, Ламанский все же осуждает позицию чешских будителей в целом[1]. Отметив, что чешские ученые и патриоты лишь в 1857 году признали подложность ряда рукописей, Ламанский выражает уверенность в том, что эту подложность «они могли легко увидеть 40 и 30 лет тому назад», что «Палацкому и Шафарику 30-х годов, Томку и Небескому 40-х и начала 50-х годов недоставало <...> свободного отношения к делу». И далее Ламанский очень высоко оценивает работы Ю. Фейфалика, «нанесшие первый удар палеографическим и критическим суждениям Палацкого и Шафарика, которые <...> недостойно и неприлично отрицали в Добровском самую существенную и лучшую сторону его ума и дарования, главную его силу — критику, <...> несправедливо отвергали его палеографические знания»[2].

Мнение Ламанского о том, что Шафарик, Палацкий и другие чешские ученые знали о подложности многих рукописей уже в 30-е годы, вряд ли доказуемо. Можно вспомнить, например, письмо Шафарика известному русскому историку М. П. Погодину от 31 октября 1840 года. Его текст, на наш взгляд, свидетельствует скорее об убеждении Шафарика в подлинности рукописей, в частности Либушина Суда. Шафарик пишет: «Прилагаю для Вас копию письма, присланного мне Якобом Гриммом, чтобы Вы видели, как оценивает Либушин Суд крупнейший немецкий авторитет». К письму действительно приложена упомянутая копия, в которой особенно важны следующие слова: «Пересылкой Вашего драгоценного подарка Вы доставили мне большую радость. Я не боюсь этого сказать, хотя пока еще не прочитал и не проштудировал весь текст многократно. Лишь увидав факсимиле "Либуши", я понял, что сомнений быть не может: подобная вещь должна быть подлинной, она не может быть подделкой». Правда, Я. Гримм в своем письме мимоходом вспоминает об «авантюристической» или «приключенческой» (abenteuerlich) находке РК, но тем характернее то примечание, которое делает к этому месту письма Гримма корреспондент Погодина, т. е. Шафарик. «Это выражение, — пишет он, — относится к мнению об обнаружении Краледвор-

[1] Там же. Ч. 203. 1879. № 6. Отд. 2. С. 247—276.
[2] Там же. Ч. 204. 1879. № 7. Отд. 2. С. 25—28.

ской рукописи, мнению неверному и злобному, исходящему от лжецов и клеветников и распространенному среди немецких ученых. Нет, Краледворская рукопись была обнаружена самым простым, самым естественным путем, в старом помещении, среди иных памятников и бумаг и вместе с несколькими старыми стрелами»[1]. Нам представляется, что текст этого письма свидетельствует об искренней вере Шафарика в подлинность рукописей. В доверительном сообщении своему другу и единомышленнику, каким был Погодин для Шафарика, чешский ученый не имел оснований маскировать свое мнение столь тщательно, чтобы писать в подобном тоне. Ведь не скрывал же он своего истинного отношения к рукописям в письме к тому же Погодину семнадцатью годами позже (22 февраля 1857 г.), когда безнадежно провалились несколько поддельных «памятников», предупреждая, правда, своего корреспондента, что сведения о провале не следует широко разглашать. Все это наводит на мысль, что в 1840 году Шафарик искренне верил в подлинность РКЗ, а, следовательно, подозрения Ламанского в данном случае безосновательны.

Следующая часть статьи Ламанского о «памятниках» древнечешского языка вышла в свет лишь через год, в июне 1880 года, и стала последней. Ламанский так и не довел эту работу до конца. В качестве эпиграфа к последней части статьи Ламанский привел выдержку из того самого письма Шафарика Погодину от 22.2.1857, где Шафарик признает подложность ряда рукописей. Это письмо стало известно общественности благодаря публикации Н. Поповым корреспонденции М. П. Погодина[2]. Далее Ламанский в той же статье описывает обстоятельства «открытия» тех «памятников», которые имели целью «подтвердить» подлинность РЗ и «разбить в пух и прах недоумения Добровского». Этой же цели служило, по мнению Ламанского, предисловие Ганки к изданию чешского перевода отрывков Евангелия от Иоанна. Из текста последней части статьи Ламанского видно, между прочим, что и сам Ламанский, будучи еще молодым ученым, верил в подлинность РКЗ, а сомнения закрались в его душу и стали его смущать лишь в 1875 году[3].

Содержание большой работы Ламанского о «памятниках» говорит само за себя. Как видно из позднейшей литературы,

---

[1] Цит. по изд.: Korespondence Pavla Josefa Šafařika / Vydal V. A. Francev. D.I. Č. II. V Praze, 1928. S. 624. Оригинал на немецком языке.

[2] Письма М. П. Погодина из славянских земель (1835–1861) / Под ред., с примечаниями и предисловием Н. Попова: Вып. 1–3. М., 1879–1880.

[3] ЖМНП. Ч. 209. 1880. № 7. Отд. 2. С. 313, 316–318, 338.

непосредственным поводом для написания Ламанским этой работы явилась уже неоднократно упоминавшаяся книга А. Патеры. Еще и в XX веке встречались отзывы о работе Ламанского как положившей конец преклонению перед кумирами, не щадившей авторитетов, высоко ставившей исследования критиков РКЗ, подорвавшей веру в сами «памятники»[1]. С этими суждениями можно в целом вполне согласиться, не упуская, однако, из виду и некоторых издержек полемического задора, видимо, неизбежных при всякой ломке старых представлений.

В конце 70-х годов XIX века РКЗ привлекли к себе внимание известного русского слависта А. А. Кочубинского[2]. В 1875 году, будучи еще доцентом Новороссийского университета, Кочубинский составил отчет о своих занятиях славянскими наречиями. Уже в это время он высказывал некоторые сомнения в подлинности РК. Язык и правописание РК казались ему «амальгамой нового и слишком старого для начала XIV века». Он подтверждал свое мнение некоторыми конкретными филологическими аргументами и добавлял, что ему непонятны звуковые и формальные особенности отдельных слов. Также и все существующие издания РК, по его мнению, оставляют место недоразумениям. Кочубинский считал, что РК «требует издания с громадным ученым аппаратом: палеографическим,

[1] *Лавров П. А.* Владимир Иванович Ламанский // Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 16–18.

[2] Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – историк и филолог-славист. Сын священника. Окончил историко-филологическое отделение Московского университета. С 1871 г. преподавал славянскую филологию в Новороссийском университете (Одесса). В 1873 г. защитил магистерскую диссертацию «Братья-подобои и чешские католики», а работа «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий» (в 2 т., Одесса, 1877–1878) принесла ему степень доктора славянской филологии и звание ординарного профессора, каковым он прослужил до конца жизни. Лингвистические работы Кочубинского не относятся к сильным сторонам его творчества; действительный вклад в славяноведение он внес своими трудами по истории Чехии, русско-славянских отношений и по истории славяноведения в России. К последней рубрике относятся: «А. С. Шишков и канцлер гр. Н. П. Румянцев: Начальные годы русского славяноведения» (1887–1888), «Граф Сперанский и университетский устав 1835 г.» (1894), «Граф Г. С. Строганов: Из истории наших университетов 30-х годов» (1896). Кочубинский являлся сторонником славянской взаимности, т. е. объединения славян в духовной и культурной сфере на добровольной основе, но идеализировал роль России в потенциальном освобождении славян от чужеземного господства. В политическом отношении был консерватинен, в суждениях о чешской политике стоял ближе всего к младочехам, осуждая Ф. Палацкого и его партию за австрославизм и за линию отдаления от России. Много раз был за границей, в том числе и в Чехии, хорошо разбирался в научной атмосфере и политической жизни славянских стран. О нем см.: СДР БС. С. 195–197.

буква за буквой комментарием и строгим филологическим разбором каждого звука, формы, оборота», что «одного доброго чувства и веры мало»[1].

Второй раз Кочубинский обратился к РКЗ пять лет спустя. Он выразил мнение, что появление подделок в период возрождения было естественным. РЗ была, по словам Кочубинского, одной из таких подделок и «едва ли может быть защищена в настоящую минуту, несмотря на самый горячий патриотизм и самую теплую память о Ганке». Проанализировав фотоснимок страницы РЗ в книге Шемберы, Кочубинский приходит к выводу, что рукопись весьма напоминает по своим палеографическим особенностям текст уже разоблаченного фальсификата «Любовная песнь короля Вацлава».

Касаясь РК, Кочубинский повторяет аргументы, уже приведенные им в 1875 году. Наиболее вероятным автором «Либушина суда» Кочубинский считает Й. Линду. Статью Й. Иречка в защиту подозреваемых «памятников» («Освета», 1879) Кочубинский использует для аргументации против подлинности РКЗ. Если Й. Иречку некоторые весьма странные формы слов служили доказательством того, что Линда не мог быть автором РК, то Кочубинский использует эти же фразы для сравнения РК с поэмами, несомненно принадлежащими перу Линды, и устанавливает, что именно такие формы свойственны и некоторым песням РК. Так, например, в балладе Линды «Юрий Подебрад», вышедшей в свет всего через 5 месяцев после «открытия» РК, встречаются общие с ней элементы. Кочубинский полагает, что русские ученые несут значительную долю вины «за создание культа чешских подозрительных памятников». В этой связи упоминаются А. Соколов, И. Срезневский, Н. Берг и другие[2].

Таким образом, к концу 80-х годов XIX века в русской славистике уже постепенно утверждалось мнение о подложности РКЗ, выдвинутое и поддержанное Макушевым, Ламанским, Кочубинским. Однако это вовсе не значит, что к тому времени защитники подлинности РКЗ в России уже перевелись. В 1880 году вышла книга А. Стороженко[3], сделавшего попыт-

---

[1] *Кочубинский А. А.* Отчет (второй) о занятиях славянскими наречиями с 1 февраля по 1 августа 1875 г. // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1875. Т. 2. С. 86–87.

[2] *Кочубинский А.* Историки литературы славян // ЖМНП. Ч. 209. 1880. № 5. Отд. 2. С. 154–158.

[3] Стороженко Андрей Владимирович (1837 – год смерти неизвестен) – сын помещика; историк и литературовед. Окончил Киевский университет. Его упомянутая работа была сочинением, поданным при окончании университе-

ку подвести итог всем ранее разработанным исследованиям РКЗ. В книге повторяется история открытия обеих рукописей, подробно излагается их содержание, оценивается их политическое и литературное значение, приводятся сведения о различных изданиях РКЗ, о спорах по поводу их подлинности. Каждое издание рукописей характеризуется автором весьма подробно.

Сам Стороженко придерживается мнения, промежуточного между позициями критиков и защитников РКЗ, но с явным уклоном в сторону последних. Тексты РКЗ кажутся ему произведениями XIV века, написанными каким-то юристом, не лишенным поэтического дарования. Однако, по мнению Стороженко, найденные в начале XIX века тексты представляют собой позднейшие списки, изготовленные, быть может, даже и в начале XIX века, в то время как древние оригиналы утрачены[1]. Впрочем, эта версия никакими доказательствами не аргументируется.

К началу 80-х годов А. Н. Пыпин стал явно сомневаться в подлинности РКЗ. Его характеристика, относящаяся к 1881 году, выдержана в нейтральных тонах, но тем не менее наводит на мысль о подложности «памятников». Правда, Пыпин начал свое изложение с повторения своих прежних высказываний, относящихся к середине 60-х годов. Но после этого он добавил большой материал, излагающий полемику об РКЗ за прошедшие полтора десятилетия. При этом ученый признал большие заслуги тех ученых, которые выступили против подлинности РКЗ (это Шембера, Патера, Макушев, Петрушевич, Ламанский и др.). К проблеме подлинности РКЗ Пыпин старался подойти по возможности объективно. Он рассматривал основания, на которых строят свои аргументы как защитники, так и критики РКЗ, особенно подробно останавливаясь на доводах последних. Пыпин признавал, что содержание «памятников» не связано ни с предшествующей, ни с последующей чешской литературой; что поэтические образы РКЗ не соответствуют представлениям средневекового человека; что мифология

та и принесшим ему звание кандидата, которое в то время предшествовало возможности соискания степени магистра. С 90-х гг. член Киевской комиссии по разбору древних актов. Издавал архивные документы, занимался публицистикой на славянские темы, разрабатывал проблемы польской истории. Наиболее известной его работой в этой области была монография «Стефан Баторий и днепровские казаки» (1904). По политическим взглядам Стороженко был консервативен. О нем см.: СДР БС. С. 323–324.

[1] *Стороженко А.* Очерки из истории чешской литературы: I. Рукописи Зеленогорская и Краледворская. Киев, 1880 (оттиск из «Киевских университетских известий», 1879–1880).

надуманна, язык лишь мнимо архаичен и представляется искусственным. Пыпин подчеркивал также, что за последние десятилетия в числе критиков РКЗ появилось много славянских ученых. Правда, от решительного приговора он все-таки воздерживался. Констатируя, что защитники памятников находились в нелегком положении, он указывал и на трудности, которые еще предстояло преодолеть критикам, в частности – объяснить происхождение подделок, их источники и средства исполнения.

Пыпину было вполне понятно, сколь великая ломка предстояла бы науке в том случае, если бы подложность памятников была окончательно изобличена. И все же в заключение своих суждений он склонялся на сторону критиков РКЗ. Он писал: «Если даже не предрешать теперь окончательно вопроса о таких произведениях, как "Суд Любуши", Краледворская рукопись и т. д., то может показаться странным, исторически нелогичным, что другие памятники чешской старины не представляют ничего (или представляют мало) похожего на то резко национально-патриотическое направление, которое замечается в заподозренных памятниках, на богатство их исторических воспоминаний и их поэзии. Правда, и в литературе подлинной бывали национально-патриотические заявления, как, например, у Далимила, но эти заявления и редки, и не так сильны, а во всем остальном ряду других памятников не сохранилось отголоска ни того чувства своей народности, очень похожего на новейшую тенденциозность, ни той поэтической романтики <...> ни той мифологии <...> и пр. Напротив, мы видим, что в эти самые века спокойно и покладливо принимаются те формы и содержания, какие имела вообще западная средневековая литература; не видим следа какой-нибудь борьбы между двумя литературными "школами", какие предполагаются в эту эпоху чешскими историками»[1].

Сколь трудно было некоторым российским ученым еще и в конце XIX века отказаться от убеждения в подлинности РКЗ, показывает книга киевского слависта А. Степовича[2]. В своем

[1] *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Изд. 2. СПб., 1881. Т. 2. С. 820–821.

[2] Степович Андроник Иоаникиевич (1857–1935) – славист, историк литературы, переводчик славянских сочинений на русский язык. Окончил Киевский университет, где слушал по славяноведению курсы А. А. Котляревского. С 1895 г. стал читать лекции по славянской филологии в Киевском университете в качестве приват-доцента. Одновременно с 1893 г. был директором Коллегии Павла Галагана. После революции 1917 г. стал профессором Киевского университета, с 1924 г. на пенсии. Его главные работы: «Очерк истории чешской литературы» (1886), «Очерки из истории славянских литера-

«Очерке чешской литературы» (1886) он поместил РКЗ в раздел «Древняя пора», хотя и отметил, что обе рукописи находятся под сильным подозрением. Полагая, что окончательный приговор еще не вынесен, Степович продолжает говорить о рукописях как о подлинных памятниках древности. Как и его предшественники, Степович подробно излагает содержание РКЗ. «Суд Любуши» он признает важным памятником как истории, так и литературы. Касаясь РК, он характеризует стихотворный размер песен, особенности их стилистики и замечает «удивительное сходство <...> даже в отдельных выражениях» между РК и «Словом о полку Игореве». Описания сражений представляются Степовичу близкими по духу к аналогичным повествованиям в русских былинах. Особенно радует Степовича, что «поэтическая ценность древнечешских произведений признана знатоками почти всех европейских народов». Сходство песен РК с произведениями других славянских этносов представляется Степовичу аргументом в пользу утверждения об «общем происхождении» РК и ряда других памятников «из одного славянского народного источника». Более всего сходных черт Степович обнаруживает между лирическими песнями РК и некоторыми народными русскими и украинскими песнями; впрочем, он признает: «Характер поэтических обращений, тон лирики до того сходны, что действительно могут возбудить даже некоторые подозрения». Однако в дальнейшем Степович снова впадает в прежний тон: «Это сходство может иметь свое основание в общности выражения одного славянского духа у разных племен».

Помимо этой общей характеристики РКЗ Степович дает им оценку как произведениям, положившим основание чешскому романтизму в литературе и искусстве и сообщившим чешской поэзии глубоко народный характер, оказавший «неоспоримое влияние на направление новых даровитых поэтов». В приложении к книге имеется фотоснимок РК и краткое описание обеих рукописей[1].

Для второй половины 80-х годов XIX века оценки Степовича следует признать весьма консервативными, если учесть, что

тур» (1893), «Очерки истории сербохорватской литературы» (1899). Во всех работах Степовича много нового фактического материала, дополнявшего «Историю славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Писал об отдельных славянских поэтах и переводил их произведения на русский язык, что сыграло большую роль в ознакомлении русской общественности с литературами зарубежных славян. О нем см.: СДР БС. С. 322–323.

[1] *Степович А.* Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886. С. 3–15, 21, 24–29, 172, 303.

сам он не принадлежал к тем ученым, которые опирались на РКЗ в своей исследовательской работе. Его убеждение в подлинности «памятников» объяснялось лишь славянофильским мировоззрением, ставшим в 80-е годы уже анахронизмом.

Как известно, в 1886 году началась особенно интенсивная в Чехии полемика между критиками и защитниками РКЗ. Она получила определенный отклик и в русской периодике. Так, орган Петербургского Славянского благотворительного общества, освещая начавшуюся полемику, выразил свою солидарность с критиками РКЗ[1]. Аналогичное отношение к спору выразил и «Русский филологический вестник». «Мы не считаем нужным, – отмечено в нем, – входить в подробности полемики, так как для нас нет ни малейшего сомнения в подложности знаменитых памятников»[2].

Высказывались, однако, и противоположные мнения. В Киеве некто В. Петр, о котором мы не располагаем никакими сведениями, выпустил небольшую статью (но отдельным изданием), в которой осуждал Гебауэра и Масарика за выступления против подлинности РКЗ, объясняя их позицию корыстными мотивами и антипатриотичностью. В. Петр утверждал, что Гебауэр, желая занять кафедру славяноведения в Венском университете, стремился обратить на себя внимание венского правительства «глумлением над чешскою святынею», а Масарик – англофил, проповедующий «национальное самоубийство» в форме отказа от чешской самобытности. Зато в совершенно ином тоне В. Петр пишет о результатах химической экспертизы 1866–1867 годов. По его мнению, эти результаты «блестяще подтвердили» подлинность «драгоценных памятников древнечешской культуры», несмотря на то что лингвистические доказательства старинного происхождения РКЗ оказались недостаточными[3].

Очередное мнение об РКЗ было высказано в русской литературе известным ученым П. О. Морозовым[4] в 1888 году. По этому мнению видно, что, несмотря на различные отклонения от прогрессивной линии критики, в русской литературе все

[1] Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1886. № 1. С. 39–44.

[2] РФВ. 1886. Т. XVI. С. 190.

[3] *Петр В.* К вопросу о подлинности Краледворской рукописи. Киев, 1887 (брошюра в 6 страниц малого формата).

[4] Морозов Петр Осипович (1854–1920) – историк русской и славянских литератур. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1880 г. защитил магистерскую диссертацию «Феофан Прокопович как писатель». До конца 80-х гг. – приват-доцент Петербургского уни-

более нарастало недоверие к утверждениям о подлинности рукописей. Морозов довольно подробно описывает обстановку, в которой были «открыты» РКЗ и ряд других «памятников», отмечает огромное значение «открытий» для становления и развития чешского романтизма и национального самосознания, приводит свидетельства широкого распространения сведений об РКЗ, переводов их на разные языки и т. д. также и за пределами Чехии, останавливается на истории их критики, придавая особое значение труду А. Патеры о глоссах в «Матер Верборум». «Это открытие, – отмечал Морозов, имея в виду разоблачение подложных глосс, – прямо обличавшее Ганку, нанесло удар авторитету Краледворской и Зеленогорской рукописей, так что теперь серьезные ученые уже не считают возможным ссылаться на эти произведения, хотя спор еще не решен окончательно». Морозов не сомневается в том, что Ганка был великим фальсификатором, и указывает, что многие ученые, в том числе и чешские, «ставят уже вопрос не о том, подлинны ли эти памятники, а прямо о том, кто сфабриковал их во втором десятилетии нашего века, из какого материала и какими средствами». Любопытно следующее наблюдение Морозова: «Замечательно, что пока все или почти все верили в подлинность "Любушина Суда" и Краледворской рукописи <...> все восторгались высокими поэтическими достоинствами этих произведений; с упадком же веры и эстетическая критика начала открывать в них различные недостатки и несообразности. Так сильно влияние предрассудков!» В заключение Морозов говорит о побуждениях, которыми должны руководствоваться в первую очередь защитники РКЗ: «Если бы действительно было доказано, что памятники подложны, то науке славянской филологии, истории и древностей был бы нанесен весьма чувствительный удар. Пришлось бы признать, что очень многое из того, на чем в продолжение полувека строились научные теории, <...> есть не более чем вздорная фантазия досужего патриота; <...> пришлось бы вычеркнуть из науки <...> труды целых поколений уважаемых и даровитых деятелей, пришлось бы заявить, что славянская наука <...> построена не только на песке, но прямо на воздухе». Признавая все это, Морозов, однако,

---

верситета. Подготовил собрание сочинений А. С. Пушкина в 7 т. Для 2-го тома «Всеобщей истории литературы» написал «Очерк истории славянских литератур до конца XIV в.», а для 3-го тома – большой раздел «Новая литература славянских народов» (1888). Своим трудом Морозов вводил славянские литературы в контекст мирового литературного развития. О нем см.: СДР БС. С. 344.

решительно присоединяется к критикам РКЗ, «потому что единственная цель науки заключается в истине»[1].

В общем, можно отметить, что Морозов стоял на уровне современной ему науки, а дальнейшие исследования пошли именно по тому пути, который казался желательным и Морозову, то есть по пути выяснения источников, материалов и средств фальсификаций.

Об отношении к РКЗ известного русского слависта К. Я. Грота[2] можно судить по тому, как он отзывался об этих «памятниках» в связи с воспоминаниями об И. И. Первольфе[3]. Он называет рукописи «пресловутыми подложными» и одобряет позицию Первольфа, который не колебался в признании РКЗ фальсификатами, как только сам убедился в этом[4].

К концу XIX века и Пыпин решительно и недвусмысленно перешел на сторону критиков РКЗ. Само название его работы –

---

[1] *Морозов П. О.* Новая литература славянских народов // Всеобщая история литературы / Под ред. А. Кирпичникова. СПб., 1888. Т. 3. Ч. 1. С. 127–128.

[2] Грот Константин Яковлевич (1853–1934) – историк и литературовед. Сын академика Я. К. Грота, известного историка русской литературы. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Принадлежал к школе В. И. Ламанского, у которого и проходил курс славяноведения. В 1880 г. издал работу «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове». В 1881 г. защитил магистерскую диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.», а в 1889 – докторскую работу «Из истории Угрии и славянства в XII в.». Работы Грота отличаются широкой источниковой базой и не утратили своего значения до сегодняшнего дня. С 1883 по 1899 г. К. Грот служил профессором Варшавского университета по кафедре славянских литератур, истории и древностей. Читал лекции по славянским литературам, в том числе и по чешской, и по другим славистическим дисциплинам. В 1899 г. вышел в отставку и переехал в Петербург, где занимался славистическими исследованиями, публиковал также материалы по истории литературы пушкинской поры. Являлся членом-корреспондентом Российской академии наук, членом многих славянских академий и научных обществ. См. о нем: СДР БС. С. 134–136.

[3] Первольф Иосиф Иосифович (1841–1891) – историк славян, чех по происхождению. Окончил Пражский университет, с 1864 по 1871 г. работал архивариусом библиотеки Национального музея в Праге. В 1871 г., по приглашению ректора Варшавского университета, занял место доцента кафедры славянской филологии и переселился в Варшаву. Позднее принял российское подданство. В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию «Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века», а в 1877 г. за книгу «Германизация балтийских славян» получил степень доктора славянской филологии и стал ординарным профессором Варшавского университета. Будучи сторонником идеи славянской взаимности, считал, что славяне должны добровольно объединиться в свободную федерацию. О нем см.: СДР БС. С. 263–264; *Dvořák L.* Josef Pervolf. Praha, 1972.

[4] *Грот К. Я.* Осип Осипович Первольф [некролог] // ЖМНП. 1892. № 2. С. 141–150. Разд. «Современная летопись». Об РКЗ см. с. 149.

«Подделки рукописей и народных песен» (1898) — свидетельствовало об отношении к РКЗ. Он прямо называл их «грандиозной фальсификацией». Разумеется, Пыпину, как и другим ученым, была вполне понятна цель фальсификатов: «стремление послужить возникавшему тогда возрождению чешского народа, поднять народные чувства воспоминаниями о славном прошедшем». Впрочем, Пыпин считал, что «только в самое последнее время чешским и другим ученым удалось вычеркнуть эти фальсификаты из истории древней чешской литературы», так что «наконец научная истина взяла верх». Ученый называл РКЗ «очень любопытным произведением чешской поэзии второго десятилетия нашего века <...> отражением тех понятий о поэтической старине, какие тогда господствовали»[1].

К сожалению, приходится констатировать, что мнение Пыпина разделяла не вся русская литература конца XIX века. Один из рецензентов его работы заметил: «Не далее как в 1896 году <...> д-р Фляйшганс, бывший ранее рьяным противником подлинности заподозренных памятников, перешел в лагерь ее сторонников и <...> доказывает, что с филологической стороны нет препятствий к признанию Краледворской рукописи подлинною <...> проф. Гаттала печатает обширную апологию упомянутых памятников. <...> Таким образом, о том, что Краледворская и Зеленогорская рукописи уже вычеркнуты из истории древнечешской литературы, говорить еще рано»[2].

В это же время на некоторых вопросах, связанных с песней «Ярослав», остановился профессор Новороссийского университета (Одесса) И. И. Луньяк. Его заинтересовало так называемое «Гостынское чудо» — легенда о чудесном спасении христианского войска от гибели в 1241 году. Луньяк связывает эту легенду с более древними, в том числе античными, и видит в ней трансформацию языческих сказаний на христианской почве. Канву сказания о Гостынском чуде автор считает древней, поскольку она засвидетельствована не только в РК, но и в других текстах. Что же касается подлинности самой РК, то Луньяк делает оговорку в сноске: он не хочет касаться этого вопроса как спорного, и считает его открытым[3].

Как известно, в 1899 году в литературе появилась ошибочная версия критиков РКЗ о якобы оставленной фальсификатором в РЗ кодированной надписи Hanka fecit. Русский славист

[1] *Пыпин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898. С. 18–19.

[2] Исторический вестник. 1898. Октябрь. С. 361–362.

[3] *Луньяк И. И.* Гостынское чудо: К вопросу об источниках эпопеи Краледворской рукописи «Jaroslav». Одесса, 1898.

Г. А. Ильинский[1] в обзоре журнала «Листы филологицке» за 1899 год обратил внимание на статью Л. Доленского, содержавшую упомянутое утверждение, и назвал последнее «в высшей степени важным». Ильинский даже делал вывод, что «вопрос, из-за которого было поломано столько копий <...> окончательно может быть сдан в архив». Кроме того, Ильинский высоко оценил статью Махала о влиянии на Ганку русских песен и вполне соглашался с чешским ученым, что Ганка многое заимствовал из известного сборника Чулкова и некоторых других русских изданий[2].

Эта заметка Ильинского вызвала резкое возражение. Любопытно, что автор реплики подписался «Почитатель Суда Любуши и Краледворской рукописи». Он выражал свое возмущение тем, что «давно уже <...> в Австрии началось преследование учено-литературной деятельности Ганки, этого выдающегося неутомимого деятеля <...> за которым непредубежденная мысль оставит навсегда высокий титул даровитого продолжателя своих предшественников и современников на почве всеславянского самосознания». Автор заметки объяснял, что «преследования» велись ныне уже даже и «друзьями славянской народности», которые забыли о значении РКЗ и начали швырять грязью в Ганку, «будто бы ad majorem veritatis gloriam, всесторонне не обследовав оспариваемых текстов». Автор особенно сетовал на то, что обвинения в адрес РКЗ проникли уже и на страницы журналов, издающихся в славянских странах. «Пусть бы себе, — писал он, — досужие австрийские ученые изощрялись в такой работе! Дело в том, что и в русском ученом журнале <...> с каким-то нескрываемым удовольствием

[1] Ильинский Григорий Андреевич (1876—1937) — выдающийся русский лингвист, археограф и историк. Окончил Петербургский университет, получил отличную филологическую подготовку в России и за границей. Усвоил современные лингвистические концепции и передовые методы исследования языков. Защитил магистерскую диссертацию на лингвистическую тему, с 1904 г. был приват-доцентом Петербургского университета. В 1911 г. получил степень доктора славянской филологии за диссертацию «Грамоты болгарских царей». Подготовил ряд образцовых изданий древних славянских текстов. Написал много собственных сочинений и рецензий. Ряд его трудов по славянскому языкознанию считаются классическими. Работал профессором в ряде университетов. В середине 30-х гг. XX в. по сфабрикованному НКВД делу был обвинен в антисоветской деятельности и в 1937 г. расстрелян. О нем см.: *Аншин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; СДР БС. С. 167—168.

[2] *Ильинский Г. А.* [Обзор журнала] Listy filologické, roč. 26, 1899 // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 729. Отметим, кстати, что в этой статье Доленский ошибочно именуется Доланским.

заявляется, что <...> теперь вопрос <...> окончательно может быть сдан в архив. Конечно, так и поступят все, доверяющие на слово гг. Доланскому и Ильинскому. Но не все, видевшие криптографическую запись на оригинале <...> успокоятся после санкции г. Ильинского. Как ни авторитетно издание, в котором появилась санкция, все же она не может считаться безапелляционной»[1].

В первые годы XX века о Краледворской рукописи снова высказался А. И. Степович. Собственно, его выступление представляет собой доклад на XII Археологическом съезде (Харьков, 1902). Непосредственным поводом послужило появление в 1901 году книги В. Флайшганса «Písemnictví české slovem a obrazem...». Позицию Флайшганса по вопросу об РКЗ Степович характеризует как беспристрастную, сам же присоединяется в начале своего доклада к тем ученым, которые считают вопрос о подлинности РКЗ еще не решенным окончательно. Однако, приступая к изложению полемики последних лет об РКЗ, Степович все же явно склоняется на сторону защитников рукописей. Правда, он не разделяет крайнюю точку зрения Гатталы, но зато с удовольствием упоминает заметку А. Вртятко в газете «Народни листы» за 1886 год (№ 175), находя в ней серьезные аргументы против позиции Гебауэра. В то же время ответы Гебауэра и Масарика М. Гаттале кажутся Степовичу малоубедительными. О полемике Гатталы с Ягичем Степович говорит с явной симпатией к Гаттале, поддерживая его «злую иронию» и приветствуя тот факт, что чешский ученый якобы «ловит своего противника на разных противоречиях». Лишь неуважительное высказывание Гатталы в адрес рано умершего Ю. Фейфалика представляется Степовичу неуместным.

Очень удачной считает Степович книгу Ю. Грегра в защиту РКЗ (1886, второе издание в том же году). И конечно же Степович упоминает о результатах химического исследования РК, полагая, что оно должно убедить и ученых, и общественность в подлинности рукописей[2].

Касаясь трудов Патеры, имеющих отношение к РКЗ, Степович лишь вскользь говорит о непризнании Патерой РЗ и гораздо подробнее рассказывает о защите им РК. Особенно же детально характеризуются работы Флайшганса, причем Степо-

[1] [*Почитатель Суда Любуши и Краледворской рукописи.*] Ганка, Доланский и Ильинский // РФВ. 1900. № 3–4. С. 300.

[2] Небезынтересно, что Отчет комиссии Чешского музея по вопросу об РКЗ (17 января 1889 г.), опубликованный в чешском журнале «Освета», был перепечатан в русском переводе в № 17 и 20 «Славянских известий» за 1889 г.

вич утверждает, что этот ученый «побивает Гебауэра трудами самого Гебауэра». Все творчество Флайшганса представляется Степовичу «целокупной защитой РК», которую Гебауэру едва ли удастся опровергнуть. В заключение Степович приходит к выводу, что вопрос об РКЗ находится еще в неопределенном положении, и солидаризируется с высказываниями А. Н. Пыпина, относящимися к 1881 году и приведенными нами выше[1].

Таким образом, в начале XX века РКЗ имели своих защитников и в России.

В 1914 году об РКЗ вспомнил также известный русский историк и литературовед Н. М. Петровский[2]. Никак не увязывая процессы чешского возрождения с изменениями в базисе чешского общества и назреванием необходимости выхода новых общественных сил на арену борьбы за управление страной, Петровский, однако, вполне отчетливо понимал, что чешские будители боролись за право своего народа на самостоятельное существование, а к древностям обратились для того, «чтобы доказать враждебному Западу, что и за славянами в прошлом есть немалые заслуги» и, следовательно, «право называться исторической нацией». Петровский прямо заявлял, что идея славянской взаимности «была изобретена <...> чтобы придать разрозненным племенам бодрость и веру в лучшее будущее». Уже эта формулировка недвусмысленно раскрывает позицию автора. Впрочем, констатируя, что «критика большинства голосов склонилась к признанию рукописей подложными», Петровский отказывался сам произнести свой окончательный при-

[1] *Степович А. И.* К литературной истории Краледворской рукописи // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. 2. С. 410–429.

[2] Петровский Нестор Мемнович (1875–1921) – филолог, историограф, библиограф; славист, педагог; сын профессора-слависта Казанского университета М. П. Петровского. Окончил Казанский университет. В 1902 г. защитил магистерскую диссертацию «О сочинениях Петра Гекторовича». С 1907 г. профессор Казанского университета, тогда же защитил докторскую диссертацию «Первые годы деятельности В. Копитаря». С 1917 г. академик РАН. Разрабатывал историю славянских культур, литературы, филологии. Опубликовал около 300 книг, статей и заметок, многие из которых посвящены первому профессору славяноведения в Казанском университете В. И. Григоровичу. Проводил мысль о прогрессивном развитии славянских народов при сохранении их национальной самобытности; в исследованиях использовал позитивистскую методику – писал свои сочинения на основании критического разбора источников. Переводил на русский язык научные работы славянских ученых и художественные произведения. Был талантливым, эрудированным критиком, о чем свидетельствует, в частности, его рецензия на «Историю славянской филологии» И. В. Ягича (1910), в которой Петровский впервые вскрыл многочисленные ошибки, допущенные маститым ученым. О нем см.: СДР БС. С. 208–209 (здесь указана и литература о Петровском).

говор, не считая себя для этого достаточно компетентным. Основное внимание в своей статье он уделял не проблеме подлинности или подложности РКЗ, а их влиянию на художественное творчество чехов и иностранцев, на распространение сюжетов РКЗ в Европе. Петровский приводил целый ряд восторженных отзывов об РКЗ – не только Шафарика и Палацкого, но и некоторых немецких ученых – и приходил к выводу, что обе рукописи «принесли славянскому возрождению гораздо больше пользы, нежели какие бы то ни было подлинные памятники древности, обнаруженные в новейшее время». Впрочем, это не мешало Петровскому утверждать, что «славянские будители, как правило, сами были воспитаны на немецкой культуре и нередко заимствовали из немецкого арсенала оружие для борьбы с германизацией»[1].

Работа Н. Петровского – последняя в русской дореволюционной литературе об РКЗ. Нельзя сказать, что это – вершина русских исследований о знаменитых фальсификатах. Но она отражала тот уровень, на котором велась полемика во втором десятилетии XX века, когда решительные удары по подлинности РКЗ уже были нанесены. Дальнейшие споры показали только, что фальсификаты защищались либо по откровенно националистическим соображениям, либо по невежеству.

История отношения русских ученых к РКЗ представляет, на наш взгляд, определенный интерес по ряду причин. Она отражает этапы развития русской общественно-исторической и литературоведческой мысли, переход от романтической восторженности к критическому осмыслению исторических явлений, преодоление славянофильских схем и построений. В то же время, история русской литературы об РКЗ свидетельствует о живучести предубеждений, подкрепляемых тенденцией принимать желаемое за действительное.

Конечно, полемика об РКЗ в России по своему накалу несоизмерима со спорами о знаменитых фальсификатах в Чехии, где проблемы их подлинности задевали самые корни национальной жизни. Но в основе развития русских мнений об РКЗ лежали похожие мотивы. Можно, видимо, без натяжки утверждать, что споры в России уступали по интенсивности спорам в Чехии в такой же мере, в какой РКЗ касаются, с одной стороны, чешского народа, а с другой – славянства в целом и России в частности.

---

[1] *Петровский Н.* Значение произведений народного творчества для славянского возрождения // Славянские известия. 1914. № 6. С. 93–95.

* * *

После революции 1917 года в России историческая обстановка была такова, что тема РКЗ обсуждаться практически не могла, хотя в Чехословакии продолжалась интенсивная полемика по этим вопросам. Только в 1932 году в «Известиях Академии наук СССР» появилась статья В. Н. Кораблева[1] «Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись»[2]. Автор хорошо знал литературу вопроса и подробно изложил историю «обнаружения» рукописей, их состав, позиции Добровского и Копитара в отношении РЗ, признание подлинности РКЗ Шафариком и Палацким. Кораблев характеризовал эпоху, когда были «открыты» РКЗ и приводил биографические данные о В. Ганке, отмечая его исключительную начитанность в древнечешской, древнерусской и древней южнославянской письменности. Заключая характеристику Ганки, Кораблев подчеркивал, что чешский литератор мог получить соответствующую подготовку, достаточную для сочинения старинных героических чешских песен. Характеризовал Кораблев и Й. Линду, считая, что тот обладал недюжинным поэтическим дарованием. Определяя сущность РК, Кораблев ссылался на мнение Ягича, который считал, что это произведение – удачный подлог, созданный в целях прославления древней чешской культуры и подъема значения чешского народа нового времени. Затем Кораблев останавливался на изданиях РКЗ в Чехии и в русских переводах и констатировал, что культ чешских «памятников» в России продолжался до 70-х годов XIX века. В частности, он указывал,

[1] Кораблев Василий Николаевич (1873–1936) – филолог и историк, славист. Окончил Петербургский университет, преподавал сербохорватский и чешский языки, историю сербохорватской и чешской литературы в Петербургском Историко-филологическом институте. Главное внимание уделял филологии и истории южных славян. Редактировал журналы и газеты преимущественно славянофильствующего направления. Путешествовал по славянским странам и имел обширные контакты со славянскими деятелями. Написал большое число публицистических очерков, заметок, обзоров о культурной жизни славян. Пропагандировал идею культурного сближения славянских народов и подхода к русскому языку как к общеславянскому. В советское время, в 1932–1934 гг., был сотрудником и ученым секретарем Института славяноведения АН СССР. В 1934 г. был арестован по сфабрикованному делу «Российской национальной партии» и осужден на 10 лет лагерей. Умер в ссылке, в Алма-Ате. О нем см.: СДР БС. С. 188–189; *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

[2] *Кораблев В. Н.* Вячеслав Ганка и его Краледворская рукопись // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия. 1932. № 6. С. 521–543.

что в подлинность РК слепо верили Ф. И. Буслаев, ссылавшийся на них в трудах по языку, а также Н. Полевой в «Опыте обозрения древнейших памятников поэзии германской и славянской», пользовавшийся материалами РК. Сообщал Кораблев и о том, что «знаменитый О. Сенковский в своей "Библиотеке для чтения" впервые – и не без юмора – указал на подложность РК», а Ламанский выступил с чисто научным анализом той же рукописи и, так сказать, «навсегда похоронил этот памятник»[1]. Останавливался Кораблев и на вопросе о том, кто мог быть автором той или иной рукописи и каковы палеографические особенности подделки. В историю полемики об РК Кораблев внес мало нового, лишь в некоторых местах он уточнил отдельные факты. Но поскольку он писал в «марксистско-ленинскую эпоху» развития русской историографии, то уже никак не мог обойти отношения классиков марксизма к обсуждаемому вопросу. Указано, что Маркс в письме к Энгельсу от 5 марта 1856 года и Энгельс в письме к Марксу от 7 марта 1856 года отмечали социальную сторону творения Ганки, «не подвергая сомнению подлинность РКЗ»[2]. Автор заключал свою статью характеристикой подделки как инструмента политической борьбы, а Ганки – как крайне отрицательной личности[3]. В дальнейшем в результате установления в России большевистского режима развитие отечественного славяноведения надолго прекратилось, а кадры были уничтожены или эмигрировали. Об РКЗ никто не писал.

Последняя перед Великой Отечественной войной русская работа об РКЗ появилась в 1939 году в литературно-публицистическом журнале «Новый мир». Это был новый стихотворный перевод РКЗ с пояснениями и комментариями Ивана Новикова[4]. Во вступительной статье И. Новиков останавливался на истории «открытия» рукописей, излагая ее как вполне достоверную. Описывая историю полемики вокруг РКЗ, автор возражал критикам, обращая особое внимание на слабые ме-

[1] Там же. С. 528–529.

[2] Там же. С. 536.

[3] Там же. С. 538.

[4] Новиков Иван Алексеевич (1877–1959) – русский писатель, драматург, поэт. Работал в разных жанрах, особенно много писал о творчестве А. С. Пушкина и о «Слове о полку Игореве», которое перевел на современный русский язык. Собрание сочинений И. А. Новикова издано в 4 томах (М., 1966–1967). В 1939 г. прочитал доклад об РКЗ, текст опубликован в журнале «Литературное обозрение» (1939. № 8. С. 72). Стихотворный перевод РК см.: Краледворская рукопись / Вступительная статья, перевод, пояснения и примечания Ивана Новикова // Новый мир. 1939. № 4. С. 49–74.

ста в их аргументации, и полностью становился на позицию защитников подлинности. Впрочем, он выдвигал при этом и собственную теорию, заявляя: «Мы не собираемся принять участие в ученом споре о Краледворской рукописи и выносить какое-либо собственное решение в этом запутанном литературном деле, но нам хотелось бы выдвинуть по отношению к Ганке и такую возможную точку зрения, что в случае, если рукопись действительно оказалась бы древней, признать не только возможность, но и большую вероятность того, что в поэмах Краледворской рукописи мы все же имеем дело с подлинным народным творчеством, записанным или, может быть, лишь частично литературно оформленным Ганкой, что и не дало ему возможности выдать эти вещи за свои»[1]. К сожалению, Новиков не привел ни одного аргумента в пользу своей версии. «В итоге мы думаем, — замечал автор, — что значение Краледворской рукописи по существу не может быть поколеблено, независимо от споров о ее происхождении. Не зря она и не случайно за столетие с лишком так прочно вошла в живую новую историю чешского народа и в народное сознание. Краледворская рукопись любима чешским народом, она является кровным его достоянием»[2]. В этом заключении выражена мысль, что если однажды сотворенные мифы отвечают определенным запросам народа, то истребить их из его сознания практически невозможно. Однако это явление не имело ничего общего с научным прогрессом.

Во введении к публикации текста РК И. Новиков говорил об истинном смысле своего труда: «Мы должны знать внутреннюю жизнь близких к нам по языку славянских народов, а эту жизнь дает нам ощутить их народная литература». И далее автор констатировал, что Чехословакия подверглась неслыханному насилию со стороны нацизма, но и тяжкие испытания не могли ее сломить, а древняя культура сохранила веру в лучшее будущее; «поэмы Краледворской рукописи хранят эту веру»[3]. В этих словах слышится отзвук сакраментального восклицания старого Ратибора из РК — «не хвально нам в немцах правду искати».

Что касается перевода РК, помещенного в «Новом мире», то он выполнен, разумеется, русским языком XX века, и стих более благозвучен, чем в переводах XIX века. Но автор не следует расположению поэм в оригинале, а переставляет их

[1] Там же. С. 51.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 54.

местами. Для чего? «Про то знает он сам», — как говорил в свое время О. Сенковский.

Комментарии к тексту достаточно квалифицированны. Но в основном вопросе — о подлинности РК — И. А. Новиков был полным профаном. Он не знал существа проблем и литературы об РК и по невежеству перечеркнул научные достижения нескольких поколений чешских, немецких и русских ученых, доказавших, что РКЗ являются литературной подделкой начала XIX века.

После Великой Отечественной войны переводов РКЗ или публикаций их текста не предпринималось, но в обзорах по истории чешской литературы, по чешско-русским литературным связям говорилось об этих рукописях, об истории спора об их подлинности, как и о позиции русских ученых XIX века в этом споре. Наиболее подробное изложение этих вопросов в 50-х годах XX века имеется в статье ленинградской исследовательницы И. А. Бернштейн «Чешская литература в русской критике второй половины XIX в.»[1]. Указав на то, что отношение русских ученых к вопросу о рукописях пережило несколько этапов — по мере развития спора в Чехии, — автор констатировала, что В. Г. Белинский считал рукописи великим достижением народного творчества древних славян. По свидетельству А. Н. Пыпина, Чернышевский в 1850 году читал ему наизусть отрывки из Краледворской рукописи и «Либушина Суда» и восторженно их комментировал. В одном из писем Добролюбову (от 27 апреля 1861 г.) Чернышевский цитировал (видимо, по памяти — по-чешски) две строчки из «Краледворской песни», шутливо сравнивая себя с Забоем. Н. А. Добролюбов тоже в одной из рецензий говорил (в 1856 г.) о большом значении открытия стихотворений древних чехов. Далее И. А. Бернштейн, анализируя позицию Пыпина в полемике о подлинности РКЗ, упоминала об отношении к этому вопросу И. И. Срезневского и П. А. Лавровского и констатировала, что позицию защиты подлинности рукописей выражали в своих обзорах чешской литературы журналы «Русская беседа» и «Филологические записки», которые считали РКЗ мощными факторами пробуждения чешского национального самосознания. Указывалось в статье и на значение серии работ В. И. Ламанского в обсуждении вопрса о подлинности РКЗ, говорилось о книге А. Стороженко, посвященной РКЗ. Далее И. А. Бернштейн останавливалась на борьбе вокруг рукописей в Чехии в середи-

[1] Из истории связей славянских литератур: Сб. ст. М., 1959. С. 41—43.

не 80-х годов XIX века и реакции русской печати на это явление, подчеркивая, что журнал «Славянские известия» решительно выступал в защиту мнений масариковского журнала «Атенеум» по вопросу о рукописях, а также суждений самого Т. Г. Масарика, которого травила чешская патриотическая печать. Указано и на то, что в дальнейшем русская журналистика постепенно переходила к позиции о подложности РКЗ.

Статья И. А. Бернштейн была наиболее подробным изложением истории РКЗ в советской литературе 50–60-х годов. Впоследствии практически все очерки, касавшиеся чешской литературы и русско-чешских литературных связей XIX – начала XX века, в той или иной мере упоминали о рукописях и их истории[1]. Автором этих строк были опубликованы две статьи, причем обе за границей[2], так как редакция журнала «Вопросы истории» отклонила их ввиду упоминания в тексте имени Т. Г. Масарика в позитивном смысле. В нашей историографии того времени положительные отзывы о Масарике не пропускались к печати, так как этот чешский политик и президент отрицательно относился к большевистскому режиму в России. Вероятно, именно по этой причине и мои статьи не были приняты и в издания со славяноведческой тематикой.

В 1981 году краткую историю рукописей представил в одной из своих книг С. В. Никольский[3]. Он также разобрал художественные достоинства РКЗ, указал на их место в чешской литературе XIX века и на значение их для развития чешской культуры.

В 1985 году вышла книга автора этих строк о письменных памятниках по истории Чехии[4], где также имелся краткий очерк истории РКЗ. А с 90-х годов XX века сюжет о рукописях стал и

---

[1] См., напр.: Ровда К. И. Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур. 1870 – 1890. Л., 1978.

[2] *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX и начала XX веков // Sbornik Národního Muzea v Praze (Acta Musei Nationalis Pragae). Řada C. Sv. XVIII. 1973. Č. 1–2. Praha, 1974. S. 1–40; *Она же.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX в. // Studia Slavica Hungarica. 1975. XXI. S. 69–74.

[3] *Никольский С. В.* Две эпохи чешской литературы. М., 1981. С. 27–48; см. также: *Никольский С. В.* [Реферат работы:] Доланский Ю. Исследования о Краледворской и Зеленогорской рукописях // Общественные науки за рубежом. Сер. «Литературоведение». 1977. № 1. С. 129–134.

[4] *Лаптева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985. С. 170–185. См. также: *Она же.* Столетняя полемика вокруг фальсификатов по древнечешской истории // Проблемы славяноведения. Брянск, 2001. Вып. 3. С. 84–95.

содержанием некоторых детективно-беллетристических произведений.

В заключение обзора русской литературы об РКЗ следует отметить, что чешские подделки оказали значительное влияние на русскую литературу о славянских древностях, о фольклоре и этнографии, особенно в первой половине XIX века. Со времени начала критики рукописей это влияние падало. Что касается русских ученых-славистов, то они в своем большинстве верили в подлинность РКЗ, искали аргументы, доказывавшие их древность, и негативно отзывались о критиках. Такая позиция объяснялась, на наш взгляд, романтическим отношением к славянству и славянофильскими традициями в XIX веке, не полностью угасшими вплоть до революции 1917 года. Но следует отдать должное и русским критикам подлинности РКЗ, кстати сказать, весьма эрудированным в сведениях об истории латинского письма и реалистически смотревшим на древнюю историю славян; они внесли определенный, хотя и скромный, вклад в борьбу с фальсификациями в науке.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Б.ВЯ.Бс.1. – *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

РФВ – Русский филологический вестник (Варшава).

СДР БС – Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979 (АН СССР. Институт Славяноведения и Балканистики).

РУКОПИСЬ КРАЛОДВОРСКАЯ

Собрание лирико-эпических народных песнопений

Перевод А. С. Шишкова

1820

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Книга сия сообщена в Российскую Императорскую Академию от Почетного Члена оной Его Сиятельства Графа Николая Петровича Румянцова. Она издана в Праге Господином Ганкою и напечатана точно против подлинника, писанного на пергаменте. Господин Добровский (в повествовании о Богемском языке и словесности стран. 385) говорит об ней: «Сие собрание Лирико-Эпических без рифм народных песен превосходит все, что доселе от старинных повестей найдено было; но сохранилось из оных только 12 листков в двенадцатую долю и две узких полосы, составляющие начало строк. Издатель, предприняв похвальное намерение собирать древние наши повести и уже издавши первую часть оных, был так счастлив, что нашел сии драгоценные остатки в одном из покоев при церкви в Кенигингофе[1] между старыми заброшенными стрелами и бумагами, и спас их от истребления. Судя по письму, собрание сие должно относиться к годам между 1290 и 1310. Некоторые из повестей по слогу своему кажутся быть старее. Тем больше сожаления достойна невозвратная потеря величайшей части оных. Целое собрание состояло в трех книгах, как то из оставшихся третьей книги глав, где 26-я, 27-я и 28-я упоминаются, по всей вероятности, заключить можно, что если каждая из означенных 25 глав только 2 повести содержала, то из одной третьей книги 50 повестей утрачено. – В ком бы сии малые повести, отличающиеся легкостью изложения, чистотою и правильностью языка, игривостью и силой слога, не возбудили любопытства узнать о превосходном достоинстве всего сочинения?»

[1] *Königingof* значит *Королевин Дворец*, почему и рукопись сия названа *Кралодворская*.

Г. Ганка, издатель сих повестей, описывая, каким образом нашел он их, между прочим говорит: «С первого взгляду счел я их за Латинский молитвенник, но какая радость овладела сердцем моим, когда я увидел в них Чехский язык, и как радость сия возрасла, когда я, чем далее читал их, тем более восхищался и находил в них новые приятности! благодарил Бога, что хотя немногие остатки от них уцелели». — Таковые усердные к отечественному языку чувствования делают господину Ганке великую честь. Впрочем, он уверен, что напечатал рукопись сию теми же письменами и точно против подлинника.

Сие открытие Г. Ганки столько же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причине, что язык в сей старинной рукописи есть почти чистый наш язык. Затруднение понимать оный наводит токмо слитность латинских букв, различно произносимых и никакими строчными знаками не разделенных; но совсем тем «Слово о полку Игореве» темнее для нас, нежели сия Богемская рукопись. О достоинстве ее предоставляю я судить просвещенным читателям, умеющим различать силу руководимого природою ума от мнимых, часто неестественных и мрачных красот перехитренного воображения. Что ж принадлежит до моего перевода или преложения на наш язык, то я не с тем намерением оное делал, чтоб прибиранием употребительнейших в нынешнем нашем наречии слов дать плавность и чистоту слогу; но более с тем, чтоб показать близость сего старинного Богемского языка с общим у нас с ними языком Славенским, откоде усмотрим, что если бы все происходящие от оного наречия имели, как мы, Славенские буквы, то в произношении слов, и даже в самых Грамматических правилах не было бы почти никакой разности, а была бы оная токмо в словах общих языку, но под которыми часто в одном наречии разумеется, хотя и смежное нечто, однако же различное от другого, как мы то в прилагаемых при сих повестях под каждым необыкновенным нам словом примечаниях яснее увидим. Таковое преложение полезнее и приличнее для Академических изданий, нежели соблюдение красоты слога, о которой можно помышлять в другом отдаленнейшем от подлинника переводе; но здесь старался я наиболее о том, чтобы для лучшего выразумления подлинника сохранять не только те же самые слова, но даже и тот же самый порядок оных, отступая от сего токмо там, где уже́ никаким образом соблюсти того было не можно; тогда примечаниями и объяснениями старался я, сколько мог, истолковать неудобопонимаемое в подлиннике или хотя и понятное,

но у нас неупотребительное. Главное отступление позволил я себе только в том, что Словенские окончания, таковые как *biese*, *imiese*, *dostupichu* (беша, имеша, доступиху), и проч., превращал в Русские: *были*, *имели*, *доступили*. Наконец скажу: весьма бы желательно было, чтоб искусное перо преложило сии повести в мерные стихи, без рифм, наиболее свойственные Русскому слогу, в народных наших песнях иногда блистающему, придерживаясь как можно ближе подлинника, и отнюдь не разрушая простых и сильных его красот.

Подлинник сей рукописи переведен на употребительное ныне в Богемии наречие, мало разнствующее от прежнего. На Немецкий язык перевел его Г. Вензель Свобода фон Наваров. Перевод сей верен и весьма похваляется. К сему собранию припечатано несколько отрывков из тех песен и повестей, от которых осталось одно только начало строк, конец же оторан, как например:

Zwola B.....
Ihrrn .....
Suken .....
Se nemozes .....
Iez slauni V..... и так далее.

Мы не помещаем сих отрывков в нашем издании.

А. Ш.

Ольдрих и Болеслав

..... В черном лесу,
Там, куда Князья собиралися,
Седмь Князей с удалою дружиною,
Туда же за ними в темную ночь
Спешит и Выгондуб со своими бойцами,
Всех бойцов было у него сто мужей,
Все сто с острыми в ножнах мечами,
С сильными при мечах руками,
С твердою в груди к Выгондубу верою.
Дошли они до средины леса,
Подали себе кругом правые руки,
Тихими словами говорили.
Ночь перешла ужé за полночь,
Приближалась к утру седосерому.
Тут Выгондуб молвил Князю Ольдриху:
«Гой! послушай ты велеславный Князь!

Бог дал тебе храбрость во все члены,
Бог дал тебе мудрость в удалую главу,
Веди ты нас против злых Поляков,
По слову твоему пойдем вправо или влево,
Вперед или назад во всякую лютую брань.
В гору друзья! С мужеством в сердце!»
Тут Князь в сильную руку взял знамя:
«За мной, за мной, храбро на Поляков,
На Поляков, врагов нашей земли!»
Кинулись за ним седмь Князей,
С Князьями триста пятьдесят воинов,
Воинов удалых, туда, где множество Поляков
Разметавшись в крепком были сне.
Стали по край леса на верху горы.
Вся Прага в утреннем сне молчит,
Волтава курится ранним туманом,
За Прагою синеют вершины гор,
За вершинами яснеть начинает восток.
Долой с горы! Тихо, тихохонько,
В тихой Праге хитро укрываются,
Оружия свои под одежду прячут.
Рано поутру идет пастух:
«Отворите, – вопит, – отворите врата».
Слышит страж пастуший глас,
Отворяет ему врата чрез Волтаву;
Всходит пастух на мост, громко трубя;
Князь на мост вскочил, за ним седмь Князей,
Каждый с дружиною своей спешит.
Ударили рано в громкие бубны,
Зазвучали гулкие трубы,
Знамена воины водрузили в мост,
Весь мост под тягостию их потрясся.
Страх обуял всех Поляков.
Тут Поляки хватаются за оружия,
Князья рубят их смертной сечею,
Поляки скачут туда и сюда,
Бегут, теснясь ко вратам вала,
Дале и дале от поражения храбрых.
Тако Бог даровал победу.
Взошло солнце, одно на всем небе,
Восстал опять мир на всей земле:
Разносится радость по всей Праге,
Разносится радость вокруг Праги,

Разлетелася радость по всей земле,
По всей земле от радостной Праги.

***

Бенес Германов

(*Начинается глава двадцать шестая третьих книг о побитии Саксонцев*)

Ах! ты солнце, солнышко,
Что так жалостливо
Светишь ты на нас,
Людей бедных?
Где наш Князь? где люди ратные?
Далеко уехал он к Отону.
Кто от врагов исторгнет
Сирое наше отечество?
Длинными рядами тянулись Немцы,
Немцы Саксонцы,
От Горелицких древних гор
В наши области.
«Дайте, бедняки, дайте,
Сребро, злато, пожитки
Или воспылают
Дворы ваши и хижины».
Всё у нас выжгли,
Сребро и злато побрали,
Скот отогнали,
Идут далее к Троскам.
Не тужите, сельские люди, не тужите,
Уж травка вам растет,
Так долго топтанная
Чужими копытами.
Вейте венки из полевых цветков
Своему избавителю.
Жатва зеленеет,
Все переменилося,
Скоро переменилось.
Тут Бенес Германов
Сонмы людей созывает
Против Саксонцев.
Собралися сельские люди
В лес под крутую скалу,
Всяк вместо оружия имел цепь

Против врагов.
Бенес, Бенес впереди едет,
За ним весь люд бранный.
«Отмстим, отмстим, — вопят, —
Хищникам Саксонцам».
Тут ярым гневом
Обе страны воспылали,
Поднялася буря в утробах
Разозлившихся мужей,
Засверкали зраки их
Грозно друг на друга,
Вознеслися древко над древком,
Копье над копьем;
Сразилися обе стороны,
Как бы лес леса валил.
Как молний блеск по небу,
Так блеск мечей.
Зазвучали грозоносные крики,
Побежали все звери лесные,
Полетели все птицы небесные.
Даже до третьего верха
Раздался по удолиям
От кремнистых гор
Тут стук копий, тут мечей,
Как падение матёрых древ.
Тако стояли обе стороны,
Одна против другой без уклону,
На крепких ногах,
На вкопанных пятах.
Обратился Бенес на гору,
Махнул мечом направо,
Туда и сила грянула,
Махнул налево,
И влево сила бурно за ним;
Оттоль на каменную ломку,
Поломал все каменья,
Побросал их на Немцев;
С горы пустился на равнину:
Немцы вопят,
Немцы бегут,
И тут все они побиты.

* * *

Ярослав
(О великих боях Християн с Татарами)

Возвещаю вам повесть велеславну
О великих сражениях, лютых битвах,
Внимайте и весь ваш ум сберите,
Внимайте и да удивится слух ваш.
В царстве, где Ольмуц владычествует,
Есть тамо гора невысокая,
Невысокая, *гостиная* ей имя,
Мати Божия там чудеса творит.
Долго области наши были в миру,
Долго обилие между людьми цвело.
Но от востока в землях буря восстала,
Восстала за дщерь Татарского Хана,
Кою Христианские люди, прельстясь камениями,
Перлами и златом, убили.
Прекрасная, как луна, Кублаевна
Услышала, что есть области на западе,
В сих же областях людей много живет,
Отправилась познать нравы чужие.
Снарядилися тут десять юношей
И две девицы сопровождать ее;
Запаслися чем было надобно,
Воссели все на резвых коней
И поехали куда солнце катится.
Как заря поутру сияет,
Когда над мрачными лесами взойдет,
Тако дщерь Хана Кублая
Розовою и стройною красою сияла;
Облеченная вся в златую одежду,
Шею и грудь имея обнаженную,
Увенчана была камением и перлами.
Дивилися Немцы красоте такой,
Завидовали богатству ее великому,
Стерегли ее на пути,
Напали на нее между деревьями,
Убили и побрали имущество.
Когда услышал Кублай, Хан Татарской,
Что сталося со дщерию его драгою,
Собрал воинство со всего царства обширного,
Пошел с войском куда солнце катится.
Услышали Короли западные,

Что Хан идет на многолюдные их области,
Соединилися друг с другом,
Собрали превеликое войско
И выступили в поле против него;
На равнине пространной расположилися
Расположилися и Хана тут ожидали.
Кублай велел всем своим чародеям,
Гадателям, звездочетам, кудесникам,
Чтоб возвестили, угадывая,
Какой конец будет иметь бой предприемлемый.
Собралися немедленно чародеи,
Гадатели, звездочеты, кудесники,
На две страны кругом расступились,
На землю трость черную положили
И на две половины ее расщепили;
Первой половине Кублай имя дали,
Второй половине Королей имя дали,
Ветхими словесы над сим воспели.
Почали трости с полу воевати,
И трость Кублаева победила.
Возрадовалося все множество людей,
Каждый течет скоро к коню своему,
И стали воины строиться;
Християне ничего о том не знали,
Кинулись без ума на войско нечестивых,
С таким же пылом, с какою и силою.
Тут первый бой груда на груду начался:
Стрелы сгустились, как привал мрака;
Ратовищ лом, как рокот грома;
Блеск мечей, как огнь трескучий.
Обе страны с яробуйною силою
Одна другую отревали.
Ужé полки Християнские гнали нечестивых
И, конечно, преодолели бы их,
Когда б не пришли чародеи вновь,
Принеся трости расщепленные.
Татара вельми распалилися,
На Християн люто напали,
Яростно пред собою гнали
И как робких зверей распыряли:
Тут щит лежит, тут шлем драгой,
Тут конь влечет в стременах воеводу,
Тот суетно бросается на Татар,

Иной милосердия ради Бога просит.
Тако Татары преодолели,
На Християн дань велику наложили,
Два Королевства себе покорили,
Старый Киев и Новгород пространный.
Вскоре разнеслося горе по землям,
Во всех областях людей сбирать стали,
Поставили четыре сильных войска,
Обновили вражду с Татарами.
Татары уклонились в правую сторону:
Как туча черная, когда градом грозит
Побить плоды тучных полей,
Тако был рой слышан отдалека.
Поспешно Угры соединились,
Поспешно сразилися с ними;
Но тщетна была храбрость их отважная,
Тщетно мужественное сопротивление:
Ворвалися Татары в средину рядов их,
Попрали все их войска многочисленные,
Попленили всю землю.
Отступила от Християн вся надежда,
Настало горе го́ря всякого вящщее,
Взмолилися Богу жалостливо,
Дабы спас их от Татар злобных:
«Восстани, Господи, во гневе Своем!
Спаси нас от врагов, спаси от лютых,
Попрать хотящих душу нашу,
Обступя нас как волки овец».
Первый наш бой утрачен, утрачен вторый,
Татара в Польше расположилися,
Ближе и ближе опустошают все области,
Идут, свирепствуя, к Ольмицу.
Беда встала тяжкая по всей земле,
Ничто не было свободно от поганых.
Билися день, билися другой,
Победа никуда не склонялася.
Но тут сила Татар умножилась,
Как умножается в осень вечерняя тьма,
И в наводнении сих Татар лютых
Колебалося (как чолн в волнах) войско Християнское,
Усиливаясь продраться к холму,
На коем Мати Божия чудеса творит.
«На гору, други, на гору!» — взывает Внеслав.

Ударил мечом своим по щиту сребреному
И хоругвие высоко над главою поднял.
Все ободрилися, все на Татар кинулись,
Соединилися во едину силу сильную:
Вырвались, как огонь из земли,
Туда, к холму из премножества Татар,
Возвратными стопами (текут) к вершине;
На подошве широко расступилися,
К низу сузились в острую грань,
Вправо и влево покрылися щитами,
На рамена взложили острые копья,
За первым — вторый, за вторым — третий;
Тут с горы туча стрел на Татар полетела;
Но вдруг темная ночь покрыла всю землю,
Распространились по земле и к облакам,
Заперла зраки разъяренные
У Татар и Християн сражающихся.
В густой тьме Християне насыпали вал,
Валом окопалися вокруг вершины.
Когда ж на восток утро началося,
Подвигся весь табор вражеский,
Тот страшный табор, окружавший гору
Даже до недозримой дальности;
На резвых конях мчатся,
Несучи воткнутые на копьях
Головы Християнские к Ханскому шатру;
Тут множество их во едину силу столпилися,
Потекли все в единую страну,
Понеслися, сомкнувшись, на верх горы,
Возопили все страшным гласом,
Широко по холмам и долинам раздавшимся.
Християне повсюду стали на вал,
Матерь Божия дала им храбрость;
Напрягают скоро тугие луки,
Машут сильно острыми мечами:
Татары стали отступать.
Тут разъярился народ Татарский лютый,
Воспалился Хан их крутым гневом;
В три ряда расступился весь та́бор,
Тремя рядами люто на гору востекают.
Християне срубили двадцать дерев,
Все двадцать, сколько их там стояло,
Привалили бревна по край вала.

Уже Татары вала достигают
С страшным до облак восходящим криком,
Уж принялися вал раскапывать,
Сринули с насыпи толстые бревна,
Размешали их, как червяков,
И на равнину в даль укатили.
Долго яростно сражалися,
Доколе темная ночь конец положила битве.
О горе! Смотрите, славный Внеслав,
Славный Внеслав с вала свержен стрелою!
Тяжкою печалию всех сердца разрывались.
Томящая жажда палила утробы,
Засохлым языком лизали росу с травы.
Тихий вечер перешел в ночь хладну,
Ночь пе́решла в серое утро;
В та́боре Татар тихо было;
День в полудни разгорелся:
Християне, изнуренные жаждою,
Запекшиеся отворяют уста,
Хриплым гласом Матерь Божию молят,
К ней томные зраки свои обращают
И, жалостно руки ломая,
С земли на Небо горестно взирают:
«Не возможно нам долее жажды переносить,
Не возможно, истаивая жаждою, воевать;
Кому жизнь и здравие до́роги,
Тому от Татар должно милости ждать».
Тако рекли единые, тако и другие:
«Хуже погибнуть от жажды, нежели от меча;
В порабощении нам будет воды́ до сыти.
За мною кто так мыслит, — вещал Вестон, —
За мною, за мною, кого из вас жажда томит!»
Тут Вратислав яко тур ярый воспрянул,
Вестона за могучие плечи схватил,
И рек: «Изменник! Срам Християн вечный,
Ты в пагубу хочешь ввергнуть добрых людей.
От Бога нам милости ждать хвально,
А не в рабстве от свирепых Татар.
Не желайте, братцы, спешить в пагубу;
Мы уже́ претерпели самую злую пору,
Бог укрепил нас в знойный полдень,
Бог пошлет нам помо́щь свыше.
Стыдитеся, мужи, таких речей,

Когда героями слыть хотите.
Погибнем ли на сей горе,
Смерть сия Богом будет упокоена;
Предадимся ли мечам наших врагов,
Сами над собою пагубу свершим.
Мерзко стать рабом из господина,
Грех самого себя отдать в рабство.
За мной ступайте, мужи, кто так мыслит,
За мною пред престол Матери Божией».
Пошли за ним множество ко святому храму:
«Восстани, о Господи! во гневе Своем,
Возвыси нас в землях наших над врагами,
Услыши гласы к Тебе вопиющих!
Окружены есмы лютыми врагами,
Освободи (нас) от сетей гневных Татар
И дай отраду утробам нашим,
Велегласно Тебе хвалу воздадим,
Низложи неприятелей в наших землях,
Истреби их на веки и веки веков».
Зри! На знойном Небе мраки!
Подули ветры, загрохотал гром страшный,
Нахмурилась туча по всему Небу,
Молния раз за разом бьет в шатры Татар,
Сильный дождь пролил потоки вод.
Миновала буря, воины в строй становятся
Из всех областей, из всей земли Краинской,
К Ольмуцу хоругви их веются,
Тяжелые мечи при бедре висят,
Шлемы светятся на удалых главах,
Под ними резвые кони скачут.
Зазвучали гласы рогов лесных,
Ударили в бряцающие бубны:
Мгновенно сразилися обе страны,
Взвилася густая пыль,
Брань была лютее последней;
Восстал стук и грохот мечей,
Поднялся страшный свист каленых стрел,
Лом древок, треск резких копий,
Колют и рубят без пощады,
Смешалися стон и радостные клики,
Кровь течет, как быстрины дождевые,
Трупы лежат, как в лесу деревья:
Тому глава надвое рассечена,

У того обе руки отрублены,
Тот с коня катится пред другим,
Тот яростно врагов своих низвергает,
Как лютая буря на горах древá;
Тому в сердце по рукоятку меч вонзил,
А сему Татарин ухо отрезал.
О какой вопль! стенание жалостное!
Християне начали отступать,
Татары, люто налягая, гонят их;
Но тут Ярослав как орел налетел,
Твердая броня на могучих персях,
Под бронею храбрость удалая,
Под шлемом быстроокая мудрость,
В сверкающих очах горит воинский гнев;
Прискакал, гонит как лев раздраженный,
Когда теплую кровь на себе увидит,
Когда, раненный, течет за ловчим,
Так он, рассвирепев, кинулся на Татар,
Чехи за ним, как туча с градом;
Бросился яростно на Кублаева сына,
Брань лютая воскипела между ими,
Сразилися великими копьями,
Оба копья́ с треском преломились;
Ярослав на коне своем, весь окровавленный,
Ударил Кублаева сына мечом,
Рассек его от рамен до пояса,
Пал он бездушен меж трупами,
Загрохотал над ним тул[1] со стрелами.
Потек весь народ лютых Татар,
Помешал длинные свои копья,
Побежал, кто бежать мог,
Туда, отколе солнце ясное восходит.
Опросталася земля от Татар врагов.

***

Честмир и Власлав

(*Начинается глава двадцать седьмая о победе над Влаславом*)

Неклан повелел восстать войною,
Повелел Княжескими словами
Против Власлава:
Восстали воины, восстали войною,

[1] Колчан.

Восстали по Княжескому слову
Против Власлава.
Похвалялся Власлав Князь
Победою над Некланом,
Над славным Князем,
Пустил меч и огонь
В земли Неклановы
И произрек над истребительными
Мечами своих воинов
Срам Неклану.
«На брань, Честмир, веди мои войска:
Ругаясь, нас вызывает
Надменный Власлав».
Восстал Честмир и возрадовался,
Весело снял свой щит черный,
Двузубый и снял со щитом и млат
И непроницаемый шлем;
Под всеми древесами
Принес обеты Богам;
Грозно возопил к воинам;
Скоро воины в строй становятся,
Идут пред солнечным восходом,
Идут весь день и по солнечном закате
Туда к горе.
Ай! там валит дым по весям,
И по весям жалостное стенание.
«Кто сожег веси?
Кто слезы ваши исторг? Кто? Власлав?
Последнее будет его злодейство:
Отомщу и погублю;
С войсками моими иду на него».
Отвечают воеводе Честмиру:
«Крувой, Крувой злобный,
Отогнал стада и поверг в бедство
Веси наши огнем и мечом.
Все, что у нас доброго было,
Все истребила лютая злоба его,
Старейшину нашего взял в полон».
И воспалился Честмир на Крувоя:
Из широкой груди его
Потек пламень гнева
По всем членам.
«Воины, — вещает, — завтра поутру

Возгоримся всею яростию,
Теперь помедлите и отдохните».
Горы стоят вправо,
Горы стоят влево,
С верхов их высоких
Смотрит красное солнышко.
Горами здесь отсюда,
Горами там оттуда
Идут воины, брань в себе несут,
Идут ко граду,
Ко граду на скале,
Там, где Крувой держит в узах Воймира
И прелестную дочь его,
Взятую им в густом лесу;
Там под седою скалою,
Где изменил он Неклану:
Крувой Неклану обещал верность,
В знак верности дал руку
И тем обетом и рукою
Навел на людей пагубу.
«Гей! в гору к вышню граду,
Ко граду, воины, теките».
И поднялися воины,
И грянули ко граду
По слову храброго Честмира.
Как градоносная туча,
Покрылися передние щит со щитом,
Задние упиралися копьями
И, от древа досязая до древа,
Восходили на вершину горы;
Мечи их стучали,
Сражаяся с мечами,
Секущими из града.
Ревет Крувой на граде, как дикий вол,
Поощряет людей своих к мужеству
И мечом нападая на Пражан,
Подобно бревну с горы катящемуся,
Множество сильных дубов валит.
Тако приступали ко граду
Неклановы войска.
Честмир велел сзади ударить на град,
Велел спереди перескочить чрез вал.
Тут древа́ высокорослые

В густоте под скалою
Приставили к твердому валу,
По древам бы катилися бревна
Над главами воинов.
Под ним спереди поставили сильных,
Муж к мужу сомкнулися друг с другом
Широкими плечами,
Деревья взложили поперек на рамена,
И вдоль связали их вервями,
И подставили для себя древяшку,
И вскочили мужи на сии древа,
Разложили копья по раменам,
Связали вервями,
Вскочили третий ряд на вторый,
Четвертый на третий,
И пятый даже до верха града,
Отколе сверкают мечи,
Отколе свистят стрелы,
Отколе бурно катятся бре́вна.
Дружина Пражан потекла грудью,
И всех в твердом граде попленила.
«Изыди, Воймир, изыди с милою своею дщерью,
Изыди из вежи на чистый воздух,
Приди на скалу, на скале узришь
Крувоя, изливающа кровь под секирою мстительною».
Пришел Воймир в благорастворенное утро,
Пришел со своею дщерию прелестною
И зрит льющуюся кровь врага своего Крувоя.
И послал Честмир корысть обратно к людям,
С корыстию возвратилася прекрасная дева;
И хочет Воймир жертву принесть Богам,
В том же месте, в тот же бег солнца.
«Пойдем, Воймир! – речет ему Честмир, –
Скорыми стопами поспешим к победе
Над Власлaвом, помедлим жертвовать Богам,
Боги хотят поразить Власлава.
Когда солнце достигнет до полудня,
Достигнем и мы до нашего места,
Где победоносных войск наших глас раздастся.
Возьми оружие врага твоего, ступай!»
Возрадовался Воймир радостию великою,
Воскликнул со скалы громким раздавшимся в лесу гласом,
Из сильной груди возопил к Богам тако,

Что потряслися в сыром лесу древá:
«Не гневайтесь, Боги, на раба своего,
Что жертва в сей день не воскурится».
Честмир речет: «Останемся должны Богам,
А теперь нужно нам ко врагам поспеть,
Нужно воссесть на резвых коней:
Прелéти лес еленьим скоком,
Туда в Дубраву, тамо есть скала
Богами любимая, на вершине ее
Принеси жертву Богам, спасителям своим,
За победу прежнюю, за победу предстоящую.
Прежде, чем познаешь, что солнце взошло
На твердь Небес, ступи туда,
На место, и, прежде чем солнце поступит
Вторым шагом и шагом третьим
Над вершинами лесными придут войска туда,
Где жертва твоя вознесется в столпах
Дыма, и поклонятся все войска мимоидущие».
И воссел Воймир на борзого коня,
Прелетел лесá еленьим скоком,
Туда в Дубраву на пути к скале,
На вершине скалы воспалил жертву
Богам своим, спасителям,
За победу прежнюю, за победу предстоящую,
И принес им в жертву краву бодрую,
Шерсть червленная по ней лоснится,
Яловицу сию купил он у пастухов
В долине там, в высокой траве
Дал за нее коня и с уздою.
Пылает жертвенный огнь, и приближаются воины
К долу, из дола в гору, в Дубраву,
Звучат доспехами,
Идут по единому, оружие несучи,
Каждый, проходя мимо жертвы, Богам славу гласит,
Никто в громогласном восклицании не медлит,
И, когда проходили последние воины,
Воссел Воймир на бóрзого коня своего,
Толстые кистени и палицы наложил
На шестерых едущих за войсками.
Идет войско с теченьем солнца
Даже до полудни.
Там на равнине ожидал его воинственный Власлав.
От леса к лесу стала сила его,

Стала сила, пять крат превосходнейшая Пражан;
Как из тучи ревел из ней гам,
Лаяние премногого множества псов.
«Трудно нам биться с сими врагами:
Кий палицу редко перешибает» –
Тако Воймир. На сие Честмир речет:
«Мудро втихомолку то сказать,
Мудро на все быть готову.
Чьему челу против скалы прать?
Лисица обманывает ярого, твердорогого тура.
Силы наши видит Власлав с горы:
Скорее в дол, окрест сей вершины,
Позади шли бы те, что были впереди,
И так ходили бы опять из дола в гору».
Воймир сделал сие и то же сделал Честмир,
Обошли войска вокруг горы,
Обошли войска девять крат.
Так пред врагами умножили свое число,
Тако во врагах умножили страх.
Расступилися по низким кустам,
Дабы блистало оружие их в очи врагам,
И была блеском наполнена гора.
Мгновенно кинулся Честмир с засадом,
Засад его был четыре полка счетных,
С ним из теней лесных выступил тряс,
Тряс осадил многочисленное войско врагов:
В тыл, в тыл страхи текут за ними из всего леса.
Воймир поднял на них храбрую руку
И заступил выход из долу в поле,
С боку стал против Власлава.
О какая борьба в долине! Какой рев в лесу!
Как бы горы схватилися с горами
И все древа в себе разломали.
И выступил Власлав против Честмира,
И пустился Честмир против Власлава
В лютую сечу, ранит и опять ранит,
Сразил Власлава долой –
Власлав страшно по земле катится
И в бок и в зад, восстать не может:
Морена погружает его в сон черной ночи.
Кипит кровь из сильного Власлава,
По зеленой траве в сырую землю течет.
Ах! вышла душа из стенящих уст,

Взлетела на древо и по древам
Туда и сюда (летает), доколе мертвое тело не сожжется.
Побежали с Власлaвом,
Влекутся с воплем на гору, в страну, в коей
Могли бы укрыться от Честмирова взора,
Честмира, победителя Власлава.
Зазвенела победа к Некланову
Радостному уху, и предстала корысть
Некланову радостному оку.

***

Людиша и Любор

(*Начинается о славном единоборстве*)

Послушайте, старые и младые,
О битвах и единоборствах.
Был некогда Князь Залабский,
Князь славный, богатый, добрый;
Он имел дщерь единую,
Себе и всем милую весьма;
Та дщерь на диво прекрасно была,
Ростом стройная и высокая,
Лице имела совершенно белое,
На лице же румянец разливался,
Очи как небо ясные,
И по ее белой шее
Власы златосветлые вилися,
Кольцами кудряся.
Некогда Князь приказал послу,
Чтоб бояра все приехали
В град на пиршество великое,
И, когда день был назначен,
Съехалися все бояра
Из далеких земель, из далеких областей,
Во град к Князю на сие пиршество.
Зазвучал глас труб и котлов.
Бояра ко Князю пришли,
Поклонилися тут Князю
И Княгине и прекрасной дщери,
За предлинные столы сели,
Всяк по рождению своему.
Носили яства диковинные,

И носили питие медовое,
И было пирование веселое,
И было пирование славное:
Распустилася сила по членам,
Распустилася бодрость в мыслях,
Тогда Князь сказал боярам:
«Мужи, да не будет от вас тайно,
По какой причине вы собралися,
Храбрые мужи, я хочу испытать,
Кто из вас мне наиполезней,
Во время мира нужно готовиться к бою,
Везде у нас соседи Немцы», –
Князь рек. Преторглася тишина;
От столов востали бояра,
Поклонилися тут Князю
И Княгине и прекрасной дщери.
Ко́тлы, трубы слышны снова,
Всяк готовится к единоборству.
Тут пред гриднею на широкой площади,
На высоком красном крыльце,
Сидел Князь со старейшинами,
Сидела Княгиня с боярынями
И Людиша с девицами.
Князь сказал боярам своим:
«Кому первому ратоборствовать,
То сам я Князь уставлю».
И показал Князь на Стребора.
Стребор вызвал Людислава.
Оба сели на коней,
Взяли копия остроконечные,
Быстро друг на друга пустились,
Долго сражалися,
Оба копья преломили
И так выбилися из сил,
Что оба с места битвы уклонились.
Зазвучал глас труб и ко́тлов,
И сказал Князь боярам своим:
«Кому второму ратоборствовать,
То Княгиня установит».
Княгиня на Серпоша указала.
Серпош Спитибора вызывает.
Воссели оба на коней,
Взяли копья остроконечные,

И пустился Серпош на Спитибора,
Высадил его из твердого седла,
Сам с коня скоро соскочил,
Оба вынули мечи,
Раз за разом бьют по черным щитам,
Искры выпархивают из черных щитов.
Спитибор Серпоша рубит,
Серпош на хладну землю пал,
И оба, утомяся,
Оба с места битвы уклоняются.
Зазвучал глас труб и ко́тлов,
И сказал Князь боярам своим:
«Кому третьему ратоборствовать,
То Людиша установит».
Княжна на Любора указала.
Любор Болемира вызывает.
Воссели оба на коней,
Взяли копья остроконечные,
Быстро по площади скачут,
Друг друга изнаравливают,
Сразилися копьями,
Болемир с коня катится,
Щит его далеко залетел,
Слуги отнесли его с места брани.
Зазвучал глас труб и ко́тлов.
Любор вызывает Рубуша.
Рубуш бодро на коня садится,
Быстро на Любора нападает,
Любор копие мечом рассек,
Крепко шлем его разразил,
Рубуш навзничь с коня пал,
Слуги отнесли его с места битвы.
Зазвучал глас труб и ко́тлов.
Любор бояр вызывает:
«Кто хочет со мною биться,
Тот да выступит на поприще».
И был говор между боярами.
Любор на месте битвы ждет.
Выступил Здеслав с длинным копьем,
На копье — турья глава.
Сел на коня яробуйного,
Гордыми словами рек:
«Прадед мой убил дикого вола,

Отец разбил Немецкие войска,
Испытай, Любор, храбрость мою».
И тут пустились они друг на друга,
Глава с главою сперлися
И оба с коней упали;
Тут извлекают мечи свои,
Пешие бьются,
Сильно мечами машут,
Удары вкруг их раздаются,
Любор подскочил к нему,
Мечом резко в шлем сечет,
Шлем расскочился на два куска,
Мечом в меч ударил бойко,
И меч полетел за ограду:
Здеслав повергся на землю.
Зазвучал глас труб и ко́тлов.
Окружили Любора бояре,
И повели его пред Князя,
Пред Княгиню и пред Людишу:
Людиша венец на него возложила,
Венец из дубовых листьев.
Зазвучал глас труб и ко́тлов.

***

Забой, Славой и Людек

(*Начинается о великом побитии*)

Из черного леса выступает скала,
На скалу выступил сильный Забой;
Обозрел земли на все страны,
Возмутился от земель ото всех
И застенал плачем голубиным.
Сидел долго, и долго смущался,
И пустился с горы, яко елень,
В дол, лесом, лесом долгопустым,
Быстро спешил от мужа к мужу,
От сильного к сильному по всей области,
Краткие слова ко всем скрытно рек,
Поклонился Богам. Отсюду к другим спешил.
И минул день первый, и минул день вторый;
Когда же на третий луна в ночи была,
Сошлися мужи туда в лес черн,
К ним здесь Забой; отвел их в дол,

В низкий дол глубокого леса,
Ступил Забой еще ниже в дол,
Взял гусли звончатые:
«Мужи братских сердец
И искренних зраков,
Вам пою из нижайшего дола песнь,
Идущую из сердца моего,
Из сердца еще нижайше
Погруженного в горе.
Отец отшел к отцам,
Оставил на родине детей своих
И свою любезную
И не рек никому:
"Брат, молви ты к ним
Отецкими словами".
И пришли чуждые
Насильно в родину,
И чуждыми словами заповедали,
И как делается в чуждой области,
От утра до вечера,
Тако надлежало делать
Детям и женам,
И едину подругу нам иметь
Во весь путь от весны до мораны.
И выгнали из рощ всех вранов,
И какие Боги в чуждой области,
Таким кланяться здесь,
И им приносить жертву,
И не сметь бить
Челом пред (нашими) Богами,
Ни в сумерки им давать ясти.
Там, куда отец носил корм Богам,
Куда к ним молиться хаживал,
Посекли все древа
И разрушили всех Богов». —
«Ай Забой! ты поешь от сердца к сердцу
Песнь среди горя; яко Любор,
К словам и пению бывало преклонял
Вышград и все области,
Тако ты меня и всю братию.
Певца доброго милуют Боги.
Пой! (петь) от них тебе дано
В сердце против врагов».

Воззрел Забой на Славоевы
Воспаленные зраки
И пением далее сердце уловлял:
«Два сына, коих гласы
Становились мужественны,
Выхаживали в лес;
Тамо мечом и млатом
И копием упражняли руки,
Тамо укрывалися
И возвращались радостно.
Когда руки их укрепились,
И умы их — против врагов,
И подросли другие братия,
А и тут все выступили на врагов,
И был гнев их буря небесная,
И в родину возратилося бывшее
благоденствие».
Тут соскочили все в дол к Забою,
Прижимали его крепко к груди,
И все с перси на персь клали руки,
Верное слово один другому давали.
Ночь приходила к утру,
Тогда выступили из дола розно,
Всюду ко всем древам,
Ко всем странам пошли лесом.
И минул день, и минул вторый,
И на третий день, когда затемнилася ночь,
Пошел Забой в лес,
Лесом за Забоем — войско,
И пошел Славой в лес,
Лесом за Славоем — войско.
Всяк имел веру к воеводе,
Всяк сердце упорное Королю,
Всяк оружие острое на Короля.
«Гей! брат Славой,
Туда к синему верху,
Отколе весь край виден,
Туда стоны свои направь,
От верха к востоку солнца.
Тамо лес темен,
Тамо подадим себе руки,
Теперь ступай лисьими скоками,
И я также пойду туда». —

«Гей! брат Забой,
Почто нам бранное оружие сперва
На вершину горы нести?
Отселе пустимся на врагов (воинов)
Королевских». —
«Брат Славой,
Когда змею сокрушить хочешь,
На главу ей наступи,
Тамо ее глава».
Разошлося войско лесом,
Разошлося вправо и влево,
Туда пошло по Забоеву слову,
Сюда по слову храброго Славоя,
Глубинами лесов к синему верху.
И когда солнце в пятый раз появилось,
Подали себе сильные руки
И смотрели лисьими зраками
На Королевские войска.
«Людек выставит нам рать свою,
Всю свою рать под единый удар.
Людек, ты еси раб
Над рабами Королевскими,
Скажи своему повелителю,
Что дым нам есть повеление его».
И воспалился яростию Людек,
Грозным гласом возопил своим воинам.
Под небесами был полный свет,
От солнца в полном свете блистало
Королевское воинство,
Готовы все ногу в шаг
И руку в брань по Людекову слову.
«Гей, брат Славой,
Туда спеши лисьми скоками,
А я пойду навстречу им в чело».
И бросился Забой вперед, как туча с градом,
И бросился Славой в бок им, как туча
с градом.
«Здесь, братцы, сокрушены наши Боги,
Здесь порублены наши древа,
И распуганы враны из лесов:
Боги нам дадут победу!»
Яростно несутся с Людеком
Несчетное число врагов против Забоя,

Несется, сверкая очами, Забой к Людеку,
Как дуб против дуба
Кажутся выступающими из всего леса,
Так Забой против Людека
Вышел из всего войска.
Людек ударил сильным мечом,
Перерубил три кожи в щите,
И ударил Забой млатом,
Отскочил проворно Людек,
В древо грянулся млат,
И покатилося древо на воинов,
И тридесять их пали мертвы.
И разъярился Людек:
«Ой ты, ненасытная гадина,
Подколодный змей!
Мечом побейся со мною».
И махнул Забой мечом,
Кусок щита врагу отсек,
И направил Людек меч,
Меч соскользнул по кожаному щиту,
И воспалилися оба, бьются,
Рубят друг друга без пощады,
Все вокруг себя окропили кровью,
Кровь брызжет на воинов
И повсюду около их в лютой сече.
Солнце пришло к полудню,
И от полудня ужé к пол-вечеру,
И бьются еще, ни здесь ни там не уступают,
Бьются и здесь, бьются и там со Славоем.
«Ах ты враг! Бес в тебе!
К чему нашу кровь пиешь?» –
И схватил Забой свой млат,
И отскочил Людек.
Поднял Забой млат высоко к верху
И ринул во врага:
Летит млат, раскочился щит,
За щитом раскочилися Людековы перси,
И повлеклася душа за тяжким млатом,
Млат вышиб душу,
И пять шагов нес ее к войску.
Страх из гортани врагов исторг вопли,
Радость зазвучала из уст Забоевых воинов,
И посыпались искрами из радостных зраков.

«Ай братцы! Бог нам победу даровал.
Разошлися наши дружины вправо и влево,
Со всех долин сводят сюда коней,
Кони ржут по всему лесу». –
«Брат Забой, ты – удалый лев!
Не упускай громить врагов».
Тут бросает Забой щит,
И со млатом в руке и с мечом в другой
Отверзает себе путь между врагами.
Враги вопят, враги бегут,
Ужас гонит их с побоища,
Страх исторгает из уст их вопли.
Кони ржут по всему лесу.
«Други, на коней! С коньми за врагами
По всем областям!
Ретивые кони несите
По пятам за ними нашу ярость!»
И вскочили воины на резвых коней,
И скок-на-скок за врагами гналися,
Удар ударом и гнев гневом предваряли,
И мелькали равнины и горы и леса,
Вправо и влево все убегало назад.
Шумит быстрая река,
Волна за волною валит,
Шумят все войска скок-на-скок,
Всех гонят чрез бурную реку,
Во́ды поглощают множество врагов.
И преносится известие на другой брег,
И по землям везде шире и шире.
Лютый ястреб распушил свои крылья долгие,
Быстро летит за птицами,
Забоевы воины растянулись широко
Везде по областям,
Гонятся люто за врагами,
Везде разят и топчут их конями,
Ночью под луною за ними люто,
Днем под солнцем за ними люто,
И опять в темную ночь,
И после ночи в седое утро.
Шумит быстрая река,
Волна за волною валит,
Шумят все воины скок-на-скок,
Все гонят чрез бурную реку,

Во́ды поглощают множество врагов,
И преносится известие на другой брег.
«Туда к седым горам,
Туда понесем наше мщение». —
«Зри, брат Забой,
Уж не далеко от нас го́ры,
Мало врагов осталось,
И те помилования просят». —
«Обратимся вспять по землям, ты туда,
я — туда,
Погубим все Королевское!»
Ветры бушуют по областям,
Войска несутся по областям,
По областям вправо и влево,
Везде расширяют силу свою
В радостных кликах.
«Ай братцы! Ай серый верх!
Боги нам тамо победу даровали;
Там много душ утекло
Туда и сюда по древам,
Их боятся птицы и робкие звери,
Одне со́вы не боятся.
Там на вершине погребем мертвых,
И дадим пищу Богам,
И тамо Богам спасителям
Многую жертву принесем,
К ним возгласим молитвенные слова,
Им — оружие побитых врагов».

***

Збигон или коршун

(Начинается 28 глава третьей книги о песнях)

Летал голубь
С древа на древо,
Горестно ворковал,
Жалуясь всему лесу:
«Ах! ты лес широкий
В тебе я летал
С голубкою драгою,
С милою-премилою.
Ах! и злобный коршун

Схватил голубицу
И отнес в за́мок,
Ах! в за́мок твердый».
И ходил юноша
Около тверда за́мка,
Жалостно воздыхал
По своей милой,
От за́мка на скалу,
На скале сел,
Печально сидел,
С немым лесом молчал.
И прилетел голубь,
Жалостно воркуя.
Подняв юноша
Главу к нему, вещал:
«Голубок печальный,
Тебе скучно одному;
Знать, у тебя коршун
Унес твоего друга?» –
«Тот коршун, там
На крепком за́мке,
Тот ухватил мою
Милую-премилую,
И отнес, ах! в за́мок,
В крепкий за́мок». –
«Кабы ты, голубок,
Мог сладить с коршуном,
Кабы у тебя было
Сердце храброе,
Ты бы вырвал
У коршуна свою драгую?
Кабы у тебя были
Острые когти,
Ты бы сразился
С злобным коршуном?
Кабы у тебя был твердый
Плотоядный клюв?» –
«Восстань, печальный юноша,
Ступай к Збигону:
Сердце у тебя мужественное
Против врага;
Оружие у тебя против него
Сильное, острое;

Разбей ему главу
Тяжелым железным млатом».
Побежал юноша с горы
В дол темным лесом,
Взял свое оружие
И на рамо млат свой,
Спеши́л темным лесом,
К за́мку твердому.
Пришел к твердому за́мку
В темную ночь,
Толкает сильно пестом.
«Кто там?» — вопрошают из за́мка.
«Я, зверолов заблудший».
Отворяются врата.
Толкает сильно пестом,
Отворяются другие.
«Где хозяин Збигон?» —
«За великою храминою».
Там Збигон сладострастует,
Там плачет дева.
«Гей! отвори ловцу».
Не отворяет Збигон,
И разразил млатом
Двери сильный юноша,
И разразил млатом
Збигонову главу,
В за́мке везде бегал,
И всех в замке побил,
И с своею красною девицею
До света пролежал.
Взошло поутру солнце
Над вершинами древ за́мка,
Пришла новая радость
В юношеское сердце,
Что свою красную девицу
Держит в сильных объятиях.
«Чья эта голубица?» —
«Збигон ее ухватил,
И как меня здесь запер,
Так и ее в твердом за́мке». —
«В лес из крепкого за́мка!»
И полетела в лес
И летала туда,

И летала сюда,
С древа на древо
Со своим голубком,
С голубком почивала
На единой ветке.
Радуется девица
Со своим молодцом,
Ходит там и сям,
Везде куда хочет,
С миленьким почивает
На едином ложе.

***

Пучок цветов

Веет ветерочек
С Княжеских лесов,
Бежит миленькая
Ко потоку,
Почерпнула воды
В кованы ведра.
По воде к девице
Пучок плывет,
Пучок благовонный
Из фиялок и роз,
И стала девица
Пучок ловить.
Упала, ах, упала
В хладну водицу.
Кабы я ведала,
Пучок прекрасный,
Кто тебя в сырую
Землю сажал,
Тому бы дала
Перстенек златый.
Кабы я ведала,
Пучок прекрасный,
Кто тебе ленточкой
Стебельки связал,
Тому бы дала
Булавку из волосов.
Кабы я ведала,

Пучок прекрасный,
Кто тебя по хладной
Водице пустил,
Тому бы дала
Венок свой с головы.

***

Ягоды

Пошла моя милая по ягоды
На зеленый бор,
Занозила острым тернием
Беленькую ножку:
Не может моя милая
На ноженьку ступати.
«Ах ты терние, острое терние,
Почто ты уязвило?
За то будешь, острое терние,
Из бора выметено». —
«Пожди, милая, в холодку
На зеленом бору.
Я сбегаю на лужок
За белым конем.
Конь мой на лужку
В густой траве пасется».
Моя милая в холодку
Милого поджидала.
Стала милая жаловаться
Потихоньку на бору:
«Ах! что скажет матушка?
Я — несчастная девка!
Всегда мне матушка твердила:
"Берегися юношей".
Чего юношей беречься?
Они добрые люди».
И приехал я на коне,
Как снег белом;
Скочил с коня, привязал его к ветке
За серебряну узду;
Обнял девицу, прижал к сердцу
И целовал в уста;
И забыла красная девица,
Что ноженька болит.

Мы ласкалися-миловалися,
Солнце на закате:
«Поедем, милый, скорей домой,
Солнышко наше зашло».
Вскочил я скоро на коня,
Как снежок белого,
Взял милую в руки
И отвез ее домой.

***

Елень

Бегал елень по горам,
По землям, поскакивал
По горам, по долинам,
Красные роги носил,
Красными рогами
Густый лес раздирал.
По лесу скакал
Гибкими ногами.
А и тут юноша по горам хаживал,
По долинам хаживал в лютые бои;
Крепкое оружие на себе носил,
Оружием тяжким поражал толпы врагов.
Нет уж юноши на горах,
Подскочил к нему здесь хитрый лютый враг,
Засверкал на него злобными очами,
Ударил тяжким млатом в перси,
Зашумел от жалости печальный лес,
Вышиб из юноши душу-душечку,
Летит она в протянутое пригожее горлышко,
Из горлышка к красным устам!
Ай! льется тут теплая кровь,
За душечкою течет, за отлетелою,
Сырая земля кипячую кровь пьет:
В каждой девице застонало сердечко.
Отшел юноша в хладную землю,
На юноше растет дуб-дубок,
Распускает ветви шире и шире.
Приходит елень с красными рогами,
Скачет на резвых ногах в гору,
Тянет к листью долгую шею.

Слетаются стада черных вранов
Из всего леса на дуб сей,
Грают все на дубе:
«Пал юноша от злобного врага».
Плачут по юноше все девицы.

***

Роза

Ах ты роза, красна роза,
К чему рано расцвела,
Расцветши, померзла,
Померзши, увяла,
Увядши, опала?
Вчера я сидела, долго сидела,
До куропенья сидела,
Дождаться не могла,
Все дранички, лучинки сожгла;
Уснула, приснилось мне во сне,
Будто у меня, бедной,
На правой руке с перста
Свалился златый перстень,
Укатился драгой камень,
Камушка не нашла,
Милого не дождалася.

***

Кукушечка

В широком поле дубок стоит,
На дубчике – кукушечка
Закуковала, заплакала,
Что не всегда весна бывает.
Как бы зрело жито в поле,
Когда б всегда весна была!
Как бы зрело яблоко в саду,
Когда б всегда лето было!
Как бы мерзли класы в стоге,
Когда б всегда осень была!
Как бы девице тяжко было,
Когда б всегда в одиночестве была.

Сиротинка

Ах вы лесы, темные лесы,
Лесы Милитинские,
Почто вы зеленеете
В зиме и лете равно?
Рада бы я не плакала,
Не мутила сердца;
Но скажите, добрые люди,
Кто бы не плакал здесь,
Где мой отец, отец милый
Погребен в могиле.
Где мать моя, добрая мать,
Травка на ней растет?
Нет у меня брата, нет сестры,
Милого у меня взяли.

***

Жаворонок

Полола девица конопли
В панском саду.
Вопрошал ее жаворонок:
«От чего так печальна?» —
«Как могу я весела быть,
Малютка жавороночек:
Увели моего милого
В каменный град.
Кабы у меня перо было,
Написала бы я грамотку,
Ты бы, малютка жаворонок,
Слетал с нею туда;
Но нет пера, нет чернил,
Чтоб написать к нему грамотку;
Поздравь драгова пением,
(Скажи,) что здесь горько ною.
Заграял в граде вр...»

***

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

Перевод* [*и примечания*] *Н. В. Берга

1860

Ольдрих и Болеслав

..... в лес дремучий,
Где владыки собирались вместе,
Семь владык с дружинами своими.
Выгон-Дуб в ночную темнеть прибыл,
Со своими прибыл молодцами:
Было с ним сто воинов отважных,
И у всех в ножнах мечи гремели;
Сто мечей наточено булатных,
Сто десниц могучих наготове;
Удальцы владыке верно служат.
Вот пришли они в средину леса,
Стали в круг; друг-дружке руки дали,
Разговоры тихие заводят.
Было время за́полночь гораздо,
Утро серое уж было близко.
Выгон молвил тихо князю Ольдре:
«Гой еси ты князь и воин славный!
Бог вложил в тебя и мочь и крепость,
В буйну голову дал разум светлый:
Так веди ж нас на Полян свирепых!
За тобой последуем мы всюду:
Взад, вперед, направо и налево,
Где ты будешь в ярой битве биться!
Ну зажги ж ты в сердце нашем храбрость!»
Князь берет могучею рукою
Длинный прапор: «Так за мною, братья,
На Полян, врагов родного краю!»
Вслед за князем двинулись владыки,
Восемь всех, и было с ними войска
Триста парней добрых да полсотни.
Все они собрались, где Поляне

Сонные, раскинувшись, лежали.
Становились у опушки леса[1].
Прага все еще во сне молчала;
Пар клубился над рекой Влетавой;
А за Прагой уж синели горы,
И восток за ними загорался.
«В дол за мною, только тихо, тихо!»
Вся дружина скрылась в Праге сонной,
Спрятавши оружье под одежу.
На заре пастух подходит к за́мку
И кричит, чтоб отперли ворота.
Услыхал его из за́мка сторож,
Отворил ворота чрез Влетаву.
Пастырь всходит на мост, громко трубит.
Ольдрих выскочил и с ним владыки,
Семь владык и всяк с народом ратным.
Бубны-трубы загремели разом;
На мосту завеяли хоругви;
Мост затрясся, как пошла дружина.
Обуял Полян внезапный ужас.
Вот они оружие схватили!
Вот владыки стали с ними биться!
Но Поляне скоро заметались
И толпами бросились к воротам,
Убегая от резни жестокой.
Сам Господь нам даровал победу!
И одно встает на небе солнце —
Яромир опять встает над нами!
Разнеслась по целой Праге радость,
И кругом-то Праги разнеслася;
По всему-то полетела краю,
По всему ли краю от той Праги.

Бенеш Германыч

Гой ты, солнце наше красно!
Что с лазоревых высот
Нынче так печально светишь
Ты на бедный наш народ?
Где наш князь? Где люд военный?
К Отту, к Отту все ушли...

[1] Там, где нынче стоит Страгов, был некогда весьма густой лес.

Кто ж прогонит вражью силу
Из отеческой земли?
Идут Немцы длинным строем —
То Саксонов злая рать;
От вершин Згорельских древних
Идут край наш воевать.
Злато-се́ребро сбирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придут злодеи
Наши хаты и дворы.
Все пожгли враги, побрали
Злато-се́ребро из хат
И стада угнали наши;
К Троскам далее спешат.
Не тужите, добры люди:
Встанет травушка в полях,
Что́ Саксоны притоптали,
Проскакавши на конях.
Убирайте же венками
Избавителю чело!
Зелень выросла на нивах,
Все по-старому пошло.
Скоро минет наше горе:
Бенеш Германыч идет,
Биться на́ смерть с сопостатом
Призывает свой народ.
Вот собрались наши люди
Под Скалой в лесу густом
И пошли на бой кровавый
Кто с булатом, кто с цепом,
«Бенеш, Бенеш перед нами!»
Все бегут во след ему.
«Горе Немцам! — Бенеш крикнул. —
Нет пощады никому!»
Закипели гневом лютым
В битве обе стороны;
Взволновалися утробы;
Очи злобой зажжены.
Набежали друг на друга
И давай колоть и сечь:
Колом кол тяжелый встречен,
Зацепился меч за меч!
Страшно рать на рать валила,

Словно лес пошел на лес;
От мечей летели искры,
Будто молния с небес.
Нивы стоном застонали;
Всполошило всех зверей;
Всполошило вольных пташек
Средь лесов и средь полей.
До вершины ажно третьей
Слышно было жаркий спор;
Ко́пья с саблями трещали,
Словно падал ветхий бор.
Так стояли оба войска,
Севши крепко на пяту –
И пришло от лютой битвы
Тем и тем невмоготу.
В гору Германыч ударил;
Что́ махнет мечом своим –
Целой улицей ложится
Вражья сила перед ним;
И направо, и налево
Так и стелет он народ;
Поднялся – и сопостата
Сверху камнями он бьет.
На широкий дол сбежали
Мы опять с холмов крутых;
Завопили Немцы, дрогнув:
Мы пошли – и смяли их!

Ярослав

Расскажу я славную вам повесть
О боях великих, лютых бранях;
Собирайте вы свой ум да разум:
Нынче будет вам чего послушать!
Там, где правит Оломуц землями,
Невысокая гора поднялась;
Называют гору ту Гостайнов;
На ее вершине Христианам
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы в покое;
Было все кругом благополучно;
Да поднялась от востока буря,
А поднялась ради дщери ханской,

Что́ за злато Немцы погубили,
За жемчуг, за до́роги каменья.
Дочь Кублая, красотой что́ месяц,
О землях на Западе узнала,
И узнала, что в них много люду:
Собиралась в дальнюю дорогу
Поглядеть житье-бытье чужое.
С нею десять юношей срядилось
Да еще две девы молодые.
Было все потребное готово.
Тут они на быстрых сели ко́ней
И свой путь по солнышку держали.
Как заря перед восходом блещет
Над густыми темными лесами:
Так блестела дочь Кублая Хана,
Красотой блестела и нарядом,
Золотой она парчей покрылась,
Лебедину шею обнажила,
Дорогим увешалась каменьем.
Ханской дочери дивились Немцы,
На ее сокровища польстились;
Выжидать засели на дороге
И в лесу Кублаевну убили,
Все богатство ханское побрали.
Как про то услышал Хан татарский,
Что́ с его Кублаевной случилось:
Собирал несметные он рати
И пошел, куда уходит солнце.
Короли на Западе узнали,
Что Кублай готовится ударить:
Перемолвились, набрали войско
И поехали навстречу к Хану;
Становили стан среди равнины,
Становили, поджидали Хана.
Вот Кублай сбирает чародеев,
Звездочетов, знахарей, шаманов,
Чтоб они решили ворожбою,
Будет ли, не будет ли победа.
Притекли толпами чародеи,
Звездочеты, знахари, шаманы;
Расступившись, кругом становились,
Положили черный шест на землю,
Разломили надвое, назвали

Половину именем Кублая,
А другую на́звали врагами;
Стародавние запели песни;
Тут шесты затеяли сраженье:
Шест Кублая вышел цел из бою.
Зашумели в радости Татары,
На коней садилися ретивых —
И рядами становилось войско.
Христиане ворожбы не знали,
А пошли на басурманов просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремела первая тут битва.
Задождили стрелы, будто ливень,
Треск от копий, словно рокот грома,
Блеск мечей, что́ молния из тучи.
Обе стороны рубились крепко
И одна другой не уступала.
Вдруг Татар шатнули Христиане
И совсем бы смяли сопостатов:
Да пришли к ним чародеи снова
И шесты народу показали.
Тут опять Татары разъярились,
В Христиан ударили свирепо
И погнали их перед собою,
Словно псы испуганного зверя.
Здесь шелом, там щит железный брошен;
Там несется конь с вождем убитым,
Что́ ногою в стремени повиснул.
Здесь один вотще с врагами бьется,
Там другой помилованья просит.
Так Татары были крепки в битве,
Что налоги с Христиан собрали
И два царства отняли большие:
Старый Киев да Новго́род людный.
Вырастало горе на долинах;
Весь народ сходился христианский,
Собиралось их четыре войска;
Звали снова басурманов к бою.
В этот раз Татары взяли вправо,
Словно туча с градом над полями,
Что́ грозит богатым урожаям:
Издалеча рати так шумели.
Вот и Угры сдвинули дружины,

В сопостата ударили крепко,
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолели дикие Татары,
Разметали угорское войско,
Целый край мечом опустошили.
Христиан покинула надежда!
Было горе, всех горчее горе.
Милосердному взмолились Богу,
Чтобы спас их от Татар свирепых:
«Господи! Восстань в своем Ты гневе,
От врагов Ты нам защитой буди,
Что́ совсем сгубили наши души:
Режут нас, как ярый волк овечек!»
Бой потерян и другой потерян.
В землю Польскую пришли Татары,
Полонили все, что́ было близко,
Додрались до града Оломуца.
Тяжкая беда кругом вставала:
Брали верх поганые Татары.
Бьются день, другой дерутся крепко;
Никуда не клонится победа.
Вот неверных рати разрослися,
Будто тьма вечерняя под осень.
Посредине их рядов нечистых
Колебались Христиан дружины,
Продираясь ко святой часовне,
Где светился чудотворный образ.
«Ну, за мною, братья!» — так воскликнул,
В щит мечом гремя, Внеслав могучий
И хоругвь над головами поднял.
Все метнулись, как едино тело,
На Татар ударили жестоко,
И, как пламень из земли, пробились
Вон из полчищ нехристей поганых.
На пятах они поднялись в гору,
У подошвы развернули рати,
А в долину стали вострым клином.
Тут покрылись тяжкими щитами
Справа, слева и большие пики
Взбросили на могутные плечи
Друг ко другу: задние передним.
Тучи стрел летели в басурманство.

Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по земле и небу;
Тем и тем она закрыла очи,
Что, враждóй раскалены, горели.
Той порой, во мраке Христиане
Навалили под горою насыпь.
Как заря блеснула на востоке:
Зашумели óрды сопостатов
И кругом ту гору обступили;
Не видать конца полкам несметным!
На конях иные там кружили
И на длинные втыкали пики
Головы от трупов христианских –
И носили пред наметом ханским.
Собралися в кучу все их силы,
К одному они шатнулись боку
И полезли по горе на наших,
Оглашая криком всю окрестность,
Ажно дол и горы загудели.
Христиане поднялись на насыпь.
Божья Матерь силу в них вложила:
Натянулись их тугие луки,
Их мечи булатные сверкнули –
Отступили от холма Татары.
Разъярился люд их некрещеный;
Закипело сердце Хана гневом;
На три полчища разбился табор,
С трех сторон облавили ту гору;
Тут скатили Христиане бревна,
Двадцать бревен, сколько там их было,
И за валом их сложили в кучу.
Подбежали к насыпи Татары,
В облака ударились их вопли
И хотели вражьи дети насыпь
Раскидать, но бревна покатились –
Как червей приплюснуло тут нехристь
И еще давило их в долине.
Те и те потóм рубились долго,
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеслав сражен могучий
И на землю с насыпи свалился.
Одолело горе наши души,
Иссушила жажда все утробы;

Языки с травы лизали ро́су.
Вечер тих был перед ночью хладной,
После ночь сменилась утром серым.
Смирно было в стане сопостата.
Разгорелся день перед полуднем.
Христиане падали от жажды,
Рты свои сухие отворяли,
Хриплым голосом молились Деве,
Истомленные поднявши очи,
Заломивши руки в лютой скорби;
Жалостно с земли смотрели в небо.
«Нам невмочь терпеть такую жажду,
От нее не в силах мы рубиться!
Кто не смерти, живота желает:
Дожидайся милости татарской!»
Так одни сказали, а другие:
«Лучше сгинуть от меча нам, братья,
Чем от жажды на холме издохнуть.
Хоть в плену бы нам воды напиться!» —
«Так за мною ж! — к ним Вестон воскликнул. —
Коли так вы, братья, говорите,
Коль измучились от жажды лютой!»
Тут свирепым туром на Вестона
Вратислав ударил, и за плечи
Он потряс его рукою мочной:
«Ах ты, змей, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрых!
Чем бы милости просить у Бога,
Ты зовешь их в мерзкую неволю.
Не ходите, братья, на погибель!
Ведь уж зной мы тяжкий пережили:
В ярый полдень Бог нам силы подал;
Он еще подаст, коль верить будем.
А такие речи непотребны
Тем, кого зовут богатырями!
Пусть мы сгинем здесь от жажды лютой:
Эта смерть от Бога будет, братья!
А мечам неверным отдадимся:
Руки сами на себя наложим!
Неугодна Господу неволя:
Смертный грех в ярем идти охотой.
Кто так мыслит — он за мною, мужи,
Тот за мною, ко святой иконе!»

Двинулись к часовне Христиане:
«Господи! Восстань в Своем Ты гневе!
Дай смирить нам силы сопостата,
Выслушай моление Ты наше!
Мы отвсюду стиснуты врагами:
Из оков нечистых нас Ты вырви
И увлажь росою нам гортани!
Славословить Тебе, Бога, станем!
Сокруши Ты наших сопостатов,
Да не придут нехристи вовеки!»
Глядь — уж тучка в раскаленном небе!
Дуют ветры, слышен рокот грома;
Разостлались облака по небу,
Мечут молнии на стан татарский,
Страшный ливень рвы холма наполнил.
Миновала буря. Идут рати
Изо всех земель и стран далеких,
К Оломуцу веют их хоругви;
Тяжкие мечи гремят у бедер;
На плечах колчаны со стрелами,
А на буйных головах шеломы.
Скачут-пляшут ретивые кони.
Зазвенели вдруг рога́ лесные,
Бубны-трубы раздалися в поле;
Закипела яростная битва.
Стало темно меж землей и небом —
И была последняя то схватка!
Звон и стук прошел от сабель вострых,
Засвистели стрелы каленые;
Лом от копий, треск от пик тяжелых
И молитвы посредине битвы,
Плач, тревога — и веселья много!
Кровь лилась ручьями дождевыми;
Что́ в лесу деревьев было трупов.
У того мечом разрублен череп,
У того не стало рук по плечи,
Тот с коня валится через брата,
Тот врага, остервенясь, ломает,
Словно буря, на скалах деревья;
У иного меч торчит из ребер,
А тому отнес Татарин ухо.
Ух! Кругом послышалися вопли:
Христиане сбиты, побежали;

Гонят их поганые Татары!
Но смотрите: Ярослав несется,
Что́ орел летит, могучий витязь!
На груди его железный панцирь,
А под ним отвага и удача;
Под шеломом крепким разум быстрый,
А в очах играет гнев и ярость;
Расходился, будто лев косматый,
Что́, почуяв запах теплой крови,
Раненный, бежит за человеком;
Так он мчался, лютый, на татарство.
Чехи с ним, что́ град из темной тучи.
Он на сына ханского нагрянул —
И борьба меж ними закипела!
Пиками тяжелыми сразились —
Да сломились пики у обоих.
Ярослав с конем окровавленным
Ринулся, махнул мечом широким
И разнес Кублаича до брюха.
Пал Кублаич бездыханным трупом,
Глухо звякнув на плечах колчаном.
Басурманы все оторопели,
Пометали саженные ко́пья,
И кто мог пустился по долине
В те края, отколь приходит солнце.
И врагов Татар не стало в Гане.

Честмир и Властав

Князь Неклан велит к войне сряжаться,
Княжеским велит он словом,
Против Властава.
Собрался, встали рати,
Собрались по слову князя,
Против Властава.
Чванился Властав победой
Над Некланом, славным князем,
И вносил огонь и меч
Он в Неклановы пределы;
И своим удалым людям
Он приказывал над князем
Непотребно издеваться.

«Чмир, веди мои дружины!
Все ругается над нами
Князь Власлав надменный!»
Чмир встает, веселый духом,
И снимает щит свой черный,
Что́ с двумя зубами[1] сделан,
Да берет тяжелый молот
И шелом несокрушимый;
А потом богам приносит
Подо все деревья жертвы[2].
Громким голосом он крикнул:
«Рати строятся рядами».
Вот пошли перед зарею;
Целый день в походе были;
Шли, когда и солнце село,
Шли на холм высокой,
Дым от сел валит клубами;
В селах жалобные вопли.
«Кто спалил те села?
Кто принес вам слезы?
Не Власлав ли гордый?
Больше он не будет
Храбровать над вами:
Я иду злодею
Отомстить за братьев!»
Тут сказали Чмиру:
«Окаянный Кру́вой
Завладел в долинах
Нашими стадами;
В села внес он горе
Мечом и пожаром;
Все сгубил, что́ было
В жизни нам потребой;
Взял и воеводу!»
На Крувоя Чмир озлился,
И в груди его широкой
Злоба закипела,
Потрясла все члены.

[1] Думают, что это был щит на двух ножках с железными остриями, которые втыкались в землю, когда воин готовился отразить врага.

[2] Таков был обряд жертвоприношения у древних Чехов.

«Братья! — крикнул. — Нынче утром
Будет крепкая работа;
А теперь даю вам отдых!»
Горы влево, горы вправо;
На хребте у них высоком
Красно солнышко играет.
И отсюда через горы,
И оттуда через горы
Идут Чмировы дружины
И несут с собою битву.
Прямо, прямо к городу,
На скале что́ вырос!
Крувой запер там Воймира,
С ним и дочь его младую,
Что́ в лесу густом похитил,
Там, под серою скалою,
Где ругался над Некланом.
Крувой клятву дал Неклану
Быть ему слугою верным
И десницу князю подал;
Только тем же голосом,
Той же самою рукою
Он беду принес народу.
«Ну, за мною, молодцы,
К городу высокому!»
И отважная дружина
Быстро к за́мку двинулась,
Сло́ва Чмирова послушав;
Двинулась, как туча с градом.
Тяжкие щиты сомкнувши плотно,
Ряд передний весь покрылся ими;
Те, что́ сзади, оперлись на копья
И, всадив их поперек в деревья,
Всею тяжестью на них повисли.
Их мечи тут загремели
Над вершинами лесными,
На мечи кидаясь вражьи,
Что из за́мка поднимались.
На стене, как бык, метался Крувой,
В осажденных разжигая храбрость.
Меч его на Пражан падал,
Словно дуб с горы высокой,
Что, валясь, деревья ломит;

Столько было под стенами
Воинов Неклана-князя.
Чмир велел идти на город сзади;
Спереди же, чрез ограду,
Он скакать велел дружине.
Там два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Под скалой к ограде самой –
Пусть на них летят колоды,
А голов не тронуть буйных!
Тут-то, спереди, поставил кучу
Молодцов он дюжих и широких,
Так-то все они срослися
Богатырскими плечами.
Поперек они на плечи
Жерди длинные взмахнули,
Их веревкой вдоль связали
И на древки оперлися.
Тут на жерди к ним другие
Мужи крепкие вскочили;
Копья вскинули на плечи
И веревкою связали.
Третий ряд вскочил на этих.
Там четвертый ряд на третий;
А уж пятые достали
До вершины самой за́мка.
Тут мечи блеснули сверху,
Сверху стрелы засвистели,
Сверху бревна покатились.
Через стены Пражане, как волны,
Хлынули и за́мком завладели.
«Выйди, выйди, Воймир, ты на волю,
Выйди с дочерью милой своею!
Утро ясное в небе играет!
Посмотри, как злодею Крувою
Буйну голову нынче отрубят!»
На заре вышел витязь могучий,
Дочь-красавицу вывел с собою
И увидел, как злого Крувоя
Казнию бесчестною казнили.
Отослал Чмир до́бычу к народу,
А с добычей вернулась и дева.
Тут Воймир хотел готовить жертву

В том же месте, в ту же солнца пору.
«Нет, в поход! – к нему Честмир воскликнул. –
Чем скорее, тем к победе ближе!
Погодим богам сжигать мы жертву;
Нам карать велят Власлава боги.
А как станет солнышко на полдень –
Соберемся мы, где надо будет,
И войска нам прокричат победу.
Вот тебе оружие Крувоя,
Нéдруга лихого – и поедем!»
Закипел Воймир весельем буйным;
Громким голосом с горы он крикнул
Из гортани сильной, ажно дрогнул
Темный лес: «Не гневайтесь вы, боги,
За мое пред вами прегрешенье,
Что сегодня я не жгу вам жертвы!»
А Честмир: «За нами эта жертва!
Но пора и в битву с сопостатом!
На коня садись-ка ты лихого
Да лети ты через бор оленем!
На дороге, близ дубравы темной,
Повстречаешь небольшую гору[1],
Эту гору полюбили боги:
Там сожги ты им святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За победу, что была за нами,
За победу, что еще пред нами!
Ты придешь на это место прежде,
Чем подвинется на тверди солнце;
А когда уж две и три ступени
Пробежит оно и над лесами
Станет там – придут и рати наши
В те места, где дым столбом взовьется
К небесам от жертвы приносимой;
Там дружины голову преклонят».
На коня тогда Воймир садился,
Полетел он чрез бор оленем
К той горе, что́ близ дубравы темной;
Там сжигал богам святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За победу, что была за ними,

[1] Вероятно, это была гора Громолан.

За победу, что еще пред ними,
Сожигал он добрую телицу;
Шерсть на ней червонная блестела.
Ту телицу он купил в долине,
Что густою поросла травою;
За телицу пастухам оставил
Он коня и с ним его уздечку.
Как святая запылала жертва –
Подходили воины к долине
И в дубраву друг за другом шумно
Поднимались, брякая мечами.
Каждый воин обходил вершину
И богам провозглашал он славу;
Проходя, мечом не медлил брякнуть.
А когда осталось их немного,
На коня Воймир лихого прыгнул
И велел поднять остатки жертвы
Шестерым он всадникам последним:
Два плеча и жирные лопатки.
Вот пошли дружины вместе с солнцем.
На полудне солнышко стояло.
А в долине князь Власлав надменный
Поджидал их с силами своими,
Что от леса протянулись к лесу.
Впятеро их было больше Пражан.
Словно в туче там гремели громы
И собак там заливались стаи.
«Трудно будет биться нам с врагами:
Палицы не переломишь колом!» –
Так Воймир, а Чмир ему на это:
«Хорошо лишь про себя-то ведать!
Лучше быть всегда на все готову!
Разве лбом ты гору поворотишь?
А лиса проводит ведь и тура.
С высоты Влаславу наших видно:
Так придется обойти нам гору,
Чтобы те, что́ впереди-то идут,
Позади за нами очутились;
Там и ну ходить вокруг вершины!»
И Воймир устроил дело с Чмиром:
Девять раз по их наказу войско
Девять раз ту гору обходило.
Так их силы вырастали с виду,

Так враги все более пугались.
Вдруг вся рать в кустах остановилась,
И мечи врагу блеснули в очи;
Вся вершина будто жар горела!
Тут выходит смелый Чмир с отрядом,
А в отряде том четыре части;
В ту же пору Тряс на сопостата
Налетел из-за деревьев частых
И врагов перепугал он сзади:
Их ряды, смешавшись, побежали;
Но Воймир своей рукою храброй
Заградил им ночью выход в поле
И ударил сбоку на Власлава.
Ух! как лес-то затрещал широкой:
Словно горы там с горами бились
И деревья на себе ломали!
Тут Власлав понесся против Чмира;
Встретил Чмир его ударом тяжким;
Закипела битва между ними —
И Власлав на землю повалился.
По земле катается он страшно,
В бок и в зад, а справиться не может:
На покой зовет его Морена;
Кровь из тела крепкого струится,
По траве бежит в сырую землю,
И душа из теплых уст порхнула;
Там и сям она летала долго,
С дерева на дерево, покуда
Не сожжен был на костре убитый[1].
Побежали воины Власлава
И ударились в испуге в гору,
Трепеща перед очами Чмира,
Что в бою сразил Власлава-князя.
Загремели вести о победе;
Их Неклан веселым ухом слышит
И свою военную добычу
Радостным оглядывает оком.

[1] Чехи-язычники полагали, что душа мертвого не успокоится до тех пор, пока не сожгут тела.

Людиша и Любор

Стар и млад, внимай рассказу
О боях и ратоборствах!
Жил когда-то князь за Лабой,
Князь богатый, славный, добрый;
Дочь-краса была у князя,
И ему и всем по сердцу;
Красотою свет дивила:
У нее был стан высокой,
Белый лик, а на ланитах
Расцветал живой румянец;
Очи были словно небо;
По плечам же белоснежным
Рассыпались золотые
Кудри, в кольца завиваясь.
Князь послам велит сряжаться –
Звать к нему бояр окольных
На великий праздник в город.
День уставленный приходит:
Все боярство собралося
Из земель и стран далеких
На великий пир, на праздник.
Бубны-трубы загремели.
Подошли бояре к князю,
Подошли и поклонились
Низко князю, и княгине,
И княжне, девице красной;
За столы потом уселись
Все по сану и по роду.
Тут прислуга подносила
Яства дивные боярам,
Подносила мед шипучий.
То-то был веселый праздник!
То-то было пированье!
В члены сила набиралась,
Душу бодрость напоила!
Князь сказал тогда боярам:
«Мужи! Тайну я открою,
Для чего собрал вас ныне:
Мужи славные! Хочу я
Испытать теперь, изведать,
Кто из вас мне всех нужнее.

Благо ждать войны и в мире:
Нас ведь Немцы окружают!»
Князь сказал — и все бояре
Из-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко князю, и княгине,
И княжне, девице красной.
Бубны-трубы загремели.
Изготовились бояре.
Посреди равнины светлой,
На разубранном балконе
Князь сидел перед народом
Со своими старшинами;
Близ него была княгиня.
С именитыми женами,
И с подругами Людиша.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет на битву первый,
Сам я, князь, того назначу!»
Указал он на Стребора.
Вызвал Стребор Людислава.
На коней садятся оба;
Всяк берет по вострой пике;
Друг на друга поскакали,
Долго бились и боролись,
Оба древка изломили
И, от боя истомяся,
Вышли вон из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет вторым на битву,
Пусть княгиня нам укажет!»
И княгиня указала
На Серпоша. Он выходит,
Вызывает Спитибора.
На коней садятся оба;
Всяк берет по вострой пике
И помчались друг на друга.
Выбил Серпош Спитибора,
Сам с коня спрыгнул он на́земь,
За мечи схватились оба —
И запрыгали удары
По щитам их по тяжелым,

И посыпалися искры.
Спитибор Серпоша ранил,
Тот на землю пал сырую.
Истомясь от боя, оба
Вышли вон из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
И воскликнул князь к боярам:
«Кто пойдет на битву третьим,
Пусть Людиша нам укажет!»
И Людиша указала
На Любора. Он выходит,
Вызывает Болемира.
На коней садятся оба,
Всякий взял по вострой пике,
И вскакали внутрь ограды.
Друг на друга понеслися,
Пики острые скрестились –
Любор выбил Болемира;
Щит его далеко прянул;
Самого ж его прислуга
Понесла из-за ограды.
Бубны-трубы загремели.
Любор в бой идет с Рубошем.
На коня садится Рубош,
Быстро скачет на Любора;
Любор вмиг копье Рубоша
Пересек мечом тяжелым
И врага в шелом ударил.
Рубош пал с коня на землю,
И взяла его прислуга.
Бубны-трубы загремели.
Любор кликнул за оградой:
«Кто теперь со мною хочет,
Выходи плечо померять!»
И пошел в народе говор.
Любор ждет-стоит в ограде.
Вот Здеслав качает пикой,
А на пике – турий череп;[1]
На коня Здеслав садится,
Горделиво похваляясь:
«Прадед мой осилил Тура,

[1] Первое употребление наследственных знаков или гербов.

Разогнал отец мой Немцев,
А меня спознает Любор!»
Друг на друга поскакали,
Лбами крепкими сразились –
И слетели оба с седел.
За мечи схватились быстро
И рубиться ими стали;
Гул стоял от их ударов;
Любор сбоку вдруг нагрянул
И в шелом врага ударил,
И разбил шелом на части.
Их мечи потóм скрестились:
Выбит меч из рук Здеслава,
Полетел он за ограду,
А Здеслав на землю рухнул.
Бубны-трубы загремели.
Обступили все Любора,
Повели пред очи князя,
И княгини, и Людиши;
И княжна венок дубовый
Возложила на Любора.
Бубны-трубы загремели.

Забой и Славой

Поднимается скала над лесом;
На скале стоит Забой могучий
И во все концы кидает взгляды.
Возмутился дух его печалью –
И Забой заплакал, что́ твой голубь.
Там сидел он долго, смутен сердцем;
Вдруг вскочил и побежал оленем
Через бор широкий и пустынный;
Побывал у каждого он мужа,
К сильному от сильного он мчался;
Речь держал короткую со всяким;
Преклонял чело перед богами
И к другим оттуда он пускался.
Минул день; за ним другой проходит,
В третий день блеснул на небе месяц.
Собрался мужи в лес дремучий;
Тех мужей ведет Забой в долину,
Что лежала меж лесов глубоко.

Сам он стал среди ложбины низкой;
В варито[1] рукою ударяет.
«Мужи с верным братским сердцем,
Мужи искренние взором!
Вам пою в глубокой я долине[2],
От глубокого пою вам сердца,
Что́ печалью возмутилось!
Наш отец ушел к отцам
И детей покинул малых,
И подруг своих покинул[3],
Не сказавши никому:
"Брат! поди, поговори ты с ними,
Как отец с родимою семьею!"
И пришел чужой в пределы наши;
Зашумел на нас чужою речью;
И как там живут с утра до ночи,
Так и нашим женам и ребятам
Жить велел, и каждому он мужу
По одной велел держать подруге
На пути с Весны и до Мораны[4].
Ясных кречетов из бору выгнал
И богов, что боги на чужбине,
Приказал любить он нашим людям
И святые сожигать им жертвы;
А своим никто не смей молиться
И в потемках приносить им пищу.
Где отец кормил богов родимых,
Где молился, где певал им славу, –
Он посек священные деревья

---

[1] Музыкальный инструмент со струнами, вроде кобзы. Это слово напоминает греческое «βάρβιτον».

[2] Певцы того времени становились или садились во время пения обыкновенно ниже тех, кому пели. В подлиннике: «Văm pěju najniži zdola piesň». Я сделал небольшое отступление, дабы сохранить параллель этого стиха со следующим.

[3] Из этого стиха видно, что в Чехии некогда было многоженство.

[4] Весною называлась у них богиня весны (jara) и молодости, а пото́м и самая весна и молодость. Морана (Morana, иначе Marana, Morena, Morěna, Morina) была, напротив, богиня зимы, смерти, а также и самая зима и смерть. Морана встречается еще в песне «Честмир и Власлав»: «Morěna jej sypaše v noc črnu» («Морена препроводила его в *царство* черной ночи»). Morěna и до сих пор самое обыкновенное слово у Чехов; например, они говорят: «Morěna na něj sáhla» («Смерть ему приключилась»). Также существует у них пословица: «Proti Morěně neni korěne» («От смерти нет лекарства»); по-нашему: от смерти не уйдешь!

И богов кумиры ниспровергнул». –
«Ты, Забой, поешь от сердца сердцу
Песню горя, как Люмир[1], что́ двигал
Вышеград[2] и все его пределы
Песнями да крепкими словами:
Так и ты меня и братьев тронул;
Доброго певца и боги любят!
Пой! от них поешь ты песни,
Что́ мутят все наше сердце
Против недруга лихого!»
Посмотрел Забой, как у Славоя
Разгорелись, раскалились очи –
И запел он песню снова,
Чтоб сердца расшевелились:
«Жило-было двое братьев.
Как уж стали голосами
На мужей они похожи,
Всякий день ходили в рощу
И к мечу, копью и млату
Приучали там десницу;
Прятали в густом лесу оружье
И с веселым сердцем возвращались.
А как стали руки братьев крепки,
Выходили братья в бой кровавый.
Втапоры, братишки их другие,
Подрастали и вослед за теми
На врагов летели, словно буря;
И отчизна их цвела в покое!»
Все к Забою, к молодцу прыгнули
И певца в объятьях сжали крепких,
Клали руки сильные на перси
И умно-разумно говорили.
До рассвету было уж недолго.
Выходили из долины мужи,
Выходили розно, темным лесом
И по всем дорогам разбрелися.

[1] Древний пророк-певец.

[2] Построение сего города приписывается некоторыми Любуше; но скорее можно думать, что он был при ней возобновлен. Это подтверждается и стихами из «Любушина суда»:

V Lubušině otně zlatě siedle,
Siedle otně, světě Vyšegradě.

Значит: Вышеград был ее наследственною столицею.

День проходит, и другой проходит;
А на третий день, как ночь настала,
В темный лес пошел Забой
И за ним пошли дружины;
В темный лес пошел Славой
И за ним пошли дружины.
Всяк покорен воеводе;
Королю же всяк там нéдруг,
Всяк его сгубить замыслил.
«Гой еси ты, брат Славой!
К голубой ступай вершине[1],
Что над всем поднялась краем!
Там сбираться надо будет.
На восток от той вершины,
Видишь, лес идет дремучий:
Там рукой ударим в руку!
Пробирайся ж ты лисицей;
Я туда ж приду с полками». –
«Гой еси ты, брат Забой!
Для чего оружье наше
Оставлять в покое долго?
Чтобы грянуть нам отсюда!» –
«Ты послушай, брат Славой,
Коль известь ты хочешь змея,
Наступи ему на горло –
Горло вражье на вершине!»
По́ лесу разбились мужи,
И направо и налево.
Эти идут, слушая Забоя,
Те – по слову храброго Славоя,
Темным лесом, к синей той вершине.
В пятый раз восходит солнце красно.
Тут вожди друг другу руку
Подают и лисьим оком
С той вершины озирают
Королевские дружины.
«Нас одним разбить ударом
Хочет Людек: вишь, полки сбирает!
Эй ты, Людек! Ты теперь холопом

[1] Нельзя точно определить, какая это была гора. На правом берегу Лабы могла быть Бездезь (Pösig), а на левом Громолан (Donnersberg) близ Милешова.

Над холопами у них поставлен!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы — дым для наших!»
Разъярился Людек;
Войско быстро он сзывает.
Много свету было в небе:
Красно солнце там играло,
И играло красно солнце
На дружинах королевских.
Все они в поход готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажет Людек.
«Гой ты, брат Славой!
Ты зайди лисицей сзади,
Я ж ударю им навстречу!»
И пошел Забой, как туча с градом,
И Славой пошел, как туча с градом:
Этот с боку, тот ударил прямо.
«Брат! Вон эти лиходеи,
Что́ богов и нас низвергли,
Порубили рощи наши,
Ясных кречетов прогнали.
Нам пошлют победу боги!»
Разозлился Людек, заметался;
Он из полчищ на Забоя вышел;
И Забой, сверкая взором, встретил
Людека. Что́ дуб схватился с дубом
Средь лесов: так Людек на Забоя
Налетел среди обеих ратей.
Людек поднял тяжкий меч
И пробил в щите три кожи;
Тут Забой пускает молот —
Людек в сторону отпрянул;
Угодил тяжелый молот,
Угодил он в дуб высокий —
Дуб на воинов свалился,
И к отцам пошло их тридцать.
Разъярился Людек: «Зверь ты дикий,
Злющая ты гадина, ехидна!
Ну-ка выйди на мечах со мною!»
И махнул Забой мечом:
Отлетел у сопостата
От щита большой осколок.

Людек сам удар заносит –
Да скользнул булат по коже,
Что́ была посверх щита Забоя
Распалились оба воеводы,
Сыпали тяжелые удары
И забрызгали друг друга кровью;
Все в крови и воины их были,
Что вокруг вождей рубились крепко.
На полудне стало солнце
И пошло уж к вечеру с полудня;
Но вожди без умолку все бились.
Здесь кипела яростная сеча,
Да и там Славой сражался ладно.
«Ах ты враг без угомону!
Чтобы взял тебя нечистый!
Что ты кровь-то нашу точишь!»
И Забой свой молот поднял:
Да отпрыгнул Людек!
Поднял тот свой молот снова
И пустил им в сопостата;
Молот свистнул – вражий щит разбился,
И разбились Людековы перси;
А душа из тела полетела;
Молот выпугнул оттуда душу
И пронесся в войско на пять сажень.
Страх напал на вражьи рати,
Вырывая вопль из их гортани.
У Забоя ж люди веселились,
И в очах у них играла радость.
«Братья! Боги дали нам победу!
Разделитесь, братья, на две части –
И в поход направо и налево!
Изо всех долин коней сгоняйте:
Пусть заржут они в дубравах этих!»
«Брат Забой! Удалый лев!
Бей врагов ты без пощады!»
Щит Забой на землю бросил,
В руку взял тяжелый молот,
А в другую – меч булатный,
И дорогу меж врагами
Проложил себе он разом.
Зашумели, дрогнули дружины!
Тут погнал их с тылу Тряс могучий,

И они со страху завопили.
Кони ржут в густом лесу.
«На коней и за врагами!
Через весь их край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятам злодеев наших!»
И отряды на коней вскочили,
Скок-поскок погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лес, равнины —
Справа, слева все назад бежало.
Вдруг река шумит пред ними,
За волнами волны катит.
Воины спрыгнули в реку
И врагов перед собой погнали.
Тут чужих топили наши волны,
А своих на берег выносили.
Все летал над теми над полями
На широких крыльях лютый коршун,
И гонял он малых пташек;
А дружины смелые Забоя
По полям, рассыпавшись, бежали
За врагами, их разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, как светúл им месяц:
Гнали днем, когда светило солнце.
Там опять скакали ночью,
Там зарей на утре сером.
Вдруг река шумит пред ними,
За волнами волны катит.
Воины спрыгнули в реку
И врагов перед собой погнали.
Тут чужих топили наши волны,
А своих на берег выносили.
«Ну, к седым туда вершинам,
Там конец кровавой мести». —
«Ты послушай, брат Забой:
До горы уж недалеко,
И врагов немного стало;
Да и те о жизни молят!» —
«Так назад веди дружины!
Я ж пойду и доконаю
Всех последних Королевцев!»

В том краю прошли метели;
В том краю прошли дружины,
В том краю, направо и налево;
Там и сям дружины ви́дны,
Крики радостные слы́шны.
«Брат, уж вот она, вершина,
Где нам боги шлют победу!
Там из тел выходят души
И порхают по деревьям;
Зверь и птицы их боятся,
Не боятся только со́вы.
Погребать пойдем убитых
Да богов своих покормим,
Принесем большие жертвы
Им, спасителям народа;
Возгласим и честь и славу
И положим все пред ними,
Что у не́другов отбили!»

Збигонь

Сиз летал голубчик
По кустам зеленым;
Высказывал горе
Он темному лесу:
«Ах! ты, лес широкий!
Здесь летал я прежде
С дорого́й подружкой,
С голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недруг отнял,
И в каменный город
Он бедняжку запер!»
Под стенами за́мка
Мо́лодец гуляет;
О красе-девице
Воздыхает, плачет.
От того ли за́мка
Уходил он в горы;
На горе́ садился
И молчал он долго
Вместе с лесом темным.

Вот летит голубчик,
Жалобно воркует.
Мóлодец удáлый
Голубчику молвил:
«Что ты, сиз-голубчик,
Стонешь так и плачешь?
Али одиноким
Ты живешь на свете?
Али сокол быстрый
Заклевал подружку?
У меня вот Збигонь
Милую похитил
И в каменном зáмке
Дорогую запер.
Ты бы, сиз-голубчик,
С соколом подрался,
Кабы сердце было
У голубя храбро.
Ты бы ведь подружку
У злодея отнял,
Кабы востры когти
У тебя случились.
Ты задрал бы, сизый,
Вора-лиходея,
Лишь родись ты с клёвом,
С крепким, плотоядным!» –
«Мóлодец удáлый!
Ну-ка поднимайся
И ударь ты смело
В Збигоня-злодея!
У тебя ведь сердце
Нетрусливо, храбро!
У тебя ведь латы,
Ратные доспехи;
У тебя ведь молот,
Молоток железный!»
И пошел он долом
И дремучим лесом;
Взял броню с собою
И железный молот.
Вот под стены зáмка
Мóлодец приходит.
Был он под стенами –

Ночь, ни зги не видно!
Он рукою сильной
Постучал в ворота.
«Кто за воротами?» –
Из за́мка спросили.
«Молодой охотник
Ночью заблудился!»
Отперли ворота.
Он еще ударил:
Отперли другие.
«Где владыка Збигонь?» –
«В терему высоком!»
Там он затворился;
Там краса-девица
Молодая плачет.
«Отворяй-ка двери!»
Збигонь не послушал.
Мо́лодец ударил
Молотом железным –
Распахнулись двери!
В голову он после
Збигоня ударил –
Збигонь повалился.
Юноша по за́мку
Побежал и в за́мке
Все побил живое;
А потом с подружкой,
С дорогою, с милой,
Спал он до рассвету.
Разыгралось солнце,
Сквозь деревья светит
На каменный город.
Разъигралась радость
У мо́лодца в сердце,
Что красу-девицу
Обнимал он снова
Сильною рукою.
«Это чья ж голубка?» –
«Збигонь ту голубку
Изловил в дубраве
Да и запер пташку,
Как меня, бедняжку!» –
«Так лети ж, голубка,

Ты теперь из за́мка!»
Вот и полетела
В лес она широкий;
Там и сям порхала
С кустика на кустик;
Со своим ли другом,
С голубочком сизым,
На одной на ветке
Ночку ночевала.
Веселилась дева
С мо́лодцем уда́лым;
Там и сям гуляла,
Где млада хотела.
И спала с любезным
На одной кровати.

Олень

Скачет олень по долинам,
Прыгает он по горам,
Носит по целому краю,
Носит крутые рога́.
Режет крутыми рогами
Сучья в дремучем лесу;
По лесу летмя летает,
Скачет на быстрых ногах.
Хаживал мо́лодец в горы,
Долом широким на брань;
Тяжкие нашивал стрелы,
Вражью мочь поражал.
Доброго мо́лодца нету! —
Лютый нагрянул злодей,
Злобой глаза распалились,
Молот железный сверкнул,
Юношу в перси ударил,
Всплакались темны леса;
Вышла из мо́лодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горлом пошла лебединым;
В алы порхнула уста.
Вот он лежит; за душою
Точится теплая кровь;

Кровь молодецкую тихо
Пьет мать сырая земля.
Сердце у девицы каждой
Стонет и больно болит.
Юноша в хладную землю,
В хладную землю зарыт;
Дуб на нем вырос, дубочек,
Ветви пустил широко́.
Ходит олень круторогий,
Скачет на прытких ногах,
Щиплет зеленые листья
Он на дубу молодом.
Быстрые кречеты вьются,
Из лесу к дубу летят,
Голосом жалким выводят:
«Молодца враг погубил!»
Горькими плачут слезами
Красные девы по нем.

Венок

Как подул, повеял ветер
Из дубравы княженецкой.
Прибежала красна девка
Зачерпнуть воды на речку.
Глядь: а к ней венок зеленый
По волне плывет студеной,
Перевит венок цветами,
Алой розой, васильками.
Вот она ведро становит
И венок зеленый ловит,
Да, ловивши, оступилась,
В воду с берега скатилась.
«Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой венок, венок зеленый:
Я тому позолоченый
Подарила бы в гостинец
До́рог-перстень на мизинец.
Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя срывала,
Чья рука тебя срывала,
Тонким шелком увивала:

Я тому бы втихомолку
Из косы дала иголку[1].
Кабы ведала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой венок, венок зеленый,
На простор волны студеной:
Я дала б тому веночек –
Пусть наденет мил-дружочек!»

Ягоды

Раз моя краса-подруга
В лес по ягоду пошла;
Уколола белу ножку
Ей терновая игла,
И ступить уж на дорожку
Красна дева не могла.
«Ах ты терн, ты терн колючий,
Что́ со мною сделал ты?
Изведу тебя за это,
Вражьи вымету кусты!» –
«Подожди в дубраве темной
Ты, красавица, меня:
Дай пригнать мне из долины
Белогривого коня!» –
Борзый конь в долине ходит,
Травку-травушку жует;
А в дубраве-то в зеленой
Молодца подруга ждет;
Про себя все тужит, тужит,
Тихо молвит иногда:
«Что-то скажет мне родная?
Знать, пришла моя беда!
Мать говаривала: сердце
Ты от мо́лодцев храни!..
Да чего ж мне их бояться,
Коль со мной добры они?»
На коне на белогривом
Прискакал к подруге я

[1] Это было украшение головы у славянских девушек. Они носили также и венок, который снимался после свадьбы. Украшение, вроде чепца, надевали замужние женщины по рождении первого ребенка.

И серебряной уздечкой
Привязал в лесу коня.
Обнял крепко дорогую,
Целовал ее в уста –
И про терн, про терн колючий
Позабыла красота!
Мы ласкались, миловались;
Солнце к вечеру пошло.
«Ах, пора, пора, мой милый;
Нам домой пора, в село!»
На коня вскочил я быстро
И проворною рукой
Обхватил красу-девицу
И поехал с ней домой.

Роза

Ах, зачем, зачем ты, роза,
Распустилася так рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла
И, увянувши, упала!
Долго я вечор сидела,
Петухи уж прокричали:
Я млада еще сидела;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорела.
Я заснула – мне приснилось,
Что с руки-то у бедняжки
Перстенечек спал заветный,
Выпал камень самоцветный.
Не нашла я камня снова,
Не дождáлась я милóва!

Кукушка

В чистом поле рос дубочек,
Там кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вечно в поле.
Кабы все весна-то в поле,
Как бы жито вызревало?

Кабы лето вечно было,
Как бы яблоко доспело?
Как бы мог прозябнуть колос,
Кабы осень все стояла,
Было б горько, было б тяжко
Красной девице без друга!

Сирота

Ах, леса, леса вы темные,
Вы леса ли Милетинские![1]
Что́, леса, вы зеленеете
В лето, в зиму одинаково?
Рада, рада б я не плакала,
Не мутила бы сердечушка:
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачет здесь?
Где мой батюшка, родимый мой?
В мать земле сырой зарыт лежит!
Где моя родная матушка?
И над нею травка выросла!
Нет ни брата, ни сестрицы нет!
Мила-друга люди отняли!

Жаворонок

Коноплю красна девица
В огороде барском полет.
«Что́ смутна ты, что́ печальна?» —
Деве жаворонок молвил.
«Как могу я жить весельем,
Птица-жаворонок малый?
Моего мило́ва друга
Посадили в крепкий за́мок!
Кабы мне перо, бумаги:
Написала бы я к другу,
И с тобой бы в ту сторонку
Я письмо свое послала.

[1] Милетин, за́мок в Быджовском округе; принадлежал некогда влиятельным князьям.

Нет пера и нет бумаги!
Так лети ж один отсюда:
Спой ты песню дорогому
Про мою тоску-кручину!»

Сейм

.....
.....
Всяк отец над челядью владыка:
Мужи пашут, жены шьют одежу:
А умрет глава, начальник дома —
Дети вместе начинают править
И становят над собой владыку,
Что́ за них всегда на сеймы ходит;
Вместе с ним для пользы братий ходят,
Ходят кметы, лехи и владыки.
Встали кметы, лехи и владыки;[1]
Похвалили правду по закону.

Любушин суд

Гой, Влетава! Что́ ты волны мутишь,
Сребропенные что́ мутишь волны?
Подняла ль тебя, Влетава, буря,
Разогнав с небес широких тучу,
Оросивши главы гор зеленых,
Разметавши глину золотую?
Как Влетаве не мутиться ныне:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуют крепко
Меж собой за отчее наследье:

[1] Слово кмет употреблялось различным образом: иногда означало оно обыкновенного селянина, как теперь у Поляков «kmieé»; в другой раз «кметом» назывался близкий человек к князю, его советник, и преимущественно оно имело это значение. Иногда же под словом «кмет» разумелся начальник известного округа, подобный польскому старосте; а в песне «Людиша и Любор» означает важного сановника. Лех — богатый владетель, правитель; от них впоследствии произошли магнаты. Самое слово «лех» ныне исчезло и только слышится в происшедшем от него «Szlechtic» или «Szlachcic». Владыка — владетель небольшого участка, мелкий дворянин. Из них образовалось рыцарство и среднее дворянство. Лехи и владыки могли быть кметами, не переставая носить прежнее название.

Лютый Хрудош от кривой Отавы[1],
От кривой Отавы златоносной,
И Стяглав с реки Радбузы[2] хладной;
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба родом от старого Тетвы,
Попелова сына, иже прибыл
В этот край богатый и обильный
Через три реки[3] с полками Чеха.
Прилетела сизая касатка,
От кривой Отавы прилетела,
На окошке села на широком,
В золотом Любуши стольном граде.
Стольном граде, светлом Вышеграде;
Зароптала, заплакала горько.
Как сестра касатки той родная
Эти речи в доме услыхала —
Позвала княжну Любушу в город
Учинить великую расправу,
Звать на суд ее обоих братьев
И решить их дело по закону.
Шлет послов княжна из Вышеграда
Святослава кликать из Любицы[4],
От Любицы белой и дубравной;
Лютобора витязя, что правил
На холме широком Доброславском,
Где Орлицу пьет синяя Лаба;
Ратибора с Керконош высоких,
Где дракона ярый Трут осилил;

---

[1] Отава, чаще Вотава, река в Южной Чехии. В этой реке находили золотой песок, почему и город, неподалеку оттуда лежащий, называется Pisek. При городе Звекове (Klingenberg) впадает во Влетаву.

[2] Река, впадает при Пильзене во Мжу (Mies), которая, называясь далее Берункою (Beraun), впадает близ Праги во Влетаву. Свобода говорит, что в этих местах еще доселе сохранилось предание о враждовании двух братьев.

[3] Некоторые, выводя Чехов из Славонии, полагают, что это были Драва, Раб и Дунай; другие же, которые считают Чехов пришельцами из Белой Хорватии, от Карпатских Гор, видят в этих трех реках Вислу, Одру и Лабу, а также и Грон, Ваг и Мораву.

[4] Любица, близ Подебрад. Доброславский холм — можно думать, что на этом месте находится теперь Králové Hradec (Königgrätz). Керконоши — Riesengebirge. Сказание о Труте, победившем Дракона, и до сих пор живет в народе. В гербе города Трутнова сохраняется изображение дракона. О Каменном мосте упоминается в грамоте князя Спитигневи, данной Лютомерицкому Собору в 1057 г. Где был этот мост — определить точно невозможно. Сазава — река, вытекающая из Южной Чехии; близ Праги впадает во Влетаву.

Радована с Каменного моста,
Ярожира от вершин ручьистых,
Стрезибора от Сазавы злачной,
Самородa со Мжи сребpоносной,
Кметов, лехов и владык великих,
И Стяглава и Хрудоша братьев,
Что́ за отчину враждуют крепко.
Как собрались лехи и владыки
В Вышеграде у княжны Любуши,
Всякой стал по сану и по роду;
К ним тогда княжна в одежде белой
Вышла, села на престоле отчем,
На престоле отчем, в славном сейме.
Вышли две разумные девицы,
С мудрыми судейскими речами;
У одной в руках скрижали правды,
У другой же — меч, каратель кривды;
Перед ними пламень правдовестник,
А за ними воды очищенья.
Начала княжна такое слово
С золотого отчего престола:
«Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Рассудите братьев по закону,
Рассудите братьев, что враждуют
Меж собой во отчее наследье.
Вы скажите нам святую правду
От богов всеведцев присносущих:
Вместе ль станут без раздела править
Иль на части равные раскинут.
Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Приговор мой разрешите ныне,
Коли вам по разуму придется;
А не то, закон поставьте новый,
Да рассудит разлученных братьев».
Поклонились лехи и владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихие меж ними,
В похвалу речей княжны Любуши.
Лютобор, что проживал далече
На холме широком Доброславском,
Встал и начал к ней такое слово:
«О, княжна ты наша в Вышеграде,
На златом отеческом престоле!

Мы твое решенье рассудили;
Прикажи узнать народный голос».
И тогда собрали по наказу
Девы-судьи голоса́ народа,
И, в сосуд священный положивши,
Лехам дали прокричать на вече.
Радован от Каменного моста
Голоса́ народа перечислил
И ко всем сказал решенье сейма:
«Сыновья враждующие Клена,
Братья родом от старого Тетвы,
Попелова сына, иже прибыл
В этот край богатый и обильный
Через три реки с полками Чеха!
Ваше дело так решилось ныне:
Управляйте вместе без раздела!»
Встал тут Хрудош от кривой Отавы,
Закипела желчь в его утробе,
Весь во гневе лютом он затрясся
И, махнув могучею рукою,
Заревел к народу ярым туром:
«Горе, горе молодым птенятам,
Коль ехидна в их гнездо вотрется!
Горе мужу, если он попустит
Управлять собой жене строптивой!
Мужу должно обладать мужами,
Первородному идет наследье!»
Поднялась Любуша на престоле,
Молвя: «Кметы, лехи и владыки!
Мой позор свершился перед вами —
Так творите ж ныне суд и правду
Меж собою сами по закону:
Править вами не хочу я боле!
Изберите мужа, да приимет
Власть над вами он рукой железной,
А руке моей, руке девичьей,
Управлять мужами не под силу!»
Ратибор, что́ с Керконош высоких,
Встал и к сейму речь такую начал:
«Нам не след искать у Немцев правды,
По святым у нас законам правда:
Принесли ту правду наши предки
Через три реки на эту землю».

Песня под Вышеградом

Гой ты, солнце ясно,
Вышеград наш крепкий!
Что стоишь высоко
Твердою твердыней,
Твердою твердыней,
Страхом сопостату!
Под тобою речка,
Быстры волны катит,
Под тобою речка,
Ярая Влетава.
Близко той Влетавы,
Той Влетавы чистой,
Выросла дубрава –
Летняя прохлада.
Весело там песни
Соловей заводит,
Весело и смутно:
Как его сердечко
Скажет и прикажет.
«Ах! зачем не пташка
Я, не соловейка:
Полетел бы в поле:
Там, в широком поле,
Вечерами поздно
Милая гуляет.
Всех об эту пору,
Всех любовь тревожит;
Всякое созданье
В час вечерний просит
У любви отрады.
Так и я, бедняга,
Все тужу по милой.
Сжалься, дорогая,
Ты над горемыкой!»

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

Стихотворный перевод, пояснения и примечания Ивана Новикова

1939

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Забой и Славой[1]

Высится скала из чернолесья,
На скалу выходит сильный Забой,
Все края кругом он озирает,
От краев тех дух в нем замутился,
Он заплакал плачем голубиным.
Так сидел и горевал он долго.
Вдруг взметнулся, как олень, и бегом —
Лесом вниз, пустынным, долгим лесом!
Быстро поспешал от мужа к мужу,
К сильному от сильного в округе,
Коротко и тайно говорил всем,
Клал богам поклоны
И спешил к другому.

И минул день первый,
И минул второй день.
Как луна в ночи взошла за третьим,
Собрались мужи в чернолесье,
К ним пришел и Забой,
Отвел их в долину,
В низкую долину,
В глубину лесную.

[1] Перед текстом поэмы в рукописи имеется строка, носящая характер заголовка: «Начинается о великом побоище». Эта поэма, так же, как и «Честмир и Власлав», рисует нам древнюю эпоху язычества. Относительно времени описываемых в ней событий мнения различных исследователей расходятся. Сообщение о нашествии чужеземцев, насильственно и жестоко внедрявших христианство, делает вероятным, что события происходят в очень давние времена. Но, может быть, не следует искать точных дат, относя, например, все происходящее к VII или VIII в. Пожалуй, вернее считать это произведение обобщенным народным преданием о временах борьбы язычества с христианством. В этой вещи особенно живо чувствуются ее древние народные истоки.

И ступил тут Забой,
Стал на дно оврага,
Взял варито[1] звучное.

«Мужи, братья сердцем,
Искренние взором!
Вам пою я снизу
Глубинную песню,
Песнь идет из сердца,
Залитого горем,
С глубины сердечной.

К праотцам отшедши,
На земле оставил
Отец своих деток
И своих любимых.
Никому не молвил:
"Брат, ты говори им
Отчими словами!"

И пришли чужие,
На родину вторглись
И словами чуждыми
Нам повелевают.
И как что творится
В тех чужих пределах
От утра до ночи —
Так же должно делать
Нашим детям, женам.
И одну подругу
Нам иметь дозволено
С юности до смерти[2].

Коршунов всех враг из рощ повыгнал,
И чужим богам — земли, нам чуждой,

[1] Варито — многострунный инструмент, похожий на лиру. Вторым музыкальным инструментом у чехов были гусли.

[2] В этой страшной картине насильственного навязывания чужих верований особо следует отметить запрещение многоженства. По свидетельству хрониста Фредегара, древний чешский герой VII в. Само имел 12 жен, 22 сына и 15 дочерей.

Словами «юность» и «смерть» мы перевели, в соответствии с их значением, имена богинь — Весны и Мораны (зима, смерть).

Поклоняться надо,
Приносить им жертвы,
Пред богами нашими
Не склонять чела,
В сумерки не сметь давать им яства,
Как отец давал им эти яства;
И куда ходил к богам молиться,
Там враги посекли все деревья,
Наших всех богов посокрушили»[1]. —

«Ах ты, Забой, Забой!
Ведь от сердца к сердцу
Песнь поешь ты горькую!
Как когда-то Люмир[2]
Песней и словами
Вышеград потряс с его округой,
Так меня ты тронул и всю братью:
Доброго певца и боги любят!
Пой! От них та песня
В сердце на врагов!»

Взглянул Забой, пригляделся Забой,
Как у Славоя горели очи, —
Пеньем далее сердца тревожил:

«В лес ходили два сына,
Голоса их окрепли,
Как у мужей.
Там они молотом,
Копьем и мечом
Руки крепили.
Там укрывались
И возвращались сторожко.

И как выросли, окрепли мышцы,
И умы против врагов окрепли;

[1] Эти строки дают очерк древних жертвоприношений домашним богам, от которых следует отличать так называемых «бо́гов-спасов», упоминаемых и в этой поэме, и в «Честмире и Влаславе», где подробно описывается жертва, им приносимая.

[2] Люмир — неизвестный древний поэт, что-то вроде нашего Бояна из «Слова о полку Игореве». Подобно Бояну, он представляется вещим, словом своим движет он города. Песни самого Забоя вдохновляют на бой с врагами.

И другие вырастали братья,
На врагов ударили согласно;
И был гнев их, как гроза на небе,
И, когда в отчизну воротились,
Воротилось и былое счастье»[1].

К Забою все вниз тогда скакали,
Обнимали сильными руками;
И с груди на грудь другую
Очередью клали руки
И слова к словам разумно клали.
Ночь уж к утру близко подступала,
Выступили из долины розно,
Между деревами –
Пробирались всюду между лесом.

*

И минул день первый,
И минул второй день,
И еще минул день,
И спустилась ночка, –
Забой идет лесом,
С Забоем дружина,
Славой идет лесом,
С Славоем дружина:
У всех верность к воеводе,
У всех зло на короля,
И оружие на короля.

«Эй ты, Славой, брат мой!
Туда, к горе синей,
Что над краем встала –
Наш поход на гору!
От горы навстречу солнцу –
Там темнее темный лес,
Там дадим друг другу руки,
Лисьим скоком пробирайся,
Буду за тобою вслед!» –

[1] В этом рассказе Забоя о самом себе и о Славое, а также о других юношах, возросших и прогнавших врагов из отчизны, усматривали кровное родство героев поэмы между собою. Нам кажется вернее считать их не родными братьями, а скорее братьями по дружбе, как детей одной матери – родины.

«Эй ты, Забой, брат мой!
Отчего напасть нам
С горы – не отсюда?
Двинем силу против
Королевской силы!» –

«Эй ты, Славой, брат мой!
Если хочешь змея
Раздавить, на голову
Стань. Там голова его!»
Разошлися мужи лесом,
Кто направо, кто налево –
Забой так сказал: туда вы!
Быстрый Славой так сказал: сюда вы! –
К горе синей глубиною леса.

*

Пятый раз восходит солнце,
Подают друг другу руки,
Лисьим оком озирают
Королевские войска.

«Людек против нас войска наводит,
Под один удар войска подводит...
Людек, гей! Ты раб,
Рабов королевских раб!
Ты скажи от нас тирану:
Повеленья его – дым!»

Разъярился Людек,
Скорым голосом войска сзывает.
Поднебесье было полно блеску,
Солнца блеск был ярок на оружьи –
На оружьи королевских войск.
Все готовы: ноги в шаг подъяты,
Людек знак подаст – рука к оружью!

«Эй ты, Славой, брат мой!
Лисьим скоком пробирайся,
Я ж ударю им в чело!»

Нападает Забой
Прямо в лоб, как град.
Нападает Славой
В бок им, словно град.

«Брат! Они, вот эти,
Богов наших сокрушили
И деревья порубили,
Наших коршунов прогнали –
Боги нам дают победу!»

А и ярость Людека схватила,
Из толпы на Забоя он вышел,
Выступил на Людека и Забой,
Из очей врагу метая пламя.
Будто дуб стремится против дуба,
Выступив из лесу[1],
Так и Забой к Людеку помчался
Перед войском.

И мечом ударил Людек,
Пересек в щите три кожи;
Забой молотом ударил,
Людек ловкий отскочил,
В дерево ударил молот,
И на войско пало дерево:
Тридцать душ пошло к отцам.

Разъярился Людек:
«Эй ты, кровожадный,
Ты исчадье гадов,
Ну, сразись мечом!»

[1] Войска – как лес, вожди – как выступившие вперед крепкие дубы. В поэме «Ольдрих и Ярмир» в самом имени одного из вождей запечатлена та же картина выступающего из леса дуба – Выгонь-Дуб. Замечательно, что типичная пейзажная деталь, встречающаяся нередко, – дуб, как бы выбежавший за опушку леса, – воспринимается в народном творчестве эпохи войн за национальное существование как чисто военный образ. Интересно сопоставить, как такой пейзаж также олицетворяется Т. Г. Шевченко:

И дуб зеленый, как казак,
Что вышел из лесу и пляшет
По-над рекой...
(*Перевод Е. А. Благининой*)

Забой тут махнул мечом,
Отрубил кусок щита он,
Людек также бьет мечом,
Да скользнул булат по коже.
Загорелись оба биться,
На себе все изрубили,
Обагрили кровью круг.
Все кругом залито кровью:
Бьется вся дружина –
В лютой сече бьется.

Солнце перешло на полдень,
А от полдня уже к вечеру,
И всё бьются, бьются,
Здесь и там, не уступая:
Бились здесь, где Забой,
Бились там, где Славой.

«Эй ты, бесом одержимый!
Кровь зачем ты нашу пьешь?»
Схватил Забой молот,
Людек вновь отпрянул;
Поднял Забой молот,
Бросил во врага;
Летит сверху молот –
И распался щит,
За щитом распалась
Людекова грудь.
Испугалась душа молота,
Молот вышиб душу,
На пять сажен в войско выбросил.

Страхом полон крик из вражьих глоток,
И из уст в уста гремела радость
По рядам у Забоя дружины
И во взорах радостных искрилась.

«Эй, брат, боги нас победой
Подарили!
Эй, отряд один – направо,
Эй, отряд один – налево!
Из долин коней сведите,
От коней шумит весь лес!» –

«Эй ты, Забой, брат мой!
Лев ты мой удалый,
Бурей на врагов шуми!»

И отбросил Забой щит,
Он мечом и молотом
Оберучь пролагает
Пути меж врагов.
И вопить враги стали,
Уступать враги стали[1],
Тряс-испуг[2] их с побоища гонит,
Крики страх из груди исторгает.

От коней шумит весь лес.
«Гей, на коней!
На конях за врагами
Всюду, повсюду!
Быстрые кони, несите
По пятам за ними –
Ярость несите нашу!»

*

И вскочили на коней отряды,
И скок-на-скок гнались за врагами,
И удар за ударом – им гибель!
Миновали равнины,
Леса миновали и горы,
Справа и слева – бежит все назад.

Вот река свирепо
Катит вал за валом,
И шумело войско скок-на-скок,
Через реку бурную – за врагом!

Волны топили много чужих
И выносили на берег своих –
С берега на берег.

[1] Обращает внимание, что эти две строки: «И вопить враги стали, уступать враги стали» почти точно повторяются в поэме «Бенеш Германыч»: «И вопить стали немцы, и бежать стали немцы».

[2] Тряс – олицетворение ужаса, бог ужаса (см. в поэме «Честмир и Власлав»).

Над полями здесь и там
Дикий коршун распускает
Свои длинные крыла –
Он за пташками летает.
Так и Забоя дружина
Разогналась широко,
По всем областям далёко
Люто гналась за врагами,
Поражала их везде
И топтала их конями.
Гнались люто при луне,
Гнались люто и при солнце,
А потом и темной ночью,
После ночи – поутру.

А река свирепо
Катит вал за валом,
И шумело войско скок-на-скок,
Через реку бурную – за врагом!
Волны топили много чужих
И выносили на берег своих –
С берега на берег.

«К седым горам – туда!
Там добушует мщенье!» –

«Эй ты, Забой, брат мой!
Уже близки горы,
И врагов лишь кучка –
О пощаде просят!» –

«Мчись туда, обратно!
Я ж сюда направлюсь –
Гибель королевским!»

Ветер по стране бушует,
По стране бушует войско,
По стране – направо и налево –
Всюду войск большие толпы,
Всюду радостен их крик:

«Вот и серая гора!
Боги нас победой
Там подарили!

Много душ летает
Там по деревьям[1].
Их боятся птицы,
Их боятся звери,
Смелы только совы!
Погребли там трупы,
Божествам же — яства,
Бóгам-спасам — жертвы,
Обильные жертвы,
Воспоем молитвы,
Посвятим им вражее оружье!»

***

Честмир и Власлав[2]

Велит Нéклан встать к войне,
Призывает княжьим словом —
Против Влáслава.
Встали воины к войне,
Покоряясь княжью слову, —
Против Влáслава.
Величался Власлав-князь
Победой над Некланом —
Славным князем.

Он пустил меч и огонь
В Неклановы земли,
Он над хищными мечами

[1] Души умерших летали до погребения. Это верование язычников-чехов отмечено и в поэме «Честмир и Власлав».

[2] О вражде между Влаславом, князем Лучанским, и Некланом, который был седьмым по счету князем Пражским, и «о победе над Влаславом», как значится в Краледворской рукописи, сохранились подробные сказания в чешских хрониках, записанные по устным народным преданиям. Иные из этих подробностей, казалось бы, так и просятся в поэму, если бы ее писал поэт, отделенный от событий целым тысячелетием и располагающий старою хроникой. Так, злой и коварный Власлав, задумавший покорить всю Чешскую землю, будто бы послал по землям своим меч с повелением, чтобы всякий, кто ростом выше этого меча, шел в его войска; он грозил приставить щенков к груди неприятельских жен и т. п. Однако этих характерных деталей мы не находим в поэме, хотя поэт и отмечает наличие множества собак в лагере Власлава. Но, с другой стороны, в хрониках нет, например, весьма существенного эпизода об измене Крувоя, все же сохранившегося, по-видимому, в народной памяти.

Событие, легшее в основу поэмы, относится к IX в.

Своих воинов кричал –
Поношенье Неклану.

«Чмир[1], веди дружину в бой,
Дерзко вызывает нас
Чванный Власлав!»

*

Взрадовался Чмир и встал,
Радостно снял щит свой черный –
Щит двузубый, за щитом –
Молот, шлем несокрушимый,
И под каждым из дерёв
Жертвы возложил богам он.

И войска сзывает Чмир,
Воинов сзывает буйно.

Вскоре войско ряд за рядом
Тянется еще до солнца;
Тянется и весь день,
И как солнце скрылось –
Все туда, к пригорку.

А и дым поднялся –
Над селами дымно,
В селах плач, стенанье,
Горестные стоны.

«Кто пожег все села?
Кто заставил плакать?
Кто же? Это Власлав?
Будь последним то злодейство!
Пагубу и мщенье
Воины мои несут!»

Отвечали воеводе Чмиру:
«Крувой, Крувой скаред –
Угонял стада он,
Селам творил горе
Огнем и мечом.

[1] Чмир – сокращенное имя Честмир.

Все, что было доброго,
Истребила злоба,
То крутая злоба:
Взял он воеводу!»

Тут на Крувоя Чмир загневился:
Из груди широкой
Злоба разлилася
По всем его членам.

«Воины, – сказал он, – завтра
Распалим всю нашу ярость,
А сейчас вы отдыхайте!»

*

Горы стоят справа,
Горы стоят слева,
И на их вершине,
Высокой вершине
Ясно солнце смотрит.
По горам отсюда,
По горам оттуда
Всё идут войска для битвы.

«К замку! Эй, туда –
К замку на скале!
Крувой держит там
Воймира в плену!
С ним и дочь его,
Что тот взял в лесу
Под седой скалой –
Там он Неклана поносит.
А ведь верность обещал,
Руку верную давал!
Но рукою и словами
Наводил беду на люд.
Эй, туда – на выси, к замку,
К замку, воины, идите!»

И сомкнулись воины,
Градоносной тучей
Устремились к замку
По Чмирову слову.

Щит на щит передние покрылись,
Опирались задние на копья,
В поперечины между деревьев.
И высоко над вершиной леса
Загремели их мечи у замка,
Супротив мечей они рубились –
Тех мечей, что в замке[1].
И метался в замке Крувой,
И, как бык, ревел там Крувой,
Подбодряя люд свой криком.
Падал меч его на пражан,
Будто дерево по горам,
Что дубы в скалах сбивает:
Так же много близко к замку
Ратных Неклана людей.

Чмир велит ударить в замок сзади,
Спереди перескочить ограду.
И бойцы высокие деревья,
Пред оградой росшие, склонили –
Вплоть к ограде кроны преклонили,
Чтобы бревна сверху по деревьям
Скатывались по-над головами.
И под ними спереди те стали,
Что особой отличались силой,
И один к другому стали тесно
Крепкими, широкими плечами.
Положили на плечи деревья,
Привязали крепкою веревкой,
Около себя поставив копья.
И на тот помост другие скачут,
И кладут себе на плечи копья,
И крепят их новою веревкой.
Третий раз вскочил на этот новый,
А четвертый поднялся на третий,
Пятый вырос к самым тем бойницам,
Где мечи сверкали,
Где шипели стрелы,
И откуда бревна низвергались.

Льются бурно пражане потоком
Через стены, захватили замок[1].

[1] Великолепное описание штурма, отважно и искусно осуществляемого воинами Чмира.

«Выйди, Воймир, с дочкой своей милой,
Выдь из башни благодатным утром!
На скалу ступай и там увидишь:
Пал в крови там Крувой
Под секирой мести».

Вышел Воймир благодатным утром,
С дочерью прекрасною он вышел,
Крувоя-врага в крови увидел.
Чмир добычу возвратил народу,
А с добром и девица вернулась.

Воймир тут хотел принесть и жертву –
В тот же час на этом самом месте.
«Воймир, Воймир! – призывает Честмир. –
Шаг направить мы должны к победе!
Отложи на время эту жертву,
Боги Власлава хотят повергнуть.
Солнце как достигнет до полудня,
Надлежит и нам прибыть в то место,
Где войска провозгласят победу.
Вот врага оружие: возьми-ка!»

И обрадовался Воймир сильно,
Со скалы вскричал – в лесу отдалось,
Сотряслись деревья в шири леса!
Из гортани так вскричал могучей:
«Не гневитесь, боги, на слугу вы,
Что сегодня не возжег вам жертвы!»

Честмир молвил: «Жертва пусть за нами,
На врагов поспеть скорей нам надо!
На коня садись теперь и быстро
Пролетай леса оленьим скоком!
Ты лети в дубраву, есть скала там,
Мила богам, и на вершине
Принесешь ты жертву бóгам-спасам[1] –

[1] «Скала, милая богам», вероятно, названа так потому, что на ней обычно приносились жертвы «бóгам-спасам».

За победу прошлую,
За победу новую.
Прежде, чем на тверди,
На небесной тверди
Солнце рано встанет,
Ты придешь на место.
И раньше, чем солнце
Вторым шагом ступит,
Третьим шагом станет
Над лесной вершиной, –
Уж войска прибудут
Туда, где повеет
Твоя жертва дымом:
Там склонится войско,
Что туда прибудет».

*

На коня садился Воймир, быстро
Пролетал леса оленьим скоком –
В ту дубраву, где скала стояла,
Там возжег он жертву на вершине
Своим бо́гам-спасам –
За победу прошлую,
За победу новую.

В жертву жирную принес он телку,
Рыжей шерстью лоснилась та телка,
Яловку у пастуха купил он –
Там, в долине, где высоки травы,
Отдал за нее коня с уздою.

И пылала жертва,
Приближалось войско
К долу, а из дола –
Поверху к дубраве.
И поодиночке
Среди шума, гула
Все несут оружье.
Каждый возле жертвы
Славу возглашает,
И звучать не медлят,
Проходя, мечами,

И когда последние
Поднялись к дубраве, –
На коня садился Воймир; отдал
Бедра тучные и плечи телки
Шестерым из замыкавших войско[1].

Каждый в войске шел с теченьем солнца,
Шли они и при полдневном солнце,
Там в равнине ожидал их Власлав –
Страшный воин Власлав.

*

От леса до леса
Стоит его сила –
Сила стояла
В пять раз больше пражан.
Как из тучи, шум там поднимался,
Лай собак премногих раздавался.

«С тем врагом сражаться будет трудно,
С палицей не совладаешь палкой!» –
Молвил Воймир; Чмир ему ответил:

«Говорить об этом лучше втайне,
Лучше надо быть на все готовым.
И к чему же биться лбом о скалы?
Ведь лиса обманет яра-тура.
Наших Влаславу с высот здесь видно,
Так пойдемте все вокруг горы мы –
Цепью непрерывной вслед друг другу,
И опять начнем обход по низу».

Так и сделал Воймир; Чмир так сделал.
Устремилося по кругу войско,
Девять раз так обошли всю гору,
Пред врагом всё умножая силу,
Умножая у врагов их ужас.
Расступились по кустам в низине,
Чтоб оружие врагам блеснуло.
И была гора залита блеском.

[1] Обряд принесения жертвы «бóгам-спасам», уже упоминавшимся в поэме «Забой и Славой», дан здесь подробно.

Но вот Чмир сам выступил с дружиной,
И четыре было в ней отряда.
Тряс за ним ступал из тени леса,
Овладел он вражьими войсками:
Позади шел страх со всего лесу,
Воинов ряды поразбежались[1].

Воймир бил их храброю рукою,
Заступил долину на востоке,
Против Владислава пошел он сбоку.
Криком лес был полон из долины:
Как бы горы бились с горами,
Поломали все свои деревья.

Владислав выскочил противу Чмира,
Против Владислава Чмир выступает.
Сеча лютая, гремят удары,
И сраженный Владислав пал на землю.

Страшно Владислав по земле катался —
С боку на бок — и не мог подняться, —
В черну ночь его смерть увлекала[2].

Сильный Владислав закипает кровью,
Кровь травой зеленой
В сыру землю каплет.
И душа из уст ревущих вышла,
С дерева на дерево летала,
Пока труп не предан был сожженью.

Те, что с Владиславом сражались вместе,
Побежали по горе оттуда,
Укрываясь от взоров Чмира,
Что низвергнул Владислава победой.

---

[1] Здесь, по сравнению с упоминанием бога ужаса Тряса в поэме «Забой и Славой», дается более развернутая картина панического ужаса среди войск Владислава.

[2] В подлиннике «смерть» названа Мореной — она же Морана в поэме «Забой и Славой».

*

К Неклану, гремя, идет победа –
К Некланову радостному уху!
И открылась Неклану добыча –
Некланову радостному оку.

***

Ольдрих и Ярмир[1]

...в чернолесье –
Там, куда владыки собирались,
Семь владык с удалою дружиной.
Выгонь-Дуб туда же поспешает
Темной ночью с челядью своею.
Эта челядь – воины, сто счетом,
И мечи остры в ножнах у сотни,
Сильны руки для мечей у сотни,
Верность Выгоню лежит на сердце.
Доступили до лесной поляны.
Дали правые друг другу руки,
Тихими словами говорили.

За полночь уж ночь перевалила,
Близко к утру – серому, седому.
А и молвил Выгонь князю Ольдрже:
«Ой послушай, князь ты велеславый!
Бог тебе дал силу во все члены,
Бог дал в буйну голову и разум.
Так веди ж нас на полян свирепых!
Мы пойдем, как скажешь: вправо, влево,
Взад, вперед; хоть битвы будут люты,
В буйном сердце разожги нам смелость!»

Принял знамя князь рукою сильной:
«На полян вы храбро все за мною,

[1] Поэмою «Ольдрих и Ярмир» открывается Краледворская рукопись, однако начало поэмы не сохранилось. Предшествовавший сохранившемуся тексту обрывок листка позволяет отгадать ее заголовок – «О поражении полян и изгнании их из Праги». Пятилетие от 999 г. до 1004 г. было временем смуты для чешского народа, подпадавшего под власть более сильных соседей – немцев и полян (поляков). История того времени очень подробно сохранилась в чешских хрониках. Поэма – живая, насыщенная горячим чувством страничка из чешской истории, эпизод о том, как братья Ярмир и Ольдрих изгнали из Праги чужеземные войска (1004 г.).

На полян — врагов земли родимой!»
Все владыки тут за ним кидались,
Триста и полста бойцов за ними
Самых храбрых — все туда, где спали,
Развалившись, в множестве поляне.
Стали на горе, опушкой леса.
В раннем сне молчит поутру Прага,
А Влетава[1] курится в тумане,
А за Прагою синеют горы,
И восток яснеет за горами.

Сверху вниз! Все тихо и безмолвно:
В тихой Праге хитро затаились,
Под одёжей спрятали оружье.

Но идет пастух при сером утре
И кричит: «Ворота отоприте!»
И пастуший голос страж услышал,
Отпер он ворота чрез Влетаву.

На мост встал пастух и громко трубит,
Князь за ним, за ним и все владыки,
Каждый скачет со своей дружиной.
Раздались удары громких бубнов,
Звонким звуком затрубили трубы,
На мост ставят воины знамена,
Мост дрожит под натиском дружины.

Обуяны страхом все поляне,
И оружие они хватают,
От владык же сыплются удары,
И туда-сюда поляне скачут,
И толпой бегут чрез рвы к воротам —
Дальше, дальше от удалой сечи...

Богом нам дарована победа:
Одно солнце встало на всем небе,
Ярмир снова надо всей землею!
Разносилась радость по всей Праге,
Разносилась радость вокруг Праги,

[1] Влетава — теперешняя Молдава, река, по обоим берегам которой расположена Прага.

Разлеталась радость на всю землю,
На всю землю от счастливой Праги!

* * *

Бенеш Германыч[1]

Ах ты, солнце-солнышко!
Иль затем ты печально,
Что на нас ты светишь –
  На бедных людей?
Где же князь, где люд наш бранный?
К Отту зашел далёко!
Кто нам врагов исторгнет,
  Сирая страна?

Долгим строем идут немцы –
Это немцы-саксы –
От Згорельских гор древних
  В нашу сторонку:

«Эй, давайте, голь, давайте
Злато-серебро, скарб весь!» –
А потом выжигают
  Дворы и хаты.

Всё у нас повыжигали,
Злато-серебро взяли
И стада все угнали:
  Дальше к Троскам шли.

[1] Поэма «Бенеш Германыч» имеет в рукописи подзаголовок «О поражении саксов». Из различных предположений о событии, которое составляет содержание поэмы, наиболее вероятным представляется предположение исследователя Палацкого, относящее время действия к 1203 г. Во время отсутствия чешского короля (в поэме – «князя») Отакара I (1197–1230 гг.), отбывшего с большим войском к Оттону IV, герцогу Брауншвейгскому, упоминаемому в поэме, саксы под предводительством маркграфа Дитриха вторглись через Лужицкие горы в Богемию, опустошили страну и дошли до замка Троски близ Большой Скалы – владения Бенеша, сына Германа, внука Маркварта. Бенеш организовал сопротивление, разбил немцев и выгнал их из пределов Богемии.

Верность исторических и географических подробностей, сердечная скорбь о бедствиях родного края и радость победы над врагом, большое лирическое чувство автора, как бы непосредственно и лично заинтересованного в происходящем, – все это заставляло исследователей предполагать, что эта коротенькая историческая поэма сложилась очень скоро после событий, которыми она была вызвана.

Не тужите вы, селяне!
Поднимается травка,
Топтанная так долго
Чужим копытом.

Свежие венки готовьте —
Избавителю свейте!
Ваш посев зеленеет,
Все изменилось.

Все так скоро изменилось!
Вот он Бенеш Германыч —
Ладит народ в громаду:
Всех против саксов!

И из сел собрались люди
В лес под Большой Скалою,
Всяк с цепом: то оружье
На врага-немца![1]

Бенеш, Бенеш едет первый,
Дальше народ во гневе:
«Мщенье всем! — кричит. — Мщенье
Саксам всем хищным!»

Гнев великий обуял тут
Обе стороны злобой,
Всколыхнул всю утробу:
В гневе все мужи!

И глаза их заблистали
Страшно друг против друга,
Древко стало над древком,
Копье над копьем!

Обе стороны сразились,
Будто лес сшибся с лесом,
Как блеск грома на небе —
Так мечи блещут.

[1] Далее в поэме упоминаются копья и мечи, но, видимо, первыми на призыв против врага поднялись крестьяне с цепами, как о том свидетельствуют интересующие нас строки. Впрочем, известно, что цеп был у чехов и настоящим оружием: по некоторым свидетельствам, они так хорошо умели пускать его в дело, что могли давать до 20—30 ударов в минуту.

Крик такой раздался грозный –
Всех зверей лесных поднял,
Всех птиц поднял небесных –
До горы до третьей.

Раздаются по долинам
От скалистых гор древних
Стук и мечей, и палок –
Как пало древо.

Обе стороны упрямо
Стали так неуклонно –
Как бы на врытых пятках,
На крепких икрах.

Повернулся Бенеш в гору,
Машет мечом направо –
И туда же вся сила;
Машет налево –

Влево кинулась вся сила,
И оттуда на ломку,
И каменья все с ломки[1]
На немцев рушат.

Бой с горы идет в равнину,
И вопить стали немцы,
И бежать стали немцы:
Так их побили!

***

Ярослав[2]

Расскажу вам чудную я повесть
О великих битвах, лютых схватках,

[1] Имеется в виду каменоломня. В долине у Турнова есть место, которое и теперь носит название «Лом» – предполагаемое место битвы.

[2] Поэма «Ярослав» имеет подзаголовок «О великих боях христиан и татар». В ней воспевается победа Ярослава, одного из лучших вождей в войске чешского короля Венцеслава I, над татарами. Король послал Ярослава в Оломуц, укрепленный город в Моравии, и поручил ему начальство над всею Моравией. В Оломуце под его начальством собралось около 12 тыс. воинов. Там он твердо выдерживал осаду и нападения татар.

Однако произведение это в некоторых своих чертах отходит от истории. Так, хан Кублай, внук Чингисхана, властвовал позже – от 1256 до 1298 г.,

Соберите ум, насторожитесь,
Ближе! Дивные дела внимайте!

В той земле, где Оломуц – град первый,
Малая гора там выступает,
Малая, и имя ей Гостайнов;
Чудеса творит там Божья Матерь.

Долго земли наши в мире были,
Изобилие цвело в народе,
Но поднялась буря от востока
Из-за дочки хановой, татарки,
Что из-за уборов христиане
Ради злата, жемчуга убили.

Хороша Кублаевна, как месяц!
Вот, на западе проведав земли,
Услыхав, что много там народу,
Собралась узнать чужие нравы.
Тотчас десять юношей вскочили
И две девушки в сопровожденье.
Припасли всего, что было надо,
Припасли все борзых, быстрых ко́ней
И направились вослед за солнцем.

Как заря сияет ранним утром,
Лишь взойдет над темными лесами,
Так и дочь Кублаева, дочь хана,
Красотой сияла и нарядом.

а потому можно думать, что самый сказ создавался позже по памяти. Очень характерен для народного творчества и эпизод с татарской княжной. В наших летописях имеется рассказ о том, как ограбили бежавшего через Польшу в Силезию русского князя Михаила Всеволодовича и убили его внучку. Широко были также распространены слухи об убийстве татарской княжны, что послужило ближайшим поводом к движению татар на запад; оба происшествия слились таким образом в одно. Характерно также, что именно немцы оказались виновниками этой кровопролитной войны. Эпизод же о жестокой схватке Ярослава с Кублаевичем, сыном хана, подтверждается историческими свидетельствами.

Что касается географических данных, то гора Гостайнов, упоминаемая в поэме и на которой действительно есть источник и была часовня, находится от Оломуца на расстоянии пяти часов пути, и гора эта очень высока, между тем как в поэме все время упоминается холм; такие холмы действительно имеются в окрестностях Оломуца.

Золотой парчою вся одета,
Грудь и шея только обнажённы,
Жемчугом, каменьями венчанна.

И дивились немцы красоте той,
И манилось им ее богатство,
Стерегли ее на путь-дороге
И напали на нее средь леса,
И убили, все добро ограбив.

Как Кублай услышал, хан татарский,
Что случилось с дочкой дорогою,
Он собрал с земель обширных войско,
Потянулся с войском вслед за солнцем.

Короли на Западе, проведав,
Что спешит он к многолюдным зе́млям,
Сговорились все между собою
И огромное собрали войско,
И пошли в поход противу хана.
На большой равнине они стали,
Стали там и хана ожидали.

Тут Кублай велит всем чародеям,
Всем гадателям и звездочетам,
Чтобы возвестили, угадали,
Чем могла б закончиться та битва.
Собрались тотчас же чародеи,
Все гадатели и звездочеты,
На две стороны тут расступились,
Черну трость на землю положили,
Расщепив на две на половинки —
И «Кублай» для первой дали имя,
«Королями» назвали вторую
И словами старыми запели.
Трости в бой вступили меж собою,
Трость Кублая в битве победила.
И возрадовались все татары,
Рысью к ко́ням все они стремятся,
И войска построились рядами.

Христиане же не ворожили,
Без ума погнали на поганых,
Сила их надменности равнялась.

Первый бой начался. Сшиблись в груду,
Стрелы прыскали, как дождь из тучи,
Копий треск, как будто грохот грома,
Блеск мечей, как молния средь бури,
Обе стороны своим напором
Не дают друг другу продвигаться.

Уже гнали многие поганых
И совсем их было одолели,
Если б не явились чародеи,
Принеся расщепленную тростку.
Тут татары страшно разъярились,
На противников напали люто,
Так их круто гнали пред собою,
Как зверей пугливых на охоте.
Там шелом лежит, тут меч уронен,
Там вождя конь в стременах волочит,
Тот с татарами в смятенье бьется,
Тот пощады ради Бога просит.

*

С той поры усилились татары,
Христиан всех обложили данью
И себе два королевства взяли:
Старый Киев, Новгород Великий.
Скоро горе по земле разлилось,
Во всех странах силу собирали,
И четыре крепких войска стали
На борьбу с поганой татарвою.
Тут татары уклонились вправо.
Будто черна туча градовая:
Вот засыплет на полях посевы!
Так слышны издалека их толпы.

Тотчас угры собрались в отряды
И с оружьем двинулись навстречу.
Но напрасны удальство и храбрость,
И отпор тот смелый был напрасен.
Так, ударив силой всей на угров,
Разогнали их войска татары
И побрали в землях их, что было.

Христиан оставила надежда,
Было горе, было — больше горя.
Жалостно взмолились богу люди,
Чтобы спас их от татар от лютых:

«Господи! В Своем восстань во гневе,
От врагов-гонителей избавь нас!
Подавить хотят и душу нашу:
Как овец, нас окружили волки»[1].

Бой проигран и второй проигран,
В Польше их войска расположились,
Ближе, ближе покоряют земли,
К Оломуцу люто прорвалися,
Встала тяжкая беда по землям,
И ничто не скрылось от поганых.

Бились день, еще другой день бились,
Никуда не клонится победа,
А татар все боле прибывает:
Так густеет тьма в осенний вечер.
Под приливом этой лютой силы
Христиан заколебалось войско,
Все сильней к тому холму тесняся,
Чудотворная где Божья Матерь.

«Ну-ка, братья!» — возглашает Внеслав,
В щит серебряный мечом ударил,
Машет знаменем над головою.
Ободрились, на татар рванулись,
Сбились все одной огромной грудой;
А к холму толпой бегут татары:
Как огонь, из-под земли прорвались.

Христиане отступили кверху:
Понизу раскинулись широко,
Позади сужаясь вострой гранью.
Справа, слева скрыты за щитами,
Копья быстрые кладут на плечи:
Тем рядам, что впереди, — кто сзади.

[1] В молитвах христиан много из Псалтири; данное место — точная цитата из псалма 7, ст. 7: «Восстань, Господи, во гневе Твоем, подвигнись против неистовства врагов моих!»

Тучи стрел врагам с горы послали.
Темна ночь тогда покрыла землю,
От земли разлилася до облак
И сокрыла пламенные взоры
Устремленных друг на друга станов.
Христиане в тьме вал насыпают –
Вал, окопанный вокруг вершины.

*

На востоке занялось лишь утро,
Вражий табор двинулся на приступ.
Вкруг холма был страшен этот табор –
Даже до необозримой дали.

На конях мелькали, гомозились,
Головы на копьях проносили
Христианские к палатке ханской.

Тут вся тьма татар единой силой
В одну сторону вся устремилась,
Быстро в холм ударила к вершине,
Возопила самым страшным криком,
Так, что горы, долы огласила.

Христиане на валах все стали,
Божья Матерь придала им храбрость,
Напрягли они тугие луки,
Сильно машут вострыми мечами,
И татарам – надо отступать им!

Разъярился весь народ татарский,
Возмутился хан их страшным гневом,
Табор весь на три потока льется:
Все потоки у холма – прибоем!
И тогда собрали христиане
Двадцать бревен – сколько их там было –
И на край их вала привалили.

Уж татары к валу устремились,
Крик их страшный поднялся до облак,
И уж вал раскидывать хотели.

Но скатили христиане бревна,
Как червей, татар они помяли,
И давили далеко в равнине...
Так сражались долго и жестоко,
Пока ночь и тьма не наступили.

Боже наш! О горе! Славный Внеслав –
Славный Внеслав поражен стрелою!
И тем горем разрывалось сердце,
И томилась жаждою утроба:
Языком сухим лизали росу.
Тихий вечер ночью стал холодной,
Ночь на серое сменилась утро –
В таборе татарском было тихо.

Разыгрался день уже к полудню,
Христиане падали от жажды,
Открывали сохнущие губы,
Хрипло призывали: «Мати Божья!» –
Млеющие взоры к ней кидая;
Жалостно свои ломали руки
И тоскливо в облака глядели.

«Дальше мы терпеть не в силах жажды,
Невозможно без воды сражаться!
Кто жалеет жизнь свою, здоровье,
От татар лишь жди себе пощады», –
Так одни сказали, так другие.
«Меч ужасен, – без воды ужасней!
Будет нам в плену воды довольно...
Верно? Так за мною! – молвит Вестонь. –
Все за мною, кто томится жаждой!»

Вратислав вскочил тут ярым туром,
Вестоня схватил за сильны руки.
«Христиан предатель! – он воскликнул. –
Хочешь ты погибели для наших?
Божьей милости нам ждать похвально,
Да не в рабстве у татар свирепых.
Не спешите, братья, на погибель!
Самый сильный зной мы претерпели,
Подкрепил нас Бог в палящий полдень,
Он пошлет нам помощь, подождите!

Устыдитесь, мужи, говорить так,
Коль хотите храбрецами зваться!
Коль погибнем на холме от жажды —
Смерть та будет послана от Бога;
Вражьему мечу коль предадимся —
Себе сами приготовим беды.
Рабство Господу противно: шею
Самому грешно тянуть под иго.
Кто так, мужи, думает, — за мною,
Все к престолу Матери Господней!»

И народ за ним — к святой часовне.
«Господи! Восстань в великом гневе,
И возвысь нас дома над врагами,
Ты услышь, как мы к тебе взываем!
Окруженных лютыми врагами,
Изыми нас из сетей татарских,
Ниспошли утробам нашим влагу!
Твердые дадим тебе обеты,
Истреби врагов на землях наших,
Чтоб во век веков нам не видать их».

И вот — тучка на небе, на знойном,
Дуют ветры, гром гремит великий,
Зачернелась туча на все небо...
Молния — раз-раз! — на стан татарский,
Ливень оживил источник горный.

*

Буря минула. Войска в отряды
Собраны повсюду и отвсюду,
Их знамена веют к Оломуцу.
На боку у каждого меч тяжкий,
На плечах гремят у них колчаны,
Буйны головы под светлым шлемом,
И под воинами кони скачут.

И рога лесные зазвучали,
Раздалися звуки громких бубнов.
Обе стороны тотчас сразились,
Сразу мгла от пыли поднялася,
И была ужасна эта битва.

Стук и звон мечей возникнул вострых,
Стрел каленых свист ужасный слышен,
Лом древков, потрескиванье копий;
И была кольба, была и сеча,
И стенанье было, была радость.
Кровь лилась, как дождевые струи.
Труп на трупе — как в лесу деревья.
Череп надвое тому разрублен,
Обе руки этому отъяты,
Тот с коня валится чрез другого,
Этот яростно крушит поганых,
Как в скалах крушит деревья буря,
Тому в грудь мечом по рукоятку,
Этому татарин ухо режет.

Ух, был крик и горестные стоны!
Христиане стали подаваться,
А татары гнать их лютым боем.

Ярослав тут, как орел, влетает!
Грудь могучая под твердой сталью,
И под сталью удальство и храбрость,
Под шеломом ясный, быстрый разум,
В огненных глазах пылает ярость,
Страшно скачет, будто лев во гневе,
Что учуял теплой крови запах,
Или мчится, раненный, за ловчим!
На татар так Ярослав нагрянул,
А за ним вослед, как град, и чехи.

На Кублаева напал он сына.
Битва страшная тут начиналась
Вот скрестили сразу оба копья —
С громким треском копья изломались.
Ярослав и конь залиты кровью.
Сына ханова мечом он рубит,
Чресла вкось от плеч ему проткнул он,
Бездыханным тот упал меж трупов,
А колчан и лук над ним взгремели.

И народ татарский устрашился,
Длинные все побросали копья,

Побежали все, кто только может —
На восток, откуда всходит солнце:
Гана[1] от врагов-татар свободна!

***

II. ПОЭМЫ-ПЕСНИ

Людиша и Любор

Слушайте, и стар и молод,
О турнирах и о битвах.
Некогда был князь Залабский[2],
Славный князь, богатый, добрый.
Дочь единственная князя
И ему, и всем мила.
Чудная красою дева:
Станом стройным высока,
Свежим личиком бела,
Но на нем цвел и румянец,
Очи ясны, будто небо,
И, катясь по шее белой,
Златом волосы блистали,
В кольца волосы вились.

Князь послу велит однажды,
Чтобы все паны собрались
На великий праздник в город.
И когда настал тот день,
Собрались сюда все паны
Из земель и областей
На тот княжий праздник в город.

Звуки бубнов, труб раздались,
Паны шествовали к князю,

[1] Гана — самая плодородная часть Моравии, названная так по имени небольшой р. Ганы.

[2] Хотя под именем Залабья, где «некогда был князь Залабский», действительно была известна та часть Богемии, что лежит к северу от Праги, по правому берегу реки Лабы, но в поэме не названо даже имя князя, и к этому турниру, заимствованному по форме с Запада, или «конному поединку», известному в Чехии с самых древних времен, вряд ли следует приурочивать какое-либо точное историческое происшествие. Поэма эта все же, несомненно, носит исторический характер, хотя и является чисто поэтическим произведением. В рукописи она имеет подзаголовок «О славном турнире».

Князю низко поклонились
И княгине и княжне,
За столы большие сели,
Каждый род свой сохраняя.
Дивны кушанья носили
И медовые напитки,
Громко было пированье,
Славно было пированье,
Развернулась сила в членах,
Развернулась бодрость в мыслях.

Часом тем князь молвит панам:
«Мужи, да не будет тайным,
Почему вы здесь сошлись.
Мужи славные, изведать
Надо, кто из вас полезней,
Надо битвы ждать и в мире:
Ведь у нас соседи — немцы!»

Князь сказал. Прервав молчанье,
Все из-за столов вставали,
Поклонились паны князю
И княгине и княжне.

Трубы, бубны слышны снова,
Все готовятся к турниру,
Перед городом собрались:
На лугу, на возвышенье
Князь воссел со старшинами,
Со дворянками — княгиня
И с девицами — Людиша.

Обратился князь к дворянам:
«Первым выступить в турнире
Сам я, князь, скажу, кому!»
Стребора князь называет,
Стребор вызвал Людислава.
На коней они садятся,
Копья вострые схватили,
Прытко друг на друга гнали,
Долго меж собою бились,
Оба изломали копья,

Утомившись и уставши,
С круга встречи отошли.

Звуки бубнов, труб раздались,
Обратился князь к дворянам:
«Кто вторыми на турнире,
Скажет то княгиня вам!»
Серпошу велит княгиня,
Серпош вызвал Спитибора.
На коней они садятся,
Копья вострые схватили,
Серпош скачет, Спитибора
Вышибает из седла.
Сам с коня вмиг соскочил он,
Оба тут мечами бьются –
Прямо в черные щиты.
Искры из щитов сверкают,
Серпоша бьет Спитибор,
Серпош на земле холодной...
Но устали, утомились,
С круга встречи отошли.

Звуки бубнов, труб раздались,
Обратился князь к дворянам:
«Третьими кто на турнире,
Нам Людиша назовет!»
Любору княжна велела,
Любор вызвал Болемира.
На коней они садятся,
Копья вострые схватили,
За ограду быстро скачут.
Друг на друга наезжали,
Сшиблись копьями сналету.
Болемир с коня валится,
Щит далеко отлетает,
Отроки его выносят.

Звуки бубнов, труб раздались,
Любор Рубоша зовет.
Рубош на коня садится,
К Любору коня погнал он,
Любор ссек мечом копье.
В шлем удар ему наносит –

Рубош навзничь пал на землю,
Отроки его выносят.

Звуки бубнов, труб раздались,
Любор всем кричит дворянам:
«Кто со мною хочет биться,
Выезжайте-ка в ограду!»
Говор поднялся меж панов,
Любор поджидал в ограде –
С турьей крепкой головою
Здеслав выставил копье.
Молвил гордыми словами
С яробуйного коня:
«Прадед мой сбил яра тура,
Немцев мой отец прогнал,
Испытай мою ты храбрость!»
И помчались друг на друга,
Лоб со лбом – так крепко сшиблись,
Что попадали с коней.
За мечи тотчас схватились,
Стали пешими рубиться,
И мечами так рубились,
Что кругом был слышен стук.
Любор нападает сбоку,
В шлем мечом он ударяет –
Шлем распался пополам;
По мечу мечом ударил, –
За ограду меч взлетел,
Здеслав наземь пал повержен.

Звуки бубнов, труб раздались,
Любора все окружают
И ведут его пред князя,
Пред княгиню, пред Людишу,
И Людиша надевает
На него венок из дуба.

*

Звуки труб и звуки бубнов.

***

Збигонь[1]

Пролетает голубь
С дерева на дерево,
Жалостно воркует
Горе всему лесу:

«Ах ты, лес широкий!
По тебе летал я
С дорогой голубкой,
С милою-премилой...
Ах, а злобный Збигонь,
Он схватил голубку
И отнес в свой замок,
Ах, в тот замок крепкий!»

Ходит-ходит юноша
Возле крепка замка,
Жалостно вздыхает
По дорогой, милой.
И к скале — от замка,
На скале садится,
Сидит, пригорюнясь,
Молчит с немым лесом.

Прилетает голубь,
Жалостно воркует,
Поднял взоры юноша,
Поднял и промолвил:

«Голубь ты печальный,
Одному, знать, грустно?
Коршун ли похитил
У тебя подругу?
Ты, злодей мой Збигонь,
В этом крепком замке —

[1] «Збигонь» еще менее имеет в виду какой-либо исторический факт, это скорее миф-сказка. Владыка Збигонь, отождествляемый с коршуном, ибо это он и похитил голубку, — нечто вроде нашего Кащея или Змея Горыныча. Так высказывается об этом произведении русский исследователь Краледворской рукописи Н. Некрасов. «Дева, — пишет он, — светлая богиня лета; юноша — молодой бог весны, бог-громовик; молот — молния; удары его в двери замка — первые удары весеннего грома; замок — зимние облака и пр.».

Ты мою похитил
Милую подругу
И отнес в свой замок,
Ах, в тот замок крепкий!
Голубь, голубь! Ты бы
С коршуном схватился,
Коли б твое сердце —
Сердце было смелым;
Ты бы дорогую
У коршуна вырвал,
Коли были б когти
Лютые да вострые;
Ты убил бы злого —
Коршуна убил бы,
Коли б клюв был твердый.
Коли был бы хищный!» —

«Эй, печальный юноша,
На Збигоня ринься!
У тебя отважное
Против врага сердце;
У тебя оружье
Крепкое и вострое;
Кинь в голову молот
Тяжелый, железный!»

Быстро прянул юноша
Вниз — и темным лесом!
Взял свое оружье,
На плечо свой молот,
Поспешает лесом
К каменному замку.

Подошел он к замку
Ночью, темень всюду.
Кулаком стучит он.

«Кто там?» — вопросили.
«Заблудился ловчий!»
Отворились двери.
И опять стучит он,
Отперлись другие.

«Где владыка Збигонь?» –
«За великой горницей!»

Збигонь там распутный,
Там девица плачет.

«Эй, ловцу откройте!»

Не послушал Збигонь.
Молотом ударил
Юноша по двери,
Збигоню он молотом
В голову ударил.

И везде побегал,
И все в замке побил.
У девицы красной
Лежал до рассвета.

Пало солнце раннее
Чрез листву на замок,
Пала радость новая
Юноше на сердце,
Что девица красная
Здесь, в его объятьях.

«Чья это голубка?» –

«Збигонем похищена:
Как меня держал здесь,
Так и ту голубку».

«В лес лети из замка!»

В лес она порхнула,
Тут она летала,
Там она летала –
С дерева на дерево
С голубем любимым;
С голубем спала она
На одной на ветке.

И девица в радости
С мóлодцем любимым

Тут и там ходила,
Везде, где хотела;
С милым почивала
На одной постели.

***

Олень[1]

Бегал олень по высям,
На воле поскакивал,
По горам, по долинам
Красовался рогами.
И рогами красивыми
Продирался сквозь чащу,
И по лесу скакал он
Быстро и ловко.

По горам и юноша хаживал,
По долинам и в битвы ходил,
Он оружие гордо нашивал
И разил толпы врагов своих
Сильным тем оружием.

Нет уж юноши в горах,
Враг настиг его коварный! –
Лютый враг настиг
И сверкнул очами,
Пламенея злобой.
Молот в грудь ударил,
Застонали смутно,
Жалостно деревья,
Из юноши вышиб
Душеньку, ах, душу!
Тонкой шеей она вылетала,
А из шеи красивыми устами,

[1] «Олень» считается самым древним из всех произведений, составляющих Краледворскую рукопись; в нем особенно ярко чувствуется непосредственная связь между человеком и природой. Произведение это – единственное, найденное помимо Краледворской рукописи еще в одном списке на пергаментном листочке.

Текст обеих рукописей совершенно одинаков. Этот листок хранится в Чешском музее.

Сам лежит, а кровь его теплая
Истекает за душой отшедшей.
Пьет ее земля сырая,
И у каждой у девицы
На сердце печально.

Лежит юноша в земле холодной,
На юноше растет дубик-дуб,
Разметался сукáми вширь и вширь.
И олень приходит,
И рога красивы,
Быстрыми ногами скачет,
Шею тонкую вверх подымает.
И слетаются стаи
Воронов быстрых
С целого леса на дуб тот,
Каркают все на дубу:
«Пал тот юноша от злобы вражьей», —
Все девицы по юноше плачут.

***

III. ПЕСНИ[1]

Горсть цветов

Ветер повеял
С княжеской рощи,

[1] Многими исследователями обращалось особое внимание на сходство песен из Краледворской рукописи с русскими народными песнями. Это сходство действительно очень велико. Стоит сравнить начало чешской песни «Ягоды» с таким началом русской песни:

Ходила я, младешенька,
По борочку,
Брала-брала ягодку
Земляничку,
Наколола ноженьку
На тресочку;
Болит-болит ноженька,
Да не больно...

Для сравнения с песней «Роза» приведем из начала одной русской песни такие строки:

К чему рано ты, сад, расцветаешь,
Расцветавши, сад, засыхаешь,
Землю листьем, сад, устилаешь?

Милая быстро
Бежит к потоку.

Черпает воду
В кованы ведра,
Волны к девице
Несут горсть цветов.

Цветы душисты –
Розы, фиалки...
Стала девица
Цветы ловить
Ах! – и упала
В воду-прохладу.

«Кабы я знала,
Цветики красные,
Выходил кто вас,
Кто возрастил, –
Я отдала бы
Злат-перстень тому.

Кабы я знала,
Цветики красные,
Кто вас и лыком
Мягким связал, –
Я отдала бы
И шпильку тому.

А конец «Розы» сходен с другою русской песней:

Как вечор-то мне, молодешеньке,
Мне мало спалось, много виделось,
Нехорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, у младешеньки,
На правой руке, на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатился дорогой камень.

Один из исследователей Краледворской рукописи, В. А. Свобода, предположил даже, что, может быть, эту песню занес к чехам не кто иной, как Святополк, доходивший, по сказанию летописей, до чешских пределов.

Песня «Горсть цветов» была переведена Гёте с пометкой: «старобогемское».

Из частностей, относящихся к «Горсти цветов», оговорим две подробности: вынуть шпильку – значит распустить косу; также и венок был признаком девичества, по выходе замуж молодые женщины венков уже не носили.

Кабы я знала,
Цветики красные,
Кто вас студеной
Водою пустил, –
Я отдала бы
Венок свой тому».

***

Ягоды

Шла милая по ягодам
В зеленую рощу,
Поколола вострым терном
Беленькую ножку,
Моя милая не может
Приступить на ножку.

«Ах, терновник-терн мой вострый!
К чему сделал больно?
За то будешь, терн мой вострый,
Вырублен из рощи». –

«Пожди, милая, в прохладе,
В рощице зеленой,
Побегу я на лужайку
За конем за белым.

На лужайке конь пасется
На густой на травке».
Моя милая в прохладе
Поджидает друга.

Стала милая печалиться
В бору потихоньку:
«Ах, что скажет моя матушка
Бедной своей дочке?

Мать всегда мне говорила:
"Берегися парней!"
А зачем мне их беречься,
Когда они добры?»

Тут приехал на коне я –
Конь мой снежнобелый, –

Соскочил, серебряною
Привязал уздою.

К сердцу девицу прижал я,
Целовал в уста я,
Красна-девица забыла,
Что от терна больно.

Мы ласкались, миловались,
Солнце уж к закату.
«Мы домой поедем, милый!
Скоро солнце сядет».

На коня тотчас вскочил я –
Конь мой снежнобелый, –
Взял я милую в объятья
И домой поехал.

***

Роза

Ах ты, роза, роза красная!
Что ты рано зацвела?
А расцветши, и померзла?
А померзнувши, увяла?
А увянувши, опала?

Вечор долго я сидела,
Знать, до пенья петушиного,
Ничего я не дождалась,
Все лучинки изожгла.

А уснула, – мне приснилось:
У меня, у горемычной,
С правой рученьки скатился
Золот перстенек с перста;
Дорогой, знать, выпал камень,
Камешка я не нашла,
Не дождалась я дружка!

***

Кукушка

В чистом поле рос дубочек,
На дубке – кукушка,
И кукует, и тоскует,
Что весна не вечно.

Как бы зрело жито в поле,
Если б весна длилась?
Как бы яблоки созрели,
Если б всегда лето?

Как прозябли бы колосья,
Если б всегда осень?
Как бы тяжко быть девице
Всегда одинокой!

***

Сирота

Ах вы, рощи, темны рощи,
Рощи милетинские!
Вы зачем равно зелёны
И зимой и летом?

Как бы рада я не плакать,
Не мутить и сердца,
Да скажите, добры люди,
Кто б тут не заплакал?

Где отец, отец мой милый? –
Погребен в могиле.
Где ты, мати, добра мати? –
Растет на ней травка.
Ни сестры нет и ни брата,
И милого взяли.

***

Жаворонок

Полет дева конопельку
У испанского сада,
Жаворонок все пытает:
«Отчего печальна?» –

«Как могу я быть веселой,
Жаворонок малый?
Отвели моего мило́го
В каменный тот замок.

Коли б перышко мне в руки,
Грамотку б писала,

Жаворонок, мой малютка,
Ты слетал бы с нею.

Ни пера нет, ни бумаги
Грамотку писать мне.
Ты скажи милóму песней,
Как я здесь горюю».

***

IV. СУД ЛЮБУШИ[1]

Ах, Влетава, что мутишь ты воду,
Сребропенную зачем мутишь ты?
Или лютая тебя волнует буря,
Дождик ссыпав с широты небесной,
Головы вершин облив зеленых,
Выплакав со дна златую глину?

Как же бы я воду не мутила,
Когда ссорятся родные братья,
В ссоре братья об отцовских землях?
Круто меж собой они враждуют —
Лютый Хрудош на кривой Отаве,
На кривой Отаве златоносной,
Стаглав храбый с Ратбузы холодной:
Оба братья, оба Кленовичи,
Рода Тетвы, рода Попелова,

[1] Рукопись «Суда Любуши» состоит из двух отрывков: в первом дается самый суд, второй — совсем маленький — объясняет древний закон наследования у чехов. Мы поместили его непосредственно вслед за основным отрывком, так как это могло быть, конечно, выступлением кого-либо из участвовавших в сейме, может быть, даже того самого Ратибора, который начинает говорить в конце первого отрывка. Но сама история суда и последующих событий в этой неоконченной поэме не завершена.

Любуша была одною из трех дочерей Крока, который, наравне с Само, является героем древней чешской истории. После смерти отца она правила своею частью страны умно и счастливо; между прочим она указала место для построения Праги — будущей столицы Чехии. Спор двух мужей, давший повод к устройству суда для разрешения их дела, привел к тому, что на другой же день Любуша отправила послов с наказом — назвать князем первого, кого они увидят обедающим за железным столом. Таковым оказался Пшемысл, владетель Стадицкий, обедавший на плуге во время отдыха от работы. Он и сделался князем — мужем Любуши и родоначальником чешских владетелей.

Что пришел сюда с полками Чеха[1]
Из-за трех рек в этот край обильный.

Прилетала мирная пичуга,
Ласточка от той кривой Отавы,
На широкое оконце села,
На Любушино в дворце отцовом,
В золотом дворце в свят Вышеграде,
И бедует жалостно, печально.

То услышала сестра тех братьев,
Их сестра родная при Любуше,
И княжну просила – в Вышеграде
На собранье братьям дать решенье
И призвать сюда обоих братьев,
Рассудить по правде, по закону.

Шлет тогда княжна послов, чтоб звали:
Зутослава от Любицы белой,
Где прекрасные растут дубравы;
Лютобора с холмов Доброславских –
Там, где Лаба пьет приток Орлицу;
Ратибора с гор тех Креконошей[2] –
Там, где Трут сгубил лютóго змея;
Радована с Каменного моста;
Ярожира от речных нагорий;
Стрезибора от Сазавы ладной;
Самородa с Межи сребpоносной;
Всех селян, старшин, владык поместных;
Звали 6 братьев Хрудоша, Стаглава,
Что враждуют об отцовских землях.

Как сошлись тут старшины, владыки
Во дворце Любуши в Вышеграде,
Каждый род свой соблюдал, порядок.

---

[1] Чех – здесь: имя собственное, имя вождя – родоначальника чехов.

[2] Из всех географических названий, указывающих местожительство приглашенных, особо следует отметить горы Креконоши. Горы эти, по-русски Исполинские, расположены в Судетах, т. е. в той самой области, которую Чехословакия вынуждена была отдать Германии, и Ратибору, приехавшему на сейм именно с этих гор, принадлежит фраза: «Стыдно нам искать у немцев правды!»

Предание о Труте, который убил в этих горах змея, было живо в народе еще в середине XIX века.

И княжна в одежде белой села
В славном сейме на престол отцовский.

Две разумные при ней девицы,
Наученные гаданьем, стали:
У одной — писания на досках,
У другой был меч противу кривды,
Перед ними — огнь, гласящий правду,
Святочудная вода пониже[1].

Почала княжна со злат-престола:
«Поселяне, старшины, владыки!
Рассудите правду между братьев,
Что теперь промеж себя враждуют:
В ссоре братья об отцовских землях.
По закону богов вековечных
Пусть владеют они оба вместе
Или поровну разделят земли.
Поселяне, старшины, владыки,
Рассудите то, что я сказала,
Будут ли слова по вашей мысли,
А коли не придутся по мысли,
Новое для них решенье дайте,
Чтобы помирило оно братьев».

Поклонились старшины, владыки,
Тихо начали переговоры,
Говорили тихо меж собою,
И ее они хвалили речи.

Лютобор от холмов Доброславских
Начал говорить такое слово:
«О, княжна на отчем злат-престоле!
Все слова твои мы рассудили,
Голоса сбери в своем народе».

И сбирали судии-девицы,
Голоса в сосуд они сбирали,

[1] Досками в старину именовались книги, судебные акты; на досках этих, в данном случае, конечно, были писаны законы; огонь, видимо, был для испытания правдивости показаний, как мы об этом читаем в «Тристане и Изольде». Вся эта картина двух девиц-судей и то, как самый суд был обставлен, — все это чрезвычайно любопытно.

Старшинам для оглашенья дали.
Радован встал с Каменного моста,
Числить стал он голоса людские,
Чтобы объявить о том народу,
Собранному в сейме для решенья.

«Вы, родные братья Кленовичи –
Рода Тетвы, рода Попелова,
Что пришел сюда с полками Чеха
Из-за трех рек в этот край обильный!
Помиритесь так о спорных землях:
Володейте ими оба вместе».

Хрудош вышел от кривой Отавы,
Разлилася желчь в его утробе,
В ярости все члены трепетали,
Он махнул рукою, рявкнул туром:
«Горе тем птенцам, где змей вгнездится,
Горе мужам, женщина где правит!
Мужу должно управляться мужем!
Первенцу должно отдать наследство!»

Тут Любуша встала с злат-престола...
«Поселяне, старшины, владыки!
Слышали мое вы поношенье,
Так судите ж сами по закону:
Не судить мне больше ваши ссоры.
Равного себе берите мужа,
Чтобы вами он владел железом,
Девичья рука для вас слабенька».

Ратибор от гор тех Креконошей
Начал говорить такое слово:
«Стыдно нам искать у немцев правды,
У нас правда – свято, по закону, –
Что отцы с собою принесли к нам
Из-за трех рек в этот край обильный...
. . . . . .

Всяк отец – свою он челядь правит,
Мужи пашут, жены шьют одежды,
А умрет над челядью тот старший,

Дети все тогда владеют вместе,
Выбирая в роде в том владыку,
Чтоб ходил для общей пользы в сеймы,
Где селяне, старшины, владыки».

И селяне, старшины, владыки
Встали, хвалят правду по закону.

Фольклор и мифология белорусов, украинцев и великороссов в записях и мистификациях XIX века

А. Л. Топорков

О «БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ» И ИХ АВТОРЕ

В 1846 году в «Прибавлениях» к «Журналу Министерства народного просвещения» появилась статья «Белорусские народные предания» (далее – БНП), подписанная псевдонимом *П. Древлянский*[1]. За этим псевдонимом скрывался Павел Михайлович Шпилевский (1823–1861), известный впоследствии журналист, писатель и автор этнографических сочинений о Белоруссии. БНП были первой публикацией П. М. Шпилевского; они увидели свет, когда их автору было всего 23 года. И тем не менее именно с БНП, главным образом, и ассоциируется до сих пор имя П. М. Шпилевского: слишком необычны и само это сочинение, и та роль, которую ему довелось сыграть в истории русской науки о славянской мифологии.

Написанная в форме словаря, публикация включала описание 36 богов и духов «белорусцев» (Баган, Белун, Вавкалака, Ваструха, Дзева, Дзедка, Зорка, Каляда, Купало, Ладо, Лелё, Пагода, Перун, Расамаха, Русалки, Чур-бог, Яга-баба–касцяная-нага, Ярыло, Цмок; Вазила, Гарцуки, Дзевоя, Жыж, Жыщень, Зюзя, Кадук, Кумельган, Лазавик, Любмел, Ляля, Марня, Меша, Паляндра, Талака, Цеця, Щедрец). Позднее, в 1852 году, в том же издании появилось продолжение БНП, в котором дано описание еще 16-ти персонажей (Бордзя, Гарник, Жевжык, Злыдзень, Зникча, Кликун, Клецьник, Кляскун, Копша, Лядащщик, Ныдзень, Паветник, Падпичник, Разамара, Шатывила, Яркун)[2]. Общее число персонажей белорусской демоно-

[1] *Древлянский.* Белорусские народные предания // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. 1846. Кн. 1. С. 3–25; *Древлянский П.* Белорусские народные поверья: Статья вторая // Там же. Кн. 3. С. 85–125.

[2] *Шпилевский П.* Белорусские народные поверья: Статья третья // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. 1852. Кн. 3. С. 37–68. Третья часть публикации была подписана уже не псевдонимом,

логии, описанных П. М. Шпилевским, таким образом, достигло 52-х.

Из текста БНП явствовало, что автор сам был выходцем из Белоруссии и основывался на собственных наблюдениях. Поскольку же белорусские поверья не просто излагались, но восстанавливалось их происхождение в связи с древнерусским языческим пантеоном князя Владимира, то публикация имела также и черты ученого трактата. Древлянский сочетал в одном лице и собирателя фольклора, и его публикатора, и исследователя славянской мифологии.

Автор подробно описывал внешность таких богов, как Перун, Ярила и др., их атрибуты и функции. При этом ситуация изображалась таким образом, будто верования в древнерусских языческих богов оставались и во второй четверти XIX века вполне актуальными в Белоруссии. Этих богов представляли в наглядных образах; в них рядились во время праздников и обрядов, к ним обращались в песнях, их имена упоминали в поговорках и проклятиях.

Приводя белорусские поверья, песни и поговорки, Древлянский говорил, между прочим, об их географическом распространении. Из подобных сообщений явствовало, что автор не просто жил в Белоруссии, но много ходил и ездил по ней, знал в деталях фольклор и верования разных районов и был в силах осмыслить их сходные черты и различия.

На протяжении текста Древлянский несколько раз ссылается на ученые труды на русском и польском языках, однако, по его словам, использует опубликованные раннее данные только для сравнения с собранными им самим материалами. Он подчеркивает, что приводит только такие сведения, которые еще неизвестны читающей публике.

Заметки, посвященные отдельным богам и духам, различаются и по объему, и по характеру привлекаемого материала (обряды, верования, песни, поговорки, проклятия), однако они строятся по единой схеме. Вначале приводятся названия божеств или духов и толкуются их функции и происхождение. Далее описывается их внешний вид, сообщаются фольклорные тексты, в которых они упоминаются, или приводятся обряды, участники которых рядятся в этих богов.

а подлинной фамилией автора и озаглавлена, как и статья вторая, «Белорусские народные поверья». Впрочем, третья часть публикации сыграла значительно меньшую роль в последующем изучении славянского язычества, и мы сосредоточимся, главным образом, на содержании двух первых статей.

Автор различает богов и духов, причем и среди первых, и среди вторых устанавливает некое подобие иерархии, во всяком случае имеется и верховное божество (Дзева), и старший злой дух (Кадук). Приведем названия белорусских богов и духов по Древлянскому[1]:

«*Баган,* какой-то добрый дух, — кажется, то же, что *Волос*, покровитель домашнего скота» (с. 257);

«*Белун* — то же, что *Белбог*, источник богатства и милосердия» (с. 257);

«*Вавкалака* — оборотень» (с. 258);

«*Ваструха* — то же, что Астрея, богиня правды и целомудрия» (с. 258);

«*Дзева* — верховное божество, заимствованное у поляков» (с. 259);

«*Дзедка* — что-то похожее на *Дажбога*, — подателя богатства» (с. 259);

«*Зорка* — то же, что Аврора, богиня счастия и судьбы» (с. 260);

«*Каляда* — божество веселья и радости» (с. 260);

«*Купало* — покровитель цветов и плодов» (с. 261);

«*Ладо* — то же, что и у древних славян, покровитель любви» (с. 262);

«*Лелё* (*Лёлё, Люлё*) — купидон с крылышками» (с. 262);

«*Пагода* — какая-то воздушная стихия — ветер или буря» (с. 263);

«*Перун* — бог грома и молнии» (с. 263);

«*Расамаха* — какой-то грозный дух» (с. 263);

«*Русалки* — водяные нимфы» (с. 264);

«*Чур-бог* — бог границы» (с. 264);

«*Яга-баба–касцяная-нага* — злобный дух в образе гадкой старухи» (с. 264);

«*Ярыло* — бог весны и плодоносия» (с. 265);

«*Цмок* — дух в виде змеи» (с. 266);

«*Вазила* — покровитель лошадей» (с. 268);

«*Гарцуки* — горные духи» (с. 269);

«*Дзевоя* — богиня девства» (с. 269);

«*Жыж* — бог огня, то же *Знич* у литовцев (или, лучше, — древних ятвягов)» (с. 272);

«*Жыцень* — бог осени» (с. 273);

«*Зюзя* — бог зимы» (с. 274);

«*Кадук* — самый старший злой дух» (с. 275);

---

[1] В скобках указываем страницы публикации БНП в наст. изд.

«*Кумельган* — злой дух в виде человека и лошади» (с. 275);
«*Лазавик* — какой-то лесной бог, живущий в лозе» (с. 277);
«*Любмел* — кажется, бог брака...» (с. 277);
«*Ляля* — богиня весны» (с. 279);
«*Марня* — какой-то дух или привидение» (с. 281);
«*Меша* — какой-то нечистый дух» (с. 281);
«*Паляндра* — богиня смерти, то же что у литовцев (древних ятвягов, жителей нынешней Гродненской губернии) была *Мажанна*» (с. 282);
«*Талака* — покровительница жатвы и плодородия» (с. 283);
«*Цеця* — богиня лета» (с. 288);
«*Щедрец* — бог пиршеств» (с. 288).

В белорусском пантеоне Древлянского имеются боги исконнославянские (русские) и заимствованные у поляков и литовцев. По своему происхождению боги имеют неоднородный характер. Среди них упомянут Перун, который являлся верховным богом Владимирова пантеона. Имена древнерусских богов Дажбога и Волоса присутствуют в толкованиях имен Дзедки и Багана; имя славянского Белбога — в толковании имени Белуна. Древлянский включил в свой пантеон и персонажей, которые признавались славянскими богами наукой того времени, однако позднее были подвергнуты сомнению: Коляда, Купало, Ладо, Лелё (Лель), Пагода, Чур, Яга-баба, Ярыло. Есть здесь и персонажи реальной белорусской демонологии: вовкалака, цмок, кадук, русалка и др. Древлянский приписывает теоморфный характер и некоторым названиям праздников или календарных дат, таковы Талака и Щедрец[1].

С точки зрения функциональной в этом пантеоне выделяются, во-первых, божества природных явлений и стихий (Купало, Пагода, Перун, Русалки, Ярыло, Жыж, Лазавик; сюда же можно отнести олицетворения времен года: Жыцень — бог осени, Зюзя — бог зимы, Ляля — богиня весны, Цеця — богиня

[1] *Талака* — народный обычай коллективной взаимопомощи в хозяйственных работах у белорусов и других славянских народов. *Шчадрэц* — одно из белорусских названий новогоднего вечера (его называли также *шчодрая куцця*, *багатая куцця*) (см.: Этнаграфія Беларусі. Мінск, 1989. С. 491, 542). «В некоторых местах все жницы известны под общим именем *талачеек* — от слова *талака*. А талакою называется девица (жница), несущая венок <...> иногда слово талака заменяется названием *богини*, потому что, по преданию народа, Талака считается каким-то высшим существом (очевидно, мифологическим), покровительствующим жатве» (*Шпилевский П. М.* Дожинки: Белорусский народный обычай. Сценическое представление в двух действиях. СПб., 1857. С. VIII, примеч. 15).

лета) и, во-вторых, божества моральных явлений или социальных понятий, связанных с жизнью человека (Белун, Ваструха, Дзедка, Каляда, Ладо, Лелё, Чур, Ярыло, Дзевоя, Любмел, Паляндра, Талака, Щедрец). При этом Ваструха, Каляда, Ладо, Лелё, Дзевоя, Любмел соотносятся со сферой любви и брака, а Белун, та же Ваструха, Дзедка, Зорка, Купало, Ярыло, Талака, Щедрец регулируют сферы плодородия, пиршеств, богатства, милосердия, счастья. Баган и Вазила являются покровителями домашнего скота.

В отличие от богов, духи имеют злокозненный характер: Расамаха – грозный дух, Яга – злобный, Меша – нечистый, Кадук – старший злой дух.

Наиболее ценными для исследователей славянской мифологии были сведения о Перуне, Чуре, Яриле, так как они имели уникальный характер и ничего подобного ни у белорусов, ни у русских, ни у других славянских народов не фиксировалось ни ранее, ни позднее. Материалы Древлянского о Яриле, Перуне и Чуре многократно пересказывались и анализировались в последующих сочинениях по славянской мифологии.

А. Н. Афанасьев в своих знаменитых «Поэтических воззрениях славян на природу»[1] на десятках страниц пересказывает наблюдения Древлянского. Из БНП он заимствует описание Перуна (I, 247, 291, 432, 628; II, 357, 735, 769) и Ярилы (I, 441–442), бабы-Яги (III, 586), «Зирки» – богини счастья (III, 327), а также многочисленных духов, таких как «Белун» (I, 94), «одноглазые малютки» (I, 194), «гарцуки», летающие в виде хищных птиц (I, 506), «Вазила», дух-покровитель лошадей (II, 72), «Баган», охранитель рогатого скота (II, 72), «Чур» – бог, оберегающий границы земельных владений (II, 90), «Дедка» – охранитель кладов (II, 371, 770), «лазавики» – одноглазые старички ростом с ноготок и с аршинною бородой (II, 775), «Ляля», «Цеця», «Жыцень» и «Зюзя» – олицетворения четырех времен года (III, 679–681).

П. С. Ефименко положил свидетельство Древлянского о Яриле в основу своей мифологической реконструкции, согласно которой Георгий Победоносец в славянской традиции принял на себя черты языческого Ярилы[2]. Аналогичным образом А. К. Киркор в популярной статье о пережитках язычества в

---

[1] *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. (Репринт издания 1865–1869 гг.) Далее в тексте приводятся ссылки на данное издание; римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

[2] *Ефименко П. С.* О Яриле, языческом божестве русских славян // Зап. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. 1869. Т. 2. С. 77–111.

Белоруссии широко использовал сообщения Древлянского[1]. К БНП спорадически обращаются и современные исследователи славянской мифологии. Так, например, В. В. Иванов и В. Н. Топоров подробно обсуждают сообщение Древлянского о Яриле и признают его вполне правдоподобным[2].

В то же время достаточно рано наметилось и существенно иное, критическое отношение к БНП. Так, например, А. А. Потебня писал в работе, опубликованной в 1865 году, о том, что Древлянский в БНП «смешивает свои и чужие фантазии с народными поверьями, выдает какие-то варварские вирши за народные песни и потому авторитетом <...> быть не может»[3]. Несколько ниже он говорит о БНП как о «мутном источнике», хотя и признает, что в отдельных сообщениях Древлянского может быть «некоторая доля истины»[4].

И. И. Носович, крупнейший белорусский фольклорист и лексикограф XIX века, издатель пословиц, песен и составитель словаря белорусского языка, подробно разобрал БНП и показал, что Древлянский создавал образы богов на основе неверно понятых слов и пословиц. Так, например, *Ваструха*, согласно Древлянскому, это «то же, что Астрея, богиня правды и целомудрия» (с. 258). Древлянский сообщает, что поверье о *Ваструхе* сохранилось в Могилевской и отчасти в Витебской губернии, хотя и не уточняет, в чем именно заключалось это поверье. Кроме этого, он приводит поговорку «Бачыш, як бы Ваструха» и толкует ее следующим образом: «Видишь, как будто *Ваструха*, то есть как будто целомудренная, справедливая» (с. 259). И. И. Носович возражает на это, что «Вострухa значит только: 1) с язычком острым, язвительным, наносящая колкости; 2) осока, подобно серпу режущая пальцы»[5]. Значит, белорусская Астрея не более чем плод недоразумения.

Или другой пример. Согласно Древлянскому, *Зорка* — это «то же, что Аврора — богиня счастия и судьбы» (с. 260). О том, что Зорка у белорусов какое-то божество, Древлянский заключает на основании пословицы «Што уже з яго, кали jон не у

---

[1] *Киркор А. К.* Следы язычества в празднествах, обрядах и песнях // Живописная Россия: Литовское и белорусское Полесье. Минск, 1993. С. 249–276 (Репринт издания 1882 г.).

[2] *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 180–181, 185–187, 193–194, 212.

[3] *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре. М., 2000. С. 192, примеч. 25.

[4] Там же. С. 211, примеч. 34.

[5] Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем // Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии. 1873. Т. 5. С. 55.

Зорки», толкуя ее следующим образом: «Что из него будет, когда он не в милости у *Зорки*, без покровительства Зорки, то есть бездольный» (там же). И. И. Носович и здесь обнаруживает элементарную лингвистическую ошибку: «*Зорка*, уменьшит. слово от – *заря*. Сочинитель этого небывалого божества извлек его из изречения простолюдинов, дурно им понятого: "Што уже з его, кали ён не узоркий", т. е. слепой, потерявший зоркость; но он, записав это выражение неправильно: "што з его, коли он не у зорки", создал небывалое божество – Зорка»[1]. И. И. Носович приводит многочисленные примеры такого рода ошибок, которые не оставляют никакого сомнения ни в языковедческой неподготовленности Древлянского, ни в тех способах, с помощью которых он создавал свой языческий пантеон.

Развернутую критику БНП дал через несколько лет после И. И. Носовича и А. И. Кирпичников в книге о культе св. Георгия на Руси[2]. Несколько страниц посвятил также П. М. Шпилевскому А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии». О БНП А. Н. Пыпин писал: «<...> это – работы очень юношеские, нередко совсем простодушные. В этнографии и особливо в мифологии он (П. М. Шпилевский. – *А. Т.*) был самоучка, между тем на этот раз его тянуло именно к мифологии. Собирая народные предания, Шпилевский уверен, что находит в них самое прямое продолжение языческой древности, и находит у белорусов целые десятки языческих "богов" и "богинь", которых описывает иногда с большими подробностями – их вида, одеяния, их добрых и злых действий <...>»[3]. Касаясь последующих публикаций П. М. Шпилевского, А. Н. Пыпин отмечает, что многое в его сообщениях имеет только беллетристический интерес и не может считаться достоверным. Так, например, его сказки – «не запись народного текста, а собственное изложение сюжета, с литературными украшениями, которые, по необходимости, подрывают доверие и ко всему тексту»[4]. А. Н. Пыпин показал также, что целый ряд белорусских песен, которые П. М. Шпилевский выдавал за свои записи, на самом деле заимствованы им из сборников Я. Чечота и Е. Тыш-

---

[1] Там же.

[2] *Кирпичников А.* Св. Георгий и Егорий Храбрый: Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.

[3] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С. 72–73.

[4] Там же. С. 75.

кевича. С оценками А. Н. Пыпина был позднее солидарен и Е. Ф. Карский[1].

В последние десятилетия творческое наследие П. М. Шпилевского неоднократно привлекало внимание белорусских исследователей. Г. В. Киселев на основе архивных документов восстановил биографию П. М. Шпилевского и, в частности, выяснил дату его рождения – 1823 год (а не 1827, как это считалось ранее)[2]. Подробный разбор этнографических сочинений П. М. Шпилевского проделан в книге И. К. Тищенко[3]. Здесь между прочим рассмотрено критически и содержание БНП[4]. Автор утверждает, что в галерее языческих богов, созданной П. М. Шпилевским, многие на самом деле никогда не были известны белорусам[5].

Для того чтобы нагляднее представить себе, до какой степени недостоверны сообщения П. М. Шпилевского, приведем пример из его статьи о волках-оборотнях. Комментируя известное свидетельство Геродота о неврах, которые умели оборачиваться волками, П. М. Шпилевский отмечает: «К свидетельству Геродота прибавим то предание жителей пинского Полесья (Минской губ.), что *Овидий* жил некогда возле нынешнего г. Пинска в пещере, на высокой горе, окруженной со всех сторон озерами и *черотом* (тростником большим), куда, будто, ссылали его за дерзкие стихи <...>»[6]. К этому месту П. М. Шпилевский делает примечание: «Записано с уст народа»[7]. Представляется, комментарии в этом случае излишни.

Далее П. М. Шпилевский продолжает рассуждать об Овидиевых «Метаморфозах»: «Очень может быть, что Овидий, живя между нынешним пинским Полесьем и Приднепровьем,

---

[1] «Местный уроженец, проведший детство в одном из белорусских захолустий, он (П. М. Шпилевский. – *А. Т.*) очень хорошо знал белорусский быт и при лучшем состоянии этнографической науки мог бы дать немало ценных материалов для его характеристики. На самом же деле его статьи носят беллетристический характер; в них автор довольно легко относится к тем или другим обрядам и обычаям, так что, читая его статьи, нельзя быть вполне уверенным в правдивости сообщений» (*Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. С. 224).

[2] *Кісялёў Г.* Пошукі імя. Мінск, 1978. С. 247–281. См. также: *Кісялёў Г.* «...Я жыў з імі, я рос сярод іх...» // Полымя. 1974. № 3. С. 219–235.

[3] *Цішчанка І. К.* До народных вытокаў: Збіранне і вывучэнне беларус. фальклору у 50–60-я гг. XIX ст. Мінск, 1986. С. 36–64.

[4] Там же. С. 42–47.

[5] Там же. С. 46.

[6] *Шпилевский П. М.* Исследование о вовкалаках: На основании белорусских поверий // Москвитянин. 1853. № 5. Кн. 1. Отд. III. С. 8.

[7] Там же. С. 8, примеч. 18.

подслушал белорусское (неврское) народное предание о вовкалаках и на основании его написал известные "Превращения" <...>»[1]. П. М. Шпилевский даже предполагает, что Овидий сначала написал свои «Превращения» «на нынешнем польско-пинском или белорусском наречии», но после, «вероятно, увлеченный чувством народной гордости, как римлянин, не хотел обнародовать своей поэзии на чужом языке (варварском), боясь тем оскорбить латинских муз»[2]. Подобными анекдотическими суждениями наполнены и БНП, однако читатель, недостаточно знакомый ни с белорусским языком, ни с белорусской этнографией, не всегда может их критически оценить.

Такое впечатление, что время от времени П. М. Шпилевский и сам начинал сомневаться в своих писаниях и чувствовал какое-то неудобство от избытка собственных фантазий. Тогда появлялись оговорки такого типа: «Впрочем, все эти остатки языческих верований — редкость в Белоруссии: они известны более в предании, чем на деле»[3].

В то время как для одних Древлянский представлял собой лишь объект для насмешек, другие доверчиво строили на основе БНП свои ученые разыскания по славянской мифологии. А. А. Потебня и позднее А. И. Кирпичников вынуждены были упоминать Древлянского только для того, чтобы разъяснить, почему они не считают возможным использовать сообщаемые им сведения. В то же время А. Н. Афанасьев на десятках страниц своих «Поэтических воззрений славян на природу» пересказывает БНП, делая их одним из наиболее важных источников о верованиях белорусов[4].

БНП не являются в целом фальсификацией. П. М. Шпилевский действительно собирал белорусский фольклор, наблюдал воочию обряды и обычаи, сам был выходцем из Белоруссии и посещал ее во время учебы в Петербургской духовной академии. И тем не менее БНП невозможно рассматривать как достоверный источник. П. М. Шпилевский фантазировал, дополнял реальные данные выдуманными им сведениями, занимательными, а подчас и совершенно немыслимыми, выдавая их за собственные записи из уст простолюдинов. Он давал нерас-

[1] Там же. С. 8.

[2] Там же. С. 8, примеч. 20.

[3] *Шпилевский П. М.* Дожинки. С. VII.

[4] *Топорков А. Л.* Об источниках «Поэтических воззрений славян на природу» // Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Справочно-библиографические материалы. М., 2000. С. 41–42.

членённо сведения реальные, основанные на собственных наблюдениях, и их интерпретации, отражавшие его представления о славянском язычестве. Ряд толкований П. М. Шпилевского основан на ошибках, недоразумениях. Он отыскивал богов в неправильно истолкованных поговорках, песнях и формулах проклятий, произвольно отождествлял персонажей белорусской демонологии (реальных и выдуманных) с древнеславянскими и античными богами.

П. Древлянский

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ[1]

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Предки наши, Русские Славяне, подобно другим древним народам, имели мнимые божества, которым воздвигали кумиры и поклонялись. Так в «Соф. Временнике» говорится: «и нача княжити Владиміръ в Кіевѣ и постави кумиры на холму, внѣ града теремнаго: *Перуна*, древяна, а главу сребряну, а усъ златъ; и *Харса*, и *Дажба*, и *Стриба*, и *Семаргла*, и *Макошь*. Жряху имъ, нарицающе ихъ богы, провожаху сыны я́ и дщеры, и жряху бѣсом, и оскверняху землю свою требами многими, и осквернишa кровми землю Русскую и холмъ той»[2]. Без сомнения, упомянутые здесь божества были у Славян Русских собственные, коренные — Славянские; но Славяне принимали постепенно и чужих богов, так как окружены были со всех сторон разными языческими народами: с Северо-Запада — Латышами, Прусаками, Ятвягами, Литовцами; с Северо-Востока — Финнами, с Юго-Востока — Хазарами. Но как главным сердцем Славян Русских был Киев и сопредельные ему земли по Днепру, то и кумиры в честь божеств воздвигаемы были в этих местах: сюда собирались Славяне Русские для поклонения божествам, для участвования в народных празднествах, игрищах: отсюда выносили разные сказки и песни про дивные дела своих божеств, про силу их и могущество. Таким образом, Южная часть нынешней России была главным местом, где сохранялись предания о божествах Славян Русских, невидимых духах, чудесных силах их и т. п. Без сомнения, отсюда могли переходить эти предания и в дальнейшие земли Руси; но народные верования в настоящем виде их могли сохраниться только в Киеве и ближайших к нему местах. С введением Христианской Веры в земли Русских Славян, идолы и капища

[1] Отрывок из сочинения: «Словарь и Корнеслов Белорусского наречия» (Здесь и далее примечания П. М. Шпилевского приводятся в соответствие с первоисточником — *А.Т.*).

[2] Соф. Временник. С. 55.

в ней были уничтожены; предания же, хранившиеся в народе, не могли уничтожиться. Христианская Вера могла уничтожить верование в языческих богов; но устное предание не переставало сохранять в народе воспоминания о верованиях предков. Этому способствовало и то, что Христианство не вдруг утвердилось во всей России, но постепенно: то есть предания находили себе опору в языческих верованиях соседних народов, и, таким образом, Славяне Русские, будучи Христианами, все еще имели случаи видеть подобие старинных своих богов. Прошло несколько веков после утверждения Христианства в России, а предания о богах, духах, таинственных силах, ведьмах и других страшилищах не уничтожились, но с течением времени только облекались в поэтический вымысел и принимали живописный колорит в устах рассказчика. Сколько перемен произошло в Русском народе со времени введения Христианства и распространения просвещения; сколько бед потерпела Русь от Монголов, Литовцев и других народов; и, несмотря на то, предания о верованиях древних Русских Славян сохранились почти в неповрежденности в Русском народе. Мы уже сказали, что в Киеве и вообще по Днепру, где находились идолы и капища древних Русских Славян, предания об них с особенною точностью сохранились, т. е.: по рекам Припети, Соже и, частью, по Западной Двине, то есть в губерниях Минской, Могилевской, частью — в Киевской, Витебской и частью — в Черниговской. Удивительно даже, что не только имена божеств, но и самые понятия, соединяемые с ними, и свойства, приписываемые им предками нашими, совершенно согласны с именами, понятиями и свойствами тех божеств, о которых сохранились предания в Белоруссии, как о мнимых духах. Особенно замечательны в этом отношении Белорусские Губернии — Минская, Могилевская и Витебская. В простом народе Белорусских Губерний можно находить много обычаев, игрищ, обрядов, поговорок, которые ведут свое начало от времен язычества. Нельзя не удивляться, как могли сохраниться самые песни (многие) без всякого изменения: трудно найти в них какую-нибудь перемену не только в мыслях, но даже и в словах. Любопытно поэтому сличить устные предания Белорусцев о различных божествах, как о мнимых духах и привидениях, с *истым* верованием древних Русских Славян. Любопытство наше в этом случае тем легче удовлетворится без всякого утомления, что предания Белорусцев украшены поэтическими рассказами. Для этого и самые рассказы представляются в возможной связи и порядке. Вот они.

I. *Багáн*

Багáн, какой-то добрый дух, — кажется, то же, что *Волос*, покровитель домашнего скота. По рассказам Белорусцев, Багáн, смотря по своему расположению или неприязни к какому-либо семьянину, или умножает (*родзиць*, рождает), или похищает у него домашний скот: это они подтверждают фактами. Слова *умножает, похищает* должно понимать так: *Багáн* делает скот или плодным, или бесплодным; рождает детенышей скота или живыми, или мертвыми; оставляет самую родильницу после родов или здоровой, или больной и даже мертвой. Так толкуют сами Белорусцы. Замечательно также, что Белорусцы отделяют в хлевах скотских особенное место с особенными маленькими яслями с сеном. Они делают это вследствие поверья, будто бы *Багáн* поселяется, так сказать, в хлевах скотов (разумеется, любимого им семьянина) и охраняет скот от разных болезней и припадков. А главное — будто Багáн помогает скотам при рождении. Конечно, сено в яслях, приготовленное для Багáна, цело: Белорусцы им кормят родильницу первую неделю после родов, считая это сено как бы лекарством. Впрочем, Багáн не по всей Белоруссии известен под этим именем, под которым преимущественно знают его в Минской Губернии, в Пинском, Мозырском и Слуцком Уездах, и частью — в Губернии Черниговской. Судя по рассказам Белорусцев, он весьма сходен или по крайней мере соответствует тому сáмому, о котором Г. Касторский упоминает в своем «Начертании Славянской Мифологии» (гл. IV, с. 37. — О Боге). Поговорки: *Багáн задушив авцý* — Багáн удушил овцу, т. е. овца околела от родов. *Багáн нарадзúв целя́* — Багáн дал теленка; эту поговорку Белорусцы употребляют при рождении детеныша у скотины.

II. *Белун*

Белýн — то же, что и *Белбог*, источник богатства и милосердия. В Белоруссии есть поверье, будто Белун является заблудившимся в лесу и молча, почти невидимо выводит путников на прямую и верную дорогу, с которой они сбились; будто он присутствует на нивах во время жатвы и помогает жнецам успешно жать. Но всего чаще рассказывают Белорусцы, как Белун является беднякам в *жы́це* (во ржи) с сумою денег на носу. Заметив бедняка, — говорят, — Белун манит его к себе рукою; потóм, если бедняк не решается подойти, он сам подходит к нему и просит его утереть себе нос. Если бедняк послушается и утрет ему нос (что всегда бывает, потому что Белун

является днем), то из сумы посыплются деньги, а Белун исчезает. Количество денег бывает смотря по тому, чем бедняк утрет нос *Белуну*. Если утрет рукою, то денег высыплется из сумы столько, сколько можно забрать рукою; если же платком, или шапкою, или полою *свíты* (верхней одежды Белорусского мужика), то денег высыплется из сумы *Белуна* столько, сколько может поместиться в платке, в шапке или в поле одежды. Белорусцы представляют *Белуна* стариком с длинною, белою, но не седою бородою, в белом саване, с белым посохом. Поговорка: *Мýсиць, пасябрывся з Белуном* — Должно быть, подружился с Белуном, т. е., верно, его посетило счастье. *Цióмна у лéсе без Белунá* — Темно в лесу без Белуна, т. е. Белун — проводник в темном, глухом лесу.

III. *Вавкалáка*

Вавкалáка — оборотень. Это не что иное, как человек, превращенный чародеем или нечистою силою в *волка*. По мнению Белорусцев, злой дух, будучи недоволен кем-нибудь из людей, записавших ему свою душу, обращает его в *волка* и заставляет его рыскать по домам своих родных. Родные узнаю́т своего ближнего и кормят его. Состояние *Вавкалáки* самое жалкое, невыносимое; он беспрестанно рыскает по полю, как будто бешеный; всегда недоволен чем-то и беспрестанно воет; впрочем, он не делает никому вреда, хотя и может, по сообщенной ему силе. Власть производить (рóбиць) *Вавкалáк*, по словам Белорусцев, принадлежит *черту*, но она передается от него так называемым *знахарям* (колдунам), в силу которых Белорусцы очень верят. Вероятно, это верование перешло к нашим предкам от самых древних времен языческих. Этот *Вавкалáка* не то же ли, что Lycaon, о котором Овидий упоминает в своих *Превращениях* (см.: *Ovid.* Metamorphoseon. Lib. I. Vers. 230.....240)? Толки о *Вавкалáке* чрезвычайно разнообразны в Белоруссии, так что в этом случае очень уместна пословица Белорусская: *Што гóрад, то нóрав* — Во всяком городе свой обычай. Поговорки: *Спры́крывся, як Вавкалáка* — Надоел, наскучил, словно Вавкалака. *Бы Вавкалáка шпы́рыць* — Как будто Вавкалака рыскает, то есть бесприютный.

IV. *Вастрýха*

Вастрýха — то же, что Астрея, богиня правды и целомудрия. О ней большею частью сохранилось поверье в Могилевской Губернии, в Оршанском и Бабиновичском Уездах, и частью —

в Витебской Губернии. Поговорка: *Ба́чыш, як бы Вастру́ха* — Видишь, как будто *Вастру́ха*, то есть как будто целомудренная, справедливая.

V. *Дзе́ва*

Дзе́ва — верховное божество, заимствованное у Поляков. Белорусцы клянутся этим божеством. Вот их клятва: *Да-Дзевы*, то есть, «да будет с вами богиня — *Дзе́ва*». Впрочем, верование в *Дзе́ву* не у всех Белорусцев господствует.

VI. *Дзе́дка*

Дзе́дка — что-то похожее на *Дажбога* — подателя богатства. Белорусцы верят, что *Дзе́дка* ходит (днем) по дорогам с сумою, как нищий, и, встретившись с каким-нибудь несчастным или бедняком, наводит на него сон прежде, нежели тот успеет заметить его. Если встретившийся человек богат, но несчастен, то *Дзе́дка* представляет ему во сне такое видение, которое или предсказывает избавление от несчастия, или указывает средства самому избавиться от него. Разумеется, главным действующим лицом во сне *Дзе́дка* представляет себя, так что человек (Белорусец) тотчас узнает, что ему явился во сне *Дзе́дка*. Узнать *Дзе́дку*, по словам Белорусцев, можно по тому, что он всегда является с красными огненными глазами и с такою же бородою. Если же встретившийся человек — бедняк, то *Дзе́дка*, наведши на него сон, тайно снабжает его нужным количеством денег. Этого же *Дзе́дку* Белорусцы считают хранителем *кладов*. Они верят и стараются подтвердить свое верование множеством рассказов, будто *Дзе́дка* с огненными глазами и бородою является им (вечером, ночью и днем) на том месте, где зарыт какой-нибудь клад; является не весь, но одна только его голова; оттого-то, говорят, огонек на кладах бывает как бы на поверхности самой земли. Догадливые люди, говорят Белорусцы, ничего не боясь, смело подходят к этому огоньку, зная, что это показался из земли *Дзе́дка з грошьмі́* (с деньгами); подошед к нему, нужно бросить на него какую-нибудь одежду. Знающий бросит, говорят, непременно шапку; а если нет с ним шапки, то часть волос своих, вырванных из головы. Незнающий же бросит что-нибудь другое. Но это не все равно. Если кто бросит шапку или волосы, то клад не уйдет далеко, а останется почти на поверхности земли. Если кто бросит *свитку*, то клад в три раза глубже уйдет; а если сапоги (или лапти), то клад так да-

леко уйдет от поверхности земли, что нужно будет целый век свой копать землю на том месте, пока выкопаешь клад. Вообще, по понятию Белорусцев, клад тем глубже уйдет, чем дальше от головы или ближе к ногам та одежда, которую бросишь на огонек. За такие большие милости *Дзе́дки* Белорусцы приписывают ему название *Дзе́давой-Недзели* (недели Мясопустной); то есть говорят, будто предки их в честь *Дзе́дки* установили эту неделю. Поговорки: *Каб не Дзе́дка, прапа́в* — Беда, если б не Дзе́дка, то есть, *Дзе́дка* помог горю. *Дзе́дзя гары́ць* (?) — Дзе́дка горит. Эта поговорка очень замечательна: ее употребляют Белорусцы в то время, когда малые дети их обнаруживают страсть к деньгам и как бы с жадностью хватают попавшиеся деньги; этим они хотят охладить в детях своих страсть к деньгам: то есть «не тронь, деньги горячи, их трудно добыть».

VII. *Зо́рка*

Зо́рка — то же, что Аврора, богиня счастья и судьбы. По понятию Белорусцев, каждый человек имеет свою особенную *Зо́рку*, которая, как дух-хранитель, неотступно находится при своем избранном. Верят, что *Зо́рки* сотворены вместе с человеком и назначены Богом для охранения людей. Впрочем, трудно угадать, кого Белорусцы собственно разумеют под *Зо́ркою*: действительно ли духа-хранителя или кого-либо другого? Из того, что *Зо́рку* они называют богинею, а не духом, можно предполагать, что это какое-то второстепенное божество; а из того, что *Зо́рки* назначены Богом для хранения людей, можно заключить, что это — *духи*. Впрочем, из поговорок можно заключать, что *Зо́рка* у Белорусцев — какое-то божество. Вот поговорка: *Што уже з яго́, калі́ ўфн не у Зо́рки* (что из него будет, когда он не в милости у *Зорки*, без покровительства *Зорки*, то есть бездольный).

VIII. *Каляда́*

Каляда́ — божество веселья и радости. В честь его праздновали время от Рождества Христова до Нового Года. Еще и теперь по вечерам собираются хороводы парней или девиц и, устроивши кое-какую музыку, ходят по улицам деревни или села. Подходя к окошку какого-нибудь дома, хоровод пляшет и поет веселые песни, припевая: «*Ой Каляда́ ж ты наш. Каляда́чку, да веселы ж Каляда*!..» Хозяева домов очень довольны бывают посещениям таких гостей и щедро награждают их, преимущественно колбасами. Поговорки: *Калядава́в, каля-*

дава́в, паку́ль зкалядава́вся – Веселился, веселился (кутил), пока не промотался. *Кали́ не на Каляду́ пабадзяцьца, дак кали ж болей?* – Если на Каляду (т. е. в праздник Каляды) не покутить, то когда же больше?»)... Впрочем, о Каляде много было писано, и потому мы не считаем нужным слишком распространяться о нем.

IX. *Купа́ло*

Купало – покровитель цветов и плодов. О Купале также много было писано. Упомяну здесь о том, что неизвестно еще читающей публике. Вот обряд в честь *Купалы*. В Иванов день, с рассветом, собирается, по условленному договору, хоровод молодых девиц, начиная с 16 лет и далее; общим голосом выбирают из хоровода одну самую дородную, самую красивую девицу и нарекают ее *Дзе́вко-Купа́ло*. Выбранная в Купалы гордится своим достоинством и потому, не желая унизить его, старается во всем угождать своему хороводу. Избрав девицу, хоровод раздевает ее и обвивает все ее тело, с головы, приготовленными для того венками из свежих цветов. Таков, по понятию Белорусцев, *Купа́ло*. Убравши таким образом девицу, хоровод ведет ее в лес в определенное место, где приготовлена глубокая яма. В яме набросано множество венков из свежих и сухих цветов. *Де́ву-Купа́лу* вводят в яму с завязанными глазами. Потом хоровод кольцом кружится вокруг ямы. Между тем, *Де́ва-Купа́ло* без разбора берет венки, находящиеся в яме, и раздает их кому ни попало из кружащихся вокруг ямы девиц. Если которой девице попадется венок из свежих цветов, то это значит, по их понятию, что эта девица в замужестве будет счастлива и богата. Поэтому сейчас все начинают плясать, припевая, с обращением к *Де́ве-Купа́ле*, каждая поодиночке, веселые песни (одного, впрочем, содержания, которые по длинноте своей здесь опускаются). Напротив, если которой девице попадется венок из сухих цветов, то это значит, что она в замужестве будет несчастна и бедна. Тогда уже не пляшут, а садятся все вокруг ямы и умоляющим, заунывно-протяжным голосом взывают (поют) к *Де́ве-Купа́ле*:

	Перевод:
Ай, Купа́ло ж, ты, Купа́ло	Ой, Купало ж, ты, Купало,
Да скажы ж ты нам цяпер,	Скажи ты нам теперь,
Што ж ге́та jо̂й выпало,	Что ж это ей выпало,
Ай, скажы ж ты цяпе́р.	Ай, скажи ж ты теперь.

Дéва-Купáло в таком же тоне отвечает:

	Перевод:
Счáсьця, доли	Счастья, доли
Не бáчыць jôй,	Не видать ей,
Жыць у недоли –	Жить в недоли
Од же ж, од jôй.	Вот судьба ей!

Затем опять продолжают ворожить. *Дéва-Купáло* по-прежнему раздает венки; и этот обряд продолжается до тех пор, пока каждая из находящихся тут девиц *не выворожит своей судьбы*. Наконец вечером, по данному знаку *Дéвы-Купáлы*, весь хоровод опрометью бежит от ямы, не оглядываясь, боясь, чтобы Купало, выскочив из ямы и пустившись в погоню, не поймал которой-нибудь; потому что, по мнению Белорусцев, та девица, которую поймает Купало, не выйдет замуж в том году. Верование в *Купáлу*, равно как и в Коляду, существует по всей Белоруссии.

X. *Лáдо*

Лáдо – то же, что и у древних Славян, покровитель любви. У Белорусцев есть много песен и поговорок, в которых очень часто упоминается *Дид-Лáдо*, *Дид-Лáдо*, но все это неясно, смешано: трудно найти определенный смысл. Вот, между прочим, Белорусская поговорка: *Не з Лáдом муж, не з Лáдом жонка* – Муж не по любви, жена не по любви.

XI. *Лéлio*

Лéлio (Лiôлio, Люлio) – купидон с крылышками. Быть может, баюканье Белорусских нянюшек: *Лéли*! *Лю́ли*! *Лiôли*!.. есть призывание купидона для охранения младенцев во время их сна? Это же подтверждается следующими Белорусскими песнями, которые поют няньки, убаюкивая детей:

	Перевод:
Ой, Лiôли, Лiôли!	Ой, Лёли, Лёли!
Придзи к дзицяци,	Приди к дитяти,
Да дай спаци!	Дай ему уснуть,
Ой, Лiôли, Лiôли!	Ой, Лёли, Лёли!
Ой, Лéли, Лéли,	Ой, Лели, Лели,
Придзи к пасьцéли!	Приди к колыбели!
Ой, Люли, Люли,	Ой, Люли, Люли,
Приснился Петрули!	Явись во сне Петруше!

Кроме того, Белорусцы рассказывают, будто бы во время такого убаюкивания детей действительно носится над колыбелью засыпающего младенца *Лéліо*, едва заметный, вроде какого-то тумана.

XII. *Пагóда*

Пагóда – какая-то воздушная стихия – ветер или буря. Вот, между прочим, песня Белорусцев при закате солнца:

	Перевод:
1) Чы пень, чы калóда!	Пень ли ты или колода!
Чы будзе завтра погода?	Скажи, будет ли завтра погода?
2) Ай, Пагода ж, Пагода?	Ах, Погода ж, Погода!
А гдзе ж мая надзоба?	Скажи, где мне искать счастья?

Эти воззвания Белорусцы особенно употребляют, находясь в лесу, думая, что здесь живет *Пагóда*, и потому услышит их. К этому обстоятельству должны быть применены слова: *пень-калода*.

XIII. *Пéрун*

Пéрун – бог грома и молнии. По понятию Белорусцев, *Пéрун* имеет большую голову с черными волосами и глазами, длинную золотую бороду; он высокого роста, плечист; в левой руке носит колчан со стрелами, а в правой – лук. Белорусцы верят, что *Пéрун*, видя пороки людей, разъезжает по небу на огненной колеснице, с огненным луком в руках, с тем, чтобы пугать людей: отсюда они изъясняют явление грома. Когда же Перун увидит, что люди не пугаются его грома, то, желая наказать нераскаянность людей, пускает из огненного своего лука стрелу, которая с огнем ниспадает на землю и нередко производит пожар: отсюда изъясняют явления молнии. Последнее верование свое Белорусцы подтверждают тем фактом, будто бы после пожара, произведенного молнией, всегда находят на земле какую-то чудесную стрелу. Поговорки: *Каб цябé Пéрун трéснув* – пусть тебя *Пéрун* (гром) убьет (из огненного лука); *Якú там Пéрун ля́скае* – что там за грохот такой? О Перуне знают все Белорусцы без исключения.

XIV. *Расамáха*

Расамáха – какой-то грозный дух. Белорусцы представляют его страшным чудовищем, состоящим из половины челове-

ка и половины льва, т. е. задние ноги его и другие части до груди — человеческие, остальные же — львиные; весь он покрыт длинною, самою белою шерстью; ходит на задних ногах. Верят, будто *Расама́ха* всегда живет в коноплях (куда девается зимою — неизвестно) и выходит только ночью для приискания корма; верят так же, будто она, увидев нескольких людей, нападает на самого молодого из них (старых не трогает); напавши на свою жертву, она не душит его, но, прогрызя у живого череп, высасывает мозг; высосавши же мозг, тело бросает. Поговорка: *Каб цябе́ Расама́ха задрала.* Не то ли же это, что у Славян — *Чернобог*?..

XV. *Руса́лки*

Руса́лки — водяные Нимфы. Белорусцы представляют их нагими, кое-где прикрытыми сухими листьями; верят, будто бы они живут в озерах и при светлой луне плещутся у берегов озер; это они делают для того, чтобы заманить к себе проходящих. Горе, говорят, тому человеку, который подойдет к ним: они тотчас выбегают из воды, бросаются на несчастную жертву и щекочут его до тех пор, пока не защекочут до смерти. Поговорка: *Шлако́чецъца, бы Руса́лка* — щекочется, как Русалка.

XVI. *Чу́р-бог*

Чу́р-бог — бог границы. До сих пор еще есть остатки верования, будто у каждого хозяина есть свой *Чу́р-бог* на границе его участка земли. Поэтому-то и теперь еще сохраняется обычай в Белоруссии — насыпа́ть на границе своих участков высокий земляной бугор. Бугор этот огораживают частоколом, и никакой дерзкий не осмелится разрыть этот священный бугор, опасаясь, чтобы тем не разгневать *Чу́р-бога*, который там живет и охраняет землю хозяина от хищности зверей и грабительства людей. Поговорка: *Чу́р табе́ на язык*! — посадил бы ты на своем языке *Чу́р-бога*, т. е. дал бы ты границу своему языку или перестань говорить!

XVII. *Ягá-баба—касцянáя-нагá*

Ягá-баба—касцянáя-нагá — злой дух в образе гадкой старухи. Представляют ее ездящей в железной ступе и погоняющей огненно-горящей метлой воздушные силы, которые приводят

в движение ее ступу; думают, что она живет в воздухе. Когда она едет, говорят, земля стонет, ветры свищут, звери воют, домашний скот прячется в хлевы; самые даже нечистые силы, везущие ее ступу, страшно ревут, — так что еще не видно ни *Яги-бабы*, ни ее колесницы, а страшные явления, сопровождающие ее путешествие, дают знать, что нечто злобное летит на землю. У Белорусцев есть поверье, что *Ягá-баба* появляется тогда, когда у нее не станет человеческого мяса, которым она питается. Приняв образ старухи, она является в дом какого-нибудь семьянина и, воспользовавшись при помощи своей демонской хитрости простотою мужичка, похищает у него дитя. Рассказывают, будто бы однажды *Баба-Яга* уронила в воздухе дитя, и оно упало мертвое на кровлю того же дома, где оно было похищено. Поговорка: *Вытрещылася як Баба-ягá–касьцянáя-нагá* (т. е. вытаращила такие страшные глаза, как будто сама *Баба-ягá–костяная ногá*).

XVIII. *Ярыло*

Ярúло — бог весны и плодоносия. Белорусцы представляют его молодым, красивым, разъезжающим на белом коне. По их мнению, Ярыло всегда бывает покрыт белой мантией; на голове у него венок из свежих весенних полевых цветов; в правой руке держит он человеческую голову, а в левой — маленький снопик (горсть) ржаных колосьев; ноги у него босые. В честь его Белорусцы празднуют время первых деревенских посевов (в Белоруссии) 27 Апреля. Обряд этого праздника следующий. Вечером (в сумерки) хоровод девиц собирается в один дом, и там, избравши одну девицу *Ярылом*, одевают ее точно так, как они представляют Ярыла, и сажают ее на белого коня, привязанного к столбу. Между тем, хоровод извивается длинною вереницею вокруг Ярылы и пляшет; у каждой девицы непременно должен быть на голове венок из свежих цветов, какие только могут быть в то время. Если же весна бывает теплая и благорастворенная, особенно если самый день праздника хорош, то этот обряд совершается с рассветом дня на чистом поле, даже на посеянных нивах. Старики-семьяне не только не препятствуют этой забаве молодых девиц, но и сами присутствуют при ней.

Во время пляски девицы поют в один голос песню, в которой изображены действия этого мнимого бога, будто бы он ходит по всему свету, на нивах рожь ростит и людям приносит чадородие.

Песня эта очень длинна. Замечательно, что в хороводных праздниках Белорусских главную и исключительную роль играют девицы, а не мужчины (парни).

	Перевод:
А гдзе́ ж jôн нагою,	А где он ступит ногой,
Там жы́то капо́ю,	Там рожь растет густо (хорошо),
А гдзе́ ж jôн ни зырне́,	А на какое место взглянет,
Там ко́лас зацьвице́.	Там колос зреет.

XIX. *Цмок*

Цмок – дух в виде змеи. Три рода Цмоков насчитывают Белорусцы. Именно: 1) *Цмок* – общий (Цмок), 2) *домовой* (домови́к) и 3) *лесной* (лесови́к). Об общем Цмоке Белорусцы мало знают: кажется, это, по их понятию, просто дьявол. Общий Цмок имеет в своей власти и распоряжении всех других Цмоков: все прочие Цмоки должны давать отчет *Цмоку общему*. У каждого семьянина, говорят Белорусцы, есть *домовой-Цмок* (но, как видно, это уже не дьявол). Он поселяется в доме избранного им семьянина и, пока с ним в хороших отношениях, не отходит от него к другому семьянину. *Домовой-Цмок* носит своему семьянину деньги, делает нивы его плодоносными, а коров дойными (то есть дающими много молока); вообще он смотрит за всем его хозяйством. Разумеется, все это делается тайно, незаметно от семьянина; впрочем, каждый семьянин знает своего *Цмока-домовика́*, но не более как своего, так что один семьянин не знает *Цмока-домовика́* другого семьянина, даже рядом с ним живущего. За такие услуги *Цмока-домовика́* семьянин, со своей стороны, должен всякий день приготовлять для него яичницу и ставить ее всегда в сковороде на кровле дома. Говорят, что когда один семьянин не приготовил для своего *Цмока-домовика́* яичницы, то *Цмок-домовик* в ту же ночь сжег весь его дом и перешел к другому семьянину. Но этот обычай не повсеместен в Белоруссии; более господствует следующий. Каждый семьянин, со своей стороны, обязан в известные дни года приготовлять яичницу для своего *Цмока-домовика́* и, прикрыв ее частым решетом, ставить на *гумни́цы* (место при гумне). *Лесовой Цмок* (лесови́к), говорят Белорусцы, – непримиримый враг *домовика́* и потому-то он все делает назло ему. Он морит у хозяев скот, делает нивы их неурожайными, ночью высасывает молоко у коров и похищает дочерей. Этот-

то *Цмок-лесови́к* нередко поедает яичницы, приготовленные для *Цмоков-домовиков*. Забавный случай в этом отношении рассказывают Белорусцы, будто бы однажды *Цмок-лесовик* прежде времени успел окончить поручения *Цмока* общего и прилетел к одному семьянину съесть яичницу, приготовленную для *Цмока-домовика́*. В это время прилетел и *Цмок-домовик*. Произошла драка, и на шум, произведенный ими, стеклись поселяне со всей деревни. Но Цмоки, говорят, постыдились и улетели. После этой драки *на гумни́цы* осталось много крови и несколько клочков мяса... Вообще о Цмоках в Белоруссии сохранилось много преданий и все они одно другого забавнее и замысловатее. Не знаем, можно ли *Цмо́ка* Белорусского назвать тем самым *Змо́ком*, которого Г. Касторский приписывает Польше. (См. его «Начертание Слав. Мифолог.». С. 57.) Нет сомнения, что этот *Змок* в Польше то же, что *Цмок* в Белоруссии, и что даже гораздо вернее будет, если и Польского духа назвать *Цмоком*, а не *Змо́ком*. Это можно доказать производством слов *Змок*, *Цмок* и самым делом (фактом). Если этого духа назвать Змо́ком, то нельзя будет найти корня этого слова ни в Польском языке, ни в Белорусском наречии. Разве в Русском? Но если производить корень этого слова из Русского языка, то свойства, приписываемые *Цмоку* в Белоруссии и *Змоку* в Польше, ничуть не оправдают этого словопроизводства. Так, если производить *змок* от *мокнуть* (а иначе нельзя на Русском языке), то этим ничуть не определишь значения слова *Змок*. Но с какой стати искать корня этого слова в Русском языке? Равно и опыт не доказывает мнения Г. Касторского. В Польше много рассказывают очень страшного про Цмока, и все эти рассказы похожи на рассказы Белорусцев. Различие в том, что в Польше знают одного *Цмока* (общего), который, по мнению Белорусцев, есть дьявол, а в Белоруссии насчитывают три рода Цмоков. Напротив, если мы назовем этого духа *Цмоком*, то это слово очень легко и верно можно произвести от его корня, как Белорусского, так и Польского, и значение его не будет противоречить самым действиям, приписываемым *Цмоку*. Так слово *Цмок* происходит от глагола *цмокаць* (cmokać), который и на Белорусском наречии и на Польском языке значит — *свистать*, щелкать зубами, шипеть по-змеиному. Корень верен, и такой предикат очень идет к змее. Итак, *Цмок* Белорусский и *Змок* Польский есть один и тот же нечистый дух в образе змеи.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ[1]

XX. *Вази́ла*

Вази́ла – покровитель лошадей. Белорусцы представляют его в человеческом образе, с лошадиными ушами и копытами; в одежде, впрочем, человеческой, – для отличия от *Кумельга́на*[2], который весь покрыт лошадиною шерстью. По понятию Белорусцев, всякий хозяин имеет своего *Вази́лу*, который заботится о размножении лошадей и предохраняет их от болезней и припадков. Вази́ла, говорят, большею частью живет в хлевах лошадиных, но также всегда присутствует и на так называемых ночлегах, когда лошади пасутся большими табунами. На этих ночлегах особенно необходимо присутствие Вази́лы как для предохранения лошадей от нападения волков и других хищных зверей, так – главное – для защищения их от ухищрений непримиримого врага его *Кумельгана*. Вследствие такого поверья, Белорусские пастухи часто беззаботно проводят ночлег в гулянках или спят, вовсе не присматривая за вверенным им табуном хозяйским и предоставляя лошадей заботливости и бдительности Вазилы. Они обыкновенно вколачивают на месте ночлега огромный шест и втыкают на него костяк лошадиной головы, думая, что это символическое изображение Вази́лы спасет табун от всех могущих встретиться опасностей. Говорят даже, будто в случае нападения какого-нибудь зверя и даже Кумельга́на на табун, лошади по какому-то инстинкту сбегаются на то место, где вколочен шест с головою Вази́лы, и здесь находят себе спасение: потому что ни зверь, ни Кумельга́н не смеет подойти к этому месту. Белорусские хозяева до того уверены в покровительстве Вази́лы, что часто оставляют лошадей своих на поле, ночью, одних без пастуха, думая, что Вази́ла будет пасти их. *Вази́ла паведзе́* (Вази́ла будет водить, руководствовать), говорят обыкновенно в этом случае.

Белорусцы особенно уважают Вази́лу (отчего он, может быть, и называется – Вази́ла) за то, что он, будто бы ночью, привозит на себе какую-то особенную траву и мешает ее в корм лошадиный, от которой лошади крепнут и делаются сильными и рослыми. Не один Белорусский хозяин часто уверяет другого, будто он находит траву эту в яслях и имеет ее на всякий случай... Рассказывают также много случаев, что Вази́ла, будто бы найдя Кумельга́на в хлеве, беспощадно его мучит, и что

[1] Первая статья помещена во второй книжке Прибавлений к Ж. М. Н. Пр. 1846 года.

[2] См. ниже.

слышен бывает ужасный стук и топот, происходящий от драки Вази́лы с Кумельганом. Вази́ла в большом уважении в Белоруссии, но он не везде известен под одним и тем же именем: где называют его *Канькачо́м*, где — *Хле́вником*, где — *Табу́нником*, а где — *Ви́сусником*. Поговорка: *Спабра́вся, як Вази́ла з Кумельга́ном* — Сцепился (т. е. драться), как Вази́ла с Кумельганом; *Навази́вся без Вази́лы* — Намучился без (помощи) Вази́лы; *Ничавjсяньки, бадай Вази́ла* — Ничего, лишь бы (был здесь) Вази́ла.

XXI. *Гарцуки́*

Гарцуки́ — горные духи. Белорусцы верят, что в больших горах живут духи, подчиненные Перуну. По их понятию, духи эти при восходе и закате солнца играют на горах, как дети; в полдень стрелой носятся они на лошадях по полям и лесам, а ночью в виде разных хищных птиц летают в воздухе по поручению Перуна. Гарцуков, говорят, бесчисленное множество: все они поочередно находятся на службе у Перуна; эти самые Гарцуки́ возят на небе *громовой жернов*, на котором разъезжает Перун с огненным луком. В Белоруссии есть поверье, будто Гарцуки́ производят ветры, бури, вихри и другие разрушительные явления Природы. Так ветер, говорят, происходит от того, что Гарцуки́ в виде птиц, разыгравшись в воздухе, своими крыльями производят необыкновенное колебание в воздухе; чем сильнее они машут крыльями, тем сильнее бывает ветер, так что поднимается буря. Вихри, говорят, происходят от того, что Гарцуки́ в виде детей, разыгравшись, начинают бегать взапуски один за другим круговращательно, от чего песок столбом поднимается вверх. Слово «Гарцук» происходит от *гарцова́ць* — играть, бегать взапуски (собственно, по горам), отсюда — *Гарцу́к* значит играющий, бегающий по горам взапуски. Поговорки: *Ра́на узгарцава́вся, штоб ве́черам не згартава́вся* — рано играешь (веселишься), как бы вечером горе тебя не посетило; *не гарцава́в ба, как не доля* — не кутил бы, если б не удача во всем; *чаму́ ж не гарцава́ць, кали́ бу́дзе шанцава́ць* — от чего же не повеселиться, если повезет счастье.

XXII. *Дзево́я*

Дзево́я — богиня девства. У Белорусцев есть обычай, при выходе девицы в замужество, праздновать последний день ее девства. Для этого, обыкновенно, вечером того дня, в дом невесты собирается хоровод ее подруг. Невеста встречает своих

подруг со слезами и бросается в их объятия. Хоровод подруг тоже плачет и сквозь слезы поет:

	Перевод:
1) Ах, Дзево́я, ах, Дзево́я!	Ах, Дзево́я, ах, Дзево́я!
Ой не ста́ла знов адно́я;	Ой не стало снова одной;
Не твоя уже јена́	Не твоя уж она
Завтра, завтра бу́дзежна.	Завтра, завтра будет-то.
Да, Дзево́ечка!	Да, Дзево́ечка!
Да, Дзево́ечка!	Да, Дзево́ечка!
Да не крывдзь жежтко́ ты нас,	Да не обижай же ж ты нас,
Не збадзяй ее ад нас.	Не отнимай ее у нас.

Песню эту, беспрестанно прерываемую всхлипыванием, поют долго, пока наконец невеста и подруги ее успокоятся несколько. Успокоившись, невеста просит подруг садиться, а сама уходит; чрез несколько минут она опять является и просит подруг идти с нею в *клець*[1], где складывается заготовленное для невесты приданое. Тут-то, в этой *клети,* начинается смотр всему приданому поодиначке, с припевом на всякую вещь. Припевы эти выражают сожаление девиц о потерянной подруге; соединение всех их можно выразить следующими словами: как ни хороши эти наряды, все же они не нравятся нам, потому что напоминают о потере нашей девичьей золотой свободы (*волюшки*), с лишением которой каждая из нас лишается покровительства *Дзево́и*. Наконец, когда невеста вынет *на́метку*[2] и передаст ее своим подругам, тогда всхлипывания возобновляются: все девицы, как испуганные, отскакивают от невесты. Оставшись одна, невеста заливается слезами и поет медленно, вполголоса:

	Перевод:
2) Не паки́нула мене́	Еще я не лишилась
Бо́жнячка еще Дзево́я,	Покровительства богини Дзево́и,
А вже ки́нули усе,	А уж бросили меня все,
Ба спужа́лися *завоя*.	Потому что испугались *завоя*.
А, Дзево́ечка,	О, Дзево́ечка!
Да, Дзево́ечка!	Да, Дзево́ечка!
Чы вже ж я	Неужели же я
Не твая?	Уже не твоя?

[1] Клець – кладовая в одном здании с жилыми комнатами, где хранится, большею частью, только платье и белье.

[2] Наметка – головной убор замужней Белорусянки.

Тут девицы опять бросаются к невесте, и каждая наперерыв обнимает ее, стараясь выразить свое расположение к ней и сожаление о потере своей подруги. Затем поют, не отступая от невесты:

	Перевод:
3) Што ж нам ро́бить, што ж нам ро́бить, А зязю́лечка[1] ж ты наша? Рады б ва́шець вынево́лить, – Да даре́мна бу́дзе пра́ца.	Что же нам делать, что же нам делать, Горемыка ты наша? Рады бы тебя избавить (от этого горя), – Да попусту будет наше старанье.
Што ж нам ро́бить, што ж нам ро́бить? Ка́ли на́вед и Дзево́я Цяб не взмо́же вынево́лить З маладзи́цкаго заво́я?	Что же нам делать, что же нам делать? Когда даже и сама Дзево́я Не может тебя избавить От замужнего завоя?
Што ж нам ро́бить, што ж нам ро́бить Лю́бенькая се́стрюнечка? Думаешь же ж нам не шко́дзиць, Што цябе́ (у нас) не астане́цца?	Что же нам делать, что же нам делать, Миленькая сестричка? Неужели же ты думаешь, что нам не жаль будет, Когда тебя не станет (у нас)?
Што ж нам ро́бить, што ж нам ро́бить? Вы́жабраваць б у Дзево́и Ласки для цяб; да не здо́лець: Не ее бач ты з сяго́дни.	Что же нам делать, что же нам делать? Мы стали бы вымаливать у Дзево́и Милости тебе; да ничто не поможет, Потому что завтра ты будешь уж не ее.

После этих выражений сожаления и готовности помочь при малейшей возможности, девицы надевают на голову своей подруги-невесты наметку и ведут ее в комнату, где уже собрано на стол. Все девицы садятся за стол, но *невеста в наметке* не садится на приготовленное для нее место: она услуживает

[1] Зязюлечка, или Зязюлька, собственно значит кукушка, в переносном смысле – плачущий, горюющий неутешно, горемыка, а иногда также – миленький, -ая, голубушка.

своим подругам, подает им кушанья, питье и пр. При всякой перемене кушанья она переменяет и у себя, хотя сама ничего не ест. В продолжение всего этого угощения царствует глубокая тишина. При этом угощении, равно как и при всей этой церемонии, не бывает никого из родных невесты, за исключением только сестер ее. После *общего угощения* невеста одна садится за стол — *без на́метки*, и тут услуживают ей все подруги, наперерыв желая угодить будущей *маладзи́це* (замужней женщине). По окончании *угощения невесты* девицы незаметно одна за другою уходят (даже и сестры ее), так что наконец невеста остается одна. Увидев себя оставленною подругами, она заливается слезами и, всхлипывая, поет:

	Перевод:
4) А, Дзево́ечка!	О, Дзево́ечка!
Да, Дзево́ечка!	Да, Дзево́ечка!
Што ж мне ро́биць?	Что же мне делать?
Што ж мне ро́биць?	Что же мне делать?
А паки́нули	Ох!.. оставили
Горкую мене́,	Горькую меня,
Да й пары́нули	Да и разбрелись
Каждая к сабе.	Все по своим домам.

В это время родные, услышав ее рыдания, входят к ней и стараются утешить разными веселыми рассказами. На другой день те же подруги являются к невесте и поздравляют ее с женихом, которого они приводят к ней.

Дзево́я известна почти во всей Белоруссии, только под разными именами (напр., Кала́я, Го́жня, Се́ва и пр.).

XXIII. *Жыж*

Жыж — бог огня, то же, что *Знич* у Литовцев (или, лучше, — древних Ятвягов). Белорусцы верят, будто Жыж то́ и делает, что расхаживает под землею и там *выпускает из себя огонь*. Когда он ходит тихо, то чрез это, говорят, согревается земля; когда же расхаживает быстро, то земля загорается; отсюда происходят пожары в различных местах поверхности земной; пожары эти, говорят, истребляют леса, выпаливают сенокосы, сушат огороды, поля, отчего они делаются бесплодными.

Впрочем, о Жыже мало известно в Белоруссии: его знают только, кажется, в Минской Губернии. Поговорки: *Жыж унад-*

зився — Жыж, т. е. засуха или пожар, стали часто появляться; *неумы́чны, як Жыж* — неотвязчив, прилипчив, как Жыж; *Жыжка се́ла* — что-то вроде сыпи или лишая се́ло, показалось (на губах). *Жы́жка* в собственном значении — прыщ на губах, *о́гником* иначе называемый еще в Белоруссии.

XXIV. *Жы́цень*

Жы́цень — бог осени. Белорусцы представляют Жы́ценя несколько грозным, как будто вечно недовольным на кого-то. По их понятию, Жы́цень низкого роста, тощ, даже костляв; довольно пожилых лет, с тремя глазами (третий — на затылке); ходит очень тихо, согнувшись; с всклокоченными волосами. Жы́цень, говорят, обыкновенно является на полях и в огородах после совершенной уборки посевов. Расхаживает он по полям и огородам для того, чтобы осмотреть, все ли хорошо убрано, как следует быть в добром хозяйстве. Нашедши на *жни́внику*[1] много колосьев, оброненных жнецами, Жыцень собирает эти колосья и, связавши их в один сноп, переносит на другой *жни́вник*, где все убрано чисто, с бережливостью. Следствием этого бывает неурожай в следующем году на том месте, где Жыцень нашел много брошенных колосьев, а, наоборот, — обильный урожай на той ниве, где оставил он сноп. Точно то же бывает с огородами, которые посещает Жыцень и в которых находит неопрятность, беспорядки хозяйственные. Завидевши кого-нибудь из хозяев огорода, Жыцень подходит к нему и грозит пальцем: это значит, что до́лжно ожидать неурожая в том огороде. В Белоруссии есть поверье, будто Жыцень является иногда в виде нищего с обыкновенным своим суровым лицом, грозя пальцем всякому встречному. Явление это, говорят, всегда бывает предвестием всеобщего голода или сильного неурожая на следующий год. Впрочем, в этом виде Жы́цень является большею частью таким хозяевам, которые бережливы и старательны по хозяйству, как бы из любви к ним, для того, чтоб предуведомить их об угрожающей опасности и, таким образом, дать им средство приготовить запас хлеба на голодный год. Наконец, Жы́цень, по преданию Белорусскому, присутствует на поле при осенних посевах, и так как осенью на полях собственно сеют только рожь (*жы́то*), то, кажется, от этого бог осени у Белорусцев назван *Жы́ценем*, что значит — топчущий рожь (*жы́то*), расхаживающий по полям, усеянным житом, или просто расхаживающий по ржи. И дей-

[1] Жни́вник — место, где было посеяно что-нибудь и уже сжато.

ствительно, Белорусцы говорят, что Жы́щень во время посевов расхаживает (с грозным же видом) по посеянной ржи и как бы все присматривается к чему-то внизу, утаптывает всякое зерно, чтоб лучше вошло в землю и скорее оплодотворилось земляными соками. Впрочем, и в этом случае Жыщень расхаживает по нивам хозяев старательных и трудолюбивых, которые с охотою, по доброй своей воле, а не по наказу (по приказанию) занимаются хлебопашеством. Жыщень преимущественно известен в Могилевской и Минской Губерниях. Поговорки: *Жы́щень хлеба дав* — Жы́щень послал урожай на хлеб; *Барджэ́й на Жы́тня, кали́ в засе́ке хлеба не пры́тне* — сейчас на Жыщеня сваливают беду, если не окажется хлеба в амбаре; *Жы́щень з кабзо́й, голод на двор* — коль скоро Жыщень покажется с сумой нищего, ожидать голода.

XXV. *Зю́зя*

Зю́зя — бог зимы. *Зю́зя* происходит от глагола *зюзець*, мерзнуть, колеть от мороза; отсюда, *Зю́зя* значит собственно — *мерзнущий* и *морозящий*. Вот каким представляют Зю́зю Белорусцы: он, говорят, старичок с *седы́ми*[1] волосами на голове и такою же предлинною бородою; низенького роста, толстый; весь в белой теплой одежде; ноги у него босы; голова ничем не покрыта; в руке носит железную булаву. Зюзя, говорят Белорусцы, бо́льшую часть зимы проводит в лесе в разных местах. Иногда он заходит в деревню по разным причинам: или для того, чтобы предуведомить поселян о жестокой, суровой зиме на будущий год, или для того, чтоб оказать какую-нибудь помощь кому-либо; например, освободить от холода несчастное бедное семейство или (как выражаются Белорусцы) просто для того, чтобы *кутьи́ паёсьци* (кутьи покушать). Вот что значит это выражение. В Белоруссии есть поверье, будто самый сильный, жестокий мороз бывает накануне Нового Года; но от Зюзи зависит, причинить или не причинить вред этим морозом. Чтоб как-нибудь умилостивить Зюзю, Белорусцы накануне Нового Года, приготовляя, по принятому обыкновению[2], *кутью*, откладывают часть ее в особую тарелку (или, лучше, — миску) и оставляют ее на ночь на особом столе: кутья остается цела, но общее поверье говорит, что ее съедает Зюзя. Довольно любопытно Белорусцы объясняют, для чего Зюзя носит булаву в руке. Говорят, будто Зюзя, рассердившись на людей, обыкно-

[1] Белорусцы говорят — просто с *бе́лыми* волосами, как снег.

[2] *Кутья* в это время ставится на столе, устланном сеном.

венно ударяет своею булавою в какой-нибудь пень, и этим сильным ударом производит такой переворот, такую ломку по всей земле, что земля, а иногда и дома, трескаются. Случалось, говорят, иногда быть в лесу в это время и спрашивать: *хто эта там стукиня́е* (стучит)? На этот вопрос был ответ: *сам Зю́зя стукиняе, людзей ущува́е* (сам Зюзя стучит, людей стращает, собственно — образумляет).

О Зюзе Белорусцы отзываются с каким-то особенным уважением. Поговорки: *Зюзя у ха́це, а тут уже ни снопа на пала́це* — Зю́зя (т. е. зима) у дверей (в комнате), а тут уж ни снопа (ржи) на палатках (в гумне); *Зюзя стукиняе* — Зю́зя (мороз) трещит, стучит; *Зюзя на дваре, куцья на стале* — Зюзя на двор — кутья на стол.

XXVI. *Кадýк*

Кадýк — самый старший[1] злой дух. По понятию Белорусцев, Кадýк живет в са́мом темном лесу, и притом в вязком болоте: тут, говорят они, на службе у него находятся все злые духи меньшие, подчиненные ему; тут Кадýк чинит расправу над ними; отсюда он посылает их к людям для совершения разных козней. Беда, говорят, если человеку не посчастливится попасть в это болото: гибель неизбежна; какая-то дурь нападает на человека, так что сам не знаешь, куда поворотиться, куда ступить ногою; по-видимому, ходишь по всем направлениям болота, а между тем, глядь, стоишь на одном и том же месте. Кадýк редко сам выходит из своего болота; он вечно занят бесчисленными распоряжениями и расправами и выдумыванием козней против людей; он тогда только выходит из своего болота и отправляется к людям, когда какой-нибудь подчиненный дух не сумеет исполнить его поручения. Белорусцы верят, будто Кадýк питается живыми маленькими детьми, которых носят ему его подчиненные духи. Поговорки: *Бадáй цябе́ Кадýк узнав* — чтоб тебя нечистая сила взяла; *бы Кадýк цябе́ замарава́в* — пусть тебя опутает (своими сетями) Кадýк. Кадýк известен почти во всей Белоруссии.

XXVII. *Кумельга́н*

Кумельга́н — злой дух в виде человека и лошади. Белорусцы представляют его с человеческим туловищем, покрытым лошадиною шерстью, и такими же руками и ногами; с лошади-

[1] По выражению Белорусцев.

ною головою и такими же копытами на руках и ногах, и верят, что он ходит иногда, как лошадь, на четвереньках, а иногда, подражая человеку, — на задних ногах. Кумельга́н, говорят они, как злой дух, находится во враждебных отношениях с *Вази́лою*[1]. Назначение его — всегда пользоваться минутною неосмотрительностью Вази́лы, и тут же, по возможности, вредить намерениям своего врага: мучить, портить, ранить лошадей, подмешивать в их корм какое-нибудь ядовитое растение и т. п. Еще хорошо, говорят, что Кумельга́н слаб; не то он мог бы передушить всех лошадей; к счастью, его силы не устоят против нескольких лошадей, и потому две или три лошади могут смело вступать с ним в бой. Зато Кумельга́н много выигрывает ловкою своею увертливостью: забравшись в хлев (разумеется, во время отлучки Вазилы) ночью, он обыкновенно вспрыгивает поочередно на каждую лошадь, отделенную одна от другой перегородками, и всячески ее давит, жмет и корчит в три погибели до тех пор, пока наконец лошадь выбьется из сил и упадет замертво; потом забирается в другое, третье стойло и т. д. и, таким образом, в продолжение ночи, успевает замучить всех лошадей, несмотря на свое бессилие. Хозяева Белорусские стараются подтвердить это своими наблюдениями: говорят, будто они сами слышали, как лошади иногда как-то дико ржут в хлеве и чуть не опрокидывают своих перегородок; но сто́ит только войти в хлев нескольким человекам, и Кумельга́на как не бывало. Не менее вредным находят Белорусцы Кумельга́на и во время ночлегов лошадиных на полях. Кумельга́н, говорят, воспользовавшись отсутствием Вазилы и беспечностью пастухов, отводит из табуна по одной лошади в глубь леса и там мучит их так же, как и в хлеве. Кумельга́н также *отводит*[2] *жеребят от кобыл*; но не мучит их, а оставляет на добычу хищным зверям. Причина, почему Кумельга́ну часто удается пробираться в табун лошадиный, не будучи никем замечену, та, по словам Белорусцев, что он совершенно похож на лошадь; к тому же он может принимать любой цвет шерсти и таким образом обманывает хозяев: принявши масть лошади какого-нибудь хозяина, он спокойно входит в хлев, не встречая со стороны хозяина никакого препятствия; иногда даже хозяин сам отпирает ему хлев, принимая его за свою лошадь. Слово *Кумельга́н* происходит от *ку́мель*, или *ка́мель*, — нижняя часть туловища животных, задние ноги, лапы, или от *кумельга́ницъ* —

[1] См. *Вази́ла*.

[2] Т. е. как-то невидимо увлекает за собою жеребенка, так что мать и не заметит.

становится на задние лапы. Отсюда *Кумельга́н* значит – животное, которое ходит на задних лапах. Поговорки: *Кумельга́н унадзи́вся* – Кумельга́н начал пробираться в хлев, то есть пошел падеж на лошадей; *Саба́ка слу́жиць, як Кумельга́н* – собака стоит на задних лапах, как Кумельга́н; *А штоб на табе́ Кумельга́н е́зъдзив, а не до́брые лю́дзи* – пусть на тебе ездит Кумельга́н, а не добрые люди (ругательства погонщиков Белорусских, когда лошадь дурно везет).

XXVIII. *Лазави́к*

Лазави́к – какой-то лесной бог, живущий в лозе. Белорусцы представляют его карликом-старичком, не больше ноготка, одноглазым, с аршинною бородою, всегда носящим при себе длиннейший (в семь сажень) кнут. Он обыкновенно, говорят, живет в лозе, в маленьком домике, окруженном болотом; домик этот без дверей и окон, только с малым отверстием на крыше, куда обыкновенно пробирается сам *гаспада́р* (хозяин), т. е. Лазави́к; домик этот неприступен для людей: как только кто-нибудь вздумает подойти к нему, домика как не бывало на том месте, уйдет дальше; человек за ним – домик дальше от него. Лазави́к, говорят, часто расхаживает по разным болотам. Тут его сейчас узнаешь: глазок его сверкает, как огонек (понятие Белорусцев о болотных огоньках). Что́ делает Лазави́к своим кнутом и для чего носит его с собою, Белорусцы сами не знают. *Лазави́к* известен в Белоруссии под разными другими именами; в некоторых местах он называется *Боло́тником* – живущим в болоте, а в других – *Водовико́м*[1] – живущим в воде. Поговорки:

	Перевод:
Сам з но́каць,	Сам с ноготок,
Барада́ з ло́каць,	Борода с локоток,
А пу́га з пугавьём	А кнут с рукояткой
Бада́й на семь сажо́н.	Почти на семь саженей.

XXIX. *Любме́л*

Любме́л – кажется, бог брака, как можно предполагать на основании следующего обряда, совершаемого и доселе в некоторых местах[2] Белоруссии в честь *Любме́ла*. В день брака на-

[1] См.: Ж. М. Н. Пр. Ч. XL. Отд. II, статью о *Волосе*.

[2] Преимущественно в Минской и Витебской Губерниях.

ряжают красивого мальчика, лет 10 или 12-ти, в белую рубашку с красивым кушаком, в красные сапоги или башмаки; на голову надевают венок из красных цветов или красный завой наподобие венка: таков, по понятию Белорусцев, Любме́л. Когда свадебный поезд возвратится из церкви и невеста с женихом ступят на порог дома, Любме́л, в сопровождении родителей молодых[1], выходит к ним навстречу и подает в *красном* платке деньги (медные); молодые, взяв деньги с платком и поклонившись Любме́лу в ноги, ведут его под руки в комнату и сажают с собою на почетное место. Тут следуют различные приветствия и поздравления молодых, затем – угощение. Во время угощений молодые не сами берут подносимые им кушанья, сласти, напитки и пр., а их потчует из своих рук Любме́л. После угощений, как водится, начинаются пляски; но между многими свадебными плясками особенно замечательна одна, которая имеет отношение к Любме́лу и которой обыкновенно начинаются и оканчиваются танцы. Вот она. Посреди комнаты на скамейке садятся молодые и между ними Любмел; вокруг их хоровод[2] составляет четыре кружка, из которых в каждом по четыре человека; в таком виде хоровод пляшет вокруг молодых и Любмела и поет следующую песню:

	Перевод:
(*К невесте*)	
Прыго́жая ты кра́сачка	Прекрасная, как цветок,
Усе́лася з Любме́лам;	Ты села возле Любме́ла;
Бада́й же jон табе́, ма́тачка,	Пусть же он тебе, малюточка,
Дав долю з тваим милым.	Даст счастье с твоим милым.
Любме́л, Любме́л;	
Да Любме́л же ж, Любме́л!	
(*К жениху*)	
Прычапу́рывся же ж малады́	Принарядился жених
З свajо́ю jон маладо́ю;	Вместе со своею невестой;
Ад Любме́ла на все гады́	И вот просят у Любме́ла
Прасиць доли за́-паро́ю.	Счастья на будущее время – в добрую пору.
Любме́л, Любме́л!	
Да Любме́л же ж, Любме́л!	

[1] Молодые, т. е. жених и невеста.

[2] В этом хороводе участвуют не одни девицы, но и молодые парни.

Перевод (продолжение):

(*К Любмелу*)

Да дай же ж им счасьце-долю,
Любме́л ты наш, а больш ничей!
Кали́ ты их пасадзи́в з сабою,
Не кинь же их, не пабра́туючи.

Любме́л, Любме́л!
Да Любме́л же ж, Любме́л!

Дай же им счастье, Любме́л,
Ты наш, а больше ничей;
Когда ты удостоил их
посадить возле себя,
То и не брось их, не исполнив
их просьбы.

По окончании этой пляски с песнею, молодые и Любме́л садятся по-прежнему на своих почетных местах. Наконец, когда молодых проводят к брачному ложу, Любме́л снимает с жениха сапоги, а с невесты башмаки и кладет в них деньги. Эти деньги молодые хранят как священный залог взаимной любви и счастья: если, говорят Белорусцы, жених или невеста потеряет *Любме́лавы гро́ши* (деньги), то им изменит счастье. Белорусцы равно дорожат и теми деньгами, с которыми Любме́л встречает молодых при входе их из церкви в родительский дом. Поговорки: *Любме́лавы грошы згуби́в* — Любме́ловы деньги потерял, т. е. счастье изменило (известному семейству); *Любме́л не дав сча́сьця-доли* — Любме́л не дал счастья; *весь на Любме́ла*, весь в Любме́ла, т. е. хорош, красив, как Любме́л.

XXX. *Ля́ля*

Ля́ля — богиня весны. Белорусцы представляют ее в виде молоденькой, красивой, стройной, высокой девушки. Празднование в честь ее бывает накануне Юрьева дня. Обыкновенно, часа в три пополудни, на чистом лугу (а иногда подле дома в огороде) собирается хоровод молодых девушек. Выбравши из среды себя подругу, которая вполне выражала бы собою понятие их о Ляле, хоровод Белорусянок одевает ее в длинный белый саван, перевязывает ей шею, руки и стан разною зеленью, а на голову кладет венок из разных весенних цветов. В таком наряде сажают девушку — Лялю на дерновую скамью, на которой, с одной стороны, поставлен кувшин с молоком, сыр, масло, яйца, сметана и творог, а с другой — хлеб; у ног Ляли кладут несколько венков из зелени, соответственно числу девиц, составляющих хоровод. Потом, взявшись за руки, хоровод девушек пляшет вокруг сидящей Ляли и поет в похвалу ей песню, которую заключает следующей просьбой:

	Перевод:
Дай нам жы́тцу	Дай нам жита
Да пшани́цу.	И пшеницы.
В агаро́дзе,	В огороде,
Сенажа́це	Сенокосе
	(Сделай)
По́вны гря́ды,	Полными гряды,
Ро́вны зря́ды.	Гладкими покосы.

Напев этой песни очень протяжен, и потому ее поют очень долго, после каждых двух стихов, восклицая: «Ляля, Ляля, наша Ляля!» Окончивши пляску и песню, хоровод садится у ног Ляли и снова поет:

	Перевод:
Наша Ля́ля, Ля́ля,	Наша Ля́ля, Ля́ля
Нас нако́рмиць зу́сим,	Нас накормит вдоволь,
Штоб з весны на ле́та	Чтоб с весны на лето
Усё, што тут гэта,	Все, что́ здесь, – вот это,
Гадава́ла за́всим.	Откормило (нас) досыта.
Ля́ля, Ля́ля,	Ля́ля, Ля́ля,
Ой да Ляля, Ляля!	Ай да Ля́ля, Ля́ля!

Тут Ля́ля раздает всем девицам поочередно молоко, масло, сыр и т. д. до тех пор, пока, наконец, ничего не останется. После этого девушки встают и начинают опять плясать вокруг Ляли, припевая прежнюю песню. Во время этой пляски и песни Ляля берет венки и бросает по одному на пляшущих до тех пор, пока, наконец, все девицы не схватят по венку. Венки эти девушки хранят до следующей весны, а некоторые, в случае замужества, и долее, иногда во всю жизнь, как нечто заветное, святое. По окончании всех этих церемоний несколько девиц, в сопровождении прочих, берут Лялю под руки, сводят ее с дерновой скамьи и, напевая прежние песни, проводят ее домой. Саван и зелень, в которую одета была Ляля, прячут до другой весны.

Ля́ля – на Белорусском наречии значит – миловидная девушка: оттого и имя *Ляля*, усвояемое Белорусцами богине весны, выражает изобилие цветущего здоровья, свежести, красоты. *Ляля* известна во многих местах Белоруссии, но под разными

названиями. Поговорки: *Прыго́жая, як Ля́ля* – красива, как Ля́ля; *на Ля́льник нагуля́емся* – на праздник в честь Ля́ли повеселимся вдоволь.

XXXI. *Ма́рня*

Ма́рня – какой-то дух или привидение[1]. По понятию Белорусцев, Марня преследует людей, сделавших какое-нибудь злодеяние: для этого она обыкновенно принимает вид того человека, которого преследует и, выставляя пред ним его преступление, не дает ему нигде и никогда покоя, так что, говорят, преследуемый человек принужден бывает объявить о своем преступлении пред начальством. Белорусцы говорят также, будто Ма́рня преследует людей преступных и после их смерти: приняв на себя образ умершего преступника, она является во сне родным его и не дает им покоя до тех пор, пока они не откроют злодеяния покойника пред народом. Ма́рня известна во всей Белоруссии, и, вероятно, предание об ней сохранилось между Белорусцами по наследству от древних Славян. Так думать можно на том основании, что *Ма́рня*, или *Ма́ра*, известна и между другими народами Славянского племени, и – что главное – в том же значении, в каком употребляют Белорусцы. У Поляков более всех известна *Ма́ра*, *Ма́рня*, и значит – блуждающий дух, призрак, приведение; говорят: *Sen – Mara*, *Pan Bóg – wiara*, что значит: Господь – вера, сон – призрак (поговорки). У *Кельтов* находим слово *Mar*, что значит – призрак, иногда – смерть. Также у Карпатских Славян в употреблении следующее заклятие: *Mara by tia wziata* – привидение тебя возьми. Неизвестно, каким образом в Оренбургскую Губернию попало созвучное слово *Марне – Маре́во*, *Марня́во*; там до сих пор степные призраки строений, вод и пр. называют *Маре́вом*, *Марня́вом*. Поговорки: *Прападзи́ ты, бы Ма́рня* – исчезни ты, как Марня (дух); *Штоб цябе́ змарнява́ло* – чтоб ты исчез (чтоб тебя не стало); *Ма́рня хо́дзиць, лихо́га челавека го́ниць* – Марня расхаживает пред грешным (дурным) человеком и выставляет пред ним его недобрые дела.

XXXII. *Ме́ша*

Ме́ша – какой-то нечистый дух. По поверью Белорусцев, нечистые духи не иначе являются людям, как в виде животных; если же в образе человека, что́ случается весьма редко,

[1] И по производству (от *марава́ць*) *Марня* значит призрак, привидение, ночное явление.

то́ самого гадкого, отвратительного по виду. *Ме́ша* — тоже нечистый дух в виде какого-то косматого животного, небольшого роста, черного цвета; он живет в развалинах какого-нибудь здания, вреда никому не делает, а только иногда пугает проходящих. Это, говорят, злой дух, который лишен Кадуком[1] силы вредить людям и осужден на мученья. Иногда *Ме́ша* пробирается и в жилой дом; но здесь приютом его бывает *подпе́чек* (яма под печкою для сора), где он и питается чем ни попало. Ночью он выползает из-под печки и нередко, сдружившись с домашнею собакой, спит с нею на полу посреди комнаты; днем он не показывается. Поселение Меши в каком-нибудь жилом доме считается несчастьем. *Ме́ша* — почти общеизвестное имя во всей Белоруссии: этим именем няньки стращают детей. Поговорки: *Туля́ется за углом, як Ме́ша* — выказывается из-за угла, как Меша; *Му́сиць, Ме́ша прысябры́вся* — верно, Меша *придружился*, т. е. поселился (в каком-нибудь жилом доме).

XXXIII. *Паля́ндра*

Паля́ндра — богиня смерти, то же что у Литовцев (древних Ятвягов, жителей нынешней Гродненской Губернии) была *Мажа́нна*. Паляндра, говорят Белорусцы, находится в враждебных отношениях с людьми и потому рада бывает, если люди чаще умирают: она тотчас, в виде безобразной женщины, является в домы умирающих людей и там *забирает души*. Души эти она передает *Ба́бе-яге́–касцяно́й-наге́*, с которое находится в большой дружбе, так что часто вместе с нею разъезжает в одной железной иготи. По поверью Белорусцев, Баба-яга–костяная-нога и подчиненные ей ведьмы питаются душами людей, отчего они и делаются воздушными, легкими, как души. Поговорки: *Бада́й цябе Паля́ндра змарнява́ла* — чтоб тебя сгубила (свела со света) Паляндра, чтоб тебя не стало на свете; *Паля́ндра учеме́рылася* — мор (повальная смерть) усилился, вкоренился; *каб ты запаляндрава́вся* — чтоб тебя скорчило (чтоб ты умер жалкою, мучительною смертью). Когда Белорусцы говорят о смерти какого-нибудь доброго человека, то обыкновенно отплевываются и приговаривают: *А-кыш Паля́ндра, не табе б, а-кыш!*.. т. е. прочь Паляндра, прочь, — не досталась бы тебе (эта душа). Замечательно, что точно такие же заклятия[2]

[1] См. слово *Кадук*.

[2] Вот эти заклятия: «Прочь отсюда, кровененасытимая Мажанна! А-кыш! А-кыш! Не задувай жертвенного огня крыльями хищной птицы (летучей мыши); не радуйся, потому что жертва, которую ты видишь, посвящается не

употребляемы были Вайделотами Ятвяжскими (Литовскими) против Мажанны, когда они приносили в жертву людей богине жизни *Зиве*; они верили, что во время жертвоприношений Мажанна в виде хищной птицы кружилась над жертвенником.

XXXIV. *Талака́*

Талака́ — покровительница жатвы и плодородия. Она в большом уважении у всех Белорусцев и, кажется, по всей Белоруссии известна под одним этим именем. Праздник в честь ее бывает не везде в одно время: в иных местах раньше, в других позже, смотря по тому, где и когда бывает уборка всех посевов, а иногда только хлеба. Празднование в честь Талаки бывает очень торжественное, радостное, выражающее благодарность за вспомоществование в счастливой, окончательной уборке жатв. Вот оно. Обыкновенно, в тот день[1], когда назначается окончательная уборка посевов у какого-нибудь зажиточного хозяина, собирается к нему (по его приглашению) множество жниц[2] бесплатно пожать, единственно *для Талаки́* (т. е. ради праздника в честь Талаки), как они выражаются. Под сумерки, когда дожинают уже последний *загóн* (маленький участок), каждая из жниц откладывает по колосу для одного общего снопа, назначаемого в честь Талаки. Собравши таким образом значительное число колосьев, *Талачéйки*[3] связывают все вместе *общий дожиночный* сноп. Между тем на ниве оставляют небольшой клочок посева: из этого клочка *Талачéйки* (также все вместе) делают венок, вплетая в него разные цветы и пахучие травы. Связавши *общий* сноп и сделавши *Талакóвы* венок, хоровод Талачеек бросает жребий, кому придется быть Талакóю. Избравши Талаку, хоровод украшает ее разными цветами, дает в руки (*дожиночный*) сноп, а на голову ее надевает (*Талакóвы*) венок с длинным белым покрывалом вроде шали. После этого хоровод окружает Талаку и, переплетшись вокруг нее венком, пляшет, припевая:

тебе, но Зиве». См.: *Минишевского* — Jadźwingowie. Ч. 1-я, стр. 209; также: *Нарбут*. Dzieje Litwy.

[1] День этот по-Белоруски называется — *дожынки*, а иногда — именем самой богини — *Талака́*.

[2] В Белоруссии жнут всегда женщины, а не мужчины.

[3] Девушки, принимающие участие в церемониях праздника Талаки; они и отличаются от прочих жниц, которые собираются на Талаку собственно для того, чтобы попить да поесть на счет богатого хозяина, справляющего *дожинки*.

	Перевод:
До́бры ве́чар, до́бры ве́чар!	Добрый вечер, добрый вечер!
До́бры ве́чар, Талака́!	Добрый вечер, Талака!
Да ухарово́дзь же ж тка	Угости же ты весь хоровод
Ты нас ге́ценечки ве́чер.	В этот (этачкой) вечер.
Да вазьми́ ж ад нас, вазьми́-но	Да возьми же, возьми-ка от нас
Гэты збо́жны ты снапо́к;	Этот сноп изо ржи (вообще — из посева);
Да надзень же, надзень-но	Да надень же, надень-ка
З кра́сками прыга́ж венок!	Красивый венок с цветами!
З гэтым до́брым по́йдзем же мы	С этим добром мы пойдем
К па́ну да к гаспадару́,	К господину хозяину;
Принесем же мы ему́	Принесем мы ему
Сча́сьцечко тваё в харомы́.	Твое счастье в хоромы.
Jон той пан — гаспада́рык	И этот господин хозяин
Спра́виць нам дажы́начки,	Справит нам дожинки,
Выставиць пажы́тачки	Угостит своим добром,
Да з засекав напиха́лых.	Которого у него полны амбары.

После этой песни хоровод Талачеек, поставив впереди Талаку и расположившись сряду за нею попарно, отправляется в таком церемониальном порядке в дом хозяина. Вслед за хороводом Талачеек идут жницы, не участвующие в церемониях праздника. В продолжение всей дороги до самого дома хозяина Талачейки поют следующие песни:

	Перевод:
Выйдзи, выйдзи, гаспада́рыку,	Выйди, выйди, хозяин,
Спатыка́ць з уся́ким збо́жжем	Встречать со всяким добром
Талаку́; раскры́й же ха́тачку	Талаку; отвори же двери (дома)
Да перед таким же го́сьцем.	Такому гостю.
Пакла́нися ж па́ньи Талаце,	Поклонись госпоже Талаке,
Пакла́нися ёй найни́жей;	Поклонись ей пониже;
Пасадзи ж ее да на куце,	Посади ее на почетном месте,
Што есть то́льки да найвы́шей.	На самом лучшем в доме.

	Перевод (*продолжение*):
Выйдзи, выйдзи, гаспады́нечка	Выйди, выйди, хозяюшка,
Спатыка́ць з уси́ми го́сьцьми	Встречать Талаку
Талаку ж-но у варо́цечка;	Со всеми (прочими) гостями
Стань ёй бо́рзна, на-уко́сьни.	у ворот;
	Остановись пред нею с
	покорностью — согнувшись.
Пакланися ж па́ньи Талаце,	Поклонись же госпоже
Пакланися ж ты ёй ка́ркам,	Талаке,
Вы́ставь, выставь ей да на стале	Поклонись же ты ей,
Салама́шки и з прысма́кам.	не жалея спины;
	Поставь-ка, поставь на стол
	Салама́хи[1] с лакомством.

Между тем хозяин, у которого уже приготовлена пирушка для жниц, заслышав песни хоровода, с семейством и гостями своими, собравшимися у него по случаю дожинок, выходит из хаты и останавливается у ворот с тем, чтобы встретить Талаку с хлебом-солью, *чем Бог послал*. Вот подходит к воротам хоровод с Талакою, и доморощенная Белорусская музыка встречает гостей оглушительным звоном. Хозяин подносит хлеб-соль Талаке и кланяется ей в пояс. Талака принимает хлеб-соль, отдает взамен хозяину *дожиночный сноп*[2] и в сопровождении гостей идет с хороводом в дом хозяина. Хозяин и хозяйка берут Талаку под руки и сажают ее на *куту*[3]. Возле Талаки садится весь хоровод Талачеек; остальные гости помещаются кто в сенях, кто на дворе, где приготовлены столы и скамьи. Когда все разместятся, хозяйка подносит Талаке, потом Талачейкам и наконец всем гостям по *ступа́чке*[4] саламахи, пробуя из каждой *ступачки* сама, прежде нежели отдаст гостье[5]. Отведав саламахи и перекусив коечего, хоровод Талачеек приветствует хозяев следующими песнями:

---

[1] Саламаха — очень сладкий и приятный напиток, составляемый для этого дня из водки, меду, слив и вишен.

[2] Этот сноп хозяин ставит в углу комнаты под самою иконою, где он стоит три дня; потом его вымолачивают и из зерен делают кашу, которой разговляются как новиной.

[3] Кут — утол, почетное место в доме.

[4] Ступачка — деревянный кубочек.

[5] Мужчин здесь не бывает, кроме музыкантов

	Перевод:
Весёлы ве́чар да наста́в	Веселый вечер настал
Для нас тут у ваше́цих;	Для нас тут у вас;
Бада́й-но то то́льки не пры́став	Только как бы не пристало
К нам чмур ад сту́пак гэ́тых.	К нам опьянение от этого напитка.
А всё ж таки мы дзя́куем	Но все же мы благодарим
За ваше частава́не;	Вас за ваше угощенье;
И от за то́е же пара́дуем	И вот за то потешим
Мы ваше працава́не.	Вас за ваши труды.

После этого гости разделяются на две партии: пожилые женщины и старухи остаются в комнате и, засевши вокруг стола, начинают попойку: на этот раз хозяин не жалеет ни водки, ни закусок всякого рода. Между тем хоровод Талачеек вместе с Талакою выходит на двор и тут на открытом воздухе при звуках музыки пляшет до упаду. В плясках, разумеется, всегда в первой паре выступает Талака, с которой очень вежливо обращаются Талачейки; во время танцев также поют, но эти песни не имеют никакого отношения к Талаке: тут поют всякие народные песни, какие кто знает. Очень интересны пляски в честь Талаки[1], которых, к сожалению, нельзя никак передать на словах по причине многосложности и разнообразия бесчисленных фигур. Наплясавшись вдоволь до позднего вечера и порядочно проголодавшись, де-вицы собираются в одну группу и в сопровождении Талаки подходят к окошку дома и поют (как будто обращаясь к Талаке):

	Перевод:
Гаспады́ня *Цяцера*[2]!	Госпожа *Церера*!
А чы гатова вечёра?	Готов ли ужин?
Кали́ уже гатова,	Если уж готов,
Зави́ – пара́ да сто́ла.	Зови – пора кушать.
Стол накры́й абру́сом,	Стол накрой скатертью,
Повны ми́сы з ску́сам	Поставь на нем вкусные блюда,
Став: да наставляй нам	Да наставляй также еще
Марцыпа́нны з мясам.	Разных сластей и мяса.

[1] Одна из этих плясок называется в честь Талаки *Талаки́н* (т. е. танец).

[2] *Цяцёра* не имеет никакого значения на Белорусском наречии, и корень этого слова трудно отыскать; быть может, слово *Цяцёра* есть исковерканное собственное имя – *Церера*, богиня жатвы?..

У хозяйки, разумеется, все уже приготовлено, и потому просьба хоровода тут же удовлетворяется. Столы на дворе наполняются лучшими кушаньями, пивом и легким медом (сладким); все это, разумеется, для девиц. Между тем пожилые женщины и старухи, напившись вдоволь в комнате, выходят также на двор и принимают участие в потехе молодежи: здесь не обходится без смешных сцен, потому что бабы бывают довольно хмельны. По окончании ужина хоровод с Талакою подходит к хозяевам благодарить за угощение поцелуями[1]. Затем Талака снимает с головы венок и отдает его хозяину[2], покрывало же остается у нее на память. Хоровод кланяется в это время и поет:

	Перевод:
Штоб табе́ да Талака	Пусть Талака пошлет тебе
Урадзи́ла и на пры́шлась;	Урожай и на будущий год,
Што́б нигдзе ни из гумна́	Так чтоб никогда не выходило
Збо́жья всякого не вышлась.	Из твоих амбаров (в зернах) добро.

Хозяин благодарит скороговоркою:

Дзя́куй за то́е,
Просим на другое...

т. е. благодарю за теперешнее ваше посещение, прошу прийти и на другой год.

После этого гости расходятся; но хоровод, и уходя, поет разные песни, которые относятся к Талаке. Вот — например:

	Перевод:
А Талака ж ты, Талака́!	А Талака же ты, Талака!
Да щы́рая ж ты Талака́;	Да щедрая ты Талака!
Да нагадуй же ж от узно́в	Пошли урожай опять
Гаспадару́ таму снапко́в.	На поле хозяину этому.
Да нарадзи́ ж-на ты ямý	Да уроди-ка ты ему
Жы́тца-жы́тца сто карабов;	Ржи-ржи сто коробок (больших);
Да што́б з яго́ там хорамо́в	Так чтоб из его дома
Везли дабро з дабром *к шляху*[3].	Вывозили добро в город (продавать).

[1] Все до одной Талачейки должны поцеловать хозяйку.

[2] Венок этот хранится целый год, до следующего посева; тогда его вымолачивают и зернами этого венка засевают пашни.

[3] Шлях — собственно значит — столбовая, большая дорога; в переносном значении — город, даже город торговый, промышленный, купеческий.

Куплеты эти очень протяжно поются в продолжение всей дороги, до самого дома Талаки, куда хоровод Талачеек обязан отвести ее.

На другой день бывает маленькое угощение у Талаки, на которое она приглашает всех вчерашних своих подруг — Талачеек: тут особенного ничего не бывает.

XXXV. *Цéця*

Цéця — богиня лета. По понятию Белорусцев, Цéця различается от Ляли[1], богини весны, тем, что первая немного старее второй. Цеця — это уже не молоденькая, стройная, тоненькая девушка, а дородная, пожилая, полная женщина; она, говорят, является летом на поле вся убранная в созревшие колосья и с зрелыми плодами в руках. Потому ли, что Цеця некоторым образом заменяет у Белорусцев Талаку, или почему-нибудь другому, только она не пользуется в Белоруссии большóю известностью. В честь ее никаких особенных церемоний и песен нет. Она известна в некоторых только губерниях Белорусских. Поговорки: *Бадай Цеця набарзúлася* — как будто Цеця расхрабрилась; *Маракавáв на Цéцю, а трáфив на псéцю* — говорят об обманувшемся женихе: метил на красавицу, а попал на безобразицу. *Псéця* значит — безобразная, тощая женщина или девушка.

XXXVI. *Щедрéц*

Щедрéц — бог пиршеств[2]. Судя по церемониям, сопровождающим в Белоруссии день, назначаемый для празднования Щедрецу, можно предполагать, что эти церемонии суть остатки древних шумных Генварских календ; и самый праздник в честь Щедреца, называемый *Щедрецом,* совершается в Белоруссии в то самое время, когда праздновались и Генварские календы. Щедрец начинают праздновать в Белоруссии накануне первого Генваря и продолжают до пятого и дальше (хотя, впрочем, настоящий праздник Щедреца составляет, главным образом, канун первого Генваря — Нового Года); а это и составляет, по древнему римскому счислению, первые календы месяца Генваря.

Вот церемония праздника Щедреца. Вечером (каждый день, начиная с кануна 1-го Генваря до 5-го и далее) собирает-

[1] См. слово *Ляля.*

[2] Щедрéц — собственно значит — ничего не жалеющий для веселья, любящий хорошенько попировать.

ся большой хоровод парней[1], которые наряжаются в разные костюмы и даже как будто маскируются: костюмировка и маскировка их состоит в том, что одни наряжаются женщинами[2] с бесчисленными, разноцветными, но безобразными повязками на голове, груди, руках и ногах; другие одеваются животными разного рода, например (особенно) верблюдом, козою, журавлем, гусем и т. п., подбирая для этого соответствующее верхнее платье и ходя на четвереньках. Между этими наряженными есть свои *вожатые*, *припевалы*, *запевалы*, *забиралы*[3] и *музыка́нты* (игра́льники). Но главную роль между наряженными занимает тот, кого наряжают *Щедрецом*. Щедрецом избирают обыкновенно детину высокого, дородного; его одевают в широкий плащ (по большей части, яркого цвета), увешанный разными колокольчиками, цветным тряпьем и длинными тесьмами всякого рода; на голову надевают ему род короны из блестящей бумаги, на лицо – род маски, уродливой, с красными щеками и носом; из-под короны рассыпаются или, лучше, распускаются длинные волосы из конского хвоста; в руки дают толстый *жезл*, украшенный различными цветными тесьмами. Нарядив таким образом Щедреца, сажают его на особо устроенную для этого случая тележку, освещенную фонарями и увешанную разным цветным тряпьем и бубенчиками. Тележкой этой управляет так называемый *Щедрене́ц*[4], наряженный великаном, одетый во все красное; ему помогают везти тележку и прочие наряженные – *щедрава́нцы*. Этот пестрый хоровод при игре музыкантов и пении[5] припевал и запевал расхаживает по улицам и останавливается у каждого дома. Для соблюдения церемониального порядка[6], *вожатый* отправляется к хозяину дома спросить позволения *пощедрава́ць*[7] у него, а хоровод между тем поет под окном.

---

[1] Хоровод этот известен под именем *щедрова́нцев*, *щедрующых – гасьце́й*, т. е. участвующих в церемониях праздника *Щедреца*.

[2] Наряжающиеся женщинами подбирают себе какие-нибудь странные названия, напр.: Маціора, Магера, Шушура и т. п.

[3] Т. е. те, которые забирают разные съестные припасы, деньги и пр. И вообще все, чем где наградят за *щедрованье*.

[4] Щедре́нец – тот, который везет *Щедреца*.

[5] Песни эти не имеют никакой особенности; тут главную роль играет музыка.

[6] Хозяева всегда с удовольствием ожидают в этот день *Щедреца* и заранее бывают приготовлены к встрече *Щедрава́нцев*; они выходят навстречу Щедрецу, так что вожатому и не нужно входить в дом для испрошения позволения *пощедрава́ць*.

[7] Щедрава́ць – отпраздновать *Щедреца́*

Испросив позволение у хозяина *пощедрава́ць*, вожатый ссаживает с тележки Щедреца и, в сопровождении всего хоровода, входит в комнату. Хозяева кланяются в ноги Щедрецу и сажают его на почетном месте. Между тем вожатый расставляет наряженных у дверей комнаты, так чтоб можно было рассмотреть всех их поодиначке. Потом начинает греметь музыка.

На середину комнаты выходит вожатый, кланяется пану Щедрецу и поочередно выводит на сцену всех наряженных, и каждого из них заставляет выделывать пред Щедрецом разные кривлянья, плясать, кувыркаться, дразнить кого ни попало (кроме Щедреца) и пр. При каждом выходе на сцену вожатого с кем-нибудь из наряженных хоровод прочих наряженных поет под музыку особые песни.

По окончании всех этих забавных сцен вожатый кланяется Щедрецу, потом раскланивается на все четыре стороны, и в комнате все умолкает, впрочем, ненадолго. Начинаются угощения; хозяева потчуют из своих рук Щедреца[1] и *щедрова́нцев* разными напитками (домашнего приготовления) и кушаньями: и в хороводе раздается весело-шумный говор, хохот и восклицания. Замечательно, что если дело иногда доходит до драки, то *расправу чинит пан – Щедрец.*

В заключение хозяева дарят щедрующих-гостей блинами, колбасами (сырыми), салом, сыром и пр., все это укладывают в свои торбы *забиралы*. Затем хоровод выступает в новый путь: Щедреца проводят к тележке под руки хозяева; за ним идет вожатый и песенники, дальше – забиралы и наконец – прочие наряженные; музыка и песни в это время особенно немилосердно терзают уши какого-нибудь проезжающего, не знакомого с этой мелодией, но Белорусцы (разумеется, простой народ) от нее в восхищении. Поговорки: *На Щедреца́ штоб не паперхну́ць-ца (пьючи водку)* – чтоб как-нибудь не поперхнуться во время (праздника) Щедреца. *Што нащедрава́в, то́е прагуля́в, ба щедрава́нае – змарава́нае* – что получил во время Щедреца, то́ прокутил, потому что приобретенное во время Щедреца не бывает надолго – скоро пропадает, выходит. Щедрец известен во всей Белоруссии; только церемонии самого празднования в одних местах разнообразнее, а в других проще.

[1] Щедрец только отведывает всякого кушанья и напитка.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ[1]

XXXVII. *Бóрдзя*

Бóрдзя[2] – покровительница брака, или лучше сказать, бракосочетавшихся, т. е. новобрачных, именно мужа и жены, а не вступающих только в брак, т. е. жениха и невесты, которым покровительствует Любмéл[3]. Любмéл как бы обязан устроить брак и посулить жениху и невесте пред браком счастье, для чего в Белоруссии и совершается обряд в честь Любмела; но лишь только жених и невеста сделаются мужем и женой, Любмел передает новобрачных в распоряжение Бордзе. По понятию Белорусцев, Бордзя усердно покровительствует новобрачным и ни на минуту не перестает витать над ними (т. е. как бы ухаживать за ними), тем более что она знает враждебные отношения Яркуна[4] к себе и ко всем замужним и женатым. У Белорусцев хранится какое-то темное языческое предание, будто Бордзя была когда-то дружна с Яркуном, но впоследствии он оставил Бордзю и до того возненавидел ее, что стал постоянно преследовать ее и не упускал ни одного случая вредить ей. Но как Бордзе собственно вредить Яркун не может, потому что (по понятию Белорусцев) она пользуется благоволением громовержца Перуна, то всю злобу свою Яркун изливает на покровительствуемых Бордзею людей – вступающих в брак. Посему она ведет постоянную борьбу с Яркуном, и, чтобы более успевать в ней, она выпросила у Перуна в помощь себе двух духов: *Гáрника* и *Павéтника*[1], которых рассылает в разные места для водворения мира и дружбы между новобрачными. Белоруссия богата довольно забавными преданиями касательно Бордзи. Так, напр., хранится предание, будто Бордзя в ночь после брачной пирушки неутомимо пляшет, поет и бегает взапуски от радости, что успела нá зло Яркуну соединить новые два существа; чтó на другой день брака невидимо присутствует за столом новобрачных и угощает их; что в их кушанья для укрепления между ними дружбы подливает какие-то капли и бросает разные крáски (травы). За то новобрач-

[1] Две первые статьи того же Автора, под псевдонимом *Древлянского*, напечатаны в Прибавлениях к Ж. М. Н. Пр. 1846 г. См. *Отделение Литературное*.

[2] Бордзя – собственно значит – проворная, скорая; в Верхне-Лужницком наречии есть слово «borsdsa» – прыгунья, легкая, как мотылек (говорится о женщинах).

[3] См.: *Любмел*. Прибавление к Ж. М. Н. Пр. 1846 г. С. 102 (наст. изд., с. 278).

[4] См. ниже: Яркун.

ные обыкновенно в течение первых дней после брака ставят для Бордзи на стол на первом месте прибор, наполненный яствами, после того ставят его на куту (в углу на почетном месте) на ночь. Конечно, кушанья эти или съест кошка, или выльет вон какая-нибудь суеверная старая женщина, а Белорусцы крепко-на́крепко верят, что это кушанье съела Бордзя и тем показала свое благоволение (пабраци́масьць) к новобрачным. Белорусцы представляют Бордзю необыкновенно миловидною женщиною, хотя и не совсем молодою, всегда улыбающейся, с длинными светлыми волосами, обнаженными руками и ногами по колена;[2] в одной руке она держит какую-то веточку (кажется, чародийную трость), а в другой — травы (кра́ски). Поговорки: *Разбо́рзилася, як за Бордзяю*, т. е. живет счастливо, богато, как будто ей покровительствует Бордзя (говорится о женщинах, дурно живущих или даже не живущих с мужьями); *Каб з цябе́ Бо́рдзя смыкнула* — чтоб тебя Бордзя оставила, лишила покровительства своего; *Э!.. ба не ад Бо́рдзи.* — Э!.. потому что не по любви (брак состоялся)... Вот еще припев о Бордзе, который поют жены Белорусцев во время ссор или разлада с мужьями:

	Перевод:
Авэй-авэй же, Бо́рдзячка! Да гдзе жь ты, гдзе цяпе́речка, Куды ж ты задзева́лася, Чы ж я ж цябе́ смыка́лася?	Увы, увы, Бордзячка! Где же ты теперь, Куда ты девалась, Разве я сделалась недостойной твоей милости?
Вярни́ся жь тка ты, Бо́рдзячка! Не дай ты Яркуну́ мяне́, Звядзи жь изно́в, красу́лячка, Ты нас, и свет же не змане́...	Воротись же, Бордзячка! Не отдай меня на произвол Яркуну, Помири, миленькая, нас опять, И люди больше не обманут нас!

Што ты, Бо́рдзя, Што ты, хворся! И не сестра, И не збратня́ Таму́... Ат-Яркуну́!..	Что ты, Бордзя, Что ты, хвастунья! Нет, ты не сестра И не защитница Того — Яркуна!..

[1] См. ниже *Га́рника* и *Паве́тник*.

[2] Такое изображение Бордзи встречается в рукописях Белорусских старожилов.

Бордзя известна во всей Белоруссии, только под разными именами; под именем Бордзи известна в Минской Губернии и частью – Могилевской, Оршинском и Бабиновицком уездах[1].

XXXVIII. *Га́рник*

Га́рник – старший дух-помощник покровительницы новобрачных Бордзи. Самое слово *Га́рник* – от *га́рны*, хороший, красивый – показывает, что Га́рник, по понятию Белорусцев, – добрый, благодетельный дух. И действительно, Белорусцы думают, что Гарник усердно служит Бордзе в охранении и защищении новобрачных от ссоры, браней и в ниспослании им разных житейских потребностей. Га́рник, по мнению Белорусцев, неотлучно бывает при Бордзе, как самый надежный и преданный ей слуга. Слово Га́рник нередко в разговоре Белорусцев принимает значение нарицательного име-ни. Га́рник известен почти во всей Белоруссии. Поговорки: *Бадай Га́рник* – как будто красавец Гарник (говорится о хорошеньких детях); *Не́ з Га́рника, не з Бо́рдзи пашли́ у их дзеци* – не хороши, не красивы у них дети; *Га́рник прыгарну́вся, и мужык ад кривды апрану́вся* – приютился Га́рник, и мужик не боится ссоры.

XXXIX. *Же́вжык*

Же́вжык[2] – покровитель рек или водяное божество (но не дух, как, напр., *Водави́к* или *Лазави́к* – см. эти слова). Жевжык собственно значит проворный, ловкий. Белоруссцы представляют его старичком тощим, небольшого роста, с рыжей бородой, длинной шеей, маленькой головкой, с длинными, но маленькими ручками, длинными пальцами и тонкими ногами[3], но при всем том необыкновенно сильным, живым и проворным до чрезвычайности. Такое понятие о Жевжыке Белорусцы составили себе, вероятно, потому, что они верят, будто он живет всегда в воде, на самой глубине – в *ви́ре*[4] и необыкновенно

[1] О Бордзе, как божестве Славяно-Русском, упоминает один Польский изыскатель древностей Славянских. См.: Slawianie w badaniach początkowych z historyi powszechney. С. 337.

[2] Что-то похожее на Жевжыка есть у Литовцев, особенно в Гродненской Губернии, – даже называется созвучно: Жу́вжа...

[3] Точь-в-точь такое изображение случилось мне видеть на рисунке в домашней библиотеке одного Белорусского помещика (в Витебской Губернии); при рисунке есть текст какого-то *Залуйки*...

[4] Вир – собственно глубина, яма, темное место, подземелье, подводная пропасть.

ловко плавает под водой и на поверхности, разгоняя впереди себя волны огромнейшим *жу́тлом*[1]. Под водой плавает он днем, наблюдая за течением ее; а ночью — на поверхности воды; но его никто не может видеть, потому что он плавает в челноке-невидимке (чо́вне-недаба́чце) и к тому же закрывается жутлом от глаз людских. При виде какой-нибудь опасности, предстоящей человеку, напр., если увидит утопающего человека или тонущее судно, он одним взмахом своего жутла спасает их; он же укрощает бури и ветры. Такое понятие Белорусцев о Жевжыке и приписываемые ему свойства должны были бы, кажется, создать в фантазии Белорусцев и божество чудовищное, огромное, а между тем Жевжык является тощим стариком, правда, ловким и проворным, но все же нимало не похожим ни на Нептуна, ни на Лартона у Фракийцев и Гетов. Такую странность фантазии можно оправдать разве тем, что по понятию Белорусцев, все длинношеи и рыжебородые необыкновенно сильны. Притом же Белорусцы говорят, что божеству водному всего лучше быть небольшого роста, тощим, чтоб ловче и легче управляться под водою. Жевжыку подчинены все водяные духи, в том числе Водавик и Лазавик. Жевжыка знают почти все Белорусцы. Поговорки: *Яки́ Жевжык* — какой проворный, ловкий! *Бы Жевжык ныра́е* — словно Жевжык плавает; *Жевжык-ты — рудая барада...* — ах, Жевжык — рыжая борода... Жевжык — иногда значит карлик или даже просто — мальчишка.

XL. *Злы́дзень*

Злыдзень — какой-то враждебный дух. Слово *злыдень* собственно означает — негодные, дрянные остатки, недоедки, в переносном смысле — нечто ядовитое, вредное. Отсюда, кажется, родилось понятие Белорусцев об этом духе. Они считают его каким-то отвергнутым духом; сначала Злыдзень был в ласце (в милости) у Перуна; но после за непокорность громовержец удалил его от себя, и с тех пор Злыдзень, как отверженный, стал делать зло людям, особенно малым детям. Думают в Белоруссии, что все ушибы, уродства и вообще несчастья, приключающиеся с детьми, происходят по злобе Злыдзеня. Белорусцы представляют его в виде большой змеи с огромною пастью и одним огненным крылом во всю спину, но с ногами и одним глазом на крыле. Видно, что это — извращенное и

[1] Жутло — длинный шест с двумя железными зубцами на конце.

затемненное временем понятие об отпадшем духе Светоносце (Lucifer). Злыдзень известен во всей Белоруссии[1]. Поговорки: *Злыдзень ты гэ́таки* — экой ты враждебный дух — нечистая сила.

XLI. *Зни́кча*

Зни́кча — охранительница кладбищ. Зникча, по мнению Белорусцев, всегда живет на кладбищах и имеет под своим ведением всех могильных духов, привидения и разные страшилища; в полночь она обыкновенно блуждает по могилам и оплакивает тела умерших, предавшиеся разрушению; Белорусцы верят, что на кладбищах слышны стоны и рыдания ее. Еще более плачет она над могилами недавно погребенных. Зникча невидима, неуловима, как дух[2], хотя иногда и является людям ночью. Ее представляют в виде женщины очень малого роста, тощей, желто-бледной, костлявой, с распущенными волосами, босой, в светящемся, прозрачном белом саване, испещренном яркими звездочками; в правой руке у нее длинный светящийся прутик. Есть поверье, будто этим прутиком она очерчивает себя при встрече с Копшею[3], которая ненавидит ее и всегда враждует против нее за сожаление к умирающим людям. Предание о Зникче, кажется, сохранилось в Белоруссии по наследству от других Славян, — хотя оно, может быть, несколько переделано на свой национальный лад. Еще у Кельтов была какая-то богиня Зне́чча (Snetšca), т. е. блуждающая, как тень;[4]у Кроатов — Зни́чок (Znygăz), могильное привидение;[5] у Вендов — Зня́чта (Sniacšta) — блуждающий по кладбищам дух[6]. Поговорки: *Раскислася як Зни́кча*, — плакалась как Зни́кча; *На Зникчу наткнулася, гарыкухай зрабилася* — верно, встретилась с Зникчею, что́ так разгоревалась; *Зникча — ничаг сеньки нима*! — это призрак, тень, — ничего нет; *Якая Зни́кча* — что́ за неуловимая, т. е. проворная!.. Зникча известна в Могилевской Губернии и отчасти в Минской, именно — Борисовском и Игуменском уездах.

---

[1] В некоторых местах этот дух известен под именем: Гу́калы, Крывдзе́ни и т. п.

[2] Что объясняет и самое значение слова *Зни́кча* — невидимка, неуловимая, тень.

[3] См. ниже слово *Копша*.

[4] Bibliotheca Slavica, studio et opera. F. Durich. Vindobonae. 1795, — 8, 1.

[5] Syllabus vocabulorum Latino-Croaticorum in usum exterorum delectus, 8. 1.

[6] Ioakima Stulli rjecsoslòxie, u Dubrovniku, 1806, 9. 2.

XLII. *Кликýн*

Кликýн[1] – дорожный дух, впрочем, не злой, хотя по виду грозный. Белорусцы представляют его тощим великаном, в оборванном балахоне, с длиннейшими руками и такими же волосами на голове; в одной руке у него огромнейший кнут из конского волоса, а в другой – золотой рог. С этим-то рогом, говорят, и кнутом Кликун разъезжает по дорогам днем и ночью на подвластном ему духе, в виде большой змеи: днем, во время жаров, а ночью – при свете луны, и странно, дико визжит. Кликун, как и всякий дух, невидим, но его можно узнать днем потому, что когда он проезжает, то пыль вьется вихрем и кружится очень высоко: человек должен остерегаться, чтоб не переехать чрез этот вихрь – иначе разгневит Кликуна; попробуй кто проехать, Кликун махнет своим кнутом, блеснет рогом, свистнет страшно (гáркнет выразно) и какое-нибудь несчастье разразится над человеком. Ночью о проезде Кликуна можно узнать по запаху серы, которую издает везущий его дух. Белорусский Кликун имеет большое сходство с Русалкою Сербскою, которая также у Сербов называется Кликун[2]. Шимкевич приводит в своем «Корнеслове» глаголы Сербские *кликнути, клићи* и говорит, что они значат – звать, как Русалка[3]. Кликун известен всем Белорусцам; редкое дитя даже не знает о нем (разумеется, между простолюдинами). В некоторых местах (Минской Губернии) называют его – *Кликýсь*. Поговорки: *Каб цябе Кликун спаткав*! – чтоб тебе Кликун навстречу попался! *Кликун цябе возьми* – чтоб тебя взял Кликун; *Кликун ты сбрехáв*! – клеветник ты! налгал; *Як той Кликун, растрепáны, невчесáны, абарвáны, з пугай, и дындырyе сабе па лесу, па бору, да па великаму шляху – Кликун*!.. Настоящий кликун – растрепанный, непричесанный, оборванный, с кнутом и бродит себе по лесу, по дубравам да по столбовой дороге – Кликун право такой!.. (брань очень оскорбительная у Белорусцев). *Трáсца табе*

---

[1] Кликун – значит крикун, громко пронзительно кричащий, визжащий, свищущий; иногда означает клеветник; по-Литовски (klikti) и по-Кроатски (klictuti) имеет то же значение (см.: Корнеслов Русского языка Шимкевича – слово *кликать*). Не то же ли это, что *кликýша* во внутренних Губерниях России.

[2] См. Srpski rječnik, истолкован Ньемачким и Латинским ријечма. Скупio га и на свијем издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818, у 8.

[3] Корнеслов Русского языка, Ф. Шимкевича, слово *кликать*. То же значение имеет слово *кликать* в песни Игорю Святославичу («Слово о Полку Игореве»). См. издание Михаила Максимовича. Гл. III, 3 (с. 10): «Дивъ кличетъ верху древа» – «Див (т. е. водяной дух или бог) кричит на дереве» (Киев, 1837 г.).

Кликуну – брехуну – лихорадка тебя возьми; *Кликун ты* – лгун. Иногда суеверный Белорусец, а в особенности Белорусянка, отправляясь в дорогу, обращаются к Кликуну с следующею просьбою:

	Перевод:
Выправа́дзь, Клику́сь,	Выведи, Кликунчик,
Ты мене́ з даро́ги	Ты меня с дороги
Ціомнай, гдзель-нибудзь	Темной, куда-нибудь,
Гре́бли, бервенчу́ги...	Только бы не на испорченную плотину.

Мой Клику́сь	Помоги мне,
За мене небоже –	Мой Кликунчик!
Мой Кликусь	Невидимка, золотобог!
Ма́рны, золотабо́же!..	Мой Кликунчик!

XLIII. *Клецьник*

Клецьник – охранитель кладовых. По понятию Белорусцев, каждый хозяин имеет своего Клецьника, точно так же, как и всякий хозяин имеет Цмока-Домовика[1]. Впрочем, различие между Клецьником и Цмоком то, что последний доставляет деньги своему семьянину, делает нивы его плодоносными, а коров дойными (т. е. дающими много молока), вообще смотрит за всем его хозяйством; между тем как Клецьник смотрит только собственно за кладовыми и заботится об их целости. Конечно, и в кладовой может находиться все то, за чем смотрит Цмок-Домовик, но все же Клецьник заботится только о собранном уже и сложенном в кладовых. Впрочем, как видно из значения самого слова *клець* – из которого образовалось и Клецьник, – в кладовых не лежит все то, за чем смотрит Цмок-Домовик. В кладовых – клетях (клець – кладовая в одном здании с жилыми комнатами) только кладут платье, белье, холст, нитки, шерсть, волокна разные, иногда же некоторые огородные овощи, разные семена (и то иногда), также в уклубах[2] деньги[3], но отнюдь не полевые сборы, напр., рожь, пшеницу или

[1] См. слово *Цмок*.

[2] Уклу́б значит как бы комод или круглый шкаф.

[3] Замечательно еще, что клети у Белорусцев по преимуществу служат для сохранения находящихся там в уклубах денег, разумеется, денег лишних, остающихся от бережливого распоряжения ими. Были примеры, что, по пресечении целого поколения семьи, вступившая во владение этой клетью семья

картофель, или же сало, говядину и пр.; для этого есть так называемый *свúрен* — амбар. Как бы то ни было, Клецьник смотрит только за *клецями*, за кладовыми, т. е. за тем, что уже собрано в кладовых. Другое различие между Клецьником и Цмоком-Домовиком то, что Цмок-Домовик как будто из корысти смотрит за добром своего семьянина: всякий хозяин должен своему Цмоку-Домовику ежедневно приготовлять по яичнице. Между тем Клецьник без всякого вознаграждения со стороны своего клиента усердно заботится о благосостоянии его кладовой. Цмока-Домовика могут разгневить, не приготовивши ему яичницы, и чрез то лишиться его помощи; но Клецьника ничем не удалишь от себя: он из одной любви к покровительствуемому им бережет его кладовую; требует только, чтоб хозяин ревностно заботился об уборке своих посевов; не его зина, если у хозяина немного накоплено в кладовой. Клецьник не имеет права добавлять, увеличивать количество имущества в кладовых; это значило бы войти в пределы власти Цмока-Домовика. Притом же нужно заметить и то, что Цмок-Домовик, по понятию Белорусцев, — дух, и притом едва ли добрый дух, потому что представляется в виде змея[1], а Клецьник — покровитель, хранитель кладовых, значит — добрый дух. Белорусцы очень дорожат покровительством Клецьника как доброго и сострадательного духа, тем более что он, в случае нужды или когда предвидит неурожай, является во сне хозяевам и дает им советы или же предостерегает не роскошничать, не избыточествовать. В то время, когда является во сне для совета или для предостережения, Клецьник бывает мрачен, голова у него не покрыта, обнажена. Иначе же, в обыкновенное время, Белорусцы представляют Клецьника веселым, улыбающимся

находила в ней под полом закопанные в чугунном горшке деньги. Этот обычай в Белоруссии хранить деньги в клетях ведет начало свое от глубокой древности. Еще у Леттов и Семигаллов (нынешних Литовцев) было обыкновение сберегать на черный день или ночь (dargana naktis — т. е. на бурную ночь) деньгу в клетях (kletis). Даже самое слово клеть — klétis — решительно такое же имеет значение, как у Белорусцев, даже больше, сколько нам нужно для подтверждения этого тожества: именно значит — казнохранилище Такое же значение и назначение имели в древности и у нас на Руси так называемые клети. Слово *клеть*, как видно из Корнеслова Шимкевича, в старину значило казнохранилище (между прочим). В этой клети хранились деньги: «Дополнок» — сказано в старинной Летописи — «взметъ 20 гривенъ у Князя из клѣти». (См. Корнеслов Ф. Шимкевича, стр. 101, слово *клеть*.)

[1] Далее мы заметим, что в виде змеи и вообще в виде животных Белорусцы представляют только нечистых духов, но отнюдь не совершенно добрых. (См. слово *Мéша*.)

старичком, с длинными золотистыми волосами на голове, с такими же усами и с седою, необыкновенной величины, бородою; на голове у него мужской завой[1] золотистого цвета; руки — т. е. самая кисть руки Клецьника — косматые (волоса тоже золотистые). Походка у него веселая, скорая и смелая. Днем он никогда не является. Такое понятие Белорусцев о Клецьнике имеет большое сходство с понятием Литовцев о божестве Клетивис (Klėtivys — от klėtis — клеть, казнохранилище), кажется — кладов или вообще домашнего имущества, как видно из намека Штендера[2]. Нечто похожее на Клецьника есть и у Богемцев — именно Кледстень (Klädstenn — от kladsti, klásti — находить клад или класть деньги в землю)[3] и, кажется, значит божество кладов или денег[4]. Не говорим уже, что подобное слово — Клетник в таком же значении встречается в некоторых местах Малороссии, впрочем, ближайших к Белоруссии. (Не знаем, которому из этих двух краев более туземно слово Клецьник, или Клетник?) Клецьник по преимуществу известен в Могилевской и Минской Губерниях; в некоторых уездах Минской Губернии, именно в Борисовском и Игуменском, где, так любя букву *я*, говорят *Клéцяник* — (впрочем, то же, что и Клецьник). Поговорки: *На клецьника паспадзевáвся, спазарáнку разгуля́вся* — понадеялся на Клецьника, да и начал заранее гулять; *Клецусь, Клецусь! А в клеци знекусь* — надейся на Клéцьника, а в кладовой пусто, т. е. само не придет в кладовую; если не положишь туда своими трудами; *Барджджей да Клецьника, кали грошай нимашака* — все равно что Русская пословица «коли тревога, тогда до Бога...». Когда нет денег, тогда к Клецьнику обращаешься с просьбой.

XLIV. *Кляскýн*

Кляскун — божество луны и вместе, кажется, летних забав и удовольствий. Кляскун, от глагола *кляскаць*, бить в ладоши, подпрыгивая, подскакивая, щелкать языком от радости — значит хлопающий в ладоши от радости или всегда подпрыгивающий, оттуда — веселый, любящий забавы, удовольствия,

[1] *Завой* мужской отличается от женского (см. Дзевóя) тем, что он повязывается из какой-нибудь цветной материи или холста, и притом наглухо, без концов, как бывает у женщин.

[2] Lettisches Lexicon, von G. F. Stender. Mittau, 1789, 8, 2. См.: слово *Klėtis*.

[3] См. Корнеслов Ф. Шимкевича, слово *кладу*.

[4] Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, avctore Antonio Bernolak. Budae, 1825, 8, 6. См. там слово *kládsti*.

веселье[1]. Уже самое значение слова Кляскун показывает, что́ это за божество; видно, что это что-то похожее на Бахуса. И действительно, Белорусцы представляют Кляскуна молодым, красивым, необыкновенной величины, статным, с длинными светлыми волосами, веселым, разгульным и неизвестно почему с месяцем во лбу. Белорусцы объясняют это по-своему. Они говорят, что Кляскун прежде жил на небе и под его ведением был месяц, или луна; будто он распоряжался там, как у себя дома, поворачивал луну, показывал ее людям, когда следовало, прятал ее, освещал и разъезжал в ней по небу, но всегда должен был находиться при ней неотлучно и смотреть своими ясными очами прямо в нее;[2] в случае же отлучки его, по воле Перуна, луна потемнялась: потому что при ней не было светлого лица Кляскуна[3]. Однажды Кляскун отлучился без позволения Перуна и долго не возвращался: он был где-то на пиру у других божеств. Перун разгневался и столкнул его с неба на землю; но на память, что он был водителем или хранителем луны, Перун отпечатлел на лбу его изображение луны (месячка), на место же его приставил другого. За то и презабавная церемония совершается в Белоруссии в честь Кляскуна. Вот она. Летом, по преимуществу в месяце Мае, редко впрочем в Июне или позже, в ясный день по закате солнца, именно когда взойдет луна, хоровод девиц и парней, выбрав стройного детину, убрав его разными цветами, наклеив на лоб из цветочных листьев что-то вроде луны, приводят его в лес, на поляну. С хороводом впереди Кляскуна — девочка лет 9-ти, с венком из зелени на голове, несет круглый пирог, испеченный девушками и убранный разными травами и цветами, а парни позади несут разные лепешки, блины, сыр, мед, пиво, варенуху, хлеб и молоко, все это на носилках, убранных зеленью. Во время всего этого хода хоровод поет разные песни, впрочем, более без всякого значения в отношении к церемонии. Вот только одна, относящаяся к самому Кляскуну и обряду в честь его.

Сначала поет запевало, потом последние слова повторяет весь хоровод, хлопая в ладоши.

---

[1] У *Сербов* есть похожее слово — *кльускáти*, бить ключом, подскакивать, прыгать. У *Боснийцев* — kgljegskjatti, бурлить, пениться, кипеть, оттуда шуметь, буянить. У Поляков *klaskac* значит бить в ладоши, хлопать, рукоплескать от радости.

[2] Белорусцы верят, что в луне, когда бывает совершенно светлое и чистое небо, стоит водитель или хранитель ее и прямо смотрит на землю; оттого-то, говорят, на луне видно полное лицо человеческое.

[3] Каково объяснение затмения луны!..

Запевало (три девушки в три голоса):

	Перевод:
Ясны ме́сячык взайшов!	Ясный месяц взошел!
Кра́сны Небячык всказа́вся,	Небо побагровело,
Знаць вже, јон туды пришо́в,	Верно, он уже туда пришел,
Засвеци́в и заляска́вся.	Заяснел, разыгрался.
Хоровод (2 раза):	
Клясь, клясь! Кляскун!	Клясь, клясь, Кляскун!
Клясь, клясь! Кляскун!..	Клясь, клясь, Кляскун!..
Запевало:	
Заляска́й же, Ляскуно́к!	Заиграй же, Кляскунок!
Засвеци ж же ж месячыком.	Будь ясен как месяц,
Дай нам ра́дасьць, аганьчо́к	Пошли нам радость, а мы за то
Для гульни́ за тое зро́біом.	Разведем огонь на потеху.
Хоровод (2 раза):	
Клясь, клясь! Кляскун!	Клясь, клясь...
Клясь, клясь! Кляскун!..	. . . . .
Запевало:	
Спамяни́-тка, спамяни,	Вспомни, вспомни,
Як там з месячком, и з Перуно́м	Как ты там всякой день
Ездзив ты уся́ки дни	Разъезжал по всему небу кругом
Па всяму же ж небу там круго́м!	Вместе с луной и Перуном!
Хоровод (2 раза):	
Клясь, клясь! Кляскун!	Клясь, клясь...
Клясь, клясь! Кляскун!..	. . . . .

Запевало еще веселее...

От и в нас же ж ты цяперь,	Теперь ты явился нам,
Ты вже наш, Ляскун ты, наш, наш!..	И уже наш ты, Кляскун:
Мы паса́дзим на плеце́нь	Мы посадим тебя,
Кляскуна, ба ты наш, ба ты наш!..	Кляскуна, на носилки,
Хоровод (2 раза):	Потому что ты наш!..
Клясь, клясь! Кляскун!	Клясь, клясь...
Клясь, клясь! Кляскун!..	. . . . .

Пришедши в лес, на поляну, хоровод и в средине его Кляскун собираются толпою и назначают, кто должен взять хлеб, кто молоко, кто сыр, кто блины и т. д. Затем все разбегаются как бы врассыпную; остается на своем месте только Кляскун

и при нем – носилки. Он садится на носилки и начинает плести венок из прежде приготовленных уже для того цветов. Между тем каждая девушка и каждый парень, бывшие в хороводе, приносят поодиначке по маленькой вязанке сухих прутьев, листьев, вересу и т. п. и кладут у ног Кляскуна. Наносивши довольно большой костер, хоровод садится вокруг Кляскуна цепью на земле и в ожидании, пока Кляскун совьет церемониальный венок, поет следующие слова:

	Перевод:
От уже и ве́тки есьць,	Вот уж и ветви есть,
Склали бу́рун на́йвялики,	Навалили огромный костер, –
Ай чы скора жи jон савье́ць	Скоро ль он совьет
Гэты свой венок матыхи[1]...	Свой венок из матыхи.
От и скора, скора у-сток	Вот уж скоро – кстати
Мы разне́цим аганьчо́к...	Мы разведем огонек...

2 раза:

Клясь-клясь-Кляскун!..	Клясь-клясь-Кляскун!..
Клясь-клясь-Кляскунок!	Клясь-клясь-Кляскунок!

Протяжно:

Клясь!	Клясь!..
Клясь!	Клясь...

Свивши венок, Кляскун встает с носилок, а за ним подымается и хоровод. Кляскун подходит к костру, добывает огня и, зажегши один прутик, передает его той девушке, которая несла пирог; девушка зажигает костер. Между тем Кляскун садится на носилки, держа в руках венок, а четыре парня берут носилки, поднимают над зажженным костром и в таком положении колеблют носилки на воздухе, пока костер не разгорится: тогда Кляскун бросает венок в огонь, припевая – *клясь-клясь* и хлопая в ладоши и этим дает знать, чтобы прекратили колебание носилок; парни ставят носилки немного поодаль от огня и становятся с четырех сторон у носилок; у ног же Кляскуна садится девочка с пирогом. Пока парни колеблют носилки над огнем, хоровод цепью окружает костер, припевая (сначала обыкновенным голосом, потом, по мере увеличения пламени на костре, громче и громче):

[1] Матыхи – т. е. из матыхи – такая трава.

Перевод:

Ме́сячку, ме́сячку бе́лы!
Кру́тленьки ты, ясьне́ньки!
Месячык же ты паспе́лы![1]
Засвеци ж на краше́нки![2]

Белый месяц, белый,
Кругленький ты, ясный!
Месяц ты полный,
Засвети костер...

Разнеци ж ты гэты аганьчо́к
(Не таки jон, як там есть твой)
Кляскуну на прыпами́начак,
Як jон мав там аганьчо́к свой...

Разведи ты этот огонек,
(Не такой, как там у тебя)
Чтоб напомнить Кляскуну,
Какой был там у него огонек.

Дай же радасьць, дай же Кляскуну́!
З им и нам же разам лепей бу́дзе,
Дай же яснасьць, кра́ска[3], ты яму, –
На забаву, и на скоки в грудзе.

Обрадуй же, обрадуй Кляскуна,
С ним и нам лучше будет,
Освети его, миленький, своим светом,
На радость и потеху ему и хороводу.

Ой ты, месячку, месячку!
Ой ты, ясьненьки месячку!
Ой ты беленьки!
Наш паспеленьки!..

Ох ты, месяц, месяц!
Ох ты, ясный месяц!
Ой ты беленький!
Весь налившийся!..

Клясь, клясь, Кляскун,
Ой клясь, ба клясь!
Наш, наш Кляску́н!
Ой клясь, ба клясь!
Клясь – клясь!
Клясь!..
(*хлопают в ладоши*).

Клясь, клясь, Кляскун!
Ой, клясь, клясь...
Кляскун наш!
Ой, клясь, клясь!
Клясь, клясь!
Клясь!..

Затем весь хоровод полукружием садится на другой стороне разгоревшегося костра, против Кляскуна. Тогда девушка подносит Кляскуну пирог; Кляскун разламывает его пополам и вынимает из средины его рюмку (ступачку – собственно, маленький деревянный кубок), наполненную какими-то травами. Эти травы и частичку пирога Кляскун бросает в огонь, припевая: *клясь, клясь*! и хлопая в ладоши, хор вторит: *клясь*!.. а рюмку и пирог откладывает в сторону на носилках. Девуш-

[1] Паспелы – т. е. созревший, налившийся, полный.
[2] Кра́шенка – прутья с зеленью или стебельки с цветами.
[3] Краска – собственно значит – цветок, в переносном смысле – красавец.

ка кланяется и обращается к хороводу со словами: *клясь, клясь* и хлопая в ладоши. Это служит знаком, чтобы всякий со своим добром подходил к Кляскуну. Хоровод отвечает тем же и тогда поодиначке несут свое добро. Подходя к Кляскуну, говорят: *клясь, клясь* и отдают ему принесенное. Кляскун, отвечая тем же *клясь* и хлопнув в ладоши, принимает дары чрез девочку и, отломив частицу или налив несколько в рюмку, бросает и выливает в огонь, говоря: *клясь, клясь* и хлопая в ладоши (настоящие языческие жертвенные возлияния!); остатки же всего приносимого помещает на носилках. Между тем хоровод поет следующее:

	Перевод:
Будзе й нам и яму́,	Будет нам и ему,
Вы́пасьпелце месячку́!	Полному месяцу!
Не прыгне́цим агнечка́	Не погасим огонька
За свайго ж же ж Кляскунка!..	Ради своего Кляскунка!..
Клясь, клясь, Кляскун!	Клясь, клясь, Кляскун!
Клясь, клясь ме́сячку!	Клясь... месяц!
Ой клясь, ой клясь!	Ой клясь...
Наш месячку!	Наш месяц (луна)!..
Ой клясь, ой клясь!	Ой клясь...
Ты наш Кляскун!..	Ты наш Кляскун!
(*хлопают в ладоши*).	

Собрав все от хоровода, Кляскун встает с носилок и тушит огонь, который, впрочем, и без того уже сам гаснет. Затем хоровод располагается вокруг носилок, и Кляскун делит всем собранные дары, не забывая и себя. (Пирог же и рюмка Кляскуна хранятся на память, и каждый получает по кусочку этого пирога.) Тогда начинаются забавы и веселье: едят, пьют, пляшут, но отнюдь не выходят из границ сельской скромности. Возвращаются домой еще засветло, напевая песни, но уже без Кляскуна. Очень похожее на эту церемонию можно встречать в некоторых Польских Губерниях, например в Люблинской и Радомской. Даже в Варшавской Губернии есть похожая забава; именно в 5 или 6 верстах от Варшавы, на мызе Графа Потоцкого – Вильяново, я видел что-то вроде обряда Кляскунова; даже в песнях – тот же напев и припев: klaś, klaś, oý klaś, da klaś; но только здесь не было того приличия: это больше попойка Европейской разгульной, буйной черни, а не невинная детская забава, наследованная по преданию от дедов и прадедов, как у Белорусцев. Кляскун известен почти во всей Бело-

руссии, но особенно в Витебской Губернии и Минской – в Игуменском уезде. Поговорки: *Разкляскáвся як Кляскун той* – развеселился, разыгрался, как Кляскун тот; *Не кляскуй Кляскун, ба нимáшака еще месячка* – не веселись, не играй, Кляскун, еще не показалась луна.

XLV. *Кóпша*

Кóпша – богиня мертвых. Как видно из значения самого слова, Копша, должно быть, какое-нибудь страшное, чуть ли не адское божество. Копша значит – задымленная, загрязненная, испачканная смолою женщина – оттуда неряха, негодная женщина[1]. Воображение суеверной Белоруссии рисует Копшу в виде старухи самого чудовищного, страшного вида. Она живет в гробах, и особенно в тех, где лишь только начинают трупы разрушаться, тревожит их и именно трупы тех, родные которых не задобрили ее, не положили в гроб денег или какого-нибудь напитка. Вот почему в могилах поныне находят горшки с деньгами и фляжки с густейшею, крепчайшею старою водкою[2]. Те, которые почему-нибудь не угодили ей, стараются задобрить Копшу в день языческой тризны, совершающейся в Белоруссии[3] в виде поминовения на так называемую *Рáдавницу*[4]. День этот действительно приходится в то самое время, когда совершается Христианское поминовение усопших, именно во Вторник на Фоминой недели[5]: вероятно – это остатки древней Славяно-Русской тризны, случайно слившейся с этим Христианским днем. В этот день вечером собираются женщины, по преимуществу старухи, на могилы своих родных и близких с запасом разных лепешек, блинов, пирогов, и пр. и раскладывают их на могилах. Часть этого запаса потребляется самими же принесшими, остальное же посвящается Копше для умилостивления ее. Обыкновенно прорывают в изголовье могилы яму и туда закапывают приношения Копше; на месте же ног пробивают глубоко желобок и бросают в него несколько мо-

[1] В Нижне-Лужицком языке есть слово *Kopfsch* и значит – дым, смола, деготь.

[2] Обыкновение это поныне существует в Белоруссии. О подобном обыкновении у Негров упоминает Г. Ковалевский. См. статью: «Нигриция». Отеч. Зап. 1849, Генварь.

[3] То же есть в Малороссии и Литве.

[4] Радавница значит день радования – по тому случаю, что в этот день стараются угодить Копше разными приношениями.

[5] Впрочем, в некоторых местах совершается Радавница в Среду – вечером.

нет, большею частью медных, по числу членов семьи, что сопровождается разными приговорами. Копша известна в Могилевской и Минской Губерниях; в прочих местах Белоруссии существует только обряд Радавницы, с другими, впрочем, ничего не значащими приговорками или напевами. Поговорка: *З грашьми и Копше дагодзишь* – деньгами задобришь и Коппу.

XLVI. *Лядáщик*

Лядащик[1] – дух, портящий людей[2]. По понятию Белорусцев, существуют такие злые духи, которые из ненависти к людям портят их. Порча эта состоит в том, что они делают людей больными, полусумасшедшими, лишают их сознания, превращают их в разных животных. К числу этих духов принадлежит и Лядащщик, дух самый враждебный в отношении к человеку. Лядащщик ненавидит женщин за деторождение, больше всего вредит им, и потому все случающиеся с женщинами болезни и припадки Белорусцы приписывают Лядащщику. Они представляют его в виде безобразного уродца, всего в рыжих волосах, с крыльями и одним глазом во лбу. Лядащщик известен во многих местах Белоруссии, и даже во всей, но только не везде под этим именем: в некоторых уездах Минской и Могилевской Губернии его называют Шéвредзь, Псýцень. Поговорки: *З Лядащщикам спазнався, з розуму спався* – прямой безумный, будто с Лядащщиком свел дело; *Лядащщикава вóко* – глаз Лядащщика – т. е. скверный, нехороший глаз; *Лядащщик перелецев ямý* – над ним пролетел Лядащщик, т. е. он полоумный, сумасшедший.

XLVII. *Ныдзень*

Ныдзень – оборотень. Это одна из тех несчастных жертв, которыми Лядащщик делает людей. Ныдзень, собственно, по понятию Белорусцев, блуждает в образе какого-то четвероногого животного и так жалко стонет, что, слыша его, невольно поразишься горьким положением оборотня. Особенно стоны его можно слышать в лунную полночь. Он блуждает вокруг домов и в особенности домов добрых, сострадательных людей; иногда в виде собаки забегает и в самое жилье, но как никто

[1] Лядащщик – от *лядаштый*, скверный, испорченный, – тот, который других делает дурными, портит.

[2] Портить людей – собственно значит сделать их больными, иногда сумасшедшими.

его не узнаéт, то он и пролежит где-нибудь вместе с собаками. Ему очень хочется, говорят Белорусцы, чтоб кто-нибудь узнал и приласкал его; этим несколько утешился бы Ныдзень в своем жалком положении. Но кто же осмелится приласкать его, хотя бы кто и узнал, что вбежавшая собака действительно есть оборотень — несчастный, заклятый, заколдованный человек, когда этой лаской можно раздражить Лядащщика. Появление мнимого Ныдзеня Белорусцы считают предсказанием какого-либо несчастья для целого местечка или деревни: по их мнению, из жалости к людям это несчастное существо хочет как бы приготовить людей к встрече угрожающей беды. Ныдзень, от *ныдзець* — скучать, горевать, собственно значит горемыка, стонущий, воющий, вообще существо, находящееся в чрезвычайно жалком положении... Ныдзень известен преимущественно в Минской Губернии, в Слуцком и Бобруйском уездах, отчасти, впрочем, и в Игуменском. Поговорки: *Разхлестався як той уже Ныдзень* — расплакался, расстонался, настоящий, право, Ныдзень; *Ныдзень! Чуць бадай лиха якого не спаткнуць*, — что-то слышны стали стоны Ныдня (Ныдзеня), как бы не случилось несчастья какого...

XLVIII. *Паветник*

Паветник — младший служебный дух Бордзи. Паветник, от слова *паветце*, — сарай для дров или место (в Белорусских хуторах) для складки и срубки дров, — значит живущий в дровяном сарае. Оттуда и понятие Белорусцев об обязанности Паветника в отношении к богине Бордзе. Именно, Белорусцы думают, что Паветник всегда живет в дровяном сарае и смотрит за благосостоянием имущества хозяев. Старший служебный дух Бордзи, Гарник, часто вместе со своей богиней присутствует на брачных пирах; но Паветник, как младший служебный дух, не имеет такого близкого отношения к Бордзе. Он делает только то, что ему поручает Гарник. По понятию Белорусцев, Паветник, в виде шестикрылой огромной птицы, расхаживает по всем амбарам, сараям (клецам) новобрачных и осматривает, все ли у них в хорошем состоянии; если найдет что-нибудь в неисправности — доносит Гарнику, а Гарник передает Бордзе. Иногда, говорят Белорусцы, Паветник является[1] хозяевам в амбарах и как бы грозит им; это значит, что хозя-

[1] Собственно ночью или вечером, вообще впотьмах; вероятно, потому, что вечером скорее может представиться что-нибудь подобное суеверному Белорусцу.

ин, в амбаре которого явился Паветник в таком виде, провинился в чем-нибудь пред Бордзею, т. е. или не занимался хозяйством, или же неправильно с обидой для другого воспользовался каким-нибудь добром. Во время этого появления Паветник принимает образ красивого белокурого мальчика в рубашке огненного цвета. Паветник известен собственно в Минской Губернии, частью, впрочем, и в Могилевской, особенно в Оршанском уезде. Поговорки: *Паветник прысябрывся, в клеци добра панабывся* — помог, удружил, присмотрел за хозяйством Паветник, оттого и в амбарах его все в хорошем положении, всего много; *Чумги-чумги, Паветник* — выражение, употребляемое Белорусцами во время испуга, происшедшего от внезапной пропажи какой-нибудь вещи в доме, или пожара, или грабежа ночного. Что́ значит *чумги-чумги*, не понятно; по крайней мере можно догадываться, что этим выражается какой-то призыв на помощь Паветника!.. Как будто помоги, Паветник, или избавь от беды... *Як злекався, бы — аж Паветник в клеци в очы здався* — как испугался, словно Паветника увидел в амбаре (в грозном виде).

XLIX. *Падпе́чник*

Падпечник — домовой. Белорусцы представляют Падпечника в виде безобразного животного, мохнатого, с красной головой и огненными сверкающими глазами; вместо передних лап у него человеческие руки, а вместо задних — человеческие ноги, только с длинными когтями. Белорусцы верят, что Падпечник живет в домах под печкою[1] и днем никогда не выходит оттуда; иногда только, когда никого не бывает дома, кроме детей, он высовывает свою красную голову и, повертывая ею и сверкая глазами, стращает тем детей, слишком расшалившихся в отсутствие родителей; впрочем, он ничего худого им не делает. Зато ночью Падпечник не дает покоя людям дурным, порочным, бесчестным и вообще сделавшим какое-либо преступление. Падпечник грезится им, являясь перед ими в ужасающих видах, выделывая пред ними разные страшные жесты, бегая по стене, летая над их головами и своею мохнатой головой щекотя лица их. Весьма похожий на Падпечника домовой есть у Сербов и Богемцев. У Сербов он называется Зпѣ́ћиник', что́ значит сидящий в темном уголку — за печ-

[1] Падпе́чак — подпечек, т. е. яма под печкой для сора или место для складки дров (у простолюдинов).

кою;[1] а у Богемцев Péckan, — он *pecka* большой камень — для постройки домов и лепки печей; оттуда запечник, сидящий на печке или под печкою[2]. О Падпечнике, как о домовом, знают почти во всей Белоруссии, только под разными названиями; под настоящим именем известен он больше в Минской Губернии; но не менее того знают о нем даже в Черниговской Губернии, особенно в Глуховском уезде. Поговорки: *Падпечник налекав, бачна штось зпсутавав* — Падпечник напугал, видно, сделал что-нибудь дурное; *Каб табе Падпечка* (сокр. Падпечник) *прыснився* — чтоб тебе пригрезился во сне Падпечник.

L. *Разама́ра*

Разамара — недобрый дух, один из тех, которые несут на воздухе огненную ступу Бабы-Яги[3] и пользуются большой милостью этого злобного духа. По понятию Белорусцев, Разамара живет в облаках в виде какого-то шестикрылого животного. В случае же нужды явиться на землю с Ягою или даже одному, Разамара принимает вид молодого человека, косматого с головы до ног, с шестью крылами, огненного. В таком виде он является в глухую полночь, и в особенности во время бурь, грозы и проливного дождя, и похищает детей. Разамара известен во всей Белоруссии; в некоторых местах (Минской Губернии) это слово употребляется в значении *замарашки* и действительно может означать нечистого, загрязненного, если производить это слово от Виндского Zmargast — razmarast, корень которого maroga значит — нечистый, замаранный. Впрочем, корень Разамары собственно должно искать в Белорусском наречии. Разамара — по-Белорусски (от предлога *раз* и *мара* — привидение, дух, тень) значит дух неуловимый, быстро исчезающий, — невидимка. Поговорки: *Чы не Разамара заев* — не Разамара ли сгубил (дитя); *Разамара б цяб задушыв — яки крыкса* — чтоб тебя задушил Разамара! Экой крикун! (так пугают детей).

LI. *Шатыви́ла*

Шатывила[4] — также служебный дух Яги-бабы—касцяной-наги. Сказанное о Разамаре относится и к Шатывиле. Заметим

[1] Имеслов или речник личны имена разны народа Славенска, скупio. Г. *Пачичь*, у Будиму, 1828 г. См. это слово.

[2] Praktisches Lehrbuch der cechischen volgo böhmischen, von *F. Trnka*. Brünn, 1830, 8. 1.

[3] См. в 1-й статье слово Яга-баба—касцяная-нага.

[4] Здесь конечная буква *а* употреблена вместо *о* применительно к выговору Белорусскому; следовало бы собственно написать — Шатывило.

только, что Шатывила имеет еще особенное значение – именно посредника в сношениях между Ягой и Паляндрой. Шатывила известен в Белоруссии столько же, сколько и Разамара; кроме того, он известен в Малороссии и Литве. Шатывила значит постоянно передвигающийся с места на место, перебегающий, быстро летающий. Поговорки: *Бач – яким Шатывилам ляціць* – эк каким бесом несется; *Як той Шатывила не пастаіць на одном месьце* – как Шатывила, не постоит на одном месте.

LII. *Яркýн*

Яркун – враг супружества. По понятию Белорусцев, Яркун, пока был дружен с Бордзею, покровительствовал супружеству; после, возненавидев Бордзю, покинул ее и назло ей стал преследовать супругов. Он, говорят, производит беспорядки в домах и ссорит мужей с женами. Белорусцы представляют Яркуна стариком – немалого роста, седым, но очень стройным и ловким; являясь же в дом новобрачных, он принимает вид молодого человека. Обыкновенно Яркун живет в горах, в великолепных палатах, украшенных янтарем и другими камнями. Яркун – собственно значит воркливый, ревнивый, жестокий. Нечто похожее на Яркуна есть у Верхне-Лужичан, именно jarukon, означающее сильного, крепкого (от слова jara – очень сильно). Яркун известен не во всей Белоруссии. Поговорки: *За гэтага Яркуна я пайду?* – пойду ли я (замуж) за такого ревнивца?.. *Загрыз жонку сваю, як той Яркун* – замучил жену свою ревностью, как Яркун. Вообще на Белорусском наречии слово *Яркун* значит собственно ревнивец.

Е. Е. Левкиевская

МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ФАНТОМОВ В «БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ» П. ДРЕВЛЯНСКОГО

«Не судите и не судимы будете...»

Настоящая работа – ни в коей степени не суд над Павлом Михайловичем Шпилевским, выпустившим в 1846 году (в двадцатитрехлетнем возрасте) «Белорусские народные предания» под именем Древлянского (этим псевдонимом мы и будем его именовать – так привычнее применительно к рассматриваемому нами тексту, поскольку имя Древлянского в контексте истории культуры уже не отделимо от «Белорусских народных преданий»), и меньше всего повод для научного снобизма и демонстрации собственного превосходства (какие «мы», в начале XXI века, умные и объективные и какие «они», в своем XIX веке, глупые фантазеры или хитрые мистификаторы). Если угодно, это попытка рассмотреть текст «Белорусских народных преданий» с точки зрения адвоката в той степени, в какой их автор дает для этого возможность.

Анализировать «Белорусские народные предания» как текст-мистификацию или как научный фантом – задача неблагодарная и психологически нелегкая. Во-первых, потому, что эта работа настолько крепко «вросла» в круг постоянных источников, из которых не одно поколение ученых привычно черпало (и черпает!) материал для исследований в области славянской традиционной культуры, настолько ссылки на Древлянского являются общим местом в отечественной науке, настолько густо цитаты из его произведения рассыпаны по работам наших самых уважаемых ученых (начиная с В. И. Даля и кончая Вяч. Вс. Ивановым, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским и др.), что попытка проанализировать степень ее достоверности чревата многими неприятными для нашей этнологии и фольклористики вопросами, самый невинный из которых может звучать так: чего же стоят все наши представления о славянской традиции, если они основаны на источниках, подобных Древлянскому? А самый неприятный из возможных вопросов пря-

мо относится к правомерности существования науки о славянской традиционной культуре именно как науки – какая же это наука, если за 150 лет своего существования она так и не создала тезауруса элементов, являющихся объектом ее исследования, и не выработала механизмов, позволяющих опознавать ненадежные и ложные элементы и отсеивать их от объективно существующих! Во-вторых, потому нелегка эта задача, что она ставит автора данной статьи в позицию той самой унтерофицерской вдовы, которая сама себя высекла – цитировали и мы Древлянского, и не просто цитировали – статья про воспетого Древлянским Белуна в 1 томе «Славянских древностей» написана той самой рукой, которой пишутся и эти строки. Что тут сказать – грешна, грешна, и настоящая статья является в какой-то степени покаянием в грехах молодости.

Анализ работы Древлянского на настоящем этапе развития исследований в области традиционной культуры дает прекрасную возможность не столько «уличить» ее автора в измышлении целого ряда мифологических персонажей (при наличии достаточного корпуса материалов полевых исследований фантомы Древлянского довольного легко различимы), сколько понять, чем «наш» подход к народной традиции отличается от «их» подхода, т. е. хотя бы обозначить ту эволюцию (или все же революцию?) во взглядах на традиционную культуру, которая произошла за полтора столетия. Нужно честно признать, что «мы» другими глазами, с другой точки зрения смотрим на народную культуру, мы обладаем иным по объему и качеству корпусом текстов, у нас другие приоритеты, иные инструменты описания культуры и главное – другие цели ее описания. Поэтому чтобы понять «их», нам нужно встать на «их» точку зрения.

Совершенно очевидно, что «Белорусские народные предания» не принадлежат к числу тех текстов, которые пишутся в целях сознательной мистификации, что, создавая своих Баганов, Кумельганов, Вазил и прочих Любмелов, автор не ставил своей задачей ввести в заблуждение или разыграть читателей. Следовательно, «Белорусские народные предания» необходимо рассматривать как определенный научный подход к народной культуре («научный» в той степени, в какой он представлялся таковым человеку первой половины XIX века, каким бы «диким» он нам сейчас ни казался), как вполне нормальный (для своей эпохи) способ описания славянской мифологии, закономерно вытекающий из сложившихся в тот период представлений о том, что из себя эта мифология представляет, вер-

нее — что она *должна* представлять. Вот в этом-то долженствовании, в этой модальности, которая явственно проглядывает в большинстве работ середины XIX века, и заключено, на наш взгляд, отличие «их» взгляда на народную культуру от «нашего». Проблема идентичности описываемой исследователем картины народной традиции, реально существующей в народе традиции, актуальная для современных этнологов и фольклористов, не волновала исследователей эпохи Древлянского. Это для «нас» важно, что из себя в действительности представляет народная культура, для «них» же было важно, в какой степени имеющиеся в их распоряжении тексты и образы современной им традиции соответствуют некоему эталону, стандарту народной традиции, который «ими» самими же и был задан с ориентацией на античные образцы. Выступая в качестве адвоката Древлянского, упомянем, что «подтягиванием» своей национальной культуры под «международный» эталон занимались задолго до него. Вспомним хотя бы польского историографа XV века Яна Длугоша с его знаменитой «Historia Polonica», пытавшегося создать польский пантеон божеств по аналогии с античным. Этим же вполне серьезно занимался сам Михаил Васильевич Ломоносов — вспомним созданный им список параллелей между русскими и римскими божествами: Юпитер — Перун, Юнона — Коляда, Нептун — Царь морской, Тритон — Чуда морские, Венера — Лада, Купидон — Леля, Церера — Полудница, и т. д. (цит. по: Толстой 1995: 270).

В XVIII веке, когда этнографические исследования только зарождались, исследователям той эпохи казалось, что все национальные мифологии должны быть похожи на римскую или древнегреческую, считавшиеся эталонными. В век классицизма с его ориентацией на античную модель мира полагали, что в мифологии каждого народа должны быть свои персонажи, аналогичные Зевсу, Гере, Посейдону, Аиду и прочим греческим богам, а если их нет, значит, культура этого народа в чем-то ущербна, неполноценна. Очевидно, что сверхзадача подобного рода этнологических изысканий — утвердить «полноценность» собственного этноса путем создания «полноценного» пантеона божеств и мифологических персонажей. Не менее очевидно, что потребность в национальном самоутверждении через бурное мифотворчество — отнюдь не пройденный этап подросткового периода этнического сознания. Рецидивы детской болезни создания мифологических фантомов захлестывают общество всякий раз, когда актуализируется острая необходимость этнокультурного самоутверждения, потребность до-

казать самим себе собственную значимость, показать, что мы «не хуже других», что мы — «большие», «взрослые». Подобный инфантилизм национального самосознания весьма язвительно высмеял князь С. Н. Трубецкой еще в начале XX века: «Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во что бы то ни стало <...> был признан "большими" народами, "великими" державами, как полноправный член "семьи государственных народов", и в своем быте во всем походил именно на эти "большие народы" <...> В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть "самими собой", а, наоборот, хотят именно быть "как другие", "как большие", как "господа", не будучи, по существу, подчас ни большими, ни господами» (Трубецкой 1995: 114). Хотя бы отчасти, эти слова Трубецкого можно отнести и к Древлянскому, который в статье «Исследование о вовколаках» вполне серьезно утверждал, что Овидий отбывал ссылку не где-нибудь, а именно в Белоруссии, что именно там он услышал сказания о людях-оборотнях, на основе чего и создал свои «Метаморфозы», написав их первоначально на белорусском языке.

Нельзя исключить, что соблазн мимикрии под «народ» объясняется и почвенническим желанием «примерить на себя» способ мышления своего народа, его манеру создавать и сохранять в памяти многих поколений мифологические образы, его привычку пользоваться языком и порождать на этом языке сакральные тексты.

Однако было бы слишком примитивно сводить всю проблему фальсификации мифологии только к комплексу национальной неполноценности. Работа Древлянского представляет собой прекрасный повод поговорить о том, что такое мифологический персонаж в традиционной культуре и как он устроен. Для нас очевидно, что во времена Древлянского еще не было выработано представление ни о диалектности мифологического персонажа (т. е. вариативности одного и того же образа в разных микроареалах), ни об эволюции мифологического образа во времени, ни о принципах сочетаемости мифологических мотивов и характеристик «внутри» того или иного образа.

Мифологический персонаж мыслился в эпоху Древлянского исключительно как субъект, как образ, наделенный всеми необходимыми для субъекта атрибутами (внешностью, одеждой, особенностями характера, моральными качествами), в этом отношении образы народной культуры принципиально не отличались от литературных образов, создаваемых в художественных произведениях. Полагали также, что все персонажи

славянского «пантеона» обладают одинаковой степенью субъектности, т. е. каждый мифологический персонаж имеет одинаковую степень персонификации и одинаково хорошо «разработан» как художественный образ. Этим объясняется внимание Древлянского к внешнему облику, одежде, атрибутам, т. е. всему тому, что делает персонаж пусть мифологической, но «личностью». Персонаж у Древлянского предстает статичной константой, лишенной каких-либо ареальных вариантов (поскольку в этот период нет понятия о диалектности народной культуры), традиция воспринимается как застывший монолит, не подверженный эволюции, а сохраняющийся в том самом виде, в каком он возник на заре зарождения славянства. При этом само возникновение традиции с точки зрения ученых эпохи Древлянского представляется не результатом длительной эволюции со сложными процессами конвергенции и дивергенции, а действием одноактным и единовременным, вроде сотворения мира, в результате которого и возникли сразу все персонажи в своем неизменном виде. Персонажи Древлянского обладают одинаковым статусом внутри мифологической системы – как явствует из его слов, они все без исключения – боги, божества и духи.

Излишне говорить, что именно эти особенности описанных Древлянским «богов» представляются с точки зрения исследователя нашего времени абсолютно искусственными и вызывают наибольшие подозрения. Для нас естественно, что мифологическое в народной культуре лишь отчасти выражается через субстантивы, что разные персонажи обладают различной степенью субстантивности, а некоторые вообще почти лишены ее, проявляя себя почти исключительно через функцию. Для нас естественно, что мифологический персонаж не есть константа, не подверженная каким-либо изменениям, а совокупность вариантов, распространенных в определенном ареале и эволюционирующих с течением времени.

Перед Древлянским, как и перед другими исследователями его эпохи, явно не стояла проблема достоверности научного факта в том смысле, в каком мы сегодня ее понимаем. Мы рассматриваем мифологию исключительно как форму народного сознания, оставляя за рамками научного исследования вопрос о том, насколько соответствуют реальной действительности мифологические образы. Достоверность научного факта применительно к народной культуре определяется для нас тем, действительно ли этот факт является элементом народного сознания, народного обычая или же он только приписыва-

ется народному сознанию, «мимикрирует» под него. Во времена Древлянского еще были свежи традиции эпохи Просвещения с ее проповедью рационализма, с ее установками на прямолинейное обличение народных обычаев как «дикого» и «варварского» суеверия, рожденного темнотой и необразованностью народа и ложью жрецов, придумывавших «басни» для собственной выгоды. Как писал Татищев, «басни» и суеверные чудеса — это недостоверные выдумки, которых следует избегать историку: «<...> сие от плутов вымышленное, а от невежд суеверных за истину придумано и с прибавлением чудес разсевано». Под достоверным фактом в этом контексте понимается то, что соответствует реальной действительности, а поскольку мифологические образы ей явно не соответствуют, то говорить о достоверности применительно к «народным суевериям» с этой точки зрения вообще не имеет смысла. Но если мифологические персонажи есть лишь измышление темного народа (правда, при этом довольно ценное, поскольку оно свидетельствует о древности этого народа, а значит о его национальной полноценности), то эти измышления не грех еще немножко «домыслить» и «исправить» в нужном автору ключе — ведь от этого степень их достоверности принципиально не изменится.

И здесь встает еще один очень важный вопрос. А вдруг мы ошибаемся, объявляя Древлянского мистификатором и создателем фантомов? Ведь народная мифология — довольно подвижная система, гораздо более склонная к эволюции, чем любой другой фрагмент традиционной культуры. Это хорошо видно хотя бы на примерах описаний традиции одного и того же села, сделанных в начале и в конце XX века (например, описания карпатских сел, сделанные И. Франко, В. Гнатюком, М. Зубрицким на рубеже XIX–XX вв. и материалы из этих же сел, в частности, с. Головы Ивано-Франковской обл. или с. Мшанец Старосамборского р-на Львовской обл., записанные этнолингвистической экспедицией Института славяноведения РАН в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.), которые свидетельствуют, что отдельные мифологические образы меньше чем за столетие претерпели довольно значительную трансформацию (например, в традиции с. Головы Ивано-Франковской обл. такой персонаж, как (*опыр*) «вампир» сильно утратил свои черты заложного покойника, зато приобрел неожиданную характеристику гомосексуалиста). Какие у нас есть доказательства в пользу того, что персонажи Древлянского, за малым исключением, есть плод его писательского мастерства, а не исчезнувшие элементы белорусской мифологической системы?

Основным доказательством служит принцип сочетаемости мифологических функций внутри того или иного образа. Мы исходим из того, что мифологический персонаж — это устойчивый пучок мифологических функций и характеристик, скрепленный именем и закрепленный в традиции. Соответственно набор этих функций, а также их сочетание друг с другом обусловлены и ограничены традицией, а она — фактор весьма консервативный, несмотря на все эволюции, вместе взятые. Конечно, представления о том или ином персонаже в конкретной традиции могут слабеть, редуцироваться и исчезать. Функции таких «угасших» в народной памяти персонажей могут оставаться в традиции и «приклеиваться» к другим мифологическим образам, но они не могут тасоваться и соединяться друг с другом произвольно, как карты в колоде. В противном случае не были бы возможны указатели мифологических мотивов, сюжетов и функций, связанных с тем или иным персонажем, которые надежно свидетельствуют в пользу достаточно сильной устойчивости традиции, а, следовательно, невозможности тех сюжетных комбинаций в рамках мифологического образа, которыми Древлянский наделил созданные им творения. Это наличие постоянных элементов (хотя и способных к трансформации), а также наличие определенных комбинаций их сочетаемости в рамках конкретной традиции и позволяет считать науку о народной традиционной культуре именно наукой, а не коллекцией занимательных басен. В этом смысле национальную мифологическую систему позволительно сравнить с фонетической системой национального языка, которая имеет определенное количество звуков, каждый из которых характеризуется постоянными релевантными признаками. Таким образом, если нам, к примеру, предъявят звук, являющийся носовым гласным переднего ряда, то мы можем сказать, что это не есть звук русского языка, потому что ни для одного из звуков русского языка такое артикуляционное сочетание невозможно. В каждом языке, кроме того, существует только для него характерная сочетаемость звуков. Для русского, например, совершенно невозможно в позиции начала слова сочетание типа «губно-губной-шипящий» или «зубно-зубной-щелевой», и, если нам встретится слово, начинающееся сочетаниями «бш» или «зщ», мы можем априори утверждать, что это слово не из русского языка. То же самое относится и к мифологическим персонажам: если мы встречаем в рамках одного мифологического образа сочетание функций бога луны (?!) и летних забав, какими Древлянский наделяет своего Кляскуна,

мы можем на основе накопленного за полтора столетия полевого материала смело утверждать, что это не есть элемент белорусской мифологической системы, потому что в белорусской мифологии таких функций (а тем паче их сочетания) не существует. Однако основные трудности возникают не в тех случаях, когда мы сталкиваемся с откровенными фантомами, а тогда, когда элементы «вранья» так вплетены в структуру вполне реально существующих мотивов и сюжетов, что отделение их друг от друга превращается в весьма трудоемкий и занудный процесс.

Совершенно очевидно, что не все персонажи, описанные в «Белорусских народных преданиях», являются фантомами, рожденными исключительно под пером самого Древлянского. Более того, все представленные в этом тексте персонажи по степени «фантомности» можно разделить на несколько категорий в зависимости, во-первых, от наличия в их описании реальных элементов народной культуры, во-вторых — от того, каким способом элементы реальные и выдуманные соединены друг с другом, в-третьих — от того, какие имена использует автор для обозначения описанных им «героев». В зависимости от этого все пятьдесят два персонажа, представленные Древлянским в качестве богов, божеств и духов, которым поклоняются «белорусцы», можно разделить на четыре группы.

К первой из них принадлежит несколько реально существующих в белорусской мифологии персонажей, которые описаны Древлянским почти без изменений (или с относительно небольшой их долей). Такие мифологические имена, как *вовколак*, *русалка*, *цмок*, действительно существуют в белорусских (и шире — в восточнославянских) народных верованиях, а образы, описанные под этими именами, более или менее соответствуют народным представлениям об этих персонажах. Однако и эти образы нельзя считать полностью идентичными персонажам народной мифологии — в их структуру вплетены отдельные фантомные мотивы и характеристики.

Вторую группу составляют персонажи, обозначенные у Древлянского реально существующими в народной культуре мифологическими именами (например, *росомаха*, *кадук*, *лядащик*, *лозовик*, *Баба-Яга*), но «снабженные» образами в виде компиляции из частично выдуманных, частично реальных характеристик и функций. К третьей группе можно отнести мифологические фантомы, названиями для которых служат имена нарицательные, действительно имеющиеся в белорусском языке и его говорах, но не несущие в себе никакого мифологиче-

ского смысла (к примеру, *жыж*, *зюзя*, *жевжык*, *кликун* и др.). Эти псевдомифологические имена наделяются образами, скомпилированными из реальных и вымышленных мотивов и функций. К этой же группе относятся и названия праздников и сезонов, а также сельскохозяйственных работ, которые персонифицируются и наделяются статусом богов и божеств (как, например, *щедрец*, *коляда* или *талака*). Наконец, к четвертой группе относятся фантомы, чьи названия нам не удалось обнаружить в словарях, а образы целиком или частично являются плодом писательского мастерства самого Древлянского (*Кумельган*, *Бордзя*, *Любмел* и др.). Нужно заметить, что автор «Белорусских народных сказаний» включает в свой «пантеон» и те фантомы, которые бродили по страницам русской этнографической литературы с более ранних эпох – *Чур-бога*, *Лялю*, *Ладу*, наделяя их статусом богов и богинь. Конечно, в рамках одной статьи невозможно подробно разобрать «по косточкам» все образы, представленные Древлянским, мы коснемся только некоторых из них, где механизмы соединения достоверных и фантомных элементов представлены в наиболее характерном виде.

ВОВКОЛАК, РУСАЛКА, ЦМОК И ДРУГИЕ

Что касается первой группы персонажей, то *вовколак*, *русалка* и *цмок* в изложении Древлянского, как уже говорилось, почти не вызывают нареканий, хотя некоторые детали все же обращают на себя внимание. Если образ описанного в «Белорусских народных преданиях» *вовколака* можно признать вполне корректным (не считая подозрительного отождествления белорусского персонажа с соответствующим образом из «Метаморфоз» Овидия), то уже в 1852 году в статье «Исследование о вовколаках» Древлянский дает волю своей фантазии. Таким образом, у нас есть возможность проследить эволюцию его «творческой деятельности», посмотреть, как из реального факта белорусской традиции Древлянский формирует фантом. Если в 1846 году автор ограничивается лапидарным и вполне достоверным описанием вовколака как человека-оборотня, по своей воле или по воле колдуна превратившегося в волка, то в статье 1852 года он уже без тени сомнения «реконструирует» генезис персонажа и этимологию слова. В частности, в соответствии с идеей национальной полноценности, он утверждает, что «поверье о вовколаках получило исходное свое начало в Белоруссии и уже впоследствии привилось к другим славян-

ским племенам», ссылаясь в доказательство своих слов аж на Геродота (Шпилевский 1852: 7). А чтобы обосновать свою этимологию этого слова (*вовколак* — это якобы «волк-лекарь», «волк-знахарь», т. е. знахарь, обращающийся в волка), Древлянский придумывает совершенно невозможную и никогда не фиксировавшуюся форму *вовколек*. Вполне правдоподобный сюжет былички о превращении в вовколака соперника на свадьбе Древлянский переделывает в красочную сентиментальную новеллу о страданиях обращенного в волка парня и его жестоком мщении семье своего обидчика.

Что касается *русалок*, то их, подражая античным образцам, Древлянский именует «водяными нимфами». И хотя сообщенные им сведения о русалках не вызывают подозрений, они все же поражают своей странной краткостью — русалка в этой традиции является одним из центральных персонажей, в белорусской мифологии известно чрезвычайно много быличек и поверий о русалках, способных удовлетворить тягу Древлянского к сентиментальным сюжетам. То, что автор не воспользовался ими, лишний раз свидетельствует, что он довольно поверхностно знал реальную народную традицию, используя в качестве основы для своих фантазий общеизвестные сведения или факты, почерпнутые им из других этнографических источников такого же полуфантастического характера.

В описаниях *цмока* содержится уже гораздо больше фантомных элементов. *Цмоком* (бел. *цмок*, з.-укр. *смок*, пол. *zmok* «змей» от бел., укр. *смоктати*, пол. smoktać «сосать») в реальной белорусской мифологической системе обычно называется летающий змей, представления о котором могут распадаться на два автономных образа. В одном случае летающий змей мыслится как мифологический любовник, прилетающий к жене, тоскующей о своем умершем или долго отсутствующем муже (Левкиевская 1996: 225—247). В другом случае, о котором и упоминает Древлянский под именем *цмока-домовика*, летающий змей — это персонаж-обогатитель, которого заводят для получения богатства (Левкиевская 1996а: 185—212) и который у Богдановича описан под именем змея-деньгоносца (Богданович 1895: 73—74). Древлянский довольно верно описывает основные мотивы, связанные с этим персонажем: действительно, обычно такой персонаж, находясь в воздухе, имеет вид огненного змея. Его отношения с хозяином носят характер договора между человеком и нечистой силой, по которому дух-обогатитель приносит своему хозяину богатство, хлеб, молоко,

воруя все это у других людей, а хозяин должен кормить змея, ежедневно принося ему на чердак (где обычно такой змей обитает) несоленую яичницу. Древлянский верно сопоставляет белорусский образ с соответствующим польским, приходя к выводу, что «*цмок* белорусский и *змок* польский есть один и тот же нечистый дух в образе змеи», хотя он явно не подозревает, что этот образ носит общеславянский характер и оба варианта (змей-любовник и дух-обогатитель) этого персонажа известны в большинстве славянских традиций (Славянские древности 1995–1999/2: 147–150, 330–333).

Что касается «общего цмока», который якобы руководит остальными «цмоками», то здесь явное недоразумение, основанное на любимом Древлянским приеме контаминации разнородных звеньев народной традиции. Дело в том, что в Белоруссии (как и у всех восточных славян) прекрасно сохранился апокрифический сюжет о сатане, свергнутом с Неба и помещенном Богом в ад (или в каменную гору), где он прикован к столбу железными цепями. В течение года из-за людских грехов эта цепь истончается, но, как только на Пасху запоют «Христос воскресе!», цепь снова становится такой же прочной, как и была. Вот этот сатана в народных рассказах может носить имя главного черта, а иногда и цмока (Шейн 1887–1902/3: 312; Богданович 1895: 130), но, естественно, по своей этиологии этот образ не имеет ничего общего с образом летающего змея.

Однако Древлянский здесь не обходится и без более существенных искажений образа. Никакого «лесного цмока», о котором он пишет, в восточнославянской мифологии не зафиксировано, хотя этот самый «лесной цмок», который одновременно, согласно Древлянскому, является и лесовиком (!), до сих пор успешно мигрирует по страницам научных изданий. Начало этому положил, естественно, А. Н. Афанасьев, который перетащил в свои «Поэтические воззрения...» бóльшую часть фантомов Древлянского (Афанасьев 1994/2: 333). Б. А. Успенский, в попытках доказать, что леший является манифестацией Волоса, вновь вытаскивает этот фантом на свет Божий: «<...> ср. также белорусского “лесного цмока”, который, подобно Огненному Змею, высасывает у коров молоко» (Успенский 1982: 87). При этом Успенский ссылается и на Древлянского, и на Афанасьева одновременно, не догадываясь, очевидно, что это, по существу, один и тот же источник. Для других исследователей Б. А. Успенский является слишком непререкаемым авторитетом для того, чтобы можно было усомниться в досто-

верности приводимых им сведений, поэтому, не обременяя себя излишней рефлексией, А. В. Гура (Гура 1997: 315) смело повествует о «лесном цмоке» следующее: «Кроме ведьм и змей высасывание молока у коров могут приписывать и змею, например *лесному цмоку* (Усп. ФР: 87)». Самое трогательное в данной цитате – это доверчивая ссылка на Успенского при полном нежелании обратить внимание на фамилии тех двух «авторитетных» авторов, у которых Борис Андреевич почерпнул столь «ценные» сведения из белорусской мифологии. Можно не сомневаться, что с легкой руки А. В. Гуры (а это в настоящее время один из самых цитируемых авторов) «лесной цмок» и другие фантомы, старательно им собранные в закромах славянских мифотворцев, продолжат победоносное шествие по страницам исследований.

Кроме *цмока-домовика* Древлянский упоминает еще три персонажа, связанные с домом и благополучием хозяйства в целом. Это *падпечник, паветник* и *клецьник*. Что касается *падпечника* (Древлянский 1846–1852/3: 65–66), под которым автор имеет в виду обычного восточнославянского домового, то его образ с некоторыми натяжками можно отнести к числу достоверных. Да и само наименование домового *падпечник* не вызывает особых подозрений, поскольку печь и пространство под печью – обычное место обитания домового в восточнославянских верованиях. Наименование духов локусов по месту их обитания и по пространству, которое они «курируют», – один из наиболее стандартных способов номинации восточнославянских мифологических персонажей. Эту лексему приводит в своем словаре Носович: «Подпечник – домашний дух, по поверью простолюдинов, живущий под печкою в темноте, которым пугают детей, чтоб не плакали» (Носович 1870: 545). О *подпечнике* как белорусском названии домового упоминает и Богданович, правда, без указания места бытования (Богданович 1895: 66). Подобные названия домового обычны и для мифологической лексики Русского Севера (ср.: *запечный, запечник, подпечка, подпечный, подпечник* – Черепанова 1983: 25, 60). Древлянский не слишком отклоняется от истины, когда рассказывает о преследовании падпечником людей дурных, порочных и бесчестных, каковых он мучит во сне, «являясь перед ними в ужасающих видах». «Ужасающие виды» падпечника оставим на совести Древлянского, но способность домового наказывать людей, нарушивших те или иные запреты и предписания (в том числе и морального свойства), наваливаться и душить их во сне – общая функция этого персонажа на боль-

шей части восточнославянской территории (Левкиевская 2000: 123, 151).

Что касается *клецьника* (Древлянский 1846–1852/3: 47–51) и *паветника* (Там же: 63–65), то их образы приходится признать малодостоверными, хотя сама «идея» таких персонажей лежит в области возможного и не противоречит в целом характеру восточнославянской мифологической системы. Что мы имеем в виду? Древлянский описывает *клецьника* и *паветника* как типичных духов локусов, каждый из которых, подобно домовому, опекает свой участок усадебного пространства – клеть и поветь. Нужно сказать, что подобное дробление «сфер влияния» в рамках дома не слишком характерно для восточнославянской мифологической системы – обычно одно строение наделяется только одним персонажем-опекуном: в доме хозяин – домовой (хотя он может называться различными именами), в бане – *банник* (у белорусов – *лазник*), в овине – *овинник* (у белорусов – *евник*), реже встречаются поверья о духах других хозяйственных локусов (к примеру, *рижник*, *гуменник*, *сарайник*, *мельничной*, *колодечник*), но подобное характерно скорее для мифологии Русского Севера с ее разработанной и достаточно дробной системой персонажей, опекающих отдельные пространства, чем для белорусских верований (Черепанова 1983: 28–29). Для северорусских верований типична ситуация, при которой одни и те же названия духа дома (типа *подполянник*, *подпечник*, *дворовик* и др.) в одних контекстах могут отождествляться с домовым, а в других восприниматься как имена самостоятельных персонажей, «полуавтономных» от домового (Там же: 24–25). Для белорусской мифологической системы такое «почкование» наименований духов локусов нам представляется менее характерным, хотя сами лексемы *клецьник*, *паветник* прекрасно вписываются в словообразовательную парадигму восточнославянской мифологической лексики.

В отличие от *паветника*, *клецьник* все же может получить некоторые шансы на признание, поскольку схожие сведения о нем мы находим также у Носовича и Богдановича: «1) Клетник, – по поверью некоторых простолюдинов, дух, оберегающий клеть и, в случае опасности от огня и вора, являющийся хозяину во сне, а иногда и наяву в темноте с огненными глазами. Теперь редко где сохранилось воспоминание о клетнике. "У клетника, кажуць, дужа ясные вочи"; 2) бранное слово "вор"» (Носович 1870: 238). Как сообщает Богданович, «Клетник – дух, оберегающий клеть и, в случае опасности от огня и вора, будто являющийся хозяину во сне, а иногда и наяву в темноте с

огненными глазами. Теперь редко где сохранилось воспоминание о клетнике» (Богданович 1895: 74–75).

Лексема *клетник* зафиксирована и в Словаре русского языка с пометой «белор.» в следующих значениях: 1) дружка, свадебный чин, почетный страж, стерегущий молодых в клети, колдун, знахарь, оберегающий молодых от порчи; 2) приставленный к барской клети, ключник; 3) домовой в клети (в скобках есть помета – Д., т. е. Древлянский), 4) вор, подламывающий клети (СлРЯ 1906–1907: 1099). Таким образом, следует осторожно предположить, что *клецьник* может относиться к числу «угасших» персонажей (недаром Носович и Богданович свидетельствуют о затухании верований о нем), чья «смерть» наступила в результате универсализации мифологической системы на этом участке. Поскольку этот персонаж был просто частным вариантом домового и дублировал часть его патронажных функций, то и был обречен на забвение как избыточный элемент системы.

Однако если для «реабилитации» *клецьника* у нас есть хотя бы некоторые осторожные основания, то *паветника*, несмотря на его безупречное по словообразовательной модели имя, придется отнести к числу фантомов. *Паветнику* приписывается статус «младшего служебного духа» вымышленной богини брака *Бордзи* (имя которой, очевидно, произведено самим автором от прилагательного *борзый* «быстрый», ср. у Носовича (Носович 1870:15) *барзинький* «скоренький, хорошенький»), находящегося, вдобавок, в подчинении у *Гарника* – «старшего служебного духа Бордзи» (Древлянский 1846–1852/3: 63–65). Образ *паветника*, расхаживающего в виде шестикрылой огромной птицы по амбарам и сараям молодоженов и доносящего *Гарнику* о всех неисправностях в хозяйстве, может вызвать только ироническую улыбку. Излишне доказывать, что ни «старших», ни «младших» служебных духов в белорусской мифологии не числится, равно как нет и самой богини брака Бордзи. Что же касается трех исследованных нами имен – *падпечника*, *клецьника* и *паветника*, то, несмотря на единую словообразовательную модель, по которой созданы эти имена (очень характерную для восточнославянской мифологической лексики, обозначающей духов локусов), на их примере хорошо видна амплитуда колебаний между достоверным и фантомным образом у Древлянского. Если *падпечник* – безусловно реальный факт народной демонологии, то *клецьника* можно признать лишь «условно годным», а что касается *паветника*, то он представляет собой чистый фантом.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ БЕЛУН ОТ ДЗЕДКИ?

Один из наиболее характерных приемов, с помощью которых Древлянский создает свои фантомные образы, можно назвать приемом компиляции, «склеивания» реально существующих в традиционной культуре мифологических функций с функциями и мотивами, исходящими от самого автора, не характерными для белорусской (а часто – и для восточнославянской) мифологии. При этом искусственным является само сочетание этих функций в рамках описываемого Древлянским персонажа.

Наиболее характерным примером такой функциональной компиляции является *Белун* (Древлянский 1846–1852/1: 7–8), который характеризуется Древлянским как добрый дух, источник богатства и милосердия и наделяется тремя основными функциями. Во-первых, Белун предстает как персонаж, связанный с лесом, – он является тем, кто заблудился в лесу, и незримо выводит их на верную дорогу. Во-вторых, одновременно он является и полевым духом, который помогает жнецам жать, присутствуя на нивах во время жатвы. В-третьих, он в виде старика в белом и с сумой показывается беднякам и просит утереть ему нос – тот, кто выполнит эту просьбу, получит деньги, которые посыплются из сумки Белуна. При этом количество полученных денег зависит от того, чем будет утерт нос Белуну, – если рукой, то денег высыплется столько, сколько можно забрать рукой, если шапкой или полой одежды – столько, сколько можно унести в шапке или свитке.

В пользу Древлянского отчасти свидетельствует тот факт, что статью о Белуне в свой словарь поместил и Носович, исследователь, не склонный к «кабинетной мифологии». Тем не менее словарная статья «Белун» у Носовича весьма близко совпадает с описанием Древлянского: «По поверью простолюдинов, белун есть добрый дух, напутствующий заблудившихся в лесу и посредством каких-либо признаков выводящий их на дорогу. Существует поверье, что белун является бедному человеку во ржи в виде старика с соплями, из носа текущими, и с сумой на шее и просит путника утереть ему нос. Если бедняк послушает и утрет, то из сумы посыплется богатство, и белун исчезнет. Это поверье сохранилось в пословице: "Посябрывся з белуном", т. е. разбогател» (Носович 1870: 41). Как известно, Носович достаточно критично относился к работам Древлянского и подобных ему мифологов-«фантастов» (в частности, Сестренцевича-Богуша), а если и приводил в некоторых словар-

ных статьях сомнительные сведения из «Белорусских народных преданий», то всегда сопровождал их весьма язвительными комментариями, как, к примеру, в статье о *жевжике*: «<...> по мнению Шпилевского, какое-то белорусское божество, о котором, впрочем, белорусы не имеют понятия или даже басен» (Там же: 154). Таким образом, факт включения Носовичем в словарь статьи о Белуне заставляет предположить наличие в сведениях Древлянского «рационального зерна» – реальных элементов народной культуры.

Чтобы выявить это «рациональное зерно», рассмотрим те функции, которые Древлянский приписывает Белуну. Во-первых, это функция, связанная с помощью заблудившимся в лесу людям, которых он, оставаясь незримым, выводит на верную дорогу. Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, данная функция в восточнославянской традиции практически не существует самостоятельно, а представлена чаще всего как продолжение другой, негативной, функции – заставлять человека блуждать, сбивать с дороги, заводить в чащу и только иногда – после соответствующих просьб со стороны человека – возвращать его на потерянную дорогу (Славянские древности 1995–1999/1: 197–199). В восточнославянской традиции эта функция чаще всего закреплена за лешим, чертом, болотником, которые могут принимать облик человека или животного (старика, знакомого, соседа, ямщика, барана, кобылы и пр.) и которые помимо этой функции обладают также рядом других, не имеющих никакого отношения к образу, описанному Древлянским. Согласно быличкам (преимущественно севернорусским), леший изредка может вывести заблудившегося человека на дорогу, если тот об этом попросит, или если его родственники принесут лешему жертву, но основная его функция – сбивать человека с дороги, а не выводить на нее. Кроме этого, у славян (преимущественно у западных и в меньшей степени у восточных) существует целый ряд специальных персонажей «блуждания», воплощающих в себе единственную функцию – сбивать человека с пути (например, украинский *блуд*, *блудник* и др.). Некоторые из них (как, например, лужицкий *błędnik* или польский *блуждающий огонек*) могут также и помочь человеку, проводив его до дому, за что их следует поблагодарить, пообещать грош, хлеб с сыром или кашу (Czerny 1896: 86; Simonides 1989: 283). Но персонаж, который бы обладал только «положительной» частью этой функции (а именно – только выводящий заблудившегося на дорогу), среди доступных нам славянских материалов обнаружен не был.

Во-вторых, с точки зрения Древлянского, Белун по совместительству выполняет и функции полевого духа, помогающего жнецам жать. Как известно, представления о полевых духах развиты у славян достаточно слабо. Однако и *полевой* (*полевик*) – мифологический хозяин поля, известный преимущественно в западных и южных областях России (Новгородская, Смоленская, Орловская обл.), и *полудница* – женский персонаж, появляющийся в поле в полдень и наказывающий жнецов, работающих в это время, отнюдь не являются благодетельными духами, помогающими жнецам в их работе. Можно достаточно уверенно констатировать, что такой мифологической функции, как помощь людям в жатве, в поверьях восточных славян не существует. Стоит также обратить внимание, что эта деталь отсутствует в словарной статье Носовича.

Третья характеристика Белуна – его способность рассыпаться деньгами перед тем, кто исполнит его просьбу утереть ему сопливый нос, – есть беллетристическая трансформация реальных белорусских (и шире – восточнославянских) верований о кладах. Широко известно, что, согласно народным представлениям, клад прячется его владельцем на определенный срок, после которого (если он до этого не был взят) клад начинает показываться людям в виде животного, птицы или даже человека, отличающихся от реальных какими-то странностями поведения (например, птица, котенок, ребенок, показываются только в определенном месте или только в определенное время, а также лезут на глаза первому встречному, буквально навязываясь ему). Такой клад становится общедоступным и достается тому, кто догадается, что скрывается под видом странного котенка, козленка, старика и при этом правильно себя поведет. Чаще всего считается, что существо, в виде которого проявляет себя клад, необходимо ударить наотмашь или бросить в него что-либо из одежды – тогда он рассыплется деньгами. Реже встречается предписание исполнить то, о чем просит клад, принявший обличье живого существа, в частности, если это старик, нужно утереть ему сопли. Ср. сообщение П. В. Шейна: «Однажды в поле на камне сидел старик и просил проходящих детей утереть ему нос, из которого текли сморкачи. Никто из детей не подходил к старику, но все убегали от него. Наконец один подошел к нему, утер старику нос, смотрит, вместо "сморкача" лежит перед ним куча золота» (с. Новоселки Игуменского у. Минской губ. – Шейн 1887–1902/3: 72). Типологически сходный сюжет с воплощением клада в виде старика, рассыпающегося деньгами перед тем, кто испол-

нит его просьбу, известен на востоке литовской территории, на границе проживания этнических белорусов: «Пасли люди коней в ночном. Шел хозяин коней пасти да ночь там ночевать. У дороги седой старик сидел. Сунул ему старик палец порезанный и говорит: "Эй, человече, перевяжи мне палец!" Испугался хозяин. А в руке у него недоуздок был. Как врежет старику по голове недоуздком! "Провались ты к черту, — говорит, — со своим пальцем!" Тотчас со звоном посыпался мешок с деньгами и отозвался голос: "Глупый ты мужик! Не захотел мешок с деньгами завязать, вот и провалились деньги сквозь землю!"» (д. Лаумиконяй Молетского р-на — Велюс 1989: 143). Как хорошо видно из этих текстов, старик в них является не добрым духом, по социальной справедливости раздающим деньги униженным и оскорбленным, а воплощением вышедшего на поверхность земли клада и достающегося тому, кто знает, как правильно себя вести в подобных случаях. Таким образом, Древлянский не просто вписывает фрагмент народных поверий о кладах в совершенно не соответствующий ему мифологический контекст, он при этом изменяет статус сопливого старика — из безымянного воплощения клада (который может, как уже говорилось, появиться в любом другом обличье) тот становится божеством, источником богатства и милосердия и даже аналогом не менее фантомного Белобога.

Если вспомнить о зависимости количества денег от вида одежды, которой нужно утереть нос Белуну, то вариант этого мотива довольно часто встречается в народных верованиях о кладах, но обычно в том виде, в каком Древлянский передает его в этюде о *Дзедке* (Древлянский 1846–1852/1: 11): как правило, речь идет о зависимости глубины, на которую придется рыть землю, чтобы достать клад, от вида одежды (шапка, пояс или сапог), брошенной на место нахождения клада: если бросить шапку — нужно копать в человеческий рост, пока доберешься до клада, если пояс — то в половину роста, а если сапог — то по колено; иногда, наоборот, нужно бросить именно шапку или часть своих волос, и тогда клад окажется у поверхности земли. Вот, в частности, сообщение из бывшей Седлецкой губ. (территория Восточной Польши с преимущественно восточнославянским населением): «На Глухови коло рики закопаны гроши, но нихто йих нэ можэ найти: бо чорт йих добрэ стэрэжэ и ховае в зэмлю и тольки юдицця з людьми. В ночи часто блискае огонь и хóдить по полю: а баран биегае и бэчить. Баранто — чорт. Хто зайдэ шукати гроши, то баран и огонь счэзают. Кажут, що як бы найти тое миэсьце, де баран сховаецця и

кинути на зэмлю шапку, або крайку, або чобут, то гроши муожня бы найти. Як шапку кинути, то трэба копати до гроши вглыбш чоловэка, як крайку – по пояс, а як чобут – то по колиэна» (Бессараба 1903: 45; см. также: Kolberg 1962: 74; Славянские древности 1995–1999/2: 500–502).

Что касается самого названия *Белун*, то, кроме словаря Носовича, оно нигде больше не фиксировалось в известных нам источниках. В белорусских и польских говорах встречаются лексемы *bielun* «растение Datura – дурман» (Karłowicz 1900–1911/1: 152; Federowski 1897: № 1889, 2626), и *białun*, «растение Senecio ceneraria – вид крестовника» (Karłowicz 1900–1911/1: 144), но случаи использования этих лексем в качестве сакральных имен нам не известны. Соотношение же Белуна с Белобогом целиком остается на совести Древлянского, поскольку теоним Белобог, реконструируемый на основе «Славянской хроники» Гельмгольда как доброе божество полабских славян, вызывает не меньше подозрений, чем сам Белун (подробнее об этом см.: Славянские древности 1995–1999/1: 151).

Таким образом, становится очевидным, что Белун, по существу, является сконструированной самим Древлянским компиляцией трех функций, из которых одна (помогать жнецам при жатве) является целиком фантомной, другая (выводить заблудившихся на дорогу) встречается относительно редко и как продолжение другой функции – сбивать человека с дороги. И лишь третья реально существует в белорусской народной традиции, где она связывается не с каким-то добрым духом, а с представлениями о формах воплощения кладов.

Еще одним примером «совмещения несовместимого» в «Белорусских народных преданиях» может служить *Дзедка* (Древлянский 1846–1852/1: 10–12). С одной стороны, этот персонаж повторяет функции Белуна как воплощения клада – якобы огонек, который часто виден на месте захоронения клада, является огненными глазами *дзедки*, показывающего на поверхности земли свою голову. На место этого огонька нужно бросить что-нибудь из одежды, при этом, как уже говорилось ранее, удаленность клада от поверхности увязывается с видом брошенной одежды. *Дзедка* оказывается таким же сторонником социальной справедливости и благодетелем бедняков, как и *Белун*. С другой стороны, оказывается, что поминальная неделя (Мясопустная) называется у белорусов *дзедавой* в честь этого самого *дзедки*.

Во-первых, реально существующая в белорусском языке лексема *дзедка* не имеет того мифологического значения, кото-

рое ей приписывает Древлянский. Носович выделяет для лексемы *дзе́дзька* два значения: 1) дедушка (детск.), 2) воображаемый страшный лицом дед с горбом, которым белорусы пугают малых детей для удержания их от плача, капризов и шалостей: «Мовчи, дзедзька почуець да и в торбу возмець»; «Дзедзька за вуглом сядзиць». Лексема *дзедка* также имеет два значения: 1) дедушка; 2) старик, нищий (Носович 1870: 132). Хорошо известно, что дериваты с корнем *дед-* широко распространены у восточных славян в названиях мифологических существ, но, как правило, обозначают просто черта (ср. рус. *дедка* («нечистый дух, черт»), *дедко* («то же»), *дедунька* («черт, нечистая сила») – СРНГ 1975–/7: 329, 331; укр. *дідько* («черт») – Гринченко 1958–1959/1: 389). В русских говорах, кроме этого, дериваты с корнем *дед-* часто обозначают мифологических хозяев локусов – домового, лешего, водяного, реже – полевого (СРНГ 1975–/7: 330–331; Черепанова 1983: 33, 64). В поверьях о кладах черт часто выступает в качестве охранителя спрятанного богатства, поэтому в такой ситуации вполне применима лексема типа *дзедка* как обобщенное обозначение нечистой силы.

Во-вторых, *дзедка* не может быть хранителем кладов, как его аттестует Древлянский, по той простой причине, что основная функция духов, стерегущих клады, – скрывать, делать их недоступными для людей, а не наделять этими кладами бедняков (см. статью «Клад» в: Славянские древности 1995–1999/2: 500–502), поэтому, в крайнем случае, он мог бы быть воплощением самого клада, как и Белун, но тогда не понятно, какая между ними разница. Единственное, что не вызывает подозрения, это рассказ о добывании клада с помощью разных видов одежды – как уже говорилось выше, этот мотив действительно существует в восточнославянских поверьях о кладах, но ни с каким *дзедкой* он не связан. В-третьих, полным абсурдом представляется утверждение, что Мясопустная неделя у белорусов утверждена в честь *дзедки*. Совершенно очевидно, что название *дзедовая неделя* (как и названия остальных годовых поминальных дней) происходит от лексемы *дзеды* (ср. пол. *dziady*), которой у белорусов называют как всех умерших родственников (ср. рус. *родители*), так и годовые поминальные дни, даты которых в большинстве случаев (и конкретно Мясопустная суббота) были установлены Церковью. Таким образом, искусственный, компилятивный характер *дзедки* становится более чем очевидным. Комментировать сделанное Древлянским сравнение этого персонажа с Дажбогом, на наш взгляд, излишне.

Еще один прием, который также часто использует Древлянский для конструирования мифологических образов, заключается в следующем: он берет реально существующее в народной культуре мифологическое имя и «навешивает» на него не свойственные этому образу мотивы, характеристики и функции, примером чему может служить сконструированный им фантастический образ *росомахи*, который вот уже более полутора столетий кочует по страницам весьма солидных исследований в области славянской мифологии.

Лексема *росомáха* в восточнославянской традиции не лишена мифологических характеристик, однако они не совпадают с нарисованным Древлянским образом получеловека-полульва, живущего на конопляном поле, нападающего преимущественно на молодых людей и высасывающего у них мозг (Древлянский 1846–1852/1: 18).

В реальных белорусских и севернорусских поверьях *росомаха* выступает в качестве женского демонического существа, подобного русалке и часто смешиваемого с ней. В белорусской быличке росомаха (*расамаха*) описывается как голая женщина с распущенной косой, сидящая на бобровой хатке с плачущим маленьким ребенком на руках и чешущая себе волосы щучим гребнем. Завидев людей, она ныряет в воду: «Гэто не зьвер, а якась нечысь. У нас людзі кажуць, што расамахаю робіцца жанчына, як яна зьнішчыць свае дзіця да й сама ўтопіца». Однажды рассказчик подкараулил росомаху: «Потым я такі прысьцяруог яіе да й ускінуў на шыю своуой хрэст. Яна падзякувала да й зьнікла, бо Буог дараваў ёй грахі і зьняў з яе пакуту» (Слуцкий у. Минской губ. – Сержпутоўскиі 1930: 262–263). Схожими характеристиками (женская ипостась, длинные распущенные волосы, сидение на берегу водоема, исчезновение при приближении человека) обладает и севернорусский образ: «Была деревнюшка Бурцево, бывало озёрко небольшое. Кто-то видал, что в озёрке росомаха живет с длинными волосами, она, когда хороший день, так вылезает. Говорили, что в Бурцевском озёрке росомаха живет с длинными волосами. Кто видает, дак, она, говорят, показывается к нехорошему, когда вылезает. Она там роспускает по плечам, ей самой не видно, она вся в волосах» (Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл. – ЭРС). «Росомахи здесь нет, она в реке живет. Она утром на камню сидела. Волосы распущены и сидит на камне. Она как женщина. Как увидит человека, так в воду – плюх! Все од-

но – что росомаха, что русалка» (Своятино Любытинского р-на Новгородской обл. – Черепанова 1996: 57). В рассказе из Волховского р-на Ленинградской обл. росомаха показывается человеку в лесу посреди болота в виде девки с длинными распущенными волосами, белым лицом и черными глазами. В данном тексте название *росомаха* выступает как синоним кикиморы: «В лесу росома́ха, кики́мора, как до Тимохина дома, так видела». Здесь, как и в других быличках, росомаха не только не делает попыток напасть на человека, но и убегает при его приближении (Черепанова 1996: 57).

О неустойчивости, размытости образа росомахи в севернорусской традиции свидетельствуют колебания информантов, которые иногда в своих сообщениях путают реальное животное и мифологическое существо: «Росомаха – она похожа на человека. Она у коровы вымя выдират. Ничёво не трогат, а вымя режет. Нет, я ошиблась, это русалка такая. Русалка похожа на человека, а росомаха – на четырех ногах. [Русалки] тоже ходят, скачут на четырех ногах, но у ней ноги как руки, может стоять на две ноги» (Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл. – ЭРС).

Как и другие женские мифологические образы (русалка, полудница, удельница, кикимора), росомаха в белорусской и севернорусской традициях часто выступает как персонаж-устрашитель, которым пугают детей, чтобы они не ходили к водоему или в поле. На северо-западе Белоруссии в окрестностях Будслава (р-н Вилейки, совр. Минская обл.) детей пугали сидящей во ржи русалкой или *расамакой*, чтобы они не бегали по ржаному полю (Sielicki 1986: 213–214). В Карелии детям говорили: «Росомахи во ржы. Штоб рож не топтали, [детей пугали]: "Такая, с длинными волосами, схватит и утащит". Рож качаецца, так и кажэцца, што росомаха бежыт. Тёмно-каштановая, цве́та ржы спелой, и как будто руками она машэт» (кондоп. карел. – Черепанова 1996: 56–57). «Говорили, маленьки как ребята купаюца вецером, поздно уже, а купаюца: "Ты вон докупаеся вецерами, росомаха тебя утащит"» (Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл. – ЭРС).

На основе внешнего вида реального животного росомахи, имеющего лохматую длинную шерсть, а также облика мифологической росомахи-русалки как женщины с длинными, распущенными волосами, в русском и белорусском языках развилось вторичное значение слова *росомаха* как неприбранной, неряшливой женщины и вообще неаккуратного человека. В Житковичском р-не Гомельской обл. *росомахой* называют

женщину с распущенными, неприбранными волосами (с. Запесочье. – Тураўскі 1982–1987/4: 316). «Кажем: роспейсаласа, як росомаха, а ека та росомаха, то не ведаем» (с. Погост. – Там же: 316). То же значение известно на северо-западе России (в регионе, где преимущественно локализуется мифологический образ росомахи): «А если женщина с распущенными волосами, так мы звали ее росомахой» (Лодейнопольский р-н Ленинградской обл. – Черепанова 1983: 80). Носович (с. 569) приводит лексему *русума́ха* со значением «немытый, замараха, неряха», с примером: «С самого рання русумакой ходзиць». Для русского языка В. И. Даль фиксирует, в частности, бранное значение этого слова: «разиня, неряха» с пометами «новгородское, тверское, рязанское, курское, симбирское, тамбовское» и с примером «Ходишь росомахой» – распустив одежду, нараспашку (Даль 1955/4: 104). На основе характерного признака лохматости, растрепанности в севернорусских говорах *росомахами* называют незавившиеся кочаны капусты: «Капуста не завилась – одни росомахи выросли» (Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл. – ЭРС).

Приведенный материал с достаточной очевидностью показывает, что получеловек-полулев, нападающий на молодых людей и высасывающий у них мозг, есть не более чем продукт мифотворчества, источником которого, быть может, являются античные сочинения типа «Естественной истории» Плиния Старшего (что касается славянских бестиариев, то в них зверь *росомаха* изображается исключительно мирным и ни на кого не нападающим существом, см.: Белова 2000: 218). Не исключено, что этот мотив в разных вариациях встречается в европейских бестиариях применительно к другим животным. Ср. похожие вариации во фрагменте о медведе, высасывающем кровь из головы спящего человека: «Медведица <...> егда обрящет человека спяща, подъемлет едину ногу свою и полагает ю прямо носа человеческаго и творит его не чувствовати вящии отнюдь, и та копает ров созади главы его, и он не чует, и тогда усты своими глотает кровь бедного оного человека и дает ему нечувственную и злую смерть» («Собрания о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита. – Государственный Исторический Музей. Сборник собрания А. С. Уварова. № 5. XVII в. Л. 311–313).

Скитание по этнографическим исследованиям образа, описанного Древлянским под именем росомахи, продолжается по сей день. Этому немало поспособствовал В. И. Даль, включив в статью «Росомаха» в своем словаре среди других, вполне

достоверных сведений, краткую выдержку из Древлянского с пометой «белорусское»: «Злобный дух, человек со звериной головой и лапами, живет в конопляx» (Даль 1955/4: 104). А из словаря Даля, авторитет которого в русской научной традиции не привыкли подвергать сомнению, фантом, созданный Древлянским, стал автоматически перекочевывать в другие исследования, в частности, в словарь русской мифологии М. И. Власовой (Власова 1998: 448), которая уже выдает его за русский материал, явно не заметив у Даля географическую помету. А. В. Гура заимствовал сведения о росомахе непосредственно у Древлянского и с присущей ему старательностью пунктуально воспроизвел все фантазии первоисточника (Гура 1997: 61, 89, 98, 207), заново актуализировав фантомные черты этого персонажа в современной научной традиции и даже не дав себе труда задуматься о том, что сведения Древлянского явно не согласуются с остальным материалом об этом персонаже.

ПИТАЕТСЯ ЛИ КАДУК ДЕТЬМИ?

Еще одним персонажем, который Древлянский сконструировал, использовав широко распространенное у восточных славян и поляков мифологическое имя и реально выделенный в народной традиции мифологический локус (болото), является *Кадук* (Древлянский 1846–1852/2: 98). По мнению Древлянского, Кадук – это самый старший злой дух, который живет в болоте в темном лесу и питается живыми маленькими детьми. Сидя в болоте, Кадук руководит подчиненными ему злыми духами, а также заставляет людей блуждать по болоту, доводя их до гибели. Если кто-либо из его подчиненных не сумеет справиться с поручением, тогда Кадук сам выходит из болота и отправляется к людям (Там же). Интересно, что Никифоровский (чьи представления о белорусской мифологии также отличались достаточной степенью фантомности) рисует под этим именем совершенно другой образ: «Кадуки – оставшиеся в живых падшие ангелы, т. е. первые нечистики, появившиеся на свете. Имеют вид копны сена, ворох мха, животные и птицы могут безнаказно общипывать сено и вить гнезда на этих копнах. По иерархии они занимают самое последнее место, т. к. уже почти не способны вредить людям и подступают к человеку только тогда, когда он откровенно порочен. Невинных людей они не трогают и даже не допускают к ним других представителей нечистой силы. Кадуки, забытые инвалиды бесовства (т. к. они повредили себе руки и ноги, падая с неба),

имеют сумрачный характер и бродят вдали от других нечистиков» (Никифоровский 1907: 44).

Третий мифологический образ, связанный с этим словом, абсолютно не похожий на первые два, рисует Сержпутовский: «Кадук – гэта такая страшная пачвара: ні чалавек, ні звер, але больш змахвае на звера з вялізазнай калматаю галавою і з шырокім горлам аж да самых вушэй. Як раззявіць ён сваю халяву, у каторай блішчаць белыя зубы да чырванее, бы агонь, язык, дак от так здаецца, што ён гатоў пракаўтнуць цалкам з касцямі і патрахамі. Часамі людзі сярдзітыя кажуць: "Каб яго ўзяў Кадук" ці "Вазьмі яго Кадук", але Кадук рэдка бярэ, бо ён праяўляецца толькі ў ліхую часіну, а такая часіна бывае адзін момант пры ўсходзе сонейка, у самы поўдзень і ў самую глупась сярод ночы. Гэтая пачвара (страшилище – *Е. Л.*) пахапала б усіх людзей, каб ёй было вольна аб'яўляцца заўжды, але Бог так даў, што яна сама не мае ўлады над чалавекам, а чакае, покуль ён назаве ў такі ліхі момант, у які што чалавек ні скажа, то ўсё станецца» (Сержпутоўскі 1930: 231, цит. по: Міфы 1994: 39).

Наконец, существует еще одно описание Кадука, абсолютно не совпадающее со всеми предыдущими: «Калі скацчё [скотину] з начы ў хляве застаюць мокрае, дык гэта ўсю ноч Кадук на ім ездіў і цяпер на ім сядзіць. Каб адвучыць Кадука ездзіць на тэй жывёле, дык трэба гальнік [старый веник] абрабіць у самы горшы бруд [грязь] ды быць тым гальніком па хрыбце тую жывёліну і размаўляць: "Які госць, такая й чэсць"» (Забабоны 1972: 9, цит. по: Міфы 1994: 39).

Слово *кадук* хорошо известно не только в восточнославянской традиции, но и у поляков, кашубов, откуда, вероятно, оно и попало в восточнославянские языки. В польских говорах лексема *kaduk* имеет значения «дьявол», «бесноватый», «падучая болезнь», употребляясь преимущественно в ругательствах типа: «Idź do kaduka! Niech cię kaducy wezną!» (Karłowicz 1900–1911/2: 288), «Niech go kaduk porwie!», а также во фразеологизмах типа: «Kaduk wię...», «Po kiego kaduka...» (Skorupka 1967: 313–314). В кашубских говорах *kaduk* имеет те же значения и также встречается обычно в проклятьях: «U kaduka jakégo, o co va są tak škalujeta!», «Do kaduka...», «Të, kaduku, ja ce pokażą!» (Boryś, Popowska-Taborska 1999: 12–14). В русских говорах эта лексема имеет два основных значения: 1) припадок, падучая болезнь (владимирское, смоленское); 2) дьявол, злой дух (Рославлевский у. Смоленской губ., «Калиб цябе кадук побрав». – СлРЯ 1906–1907/1: 72; СРНГ 1975–/12: 301; Расторгуев 1973: 127). Для белорусского и украинского языков

фиксируются те же значения этого слова («дьявол», «злой дух», «падучая»), которое употребляется преимущественно во фразеологизмах и бранных формулах типа «Кадук его возьми» (Носович 1870: 227; Сцяшковіч 1972: 204; З народнага 1975: 141), «За твое добро кадук тобі в ребро» (Гринченко 1958–1958/2: 207; ср. также: Чубинский 1872: 191). Фасмер возводит слово *кадук* к лат. *caducus* «дряхлый» (Фасмер 1964–1973/2: 157), с ним солидарен и Славский, приписывающий лат. *caducus* значение «падающий, склонный к падениям, страдающий падучей» и признающий значение «дьявол» у этого слова вторичным и более поздним (Sławski 1952: 17–18). В отличие от них, В. Н. Топоров соотносит славянское *кадук* с прусским *kadegis* («можжевельник») на основе символики можжевельника как растения, связанного с подземным миром (Топоров 1980: 111–117).

Как хорошо видно из приведенного словарного материала, слово *кадук* в славянской традиции имеет лишь общее мифологическое значение и не связано ни с каким конкретным демоническим существом, тем более с главой злых духов. Об этом свидетельствуют и приведенные выше примеры, в которых характеристики и функции кадука разительно отличаются друг от друга: у Древлянского – это старший демон, у Никифоровского – наоборот, «инвалид бесовства», у Сержпутовского – страшное существо, имеющее доступ к человеку лишь в злую минуту, в «Забабонах» – демон, который по ночам мучает скот. Такой «разброс» релевантных признаков персонажа в рамках одной традиции может существовать лишь в том случае, если этот персонаж не наделен в традиции никакими конкретными признаками, не имеет никакой функциональной «специализации», а его имя является лишь маркером для обозначения нечистой силы вообще. В данном случае Древлянский использует мифологическую лексему лишь как «ярлык» для образа, целиком придуманного им самим.

КАК ВЫГЛЯДИТ ЗЛЫДЗЕНЬ?

Еще одним примером имени-«ярлыка», «прикрывающим» целиком фантомный образ, может служить *Злыдзень* – Древлянский считает его духом, которого Перун отверг за непокорность (по мнению Древлянского, слово *злыдзень* якобы означает негодные, дрянные остатки, недоедки), после чего упомянутый персонаж стал делать зло детям. Древлянский рисует его в виде змеи с огненным крылом во всю спину и одним глазом

на крыле, сравнивая его с отпадшим духом Светоносцем, под коим он имеет в виду Люцифера (Древлянский 1846–1852/3: 43). Нужно заметить, что реальный персонаж с таким именем выглядит гораздо скромнее и неприметнее, вернее, он чаще всего вообще невидим, выступает в множественной ипостаси и называется *злыдни*. Лексема *злыдзень* в белорусском языке означает нищего, бродягу, человека, ведущего бедственную жизнь (ср. в современных белорусских говорах слово «злыдзень» в значении "голод, нужда": «Ци украдеш, ци найдёш ложку – то нехарашо – злыдень, го́лад придёт...», с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл.). Носович, приводя это слово в своем словаре, по поводу фантазий Древлянского добавляет следующее: «Но не заметно, чтобы белорусы злыдня или злыдзеня почитали за духа и чтобы приписывали ему злые действия и порчи, особенно по отношению к детям, как г. Шаманский говорит об этом в белорусских народных поверьях» (Носович оговорился, назвав Шпилевского Шаманским; см.: Носович 1870: 210).

В восточнославянской мифологии *злыдни* (реже – *злыдня*) олицетворяют несчастливую судьбу, бедность, беду. Их часто представляют себе в виде множества мелких демонов (обычно – 12), которые невидимо обитают в доме за печкой. Они могут оборачиваться маленькими человечками или нищими стариками, иметь вид худых с облезшей шерстью животных в виде котов или собак. Нападая на человека, злыдни вскакивают ему на плечи и «ездят» на нем, в результате все его хозяйство приходит в упадок, сам он впадает в нищету и болезни. Избавиться от злыдней очень трудно, но возможно – их можно переловить и куда-нибудь запереть. В быличках бедняк хитростью заставляет злыдней залезть в мешок, который он бросает в болото или в яму и заваливает камнем. Злыдней можно связать и оставить на дороге, и тогда они перейдут к тому, кто их освободит (Чубинский 1872: 211; Сумцов 1890: 217–218; Романов 1891: 285). В Смоленской губ. во время святочных игрищ разыгрывалось представление, во время которого охотник выгонял *злыдню* из темного леса. При этом *злыдня* считалась олицетворением бедности и нищеты (Добровольский 1914: 270). Как видно из примеров, образ *злыдней* (или *злыдни*) как персонификации злой судьбы и бедности достаточно хорошо развит в народной мифологии, поэтому совершенно непонятно, зачем Древлянскому было придумывать своего собственного *злыдзеня*, наделяя его фантастическими чертами.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ МЕША И БАГАН?

Еще одно имя, упомянутое в «Белорусских народных преданиях», можно считать почти безупречным. *Меша* характеризуется Древлянским как какой-то нечистый дух в виде косматого животного черного цвета, который живет в развалинах и изредка пугает прохожих. Как ни странно, Древлянский здесь почти не уклонился от истины. В реальных белорусских говорах лексема *меша* входит в состав языка общения с детьми. Этим словом называют мифологического персонажа-устрашителя, которым пугают детей. В Глуском р-не Минской обл. *Мешу* описывают как страшилище, которое блуждает ночью или сидит в темном углу: «Чаго ты йдзеш у сенцы? Там меша»; «Маўчы, а то меша у сенцах» (Янковскі 1970: 11).

Что касается *Багана*, то есть слабая надежда, что эта лексема все же принадлежит к корпусу реальной мифологической белорусской лексики. Известно, что Носович приводит в своем Словаре слово *Буган* со значением, очень близким тому, что встречается у Древлянского: «дух, покровитель домашнего скота, помогающий при родах животным» (Носович 1870: 15). Во всяком случае дальнейший поиск Багана/Бугана в белорусских диалектных словарях имеет смысл.

КТО ТАКИЕ КОПША И ЗНИЧКА?

Мы рассмотрели всего несколько примеров того, каким образом Древлянский использует реальные элементы народных поверий и мифологическую лексику для создания собственных фантомных персонажей. В одних случаях он помещает реально существующие мотивы в искусственно созданный контекст, компилируя реальные и фантомные функции создаваемого персонажа (как в случае с Белуном), в других совмещает под реальным мифологическим именем в едином контексте элементы, которые в народной традиции не имеют между собой ничего общего (объяснение названия *дзедовой недели* именем *дзедка,* которому приписана функция хранителя кладов), в третьих использует мифологическое имя (или близкое по звучанию однокоренное слово) как ярлык для конструирования своего собственного фантома (как в случае с *кадуком* и *злыдзенем*). Примеры подобных мифотворческих конструкций, сооруженных Древлянским на основе реально существующих (или чуть измененных) мифологических имен можно продолжить, к ним относятся *лядащик*, *лазавик*, *доброхот*,

марня, *Баба-Яга*, о которых в рамках данной статьи мы не будем говорить подробно. Кроме этих очевидных имен имеются еще две лексемы, чья принадлежность к группе реально существующих мифологических имен вызывает сомнения. Речь идет о *Копше* и *Зничке*.

Мы не будем тратить время и бумагу, доказывая, что никаких богинь мертвых, тем более в виде грязной, испачканной смолой женщины по имени Копша, восточнославянская мифология не знает. В данном случае нас интересует лишь достоверность самой лексемы и наличие у нее какого-либо мифологического значения. Следы этого слова нам удалось отыскать пока у трех достаточно надежных авторов – Носовича, Максимова и Зеленина. Фиксирует это слово и Белорусско-русский словарь (Слоўник 1962), но явно со ссылкой на Носовича. Носович дает следующее толкование: «Купша – могильщик, могильный дух, для приобретения благосклонности которого клали деньги в гроб с покойниками. Слово, вышедшее из употребления и оставшееся только в пословице: "грошами и копше догодзишь"» (Носович 1870: 246). Как видим, в сообщении Носовича подтверждается связь этого персонажа с миром мертвых, хотя и говорится о выходе лексемы из употребления. У Зеленина *копша* упоминается среди духов кладов – кладовика, кладового, лаюна, щекотуна (Зеленин 1995: 58). Лексемы *кладовик* и *кладовой* зафиксированы в Словаре русского языка (СлРЯ 1906–1907/3: 923, 924), *лаюн* и *щекотун*, идущие в общем ряду, надежно подтверждаются Черепановой (Черепанова 1983: 50) как вологодские обозначения духов кладов (со ссылкой на Тенишевский архив). Что касается *копши*, то, на наш взгляд, Зеленин заимствовал это слово вместе с другими названиями духов кладов у Максимова, которой, как известно, для своей работы использовал материалы Тенишевского архива и который считает *копшу* элементом белорусской мифологии. Перечисляя духов кладов, он пишет: «В Белоруссии этот дух (кладов. – *Е. Л.*) превратился в маленького бога – Копшу, которого просят указать место кладов и помочь их отрыть, а при удаче благодарят, оставляя в его пользу известную часть добычи» (Максимов 1993: 159). Как видим, Максимов и Носович приписывают *копше* совершенно разные функции, хотя и связанные с подземельной сферой, однако и тот, и другой считают саму лексему вполне достоверной. Это дает повод не записывать *копшу* в разряд безнадежных фантомов, а продолжить разыскание других материалов.

Что касается *Зникчи/Знички* (в тексте это слово пишется то так, то эдак), записанного Древлянским в духи кладбищ, который в полночь блуждает по могилам в виде тощей женщины и оплакивает умерших, то сведения, подтверждающие достоверность данной лексемы (лексемы, а не образа, разоблачать фантомность которого мы считаем излишней тратой времени), у нас еще более скудные. Из однокоренных слов Носович фиксирует глагол *зникаць* («пропадать») и прилагательное *зникчемный* («испорченный, никуда не годный») (Носович 1870: 216). Для лексемы *зньчка* он приводит следующие значения: «1) Побегушка, которая вдруг явится и вдруг уйдет ("Зничка гета не вседзиць на одном месте"); 2) Падающая мгновенно звезда ("Зничка полетела"); 3) Блуждающий огонь, метеор, которого простолюдины считают за духа» (Там же). Фиксация Носовичем мифологического значения для слова *зничка* (при этом находящегося в рамках достоверного – метеоры в восточнославянской мифологии традиционно ассоциируются с летучим змеем) делает его достаточно перспективным для дальнейших разысканий.

КАК ЗЮЗЮ НА КУТЬЮ ПРИГЛАШАЛИ?

Теперь обратимся к другой группе персонажей, чьи названия не являются мифологическими именами, а приспособлены для этого самим Древлянским, почерпнувшим их из белорусской диалектной лексики.

Зюзя характеризуется Древлянским как бог зимы, который имеет вид старичка с седыми волосами и седой длинной бородой, низенького и толстого, в белой теплой одежде, но с босыми ногами и непокрытой головой. В руках он держит железную булаву. Как и многие персонажи, изображаемые в текстах Древлянского, Зюзя весьма милостив к людям: он заходит в деревни, чтобы предупредить крестьян о предстоящей суровой зиме или оказать помощь бедствующему семейству. Именно для Зюзи, по мысли Древлянского, накануне Нового года откладывают в особую миску кутью.

Лексема *зюзя* зафиксирована в словаре Носовича как нарицательное слово из детского языка со значением «холод, мороз» и производными *зюзька*, *зюзечка* с тем же значением и вторым значением «боящийся холода, мерзляк» («Який ты зюзька, не вяликий холод, а ты позяб». – Носович 1870: 222). Лексемы «зюзька», «зюзюк» приведены в областном словаре Восточной Могилевщины со значением «мороз» и пометой

«детское»: «Ні чыпай пальцам лёду, а то зюзька ‘тмарозіць»; «Ня йдзі на двор: там зюзька!»; «Зюзюк укуся, ня йдзі з хаты. Ня высоўвай ручкі, бо зюзюк змарозя!» (Бялькевіч 1970: 212). Глагол *зюзицьца*, приводимый Носовичем, также принадлежит детскому языку и имеет значение «мерзнуть» («Не зюзься, дзетко мое, на дворе, ходзи в хату». – Носович 1870: 222). Лексема *зюзя* в значении «холод» как слово, употребляющееся при общении с детьми, фиксируется в говорах русско-белорусского пограничья: «Не йди на двор, там зюзя» (Расторгуев 1973: 124) и в русских диалектах: «Ванюшка, не ходи на двор, там зюзя!» (Обоянский, Щигровский у. Курской губ., донское. – СлРЯ 1906–1907/9: 2956). Слова *зюзька, зюзинька* в значении «мороз», употребляемые при общении с детьми, фиксирует и Добровольский: «На дворе зюзинька, спрячь ручки» (смоленское. – Добровольский 1914). Обращает на себя внимание тот факт, что лексема *зюзя* в детском языке чаще всего выступает как субъект действия (зюзя отморозит, заморозит, укусит, на дворе зюзя), что создает определенные предпосылки для персонификации *зюзи* и приближает его к группе персонажей-устрашителей (наряду с букой, железной бабой, русалкой, дедом, цыганом и пр.), которыми пугают детей для кодификации их поведения.

Единственным известным нам источником, который свидетельствует о Зюзе как персонификации зимы и таким образом частично подтверждает сообщение Древлянского, является статья уроженца Бобруйского уезда, учителя А. Н. Шимановского «Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов», присланная в 1898 году в Русское географическое общество (краткое описание статьи приведено в кн.: Зеленин 1914–1916/2: 687–694). В целом конкретные сведения, сообщаемые Шимановским о свадебном, похоронном и некоторых календарных обрядах, производят впечатления вполне достоверных. При описании зимних праздников встречается и пассаж о Зюзе: «На ужин на голодную кутью вспоминают всех умерших родных и при этом старший “бросает ложку кутьи в угол (кут) Зюзе, богу зимы, или оставляет для него немного кутьи в миске, чтобы задобрить его; под Зюзей разумеют зиму, холод: когда холодно, то говорят: ой, Зюзя, Зюзя”» (Там же: 692). Чуть позднее Зеленин так характеризует дальнейший текст Шимановского: «Мудрствования о первоначальном смысле этого праздника (кануна Нового года. – *Е. Л.*) – борьба Зюзи с богом тепла Перуном и его женой Громовницей-Колядой» (Там же: 692), что заставля-

ет усомниться в достоверности этого эпизода статьи Шимановского, тем более что в заключительном резюме к данной статье Зеленин называет «весьма подозрительными» рассуждения Шимановского о происхождении некоторых народных праздников и обрядов. Однако вряд ли можно предположить, что Шимановский просто вставил в свою статью, наполненную конкретными и в остальном не вызывающими подозрений фактами, цитату из Древлянского. О самостоятельном характере сообщения Шимановского (или о наличии у него другого источника, откуда он почерпнул сведения о Зюзе) свидетельствует тот факт, что обрядовые действия с жертвованием кутьи Зюзе отнесены им к голодной кутье, т. е. к вечеру перед Крещеньем, тогда как, согласно Древлянскому, они совершаются в канун Нового года.

Независимо от того, считать ли интересующую нас лексему именем нарицательным, существующим только в детской речи, или, доверившись Шимановскому, допустить ее функционирование в качестве сакрального имени, обозначающего персонификацию мороза и зимнего периода, необходимо подчеркнуть, что обряд призывания на кутью мороза, как и умерших родственников, мифологические персонажи, тучу, волка и т. д. в канун Рождества, Нового года или Крещения широко известен в восточнославянской и, в частности, белорусской традиции. Поскольку этот ритуал подробно проанализирован в научной литературе (Виноградова, Толстая 1993: 60–82; Виноградова, Толстая 1995: 166–197), мы коснемся только тех аспектов, которые представляют интерес в связи со сведениями Древлянского.

Во-первых, нужно отметить, что Древлянский весьма точно воспроизводит ритуальное приглашение мифологических персонажей и стихий на кутью, до последних десятилетий реально существующее в народной традиции, в частности, в Полесье: «Куття пэред Крэшченнем. И тую куттю выносили, бо морозу. Хозяин выйдэ с кутьёй, да и просить мороза: “Мороз, мороз, ходы кутти ести! А як нэ йдош, то нэ йды, ни на ягнята, ни на поросята, ни на телята, ни на ўсякую пашню”. Тры разы, пэрэд вэчэрою. И ўже садяца вэчэрати» (Радчицк Столинского р-на Брестской обл. – ПА). Во-вторых, применительно к данному обряду сто́ит говорить если и не о персонификации мороза, то об элементах персонификации как на уровне вербальных формул, так и на уровне обрядовых действий. Персонификация проявляется, в частности, в обращении к морозу в звательном падеже (что характерно только для одушевленных имен)

типа *Морозе-морозе* или *Морозу-морозу*, в назывании мороза по имени-отчеству (к примеру, *Мороз Васильевич*), а также в употреблении в вокативных формулах лексемы *дед* или титульного эпитета *пан* (*дед Мороз*, *дидо Морозо*, *пане Морозе* и т. п.). Иногда встречается «семейная» модель вокативной формулы, в которой морозу приписывают многочисленных родственников: «Мороз-мороз, иди кутти исти, з детками, и з женою и з братом, и з сестрою, з сватом, з братом...» (Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл. – ПА). Персонификация приглашаемого на кутью персонажа может осуществляться непосредственно на акциональном уровне: не так уж редки случаи (если судить по описаниям этого ритуала в Полесском архиве), когда в качестве заместителя мороза (или другого призываемого персонажа) специально или случайно выступал реальный человек, который от имени персонажа отзывался на приглашение: «Мороза звали. Ложку положать для его, для мороза, на стол, а потом просять: "Мороз, мороз, ходи куттю ести, як нэ идэш зарэ, то нэ йды николи". И дале продолжають кушать. Таки шут стане под вокно и почуе и ўскакае ў хату: "Я вуже пришоў". Нарядица, шчоб нэ познали. Маску яку наложить, яку одёжу на собе наложыть другую» (Радчицк Столинского р-на Брестской обл. – ПА). Другая информантка из этого же села рассказала, что в детстве мать послала ее на Крещенье с ложкой кутьи на порог: «Иди, Морозу кутти неси». Их сосед притаился за дверью и забрал эту ложку. Девочка побежала в хату со словами: «Мороза нэ будэ!» Потом сосед вернул уже пустую ложку. В других случаях в роли мороза оказывается вор, забравшийся накануне Нового года во двор, чтобы украсть кобылу. На ритуальное приглашение хозяина: «Мороз-мороз, иди куттю есть», он отвечает: «Спасибо, еў и на кобылу сеў, и йдить варота зачынять, бо лоша побежит» (Идите ворота закрывать, а то жеребенок убежит. – Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл. – ПА).

Как видно из приведенных примеров, в народной культуре на уровне отдельных обрядовых ситуаций происходит определенная персонификация мороза, что проявляется и на языковом, и на акциональном уровне. Подобный уровень персонификации весьма характерен не только для мороза, но и для других стихий, а также для названий праздников и дней, посвященных различным святым (например, св. Николаю, пророку Илье и пр.). Тенденции к персонификации, как было показано, содержит и лексема *зюзя*, употребляемая в общении с детьми. Древлянскому осталось лишь немного «испра-

вить» народные верования, объявив персонификацию мороза «богом зимы», придумав ему соответствующую наружность в виде старика в теплом тулупе и «наградив» его добродетельной привычкой сообщать селянам о предстоящих суровых морозах.

ЖЫЖ, ЖЕВЖЫК, ПАЛЯНДРА И ДРУГИЕ...

Не имея возможности в рамках небольшой статьи столь же подробно проанализировать образы других персонажей, мы считаем необходимым кратко охарактеризовать те белорусские лексемы, которые Древлянский «наградил» мифологическим статусом.

Лексема *жыж(а)* (по мнению Древлянского, так называется бог огня) так же, как и *зюзя*, почерпнута из детского языка. Ее фиксирует Носович (с. 156) со значением «огонь» и с пометой «детское», правильно указывая в качестве источника заимствования литовский язык, где слово *žiùzė* («огонь») также функционирует в детском языке (Либерис 1988: 918). Лексема *жыжа* («огонь») именно как элемент детского языка известна в Восточной Могилевщине: «Ні чыпай, дзетка, лампы, там жыжа – укусіць за пальчык» (Бялькевич 1970: 212) и на русско-белорусском пограничье: «Вон там, детачка, дивись, жыжа гарыць» (Расторгуев 1973: 101).

Жевжык, согласно Древлянскому, это божество рек в виде маленького старичка, живого и проворного до чрезвычайности, живущего в омуте и плавающего под водой. В словаре Носовича лексема *жевжик* имеет три значения: «1) маленькая на дне реки в песку вертящаяся рыбка; 2) мальчик толстенький, но живой, бойкий, увертливый; 3) по мнению Шпилевского, какое-то белорусское божество, о котором, впрочем, белорусы не имеют никакого понятия, ни даже басен» (Носович 1870: 154). На русско-белорусском пограничье лексема *жэ́ўжык* известна со значением «подвижный человек, ребенок» (Новозыбковский р-н Гомельской обл.), а также «неспокойный, вертлявый, чересчур подвижный ребенок»: «Да седи ты тиха, жэ́ўжык ты таки!» (Расторгуев 1973: 102).

Паляндра, как повествует Древлянский, это богиня смерти, которая в виде безобразной женщины забирает души умерших. На этот раз, как нам кажется, он не слишком далеко уклонился от истины, потому что в словаре Носовича *паляндра* имеет значение «чума, повальная болезнь вроде огневицы или белой горячки» с примером: «Паляндра его возьми» и с

глаголом *паляндрова́ць* («огнем палить»): «Воспа паляндруець по селу» (Носович 1870: 391). Если учесть известную тенденцию в славянской мифологии персонифицировать духов болезней, то персонификация чумы также вполне возможна, но, естественно, не в статусе богини смерти.

Разамара, с точки зрения Древлянского, это недобрый дух, носящий в воздухе ступу Бабы-Яги и живущий в облаках в виде шестикрылого животного, который похищает детей во время дождя и грозы. В словаре Носовича для этой лексемы приводится три значения: 1) «замараха» («Який ты страшный разамара! Умыйся»); 2) «неопрятный» («Стыдно дзевце ходить такою разамарою!»); 3) «чучело, сделанное из лохмотьев для пугания птиц и детей, чтобы не портили огородных овощей» (Носович 1870: 545).

Шатывила, по мнению Древлянского, – служебный дух Бабы-Яги. В словаре Носовича дается лексема *шатови́ло* со значением «чучело, поставленное на огороде для пугания воробьев»: «Цебе за шатовило можно поставиць в горосе» (Носович 1870: 707).

Кликуна Древлянский определил в дорожные духи и представил в виде тощего великана в оборванном балахоне с длинными волосами, кнутом и золотым рогом в руках. По мнению Древлянского, Кликун ездит по дороге на большой змее и вызывает вихрь. Человек должен избегать встречи с вихрем, образуемым Кликуном, иначе тот, взмахнув своим кнутом, нашлет на человека несчастье. В словаре Носовича лексема *кликун* зафиксирована в следующих значениях: «1) ночной сторож, который должен перекликаться с другими сторожами; 2) созывающий на господскую работу и поздно вечером под окном дающий знать, к какой работе должны явиться крестьяне к завтрашнему дню; 3) евреи в городах и местечках, кричащие нараспев, созывая в баню или в школу» (Носович 1870: 236). В «Словаре русского языка» в статье *Кликун* говорится: «Тот, кто кличет. Кликуны – загонщики, облава. Кликун-трава кличет по зарям "ох-ох!" или "ух-ух!". Корень ее имеет человеческий вид (со ссылкой на И. Забелина)» (СлРЯ 1906–1907/4: 1025). В белорусском языке из ближайших дериватов с корнем *клик-* мифологическое значение имеет слово *кликуш*, которое фиксирует Носович: «<...> воображаемое простолюдинами существо вроде духа, будто кличущее в лесу или даже в доме, но на зов последнего, говорят, не надо откликаться, потому что это кличет злой дух или смерть» (Носович 1870: 236). Действительно, мотив, который имеет в виду Носович, чрезвычайно широко представлен во всех славянских верованиях (Славян-

ские древности 1995–1999/1: 513), но вряд ли он имеет какое-либо отношение к Кликуну, описанному Древлянским.

Ныдзень, как описывает его Древлянский, – оборотень в виде животного, которое жалобно стонет, особенно в лунную полночь. В белорусских словарях нам не удалось отыскать абсолютно такую же лексему, зато в словаре Носовича оказалась лексема *ныдник* – «скаредник» с пометой «ругательное» (Носович 1870: 342). Близкое по форме слово *нудник* имеет значения «бедняк», «докучник» (Там же).

Кляскун, по Древлянскому, есть бог луны и летних забав, в действительности же – абсолютный фантом, однако его название является реальным словом. Словарь Носовича фиксирует эту лексему со следующими значениями: «1) шалун, производящий треск или шум линейкой; 2) по суеверию простолюдинов, как пишут некоторые белорусские мифологи, – лесной дух, называемый также доброхотом. Но у настоящих белорусов нет ни малейшего намека о каком-либо кляскуне, живущем в лесу, вроде духа, о доброхоте же есть поверье» (Носович 1870: 239). Несмотря на фантасмагоричность всего того, что Древлянский сообщает о Кляскуне, нужно заметить, что само название образовано от глагола *ляскать*, имеющего весьма ощутимую мифологическую нагрузку у восточных славян. Устойчивой характеристикой мифологических персонажей (особенно русалок, дворового, лешего, водяного) является их звуковое проявление (хлопанье в ладоши, хлопанье ладонью о воду, щелканье кнутом), которое в русских и белорусских говорах часто передается глаголом *ляскать*: «Хлявник живет в хлевах, в конюшнях, в руках постоянно носит кнут-пугу и часто ею *ляскает* – хлопает» (Романов 1891: 7).

Гарник характеризуется Древлянским как старший помощник богини брака Бордзи, защищающий новобрачных от ссоры. Если бы у «белорусцев» действительно существовала такая богиня, логично, что *гарник* стал бы ее верным помощником, потому что эта лексема означает некое приворотное растение: «<...> трава, имеющая свойство, по суеверию простолюдинов, привораживать расположение лиц любимых, но не отвечающих любви» (Носович 1870: 109). Ср. приводимое Носовичем существительное *гарнéнне* «привораживание» (Там же).

Как хорошо видно из приведенных примеров, Древлянский почти во всех представленных случаях «творчески развивает» семантический «потенциал», заложенный в том или ином слове. Если основная семантика лексемы *жеўжык* связана с идеей подвижности, быстроты, юркости, то и персонаж, который «выду-

вается» из этой лексемы, как мыльный пузырь, также наделяется этой характеристикой. Созданный им *ныдзень* фонетически ассоциируется с *нудить, нудный, ныть* и в описании наделяется этой чертой – жалобно стонать. В других случаях Древлянский довольно удачно использует возможности персонификации, которые предоставляет ему семантика того или другого слова, как, например, в словах, взятых из языка общения с детьми, в обозначении повальной болезни или в названиях пугала.

Среди наименований персонажей, представленных в «Белорусских народных преданиях», выделяется группа названий календарных периодов или коллективных действий (*талака*), которые Древлянский с присущей ему последовательностью объявляет богами и богинями соответствующих периодов: *коляда, щедрец* (канун Нового года. – *Е. Л.*), *купало, талака*. Не останавливаясь подробно на каждом таком «персонаже», можно обозначить общие тенденции в их образовании. Совершенно очевидно, что в народной культуре названия праздников и сакрально выделенных периодов имеют тенденцию к персонификации. Хорошо известно, что, в частности, *колядой* у восточных славян называют не только святочный период, но и сами песни, поющиеся в этот период, а также группы ряженых колядников, обходящих село с пением колядных песен, ср., например: «Как пошла коляда к Степану под окошко...» В различных календарных песнях многие праздники часто выступают как субъекты действия: «Светое Рожаство радость принясло, / Светое Василля взвеселило, / Светое Хрищення воду хрисьцило...» (Шейн 1887–1902/1: 55–56). В южных областях России в XX веке термином *коляда* называли календарного демона, появляющегося на святки с безменом и взвешивающего клубки, напряденные девушками. Нерадивых прях пугали, что *Коляда* побьет их безменом, если они недостаточно напрядут (Козелецкий р-н Калужской обл. – Архив автора). Очевидно, что, как и в случае с Зюзей, Древлянский использует реальные ритуальные и языковые контексты, в которых проявляется персонификация праздников, для того, чтобы перевести их в «разряд» богов и богинь.

Среди других реальных слов белорусского языка фантомными образами наделяются такие названия атмосферных явлений, как *Зорка* (утренняя Венера) и *Пагода*, а также сакральные имена, заимствованные из древнерусских письменных источников и «вплетенные» в ткань реально существующих обрядовых контекстов и песен: *Ярыло, Перун*. Не повторяя всего, что уже было написано о семантике и истории этих имен,

а также критики в адрес Древлянского по поводу Ярилы (Кирпичников 1879: 150–151), заметим лишь, что знаменитая обрядовая песня про Ярилу, который влияет на рост ржи («А гдзеж јон нагою, / Там жыто капою...), является до сих пор весьма распространенной у восточных славян колядкой про козу: «Дэ каза туп-туп, / Там жыта сим куп. / Дэ каза рогам, / Там жыта стогам...» (Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл. – ПА) или: «<...> де коза стопою, там жито копою <...> де коза ходить, там жито родить» (Календарно-обрядові 1987: 342), а также других обрядовых песен, где в качестве сакральных обходчиков выступают св. Николай, св. Юрий, св. Илья или сам Господь Бог:

<...> Ох, Ілля, Ілля, дзе ты хадзіў <...>
Я па полю хадзіў, пашаньку радзіў,
Што ступлю ступою, стаяць снапкі капою <...>.
(Зімовыя песні 1975: 173)

Очевидно, Древлянский не стеснялся не только контаминировать реальные и фантомные мифологические мотивы, но и «внедрять» свои персонажи в контексты народных обрядовых песен.

Что касается слов из рефренов и припевов песен типа «ляля», «леля», «ладо», которые выдаются за имена богов и богинь *Ляли* и *Лады*, то здесь Древлянский не был оригинален – традиция считать их теоморфными именами, утвердившаяся еще в XVIII веке, длилась довольно долго, если не сказать, что длится до сих пор. Пресловутый *Чур*, которого считал богом не только Древлянский, также появляется на страницах «Белорусских народных преданий» как божество границы (подробнее об этимологии слова *чур* см.: Толстой 1995: 364–370).

Как видно из приведенных выше материалов, большинство имен из «пантеона» Древлянского принадлежат реальному белорусскому языку. Однако лексические источники для ряда «персонажей» Древлянского нам найти пока не удалось, а для некоторых из них, вероятно, и не удастся. Сюда относятся Вазила, Жыщень, Ваструха, Любмел, Цеця, Бордзя, Кумельган, Яркун, Гарцуки. Можно предположить, что, конструируя мифологические образы, Древлянский не отказывал себе в удовольствии «сконструировать» и названия для некоторых из них по ассоциации с реальными словами (ср.: *Ваструха* и *острый*, *Вазила* и *возить*, *Жыщень* и *жито*, *Бордзя* и *борзый*, *Яркун* и *ярый*, *Гарцуки* и *гарцевать*, *Любмел* и *любить*).

Итогом нашего анализа очерков Древлянского служит вывод, который кому-то может показаться парадоксальным: «Бе-

лорусские народные предания» — это, безусловно, фальсификация, но фальсификация достаточно умная и даже изящная, сотворенная человеком, относившимся к белорусской народной культуре настолько внимательно, насколько это возможно для фальсификатора. Из скрупулезного изучения «Белорусских народных преданий» можно заметить, что Древлянский очень тонко чувствовал народную культуру (как ни парадоксально это звучит), вернее, те ее «слабые» звенья, которые могут быть использованы как материал для фальсификации. Можно заметить, что, конструируя свои фантомы, Древлянский не все подряд объявляет богами и богинями, а в большинстве случаев «выращивает» их на той языковой и обрядовой «почве», которая сама дает для этого основания, обнаруживая склонность к персонификации (например, фантомы, рожденные на основе лексем детского языка типа *Зюзи*, названий календарных периодов типа *Коляды* и т. п.), или использует для характеристики своих «богов» семантику тех лексем, которыми он именует этих «богов» (так, например, *Жеўжык* у него быстрый, подвижный, а *Ныдзень* нудный). Создавая искусственные имена для своих героев, он старается вписывать их в ассоциативный ряд с реальными словами (ср. *Бордзя* или *Любмел*). Даже фальсификации могут быть умными и талантливыми, а что «Белорусские народные предания» относятся именно к этому разряду, доказывать не надо — ведь они и полтора столетия спустя все еще остаются фактом научной жизни, тогда как многие их собратья по жанру давно оказались на свалке истории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Афанасьев 1994 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.

Белова 2000 — *Белова О. В.* Славянский бестиарий. М., 2000.

Бессараба 1903 — *Бессараба И. В.* Материалы для этнографии Седлецкой губернии. СПб., 1903.

Богданович 1895 — *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895.

Бялькевіч 1970 — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Велюс 1989 — *Велюс Н.* Цветок папоротника. Вильнюс, 1989.

Виноградова, Толстая 1993 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста // Славянское и балканское языкознание. М., 1993.

Виноградова, Толстая 1995 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора.: Сб. статей памяти Г. Л. Пермякова. М., 1995.

Власова 1998 – *Власова М. Н.* Русские суеверия. СПб., 1998.

Гринченко 1958–1959 – *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: В 4 т. Київ, 1958–1959.

Гура 1997 – *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль 1955 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Добровольский 1914 – *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Древлянский 1846–1852 – *Древлянский П.* (*Шпилевский П. М.*). Белорусские народные предания // Прибавления к журналу Министерства народного просвещения. СПб., 1846. Кн. 1; 4; 1852. Кн. 3.

З народнага 1975 – З народнага слоўніка. Мінск, 1975.

Забабоны 1972 – Забабоны / Запісаў Адам Варлыга на Лагоўшчыне. New York, 1972.

Зеленин 1914–1916 – *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества: В 3 т. Пг., 1914–1916.

Зеленин 1995 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. М., 1995.

Зімовыя песні 1975 – Зімовыя песні: Калядкі і шчадроўкі. Мінск, 1975.

Календарно-обрядові 1987 – Календарно-обрядові пісні. Київ, 1987.

Кирпичников 1879 – *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. М., 1879.

Левкиевская 1996 – *Левкиевская Е. Е.* Сексуальные мотивы в области карпатской мифологии // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

Левкиевская 1996а – *Левкиевская Е. Е.* Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим светом // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Левкиевская 2000 – *Левкиевская Е. Е.* Мифологические персонажи в славянской традиции: 1. Восточнославянский домовой // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000.

Либерис 1988 – *Либерис А.* Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1988.

Максимов 1993 – *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила: В 2 т. М., 1993. Т. 1.

Міфы 1994 – Міфы бацькаўшчыны / Сост. Васілевіч У. А. Мінск, 1994.

Никифоровский 1907 – *Никифоровский Н. Я.* Нечистики: Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907.

Носович 1870 – *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

ПА – Материалы Полесского архива, хранящиеся в отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Расторгуев 1973 – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

Романов 1891 – *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Т. 4.

Сержпутоўскі 1930 – *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаўпалешукоў. Мінск, 1930.

Славянские древности 1995–1999 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2.

Слоўник 1962 – Беларуска-руски слоўник. М., 1962.

СлРЯ 1906–1907 – Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1906–1907. Т. 4. Вып. 1–4.

СРНГ 1975– – Словарь русских народных говоров. М., 1975–. Вып. 1.

Сумцов 1890 – *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890.

Сцяшковіч 1972 – *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэріялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. М., 1995.

Топоров 1980 – *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. I–K. Москва, 1980.

Трубецкой 1995 – *Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Тураўскі 1982–1987 – Тураўскі слоўнік: В 5 т. Мінск, 1982–1987.

Успенский 1982 – *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Фасмер 1964–1973 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Черепанова 1983 – *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. СПб., 1983.

Черепанова 1996 – *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

Чубинский 1872 – *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. В 7 т. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1.

Шейн 1887–1902 – *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. В 3 т. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1–2; 1893. Т. 2; 1902. Т. 3.

Шпилевский 1852 – *Шпилевский П. М.* Исследования о вовколаках на основании белорусских поверий // Москвитянин. 1853. Т. 2.

ЭРС – Материалы этнолингвистической экспедиции на Русский Север кабинета фольклористики историко-филологического факультета РГУ.

Янковскі 1970 – *Янковскі Ф.* Дыялектны слоўник. Мінск, 1970.

Czerny 1896 – *Czerny A.* Istoty mitologiczne Serbów Łużyckich // Wisła, 1896. № 1.

Boryś, Popowska-Taborska 1999 – *Boryś B., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa, 1999. T. 3: K–O.

Federowski 1897 – *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. B 8 t. Kraków, 1897. T. 1.

Karłowicz 1900–1911 – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich: B 6 t. Kraków, 1900–1911.

Kolberg 1962 – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. B 60 t. Lubelskie. Wrocław, Poznań, 1962. T. 17.

Sielicki 1986 – *Sielicki F.* Wierzenia na dawnej Wilejszczyźnie // Slavia Orientalis. Warszawa, 1986. T. 25. № 2.

Simonides 1989 – *Simonides D.* Wierzenia i zachowania przesądnie // Folklor Górnego Śląska. Katowice, 1989.

Skorupka 1967 – *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. B 2 t. Warszawa, 1967. T. 1.

Sławski 1952 – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952. T. 2.

А. Л. Топорков

О РУКОПИСИ Г. Д. КНИГОЛЮБОВА

5 августа 1865 года профессор Московского университета Н. С. Тихонравов приобрел чрезвычайно интересную рукопись, включающую обширное собрание заговоров и молитв. Ученый заплатил за рукопись 25 рублей серебром – сумму по тем временам весьма и весьма значительную.

Рукопись составил и продал Н. С. Тихонравову некий Григорий Данилович, присвоивший себе псевдоним «Книголюбов». Об этом человеке известно совсем немного. М. Н. Сперанский со слов того же Н. С. Тихонравова характеризовал Г. Д. Книголюбова как «довольно известного списывателя и торговца рукописями в Москве»[1]. До наших дней дошло несколько рукописных книг этого трудолюбивого деятеля. Одна из них называется, например, так: «Акафисник молитвенный, покаятельный, просительный, умилительный, биседовательный и славительный с молитвами, месяцословом и прочими исправлениями... Григория Д. Книголюбиваго. Москва. В рукописографии Г. Д. Книголюбова 18...»[2].

Содержание рукописи, хранящейся ныне в собрании Н. С. Тихонравова Российской государственной библиотеки (ф. 299, № 728)[3], явственно указывает на то, что ее составитель отнюдь не был литератором и не принадлежал к культурной элите своего времени. Она писана крупным, аккуратным полууставом, почти без знаков препинания. Орфография имеет неустоявшийся и несколько архаический характер (используется «юс малый», смешиваются «ер» и «ерь» и т. д.); в тексте много орфографических ошибок, некоторые слова пишутся

[1] *Сперанский М. Н.* Описание рукописей Тверского музея. М., 1891. С. 82.

[2] Там же. С. 1–2. К сожалению, часть страницы с точной датой рукописи оторвана.

[3] Ссылки на данную рукопись далее даются непосредственно в тексте с указанием листа.

по-разному даже на одной и той же странице. Особенно много ошибок в безударных гласных в корне слова (*защети* вместо *защити*, *салдаты* и т. д.). Отдельные написания, не соответствующие орфографической норме середины XIX века, повторяются на протяжении рукописи многократно (например, написание *не* вместо *ни* в отрицательных местоимениях и наречиях: *нечего* вместо правильного *ничего*, *некогда* вместо *никогда* и т. д.).

Рукопись форматом в лист (30,0 × 21,5 см) включает 139 листов, заполненных с обеих сторон. К сожалению, сборник дошел до нас не в полном виде; начало и конец его утрачены, рукопись лишена переплета и распалась на отдельные тетрадки и листы. Многие листы потеряны, а некоторые сохранившиеся повреждены. Тем не менее и в таком виде сборник впечатляет своим объемом и разнообразием содержания. На некоторых листах уместилось по нескольку текстов, а всего он включает многие сотни заговоров и в количественном отношении значительно превосходит знаменитый сборник «Великорусские заклинания» Л. Н. Майкова, который увидел свет впервые в 1869 году и неоднократно переиздавался в последние годы.

В своем первоначальном виде сборник включал, по-видимому, две части: «Заговоры» и «Молитвы», однако от «Молитв» сохранились только несколько листов. Впрочем, судя по их содержанию, составитель не различал кардинально «заговоры» и «молитвы»; большинство текстов, помещенных среди «молитв», вполне могут быть квалифицированы как заговоры, а многие «заговоры» включают в себя отдельные молитвенные формулы или даже фрагменты молитв.

К сожалению, Г. Д. Книголюбов не указывал, откуда ему известен тот или иной текст: взят ли он из какой-то книги или рукописи, зафиксирован по памяти или под диктовку другого человека. О происхождении текстов дает представление запись Н. С. Тихонравова на первом листе рукописи: «Записаны Книголюбовым со слов и выписаны из тетрадки». По-видимому, эта запись сделана Н. С. Тихонравовым со слов самого продавца рукописи, который утверждал, что текст частично скопирован с какой-то другой, более ранней тетради, а частично записан со слуха. Впрочем, текстологический анализ сборника показывает, что при его составлении были использованы не только источники устные и рукописные, но и уже опубликованные к тому времени. В частности, отдельные заговоры были скопированы Г. Д. Книголюбовым с известной книги И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1-е изд. – 1836–1837).

Можно также предположить, что некоторые тексты были частично или полностью составлены самим Книголюбовым с использованием реальных формул народных заговоров и церковных молитв, а в другие он вносил дополнения или изменял их по своему усмотрению. Все это побуждает относиться к заговорам Книголюбова с большой осторожностью и уж во всяком случае не видеть в них простую запись фольклора.

Вряд ли Книголюбов собирался использовать заговорные тексты по прямому назначению (например, едва ли он предполагал лечить с их помощью или изгонять нечистую силу). Сам внешний вид рукописи (большая тетрадь, расчерченные листы с полями, стилизованные рисованные буквицы) как будто говорит о том, что составитель усматривал в ней скорее своеобразную книгу, чем практическое руководство. Во всяком случае ничто в рукописи не указывает на то, что ее передавали из рук в руки или брали с собой в дорогу.

Какая-то рукопись того же Г. Д. Книголюбова была в свое время использована в известной книге М. Забылина «Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М., 1880). Современные репринтные воспроизведения этой книги, несомненно, попадались на глаза читателю, а возможно одно из них даже имеется у вас дома. Среди «пособий», использованных при составлении данного издания, М. Забылин называет между прочим: «*Рукописный список*. Григорья Данилова Книголюбова»[1]. В тексте он кое-где называет этот источник также «рукописной тетрадью» или «рукописной книжкой», а ее автора почему-то именует иногда «Боголюбовым», а не «Книголюбовым»[2]. Всего М. Забылин включил в свое издание около 30 заговоров из тетради Г. Д. Книголюбова. Большинство из этих текстов отсутствуют в нашей рукописи, а те, которые и в самом деле имеют соответствия в нашем сборнике, все же обнаруживают довольно существенные текстуальные расхождения с ними. Это дает основания предполагать, что М. Забылин держал в своих руках какой-то другой сборник, не идентичный с нашим; в то же время этот сборник, несомненно, был составлен тем же человеком.

Сборник Книголюбова весьма интересен и в целом, как памятник русской культуры и рукописной книжности середины XIX века, и постольку, поскольку многие тексты, в него

[1] *Забылин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. II.

[2] Там же. С. 322, 325.

включенные, имеют оригинальный характер и не встречаются в других известных нам собраниях заговоров. При этом интересны не только подлинные фольклорные заговоры, но и те, которые, весьма возможно, сочинены самим Книголюбовым. Все они представляют собой результат своеобразного полуфольклорного-полулитературного творчества.

Присмотримся внимательнее к содержанию нашего сборника. Прежде всего бросается в глаза, что он несет на себе явственный отпечаток города и городского образа жизни. В сборнике почти нет заговоров, связанных со специфическими видами сельскохозяйственного труда (первый выгон скота, обереги домашних животных от диких зверей, обереги урожая, защита от града, засухи и т. д.). Зато имеются заговоры, отражающие интересы и занятия купца и даже карточного игрока. В сборнике можно найти заговоры «На торговлю» (л. 17, 31 об., 91 об.), «На извоз» (л. 97 об.—98), «На карты» (л. 78, 91), «Гадание на карты» (19 об.), «На игры разныя» (л. 90 об.—91). Есть даже заговоры «на алтарею» (то есть на лотерею) (л. 91) и «от ненасыдства» (то есть от обжорства) (л. 56 об.—57 об.).

Составитель сборника явно подбирал заговоры таким образом, чтобы удовлетворить самым разнообразным интересам и потребностям, в том числе и прямо противоположным, взаимно исключающим друг друга. Ведь не случайно он включил в сборник и заговор, призванный помочь поступить на службу в армию и, наоборот, заговор, призванный избежать 25-летней службы (л. 72 об.—73). Есть в сборнике заговоры «от разбою» (л. 85) и «от покражи» (л. 19 об.—20, 74 об.), но есть и такие, с помощью которых можно разомкнуть все замки и запоры или «от кладу отогнать стражей» (л. 20 об.). Аналогичным образом, наряду с любовными присушками, имеется и жутковатый и в то же время забавный заговор, призванный поссорить супругов или близких людей (л. 77 об.).

По-видимому, отдельные проблемы особенно волновали самого составителя сборника или его окружение; во всяком случае вряд ли случайно то, что он, например, возвращался снова и снова к заговорам от глухоты и слепоты. Любопытно, что на протяжении сборника составитель 9 раз обращается к заговорам от импотенции и приводит целых 18 текстов от этой напасти. Для сравнения скажем, что в сборнике Л. Н. Майкова приведен только один заговор «От плотской немощи», да и тот извлечен из следственного дела XVII века. В собрании П. С. Ефименко (1878) заговоров от импотенции больше, но и там их всего четыре (все они извлечены из «старинных руко-

писей»). Записи Г. Д. Книголюбова важны не только тем, что их во много раз больше, но и тем, что, по крайней мере, некоторые из них явственно несут на себе печать устного происхождения. Например, такое нехитрое средство «от нестанихи» явно не было придумано составителем рукописи, но скорее всего от кого-нибудь им услышано; характерно, что и записано оно в форме практической рекомендации: «Возми краснаго или белаго петуха, подреж гребень над вином стакана, чтобы капли крови в вино капали, и говори: "Каков петух на курицу, таков бы молодец на девицу" (3ж). И дать выпеть. После болному пролесть скрозь женския ноги взат и впирет 3ж<ды>» (л. 111 об.).

Составитель сборника часто прибегает к особой стилистике, которую можно назвать *украшающе-архаизирующей*. Приведем, например, такой фрагмент заговора от глухоты: «На море на кияне, на острове на Караване стоит дуб, под тем дубом лежит камень, на том камне стоит терем, в том тереме – престол, на том престоли сидит царица в порфири красной, перед ней сидит на крылатом на кони юной младой богатырь, в руках держит алатырь камень, не велик не мал» (л. 50). Начинается фрагмент с хорошо известной заговорной формулы (на море остров, на острове дуб, под ним камень), а вот дальше появляются образы, вовсе не характерные для заговора, да и стилистика («царица в порфири красной», «крылатый конь», «юной младой богатырь») напоминает скорее лубочную литературу XVIII–XIX веков, чем подлинный фольклор.

В соответствии с этой же тенденцией в заговоры вводятся иногда имена славянских и античных языческих богов. Например, в заговоре «на скоробег» (то есть чтобы бежать быстро и никто не мог бы догнать), помимо трех евангельских волхвов, фигурируют Перун и Венера: «Ветер, ветер, унеси меня. Жопка, жопка, унеси мои ноги. Ношки, ношки, унеси мою жопку и меня. Каспар, Мелканор, Мерхисардер, дай мне, Перун и Венера, свои скоролетящия крилье, дай мне крылатаго коня, унесите меня, чтобы не могли меня во ста ног, во ста коней догнять, и упоймать, и не в какия орудия вредить, и мое слово порушить. Аминь, аминь, аминь» (л. 35). Замечательно, что этот заговор, обращенный к языческим богам, завершается, как молитва, христианским «аминем»!

Особый интерес представляет обширный заговор «На Фартуну счастия», в котором Фортуна изображена как языческая богиня, в духе аллегорической живописи XVIII века (л. 12 об.–13).

Некоторые тексты нашего сборника несут на себе отпечаток определенной исторической эпохи. Например, один из заговоров от сифилиса связывает распространение «французской болезни» с нашествием Наполеона (л. 9). В другом заговоре от той же «французской болезни» с полным сочувствием и уважением описаны действия доктора, излечившего «красного молодца», хотя обычно в заговорах описываются, конечно, действия знахаря, а никак не представителя официальной медицины (л. 9).

Несколько текстов из сборника Книголюбова обращены к бесам и другой нечистой силе. Например, ярко выраженный «отреченный» характер несут на себе заговоры карточных игроков. Согласно одному из них, «на море на кияне, на острове на Буяне, на камни бел алатири стоит дуб, под етим дубом стоят святыи отци Кузма и Дамиан и 4 евангелиста. Мимо их идут дочери Иродовы, несут карты-колоды. И спросиша их святыя отцы и 4 евангелиста: "Что за жены, и куда идете, и что нисете?" Они отвещаша им: "Мы дочери Иродовы, нисем карт колоды на обогрыш и выигрыш к рабу (имя)"» (л. 78). «Святые отцы и 4 евангелиста» приказывают Иродовым дочерям продолжить свой путь и обеспечить выигрыш.

В другом заговоре объясняется, как можно отучить от карточной игры. Отправиться для этого нужно на кладбище: «Возми колоду карт новою, дай игрущему сыграть игру и брос ты ее в могилу. Сказать: "Мать могила, ты принимаеш в сибя всякаго человека и все его затеи и занятии некогда не возвращаеш. Тако прими в сибя карты с его отхотуй и желанием, раба Божия (имя). Как вам, карты, сгнити, из могилы не выходити, тако и рабу Божию (имя) в карты некогда не игровати и на сие покушание и желание не имети. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь"» (л. 160б.).

Отдельные тексты нашего сборника произносятся от лица знахаря или какого-то другого человека, который чувствует себя всесильным и приписывает себе сверхъестественные способности. Если он и обращается к Богородице, архангелам и святым, то вовсе не для того, чтобы им молиться, а для того, чтобы приказывать. В некоторых текстах субъект заговора явно или неявно ставит себя в положение Бога или иного сакрального существа.

Одна из услуг, которые предлагают маг или знахарь, заключается в том, что они помогают любопытствующим заглянуть в будущее. Для этого нужно наступить на правую ногу знахаря и заглянуть ему через правое плечо (или, соответственно,

встать на левую ногу и заглянуть за левое плечо). Ритуал сопровождается заговором, в котором говорящий кощунственно отождествляет себя с Христом (л. 90). Говорящий как бы помещает себя в центр мироздания и вырастает до небес, так что оказывается среди звезд и даже солнце видит сверху, а не снизу: «...Подо мною солнце, надо мною месяц, круг меня звезды и вся земля и вода, зъзади вся тайность открытая...»

В одном из заговоров нашего сборника приведен и замечательно интересный апокриф, повествующий о происхождении заговора и молитвы: «На море-кияне, на острове Буяне, на том и на сем свети белом стоят четыре столба на мести безводном и безземном, на тех четырех столбах сидит сам Господь Господей, Бог Богов, Саваов вседержитель Иисус Христос с братом своим Сатаной, с Матерью своей Пресвятой Богородицей, со ангелами и со архангелами, со всею бесплотною силою, со пророками, со апостолами, с праведными со мучениками и со всеми святыми. Они творили небу и землю, воды и огни, растения и животных, человека и слова. Господь сотворил добро, а Сатана – зло, Господь сотворил молитвы, а Сатана – чары, бес сотворил волхвование и порчи, а Господь – избавление, бес сотворил смерть, а Господь – живот и здравие» (л. 86 об.). Христос, ошибочно отождествленный здесь с Саваофом, выступает в данном случае в одном ряду с Сатаной, который к тому же назван его братом. Они сообща создают «небо и землю, воды и огни, растения и животных, человека и слова». Молитвы и чары, согласно такому взгляду, столь же органично дополняют и уравновешивают друг друга, как добро и зло или жизнь и смерть. В то же время знахарь, пользующийся чарами, по этой логике является служителем Сатаны; впрочем, это явно не очень-то его пугает.

Будущие исследования покажут, чего больше в сборнике Г. Д. Книголюбова – литературных импровизаций на фольклорной основе или фольклорной архаики, скрытой под слоем литературных стилизаций.

ЗАГОВОРЫ ИЗ СБОРНИКА Г. Д. КНИГОЛЮБОВА[1]

(л. 1) От недугов. Иду я, раб (имя) из ворот во чистое поле во окиян-море, становлюсь я, раб (имя) на бел горючем камне алатыре, опоясаваюсь белой пеленой, заговариваю своего раба (имя) от всех злых недугов с принедугами и с полунедугами вся злыя недуги недужити раба (имя). Отсылаю вас во окиян-море, в бездны преисподния, в котлы кипучия, в жар палючай, в смолу горючия по сей день, по сей час, по мое крепкое слово, а был бы раб сей здрав и жив и здравие его не было в тереме княжем, а цилее бы его не было во все околице, а был бы он здрав и жив от роду и до веку по всю его жизнь. Слово его крепко.

(л. 6) От лому рук. На море на кияне, на острове на Буяне лежит камень, на камне стоит гора, на той горе лежит рука Иоанна Предотечи. Возму я сию руку в болную свою руку, подаст мне здравие, рабу Божию (имя), рука не будет болети, все разныя болезни отпадут и исцилятся от сего время до конца его жизни.

(л. 6 об.) От нерождения. Напиши записочки: «Двири небесныя отве<р>зошася, и ты, отроча, выйди, вон зовет тя Господь наш Иисус Христос». И положи за пазуху.

(л. 9) От французских болезней. На море на кияне, на острове на Буяне есть мать черная яма, в ние входи<т> и вон исходит красной молодец. Захворал, занемог тот молодец, великой язвой заразился, многих осквернил. Случилось у отца его дохтора исциление скорое от всех разных француских

[1] Тексты публикуются по рукописи (Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва), ф. 299 (Н. С. Тихонравов), № 728) с соблюдением специфических особенностей орфографии подлинника.

скорбей и болезней, и бысть ему сия язва не в язву, болезнь не в болезнь, скоро исцелил, и очистил, и здравие воставил, и прогнал сию язву и заразу французскую в смрадною пучину, Содом и Гоморскою, от раба Божия (имя), не велит опять болезни сей ворачоватся, впреть до веку открыватся и прикасатся, а быть сему рабу скоро исцелну здраву и живу от сего время, от сей минуты во всю его жизнь. Ами<нь>. <...>

Или: По морю по кияну, по острову по Буяну по Можайской дороге шел францус скверной своей силуй поганой, пришел в росийскою землю он, скверной, негодной, пакосной француз со всей силуй поганой, разсеял по всей России разныя свои скверныя француския болезни и женам крови, и всем бели и рези навел, и всем болезнь лютою и заразу нестерпимою, ввел в Росию болезнь новою и неслыханною. Ой, ты, скверной негодной француз с силуй погануй! Зачем ты свою болезнь сию здесь оставил? Возми назат к сибе, а я сему рабу (имя) исциление и здравие дам. Ты, ресь, лом, бель, гной, кровь, изыди, очистись, а ты, рана и боль сия, у раба (имя) заживи, затяни, исчезни, не буде некогда, не отрыговай, не воспоминовайся во веки веков с сей минуты. Ты, слово мое, крепко.

(9 об.) От беды. Выхожу я во новы сени дубовыя, на широк двор заборчатой, гляжу я по всем по дорогам, перепутьям, вижу я от земли до неба звезды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьица, задержите моего раба (имя), вы, звезды ясныя, затемните свой светлой, яркой свет, чтобы без вашего светушки не было не ходу не проходу. Насылаю я на раба сего лютого тоску со кручиною, сон со дремотою, забытье с беспамятью, а был бы он глух и нем по мою лютою беду, насылаю я на рабу (имя) такую зазойливою печаль со бедою, сон со дремотою, а был бы он слеп и нем по мою лютою беду.

(л. 11) От нестанихи. На море на синем сидит девица на золотом стуле, прядет шелковую кужель на золотое веретенцо, ниточки тонки, ниточки оборвались, у раба Б<о>жия (имя) на всех рабиц Божиих кровь-руда поднялась (3)[1].

От нистанихи и проход заимется, *лому перелому[2] написать на масле коровъем сие: горема, мехарзи, рзлалома егв: р: в: л: в: по вас. И дать съесть.

[1] Здесь и далее такая помета обозначает, что заговóр или его последние слова нужно произнести трижды.

[2] Надписано сверху.

Или взять воды в стакан, вынуть шкворинь, пропустить стакан скрозь диры внись, перелить воду в другой стакан с приговорам: «Как шкворинь в оси крепок, так бы у раба Б<о>жия (имя) тур был крепок и стоял тверд». И дать выпеть, а шкворень опять вколотить.

Или: На море на черном сидит монахиня на черно-багровом стуле, прядет шелковую кужель на серебряное веретенцо, ниточки тонки, ниточки оборвались, похоть и хотения *и плоть[1] у раба Божия (имя) на всех рабов Божиих поднялась, навсегда хотелась, испускалась. Аминь, аминь, аминь.

Или: Благослови, Христос, благослови, Христос, благослови, Христос, сего раба (имя) уду стояти, твердому быти. Христос от марей зачинается, во плоти раждается, вся / (л. 11 об.) животная ярится, от того раждается. Ной взя попарно всех животных, посли расплодишася и ковчех на горах установися, тако Господи избави раба Божия (имя)[2] от порчи, и от нистанихи, и от ослабления уда нижняго, и от бесплотия, и чтобы стоял крепок, силен и яровит был, и плоть спускалась, во всем поправился по вись век, по всю жизн.

Или: Господи Иисусе Христе, Сыне Божии! Аминь. Все порчи, козни, злости оттоняю, я уд сей у раба (имя) поправляю[3] и востановляю. Как был у младаго яровитаго, такой теперь буть. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь.

Или: На море на кияне, на острове на Буяне стоит древо палма. Как она стоит тверда и крепка, не качается, не шатается, так бы у сего раба (имя) стоял нижний уд тверд и крепок на всякою рабицу имрацу отныне, и до века, и на всю его жизнь. Отговариваю я у раб<а> (имя) все волшебныя козни, порчи и притки словами моими на всю его жизнь.

Или: Как ярится питух на курицу, бык — на коров, баран — на овцу и всякая животная — на животну, так бы у раба (имя) был тур нижняй уд яровит и похотлив, на всех рабиц имрац стоял тверд и крепок, некогда не портился от сего время на все его веки.

Или: Како Господь Бог Иисус Христос утвердил реки и потоки и како царь Давыд скрепил землю, тако, Господи, утверди и укрепи, отврати в рабе твоем (имя) порчу, скорбь и болезнь сию от Пресвятыя Госпоже владычицы нашея Богородицы и присно девы Мареи со всеми святыми камень запечатанному от лукавых, и от иудей, и воином, стрегущем пре-

[1] Надписано сверху.
[2] Испр., в ркп.: *имя* (*имя*),
[3] Испр., в ркп.: *поправлаю*.

чистое тело. Воскрес еси тредневно, даруи рабу мирови, жизнь. Сего ради силы небесныя вопияхути от сего время по всю его жизнь: аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа (3).

(л. 11 об.) От злобы. Я въступаю чрез порог, Иисус Христос будь мой товарищ. Кто силен как он, а силние тово, кто против меня. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. <...>

Или: Иду я, иду к своему пану, стану я перед ним гадюкою, гадюкою. Дай ему, Боже, соломенныя ноги, дубовый язык, чтобы он встал не взят, не впирет и во всем исполнил волю мою. Аминь, аминь, аминь.

(л. 12) <На успех?> [Начало утрачено] Сануда, зануди ты полуночная! Запега, запеки ты утренняя! Преврата, преврати рабов Божиих всех! Иду я, раб Божий (имя), спать и почивать, кладу спать и почивать. Спи я, раб Божий (имя), спокойно, почивай, а вы, рабы Божии, все не спи не почивай, не дам вам не заснуть, не спочить, не есть, не пить, не в биседах сидеть, не с ыными лучшими меня размолвить. Есть у миня конь вороной, есть у миня меч огненной, есть у миня иголки, есть у миня шпилки, есть у меня вертена. Конем вас топчу, мечом вас секу, иголками вас колю, шпилками вас шпигую, вертенами вас кручу, крещеных, порожденых до сибе на совет денной, ночной привиди, вызываю. Беги вы скоро-наскоро, ходко-находко, борзо-наборзо, не дать им не пить и есть, не спать, не леч. Как не могут быть бес хлеба-соли и без воды, так чтобы не могли без меня, раба Божия, все людии, муской и женской пол, пока ко мне не придут, не покорятся, не поклонятся мне, рабу Божию (имя). Вставляю чисту и веселу, как серебро на воде и сонце на[1] небе, мне же вы все поклонитеся, мне же вы все покоритеся, меня же вы все полюбите и жалейте, все со мною дружно и советно живите и всю мою волю и желание исполняйте. Отныне и на веки веков. Аминь.

(Надеть колцо на указателной перст.) Обручаюся я, раб Божий (имя), миром, любвей и советом со всеми людми, человеками, с муским и женским полом. (На гривинник купить три свечи гривинныя, утормать у каждой снизу по кусочку и постоновить их Иоанну воиственнику, спасителю Богородицы, и взять земли при входе, где ноги оптерают. Скатай с воском и воск, соль, хлеб, корень. Ладонку зделай, а водой умойся, капли с лица накапай в ладонку, повись накрест, воду вылей, где два угла сходются, скажи:) Как углы сходются, так бы вись

[1] Испр., в ркп.: *не*.

народ ко мне сходился! (Последнии 5 копеек поровну нищим раздать, скажи:) Молитесь за успех мне, раба Божия (имя), на что я желаю всегда быть по-моему.

(л. 12) На фартуну счастия. Взять стакан непочатой воды, положить колцо, гревенник, хлеба, соли, Адамовой главы, плакуну, одолену, Ивану-царевых очей, постоновить на главу и говоря:

Мать Фартуна, бог счастия, ты благословила и наделила многия народу счастиям, таланам, миром, премудростью и богадством. Царей на царство поставляеш, / (л. 12 об.) простых в чины производиш, бесчастных счастиям надиляеш, немирных примиряеш, многим мудрость, разум даеши, бедным богадство подаеши. Тако, мать Фартуна, бог счастия, подай, сотвори мне, рабу Божию (имя), во всем всегда, во всякое время счастия, богадство, мир, любве, мудрость, разум, хитрость, от всего худаго и недобраго избавления. Яко Адаму, Ною, пророку Давыду, сыну его Саламону подавал Господь, сотвори и мне всегда, вечно, каждой день, кажду ноч, каждой час, каждую минуту и секунту, на каждом шагу[1], на каждом взору ходящаму, сидящему, лежащему и спящему, и востающему во все мои веки, во всю мою жизнь до гробовой доски, всему моему задуманному случатся и исполнятся, действоватся, силну быть, по моему по всему во веки веков. Аминь.

Встану я, раб Божий (имя), перекристясь, пойду благословясь из двири в дверь, из ворот в вороты. Выйду я поля в широкая раздолья, на моря на киян, на острова на Буян, на нем лежит камень Алатырь, на етим ками стоит соборная церкавь, в этой соборной церкви посреди стоит престол, на етим пристоли сидит благодатная матерь пресвятая Богородица с милостивовом спасителем Христом. Круг етаго престола 77 пристолов, на етих пристолах сидят 77 другов и благодетеляв апостолов. Круг того престола з 77 престолов служат, исполняют ангели, архангели, херувимы, серафими, власти, силы, престоли, господства, чины, мученики, пророки, преподобныи угодники священныи и все святыи бесчисленныя полки. Сотворите и подайте мне, рабу Божию (имя), визде, всегда, по всякое время во всем счастия, талану, богадства, мир, любве, разум, *славу, честь[2], хитрости, премудрости во всем желаемом и задуманном, силу, действия, исполнения, збытия по вись век, по мою жизнь. Аминь.

[1] Испр., в ркп.: *жагу*.

[2] Надписано над строкой.

Востану я, раб Божий (имя), перекристясь, пойду благословясь из двири в дверь, из ворот в вороты. Выйду я в чистоя поля, в широкая раздолья, во все четыре стороны, от земли до неба. Выйду я на моря на киян, на остров на Буян, на нем лежит камень Алатырь, на етим камне стоит соборной храм, в этем соборном храме стоит престол, на етим престоли сидити милости счасливая наша мать Фартуна с благополучным отцом Судбой, круг етого престола 3300 прес / (л. 13) толов, на етих пристолах сидят 3300 мудроразумных хитрочудотворов древних и днешных. Около того пристола и 3300 пристолов служат, исполняют все задуманное и желаемо лики купидоны, граци, амуры, ангели, воздушныи духи, мудреци, хитреци, действенники, жреци, пророки, исполнители, бесчисленныя полки. Сотворите, подайте мне, рабу Божия (имя), визде, всегда, во всякое время во всем счастия, талану, богадству, мира, любве, славы, чести, разуму, хитрости, мудрости, памяти, успеху во всем желаемом, задуманном, силу, действия, исполнения навечно и бесконечно, по вись век, по мою жизнь ненарушимо, во веки веков. Аминь.

Месяц ты ясной, звезды светлыя, сонце красное, где вы были, скоро ходили, Божия повиления ежедневно исполняети? Мы на небе были, вись свет прошли и все на земли и поднебесью знаем и видем. Что в миру дела<е>тся, что исполняется, так бы и у меня, раба Божия (имя), все исполнялось, збывалась, и все знать, и видить, творить, милостивая мать Фартуна, счастия, премудрости бог, судьба, свет белой, ночь темная, воздух, вода, земля, камни, древа, травы, человеки, скоти, птици, зви<р>и, гады, насекомыи, духи, разныя вещи, солнце, луна, звезды, небо, облаки и все создания Божия, како вы пред Богом и пред человеком служити, покораятися, исполните, сослужите, покоритесь бесперерывно. Мать Пресвятая Богородица сына своего укрывала пиленою, всегда его лелеяла и за ним ходила, некогда его не в чем не оставляла и не позабывала, тако и ты, мать Фартуна и счастливая отец судьба, покрой меня, раба (имя), своей пиленой счастливой, воскорми меня премудростьюй, исполнением и всегда за мной ходи, некогда не оставляй, не позабывай.

Сяду я во Давыдовом доме, на Саламоновом престоли, надену на себя багряницу света белаго, возложу корону неба чистаго, обую сапоги земли и всего создания Божия, возму стипедтр, державу всего во всем свети. Что хочу, то и творю, все в моей власти, воли и сили быть, тогда все со всего света ко мне придут и все создания Божия мне покорится и исполнится,

все подо власть мою падет. Как Господь небо и землю и все, что есть видимая и невидимая единым словом и в шесть днеи вся сотвори, единою дланию и одержиши ю и о ком / (л. 13 об.) озираеши ю и все пред ним покорятся разно творится, тако бы и мне, рабу (имя) вся покорилась, исполнялось, действовала все в моей воле и желании видимое и невидимое. Будь во веки веков. Аминь. Тут будет моя слава и держава, как Божия и Сатаны сила и власть.

Пойдет горы сребром и златом, потекут реки сытой, польются моря премудростиюй и властьюй, оденуся счастием и благополучием, всего у меня наполнится, всего у меня будет доволно, славой прославлюся, чистьюй очистися, уму, мудрости, чудес наберуся, успех, счастия, талану, силы, действия исполнится, богадство, доволности бес числа пребудет, все меня возлюбют и возвеличают, на суде не осуждуся, нечем не побеждуся, бед и несчастий избавлюся, болезни и злости не прекачнутся, от погибелей спасуся, от чародея и нечистаго духа и злонаваждений ограждуся, всякое злое и недоброе отшатнется и не прикоснется, все на свети меня вострепещет, устрашится и убоится, падет длани моея. С Фартуной счасливуй обручуся, с судбой исполненнуй побратаюся, с богадством, довольством, успехом подружуся. Как Господь Бог свет, небу, и землю, и всю тварь, небу и землю скоро сотворил, нечего ему не отслушалось, все его воли покорилось, тако бы мне все скоро исполнилось, и корилось, и збылось. Что хочу, то и получу, все, все в мое воли бысть, все на свети мне корись, исполняйся и збывайся по моему думу, и желанию, и хотению от сего время, от сей минуты и по всю мою жизнь, вечно и бесконечно. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

Заговариваю сим заговором фартунное счастие, исполнение и во всем действие, сим заговором быть как писано и сказану сверху донизу, и что забыто и незнамо, невидему, неслыхано, всему быть по-моему, запираю пятми замками медными, пятми ключами сиребринами, кидаю ключи в окиян-море, под бел горюч камень Алатырь. Ети[1] ключи кит-рыба схватила, некто́ кит-рыбу не упоймает и ключей моих не возмет, так и мой / (л. 14) заговор не нарушит и меня не превозможет, меня не одолеит. Как создания Божия справедливо, так и мой заговор действосилен. Замки́ — мои руки, ключи — мои ум и разум, камень — я, раб; кит — вся моя сила, действо и власть надо всем всегда; море — мои слова и му<д>рость, остров — моя жизнь. Всегда, вечно и бесконечно, в мои веки верно, ненарушимо. Во имя

[1] Испр., в ркп.: *еки*.

Отца и Сына и Святаго Духа. Ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(Надеть колцо на золотой палец[1].) Обручаюсь я, раб Божий (имя), Фартуной ко всему на свети и мудростьюй и ко всему исполнятся действовать. (Водой на зоре утренняй умытся, не стерая и не смывая 3 дня, последняю воду вылить где не то, травы, хлеб, соль, капли с лица на гривиньник, 3 гривенныя свечи постоновить всем святым, бесплотным силам, деисусу, у каждой уторвать низу по кусочку, еще земли у церкви, где ноги оптерают, в воск закатай и все в ладонку, носи на себе на кресте, последния пять копеяк раздай поровну нищим и скажи:) Молите за счастие, действие и исполнение успех раба (имя) всегда, вечно и бесконечно. Аминь.

(л. 16) От порчи. На море на кияне, на острове на Буяне, на поли на поляни свитит месяц не на осинов пинь, а на человека, не в зелен лес, а на душу, не в широкой дол, а на избавление, не окол пня ходит, а в доме, не волк мохнатой, а человек во плоти и в тели булатном, не у него на зубах вись скот рогатой, а у дикаго волка, не в лес человек заходит, а в дом свой забродит и живет месяц, месяц золотыя рожки, расплав пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти стърах и жалость на звиря и человека и гады. Пошли помощ и избавления и из оборотня в рабу, из волка в человека, чтобы они белаго человека не брали, волчью бы шкуру с него сняли. Откуда взялась наслана, туда бы отдали, а раба сего назат в дом отослали. Слово мое крепко, крепче волхвы, фараонова порчи и злаго человека. Ключ – небо, земля – замок. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь.

Или: Рафаил, Рафаил, сокруши проклятою куллу, освети (имя), черныя, вороныя, голубыя, кария, белыя, красныя очи отпусти его от робу. Как была прежде, израсти его тело, како у юноши взрослаго, как цвет / (л. 16 об.) лазурев, оживи его долши правиднаго Ноя. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, изгони, изжени, очисти из раба Божия (имя) всякой гад насекомой и нечистоту, изнутри тело спаси, сохрани и помилуй. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь.

(л. 16 об.) От картежной игры. Возми колоду карт новою, дай игрущему сыграть игру и брос ты ее в могилу. Сказать:

[1] Явная описка; следует: *Надеть золотое кольцо на палец.*

Мать могила, ты принимаеш в сибя всякаго человека и все его затеи и занятии некогда не возвращаеш. Тако прими в сибя карты с его отхотуй и желанием, раба Божия (имя). Как вам, карты, сгнити, из могилы не выходити, тако и рабу Божию (имя) в карты некогда не игровати и на сие покушание и желание не имети. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь. Тако можно ото[1] всего отвись (*sic*!).

(л. 27об.) На Винеру. Режу я ноготъ на сем четвергов. Сбералися старцы да старици, редотовитыя молодици и красныя девици, вытирали ноготъ съпиленою, зиленою, нутренною, изнутри да в шелку на сырую землю. Как гусь без воды, тако бы раба (имя) без меня, раба (имя), не жить не быть, тошновала бы, и горевала бы, и с памяти не выпускала бы. Ключ в море, язык во рте. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь (3).

Или: Как на мне пот сохнит против жару, тако бы сия раба (имя) сохла обо мне и думала, не дня не ночи спокою не имела. Кто выпъет моего поту кровнаго, чтобы сей раб плакал и воздыхал обо мне душою и сердцем, жалел, как Божия Матерь плакала о сыне своем любезном, так чтобы и сей раб тужил обо мне, рабе Божии (имя), на пот.

Или: Шивда, вниза, каланда, миногама, иида, иида, якуталима, битама, нуффаша, знизама, охота, ми, копуцо, копуцом, копоцом, ябудалла, викгаза, мейда, ио, иа, поццо, ио, иа, випацо, зоокатамо, зоосцома, никам, никам, щолда, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пинцо, пинцо, пинцо, дынза, шо, но, пинцо, пинцо, дынзо, чоно, чиходам, викхаза, мейда, боцово, хондыремо, боцопо, големо, руа[2], хадорындо, галемо, ио, иа, о, ио, иа, цок, ио, иа, цок, непшуда, боалтамо, гилповека, шолдо, шоно, шоно, пинцо, пинцо, пинцо.

Или: Лягу я, раб Божий (имя), благословясь, встану я, раб Божий (имя), перекристясь, пойду я, раб Божий, из двири в двирь, из ворот и вороты, на широкою улицу. На широкой улици бегут 77 бесов. Закричу я, раб (имя) громким голосом: «Куда вы, бесы, бежите, куда летите?» Отвечают бесы: «На синем море песок пересыпать». А подите, взойдите в рабу (имя) и 77 жил потпятных, кров разожгите, тело распалите по рабе (имя), есть бы ей не заесть, пить ей не запить, гулять не загулять, спать не засыпать, рабу (имя) с мыслей не спускать (3). На пирекрески подмышкуй что (*sic*!).

---

[1] Испр., в ркп.: *от то* или *отто*.

[2] Возможно также чтение: *гуа*.

(л. 33) [Любовные заговоры. Верхняя часть листа утрачена. Без начала] <...> как народ Божей в церков Божию на поклонение и моление скоро с усердием и желанием собирается скоро, тако бы и раба Божия (имя) ко мне, рабу Божию (имя), всегда спешно и скоро приходила. Что я думаю и желаю, исполняла, некого не стыдилась, не боялась, всякой день, всяку ноч, всякой час, всякою минуту и секунту. И зажеч ее, то она сама скоро прибежит к тибе.

Или: Встану я, раб Божий (имя), перекристясь, пойду благословясь из двири в двирь, из ворот в вороты, в чистоя поля, в широкая раздолья. На моря на кияне, на острове на карване там есть камень ель, на том камне лежит таска таскучая, таска таску побивает, в огонь и полонья посылает. Не ходи ты, таска таскучая, в огонь и полонья, а поди ты в (такой-та) дом, вселися ты в рабу Божию (имя), в ея буйную голову, в глаза и в живот, в сердце и белое ея тело, в лихо сия печень, свяжи ты по рукам, и ногам, и по всем ея составом и костям, чтобы она, раба Божия (имя), обо мне, рабе Божии (имя), горевала бы и тосковала бы всякой час, всякою минуту и секунту, едою не заедала, питьем не запивала, гулбой не загуливала, сном не засыпала бы, всегда обо мне, рабе Божии (имя), воспоминала. Как билася и тосковала белая рыбица на желтых песках, так и ей, рабе Божии (имя) [конец текста утрачен].

(л. 34 об.) Животных ловить. Встаю я, раб Божий (имя), поутру рано, Богу помолюсь, во младом месяце умоюсь, частыми звездами осыплюсь, темным облаком облочусь. Пойду я из двери в дверь, во темныя леса, во чистыя поля, по мхам, по болотам, на киян-моря, на бел алатырь камень. На бел алатыри камни золотой престол, на золотом престоли Матерь Пресвятая Богородица сидит со своими апостолами.

(л. 35) На скоробег. На восток наклонь главу налево и бок игово (?). Ветер, ветер, унеси меня. Жопка, жопка, унеси мои ноги. Ношки, ношки, унеси мою жопку[1] и меня. Каспар, Мелканор, Мерхисардер, дай мне, Перун и Венера, свои скоролетящия крилье, дай мне крылатаго коня, унесите меня (туда), чтобы не могли меня во ста ног, во ста коней догнять и упоймать и не в какия орудия вредить и мое слово порушить. Аминь, аминь, аминь.

[1] Испр., в ркп.: *сопку*.

(л. 38 об.) На плоть. На море на кияне лежит камень алатырь, на камни стоит пристол, на престоли Христос раждается во плоти, растет и за нас грешных мучался, плоть спустиша, на небо вознисеся. И у раба Божия (имя) на всех рабиц Божиих похоть и ярость возжигайся, ярость ярися, похоть хотися, нестаниха стой и тверда будь, плоть спускайся. Како благодать Божия дается теплота, оттепляется огнь, возжигается всякое растение, оживляется, отрыгаются, израстают, дощь спускаятся, так бы и у сего раба Божия (имя) плоть спускалась, ярость воставала, похоть была, дети заченались и раждались пущи и лиши прежняго. Все порчи и Божия воли разрушаю, выше сказанному помогаю, по всю его жизнь, по вись его век от сего слова, от сего время до конца его жизни. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Или: Да воскреснет Бог. Святый Предотеча Господень Иоанн, дай помощ, избави и помоги от нестанихи, от бесплотия раба Божия (имя) во дни и ночи, на каждою годину от окаяннаго диавола, от злаго человека, от воли Господнии. Прошу тебя, Господа Бога нашего, за мя страдавшаго и претирпевшаго. На море на кияне, на острове на Буяне, на камне Алатыри стоит дуб[1], на етим дубу 77 суков, на каждом суку — 77 луков, сидит сам Господь Иисус Христос, Пречистая скорбящая Божия Матерь со ангелами, со архангелами, со всею небесною силою. Испускали стрелы, отгоняли, разрушали нестанихи, бесплотии, порчи и волныя от раба Божия (имя) денные, полуденные, ночные, полуночные, часовые, получасовые, ветренные, местые (*sic*!), нителные, саванные, на еде, на питие, на травах, на вещах, на огнях и всех распутиях и жилищах, строениях, собраниях. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(л. 68 об.) От крови. <...> Ты, тело, притворись в ретку кров, в сыру землю, жилы — в нитку, кости — в сыро древо, страх — в смелость, Господь на крест распяся, копием уязвися, не устрашися. Потече не кров, а вода. Ты, метал, претворися в воск, ты, кров, будь вода, скрось тело метал, пропускаю, телу и жилам вреда и боли не делаю, чувствия не даю, сам Господь Бог Иисус Христос сказал: Ехал старик стар, а ты, руда, не кань. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(72 об.) От свободы. Бог изгна[2] Адама и Евву из рая и Сатану с неба, грешников в рай не прияша, во ад грешника ото-

[1] Далее зачеркнуто: *на каждои*.
[2] Испр., в ркп.: *избна*.

слаша, тако же бы и сего раба Божия (имя) в приеми в рекруты не приняли. Как Богу греки не нравются и не любют, так бы и раб Божий (имя) в приеми не понравился и не полюбился, отослали его назат прочь. Как у дедушки нашего Адама и у бабушки нашей Евви уста не отверзаются, руки не поднимаются, ноги не двигаются, глаза не отворяются, тако же бы и на сего раба Божия (имя) у всякаго начальника, судьи, власти и властелина уста не отверзались, руки не поднимались, ноги не двигались, глаза не открывались, некакую его доброту не покусились, не прелстились и его не брали, а его бы назат отпустили. Архангел Михаил, грозный воевода, защети своим щитом раба Божия (имя) от рекрутского набора, в салдаты приема. Как Лот жену на поли остави, тако же бы и раба Божия (имя) не приняли, проч назат отослали, казался бы нечем не годен, не потходен. Прямое слово по его веки веков. Аминь.

От свободы. Как девица жиринку выбирает, так бы молотца (имя) в рекруты выберали. Как девица ширинку в пялицах распяливает, так бы молотца (имя) в меру[1] стоновили. Как девица ширинку вишивает, расматривает и расцвечает, так бы молотца (имя) в мери расматривали и роспрамляли. Как девица на ширинку в пялицах любуется и мила ей кажется, так бы на молотца (имя) все любовались и мил им казался. Как девица думает, куда ширинку[2] употребити, так и молотца (имя)[3] желают и думают приняти. Как девица ис пялицав совсем[4] ширинку вынимает, так и молотцу (такому) лоп кричат / (л. 73) совсем, в салдаты принимают. Как девица ширинку чистит и отправляет, так и молотца с кругу приводют, стригут и брят. Как девица ширинку уберает, так и молотца совсем в салдаты отводют жить, в служби царскуй служить, Богу да великому государю 25 лет приказовают. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. (На платок проговорить, по лбу им в мери махнут[5], отдадут.)

Или: Как девица ширинку не выбирает, так бы молотца (имя) не брали. Как девица в пялицах ширинку не распяливает, так бы молотца (имя) в меру на круг не ставили, не раздевали[6]. Как девица ширинку вышивает, не разматривает, так бы

[1] Надписано сверху: *роздевают*.
[2] Испр., в ркп.: *ширику*.
[3] Надписано сверху.
[4] Надписано сверху.
[5] Возможно чтение: *махну и*.
[6] Надписано сверху.

молотца (имя) в приеми не расматривали. Как девицы ширинка в пялицах не люба[1] и не мила ей не кажится, не по нараву, так бы молодец (имя)[2] в приеме не люб, не мил, не казался, не по нраву всем был. Как девица ширинку и пялицав хочит бросит, так молотца (имя)[3] ис приему хочут все назат выпустити. Как девица ширинку недошиту ис пялицав вынимает, не очищает, так и молотцу (имя) кричат и бреют[4] затылок. Как девица ширинку бросает, ее не уберает некогда, некуда ее не употребляет, так и молотца з затылком вон ис полаты выгоняют, опять в другой раз не приводют и некогда во веки веков негде в салдаты не пренимают, лоб не забревают, затылок потчищают, вон из меры, ис приему на волю раба (имя) отпускают, в доме своем родительском жить повилевают, каждой раз каждой набор. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. (На платке проговорить, в мери по затылку махнуть, не отдадут.)

(л. 74) От непохоти. Похоть, ярость, востань, воружись и укрепись. Как камень алатырь крепок, как древо ковчега не гниюща, на море на кияне лежит камень алатырь крепок, так бы и туру стояти крепку, некогда не упадати, как огнь геенской ясно горит жарко, тако будь у раба (имя) михирь крепок и ярость плотская великая и все вы, порчи, будьти не в порчи бессилия в силу и крепостъ притворись. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(76 об.) От напатку. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, благослови. Встаю я, перекристясь, поюду я (имя), благословясь, из двири в двирь, из ворот в вороты, выйду я в чистое поля, в широкое раздолья на моря на киян, на остров на Буян. Богу помолюсь, на все четыры стороны поклонюсь, на небо святое воззрю, вижу я самое на престоли Пресвятую[5] Богородицу, благословляет и заграждает. Благослови меня, матушка Пресвятая Богородица, Иисус Христос, ангели-хранители, благословите меня на всякое начатие, на всякое желание, на всякое дело и во все стороны итътить. Пойду я из улици в улицу, из людий в люди, навстречу мне, рабу Божию (имя), светлое Христово Воскресение с веруй, любвей,

[1] Испр., в ркп.: *не лю*.
[2] Надписано сверху.
[3] Надписано сверху.
[4] Испр., в ркп. неясно: *брет*, *брит*, *брат*?
[5] Возможно также чтение: *Пречистую*.

надеждуй. Возмилуйся я, раб Божий, светлому Христову Воскресению, обрадуй ты меня, Господи, на сей день Господень, как возрадовались, и возлюбили, и возмиловали тебя все князья, и бояра чинныя, и простыя люди, и вся птица поднебесная, и весь свет, и народ христианской, и весь суд, и збор праведной, так бы возрадовались, возлюбили и возмиловали меня, раба Божия (имя), князья и бояра, чинныя люди, вся птица поднибесная, и вись свет, и народ христианской, и вись суд, и збор праведной, и на меня некто не нападали, правдуй и неправдуй не обижали, худа, зла и лиха заочно и в лицо некто не думали, и не мыслели, и не делали. Грубнаго и противнаго некакаго слова обиднаго при мне и заочно не сказали в доме и дворе, на улици и на дороги, в зборе и на суде, некаким судом и словом не могли бы осудити и обвинити, некакими казнями наказовати, некакими словами поносити, нечто худа и недобра не могли мне, рабу (имя), сотворити, а все бы на мою сторону по моему желанию, и хотению, и по моей воли / (л. 77) творили, исполняли. И во всех моих правах и неправах меня прощали, честь и славу мне воздавали и меня любили, жалели, миловали и почитали, како меня кто увидели, все бы возрадовались и возвеселились. Как возрадуются и возвисилятся Христа-Бога Матери Пресвятой Богородици, ангелов и архангелов, Господних мучеников Христовых и святых Божеих, воскресния Христова, праздников святых, так бы и меня, раба Божия (имя), возрадовались, возлюбили и возжалели, возмиловали и почитали и во всем мою волю и хотение исполнили, во всем свети белом в деревнях, селах, городах, губернях, в людях, мирах, в собраниях, в судах, в словах и книгах, в разговорах и мыслях, на ходбе и на стоянии, на сидении, на дели, все бы на мою сторону держали, за меня стояли, что я хочу и желаю, исполнили все бы. Не могли на меня насмотрется и не назрится, все бы меня ради были, с радостью и с честию, с почтением меня звали, визде меня с покорностью, с унеженностю принимали и не могли бы со мною ростатся, без меня бы все тосковали и горевали, плакали[1], рыдали, как Адам и Евва о рае, как Богородица о Христе, или что потиряли[2], или аки[3] беды бо великой на сибя ожидали. Казался бы я, раб Божий (имя), всей подсиленной, всякому человеку, мужскому и женскому полу дражае и милее в стократ злата и зребра, камения драгоценнаго, дня белаго, солнышка краснаго, и пищи, и петия. Все бы по мне, по рабе

[1] Испр., в ркп.: *какали.*
[2] Испр., в ркп.: *потирли.*
[3] Надписано над строкой.

(имя), все бы любили, почитали, миловали, жалели и с честию принимали меня, раба (имя), все бы в мою волю, желание, хотение исполняли, мне, рабу (имя), быть по-моему и в моей воли каждой день, каждой час, каждою минуту и секунту. Буди мое слово крепко, крепче камня алатыря и булата. Аминь, аминь, аминь.

(л. 77 об.) От жребия. На море на кияне, на острове на Буяне лежит на самом дне камень алатырь, этот камень некогда на вирх не выходит и некто его на вирх не поднимает, так бы и мой, раба Божия (имя), жербий последняй нумер всегда мне приходился и доставался. Как Исаву не достался жребия, вместо его другой брат получил, так бы и мне, рабу (имя), жребия не досталось, вместо меня другому попался. Как Сатане Бог не даде жребия, свергнул в бездну, тако бы и мне чреду не было, жребия не досталось, попался бы мне жребие да самой последняй сотенной нумер. Как Господь грешника не принимает, ему не нравится, к Сатане его отсылает, так бы и я, раб (имя), при жербеметании чинным и простым людям не нравился, и казался бы я им негодным, и меня бы не брали, а отослали назат вон, в дом мой отослали. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(л. 77 об.) Развратить. Взять земли ис-пот пяты дверныя и говоря: На море на кияне, на острове на Буяне лежит камень алатырь, на камни алатыри стоит дом, у того дома двирь, коса некогда не притворяется, так бы и рабы (имя) друг от друга разлучились, некогда не сходились, не дружились, друг на друга коса смотрили, как двирь скрипит, так бы и рабы (имя), когда сойдутся, друг на друга сирдились. Как бык на навозною кучу быченится, так бы и они друг на друга быченились и ненавидели. Как змия на человека сипит и проч бежит, так бы и рабы (имя) друг на друга сипели и врозь бежали. Как царь Давыд, иной Саламон, от жен отстал, их не мо/(л. 78) г видить, некогда с ними не сходился, в том Богу роскаелся, так бы и сей раб Божий (имя) от рабы (имя) и от всех рабов разных отстал, и не мог бы их видить, и с ними сойтится, раскаелся бы, отставил и позабыл все, некогда опять не прельщался и на сие не покушался. (Псалом) Помилуй мя, Боже. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 78) На карты. Иродовы дети, род и племя, отци и матери, сестры и братья, тетки, и дяди, и прадеды, и деды. Все вы,

белые, красные, белые[1], покоритесь и повенитесь мне. Все мне счастие отдайте и поручите, как вы покорялись и повиновались дочерям Иродовым на брачном пиру во почетном столу. Тако же и у меня, раба (имя), быть по моей воли и желанию, линии и счастю, выиграшу, со всеми рабами играть и мне всех обыграть и все, что у них есть, выиграть, нечего не оставлять, все мне получать, каждой раз, каждыя сутки, день и ноч, каждой час, каждою минуту, от сего слова по все веки веков. Аминь.

Или: На море на кияне, на острове на Буяне, на камни бел алатири стоит дуб, под етим дубом стоят святыи отци Кузма и Дамиан и 4 евангелиста. Мимо их идут дочери Иродовы, несут карты-колоды. И спросиша их святыя отцы и 4 евангелиста: «Что за жены, и куда идете, и что нисете?» Они отвещаша им: «Мы дочери Иродовы, нисем карт колоды на обогрыш и выигрыш к рабу (имя[2])». И посла их святыя отцы и 4 евангелиста: «Подити вы, дочери Иродовы, к рабу (имя), снисити ему карт колоды, помогити и пособити ему, рабу (имя), играть, всех людей во всяком мести обыгровать. Дайти ему помогу и подмогу, счастие и линию выигровать и отыгровать у всех, все денги и всякии вещи, кто бы где бы с ним ни играл[3], все бы раб (имя) скоро сийчас выиграл, каждой раз, каждыя сутки, день и ноч, каждой час, каждою минуту и секунту, ненарушимо, вечно и бесконечно и вся бысть исполнишася, как свирху донизу сказано и приказано, нечто неизменимо и мое не проиграно». Вся бысть в моих руках и очах, линия и счастия от сего слова по все мои веки веков. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(л. 85) От разбою. Избави сам Господь Иисус Христос, Матерь Божия Пречесная Богородица, и вся небесная сила, и все святыи, Илия Пророк, Кузма и Дамиан, Егорий Победоносец, Михаил-архангел, 4 евангелиста, Воскресения Христово, Егорьев день, жилезныя ноги, дубовая кров, крылатои бег. Иссылаю все скорби и болезни, бури и веру под ноги от раба Божия (имя), укрепляю жилезныя ноги, дубову кров, крылатыя беги, крепши стали и булата, здравие небеснаго и земнаго ключа, как ветры и молонья, и сонца шипко летает, корабль плавает, так бы раб (имя) бойко и шипка бегал, нечтó не чувствовал, не уставал. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

[1] Может быть, ошибочно вместо *черные*?
[2] Испр., в ркп.: *им*.
[3] Испр., в ркп.: *ниграл*.

(л. 86) На счастия получить. Да есть всириель, забдиель, саксемиель, тесниемь, теориель, асмаель, небиель, набаель, патиель, ремафись, ариель, ланиель, амаель, адониель, жермиель, пасаель, садаель, моризиель, флориель, зороастр, гермес, эрат, габалис, аппон. Да сотворися, да исполнися во всякое время, на всяком мести мне, рабу (имя). Небо и земля сотворися, вся утвердися да утверди и случися сие слово всякой день, всякою минуту, всегда, ныне, присно и во веки веком. Аминь.

(л. 86 об.) От порчи смертной. Господи Иисусе Христе, сыне Боже, помилуй раба Божия (имя) и ты помоги, Отче преблагий, сыне пресвятый, душе святый, Троица святая, неразделимый Боже, избави раба своего (имя). На море кияне, на острове Буяне, на том и на сем свети белом стоят четыре столба на мести безводном и безземном, на тех четырех столбах сидит сам Господь Господей, Бог Богов, Саваов вседержитель Иисус Христос, с братом своим Сатаной, с Матерью своей Пресвятой Богородицей, со ангелами и со архангелами, со всею бесплотною силою, со пророками, со апостолами, с праведными со мучениками и со всеми святыми. Они творили небу и землю, воды и огни, растения и животных, человека и слова. Господь сотворил добро, а Сатана – зло, Господь сотворил молитвы, а Сатана – чары, бес сотворил волхвование и порчи, а Господь – избавление, бес сотворил смерть, а Господь – живот и здравие. Господь Сатану спрашивал и упрашивал, ему повелевал: «Зачем ты, Сатана, враг проклятой, многих людей портить, колдовать, волхвовать и чаровать научаеш, им помогаеш и им портить и вред творить на смерть и болезнь неизлечимо и неизгонимо[1] твориш?» Отдай[2], пришли рабу Божию (имя) здравие и жизнь с сего часа долговечною, возми из раба сего твоего беса и сею болезнь назат к себе, вытень[3] из огню от себя, все-все здравие и жизнь. А естли не послушаеш моих грозных, страшных, силних Иисусовых[4] Господних слов, разговорных и отговорных, и всякое зло, и волхвование разрушных, то свергну тебя, проклятаго беса, Сатану, колдуна, чародея, со всеми нечистыми духами и душами в бездну преисподнею, в тартарары, и тамо тебе я сам, Господь Бог Иисус Христос, не дам негде места и покою, сойдет со всею небесною силою и со

[1] Испр., в ркп.: *неигонимо.*

[2] Испр., в ркп. перед словом *отдай* стоит буква *р.*

[3] Может быть, *вытяни?*

[4] Чтение предположительное; в ркп., может быть, *Иисусо?*

всеми тыми, двири адския[1] разрушу, все ключи и заговоры, которыми раб Божий (имя) заколдован, заговорен и заперт на время и на смерть возму, самаго Сатану свяжу, всю волю и власть от него отниму и другия все ключи и замки заговорены и заколдованы из воды, ис-под земли, из огню поломя до / (л. 87) ют и повилевают строго и скоро собератся, казатся и открыватся всем различным невидимкам и тайностям различным. Как духи невидимыя с единаго слова пред Сатаной и все покоряются, тако невидимки разныя с единаго слова предо мной, рабом, круг меня остановитесь, во всем мне покоритесь, что хочу, то и творю. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 90) Чрез плечу видить[2]. Открой и покажи сам Господь Иисус Христос, не я сам, а сам Господь Иисус Христос и я на месте его, горе Синойской стою и чрез плечи[3] свои все тайное и невидемое открою и покажи, покажи, Господи, открой, Господи. Как Адаму чрез плечо свое все показал и открыл все на свети тайное и явное, прошедшее и будущее во всех странах. Ступаю я на горé Господне и стою я, раб (имя), на месте святе, подо мною солнце, надо мною месяц, круг меня звезды и вся земля и вода, зъзади — вся тайность открытая, всякой раб Божий, Адамов сын на стопы мои ступает, чрез плеча мои с правой все тайности добрыя открыто, явно видит, нечего не закрыто, не утаенно, все явно и видно. Открой, Господи, покажи, Господи, своею силою, своею мудростию, моем показанием и открытием. Как Адаму-пророку, так всякому человеку нечегó не утаится, не закрытся, не застенится свирху, и снизу, и со всех сторон, Божие и бесовское, что есть тайно и явно, каждыя сутки, каждой раз во всякое время, вечно и бесконечно, а раб (имя), с<ы>н Божии, а сии рабы, дети Адамовы, так открой и покаже все чрез мои обеи плечи. Всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь. (Встать на правою ногу чрез правое плечо или на левою ногу чрез левое плечо посмотрить, все ув<идит>[4].)

(л. 92 об.) Остановить ч<е>л<о>века. Останавливает и заклинает власть и сила небесная. Остановись недвижимо раб (имя), как Лотова жена, как ковчег на горах, как мертвец во

[1] Сверху надписано: *во ад.*
[2] Испр., в ркп.: *вилилить.*
[3] Испр., в ркп.: *плесни,*
[4] В ркп. слово внизу листа не дописано.

гробу, как статуй в капищи. Будь у раба (имя) жилезныя ноги, булатныя руки, сталное тело, каменныя составы, крименныя кости, дубовоя кров, земелной дух. Вись омертвей, остолбиней, как столп булатной, статуй чугунной, с места не трогайся, не двигайся, остановись, не шевелись, некогда не сходи по мое слово, по мое отпущение. Будь заклят и окаменен сим словом. Во имя Отца аминь, и Сына аминь, и Святаго Духа аминь.

(л. 93) Разрушить заклепы. Расторгнем узы их и отвержем от нас иго их, упасеши я жезлом жилезным и яко сосуды скуделнеи сокруши. Да воскреснет Бог и растачатся врази его. Яко исчезает дым, тако да разрушится всякой метал и древо от руки моея. Яко тает воск от лица огня, тако да расыплится все оковы и замки. Яко пред лицем моим разрушится, и яко ветр все разлитится, егда Христос воста из гроба. Все заклепы и двери атския разруши и я, раб (имя), разрушаю все заклепы, оковы и замки. Сила Божия велика, слово мое силно, вся разрушая и ломая, нечто против сего не устоя не в век не веков. Господь силен и крепок, Господь силен во брани. Возмите врата, князи, ваша, возмитеся врата вечная и внидет Царь Славы. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 97) От порчи и колотья. Возми громовую стрелу или образ, крест найденой, погружай его в воду и скачивай с него, говоря: «Силою честнаго и животворящаго креста и молитвами святых исцели. Избави мя, Господи, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ныне, присно и во веки веков. Аминь».

(л. 97 об.) На извоз. Господи, благослови, Пресвятая Богородица, благослови, вся небесная сила, благослови, и все святыи, благословите меня, раба Божия (имя), на все 4 стороны, во все разныя места счастливо ехать и все возить. Пошлите и наградите меня, раба Божия (имя), счастиям, линеюй / (л. 98) и успехом всем, чтобы мне беспрестанно без застою ездить и возить всегда бы, каждой час, каждою минуту, во всякое время, на каждом мести, мне работа, и воз, и езда была не пермежилась. Огради меня любвей, желанием, охотуй и почетом неизглаголанным, чтобы меня, раба (имя), все чел<о>веки любили и почитали, как сами сибя, так меня, и повоску, и лошадь мою все бы, стар и мал, богатой и бедной, чинной и простой, и всяк человек, что где есть ко мне набивался, всяк садился, всяк со мной ехать желал, не в чем не рядился и не торговался. Что я

запрошу, то бы и давал, нечего не жалел, а лишняя бы сам прибавлял и меня берег, и угощал, и отбою бы не было от сидоков и работы некакой. Как галки и вороны и всякая птица на пищу литит, так бы народ всякой ко мне садился и работы давал. Как народ в церков Божию собирается, так бы и ко мне все визде собирались. Как ангели, архангели, херувимы, и серафимы, и вся сила небесная, и все святыи к престолу Господню сходются, тако бы и ко мне все народи сходились, садились и работы давали много. Как[1] мертвой из гробу не востает, из могилы не виходит, тако бы и от меня[2] всякой народ не отходили, и не отговаривались, и г другому не садились, и работы не давали. Как у Господа всего много и все в его воли и послушании, тако будь у меня, раба Божия (имя), всего много: езды, выезды, возбы, денег, счастия, линий, успеху. И все в моей воли и послушании, каждой день, каждою нощ, каждой час, минуту и секунту, каждое время, на каждом мести, во все мои веки, успех, счасливо, благополучно, здорово и цело я и лошадь моя, збруя, сидок и товар его и все, что есть и случится, мое и чужее. Буде имя Господне и благословение отныне и до века. Буде милость твоя на все сутки и годины Господни. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 100 об.) От остуды. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй рабов Божиих (имя), что добро коль красно во еже жити рабам Божиим (имя) въкупе и сугласии, дружно и неразлучно во веки веков. Как душа с телом всегда неразлучно, тако бы быти рабам Божиим (имя), жить и быть дружно, советно, неразлучно, но согласно. Сам Господь, Троица святая, соедени, содружи в согласии рабов Божиих (имя) вкупе, спаси, сохрани и помилуй их от колдуна и колдуници, от всякаго злого человека, от нечистаго духа, от всех остуд и несогласий и зла, от встрешнаго и попирешнаго, от посреднаго и случайнаго. Господь всякаго ч<е>л<о>века любя, Богородица всех любя, и раб (имя) с рабой (имя) любились, согласились, Троица Святая, Сын в Отце и Отец в Сыне неразлучно, тако бы раб Божий (имя) с рабой Божий (имя) за едино, дружно, воедино, советно, неразлучно. / (л. 101) Рабы Божии венчаются, обручаются мирностию и верностию, дружелюбием, согласием соединяются. Злой человек, враг, нечистой дух, сам от сибя, от сама-

[1] Испр., в ркп. слово *как* повторено дважды.
[2] Испр., в ркп.: *беня*.

го Господа и Святых его отвратись. Отиди, всякая остуда, нелюбов, несугласие, немирность, зло, брань, гульба, недружесть, въсякое худо и недобро. Будьти, рабы Божии, въмести, заедино, в одно, как Адамово ребро, создание Божие, плоть едина. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 101) От порчи[1]. Речет и разрешает Сатана, нечистой дух, всем бесам бес, всей нечистой сили сила. Речет, разрешает, прощает сам колдун, всем колдунам колдун, всем волхвам волхва, всем чародеям чародей, всем обаянникам обаянник, всем злам зло, которо испортил, пошутил, посмиялся, наворожил, наколдовал, посадил, напустил, сие сотворил, тот сам речет, прощает, разрешает, разрушает, стонет и вопиет. Проклятая порча, порча муская, порча женская, порча бесовская, порча Божия, порча своя, порча чужая, порча колдовская, порча волшебная, порча чародейская, порча обаянная, порча простая, порча мудреная, порча на воде, порча на огне, порча на[2] / (л. 102) земле, порча на воздухе, порча на еде, порча на питие, порча на всем разном, порча разным образом, порча во всякое время, порча на всяком мести, порча слапкая, порча крепкая, порча излечимая, порча неизлечимая, порча смертная, порча временная, порча слехкая, порча чажолая, порча недужная, порча скорбная [текст обрывается].

(л. 101 об.) От нестанихи. На море на кияне, на острови на Буяне лежит бел камень, горюч алатырь, на етим камне алатыри стоит дуб, на етим дубу 33 сука, на каждом суку 33 птици с жилезными носами[3], с вострыми, прямыми, крепкими ногтями, посреди всех сидит бык, всем быкам бык, у него рок крепок и прям, всем рогам рок. Вы, птици, отдайти свои носы, жилезны ногти, прямыя и вострыя, рабу (имя). Ты, бык, отдай свой рог, всем рогам рог, рабу (имя) на ярость, на похоть, на плоть, на истицания, на востания, на силу, на действие рабу Божию (имя), на всех рабов Божиих, на женской пол, на всю потсиленною и на вись свет, быть его уду туру, как жилезо, как кость, как бычей рог, порчи исчезноти, природы отпасти, болезни уйтити, притки погибнути, нестанихи не бывати, а ему

[1] Обе части текста перечеркнуты накрест.

[2] Продолжение текста отделено от его начальной части. Между ними, на л. 101 об. и в верхней части л. 102, помещены два заговора, писаные другими, более темными, чернилами.

[3] Испр., в ркп.: *носа*.

всегда воставати и действовати силнея и пуще стократ прежняго и во веки веков нерушимо.

(л. 102) От порчи. Речет и разрешает, *возвращает[1] сам Сатана, нечистой дух, всем нечистым духам дух, всем бесам бес, всем всей нечистой сили сила, речет, разрешает и прощает сам[2], всем колдунам колдун, всем волхвам волхва, всем чародеям чародей, всем обаяном обаян, всем злам зло, *и дока[3], речет и разрешает и прощает сама колдунья, всем колдуньям колдунья, всем ворожиям ворожия, всем чародейкам чародейка, всем волхвам волхва, всем докам дока, всем видмам видмя и злая жена, которой испортил, погубил, пошутил, посмиялся, наворожил, околдовал, всадил, наслал, сие зло сотворил рабу Божию (имя), тот сам чем казделал (*sic!*), тем обратно назат поворот речет, прощает, разрешает и разрушает, стонет и вопиет, назат к сибе возвращает. Проклятая порча, порча муская, порча от Бога, порча от сибя, порча чужая, порча колдовская, порча волшебная, порча чародейская, порча обаянная, порча молитвенная, порча святынная(?), порча кудесническая, порча словная, порча симпатическая, порча стиховная, порча бесноватая, порча скорбная, порча недужная, порча болезненная, порча убожная, порча немощная, порча хворобная, порча несчастная и неуспешная, порча остудная, порча распутная, порча умилная, / (л. 102 об.) порча обстоянная и т. д.

(л. 103) От плоти истицания. На море на кияне, на острове на Буяне стоит дуб, не наг не одет. На етим дубу 77 суков, на каждом суку 77 игол, сидит сам Иисус Христос со всею небесною бесплотною силою, со пророками и апостолами. Они *иглами[4] зашивали, истечи заговаривали плоти схождения многоскорое, малакеи от порчи, от похоти, от ярости, от натуги, от крови[5] и от всего, остонавливали, укрепляли, отвращали, избавляли. Господи, помилуй 15. Враг Сатана, откачнись! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ныне, присно и во веки веков. Аминь (3).

(л. 103 об.) От остуды. Господи, милостиве буде мне, грешному, создавый мя и помилуй мя бес числа. Согреших, Гос-

[1] Надписано сверху.
[2] Далее зачеркнуто: *колдун и колдунья*.
[3] Надписано сверху.
[4] Надписано сверху.
[5] Дальше надписано сверху: *от рук*.

поди, помилуй, помилуй и прости мя, грешнаго, недостойнаго, помилуй мя. Ты, Господи Боже наш, Иисусе Христе, силен и властен на небеси и на земли, вся сотворити и помощ подати всякому человеку во всем и от всякаго зла и худа избавити. Пред тобою[1], Господи, вся на небеси и на земли трепещит[2] и боится и вся тебе повинуется. Ты едином / (л. 104) словом во многове[3] ока сверг Сатану со всею силою вражию с небеси, единым словом небу и землю, человека и всю тварь сотворил шестью деньми и от Девы Марии воплотися, родися, на кресте пострада и тем крестом, и молитвою всю силу вражею на земле сокруши, и все волшебныя козни разрушил и человеку власть свою даде своим именем крестным, знамениям врага побеждати козни и зло разруша. А ты, Господи, будешь рабу Божию (имя) избавление и помощ воздавати и его спасати, да буде сему рабу (имя) помощ твоя и рука твоя на добрыя прежния дела его. Спаси, Господи, и помилуй раба Божия (имя) от колдуна и колдуници, от волхва и волхвици, от чародея и чародеицы, от мущины и женщины, от доки и видмы, от всякаго злаго человека, и от врага сапостата, и от нечистаго духа, и от своей страсти, от встрешнаго и попирешнаго, от посреднаго и гоняющаго, от всякаго зла и козни, от завидующаго и ненависти, и всякой погибели и несчастия. Отгонь, Господи, и отжени, Господи, всякаго нечистаго духа, врага, сапостата и злаго человека от раба Божия (имя), от его семейства, от роду и племени, из дому, и от дому, и[4] от всех его производств, и от всех его дел и промыслов добрых, чем он занимается. Избави и свободи его, раба Божия (имя), от всякой[5] остуды, стужичи, от луки, разлуки, тоски и растройки, убытку и несчастия, от гону и от тягу, порчи и зла, пьянства, гулбы и раи неведомаго, что есть тем зло зделанаго. Спаси и помилуй, Господи, пошли ему, рабу Божию (имя), скорою свою небесною благодать Святаго Духа, велие счастие, успех, линию, богатство во всякое время, во всем его занятии, во всю его жизнь, ненарушемо, неперемежно, седмидесять сем седмерицею крат щасливие и силнее прежняго. Как текут реки со морями от началу века и состановочно по Божиему благословению, тако тыпъ (*sic*!) у раба Божия с сего время, с сего часу и минуты теч в / (л. 104 об.)

[1] Испр., в ркп.: *тобобою*.
[2] Испр., в ркп.: *трепещищит*.
[3] Может быпъ, *мановение*?
[4] Далее написано и взято в скобки: *от того*.
[5] Далее надписано сверху: *развpату*.

его промысле, производстве[1] богадству, счастию, успеху и линии. Укрепи, Господи, утверди, Боже, обрати, Боже, раба Божия (имя) на доброе дело, на истейною путь, на прежние его житье и радение. Да постыдися сего худа и погибели, откройся ему очи внимания и разумения, обратися и прилипися к своему к прежнему добру, к дому и промыслу, отстань, укрепись от сего худаго зла, отстав и забуть сие недоброе и злое, пагубное, несчастное, всеведомое и неведомое, яко днесь несть у тебя, раб Божий (имя), негде его теперь. Ты не раб Сатанин, вражей и злобнаго человека несчастия, а раб *стал[2] Господа Бога Иисуса Христа, Сына Божия, Пресвятой Богородицы, милости Божий велия счастия, линий и успеха и позна свет истенный. Как Троица и душа и тела не разлучается, друг от друга не отходют и друг без друга не могут быть, так бы и сей раб Божий (имя) от дому, от двора, от домашних и от того не мог отлучится, не мог некогда пробыть без своей должности. Как душа в тели, Господь на небе, свет во свети, во своем мести, где им до́лжно пребывают, тако бы и рабу Божию (имя) во своей должности, где ему до́лжно пребывать всегда. Как Бог о добре, праведник о Боге всегда помнит, не соблазняет и не йде на худыя дела, тако бы и рабу Божию (имя) всегда мыслеть, желать и старатся, о своем дели и промысли не забывать и некуды на худыя дела сии не ходить, не соблазнится, не покусится. Как Господь укрепил небу и землю нерушимо, тако же утвердится и укрепится, не растроится рабу Божию (имя). Тресвятое. Отче. Да воскреснет. Как Бога Господа некто не может искусить, испортить и он не соблазнится, он крепок, тверд, тако он и раба[3] сего Божия (имя) не может искусить, испортить, соблазнить, прельстить и привлеч, не на что он не согласитъся, не восхощет, он крепок, тверд. Враг, враг, зло несчастное вражия, откачнись, отыди проч.[4]

(л. 105 об.) От нестанихи. Господи, Иисусе Христе, Сыне Боже, избави раба Божия (имя) от его скорби. Отец, и Сын, и Святый Дух, пречистая Владычица Богородица, Троица Святая, воскресной день, избавти раба и ты, батюшка Нифонт, Киприан, Иоан Креститель и ты, матушка Иустиния, и Варвара великомученица, помогите рабу (имя). Бабушка Соло-

[1] Далее написано и взято в скобки: *в там*.

[2] Надписано сверху.

[3] Испр., в ркп.: *рабра*.

[4] Неясно, оканчивается ли здесь заговор. Следующий лист, по-видимому, утрачен.

монида Христа повивала, узлы развязовала, жилы распрямовала и растяговала, ярость давала, в действие и силу претворяла, Симеону повилевала. Господи Боже, Пречистая владычица, Богородица явленная, скорбящая помощница, святыи угодники Божии Нифонт, Киприян, Иоанн Креститель, Кузьма и Дамиян, святая Иустиния и Варвара мученица, помогите, избавте раба Божия (имя) от порчи, скорби и шутки, жилы растянити и распрямите, ярость и плоть вложити, владение и действие вложити. Как махает и действует жиробец на кобылу, бык на корову, баран на овцу, питух на курицу, так бы раб Божий (имя) на всяку рабицу имрацу. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь, аминь, аминь.

(л. 108 об.) От нестанихи. Взять ис трех колодизей воды ключевой, вина краснова ливанскова в чистою посудину.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. (Дунуть крестообразно, снизу положить ла́дону и воды.) Царю Небесный. Тресвятое. Отче наш. Яко твое. Господи, помилуй раба (имя). Придите, поклонимся. Помилуй мя, Боже (псалом 50). Богородице Дево 6. Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его, от земли до небеси. Как царь Давыд был кроток и тверд, так был бы раб Божий (имя) и раба Божия (имя). (1 — Михаилу, 1 — Антипию заклинателною.)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. На мори на кияне лежит алатырь камень, не тронетца, так (имя) раба и рабыню (имя) не мог бы некто испортить отныне и до века. Аминь.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Собирается раб Божий (имя) на Божий суд и на Божию сходку, запирается раб Божий (имя) замками златыми, ключами, вынимает златые ключи, брасает на небеса, чтобы на Божием суде и на Божией сходке, чтобы 77 языков молчали, чтобы едокой раб (имя) все бы делали и говорили.

Святый Боже, святый крепки, святый бесмертны, помилуй раба (имя). (Зж дунуть крестообразно.) Крест креститель, крест хранитель, крест церковная красота, крест Божия похвала, сохрани и помилуй раба Божия (имя) своим животворящим крестом, очисти, обмой своею святою водою. Царица водица, прекрасная девица, / (л. 109) очисти, обмой раба Божия (имя), буйную голову его, и тело, и жилы его, и кости его, и суставы его. Сохрани и помилуй раба Божия (имя), святый Боже, святый крепки, святый бесмертны, помилуй раба (имя). (Обвиди

около столба *3 по сонцу[1] и выпить 3 раза в день, воду брать по воде.)

(л. 111) От слепоты. Встал я, раб Божий, перекристясь, пошел я, благословясь, на желтой луг, умылся я солнцевой росой, утерся я чистым небом, посмотрю я на восточною сторону. С восточной стороны литят 4 ветра буйныя. Куды вы, ветры, летити, куды несетит, облака с неба згонять? Куды вы, ветры, летите, вы за киян[2]-моря, землю[3] райскою, к самому царю сонци красной, принесите от сонца краснаго мне, рабу (имя), свет глазам белой и ясной, згонити с глас все темноты в темное черное море, все заволоки на облака серыя, все бельмы на тучи черныя, все болезни на пни и колоды, на болотныя места. Там им / (л. 111 об.) вечно быть, а у раба сего (имя) глаза зорки, ясны, светлы и здравы, как у сонца, быть от сего время и до конца его жизни неизменны. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(л. 111 об.) От нестанихи. Возми краснаго или белаго петуха, подреж гребень над вином стакана, чтобы капли крови в вино капали и говори: «Каков петух на курицу, таков бы молодец на девицу» (3ж). И дать выпеть. После болному пролесть скрозь женския ноги взат и впирет 3ж.

(л. 113) Сохранение. Встану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду я, раб Божий (имя), перекрестясь изызбы в двири, со двора – в вороты, с улицы – на все четыри стороны. Посмотрю я, погляжу на все четыре стороны, посмотрю я, погляжу на всех четырех сторонах 4 евангелиста, на восходе – Мать Пречистая Богородица всепетая, на западе – Спас всемилостивой, Господь Иисус Христос, на юге – Иоанн Креститель, на сивери – Михаил-архангел, на всем свети – вся бесплотная нибесная сила и вись лик, собор святых мужие и жен. Они замаливают, спасают и сохраняют меня, раба Божия, от всего, от всего худа, и недобра, и злаго, и болезненнаго, ставют круг меня, раба Божия, каменныя стены, столбы булатныя, тын жилезной в землю на три попрещи и от земли до неба, затворяют вратами медными[4], застелают полом сталным, покрывают[5] облаками, обводют огненными реками, замыкают замками

[1] Надписано над строкой.
[2] Испр., в ркп.: *тиян*.
[3] Испр., в ркп.: *земмлю*.
[4] Испр., в ркп.: *медным*.
[5] Испр., в ркп.: *покрываю*.

крепкими, ключи относют[1] к самому Христу, горнему и небесному, поставляют стражей, неусыпных херувимов и серафимов и ангела-хранителя, вернаго попечителя, с пламенным страшным оружием. / (л. 113 об.) Избавляюсь, спасаюсь, охраняюсь, защищаюсь, збирегаюсь и милуюсь я, раб Божий (имя), от всякаго недуга и полунедуга, от всякой притки и полупритки, от всякаго спаху и полуспаху, от всякаго пострелу и полупострелу, от всякой спешки и полуспешки, от всякой порчи и полупорчи, от всякаго злаго нашествия и полунашествия, от всякаго злаго, болезненнаго и мороваго поветрия и полуповетрия, от всякаго зглазу, уроков, огласов, оговоров и призорков, от всех страхов, и испугов, и от всех скорбей, немочей и болезней, от всех зол, бед, несчастий, смиртей, погибелей и обстояний, от всех добрых и злых, от колдуна и колдуници, от волхвуна и волхвуници, от чародея и чародеици, от видмака и видмы, от знахаря и знахарици, от дока и докици, от чернеца и черници, от простаго и злаго, от духа нечистаго, от домоваго и лесоваго, от полеваго и водянаго, от стрешнаго и дорожнаго, от суду и судьи немилосливаго, от соборища лютскаго, на всяком суду и збори, от скота, от звиря, от гада и птици, и от всякой животной, от время и места злаго, от часа и минуты несчастнаго и от всех зол, бед и несчастий. Сохрани, и спаси, и помилуй меня, раба Божия (имя), от всего нежелаемаго на свети от земли до неба, от востока до запада, от юга до сивира во всякое время на всяком мести спящаго, лежащаго, сидящаго, стоящаго, на всяком пути ходящаго и ездящаго. Отныне, и до века, и до гробовой доски быти мне целу и невредну. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Всегда и ныне, присно и во веки веков. Аминь, аминь, аминь.

(л. 114) От воспаления и горячки. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. На мори на кияне, на острове на Буяне стоит изба, холодная холодница, в той избе – студена ледяница. Взошел я, раб Божий (имя), в тое избу, холодною холедницу, студену ледяницу. Обмылся и напился, свирху и внутри охолодился раб Божий (имя) от великаго и всякаго внутреннаго и наружнаго воспаления, огню и жару простудился, великой огонь, жар и воспаление и горячесть простудил, огнь онтонов и летучей выгнал, теплоту естественною оставил, от смерти, и скорби, и болезни избавился, здрав и невредим зделался. Огнь ты, жар, где ты был, туда опяти и поди от раба

[1] Испр., в ркп.: *относю*.

прочь по все его веки вечныя и ненарушимыя. Слово мое ладно[1], и тепло, и верно. Аминь.

(л. 114 об.) От безумия. Встану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду я, перекристясь, из двири в двири, ис ворот в вороты. Выйду я в чистое поле, на росу утреннюю, умоюсь я небесной росой, / (л. 115) утрусь я красным солнцем, на все 4 стороны помолюсь, пойду я на море-окиян. На море-окияне стоит церков Климента папы Римского четырехвратная, четыреглавная, сами двири растворяются, сами главы отверзаются, во тех главах четыреглавных вся премудрость Божия ходит по белу свету. Не ходи ты, премудрость Божия, по белу свету, а поди ты к рабу Божию (имя) и вселися в раба Божия (имя), в главу и во вись нутр, избави раба (имя) от всякаго безумия, сумашествия, помешания, испугу, мозгу рушения, беспамятства, зачитования, забывания, отшибения, и беснования, *и дурости[2], и скорби, и болезни. Стань в нем как месяц в неби, ум и разум, память и разум, память и мудрость. Укрепи его, Господи, како скрепил свет в шесть дней, избави, Господи, како избавил царя Давида от беззакония, как царь Соломон был разумен, тако бы раб Божий (имя) был умен по вись век, по всю его жизн. Слово его крепко.

(л. 117) От поветрия. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Встану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду я, оградясь, пойду в чистое поле на все дороги и перепутья, посмотрю я на восход краснаго солнышка. Не на небе, не на зе/ (л. 117 об.) мле, а во всем аерном воздухе, в красном солнушки стоит Мать Пресвятая Богородица с Господом со Иисусом Христом, с Николаем-чудотворцем, с Михайлом-архангелом, раздиляют аер, отсылают скорби от всего мира, от всякаго скота, птици и животной, приходят на помощ, на велику подмогу ко рабам Божиим (имя), и я на помощ. Избави, Господи, рабов Божиих (имя) от всякаго мору, пиревалу, язвы моровой, хвори, немощи, чумы, холеры, тлетворных аерных воздух, падежу, мнимоумерия, нездравия и всех смертей, наслания скорбей и болезней, нашествий и Божиих наказаний, от весенних и летних, осенних и зимних, от врага[3] и сопостата, от самаго Господа Иисуса Христа. Отошли[4], Господи, *устонови[5], избави, Госпо-

[1] Может быть, *хладно*.
[2] Надписано сверху.
[3] Испр., в ркп.: *рага*.
[4] Испр., в ркп.: *от тошли*.
[5] Надписано сверху.

ди, сохрани и помилуй рабов Божиих (имя) целыми и невредными, здравыми и жывыми от сего время на долгия их веки, по всю их жизнь. Всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь.

(л. 120) От невладения. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Встану я, раб Божий (имя), перекрестясь, пойду я, раб Божий, благословясь, из дома в двирь, из двора в вороты, в чистое поле, в зиленыя луга, на перекресь в 4 дороги, пот красное солнышка, под светлой месяц, под частыя звезды, под тихия воды, под благословение Господне, под утренние росы. Утреннею порою умоюся, небом чистым утруся, на все 4 стороны Богу помолюся, благословением Господним благословлюся, светлым месяцем опояшуся, частыми звездами отычуся, красным солнышком покроюся. Выйду я на море на киян, на остров Буян. На море на кияне, на острове на Буяне лежит бел камень *горюч[1] алатырь, на бел камне горючем алатари стоит соборная и апостольская церковь, в той соборной и апостольской церкви собирается вся сила небесная, все пророки и апостоли, все чудотворцы и святыи мужие и жены, сама Мать Пресвятая Богородица, Михаил-архангел, Илия-Пророк, Кузма и Демъян, Николай-чудотворец, Егорей-Победоносец, Димитрей Ростовский, 12 апостолов и 4 евангелиста. <...>

(л. 121) От летающаго змия к жине. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Встану я, раба Божия, перекристяся, пойду я, раба Божия, благословясь, из дому в дверь, из двора в вороты. Благослови меня, Господи Иисусе Христе, избави мя, Господи, не хитростию, не мудростию, но твоею страшною и великою силою. На море на кияне, на острове на Буяне, на бел алатари камне, на белом животе, на храбром коне сидит Георгей Победоносец и Михаил-архангел, побеждают змия лютаго, который летал в дом поедать и пожирать людей и скот, избавил девицу царскою и весь град от съедения. Избави и оттони, Господи, от жены, рабы Божий (имя), змия летающаго, деннаго и полуденнаго, нощнаго и полунощнаго, утренняго и вечарняго, часоваго и временнаго, и силу нечисту, зло и пакости, и духа нечистаго, от всех дум и помыслов, видений и мечтаний, действий и воли, устрой и утверди, Господи, ум и разум и огради, Господи, рабу Божию (имя) своим крестом животворящим от всех зол и пакостей[2], от нечистаго

[1] Надписано сверху.
[2] Испр., в ркп.: *и па и пакрстей*.

духа, чтобы некогда не летал, не ходил, не прекачнулся, и не прешатнулся, и не был. Спаси, сохрани и помилуй святыми молитвами, от сего время, от сего часу, от сей минуты и по всю ея жизнь и по вись ея век. Змий, враг, сапостат, отшатнись от рабы Божий (имя), полети ты на свое старое жилище, в озеро Содом и Гомор, тамо и буде заклят вечно и бесконечно во веки веков. Аминь.

(л. 124 об.) От нестанихи. Встану я, раб Божий, перекристясь, пойду я, раб Божий, благословясь, из двири в дверь, из ворот в вороты на восточною сторону. На восточной стороне стоит кузнеца, в етой кузнеци 77 горнов, у каждого горна 77 кузнецов, они у раба Божия раскаливают, разжигают, растяговаю<т> и распрямливают детородный уд в 77 молотов, 77-пудовым весе[1], 77 жил с полужилами, стоновыя, яростныя и похотныя, туровы и еровыя и все разныя закаливают и отделовают в 77 горнах раскаленых на ярость, на похоть, на плоть, на действие, на схождение, на заход, на плод и на все нужное, нагревают и справляют и великою ярость, крепость, стояние и силу предают, в действие и исполнение ставют и направляют, скорби, порчи, шутки и бездействии отсылают. Откуда пришло, туда и поди, от чего стало, от сего отстань, проч от раба Божия (имя), а тур буть прям, как палка, стань, как рог[2], крепок будь как жилезо, действуй как бык на сто коров, так раб сей (имя) на сто рабынь всяких, каждой раз по вись век. Как царь Давыд и сын его Соломон, так раб на всех рабынь, верно и твердо, силно и браво, ненарушемо и действително, от сего часа, от сей минуты, от сего слова по вись его век и по всю его жизнь во младости и до старости, и до самой смерти во веки веков. Аминь (3).

(л. 132 об.) От притки и порчи. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Лек я, раб Божий (имя), помолился, встал перекрестился, вышел я, раб Божий (имя), из двири в двери, из ворот воротами. Погляжу я, раб Божий (имя), на правой руке, на восточной стороне есть синей лук и белой лук, из синева лука три стрелы вылетали, из раба Божия (имя) притку, порчу, килу и нестаниху выгоняли. И ныне и присно (3).

(Взять соли, масла коровъе и конопляннова, положи в непочатой стакан и особо вина мешай и наговаривай, по́сли за 3 раза лижи и маж, а вино пий.)

[1] Испр., в ркп.: *въсе*.
[2] Испр., в ркп.: *рого*.

(л. 132 об.) На союз. Один бо стар в стули, он бо те дела знает и совершает, и составляет двух за единое тело, имеит он двоих подданных Данилку и Вавилку, посылает их. Подите, сходите ко рабе Божий (имя), тоску и кручину вложите в рабу Божия (имя) [далее текст утрачен: низ листа отрезан].

Публикацию подготовил А. Л. Топорков

А. Л. Топорков

СКАЗКА ПРО БОГА ПОСВИСТАЧА

В «Черниговских губернских ведомостях» за 1855 год была опубликована небезынтересная «Сказка про бога Посвыстача». Она начинается с прозаического рассказа о людях-гигантах, которые жили в старину: «Да то сказано, що люде си велькіє булы, зовсим не те, що мы Христыяне; у йих и бога якось инак звалы, – кажуть *Посвы́стач* єкись»[1]. Был у этих людей старший князь, и задумал он жениться, чтобы было кого после себя на царстве оставить. Собрал князь старейшин на совет. (На этом прозаическая часть текста кончается и начинается стихотворная.) Старики посоветовали князю «корабли стругать» да выезжать на сине море и добыть за морем красную княгиню. Так князь и порешил: повелел он строить новые корабли и снаряжать старые, усадил в них войско и приказал поставить кадки меду. Стал князь одеваться, а «вирныє слуги його на майданах громадытьця, / Да свойму богу *Посвы́стачу* молытьця, / Щоб въун йим годыну дав, / Та моря не турбовав». При приближении к христианским землям князем начали овладевать недобрые предчувствия, однако «старые головы» стали его успокаивать, еще бы ведь «воны свого бога *Посвыстача* прохалы моря не турбоваты». Когда корабли доплыли до христианского берега, произошло такое неординарное событие:

...Став чорны орел над морем литать,
А литавши, став въун голосом казать:
«*Пхе, Руська кость пахне!*»

Христиане вышли на берег моря и стали просить своего Бога разогнать ветром вражеские корабли или потопить их. Так и

[1] *Шишацкий-Илличъ А.* О памятниках местной народности // Черниговские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. № 16. С. 133–136. Имя бога Посвистача здесь и далее выделено курсивом А. В. Шишацким-Илличем.

случилось: христианский Бог поднял бурю, море разбушевалось и разбросало корабли. И тогда князь промолвил своим слугам:

«Эй вы, слуги мойи вирныйи!
Не єсть се бог наш *Посвыстач* бог настоящи,
Що въун своєйи буры не втыши́в,
Да наши корабли и такъуй сыли потопыв;
Десь наш бог *Посвыстач* спав,
Чи в *Мако́ши* гуляв...»

Из этого происшествия князь сделал вывод, что единственный настоящий бог — это Бог христианский. Он направил свои оставшиеся корабли на родину, а там вновь собрал «старых людей» и велел им снарядить посланцев в христианскую землю, «Щоб воны там виру займалы / Да Христыяньского Бога и соби Богом зазналы». По случаю отбытия послов был устроен пир... И на этом, к сожалению, песня обрывается.

Исполнительницей ее была, если верить публикатору, 85-летняя старуха Гуйдыха, проживавшая в селе Красиловке Козелецкого уезда Черниговской губернии (нетрудно догадаться, что ко времени появления публикации Гуйдыха уже отошла в лучший мир и не могла бы ни подтвердить аутентичность думы про Посвистача, ни ее опровергнуть).

За текстом «сказки» (или «думы») следовало обширное ученое разъяснение публикатора. Последний между прочим отмечал, что «содержание этого рассказа очевидно наводит на происшествия, случившиеся с киевскими Князьями в период их язычества».

Публикация завершается довольно обширными примечаниями. В них указаны основные издания украинских дум первой половины XIX века, разъясняется, что такое украинская дума, и комментируются отдельные слова, упомянутые в тексте (*даха, чересло, чаймы*). Отметим забавную деталь: большинство примечаний подписаны «автором», а некоторые — «редактором», причем в одном случае (по поводу слова *даха*) начало примечания принадлежит «редактору», а далее его ученые комментарии развивает «автор». Между тем и автор публикации, и редактор «Черниговских губернских ведомостей» — одно и то же лицо: фольклорист и поэт Александр Васильевич Шишацкий-Иллич (1828–1859). Таким образом, диалог между автором публикации и редактором газеты — это внутренний диалог между разными «я» самого А. В. Шишацкого-Иллича!

Итак, если верить публикатору (он же собиратель, он же комментатор и он же первый исследователь), то ему удалось в середине XIX века зафиксировать народно-поэтическое про-

изведение о событиях почти 1000-летней давности, предшествовавших принятию христианства. Хотя автор и не высказывает своих предположений о том, как заканчивалась дума первоначально, в этом можно видеть элемент литературной игры: читатель легко догадывается, что посланцы со старшим князем во главе вернулись уже христианами или во всяком случае в христианской земле их убедили принять новую веру и отречься от язычества. Природа текста неверно понята самой исполнительницей (это «дума», то есть повествование об истинных событиях, а вовсе не «сказка»). Автор дважды подчеркивает, что дума «проясняет правду истории», заключает в себе «не фантазию <...> а самый факт <...> на который смотрит <...> целый народ в одной нераздельной мысли, в одном нераздельном взгляде».

В следующем году дума была напечатана во второй раз — в книге П. А. Кулиша «Записки о Южной Руси». В предисловии к публикации П. А. Кулиш выразил восхищение этим замечательным произведением народного духа и сравнил А. В. Шишацкого-Иллича с А. И. Мусиным-Пушкиным, благодаря заботе которого сохранилось для потомства «Слово о полку Игореве»[1]. П. А. Кулиш высказал также убеждение в том, что дума «современна самому событию, в ней воспетому, и только с течением времени утратила местами старинные формы речи»[2].

Однако на этом победоносное шествие «бога Посвистача» по славянским землям и окончилось. В рецензиях на книгу П. А. Кулиша, написанных такими опытными филологами и историками, как Н. И. Костомаров и А. Н. Пыпин, дума развенчивалась как произведение новейшего времени. Так, например, Н. И. Костомаров отмечал, что дума современна по языку, «в ней нет ничего древнего, кроме описываемого события и языческих имен»[3]. Н. И. Костомаров высказал и гипотезу о том, как могло появиться на свет такое сочинение: «Разве не мог какой-нибудь казак или попович, учившийся в киевской коллегии, скомпоновать виршами думу о событии, о котором он узнал в школе, и внести туда имя Посвиста или Посвистача, заимствовав его из Синопсиса <...> разве не могла она распространиться в известном околотке, переходить от письменных к неписьменным и дойти до Гуйдихи в измененном виде <...>»[4]. Впрочем, мы думаем, что сочинителем думы был не безвестный попович и никакая Гуйдыха не «верзякала»

[1] Записки о Южной Руси / Издал П. Кулиш. СПб., 1856. Т. 1. С. 171.
[2] Там же. С. 179.
[3] Отечественные записки. 1857. Т. 112. № 6. Отд. 2. С. 57.
[4] Там же.

А. В. Шишацкому-Илличу про языческого князя, а сам он помог «целому народу» вспомнить его «нераздельную мысль».

Дело в том, что А. В. Шишацкий-Иллич был не только собирателем фольклора и редактором «Черниговских губернских ведомостей», но и поэтом, автором двух стихотворных книг. Несомненно, что сочинить такой текст не составило бы для него особого труда. Вероятность того, что дума про поход языческого князя на христианскую землю действительно бытовала в народной среде, весьма мала; во всяком случае такой сюжет никогда впоследствии не фиксировался фольклористами. Наконец, в самой публикации слишком многое указывает на желание «замести следы» и не только сообщить фольклорный текст, но и навязать читателю определенное его понимание: дума записана от глубокой старухи, которая уже скончалась ко времени публикации; произведению приписывается чрезвычайная важность как историческому источнику; часть текста утрачена, но не настолько, чтобы нельзя было догадаться, о чем пойдет речь в утраченной части. Сведения о славянских богах, изложенные в думе, полностью соответствуют уровню знаний самого комментатора текста и весьма далеки от реальных данных о древнерусском языческом пантеоне: бога Посвистача древняя Русь вообще не знала; Мокошь упоминается в «Повести временных лет» среди идолов языческого пантеона князя Владимира, однако нет никаких аргументов за то, что это была богиня (и тем более бог) тишины и покоя.

В 1874 году известные украинские историки В. Б. Антонович и М. П. Драгоманов издали обширное собрание украинских дум; в предисловии к книге им пришлось объяснять, почему они не включили в нее думу про Посвистача, как, впрочем, и десятки других поддельных дум. Исследователи задумались и о том, какими мотивами руководствовались фальсификаторы: «Кроме какого-то странного инстинкта к фальсификации, переделывать и подделывать песни и думы малорусские заставляли своеобразный патриотизм, русский и польский, стремление показать в народных песнях следы памяти о глубокой древности,— что заметно в подделке думы *о походе князя-язычника в Византию...*»[1].

Впрочем, и до сих пор в ученых трудах можно прочитать о том, что «память о Мокоше на Украине сохранялась до середины XIX века».[2] Дело А. В. Шишацкого-Иллича живет и побеждает.

---

[1] Исторические песни малорусского народа с объяснениями В. Антоновича и М. Драгоманова. Киев, 1874. Т. 1. С. XIX.

[2] Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 169.

А. В. Шишацкий-Иллич

О ПАМЯТНИКАХ МЕСТНОЙ НАРОДНОСТИ

Еще не так давно стали у нас обращать внимание на нашу народность, как богатый, почти нетронутый и неразобранный элемент для обогащения Русского языка вообще, и для изучения духа и понятий народа, особенно в Южной России. Не нужно говорить того, как это все важно и интересно для каждого Русского, понимающего это дело; но оно в десять раз важнее и интереснее еще для Науки. История России когда-нибудь скажет *спасибо* за подобные памятники народности, каковы бы эти памятники ни были и какой бы стороны народа они ни касались.

Многие уже, в продолжение нескольких годов, почти исключительно обращали свое внимание на этот предмет; много они принесли пользы Науке — то собранием *народных песен* и *дум*[1], то *пословиц* и *поговорок*[2], то записываньем слово в слово из уст народа *рассказов* и *преданий*[3], то наконец довольно отчетливым, как видно старательным, указанием местных *народных говоров* и *выражений*[4]; но до сих пор мало, или даже почти нисколько, не обращали внимания еще на одну сторону Южно-Русской народности: это наши Малороссийские сказки. В этих сказках живо, ясно выливается дух народа; его понятия, часто доходящие до наивности детства; особенные, не чужие взгля-

[1] Опыт собрания старинных Малороссийских песней. Князя *Н. А. Цертелева*. СПб., 1819 г.; Малороссийские песни *М. А. Максимовича*. 1827. Запорожская старина. MD-MDCXL-MDCCIX. Изд. И. И. Срезневского. Харьков, 1833–1838 г. Две части в 6 книжках. Украинске народные песни. *М. А. Максимовича*. 1834 г. Малороссейские и Червонорусские песни и думы. *П. А. Лукашевича*. СПб., 1836 г. Сборник Украинских песен, издаваемый *М. Максимовичем*. Ч. I. Киев, 1849 г. Народные Южно-Русские песни. *Амвросия Метлинского*. Киев, 1854 г.

[2] Черниг. Губ. Вед. за 1853 и 1854 гг.

[3] Черниг. Губ. Вед. за 1852, 1853 и 1854 гг.

[4] Черниг. Губ. Вед. за 1851, 1852, 1853 и 1854 гг.

ды на предметы; оригинальность повествования и самых вымыслов; и в этих-то сказках особенно отражается суеверная сторона народа, напитанная предрассудками, уродливою прелестью идей и олицетворений.

Жаль, что в настоящее время немногие желают понимать важность труда, — от записыванья памятников Русской народности, хотя и имеют у себя средства больше или меньше быть полезными для Науки. Мало того, что в этих памятниках часто проясняется правда исторических фактов; но еще изучается народный язык: его часто не приметные, не уловимые обороты, и от них веет какою-то необъяснимою прелестью простоты, от которых Русскому языку придется на долю богатеть много и много.

В пример возьмем две сказки, записанные мною в Козелецком уезде в селе Красиловке.

Первая из них, по форме повествования и по самому предмету, касающемуся древней Славянской мифологии, отчасти может быть отнесена к сказкам; но по складу, разделенному на неравные бесстопные стихи, ее можно назвать *Украинскою думою*[1]. Кроме того, самое содержание этого памятника нашей народности более проясняет правду истории, чем представляет чудесное, свойственное сказке.

Начало этой сказки, или правильнее *думы*, часто сказочное и по произволу приставлено уже рассказчицею или же кем-нибудь другим; самая же дума, как видно, много в чем переделана, имеет пропуски и недоговорки; но вообще она все-таки сохранила характер и свойство *Украинской думы*.

---

[1] Украинская дума есть особенность Малороссийской народной поэзии, не свойственная никакой другой народности. Такая дума имеет свой особенный характер, свою особенную форму в изложении, заключает в себе не фантазию или же мысли об известных исторических или семейственно-житейских фактах, не существующих во времени, а самый факт, которым увлекается и на который смотрит не одно лицо, как это бывает у нас при оригинальных сочинениях (особенно исторических поэмах), а целый народ в одной нераздельной мысли, в одном нераздельном взгляде, — и эта-то народная мысль, этот народный взгляд и есть *украинская дума*. Она передается *бандуристом* в неправильных стихах, сложенных из неравного числа тонических стоп; не поется и не говорится прямо, а рассказывается речитативом, как будто нараспев и непременно под аккомпаниман — *бандуры*, *кобзы* или же *лиры*. Ее нельзя назвать *сказкою*, — потому что по предмету не заключает в себе ничего чудесного; нельзя назвать и обыкновенным *историческим преданием*, — потому что *украинская дума* имеет особенную форму в изложении и особенность при пересказывании ее другим.

Прим. автора.

СКАЗКА ПРО БОГА ПОСВЫСТАЧА[1]

Старыє люде кажуть, що колысь булы люде зовсим не таки, єк тепереньки; булы, кажуть, и велыкіє та гонкіє так, що одна нога, примирно сказать, нам по плече досягала, а в наших хатáх тепереньки йим и жить бы не по мири. Сказано, пора од поры усе малятця. – Колысь, кажуть, – Бог то його знає, уже колы се буде, – зростуть таки люде, єк у нас мурашкú, да тогди уже, поговорують, и конець свиту буде. Бачь, кажуть старыє люде, да Бог-то його знає, видкуля воны сеє уже знають, – чи то йим уже такеньки прадиды росказалы, чи инак як, Господь йих знає!.. Як-то воно буде таке, що люде так изживутця, що єк комашкú ти стануть! – Аже ж то, єк подывúтьця на тепершнього чоловика, дак ище лыбонь не швидко таке мале переробытця, и свит ище замись довго стоять буде. Не нам, бачь, дождать сього, хиба вже диты наши, чи внуки, або й дали!..

Да то сказано, що люде си велыкіє булы, зовсим не те, що мы Христыяне; у йих и бога якось úнак звали, – кажуть *Посвы́стач* єкись. Въун, кажуть-то, установляв годыну усюды, а бъульше ничого и не знав; об другъум чъум другіє зналы и порядок свъуй давалы...

Так-то було колысь, про що вам стара *Гýйдыха*[2] верзякає... (*При этом рассказчица улыбнулась.*) Сказано: *старому брехать – не ципом махать*...

Ото, кажуть, – слухайте ж, бо се вже справедна казка починаєтца! – у сих великих людей старшій єкись був Князь, да задумав въун женытьця, щоб по соби було кого на царстви зоставить. Став сей Князь людей свойих ззывать. Зыйшлыся уси старыє, розумны головы, що совит давалы свойму Князю; въун йим и каже:

«Оце, слуги мойи вирные!
Нам треба знать,
Кого посля мене на царство зоставить,
Щоб вами,
Розумными головами,
Добре-предобре править,
Часом моєйи смерти, щоб вы зналы,
Кого царьовать поставить».

---

[1] Вероятно, *Посвист, Похвист* или *Позвизд* – Славянский бог погоды. *Прим. Ред.*

[2] Фамилия рассказчицы, теперь уже покойницы. Этой старухе, в то время, когда она мне диктовала эту думу, было около 85 лет. *Прим. авт.*

От, йому и кажуть:
«Ще ты, наш старшій Князю, наша голова народна,
Ще ты сам можеш добры совит дать
И свойим розумом помирковать,
А колы дозволыш, дак мы тоби от-що скажем...
Не прикажи нас казныть и рубать,
А позволь нам тоби красную княгиню достать;
Позволь корабели стругать,
Да на сынє море выєзджать».
Тут старшій Князь усмихнувся...
Повелив корабли знаряжать
И новы будовать;
А в корабли въуйско насажувать
И кадки́ меду уставлять,
Щоб було ш чим по синьому морю гулять,
Да красную княгиню затримать
И шановать.
Єк зобралы ж, да збудовалы корабли,
Тогди став Князь у волосянё да́ху[1] одягатьця

[1] Даха или *даху* – по-Монгольски, а *даха* – в Иркутской и Томской губ. – род шубы шерстью наружу. («Матерьялы для сравнительного и объяснительного словаря», изд. имп. Акад. наук, стр. 195).

В Малороссии же под названием *даха* разумели и носили не «*род шубы шерстью наружу*», а другое какое-то одеяние, совсем не похожее на шубу – ни по своей форме, ни по образу ношения. Это был какой-то плащ, впрочем, кажется, довольно тяжелый, и исключительно для щегольства. В отрывке одной старинной песни, записанной мною в с. Чемере Козелецкого у. говорится так об этой дахе:

Обув ноги не в реминь, не в реминь,
Не в постоли, хочь покинь, хочь покинь,
А в чобо́ты из сапяну, из сапяну, –
Шиты через все шовками кругом стану;
Одяг плечи не в жупан, не в жупан, –
Надив *даху*, – став єк пан, став єк пан...
Вовна зверху так и має, так и має,
Ззаду ко́бень* так и грає, так и грає,
А рукава да широкіе-широки, –
Задасть молод всякъуй дивонци мороки...

На мой вопрос у певца этой песни: «Что такое даха?» – он мне ответил: «Хутряна звирьова свыта, тъульки вовною до верху, се-б-то неначе, кожух, да тъульки дуже коротка, кажуть, була ся одежина, аж вышше вколишок; иззаду наче кобеняк, а рукава широки, да так и маялысь по витру, а на руки невдягалысь... Я, бачь, небачив йийи, а кажуть так».

* Ко́бень, *ко́бка* – капюшон, сзади довольно длинный и широкий, без талии, свиты темного цвета, которая, в таком случае, называется *кобеняк*, – вероятно, от Турецкого: *кепенях*. На Кавказе горцы кобку или кобень называют: *башлык*.

Прим. Ред.

Да золотым чересломˡ пудпеpя́зуватьця,
Сталы вирныє слуги його на майданах громадытьця,
Да свойму богу *Посвы́стачу* молытьця,
Щоб въун йим годыну дав,
Та моря не турбовав.
Сталы за сим воны збиратьця
Да корабели свойи у море выпускать;
Сталы корабели свойи чаймы[2] пудымать;
Єк стадо лебедюв воны од берега одплывалы,
По сыньому морю єк бджолы снова́лы,
Що аж море собою, неначе хмарами тыми,
Крыйма-укрывалы.
Йиде Князь старшій з свойим въуйском по круглому морю
До земли Христыянскойи,
Щоб там у-ляк свойими кораблями усих постановиты
И соби красную княгиню в замужжє достаты.
Єк сталы воны до Христыяньскойи земли дойизджаты,
Стало старшого Князя удале серце недобре зачуваты,
И каже въун свойим радным слугам:
«Эй вы слуги мойи,
Раты вирныйи!
Щось моя душа недобре чує:
Що ни сон не йде, ни хлиба иззисты,
Ни воды испыты, –
Колы б нам часом оттут свойих душ не положиты».
Тогди стары головы сталы Князя резоныты,
Що на сыньому морю йим ничого боятысь:
Бачь, воны свого бога *Посвыстача* прохалы моря не турбоваты.
Єк тъульки ж до берега Христыяньского воны сталы
доплывать, –
Став чорны орел над морем литать,
А литавши, став въун голосом казать:
«*Пхе, Руська кость пахне!*»
Став народ Христыяньски до моря зыходытьця
Да Бога свого прохать,
Щоб въун корабели вражески витром розогнав,
Чи водою потопыв.

---

[1] **Чересло́** или *че́рес* – пояс из двух полос кожи, шириною до $1^1/_2$ вершка; застегивается пряжкою; посредине, с наружной стороны, имеет поперечный прорез, который закрывается клапаном и застегивается металлическою пуговицею. Через этот прорез обыкновенно вкладываются внутрь деньги, – и, таким образом, че́рес служит и поясом, и хранилищем денег.

Авт.

[2] **Чаймы** – должно быть, мачты; а может быть, и вообще снасти корабля.

Став Бог Христыяньски буру пудныматы,
Да круглеє сынє море из свого ложа вывертаты,
Тогди корабли по морю без ладу гулялы,
Чаймы йих витром ломало,
Та по води роскидало;
Стало въуйско Князя старшого у мори потопать,
Став тогди старшій Князь свойим радным слугам казать:
«Эй вы, слуги мойи вирныйи!
Не єсть се бог наш *Посвыстач* бог настоящи,
Що въун сьоєйи буры не втыши́в,
Да наши корабли в такъуй сыли потопыв;
Десь наш бог *Посвыстач* спав,
Чи в *Мако́ши*[1] гуляв...
Єсть-то Бог настоящи –
Бог Христыяньски».
Тогди старши Князь корабли свойи останни завертав,
Да назад одплывав.
Єк прійихав Князь старши у свою невирную землю,
Став въун совит старых людей ззыватъ,
Та збиратъ,
Та в Христыяньску землю посылать,
Щоб воны там виру займалы
Да Христыяньского Бога и соби Богом зазналы.
Довго стары головы мовчалы,
Одны свого старшого Князя од сьоєйи думки одверталы,
Другіє самы соби нарекалы,
А трейти сталы старшого князя важить,
Щоб швидче човны бударажитъ,
Да у Христыяньску землю одплыватъ...
Сталы воны выєзджать,
Сталы тогди уси пир пировать,
Да крипким медом дорогу полыватъ.
Не день и не два воны так гулялы,
Покуль аж посланци з старшим Князем назад поверталысь,
У дудки гралы
И в брязкъуты брязчалы...

Я там була,
Мед-вино пыла,

[1] Макоша – Славянский бог тишины.

Ред.

По бороди текло,
Да в роти не було;
З барылечка горилочка буль, буль,
А нашим ворогам сим дуль.

Прочитавши эту *казку*, как называла ее рассказчица, поневоле видишь, что в ней чего-то недоговорено. Факт не совсем цел и дает повод думать, что он или забыт рассказчицею, или же в таком виде передан ей, как и сама она утверждала, завершив его непременным в сказках присловьем.

Могло случиться, что бандуристы давно оставили петь и рассказывать эту *думу*, потому что сильнее были заняты обстоятельствами новейшими, как-то, распевая думы про Наливайка, Барабаша, Хмельницкого и других, когда Малороссия много страдала и много чувствовала.

Этому же памятнику нашей народности кто-нибудь выучился у давнего бандуриста, провел его чрез несколько уст, почему он много потерял и от переделок и от пропусков, — особенно в неясных понятиях старух-рассказчиц, в памяти которых этот памятник обращался.

Желательно б знать результат поездки упоминаемых в рассказе *посланцов* в Христианскую землю; но этого-то и недоговорено в нем, без чего рассказ заметно кажется нецелым.

Содержание этого рассказа очевидно наводит на происшествия, случившиеся с Киевскими Князьями в период их язычества. Если взять во внимание каждое обстоятельство, то поневоле веришь этому, хотя хронология рассказа немного и ошибочна. Самое название начальника — *старший князь*, его образ речи с подданными, большое количество кораблей (Славянских лодок во времена Владимира Святого); название моря *круглым*; буря близ берегов Христианских; намерение найти для Князя княгиню в невесту; черный орел над морем, с словами: *пхе, Руська кость пахне* и *зазнаваньe* Бога Христианского, — указывают на Русское Княжество и Греческую землю, откуда мы заняли Православие. Кроме того, бог *Посвыстач*, вероятно, есть Славянский бог ветров *Посвист*, а *Макоша* — бог *Макош*, кажется, бог покоя и тишины: только названия эти более или менее переделаны в устах народа.

Нельзя не согласиться, что этот рассказ есть редкий памятник нашей народности и по своей древности, и по своему интересу.

(*Окончание впредь*)

Советский эпос 30-х–40-х годов

Т. Г. Иванова

О ФОЛЬКЛОРНОЙ И ПСЕВДОФОЛЬКЛОРНОЙ ПРИРОДЕ СОВЕТСКОГО ЭПОСА

В разговоре о фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса, созданного в тридцатые и, отчасти, в сороковые годы XX столетия, нам хотелось бы прежде всего акцентировать внимание на нескольких предварительных тезисах.

Первое. Безусловно, послеоктябрьская эпоха не только ускорила неизбежные процессы отмирания большинства классических жанров русского фольклора (былина, баллада, плач, традиционная лирическая песня, сказка и т. д.), но и породила (или выдвинула на первый план) множество новых жанров, которые и стали определяющими для устно-поэтической традиции нашего народа в XX веке (политический анекдот, блатная песня, страшилки и садистские стишки в детской среде и т. д.). Поэтому наука, без сомнения, правомочна пользоваться формулировкой «фольклор советской эпохи».

Второе. Фольклор советской эпохи – и это надо четко осознавать – был как антисоветский (политические анекдоты о партийных вождях, различного рода религиозноокрашенные легенды, песни ГУЛАГа, антибольшевистские и антиколхозные частушки), так и просоветский. Разделение русского народа после Октябрьского переворота на «красных» и «белых» – это неоспоримый исторический факт; и разделение это выражалось не только в военном противостоянии, но и в фольклорном размежевании. В белом стане пели:

Ой, яблочко,
Катись пáрами;
Будем рыбу кормить
Комиссарами!

В красном лагере рождался следующий ответ:

Пароход идет,
А дым кольцами;

Будем рыбку кормить
Добровольцами![1]

В настоящее время, когда стало дозволено изучать антисоветские настроения, выраженные в устной поэзии, существует угроза «правого» крена – объявить все произведения просоветского характера фальшивками, подделками и вывести их за пределы фольклорного пространства. На самом деле, подчеркнем еще раз, существовал значительный пласт просоветского фольклора. Наряду с частушкой и песенным лирическим фольклором в просоветсконастроенной среде складывались и произведения нарративного, то есть эпического, характера.

Русскому мужику на разных этапах исторического развития страны было свойственно мифологизировать фигуру одного из представителей верхов. Так рождался образ царевича-избавителя, с которым связывались надежды на волю и землю. На роль избавителя выдвигались порой весьма не подходящие, с рациональной точки зрения, личности: Петр III, Павел I, великий князь Константин Павлович[2]. После Октября 1917 года чаяния определенной части российских мужиков связывались с фигурой Ленина. Фольклоризировались многие эпизоды его биографии, настойчиво доносившиеся печатью до самых широких масс трудящихся; мифологизировалась сама личность вождя революции, она обрастала мотивами, имеющими глубокие архетипические корни. У нас не вызывает, например, сомнений устная (и не только устная, но и фольклорная) природа следующего рассказа, слышанного Б. В. Шергиным в 1928–1934 годах в Архангельском крае:

А учиться Ленин стал: Маркс ему первое слово в тетрадку напишет, Ленин дальше сам знат.

В котором городе Ленин жил за границей, там жители сказывали приезжающим:

– Не трудитесь адрес записывать: где всю ночь окно светит, там Ленин живет.

Ленин-то не спал тогда, бывать, сколько годов. На царя составлял улики, книгу сшивал[3].

---

[1] *Зеленин Д. К.* Современная русская частушка / Публ. Т. Г. Ивановой // Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова: В 2-х т. / Изд. подгот. А. В. Кулагина. М., 1999. Т. 2. С. 473.

[2] Подробнее см.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

[3] *Шергин Б.* Самое дорогое и любимое // Колхозник. 1937. № 11. С. 48–49. Перепечатано: *Шергин Б.* У песенных рек. М., 1939.

Знаменательно, что к образу Ленина прикрепился мотив бессмертия (или мотив его будущего пробуждения ото сна), хорошо известный в фольклоре многих народов (ср. Зигфрид, Карл Великий, Фридрих Барбаросса у немцев; Святополк-князь, Венций и его рыцари у чехов; Чрнович Иван у черногорцев; Степан Разин у русских и др.). Не исключено, кстати, что закрепленности этого мотива за Лениным способствовал необычный для русского народного сознания способ его захоронения – мумификация и открытый для посещения мавзолей. В XX веке древний архетип «герой спит и проснется в необходимый час» излагался следующим образом:

Сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет – все про себя чтение находит.

Дескать, что нам перед Антантой стремиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич, по прозванию Ленин.

Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе:

– Ладно, так и сделаю.

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему говорит:

– Можешь сделать так, чтоб я умер, только не совсем, а так, для виду?

– Могу, Владимир Ильич, только зачем же это тебе?

– А так, – говорит, – хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают и во всяком деле мной загораживаются.

– Что же, – отвечает доктор, – это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем тебя никто не тыкал, а то затычут.

– Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не вытерпели – в слезы. Все думают, сердцем трепыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди – англичане с французами присунутся.

А самый старший – Калинин – уговаривает:

– Что же поделаешь? Это – не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну, и довольно, за дело надо браться.

Положили Ленина в амбарушке, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два, неделя – надоело Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он тихонько, задней дверью из марзолея и – прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские.

Пропустили его в дверь, потому что в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали солдаты.

Приходит туда Ленин, а заседания уже закончились и служители полы подметают.

Ленин спрашивает:

– Кончилось?

– Кончилось.

– Не знаете об чем говорили?

– Да об разном... Слышь, англичане с нами не хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не все поняли.

– Так, так... А про Ленина не поминали?

– Как же, поминали... Вот, – говорят, – Ленин умер, зато коммунистов чуть не в два раза больше стало... Теперь только пикни Антанта.

– А она не пищит?

– Да покуда, в час молвить, не слыхать.

– Так, так, – поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел в марзолей, лег под стекло, думает: «А ведь ничего, работают и без меня»[1].

Далее в этой сказке, записанной в Вятской губернии, по-видимому, в 1925 году, Ленин посещает завод, деревню и везде находит все в порядке. Сказка заканчивается следующими словами: «Теперь уж, наверно, скоро проснется. Вот радость-то будет! Ни словом не расскажешь, ни чернилами не опишешь».

В нашем сборнике мы приводим ряд сказок о Ленине, фольклорная природа которых не вызывает сомнения. Этот материал поможет правильно осмыслить природу других сказок, спровоцированных и идеологически направляемых собирателями.

Третий предварительный тезис в наших рассуждениях о советском эпосе заключается в следующем. Каждая эпоха и каждый этнос во все времена творят свои мифы, мифологизируют в сознании определенные исторические события и лица. Мифологическое сознание – это свойство не только первобытных народов, но и цивилизаций, достигших самого высокого уровня. Пропагандистская машина любых режимов весьма активно эксплуатирует склонность общества к мифу. В фашистской Германии творился миф о «белокурой бестии», в Соединенных Штатах Америки – миф об «американской мечте» и т. д. В советской России создавались свои мифы. Миф о Ленине – гениальном и добром вожде пролетариата, заботящемся о простом человеке, – прессой и художественной литературой начал создаваться сразу же после революции 1917 года (кстати, приведенная выше сказка очень точно подметила ме-

[1] *Акульшин Р.* Три сказки // Новый мир. 1925. № 11. С. 125–127.

ханизмы создания этого мифа: Ленин, в какую газету ни глянет, везде находит статью о себе). И, что очень важно, этот миф охотно воспринимался определенной (и весьма большой) частью населения России. Образ мифологизированного Ленина, как мы уже говорили, был понятен сознанию миллионов крестьян: типологически он близок мифологизированным представлениям о царе-избавителе. Рядом с Лениным в двадцатые годы возникали и другие культы: вождь Красной Армии Троцкий, часовой революции Дзержинский (Железный Феликс) и т. д. Позднее стал твориться миф о мудром отце народов Сталине.

На почве названных выше двух составляющих — подлинного просоветского фольклора и советского мифа, творимого и весьма эффективно внедрявшегося в сознание народа средствами массовой информации, — и родился так называемый советский эпос. Широкомасштабная кампания по созданию произведений устного советского эпоса, проводившаяся собирателями в тридцатые годы, остается одной из самых спорных страниц в истории русской фольклористики.

В начале 1930-х годов официозной наукой перед собирателями была поставлена задача найти в русской деревне песенные и прозаические повествовательные произведения о счастливой советской действительности и о героях нового времени. Очень скоро объективная собирательская деятельность показала, что таких произведений русские сказители не поют и не рассказывают. Или во всяком случае их столь мало, что они не могут удовлетворить запросы тоталитарного режима. И тогда фольклористы сформулировали себе иную задачу: помочь носителям фольклорной традиции создать произведения такого типа. В фольклористике появился тезис, немыслимый в дореволюционной науке, — о законности литературного сотрудничества собирателя и сказителя.

Вышедший несколько лет тому назад сборник «Фольклор России в документах советского периода 1933 — 1941 гг.» наглядно демонстрирует, как складывался этот тезис. Молодой писатель и журналист Н. П. Леонтьев следующим образом отстаивал свое право на творческий союз с открытой им талантливой печорской сказительницей Маремьяной Голубковой, знавшей множество причитаний: «<...> я еще не считал себя причастным к корпорации фольклористов, и меня еще не отягощали те предрассудки, которыми отдельные представители этой почтенной науки окружили живое народное слово. Мне казалось совершенно естественным помочь дальнейшему раз-

витию этой высокоодаренной сказительницы, направить ее творческую энергию на службу советскому народу»[1].

Подчиняясь диктату тоталитарного режима, профессиональные фольклористы, среди которых были очень серьезные ученые, вынуждены были следовать за установками идеологов от культуры. Так, 15 декабря 1933 года на совещании писателей и фольклористов, проходившем в Москве, Ю. М. Соколов в своем докладе указывал: «Устное творчество масс, несмотря на острую классовую борьбу, отражаемую в нем и проводимую через него, остается в состоянии стихийности и большею частью лишено планомерного идеологического и художественного руководства. Необходимо покончить с этим индифферентным отношением к фольклору и в противовес старым дворянско-романтическим и буржуазно-народническим теориям, отстаивающим "неприкосновенность народного творчества", положить предел стихийности, активно вмешаться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мещанского фольклора, поддержать ростки здоровой, пролетарской и колхозной поэзии. Это активное вмешательство и руководство устным поэтическим творчеством могут быть достигнуты мобилизацией всех современных средств идеологического воздействия»[2].

Итак, все установки дореволюционной академической науки о невмешательстве фольклориста в сказительский текст были объявлены «предрассудками».

В тридцатые годы собираются многочисленные совещания, конференции, семинары, слеты собирателей и сказителей, целью которых было организовать новое фольклорно-художественное пространство, выстроить новую жанровую и тематическую систему русского фольклора, в конечном счете — подчинить устную стихию идеологическому диктату. В январе 1935 года в Центральном доме самодеятельного искусства прошло совещание по частушкам, на котором была сформулирована задача поставить этот жанр на службу проведения в деревне политики большевистской партии. Частушка как жанр здесь не разрушалась, но тематика желаемых текстов была строго регламентирована.

---

[1] Доклад писателя Н. П. Леонтьева «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» на совещании во Всесоюзном доме народного творчества. 16 июня 1939 г. // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов. М., 1994. С. 103–104.

[2] Информация журнала «Советская этнография» — «Первое совещание писателей и фольклористов» // Там же. С. 22.

В декабре 1937 года во Всесоюзном доме народного творчества состоялось совещание, посвященное прозаическим сказам. Фольклористика настойчиво искала жанры, которые бы органично (и в соответствии с идеологическими требованиями) отражали советскую действительность. Очевидный дефицит этих жанров заставлял науку любой устный рассказ (меморат) объявлять явлением фольклора. В результате родились многочисленные издания так называемых рабочих сказов — рассказов о дореволюционном прошлом, воспоминаний о разных эпизодах революционного движения, изустных мемуаров о встречах с видными партийными деятелями[1]. Сами по себе эти записи могут быть любопытным источником для исторических и социологических исследований, однако вряд ли их можно относить к области фольклора. В тридцатые же годы эта сфера устного слова, повторяем, оказалась втянута в фольклористическое поле.

Особое место в сознании науки того времени заняла фигура сказителя (былинщика, сказочника, плачеи). Только в индивидуальной работе с отдельными исполнителями можно было надеяться создать на основе классических жанров русского фольклора (былины, сказки, причитания) произведений новой тематики и новых жанровых модификаций. К сказителю стали прикладываться законы индивидуального творчества. Его фигура была приравнена к личности автора в профессиональном литературном процессе. Сказитель вольно или невольно рассматривался как начинающий, неопытный литератор, которому необходима помощь со стороны интеллигентного редактора. Таким образом в 1930-е годы под руководством собирателей носители фольклорной традиции создали десятки эпических и лиро-эпических произведений, воспевавших советскую действительность. Эти произведения восхвалялись учеными, печатались в местной прессе, передавались по радио.

«Методы массовой работы со сказителями» — так называлось совещание во Всесоюзном доме народного творчества, состоявшееся в марте 1939 года. Через два месяца, в мае того же года, прошла первая конференция мастеров устного народного творчества и народного изобразительного искусства Каре-

[1] *Мирер С., Боровик В.* Революция: Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. М.; Л., 1931; Рассказы рабочих о Ленине / Записали С. Мирер и В. Боровик. М., 1934; Рассказы о революции и гражданской войне: Записаны в Воронежской, Тамбовской, Орловской и Курской областях / Под ред. Ю. М. Соколова. Воронеж, 1939; и др.

лии. В июне 1939 года был собран масштабный слет сказителей во Всесоюзном доме народного творчества. Сохранился список народных исполнителей, участвовавших в этом событии. Назовем некоторых из них: сказочники А. К. Барышникова (Воронежская область) и И. Ф. Ковалев (Горьковская область); плачеи Е. С. Журавлева и А. М. Пашкова из Карелии; былинщики Ф. А. Конашков (Карелия) и М. С. Крюкова (Архангельская область) и др. Были также представители Украины, Белоруссии, Татарии. В декабре 1940 года в Москве проходит еще одно совещание по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам. Характерны названия докладов, которые звучали на этого рода конференциях: «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» (Н. П. Леонтьев), «Творческая помощь сказителям» (А. К. Мореева) и др.

Каковы же были механизмы работы собирателей со сказителями? Материалы сборника «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.» позволяют наглядно представить себе новые, немыслимые в дореволюционной науке, формы взаимодействия собирателя и сказителя.

Журналист Н. П. Леонтьев, анализируя свою работу с талантливой печорской плачеей М. Р. Голубковой, выделил следующие этапы: помощь сказительнице в выборе темы нового произведения с опорой на книги, газеты и кино; формирование замысла во внутренней творческой лаборатории самой исполнительницы; обсуждение сформированного замысла с собирателем; работа над текстом («Моя роль сводилась здесь к роли критика, рецензента. Все, неточно выражающее мысль сказительницы, а также все антихудожественное, не отмеченное печатью подлинного чувства, я рекомендовал удалять <...>»)[1]. Запись сказа (с остановками, обдумыванием новых вариантов отдельных стихов) растягивалась, таким образом, на несколько часов. Но собиратель, как он утверждал, от себя не вносил в текст ни одного слова.

Несколько иначе с П. И. Рябининым-Андреевым работала фольклористка М. И. Кострова. Здесь также присутствовал момент выбора темы для будущего произведения, знакомство с литературой, посвященной данному предмету, обсуждение замысла. Однако этот сказитель был грамотным. Он сам записывал очередной отрывок задуманной новины и приходил с черновым наброском к собирательнице. «Каждый раз во время нашей совместной работы по оформлению былин, – сооб-

[1] Доклад писателя Н. П. Леонтьева... С. 115–116.

щала М. И. Кострова в одном из своих докладов, – Петр Иванович приносил мне и показывал небольшой (стихов 25–40) написанный отрывок. Обычно это была основная тема той части, которую в данный день он хотел развить и отделывать. <...> Из отрывка в 40 стихов попадало в окончательный текст былины без изменения так 10 стихов, если это было удачно переработанное и приспособленное к современной тематике "общее место" традиционных былин. Чаще же от него оставалось стихов 5–6»[1]. При этом методе работы со сказителем процесс записи новины растягивался на несколько дней. Это было в самом прямом смысле этого слова сотворчество двух людей: сказителя и собирателя.

Наконец, третий способ создания произведений советского эпоса сводился к следующему. Сказитель приносил (или присылал) собирателю написанный им вариант (варианты) новины, а собиратель редактировал его согласно своим вкусам, убирая ненужные куски, заменяя отдельные выражения и привнося, если считал необходимым, в сказительский текст свои собственные фрагменты. Так, судя по всему, работал со знаменитой беломорской сказительницей М. С. Крюковой фольклорист В. А. Попов[2].

Наука тридцатых годов вполне серьезно обсуждала пороки и достоинства того или иного метода работы со сказителем[3]. Для современной же фольклористики совершенно ясно, что ни один из трех методов работы со сказителями не выдерживает научной критики. Подобное сотрудничество сказителей и собирателей вело к созданию не подлинно фольклорных произведений, а к псевдофольклорным мертворожденным творениям, которые не получали главного качества фольклора – не входили в традицию. Однако тезис о псевдофольклорном начале в произведениях советского эпоса, тезис, который в настоящее время, кажется, не опровергается никем, нуждается в углублении и уточнении. Вопрос о природе произведений советского эпоса был бы слишком прост, если бы все сводилось только к искусственному навязыванию со стороны фольклористов носителям устной традиции новых тем, отражающих советскую

---

[1] Доклад фольклориста М. И. Костровой о работе со сказителями П. И. Рябининым и Ф. А. Конашковым на совещании по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам во Всесоюзном доме народного творчества. 19 декабря 1940 г. // Там же. С. 164.

[2] Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями». 20 марта 1939 г. // Там же. С. 75.

[3] Там же. С. 68–85.

действительность, и официальной идеологии, насаждаемой в тогдашнем Советском Союзе. В фольклористической действительности все было много сложнее.

Сказители, без сомнения, не только охотно шли навстречу пожеланиям собирателей, но часто сами становились инициаторами создания подобных произведений. Об этом свидетельствуют материалы все того же сборника «Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг.» (см., например, историю создания П. И. Рябининым-Андреевым новины о Чапаеве, замысел которой был навеян известным фильмом)[1]. Без сомнения, психологической основой, на которой возникала инициатива сказителей по созданию советского эпоса, была атмосфера почета и уважения, окружавшая сказителей, попавших в зону внимания ученых. Однако помимо этого, субъективного, фактора, необходимо учитывать еще объективные законы фольклорной традиции. Закон же этот мы формулируем следующим образом: в устной традиции изначально существует стремление сказителей отразить сиюминутные политические события и взгляды. И события эти отдельными носителями фольклора, в творчестве которых было ярко выражено индивидуальное начало, воплощались в разных формах: в слухах, сказках и песенных жанрах.

К концу тридцатых годов наука уже накопила значительный пласт произведений советской тематики, созданных сказителями под руководством собирателей. Тогда же фольклористика попыталась теоретически осмыслить жанровую природу нового советского эпоса. В 1941 году А. М. Астахова в своем докладе «Пути развития русского советского эпоса»[2] выделяла следующие жанры: 1) советские сказки (прозаический жанр, опирающийся на поэтику традиционной волшебной сказки), 2) советские былины (песенно-поэтические фабульные произведения о каком-либо одном событии, имитирующие поэтику традиционных былин), 3) поэмы (произведения, аналогичные советским былинам, но с более сложной фабулой, в которой развертывается многособытийное действие), 4) плачи по поводу смерти вождей и героев Советского Союза (песенно-поэтические произведения, близкие к традиционным похоронным плачам), 5) сказы (песенно-поэтические бесфабульные произведения описательного характера, не изображающие события,

[1] Доклад фольклориста М. И. Костровой... С. 163.

[2] Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества. 26 апреля 1941 г. // Там же. С. 202—222.

а рассказывающие о разных явлениях настоящей и прошлой жизни путем их перечисления), 6) сказы-думы (произведения, аналогичные сказам, но с более развитым лирическим началом, выражающие раздумья сказителя над виденным, слышанным, вспоминаемым).

Опираясь в основном на данную жанровую классификацию, остановимся на этой проблеме несколько подробнее.

Плачи и плачи-сказы. Советские плачи являют собой жанр, порожденный поэтикой традиционных похоронных и так называемых бытовых причитаний (по другому — причитания «на случай»). Фольклористам хорошо известно, что в голошении русская женщина часто выражала свою жалобу на тяжелую жизнь: грубость свекра, жестокость мужа, несправедливость властей, несчастья в хозяйственной сфере (пожары, падежи скота и т. д.). В Псковском регионе, например, подобные причитания очень часто возникали во время работы женщины в поле, особенно если она оставалась там одна. Голошение-жалоба, нередко обращенное к умершим родителям, становилось как бы медиатором между нашим миром (женщиной) и миром «предков», к которым и была обращена ее жалоба[1]. Известно также, что во многих регионах России плачеи, владевшие причетной традицией, могли легко и естественно по просьбе пришедшего к ним человека оплакать далекого (неизвестного им) покойника. На данной основе (голошения «на случай» и традиция оплакивания незнакомого человека) и были созданы советские плачи.

Персонажами советских плачей стал определенный, строго очерченный круг лиц. Прежде всего это, конечно, В. И. Ленин, скончавшийся 21 января 1924 года. Спровоцированные собирателями причитания о вожде Октябрьского переворота начали записываться с января 1937 года. Ряд плачей посвящен С. М. Кирову, убитому 1 декабря 1934 года; первые же причитания о нем записаны в 1938 году. Имеется и голошение по поводу кончины А. М. Горького (1936); создано оно в 1939 году. К концу тридцатых годов механизм создания советских плачей как произведений, порожденных сказителем и собирателем, в фольклористике уже был полностью отработан. Теперь временной разрыв между кончиной оплакиваемого лица и созданием причета был сведен к минимуму. Так, выдающийся летчик

[1] *Лобкова Г. В.* Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 32—43.

В. П. Чкалов разбился на своем самолете 15 декабря 1938 года, и уже в декабре был записан первый плач об этом советском герое. 27 февраля скончалась Н. К. Крупская, а в марте уже были созданы причеты о ней. Герои Советского Союза летчики А. К. Серов и П. Д. Осипенко погибли в авиакатастрофе 11 мая 1939 года; соответствующие записи относятся к июню того же года.

В советских причитаниях используются все основные традиционные мотивы, характерные для похоронных голошений: образ моря слез; мотив прилета птицы, принесшей весть о смерти оплакиваемого; желание плачеи превратиться в птицу, чтобы полететь к усопшему; мотив бужения покойного; образ умершего, потерявшего способность дышать, двигаться; обращение к оплакиваемому с вопросом, в какую путь-дорогу он отправляется; образ дороги, из которой никто не возвращается; картина прихода Смерти к оплакиваемому и др.

Одновременно можно отметить, что постепенно в советских причитаниях был наработан целый ряд мотивов, порожденных и санкционированных новой идеологией. Так, важной становится тема противопоставления тяжелой жизни при царе и счастливой жизни при советской власти. В описании современности обязательными стали такие топосы, как цветущие колхозные поля; картина учащихся в школе детей; появление в избах электричества; восхищенное удивление метрополитеном. Так как носителями жанра причитаний в основном являются женщины, то для советских плачей актуальна тема женской доли — до революции и после 1917 года. В соответствии с идеологией тоталитарного режима создается мотив злодеев, которые погубили оплакиваемого (Ленина, Кирова, Горького).

В причети важным становится образ «заместителя» умершего — «мудрого, родного Сталина», который был «верным другом» Ленина и который заботится о каждой советской семье. На соотношение образов умершего и его «заместителя» в советских плачах впервые обратил внимание американский исследователь Фрэнк Миллер, автор монографии «Фольклор для Сталина». Исследователь подчеркивает, что в плачах-сказах тридцатых годов фигура умершего (Ленин, Киров, Горький, Чкалов и т. д.) отступает на второй план. Главным становится другой персонаж — Сталин, под умелым руководством которого расцветает советская земля. Причитания, вместо того чтобы выражать горе по поводу смерти того или иного обще-

ственного деятеля, нередко становились панегириком Сталину и партии, указывает Ф. Миллер[1].

Незыблемый для любого произведения искусства закон единства содержания и формы срабатывает и в советских плачах. Новое содержание потребовало трансформации некоторых традиционных мотивов и коренных изменений на уровне стиля. Так, вместо птицы весть о смерти теперь может принести радио. Вместо традиционного личностного обращения к покойному («В какие путь-дороженьки *ты* отправляешься?») появляется отстраненно-холодное «он» («В какие путь-дороженьки *он* отправился?»). Тексты советских плачей, как нетрудно заметить, наполнены газетными штампами своего времени: «великий вождь», «вождь всенародный», «дорогой товарищ Ленин», «наш любимый Иосиф Виссарионович», «ленинская дорога», «родная наша партия», «злодейская рука», «дело твое не умрет» и т. д.

Как уже говорилось, все тексты плачей, записанных в тридцатые годы, были спровоцированы собирателями. Они давали плакальщице тему для причитания, снабжали ее необходимой информацией о покойном, часто читали неграмотной плачее газетные статьи и другие материалы. Тексты причетов порой подтверждают роль собирателя в создании плача. Так, Фекла Ивановна Быкова из Беломорска начинает свой плач о Ленине стихами «Приехали хорошие ясные соколы, / Чтобы мы пели досюльные, унылые песенки», как бы включая таким образом фольклористов в процесс создания ею советского плача о вожде пролетариата.

Однако тезис о спровоцированности советских плачей требует своего уточнения и углубления. В сфере фольклорной культуры спровоцированным, то есть выведенным на поверхность, может быть только то, что в той или иной форме заложено, скрыто в традиции. Подтверждением этой мысли служит следующий эпизод в истории отечественной фольклористики. В ноябре 1924 года, всего через несколько месяцев после смерти В. И. Ленина, студентом Иркутского университета Н. Хандзинским в Иркутске был записан «покойнишный вой» по главе первого советского правительства. Содержание его следующее: Владимир Ильич прогневался на нас и умер; кто же теперь будет нами руководить; руководить будет Лев Давидович (Троцкий); он горюет, что его не станут слушаться со-

[1] *Miller F.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. New York; London, 1990. P. 67. Нашу рецензию на это издание см.: *Иванова Т. Г.* Американский ученый о советском фольклоре // Живая старина. 1994. № 2. С. 60–61.

ветские войска; мы разбудим Владимира Ильича, пусть он вернется к нам, пусть наведет порядок; но никак его не разбудить; склоним мы головушки на сторону Льва Давидовича, будем одного его знать, одного его слушаться.

Запись сделана от шестнадцатилетней крестьянской девушки Катерины Перетолчиной, жившей в прислугах в Иркутске. Исполнительница сообщила, что плач был сочинен в с. Кимильтей, откуда она была родом, на посиделках («На посиденках сочинили») в день, когда до села дошла весть о кончине В. И. Ленина. Инициатива создания причитания исходила от местных комсомольцев: «"Вот, девчонки, тут бытто Ленин в гробу, а вы давайти войти"... Мы хадили кругом и па ём выли; он записывал слава. Патом <...> сабрали бытто похараны, сделали гробик и выли па ём; адевали на сибя все чорная»[1]. Далее исполнительница сказала также, что участники данной комсомольской посиделки с «гробиком» ездили в соседнее село Зима.

Надо сказать, что обстановка создания «покойнишного воя» довольно органично вписывается в фольклорную традицию. Сам текст полностью опирается на поэтику похоронных причитаний:

Ой ишо Владимир та да всё Ильич толька,
Ой да на каво жа ты да распрагневалса,
Ой да на каво жа ты да рассердилса-та.

(Ср. в традиционных причетах этот же мотив с «гневом» покойного на тех, кого он оставил.)

Создание «гробика» явно навеяно известными обрядами типа «похороны кукушки», участницами которых, в основном, являются девушки. Тот факт, что плач по Ленину был сочинен на посиделках, также находит объяснение в народной обрядовой культуре: в конце января 1924 года, когда до Кимильтея дошла весть о смерти первого лица советского государства, сибирское село еще жило воспоминаниями о только что отошедших святках с их игрищным разгулом, включающим в себя игры «с покойником», при которых звучали пародийные похоронные причитания. Даже то, что с инсценированным «гробиком» комсомольцы ездили в соседнее село, вполне вписывается в народную традицию. Известно, что и святочные ряженые, и участники посиделок переходили (или переезжали) с одной вечорки на другую. Все эти обстоятельства, по-видимо-

[1] *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой» по Ленине // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. 3-4. С. 57.

му, и стали базовым импульсом для создания «Покойнишного воя по Ленине». Тем не менее «вой» не вписался полностью в фольклорную традицию: он не был одобрен старшим поколением (говоря языком П. Г. Богатырева, не был санкционирован коллективом). Катерина Перетолчина передала собирателю следующие слова односельчан, узнавших о плаче и «гробике»: «Выдумывати там какова-та чорта!»[1]

У нас нет никаких оснований подозревать, что Н. Хандзинский каким-то образом спровоцировал исполнительницу на сочинение плача по Ленину или же отредактировал записанный им текст. Его публикацию мы рассматриваем как аутентичную тому произведению, которое звучало в устах народной певицы. Однако немаловажно отметить, что типологически данный текст абсолютно аналогичен тем плачам, которые создавались по указке собирателей в 1930-е годы. Как уже говорилось, в плачах-сказах тридцатых годов фигура умершего отступает порой на второй план. Главным становится другой персонаж — Сталин. В 1924 году, когда сочинялся анализируемый нами плач, фигура Сталина в сознании народа еще не была столь всеобъемлющей, каковой она стала в тридцатые годы. Борьба за власть в Кремле после смерти Ленина еще только вступала в свою решающую фазу. На роль отца народов тогда претендовал не только Сталин, но и Троцкий. Склонность определенной части населения видеть именно в Троцком надежду и защиту и отразило наше причитание. Данный текст, нетрудно заметить, как и плачи-сказы тридцатых годов, сосредоточен не на фигуре умершего (Ленина), а на образе его заместителя (Троцкого).

Любопытна дальнейшая судьба этого текста. При позднейших перепечатках «Покойнишный вой по Ленине» подвергся целенаправленной идеологической правке, исключавшей упоминание одиозной для власти фигуры Л. Д. Троцкого. Так, в 1926 году в ленинградской «Новой вечерней газете» (1926. 21 янв. № 20) была опубликована статья «Смерть Ленина в народной поэзии», в которой было сказано, что данный текст был доставлен в Пушкинский Дом. Плач процитирован в статье в отрывках (всего 13 стихов), причем все фрагменты, где присутствует имя Л. Д. Троцкого, здесь были сняты. В сборнике А. В. Пясковского «Ленин в русской народной сказке и восточной легенде» (М., 1930) из исконных 45 стихов голошения опубликованы те же 13 строк, но как цельный текст:

[1] Там же. С. 58.

Ой, что Владимир ты да все Ильич только,
Ой, да-т на кого же ты распрогневался,
Ой, да на кого же ты распрогневался.
Ой, что кто у нас будет заведывать,
Ой, что кто у нас да исполнять будет,
Ой, исполнять дела тяжелые.
Ой, уж как стань ты, умна головушка,
На свое только ты на мистечушко.
Ой, сожалей ты да свое войско.
Ой, да вас всигда вспаминать будим,
Ой, никада-то да мы не забудим вас,
Ой, вашу смерточку да чижалешеньку,
Ой, вспоминать станим вас на конец жизни[1].

В своих комментариях А. В. Пясковский сослался на статью в «Новой вечерней газете», о публикации же в «Сибирской живой старине» в его сборнике не сказано ни слова. Вероятно, составитель о ней просто не знал.

Существование рассмотренного сибирского плача о Ленине, безусловно, подтверждает нашу мысль о том, что собиратели тридцатых годов в определенном роде спровоцировали те тенденции, которые существовали в фольклорной традиции в свернутом виде. Собиратели же определили и усиление эпического начала в советских плачах. Многие тексты строятся не на традиционных мотивах (пусть и преломленных в соответствующем идеологическом ракурсе), а становятся более или менее развернутой биографией умершего. Плач переходит в несколько иную жанровую категорию — плач-сказ. Однако следует сказать, что и данная тенденция перерастания плача в сказ также находит объяснение в фольклорной традиции. Напомним хотя бы знаменитые плачи-поэмы И. А. Федосовой, в которых также развито эпическое начало («Плач о старосте», «Плач о писаре» и др.).

Таким образом, в ряду других жанров советского эпоса плачи и плачи-сказы мы рассматриваем как жанр, наименее оторвавшийся от фольклорной почвы.

Сказы. Рядом с советскими плачами должны быть поставлены сказы о счастливой советской действительности — песенные лиро-эпические произведения, в которых, как и в причитаниях, отражается личностное начало сказителя. Сказы также построены от первого лица. Ближайшим фольклорным прото-

[1] *Пясковский А. В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930. С. 91.

типом советских сказов, вероятно, могут быть названы все те же причитания «на случай». Однако существует принципиальная разница между причетами «на случай» и советскими сказами. Первые разворачивают тему горя; вторые — прославляют счастливую жизнь в советской стране. Следует также подчеркнуть, что если в советских плачах о Ленине, Кирове, Горьком и пр. удельный вес традиционного фольклорного начала достаточно велик, то в песенных сказах решительно преобладает поощряемое собирателем индивидуальное творчество сказителя и литературная редактура собирателя.

Однако опять-таки необходимо отметить, что индивидуальное начало в творчестве некоторых исполнителей изначально (без поощрения со стороны собирателей) было очень велико. Ярким примером сказительницы такого рода является Марфа Семеновна Крюкова из с. Зимняя Золотица с Зимнего берега Белого моря. Известно, что она могла облечь в песенно-эпическую форму буквально любую предложенную ей тему. В сборнике «На Зимнем береге, у моря Белого»[1], например, в шестнадцати поэтических сказах изложена история рода Крюковых и отдельные эпизоды из жизни самой Марфы. Так, из сказов можно узнать, что прадед Крюковых, Михайла, прибыл на Белое море с группой артельщиков из Новгорода. Два сказа посвящены деду Гане — Гавриле Леонтьевичу Крюкову, двоюродному деду сказительницы, с которым в 1898—1899 годах встречался известный фольклорист А. В. Марков. О своем собственном знакомстве с А. В. Марковым Марфа Крюкова рассказала в сказе «Как Марков приезжал в Золотицу». Нашли в сказах отражение и другие события из ее собственной биографии.

В тридцатые годы, когда некоторые из сказителей попали в сферу внимания фольклористов, мир для них вдруг неизмеримо расширился. Никогда дотоле не бывавшие нигде далее, чем на десятки верст от своей родной деревни, они, будучи привезены на смотры народного творчества, вдруг попадают в Архангельск, Петрозаводск, а затем и в Москву. Их воображение потрясают мавзолей Ленина (обязательное посещение для всех гостей столицы), «чудо-лестница» — метрополитен, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Все накопленные впечатления в творчески одаренных натурах сказителей естественным образом должны были вылиться в некие поэтические

[1] *Крюкова М.* На Зимнем береге, у моря Белого / Записала летом 1939 г. Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940.

формы. Сказы и оказались данной формой. Со стороны собирателей создание сказов поощрялось и должным образом идеологически корректировалось: все достижения советского народа приписывались «мудрому Сталину» и его партийным соратникам. Так, героическое (действительно, героическое) строительство метрополитена в Москве – это деяние Л. М. Кагановича, тогдашнего секретаря Московского комитета партии.

Сказ можно определить как своеобразный жанр-хронику, отражающий сиюминутные события из жизни самого сказителя. Так, в 1935 году сказительница из Твери А. В. Морозова побывала на экскурсии в Москве, впервые увидела метрополитен – в результате родился ее сказ о «лестнице-чудеснице». В 1938 году М. С. Крюковой была предоставлена возможность совершить большое путешествие по СССР: Москва, юг России, Северный Кавказ – впечатления от этой поездки отразились в целом ряде ее сказов. 25–30 мая 1939 года в Петрозаводске проходила республиканская конференция мастеров устного народного творчества и народного изобразительного искусства Карелии – сказители (Ф. А. Конашков, Ф. И. Быкова, Е. С. Журавлева и др.) сочинили коллективное поэтическое письмо-сказ, обращенное к Сталину. Катализатором для составления целого пласта сказов стал июньский (1939 г.) слет сказителей в Москве. Например, печорская сказительница М. Р. Голубкова в сказовой форме выразила свои впечатления от посещения мавзолея и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В марте 1940 года в Архангельске широко отмечалось 65-летие М. С. Крюковой – пинежская сказительница А. Е. Суховеркова отразила этот юбилей в своем сказе «Изо всех звезд краше всех».

Равным образом поэтический сказ с точки зрения собирателей оказался удобной формой для запечатления хроники жизни страны. Та же А. Е. Суховеркова, без сомнения, по подсказке собирателя, создает сказ о «добровольном» присоединении Западной Украины и Белоруссии к СССР осенью 1939 года. Проходившие в июне 1940 года выборы в Верховный Совет только что созданной Карело-Финской ССР стали темой сказа А. М. Пашковой. Начало Великой Отечественной войны естественным образом отразилось в одном из сказов А. И. Гладкобородовой.

Новины. Под новинами в советской фольклористике было принято называть песенные произведения эпического характера, ориентированные на поэтику былин, о вождях и героях

Советского Союза. Сам термин «новины» — искусственный, создан по аналогии со словом «былины». Примером произведения такого рода может послужить новина П. И. Рябинина-Андреева о Сталине[1]. Сюжет новины следующий. Ленин и Калинин говорят Сталину, чтобы он выехал из Москвы в чисто поле бороться с врагами (ср. традиционный мотив в былинах — отправка героя в чисто поле), а они останутся в Москве руководить Советским государством (ср. в былинах пассивность князя Владимира, который сам в сражениях не участвует). Сталин выбирает себе коня и седлает его (ср. распространенное типическое место былин). К Сталину присоединяются Ворошилов и Буденный (ср. три главных богатыря в былинах: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович), они вместе побивают врагов. Ленин устраивает в честь могучих богатырей пир (ср. традиционный пир в былинах).

В основе новин всегда лежит героический образ (Сталин, Ворошилов, Чапаев и т. д.). Повествование, как и в былинах, объективировано: авторское «я» здесь отсутствует. Новины активно используют так называемые типические места былин (седлание богатырем коня, выезд его в чисто поле, пир у князя и т. д.).

При кажущемся большом удельном весе фольклорного начала в новинах, на самом деле подлинно фольклорная основа в этом жанре весьма незначительна. Дело в том, что в былинной традиции мы не знаем тенденции отражать соответствующими поэтическими средствами образы современных сказителю исторических личностей. Произведений, типологически близких к новине о Сталине, в дореволюционных записях мы не обнаружим. Традиционная былина, в отличие от сказа-плача, была не склонна откликаться на сиюминутные политические интересы. Напомним, что в поэтике былин принципиально важное место занимает категория эпического времени. Былины — это произведения о «золотом веке» русского богатырства. Эпическое время определенным образом может коррелироваться со сказкой, результатом чего стали единичные разработки сказочных сюжетов в былинной форме у отдельных сказителей («Нерассказанный сон», «Царство подсолнечное», «Ванька — удовкин сын» в сборнике П. Н. Рыбникова и др. тексты)[2], однако время, подчеркнем еще раз, никак не

[1] Былины П. И. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1940. С. 109–115.

[2] См. подробнее о былинах сказочного характера: *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 136–281; *Чистов К. В.* Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера // Славянская филология: Сборник статей. М., 1958. Вып. 3. С. 358–388; и др.

стыкуется с актуальным политическим содержанием. В связи с этим советские былины (новины) представляются нам абсолютно искусственным жанром.

Тем не менее следует обратить внимание на следующее. В послеоктябрьский период былинной формой воспользовались не только сторонники советской власти, но и противники большевиков. Нам известно только одно песенно-эпическое произведение антисоветского характера, однако, скорее всего, их было немало. Это былина «Как Святыя горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучиих богатырей», републикованная В. Артемовым в 1991 году в журнале «Москва». По сообщению публикатора, эта былина была записана в Вологодской области и издана в 1938 году за границей братией книгопечатни Иова Почаевского. Первоисточник публикации нами, к сожалению, не выявлен. Герои этого произведения – былинные богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаев, Иван Гостинный, Святогор. В то же время здесь присутствуют персонажи духовных стихов – Христос, Богородица, Егорий Храбрый, Михаил-архангел, Антихрист. Одним из центральных образов текста является Кривда, пошедшая со своими силами на Святую Русь. По справедливому мнению В. Артемова, Антихрист, терзающий Святорусскую землю, в народном сознании олицетворяет собой действия новой советской власти. Таким образом, этот текст являет собой редкий пример использования былинной формы для выражения антисоветских настроений русского крестьянства.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что идеологическая направленность былины «Как Святыя горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучиих богатырей» и пересказанной выше новины о Сталине – разная (антисоветская и просоветская), однако фольклорная природа этих произведений одна и та же. Эти тексты используют старую форму для выражения нового идеологического содержания и имеют, без сомнения, природу индивидуального словесного творчества.

Новины-поэмы. Рядом с новинами, основанными на поэтике былин, следует назвать эпические произведения, по своему характеру приближающиеся к поэмам. Новины-поэмы сложены былинным стихом. От песенного фольклорного эпоса здесь остается также еще одна особенность – композиционная доминанта: глава государства отправляет героя на совершение подвига (Ленин отправляет Сталина разбить Белую армию; Сталин отправляет Поколен-Бороду, то есть О. Ю. Шмидта,

исследовать Арктику и т. д.; ср.: князь Владимир Красно Солнышко отправляет Илью Муромца на битву с Калином-царем; князь Владимир отправляет Дуная просватать Апраксу-королевичну и т. д.).

В остальном же произведения этого жанра находятся вне фольклорной традиции. Здесь даже, в отличие от новин, почти не используются типические былинные места (седлание коня и т. д.). Новины-поэмы, как правило, начисто лишены всякого мифологического или фантастического начала. С определенной долей условности мы можем назвать эти произведения реалистическими. Содержание их — изложение в поэтической форме целостной биографии воспеваемого лица (см., например, новину-поэму М. С. Крюковой о Ленине) или же некоего эпизода из его жизни. Новины-поэмы посвящены Ленину, Сталину, героям-летчикам, покорителям Арктики О. Ю. Шмидту и И. Д. Папанину, красноармейцу Зырянову, погибшему в русско-японском конфликте на озере Хасан, и т. д. Созданы они или самостоятельно грамотными сказителями на основе печатных источников (так, для сочинения новины-поэмы о бойце Зырянове Н. В. Кигачев воспользовался заметкой в газете «Красный Пудож»), или на основе тех же печатных источников, прочитанных, разъясненных, пересказанных собирателем неграмотному или малограмотному сказителю.

Советские сказки. События послеоктябрьской истории России отражались не только в песенно-поэтических, но и в прозаических повествовательных формах, которые принято называть в науке «советскими сказками». Произведения этого рода, как следует уже из этого наименования, ориентированы на поэтику традиционной волшебной сказки.

Примером советской сказки может быть текст о Чапаеве, созданный выдающимся русским сказочником с Белого моря М. М. Коргуевым. Сюжет этого произведения следующий. У бедного крестьянина было три сына (ср. традиционный сказочный мотив троичности); младший, Василий, во время Первой мировой войны идет на фронт (ср. традиционную отмеченность в качестве истинного героя младшего из братьев); по пути на фронт он заходит к своей тетушке, которая дает ему магическое кольцо, которое защитит его от пуль, пока он находится на земле (ср. сказочные мотивы волшебного помощника и волшебного предмета); когда начинается Гражданская война, герой становится командиром Красной армии и успешно сражается против белого командира Колчака; в лагерь Чапа-

ева попадает женщина, которая оказывается шпионкой Колчака, она-то и доносит Колчаку о расположении чапаевских войск (ср. известный фольклорный мотив о женской измене); колчаковцы нападают на лагерь Чапаева, он пытается спастись, переправляясь через реку, но, раненный, гибнет в реке, так как волшебное кольцо может защитить героя только на земле, но не в воде[1].

Говоря о фольклорной основе советских сказок, следует прежде всего выяснить, существовала ли в дореволюционной устной словесности тенденция к отражению в сказочной форме сиюминутных политических событий. Как выяснилось, примеры подобного рода в записях до 1917 года обнаружить можно. Так, один из газетных очерков времен Первой мировой войны сохранил для нас солдатскую сказку, героем которой является немецкий канцлер Бисмарк. Содержание ее сводится к следующему. Бисмарк заполучил от нечистой силы четыре волшебных кувшина, с помощью которых Германия может покорить все четыре стороны света. Русский солдат, жертвуя собой, открывает один из кувшинов и тем самым уничтожает его колдовскую силу. Бисмарк, боясь гнева своего короля, скрывает, что кувшин потерял силу. Долгое время он отговаривает короля от войны с Россией. Но после смерти Бисмарка немецкий король, надеясь на чудодейственную силу кувшина, все же идет на русских войной[2].

Данный фольклорный текст явно навеян средствами массовой информации своего времени. В русских газетах периода Первой мировой войны имя немецкого канцлера Бисмарка, умершего задолго до ее начала (1898 г.), было очень популярным — в связи с его известным предостережением в 1880-е годы против войны с Россией (типичный пример мифологизированного сознания). Эта тема усиленно муссировалась российскими журналистами для того, чтобы вселить в солдат уверенность в победе. В фольклорном сознании русских крестьян, надевших серые солдатские шинели, материал газетных передовиц и пропагандистских речей офицеров воплотился в художественные образы сказки. Известно, что солдат — один из самых популярных персонажей русского сказочного фольклора. Мотивы же его единоборства (борьба, игра в карты, хитрый обман

[1] Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. № 1.

[2] *Арбузьев П.* Солдатская легенда о Бисмарке // Нижегородский листок. 1915. 20 апр. № 105.

и т. д.) с нечистой силой (черти) составляют основу многих сказочных сюжетов. Однако новое политическое содержание заставляет сказочника внести в образ солдата значительные коррективы: если в традиционных сюжетах солдат всегда оказывается удачливым, чуть ироническим, победителем, то в данной сказочной новации в его натуре появляется несвойственное сказочным героям жертвенное начало. В борьбе с нечистой силой он сознательно идет на смерть ради своей родины.

Другой пример прозаических новаций отсылает нас ко времени кровавых событий Первой русской революции (1905–1907 гг.). В начале 1908 года в журнале «Исторический вестник» Д. К. Зеленин опубликовал «Сказку о Крамоле». Эта запись была сделана А. П. Грудцыным (крестьянин, собиратель-любитель) от сказочника и колдуна Ефима Чирги (крестьянин Вятской губернии). Сюжет сказки следующий. Завелись на земле три сестры: Лихоманка, Кикимора и Крамола. Лихоманка живет на болотах и напускает на людей болезни; Кикимора отнимает у коров молоко; а Крамола мечется по свету и «кровопивством занимается» — убивает министров и воевод. Крамола может обернуться сорокой, совой и даже барышней-гимназисткой. Она мешает спокойно жить крещеным людям. Вся мораль сказки явно направлена на осуждение Крамолы (то есть революции). Д. К. Зеленин, комментируя текст, писал: «Под шутовским костюмом нашей сказки скрыт <...> серьезный смысл. В глубине ее слышен печальный тон, тон человека, жалеющего о гибели многих тысяч себе подобных, но чувствующего себя совершенно бессильным в борьбе с этим неизбежным злом»[1].

В данном тексте мы опять-таки отмечаем сплав нового содержания с традиционной сказочной формой. Реалиями первой русской революции были вошедшее недавно в лексикон простонародья слово «крамола» (обозначение властями революционных настроений), образ «гимназистки-барышни», совершающей террористические акты. Сказка же предлагает этому содержанию свою форму: мотив троичности, являющийся стержневым для рассматриваемого текста (три сестры, несущие людям горе). Из народных поверий «Сказка о Крамоле» позаимствовала традиционные мифологические образы Лихоманки и Кикиморы, а также способность Крамолы оборачиваться сорокой, что в России всегда приписывалось колдуньям, и другие элементы.

[1] *Зеленин Д. К.* Новая народная сказка о «Крамоле» // Исторический вестник. 1908. № 1. С. 210.

И, наконец, приведем еще один пример, когда в сказочную форму воплощается актуальное содержание памятных сказителям исторических событий. В 1848 году священник П. Словцов записал на Урале на Богословском заводе сказку, посвященную войне 1812 года наполеоновской Франции с Россией. В тексте ее упомянуты «французский восударь Палеон» (Наполеон) и «русский царь Олександро Павлович» (Александр I). Наполеон предлагает Александру I, чтобы тот принял у себя двенадцать французских генералов и в течение года кормил их непременно из серебряной посуды. Каждый раз вместе с кушаньями генералы съедают серебряную посуду. Вскоре в России не остается серебра и ей грозит война с Наполеоном. Поп-расстрига выручает Александра I. Он обедает вместе с французскими генералами и проглатывает их одного за другим. Последнего, двенадцатого, генерала обмазали смолой, вываляли в перьях и в таком виде отправили к Наполеону. Несмотря на все это, Наполеон пошел войной на Россию, но потерпел поражение[1].

Т. Г. Дмитриева полагает[2], что в основу этого сюжета легло впечатление русского народа о кощунственных действиях французов в захваченной ими Москве: выплавка серебра и золота из церковной утвари кремлевских соборов. Это событие, оскорбившее религиозные чувства россиян, отразилось в лубочной картинке «Наполеон занимается выжигою» («выжига» — выплавка серебра и золота), где высмеиваются Наполеон и его генералы Удино, Мюрат, Даву[3]. Лубочная картинка (своеобразный аналог газеты для неграмотных крестьян), по мнению Т. Г. Дмитриевой, и стала толчком для создания этой сказки.

Если относительно двух предыдущих сказок мы не имеем сведений об их распространенности в устной традиции (хотя сомнений в том, что сказки пересказывались, передавались от одного носителя фольклора к другому, у нас нет), то по поводу сюжета о генералах-сереброедах мы можем уверенно утверждать, что он имел хождение в народе. П. Словцов в рукописи, присланной в Русское географическое общество, писал: «Два раза слышал я от моих прихожан, двух стариков, о при-

[1] Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1867. Т. 1. С. 655–659; перепечатано: Великорусские сказки Пермской губернии / Сборник Д. К. Зеленина. Петроград, 1914. № 95 (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 41).

[2] *Дмитриева Т. Г.* Генералы-сереброеды и Наполеон с выжигой // Русская речь. 1987. № 4. С. 52–55.

[3] Русские народные картинки: Атлас / Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1881. Т. 2. № 433.

чине Французской войны, бывшей в 1812 году с Наполеоном»[1]. Таким образом, данный сюжет не остался плодом творчества какого-то одного сказителя, он пересказывался, то есть жил по фольклорным законам.

Однако привязанность содержания сказки к конкретным историческим событиям неизбежно обрекала ее на короткую жизнь в устной традиции. В 1848 году, когда П. Словцов записывал свой текст, война 1812 года и Наполеон были еще памятны русским крестьянам, но к 1870-м годам эта тема перестала быть актуальной для их сознания. Поэтому сюжет теряет свои конкретно-исторические приметы. В другом тексте на этот же сюжет, записанном М. А. Колосовым в Карелии (за тысячу километров от места бытования пермской сказки П. Словцова), есть фраза, прямо связывающая сказку с войной 1812 года («В двенадцатом году было дело»), но противниками безымянного русского «белого» царя здесь являются уже не французы, а турецкие послы (вероятно, отголосок Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)[2].

Итак, попытки приспособить традиционную сказочную форму к новому, подчеркнуто острополитическому содержанию, существовали задолго до установок советской фольклористики 1930-х годов. В силу многих причин сказки-новации редко попадали в поле зрения фольклористов. Краткосрочность их жизни в фольклоре, периферийное положение в традиции, определенное пренебрежение собирателей к материалу такого рода – все это стало причиной того, что наука знает ограниченное число примеров подобных сказок. Но сам факт их существования отрицаться не может.

В тридцатые годы собиратели, чьи усилия были направлены на поиски эпических, масштабных произведений о советской действительности, воспользовались периферийной тенденцией, заложенной в фольклорной традиции (отражение сиюминутных политических событий), активизировали эту тенденцию и нацелили сказочников на создание произведений нужной идеологической ориентации. Темы, которые затрагивали сказочники в советских сказках, те же самые, что и в новинах: Чапаев, героилетчики, покорители Арктики, русско-японские конфликты.

---

[1] Архив Российского географического общества (С.-Петербург). Р. 29. № 22. Л. 5.

[2] *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности. СПб., 1877. Т. 17. № 3. С. 187–189; перепечатано: Русские сказки Карелии (старые записи) / Подгот. текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. № 20.

Советские сказки можно разделить на две жанровые группы – тексты без аллегорического начала и произведения с аллегорическим началом. Примером первого рода может служить пересказанная выше сказка М. М. Коргуева о Чапаеве. Здесь используются определенные сказочные мотивы, что и определяет фольклорную составляющую подобных произведений. Примером аллегорической сказки является сказка Ф. П. Господарева «Красные орлята». Здесь орлята – аллегорическое изображение героических советских летчиков, осваивавших в тридцатые годы Арктику. Красный цветок, который добывают орлята, – аллегория тайн и богатств Арктики. Надо отметить, что аллегория (конкретное изображение предмета или явления действительности, заменяющее собой некое абстрактное понятие) абсолютно не свойственна русской сказочной традиции. Однако на периферии этой традиции – в дореволюционных сказках-новациях – аллегория возникает. Так, аллегорическое начало присутствует в названной выше сказке о Крамоле. Там Крамола воплощает собой разрушительное начало русской революции. Аллегория, как показывает републикуемый нами материал, стала популярным художественным приемом и в советских сказках.

Рассмотрение разных жанров советского эпоса (плачи, плачи-сказы, поэтические сказы, новины, новины-поэмы, советские сказки) обнаруживает одну закономерность: в произведениях советского эпоса актуализируются периферийные, явно не главные, художественные пласты, заложенные в свернутом виде в фольклорной традиции.

Заканчивая разговор о советском эпосе, мы хотели бы высказать несколько соображений о понятии «фальсификация» в области фольклора и фольклористики. В сфере литературы нового времени подделками называются произведения, сознательно выдаваемые их авторами или издателями за сочинения других писателей, чаще всего известных и популярных. В русской культуре большой резонанс получили такие фальсификации, как пролог Н. Городецкого к грибоедовскому «Горю от ума» (1892 г.); окончание пушкинской «Русалки», предложенное Н. Зуевым (1897 г.) и принятое академиком Ф. Е. Коршем за подлинный текст великого поэта; отрывки из второго тома «Мертвых душ», стилизованные Н. Ястржембским (1872 г.) и др. К этим и подобным случаям в науке относятся, как правило, как к курьезам.

Понятие «подделка» в области древнерусской письменности сложнее и многозначнее. Уже средневековая Русь знала

документы, сфабрикованные в свое время древними писцами (подложные грамоты князей, указы и т. д.). Тем не менее, несмотря на их фальсифицированный характер, ученые не исключают эти материалы из сферы своего исследования. «По поддельным памятникам, – пишет Д. С. Лихачев, – мы можем изучать мотивы, по которым они были сделаны, литературные приемы самой подделки и т. д. Это памятники быта и представлений своего времени, а часто – общественной мысли и литературы»[1]. Далее он продолжает: «Подделка – это такой же памятник, как и всякий остальной, но сделанный с особыми целями»[2] (разрядка автора. – *Т. И.*). Таким образом, средневековая подделка не исключается современными исследователями из общего литературного процесса.

Наряду с древнерусскими поддельными текстами науке приходится сталкиваться и с фальсификациями иного плана: созданные в новое время рукописи с текстами известных средневековых произведений выдавались за древние списки. Так, в 1815 году А. Бардин продал А. И. Мусину-Пушкину, открывателю «Слова о полку Игореве», поддельный экземпляр этой жемчужины древнерусской литературы. Подобного рода фальсификации, естественно, также являются всего лишь любопытным эпизодом науки нового времени, но отнюдь ничего ценного не вносят в наше понимание литературы Древней Руси.

В фольклористике есть своя специфика понятия «подделка». Здесь под это определение могут подходить не только прямые стилизации народной поэзии, выдаваемые их создателями за фольклор, но и подлинные записи устно-поэтических текстов. В свое время Б. Н. Путилов предложил следующую классификацию фольклорных фальсификаций:

1. Сочинения текста «под фольклор», с большей или меньшей степенью стилизации.

2. Редакторская переделка подлинного фольклорного произведения, приводящая к созданию нового «варианта» или новой «версии» данного произведения.

3. Скрытая перепечатка: текст, ранее опубликованный (подлинный или, в свою очередь, сфальсифицированный – все равно), перепечатывается вновь и выдается за новую запись, за новый вариант; при этом перепечатка может сопровождаться некоторой редакторской правкой[3].

---

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 348.

[2] Там же. С. 349.

[3] *Путилов Б. Н.* Текстологические заметки к песням разинского цикла // Русская народная поэзия. Горький, 1961. С. 95–96 (Фольклористические записки Горьковского университета. № 1).

На первый взгляд может показаться, что первый из перечисленных выше типов фольклорных подделок наносит наиболее ощутимый вред развитию науки. Ведь стилизации, в отличие от скрытых перепечаток и редакторских переделок подлинных произведений народной поэзии, не имеют ничего общего с фольклором. Они полностью идут от автора – их создателя. Однако, как это ни парадоксально, некоторые из авторских сочинений «под фольклор» сыграли не просто положительную роль в становлении национальных культур, но даже выдающуюся. Мировая культура знает случаи, когда фальсификация фольклорных текстов оказала влияние на общеевропейские процессы в развитии искусства. Так, шотландский учитель Джеймс Макферсон, «открывший» в 1762 году поэмы мифического древнего барда Оссиана, стал родоначальником целого направления в искусстве – романтизма, имевшего огромное значение для литературы, живописи, архитектуры, музыки и повлиявшего даже на стереотипы поведения людей конца XVIII – начала XIX века. Порой авторские сочинения «под фольклор» получали определенный резонанс не только в культурной, но и в общественной жизни наций. «Краледворская рукопись» чешского филолога Вацлава Ганки (1817 г.), содержавшая якобы народные эпические песни, в XIX веке стала символом самобытности чехов, отстаивавших свою независимость от немецкого засилья. Героические баллады куруцев – повстанцев, сражавшихся против Габсбургов, – созданные Камманом Тали (1864 г.), сыграли ту же роль в истории венгерской культуры[1].

Ко всем перечисленным выше произведениям наука, как правило, не применяет термин «фальсификация», а говорит о «литературной мистификации». Критерием для разграничения фальсификаций и литературных мистификаций служит историко-культурная и эстетическая значимость вторых по сравнению с незначительностью и малоценностью первых.

Скажем сразу, что русская культура не знает подделок «под фольклор», которые оказали бы сколько-нибудь заметное влияние на ее развитие и могли бы считаться талантливой литературной мистификацией. Сфабрикованные отставным офицером А. И. Сулакадзевым (Селакадзевым) песни мифического певца Бояна из литературных авторитетов ввели в заблуждение, кажется, только Г. Р. Державина. Но и он, публикуя свой перевод «славяно-рунных» стихотворений, предупреждал чита-

[1] Подробнее см.: *Дмитриев В. Г.* Замаскированная литература. М., 1973. С. 24–31.

теля: «...за подлинность их не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слог удостоверяют о их глубокой древности»[1]. Все другие русские сочинения «под фольклор» вообще не вышли за рамки науки: они остались лишь фактом фольклористики (но, подчеркиваем, не фактом литературы и культуры!), причем фактом, осложняющим развитие науки и искажающим наше представление об устно-поэтическом репертуаре русского народа. Таковы подделки И. П. Сахарова, Н. И. Костомарова, возможно, Л. Мея[2]. Иноязычные подделки русского фольклора (былинного эпоса), созданные в культурах, для которых Россия была экзотикой, также не сыграли сколько-нибудь заметной роли в развитии западной литературы[3].

Произведения советского эпоса в классификации фольклорных подделок, предложенной Б. Н. Путиловым, занимают особое место. Это не скрытые перепечатки и не редакторские переделки подлинных фольклорных текстов. Рассмотренные нами произведения — это сочинения «под фольклор», но сочинения особого рода: они созданы не фольклористами (ср. Вацлав Ганка, И. П. Сахаров и др.), а сказителями, сознательно оторвавшимися от исконной фольклорной традиции и находящимися под идеологическим и литературным руководством собирателей. Возможно, проанализированный творческий союз собирателей и сказителей — это единственный, уникальный пример в истории мировой фольклористики. Как бы то ни было, при всей спорности данной страницы в истории отечественной науки, создание произведений советского эпоса не должно быть перечеркнуто или попросту забыто. Этот эпизод в истории русской фольклористики, как и все остальные, нуждается в полноценном прочтении и осмыслении.

---

[1] *Державин Г. Р.* Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 585.

[2] См.: *Пыпин А. Н.* Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898; *Алексеева О. Б.* Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 329–343; *Митропольская Н. К.* К вопросу о научной оценке текстов русских былин: (Былины о борьбе Ильи Муромца с Калином-царем) // Ученые записки Вильнюсского университета. Сер. 6: Историко-филологические науки. 1955. Т. 2. С. 101–117; *Ухов П. Д.* О подлинности текста былины, записанной Меем // Науч. докл. высш. школы: Филологические науки. 1958. № 1. С. 86–99.

[3] См.: Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Leipzig, 1819. — Автором книги является петербургский немец Карл Буссе; *Altman Julius.* Die Balalajka. Russische Volks-Lieder. Berlin, 1863. Рец.: *Котляревский А. А.* Сочинения. СПб., 1895. Т. 4. С. 417.

ПЛАЧИ И ПЛАЧИ-СКАЗЫ

ТРАДИЦИОННЫЕ ПЛАЧИ С ЭЛЕМЕНТАМИ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

1. Товарищ Сталин не оставит нас, победныих (Плач по мужу)

Как сегодним дéнечком
Получила весть нерадостну
Как от своей от законной от семеюшки,
Что убитая законная семеюшка
У врагов земли советскоей,
У злодеев супостатыих.
Я осталася, победная головушка,
С малыма со детушкама.
(Одна-ко стадушко гусиное,
А другое лебединое.)
Как я стану их возвращивать
Без родителя, без татеньки.
Приодумаюсь, победная головушка,
Уж я выйду на широкую на улицу,
Посмотрю я на четыре на сторонушки:
Не летят ли эропланы златокрылые,
Не стучат ли моторá да громогласные,
Не везут ли там законную семеюшку,
К вам, детушки, родителя-татеньку.
Вы послушайте, рожоны мои детушки,
Мы подумаем, победные головушки,
Что живем теперь-то мы же не по-старому,
Хотъ и нет у нас родителя-татеньки,
Но мы на тое-то надеемся —
Мы напишем скорописчатые грамотки
Дорогим своим товарищам,
Многоумныим головушкам,
Мы товарищу Сталину.
Он не бросит нас победныих,
Не оставит нас раздетыих
И не оставит нас разутыих.

И мы на этом успокоимся,
Хоть болит мое ретивое сердечушко,
Но все надеюся, победная головушка.

2. Уж теперь времечко советское (Плач по мужу)

Уж не доли-тко меня, беднушку,
Уж как злодийная обидушка,
Уж окаянная кручинушка,
Уж не теките, горючи слезы,
Уж со моих да со ясных очей.
Уж по сегодняшнему дéнечку
Уж закатилось красно солнышко.
Уж как по утрышку по раннему
Уж очи ясны помутилися,
А резвы ноженьки сломилися:
Уж пришла весточка нерадостна,
Уж пришла весть да невеселая
Со путистой со дороженьки,
Уж как от мужа от законного,
Уж как со Онегушка широкого.
Уж захватила болесть сильная
Уж на ретивое сердечушко,
Болесть на сердечушко садилася,
Дак тут смеретушка явилася,
Уж во его сердце вселилася.
Дак он пытал да смерть отказывать,
Уж он пытал да уговаривать:
«Уж как, злодейная смеретушка,
Уж дай мне время не надолечко,
Дак уж мне-ка съездить да, смеретушка,
На родимую сторонушку
Уж к рожоным малым детушкам,
Уж мне с молодой женой проститися,
А малым детушкам сказатися,
А мне с дорожки показатися».
Так ведь злодийная смеретушка,
Она его да не послушала,
Уж ему да не сказалася,
А за сердечушко ималася;
Да как уж сняла да смеретушка
Да его здох да со белых грудей,

Уж его свет да со ясных очей
Уж на середь Онегушка шумячего,
Уж как на белоем снежочике,
Ой да на яровом ледочике.
Уж как не видим тут мы милого,
Уж моего мужа любимого,
Уж как сиротны малы детушки,
Уж я несчастна молода жена;
Уж только видели несчастного
Уж только птицы тут летучие,
Ой только звездочки сыпучие.
Дак привезли мужа законного
Ой на лошадке его мертвого
Ведь не во вито его гнездышко,
Ой не домой да во новóй терéм,
А привезли мужа законного
Ой во больницы во казенные,
Ой во больницы во приемные —
Ему разрезать тело мертвое,
Уж тело мертво, груди белые,
Уж поглядеть да во его телах,
А что за боль да во его грудях.
Уж доступалась я да, беднушка,
Моего мужа законного.
Дак я с милицией ведь спозналася,
Дак я с има ведь поругалася,
Что отпустите-ка, пожалуста,
Моего мужа законного
Вы во витое во гнездышко
Уж к сиротам да ведь несчастным,
А ко мне домой, ко вдовушке.
Дак положила мужа законного
Уж я в домичке на столички,
Дак уж я села тут, беднушка,
Уж я на ступенечки дубовые
Уж я тут к мужу ко законному;
Дак со моих-то со ясных очей
Протекала речка быстрая.
Так у его стала выспрашивать:
Дак уж как мне жить нонь, беднушке,
Уж с твоима маленькима детушкамы,
Уж как я буду их выкармливать?
Уж у меня голые да босые,

Уж нету хлебушек выкармливать,
Уж у мня нету золотой казны
Уж одевать сирот несчастныих,
Уж как мне рендушки уплачивать.
Дак мне во снях да показалося,
Уж как ночью мало спалося,
Что говорил да мне законной муж:
«Не плачь, жена моя несчастная,
Уж как моя головка бесталанная,
А ныне ведь времечко счастливое,
Уж будет время таланливое,
Уж теперь времечко советское:
Уж ты ведь сходишь, моя милая,
Уж обратят да ведь вниманьице».
Дак я от радости да проснулася,
Да от большой да пробудилася,
Уж я сказала малым детушкам,
Уж своему сыну бажёному:
«Уж ты, дитя мое бажёное,
Сходи во лавочку торговую,
Купи лист бумаженьки гербовоей,
А пиши-ко заявленьице
Уж ты в Москву да в управленьице
Уж дорогому вождю Ленину.
Уж попрошу я, беднушка:
Уж как советские правители,
А всему свету избавители,
Уж вы призрите-тко, пожалуста,
Уж как моих сирот несчастныих
Уж как во школы да казенные,
Уж в города да вы во новые;
Да обратись, товарищ Ленин-то,
Уж на моих детей несчастныих,
Уж дай хорошо воспитаньице,
Дай казенно содержаньице,
Моих детушек повыучи,
В советску жизнь да их повыведи».

***

Я стала мать теперь счастливая:
Уж распекло да красно солнышко
И пригрело мать счастливую.

При советской нуньче жирушке
Я сижу да под окошечком
За зелеными цветочиками.
Дак как приносим благодареньице
Мы вождю да товарищу Сталину:
Уж вам глубокое почтеньице
Уж как за ласковы словечушки,
За больши за добры делушки.

3. Плач о брате, павшем в боях с белофиннами

Как пришел я со работушки тяжелоей,
Подает жена мне грамотку посыльную,
По лицу ее горохом слезы катятся.
Как беру я в руки эту грамотку,
Скоро-наскоро ее распечатываю,
А во той ли грамотке написано
О родимом братце весть нерадостна,
Что во той ли западной сторонушки
Уложила его пуля неприятеля.
Как любимого да брата Саши милого
Во снегу глубоком тело рухнуло,
Приклонилось от удара да сырой земли.
Ясны очи его да не закрытые,
Руки-ноги как попало приразброшены,
На головушке на буйной шлем не держится.
От того ли солнышка от жгучего
Порастаяли под ним снежки пушистые,
Порастает травушка зеленая.
Не видать могилки братца милого,
Не придется побывать на той могилушке.
Спи-ко, братец мой, да красно солнышко,
Не придет к тебе да родный батюшка,
Не найти твоей могилки родной матушке.
А ты честно положил свою головушку
За великого за Сталина, за родину,
Твоя доблесть, твоя славушка осталися.

ПЛАЧИ О ЛЕНИНЕ

4. Покойнишный вой по Ленину

Ой ишо Владимир та да всё Ильич толька,
Ой да на каво жа ты да распрагневалса,

Ой да на каво жа ты да рассердилса-та.
Ой ишо хто у нас будит заведавать,
Ой ишо хто у нас да испалнять будит,
Ой испалнять будит дила тижолыя.
Ой испалнять у нас типерь адин будит,
Ой што адин будит да испалнять у нас,
Ой што адин только да Леф Давыдавич.
Ой што, вить, скружитца иво галоушка,
Ой што вить броситца да он в пичалюшку,
Ой он ф пичалюшку, в бальшу заботушку.
Ой уш куда иму типерь и кинутца,
Ой то ли в ту старану, то ли в другу старану.
Ой и куда иму пригнуть галоушку,
Ой што скружили та иво, вить, воиска,
Ой што, вить, воиска иво савецкия.
Ой уш все воиски ни станут слушацца.
Ой уш и што мы станим делать с вам,
Ой уш и как мы вас подымим на́ наги,
Ой уш и как мы вас толька разбудим-та,
Ой ишо как толька да раскричим мы вас.
Ой уш астались мы да все сиротачки
Бис сваёва-та да управитиля.
Ой ишо был ба вон у нас при живнасти,
Вон при живнасти да при здаровьицы,
Ой заступил ба вон да всё за всех за нас,
Ой уш наставил ба вон нам парядачик.
Ой уш зачем ета да толька смерть пришла,
Ой уш заставила тирпеть нас горюшка,
Ой и заставила да нас страдать па вам.
Ой уш начали мы думушку думати,
Ой и куда жа нам скланить галоушку
Бис сваёва-та да управитиля.
Ой уш, как стань-ка ты, умна галоушка,
На сваё толька да ты мистечушка,
Ой сажилей-ка ты да сваё воиска.
Ой уш куда толька будим диватца мы...
Ой уш мы склоним та сваю галоушку,
Ка той старонушки, ка Льву Давыдычу,
Ой станим знать аднаво, да станим слушатца.
Ой-а вас всигда да спаминать будим,
Ой никада та мы да ни забудим вас,
Ой вашу смёртачку да чижалёшиньку,
Ой спаминать станим вас па канец жизни.

5. По твоим заветам все исполнилось

Не ветра шумят холодные,
Не пески бегут зыбучие, –
Снова горе подымается,
Словно злая туча черная.
Как гроза со градом-молнией,
Пала на сердце кручинушка.
Эту темную кручинушку
Не развеять ветру быстрому,
Не умчать песку зыбучему,
Не покрыть грозою-тучею.
Посижу я, слезы выплачу.
От моих ли слез да горечи
Сине море переполнится,
Разольются реки глыбкие,
Камни белые расколются,
Чисто золото рассыплется!

Если бы стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя,
Али в ласточку во быструю,
Я бы горьких слов не баяла,
Я б горючих слез не ведала,
Полетела б я прямехонько,
До Москвы бы долетела я,
До Кремля стены, до каменной,
К мавзолею опустилася,
Ко Владимиру ко Ленину.
Я б ему сказала: «Солнце ясное,
Посмотри кругом, порадуйся,
Как все в жизни изменилося.
Вон сады цветут – колхозные,
Вон поля цветут – колхозные,
Как светло-светло нам жить становится!
Наши дети в школах учатся,
В небе наши парни-соколы,
Наши девки водят тракторы.
И живем мы домом – полной чашею,
И в руках у нас работа спорится,
И в сердцах у нас любовь горит
За твою борьбу, за подвиги.
Ты для нас работал, рук не кладучи,
Ума-разума большого не жалеючи,

Ты сгорел за нас костром-полымем.
Все, что думалось тобою, все исполнилось!

По твоим заветам-завещаньицу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
От орлов орлята нарождаются,
У соколов — полеты соколиные,
Океан да с океаном — братья кровные.
Сталин Ленину да кровный брат
По работе, по размаху по орлиному,
По полету, по простору соколиному.
Мы идем со Сталиным, как с Лениным,
Говорим со Сталиным, как с Лениным,
Знает все он наши думки-думушки,
Всю он жизнь свою о нас заботится.
Под его водительством-заботою
Нет у нас сейчас людей без племени,
Нет без роду, без отечества,
Нет сирот, солдаток, горьких вдовушек,
Ни батрацкого житья-бытья,
Ни полыни, лебеды-травы.
И одна сейчас у нас дороженька
К счастью, светлая, лучистая, широкая.
И ведет по этой по дороженьке
Нас родная наша партия.
К счастью светлому дороженьку
Не развеять ветру черному,
Не снести песку зыбучему,
Не залить рекой глубокою,
Не покрыть грозою-тучею».

6. Плач по Ленину

Мне подсесть кручинной головушке,
Уж и сесть мне к товарищу Ленину
С великоей обидушкой,
Что это чудушко счудовелоси,
Что это дивушко сдивовелоси.
Была думушка не думана,
Была мыслиина не мыслена,
Что придет к тебе смерóтушка.
И не пришла тебе судьбинушка

Пожить жизнею хорошею поболле.
И еще, мой дорогой,
Мне уж стать сказать не высказать,
Мне уж стать писать не записать,
Про твое житье-живленьице.
Була жирушка тяжелая,
Все работала твоя буйная головушка,
И волновалося ретливое сердечико,
И был отправлен ты на чужедальнюю сторонушку,
И был посажен ты на замки ключовыи,
И еще то жил ты во в темных лесиках,
И жил ты в маленьких келиках.
Была тебе кукушка и печалюшка,
И имел ты великую досадушку,
Все работал и старался
Своей буйноей головушкой,
И ретливыим сердечиком.
Все кручинился, печалился,
Полагая свою жизнь
За своих любимых товарищей,
За хороших работников.
И все расстраивал свое ретливое сердечико,
И как бы мне перевернуть эту власть,
Как бы мне устроить власть советскую.
Были нервы у тебя тяжелыи,
И устали твои нежныи ручики
Писать белыи бумажечки.
И нападывали на тебя, вить, злые люди
Горькимы словами и тяжелыма ударами.
Все равно ты добивался и не жалел себя,
Своей силушки, своей буйной головушки,
И жалел своих любимых товарищей,
И всех рабочиих-работников.
И все хотелось тебе дать им вольную волюшку,
Великую слободушку.
И устроил ты как тебе хотелосе,
Сделал ты вольную волюшку,
И дал ты слободушку.
И еще вы, мои дорогие товарищи,
Уж вы вспомните товарища Ленина,
Вы вспомните его словами добрыма.
Уж что мог он, то ста́рался,
И всю силушку положил для вас,

Для своих любимых товарищей,
Для хороших работников.
Где бы жить ему да любоватися
Дорогому товарищу Ленину.

7. Каменна Москва вся проплакала

Как у нас было в каменно́й Москве
Велико у нас несчастие случилося.
Тут река Москва сколыбалася
Да как морской волной разбегалася,
Красно солнышко затемнялось всё,
Дерева в саду пошаталися,
Мать сыра земля разревелася,
Тут погодушка взбушевалася,
Сне́ги бурею подымалися.
Каменна́ Москва вся проплакала,
Все народ-люди ужахалися.
Луна небесная у нас не све́тила,
Народ-люди все призамолкнули,
Призамолкнули, призагунули,
Поодели платье черное
Да ходили все невеселы,
Буйны головы с плеч повесили, —
Услыхали они весть нерадостну.
Как пришла-то весть из Горок всё:
Как не стало у нас красна солнышка,
Как и той луны поднебесные,
Золотой звезды все блестящею,
Как не стало вождя всей Россиюшки —
Дорогого у нас товарища Ленина,
Как Владимира да Ильича-то свет.
Он куда у нас да отправляется?
Во какую путь-то во дороженьку,
Он во дальную да во печальную?
В иностранны ли земли западны?
На черненых ли больших ко́раблях,
На паровых ли пароходиках?
Как во те ли земли во восточные,
В города ли он да всё во дальние?
Не в города он у нас да не в восточные,
Не на черненых да больших ко́раблях,
Не на паровых он у нас на пароходиках,

Не по морям-то у нас по глубокиим,
Не смотреть-то ведь ледоколов тех,
Как промышляют они, ходят
Во зимы́, зимы́ холодные,
По тому ли морю Белому,
Как не смотреть, не проверять же тут.
Все дозналися, догадалися,
От старого все до малого,
Что ушел от нас, укатился он, –
Из очей-то, из глаз удалился он
Не за круты горы Воробьевские,
Не за матушку Москву-реку,
Не за тёмны леса, за дремучие,
Как ушел от нас, укатился тут,
Как великий вождь, дорогой товарищ,
Еще Ленин всей России отец же был,
Все Владимир-то Ильич-то свет.
К высокой стене ко Кремлевскою
В мавзолей его поло́жили.
Очи ясные призакрытые,
Уста саха́рные призамолкнули,
Руки белые прираскинулись:
Во тужурочке во военную
Крепко спит да не пробудится.
Как не день-то он спит, да не два, не три же он,
И будить нам, не разбудить его,
Ни слезами его ни горючими,
Ни струна́ми нам его золочёными,
Ни тема́ ли гуслями веселыми,
Ни арфа́ми все игромыми,
Нам кричать и звать, не дозваться же,
Берегут-то его и день и ночь
Новобранные ребята Красной Армии:
Во руках-то ружье держат всё,
Ружья светлые, замки крепкие.
Они стоят да призадумались,
Призадумались да запечалились:
У них думушка да очень тревожная,
Воздыханьице тяжелехонько.
Ты спокойно спи, дорогой Ильич,
Красная Армия очень крепкая,
Очень крепкая да очень верная.
Как твоя-то жизнь была тревожная, беспокойная,

Не в радостях прошла она, не в весельице,
Твоя молодость не в гуляньице,
Не в веселом-то пированьице.
Много-много претерпел же ты
Огрубленьица, неприятности,
За бедных людей, за крестьянина,
За весь народ переносил-страдал:
Засажён-то был во темну́ тюрьму,
Выгнан был во темны леса.
В твои-то ходы подземельные,
Что на Красной славной площади,
Ходят все — со старого и до малого,
Смотрят на тебя, на ясна сокола,
На ту ли на зорю, зо́рю утренню,
На ту ли на звезду поднебесную.
Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Со всех четырех со сторонушек:
Со первой стороны — со восточную,
Со второй-то все — со западной,
Со третьей-то — со летнею,
С четвертой-то — со северной,
Сбросьте, скиньте гробову доску;
Раскройтесь-ко, очи ясные,
Да проговорьте, уста саха́рные.
Пробудись-ко, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, погляди на славну́ матушку,
Славну́ матушку, каменну́ Москву...
Ты зайди, зайди во палаточку,
Во палату — в кабинет же свой,
Ты садись, садись все на стул же свой,
Ты возьми в свою руку правую,
Ты возьми перо скоропи́счато,
Ты пиши, пиши скору грамоту,
Скору грамоту по всей Россиюшке:
Во свою славну́ каменну́ Москву,
Во славной-от Ленин-град,
По колхозам всем и по фабрикам.
Вы не ждите-ко, народ-люди добрые,
Как от старого все до малого,
Не по городам и не по деревенькам же,
Не придет к нам и не будет он,
Не будет наш дорогой Ильич.
Все дела поручил же и оставил он

Неизменному вождю всенародному
Своему славному другу Сталину.
С Ильичем-то он всё думу думает,
Думу думает, речи говорит:
«Мы с тобой, Ильич, не расстанемся,
Не расстанемся, не разъедемся,
Вечно будет про тебя споминаньице».

8. Постройте-ка стену везде каменну

Приехали хорошие, ясны соколы,
Чтобы мы пели досюльные, унылые песенки.
Вот в чем я попрошу вас,
Хорошие, ясные соколы:
Как вы приедете в славный столичный город,
Во Москву-столицу славную,
Отыщите-ка могилку умершую;
Там лежит-то на печаль на великие
Дорогого нашего товарища Ленина могилка умершая.
Чем мы, труженики, поблагодарим его
За его-то работу хорошую?
Старых он обеспечил пенсией,
Слабо-больных он обеспечил ку́ртом,
Обеспечил матерей-родильниц отдыхом.
Вот мы живем и завидуем
Им, старые да пристарелыи,
Что им пришла да пора и времячко,
А как мы-то жили у Николки кровавого:
Не учили-то нас грамоту,
Не давали нам свету белого,
Остались мы темныи да глупами.
О себе только имел он пира да балы великия,
Он построил церкву́ богомольную,
Для забавы держал жене Гришку распутного.
Служили отцы и деды нашии
Кулакам да богатеев проклятыих.
Коль была сила да могутушка,
До тех пор они работали-трудилиси.
А как стали старыми да пристарелами,
Пошли они по домам собирать куски.
Не спускали их в палаты (свои) да белокаменныя,
Прорубали они в стеклах да ферточки,

Подавали куски да все завалёныи,
Завалёныи, засушоныи.
А как же мы ро́сли малыми
При цари да при Николушки:
Были не одеты уж, не обутыи.
По пяти детей было у матери,
Держали на одну артель да валенки,
Не видели они да польта теплого.
Припомню я эту пору да времичка,
От скажу я о своей были́.
Вот я имею да восемь вну́чат моих,
Все одетыи да все обутыи,
У всех платьица да у всех бо́тинки.
Погляжу да позавидую:
Вот какая вам пришла пора да времичко.
Постройте-ка стену везде каменну,
Наш любимый Иосиф Виссарионович.
И поставь-ка кругом стражу великую,
Чтобы не было злодеев и лиходеев,
Продажных изменьщиков,
Чтобы не напали на нашу великую родину,
Великой да знатный Иосиф Виссарионович.
У нас ведь есть много сердечна детушек,
Мы дадим тебе защитников да заборонщиков.

9. Постройте-ка стены везде да каменны

Приехали ясны хорошие соколы,
Чтобы мы пели хорошие унылые песенки.
Вот в чем попрошу вас, хорошие ясные соколы,
Как вы прибудете в славный столичный город
В Москву, в столицу белокаменную,
Отыщите-ка могилу вы умершего,
Там лежит-то на печаль на великую
Дорогой товарищ Ленин.
Поспешился он да поторопился
Прикласть свои белые рученьки
К своему-то сердцу ретивому.
Куда он нас бросил да и покинул
Всю славную Россию матушку?
А как мы-то жили в старое время:
Не учили-то нас грамоте,
Не видали мы свету белого.

У богатых были палаты белокаменны,
Они построили церкви себе богомольные.
Работали отцы и деды наши
Кулакам да богатеям проклятым
Как была сила да могутушка,
А как стали старыми да пристарелыми,
Пошли они по домам собирать куски.
Не пускали их в палаты да белокаменны,
Подавали им куски да все завалены,
Завалены, засушены.
А как же мы росли малыми,
Были не одеты да не обуты,
По пяти детей было у матери,
Держали на артель да одни валенки.
Применю я в эту пору-времечко:
Вот я имею да восемь внучат моих,
Все одетые да все обутые,
Погляжу да позавидую,
Вот какая вам пришла пора да времечко.
Постройте-ка стены везде да каменны,
Наш любимый Иосиф Виссарионович,
И поставьте кругом стражу великую,
Чтобы не было злодеев и лиходеев,
Продажных изменников,
Чтобы не нападали на нашу великую родину.
Послужи-ка нам службою да верною,
Как служил нам Владимир Ильич.
Великий да знатный Иосиф Виссарионович,
У нас ведь есть сердечны детушки,
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков.

10. Любимый вождь Ленин

Пойду я, причинная обидная головушка,
К своему любимому вождю Ленину,
К трудное ко тяжелое постелюшке.
И не глядели бы мои ясные оченьки,
Не перенесет мое ретивое сердечушко,
На тебя глядючись и смотрючись,
На твою на умную-разумную головушку.
Принажил ты себе трудную тяжелую постелюшку
Не от легкие жирушки прокладное,

Не от веселое гуляньице,
Принажил ты эту трудную постелюшку
Из-за многих добрых людушек.
И как теперечко и нынечко
Будя постретит тебя скорая непосюльная смертушка,
Каково мы будем содержать великую надеюшку?
И как у нас по частым маленьким деревенькам,
У нашего у любимого вождя Сталина,
Есть устроено культурное жирушка веселая,
Так есть мне жаль да тошнехонько
Нашего любимого вождя Ленина,
Как позаботился об трудных рабочих и крестьянах
Об нашее колхозное жирушки...
Ты еще-тко ты послушай-ко,
Наш любимый вождь Ленин,
Как ты со малого со юного ребячества,
Как приотправили тебя родимые родители
На чужую на дальнюю сторонушку,
С ростом возрастом не сполнявши,
С умом разумом не собравши.
Приузнал ты раньше времени, раньше порушки
Всех многих добрых людушек.
Было тебе трудно да тяжелешенько
И на чужое на дальнее сторонушки
И со чужими не с родимыми родителями
С ростом возрастом принаполниться,
С умом разумом принособраться,
С плечика с полеченькою обравнялися,
Твое белое личико принаполнилось.
Принападали на тебя и многи злые людушки,
Принаследовали твою трудную тяжелую работушку.
И не было при тебе ни питьица медового,
И не истьица сахарного,
И не постелюшки мягкое,
И не окуточки ни теплое,
И не было тебе платьица по плечикам.
Только была тебе каторжная жирушка проклятая.
И потерпела твоя молодецкая разудалая твоя буйная головушка
Эту тяжелую нелюбимую трудную жирушку,
И загубил ты свое любимое, драгоценное здоровьюшко.
Принападали на тебя враги да неверные,
Принапускали пулю быструю

В молодецкую грудь белую.
От твоей груди белая
Потекла кровь алая.
Есть мне жаль да ведь тошнехонько,
Я высиживала темну ноченьку,
Проливала я горьки слезиночки
По своей по бумажной личике.
Как с твоей груди текла кровь алая,
Так по моей личики текли слезиночки.
И как нынече-теперечко
Как ты находишься перед трудные тяжелые
постелюшкой,
Потерпел ты много горюшка невыносимого
И много жирушку трудное,
И идет к тебе смертушка непосильная.
Приоставивши ты свою любимое семеюшку,
Законную головушку...
Своего любимого товарища Сталина,
Приоставивши ты много заботушки и головушки
И много трудное тяжелое работушки,
Приоставивши многих добрых людушек,
Приоставивши наших пионеров-детушек,
Приокончил свое здоровьице,
Свое житье-бытье живденьице.
Мне и жаль да ить тошнехонько
Нашего любимого вождя Ленина...

11. Уж как вспомним мы, бессчастные

Как услышали мы весточку нерадостну
Да известье невеселое,
Как мы все да сволновалися,
Мы услышали, что нет в живых
Владимира Ильича Ленина.
Он скончался двадцать первого
Января, морозна месяца.
Уж как мы да тут подумали,
Уж как горько мы заплакали.

***

Уж как вспомним мы, бессчастные,
Уж мы наше житье-жирушку.

Как при царском правительстве
Придем с трудной работушки,
У нас так много заботушки.
Где бы детушек ухаживать,
Надо мужа тут налаживать;
Придут празднички годовые,
Да у нас слезушки готовые.
Мы держали, многобеднушки,
Резвы ножки на дороженьке,
Белы руки на заложечки,
Мы встречали мужа пьяного,
Мужа пьяного да упрямого.
Он придет да все ругается,
Да надо мною издевается,
А я не знала куда детися,
От побоев схоронитеся.
Малы детушки приплачутся,
В темну ночку испугаются.
А богоданные родители
Станут мужу тут насказывать:
«У тебя жена-то вольная,
Она нам да непокорная,
Наб учить жену побоями,
Все побоями-ударами».
А как пожалиться да было некуда,
Там судил суд да не по женщине,
Все урядники-начальники,
Все попы-отцы духовные
Да служители церковные.
Как венчали нас по-строгому:
«Будь жена мужу покорная,
Голова да будь поклонная.
Ты, жена, мужа ухаживай,
Мужу пьяному уважывай.
Ты жена мужу законная,
Голова да будь поклонная».
Как проклята была жирушка
Нам, бессчастныим головушкам.

***

А как после революции
Была даная нам волюшка,
Воля вольная свободушка.

15 Рукописи

Мужовей мы не боялися,
Свекру мы не покорялися
Да свекровам мы не кланялись,
А куды вздумаем — отправимся,
Уж мы в клуб на постановочки,
В сельсовет да на собрание,
Мы с мужьями в заседание.
Как домой мы возвращаемся,
Тут свекрова не ругается,
Наша зыбачка качается,
Свекор скоса не выглядыват.
И кабы были бы у беднушки,
У меня крылышки гусиные
Да и перья лебединые,
Я слетала бы, победнушка,
За те горушки высокие,
За те водушки глубокие,
За те лесушки дремучие,
Во Москву во белокаменну,
На умершую могилушку,
К дорогому вождю Ленину,
Я бы к телу его мертвому,
Я бы к личику его блеклому.
Вы завийте, ветра буйные,
Ветра буйны, полуденные,
Мураву траву да размуравьте-ка,
Вы желты песочки разнесите-ка,
Гробову доску вы приоткройте-ка,
Личко белое покажите-ка.
Не заговорит ли со мной, беднушкой,
Хоть одного-то он словечушка.

12. Уж пойти-ка мне, горюшице

Уж пойти-ка мне, горюшице,
Уж ко столу да ко дубовому,
Уж поприсести мне да потихошеньку.
Уж как не знаю только, беднушка,
Сесть мне к резвыим ли ноженькам
Али к буйной ко головушке?
Уж лучше сяду только, беднушка,
Против сердечушка ретивого,
Уж погляжу на тело мертвое,

Уж тело мертвое, личко блеклое,
Да как спрошу, бедна горюшица,
Дорогого вождя Ленина:
«Уж как что с Вами случилося,
Что за боль да приключилася?
Уж ты ведь трудничок-работничок,
Уж всему миру был пособничок,
Уж малых детушек повыучил,
Уж как сирот наших повыростил,
Уж моих маленьких да детушек,
Уж как сирот да малолетушок
Уж во школушках повыучил,
Уж ты ведь хлебушком повыкормил.
Да ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
Владимир Ильич Ленин наш,
Уж на резвыи на ноженьки,
Уж ты на белые сапоженьки.
Уж бери в рученьки маханьице,
Уж как во белу грудь здыханьице,
Уж во уста да говореньице,
Уж во ясны очи гляденьице.
Уж мы возьмем да за белы руки,
Уж поведем да в зелены сады
Тебя к сиротам малым детушкам,
Ко вдовам престарелыим,
Уж как твоей да любимой жены.
Уж вся советска власть обрадуется,
Уж по Россиюшки радость пойдет.
Уж каб знала это, ведала,
Уж во Москву-то я ведь сбегала,
Дак прогнала бы смеретушку,
Уж отогнала бы злодейную.
Уж как взяла ты, смеретушка,
Уж человечушка ты нужного,
Уж человечушка великого,
Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка.
Уж у него столь было работушки,
Уж на сердечушки заботушки.
Уж как злодейная смеретушка,
Она в лесу не заблудилосе,
Она в воде не заронилосе,
Уж у ворот не колотиласе,

Уж все в избушечку явилася.
Дак уж нынечку-топеречку
Уж ты, вдова многострадальная,
Как его да хороша жена,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоку нову горенку,
Уж сделай стенушки хрустальныи,
Уж потолки сделай зеркальныи,
Уж обей кирпичну белу печушку,
Уж со муравчатым отосточком,
Уж ты наливчаты окошечки,
Уж как двери ты дубовыи,
Уж как ступенечки кленовыи,
Уж как замочки черькасскии,
Чтоб замочики не ржавили,
Уж ключи-то не терялися.
Дак придет веснушка красивая,
Пройдет времячко тоскливое,
Уж порастают вить снежочики,
А унесет с реки ледочики;
Дак уж сделай ты, голубушка,
Сделай легкие веселышка,
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голубыми веселками;
Уж от твоего ноне терема,
Уж со твоих да со ясных очей,
Уж от твоих да горючих слез,
Уж от сирот да молод-бедныих,
А мы от вдов да от несчастныих,
Уж мы пропустим речку быструю,
И поедем этой реченькой
Как к его да телу мертвому.
Уж на середки этой лодочки
Сидеть будет его вдова,
А по краям да этой лодочки
Будут маленьки сироточки.
Уж как на этой да на лодочке
Будут вдовы пристарелые.
Дак мы поедем-ка, несчастныи,
Уж мы к товарищу ведь к Ленину,
Уж к твоему мужу законному,
А уж мы да к благодетелю,

А уж как сиротам родителю.
Эти царскии фамилии
Были чистыи вредители,
Навредили нам ведь бедныим,
Всему миру да всим людушкам.
Были злыи вить исправники,
Все грубыи вить начальники,
Как его да ненавидели,
У него здоровье схитили.
И скрывался от злых людюшек
По лесам да он по темныим,
По подпольицам глубокиим
Как от злых он от начальников,
Но как злые да бессовестны
Загубили жизнь моло́дую,
Застудили груди белые
Володимиру Ильичу Ленину.
Как при царскием правительстве
Было денег недостаточки,
У нас в хлебе недохваточки,
А у советской у Россиюшки,
Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь допьяна,
Уж наши детушки повыучены.
Вы, вожди-руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь, женщин, вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили,
Хорошу память оставили.
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы.
Нам и жаль его тошнешенько,
На сердечке тяжелешенько.

13. Уж пойти-ка мне, горюшице

Уж пойти-ка мне, горюшице,
Уж ко столу да ко дубовому,
Уж поприсести мне да потихошеньку,
Уж как не знаю только, беднушка,

Сесть мне: к резвыим ли ноженькам,
Али к буйной ко головушке?
Уж лучше сяду только, беднушка,
Против сердечушка ретивого.
Уж погляжу на тело мертвое,
Уж тело мертво — личко блёклое.
Да как спрошу, бедна-горюшица,
Дорогого вождя Ленина:
Уж как что с вами случилося,
Что за боль да приключилася?
Уж как бы были люди смелыи,
Уж как разрезать груди белыи,
Уж поглядеть да во твои грудя —
Уж что за боль да во твоих грудях.
Уж будет спать да высыпатися,
Уж пора со сну пробуждатися,
Уж у твоей у молодой вдовы
Уж самовары скипяченыи,
Уж как чая да завареныи,
Уж как сахара да заграничныи,
Уж и все закусочки приличныи.
Уж ты ведь трудничок-работничок,
Уж всему миру был пособничок,
Уж малых детушок повыучил,
Уж как сирот наших повыростил,
Уж как сады да вси повыстроил.
Уж моих маленьких да детушок,
Уж как сирот да малолетушок,
Уж во школушках повыучил,
Уж ты ведь хлебушком повыкормил.
Дак ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
Владимир Ильич Ленин наш,
На резвыи на ноженьки,
Уж ты на белыи сапоженьки,
Уж бери в рученьки маханьице,
Уж как во белу грудь здыханьице,
Уж во уста да говореньице,
Уж во ясны очи гляденьице.
Уж мы возьмем да за белы руки,
Уж поведем да в зелены сады
Тебя к сиротам — малым детушкам,
Уж как к твоей да молодой жены.
Уж вся советска власть обрадуется,

Уж по Россиюшки радость пойдет,
Уж как так нигде не водится,
Уж как с мертва живы не родятся.
Уж каб знала это, ведала,
Уж во Москву-то я ведь сбегала,
Дак прогнала бы смерётушку,
Уж отогнала бы злодейную.
Уж как не ведала смертушка
Уж взять не старого, не малого,
Уж не по улочке бродящего,
Уж не по миру волочащего;
Уж как взяла ты, смертушка,
Уж человекушка ты нужного,
Уж человекушка великого,
Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка.
Уж у те столь было работушки,
Уж на сердечушки заботушка,
Уж как злодейная смерётушка,
Она в лесу не заблудиласе,
Она в воде не заронилосе,
Уж у ворот не колотилосе,
Уж все в избушечку явилосе.
Дак уж ныночку-топеричу
Как его да молода жона,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоку нову горенку,
Уж ты сделай стенушки хрустальныи,
Уж потолки сделай зеркальныи,
Уж сбей кирпичную белу печушку,
Уж со муравчатым ошосточком,
Уж ты косивчаты окошечки,
Уж как двери ты дубовыи,
Уж как ступенечки кленовыи,
Уж как замочки черькаскии,
Чтоб замочки не ржавили,
Уж ключи-то не терялися.
Да как придет веснушка красивая,
А пора-времячко тоскливое,
Уж порастают вить снежочики,
А унесет с реки ледочики,
Дак уж сделай ты, голубушка,

Сделай легкие веселышка,
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голубыма веселкамы,
Уж от твоего нова терема,
Уж со твоих да со ясных очей,
Уж от твоих да горючиих слез,
Уж от сирот да молод-бедныих,
А мы от вдов да от несчастныих,
Уж мы пропустим речку быструю
И поедем этой реченькой
К его да телу мертвому.
Уж на середки этой лодочки
Сидеть будет молода вдова,
А по краям да этой лодочки
Будут маленьки сироточки.
Дак мы поедем вить несчастныи
Уж на родительскую буевку[1],
Уж мы к товарищу ведь к Ленину,
Уж к твоему мужу законному,
А уж мы да к благодетелю,
А уж как сиротам родителю.
Эти царскии фамилии
Были чистыи вредители,
Навредили нам ведь бедныим,
Всему миру да всем людушкам.
Были злыи вить исправники,
Все грубые вить начальники,
Как его да ненавидели —
У него здоровье схитили.
И скрывался от злых людушек
По лесам да он по темныим,
По подпольицам глубокиим
Как от злых он от начальников.
Но как злые да бессовестны
Загубили жизнь молодую:
Затрудили груди белыи
Володимиру Ильичу Ленину.
Как при царском правительстве
Было денег недостаточки,
У нас в хлебе недохваточки,
А у советской у Россиюшки

[1] Могила, покрытая зеленой травой, надгробный холм.

Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь дополна,
Уж наши детушки повыучены,
Уж как цветочики повыцвели[1].
Вы, вожди-руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь, женщин, вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили,
Много памяти оставили.
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы.
Нам и жаль его тошнехонько,
На сердечке тяжелехонько.

14. Уж как нонечко-теперечко

Уж как нонечко-теперечко,
Как то было бы близехонько,
Собрались бы мы старые и малые
К дорогому Владимиру Ильичу.
Провели бы свое причитаньице:
Завейте-тко вы, ветрушки буйные,
Стащите-тко и сорвите-тко
Со могулушки песóчек,
Покажись-ка нам гробова доска,
Покажись-ко тело мертвое
И дорогое личико блеклое;
Налетите-тко, пташки-соловьи,
Разбудите-тко нашего дорогого
Владимира Ильича Ленина.
Чтобы проснулся да со сна крепкого,
Налетите-тко, силы чудные,
Вы ложите-тко в грудь вздыханьице,
В ясны очушки гляженьице,
И в уста ему да говореньице,
В резвы ноженьки хоженьице,
В белы рученьки маханьице.

[1] Значит, дети ушли уже от родителей, стали взрослыми, — поясняет Евдокия Павловна.

Охти тошно сердцу нашему!
Припадите-ко, наши детушки
И милы внучатка любимые,
Ко стопам дорогого нашего Ленина,
Вить, ваша жизнь-то одобрена и устроена.
Нунь, мои молодые детушки,
Пойдем-те к дорогому нашему батюшке,
Сталину Иосифу Виссарионовичу.
Вы подайте-ко ему привет от сердечушки,
А поклон от буйной головушки,
Что вас он да обеспечил, —
И вы обутые и одетые,
И жизнь ваша одобрена, и сердце успокоено.
А нунь мы пойдем стары людушки,
С поклоном пойдем к дорогому нашему
Сталину-батюшке.
И ведь мы, люди старые,
И мы у вас одобрены,
Которые пенсией, которые хлебами,
И бедны люди мы все уважены.
И спасибо дорогому нашему Сталину,
И за тобой мы готовы душой своей итти и сердцем.

15. Прошло четырнадцать ли годиков

Мне ночесь ли мало спалося,
Все во сне грозно казалося,
Думушка зашла за думушку,
Во всю ли ночку темную
Мои очи не смыкалися.
Уж я-то умом подумала,
Как во эту ночку темную,
Прошло четырнадцать ли годиков,
Как не стало у нас Ленина.
Кабы были бы у беднушки,
У меня крылышки орлиные,
А другие соколиные,
Поднялась бы высокошинько —
Выше лесочку стоячего,
Ниже облака ходячего,
Полетела бы прямешенько
Я за матушку Москву-реку,

На Красну площадь бы спустилася,
К мавзолею попросилася.
Прошла бы поблизешенько,
Я сказала бы тишешенько
Ильичу да я Владимиру:
«Наше красное ты солнышко,
Что вставай-ка ты на резвы ноги,
Ты открой-ка свои ясны очи.
После легкого лежаньица,
После долгого мученьица
Пробай-ко ты, проговори
Хоть одно со мной словечушко,
Приоблегчай-ка, пожалуйста,
Мое печальное сердечушко».

* * *

Уж как был Ленин со Сталиным
Друзья верные, неизменные,
Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено.
Посмотрит-ко кругом-около,
У нас все переменилося:
Как поля цветут колхозные,
Наши детушки бедняцкие
В высших школах обучаютца,
Наши женщины крестьянские
В Совет Верховный выбираются,
Наши парни деревенские
Соколами вьются в воздухе,
Наши девушки крестьянские
По полям да водят тракторы.
На полях да на колхозныих
Овсы ростут бронистые,
А жита зернистые,
Рожь да колосистая.
На́ши дома — чаша полная,
Что колхоз — то одна семья.
На деревни на крестьянские
С неба звездочки свалилися:
Наши хаты деревенские
Электричеством да осветилися.
Как еще скажу я, беднушка,

Как товарищу я Ленину:
«Посмотри-тка ты, порадуйся,
Как у брата у названного,
У товарища у Сталина,
Как по корбушкам дремучиим,
По болотушкам топучиим
Все дороженьки построены».
Как еще скажу я, бедная,
Товарищу я Ленину:
«По твоему ли веленьицу,
По твоему ли завещаньицу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
Как по той, по ленинской дороженьке,
Мы идем со Сталиным, как с Лениным.
Знает он все наши думушки,
Все нужды наши крестьянские.
У нас нет теперь неволицы,
Нет ни вдов, сирот-солдаток горькиих.
Одна теперь у нас дороженька —
К счастью — светлая, широкая.
Как нас по этой по дороженьке
Ведет родная наша партия.
Только враги народа честного
Счастью нашему завидуют,
Только эту дороженьку
Не развеять ветру буйному,
Не разбить и не громом, и не молнией,
Не залить рекою быстрою».

16. Везде стала нам свободушка

Дуют ветры, ветры буйные,
Ходят тучи, тучи темные,
Закрывают солнце красное.
Ох, батюшка, светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,
Печешь да не по-прежнему?
За облачка закатаешься,
Тучей черной закрываешься.
Что у нас-то во Россиюшке,
Как во каменной Москве,
В каменной Москве, да в золотом Кремле,

В том Кремле да в мавзолее-то,
Там лежит да тело мертвое,
Лежит да наш вождь Владимир Ильич,
Лег поспать да не пробудится.
Мы бы рады как, радехоньки,
Тем были б мы довольные,
Как попросили бы мы, бедные:
«Клади-ка ты, пожалуйста,
Во белы груди дыханьице
И во рученьки маханьице».
Как ты сбавил нас, бедныих,
От прежнего житья-жирушка.
Везде были мы неладные,
Были женщины негодные,
Нигде не было нам голоса.
А как нынечу-теперича
Везде стала нам свободушка,
Молодым стала дороженька.
Молоды идут в ученьице,
Нигде дорога не засечена,
Нигде путь да не забавлена.
А как в прежне время-порушку
Как детя́м было крестьянскиим,
Чтоб походить да в эту школушку,
Попросить надо, покланяться.
Из десяточка один пойдет.
А как нынеча-теперича
Как мы рады и радешеньки.
А как ранее, допреж того,
Как придем, крестьяне бедные,
Во больницу во лечебную,
Уж не пора́то и на нас глядят,
Кто придет да побогачее,
Так тому есть честь и ме́стечко.
Тяжело нам было, бедныим,
Не порато и на нас глядят.
Мы придем, так не поспросятся,
Попросить да нам и надобно.
«У вас болезнь де трудная,
Болезнь невылечимая», —
Отвечат нам бедныим.
А как нынче-теперича
Все болезни приудержаны,

Везде они захвачены.
Как мы вспомним прежне времячко,
Так польются слезы горькие
От этого житья-жирушка.
Свекры были строгие,
А свекровушки мытарные.
Ну, а нынеча-теперича
Как везде да путь указана,
Все да приналажено,
Волюшка нам вольная,
Путь-дороженька свободная.
Так пожелали мы, люди новые,
Как назад бы воротить опять
Руководителей хороших,
Владимира-то Ильича Ленина
Мы хотели б воротить назад,
Хорошо бы было нам опять.
А что-то он да не воротится,
На нас да не оглянется.
Захватила боль недолгая,
Приходила смерть недобрая.
Ведь есть старые и малые,
Есть люди безнадийные,
А ему бы там не мéстечко,
Лежать ему в могилушке,
В мавзолее там кремлевскоем.
Как от старого до малого
Все его да сожалеючи,
Верно он к нам не воротится,
Путь-дорожка не отвернется.
Она не дальна, а печальная,
Дорожка безызвестная.
В эту путь-дороженьку
Много-много приотправилось.
Много туда да отправляются,
А оттуда да не ворочаются,
На конях оттуль нет выезду
И пешком-то нету выходу.

17. Проклинаю я врагов и неприятелей

Как настал день ведь ясный,
Выхожу я на крылеченько на красное,

Призову я к себе птиченьку легкую,
Попрошу я у ней крылышки гусиные
И перышки да лебединые,
И пришью я ко своим суставушкам да к женскиим,
Полечу я в ту сторонушку во дальнюю,
В путь-дороженьку во долгую,
Ко любимому к нашему вождю Ленину.
На ту могилушку на умершую,
На скат-горушку высокую
Я днем лечу по солнышку,
Ночью лечу по месяцу,
Выше вершиночек шатучиих,
Ниже облаков летучиих,
Под южную под теплую сторонушку,
Во Москву да славный городок,
Где находятся наши славные вожди.
Пойду я ко нашим да похороненным
Любимым вождям, Ленину и Кирову.
Между им есть лавочка брусóвая,
И я присяду на ту лавочку на брусóвую,
И буду я кручинная, обидная головушка
споразбуждывать
Своих любимых вождей, Ленина и Кирова.
Вы завийте-ка, все тонкие буйные ветерочики,
Полуденная, сиверная сторонушка,
Ты, желтой песок, развейся-тко,
Белы камешки, раскатитесь-ко,
Покажись-ка, гробова доска,
Расколись-ка, гробова доска,
Размахнитесь, белы саваны,
Покажитесь-ко, любимые вожди, Ленин со Кировым.
Порасскажу я вам свою тоскичешку невыносную.
Есть мне жаль да жаль тошнешенько,
Как нету у вас в ясных очеиьках виданьица,
И в суставушках нет у вас двиганьица,
И в буйных головушках умных мысельцев,
Во устах нет умных ласковых словечушков.
А есть мне жаль да жаль тошнешенько,
Как загубили у вас драгоценное здоровьице
Враги да ведь проклятые,
Пропустили они стрелочку каленую,
Пулю да ведь шипучую
От злодейской руки да от неверноей

И во ваши груди да во белые.
Вы построили нам жирушку счастливую,
Всем рабочим и крестьянушкам
И нашим детушкам путь, широкие дороженьки;
И вы учили наших детушек
На пути да на дороженьки,
На счастливую на жирушку.
И есть мне жаль да жаль тошнешенько,
Как от вас не придет нам ни весточка, ни грамотка
И не радосно нам известьице
От любимых вождей, от Ленина и от Кирова.
Вы не смолвили мне ни одной-единоей словечиньки.
И кака я пришла да ведь обидная,
Така я пойду да ведь кручинная.
На моем ли на сердеченьке
В кажну порочку, в кажно времячко
Не огонь горит да не смола кипит,
Без огня да разжигается,
Без смолы да закипляется
Мое ретливое сердеченько,
Так есть мне жаль да жаль тошнешенько
Наших любимых вождей, Ленина и Кирова.
Накупила я потретики нарисованы,
На которых есть ваши бумажные личики,
И я днем ношу у сердеченьки,
А ночью — крутоскладна изголовьица.
В кажну порочку, в кажно времечко
Полюбуюся на ваши бумажные на личики,
Нарисованные да на потретике.
И проклинаю я тех врагов да неприятелей,
Кровопивцев да проклятыих,
Как загубили наших любимыих,
Драгоценных вождей, Ленина и Кирова.

18. Потеряли вождя всенародного

Уж как сегодняшниим дéнечком,
Уж как вечерней порой-времечком,
А не громом ли прогрянуло,
И не молния ль ударила,
А не гора ль в море скатилася,
С неба звездочка свалилася,
В лесу птички призамолкнули,

По путистыим дороженькам
Поезда остановилися,
По городам да по поселочкам
Флаги черны появилися.
Как получили мы ведь грамотку,
Только грамотку нерадостну,
Да и весть мы не веселую,
А не веселую, печальную
Как для всей страны советскою,
Для всех граждан да трудящихся.
Что потеряли потеряшечку,
А обронили оброняшечку,
А потеряшечка так дорога,
А обороняшечка — цены ей нет
Для всего народа да советского,
Для всех в мире пролетариев —
Дорогого вождя да всенародного,
Любимого да Ленина.
Уж как смерть да нерассудная,
Уж как смерть да безрассудная,
Она шла ведь не спросилася,
У ворот не колотилася,
У сторожей не доложилася;
Она стражи не боялася,
Докторам да не призналася.
Она шла с косою вострою,
Подкосила ножки резвые,
Подкосила ручки белые
И умертвила буйну голову,
А головушку ту ценную,
А как ценную да драгоценную
Как для всех в мире трудящихся,
Дорогого вождя Ленина.
Как вспомнили прошлу
Житье-жирушку,
Как при власти мы при царскоей
Како житье было нам, женщинам:
Как на заводах да на фабриках
У станка дитя родилося,
По хлевам да ведь по баенкам.
Уж как нынечу-теперечу,
При дорогом, родном да Ленине
Мы живем-то припеваючи,

Старину да проклинаючи.
Как оставил он наследника,
А как мудрого да умного,
А родного нам ведь Сталина.
Как товарищем да Сталиным
А построено да сделано
Для советской только женщины
В городах да и в поселочках,
Да и в диких зауголочках
А дома-то ведь родильные;
Наши дети обеспечены
Как яслями да детсадами.
У дорого вождя Сталина
Вся заботушка положена
Как для всех в мире трудящихся.
Для молодых есть развлечение,
Для пожилых да утешение.

19. Прошел плач да по белу свету

Охти мне, бедной горюшицы!
По сегодняшнему денечку
Я сидела, многобедная,
У косивчаты окошечка.
Все просила «бога-господа»,
А не знала людей добрыих,
Помогателей хорошиих –
Ни Владимира, ни Сталина.
Меня окошко все печалило,
Все стеколки затуманились.
Под косивчатым окошечком
Не жупили птицки-ташецки,
Там не пели соловеюшки.
Было в доми холоднехонько,
Были дети голоднехоньки,
Жила я бедна голехонька,
Я голехонька-босехонька.
А по сегодняшнему денецку
Надо мной-то что случилося:
В доми все переменилося,
Весело до веселехонька,
Стало в доме хорошохонько.

Под косивчатым окошечком,
Там сады стали зеленыя,
Распевают птицки-ташецки,
Веселят да моих детушек,
Все сулят да бедным хлебушек.
Я пойду, бедна-горюшица,
Я на буевку Володину,
На могилу пойду Ленина,
Благодарить я буду, бедная,
За его за просвещеньице,
За хорошо расхожденьице.

***

Владимир Ильич Ленин
Жил во дальней во сторонушке.
Не в богатой жил семеюшке.
Года Володи были детские,
Годы самы молодецкие,
Самые годушки гулярные.
Не было пристрастьица к гуляньицу,
Его молодости к красованьицу.
Создавал Владимир книги умные,
Говорил Владимир речь разумную,
Рассылал Владимир людям добрыим,
Рассылал Владимир полиграмотку.
Создавал Владимир жись свободную:
«Примыкайте все да люди честные,
Создадим людям да жизни светлую,
Освободим от гнета бедну женщину,
Поднимем всех да сирот на ноги,
Подучим всех да в полиграмотку,
Поймут они да жизню новую».
Когда был Владимир о полу-веку,
Его жизня была горькая,
Была горька-горемычная:
Не видал Владимир жизни светлою,
Не живал-то он, Володюшка,
Во палатах гряновитыих,
Во усадьбах он да красовитыих,
А во тюрьмах сидел да страховитыих,
На грязных полах да он на каменных,

Постель была да ледку ярого,
Подушка была да снежку белого,
Одеяло было да ветры буйные,
Создавал Владимир жись свободную,
Жись свободную да славу вечную.
Пресрекали Володю люди зверьские,
Люди зверьские да звери лютые,
И хотят снести да буйну голову,
Буйну голову Володе Ленину.
Сохранял Володя жизни горьку,
На конюшнях все да жизнь подвальнюю,
Во сырых местах да ноги выстудил,
Потерял Владимир все здоровьице.
Приходили к нему да люди добрые,
Люди добрые да люди честные.
И довольно жить-то вам, Володюшка,
Во подвалах жить да во холодныих,
Во подпольях жить да все во темныих,
Ты создай, Владимир, власть советскую.
Выходил Владимир в тиху улицу,
Не кричал Владимир громким голосом,
Говорил Владимир все по-тихому:
«Мы возьмем к себе да дворы царские,
Дворы царские да государские».
Тут снесли царю да буйну голову,
Погнала министров власть советская.
Побежали министры нога за ногу,
Отлетали министрам буйны головы.
Пронесли флаги да люди честные,
Прозвучали песни все победныя.
И пошла молва в Русею-матушку,
Пошла встреча в кажном городе,
В кажном городе и к нам в деревенку.
Мы, вдовы, были победныя,
Мы, вдовы да горе-горькия,
Мы стречали слух да с полной родостью:
Будет женщинам глаза открытыя,
Будет женщинам да путь-дороженька,
Нашим детушкам да все свободныя,
Все ученьице да им великое.
Мы смущались все, бедны, от радости:
Наравне с мущиной наши женщины.
Мы пойдем в столицу город Ленина,

Мы, сестрицы, все-то будем, милые,
Наши детушки – братья любимые,
Благодарить Володю ли Владимира.
До сего было до этого,
Мы не знали да не ведали,
Помочь Володе ли Владимиру
Создавать да власть советскую.
И мы жили, многобедные:
У нас горюшка – три морюшка,
Слез-то было – три озерушка.
Были матери детиные,
Были сироты убогие,
Не смотрел никто на бедну женщину,
Не помогал никто да нашим детушкам.
Мы узнали теперь Володю Ленина,
Мы пойдем настречу жизни новую,
Да одной, сестрицы бедны милыя,
Создалась змея да змея лютая.
Проникла Володе да в тело белое,
Постигли Володю неприятности,
Неприятности да все незгодушки.
До поры Владимир да до времячка
Создавал Володя свои помощи.
Пришла смерть та непосудная,
Голова та нерассудная
У дверей не колотилася,
У окна не подавалася,
Прямо в дом да забиралася,
Покрыла Володю мать сыра земля,
Мать сыра земля да гробова доска.
Оставлял Володя свое знание,
Оставлял Володя людям добрыим:
«Не спущайте жизни на чужу землю,
Не отдайте власти во чужи руки».
В уголках узнали бедны женщины,
Что погиб Володя середи ночи,
Середи ночи да ночкой темною.
Пошел плач да по белу свету,
Да пошла жалость по Россиюшки:
Как мы жить нонь будем, беднушки?
Пойдем, бедны, на могилушку,
Порастрепем мать сыру землю;
Мы посмотрим гробову доску,

Личко блекло, тело мертвое;
Будем мы, бедны, рассказывать,
У его будем выспрашивать:
Как нам жить, бедным горюшицам,
Как возрастить детей малыих,
Как учить сирот несчастныих?
Расскажу я вам, сестрицы милые,
А вы идите в город Сталина:
Передал Ильич да он Иосифу,
Он Иосифу да свои знания,
Свои знания да людям честныим,
Людям честныим, людям хорошиим.
А пропоем Володе славу вечную,
Создадим Иосифу да жизни долгую.
Мы пошлем привет да кажна женщина
Мы Иосифу Виссарионовичу
За его слова да слова добрые,
Что крепит он власть да власть советскую,
Помогат везде по всей Россиюшки,
Всем забитым дальним женщинам.
Мы поднимем все да руки белыя,
Благодарим его за честь великую,
Пронесем ему славу добрую,
Славу добрую да жизни долгую.

20. Заветы твои все исполнены

Пойду-ко я в Москву, в город славную,
Чтоль на эту пору да на времечко,
Отыщу-ко я могилу умершего
Дорогого Ленина.
Что же ты заспался да залежался?
Уж прошли пятнадцать годиков,
Повыстань-ко, наша дорогая скатная жемчужинка,
Уж наша ты светлая свеча воску ярого,
Уж ты повыздынь свои плечи могучие
От того ли от гроба стеклянного,
Открой свои очи ясные,
Опрись на свои ноги резвые,
Встань-ко ты, да полюбуйся-ко,
Как заветы твои исполняются,
Сколько городов вновь настроено,
Как каналы у нас проведеные,

Моря с морями соединеные,
И постройки у нас, как грибы растут,
И люди живут да радуются.
Но не встанешь ты и не пробудишься
От того ли-то сна да от вечного.
Хотъ и помер ты,
Но дело твое не помрет у нас,
Дело твое ведь Сталин ведет,
И заветы твои все исполнены.
Потому-то наша родина так и славится,
Свободной страной называется.
На родину нашу никто не нападет,
А нападет кто – дадим отпор.
Есть у нас что́ защищать,
Есть чем защищать,
Есть у нас на земле,
Да есть и в воздухе.

21. Бессмертному Ленину

Как сегодняшним денечком
Я вставала поранешенько,
До зари, до красна солнышка.
Ветром машет флаги траурны,
Идут люди все печальные;
Января ли двадцать первого
Пятнадцать лет живем без Ленина.
Он куда да приотправился,
Он куда да поразъехался;
Он на горы ль Воробьевские
Или в далекую Испанию
Защищать людей невинныих?
Сама знаю, многобедная,
Как поднималась рука хищницы
И злодейки-лиходейницы.
Змея ли подколодная
Загубила жизнь бесценную
Дорогого друга Ленина.
Только бессмертному-то Ленину,
Ему в борьбе да смерть не писана.
Он боролся без усталости,
За свободу, за рабочий люд,

За крестьян, да сирот, и вдов,
Не жалея своей силушки.
Много принял он заботушки,
Его мучили слуги царские,
Его садили в тюрьмы крепкие,
В кандалы его железные,
Но не дрогнуло сердце молодецкое,
Он добился умом-разумом
И поставил жизнь советскую,
Освободил он бедную женщину,
Дал он женщине равноправие.
При тяжелой жизни царскоей
Не человеком женщина считалася,
Все над женщиной издевалися,
Была беззащитная,
Будто птичка в клетку засаженая,
Будто рыбка в сетку заловленая.
Перед бабой школы закрывалися,
На собранье бабы не допускалися,
Свекра строгого мы боялися,
Мужу мы повиновалися.
А попы — отцы духовные
Нас венчали по-законному,
Говорили нам по-строгому:
«Ты жена мужу законная,
Всегда будь ему покорная,
Ты живи, баба, помалкивай,
Звени горшками да ухватами
Да прибирайся, баба, с хатами,
А бабы дела больше впятеро».
А как после революции
Стала женщина свободная,
Пошла жизнь-то нам веселая.
Тут всем женщинам пути открылися,
Будто мы переродилися,
И у нас отважны женщины явилися.
За эту услугу верную
Дорогой наш Ильич, он будет вечно жить,
В мавзолее он не крепко спит.
Своим разумом орлиным,
Своим оком соколиным
Смотрит он, да все любуется,
Как у брата-то у кровного,

У Иосифа да Сталина,
Как живет страна,
Да как растет она
Не по дням да не по суточкам,
А по часам и по минуточкам.
Все строительство двига́ется,
И колхозы укрепляются,
Лесозаготовки выполняются,
Старикам-то жить нам хочется.

22. Выполняются твои заветы верные

Как не знаю, многобеднушка,
Мне во снях ли так приснилося
Али въявь так появилося —
Белой лебедью объявилася,
В полеты дальние спустилася.
Прилетала я, многобеднушка,
Во Москву да белокаменну,
Как на ту да площадь Красную,
К мавзолеюшку садилася,
В мавзолей итти спешилася.
Увидала я, многобеднушка,
Дорого вождя Ленина.
Он лежит — как свеча горит,
Не тлеют на нем платьица,
И не худеет личко белое.
Уж я присела, многобеднушка,
Ко его телу мертвому
Да ко его да личку блеклому,
Уж я припала, многобеднушка,
Ко его ретивому сердечушку́.
Не проскажет ли мне, беднушке,
Одного хоть мне словечушка,
Не облегчит ли, у беднушки,
Моего ретивого сердечушка.
Дорогой ты наш Владимир Ильич,
Ты открой-ко очи ясные,
Хоть на одну открой минуточку
И погляди-ко кругом около.
После твоего долгого лежаньица,
После тяжелого дыханьица
В этих пятнадцать круглых годушков

У твоего братца у милого,
Иосифа Виссарионовича Сталина,
У него много принастроено
Во Москве да белокаменной.
Как построено и налажено
Метро-дорожка подземельная.
Как все рукамы будто сделано,
И как словамы будто сказано,
И головой тут все обдумано.
Идут стары — подивуются,
Едут молоды — полюбуются.
Еще много принастроено,
Много фабрик да заводушек,
Много машин-скороходушек,
А во деревеньках — колхозушек,
Как колхоз — так одна семья.
Погляжу я, полюбуюся
На счастливыих колхозников,
Как работают колхознички,
Они на́ поле как на́ море,
Они не сошками да не боронками,
Все тракторамы да машинамы.
Как еще-то принастроено
Про колхозных малых детушек,
Про них теплых витых гнездушек,
По прозваньицу яселышек.
Как пойдут колхозных детей матушки
На колхозную работушку,
О детях-то нет заботушки.
Как спомню я, многобеднушка,
Как про стару жизнь-жирушку;
Как у старого правительства,
У них не было настроено
Как нашим рожоным детушкам детских яселышек,
Так наши рожоны детушки
Много в лесях заблуждалися,
Много в реке утопалися.
Охти мне, да беднешенькой,
Дорогой ты наш Владимир Ильич,
Нам жаль тебя тошнешенько,
Что не в пору да не во время
Пришла смерть холодная,

Оборвала жизнь твою счастливую,
Помер ты, наш дорогой Ильич,
Навек мы с тобой расстались,
А твои заветы верные
У нас у всех в сердцах остались.
Мы дадим тебе слово сердечное:
Будем выполнять твои заветы веки вечные.

ПЛАЧИ О КИРОВЕ

23. Дела твои великие не забудет наша Родина

Вы завейте-ка, ветры буйные,
Разнесите вы, пески желтые,
Расколись-ка ты, мать сыра земля,
Ты откройся-ка, гробова доска,
Покажись-ка нам, лицо белое
Сергея да Мироновича.
Уж вы вдуньте, ветры буйные,
Вы Сергею да Мироновичу
В резвы ноженьки хожденьице,
Во белы руки владеньице,
Во ясны очи гляденьице,
В уста умны говореньице.
Уж-ка стань-ко ты, пожалуйста,
Дорогой ты наш товарищ-друг,
Ты пойдем-ка в Москву да белокаменну,
Ко своему другу Сталину,
Поговори ты с ним да посоветуйся
О делах наших великиих;
Как построить нам дороги быстроходные
Да каналы в сине море скороходные,
Самолетов сколько легких нам повыстроить,
Сколько соколов да летчиков повыпустить,
Сколько фабрик да заводов новых выстроить,
Красну Армию родную нам поукрепить.
Ты послушай-ка, наш славный друг,
Наш славный друг Сергей Миронович,
Про нашу жизнь да про счастливую,
Про нашу славушку великую,
Про детей наших здоровыих,
Про матерей наших счастливыих,
Про житье наше колхозное веселое.
Уж как нет да ведь не станется,

Уж как нет да ведь не сбудется,
Солнце с запада не выстанет,
Не проснешься ты, наш сердечный друг,
Крепко спишь да не пробудишься;
Как не взглянут твои очи ясные,
Не разомкнутся твои уста умные,
Не заговорят они слова великие
Про дела наши славные,
Как цветет-растет страна советская,
Крепнет родина наша могучая
Со любимым вождем да со Сталиным.
Уж мы, бедные горюшицы,
Уж мы знаем, уж мы ведаем
Про твою скорую кончинушку.
Ты погиб, Сергей Мироныч наш,
От руки-то ведь от вражнеей,
От врага ты пал да от лютого,
Уж мы знаем да мы ведаем
Мы про жизнь твою тяжелую,
Как ты жил, Сергей Миронович,
Ты защита наша крепкая,
Как страдал да во сырой тюрьме
За честно́й народ, рабочий люд.
Твое имя, наш Сергей Миронович,
Из веку в века будет прославлено,
И дела твои великие
Не забудет наша родина.

24. По тебе, Сергей Миронович, плачет вся земля советская

Как пойду я, многобеднушка,
Во Москву во белокаменну
Ко могилушке покойного.
Вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех да четырех сторон,
Растащите-ка желты́ пески,
Разгребите мать сыру́ землю,
Покажите дорогого нам Мироныча.

Дорогой Сергей Миронович!
Прочитала я, да беднушка,
Скорописчатую грамотку

Про твое житье, про жирушку,
Как ты жил, Сергей Миронович,
При злодеях-царях лютых,
Жил во юном во ребячестве,
Во несчастноем сирочестве
Без сердечных родителей.
Приходилось жить голодному
И сидеть в тюрьме холодноей...
С товарищем Лениным
Вы боролись за советску власть;
Вы царей с земли повыгнали
И князей с помешни убрали,
Раскрепостили бедну женщину;
Как по всей стране советскоей
Прошла славушка-то славная:
Стала женщина равноправная.
Завоевали вы свободушку
Всему советскому народушку.
Стали жить мы все по-новому,
Все работать по-здоровому,
Красно солнышко ясней печет,
Наше времечко быстрей идет,
Стали фабрики, заводушки,
Все рабочии народушки.
Дорогой Сергей Миронович!
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить бы в хорошей нашей жирушке!

Охти мне, да нам тошнешенько!
Назад четыре тому годышка
У кабинета вождя Кирова
Прошипела змея лютая,
Просвистала пуля ли́тая
В дорогого вождя Кирова.
Во грудях взяла дыханьице,
Белых рученек маханьице,
Резвых ноженек хоженьице,
Со ясных очей гляженьице.
Было нам да ведь тошнешенько,
Как узнали про смерть Кирова:
Приуныла мать сыра земля,
Затемнело красно солнышко,
На заводах и на фабриках

Прогудели гудки унылые,
По тебе, Сергей Миронович,
Плачет вся земля советская!
Похитила твою головушку
Врага рука злодейская!
Ты погиб, Сергей Миронович,
Мы навек с тобой расстались,
А дела твои геройские
У нас всех в сердцах осталися,
Будем жить мы, будем памятить:
За народ ты отдал жирушку.
От злодея будем, врага лютого,
Очищать землю советскую,
Дорогой Сергей Миронович.

***

Рассказать уж мне-ка, беднушке,
Про старое житье-жирушку.
Как жила-то я ведь, беднушка,
При царях злых-лютых
У сердечных родителей:
Как детей-то было восьмеро;
Как родитель у нас, батюшка,
Напивался зеленым вином;
У нас, бедных, были в хлебах недостаточки,
И в деньгах-то недохваточки.
Как приходилось нам, беднушкам,
Жить не по-хорошему,
А работать по-тяжелому,
Как исполнилось мне, беднушке,
Семнадцать юных годышков,
Так сердечные родители
Меня насильно замуж выдали,
И жила я, многобеднушка,
За мужем нелюбимым:
Свекрова-то была старая,
Детей у них было трое малых,
А свекор-то наш, батюшка,
Сиднем во углу сидел без ног,
Работать совсем не мог.
Так жила я, многобеднушка,
С таким мужем нелюбимым
Девять круглых, долгих годышков.

Наскопилося у многобеднушки
Пять рожоных малых детушек.
Пришла смеретушка голодная,
Со темна леса холодная;
Как взяла да и поубрала
Моего мужа немилого,
Детям отца родимого.
Как осталася я, беднушка,
Вдовушкой, победноей головушкой,
С пяти сиротами-детушками.
Так жила я свою жирушку,
У кулаков я гнула спинушку,
Работала день с утра да вечера,
А получать-то было нечего.
Так жила я, многобеднушка,
Тихо день за деньком двигался,
Понемногу время короталося...

* * *

Дорогой Сергей Миронович!
Так я прожила, беднушка,
Старое житье-жирушку...
А как нову жизнь построили,
Завоевали мы свободушку,
Построили для взрослых школушку —
Я работала, спешилася,
В школу ходить торопилася.
Научилась читать, писать, складывать,
На собраниях выговаривать.
Стала жить я на свободушке,
На свободушке, вольной-волюшке!

Дорогой Сергей Миронович!
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить в хорошей нашей жирушке!..

25. Прошипела змея лютая

По сегодняшнему дéнечку
Как я вспомнила, беднушка,
Своего вождя милого,
Отца всего света любимого,

Как Сергея Мироновича Кирова.
Как сяду я, беднушка,
На брусову белу лавочку,
Ко косивчату окошечку;
Повыскажу обидушку
И повырою кручинушку
По дорогому вождю Кирову.
Я неладно, бедна, вздумала.
Как злодейной мне обидушки
Как под косивчатым окошечком
Мне-ка в летний день не высказать,
Во осенний день не выписать.
Как пойду я, многобеднушка,
Во Москову я белокаменную,
Ко могилушке покойною,
Ко музеюшке холодную.
Вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех да четырех сторон,
Растащите-ко желты пески,
Разгребись-ко, мать сыра земля,
Покажись-ко, гробова доска,
Покажись-ко, тело мертвое,
Тело мёртво, личко блеклое
У дорого вождя Кирова.
Дорогой Сергей Миронович,
Прочитала я, беднушка,
Скоропищатую грамотку
Про твое житье я, жирушку,
Как ты жил, Сергей Миронович,
При злодеях-царях лютых,
Жил ты в юноем ребячестве,
Во несчастноем сирочестве,
Без сердечных родителей;
Приходилось жить голодному,
И сидеть в тюрьме холодною.
С товарищем Лениным
Вы боролись за советску власть,
Вы царей земли повыгнали
И князей с помешни у́брали,
Освободили затюремщиков,
Раскрепостили бедну женщину.
Как по всей стране советскою
Прошла славушка славная,

Стала женщина равноправная;
Завоевали вы свободушку,
Всему советскому народушку,
Стали жить мы все по-новому,
Все работать по-здоровому.
Красно солнышко ясней пекёт,
Наше времечко быстрей идёт.
Стали фабрики, заводушки,
Все рабочего народушку.
Дорогой Сергей Миронович,
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить в хорошей житье-жирушке.
Охти мне, да нам тошнешенько,
Назад четыре круглых годышка
У кабинета вождя Кирова
Прошипела змея лютая,
Просвистала пуля литая,
У дорогого вождя Кирова
Во грудях взяла дыханьице,
Белых рученек маханьице,
Резвых ноженек хоженьице,
Со ясных очей гляженьице,
И язычно говореньице.
Охти мне, да нам тошнешенько,
Все узнали про смерть Кирова;
Зауныла мать сыра земля,
Затемнело красное солнышко,
Стали лю́дишки обидные,
На заводах и на фабриках
Там гудят гудки унылые;
По тебе, Сергей Миронович,
Плачет вся земля советская.
Похитила твою голову
Как врага рука злодейская.
Помер ты, Сергей Миронович,
Мы навек с тобой расстались,
А твоя геройская программушка,
У нас у всех в сердцах осталася.
Будем жить и будем па́мятить
Твою программу молодецкую,
От злодея врага лютого
Очищать землю советскую.
Дорогой Сергей Миронович,

Рассказать бы мне-ка, беднушке,
Про свое житье да жирушку,
Как жила я, многобеднушка,
При царях-злодеях лютых
У сердечных родителей,
Как детей нас было восьмеро,
Как родитель у нас батюшко
Упивался зеленым вином;
У нас, у беднушек,
Были в хлебах недохваточки,
Были в деньгах недостаточки;
Как приходилось нам, беднушкам,
Жить не по-хорошему,
А работать по-тяжелому.
Как сполнилось мне, беднушке,
Семнадцать юных годышков,
Как сердечные родители
Насильно замуж меня выдали.
Жила я, беднушка,
За мужем нелюбимыим.
Моя жизнь была негодная,
Семья к труду да не способная,
Свекрова была старая,
Детей у них было трое малыих,
А свекор наш батюшко
В углу сидел без ног —
Работать нам совсем не мог.
Так жила я, многобеднушка,
С таким мужем нелюбимыим.
Он стро́жил меня, беднушку.
Пойти мне было некуда
И пожаловаться некому.
Так и прожила я, беднушка,
Девять круглых годышков.
Наскопилося у беднушки
Пять ро́дных малых детушек,
Потом пришла смерть голодная,
Со темна леса холодная,
Как взяла-поубрала
Моего мужа немилого,
А детям отца родимого.
Как осталась, многобеднушка,
Вдовушкой, победной головушкой

С пяти си́ротамы-детямы,
Всяко времечко коро́тала,
У кулаков поработала.
Таку я жила житье-жирушку,
У кулаков я гнула спинушку.
Как работала я, беднушка,
Целый день с утра до вечера,
А получить мне было нечего.
Так и жи́ла, многобеднушка.
Тихо день за днем двигалася,
Помалу время короталося.
Дорогой Сергей Миронович,
Так и прожила я, беднушка,
Старо житье-жирушку
Как по моему вдруг счастьицу
Как Вы, Сергей Миронович,
Стару жизнь уволили,
А нову жизнь построили,
Завоевали Вы свободушку,
Построили взрослых школушку.
Я работала, спешилася,
Ходить в школу торопилася,
Научилась читать, писать и складывать,
На собраньи выговаривать;
Стала жить я на свободушке
И работать на заводушке.

26. Сердце женское без огня да разжигалося

Как настал год семнадцатой,
Как наши любимые вожди:
Ленин, Сталин, Киров
Повернули нам жирушку веселую
И нам жирушку любимую,
Избавили нас от трудного положеньица,
От купцов да от помещиков.
И подросли собаки да грызучие
И звери да ведь свирепые,
Враги да ведь неверные,
Враги да ведь злодейные;
Они хотели загубить наших любимых вождей
И любимую страну советскую.
Как настал месяц декабрь

И число первое невеселое,
День туманный и тоскливый,
Наш любимый вождь Киров,
Распрощался он с семеюшкой,
С малыми детушкамы,
Пошел он на работушку на любимую.
Как настал часочек несчастливый
И минутошка очень трудная,
Как загремела пуля быстрая
От руки да от змеиноей,
От руки да врага, от неприятеля,
Проколола пуля быстрая
У нашего любимого вождя у Кирова
Белу грудь она верную,
Нашего любимого вождя Кирова.
Как я узнала, колхозница активная,
Что скончалось наше серденько хорошее
От врага да неприятеля,
Как пришла нам весточка и грамотка,
Мое сердеченько женское
Без огня да разжигалося,
Без смолы да закиплялося,
Проливала я горючи слезиночки.
В ту темную-то ноченьку
Собрала я своих детушек
Ко столику ко дубовому,
И крепко жали потрет Кирова
Ко своему жаркому сердеченьку,
Жалея вождя Кирова.
Спогубил он свою жизнь моло́дую
За нас, за рабочих да колхозников,
Приоставил он семеюшку любимую
И своих малыих детушек
Рано победными сиротиночкамы,
И свою работушку любимую,
И своих друзей да и товарищей,
Своего любимого товарища Сталина.
И наша любимая рабочих партия
Розыскала врагов да неприятелей,
Что собак да и грызучиих.
Я дала совет да и голосованьице
Задушить врагов и расстреливать.
И с тех пор мы живем да и не умерли,

Жили да радовалися,
Светлой жирушкой красовалися.
И как во нынешнем году да во годичку
Круг нашего ме́стичка
Споявилися враги да и неверные
И хотели загубить нашу
Да ведь любимую,
Дорогую власть советскую.
Принависли круг нас тученьки темные.
Не удалось врагам да и неприятелям
Загубить нашу страну да ведь советскую,
Колхозную жирушку нашу легкую.
Как коммунистическая партия большевиков,
Как щукой в воде попрыгивала,
Как серым волком в лесу прихлыстывала,
Так разыскивали врагов да неприятелей.
Да и опять нашли врагов да неприятелей
Наши любимые коммунисты-большевики.

ПЛАЧ О ГОРЬКОМ

27. Другом нашим, Горький, ты мне кажешься

Скоро сполнится три круглых годичка,
Как не стало на белом свету
Дорогого советского писателя,
Друга верного Иосифу-то Сталину
И всему народу пролетарскому
Как Максима-то Горького.
Как пришла скорая ему смеретушка
А не в пору да не во время.
Пришла весточка нерадостна.
Не могла уснуть я в ночку темную,
В ясный полдень мое сердце сжалося,
Все лицо мое слезама обливалося.
Вспомню я твое да сиротаньице,
По чужим людям твое шатаньице.
По судам ходил да водолейщиком,
На пароходах был да судомойщиком,
Проходил по матушке Россеюшке,
Не заходил в дома купечески
И не в палаты ли да княженеческие,

Все высматривал, выглядывал,
Как живет да трудовой народ,
Как терпел народ да царский гнет,
Как томились люди, гинули
По трущобам и по домам ночлежным.
И положил в головушку заботушку
Нам помочь, людям дать волюшку.
Другом нашим, Горький, ты мне кажешься
Мне ли братом родным вспоминаешься
Светлым разумом, Максимыч, ты прославился,
Ты хорошима деламы возвеличился,
Наш писатель, Алексей Максимович.
В пору нежданно да недуманно
Налетела, закружилась туча темная,
Омрачила туча нашу родину.
Загубили твою жирушку драгоценную,
Змеи лютые, гады шипучие,
Все злодеи да неприятели.
Кто убийца твой да я не ведаю,
Кто травил твое ретивое сердечушко,
И загубили твоего сына любимого.
Все тебе да отдавалося
На твое сердечушко собиралося.
Они продали врагам жизнь свою,
Верно, счастье наше им не понравилось,
Верно, давно тот змей за тобой следил,
Не спалось ему, злодею, ночи темные,
За тобой он, гад, выглядывал, выслеживал,
Следы ног твоих как пес обнюхивал.
Точно солнца он боялся светлых глаз твоих,
Как сова боялся света ясного.
Змей подкрался к тебе по-разбойничьи,
Отравил твое ретивое сердечушко,
Как ускорил злодейницу смеретушку
Как нашему писателю советскому.
А честь-хвала суду пролетарскому,
С лиходеями они расправились,
Головамы злодеи поплатилися.
Как закрою очи и задумаюсь,
Темна ноченька скоротается,
А наш писатель к нам не воротится.
Мне ли жаль тебя да тошнешенько,
Моему сердечку тяжелешенько.

Мне хотелось бы скорым-скорешенько
Сходить на могилушку умершую.
На твоей могиле зарыдала бы,
Всю могилушку да оплакала,
Облила слезама я горючима,
Но только вижу на бумаге да я образ твой,
А в седой головушке я слышу голос твой,
Когда я думаю, тогда и ты со мной,
Я открою очи — не видать тебя,
Зову голосом — ты не откликаешься.
Только знаю, старая, я ведаю,
Что подсобником да ты мне видишься,
Братом родным любимым вспоминаешься.
Ты родной писатель нашей родины,
Много светлого ума в твоей головушке,
Много дал нам мыслей умных, мыслей радостных,
Много дел больших тобою вздумано,
Поучительного много у тебя написано,
Старину сбирать у тебя нам показано.
И мы, сказители карельские,
Вспоминать мы будем век да по веку,
Тебя, Максима света Горького.
Отошел от нас ты, улетучился,
Будто в темный бор, в местечко темное,
От друзей своих, товарищей,
От того ли друга Сталина.
Уж не будет с ним у нас свиданьица,
Только память о Горьком у нас останется.
Как лежал в гробу ты дни и ноченьки,
Собрались вокруг тебя товарищи,
Ждали слова твоего последнего,
Не промолвил ты словцо прощальное.

ПЛАЧ ОБ ЭКИПАЖЕ ЛЕВАНЕВСКОГО

28. Они спать легли во пучину глубокую

Как узнали мы да люди добрые
Про несчастьице да великое,
Что погинуло шесть летчиков
Вместе с соколом Леваневскиим
Во буйных ветрах да во холодныих,
Во волнах-то во угрюмыих,

В окияне во Ледовитоем.
Они приняли смеретушку
Не на мягкоей постелюшке,
Не окутаны одеялышком,
Они спать легли во пучину глубокую,
А качали их волны шумные,
А окутали льды тяжелые.
Они летели ведь да не думали,
Что найдут себе там кончинушку,
Что захлестнет их волна сердитая,
Что раздавят их льды наносные,
Занесут вихори снежные.
Все герои они были славные.
Положили они свои головушки
За родину за великую,
За страну свою за Советскую.
Ихня буевка незнаема,
А могилушка потеряна.
Ведь летели они над местом опасныим,
Там мосты-то ведь не мощены,
И дороги там не проложены,
Негде было им спаститися,
Негде было им схоронитися.
Как найти бы нам ихни косточки,
Схоронили б их на своей родине
Со оркестром да со печальныим,
Погоревали бы мы, горюшицы,
Со отцом нашим со Сталиным.
Я ведь знаю нонь-то, бедная,
Что их семья-то обеспечена.
Станут дети их расти-цвести,
Как во полюшке цветы алые,
Будут детушки все ученые,
Будут летчики все верные,
Горды соколы победные,
Защищать они будут родину
От врагов да ненавистныих.
Вы народ да люди добрые,
Оцените-ка да прославьте-ка
Вы героев этих летчиков.

ПЛАЧ ОБ ЭКИПАЖЕ ДИРИЖАБЛЯ «СССР–В-6»

29. Получили мы весть печальную

Как зима стоит холодная,
Холодная да погодливая.
Облака да тучи темные...
Полетели снежки белые,
Покрывали поля чистые;
Темно только да становится,
Холодно да все заводится.
Выше лесу, выше темного
Да по облачку ходячему,
Высоко там на воздухе
Полетел дирижабль да во дальний путь,
Во дальний путь да людей спасать:
Он летел во край во северный
За другима за товарищамы,
За героями – папанинцамы.
Далеко они приотправились.
Ветры буйные да холодные,
Денечки темные да короткие,
Ночи длинные да снегóвые –
Им нельзя да приподнятися...
И несчастьице тут случилося
В несчастливый день да во погодушку.
(Темнота таки неладная)
Занесло дирижабль непогодою
На крутую гору ледянистую.
Как на гору ту раскатился он
И разбился весь во дребезги.
Но не все погибли добры молодцы;
Там погиб да командир Гудованцев
Со своима да товарищамы,
Со удалыма добрымы молодцамы.
И получили мы весть печальную,
Весть печальную да весть нерадостную.
Ох, как жалко их, тяжелехонько!
Как в несчастный раз, в бестаменный час,
Видно, добры молодцы повылетели.
Уж как жаль да погибших товарищей,
Да ничего уж не поделаешь.
Заступят на их место другие.

Пожелаем мы им да всей семьей,
Всей семьей да нашей огромноей,
Чтоб пролетели они да по хорошему,
По пути да по благополучному,
В эту северну сторонушку,
На синее на морюшко,
Где сидят да моряки смелые,
Моряки смелые да люди ученые,
Карты научные да составляючи.
И про вас все люди знают,
Все о вас да вспоминают:
«Где у нас такие удалые
В стороне да в нашей северной?»
Ой ты гой еси, Сталин-батюшко,
Дорогой мой Виссарионович!
Обо всех ты нас заботишься:
О мужчинах, и о женщинах,
И о маленьких о детушках.
Ведь теперь пошла жизнь наша новая,
Как увидела свет темна женщина.
Не оставит Сталин-батюшка
Вас на льдиночке далекоей,
Он о вас да позаботится,
Достать вас да поторопится.
Не скучайте там, не тревожьтеся,
Уж доставят вас в каменну Москву!
Пожелаем мы всей Россиюшкой,
Все малые да старые,
Все люди служивые
Возвращения на родину счастливого.

ПЛАЧИ О ЧКАЛОВЕ

30. Вечно будем тебя памятить

Как прошло число четырнадцать,
А на пятнадцатое декабря,
Уж не скоротать ночку темную,
А ночку темную, осеннюю:
Как ретивое сердечушко,
Что-то чувствует недоброе.
Я встала утрышком ранешенько
А умывалася белешенько,

Вытиралася сухешенько
И включила только радио.
А что холодной водой облило,
И как огнем меня да обожгло:
Услыхала весть нерадостну
А про героя советского
И депутата я Верховного,
Богатыря да знаменитого,
А ведь летчика да Чкалова,
Что получил он смерть геройскую.
За добро да за советское
Он сложил буйную головушку.
Охти, мнешеньки тошнешенько,
Уж стало очень обиднешенько,
Как резвы ножки подломилися,
И белы ручки опустилися,
А из моих очей из ясныих
Горьки слезы покатилися.
А как газету прочитала я
О его да достижениях
И великих его подвигах,
А вся страна да соболезнует
По герое да по Чкалове,
О Валерие да Павлове.
Уж как не долго пришлось
Жить тебе, Валерий да свет Павлович,
А вечно будем тебя памятить,
Будем славить твое имечко
Как по всей страны советскою.

31. Ему ветра повиновалися

Как сижу, многообидная,
Под косящатым окошечком,
И смотрю я, кручинная,
На шумливое Онегушко.
Волна в озере сходилася,
Со песком вода смутилася,
Все тряпущи свежи рыбинки,
Все на дно вглубь опустилися,
А тепло красно наше солнышко,
Оно за тучи обрядилося,
А луна-то поднебесная,

Она вовсе затуманилась.
Я сижу да умом думаю,
Что-то есть у нас неладное,
Есть в стране да недостатное,
Верно, враги народа честного,
Народа честного советского,
Все злодеи-неприятели
На страну нашу советскую
Путем тайным пробираются.
В эту пору, в это времечко
Прилетела птичка вещая,
Она крылышки расправила,
По окошечку ударила,
А не птиченька тут вещая,
Это радио советское.
Мне сказала птичка вещая:
«Что сидишь, вдова, невесело,
Ты головушку повесила?
Верно, чует сердце женское,
Что в стране у нас случилося,
Большое горе приключилося?»
Мне сказала птичка вещая,
Она весточку нерадостну:
Декабря была пятнадцатого,
Того месяца морозного
Как нежданно да негаданно,
Что погиб наш сердечный друг,
У нас не стало на белом свету
Да Валерия да Чкалова.
Пришла скорая смеретушка
На любимоей работушке,
Эта смерть да не подсудная,
А головушка да безрассудная.
Не видала взять смеретушка
Как ни старого, ни дряхлого,
Человека волокидного,
И взяла смеретушка
Знаменитого да смелого,
Взяла летчика удалого,
Человека деловитого,
Как из летчиков-то первого,
Во всем мире не последнего;
Повырвала смеретушка

Как из сталинских из соколов
Человека самолучшего,
А Валерия да Чкалова.
Не страшился наш ясён сокол
Перелетушков-то дальниих
И не ветров-то он буйныих,
Пролетал да он прямёшенько
Из Москвы прямо на Арктику.
Ему штормы покорялися,
И ветра повиновалися,
И туманы разбежалися —
Все Валерию подчинялися.
Проложил он путь-дороженьку
Во сторонушку во дальную,
Во суровую, холодную,
А путем-то неизвестныим
Во сторонушку во дальную,
Путь воздушный во Америку.
Все-то люди удивилися,
Вся страна наша советская
Им, Чкаловым, гордилася,
Что у нас-то, на Россеюшке
Таки герои появилися.
А как нынечку-теперечку
По большому ли несчастьицу,
По велику бесталаньицу
Полетел да наш ясён сокол
В путь дороженьку недальную,
Но не в дальнюю, в печальную,
Не на охотное гуляньице,
Не на веселое катаньице —
Полетел да наш ясён сокол,
Полетел на испытаньице
Самолета скоролетного.
Велúко горюшко случилося,
Больша беда да приключилася;
Высоко да высокошенько
Показалися дымочики,
Запылали огонечики,
Загорелся самолет-то наш,
А Валерий-то да Павлович,
Самолет-то он спасаючи,
Сложил он буйну головушку

На любимоей работушке.
И узнали да уведали
Все-то людюшки советские,
Горючима слезамы заплакали,
А супруга, молода жена,
Она клубышком катается,
Его маленькие детушки
Будто червушки свиваются,
Все его да сожалеючи.
Я попрошу, многообидная,
Я вождей-то ведь советскиих,
И товарищей, и летчиков,
И могильныих копателей,
И телесных погребателей:
Не копайте-тко могилушку
Во сырую во земелюшку
Уж вы Валерию да Чкалову,
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-ка плотнешеньке,
Пора-времечко обойдется,
Его сердце успокоится,
Наш ясён сокол повыстанет,
Из могилушки повылетит.
А Валерием-то Чкаловым
Все товарищи нуждаются,
Самолеты дожидаются.
Полетит тут наш ясён сокол
На самолетах скоролетныих
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаков ходячиих,
Вокруг всего ли света белого,
По своему ли он желаньицу
Исполнит Сталина задание.
И еще скажу, обидная:
Как супруга, молода жена,
Уж ты, вдова многообидная,
Ты судьбой да приобижена,
От людей ты не обнижена.
Уж ты послушай-ко, пожалуйста,
Не спускай-ко тела мертвого,
Своего мужа законного
Ты во матушку сыру землю;
У товарища у Сталина,

Есть заводушки стеклянные,
Ты закажи гроба хрустальные,
Положи мужа законного
Как во те гробы хрустальные,
Клади в комнаты в особые,
Ты на ледники холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
А бело личушко не портилось.
Когда сто́снется да сби́днется,
Гробы хрустальные откроете,
А своего мужа посмотрите.

32. Как прославлю, многобеднушка

Как закатилось красное солнышко
Как за лесушки дремучие,
За болотушка топучие,
Прогремела тучка темная,
Пролетела стрела огненна.
Как со этой тучки темною
Гром рассыпался по всей земле,
Как эта стрела огненна,
Она задела деревининку,
В деревиночке вершиночка сломалася,
Как у дорогого героя бесстрашного,
Валерия Павловича Чкалова,
Его жизнь да оборвалася.
Охти мне, да нам тошнешенько,
Кабы были у мня, у беднушки,
Крылья-перушки гусиные
Да полеты лебединые,
Слетала бы я, беднушка,
На тое само ме́стечко,
Где пришла тут смерть холодная
Дорогому другу Чкалову,
Как подостлала бы я, беднушка,
Ему постелюшку перо́вую,
И приняла бы я, беднушка,
На свои на ручки белые,
И прижала бы к ретивому сердечушку,
И избавила бы от смерти той холодноей.
Так сяду я, многобеднушка,
Ко столу да ко дубовому,

Возьму лист-бумажечку гербовую,
Напишу я три писёмушка
Во Москву да белокаменну.
Уж как первое писёмушко
Дорогому вождю Сталину,
Друго писёмушко — Калинину,
Уж я третье — Ворошилову,
А не дадут ли мне-ка, беднушке,
Еропланчик скоролетчатый.
Как поеду, многобеднушка,
За лесушки дремучие,
За болота за топучие.
Там бежит да речка быстрая,
Речка быстрая, струистая,
Там шумит вода бессмертная
Как возьму я этой водушки
Да слечу я, многобеднушка,
Уж в Москву я белокаменну,
На могилушку покойную
Дорогого друга Чкалова,
Паду клубом на сыру землю,
Сплыву червушком в сыру землю,
Уж я омою тело мертвое.
Может, ото сна да он пробу́дится,
Да от смерти он воскре́сится.
Охти мне, да нам тошнешенько,
Сама я знаю, многобеднушка,
Наверно, век тое не водится,
Со мертвых живо не родится
Да назад не поворотится.
Как прославлю, многобеднушка,
Своего героя бесстрашного
Во плача́х своих обидныих,
Напишу я в книгах видныих.
Пусть помнят старые и малые
Нашего героя уда́лого,
Валерия Павловича Чкалова.

33. Плач о Чкалове

И как настал день с ранней зариночки,
И пришла нам весточка-грамотка,
И была весточка нерадостная,

И была грамота невеселая, –
Эта весточка, нами нежданная,
Что скончался гордый сокол наш.
Он на гордость нам и на страх врагам
Все дороженьки он прокладывал
Не по полюшку, не по гладь-бору,
А по воздуху необлетанному,
По указу он по великому,
По маршруту да по Сталина.
Не боялся он ни ветра буйного,
Ни бурь снежныих, ни туманов густых.
Перелетывал свою родину,
Свою родину вдоль и поперек.
Как страна наша расцветалася,
Так Валерий Павлович да прославился.
Высоко летал по поднебесью,
Далеко летал да в Америку.
Сталинскому соколу честь славная!
Самураям да фашистам боязнь грозная!
А ведь сокол тот был из народа он:
За народ стоял, за него – народ.
А растил его, как миллион других,
Сталин наш родной и любимый наш.
И не раз он ему да поговаривал:
«Бережешь ты самолеты быстролетные,
Чтоб страна наша была могучая.
Но ценней у нас не машиночки,
Не машиночки, а человек живой».
Все машинушки он облетывал
Все машинушки он испытывал.
А в один-то день горька весть пришла,
Что погиб он наш да герой в Москве.

34. Не боялся он ветров буйныих

И как настал день с ранней зариночки,
И пришла нам весточка-грамотка,
И была весточка нерадостная,
И была грамота невеселая,
Эта весточка нами нежданная,
Что скончался гордый сокол наш,
Гордый сокол, всем любимый нам.

Кто не знал его, кто не ведывал,
Он на гордость нам и на страх врагам
Всё дороженьки он прокладывал,
Не по полюшкам, не по гладь-бору,
А по воздуху не облетанному,
По указу по великому,
По маршруту да по Сталина.
Не боялся он ни ветра буйного,
Ни бурь снежныих да ни туман густых,
Перелетывал свою родину,
Свою родину вдоль и по́перек.
Как страна наша расцветалася,
Так Валерий Павлович прославился,
Высоко летал по подне́бесью,
Далеко летал да в Америку.
Сталинскому соколу честь славная —
Самураям да фашистам боязнь грозная.
А ведь сокол тот был с народа он,
За народ стоял, за него народ.
А растил его, как миллион других,
Сталин наш родной и любимый нам.
И он вождь нам всем, как отец родной,
И не раз он ему да поговаривал:
«Бережешь ты самолеты быстролетные,
Чтоб страна наша была могучая,
Но ценней у нас не машиночки,
Не машиночки, а человек живой».
Все машинушки он облетывал,
Все машинушки он испытывал,
А в один-то день горька весть пришла,
Что погиб он, наш герой, в Москве.
Но не погибла твоя слава великая,
Не погибла твоя слава могучая,
Научил ты много добрых мо́лодцев,
Много славных ты летчиков,
Которые будут летать выше облаков,
Через синие моря и ледовитые,
Будут защищать страну да нашу советскую,
Страну да нашу социалистическую,
Будут крепкими бойцами на воздухе,
Богатырями на советской земле,
Как да по примерам да чкаловским,
Будут они управлять да моторами,

Будут бесстрашными соколами
Летать да по воздуху.
Будем мы помнить товарища Чкалова,
Как пилота-героя советской страны,
Как летал он да по маршруту да по сталинскому,
Выполнял он задания правительственные.
Был он мудрым, храбрым летчиком,
Был он славным исполнителем.
И попривык он к этому делу соколиному
Летать ясным соколом да по воздуху.

35. О Чкалове

Ой, да не печаль-горе сердце давит мне.
Ой, ком тяжелый слез встал поперек горла.
Загорелося сердце слезами,
Сердце слезами кипучими.
По всей земле нынче плач стоит,
По всей стране слышен стон глухой.
Сердце сокола, сердце смелого
Перестало бить жизнью бурною.
Темной ноченькой позакрылися
Очи карие, дальнозоркие.
Не буран шумит, стонет в полюшке,
То печаль идет по стране родной.
Сокол Чкалов наш, молодой орел,
Через морюшко, море синее,
Через толсты льды, непогодушку
Пролетел впервой гордым соколом
Через полюс земли нашей матери.
Опустился орел по другу сторону,
По другу сторону нашей родины.
А и сказал же он, Чкалов, гой-герой:
«И богат же я больше в свете всех,
И не счесть, не сосчитать мне богатств своих,
В сундуки, в кладовые уместить нельзя.
Все сокровища земли-родины,
Все заводы, дома и леса с водой —
Вот богатства мои да несметные.
Я богаче любого из всех богачей
И счастливее всех рассчастливых людей:
Меня любит семья во сто семьдесят миллион».

ПЛАЧ О ЛЕТЧИКАХ СЕРОВЕ И ОСИПЕНКО

36. Сыновей я дам своих любимыих

Как спала́ я, многобеднушка,
Уж под одеялышком под ватным,
А своим да сном припомнила,
Как прилетела птичка вещая,
Уж птичка вещая — соловеюшко.
Уж она в околенку ударила,
Да хоть околенка заржавела.
Говорила птичка вещая,
Что ставай, моя голубушка,
Как принесла я, птичка вещая,
Тебе весточку нерадостну
Да известье невеселое.
Как не стало у нас, у бедныих,
Как двух соколов да ясныих,
Да двух героев да бесстрашныих:
Как Серова, Анатолия Константиновича,
Уж поднебесной крылатой лебедушки,
Как Осипенко, Полины да Денисовны.
Уж я от сна да пробуждалася,
Вся слезамы обливалася.
Уж птичка вещая перепалася —
Уж на моем на хрустальном на стеколышке
Пятно ржавое осталося,
Уж то ржавое пятёнышко
Как ведь есть да так ведь будется —
Имена да ваши знаменитые,
Вовек веков они да не забудутся.
Как погляжу я, многобеднушка,
Уж как на улицу плано́вую,
Да на дороженьку почтовую,
Там старики стоят станицама,
Уж весь народ стоит толпицама,
Уж они стоят да удивляются,
Все слезамы уливаются,
Уж вас, герои, много жалеючи.
Вы были людюшки ученые
И головушки разумные,
Уж в воздухе орламы златокрылыма свивалися,
А машины-то ведь вам повиновалися.

Уж вдруг озлилася машина злонесчастная,
Уж придала смерть героям бесстрашным.
Уж вы, наши герои бесстрашные,
Летали в воздухе вы соколамы ясныма,
Уж плавали в морюшке утенышкамы серыма,
Уж бегали во полюшке вы рыбарямы смелыма,
Вы имели под собой машины ста́льные,
Уж перелетывали перелеты да дальние.
Охти нам, да всем тошнехонько.
Кабы были крылья-перушки,
Так слетала бы я, беднушка,
Как на тое место видное,
На ваши похороны обидные,
Уж и сказала бы я, беднушка,
Хоть померли герои вы бесстрашные,
Но остались ваши жены не несчастныма.
О женах ваших есть заботушка,
А детям вашим есть помогушка.
А как в старое-то времечко,
При царях-то кровожадныих,
Как осталася я, беднушка, удовушкой,
Удовушкой, победной головушкой,
Остались пять рожоных детушек
Голешеньки, босешеньки,
Об их никто ведь не заботился.
А у дорогого товарища Сталина
Ясли, площадки принастроены,
Как вдовам-то есть призреньице,
Сиротам обеспеченьице.
Охти, мне-то есть тошнешенько,
Нам ведь жаль вас, героев бесстрашныих,
обиднешенько.
Как на ваши еропланчики скоролетчаты
Сыновей я дам своих родимыих
И дочерей я дам своих любимыих.
Они летать да будут в воздухе,
Защищать будут свою родину.

ПЛАЧИ О КРУПСКОЙ

37. Перестало биться сердце большевистское

Настал день грустный и нерадостный
Для наших вождей и для всех советских людей.

В день двадцать седьмого февраля,
Словно как упало красное солнышко
На нашу землю советскую.
Получили мы с Москвы весточку нерадостну,
Как не стало у нас неутомимого большевика
Надежды Константиновны Крупской,
Перестало биться сердце большевистское.
Глазки твои закрылися,
Ручки твои опустилися,
Ножки твои подломилися.
Как бы были у меня крылья-перышки,
Так слетала бы я, беднушка,
Во Москву белокаменную,
Поглядела бы я, беднушка,
На дорогую Надежду Константиновну,
Поглядела бы на тело мертвое, на личико блеклое,
Спросила бы у ейного большевистского сердечушка,
Как ты с партийной работушкой рассталася,
Со своими партийными братьями распрощалася,
Не в знакомую дороженьку отправлялася.
Ушла ты, наша дорогая Надежда Константиновна,
от нас,
Заслужила ты себе славушку вечную
И память бесконечную.
Отдала ты всю жизнь за дело Ленина и Сталина,
За дело и благо народа.
Мы дадим тебе свою клятву женскую
Итти по твоей пути и по пути Ленина и Сталина!
Прощай, наша дорогая Надежда Константиновна,
Ты ушла от нас и с нами рассталася,
Честь и слава о тебе
У всех советских людей в сердцах осталася.

38. Уж ты, дочь, сестра народная

Как сегодняшним дёнечком,
Уж как ранним порой-времячком
Болит моя головушка,
Щемит ретивое сердечушко,
Что-то чувствует неладное,
Что-то чувствует недоброе,
А в стране у нас в Советскоей

Уж не вражия ли силушка
Перешла границу да советскую,
Иль не смеретушка ли лютая,
Как взяла вождя великого?
И вечерней порой-времечком
Пронеслася будто молния
Как по всей стране великоей
Передача да по радио,
Что взяла у нас смеретушка
Как сестру и дочь народную,
А Надежду Константиновну,
А борца за революцию.
Как Надежда Константиновна,
Она с ранних лет молодыих
С товарищем да Лениным
За революцию боролася,
Она по тюрьмам насиделася
И по ссылкам наскиталася,
Даже казни не боялася,
Все свободы добивалася.
Она с товарищем да с Лениным,
Она с товарищем да Сталиным
За одно да думу думали,
За едино дела делали.
Ихни думушки сходилися,
Им судьба да покорялася,
Власть свободная, великая
В руках трудящихся осталася.
Спасли страну нашу великую
Вы от гнета вековечного
И открыли путь дороженьку
К счастливой жизни,
Жизни радостной.
Ты, Надежда Константиновна,
Уж ты, дочь, сестра народная,
Как ты до самой до смеретушки
Труд поклала для народушки.
Очень мы да соболезнуем,
Будем вечно тебя памятить,
В душе с болью вспоминаючи,
По твоей пути шагаючи.

39. Понесли из зала из Колонного

Не спешите, друзья да приятели,
Вы, герои наши советские,
Вы из зала из Колонного
Нести тéлушко-то мертвое
На площадь-то на Красную,
Предать к матушке к сырой земле,
Ко разлуке гробовой доске.
Уж вы сами про это знаете,
Что из полу-то у нас из женского
Как в дорогой советской родине
Больше нет у нас и не осталося
Как Надежды Константиновны.
Сидели мы да слушали,
Как говорили о Надежде Константиновне.
Понесли из зала из Колонного
Надежду Константиновну
На площадь-то на Красную
Со знаменами да со заслугами,
С орденами со великими.
Мы сидели у радио
Да слушали,
Слушали да горько плакали.

ПЛАЧ О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

40. Не забыть нам веки-повеки

Уж ты, Таня, моя Танюшка,
Дочка моя милая.
Ты, голубка быстрокрылая,
Ты летала малой пташечкой
Через горы, через долыньки
Через тайги, через темные,
Через реки быстры перепархивала,
Ты Москву-город отстаивала,
За него ты крепко билася,
Красной Армии помощница,
Партизаночка отважная,
Комсомолочка отличная.
Не держали тебя ни вьюжки, ни погодушки
И ни зимны темны ноченьки.

Как мила была тебе Родина,
Дорогая Москва-матушка.
Ты хотела, мое дитятко,
Сжечь-смести с лица земли
Фашистов до единого,
Отомстить за друзей, за товарищей,
За малых детей
И за все муки люда советского.
Написала ты письмо последнее,
Написала да утешила:
«Не тужи, моя родимая,
Я вернусь к тебе скорешенько,
Заживем опять по-старому!»
Да не та-то тебе пала долюшка,
Мое дитятко сердешное,
Налетела стая диких коршунов,
Диких коршунов, черных воронов.
Стали рвать, клевать твое тело белое,
Они рвали и клевали и выкрикивали.
Все тебя, мой светичек, выпытывали,
Они думали,что твое сердце девье слабое,
Испугаешься, расскажешь все,
Передашь тайну военную.
Да злодеи поошиблися:
От тебя, моя голубушка,
Ни словечка не добилися!
Они, изверги проклятые,
Еще больше рассердилися,
Стали бить, шибче наказывать,
Говорить тебе, родно мое дитя, приказывать.
Да стальное твое сердце скрепилося,
По-советски оно закалилося,
По-советски-то, по-сталински.
Да, крепка наша власть советская,
Крепка, непобедимая!
Я горжусь тобою, дитятко,
Я горжусь тобой, Танюшенька,
Что умерла ты героинией,
Героинией — не изменщицей!
И настала ночка темная,
Ночка темная, зимняя, холодная,
Начались твои пытки грозные,
Пытки грозные, невыносимые.

Тебя мучили, тиранили,
Сугробами, дитя, снежными
Водили тебя нагу, босую.
Твои ноженьки были ознобленные,
Тело белое ремнем исхлестанное,
Губы алые поискусанные,
Руки белые повыверченные,
Только очи ясные огнем горят,
Огнем горят к врагу, ненавистью!
Сколь враги ни мучили, ни галилися,
И затрусили звери проклятые
Одной девушки молоденькой,
Что тебя-то, моя мила доченька,
Дорога моя голубушка,
И нагнали-то они солдат полчища целые.
И поставили-то они два столба, они, высокие,
Два столба высокие с перекладиной
На окраине Петрищева, на дорогу перекрестную,
Что на самом видном местечке,
Чтобы видели казненную,
Чтобы видели, пугалися,
Все пугалися, страшилися.
Пособрали всех крестьян села Петрищево,
Чтоб смотрели все да казнилися.
Вот настало утро серое,
Пришли варвары конвойные
Ты сидела тихая, спокойная,
Глаза черные — веселые,
Не похожая на пленницу!
Стали над тобой, мое дитятко, смеятися,
Над лицом твоим белым издеватися.
Приказали злодеи одеватися.
Она встала, зашаталася,
Не издала ни стону и ни звука ни единого.
Не смогла жакет надеть сердешная,
Помогала ей хозяюшка,
Что была немцами захваченная.
Ее буйная головушка не повязанная,
Одевать стала чулки на ноги посинелые,
Посиневшие, распухшие,
Пузырем они повздутые,
Лафтаками тело отрывалося,
И жестоки раны алой кровью обливалися.

И пошла наша Танюшенька
По дороге вдоль села Петрищева
На окраину, на место лобное.
Ей сугробы снежные расступалися.
Густы черны облака раздвигалися,
Солнце красное лучом зимним
Ей в лицо-то улыбалося.
И под виселицу она становилася
Всей толпе – люду честному поклонилася
И со светом белым распростилася,
И поднялась Танюшенька на ящики,
На ящики под виселицей,
Обвела взором всех крестьян села Петрищево,
И откель у ней сила-волюшка взялася,
Она вскрикнула им, моя голубушка:
«Вы прощайте, дороги мои товарищи,
Наберитесь силы-волюшки,
Мстите, бейте врага проклятого!
Вы не бойтесь пыток, казни, смёртные,
В их легко так умереть за отечество,
За народ, за страну, за товарища за Сталина!
Не одолеть врагам страну советскую,
Не одолеть им силу богатырскую!»
Ей не дали говорить звери лютые
И набросили змею-петлю смёртную!
Да ухватилась за петлю рукам могучими,
Ухватилась да и приразвинула,
Она вскрикнула громким голосом,
Что родной отец наш Сталин с нам.
Испугался лиходей твоего голоса предсмертного,
Что зовешь на помощь Сталина,
И не дал злодей тебе он больше выкрикнуть...
Обвилась змеей петля немецкая,
И качнулось тело в воздухе...
И завыли, и завыли тут пурги-погодушки,
И завыли, и завыли ветры буйные,
Завыли, закружились и заплакали...
И не стало нашей Танюшки...
Я осталась одинешенька,
Нету, нету моей Зоиньки,
Нету, нету милой доченьки...
Как ходила в школу доченька,
По утрам-то я ранешенько

Провожала в школу Зоиньку.
Уж бывало встречу тебя у калиточки,
Расцелую тебя, мою родненькую,
Уж как вечером беседуем
Мы до самой до полуночи.
Ты читаешь мне, рассказываешь
Про былое, про старинушку,
Про могучего богатыря Илью Муромца,
Про Добрыню, про Микитовича,
Ты завидовала их силушке,
Богатырской ихней волюшке,
Вот у них-то видно ты силушки набралася,
Доброй воли напиталася,
К партизанам ты пошла – не боялася.
Ты в поход итти собралася
Со мною, моя дочь, попрощалася,
Попрощалася и утешила,
Чтобы я тебя дожидалася
Да уж с тех пор я с тобой, мое дитятко, не видалася...
И говорила мое дитятко:
«Не плачь, не грусти, моя родима мамочка!
Жива буду, я приду, расскажу все по порядочку,
А не буду – смерть приму геройскую,
Я исполню долг порученный,
Я умру тогда за Родину,
За страну свою советскую!»
Да уж так-то видно твое сердце чуяло,
Да уж так оно верно и думало...
Свои крылышки расправила,
Полетела точно лебедь белая,
Не мешали ночки зимние,
Не страшила тайга темная,
Она делала свои дела великие,
Выполняла тайны военные,
Жгла, палила склады вражии,
Истребляла племя звериное,
Выжигала гнезды змеиные.
И пало тебе на долюшку:
Ты попала в стадо волчее.
Рвали и терзали твое тело белое,
Точили кровь твою горячую,
На снегу она горела зарей алою,
Но крепка была Танюшенька.

Запечатала уста сахарные
Не испустила ни стона и ни голоса,
Не ударила в грязь лицом страну советскую!
Дорогая моя Танюшка,
Хоть ты не дочь мне родимая,
Ты не мной была рожденная,
Мы считаем тебя дочерью советскою,
Мы советской тебя – общею.
Дорога для нас для всех, родимая,
Как дитя ты будто родна, наша, милая,
С твоей матушкой горем делимся
Со Любовью Тимофеевной.
Уж ты, Таня, моя Танюшка,
Ты не дочь моя родимая,
Ты рождена своей матушкой,
Ты Любовью Тимофеевной.
Она поила, кормила тебя и ростила,
И учила уму-разуму.
Она сумела воспитать тебя по-советскому,
По-советскому, по-сталинскому.
Дорогой была для матушки,
Ты дороже стала нам для страны нашей советской,
Для подруг и для товарищей,
Для старых людей,
Чужих матерей,
Для товарища для Сталина!
Ты на светечке жила, родимая,
Всем товарищам, подругам была милая,
Ученица ты была отличница,
По всем предметам ты отличалася.
Героинею навек у нас осталася!
Не забудем тебя, Танюшка,
Не забыть нам веки-повеки!
Хоть и нет тебя в живых, нашей голубушки,
Светлое в сердцах наших осталося.
У молодых людей, у храбрых воинов,
У подруг твоих и у товарищей,
Когда в бой они собираются.
Со отвагой твое имя поминается,
Со отвагой, со утехою,
Что шла на смерть ты не боялася,
Перед проклятым ты фашистом не терялася.
Не терялася, не пугалася.

Вы не плачьте, не рыдайте, Любовь Тимофеевна,
По своей по милой дочери,
Она храбрым воином скончалася,
Во всей нашей стране слава светлая об ней осталася.
Дорога нам всем дочка ваша Танюшка,
И стоит у нас перед глазами
Ее имя светлое, имя светлое – незабываемо.
Не прошла без слез одна газеточка,
Когда про ваше горюшко было написано,
Они все у нас оплаканы,
Они все у нас слезами облитые.
Вы поймите, Любовь Тимофеевна,
Не на газету слезы катятся,
Над ее могилкой орошаются.
А из этих горьких слез цветы алые развиваются,
Цветы алые, как розы пышные,
Розы пышные, ароматные.
Они вовремя цветут и развиваются,
И народный дух поднимается,
И заветы нашей Танюшки выполняются:
Идут бесстрашные безужасно
На врага, на фашиста-зверя лютого.
Мы сожжем, спалим врага огнем-пламенем,
Отомстим врагу за смерть Танину!..

СКАЗЫ

1 (41). Мы пошли в поход на кулацкий род

Снова времечко пошло, покатилося,
Надо думушку да снова думати,
Надо деточек мне вырастить,
Мне повырастить да мне повыкормить,
Мне своим трудом да своей силушкой.
Уж я думала да выдумывала
Я своим умом да думой крепкою
Я мыслями да я тяжелыми.
Тяжело мне-ка детей на путь вести,
Их на путь вести да в люди вывести,
В люди вывести да свой талан найти,
Свой талан найти за свое счастьице.
Много с гор ручьев по земле течет,
Из ручья в ручей да в реку быструю,
В реку быструю, да в мать Печорушку
Из Печорушки в океан-море,
В океан-море да Ледовитое.
Много думушек да есть народных
Мысли-думушки как ручьи текут,
Как ручьи текут да как вода бежит,
Они все-то думы стекаются,
Еще все-то они думы сливаются,
Как ручьи в реку, в мать Печорушку,
Мысли-думы текут в нашу партию.
Как течет река, мать Печорушка,
Как несет свои воды полные,
Воды светлые в океан-море,
Так же льют-текут думы партии
В море светлое – в думы Сталина.
В это времечко да по всей стране,
Как по всей-то стране, да нашей родине,

От села к селу, да к нам из городу,
Что из матушки каменной Москвы,
Из-за стен Кремля белокаменных,
Что до каждой-то да деревнюшечки
Прокатилася да вестка радостна,
Вестка радостна, да слово мудрое,
Слово мудрое да думы Сталина
Про колхозный путь — путь невиданной.
Сталин крикнул клич, созывал народ,
Созывал народ во большой поход,
Во большой поход на кулацкий род,
На кулацкий род — племя злоехидное,
Злоехидное да само вредное.
Навредило оно нам всем повсюдова,
Доводило нас до зла-горести,
Испивало из нас да кровь горячую,
Иссушало нас да до самой кости.
Мысли-думушки да распалилися,
Ретиво сердце да разгорелося
Огнем жарким да гневом пламенным.
По могучему зову Сталина
Мы пошли в поход на кулацкий род,
Мы змеиной род стали бить-громить:
Уж мы брали их за вершиночки,
Уж мы рвали их да до сама корня,
Чтобы не было не осталося
На родной земле зла отростеля.
Предовольно им они пожили,
Они пожили да хорошохонько,
Они попили да нашей кровушки,
Без работушки красовалися
Без труда они наслаждалися.
Подошли мы к ним смелым-насмело,
Уж мы брали их да скоро-наскоро,
Своей силушкой мы бедняцкою
Весь кулацкой род раскулачили.
Посреди земли Заполярной,
Посреди-то, среди тундры Северной,
Тут растет-цветет одно деревцо,
Как стоит оно да все шатается,
Ко сырой земле да пригибается.
Как шатают его да ветры паркие,
Пригибают его да пурги северны;

Бьют-секут-то его да дожди резкие,
Дожди резкие да они быстрые,
Они быстрые да сами мокрые.
У того-то ли у деревца
Листья-отросли приосыпаны,
А вершиночка приобломана,
И стоит оно одинешенько
Бесприютное да неуютное.
И на той же земле нашей северной
Лес сырой растет, как на завидость,
Как на завидость – стройной, кряжистый,
Не боится он да бури-падеры,
Не страшится он да пурги северной,
Ко сырой земле да он не клонится,
От больших ветров да он не ломится,
Разрослись его листья-отросли,
Прираскинулись широкохонько,
Приразросцвели зеленехонько,
И стоит в лесу кажно деревцо
И приютное, и уютное.
Эти думы мне пали в голову:
Поняла я своим умом-разумом,
Что не жить-то мне тонкой вербочкой
От других людей на стороночки
Бесприютной да одинокой.
На могучий зов мудра Сталина,
На призыв родной нашей партии
Я откликнулась всеми думами,
Всей душевной моей да радостью,
Всем сердечным своим трепетом.
Вместе с близкима да соседями,
С бедняками я да деревенскими,
Я со всей семьей да я немалою,
Я пошла-пошла в семью колхозную.
Я дала себе слово накрепко:
Не сходить-то мне, не сворачивать
Со пути своей со дорожечки
Хоть широкой, да не веданной,
Со неведанной дорожки, да радостной.
Эта радость нам дана Сталиным
Этот путь нам показан партией.

2 (42). Горе

Прежде жизнь была весела
По печорским нашим селам:
Один скачет, ручкой машет,
Другой песенки поет,
Среди голытьбы нашей
Сотня голосом ревет.
Жили в сытости, в довольстве,
Пили сахар, носили бархат,
Сладкий мед горс<т>ью в рот –
Для печорских кулаков,
Для попов и для дьяков.
Попы в села приезжали,
Изо рта кус отрывали,
Во карманы себе клали,
Всем попам по серьгам
И по белым рукавам,
Попу, попадье и поповой дочке:
Поповски карманы – бездонна бочка.
Ну, а мы при Николашке
Небогато кушали:
Пепельные коровашки,
В сутки по утке –
Да в день ни разу.
А богаты мужики,
Деревенски кулаки
Нашего брата любили порато:
Край огня –
Дак в огонь толкнут;
Край воды –
Дак в воду спихнут;
Край ножа –
Дак на нож возьмут.
Плохи кулаки:
Тихи да воньки.
Они пьют да гуляют,
А нас бьют да гоняют.
Я умом была заплывчива,
Ретивым сердцем зарывчива,
В щеках несдержима,
Хошь гола, да смела,
Была – не была.
Скажу крепче –

Уму легче.
Кулаку не угожу,
А не вытерплю скажу:
«Твои очи завидушши,
Твои руки загребушши,
Чтоб те волком выть
И собакой лаять.
Не радуйся — нашел,
И не плачь — потерял.
Зайдет солнышко и на наши задворки.
Не все в море —
Будешь и в горе.
Будешь у наших лавок
Купить булавок...»
Сказала на глум,
А взяла на ум.
Подумала еле,
А вышло на деле:
Наши враги
Печорски кулаки,
Они были
Да и сплыли.
Часты дождички ударили,
Ихны следочки затаяли.
Камень вслед —
Да брызги вверх.
Камню не вплывать —
Кулакам не бывать.
А мы стали жить
Да поживать,
Лихо избывать
Да добро наживать,
Сыто поедать,
Щегольно ходить,
Весело гулять,
Советскую власть прославлять,
Товарища Сталина величать.

3 (43). Сказ о колхозных яслях

Ах ты, ноченька, ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя,
Со дождем ли, ноченька, со молнией!
А во эту ноченьку во темную

Как сидит тут баба скрепощенная,
Скрепощенная баба да неученая.
У мужа она поколочена,
Она за косы поволочена,
На руках-то у ней дитя малое.
Говорит она да таковы слова:
«Могу ли ноченьку я скоротати,
Горемычну жизнь да перемыкати:
Я от этой жизни утомилася,
Я на то сейчас порешилася –
Хочу покончить свою голову,
Только жалко мне мило дитятко».
Посмотрела баба в окошечко –
Ясна зорюшка разгорается,
Белый свет в окошечко пихается,
А за зорюшкой – красно солнышко.
В том окошечке баба увидела
Товарища да она Ленина.
Говорит ей Ленин таковы слова:
«Что сидишь ты, молода жена,
Скрепощенная да неученая?
Я принес тебе вестку радостну:
Ты не баба теперь, а стала женщина
Равноправная, с мужчиной равная.
У нас колхозы появилися,
Для детей ясли открылися.
Теперь женщине дорожка просторная:
Она учиться может, где захочется,
А работать может, где понравится».
Тут у женщины лицо прояснилося,
А заплаканы очи приоткрылися,
Ретиво сердечко взрадовалося,
Отнесла она мало дитятко,
Своего сыночка родного,
Во те ли ясли колхозные.
Там нянюшки да многоласковы
Приумыли его, приубрали,
Накормили его, приголубили,
Уложили спать да убаюкали...
Все права да все блага дали женщине
Дороги вожди Ленин со Сталиным:
Развязали ей руки белые,
Приоткрыли ей очи ясные,
Взрадовали они ретиво сердце,

Дали женщине ума-разума.
Поспешила она поскорешенько,
Пошла в совет к председателю:
«Вы, товарищи сельсоветские,
Напишите ярлык да скорописчатый
Мне на курсы да на ученые –
Научиться хочу всей премудрости:
Счетоводом быть хочу, механиком,
Учителем быть да детей учить,
Хочу лекарем быть да людей лечить.
Работать буду я с радостью
Для всей страны да советскоей,
Прославлять буду я дорогих вождей –
Свет-Ленина да свет-Сталина».

4 (44). Про лестницу-чудесницу

На свете я пережила немало,
И кой-где побывала,
И кой-чего повидала.
Вот сейчас нахожусь я на земле.
А была и под землей –
Тридцать метров глубиной.
Как же я туда попала?
Расскажу вам все сначала.
Встала утром рано,
Дошла я до вокзала,
На поезд пассажирский села
И очутилася в Москве
Близ метрополитена,
Разыскала я там лестницу-чудесницу.
Как я эту лестницу увидала –
Испугалась и прочь побежала.
Я бежать, меня стали держать:
«Нет, мол, старуха, приехала к нам – так смотри!»
Лишь я на лестницу ступила,
Она в одну минуту
Меня в подземелье спустила.
Тут я себя за голову и схватила.
Говорю:
«Ой, ой, что я вижу перед собой!
Вокзал, чисто какой дворец,
Чисто палата белокаменная,
Колонны и стены все мраморные,

Абажуры, чисто какие фигуры,
Да все матовые.
Свет очень быстрый,
А воздух очень чистый».
Я и не подумала, что я под землей —
Тридцать метров глубиной.
Ну, иду дальше.
Едет большой состав вагонов — поезд,
Он весь народом полон.
Народ сидит, ни в чем не затрудняется:
Сама дверь отворяется.
Народ выходит, и я вхожу в вагон,
Сажусь на мягкое сиденье.
А в вагоне — все никелевое приспособление.
Вот я сижу и думаю:
Великий и превеликий
Мудрый наш Сталин
И ученик его
Лазарь Моисеевич Каганович,
Много-много они нам чудес сотворили:
Под землей, тридцать метров глубиной,
Поставили такие вокзалы
И трамваи пустили.
А по воздуху пустили аэропланы:
Как заиграют моторы,
Просят в воздухе простора.
А к морям прорыли глубокие каналы,
А по полям пустили свинку
Со стальной щетинкой.
Она хвостиком пашеньку пашет,
А рыльцем пшеничку вяжет.
За ней ходят двенадцать девушек,
Готовую лучку берут
Да нам пышки пекут —
Нам только кушать.
Ой, мудрый наш Сталин,
Не пилось нам и не елось,
Посмотреть на тебя хотелось.

5 (45). Сказ о Сталинской конституции

Как во славной да столице в Москве-городе,
У великого у мудрого у Сталина
Издан новый-то закон да Конституция,

Всеми гражданами чтимая, любимая.
О свободе говорит она, о доблести,
В ней записаны желанные всем новости,
К человеку в ней любовь и уважение,
В ней записаны все наши достижения.
Гнета нет у нас и вражьего владычества,
Сгинуло навеки крепостничество.
Есть хозяйства-то у нас да ведь колхозные,
Предприятия-то есть да ведь совхозные,
Вся земля дана на пользу нам на вечную,
Во владение во вечное, бесплатное.
Труд у нас теперь не горе, а труд доблесть-честь,
Кто работать-то не будет, тот не будет есть.
Эти мудрые слова да слова гения
Мир вперед ведут да без сомнения.
Скоро встанет-то рабочий и в других странах,
Только будет как винтовка у него в руках,
Никаких-то он министров не послушает,
Сам министр того свинца-то ведь покушает.
По всему-то ведь по миру, по земной-то шар
Одновременный пройдет да боевой удар,
Разогнет спину рабочий люд, расправится.
Имя Сталина по всей земле прославится.
Уничтожится тиранство-крепостничество,
Да по всей земле не будет их владычества.

6 (46). Про выборы всенародные

По утру раным-ранешенько,
До зари, до бела света,
До петушья крику утрення
Мы вставали-поднималися,
Ключевой водой умывалися,
Хорошо мы одевалися
Во одежду во лучшую:
В платья шелковы да бархатны,
Во платки цветасты гарусны,
В наши лучшие малицы.
Подошел светлый праздничек,
Он видом-то невиданной,
Он слыхом-то неслыханной.
То не Пасха стародавняя –
Был он тот денечек радостный,

Был нам за век первым праздником.
Мы спешили-торопилися
Ко часам ко указанным
Во чисты-светлы горницы,
Во палаты избирательны.
Светлы горницы приубраны,
Чисты стены приукрашены:
Как среди лета красного
Расцвели цветы лазоревые,
Так середь зимы морозливой
Зацвели наши горницы
Кумачовыми лозунгами,
Да словами призывными.
Большевистская партия
Призывала простой народ:
И колхозниц, и колхозников,
И простых единоличников,
Коммунистов с беспартийными
Сообща думу думати,
Думу думати немалую.
Мы садились во единый круг,
Мы великую думу думали,
Говорили мы речи новые:
Нам кого будет выбрати,
Нам кого будет выдвинуть
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Все-то реки текут в океан-море.
Все-то думы наши народные
Будто птицы летят в Москву-матушку,
Ко тому ли Кремлю белокаменну,
Ко тому ли отцу-вождю любимому,
К дорогому товарищу Сталину.
Мы за то его любим-жалуем,
Что по нашей советской стране
От его светла разума
Свету боле, чем от солнышка.
Жить нам стало светлым-светло,
Просветлели наши головы,
Просветлела жизнь народная.
По его великой мудрости
Дело правится правильно,
Дело наше большевистское.
Он ведет трудовой народ

По дороге по ленинской.
Он глазами орлиными
Смотрит будто из поднебесья.
На пути-перепутьица
Выбирает-высматривает
Будто в трубочку подзорную
Путь-дорожечку верную,
Верную да неизменную.
Под его руководительством
Мы по той ли путь-дорожечке,
Что нам Лениным указана,
Что нам Сталиным показана,
Мы идем — не отклонимся,
Мы растем — не остановимся.
Дорогого товарища Сталина
Мы за все это любим-жалуем,
Мы за все это его выбрали,
Мы за все это его выдвинули
С честью-радостью да первым-наперво
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Мы еще думу думали
Про всех наших лучших людей,
Про всех наших правильных.
Вспоминали мы жизнь старопрежнюю,
Старопрежнюю да стародавнюю.
До советской-то поры-времени,
У кого в селе пузо толстое,
Тот и первый был человек в селе;
У кого в кармане казна густа,
Тот и первый был по всей волости,
По всей волости да по губернии.
Только нам от них мало прибыли:
Брюхо толстое, да совесть тонкая,
Казна густа, да голова пуста.
При нынешней поре-времени
Не по брюху да казне людей меряют —
Людей меряют по работушке,
По светлу уму да по разуму.
У кого работа в руках родится,
Тот и первым у нас считается.
Кто идет — с пути не отклоняется,
Тот и знатным у нас почитается.
Мы за все это их выбрали,

С честью-радостью выдвинули
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Этот праздничек не забудется,
Не забудется да будет помниться,
Он как солнышко будет вечно греть,
Как солнце греть да как луна светить.
В этот день мы всю жизнь свою вспомнили,
Мы все про все передумали,
Как мы прежде свету не видели,
Нам нигде-то пути-дороги не было,
Как мы с молоду горе мыкали,
Как теперь-то мы свет увидели,
Как нашли свою путь-дорожечку,
Путь-дорожечку колхозную.
Мы с утра ли да предрассветного,
Мы до той ли до полуночи,
До полуночи да часу первого
Мы сидели в светлых горницах,
Во палатах избирательных.
Уходить-то нам не хотелося,
Кончать праздничек не желалося.
Этот праздничек не забудется,
Не забудется, будет помниться.
Про этот ли светел-красен день,
Про наши первые выборы,
Про выборы всенародные
Наши правнуки будут песни петь.

7 (47). Красной Армии честь-славушка великая

Как во прежню жизнь да во прежне времячко
Не хотелось итти ребятам во солдатики царские:
Во солдатах жизнь была тяжелая, непереносная...
Как солдатики отправлялися,
Вся деревенка тогда скоплялася;
Провожали тут ребят новобранных-то,
Во слезах родна матушка речь гово́рила:
«Накатилась на нас да туча темная,
Отстоялась она над нашим домом-то,
Над моим над роженым, над сердечным-то,
Над его-то молодецкой, буйной головушкой.
Как ведь тучу темную не пронесет никак,

Не разобьют ее да ветры буйные.
Не из морюшка эта туча накатилася,
Не из Белого она да поднялася,
Не с крутых гор с наших со высоких-то,
Не из темных лесов из дремучих-то, –
Накатилась туча, туча темная
Из Питенбурха от царя белого,
От его ли приказаньица-повеленьица:
Вызывает он ребят во солдатушки,
Забривать будет всем головушки,
Одевать будет фуражечки военные.
А ты прощай, прощай, мое чадо милое,
А ты прощай, прощай, дитя сердечное,
А ты прощай, прощай, мое роженое,
А ты прощай, моя краса молодецкая,
А ты прощай, звезда моя поднебесная,
Как из очей ты уходишь, укатываешься...
Ох, тягтешенько мне, тошнехонько,
Не дай бог быть матушкой родимою.
Много ведь уходит во солдатску во дорожечку,
Много, много назад не ворочается:
Туда ведь дорожка очень широкая,
Назад-то дорожка очень узкая.
Мне тебя, дитятко, больше-то не видывать,
Мне тебя слыхом-то не слыхивать!»
Уходил-то парень во солдатики
От отца он да все от матушки,
От своего от дома ро́дного.
Жил-служил парень много поры-времени,
Ни в чем проходила его млада молодость –
Не в ученьици да не в образованьици;
Жили-то солдаты в жизни путаной.
Служба долгая была, жизнь треложная;
Бились-воевали солдаты, да чести не было:
Не за что ведь шло их сраженьице,
Не за что они теряли свою силушку великую;
Не прославляли солдатиков делами геройскими,
За собак цепных, за зверей лесных,
А не за героев светло-русских их славили;
Уходил солдатик – хозяйство разваливалось,
А и приходил он – оно не содвигнуто;
Оставался он жить мужиком-деревенщиной.
Как во нынешню жизнь во новую,

Во нынешно время во счастливое
Как идут-то молодцы в Красну армию,
Скопляется-собирается вся наша деревенка.
Уж как веселы все да веселехоньки,
Отец с матушкой да не печалятся,
Спровожают сына со веселой со улыбочкой;
Как ребята-парни, их товарищи,
Они песни поют да дивуются:
«Ты счастливец, друг-товарищ наш,
Во счастливую ты родился во планетушку,
Во звезду ты родился во блестящую,
Твоя талань-то очень удачлива,
Ты пойдешь-то, поедешь, добрый молодец,
Во путь, во дорожечку во счастливую,
Как во славну-то, во хвальну Красну армию;
Встретят тебя там со великой со радостью,
Там обучат тебя разным наукам премудрым,
Не будешь ты жить мужиком да деревенщиной,
Вернешься из Красной армии во всей премудрости...»
Уходит-то молодец в Красну армию,
Не тужит молодец о своем дому:
Его дом — жизнь деревенская — не разрушится,
Колхозна жизнь ведь очень содвижная.
Все в колхозе будет в удовольствии:
Отец с матушкой останутся при содержаньици,
Молода жона останется при полном пропитаньици,
Как вернется — хозяйство содвигнуто лучше прежнего.
А как сделает молодец подвиги геройские,
Все дивоваться будут со старого до малого;
Уж как солдатики нашей Красной армии —
Они-то в нашей земли славна Советской
Вроде рыцарей причудных да богатырей пресильных.
Красной армии честь-славушка великая
За содержаньице всей родины Советской,
За ученьице да за премудрое образованьице!
Это счастьице во свете само лучшее,
Кто идет во солдатики Красной армии!

8 (48). Широка, велика страна наша колхозная

Широка, велика страна славна Советская.
Сколько разности в ней, сколько прелести, —
Глазами-очами не обозрети,
Умом-разумом не обмыслити!

Я проехала от Белого от морюшка, от Севера,
Всю страну нашу пространную
До самого до Кавказа прекрасного,
Видела я много колхозов разных плéменей.
У нас-то на Севере идут колхозы рыбные:
По лету промышляют они рыбу-краснорыбицу,
По зиме по холодной промышляют зверя мóрского.
А как проезжала я по земле Советской,
Видела я пашни очень широкие,
Разлились они, как моря глубокие:
Длины-то у них не видать никак,
Ширины-то у них не заметить никак,
Не просмотреть в трубочки подзорные;
Пахари пашут не сохою, пашут машиною,
В край поля уедет машина — другого не видать,
Будто пашет сам богáтырь Микула Селянинович.
Видела я колхозы в странах кавказских:
Сады у них прекрасные, зеленые,
Со древами они со растущими,
Со фруктами, со сладостью со разною;
Видела в колхозах стада многие, —
Скот ходит-пасется по долинушкам,
По долинушкам да по горам крутым,
Не сосчитать его числом никак.
Не только богачество имеют колхозы рыбные,
Колхозы рыбные, наши дальнесеверные, —
Имеют колхозы богачество и от пашней плодородных,
И от садов прекрасных со фруктами,
И от скота от разного доходного.
Во всех наших странах да в разных племенах
Народ-люди живут жизнью не прежнею,
Не прежнею жизнью да все треложною;
Народ-люди живут новой жизнью — счастливою,
Жизнью свободной да прожиточною,
Они живут на свободушке, во своей волюшке,
Сам народ во всем себе управители.
Не у нас только в деревне Золотице
Собираются на вечерние вечериночки,
На вечериночки, на веселые беседушки,
Не у нас только поют песни веселые
Про нонешнюю жизнь про счастливую;
Слышала я много звука чудна-песенного
Во всех странах наших славна Советских,

Пропевают все со старого до малого
Чудны песни, очень дивные.
Народ-люди идут работать с честью-радостью,
Со великим идут удовольствием,
Распевают они на работушке, будто соловеюшки.
Во старое время, во прежнее
Одно ведь званье было — мужик простой,
Мужик простой да баба деревеньщина;
А не простой народ теперь, не деревеньщина —
Они все стали при образованьици,
При образованьици, при науках советских.
Вся жизнь колхозная у нас прекрасная:
И в странах-то в наших во северных,
Где вся земля снегами белыми завалена,
А льдами-морозами заморожена,
И в странах теплых, во прекрасных местностях,
Где горячо светит соньце красное,
Где лучи во струночки золоченые выигрывают, —
Широка-велика наша страна колхозная,
Есть на что посмотреть, полюбоватися!
Раньше я пропевала про могучих русских богатырей,
Потому пропевала, что были они силой сильные,
Храбростью-то были очень храбрые,
Хорошо они охраняли землю русскую,
Землю русскую да всю Россиюшку.
А теперь-то наши славные советские богатыри
Во всех колхозах при работушке находятся,
У них ведь храбрости много, много силушки,
А ищо больше у них есть мудрости;
Эта мудрость перешла от вождей от наших —
От Ленина-вождя да от Сталина-вождя.
Недолго черный ворон на отдóхе сидит,
Недолго земля-Ермания в дружбе живет, —
Не узнаешь, когда она придет войной,
В какой час, в какую минуточку,
По утру ли она придет, по вечеру,
Середи ли темной ноченьки?
Наши пахари-богатыри колхозные
Они всегда живут да при готовности,
При готовности, в ожиданьици:
Как нагрянет враг, они пойдут же в бой,
От полей плодородных, от садов зеленых
На скорый пойдут на поединочек-сраженьице,
Побьют-разобьют они врага лютого,

Врага лютого, к нам приходящего.
Много силушки славной в земле Советской,
Много мудрости у дорогого вождя у Сталина!

9 (49). Мое побыванье у трех морей

Во всю жизнь свою я нигде не бывала,
Ничего-то в свете белом я не видала
Кроме своей родной деревни Золотицы,
Уж я думала — Белое море из всех морей море,
Северная наша Двина — из всех рек река,
Архангельск-город — из всех городов город,
Наши горы Зимнегорские — всем горам горы,
Наша деревенька Золотица — самая прекрасная,
А поморы наши северяне — из всех ребят бойчей.
Теперь-то я везде побывала,
Везде побывала, всего-то я повидала,
Видела я морюшка разные, очень чудные:
Длины-то у них не проглядеть никак,
Ширины-то у них не заметить никак,
Глубины не просмотреть в трубочки подзорные;
Видела я много городов, разных деревенок,
Видела я много народа разных пле́меней,
Со всеми-то я познакомилась,
Познакомилась с ними, поздоровалась.
Глазами-очами не обозрети,
Умом-разумом не обмыслити,
Сколько есть прелестностей
В нашей славной стране Советской!
Видела я славный Тихий Дон со посадами казацкими,
Видела я славное море Азовское,
Где ходил Васька Таракашка, сын Замо́рянин,
Со товарами ходил со разными.
Здравствуй, здравствуй, морюшко Хвалынское,
Здравствуй, здравствуй, морюшко Черное,
Я приехала к вам из страны из северной
Передать привет от морюшка от Белого!
Моря эти в далеком живут расстояньици,
А подземельные ключи у них одинако бьют,
Бело морюшко с Хвалынским разговор ведут,
Бело морюшко с морем Черным беседушку ведут,
Беседушку ведут да разговаривают.
Когда подуют-то ветры северные, холодные,
Когда падут ветры буйные с окиян-моря,

Растреложится-то наше море Белое,
Возыграется страшна морска музыка,
Загремят серы камешки беломорские,
Все моря тогда да призаслушаются,
Меж собой станут они разговор вести:
«Отчего так Бело море взволновалося,
Почему так сильно растреложилось?»
Ответит им да наше море Белое:
«От ветров холодных я взволновалося,
Ото льдов морозных я растреложилось,
Я в оковах-то живу во железныих,
Завязано-запутано я цепями морозными,
Разломать мне надоть льды те зимние,
Все лединочки на мелкие ропачечки,
Каждый день и каждую минуточку
Нахожусь я ведь при работушке,
При работушке да во заботушке.
А вы всегда живете во приятности,
При веселом-то живете положеньици,
Не бывают у вас морозы страшные,
Не бывают у вас льды морозные,
Не бывают у вас ветры северные, холодные».
С малолетства я прославляла морюшко Хвалынское:
Ходили по нем русские могучие богатыри,
Ходил-похаживал по нем Илья Муромец,
Илья Муромец ходил, сын Иванович,
Ходил-плавал Пересмякин родной племянничек,
Ищо плавал-проезжал атаман Стенька Разин,
Стенька Разин, свет Тимофеевич.
Смотрела-глядела я, где-ка город Концырь есть,
В нем не царь царил, не король королил,
Не король королил, и не князь княжил,
А управляла во всех делах
Маринка, дочь Кондаловна.
На славных на хвалынских бережочках
Чудна-прекрасна жизнь содвигнута,
Со заводами она да со колхозами,
Со пашнями со широкими, с плодородными,
Со садами, с древами-фруктами со разными,
Жизнь просторная, жизнь прожиточная!
Глядела-смотрела я стольный град Хвалынский,
Глядела-смотрела я стольный град Кавказский,
Глядела-смотрела я стольный град Черноморский,
Изукрашены, изнаряжены они чудна видами,

А немного тому поры-времени
Не было у них строеньицев высоких,
Не было у них дивных садов зеленых,
Не было широких торных улочек,
А жизнь народу была очень плохая,
Непрожиточная, неталанная да очень треложная.
В народе тогда не было ученьица,
Мужовья над жонами были строгие,
Над своими жонами они изгилялися,
Не приказывали открывать лица белого,
Дак они не видели небушка высокого,
Они не видели да красна солнышка,
Они не смотрели народа, людей добрыих;
Без прав, без своего управленьица люди жили,
Не видали они дня белого, счастливого,
Ночки темной не видели спокойной.
Побывала-то я у морюшка у славна Черного,
Побывала у морюшка, полюбовалася,
Видела на бережочках сады зеленые,
Расцвели они во всей пышности,
Цветы лазуревые цвету разного,
Я подумала своим да умом-разумом:
Как во моей-то теперь во деревеньке
Стоит река Золотица да все по-зимнему,
Льдом река да вся покрыта же,
Тянут ветры да все холодные,
Холодные да очень северные,
Со снегами-то да со погодами,
А в здешней стране Черноморской
Расцвела красна веснушка,
Соньце греет очень горячее,
От него да теплота стоит,
Теплота стоит, лучи блестят,
Не бывает у нас така теплота по лету теплому,
Во июле во славном летном месяце.
Глядела я на сады на зеленые
Со разными со цветами со прекрасными,
Со древами растущими, с заморскими,
Привезены-усажены они из разных стран,
Где не бывает никогда зима холодная,
Где соньце опекает землю каждый день,
Где медовой росой все обливается.
Сады очень прекрасные черноморские,
Не пропеть про эти сады в пропеваньицах,

Не рассказать про них в рассказаньицах!
Как не расцветать-то садам зелененьким,
Когда они там при всем деянии воздуха!
Не могла всех да обойти кругом,
Вперед глядишь — они по бокам расстилаются,
Назад обернешься — они в полной чудности,
В каждой стороночке везде прелести.
Зачем чудна страна черноморская
Мне во младости не приснилася,
Во сновиденьици зачем не показалася?
Раньше эти чудности шли только сказками,
А теперь они пришли в быль ведь сущую!
Народ по-прежнему живет у морюшка Хвалынского,
Народ по-прежнему живет у морюшка Черного,
У тех ли у гор у славна кавказских,
Только раньше народ будто в рабстве был,
В рабстве был, в притеснении:
Одни люди прохлаждались по жизни полной,
А простой народ ни за что вянули,
Не было народу жизни прожиточной,
Не было народу мудрого ученьица,
Не было народу чести-славушки.
А теперь для народу жизнь полная, пространная,
Прославляет теперь народ свое освобожденьице,
Советское-то славно управленьице,
Возвеличивают вождя своего великого,
Всеславного, премудрого богатыря Сталина.
Докатилась до народа планета счастливая,
Заблестело-засве́тило соньце красное,
Расцвели древа в садах зеленых растущие,
Запели тут птицы разные поющие,
В городах жизнь вся изукрашена,
В деревнях-то хорошо она сонаряжена,
Народ-люди стали все ученые,
Со старого до малого все в образованьици,
Во своих делах они сами управители.
Собирается теперь народ да во собраньица,
Выбирают, кому бытъ управителем,
Выбирают тех, кто прославлен делами геройскими,
Делами геройскими, подви́гами славна советскими,
Сам народ содвигает жизнь саму лучшую,
Саму лучшую да все счастливую.
Ты прости меня, морюшко славно Белое,
Уж я думала, что вас на свете лучше нет,

А увидала-то я теперь страны разные,
Страны разные, чудно-дивные,
Не одна страна на свете страна Северная,
Не одна наша чудная деревня Золотица,
Не одно наше славное морюшко Белое,
Много стран да есть прелестныих,
Много городов есть пречудныих,
Много деревенок есть преславныих,
Много морюшков есть ведь разныих.

10 (50). Славна каменна Москва

С малых лет пропевала я про каменну Москву,
Про стольный град народа русского,
Изо всех веков она была сама древняя,
Изо всех она была столиц сама первая,
Самая первая, любожеланная.
Пропевала я про славных московских богатырей:
Про Иванушку Гоненовича, про его подвиги богатырские,
Про Рогадая-богатыря очень сильного,
Про Потанюшку, про богатыря очень мудрого,
Про Скопина-князя, Михайла Васильевича,
Все богатыри охраняли каменну Москву,
Они стояли на заставах богатырских,
На тех ли на горах славна Воробьевских,
Чтоб не смели подойти неприятели к граду стольному.
К ним съезжалися-скоплялися богатыри из Киева,
Приезжал-то Илья Муромец, сын Иванович,
Приезжал-то к ним Микула Селянинович,
Приезжал-то к ним Добрынюшка Никитич-млад;
К ним съезжалися-скоплялися богатыри из Новгорода,
Приезжал-то Васильюшко Богуславьевич,
Приезжал-то к ним Костя Новоторженин,
К ним съезжалися-скоплялися богатыри рязанские.
За одно они все думу думали,
За одно они все мысли мыслили,
За одно они мудру речь гово́рили,
Одни подви́ги делали богатырские.
Всем хотелось королям забрать каменну Москву,
Подходили они с силой многою,
Ясну соколу ту силу не облететь,
Добру молодцу не объехать на добром коне,
Не страшились богатыри ихней силушки,
Не ужахались наши богатыри, не боялися,

У них своя сила была сильная,
У них своя мудрость была мудрая.
Когда придут они в положеньице геройское,
Богатырские сердца да растреложатся,
Лепета в лице да переменится,
Могучи плечи да сшевелятся,
Сабли вострые у них в руках засвéтят,
Они зачнут тогда держать да скорый бой,
Как мураву траву станут покашивать,
Они зачнут тут силушку неверную побрасывать,
Как побрасывать-то силушку, покинывать,
Разбросают, раскинут силу вскорости,
Не оставят поганой погани на семена.
Приходила сила разная, неверная:
Когда княжил-то жил Димитрий, князь Донский,
Приходила сила разная, неверная,
Когда княжил Андрей, князь Боголюбский,
Нападала сила разная, очень многая,
Не могли-то они ничего захватить себе,
Всем хотелось повладать да каменной Москвой,
Всем хотелось тут сидеть предводителями,
Но ничего у них не сотворилося.
В одну пору, в одно времечко,
Подошел король французский со войною,
Он раньше времени, нахвальщик, похвалялся:
«Зайду, зайду да в каменну Москву,
Зайду в Москву да буду царствовать!»
Не по его желаньицу-то случилося,
Не по его хотеньицу приключилося,
Не удалось злодею завладать Москвой,
Его выгнали русские богатыри,
Они избили его силушку великую,
А король со стыду побежал в бегу,
Он бежал-бежал да заклинался-то:
«Не хочу я больше бывать в каменной Москве,
Не хочу-то больше видеть русских богатырей,
У них сила-то ведь есть очень сильная,
У них мудрость есть да очень мудрая!»
Уж как в нонышное, в наше времечко,
В наше времечко, во теперешнее,
Каменна Москва вся изукрашена,
Изукрашена да изнаряжена,
Есть на что посмотреть, полюбоватися,
Глазами-очами не обозрети такой прелести,

Умом-разумом не обмыслити такой премудрости.
Хороша она стоит со башнями со высокими,
Со всей прелестью, с красотой кремлевскою,
С высокими со башнями, со звездами блестящими,
От них светлы лучи да развеваются
По всей славной стране да всесоветской;
Хоромы-строеньица воздвигнуты очень чудные,
Торны улочки-переулочки стали очень широкие,
Сады везде зеленые, прекрасные,
Под землей ходят машины подземельные,
Машины подземельные, самокатные,
Под землей светит будто луна поднебесная.
Под землей светят будто светлы звездочки.
Диво дивное да чудо чудное:
Под Москвой море славное разливалося,
Из того морюшка, из славна Московского
Протекла река да к самому Кремлю,
По той по глубокой по реченьке
Плывут чернены больши ка́рабли,
Со грузами они со разными,
Со народом из разных племеней,
Москва-река стала очень могучая,
До дна длина очень глубокая,
А прежде воробьи птичьих ног не замочивали.
Где-ка были луга зеленые,
Где-ка росли цветы лазуревые,
Где-ка стояли леса дремучие,
Где-ка деревеньки были со поселками,
Теперь-то морюшко глубокое,
Славное да хвальное море Московское.
Такой обычай пошел в народе советском:
Что задумает человек своею мудростью,
То и совершается.
Один мудрец в Москве всех мудрее есть,
Его сила всех сильнее есть,
Со своей с дружиночкой со верною,
Со всем народом со славна советскиим
Он свершает дела очень дивные,
Очень дивные да очень чудные,
Для всего народу дела желанные;
Этот мудрец — дорогой же вождь,
Дорогой же вождь, славный Сталин свет!
Уж ты славна, прекрасна каменна Москва,
Ты над всеми городами всех прелестней,

Светишь-блéстишь будто красно солнышко,
Самоцветный, дорогой ты наш камешек,
Дорога-скатна ты наша жемчужинка,
Возвеличивают тебя народы разных племеней,
У каждого народа ты в сердечушке закорененная!
Долго жить тебе, Москва, вечно здравствовать,
Не едину ворогу не зайти к тебе,
Не зайти к тебе да не показатися,
Не допустят советские могучи богатыри,
Они стоят на охране, на заставе богатырской,
Они глядят-смотрят да все поглядывают,
Чтобы черный ворон не залетел же к нам,
Чтобы зверь лютый не забежал же к нам,
Чтоб гад ползучий не заполз же к нам,
Чтобы змея шипучая не показалася.
Прощай, прощай, Москва белокаменная,
Прощай, прощай, славна Москва-река,
Прощайте вы, чудны горы Воробьевские,
Прощай, знаменующее знамя советское,
Знаменуйся, развевайся над кремлем-стеной,
Прощайте, блестящие звезды, чудна-яркие,
Просветывайте вы надо всей жизнью советской!
Приходит времечко мне распрощатися,
Мне наверно боле не бывать в Москве,
Распрощатися с тобой да разлучатися!
Про тебя ведь, славна каменна Москва,
Про стольный град народа советского
Пропевать я буду в пропеваньицах,
Говорить я буду в рассказаньицах.
Нашему Белому морю на тишину,
Москве-реке на честь, на славушку на великую,
Всему-то народу советскому
Посылаю по привету, по низкому поклону,
По низкому поклону с челобитьицем!

11 (51). Здравствуй, морюшко Белое!

Уж вы здравствуйте, волны беломорские,
Уж вы здравствуйте, родны бережочки,
Здравствуй, здравствуй, родимая страна северная!
Много я везде переездила,
Много, много всего я перевидела:
Видела я славный Тихий Дон,

Видела я морюшко Азовское,
Видела я морюшко Хвалынское,
Видела я морюшко Черное,
Много стран я видела разных-то,
Разных стран очень прекрасных,
Много прелестей повидала, разных разностей.
Будто спишь и сон видится,
Пробудишься — пред тобой все кажется;
Пройдет времечко — может, все позабудется,
А свой край северный до гроба не забудется:
Где кто родился, там ему вся прелесть.
У морюшка у Белого я родилася,
В колыбелечке я здесь качалася,
Здесь кликала меня родна матушка,
Играла-бегала я здесь по улочке,
Здесь пробежали-протекли первы слезоньки,
Первы слезоньки от веселья-радости,
Здесь пробежали-протекли вторы слезоньки,
Вторы слезоньки от печали-горюшка,
Вся планета-участь стояла предо мной на Севере.
Как не любить свой край северный,
Много ведь чудностей в нем, много прелестей:
Зимой-то у нас стоят снежочки белые,
Снежочки белые, пушистые,
На земле блестят будто светлы звездочки,
А льды наши зимние блестят будто браманты,
Морозы выигрывают будто в струны серебряные,
А ночное сияние очень чудное, очень дивное,
Уж мы любим нашу зимушку морозную, студеную.
А как пройдет зима, зима холодная,
Наступит весна красная, прекрасная,
Как потают тогда снежки белые,
Как подуют ветры со летней стороночки́,
Разобьют-разломают в реках все лединочки,
Все лединочки на ропачки на малые,
Потекут-побежат тут быстры ручеечки,
Засветит-то светло красно солнышко,
Никогда оно из очей, из глаз не укатывается,
Оно светит каждый час, каждую минуточку,
Не приглашает оно к себе в дружбу ночку темную,
А зовет оно к себе зорюшку славна утренню,
Вся природа тогда бывает изукрашена,
Изукрашена она да изнаряжена.

Прилетают к нам птицы перелетные,
Птицы перелетные изо всех же стран,
Прилетают они к нам на летнее жироваиьице,
Они жируют у нас, прохлаждаются,
Они плавают по морюшку по Белому,
Они плавают у нас на озерушках,
Они плавают у нас на тихих заводях,
Они на зеленых сидят на лужочках,
Они сидят-сидят в лесах дремучиих,
Они сидят на мшистых на болотинках,
Они поют ведь песни разные,
Про свои чудны страны рассказывают,
Рассказывают-то нашим птицам северным.
Уж как по лету, лету теплому
Собираем мы ягоду чернику-голубику,
Берем ягоду смородину-землянику,
Хорошо гулять по лету, лету теплому
Гулять-ходить по бережочкам,
По желтеньким ходить по песочкам,
По зеленым-то ходить да по лужочкам,
По горам ходить у нас да по крутым,
По лесам ходить у нас по дремучим;
Много прелести в стране нашей северной,
Ищо больше у нас разного богачества!
Много есть у нас лесов прекрасных,
Леса северные они очень дорогие,
Для всего они очень способные,
Наши северные леса везде разваживаются
По всем странам по разным-то,
По городам они да по деревенькам,
Везут их на паровых больших пароходиках,
На черненых везут больших ка́раблях,
Везут-то их на машинах, обозами;
Много строеньицев по миру везде понастроено,
Понастроено много, понаделано
Из бревнышек да из дощечек наших беломорских!
Во тех лесах наших во славна северных
Бегают-жируют звери разные, звери лесные —
Лисицы-куницы, песцы-горностаюшки,
По всем странам, по городам, по деревенькам,
Из нашего края славна северного
Идут меха очень теплые, очень ценные,
Идут они сухим путем-дорожечкой,
Везут их на пароходиках.

Птица-дичь есть у нас разная –
Рябчики, куропатки, дикари, пеструхи,
Есть пернасты разны уточки,
Есть серы гуси да белы лебеди.
Во нашем во морюшке во Белом
Промышляют рыбу-краснорыбицу,
Рыбу-краснорыбицу очень важную,
Эта рыба для всего народа любожеланная,
Эта рыба для всего народа очень вкусная;
Во нашем во морюшке во Белом
Промышляют зверя морского
На пароходиках да на ледоколиках,
В легких малых лодочках да на лединочках,
Промышляют ребята наши поморушки.
Много разного богачества в стране северной,
А народ-люди у нас трудливые, работные,
Трудливые, работные, очень заботные,
Они не страшатся погодушки беломорской,
Они не боятся зверей лесных, медведюшек,
Медведей черных да волков серых,
Не улетит у них лесна птица по поднебесью,
Не уйдет у них тюлень морский со лединочки,
Стоялый дуб вырвут они со коренем.
Много есть у нас героев-богатырей
На заводах на чудна лесных,
Весь трудящий народ очень работный,
Нову жизнь содвигают с удовольствием,
С удовольствием, от чувства-желаньица.
Хороши у нас колхозы, очень дивные,
Много скота у нас очень крупного,
Уж как наши-то коровушки самы лучшие,
По доеньицу, по молоку самы ценные.
Много есть у нас людей песельных,
Людей песельных, пропевателей,
Пропевателей да рассказателей,
Они знают-то про жизнь про старую,
Про жизнь про старую, про досельную,
Они знают про жизнь про новую,
Про новую жизнь про счастливую.
Приеду-то я в родну деревеньку Золотицу,
Я повыйду ко морюшку ко Белому,
На крутой бережочек, на рассыпчатый песок,
Ко серым, ко белым камешечкам,
Погляжу я в раздольице широкое,

Погляжу я в пучину во глубокую,
Я повыйду ко быстрой к своей реченьке,
Погляжу я на родну реченьку на быструю,
На те ли на луга на зеленые,
На те ли на леса на дремучие,
На те ли на горы на городишные,
На те ли на наши озерушки,
На те ли на тихие наши заводи,
Пропевать-то я буду в пропеваньицах,
Говорить-то буду в рассказаньицах
Про родной край да про родимый,
Возвеличивать буду страну нашу северную
Со всей родной природой да со прелестью.

12 (52). В стране Советов

Уж ты, матушка да Россеюшка,
Ты Россеюшка да Советский Союз,
Далеко же ты да пораскинулась,
К морю Черному да принадвинулась,
А от морюшка ли от Черного
До того океана Ледовитого;
Широка страна советская –
Рабоче-крестьянская да пролетарская.
Как во матушке Россеюшки
Нет царей теперь коронованных,
Нет князей-бояр бородатыих,
Нет помещиков и кулаков брюхатыих –
Все рабочий люд да колхозники.
Теперь жирушка свободная,
Всем дороженька да широкая,
А по этой ли по дороженьке
Да ведет нас большевистская партия
И великий вождь, наш отец родной,
Иосиф да Виссарионович.
Преж сего было да до этого,
При тяжелой жизни при царскоей:
Во реках люди утопалися,
Во болотах люди увязалися,
Во тайге люди заблуждалися.
А теперь у нас все по-новому:
Везде построены дороженьки прямёхоньки,
Через речки мостики тесовые,

Через болота переходики надежные;
Пойдешь к реченьке — не утопишься,
Во темном лесу не заблудишься.
Выросли заводы да фабрики,
Выросли города с пригородками
А и села ли со приселками
У родного товарища Сталина.
Как от морюшка ли от Белого
До того озера да Онежского
Протекает тут реченька широкая
Под названием канала Беломорского.
Тут приходят к нам суденышки заграничные,
А привозят товары нам различные
И берут от нас золото зеленое.
А как к нашему забытому-то Пудожу —
Преж сего было, до этого, —
Как озерышко ледочками покроется,
Так и к нам дороженька покончится:
Нету пешему прохожденьица,
Лошадиному — проезжаньица.
А теперь живем с людями наровне.
Прилетают аэропланы скоролетные,
Нам приносят весточки да в скором времени.
Вся-то жирушка пошла веселая, хорошая,
Вся работушка по-ударному.
На полях пашут на широкиих
А не сошками, да не по-старому,
Тракторами пашут да машинами.
На полях у нас на колхозныих
А растет-цветет любо-дорого.
В сенокос косим косилками,
Убираем хлебушко жнилками,
А снопы молотим молотилками.
Посмотреть на это любо-дорого.
Как в полях нет у нас междуполосицы,
Молодые хозяева-колхозники
Пашут на поли да будто на мори,
И урожай у нас лучше прежнего.
Идем с работушки — да нет заботушки.
Наши детушки не голодные,
Они в ясли все устроены.
Мы пойдем, когда хочется,
В сельсовет да на собраньице,

В красный уголок мы на читаньице
Или в клуб на постановочки.
А во зимнюю во порушку
Мы забыли лучинушку сосновую,
И светцы забыли одноногие,
И забыли коптилки керосиновые:
Как на наши деревни крестьянские
И на наши хаты пролетарские
С небес звездочки спустилися,
Электричеством избы осветилися.
Прежде нам во сне не казалося,
Чтобы солнце в хатах загоралося.
Чудеса в деревне появилися,
Старики и старушки удивилися.
Говорят они про время прошлое,
Про свое житье горе-горькое:
«Мы работали рук не кладучи,
Своей силушки не жалеючи,
От работушки мы горбы нажили,
Ничего мы хорошего не видели;
А кулак-богач — он копил казну,
А за нашу работушку нас гнул в дугу».
Ох ты гой еси, Москва каменна,
За эти годышки да ты прославилась
Не церквями, Москва, не соборами,
Не большими ты колоколами,
Не царями, Москва, не коронами,
А прославилась Москва да белокаменна,
Она фабриками да заводами.
А во той Москве белокаменной
Там товарищ Сталин с Ворошиловым,
С Михаилом Ивановичем Калининым
Думы думают, да дело делают...

13 (53). Сказ о поездке в Москву

Как из той да из славной из Карелии
Отправляются дуро́дни добры молодцы
Молодой один да двое престарелыих —
А во матушку Москву да белокаменну,
Ко любимому Михаилу да Иванову,
Во почетное гостéвище к Калинину.
Еще думою бывало и не думано,

Да во сне-то никогда и не приснилося,
Что неграмотных да повезут в Москву
За великою наградою — за орденом,
За свой честный труд да за работушку,
За великого за Сталина заботушку.
Как приехали в Москву мы белокаменну,
Во метро мы тихо опускалися,
Да на славную дорожку любовалися.
Диво-дивное да чудо-чудное,
Что у Сталина да понастроено.
А ведь есть чем докладывать правительству
Перед чéстным народом пролетарскиим.
Вся Москва стоит да не по-старому,
Не по-старому стоит Москва — по-новому.
Еще улички построены широкие,
А дома поставлены высокие,
Да построены заводы, новы фабрики,
Полны воздухом да светом ясным.
Да построены клубы да со школами,
Да дворцы культуры преогромные.
Да одеты берега Москвы-реки
Нáберегою да ведь гранитовой,
Да и море новое Московское
Широкó по берегам раскинулось.
Есть-то чем народу любоватися,
Да и есть на чем да спотешатися.
Как одним-то утречком ранешенько
Умывалися да мы белéшенько
И пошли на площадь на широкую
Ко красивому Кремлю да ко высóкому.
А контролем мы да проверялися,
А ведь в зал к Михайле да Иванову
По широким лестницам да поднялися.
А во зале, во Кремле, за стол садилися,
Ели, пили, веселились, угощалися
У любимого Михайлы да Иванова,
Орденами мы-то награждалися.
Награждал-то нас Михайло да Иванович
За заслуги, за отвагу, добрых молодцев.
А с Кремля пошли мы, распрощалися
Со любимым со Михайлой да Ивановым:
«Благодарствуем тебя мы, красно солнышко,
Дорогой Михайло да Иванович,

За твое да сладко угощеньице,
За твои за чéстные подарочки.
Благодарствует тебя весь трудовой народ
За твою награду за почетную.
А мы будем работать да больше прежнего
Для любимого отца, родного Сталина,
Да на пользу нашей славной Родине,
На утеху да народу пролетарскому».

14 (54). Письмо карельских сказителей товарищу Сталину

Мы, сказители-былинники карельские,
Собралися думу пораздумати,
Силушки да знаний понабратися,
Словом братским меж собою обменятися.
Как расскажем мы товарищу да Сталину
Про свою ли жизнь про старую, –
Пусть читают наши внуки-правнуки,
Пусть читают люди грамотны,
А и помнят нашу жизнь да горемычную.

* * *

Как во старое проклятое то времечко
Как в губернии-то нашей во Олонецкой
Беднякам да батракам жилось невесело.
Жили мы в халупах закопченных,
А одежу мы носили домотканую.
Так и жили мы да разнесчастные,
В лапотцах ходили лето красное.
Не имели мы на сходе права голоса:
Все решалось кулаками да буржуями.
.....
Как у нас в краях да во Олонецких
Было много лесу – лесу темного,
Было много зверя – зверя хищного.
Те ли звери – звери лютые,
Те ли волки – волки серые
Разоряли нас, крестьян олонецких,
Истребляли нам дворы скотинные.
А охотники у нас – люди храбрые,
На зверей ходили со рогатиной,
И с ружьем ходили – только шомпольным.

Были храбрые охотнички-полесники,
Да оружья-то у них были слабые:
Погибали смелые головушки,
А кто жив остался — тот калекой стал.
Не хватало моченьки у охотников,
Чтобы справиться да с силою звериною.
.....
Ну, а те, кто жил у Белого у морюшка,
Повидали много горя-горюшка:
Как, бывало, мужиков справляли на море,
Всех отправили, да всех ли встретили?
Как случалась буря — буря сильная,
Покрывало мужиков да море синее.
Кто вернулся — тот счастливым слыл,
Не вернулся кто — тот несчастным был.
Погибали смелые головушки
Как во синем море-морюшке.
Оставалося детей по множеству,
Принимала мать их много горюшка,
И никто о них не позаботился,
Ни садов им не было, ни ясельцев.
.....
Ох, и тяжка была доля женская,
Доля женская — крестьянская.
Разгоняли тем свою кручинушку,
Что до полночи за прялкой жгли лучинушку.
Не успеешь глаз сомкнуть — петухи поют,
К богатеям нас молотить зовут.
Молотили мы со всей со моченьки
До белых светов да всю ноченьку.
Чуть лишь утро-свет рассветается,
А за податями староста уж является.
От вдовы уводит он буренушку,
Без кормилицы ребятки оставаются.
.....
И была наша губерния Олонецка
Испокон веков богата лесом темным —
Этим золотом зеленым.
А еще была губерния Олонецка
Рудой каменной богатая.
Да стоял тот лес нетронутым,
Да лежала та руда неразработанной,
И никто о том да не заботился.

А карельский люд по Руси бродил,
По Руси бродил — безработным был.

***

Как на небе сияет красно солнышко,
Так сияет свет Москвы белокаменной:
То Иосиф свет Виссарионович
Показал нам путь, народу темному,
Народу темному, олонецкому.
Все теперь пошло да не по-старому,
А за то спасибо, честь и слава Сталину,
Что подал нам руку с Москвы каменной,
Научил нас жить да по-новому.
Как расскажем мы товарищу да Сталину
Про свою ли жизнь — про жизнь красивую,
В наших песнях, сказках и сказаниях
Мы прославим жизнь, да жизнь счастливую.
Пусть читают наши внуки-правнуки,
Пусть читают люди грамотны
Да вспомянут нас, своих былинников.

***

Нищеты да темноты у нас в помине нет,
Мы увидели теперь счастливой жизни свет.
На полях колхозных мы работаем,
Появилися машины у нас разные.
Не петух теперь нас будит — по часам встаем,
На колхозную работу всей семьей идем.
Стала женщина теперь да равноправная,
Равноправная, во всем с мужчиной равная.
Теперь женщины в колхозах бригадирами,
Тракторами управляют да машинами.
По лесам карельским по дремучиим
Пролегла дороженька железная,
От нее легли дороженьки шоссейные,
А по ним пошли машины-тракторы,
От того ли их треску громкого
Позапуганы да звери лютые,
Позапуганы стада да волчие, —
Убежали они во леса дремучие,
Убежали да попрятались.
На того ли да на зверя хищного
Мы идем теперь уж не с рогатиной:

Наши фабрики — заводы оружейные
Выпускают ружья нам надежные,
А и с тем ружьем пятизарядным
Мы смелей идем на зверя лютого.
.....
Через реки наши — реки быстрые
Не бывало ни мостов, ни переходиков,
Через речку нас возили все на лодочках,
А теперь мосты легли новёшеньки,
Переходики крепёшеньки.
А как нынче-то да в ново времечко
Да у нашего советского правительства
Наше золото зеленое карельское
Служит службу верную строительству.
А в горах идет работа скорая,
Скорая работушка да спешная.
По-стахановски народ наш соревнуется,
А стахановцам машины повинуются.
Помещеньица у нас да осветленные,
Они белыми печами отопленные.
Для детей площадки с яслями налажены,
А для взрослых клубы понастроены.
Как работушку мы отработаем,
Из Москвы мы вести-песни слушаем
И всему-то мы новому дивуемся,
Что Советская власть да понастроила.
В сказах, песнях и былинах славим Сталина,
С ним и всех вождей-руководителей.

***

Мы, сказители-былинники карельские,
Обещаем мы товарищу да Сталину
И даем ему слово верное:
Мы сослужим службу государству нашему
Песней радостной да сказкой мудрою.
Отдадим мы жизнь за отца-Сталина,
За заботушку о нас да за великую.

15 (55). Чудо-выставка

Я из дальнего местечка повыехала:
Из прекрасной я Печорушки-реки,
Из холодных и из северных краев,

Из-за моря ледовитого
В незнакомы-небывалые места,
Под почетны, под прекрасны берега,
Под хороши, под названы города –
Под Архангельск-город славный, знаменитый,
Под родну Москву, под матушку.
Я слыхом-то их слыхивала,
А видом-то не видывала.
Потому я их не видывала –
Нам никто про них не сказывал,
Нам никто не показывал:
Наши уши были заткнуты,
А глаза были замазаны,
Путь-дороги не показаны.
Путь-дороги были узеньки,
А тропинки нерастоптаны.
Сквозь болота непроходные,
Через тундры непролазные
Напрямик итти – не выбьешься,
Стороной итти – заблудишься,
Через море переезды велики,
Через реки переходы нелегки,
Путь-дороги непромеряны,
На них версты непросчитаны.
Нонче жизнь переменилася,
Путь-дорога нам открылася:
Нонь тропинки разрублены,
Через тундры расчищены,
Сквозь болота нонче путь суха,
Напрямик итти – широка да пряма,
Стороной итти – везде она видна.
По пути машины скорые идут,
Вдоль по морю корабли больши плывут,
По-над морем самолеты все летят.
Можно людям вольной птицей пролететь,
Через море дорогой рыбой проплыть,
Через тундру чорным соболем пройти.
Я приехала во матушку-Москву
Дорогой гостьей званною,
Хорошо меня люди встретили,
Далеко они меня проводили,
Высоко они меня садили,
Пуще гостьи меня почитали,
Все по имени называли,

По отечеству величали.
Говорили мне все по-ласковому,
Выспрашивали по-приятливому
Что про славную Печорушку-реку,
Про дела наши колхозные,
Про житье-бытье, про богачество.
После этого повели меня
По всей матушке каменной Москве:
Как по улицам по широким,
По местам меня невидалым,
Невидалым да многославным,
Повели да стали все про все
Показывать да рассказывать.
Много дивного да много чудного
В Москве-матушке понаделано:
Там дома стоят превысокие,
Терема стоят преобширные,
Там мосты лежат преширокие,
Машины ходят хитромудрые,
Народу идет – счету-смету нет.
Под низом Москвы испостроена
Путь-дорожечка подземельная,
К ней ведет-везет чудо-лестница,
Чудо-лестница самокатная.
Не одно в Москве чудо-чудное,
Да первее всех чудо-выставка.
Чудом-выставкой, дивом дивным
Не одна Москва испрославилась –
Вся советская земля из конца в конец,
Все колхозы знаменитые из края в край.
За синие моря за широкие,
За крутые горы за высокие,
Во те ли земли во далекие,
Далекие да чужестранные
Пронесли-то слух да слух прославили:
Что во нашей Москве-матушке
Не пыль в поле подымается,
Чудо-выставка разрастается:
Славный город с пригородками,
С теремами, с притеремками,
Со высокими строеньями,
Со узорчатыми башнями.
И еще-то слух прославили,
Что во том ли во городе,

Во высоких строеньицах,
Много всякого богачества.
Свезено оно со всех сторон,
Со всех наших советских рек:
Как со Волги реки-матушки,
Со того ли Дону тихого,
Со прекрасной Двины Северной,
Со далекой со Печорушки-реки.
То богачество не куплено,
Своима трудами нажито,
На своей земле посеяно,
Своима руками собрано.
Как про ту ли чудо-выставку
Я не слухом прослышала,
Своима глазами видела.
Я пришла гостьей званною,
Не одна званна гостюшка —
А с гостями да с гостьями:
С колхозниками, как с братьями,
С доярками, как с сестрами,
С трактористами именитыми,
С бригадирами знаменитыми.
Обвела очми по выставке —
На красу глаза раскинулись,
На басу душа прельстилася,
Сразу сердце обзадорилось.
Та краса во сне не снилася,
Наяву она не виделась:
Там дорожки изукрашены,
Там хоромы разнаряжены.
Велики хоромы-домики,
Только маленьки околенки,
Там околенок не надобно —
Без околенок светлым-светло.
Уж мы шли по нову городу
Как по рыту плису-бархату:
Вдоль дорожки дерева растут,
Под деревами цветы цветут,
Разросли луга зеленые,
Расцвели цветы лазурьевы,
Разнесли духи анисовы.
Посередке стоит башенка
Мелкотравчата-узорчата,

Поверх башенки узорчатой
Тракторист стоит с колхозницей,
Будто брат с сестрой названною,
Захватились рука об руку,
Приподняли сноп над выставкой,
Сноп пшеницы белояровой.
Этот сноп дороже золота:
Ту пшеницу белоярову
Не в одном колхозе сеяли,
Не в одном конце выростили,
Ее сеяли во всех концах,
Ее ростили во всех деревнях,
По единому зернышку,
По одной колосиночке.
Уродился сноп красен-хорош,
Добрым людям на дивованье:
В нем колосья — по четверти,
Скатны зерна, как жемчуги.
Этот сноп — чудо-чудное, —
Безотказный, безубыльный:
Всем людям будет есть — не съесть
Дороги хлеба пшеничные,
Кренделя с кулебяками,
Сладки булочки рассыпчаты.
Этот сноп на чудо-выставке
Надо всем возвышается,
Урожаем называется.
Мы ходили-разгуливали
По всему нову городу:
Из веселья — в веселье,
Из гулянья — в гулянье,
Из прохлады — в прохлады.
Мы смотрели-высматривали
Не невесту снарядную,
Не обновку хорошую,
Не с плеча шубу теплую,
Кунью шубу в пятьсот рублей,
Шубу черну-соболиную
Во целую тысячу,
А смотрели-высматривали,
Как растут зелены сады.
Во садах груши-яблоки,
Виноград — винны ягоды,

Чернослив прелестные.
Много-много на деревцах
Много листья, много паветья,
Много отрастья кудрявого.
Все листочки шумят-гремят,
Будто речи-слова говорят
Про житье-бытье колхозное,
Про житье-бытье народное.
Мы глядели-разглядывали
Не товары заморские
Не платья чужеземные,
Перстни-кольца норвежские,
А глядели-разглядывали
Земляны плоды-овощи,
Земляны-своерощены,
Сахаринки медовые,
Корневинки пудовые.
И еще мы увидели
Там пшеницу кустистую,
Жито-рожь колосистую.
Прежде: колос от колосу —
Не слыхать было голосу,
А колхозные полосы —
На стеблю по три колоса.
А еще, всем колхозникам
В наученье поставлены,
Там машины хитромудрые:
Трактора да самосеялки,
Саможнейки, самовеялки.
А едина машинушка
Похитрей-помудрее всех,
Разудалая работница,
До работы охотница,
И жнея она усердная,
Гребея она удалая,
Молотильщица проворная,
Людям легка замена,
Безотказна-бессменна,
День-деньской она косит,
У людей есть не просит,
И молотит и веет,
Отказаться не умеет.
Есть всего там хорошего,

Дорогого да ценного,
Только самое хорошее,
Дорого-неоценимое —
Люди лучшие-самолучшие.
Не золото с золотом свивалось,
Не жемчуг с жемчугом сокатался —
Уж как это-то золото получше,
Уж как этот жемчуг поскатнее —
Это наши советские люди:
Колхозники да бригадиры,
Агрономы да садоводы,
Люди новой породы —
Ударники да стахановцы.
Они нашей родной землей
Воспоены да воскормлены,
На хорошем солнце выросли,
На медовых росах выцвели,
Теплыми дождями поливаны.
Те дожди благодатные —
Золотое наше времячко,
Та роса сладка-медовая —
Большевицка наша партия,
Дорогое тепло солнышко —
Наш родной отец Сталин-свет.
Уж как то чудо-выставка
Всем людям в наученьице, —
По сердечушку ученьице,
По уму посмотреньице.
Приезжают на выставку
Из-за далеких морей,
Из чужих городов
Заграничны люди грамотны
Поучиться нашей грамоте,
Нашей мудрости советской.
Приезжают колхозники
Со всех концов да со всех краев
Посмотреть-поглядеть на чудо-выставку.
Все хотят научитися,
Перенять науки-хитрости:
Как получше поить-кормить,
Угощать мать сыру землю,
Чтоб кормленье земелюшке
Было во пору да во время,

Было по́ сердцу да досыта,
Чтоб поенье земелюшке —
В любой час, в любое времячко,
Без грозового поливанья,
Без моленья, без кланянья,
И без звону колокольного,
Без четья́-петья́ церковного,
Крестна хода иконного.
Чтобы нам поля колхозные
И засухой не высушило,
И морозом не вызнобило,
Лютым червем не выточило,
Чтобы дома любой колхоз
На поля урожай принес,
Чтобы сам урожай пришел,
Во колхоз не гостить зашел,
Он пришел не на час-часовой,
Он зашел не на год-годовой,
А на долгий советский век!
Как со той ли со выставки
Разойдутся-разъедутся
По своим местам колхозники.
Пронесут да прославят слух
Про науки премудрые,
Про работы стахановские,
Про хитрости мичуринские,
Про мудрости лысенковские.
Всем колхозникам, колхозницам
Те слова падут во голову,
Как в сыру землю зернетки,
Прорастут и проявятся
Эти зерна хорошие
Хлебородными всходами,
Все делами большевицкима.
И по всей по советской земле
Разрастут поля на завидость,
Расцветут сады невиданны
И такой урожай пойдет —
Всему миру в закрома не войдет.
Всему миру в научение
Станет вся земля советская
Чудным садом виноградовым
И всесветным чудом-выставкой.

16 (56). На большой, на Красной площади

Во прекрасной да Москве-матушке,
Как на той ли широкой улице,
Что на Красной да большой площади,
Полна улица людей дыблется.
Не на пир они, не на беседушку,
Не на торги они, не на ярманку,
Не на гульбу они, не на весельице —
Как сошлися они, съехались
С вождем Лениным повидатися,
Повидатися да посмотретися.
Как на той ли широкой улице,
На большой ли на Красной площади,
Возле башни с часами верными,
С караульщиками со надежными
Небольшой стоит домик мраморный.
В этом домике не семьей живет,
Не семьей живет, а одинешенёк
Дорогой наш вождь Владимир Ильич.
Призадумалось и мне повидатися,
Повидатися да посмотретися
С дорогим вождем светом Лениным.
Из холодных мест из северных,
Я от моря Ледовитого,
Со прекрасной со Печорушки реки
Собралася я поехала.
Не конем я не лошадушкой,
Не пеша́ шла по дорожечке —
Я летела да птицей вольною
Я на хитрости, на мудрости,
На машине самолетноей,
Уж дошла я уж доехала
До Москвы до самой, матушки,
До широкой большой улицы,
Как до той ли Красной площади.
Там стоит народу много множество.
Та же дума всех привела сюда.
Я примкнулася — съединилася,
Всем низешенько поклонилася,
Я в черед с има становилася.
В домик мраморный я спускалася
Как по тем ли да крутым лесенкам,

По гладким ли да по ступеничкам,
По частым-мелким перекладинкам.
Мысли-думушки возмутилися,
Ретиво сердце разболелося.
К свету-Ленину приближалися –
На глазах у нас слезы показалися,
Во грудях вздохи подымалися.
Воздохнула я тяжелехонько,
Как увидела света Ленина:
Он не сном ведь спит, как живой лежит,
Как живой лежит, а ничего не говорит.
Всем смотреть-то нам его хочется,
Говорить-то с ним нам охотушка.
Да лежит-молчит дорогой Ильич,
Слово ласково не вспромолвится:
Очи ясные призакрылися,
Уста сахарные призамкнулися,
Дороги слова приумолкнулися.
Он не сном ведь спит, а лежит замертво,
Не живой лежит, а веселешенёк:
Верно, знает он, как дела идут
По родной земле – нашей родине.
Все дела идут по его пути,
По его пути по налаженой,
Светом-Сталиным приустроеной.
Все дела во глазах его,
Слух со всей страны во ушах его.
Сквозь стеколышко хрустальное
Смотрит он – не насмотрится,
Слушат он – не наслушается.
Он во домике не один живет,
Вся семья его каждый день идет.
Каждый день несут вести радостны,
Вести радостны, слухи приятливы:
Что во всех концах да во всех краях
Наша родина разрастается.
Не мала она стала – превеликая!
Хлебородные поля новые,
Зелены сады с виноградами,
Города наприбавок с пригородками,
Моря новые со приморьями,
Разливные озера с приозерьями
Не на деньги купим – не выменивам:

Земли новые сами к нам текут.
Братья ро́дные сами к нам идут –
К своей матери под право́-крыло,
Под право́-крыло да под сизо́-перо,
Под укрепу нашу крепкую,
Под защиту нашу сильную,
Под оборону нашу храбрую.
Потому-то он и веселешенёк:
Он лежит с улыбочкой приветною,
Он глядит с поглядочкой веселою
На свою семью любимую.
Сызмалетства он о людях радел,
Зорким глазом он все вперед смотрел,
За больши века далеко глядел,
Со веками он разговаривал.
Не страшили его тучи грозные,
Не пугали громы громучие,
Не палили молоньи палючие.
Он не ждал, когда тучи прокатятся,
По синю небу пройдут – провалятся.
Приутихнут-приумолкнут громы громучие,
Призагаснут молоньи палючие.
Он сквозь грозы-то прошел мудростью,
Он сквозь громы-то прошел мужеством,
Он сквозь молоньи прошел силушкой.
Он совет держал с другом Сталиным,
Думу думал он с нашей партией,
Речи молвил он со всей силушкой,
Со всей силушкой всенародною.
Мы со Лениным подружилися,
Меж собою все породнилися,
У нас семья стала нераздельная,
А родня стала однокровная,
Однокровная, одноутробная,
Одного отца, одной матери:
Наша мать родна – наша родина,
Наш отец родной – Ильич дорогой.
Мы весь домичек насквозь прошли,
Потихохоньку подвигалися.
Я легохонько выступывала,
Хорошохонько высматривала,
С светом-Лениным распростилася,
Приворотникам поклонилася.

Приворотникам я наказ дала,
Я наказ дала да речь им молвила:
«Вы храните-берегите света-Ленина,
Вы на долгие века нашим деточкам,
Нашим внучкам, нашим внукам, нашим правнукам,
Всем народам, дальним ро́дам, дальним пра́родам!»

17 (57). Мать-Печорушка — всем рекам река!

Испокон веку про Волгу поют песенки,
А никто не сумел про Печору спеть.
Мать-Печора была позакинута,
От больших городов позаброшена,
А теперь она метит Волге во соперницы.
Не поддастся она шириной своей,
Не уступит она долиной своей,
Не уважит она водой полною,
Водой полною, рыбой красною,
Красотой ли своей распрекрасною.
Мать-Печорушка — всем рекам река:
Шириною она широкая,
Долиною она долгая,
Как водою она полная,
Тонями она пребогатая,
Берегами она распрекрасная,
С одной стороны — наволоками,
С другой стороны — тундровой землей.
В наволоках — луга сенокосные,
В тундровой земле — боровы места,
Боровы места, да места ягельны,
Места ягельны да они ягодны.
Как наступит-то весна красна,
Как пройдет-то да мать-Печора,
Как пробрызжут-то да реки быстрые,
Прогремят-то ручьи глубокие,
Приобрежется вода вешняя,
Приобсохнут желты пески, —
Раскрасива тогда Печора.
Как по вешней-то воде вольной
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да все во лодочках
Как по тихим да вешним заводям

На гуляньице да на весельице,
Все со песнями да все со баснями.
Берут весельца еловые,
Берут ружья для охотушки,
Берут гусельцы звончатые
К берегам приставаючи
Да по ним все гуляючи,
Там стреляют гусей-лебедей,
Серых утицей-касаточек.
Пляшут молодцы с девицами
До утра они, до упаду,
Поют песенки веселые,
Песни новые да все колхозные.
Берега-то у моря студеного
Прежде были пусты, без строеньица.
Ни двора тебе, ни хижины,
Ни жилья человечьего.
Жили в лодочках, во суденышках,
Пили-ели, отдыхали тут,
Тут все делали-обрабливали,
Тут и рыбу засаливали,
Тут тебе была и спаленка,
Тут столова нова горница,
Тут и нова светла светлица:
Ни вымыться тебе, ни высушиться.
Мелкой дождичек — умывка,
Красно солнышко — обсушка,
В лодке варбище — обогрева;
Бочки с рыбою — тесова кровать,
Сетки с кибатами — изголовьице.
Только нам было не до отдыху:
Добывать-то рыбу с трудом было,
Не хитростью, да не мудростью,
Своей одной только силушкой
Со тяглыми да с сетками,
Да со долгими веревками
Мы робили да моталися,
Моталися да позорилися
По ловлям да рыболовным,
По водам ли по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам доставалося:
По полу-себя в воде стоючи,

Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали.
Нам времечко было не указано,
Как часы-то были не обозначены:
Ночь шла, она за белый день,
День-то шел, он за темну ночь.
То и суточки круглы не спали,
Бури-падеры не держали,
Дожди мокры нас поливали,
До костей мы да промокали,
Руки-ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горячая захлывала.
День и ночь мы руки мозолили,
На желтом песку ноги вывертывали,
Веревками плечи кровавили,
Все ловили да рыбу белую:
Сигов печорских непуганых,
Омулей морских икрянистых,
Нельму жирную самолучшую.
Как со той же мы со работушки,
Как со той же со тяжелоей,
Со того же низу богатого
Домой придем мы не ко батюшке,
Возвернемся мы не ко матушке,
Ко тем ли да злым хозяевам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогреем,
Как опять на ту же на работу,
Как опять на ту же на тяжелу.
А кто приходил и ко батюшке,
Ко хозяйству своему самоличному,
Богатый свой весь промысел
Отдавали купцам богатинным,
Усольцам ли да чердынцам ли.
Купцы-то те цены делали:
Скостят они цену до полцены,
Дешевят они рыбу дешево,
А рыбачеству делать нечего:
Отдавать им рыбу приходилося
Не за рубли, а за копеечки.
А теперь ходят на промысел

Не по-старому да не по-прежнему.
Хоть по той же по Печорушке,
По той же воде вешней-вольной,
На тех же ли на суденышках,
Со теми же парусами белыми,
Белыми да полотняными,
Мимо тех же сел с деревнями,
До того же до синя моря,
До синя моря Ледовитого,
До печорских губ с загубьями,
До тех же промыслов богатых
Рыбачество наше плавает,
Да все-то теперь стало иначе,
Не по-прежнему, а по-новому.
Берега-то у моря студеного
Они все теперь позастроены
Домами-строеньями,
Да хоромами теплыми.
Тут дома не постойные,
Тут хоромы не гостиные,
Тут живут по-домашнему.
На свои места знакомые,
На участки рыболовные
Выезжают колхозники
Со ловушками новыми,
С неводами ставными же,
Со рюжами уловистыми.
Хорошо рыба ловится:
Все уловы богатые
Той ли рыбой находною,
Сигами печорскими,
Омулями икрянистыми,
Нельмой жирной самолучшею,
Дорогой рыбой семгою,
Рыбой семгою, рыбой красною.
За уловами богатыми
По ту рыбу добытую
Идут по морю студеному
Мотор-лодочки скороходные,
Не дают рыбе портиться,
Доставляют ее скоро-наскоро
На те ли пункты приемные,
Ко ледникам ко холодным,

Ко засольщикам ко ученым,
К обработникам ко толковым.
Они обрабливают, засаливают,
Свежей рыбу замораживают.
Это все для рыбачества
Облегченьице в работушке,
Им заботиться не надобно,
Им печалиться не об чем –
На руках рыба не спортится,
Расчет-учет дают на руки,
Дают на руки деньги полные.
После той ли работушки
Им не надо жить на суденышках, –
Приезжают в теплы домики,
В теплы домики-светелочки,
Раздеваются по-домашнему,
Пьют-едят, за столом сидят,
Что хóтят, то и кушают,
Отдыхают, где им хочется,
В парных баенках моются.
Парна баенка принатоплена,
Ключева вода принагретая,
Шелков веничек принапаренный,
Тазы медные приначищены,
Душисты мыла принакуплены.
Все теперь по-хорошему,
Для рыбачества все по-лучшему,
По-лучшему, по-веселому.
Как домой собираются
Со богатого промыслу –
Не ждут в спину поветерь,
Не кличут в помощь ветричка,
Не гневают север-батюшко, –
Они кличут мотор-лодочку.
Они едут вверх по Печорушке.
В руки весел брать не надобно,
Ноги резвые набивать-томить,
Свои плечики натруживать:
Они сядут, отряхня ногу,
Безо всякой заботушки,
Они едут – только песенки поют,
Чаи крепки с сахарами пьют.
Их встречают отцы-матери

Гостями почетными,
С угощеньями сладкими,
Со шаньгами да теплыми,
Со словами да с ласковыми.
А дома тоже работушка,
Весела работа колхозна:
Наступит ли лето красно,
Разрастут ли луга зелены,
Расцветут ли цветы лазоревы.
Разнесет ли духи анисовы, –
Пойдут колхозники по поженкам,
По лугам траву обкашивать
Не косами, не горбушами,
А машинами хитро-мудрыми,
Уж теми ли самокосилками.
Та работушка со радостью
От желанья ретива сердца.
До колхозов-то мы робили
На тяжелой на работушке
На хозяев, на кулачество,
На злодеев-лиходейщиков.
Нам косьба не по силушке,
Гребля нам не по могуте,
Тяжелым-тяжела доставалася.
Нам косы руки мозолили
Мозолями кровавыми,
Могучи плечи уставали,
Мы спины разогнуть не могли
С косьбы ноженьки дрожали,
Изо глаз мы свет теряли.
От хозяев, от кулачества
Мы не плату да получали,
Мы копеечки собирали.
Что за нашу-то труд-работушку
Кто ли денежки получал,
Себе богатство да наживал.
Томила нас ходьба далекая,
Сушила работа кулацкая,
Труд-работушка неоплаченная.
Уж мы день перекоротать не могли,
Уж мы вечера не дождемся.
Не катился наш ум на красоту,
Не вздымалися глаза на басоту.

Им глядеть было некогда
На цветы на лазоревы,
На тихие заводи,
На зори ранни утренни,
На закаты солнца красного.
Со устаточку без питья падем,
Со работушки без еды лежим –
Тут не в радость краса-красота.
А теперь-то по нашим лугам,
По зеленым по наволокам,
По пожням, по сенокосам,
По долгим да по покосам,
По широким да по пограбам
Работают все бригадушки,
Кажно дело показано,
Кажно дело учитано,
Трудодни в книги выведены,
Сполна будут оплачены.
Прикатится день ко вечеру,
День ко вечеру, ко отдыху –
Молоды ребята пляшут да поют,
Пожилы не поудаваются,
Старики сказки сказывают,
Побывальщики былинушки ведут.
Со песнями да со баснями
Мы не знаем, как и день пройдет
Не видим, как время катится,
Не хватает дня наробиться,
Поработать еще хочется,
Посмотреть на Печорушку.
Мать-Печорушка – всем рекам река:
Рекам она – во все стороны,
Ручьями она – несчетная,
Родниками она – несметная,
Ключевой водой – чистая,
Заводями она – спокойная,
Быстерями она – быстрая,
Заливными лугами – отменная,
Песками-тонями – удобная,
Рыбой красной – урожайная,
Красотой своей – прелестная.
Кто на ней живал,
Тот все сам видал,

А кто не был у нас —
Просим в добрый час.
Не на час, не на денечек —
Приезжать на годочек
Хлеба-соли кушать,
Песенок послушать.

18 (58). Честь великая Красной Армии

За широкими полями колхозными,
За цветущими лугами, пригорками,
За крепкой заставой советскою,
За быстрою рекою Збручею,
Во стране чужеземной, западной
Жили две-то родные народности,
Будто две-то сиротки бездомные,
Белорусы с украинцами.
Не своею здесь жили охотою —
Их заставила злая неволюшка,
Злая неволюшка да участь горькая.
Захватили их паны польские,
Разорили у них тепло гнездышко,
Оторвали от родной семеюшки,
Все от славной страны Российскою.
Не в гостях они гостили тут —
Во тяжелой неволе томилися.
На панов днем и ночью работали,
Заливались слезами ночи темные.
Издевались паны и помещики,
Пили кровь трудовую народную,
Тоскливо страшное время тянулося.
Тут не серая кукушечка куковала,
Западная Белоруссия и Украина изнывала.
Под ярмом польской шляхты стонала.
Вот задумали родные сестрицы
Послать вести родимому батюшке.
Прирасплакались родимой матушке,
Приросжалилась родным братьицам.
А как писали они скору грамоту,
Не пером они да не чернилами,
А своими-то горючьми слезьми.
Долетела эта весточка до родной сторонушки,
Упала эта весточка ко Красному Кремлю,

Ко высокой горнице родного батюшки,
Ко сердечушку его, ко горячему,
Как к тому ли мудрому вождю Сталину,
А не во снях радость приснилася...
Наяву она объявилася,
Как не синее-то море всколебалося –
Красная Армия собиралася,
Снарядила танки свои быстроходные,
Самолеты-то все скоролетные.
Садились добры молодцы на добрых коней,
Да поехали в сторону западную,
На защиту родных братьев и сестер...
Впереди-то всех ехал статный собой
А как славный полководец Ворошилов Клим...
Не успели паны проснутися,
Некогда было им оглянутися,
На свои замки, на сокровища,
Как нагрянула наша силушка,
Наша армия непобедимая...
Разбежалась шляхта во все стороны,
Раскидала орудья по лесам, по полям.
Тут свалилися цепи рабские,
С трудовых людей обиженных.
Освободилися руки рабочие,
Белорусов и украинцев.
Они навстречу вышли Красной Армии,
Обсыпали бойцов цветами душистыми,
Обнимали крепко-накрепко,
Целовалися в уста сахарные,
Вот тут золото с золотом сливалось,
Жемчуг с жемчугом сокатились,
Две родные семьи во едино сходились...
Говорили освобожденные слова ласковые:
«Вам спасибо, родные, спасибо,
Что спасли нас от неволи панския,
От тяжелою жизни, несчастною,
Уж мы больше с вами вовек не расстанимся,
Уж мы вовек теперь не разъедемся,
Будем жить семьею единою,
Мы пойдем с вами одной дорогой светлою,
Путями славными большевистскими,
По заветам вождей Ленина и Сталина,
Власть мы выберем Советскую.

Честь великая Красной Армии!
Слава вечная вождю Сталину!»

19 (59). Сказ о выборах

Уж мы ждали-дожидалися
Дождались мы – взрадовалися,
Мы тот день-денечек радостный,
Светлый праздничек да выборы.
Мы вставали поранешенько
До петушья воспеваньеца,
До курина воркованьеца,
Торопились-поспешалися,
Хорошо мы одевалися
В новы платьица нарядные,
Во платочки-шали шелковы,
Торопилися, чтобы первыми
Ко часам да ко указанным,
Ко участкам избирательным,
Во светлы да новы горницы,
Во палаты избирательны.
Светлы горницы приубраны
Лозунгами кумачовыми,
Там сидят люди умные,
Говорят да речи чудные.
Большевистская-то партия
Призывала трудовой народ:
И колхозниц, и колхозников,
И простых единоличников,
Коммунистов с беспартийными,
Стариков и молодых людей
Заодно да думу думати,
Заедино дело делати.
Мы садились во единый круг,
Думу думали великую:
Нам кого будет повыбрати,
Нам кого будет повыдвинуть
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Уж мы все про все да передумали:
Раньше жили мы запуганы-заруганы,
Жили мы захаены-заграены,
Жили мы избитые-забытые,

Жили мы неучены-замучены,
Не обутые, не одетые,
Теплым красным солнышком не согретые,
Ждали мы погодушки у синя морюшка,
Своей думушкой да обнадежились,
Своим умом-разумом да приуверились:
Красно солнышко да выдет на ясно,
Обогреет солнышко и наше задворье,
И заглянет солнышко и к нам в окошечко.
Уж мы ждали-дожидали
Пуще солнышка разудала –
Добра молодца да небывалого.
Небывалый тот удалый добрый молодец
Отыскал-нашел бы золоты ключи,
Отомкнул бы он замки крепки,
Открыл бы ящики да окованы,
Он достал бы нам да талан-счастьице,
Разделил бы он всем людям поровну.
Уж мы ждали-пропевали в своих песенках,
Ждали мы да не год, не два.
Пропеваньице наше услышалось,
Ожиданьице наше исполнилось.
Мы еще да думу думали:
Все-то реки текут да к окиян-морю,
Птицы летят в страну теплую,
Все-то думушки наши народные,
Как соколы летят да в Москву каменну,
Ко тому Кремлю златоглавому,
К дорогому вождю Сталину!
От его ли светла разума
Свету-жару больше, чем от солнышка.
Просветлела ныне Советская Расеюшка,
Стали умны наши головы:
По его великой мудрости
Дело праится все правильно,
Дело наше большевистское.
Под его руководительством
Мы идем прямо – не своротимся,
И растем – не остановимся.
А Иосиф Сталин – красно солнышко,
Глава Советов – светел месяц.
А вокруг месяца светят звездочки –
То одиннадцать Советских республик.

А теперь во матушке во Расеюшке
Небывалая да радость появилася:
Двенадцатая молодая сестрица народилася
Карело-Финская Советская Республика.
Карелы, финны, русские сроднилися,
Между собою крепко-накрепко
В одну семью сплотилися.
Заодно да заединое
Выбирать мы будем верное правительство.
Уж мы все про все да передумали,
А дорогого вождя Сталина
Мы за все это любим-жалуем,
Мы за то его все выберем
Во советское правительство
Молодой Карело-Финской Республики.
Мы еще думу думали о всех вождях-руководителях,
О всех людях лучших, делу преданных.
При советском правительстве
Не по капиталу людей меряют
И не по богатству людей взвешивают,
А людей меряют да по работушке,
Да по уму-разуму светлому:
У кого работушка в руках спорится,
Кто идет, с пути да не своротится,
Тот и знатным у нас почитается,
И в правительство наше избирается.
А за то мы их любим-жалуем,
За то в правительство наше выберем!

20 (60). Сказ про шестнадцатое июня

Уж мы ждали-дожидалися,
А дождалися — возрадовались.
Уж мы в тот денечек радостный
Светлый праздничек да выборы,
Мы вставали поранешенько,
До петушья воспеваньица,
До куринья воркованьица,
Торопились-поспешалися,
Хорошо мы одевалися,
В платья новые, нарядные,
Во платочки-шали шелковы.
Торопились притти первыми

Ко часам да ко указанным
Ко участкам избирательным,
Во светлы да во новы горницы,
Во палаты избирательны.
Светлы горницы украшены
Кумачовыми полотнами.
Там сидят да люди умные,
Говорят да речи чудные.
Большевистская да партия
Призывала трудовой народ
Словом ласковым да добрыим
И рабочих и колхозников,
Интеллигенцию народную,
Коммунистов с беспартийными,
Стариков да молодых людей —
Заодно да думу думати
Да едино дело делати.

***

И садились мы в единый круг, —
Думу думати великую:
Кого надобно повыдвинуть,
Кого надобно повыбрати
В наше мудрое правительство,
Во правительство народное.
Уж мы все-то, все передумали,
Старопрежнюю жизнь мы вспомнили.
Во то старое, проклятое то времячко
Беднякам жилось невесело,
Еще горше было женщинам.
Свету белого мы не видели,
Нам нигде пути-дороги не было.
Жили мы забитые, забытые,
Жили мы закаяны, заграены,
Неученые, измученные,
Необутые да неодетые,
Теплым солнышком да несогретые.
Ждали мы погодушки у моря синего,
Своей думушкой да обнадежились;
Умом-разумом да приуверились:
Красно солнышко да выйдет на ясно,
Обогреет солнышко наше задворье,

Заглянет солнышко к нам в окошечко...
Уж мы ждали-дожидалися не год, не два,
Дожидалися мы да пуще солнышка
Разудала молодца да небывалого,
Чтобы разудалый тот да молодец
Разыскал бы нам золоты ключи,
Отомкнул бы он замки крепкие,
Открыл ящики да окованы,
Чтоб добыл он нам талант-счастьице.
Уж мы ждали-пропевали в своих песенках
Того молодца да разудалого.

***

Ожиданьице наше исполнилось:
Того молодца мы дождалися.
От его ли светла разума
Света больше, чем от солнышка.
Обогрелась горемычная Россеюшка.
Просветлела жизнь народная,
Стали умны наши головы.
С ним нашли дороженьку мы пряменьку
К счастью светлую, широкую, счастливую.
Под его руководительством
Дело правится все правильно —
Наше дело большевистское.
По его великой мудрости
Жить нам стало всем светлешенько,
Идем прямо — не своротимся
И растем — не остановимся.
И как реки текут в океан-морюшко,
И как птицы летят в страны теплые,
Так и думы-думушки народные
Мчатся соколом в Москву каменну,
Где живет наш Сталин красно солнышко,
А вокруг Москвы светят звездочки,
Счетом было их да одиннадцать —
Тех республик да советскиих.
А как нынче им на радость появилася,
Молода сестрица народилася,
Да двенадцатая ясна звездочка —
Карело-Финская Советская республика.
В ней карелы, финны породнилися,

Во семью одну они сплотилися.
Заодно мы да заединое
Выбирали во народное правительство.
Депутатом нашим первыим
В наше верное правительство
С честью-радостью мы повыбрали
Дорогого вождя да Сталина.
А еще-то мы думу думали
Про его верныих соратников,
Про всех лучших людей, делу преданных.
Не по капиталам мы их меряли,
Не по богатству мы их взвешивали,
Мы людей меряли да по работушке,
Да по светлому их уму-разуму.
У кого работа в руках спорится,
Кто с пути да не своротится,
Тот у нас и почитается –
В Совет Верховный выбирается.
Вот за что мы их любим-жалуем,
Вот за что мы их да повыбрали
В наше верное народное правительство.

21 (61). Изо всех звезд краше всех

На крутом бережке моря Белого,
На желтом песочке Нижней Золотцы
Не береза кудрявая поднималася,
Не малина ягодка наливалася –
Возрастала тут красна девица,
Марфа да свет Семеновна.
Как походка у ней павиная,
Слово – речь лебединая.
Не красным нарядом Марфа красилась,
Не шелковым поясом попоясалась,
Умом-разумом она изукрасилась,
Мудрой речью распрославилась,
Не ходила Марфа по гуляньицам,
По веселым пированьицам,
С колыбелечки сказы слушала
От родимой маменьки Аграфены Матвеевны.
Полюбила песни, сказы дивные,
Выходила весной на морской бережок,
С Белым морюшком речь говорила,

Бело морюшко песни пело ей.
Не в богатстве век прожила, не в довольствии,
Прошла младость в работушке,
В тяжелою во заботушке.
Утешала людей своими сказами,
Украшала жизнь своими песнями,
Воспевала страну любимую,
Славных русских могучих богатырей,
Что стояли грудью за народ трудовой,
Что хранили родину от злых врагов.
Так у морюшка синего да студеного
Прожила свою жизнь наша Крюкова.
Много ярких звездочек на небе,
Много славных сказителей на Севере,
Изо всех звезд одна краше всех,
Изо всех сказителей Крюкова лучше всех.
Ты для нас, Марфа Семеновна, старшая,
Будто поленица преудалая,
Мы твои сестрицы младшие,
Мы твоим умом набираемся,
Твоими сказами научаемся.
Пропоем мы с тобой сказы новые,
Про любимую нашу Республику,
Про великую партию большевистскую,
Про мудрого вождя Сталина,
Про могучую Красную Армию.
За твои сказы прекрасные
На твоей груди горячею
Горит светом во все стороны
Орден Трудового Красного Замени.
Во сегодняшний день твоего праздника
Многолетнего пропевания
Мы желаем тебе, Марфа Семеновна,
Дорогая наша сказительница,
От всего ансамбля северного
Долго жить тебе да и здравствовать,
Много, много лет сказы сказывать
О прекрасной нашей родине!

22 (62). Мы готовы на защиту своей родины

Как у нас в Москве да во каменной,
А во том ли Кремле да во крепкоем,

Во тех ли теремах высокиих,
Там живет наше красное солнышко –
Иосиф да свет Виссарионович,
Со своими верными друзьями, со товарищами.
Укрепляют они да Советску власть
И улаживают жизнь нашу мирную,
Не хотят они бойни кровавоей,
И стоят за мир по всей земле.
Но на свете есть кровожадные,
Кровожадные фашисты да захватчики,
Что готовят они да войну на нас,
На Советский наш на великий Союз,
Захватить хотят земли советские
Полонить хотят трудовой народ.
Если заденут нас фашисты-варвары, –
Даст приказ тогда наш великий вождь
Иосиф да свет Виссарионович
По стране нашей Советскоей.
Как услышим мы приказ своего вождя,
Своего вождя да великого,
Все от старого да до малого
Мы пойдем на защиту родины.
Всколыхнется весь Советский Союз
Полетят тут наши самолеты по поднебесью,
По поднебесью, что ясны соколы,
Как пойдет наш флот да во сини моря,
И как двинется тут Красная Армия
Во главе с героем Ворошиловым.
Впереди поедет он да с кавалерией
На своем коне да богатырскоем,
Вслед поедет артиллерия.
Подойдут они как к неприятелю, –
По приказу Ворошилова
Грянут пушки дальнобойные,
Мать сыра земля сколеблется,
Лес дугой к земле приклонится,
Лист да клубом по земле покатится.
Грянут пушки с кораблей со крепкиих,
На морях вода с песком смешается.
Страшно будет всему свету белому,
А страшнее будет неприятелю.
Вот как наш народ к защите приготовился.
Он готов защищать свою родину.

23 (63). Грудью встанем за родину

Как со всех сторон дальних,
Со всего света белого
Собирается крепкая силушка,
То военная сила — преудалая.
Мы своей грудью крепкою,
Силой могучей богатырскою
На врага пойдем дружно все,
Неустанно боротися,
Без покоя, без отдыха.
Мы хозяева страны своей любимой,
И работники земли нашей родимой —
Нам не дорого злато, чисто серебро,
Для нас надобна жизнь да советская.
Есть родная у нас мать-кормилица,
Неизменна надежа партия большевистская,
Дорога нам родина счастливая!
Обещание мы даем да своей родине,
Слово верное да вождю Сталину:
До кровавого пота будем биться с врагом!
Мы подымем мосты все подъемные,
Укрепим ограды, тыны, крепости,
В могучие руки возьмем ружья заряженые,
Где будем конями топтать, где штыками колоть,
Где придется, вступим в рукопашный бой.
И оденем мы латы богатырские,
И ножи и мечи возьмем булатные.
Мы за родину пойдем на дело ратное,
На великое побоище смертное.
Все мы храбрые будем богатыри,
И полезны все для отечества!
Поплывем по морям на стальных кораблях,
Полетим на самолетах быстролетных мы,
Чтоб не догнать нас и птице-соколу.
Уж мы чуем в себе силу великую,
Крепки руки в бой сами просятся,
Со злодеем-врагом поразделаться.
Минуты теперь для нас дороги,
Пускай сгинут фашистские гадины,
В беспорядке бежат волки лютые.
И силен черт, да в воде место ему!

24 (64). Мы, сказители, наперед пойдем

Ой вы, красные полки богатырские,
Да вы, удалы-храбры молодцы,
Герои славные советские,
Бейтесь вы на крепких на заставушках,
Защищайте родину советскую.
Как завеяли ветры буйные,
Снова пала к нам туча темная,
Туча темная, туча грозная,
Загремели громы громкие.
Все от малого и до старого
Подымаемся мы за единое,
За великое дело за народное,
За нашу жизнь колхозную,
За дела советски-богатырские,
За родную землю-матушку,
За родного Сталина-батюшку.
Своей силою могучею
Мы сломим врага-супротивника,
Мы ударим по-молодецкому,
Предадим его смерти лютоей.
Мы, былинщики-сказители,
Не со сторонки будем мы посматривать:
Мы, сказители, наперед пойдем,
Наперед пойдем, на саму голову:
Разгромим мы змеев лютых,
Ни единого не оставим мы на семена.

25 (65). Про Красную Армию

Красная Армия на фронтах у нас,
На фронтах она да все бои ведет.
И громит она врага лютого,
Врага лютого да силу гитлерскую.
Вот идут бойцы вооруженные,
Хорошо они да приодетые,
Приодетые да приобутые.
Их ведут командиры наши славные,
Вот идет вперед сила танковая,
Началась стрельба да пушки ахнули,
Град посыпался на зверя лютого.
Налетели на врага красные соколы,

Красные соколы, народом любимые.
И стеной пошла пехота советская,
Наша славная пехота могучая.
Ужахнулася тут сила немецкая.
Штык на штык пошли — лезвия брякают.
Тут фашисты кровью лютой расплатилися
За свои дела, дела зверские.
Так дерутся бойцы Красной Армии,
Защищая свою родину любимую,
Они храбрые, они мудрые,
Они снова в бой да поднимаются.
По-богатырскому они в бой идут,
По-геройскому да они в бой ведут.
Шлю да шлю я Красной Армии,
Бойцам красным, советским богатырям,
Всем я шлю низкой поклон,
Низкой поклон да с челобитьицем.
Желаю вам, бойцы да Красной Армии,
Разбить, разгромить врага лютого,
Врага лютого, на нас напавшего.

НОВИНЫ И НОВИНЫ-ПОЭМЫ

АНТИСОВЕТСКАЯ НОВИНА

1 (66). Как святыя горы выпустили из каменных пещер своих Русскиих могучиих богатырей

***

Где ума твово не хватает, спроси разума,
Разума доброва, тихова, мудрова,
От Божьей беседы всегда молчаливова,
Вещева, крепкова, ко зову сердешному чуткова,
Твово охранителя, перед Богом заступника.

I

Избив на Сафат-реке силу татарскую,
Порасхвастались витязи славные, Русские,
Не иначе, как разум оставимши
И на ум голой свой понадеямшись,
Что и с силой нездешней пора им боротися.
И явилась им сила нездешняя, ясная,
Двое небесных воителей: не признали их витязи...
Налетел млад Алеша, что первым расхвастался,
На две части рассек двух воителей,
И предстали уж четверо, не двое воителей.
От меча вострова Добрыни Никитича
Пали четыре воителя, но встало их восьмеро.
После сечи стар Ильи Муромца,
После свиста Васьки Буслаева, копья Иван Гостинново
Шестьдесят и четыре поднялось воителя.
Бросились витязи на силу нездешнюю,
Все плечом пошли о плечо, как один.
Стали силу колоть и рубить,
А сила небесная все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Утомились витязи, уходились, испужалися.
Побежали в горы Святые, великие
Под защиту брата старшова свово,
Брата крестовова, Святогора самово,
Святогора огромаднова, завсегда спящева.
Разбудили они брата свово,
Разбудив, взмолилися;
От страха без слова, без речи взмолилися;
Илью Муромца — сына крестианскова,
Атамана свово, первым поставимши.
Простирал Святогор глаза свои — озера бездонныя,
Насугробил он брови свои — леса дремучие,
Всколыхнул зевотой своей землю стоячую,
Потянувшись, задел облако ходячее.
На Илью, как на диво дивное, уставимшись,
Признал Илью, с кем крестом своим поменялся,
Познал сердцем мольбу витязей горькую,
Хватил Святогор русских витязей и коней их заодно,
По карманам своим — по пещерам глубокиим порассовывал,
А сам, вздохнумши, долговечныим, крепким сном заснул.

II

И от сна-то от етова крепкова,
От тяжелова сна, от грузнова,
Великая мука богатырям выпала.
Адова мука мученическая...
Сами-то они не спят,
Не спят и в темноте своей не видют,
Но усе слышут, усе разумом своим понимают.
Как по Святой Руси Кривда пошла, разгулялася,
Сама Кривда поганая, басурманская,
Как она поедом ест народ православной,
Церкви Божии закрывает,
Людей русскиих убивает.
«Нет меня, Кривды, ничево сильней на свете,
Со всякой силою могу боротися, —
С самим Христом — Царем Небесныим!» —
Кривда так говорит, похваляется,
Над русскиим народом потешается, —
И где стоит он на матери-земле,
Где бредет он по ней — и все сиротинушкой.
И тады криком крикнул Илья стар,
Илья сын крестианский — в темноте своей,

Крик-то ему великой сердце подало,
А от сердца пошло в голову седую Ильи.
«Гой еси ты, Богородица наша, мать сыра земля!
Ты прости сынов твоих младшиих,
Богатырей русскиих, стародавниих,
Что с похвальбы своей нечестивой
В темном полону сидят в горе каменной,
Сиднем сидят века длинные, колючие,
Века колючие, занозистые и вострые,
Подыми ты от сна старшова сына твово,
Святогора, великова из великиих богатыря!
Дай нам волюшку, слободу царскую,
Чтобы верою послужить и правдою,
Верой-правдою земле Святорусской,
Народу свому русскому православному...
Гой еси ты, Богородица наша, мать сыра земля!
Ты услышь моление сынов твоих младшиих,
Богатырей могучиих, русскиих».

III

И прошел наскрозь истошный крик Ильи,
Ильи сына крестианскова, горы каменные,
И поднялся крик поверх облака ходячева,
И взлетел крик к небесам златоверхиим,
И упал крик, и приткнулся крик комочком болезным,
Комочком болезным у самова престола Богородичнова.
Богородица-то комочек болезной приметила,
Крик-то ево истошный заслышала,
Моление Ильи к сердцу свому приняла,
К сердцу свому приняла, горько всплакнула
И к престолу сына свово, Иисуса Спасителя,
По лазурным ступеням, склонив голову,
Склонив голову, тихой взошла поступью!
Она молит чадо свое любимое,
Она слезы льет, что частый дождь идет,
Она просит прощения богатырям русскиим.
И поспешает пречистой в ответ сам Спаситель,
Сам Христос говорит на престоле высоком:
«О мати моя возлюбленная, во всех женах благословенная,
Заступница предо мной всякова грешника великова
и малова!
Тобою прощается похвальба богатырская,
Похвальба богатырская, русская — неразумная», —

И дает приказ царь сам небесной
Михаилу Архангелу и Егорию Храброму
Собрать силы и власти небесные,
И при трубах Серафимских, и при гласах херувимских,
На покровах архангельских и на крыльях ангельских,
Слететь со владычицей к земле Святорусской.
И собралися силы несметные, власти могучие,
Загремели, вострубили трубы серафимские,
Воспели радостные гласы херувимские,
Развернулись покровы архангельские,
Раскрылись крылья белоснежные ангельские,
Восприяли владычицу небесную, матерь Божию,
Царским летом прошли всех небес семеро,
Опустили заступницу на самой земле Святорусской.
И возговорит Богородица, мать сыра земля:
«Гой же и вы, мои горы крутыя,
Мои горы высокие, горы каменные, горы Святые!
Расходитеся вы, расступитеся, разломитеся!
Выпускайте вы сынов моих младших,
Богатырей могучиих русскиих!
Прощена им похвальба их грешная,
Что в бою они возьмут силу нездешнюю.
Проснитеся вы, горы мои великие,
От крепкова сна своево долговечнова!
Волю давайте богатырям русскиим, стародавниим!
Стосковалась по ним земля Святорусская.
Святорусская, сестра моя младшая».

IV

От гласа тово Богородичнова,
От зова тово матери земли сырой
Заскрипели, закряхтели, застонали горы каменные,
Всколебалися они, всколыхалися...
Растворялися, расступалися, разъезжалися,
Просыпался великой из великих богатырь,
Богатырь-от сам Святогор огромадной.
Открывал он карманы свои — пещеры темные,
Выезжали из тех пещер глубокиих
Славные и могучие богатыри,
Богатыри святорусские, и все рядышком:
Илья Муромец, роду крестианскова,
Добрыня Никитич, боярский сын,
Алеша Попович, роду поповскова,

Иван Гостинной, купеческий сын,
Васька Буслаев от слободнова Новгорода.
Выезжали они, сняв шеломы, крестилися,
На все стороны, на четыре все низко кланялись,
Подтянув богатырских коней, подправлялися,
Приезжали к ночи на Сафат-реку.
Разбив бел шатер на реке, молилися,
Помолившись, опочив держали,
Опочив держали, окромя атамана свово,
Казака старова — свет Ильи Муромца,
За всех печальника — сына крестианскова.

Богатырский сон глубже моря-окияна.
Богатырский храп — на сто верст кругом.
Не змея подколодная — ночка темная
Вкруг Ильи с сладким шепотком увивается:
«Ты усни, Илья, приклонись, — сон дороже матушки.
Как без сна бой держать и победу кончать?»
Илья слушает, думу думает, усмехается,
Седым крутит усом своим, забавляется:
«Ах ты, ноченька, ночь, тюрьма каменная!
Не сидел ли Илья за решеткой твоей,
Слушал песни твои, наговоры твои,
Чтоб уснуть стар Илье, чтоб забыть вся и всех?..
Не уснул, не вздремнул сын крестианской Илья
И сквозь песни твои услыхал стон Руси.
Расслыхал и воззвал... Услыхали его.
Стал на стражу Илья за покой мать-земли.
Ах ты, ноченька, ночь, тюрьма каменная!
Сладки песни твои, ко сну тянут они.
Да заснет стар Илья, и конченье прийдет
Православной Руси и всем деткам ее».
Огрызнулась ночка темная ветром буйным, холодным,
Пролила ведьма дождь на Илью с облака висячева.
Стала змея собираться в путь-дорогу далекую...
А на Божьей стороне, на восточной, цветы алые
показалися,
Поднялась, заиграла, рассмеялась Илье зорька светлая.
Перед солнышком ясным —
Перед молодцом добрым вся раскраснелася.
Выпрямлялся Илья в богатырский свой рост,
Воздыхал грудью полною.
Омывался в реке, поклонялся Христу,
Припадал к земле-матери.

Восставал: «Что за шум? Аль ослышался?» —
Оглянулся. Видит он — ко Сафат-реке
Ползет туча темная-черная, грозная-превеликая.
Идéт войско Кривды самой — бусурманское.
И кричит стар Илья зычным голосом:
«Ой, уж и где вы, эсаулы мои, братья названые?
Вы проснитеся, подымитеся, на борзыих коней садитеся!
Приезжайте к атаману свому, Илье сыну крестианскому».
Просыпалися витязи могучие,
Подымалися эсаулы от зова богатырскова,
Христу молилися, на коней добрых на своих садилися,
К атаману своему все съезжалися.
И возговорит Илья Иванович сын крестианской:
«Ой, и гой же вы, эсаулы мои храбрые,
Витязи русские могучие!
Старой казак Илья Муромец сам в лоб на Кривду пойдет.
Ты, Добрыня Никитич, ударь справа по Кривде!
Ломи слева, Алеша, силу проклятую!
Нажимай ее с тылу, Иван Гостинной!
А ты, Васька из Новагорода,
Как приметишь, где слобода твоя нужна,
Воля твоя нужна, гулящая да непокорная,
Там и ударь на Кривду!
Да ударь с гиком и посвистом молодецкиим,
Чтобы Кривда эта испужалася,
Не так меча твово булатнова испужалася,
Как гика и посвиста твово молодецкова,
Молодецкова, слободнова да гулящева».
Не соколы ясные на краснова зверя кидалися,
Русские витязи на войско Кривды бросалися.
Стали они силу Кривды колоть-рубить.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут.
Как взмахнет меч булатной Ильи — просека видна!
В лоб на Кривду пошел Муромец.
Показалась она... огромадная вся...
Одним глазом глядит... Кривобокая!
Песье рыло заместо лица,
Языком, что с версту, обтирается.
Булавой в сорок пуд размахнулся Илья...
Потемнело в глазах, подвернулась нога, —
С пустым местом борьба не под силу...
Когда встал, Кривды нет... На просеках везде

Полным-полно опять черной рати...
Тридцать ден, три часа, три минуточки
Смертным боем таким бились витязи...
Утомились их плечи могутные.
Уходились их кони добрые,
Иступились мечи их булатные,
А Кривда все с боем идет,
Все новую силу с боем ведет.
И упал тады Илья сын крестианской,
И припал он к матери сырой земле.
«Ой, и гой еси ты, Богородица,
Богородица моя, мать сыра земля!
Ты прислушайся к Илье, сыну твому,
Сыну твому верному, крестиянскому.
Не очам его дано было то видеть,
Не ушам его дано было то слышать, –
Сердцу его, оглянувшись, душа тихо молвила,
Что сила нездешняя, не небесная,
Не небесная – пододонная
Рядом с Кривдой стоит,
Бой держать Кривде неустанной велит».
Подымался стар Илья от земли на ноги,
Божий крест клал на себя по-писаному.
Почал звать эсаулов своих товарищей
На последний совет, на завещанной.
Побежали они вчетвером, становилися:
Усталые, исхудалые, почерневшие, потемневшие.
Только слово свое Илья молвил, вздохнув,
Как приметил, что витязей больше – всех пятеро!
Диво дивное! Чудо чудное!
Захотел спросить, да взглянув, опознал
Одного из воителей, от которых бежал в горы каменные.
Опознали все витязи, опознав, признали
Вернова братца свово названого – Егория Храброва.
Склонились от стыда жгучева головы витязей.
Над кем хвастались?.. С кем боролися? Ково испужалися?
Забыв службу свою Православной Руси,
Куда спрятались храбрые?..
На ково Святорусскую бросили...

V

То не ветер утренний, ласковой
Пролетал над дубами высокими, могучими,

Пролетал, пробуждал, поднимал
Головы их, ночью темною к долу пригнутые...
То Егорий свет Храброй подходил,
Подходил, подымал головы русские – богатырские,
Подымал, обнимал, целовал,
Целовал свет Егорий, улыбаючись.
То не птичка Божия – жаворонок в небе,
Дню рабочему-трудному, крестианскому,
Песнь свою ясную, от солнышка завсегда теплую,
Из поднебесья воссылал заутра.
То Егорий Святой своим голосом,
Распевом своим чистым, ангельским,
Смеючися, утешал тихо русских витязей-работничков:
«Кто старое, братцы мои, помянет, тому глаз вон!»
От целования тово братскова Егория,
От прощенова гласа ево теплова, веселова
Становилися витязи во весь рост свой огромадной,
Раздвигали, выпрямляли богатыри плечи свои о косу сажень,
Подымали головы свои непобедные с шеломами железными,
Хватались руками могутными своими за мечи булатные,
Наливались по жилушкам своим силою русскою стародавнею,
Смотрели, не насматривался на Егория Храброва,
На свет Егория, заступника земли Святорусской,
По колена ноги у Егория в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
Власы у него светло-русые и все в кудреньках,
По всем Егории часты звезды.
И горят огнем глаза ево от сердца ево горячева,
От сердца ево горячева, –
От любви его к земле Святорусской.
И возговорит Алеша млад,
Что первым в старое время расхвастался:
«Ты скажи нам, Егорий свет, Егорий наш милостивец.
Что эта ль не увиделся нам ты давеча на Сафат-реке,
На Сафат-реке с звездами на тебе частыми?..
Что эта ль не приметили мы тебя в чистом серебре,
В красном золоте,
В красоте твоей неизреченной и с гласом твоим ангельским?

Неужли, приметив тебя, мы бы с тобой дралися,
билися?»
И отвечает Егорий свет гласом своим ангельским:
«Брат мой названой, Алеша млад,
Богатырь русский, могучий,
Тебе первому мое научение,
А прочим не наученье — совет доброй:
Гнило слово похвальное, —
Похвала человеку пагуба.
Темнит слово похвальное, поспешное, громкое,
Темнит разум, Господом Богом дарованной,
А без светлова разума ночка в сердце темная...
Много ль, Алеша, видится,
Примечается ночкой осенней темною?»

VI

И пошло слово доброе свет Егория к богатырям русскиим,
К богатырям русскиим в самое сердце их горячее.
В том сердце своем они заложили, в уме-разуме проявили,
Чтобы на все времена вечныя, на все века длинные
Ничем не хвалитися, ни пред кем не похвалятися...
И только это они в сердце своем такое заложили,
В сердце своем заложили, в уме-разуме проявили,
Как заприметили рядом со Егорием Храбрым
Другого воителя, светлова-пресветлова, великова, могучева,
Заприметив, признали, что и с ним на Сафат-реке боролися,
А признав, на колени, как один, все опустилися,
Все опустилися, до земли матери сырой все поклонилися
Русские витязи, во грехе своем исповедамшись,
Архангелу Михаилу, Архистратигу небесных сил
поклонилися.
И возговорит Архангел Михаил, Архистратиг Божий:
«Не мне, слуге Божьему, служителю вашему кланяйтесь!
Господу Богу, Христу Иисусу, ево матери пречистой,
Богородице, заступнице вашей кланяйтесь!..
Кланяйтесь и подымайтесь, вставайте,
Витязи, богатыри стародавние,
На добрых на коней своих борзыих садитеся,
Начинайте бой последний, бой смертной со Кривдою,
Бой смертной со Кривдою в защиту земли Святорусской,
Обходите вы войско Кривды поганое с трех сторон,
А четвертую, напереднюю я возьму со Егорием,
Братцем моим названым!»

Тяжело от силушки новой богатыри подымалися,
Грузно на мать землю сырую опиралися,
На борзыих на коней своих садилися, укреплялися.
Борзыи кони одним скоком сто верст делали,
Сто верст делали, войско Кривды с трех сторон объезжали,
А четвертую, напереднюю,
Архангелу Михаилу и Егорию оставляли.
Ревет ревом медвежьим-звериным
Булава в сорок пуд Ильи Муромца,
Рубит, что по деревьям топор,
Булатный меч Добрыни Никитича,
Звенит звоном, сечет, что коса траву,
Сабля вострая Алеши Поповича,
Гудит летом своим копье длинное Ивана Гостиннова,
Свист и гик повсюду слышится Васьки Буслаева.
В напередней стороне к шатру высокому самой Кривды,
Кривды самой одноглазой и хранителя ее незнаемова,
Архангел Михаил и Егорий Храброй без устали пробиваются.
Вот уж и малое поле, чистое-невеликое,
Чистое-невеликое между силами нездешними,
Силами небесными, силами пододонными
Для великова боя, не людскова боя, взору открывается,
И возгорелось сердце ретивое, юное у Егория Храброва,
И соколом ясным наперед Михаила Архангела
Бросался он на Кривду одноглазую, что глядела на него,
Усмехаючись, глядела на него, издеваючись, приглашаючи.
Вот уже у самова стана Кривды Егорий Храброй,
Поднимал он левой рукой копье свое вострое,
Замахивался Егорий мечом своим булатным,
Правой замахивался, чтобы снести голову Кривде одноглазой,
Да... затряслися ноженьки серебряные у Егория,
Занемели рученьки его золотые,
Замораживалось сердце святова Егория,
Замалкивал он, как молотом пришибленной,
Заволакивались очи ево прекрасные,
Закрывались уши ево под кудрями светло-русыми,
Делался Егорий камнем мертвым, железом окованным...
Увидел Егорий рядом со Кривдою
Самово Христа Царя Небеснова,
Темным взором на нево,
На Егория Храброва, гневно глядевшева...
То не вихрь-буря с окияна-моря вырвалась,
То не гром-молния дуб могучий в клочья расщепила!

То Архангел Михаил орлом взвился над Кривдою,
Мечом огненным ей снося голову.
И заприметил тогда, очнувшись, Егорий Храброй,
Заприметил он, как некий, за Христа им принятой,
Как некий сей почал менятися и менятися:
Стал страшен, дик и лют, аки лев рыкающий,
Гадок, подл и лукав, как змея подколодная,
Мерзок, дерзок и блудлив, аки нечисть болотная, —
Антихриста увидел и познал Егорий Храброй.

О ту пору было побито и полонено войско Кривды поганое,
Богатыри русские, могучие, стародавние,
Ко Егорию Храброму отовсюду съезжалися,
С трех сторон на четвертую приезжали,
На четвертую приезжали, Егория свет окружали,
На Антихриста лютова, лукавова, дерзкова,
На силу нездешнюю, пододонную, пугаючись, глядели.
«Братцы мои, витязи русские, могучие,
Не по нас сила антихристова,
Великая, страшная и черная! —
Говорил шепотком тихим Егорий Храброй. —
Не по нас, не можем мы с нею на победу боротися,
Можем молитися, ко Христу Иисусу обратитися.
Да будет воля ево, яко на небеси, тако и на земли!»
Сняв за Егорием шеломы, витязи крестилися,
Православным крестом крестилися, на колени опустилися,
Опустилися, молилися, ко матери земле сырой
прислонилися,
За избавление земли Святорусской от Антихриста
молилися...
И вознеслось то моление русских витязей
И Егория Храброва к Богородице,
Вознеслось к пречистой матери Христа Царя Небеснова.
И вопрошает тады Богородица чадо свое любимое:
«О чадо мое любимое, Спаситель рода человеческова!
Ты скажи, поведай мне,
А не пришло ль время тому Антихристу голову рубити?
А не настал ли час ему землю Святорусскую оставляти,
Народ православной русской ото всех мучениев избавляти?
Аль не пора, не время ли народу русскому
Свой труд, свою работу делати,
Свою работу делати, своим трудом оправлятися,
От погрешениев своих очищатися,

Церкви Божии становити, Господа Бога благодарити?»
И возговорил Иисус Христос Царь Сам Небесной:
«О мати моя возлюбленная, во всех женах благословенная!
Не пришло еще время тому Антихристу голову рубити, –
День тот и час – великая тайна, неизъяснимая...
Настало время тому Антихристу Святорусскую оставляти,
Народу русскому православному от мучениев избавлятися,
Свою работу делати, своим трудом оправлятися,
От прегрешений очищатися,
Церкви Божии становити, Господа Бога благодарити».
И дает приказ Христос Царь Небесной
Архистратигу свому, Михаилу Архангелу,
Антихриста лютова со Святорусской земли прогнати.
«Братцы мои, витязи русские, могучие!
Вы вставайте с сырой земли на ноженьки резвые,
Выпрямляйтеся!
Выпрямляйтеся да креститеся, – великой бой начинается,
Антихрист лютой, дерзкой и мерзкой
Со Святорусской изгоняется!» –
Говорит Егорий Храброй, говорит на небо глядючи,
улыбаючись.
Вскакивали богатыри могучие на ноженьки резвыя,
Вскакивали, выпрямлялися, крестилися,
На бой великой, невиданной глядели,
Глядели, к свет Егорию, братцу своему названому, теснилися,
Антихрист лютой, все меняючись, меняючись,
Черным вороном заделался.
А длина тому ворону – тысяча верст,
А в поперечину с крыльями – и все две тысячи.
Голова у тово ворона чернова – гора огромадная,
Глаза ево – геенна огненная, вся опалимая злобно-злобная,
Клюв ево и когти железные, вострые-вострые.
Держит тот ворон черной в лапах своих Святорусскую,
Крыльями прикрыл, когтями разрывает, клювом клюет,
Клювом железным клюет, кровь горячую пьет.
Стонет Святорусская, черной ворон потешается.
На восточной стороне, на солнечной – небеса свернулися,
Небеса свернулися, Царство Божие на минуточку
раскрывалося,
На минуточку раскрывалося,
Сердце витязей русских осветилося,
Сердце осветилося, радость неизреченную вечную оставило.
То не молния золотая, строгая

Из того Царства Божия взвилася.
То не братец ее родной, гром небесной грозно ударил,
То Архангел Михаил, Архистратиг могучий,
По велению Божьему, по приказу Христову
На бой с Антихристом заявился.
Заприметив Архангела,
Раскрывал Антихрист ворон крылья черные,
Поднимался весь огромадной, темной, со глазами огненными,
Закрывал своей чернотой солнце красное, темнил небо ясное,
Темнил небо ясное, на Архангела камнем в тысячу пуд падал,
Камнем падал, крыльями черными, чудилось, обхватывал...
Захолонуло сердце у богатырей русскиих.
Покачивал головой своей жемчужною Егорий Храброй, улыбаючись,
Корил братцев своих, витязей русскиих,
Малой верою их корил во Христа Спасителя,
Давал слово свое верное-нерушимое,
Что не вернется Антихрист злой ворон на Святорусскую,
Что грядет земле Святорусской великая радость,
А русскому народу православному милость и утешение.

НОВИНЫ О ЛЕНИНЕ

2 (67). Сказ о Ленине

Во те годы во прежние,
Во те времена во досельные,
При поганой памяти при царе Идóлище
Во Симбирске славна городе на Волгé-реке,
Во светлице было, во горнице
Дети с матушкой речь говóрили,
Говорил ей да сын старшой Александр:[1]
«Я хочу итти в путь-от дальний
Ко царю самому в город Питер же,
Я хочу погубить Идóлище-царя,
Не идет от него прожиточная жизнь народу,
Заморит народ он смертью лютою,
Смертью лютою, голодною!»
Целовала матушка[2] своего чада милого,
Целовала-то его в уста сахáрные,
Прижимала его к ретиву сердцу:
«У тебя, Сашенька, своя воля вольная,
Ты задумал делышко немалое,
Немалое дело да великое,

Не поймали бы тебя слуги царские,
Не отрубили бы твоей буйной головушки,
Уж как не осталась бы я без сына любимого,
Без любимого сына да бе́з старшого,
Как ты в дому был взамен батюшки-родителя!»[3]
Отвечал ей старшой Александр:
«Нечего тут страшиться страху великого,
Рыцари идут-едут — не страшаться ведь,
Смерти скорой не боятся же!»
Надевал он шубу простую, деревенскую.
Набросил он ее да на лево плечо.
Надевал на голову шапку теплую,
Распрощался он да с родной матушкой,
Распрощался он да с братья-сестрами,
Тяжела ему была разлука-расставаньице.
Дак пошел Александр дорожкой пешею,
Он шел-то болотами жидкими, дыбучими,
Он шел-то лесами очень темными,
Мимо тех ли озер преглубистых,
Теми ли он шел заводями тихими.
Немало-то прошел поры-времени,
В город во Питер пришел поздней ноченькой,
Подошел он ко дворцу ко царскому:
Стоит там высокий царский трон,
А на троне на том сам Идо́лище сидит,
Сидит он будто большой бугор.
Это что такое за чудовище:
Живот очень большой да очень толстый.
Брюхо чуть на трон да не вывалилось,
Рыжей бородой прикрывает он брюшину жирную!
Царь сидел на троне, спал-храпел же,
Он уж так храпел — весь дворец дрожал.
От того от храпу от царского шум шумел,
Будто ве́хорь шел да со погодою.
Подошел Александр ко трону потихохоньку,
Потихохоньку да совсем близехонько,
Подкатил ко трону бочку с порохом,
Хотел уж пускать свечу взрывчату,
Штоб взорвать палаты белокаменные
Со царем да со Идо́лищем,
Как подоспели-то слуги царские
Да схватили тут добра молодца.
Скоро-скоро пробуждался царь,

Прохватился он от сна от жирного,
Тут уж царь растреложился, разъярился:
«Как ты смел, разбойник, супротивник мой,
Как ты смел подойти ко мне?»
Как скочил Идóлище со трону со высокого,
Размахнулся своею рукою правою,
Побросил добра молодца кулачищем на сыру землю,
Вынимал тут царь из пазухи кинжалище булатное,
Он хотел вспороть да груди белые,
Дак не привелось да погубить его:
Ото сна рука в плече застоялася.
И кричит царь палачам-слугам немилóстливым:
«Вы ведите его в темницу темную,
Не поите, не кормите трое суточки,
А через трое суточки дайте ему
Гнилой хлеб да овсяный же,
А водицы дайте ему со ржавчинки,
Уж вы сделайте скорей дело повеленное!»
Спускали его в погреб во глубокий,
Призадергивали решетками железными,
Заваливали каменьями тяжелыми,
Засыпали поверх песками желтыми,
Штоб мелкие звездочки не просветывали,
Приставили ко погребу верных каравульщиков.
Дитя младое в темном погребе сидит,
В темном погребе сидит да во тюрьме крепкой,
Он сидит да призадумался:
«Уж ты, молодость, моя молодость,
Моя молодость молодецкая да очень младая,
Улетела бы ты, молодость, из неволюшки
Ясным соколом во чисто поле...»
Не привелось ему да долго думати,
Раскинали палачи каменьица тяжелые,
Выводили его да на белой свет,
Заводили его да во широкий двор,
Во широком двору кругом стены кирпичные,
Штоб честные люди не смотрели, не увидели,
Посередь двора стоит виселица дубовая,
Подводили его под ту под виселицу под высокую,
Стоит-то у виселицы сам царищщо с животищем,
Рядом с ним митрополит-епископ в облачении.
Александр стоит с петелькою шелковою,
Он стоит да скорой смерти не боится-то:

«Есть у меня младший брателка Владимер свет,
Он уж станет взамен меня боротися,
Он уж встанет за правду народную,
Он уж подымет всю силу зéмную,
Ищо столько вам жизни, злодеям лютым,
Покуль сабля его не взвилась над вашими главами!»
Он стоит-шумит силой-правдою,
Только не доходчива она палачам-губителям,
Один солдат на часах стоит,
На часах стоит да слезно плачет он.
Не вешняя вода разливалася,
Не морская-то волна раскаталася,
Очи ясные призакрылися,
Запеклись его уста кровью горячею.

***

Как пришла-то в Симбирск скора грамотка,
Скора грамотка от самого царя Идолища,
А на том листу ербовом все подписано,
На нем все поимянно упомянуто.
Как кидалася да дочь родимая[4]
Во ту светлу, светлу светлицу,
Прибегала она к родной матушке:
«Уж ты, маменька моя родимая,
Пришла грамотка к нам да все нерадостна,
Царь ведь сказнил да брата старшого,
Дорогого брата нашего, милого,
У нас Сашенька-от под древом висит,
Под древом висит под дубовым!»
Тут заплакала родна матушка,
Смочила бело лицо да горючьми слезами,
Воздыхала она тяжелехонько,
Тяжелехонько, очень скорбехонько,
Срывала она со своей головушки седые волосы,
Прибежала она с того горюшка ко крутому бережочку,
Ко славной к Волгé ко реченьке,
Протекли ее слезы горючие по крутому бережочку,
А вода-то в Волге от слез ее помутилася.
Заговорила матушка да она по-старости,
В огрубленьици, в печали слово молвила:
«Моему-то чаду милому споем память вечную,
Его судьба-жона — да все веревочка,
Пиры свадебные — да гробова доска!

Уж вы, дети мои, деточки сердечные,
Вы сердечные, дети милые,
Вы послушайте родну матушку,
Вы постойте за брата, поборитися,
За любимого брателка, за Сашеньку,
За его правду за народную!»
А Владимер стоял теперь за старшого,
Он смотрел-глядел, думушку думал,
Молоды его, могучи плечи сшевелилися,
Младо сердце растреложилось,
Разыгралась в нем силушка великая.
«Не тужи ты, родна матушка, не печалуйся,
Уж положим промеж себя заповедь великую,
Заповедь великую за правду народную боротися!
Не мочи, любима матушка, да лица белого,
Не порти очей своих ясных,
Я ведь слышу силушку в себе великую,
Кабы было кольцо во столбике во дубовом,
Я бы выдернул его сам со товарищами,
Со той ли со дружинушкой со верною,
Поворотил бы всю матушку сыру землю!
Я хорошо-то учен во мудру грамоту,
Читал-то я одну книжечку волшебную,
Я-то знаю нонь, где кольцо найти,
Я-то знаю нонь, как поворотить всю землю,
Всю землю, всю нашу Россиюшку.
Позволь ты, родна матушка, пойти в путь-дорожечку,
По городам-то пойду да морями проеду,
Прогляжу, просмотрю весь народ-то я,
Собирать мне надо силушку великую,
Мы пройдем, отыщем то кольцо чудесное,
Повернем кольцом всю сыру землю
На сторону на правильную, на справедливую.
То не честь будет молодецкая,
Не похвала будет славна рыцарская:
Убить царя — польза невеликая,
Одного убьешь — другой-от сядет царь.
Надо, надо боротися по-инакому,
Против всех князей, против дворян же,
Против всего порядка того досельного!»

А как воссияло красно солнышко
На том на небе славна волжском,

А как стал Владимер на возрасти,
Как ясён сокол стал на возлети,
Распрощался он с родной матушкой,
Распрощался он с братом-сéстрицами,
Распрощался он со славной Волгой-рекой,
Выходил Владимер в путь-дорожечку,
В путь-дорожечку очень дальнюю
По всем городам, по деревенкам.
Ай с-под ельничку, с-под березничку,
Из-под чиста молодого орешничку
Выходили тут к нему крестьяне-чернопахари,
Из ворот из тех фабричных же
Выходили к нему простой народ да все работники,
Внимали ему мужики деревенские,
Внимали ему работнички заводские.
Он говорил-то им про царя про поганого Идóлища,
Говорил-то им про вельмож, про богатеев купецких,
Про помешников да про заводчиков,
Про их дела да про разбойные,
Про то, как надо всем собиратися в одну партею,
Собиратися всем, скоплятися,
Надо как боротися против всего порядку досельного,
Штоб не осталось на земле кривды богатейной,
А осталась одна правда сущая.
«Уж вы, добрые молодцы, крестьяне-чернопахари,
Да работнички заводские, да люди ученые,
Как соберемся мы в силу великую,
В силу великую да всенародную,
Уж мы выдернем чудесно кольцо из сырой земли!»
Дак прошла про него славушка великая
По всем землям, по всем славным городам.
«Уж ты ой еси, свет Владимер Ильич,
Ты возьми-бери дела эти срочные, необходимые
Во свои руки во умелые,
Скоро-скоро ты веди же нас
Ко тому ко кольцу чудесному, поворотному!»

Но недолго ходил свет Владимер Ильич,
Изловили, изобидели его царские опричники[5],
Посадили его во темну темницу,
Во те ли во подвалы во глубокие,
Как тогда да повезли его во ссылочку во дальнюю,
Во ссылочку во дальнюю во страну Сибирскую.

А в той во стране во Сибирской
Морозы стояли очень холодные,
Стужи были очень сильные,
Зажигал он костер да от холоду,
Разгорался костер, горел пламенем,
Согревал он свои руки закаленные,
Тогда писал он грамотки скорописчаты,
Посылал эти грамотки по всем земелюшкам,
В этих грамотах он писал, все прописывал,
Как дела вести, как боротися.

Собирался Ленин уйти оттуль, уехати
Из той страны холодной, из Сибирской,
Из той ссылочки своей из дальней,
Не мог ни на чем не уйти, не уехати,
Стерегли его да каравулили
Все урядники, слуги царские.
Пришел к Ленину мужик непрожиточный,
Мужик Иван пришел да он сибирский,
Сказал ему Иван да слово тайное:
«Доверься мне, Ильич, что я скажу.
Что я скажу да все спасу тебя,
Спасу тебя от погибели,
Избавлю тебя от смерти скорой:
Уезжай отсюдова все подальше же,
Штоб не могли сказнить тебя опричники царские!
У меня есть лошадь, могу увезти тебя,
Увезти тебя в страны иностранные,
Там побудь, поживи несколько поры-времени,
А мы как здесь по-хорошему управимся,
Дак позовем тебя во правители!»
И повез его Иван на лошадочке,
Лошадушка на бегу бежит,
А подковки все ведь брякают,
Иван сидит за кучера, поправливает,
А Ильич сидит в задку, весь во мху оброс.
Они ехали дорожками все лесными,
Где никто да не проезжал,
Где птица летучая да не пролетывала,
Где звери лесные да не пробегивали.
Они ехали немало поры-времени,
Ихня лошадочка утомилася,
Утомилася, из сил повыбилась.

Время шло все ко вечеру,
Ко закату соньца красного,
Увидали они — на границе столб стоит,
Тут мужик Иван с Лениным распрощался,
Распрощался, расцеловался с ним.
«Ты беги, Ильич, в ту страну,
Котору видишь пред собой,
А я поеду в обратный путь
Ко своей жоне, к детям малым же,
Ко своим делам к деревенским же!»

* * *

Пришел Ленин в иностранный град[6],
Увидал там многих людей,
Он все стал про город выспрашивать:
«А какой это город, есть ли царь-от тут,
Ищо царь царит или князь княжит,
Ищо кто есть над городом старший,
Кто за ним во всем заведует,
Какие ведутся порядочки в городе,
Как живут народ да люди добрые?»
Отвечают ему люди добрые, прохожие:
«Не говори, доброхот, да громким голосом,
Есть царь-от у нас да очень немилостливый,
Есть урядники у нас да очень строгие,
Есть у нас помешники и заводчики богатые,
Глаза-то у них на все завидущие,
А руки-то у них на все загребущие.
Говори-ка ты тихим голосом,
А то захватят тебя они, да добрый молодец,
Возьмут они да под надзор тебя,
Сказнят тебе да буйну голову!»
Уходил Ильич из того из городу,
Уходил он в другой город иностранный,
Из второго шел во третий же,
Во всех городах все цари сидели с королями,
Они сидят да забавляются,
Над народом простым изгиляются.
В один город пришел же он,
В том городе царя да не случилося,
Короля там да не пригодилося,
Цари и короли в этом городе извелися,
А на царском троне сидит чучело.

Стал поживать Ильич да в этом городе,
Прирасклал на столичек чернила со пером, со бумагою,
Он начал делами заниматися,
Писал опять он грамотки скорописчаты,
Писал да все расписывал,
Как с царями боротися да с буржуями,
Стал мыслить он такие мыслици:
Сосчитать людей, сколько силы взять,
Штоб повыдернуть колечушко чудесное
Из сырой земли из матушки.
Он писал-сидел посреди да ноченьки темной,
Как во ту пору взошел да светел месяц-от,
Застучал-то кто ему под окошечко,
Удивился он да ужахнулся ведь,
Кто такой стучит да под окошечком?
Открывал он двери все дубовые,
Заходила к нему да красна девица,
Красна девица Надежда по отечеству Константиновна[7],
Встречал он ее с честью, со радостью:
«Ты откуль, милая, пришла-приехала,
Белой ли лебедушкой залетела
Из каких из заводей из тихих,
Из каких городов, из каких стран?»
Не мог он на нее да наглядетися,
Наглядетися да насмотретися,
Со веселою улыбкой стоит, со улыбочкой,
А у ней радость на сердце да превеликая,
Што увидела его здоровехонького да веселехонького.
«Приехала-то я да из Россиюшки,
Ты не знаешь моей да всей невзгодушки:
За твои-то дела за справедливые
Засадил меня Идолище в темницу темную,
За замочки за крепкие за заморские,
За крепкие двери за железные,
За те ли за строгие за каравулы.
Я сидела немало поры-времени,
Заболел Идолище, скоро смерть ему пришла,
Тут сделали попы звоны церковные,
Стали воздынать на трон на царский же
Сына старшого Николая.
Разбежались-то все каравульщички
Посмотреть-взглянуть на царя нового,
А я пошла, исхитрилась, будто в проходочку,

Да убежала вон из Россиюшки.
Я пришла к тебе во помошнички,
Во помошнички, во способщики,
Уж я буду тебе жона верная,
Жона верная да неизменная,
Служить тебе я буду верой-правдою,
Одну думушку да будем думать мы,
В одну мыслицу да будем мыслить мы,
В одну речь будем говорить».
Заводилась у них беседушка любожелательная,
Ай ведь тихая беседушка, смиренная,
Скоро комнатку да убрала она,
Темны занавесточки на окошечко повесила,
Штоб не приметили урядники работы тайной их,
Штоб не дознались урядники, не догадалися,
Штоб не заметили огня ночного.
Когда придет да утро ранное,
Зайдет на небушко да соньце красное,
Пойдет-то денечек белый же,
Выходила она тогда да на крылечушко,
Со крылечушка спускалась в садичек зеленый,
В саду рвала она цветы разные,
Она пела песни тут веселые,
А сама посматривала во сторонушки,
Она глядела, все поглядывала,
Не подкрались штоб урядники, не нагрянули.

***

Во стране во Россиюшке народ-то растреложился[8],
Растреложился, разгрубился весь:
Стала жизнь для народа сама гибельная,
Изнуряли народ, изгилялися да надсмехалися,
Не было народу никакой жизни пространной,
Не было ему никакой жизни прожиточной.
Вышли люди-народ да из терпеньица,
Брали они разные орудия боевые,
Брали они оружья, у кого каки были,
Собиралися ко дворцу все ко царскому,
Ко трону государскому —
Разбить-разогнать трон поганый весь.
Подошел-то к ним да поп соборный[9],
Стал просить их да уговаривать:
«Побросайте вы все оружьица,

Которы есть да во руках у вас,
Не надо с оружьем ко царю итти,
Николай-от царь все ведь добрый есть,
Он ведь добрый, все ведь милостливый,
Из слов из ваших все ведь примет он,
Из речей он все повыслушает,
Обойдутся все дела без кроволитьица,
Без той без драки без напрасной!
Заберем с собой наших жон, детей,
Мы попросим все царя-батюшку
Жизнь устроить другу, лучшую,
Все он сделает, чего просим по-хорошему».
У того у попа у соборного
Был-от голос очень чудный же,
Очень чудный, очень громкий же,
Когда служил-то он да во божьих церквáх,
Когда пел-читал службу церковную,
Все окошечки шаталися, стеколышка побрякивали.
Весь народ-люди его да приослушались,
Побросали они из рук оружьица,
Собрали всех со старого до малого,
Да пошли они ко дворцу
Со песнями со церковными, со духовными.
Они не знали, того не ведали,
Что будет им подлая изменушка.
Это случилося в день воскресения,
Светило прекрасно соньце красное,
На снегу блестели светлы звездочки,
Подходил народ со хоругвами
Ко дворцу царскому, к царю-батюшке.
А царь-то сидел-прятался в селе царском,
Он зелено вино попивал да сороковками,
Одну выпьет, другую приналаживают,
Другу выпьет, третью принаправливают.
Поил-то он всех солдатов допьяна,
А сам сказал своему дяде Владимеру Романову[10]:
«Бери солдатов да силу многую,
Бери ружья булатные да пушки крепкие,
Отбивай народ прочь от дворца Зимнего,
Стреляй же всех, не жалей ненавистников,
Почему они меня треложат просьбами разными!»
Это было воскресеньице да очень кровавое,
Палили тут из пушек, стреляли из оружья,

А весь народ-то без защиты был,
Тут погибло народу много понапрасному,
Народу убитого лежало улицами,
Улицами да переулочками.
А сам царь сидит, все прохлаждается,
С ним все тот же поп соборный,
Они сидели да надсмехалися.
Когда битву-то кровавую окончили,
Царь приказал за то благодареньице,
Дал офицерам на трое суточки гуляньице,
Дал солдатам на одну ноченьку гуляньице.
Тут народ по всей Россеи да разъярился,
Царю народ не стал доверятися,
Брали народ дубиночки боевые да топоры железные,
Бить, громить пошли помешников да заводчиков.
Тут правда с кривдой в Россиюшке заборолася,
Кривда правду изобидела да победила же:
Весь народ хватали слуги царские
Да секли у них буйны головы.
Ай прошла эта весточка да прокатилася,
До того дошла весть до города,
Где Ленин жил со своею подругой верною,
Получил Ильич об том ищо весточку
От мужика знакомого, от сибирского Ивана.
С восточной-то сторонки туча тучилась,
Туча тучилась да будто гром гремит,
Ленин скорешенько-скоро собирается,
С Надеждой Константиновной он тут прощается[11],
На добра коня да садится он,
Конь-то у него был как снегу белого,
Хвост-грива у коня очень черная.
Скакал его конь во всю прыть лошадиную,
Ехал много дней Ильич поры-времени,
Сам не ест, не пьет, не кушает,
А когда конь его на отдóхе был,
На отдóхе был, траву-то ел муравую,
Пил воду холодную, ключевую,
Ильич же все не спит, только так лежит.
Приезжал-то он да на круты горы,
На круты горы на славна Воробьевские,
С тех гор со Воробьевских
Смотрел Ильич, проглянул же он,
Во всех сторонах каки дела совершаются:

Видит он отрублены буйны головы,
Лежат они по улицам, валяются,
Видит он, как народ губят на площадях, расстреливают,
Как пихают народы во подвалы темные,
Как рассылают народ во ссылочки во дальние,
Как Россиюшка вся да потаилася.

* * *

И прошло-то немало поры-времени,
Как во июле во жарком месяце
Пришла весточка нерадостна:
Подымалася войной Ермания[12]
Отобрать у нас владеньица славна русские,
Забрать-забрать в руки-то землю Россиюшку,
Под свое-то взять владеньице,
Под свое ерманское распоряженьице.
А как сделал русский царь объявление,
Скоро объявленьице да всем мобилизацию,
Отовсюду привозили людей, собирали же,
Розыскали их по городам да по деревенкам,
Кто в морях-то был, кто в лесах-то жил,
Собиралась тут силушка несметная,
Несметная сила, непомерная,
Все солдатики собиралися да отправлялися.
Ребята-солдаты все да призадумались,
Призадумались, прирастужились,
Отцы с матушками прирасплакались,
Ихни жоны во печали оставалися,
Оставалися при нерадости великой.
Ай куда эта сила-то снарядилася,
Меж собой все ужахнулися,
Спроводили детей на битву кровавую,
Только не знали, за что да будут битися,
Будут битися да все боротися!
Как посылал-то царь войско во чисто поле,
Во чисто поле, во широкое раздольице,
Как посылал-то их во болота во глубокие,
Глубина — доброму коню до чрева конского,
Как посылал-то их на круты горы, на высокие,
Высота тех гор выше облаков ходячих-то.

Земля Ермания очень хитрая, лукавая,
Подошли они с оружьями с очень крепкими,

Палят-то ерманцы из пушек беспрестанно-то,
Выстрелы делали очень сильные,
Удары-то делали очень страшные,
А из мелкого оружья били безутишно.
Солдаты-то бедны не пивавши, не едавши,
Они билися, боролися,
Они не знали того, что позади изменушка,
Они бились-то, стреляли боем огненным,
Много падало-то убитых от Ермании,
Вдесятеро было укалечено.

Николашка-царь сидит да прохлаждается,
Разными водочками забавляется,
Во хмелю-то он, детина, несуразен был.
Из речей царь-детина вышибается,
Во хмелюшечки да похваляется:
«Некому теперь делать подкопы под трон под царский,
Как одних-то я во тюрьмы во глубокие засаживал,
Как других-то я в ссылочки во дальние заганивал,
Как третьих-то я отсылал на войну на ерманскую,
А в Россиюшке только стары-малы поостававалися,
Уж как теперь у меня жизнь приятная,
Очень приятная, безопасная!»
А царица[13] она водочки добавляла,
Дополняла все, дополнивала,
Когда Николай из сознанья выбился,
Когда не мог уж на ногах стоять,
Говорила она ему таковы речи:
«Ты пойди, проспись, морда пьяная,
Ты пойди, уйди да все на черный двор!»
Когда заснул царь да он ведь крепким сном,
Приносят ей посольный лист от ерманского царя,
От ерманского царя да скрытну грамотку,
И как писал-то царь ерманский русской государыне:
«Ай да любезная государыня, моя кровная племенница,
Ты не печалуйся ни о чем, дела твои поправятся,
Помоги ты мне, племенница, разбить русскую дружинушку,
Разбить ее да всех-то в полон забрать,
Ты пиши-ка мне про тайности военные,
Штоб разбить всю силу русских солдатиков,
Когда дела пойдут да по-хорошему,
Заберу тебя от мужа, горька пьяницы,
Заберу тебя в свою страну во Ерманию».

Когда лежал царь он пьяный-то,
Да где попало он катался,
Писала русская государыня
Про все обстоятельства российские,
Про все наши тайности военные.
А один солдат перехватил ту скрытну грамоту,
Показал ее да всем солдатикам,
Тут солдатики ужахалися,
Меж собой да думу думали,
Думу думали да речь говóрили:
«Нам ведь нужно прикончать войну,
Как выходят дела наши плохие,
Дела плохие, невыносные,
Не будем мы проливать крови по-напрасному!»

В одну пору, в одно времячко[14]
Подошла к Ленину да его жона,
Его жона Надежда Константиновна,
Брала его за плечо за правое
Да говорила ему таковы слова:
«Взгляни, Ильич, в окошечко,
Это кто приехал незнаком человек,
Уж не Сталин ли это, славный богатырь,
По личности чуть признать-то можно,
Он отростил бороду очень длинную,
Волоса у него да очень долгие,
Штоб не признали его да те урядники».
Сталин зашел, с ними свиделся,
С ними свиделся да поздоровался.
Ленин садил гостя, все усаживал,
Жона начала угощать питьем-кушаньем,
Ищо стал тогда Ильич у Сталина все выспрашивать:
«Ты скажи-ка, друг мой, Сталин свет,
Про родину про нашу да про отчину,
Как дела идут, какие обстоятельства?»
Отвечал же он ему во подробностях,
Как идут дела, какие обстоятельства.
«Народ весь огрублен да не в приятности,
Бой-то идет да все ведь понапрасну,
Не за то народу хочется боротися».
Когда все-то Ленин повыслушал,
Когда про все дела хорошо повыведал,
Не мог он на стуле усидетися,

Начал ходить по комнате, расхаживать,
И говорил-то он Сталину таковую речь:
«Такого положеньица терпеть никак нельзя,
Поезжай-ка обратно во Россиюшку,
Пусть берут крестьяне-чернопахари слеги долгомерные,
Пусть берут работники заводские молоты тяжелые,
Пусть берут солдатики свои ружьица светлые,
Приналаживайте вы да пушки скорострельные,
Принакачивайте вы да зелье с порохом,
Пущай сделают народы великое восстаньице
Против царя-кровососа, против Николашки,
Против помешников и заводчиков,
Против купцов толстобрюхих и урядников,
Уж поставим на это дело всю нашу партею!
А я скажу всем простым людям иностранным,
Штоб бросали они войну кроволитную,
Войну кроволитную, народу не нужную,
Штоб начинали они у себя восстаньице,
Штоб помогали они нам во всех обстоятельствах,
Мы ведь братья с ними очень кровные,
Уж мы будем друг дружке помогать во всем,
А бессрочного времени на свете нет!»

***

Как поутру, поутру ранному[15],
По восходу соньца красного
Ото сна царица пробуждалася,
Пробуждалася, ужахалася,
Страшну сну-то дивовалася:
«Тебе полно спать, царь, усыпатися,
Пробуждайся, Николай, от крепкого сну,
Тебе пора вставать да про все же знать!
Я скажу, скажу тебе страшный-дивный сон,
Расскажу-ка я тебе да все поведаю,
В эту ноченьку мне мало спалось,
Мало спалось, во снях много виделось:
Со восточной со сторонки как орел летел,
Прилетел он на крышу на царскую, на позолоченную,
Своими крыльяцами сотряхнул же он,
Он ведь стал у нас крышу-то поклевывать,
А тебя, царь Николай, клюнул в царску голову,
В царску голову да во желты кудри,
Во желты кудри да во ясны очи, —

К чему да этот сон идет,
Мне-ка думается, что не к хорошему?»
А лежит-от царь на кроватушке,
Он спит-лежит да разметался же,
В длину его кровать да двадцати сажен,
В ширину его кровать да двадцати сажен.
Он вставал да умывался,
Умывался, он ведь одевался,
Они пошли тогда да во божью церкву,
Отслужили они обедню со молебнами,
Отслужили они за здравие царя, за царицу.
В этот день да так случилося,
Так случилося, приключилося,
Сделалось с народом волнованьице,
Большое волнованьице, великое восстаньице,
Мать сыра земля да потрясалася,
Царский трон-то всколыбался весь,
Стуки сделались очень громкие,
Удары-то сделались очень страшные:
Стучали ребятушки-народ в ворота царские.
Тут брала царица своего мужа за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Тайным ходом она увела его,
В потайной подвал, под дворец же свой,
А сама она сидела в своей спаленке,
Вышивала ширинку разными шолками,
Разными шолками иностранными,
Да строчила ширинку красным золотом,
Да убирала ее дорогим жемчугом,
Она сидела будто спокойная,
Будто ничего-то не приключилося.
Заходил народ да все восставшие,
Они спрашивали, где ее-то муж,
Где же бывший царь Николашечка:
«Нам ведь надо с ним повидатися,
Повидатися да расквитатися,
Ты приведи скорей своего мужа милого,
Покажи-ка нам его на посмотреньице!»
Отвечала им царица да таковую речь:
«У меня сейчас его в доме не случилося,
Он уехал во темны леса далекие,
Из темных лесов проедет он в тихи заводи,
Как будет он там стрелять гусей-лебедей,

Как будет стрелять пернастых-то серых уточек».
И говорила ищо хитрая царица таковы слова:
«Вы садитесь-ка да все присаживайтесь,
Уж вы будете у меня дорогими гостьми,
Принесу-ка я вам наливочек, разных водочек,
Одарю я вас подарками разными, —
Теми ли соболями сибирскими,
Теми ли шолками разными иностранными,
Теми ли сукнами, бархатами заморскими!»
Тут ребятушки-солдатушки просмехнулися:
«Некогда нам разны шуточки прошучивать,
Прошучивать да проговаривать,
Не к чему нам твои подарочки,
А нам нужна-то правда сущая!»
Обошли-обыскали они все палаты белокаменные,
Пошли искать во подвалы поддомовые,
Разыскали-нашли Николая во подвале,
Из подвала его вывели во палатушки
Да говорили ему таковую речь:
«Уж ты, бывший царь, Николай Романов,
Мы пришли сказать тебе волю народную:
Отдавай нам ключи от Россиюшки,
Ото всей нашей родной земелюшки,
Мы уж сами теперь управляться будем,
Управляться будем без царя же все!»
Царь стоит, с похмельица призадумался,
С похмельица не мог слов говорить,
Только-только чуть сказал же он:
«Очень, очень мне тошнехонько,
Болит у меня царская головушка,
Да не служат мне ножки резвые,
Не владеют у меня да руки белые,
Уж вы дайте мне скорей одобриться,
Одобриться да опохмелиться!»
Наливали ему чарочку зелена вина,
Чарочку немалую — полтора ведра,
Принимал Николай ее правой рукой,
Выпивал-то он да на единый дух.
Народ тогда люди гово́рили:
«Уж ты ой еси, Николай Романов,
Ты вино-то пьешь, того не знаешь, не ведаешь,
Что ты не царь теперь да не царить будешь,
Простой ты мужичина да горький пьяница!»

Тут Николай на них да разжигался ведь,
Он стукнул ногами от горячности,
Говорил-то он народу во гневности:
«У кого есть нонче таки права –
С царем россейским много разговаривать,
Как призову я палачей немилостливых,
Как опутают они ваши головы во путины шолковые,
Как повздынут вас на виселицы на высокие!
Вы шуточку затеяли немалую,
Как эта шуточка вам с рук сойдет?»
Тут народу за обиду показалося,
Стали они промеж себя разговор вести:
«Мы будем его мучить муками разными,
У жива будем с него кожу сдирать!»
А проговорил мужик сибирский, Иван же тот:
«Нам не надо его мучить муками разными,
Нам не надо с жива с него кожу сдирать,
Мы-ка будем судить его да своим судом,
Своим судом да всенародным,
Наградим мы его наградушкой великою
За все дела его против народу поганые».
Он ведь тут да приусмирел же все,
Со тихостью да речь говорил:
«В жеребью ли мне горюшко повыпало,
По делу ли ты мне досталося?
Не судите меня да не губите,
Отпустите меня на все четыре сторонушки,
Пойду-поеду в разны страны неведомые,
Полетит за мной горюшко чорным вороном,
От того от горя от несчастного
Вы дозвольте мне пить везде зелено вино,
Зелено вино безденежно да бескопеечно».

Красно солнышко шло на вышину,
На вышину, на высоту славну поднебесную,
На красоту-то шло на чудную, на великую,
Тут не ясен сокол полетывал,
Дорогой-то вождь тут приезживал[16],
Как приехал-то славный, великий вождь,
Как встречал его народ с честью, с радостью,
С честью, с радостью, со веселым удовольствием.
Мужики-то чернопахари к нему шли перевалами,
Заводские работнички к нему шли всею массою.

Стал тут Ленин говорить народу правду сущую:
«Надо кончать войну, она не к на́добью,
Народы простые иностранные тоже не хотят боротися,
Надо забирать ключи государственные
У помешников, у заводчиков,
Отобрать-то землю ото всех от них,
Наделить землею крестьян-чернопахарей;
Отобрать заводы у заводчиков,
Сами работнички будут управлять во всем;
Отобрать те лавочки торговые
От всех купцов да от богатых же!»
Как услышали таковые речи
Помешники, заводчики да енералы с офицерами,
Направляли они против Ленина пушку скорострельную[17],
Штоб устрелить вождя народного,
Штоб не приводил он народ во смущеньице.
Как бросаются они к пушке к боевой,
А у пушки-то солдатиками спуски разворочены,
Стрелять-то было нечем им.

Народ взял-схватил вождя в охапочку,
Увезли Ленина во чисто поле,
Из прутиков из ракитовых шалашик ему сделали,
А самого его одели в одежду пастушью,
Дали ему в руки рожок берестяный,
Будто он пастушок же есть.
Не могли отыскать его да погубить опричники,
Народ знали про шалашик, да не сказывали,
Получали народ от него разные предписаньица,
Да по его совету они вели дела.
Поутру было, поутру ранному,
По восходу соньца красного,
Выходил Ильич да из шалашика.
Умывал же он свое лицо белое
Ключевой водой, холодною,
Утирал лицо да полотенчиком,
Да как взыграет он во рожок берестяный,
Весь народ да услыхал его,
Весь народ сходились да скоплялись,
Скоплялись все, собиралися
Ко тому ко столбу ко чудесному,
Собирались они со всей силой богатырскою,
Они брались за колечушко чудесное,

Тяжело пришлось колечушко выдергивать,
Силой крепкою они повыдернули,
Повернули славну землю-матушку Россею
На другую на стороночку, на справедливую,
Да забрали ключи от Россиюшки
У тех у помешников, у заводчиков.

***

Как съезжалися народы да скоплялися[18]
От старого до среднего,
От среднего до младшего,
Как садились они в заседаньице,
Как советы мудрые держали они:
«Кому быть да в управителях?»
В одну думу все думали,
В одну речь все говóрили,
На единого свое избраньице полóжили,
На Владимера Ильича, вождя Ленина,
Всю Россиюшку ему-то поверили-доверили,
Вождю Ленину да со помошничками,
Со всей партией большевической.
Принял он ключи золотые да от всей земли,
Назначил себе во помошнички друга Сталина,
Во служеньице брал себе людей из простых родов,
Из простых родов да из бедности,
А того мужика Ивана сибирского
Он поставил во народные комиссары.
Тут царю-то подали просту телегу деревенскую[19],
Повезли его в темницу во темную,
По грехам его так приключилося,
В жеребью ему так повыпало,
По делам его так отворотилося,
Тут как Николаю да скоро смерть пришла,
Скоро смерть пришла и конец дошел.
Тут не в долго время войну ерманскую прикончили[20],
Отцы-то, матери взрадовалися,
Проливали-то они слезы от великой радости.
Много, много из солдатов не вернулися,
Не вернулися во свои деревенки,
Не повидали они да отца с матушкой,
Не увидали своих да молодых жон,
Не увидали своих да малых деточек.
Много, много пришло да все убогих же,

Убогих да окалеченных,
Ни к каким работушкам да неспособных.

Тут отобрали-то земелюшку у помешников,
Тут отобрали-то заводы у заводчиков,
Тут отобрали лавочки торговые от купцов от богатых,
Богачи-господа тогда да испугалися,
Кто куда да затаилися,
А для народу простого настал праздничек,
Народ одевался в платье цветное, во праздничное,
Веселые песни пропевал от удовольствия.
Не долго то веселье продолжалося,
Не долго народ да прожил в радости[21],
Как подымалась тут туча темная
Над той землей, над советской Россиюшкой,
Загремел тогда да будто сильный гром,
Взбушевала то погодушка немалая,
Обтянуло небо тучами со всех четырех сторонушек.
Собирались енералы да урядники,
Собирались помешники да заводчики,
Собирались князья да со дворянами,
Собирались купцы да очень богатые,
Скоплялись они в место тайное,
В место тайное да в потаенное,
Говорили они меж собой таковы слова:
«Это что такое в Россиюшке приключилося,
Мы не можем терпеть порядку нового,
Мы не можем-то в такой жизни жить,
Мы не можем с ними согласитися!
Полно нам по глупости жить сейчас,
Нам ведь надо наживать живот, как раньше был,
За свои права мы станем приниматися,
Соберемте-ка енералов с офицерами,
Соберемте-ка полковников со майорами,
Соберем мы всю-то белую дружинушку,
Нападем на силу Красной Армии,
Побьем-разобьем, всех во прах возьмем!»
А Ленин-вождь в Кремле похаживает,
Своею ручкой по голове он поглаживает,
Он по горнице со трелогою ходит очень наскоро,
Его ретиво сердце да растреложилось:
«Ой, львы да все свирепые,
Ай, собаки да все бесчестные,

Не дают, собаки, отдохнуть же нам,
В делах наших управиться да наладиться!
Приведется бой держать с ними, боротися,
Мы их боем возьмем, дракой кроволитною,
Никого из них не оставим на сéмена!
Призовем-ка мы из степей из привольных же
Клима-слесаря, славна Ворошилова,
Призовем-ка мы с того с Дону со тихого
Красна казака геройского Буденного,
Пошлем-ка их на битвы на великие,
Пусть побьют они силу белую,
Силу белую, для народа ненавистную,
Кто беду да накликает на нас,
Сами они наперед да все погинут же!»
Правда с кривдой опять повстречалися,
Повстречалися, заборолися,
Нападала сила белая да со всех концов,
Они хотели забрать во владеньице каменну Москву,
Каменну Москву, столицу народа советского,
Они хотели убить-погубить народных управителей,
Поставить-то на место старый царский трон,
Штоб опять пошла жизнь все по-старому,
Все по-старому да по-прежнему,
По-прежнему да по-досельному.
Как бела грива да развивается,
Как белый хвост-то трубой завивается,
Как изо рту коня пламя-дым валит,
Как из глаз коня искры сыплются,
На коне сидит да рыцарь чудный же,
Повода держит в рученьке во левой,
Во правой руке трубочку подзорную,
На коне сидит да все ясен сокол,
На имя Клим да Ворошилов свет.
За ним едет красный казак, казак донский,
Казак донский на вороном коне,
Повода он держит в рученьке во левой,
Во правой руке сабельку вострую,
За ними идет да конна гвардия,
Конна гвардия, красна сила боевая.
И вставали тут многи советские богатыри,
Снаряжали они свои дружиночки хоробрые,
Снаряжал свою дружиночку Чапай Василий Иванович
Во тех во степях славна волжских,

Снаряжал свою дружиночку богатырь Блюхер
В степях дальних, во дальневосточных,
Снаряжали свои дружиночки други бога́тыри
В тех степях славна киевских.
Как грянули-наехали на силу белую,
Полки белые заколыбалися.
Заколыбалися да пошаталися.
Тут енералы белые призадумались:
«Не побить будет силы Красной Армии,
Нужно попросить силушки в подмогу нам
Из земель да из иностранных же»,
Переговорилися, сговорилися с королями иностранными,
Согласились короли с полным удовольствием,
Им хотелося, штоб в Россиюшке царь царил,
Им хотелося получить за то подарки ценные,
Получить земли, выделить часть из Россиюшки.
Короли снарядили полки да отправили,
Отправили из своих стран во Россиюшку,
У белых силушка теперь подкопилася,
Силы много да у них прибыло,
Нападали они на славну Красну Армию,
Тяжело тогда пришлось нашим боротися.

В ту тяжелую пору, во треложное времячко[22]
Великое несчастие случилося с вождем Лениным:
Он поехал по всем заводам по московским
Рассказать народу про дела, про положеньице,
Он приехал на завод да за Москву-реку,
Он ведь стал тут речь про все говорить,
А в ту пору, в ту самую минуточку
Змея лютая подкралася,
Она ужалила, ударила вождя Ленина,
Немного не дошла до милого сердечушка,
Она сделала рану да очень глубокую,
Очень глубокую, злодейка, очень ядовитую.
Тогда падал Ильич да на сыру землю,
Подымали его работнички заводские да со сырой земли,
Клали-то его на носилочки,
Приносили его в горницу во кремлевскую
Ко его милой жоне, к Надежде Константиновне,
Занесли его — она ужахнулася,
Посылала она за славными за лекарями,
Сама выбегала из своей из горницы,

Добегала она до зелена садочка,
Рвала она да мураву траву,
Рвала разные листочки зеленые,
Нарвала да принесла она,
Да накладывала на раночку горячую.
Когда Ильич пришел в сознаньице,
В сознаньице пришел, во память полную,
Приказал он призвать к себе Сталина.
Заходил Сталин в ихню спаленку,
Подошел он да ко кроваточке,
Сказал ему Ильич да таковы слова:
«Такое пришло сейчас времячко,
Могут всех нас, всех повыгубить,
Все народное наше право приразрушить.
Ты пойди помоги своею силой богатырскою,
Силой богатырскою, советом мудрым же,
Штоб наша Красная славная гвардия,
Она штоб приободрилась
Да своей хоробрости прибавила же!»
Сталин, немного он разговаривал,
Того приказаньица он не ослушался,
Надевал он платьице военное,
Он брал себе да все добра коня,
Он поехал да скоро-наскоро,
Улетел сокол да во чисто поле,
Как уехал-то добрый богатырь Иосиф Сталин[23]
Во чисто поле ко славной Красной гвардии...
Приезжает-то он ко своей к силы-армии,
Собрал-то он все дружинушки хоробрые,
В стременах-то воздынулся он,
Воздынулся он да речь говорил:
«Уж вы ой еси, ребята-солдаты Красной Армии,
Уж вы ой еси, работнички славна заводские,
Уж вы ой еси, крестьяне-чернопахари,
Пришло-то времячко самое тяжелое,
Пришло-то времячко самое боевое.
Мы должны последними силами собиратися,
Своей храбростью хороброй дак разбить врагов,
Разбить врагов, разметать злодеев всех.
Послал меня к вам Володимер Ильич,
Он лежит-хворает да все постанывает
От злодейки-змеи, от той от раны глубокой,
Разобьем врага, дак он поправится!»

Тут приударили полки красные,
Полки красные да своей хоробростью,
Бела сила да растерялася,
Растерялася да разбегалася,
Дак погнали ту силу белую,
Гнали, гнали-то с утра до вечера,
Гнали, гнали-то со вечера до ноченьки,
А со ноченьки все до утрица,
Они били-рубили, как могли ее,
В синя моря всех енералов пометывали:
Одного енерала со войском в наше море Белое,
Другого енерала со войском в то море Черное,
Третьего енерала со войском в то море Западное,
Четвертого енерала со войском в то море
Дальневосточное,
Всех других енералов со полковниками,
Со полковниками да со майорами,
Загнали в болота дыбучие
Да во глубокие речки во быстрые, –
Тут им и конец пришел.

***

Расцветала, процветала славна родина советская
По-хорошему да очень по-чудному,
Все народы-то взвесилилися,
Дела все пошли да по-приятному.
От дел, от чувств, от великих радостей
Ильича здоровьице стало поправлятися,
Но на беду таку на минучую тут случилося,
Тут случилося, приключилося,
Неприятности случились через злодея Троцкого,[24]
Стал он разрушать дела, порушивать,
А с лукавства с того со злодейского
Подлости разные затеивать,
Хотел обманом народ прельстить,
Народ прельстить, забрать под стару власть.
Не успел оздороветь Ильич да поправиться
От той от змеи, от той злодейки лютой,
Как втора изменушка приключилася,
Владимер Ильич от досадушки растреложился,
Он призвал да скоро Троцкого,
Выговаривал ему да таковы слова:
«Ты живешь-работаешь все ведь злым умом,

Все ведь злым умом, умом вражеским,
Ты поброс-покинь неприятности лукавые!»
Злодей вилявый был, как лукавый змей,
Прошло времячко немного же,
Повел он опять речи безумные, обманчивые,
Обманчивые речи-дела да огрубительные,
Стал подкопы вести под власть советскую.

Ищо стал Ильич поприлеживать, понемагивать.
Ищо Владимер Ильич чуть он жив лежит,
Чувствовал он скорую кончинушку,
Што эта болезнь несносная, непереносная,
Не ожидал уж боле встать же он,
Прощался он со любимой семьей,
С дорогой жоной, с подругой верною,
Со своими же сестрицами да очень любимыми,
Со своим братиком все ведь родным же.
Говорил он Надежде Константиновне таковы слова:
«С тобою жили мы в верном согласьице,
Была ты во всю жизнь верной способщицей,
Верной способщицей, неизменною,
Нонь приходит времячко, приближается,
Скоро жизнь земна моя-то кончается...»
Призвал Ильич к себе да друга Сталина,
Говорил ему голосом от желанья полного:
«Не долгий век-от мой да он кончается,
Смерть-то скоро моя да приближается,
Бери-бери да ты прими ключи,
Золоты ключи от всей земелюшки!
Уж кому-кому да принимать дела,
Взять-то в руки те золоты ключи,
Как не тебе да другу милому,
Другу милому да все ведь верному!
Управляй дела, тебе счастливо жить,
Тебе счастливо жить да долгу веку быть,
По твоей мудрости тебе ключи повыданы,
Повыданы тебе да все поручены!»

Не красно солнышко закатилося
Не за славны те горы Воробьевские,
Не за матушку каменну Москву,
Не за те ли леса темные,
Не за те ли сады все зеленые,

Не за моря оно да за глубокие,
Не за города да все за разные,
Не за села да за деревенки,
Не за тихие за заводи,
Укатилось у нас да красно солнышко,
Ищо та ли луна да поднебесная,
Ищо та ли заря, заря утренняя,
Ищо та ли звезда, звезда вечерняя,
Укатилось у нас красно солнышко
Как во матушку во сыру землю,
Как во гроб оно-то положено,
Как положен-то все Ильич же свет,
Призакрыт-то он доской гробовою.
Тут птица соколом улетела по поднéбесью.
Тут ведь рыбина ступила во морску глубину,
Лисицы-куницы убежали по островам,
Медведюшки разбежались по темным лесам,
А народ надевал на себя платье чорное,
Платье чорное на себя, платье печальное.
Ко его гробу да все скоплялися,
Скоплялися да сходилися —
Мужики да деревенские,
Все работнички заводские,
Все работнички ученые советские,
Всего того народу числа-сметы нет,
Тут народы прирасплакались
На разных голосах разных плéменей,
Вся земелюшка была смочена горючьми слезьми.
Снимал богатырь наш Сталин свет,
Снимал шапочку с головы своей опечаленной,
Говорил он от народу таковую речь:
«Мы кладем клятву великую на времена на вечные
Память о тебе, о великом вожде, содержать в сердцах своих,
На все времена по всем земелюшкам
Вечно будет про тебя воспоминаньице,
Воспоминаньице, тяжелое воздыханьице!
Мы кладем заповедь промеж себя великую
Все дела вести по-твоему, как ты велел,
По твоим мудростям мы будем жить!
Прощай, Ильич, отдыхай спокойным сном,
Благодарим тебя, Ильич, за все дела твои,
За все дела твои за чудесные, за великие!»

А мавзолей стоит на славной Красной площади,
Он ведь сделан из камня чудна брáманту,
Эти камешки все народы несли,
Каждый народ принес по едину камешку,
И состроили народы гробный домичек,
В нем лежит Ильич, почивает он.

3 (68). Приезд Ленина в Петроград

Одевался он в одежду во рабочую,
Одевал-то он парик да на головушку,
Назывался он фамилиею Карпова.
Торопился он на станцию быстрешенько,
Он садился-то в вагоне у окошечка
Да у самого прохода, у входной двери.
Тут садился рядом с ним да фронтовой солдат,
И у Ленина о Ленине он спрашивал:
«Не слыхали ль вы про Ленина Владимира,
Не знавали ль вы да его личности?
Говорят, что едет Ленин в этом поезде
Да с женою-то с Надеждой Константиновной».
А Ильич-то ведь на это да ответ держал,
Говорил Ильич солдату, улыбаючись:
«Ничего-то я о Ленине не слыхивал,
Никогда-то я ведь Ленина не видывал».
Сам солдатов фронтовых он да выспрашивал
Да и мнение-то ихнее выпытывал.
Говорят-то все солдаты да одни слова,
Что идет-то ведь в России да одна молва:
Ожидают все рабочие там Ленина,
Дожидаются евойного учения.
Тут Владимир-то Ильич да ведь не мог смолчать,
Говорил он тут солдатам таковы слова:
«Если хочете вы Ленина да видети
И желаете вы Ленина да слышати, —
До Россиюшки теперь да уж близехонько,
Миновала-то опасность нам дорожная,
Я в рабочиих ничуть не беспокоюся, —
И теперь я перед вами да откроюся».
И снимал он тут парик да со головушки,
Признавался он перед всеми да рабочими.
Тут в один вагон солдаты собиралися,
Посмотреть-то Ильича да ведь старалися,

Всем хотелося его да ведь послушати.
Про намечены планы Ильич рассказывал,
Он на путь-то революции указывал.
А вагон-то ведь колесами постукивал,
Будто русскими словами выговаривал:
«Едет Ленин, едет Ленин да ко Питеру,
Вы встречайте-ко, встречайте-ко, рабочие».
А свистком-то паровоз да ведь посвистывал,
Чтоб солдаты собиралися на станцию.
По всему-то ведь по городу по Питеру
Прокатилася молва да неожиданна,
Неожиданна молва да очень радостна,
Что ведь едет-то Ильич да во Россиюшку.
Подъезжает-то Ильич да уж ко станции, –
Тут солдаты и заводские рабочие
Все на станцию быстрешенько сбегалися,
У Финляндского вокзала собиралися:
Посмотреть-то Ильича да всем хотелося.
Тут ведь множество огней да загорелося –
Осветили факела пути-дороженьки.
Лишь замолкли-то ведь звуки да колесчаты,
Раскрывалися тут двери да вагончаты,
Ленин соколом с вагона да повылетел,
Как орел он из вагона да повыскочил.
Он рабочих поздравлял да с революцией
И предложил власть держать да за Советами.
Как рабочие-то Ленина увидели,
Только Ленина слова да лишь услышали,
Подхватили они Ленина на рученьки
И подняли-то его на возвышение,
Чтобы слышно было речи его плавные,
Предложения-то умные да славные.
И снимал он с головы да серу кепочку,
Полагал он свою кепку в боковой карман,
И бросал-то он народу свой веселый взгляд,
И с началом-то борьбы да он поздравил всех.
Говорил-то он народу да советовал,
Да и правду-то ведь сущую рассказывал:
«Надо власть установить да пролетарскую
И торговлю уничтожить да купеческу,
Отобрать всю землю от помещиков
И заводы отобрать да у заводчиков».
Не волна-то ведь в море колыхалася,

И не зыбь-то ведь морская да зыбалася —
То народ-то ведь качнулся да ко Ленину,
Чтобы выслушать его да речь ученую.
И не гром-то разразился в поднебесье-то,
И не тучи ударялися об облако,
А катилося «ура» да и приветствия.
С четырех сторон прожекторы осветили,
Чтобы Ленина все люди призаметили...
Так встречали все его да с честью с радостью.

4 (69). О Ленине

1

Выходил Ильич за город в финску сторону,
Поднимался он на гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки —
Насмотрел он там озера да разливные,
А у озера увидел шатры белые,
А у этих-то шатров да люди добрые
На крестьянской были на работушке,
С ними рядом находился пастушок с рожком.
Подходил тут Ильич ко белым шатрам,
Заходил-то свет Ильич да во белы шатры,
Попросился он к крестьянам во работнички,
Попросился к пастушку да во помошнички.
Говорят ему крестьяне таковы слова:
«Мы возьмем тебя в косцы да с уважением,
Если только ты умеешь да траву косить,
Если только ты умеешь убирать сенцо».
Тут ведь брал Ильич да косу острую
Да оселочком песочным натачивал.
Он направо помахнул — да стала улица,
А налево помахнул — да переулочек.
Подходил тут пастушок да ко Владимиру,
Говорил тут пастушок да таковы слова:
«Я бы взял тебя, товарищ, во помошники,
Я бы взял тебя, товарищ, во загонщики,
Если знаешь ты, товарищ, во рожок играть,
Если знаешь ты, товарищ, выговаривать».
Тут ведь брал Ильич рожок во белы рученьки,
Да как стал-то он играть да выговаривать —
Все косцы-то ведь стояли-удивлялися,

Темны лесушки к земли да приклонялися.
Оставался тут Ильич да во чистом поле,
И устраивал Ильич себе да бел шатер.
Он остался у крестьян да во работничках,
Он остался пастушку да во помошничках...
Объявляет тут Керенский да по всей страны,
Что подарки будут даны им за Ленина:
«Кто живым его доставит — миллион дадим,
А за мертвого — получат до ста тысячей!»
Тут жандармы-то по Питеру кидалися,
Разыскать-то Ильича они старалися
И поехали по дальним по окрестностям,
Проходили-то они да по всем местностям,
Приходили к Ильичу да в его бел шалаш,
Дожидались Ильича да ведь до вечера.
Вот Ильич идет с крестьянскоей работушки,
Он заходит тут во свой да во белой шатер,
Видит — гости-то сидят да ведь непрошены.
Подходила тут к нему да жандармерия
И спросили Ильича да ведь про Ленина.
Покачал Ильич своею да головушкой,
Что не знает он по-русски да ни словушка,
Да живет-то он в шатре да целый год один,
Происходит из Финляндии, — крестьянин он.
Тут жандармы извинились, низко кланялись
И в обратную дороженьку отправились.

2

Поздно вечером Ильич да успокоился:
Перестало биться сердце во груди белой,
Светлый разум угасал в его головушке,
И замолкли-то ведь речи его плавные,
Не светили его очи больше ясные,
Угасала жизнь его, но жизнь — бессмертная.
Красно солнышко с ним вместе закатилося,
Бледный месяц из-за тучи да не выступил,
Ясны звездочки с небес да все осыпались,
Угасала с ним заря, заря вечерняя,
Только факелы горели целу ночь кругом.
Точно гром-то разразился надо всей страной,
Точно молнией ударило по всей земле —
Это вести разнеслись о смерти Ленина.
Во лесу хвоя да с елочки посыпалась,

И заплакала березонька от инея,
Звери в темные леса да разбегалися,
Птицы в чистые поля да разлеталися,
Да и рыбы опускались во морскую глубь.
Одевалися все люди в платье черное.
В платье черное да во печальное,
Собиралися к вокзалу Павелецкому
И встречали-то из Горок поезд траурный.
Пять денечков люди с Лениным прощалися:
Все тут горькими слезами обливалися.
Нету слов сказать обиды той невзгодушки,
Невозможно описать того да горюшка.
Тут ведь Сталин говорил да на прощаньице,
Он и клятву-то давал да завещаньице:
«Мы твои, Ильич, наказы все да выполним,
С честью будем мы хранить да кажду заповедь».
Тут как стали Ильича спускать в могилушку –
Загудели все гудки да во всю силушку,
Пушки залпом громовы да разразилися,
Все движенье вдруг везде остановилося...
А у той ли у стены да у Кремлевскоей
Мавзолей стоит из мрамора узорчата,
Светят звезды на него со стен Кремлевскиих,
Да ступени-то изложены гранитные,
Палисад кругом с металла серебристого,
Да весь елками кругом-то он обставленный,
И почетный караул стоит там день и ночь –
Миллионы тут людей да собираются.

НОВИНЫ О СТАЛИНЕ

5 (70). Слава Сталину будет вечная

Не Белое море взволновалося, –
Молодецкое сердце стрепенулося,
Могучи плечи сшевелилися,
Иосиф свет призамыслился.
Он задумал думушку крепкую.
Темны ноченьки просиживал,
Дни же белые продумывал.
Он решился итти в превеликий бой,
В превеликий бой за рабочий люд.
Он скорехонько тут собирался,

В путь-дорожечку поспешался.
Две-то зорюшки утренние сходилися,
Два-то ясных сокола слеталися,
Два дородных молодца съезжалися.
Первый-от был Ленин свет,
Второй-от — славный Иосиф свет.
Они свиделись, познакомились,
Познакомились, разговорилися.
Они начали меж собой разговор вести,
Что собрать надо крепку партию,
Крепку партию большевистскую,
Чтобы с ней заодно за весь мир стоять,
За весь мир стоять, за народ умирать.

Храбро бился за народ Иосиф свет,
Не жалел себя, не жалел труда,
Многих он людей от смерти спас.
Да подкрались к нему лиходеи царя,
Когда крепко спал Иосиф свет,
Да связали ему руки белые,
Опутали путами ременными,
Задергали в арканы железные,
Провели его через строй солдат,
Издевались над ним, изгилялися.
Да не дрогнул тут Иосиф свет!
Он прошел походочкой смелою,
Черны кудри его не стряхнулися,
Очи ясные его не помутилися,
Он смотрел вперед с улыбочкой.
Рассердились тут слуги царские,
Засадили его в темну тёмницу,
В темну тёмницу — злодейку заключевную.
Они хотели Иосифа свет огнем сожгать,
Они хотели Иосифа свет водой залить,
Они хотели его злым зверям отдать,
Они хотели сморить его голодом.
Уводили его во темны́ леса,
В страну северную, тундру холодную.
Они думали, что он там замрет,
Что погибнет он там смертью лютою.
Да не так-то все случилося,
Не по лютым врагам приходилося!
Где Иосиф свет пройдет —

Там ведь ключ пробьет,
Ключ пробьет, трава растет,
Трава растет, цветы цветут.
Полюбил Иосифа свет трудовой народ,
Любил, хранил его от лихих врагов!
Ясна зорюшка занималася,
Друзья мудрые опять сходилися:
Первый-от был все Ленин свет,
А второй-от — его верный Сталин-друг.
Скоро, скоро созвали они крепку партию,
Крепку партию большевистскую.
Приходили к ним солдаты ратные,
Говорили, что прогнали царя-изменщика,
Что разорил царь, разрушил родину.
Вместе сделали заседаньице,
Порешили так дела свои:
Пусть народ теперь правит сам собой!
Руководит им славный Ленин-вождь
Со своим другом мудрым Сталиным.
Узнавали о том змеи лютые,
Узнавали о том звери дикие,
Узнавали о том птицы хищные,
Еще та ли вся армия белая
С офицерами да со царскими, —
Стали грабить они и жечь города,
Стали бить-обижать трудовой народ.

Не ясный сокол тут полетывал, —
Славный Сталин свет поразъезживал
Со своими друзьями со храбрыми.
Со Красною Армией верною
Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дороги прямоезжие,
Он очистил города и деревеньки,
Еще те ли границы русские.
Он поставил на них стражу верную,
Еще славных ребят-пограничников.

Тут свалились с земли цепи крепкие,
Светом вся земля осветилася.
Растаяли, отошли вековые льды

И свободным стал трудовой народ!
Тут взялись вожди за строительство,
За строительство за советское.
Да несчастье вдруг случилося –
Подкосила смерть вождя Ленина.
При кончине своей он призвал к себе
Друга верного славна Сталина:
«Ты примай, примай все дела мои,
Ты веди народ к счастью светлому,
Ты учи его, помогай ему».
Сталин дал ему слово верное,
Как булат, оно было крепкое.
Он пошел путями Ленина
И стопами большевистскими.

Начал мудрый вождь украшать страну,
Перестроил все ново-заново.
В деревнях пошли колхозы крепкие.
Работать стали все машинами.
Жить-то стали все зажиточно.
Зацвели сады фруктовые,
Запел народ песни веселые,
Стали веселы дети малые.
Города устроил людям на диво,
Крышей в небо дома упираются.
А убранство в домах все пречудное,
Что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как под матушкой каменно́й Москвой
Ходит чудо-машина подземельная.
Со всего свету люди съезжаются,
Делами Сталина свет дивуются.
Есть чего попить, покушати,
Молодежи есть чему радоваться,
Есть чему и где поучитися.
Старикам-то жить снова хочется.
Границы у нас укрепленные,
От врага крепко защищенные.
Красна Армия наша храбрая.
Самолеты у нас тучей сдымутся,
Ледоколы у нас грудью двинутся, –
Только смей-ко враг потрогать нас!

Хороша Москва прекрасная!
Всего краше-дороже стена кремлевская
Со высокими все со башнями,
Со звездами все со блестящими.
Как со той башни день и ночь
Во платье-то во военном всё,
В руках с трубочкой с подзорною,
Со улыбочкой со веселою
Глядит-правит страной заботливо
Превеликой вождь, предобрый отец
Еще славной, мудрой Сталин свет.
Он глядит, глядит не насмотрится,
Чутким ухом все прослушает,
Зорким взором все увидит жо.
Он все слышит-видит, как живет народ.
Как живет народ, как работает.
За хороший труд награждает всех,
Он в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает всех очень ласково,
Говорит-то со всеми весело,
Он проводит в свои светлы горницы,
Он садит их за столички точеные,
За точеные столички за дубовые,
Он на стулики садит на мягкие.
Порасспросит всё, поразведает:
Как работают, чем нуждаются.
Сам дает советы мудрые.

Как про Сталина свет дела славные,
Про его доброту превеликую
Ни пропеть будет, ни описать всего!
Слава Сталину будет вечная!
Много лет ему жить да здравствовать
Белому-то морю все на тишину,
А Москва-реке на велику честь!

6 (71). На родине вождя

Вырастало у нас два древа прекрасных,
Эти древа чудесные, очень дивные,
Одно древо вырастало на Волге-реке,
Другое древо вырастало на горах кавказских,
Хошь росли-стояли они не близешенько,

А кореньицами вместях они срастáлися,
А вершиночками вместях они свивáлися,
То два друга было очень верных-то,
То два товарища было неизменных-то,
Они со младости в одну думу думали,
В одну мыслицу они промысливали,
В одну речь всегда говóрили,
Мудро дело народное вместях делали.
Мне приснился чудный-дивный сон,
Будто вернулась ко мне млада молодость,
Стала я будто младой девушкой.
Взрадовалася я, взвеселилася,
Побежала я на луга да на зеленые,
Зачала рвать цветы лазуревые,
Зачала плести веночки на головушку,
Убирать-то их в ленты шелковые,
Будто птица с кустика на кустик перескакивала,
Распевала песни веселые, песни весённые,
Со той радости побежала я во леса во дремучие,
Ко преглубистым тихим озерушкам,
Как на те на тихи наши заводи,
Там сидели-то белы лебеди,
Я пришла к ним, поклонилася:
«Уж вы здравствуйте, белы лебеди,
Как полетите во летнюю во стороночку,
Вы возьмите меня за синя моря,
Уж как белой-то я лебедушкой
Полечу с вами на легких крылышках!»
Чудный сон знаменовал меня
Ко пути ехати, ко дорожечке,
Ко Архангельску, славну городу,
А из него-то в славну каменну Москву,
Из каменной Москвы ехати ко горам кавказским,
Ко странам ко прекрасным, ко чудным,
На прелестну родну его родину,
Дорогого вождя нашего, славна Сталина.
С Белым морюшком я распрощалася,
Распрощалася да расставалася,
Мне-ка морюшко на прощанье возговорило:
«Будь счастлива, долголетна в путях-дорожечках.
Уж как будешь ты во странах во дальниих,
Уж как будешь у морей у разныих,
Передай странам-морям низкой поклон,

Им-то кланяется море Белое,
Море Белое да все ведь северное!»
Провожали меня все со старого до малого,
Наши колхозники, наши колхозницы,
Они просили меня да все гово́рили:
«Передай поклон той стране да славну городу,
Где родила вождя Сталина родна матушка,
Где росло дитя малое,
Дитя малое да очень удалое!»
Я приехала ко горам ко высоким, кавказским,
Ко славным ко реченькам ко быстрым,
Ко садам ко прекрасным ко зеленым,
Со разными древами-фруктами растущими,
Со птицами разными поющими, голосистыми,
С городами с очень дивными,
С людьми-народом со премудрым.
Есть на что посмотреть, полюбоватися!
Очень прекрасная страна кавказская,
В моей молодости зачем она мне не приснилася,
В сновиденьице зачем не показалася?
Кабы была младая я, младешенькая,
Так возвеличила бы эти горы высокие,
Они высокие, выше облаков ходячих-то,
Они стоят как верны каравульщички,
Верны каравульщички, славны рыцари,
Белы платьица на них из горносталюшки,
На них шапочки как у древних рыцарей,
На тех шапочках жемчужинки со каменьями,
В руках-то у них востры копьица,
Они глядят-смотрят во все стороночки,
У них очи-глаза очень зоркие,
У них уши-слухи очень чуткие,
Не пройти мимо них никому, не проехати,
Не пропустят горны рыцари ни конного, ни пешего,
Не пропустят черна ворона пролетащего,
Не пропустят зверя рыскучего, пробегащего,
Не пропустят ни гада ползучего, ни змеи шипучей
Из чужих земель, из чужого владеньица.
Я ходила-гуляла по славной земле кавказской,
Всему-то я, старая, дивовалася-любовалася,
Нигде нет такого соньца светлого,
Оно светит, как в струнах гусли выигрывают;
Из всех стран — страна прелестная,

Природа из всех природ самая ценная,
Не пропеть мне той роскоши пропеваньицем,
Не рассказать будет рассказаньицем.
Старо времечко прошло-миновалося,
А теперича пришло времечко освобожденное,
Весь народ стали жить — сами хозяева,
Над своей пространной жизнью управители,
Счастье дали-наделили богатыри советские,
Уж как первый-то богатырь Ленин-вождь,
Уж как другой-то богатырь славный Сталин свет.
Они своею силой богатырскою,
Они своею мудростью премудрою
Повыручили народ из неволюшки,
Из жизни прежней, непрожиточной-гибельной.
Во стране во славной прекрасной,
Во городе во кавказском во Гори
Я была на родине вождя нашего
Могучего советского богатыря
Иосифа Виссарионовича славна Сталина.
В краю города стоит домичек,
Малый домичек со окошечками,
Со крылечушком да со перилами,
В этом домичке жил его отец-батюшка,
Отец-батюшка Виссарион свет Иванович,
Его батюшка да был сапожничком,
Зашивал да шил он всяку обувь,
На чужих людей всю жизнь работал он;
В этом домичке жила его да родна матушка,
Родна матушка Катерина Егорьевна,
Пекла хлебы, шила платья разные,
Одеяла стегала да белье стирала,
На людей на чужих всю жизнь работала.
В этом домичке родился да все любимый сын,
Любимый сын да чадо милое,
На имя Иосиф свет, по отечеству Виссарионович.
Я смотрела на тот домичек, где родился он,
Где родился, где качался в колыбелечке,
Где носила на руках его родна матушка,
Где кормила она его грудью материнскою,
Я смотрела на крылечушко, на перила на точеные,
На те ли на ступенечки деревянные,
Где-ка бегало-играло дитя малое,
Дитя малое да очень удалое,

Где звал-кричал своим он голосочком
Свою да родну матушку.
Домичек их был очень скудный,
Жизнь была у них да непрожиточная,
Много-то было родительской заботушки,
Горючих слез много было пролито,
Не было у дитя утех с забавушкой,
Не было у дитя детских игрушечек веселитися.
Красно солнышко стало на ясени,
Оно пекло-то, грело очень горячо,
Дитя младое стало на возрасти,
Ему нужно было ведь обучатися,
Да не имели его родители состояньица.
Отец с матушкой тогда призадумались,
Призадумались да запечалились,
Собрались они делами своими трудливыми,
Приодели-то своего чада милого,
Отправили его в школочку учитися.
Ему ученьице премудрое открылося,
Ему писаньице скорое давалося,
Превзошел науками всех друзей своих,
Его мудрости премудрой все дивовалися,
За его за мудрое ученьице,
За его за скорое образованьице
Назначили ему способие немалое,
Немалое способие, не великое —
Три рубля в месяц пожаловали,
Чтобы кончил он ученьице-образованьице
В состоянии своей жизни бедной.
Я смотрела на ту школочку, где учился он,
Видела его патрет во его младости,
Висит-блестит он на стеночке во школочке,
В этой школочке он читал книги разные,
Книги разные, сказки чудные, волшебные.
Когда уходила-то я из школочки,
Я пошла да поклонилася,
Дети-школьники все да провожали меня,
Учителя тоже распростились и ужахалися,
Что издалека я так приехала.
Мы смотрели по карте на стеночке,
На стеночке во той во школочке:
Где моя да есть ведь родина-деревенька?
Тогда все да сдивовалися:

Уж проехала я чуть не всю страну,
Землю славну нашу Советскую!
Видела я другую школочку-училище
Во том городе во стольно-кавказском,
Где учился дорогой вождь на возрасти,
Где сидел он за занятием,
Где склонял свою мудру голову над книжечкой,
Денечки белые сидел он за ученьицем,
А вечерочки поздние он прохаживал,
Прохаживал да все просматривал:
Как народ живет, как идет вся жизнь?
Меж народом жизнь шла очень плохая,
Задернели поля-пашни плодовые,
Заросли пожни, заросли лесиночками,
Разоряли мужиков князья-бóяра,
Князья-бóяра да помешники,
В горах народ тулился совсем попусту,
На заводах-фабриках ни за что работали,
Свободной, пространной жизни народу не было,
Изгилялись над народом, надсмехалися
Помешники-заводчики да царские опричники.
Денечки белые Сталин сидел за науками,
Ночки темные сидел с народом в рассужденьици,
Как уйти из той жизни погибшей, несправедливой,
Как вести народ к жизни свободной, прожиточной?
Не во гуляньици прошла его молодость,
Не во веселом пированьици со товарищами,
Прошла молодость во заботушках во великих,
Во заботушках во великих, в делах треложных.
Как узнали учителя про поздния хожденьица,
Про речи его про мудрые, про его правду сущую,
Про дела его для народа справедливые,
За то на него да разгневались,
Разгневались да разгрубились,
Рассвирепели будто львы страшные,
Отказали ему да от всякого ученьица,
Выгнали его да вон из училища.
Уж как стал он тут летать по стране кавказской,
По славна кавказской ясным соколом,
А поезживать-то стал добрым молодцем
По тем городам да по деревенькам,
Стал собирать себе дружиночку верную,
Стал собирать народ к восстаньицу великому.

Ездили-прорыскивали опричники царские,
Искали его по утру, утру ранному,
Искали его середь денечка белого,
Искали его середь ночки темной,
Они у каждого выспрашивали-выведывали,
Чтоб найти его да схватить его.
В одну пору, в одно времечко,
По вечеру было по позднему,
По закату соньца красного,
В один домичек зашли урядники,
А на постелечке лежал славный Сталин свет,
Перевязана у него была голова платочком,
Он лежал, будто больной стонал,
Будто больной стонал да помирать хотел.
Увидали урядники, стали спрашивать,
У хозяюшки стали выведывать:
«Какой это у тебя же гость,
С какой стороночки, с какой деревеньки?»
Она же им ответила:
«Незнамый-незнакомый забрел ко мне,
Ничего я не могла от него дознатися,
Наверно скоро помрет же он,
Скоро будет ему кончинушка-преставленьице».
Очень мудра была хозяюшка,
Во всех делах была догадлива,
Во порядочках потаенных обвычная,
Мудро она урядникам ответила,
А они ни о чем не догадалися,
Не догадалися, не дозналися,
Что это был сам великий вождь,
Великий вождь да славный Сталин свет.
А не в долго времечко они схватилися,
Они в тот домичек опять воротилися,
Стали хозяйку снова спрашивать:
«Где больной, который лежал у тебя?
Одна кроватка, а больного нет нигде!»
Она-то им ответила:
«Дела до него мне-ка не было,
Ни о чем у него я не спрашивала,
Я сама думала, что больной он есть,
Больной же есть да помирать готов,
А вдруг вскочил он, убежал от меня,
Только след простыл, только его видела».

Покачали они головами, ни при чем остались,
Руками разводили, что из рук повыпустили,
Искали-ездили да розыскивали,
Да нигде его не поймали.
И летал соколик ясный сокол
По всем сторонам по кавказским,
От Черного от морюшка до Хвалынского,
От Хвалынского морюшка до Черного,
По горам-то он да по долинам,
По городам, по селам, по деревенькам,
Ходил он по рабочим во тайности,
Ходил он по чернопахарям во скрытности,
Обучал народ-людей все ведь к лучшему,
Чтоб порушили народ жизнь старопрежнюю,
А содвигнули бы жизнь ведь новую,
Жизнь ведь новую да саму лучшую.
Недолго ясный сокол летал на волюшке,
На волюшке да на свободушке:
У того ли у морюшка у Черного,
Во том ли во городе в черноморском,
В котором я теперь была,
Нагрянули на него злодеи немилостливые,
Злодеи немилостливые, царские опричники,
Захватили добра молодца в неволюшку,
Засадили его да в темну темницу,
Заключили в злодейку заключенную,
За те ли за замочки за висучие,
За те ли за каравулы за строгие,
Стерегли его день и ночь они,
Не видел он да соньца красного,
Не видел он луны да поднебесной,
Не видел он частых-светлых звездочек.
Как сидел он в темной темнице,
От ученьица он не отставал никак,
Он писал-прописывал скоры грамотки,
Подавал эти грамотки во окошечко,
Во окошечко он да все в решеточку,
В рукописаниях все было прописано,
Как нужно жить да как дела вести.
Разузнали урядники, разгневались,
Доносили царю скоро объявленьице,
Что засажен Сталин в темну темницу,
Куда его да отослать сейчас?

По приказаньицу было отписано,
По повеленьицу было приказано
Отослать-отправить в дальню ссылочку,
В ссылку дальнюю, в страну северную.
Как по осени было все по поздней,
Когда подынулись-то ветры буйные,
Заходили тут да волны страшные,
Расшумелось-разревелось море Хвалынское,
Расшумелось-разревелось море Черное,
Как во ту пору, во то время,
Выводили вождя, славна Сталина,
Славна Сталина, Иосифа свет Виссарионовича,
Как вели-то его под строгим каравулом,
Чтоб отправлять его в ссылку дальнюю,
В ссылку дальнюю, в страну холодную,
Откуда птицы-то улетают прочь,
Чтоб не заморозить своих крылышков,
Своих крылышков, птичьих перышков.
На ногах у него орга́ны железные,
Руки запутаны во цепи тяжелые,
Он стоит – на нем платьице да все не теплое,
Отсылали его без одежды, без обуточки;
Народ-люди все да ужахнулися,
Скидывали одежду с себя, обуточку,
Они давали ему платье теплое приодетися.
Тут сходилися народы да все скоплялися,
Всем хотелось им проститися,
Загораживали путь-дорожечку урядники,
Разбивали они народ да все расталкивали,
Не дозволили они с вождем проститися.
Со улыбочкой возгово́рил тут великий вождь:
«Наше времечко придет, не минуется,
Придет, прикатится счастливый день,
Придет, пробьет веселый час!»
Недолго сидел во ссылке славный Сталин свет,
Своею храбростью очень храброю,
Натурой славной своей геройскою
Такую думушку продумал он:
«Мне не честь будет молодецкая,
Не подвиги славна геройские,
Не при чем мне здесь находитися,
Будто птица поймана сижу в клеточке,
Мне-ка нужно скорее собиратися,

В путь-дорожечку отправлятися!»
Не задержали его замочки висучие,
Не укараулили его слуги царские,
Вылетел ясный сокол на волюшку,
Летел-брел он середь ночки темной,
Шел он, брел снегами белыми, глубокими,
Не боялся он зверя лесного, рыскучего,
Не страшился врага вредного, погубительного;
Летел он через леса, леса темные,
Чрез те ли моря очень глубокие,
Через жидки он летел через болота,
Через тихие летел он ведь заводи,
Через быстрые летел он ведь реченьки,
Долетел до гор до славна кавказскиих.
Он вернулся ко своей ко славной дружиночке,
Начал он снова по городам похаживать,
Начал он снова по деревенькам поезживать,
Стал опять вести дела все по-прежнему:
Как восстать восстаньицем великиим
Против царя-идолища, против князей-бóяр,
Против помешников, против заводчиков?
Из уст его слова золотые неслися,
Руками белыми писал он скоры грамотки,
Он писал, другие пропечатывали
В подземельных в тайных помещеньицах,
В пещерах во глубоких, во подвалах во широких.
Я смотрела помещеньице подземельное,
Это строеньице было мудро устроено:
Ходы тайные были туда да потаенные,
Перелетной птице не залететь туда,
Царским урядникам не пробратися,
Не узнать про то, не догадатися,
Про дела тайные, про очень мудрые,
Какие там свершали герои народные.
Я спускалась по лесенке в подземельице,
Я видела, где стоял у них стол со буквами,
Из этих букв неслась по народу правда сущая
За жизнь за новую, за счастливую.
Красно солнышко светило на небушке,
А у них-то не светило соньце красное,
Будто сидели они в темной темнице,
Каждый час-минуточку остерегалися,
Остерегалися, а дела свои не побрасывали,

Они писали-печатали мудры грамотки,
Не страшились они страшной ужасти,
Не боялись они смерти скорой,
Они вели дела да как ведь следует.
Как из того из подземельного помещеньица
Развевалась вся правда великая
По всем странам по тем кавказскиим.
В том домике над помещеньицем подземельным
Была комнатка в два окошечка,
В ней жила-проживала славна женщина,
Будто за хозяйку жила, за каравульщичка,
За товарища жила она за верного,
Она вместях с героями подземельными думу думала,
Охраняла их от опричников, от урядников,
Подавала она знаки скорые, потаенные:
Первый знак – урядники подходят к ее домику,
Второй знак – все обошлось по-хорошему,
Можно приниматься за работушку подземельную.
Немало прошло, прокатилось времечка,
Три годочка прошло поры-времени,
По весне-то было по прекрасной,
По восходу да соньца красного,
Не черные те вороны слеталися,
Не звери лютые сбегалися,
Царские слуги тут нагрянули,
Со опричниками, со урядниками,
Закричали они да по-звериному,
Зашипели они да по-змеиному,
Никуда от них, от злодеев, не укрытися,
Во темных лесах дремучих прорыскают,
На горах на высоких от них не утулитися,
Доберутся-найдут и в матушке сырой земле.
Как нагрянули они, наехали,
Разбили все, разрушили, приломали,
Засыпали они помещеньице песками желтыми,
Зажигали огонь, пожар делали,
Добрых молодцев захватили в невольюшку,
Заключили их в злодейку заключенную.
С той женщиной, с каравульщицей, я познакомилась,
Познакомилась да поздоровалась,
Она жива еще, видом веселая,
Рассказала она мне про все дела,
Как велись они в ихнем подземельице,

Как она от урядников скрывалася:
Она надела тогда платье черное, сокрытное
И ходила будто монашенка.
Которые из дружинушки были не пойманы
Да на свободушке оставлены,
Они своего дела не забросили,
Состроили они помещеньица подземельные
У того ли у морюшка у Черного,
У того ли у морюшка у Хвалынского
Да писали-печатали опять скоры грамотки.
А всеми делами правил славный Сталин свет,
Во делах во всех он был догадливый,
В обычаях-порядках тайных был настойчивый.
Погубить его хотели злы урядники,
Укоротать хотели его веку долгого,
Лишить хотели его свету белого,
Надсмехалися над ним да изгилялися,
Они хотели, злодеи, его живком сглонуть,
Они хотели, злодеи, его водой залить,
Они хотели заморить его смертью голодною.
Не по-ихнему пало да все хотеньицу,
Не давался мудрый богатырь в руки ихние,
Уж сажали его, злодеи, в темны темницы,
Выходил из темной темницы наш Сталин свет
Будто из какого-нибудь заседаньица,
Со веселой он да со улыбочкой.
Он ходил, опять похаживал по земле кавказской,
Куда пройдет он – тут трава растет,
Тут трава растет, тут ключи пробьют,
Правда справедливая пред ним знаменовалася.
Все работнички заводские да чернопахари
Шли за ним да целой массою,
Уж как был-то он для них вождем верным,
Вождем верным, товарищем неизменным,
Во всех делах для народа первым способщичком.
Не два ясных сокола слеталося,
Не две зорюшки утренних сходилося,
Не две крутых горы содвигалися,
Не красно-то золото с золотом сливалося,
Не чисто серебро с серебром ссыпалося,
Во ту пору, во то давнее времечко
Славный Ленин-вождь со Сталиным сходилися,
Они сходилися да поздоровались,

Поздоровались да познакомились,
Они сделались тогда друзьями верными,
Друзьями верными, товарищами неизменными,
Соглашались они заодно думу думати,
Заодно думу думати да дела вести,
Меж собой вожди заповедь великую поло́жили:
Всю жизнь отдать за права-дела да всенародные.
Все премудрости они народу дали,
Со того Кавказа до самого до Севера
Обучили народ со старого всех до малого,
Чтоб стоять всем за правду сущую,
За жизнь свободную, за пространную.
Как приеду я во свой край во северный
Ко тому ли ко морюшку ко Белому,
Во деревеньку свою в Золотицу,
Встретят меня, будут спрашивать
Все со старого до малого,
Уж слышат они мои речи, задивуются:
«Почему так случилося-приключилося,
Что тебе такое счастье привалилося:
Видела ты славный, прекрасный Кавказ,
Видела народ-людей из разных племеней,
Видела-то родину дорогого вождя Сталина!»
Пропевать я буду, рассказывать
Про все прелести во путях-дорожках,
Про новую жизнь да все про нонешнюю,
Про жизнь пространную и счастливую,
Про счастливую да про таланную,
Пропевать-возвеличивать буду вождя Сталина,
Его справедливые дела, очень мудрые,
Много жить ему да долго здравствовать,
Получить ему за все подви́г победный.

7 (72). Былина о Сталине

Как из той Москвы да белокаменной,
А из-за тех кремлевских стен высокиих,
Отправляется дуродний добрый молодец,
Молодой Иосиф да Виссарионович,
Отправляется он да во чисто поле.
На пое́зде с Лениным совет держал:
А куда ему ехать, куда путь держать.
«Если ехать мне да на южную сторонушку,

Так надежный ведь у нас там атаманушка,
Молодой Климентий да Ефремович
Со своей ли он да армией великою,
Он воюет от Донбасса до Царицына,
Постоит за правду, за отечество.
Если ехать мне под западну сторонушку,
Так надежный есть у нас там атама́нушка,
Молодой Семен там с сотнею буденновской,
Со своей ли он конницей великою,
Ни за что не сдастся в руки неприятелю, –
От того ли города от Умани
Да до той ли до станции до Каст о́рноей
У него дороженька очищена.
Если ехать мне в восточную сторонушку,
Где воюет Фрунзе да с Чапаевым,
Без меня у них там силушки достаточно.
Если ехать мне на северну сторонушку,
Там воюет Антикайнен добрый молодец,
У него там все озера, речки пройдены
От Лодейного до Мурмана».
Говорит ему Ленин таковы слова:
«Ай же ты, Иосиф да Виссарионович,
Поезжай ты в поле биться-ратиться,
А ведь мы с Калининым останемся
Здесь, в Москве мы управлять да в белокаменной,
А не бросить же Москвы да белокаменной,
Безо всякого присмотру трудовой народ,
Чтобы знали кому да подчинилися».
Говорит Михайло да Иванович:
«Ай же ты, дуродний добрый молодец,
Молодой Иосиф да Виссарионович,
Поезжай ты в поле биться-ратиться.
Какова пора, какое времечко,
Не почувствуем в себе мы старости,
Мы подъедем к вам в чисто поле на выручку».
Говорит им Сталин таковы слова:
«Не вернемся до тех пор мы из чиста́ поля́,
Не очистим мы пока да землю русскую,
Землю русскую от неприятелей».
Молодой Иосиф да Виссарионович
А ударил он да по белым рукам
А с товарищем Лениным да Калининым.
Молодой Иосиф да Виссарионович

Выходил на Красну площадь на широкую,
Говорит бойцам он таковы слова:
«Ай, герои вы да нашей земли русскоей,
Земли русскоей да пролетарскоей,
Как идете вы, бойцы, да во чисто́ поле́,
Постоимте-ка мы, братцы, за отечество,
Не дадим в обиду трудовой народ!»
Говорят бойцы да таковы слова:
«Ай же ты, Иосиф да Виссарионович,
А мы с честью едем во чисто́ полё,
Постоим за правду, за отечество,
Только ты, Иосиф да Виссарионович,
Береги себя от пули неприятеля».
Говорит бойцам тут Сталин таковы слова:
«Не такой родился я, чтоб воевать не знал,
Я не в первый раз с винтовкой обращаюся.
Как мы славно отличалися в Октябрьски дни,
А в Октябрьски дни во городе во Питере,
Да во той ли Москве да белокаменной,
Так не страшно мне поехать во чисто́ поле,
С тем ли неприятелем расправиться».
Выходил тут Сталин на широкий двор,
Выходил в конюшню во стоялую,
Выбирает жере́бчика неезжена,
А того ли Бурушку косматого,
Брал коня за поводы шелко́вые,
Выводил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.
На коня покладывает войлучек,
А на войлучек подтягивал подпотничек,
На подпотничек седелышко черкальское,
Да вскочил тут молоде́ц да на добра́ коня,
Да поехал молоде́ц из широка́ двора,
Да из-за тех больших ворот кремлевскиих,
Да из той Москвы да белокаменной.
Из Кремля поехал не воротами,
Да из города поехал не дорожкою.
Его добрый конь да богатырский,
Маленькой Бурушка косматенький,
Проскакал все стены городовые.
Что не молния в чисто́м поле́ просвистнула,
Тут проехал Сталин по чисту́ полю́.
А куда он ехал на добро́м коне,

Да по тем ли городам да с пригородками,
А за ним народ да как трава растет,
Каждый день полки все пополнялися.
Выезжал в раздольице чисто́ поле́,
Сам вскочил на гору на высокую,
Посмотрел в кулак он богатырский
А на ту ли южную сторо́нушку,
Усмотрел под городом Царицыным
Да вдоль ли Дона, Дона тихого,
А стоит там силушки черны́м-черно,
А черны́м-черно́, как че́рна во́рона,
А ведь тех ли продажных шкур деникинских.
Разгорелося сердце у бога́тыря,
У молодого Иосифа Виссарионовича,
А его ли сердце богаты́рское,
Говорит он Бурушке косматому:
«Ай же ты, мой Бурушка косматенький,
А поедем-ка с тобой да под Царицын-град
Да к тому ли Дону, Дону тихому,
А ведь будем мы деникинцев потаптывать».
Сам спускался с той горы высокоей
В тое ли раздольице чисто́ поле́
И со всей армией великоей
И поехал под славный под Царицын-град.
Налетел он вихрем на деникинцев,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
А ведь тую ли силу неприятеля,
Стал копьем колоть да из ружья стрелять,
Из ружья стрелять, рубил он саблей острою.
Сталин силу бьет да под Царицыным.
А он силу бьет, да как траву коси́т,
Да ведь сила в нем не уменьшилася,
А куда ударит — паде́т улицей,
Перевернет саблю — переулочком.
Как ведь в тую ли по́ру, во тое времечко,
Как под тот под славный под Царицын-град
Приезжает Ворошилов из чиста́ поля́
Со своею армией великоей,
Да как начал он деникинцев да поколачивать.
Так ведь эти же дуро́дни добры молодцы
Со своей ли Красной Армией великоей
А ведь бились они да трое суточки,
Не еда́ючи, да не пива́ючи,

Да себе отдóху не даваючи.
На четверты сутки съехались,
Они съехались да поздоровались,
Поздравляют дудруга с успехами.
Они делали сгóвор между собой.
Говорит тут Сталин таковы слова:
«Ай же ты, Климентий да Ефремович,
А поедем-ка теперь мы к Волге-матушке,
А к Волге-матушке, да к Дону тихому, –
Под Царицыным теперь нам делать нечего».
А не раз вспомянут ведь деникинцы
А ведь тую ли схватку под Царицыным.
Припускали кóней богаты́рскиих
А на тую ли Волгу, Волгу-матушку,
Да к тому ли Дону, Дону тихому,
Да на тую ли рать-силу великую,
Да на тую ли силу неприятеля.
Наезжали два дуродних добрых молодца,
Два сильных могучих бога́тыря,
Со своей ли армией великоей,
В пух и прах разбили силу неприятеля.
Эти же дуро́дни добры молодцы
Со своей ли Красной Армией великоей,
И поехали ко городу ко Ро́стову,
А от Ро́стова ко реченьке Кубанско́ей.
И проехали вдоль реченьки Кубанскоей,
Не могли здесь встретить неприятеля.
Повернули кóней богаты́рскиих
Во тое ли во раздольице чисто́ поле́,
Дай вскочили на гору на высокую,
На все четыре на сторонки оглянулися,
Да нигде не видят неприятеля.
Как с-под той ли западной сторонушки
Да мчится с сотнею Семен Михайлович,
А на тую ли гору на высокую,
Они съехались да поздоровались,
О победах меж собою разговор вели.
И брали́ друг друга за белы руки,
Дай спускались с той горы высокоей
Да во тое ли во раздольице чисто́ поле́
И поехали к Москве да белокаменной.
Приезжали в Кремль да на широкий двор,
Они сходят на матушку сыру землю,

Коней отдали пáробкам любимыим,
Сами шли в палаты белокаменны.
На пяту́ для них двери растворялися,
Так тут эти ли дуро́дни добры молодцы
На все четыре сторонки поклоняются,
А товарищу Ленину в особину.
Говорит им Ленин таковы слова:
«Ай же вы, дуро́дни добры молодцы!
Как приехали вы да из чиста́ поля́,
А ведь с той ли по́бедою великоей,
Так проходите-ка за столички дубо́вые,
Да за тее ли скамеечки окольные,
Дай пишите-ка вы грамотки посыльные,
Да всему народу пролетарскому.
Да пишите в города да с пригоро́дками,
Да во тее ли села да с поселками,
Чтобы знали все да на большой Руси,
Что над той ли Москвой да белокаменной,
Да над теми ли над стена́ми над кремлевскими
Да огромно красно знамя развивается,
От такой победы от великоей».
Полетела тут грамотка почётная
От того ли Ленина да Сталина
А по всем по селам да с поселками,
Да по всей ли матушке да по большой Руси,
Все узнали о победе о великоей.
До сих пор герои вспоминаются,
Не забудутся герои веки-пове́ку,
Заслуженную славу много сотен лет.
Дак во тую ли Москву народ съезжается,
Да на Красную площадь собирается.
Как тут Ленин во большой Москве
Заводил почестен пир да пированьице,
Да для сильных могучих бога́тырей
Да для Красной Армии великоей,
Да для всего народа-трудящихся.
Да ведь тем эта былиночка покончилась.

НОВИНЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

8 (73). Разгром Деникина

Как во тую ли каменну Москву,
Каменну Москву да совецкую

Что ль приходит весточка нерадостна,
Нерадостна весточка печальная:
Что ль со той стороны да со полуденной,
От того ли моря Чёрного
Как нагрянула сила вражеска
Под командой злодея Деникина
И при помощи трех стран да буржуазныих,
Страны Англии да и Франции,
Они забрали всю Украину хлебородную,
Взяли теплый Крым и Кавказ, Донбасс,
Донскую область и Кубанскую.
И на том захвате золотопогонники не устоялисе,
А к Москве злодеи продвигалисе,
Заходили в губернию Тульскую.
А в ты поры в тое времячко,
Во той ли да каменной Москве,
У того ли вождя у советского,
У дорогого Владимира Ильича Ленина,
Собиралисе воины советские,
Богатыри сильные, могучие.
Они думают думу да за единое,
Как отстоять им каменну Москву,
От злодеев очистить страну советскую,
От кровавых генералов царскиих,
От бандитов — офицеров золотопогонников,
От белых шаек разбойничьих
И контрреволюционных шпионов внутренних.
Тут поднялся да на резвы́ ноги
Сильный могучий молодец
Богатырь Иосиф свет Виссарионович,
Стал он по палатушкам похаживать,
Стал он кудри свои поглаживать
И усы свои позакручивать,
Стал он трубочку покуривать.
А сам говорит таковы слова:
«Уж вы гой еси, добры молодцы!
Уж вы сильные богатыри советские,
Вы послушайте, что я вам скажу».
И говорят тут все удалы молодцы,
Богатыри сильные советские:
«Ты скажи нам, Иосиф Виссарионович,
Ты скажи нам, свет, да пожалуйста,
Мы послушаем тебя да друга верного!»

И говорит тут Иосиф Виссарионович
Тем богатырям да сильныим,
Удалым молодцам да советскиим:
Вы советские славные воины,
Отвергаю я план Троцкого[1],
А у меня свой план есть намеченный,
Как начать нам наступление,
Нанести удар на Деникина
И на всю его армию злодейскую:
Поведем мы наступление
Что ль по тым ли дорогам по широкиим,
Уж как первою дорожкою Харьковской,
А как другою дорожкою Донбасскою,
И как третьею дорожкою Ростовскою,
Ведь эти дорожки прямоезжие и широкие,
Города-поселки на них богатыя
Теми продуктами, которые нам надобны,
Мы зайдем в Украину и Кавказ Северный
И получим мы поддержку Красной Армии,
Она всем у нас будет обеспечена,
Она духом окрепнет и силою,
И мы заможем расправитце с Деникиным,
Разбить его армию золотопогонную,
Прогнать из Союза Советского».
И тут удалы молодцы сильные богатыри
Они Троцкого план опровергнули,
Они приняли план товарища Сталина,
Того ли Иосифа Виссарионовича,
Они признали план да этот выгодным
Для всего Союза Советского
И для всей для Красной Армии.
И говорят тут молодцы таковы слова
Дорогому вождю Владимиру,
Тому ли свет Ильичу Ленину:
«Ты любимый наш друг и великий вождь,
А поедем мы теперь как во чисто поле
Против злодея Деникина
И по плану товарища Сталина,
Того ли Иосифа свет Виссарионовича,
Мы разобьем злодея Деникина
Со всеми его генералами,
Офицерами его золотопогонниками
И со всей его белой армией».

Тогда ставает на резвы́ ноги
Великий вождь Владимир да свет Ильич
И говорит он таковы слова
Дорогому товарищу Сталину,
Иосифу да свет Виссарионовичу:
«Иосиф свет да Виссарионович,
Отправляйсе-тко ты на поле бранное
Против злодея Деникина,
Возьми ты с собой товарищей,
Советских богатырей могучиих –
Первого могучего богатыря храброго
Того ли Буденного Семена Михайловича[2]
Со всею его конной Красной Армией,
И еще возьми с собой товарища
Орджоникидзе Серго[3], воина храброго,
С коммунистами и с комсомольцами».
И вставали тут витязи советские,
Могучие сильные богатыри,
Храбрые русские воины могучие,
Надевали на себя доспехи военные,
Седлали они добры́х коней
Во тыи ли седёлышка черкасские,
Они на спину кладут потнички,
А на потнички кладут войлочки,
А на войлочки кладут черкасское седёлышко,
Всех подтягивали по двенадцати
Тугих крепких по́дпругов,
А тринадцатый клали
Через хребётну кость
Не для ради красы, а ради крепости,
Чтобы добрые кони с седел не вы́скочили,
Добрых молодцов с коней не выронили.
Подпруги были шелко́вые,
Пряжки у седел красна золота,
У пряжек шпеньки все булатные, –
Тогда шолк не рвётца,
И булат не третца
И пряжки у седел не ржавеют,
А молодцы на конях сидят, не стареют.
И будут молодцы далеко во чистом поле,
И под тем ли Орлом-городом
Они встретили злодея Деникина
С лучшею армией офицерскою.

Тут не два ветра в поле слеталисе,
И не две тучи на небе сходилисе,
А сходилисе и слеталисе
Советский добрый молодец
Сталин свет Виссарионович
Со злодеем со Деникиным.
И закричал тут Иосиф Виссарионович
Он советским голосом богатырскиим
Тому ли злодею Деникину:
«Уходи-ка ты с нашей территории
Со своими офицерами и генералами».
От того ли крику богатырского
Расшаталось войско Деникина,
У многих ружья с рук выпали.
И тут набросились русские воины,
Советские могучие бога́тыри
На тую силу на деникинску.
Они стали силу колоть и рубить.
Не столько воины рубят,
Сколько их добры кони топчут.
И дрогнула армия Деникина,
И назад армия попятилась.
А русские храбры воины сильные,
Богатыри советские могучии
По пятам оне врагов ударили,
Всю армию злодея Деникина,
Занимали они Орёл-город,
И в Воронеже не дали врагу устоятися,
Шкуровские части[4] разбили наголову.
И бежал Деникин, не оглядывался
Он из Харькова и из Киева.
Как в тылу было у злодея Деникина
Вспыхивало восстание за восстанием
Против белой армии злодейскоей,
И тут армия Деникина со всеми генералами,
С генералами и офицерами золотопогонными,
Они к Чорному морю попятились,
Оставили русские славные го́рода,
Царицын, Таганрог, Новочеркас со Ро́стовым.
И тут как в то времячко
Появился на фронте удалый мо́лодец
Ворошилов Клим свет Ефремович;[5]
Он приветствовал дух Красной Армии,

И все тут полки красноармейские
Они еще больше набрались духу советского
И с честью пошли супротив врага,
Чтоб отстоять родину советскую.
И тут еще на врага набросились,
Стали врага рубить и колоть,
Огнем палить и конём топтать.
И подломились тут ножки у Деникина,
Опустились у злодея руки длинные,
И пал он во синё море,
И тут злодею и конец пришол.
Тогда удалы добры молодцы
В каменну Москву возвращалися,
И заводили пир они навéселе
В честь победы над Деникиным,
И на том былина кончается.

9 (74). Как белые Север хотели отнять

А у нас было во Россиюшке,
В одну пору во счастливой час,
Всему миру радость случилася,
Часты звездочки загорелися,
Ясна зорюшка засветилася,
Как у матушки революции
Млада лебедь-свет спородилася.
Еще славная да советская,
Советская да Российская.
Очнулася лебедушка, поздоровалась,
Во-первых, низко всем поклонилася,
Еще славным вождям, трудовым людям,
Трудовым людям принесла она
Жизнь веселую и свободную.
Да не взлюбили ее черны вороны,
Злые коршуны богачи-купцы,
Слуги царские да помещики.
Зажалели они своих теплых гнезд,
Как палат своих белокаменных,
Всех земель, богатств, красна золота.
Они задумали задушить ее
Младу лебедь Советскую Республику,
Порешили вынуть у ей сердце красное,
У рабочих отнять счастье светлое.

* * *

Буря-непогодь подымалася,
Черны вороны все слеталися,
За булатное оружие хваталися,
Они бросались на лебедушку –
На младую Советскую Республику.
Помогал-то им идолище поганое
Еще черный изменщик Троцкий Лев.
Да вступился тут рабочий люд
Со крестьянами за Республику.
Крепко бились они с супостатами,
Этот бой у них шел не день, не два.
Красно солнышко пошло к западу,
Бой пошел на окончание,
У черных воронов когти крепкие,
У красных орлов вожди мудрые,
Да зазвали царские прислужники
На подмогу себе чужи нации
Королей, царей из других земель.
«Помогите нам расправиться
Над младой Республикой Советскою,
Над крестьянами, над рабочими».
Им сулили отдать море Белое
Со зверями со морскими все,
Со славною краснорыбицей.
«Отдадим леса богаты северные
Со зверями со пушными все,
Со куницами, со лисицами,
Со птицами перелетными.
Отделим вам часть земелюшки,
С деревнями, со крестьянами».
Они хотели врагу отдать
Славный Архангельск-град
Со заводами со лесными же,
С пароходами, с ледоколами.

* * *

Чужеземны короли зрадовалися,
Скоро-наскоро все собиралися,
Снарядили суда военные,
Самолеты свои скоролетные.

Туча темная накатилася,
Беляки на нас подымалися;
Подошли к Мурман славну городу,
Выкидывали они флаги торговые,
Зашли в гавань обманом все,
Будто ехали закупать у нас
Товару разного славно-российского.
Сами дальше пошли в море Белое,
Подъезжать стали к городу Архангельску
Призакрыли на себе платье военное,
Они оделись каликами перехожими,
Как гостями переезжими,
Сошли на берег – врагами обернулися.
Как настала тут ночка темная,
Они схватили трудовых людей
Ясных соколов-большевиков.
Они взяли их на поруганьице,
Запутали в путани ременные,
Задергали в арканы во железные,
Посадили их в темну-темницу,
За те ли замочки железные,
За караулы очень строгие,
Развозили на острова пустынные
Во-первых, на остров Мудьюгу,
А потом на остров Иоканьгу.
Посадили в ямы глубокие,
Стали морить смертью голодною,
Мучили работами тяжелыми;
Приказали вычерпать воду из океан-моря,
Песок с места на место перенашивать.
Их стегали прутьями железными,
Палача поставили страшного –
Судакова слугу царского.
Он кричал на них по-звериному,
Он шипел-то все по-змеиному,
У живых глаза выкалывал,
Вырезал из спины тела полосы,
Отрезал уши, на руках пальцы;
Заставлял копать ямы глубокие,
А потом живьем засыпал песком.
Тут засели злые разбойники
С атаманом своим Миллером.
Завели себе пиры великие,

Пировали, гуляли день и ночь.
Во хмелюшечке похвалялися:
«Теперь Север у нас весь в руках,
Хошь водой стопим, хошь огнем спалим».
А садилась тут свора белая
На двинские суда-пароходики,
Разъезжались скоро по всем рекам,
По всем рекам, по всем городам.
Из городов пошли на деревеньки...
На то времячко, на ту пору
Большаков мужиков дома не было.
Кто куда ушел-приразъехался,
Кто на промыслы в море Белое,
Кто ушел в леса за пушным зверем,
Кто во плаванье ушел во далекое.
Подъезжали к деревням беляки поздно вечером,
Начинали пальбу по жилым домам,
Населенье все ужасалося,
По темным лесам разбегалися,
По глубоким погребам скрывалися.
Тут и начали разбойники,
Слуги царские полковники,
Офицеры иноземные
Разорять, обирать трудовых крестьян:
Увозили хлеб, скота резали,
Стариков, молодых ребят забирали в плен.
Девок, жонок молодых позорили,
Заставляли рыть окопы глубокие,
Кто не шол не работал им,
Тем срубали тут буйны головы.
Много было деревень огнем повыжжено.
Много, много людей было погублено.
От голода умирал трудовой народ,
Протекали слез речки быстрые,
Утопали в крови поля широкие.
От тяжелого воздыханьица
Простонала матушка сыра земля.
Полетела тут скоро весточка,
Она птицею перелетною
Горе-горькое кукушицей
Во все стороны света белого,
Что зорят беляки страну Северную.
Долетела весть в каменну Москву

Ко славну вождю свету Ленину,
Ко его другу верному Сталину,
Они стали меж собой думу думати
Как бы Север спасти да врагов прогнать:
«Наши славные орлы красные,
Ворошилов Клим со Буденным-то,
Они уехали по другим фронтам
Разгонять от границ свору черную.
Мы пошлем-ко скорей выручать Север
Удалых ребят Красной Армии».
Пошла грамота скорописчата
К большакам-мужикам славна Севера,
Чтобы шли домой ворочалися,
За свой Север родной посражалися.
Услыхали мужики вести мудрые
Поскорей домой поспешалися,
Увидали дела дома гиблые;
Поля стоптаны, избы сожжены,
Девки, бабы опозорены,
Сыновья все в бои забраны,
Малы деточки беспризорные;
А тут не лютое сердце разгорелося,
Богатырское русское сердце раскипелося,
Могучи плечи сшевелилися,
За охотничьи ружья все тут бралися,
В партизанские дружины собиралися,
С Красной Армией рука об руку
На врагов белых в скорой бой пошли.
Темны лесики пошатилися,
Мать сыра земля потрясалася,
Моря-реки сколыбалися,
Звери лесные разбегалися,
Птицы-пташки разлеталися;
От того ли пару лошадиного,
От того ли от дыму ружейного
Не видать было свету белого,
Будто белой пеленой земля потянута.
Тут не стон стонал,
Да не гам гамел,
Шли кровавые бои под Почегою,
Под деревнями лесной Пинеги,
Как под городом славным Шенкурском,
Под прекрасною Онегою.

Дрались-бились, боролись не день не два.
Вот и зимушка прошла студеная,
Не успевали тела хоронить в земле:
Бела армия была несметная.
Не облететь было ясну соколу,
Не объехать было на добром коне.
Красна Армия с партизанами
Не числом брала — своей смелостью,
Умом-разумом вождя Ленина,
Руководством-советом родного Сталина.
Пошатнулась сила белой армии,
Нападал на нее превеликой страх;
Побежали назад ко Архангельску.
Догоняли их красны соколы.
Прибежали в Архангельск ночью темною,
Не малую шуточку нашутили:
Звери лютые, банды белые
Приkололи заключенных большевиков;
Не схоронили трупы, бросили.
Поскорехонько сами собиралися
В путь дорожечку к себе домой.
В свои страны чужоземные,
Погрузились на судно ледокольное
И покинули страну нашу северну...
Как поехали, заклиналися:
«Нам бы век не бывать в Архангельске,
Не сражаться бы нам с Красной Армией.
Большевики-то — люди сильные,
А вожди у них все премудрые».
Тут очистила Красна Армия
Все дорожечки и деревеньки
От изменников своей родины.
Предала земле тела товарищей,
Замученых белогадами.
Над могилами поставила знаки вечные —
Звезды красные пятиконечные.
Свет лучом от звезд излучается,
Во все стороны разливается,
Кораблям в морях маяком светят,
Во темных лесах огоньком горят,
Самолетам в облаках путь указывают.
Не умрет о героях слава громкая,
Что за родину положили жизнь,

За Республику за Советскую.
Молодым будет на послушаньице,
Старым людям на рассказаньице,
Белу морюшку на тишину,
Кремлю Красному на велику честь,
Дорогим вождям на долгий век!..

10 (75). Былина о северной авантюре

Как в былое время прошлое
Да во нашей во Россеюшке
Всему миру радость случилася,
Как светлая лебедка белая,
Власть советская счастливая.
Да не полюбили власти прекрасной
Богачи-купцы да помещики,
Жалко было им расстаться
Со своими теплыми гнездами.
Они хотели задушить молодую власть,
Жизнь прекрасную, счастливую.
Как в ту пору, в это времячко
Да от той от северной сторонушки
Из стран дальных буржуазных
Да к тому ли городу Мурманскому
Налетела сила неприятельска,
Генерал Миллер кровожадный[1]
Со своими полчищами великими,
С теми наймитами да буржуазными.
Эта мрачна силушка великая
Десяти земель да десяти царей.
Приехал он с большой похвалою,
Он приехал-порасхвастался:
«Мы ограбим всю Карелию
И задушим власть советскую,
А вождю Ленину сломим голову.
У нас оружия полным-полно,
Наша армия крепко принаряжена:
Есть пушки, танки, пулеметушки
Да гранаты, бомбы всевозможные.
И снабжение для армии богатое».
Остановился нахвальщик во Архангельске
Со своею шайкой со разбойничьей;
А погоны у него все позолочены,

Ломпасьями брюки призашитые.
А богачи-купцы как собачки-карлики
Всячески ему угодить стараются.
Стал он грабить трудовой народ,
Людей честныих расстреливать,
Расправил свои когти кровожадные
По всему да нашему Северу.
А мужики-то были все уехавши:
Кто на море Белое на промысел,
Кто охотиться за пушниною.
Как в ту пору, в тое времячко
Налетела скора весточка
Да во ту Москву во белокаменну
Ко дорогому вождю Ленину
Да его другу верному ко Сталину.
Стали они думать думу крепкую,
Чтоб спасти наш Север от своры черноей.
И говорит тут удалый могучий вождь
Ленин свет Владимир Ильич
Могучему богатырю ко Сталину,
Говорит ему да таковы слова:
«Ой же ты, товарищ верный мой,
Иосиф свет Виссарионович,
Мы пошлем-ка выручать Красный Север,
Красный Север да всю Карелию,
Комиссара Павлина Виноградова[2],
Да красных бойцов города Питера
Со красным героем со Терехиным,
Да неустрашимого горца Хаджи Мурата»[3].

И как ясны соколы к полету собиралися,
В боевой поход они да отправлялися
Да ко тому ли фронту вражескому.
Как приходят могучие герои советские,
Бойцы смелые да удалые
Да на тот ли фронт неприятеля,
А там была армия несметная
Силы нагнано черным-черно,
Черным-черно, что черна ворона.
Скоро весточка тут покатилася,
Она летела быстрой птицею
По всем уголкам Карелии.
Всполошились тут мужики Карелии,

Организовали они отряды партизанские
С Красной Армией рука об руку.
И как сине море сбушевалося,
Зашумели леса темные,
Как от урагана гнутся елки высокие –
То загорелись сердца красных бойцов,
И начался тут богатырский бой.
Приударили они по-молодецкому,
По-молодецкому да по-богатырскому,
Не числом они брали, а своей смелостью,
Да умом-разумом вождя Ленина,
Руководством да советом мудрого Сталина.
Стали они силушку помахивать:
Где махнут – там силы улицы,
Отмахнутся – переулочки.
Да от того ли грому богатырского,
Да того ли удара бойцов красныих
Пошатнулась сила белогвардейская,
Все врасплох они поразбежалися,
Как серы зайчики по тропам волчиим
Ко тому ли городу Архангельску.
Видят дело тут совсем неладное,
Как звери лютые разозлилися,
Покололи граждан честныих,
Заключенных большевиков красныих.
И во время ночки темноей
На суда они погрузилися,
Скоро покинули они Карелию.

Погнались за ними красные соколы,
Во Карелии остатки в кольцо прижали,
От того ли удара богатырского
По разным тропам они разбежалися
Во ту ли во фашистскую Финляндию,
Дорогой всех крестьян от злости грабили
И всех лошадушек у крестьян угнали.
Провожали их герои славные,
Очистили они всю Карелию
От той ли своры черноей.
И стали помнить банды белые,
Как угощались они в Карелии.
И воссияло знамя красное
По всем уголкам Карелии.

Честь и слава борцам храбрыим
За стойкость, смелость за геройскую.
И на том былинушка кончается.

11 (76). Из былины про Ворошилова

Как возрос до полна возроста
Ворошилов Клим да сын Ефремович
И как стал удалым добрым молодцем,
Возненавидел он власть царскую.
А как вспыхнула революция,
Взяли власть в руки крестьяне и рабочие,
Землю, фабрики и заводы все.
Стало завидно всей заграничной буржуазии,
Они со всех концов обступили страну советскую:
С юга, с севера и запада.
Тут ведь наш удалый добрый молодец,
Клим сын да свет Ефремович,
Оседлал коня он богатырского,
Полетел он ясным соколом
По своей родной сторонушке.
Он собрал в Луганске дружину крепкую,
Стал справляться, снаряжатися
Со своей дружиной богатырскоей
На защиту своей родины,
Как на тую рать великую,
На германских захватчиков.
Как седлал коня богатырского,
Он войлучки клал на войлучки,
А на войлучки клал потнички,
На потнички клал седельце черкасское.
Стал он надевать на себя доспехи богатырские:
Он надел шинель сукна серого,
Подвязал вокруг себя он саблю острую,
Во чехлы он сунул наганчики,
Он в карманы положил бомбы взрывчаты,
Он оделся, вооружился,
Как выходит тут на широкий двор
И садится он на добра коня.
Как ударил плеточкой шелковой по крутым бедрам,
Его конь-то рассержаетца,
От сырой земли да отделяется,
Конь бежит да во чисто поле,

Что стрела из лука пущена.
Его дружина богатырская,
Обнажив все шашки острые,
Мчатся вслед за Ворошиловым.
Как наехали они на силу вражеску,
Через болота переходики надежные;
Ворошилов, наш удалый, добрый молодец,
Он летел да впереди-то всех,
Он махал ведь саблей острою,
Он махал да на все стороны.
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — с переулками.
Метко он стрелял со своего ружья,
Где надо было, кидал бомбы взрывчаты,
А дружина его храбрая видела в опасности Ворошилова,
Выходила на рукопашный бой да с неприятелем.
Но трудно было удержать полчища неприятельские
С малым отрядом Ворошилову.
Тут стал отступать Клим Ефремович ко Царицыну
С небольшим отрядом, со героями.
Примыкают к нему отряды добровольные шахтеров донецких.
Тут вступил Ворошилов во Царицын-град
Ко товарищу ко Сталину.
На пяту он дверь размахивает,
Говорит да таковы слова:
«Многолетно здраствуй, наше солнышко,
Свет Иосиф сын Виссарионович!
Как идут дела твои военные?» —
«Ах, добро, добро пожаловать,
Свет Климент да сын Ефремович,
А в такое время ратное
Нам такие люди надобны.
Да ты садись, садись, пожалуйста,
Станем думу думать крепкую,
Как бороться нам за революцию
И как разбить казацки полчища
Атамана Миронова, силу вражию,
Их разбить, по чисту полю разогнать,
А еще вывести измену из Царицына».
Разом тут решили оба молодца, —
Сами в бой пошли да во окопушки
Все сражаться с неприятелем,

Из ружей стреляли с ловкой меткостью.
Как удалый добрый молодец,
Клим сын да свет Ефремович
С пулемета он стрелял по неприятелю,
Сам он ездил на разведочки во чисто поле.
Долго бились герои под Царицыном.
Наш удалый добрый молодец
Со своей армией сильною
Он бил врагов, по чисту полю разогнал.
Вот очистили Россию от нашествия белобандитчиков,
Благополучно прибыли в Москву белокаменну,
Пошел тут пир да пированьице
За славную победу Ворошилова,
В честь великих вождей Ленина и Сталина
И за всю армию Советскую.

12 (77). Клим да свет Ефремович

У того ли у моря у славного,
У славного моря у Белого,
На самой на стороночке на северной,
На крутом бережочке, у желтого песку
Сидел добрый молодец Клим Ефремович,
Свет Ефремович Ворошилов млад,
Он сидел да призадумался,
Призадумался, запечалился.
А для него-то, для добра молодца,
Не шумит, не поет да море Белое,
У него на душе тоска-горюшко,
Есть обидушка да великая,
Есть заботушка да немалая;
Не по своему-то приехал он хотеньицу,
А по государеву указу в ссылку дальнюю.
Он во странах жил во летних,
Во степях-то жил во днепровских,
Во работушке, в кузнецах стоял,
В кузнецах стоял, держал молоты,
Он калил-ковал железо булатное,
Чтоб ратовать против порядочков насильничьих,
Против всего того строя поганого,
Чтоб ратовать им за свободушку,
За свободушку-то, за счастье народное.
Тут схватили его, добра молодца,

Те ли слуги царские да урядники,
Засадили Ворошилова в темну темницу,
За те ли за замочки за тяжелые,
Морили его там смертью-голодом,
А из той ли из темной темницы
Да отправили они добра молодца
Как во дальнюю во стороночку
Ко тому ли ко морю ко Белому,
В наши края треложные, студеные.
Клим Ефремович сидит с тоской, горюшком
На крутом на бережочке, у желтого песку,
Глядит-смотрит он на волны морские,
Думу думает про народ про свой,
Как народ спасти, вывести из гибели,
Вывести из гибели, из неволюшки повыручить.
Как летели тут птицы перелетные,
Перелетные птицы, гуси-лебеди,
Из поднебесья к нему они спускалися,
Принесли они ему да скору весточку,
Эта весточка была очень чудная,
Очень чудная да очень мудрая
От вождя великого от Ленина,
Ленин-вождь про все писал да прописывал,
Вызывал к себе он друга верного
На свиданьице да на обсужденьице,
Чтоб решить дела да все народные.
«Ой спасибо вам, гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, птицы вольные,
За то посланьице от вождя Ленина,
Этой весточке я рад-радешенек,
От сердца полного хочу повидатися,
Света мудрого попросить его!»
Но как уйти ему, как уехати
Из ссылки дальней, из страны полуношной?
Стерегут его царские опричники,
Не пускают его на светлу волюшку,
На светлу волюшку, на свободушку.
Денечки белые Ворошилов все продумывал,
Ночки темные Клим Ефремович промысливал,
Как бы свидеться скорей с вождем Лениным.
В одну пору, в одно времечко,
Среди ночки было, среди темной,
Постучался к нему наш молодой рыбак,

Постучался, разбудил его,
Говорил ему да таковы слова:
«Собирайся, Климушка, в путь-дорожечку,
В путь-дорожечку да во дальнюю,
Все во дальнюю, в любо-желанную,
В путь опасный, в потаенный!
У меня есть да лодка малая,
Хошь и малая, да надежная,
Привезу тебя, сохраню от ворогов,
Не возьму с тебя да ни копеечки,
Отблагодаришь меня ты во времени».
На Белом море погодушка великая,
Шумит-то море со дождями, со туманами,
Зверем страшным море вздымается.
В эту ночку страшную да в грозу бурную
Они сели, добры молодцы, в карбас-лодочку,
Ворошилов свет да наш мужик-рыбак,
Понесло их море в путь-дорожечку.
Ай темным-темна туча, туча грозная,
Волны взлетывают поверх карбаса,
Трудно-трудно добрым молодцам боротися,
Приустали их ручки натруженные.
А чтоб не увидала страна царская,
Чтоб не заметили урядники,
Чтоб не схватили царские опричники,
Чтоб не сказнили Ворошилову буйну голову,
Схоронил его рыбак на дне карбаса,
Призакрыл его сетью-неводом.
Плыли-ехали они не одну темну ноченьку,
Как доехали до восхода соньца красного,
До закату-то светла месяца,
Тут дала им погодушка поветерь способную,
Им способную поветерь, уносную,
Карбас по морю да как сокóл летит,
Принесла их та поветерь через окиян-море,
Донесла до тех до стран до норвежских же.
Расставались тут, распрощались добры молодцы,
Воротился рыбак ко морюшку ко Белому,
Ко своим ко сетям да ко рыбачьим,
А Ворошилов Клим свет Ефремович
Через заморские города, через селеньица
Он приехал-то к вождю Ленину.
Как схватилися царские опричники,

Стали сыскивать Ворошилова да разыскивать,
Всю деревеньку пообрыскали,
Все кусточки они да поощупали,
Обошли везде да не нашли его,
А тому, кто найдет Клима Ворошилова,
Посулили, злодеи, чашу чиста золота,
Во-вторых — чашу чиста серебра,
Во-третьих — чашу скатна жемчуга.
Рыбаки-мужики, наши жители,
Улыбаются все, посмехаются:
«Нам не надобно красно золото,
Нам не надобно чисто серебро,
Не возьмем мы у вас и скатна жемчуга!
Вот летели-то гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, птицы перелетные,
Унесли его за окиян-море на крылышках!»
Тут немало-то прошло поры-времени,
Как народ-люди взволновалися,
Как стали-то они боротися за свои права,
За свои права за справедливые,
Возыграла тут наша революция,
Революция, восстаньице народное,
Да как все новы пути-дорожечки
По великой по Россеи стали призадёржаны,
Призадёржаны, врагами загорожены,
Не пройти по ним, не проехати,
Загородили пути-дорожечки енералы с офицерами,
Енералы с офицерами, помешнички да заводчики,
Они хотели задержать права старые,
Права старые, права царские.
Простой народ за битвы принималися,
Пошла тут битва великая, кроволитная,
Против той ли силы белой погани
Поднялась тут славна Красна Армия,
Они схватилися во схваточку боротися.
Не вешняя вода разливается,
Не морская волна да колыбается,
То поганая сила по степям подвигается,
И от того ведь от пару лошадиного
Дак померкла луна поднебесная,
По степям-то ветер пошумливает,
Мурава трава к земле приклоняется,
Выступает против погани Красна гвардия

Из простого народу, из бедных родов,
Все работники заводские да чернопахари.
Ай впереди Красной гвардии сокóл летит,
Ясён сокóл летит, скачет добрый молодец,
Красный богатырь Ворошилов свет,
А и скачет-то он на белом коне,
С ним Буденный Семен, удалой боец,
Удалой боец на вороном коне.
Долго бились, боролись красные богатыри
С силушкой со белой, для народа ненавистною,
Они бились тут, стреляли боем огненным,
Могучи-то плечи да сшевелилися,
Богатырские сердца да растреложились,
Лепета в лице да переменилася,
На праву руку махнут — валилась сила улицей,
На леву-то отмахнут — валилась переулками,
Разметали енералов в разные сторонушки,
Не оставили белой погани на семена.
Наступила жизнь для народу тут счастливая,
Пошла-то жизнь пространная да прожиточная,
Непрожиточной народ сам хозяин стал,
Над своей страной да управителем,
Ай колхозы-то пошли у нас да по-хорошему,
Ай фабрики-заводы пошли да по-приятному,
Ай заводы наши лесные да очень чудные!
Уж ты, вождь ты наш Красной Армии,
Оберегатель ты советской Россиюшки,
На тебя-то вся наша надеюшка,
Надеюшка да оборонушка,
Оборонушка да вся защитушка!
Ты гляди во все стороны во трубочку подзорную,
Чтоб по воздуху птицы хищные не пролетывали,
Чтоб звери рыскучие по земле не пробегивали,
Чтоб гады ползучие не проползли никак
Через наши-то границы советские,
На нашу землю на славную, на родную,
Чтоб не сгубили они жизнь нашу новую,
Нашу новую жизнь, жизнь счастливую.
Красна Армия будь она в готовности
В каждый час, в каждую минуточку
С ворогами повстречатися;
Ворошилов Клим да свет Ефремович,
Будь ты у нас за Илью Муромца, богатыря,

За богатыря да за могучего,
А твой способничек, свет Буденный Семен,
Будь у нас за богатыря за Микулу Селяниновича!
Низкий поклон шлем тебе от моря Белого,
Будь счастлив и долголетный же,
Долго жить тебе да все счастливу быть,
Тебе, дорогой вождь Красной Армии,
Велика-то честь и славушка
Ото всей страны нашей Северной,
Ото всех людей со старого до малого!

13 (78). Былина о Ворошилове

А ведь в том ли году да во семнадцатом
Не осталося у нас да «царя-батюшки»,
«Царя-батюшки» — Николушки кровавого.
Собиралося большое совещание,
Как на этом совещании думу думали:
Как прогнать им колчаковцев да Деникина,
Как расправиться со сворой Балаховича.
Говорит тут Ленин таковы слова:
«Ай же вы, удáлы добры молодцы,
Как прогоним Колчака да мы Деникина,
Не оставим следа батьки Балаховича —
Так построимте города да с пригородкамы,
Так построимте-ка села да с приселками,
Чтобы было чем рабочему утешиться
И над новою постройкой любоватися».
Как ведь в эту ли пору, в тое времячко,
Завязалась схватка не на жизнь — на смерть,
Не на смерть, за жизнь — за землю пролетарскую.
Говорит тут Сталин таковы слова:
«Ай, товарищи вы да трудовой народ,
Трудовой народ да люди все рабочие!
Встаньте грудью на защиту своей родины,
Берегите свою родину, как мать дитя!»
Говорят тут рабочие таковы слова:
«Ай же ты, Иосиф свет Виссарионович!
Не дадим сорвать флаг красный со большой Руси,
Не дадим сорвать мы звезд со стен кремлевских,
Да не дадим в обиду Ленина да Сталина».
Говорит тут Ворошилов таковы слова:
«А поеду я да во чисто полё,

А по-своему я с ними порасправлюся».
Скоро-наскоро он Ленину докладывал
О своей поездке на великий фронт,
Брал с собой он силушку несметную,
И поехал Ворошилов во чистó полё
С теми ли бандитами расправиться.
Как поехал Ворошилов во чисто полё,
А на три дорожки на крестовые,
А на тех ли на дорожках, посреди поля,
А лежал тут камень цвета синего,
А на этом ли ка́мени написано:
«Если прямо ехать, то убиту быть,
Если в леву руку ехать, то богату быть».
И стоит тут наш Климентий, поразду́мался:
«А не хочется теперь да мне женату быть,
Не пора, не время играть свадебки,
Дай не надобно мне одному и золотой казны,
Дай не верю я, что быть убитому».
И поехал дорожкой прямоéзжеей,
Прямоезжей дорожкой к Дону тихому,
К Дону тихому, к Волге-матушке,
Да и проехал Ворошилов с юга к северу,
От востока проехал и до запада.
Со своей ли Красной Армией великоей
Приочистили они да землю русскую,
Землю русскую от всякой нечисти.
А посля таких побед великиих
Получил большое награждение:
А и звание он маршала народного,
Стал командовать он армией великою.
А теперь народ живет-дивуется,
Да на маршала первейшего любуется.
А прошло ведь поры-времечко немного лет.
Как одним ли утречком ранешенько
А вставал наш Климентий да Ефремович,
Поглядел в хрустальное стеколышко
Да на яркое утре́ннее зарево.
И решил он тут поехать во чисто полё,
Пострелять ему хотелось гусей-лебедей,
Серых малых перелетныих утенышей.
Умывается Климентий поскорешенько,
Взял с собой ружье он скорострельное,
Дай заходит во конюшню во стоялую,

Брал коня за повода шелковые,
Заседлал коня, поехал с широка́ двора,
С широка́ двора, да ко синю́ морю́.
Дай проездил молодец по день поры,
А по другой день с утра до пабедья –
Не наехал он на гуся, ни на лебедя,
Да на серого перелетного утенышка.
Повернул коня да во чисто полё,
И поехал обратно по чисту́ полю.
Как завидел Климентий посреди поля́,
Как работают во полюшке колхозники:
Не гнут спинушки они сохою-матушкой,
Да и не льют они пота по старинушке –
Там работают комбайны да все тракторы,
А поля-то все широки – не охватит глаз.
Подъезжает Ворошилов к ним близехонько,
Говорит тут славный маршал таковы слова:
«Здравствуйте-ко, люди вы советские,
А советские да вы стахановцы,
Труд на пользу вам, удалые колхознички.
Расскажите мне, уда́лы добры молодцы,
Добры молодцы, колхозные стахановцы,
Как справляетесь с заданием правительства,
Как на ваших на полях да на колхозных,
Как хлеба растут да как трава цветет,
Много ль нынче урожая вы получите?»
Отвечают тут колхозники да таковы слова:
«Ай-ка ты, Климентий да Ефремович!
Не украсть нам хлеб в склады́ широкие,
А широкие да глубокие,
Не убрать нам сено все в стога высокие –
Столько сена, столько хлеба уродилося».
Говорят колхознички да таковы слова:
«Подойдет пора, тяжело времечко,
Мы поспеем Красной Армии на выручку,
Не дадим разбить да трудовой народ,
Не дадим разбить колхозы да с совхозами,
Да заводы наши, наши фабрики.
Отстоим мы грудью нашу родину».
А от тех ли слов от колхозников
А возрадовалось сердце Ворошилова,
А возрадовалось сердце богатырское.
А на том-то былиночка покончилась.

14 (79). Былина о Буденном

Оседлай ты коня быстроногого,
Полетим мы с тобой да на Тихий Дон,
На советскую степь казацкую,
На колхозов поля вековечные...
Когда Дон блеснет саблей острою,
Мы опустим поводья шелковые
И помчат скакуны нас ретивые
Дальше, к Сал-реке крутобережной.
Как за ней видна степь лазорева,
За той степью лог зеленеется,
Ковыли блестят сединой своей,
И колхозные пашни чернеются.
За курганами богатырскими
Песни слышатся о былых годах,
О пурге войны, о лихих делах,
О победах Семена Буденного...
Так седлай коня, гриву в кольцы свей.
На закат наш путь, полетим скорей!
Край родимый мой в веках славится,
Песни-были там распеваются.

* * *

Как во славной станице во Пла́товской,
Да на том берегу Сала быстрого,
Ночью темною, в степь на кладбище
Собирались удалые добры молодцы,
Казаки-фронтовики все бывалые.
Становились они во единый круг,
Говорили меж собой речи мудрые:
«Как нам быть, как жить по-привольному,
По-привольному, братцы, по-свободному?
Позасела у нас на майданиках
Бела гвардия все кадетская,
Посажала в тюрьму всех товарищей
И велит беднякам в дугу шею гнуть...
А у нас, казаков, шеи крепкие,
От поклонов, гляди, переломятся!»
Как возгово́рит млад ясе́н сокол —
Сам Буденный Семен сын Михайлович:
«Белых три сотни с пулеметами,

А нас семеро со винтовками.
Белых три сотни, есть орудия,
Зато с нами, братцы, трудовой народ,
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна...
Налетай, орлы, с четырех сторон
Да ура кричи и пугай ворон.
Эскадрон шестой, эскадрон седьмой
Каждый так зови — на врага, за мной!
Я к ним в штаб пойду, заберу в полон,
Ты, Васюк, ударь колокольный звон...»

***

Как в сарае большом да во каменном,
Там без малого целых триста душ,
Целых триста душ арестованных
Смерти злой своей дожидаются...
А в поповском дому пир горой идет —
В доме белый штаб помещается.
Они пьют, едят, славят царский трон,
Дон, Хопер, всю Русь хотят взять в полон,
Посадить в Москве царя белого —
Матéрого генерала поседелого.
«Все хамье в расход!» — атаман сказал.
Тут как грянул взрыв, развалился зал.
Богатырь Семен у входных дверей.
«Руки вверх, гнусы, выходи скорей!..»
С колокольни бьет да набатный звон,
Сотни кинулись из станицы вон...
Да не тут было: «Эскадрон, за мной!»
Впереди, сзади слышен страшный вой:
«Эскадрон шестой! Эскадрон седьмой!»
Настежь дверь тюрьмы распахнулася,
Беднота — на плац, на свободушку,
Да к оружию дружно рванулася...
А Семен гремит: «Полк, арш-арш за мной!»
И пошел тут бой, богатырский бой.
В пух и прах разбил беляков Семен,
Взял орудия да пулеметы он.
Спас от смерти всех арестованных,
Да коней им дал сталью кованных.
На плацу костры до утра горят —

Собирает Семен боевой отряд...
Ох, темным-темна ночь февральская,
В степь бежит свора генеральская...

***

Поднималось над станицей солнце ясное,
Осветило эскадрон, знамя красное;
Впереди Семен, в руках острый меч,
За весь мир к нему старик держит речь:
«Исполать тебе, Семен сын Михайлович,
Ты годами здесь помоложе нас,
Да умом, герой, нас от смерти спас,
Захватил весь штаб их с воронами,
Окружил семью эскадронами.
Доверяем тебе мы сынов сейчас
И даем вам всем свой мирской наказ:
Знамя красное да свободы честь
До Царицына надо вам донесть,
Пронести его с громкой славою
Путь-дороженькой нехожалою».
Отвечал Семен: «За родной народ
Партизан лихих поведу вперед.
Слово крепкое: не пойдет Дон вспять,
Не бывать царям на Руси опять!»
И повел в поход богатырь Семен
Партизан вперед, под веселый звон.
Звоном сабельным оглашая дол,
Эскадрон в боях развернулся в полк...
...Шел к Царицыну он с боевым полком,
Полк все рос в пути, будто снежный ком.

***

Как в донской степи да курган стоял,
Под курганом тем партизан лежал,
И коня просил перед смертью он:
«Всем буденновцам отнеси поклон,
Передай ты им, — партизан сказал, —
Не тужу о том, что в степи я пал,
Но Царицына ввек врагам не взять,
Пусть хоть целый год они здесь стоят!»

* * *

То не буйны ветры́ подымалися,
То не тучи черны́ надвигалися,
Надвигалась орда — рать кадетская,
Шла Царицын брать боем-приступом.
Впереди идет лейб-гвардейский полк,
А ведет его генерал злой волк.
Волга-матушка всколыхалася,
Волной грозною разыгралася.
Партизан былых рать кадро́вая
На защиту шла в битву новую.
И Буденный тут, и Щаденко[1] тут,
Приказ Сталина по бригадам шлют.
Ясен-четок был боевой приказ:
«Отступать, друзья, не моги сейчас!»
Приказ Сталина, Ворошилова[2]:
«Не жалеть врага и не миловать,
Выходить дружней на кровавый бой,
Отстоять Царицын да любой ценой!»
То не в бурю Дон плещет волнами,
Как труба гремит речь Буденного:
«Гей, вы, братцы мои, вы, товарищи,
Сослужите народу службу верную,
Станьте грудью здесь, отступать нельзя,
Отстоим Царицын вновь, удальцы-друзья,
Отступать нельзя и не велено,
Отстоим, друзья, дело Ленина,
Дело Ленина, дело Сталина
Марксом ковано, ими спаяно».
И пошли бойцы, трудовой народ —
Город-крепость спасти от лихих невзгод.
То не гром гремит, не гроза грозит,
Не потоки дождя проливаются,
То врагов разит Красна Армия
За Царицын советский сражается.
Как три ворона да на сокола,
Так три корпуса белой гвардии
Налетали на корпус Буденного.
Мать сыра земля колыбалася,
От копыт коней стон в степи стоял,
Наступает враг, белый свет померк
И кругом, как ад, грохот пушечный

И сквозь зной и дым по полям седым
На врага летят ясны соколы,
Впереди Семен, а с ним сто знамен,
У бойцов в руках сабли-молнии.
Бьются день и ночь, бьются ночь и день,
От знамен по степи бежит красна тень.
По полям-полям груды тел лежат,
Не хотят бойцы знать пути назад.
А «Вперед! Ура!» по цепям гремит
Да Семенов конь на врага летит.
Богатырский конь, из ноздрей огонь,
Богатырь седок — новый Муромец...
Сечи нет конца. Вечер вновь настал.
Под Буденным конь на колени пал.
«Ты прости, Казбек, отдыхай в полях,
Плакать некогда — не разгромлен враг!»
Ранен сам Семен третьей пулею:
«О себе самом я не думаю...»
Мимо мчится тут атаманский конь,
Словно лютый зверь, из ноздрей огонь.
На коня взлетел птицей-соколом,
А врагов-то тьма, туча около,
Но сверкает вновь богатырский меч,
Дурьи головы косит с вражьих плеч.
И четвертый раз ранен был Семен,
Сгоряча, со зла, чертыхнулся он.
Богатырь Семен, Илья Муромец,
Дернул черный ус и нахмурился,
А потом вскричал зычным голосом:
«Гнется лютый враг, посмотри — дрожит,
Половина их на земле лежит!
Еще раз дружней, на ура, вперед,
За свободный наш трудовой народ!»
Воздух рвет «ура», вся земля гудит.
«Саблю вон», — комкор на врага летит...
А проклятый враг отступать спешит,
Кто в кусты, кто в яр, а кто в степь бежит.
...Не белá заря занималася,
Не орел с орлом солеталися,
А съезжались, братцы, полки конные
Да из корпуса Семена свет Буденного.
Как возгово́рит млад ясе́н сокол,
Сам Буденный Семен сын Михайлович:

«Как во чистом поле под Царицыном
Отстояли мы знамя красное.
Проливали кровь за родной народ,
А теперь опять мы пойдем вперед!»
Подъезжали вожди Красной Армии,
Ясны соколы да с соколятами,
Впереди же их, как сизой орел,
Сталин славный вождь, разговор повел:
«Ох ты гой еси, млад ясен сокол,
Удалой комкор, Семен Михайлович!
Исполать тебе и твоим бойцам...
Знай, всю конницу поведешь ты сам!
Красным орденом ты украсишь грудь,
Путь к Воронежу — ваш победный путь!»
И пошли полки да дивизии
Богатырские красной конницы.
Их вперед ведет знамя красное,
Правда Ленина — солнце ясное,
И горит звезда с серпом-молотом,
А на вражьих плечах блекнет золото.

***

Как в просторах было нашей родины,
Там три речушки думу думали,
Думу думали — разговор вели,
В океан-море грусть-тоску несли.
Река первая — Волга-матушка,
Вековечная мать-кормилица;
Был второй рекой Дон наш батюшка,
Славный Тихий Дон свет Иванович;
Река третья была Кубань быстрая,
Кубань быстрая, говорливая,
Она первое слово молвила:
«Казаков мне жаль, своих детушек,
Голытьбу мне жаль разудалую:
На твоих степях, родной братец Дон,
Пало много их смертью лютою,
Смертью лютою от лихих господ —
Атаманов злых с генералами».
Закручинился Дон Иванович
И в ответ свое слово вымолвил:
«Ты, Кубань сестра разродимая,

Помутился я сверху донизу:
И моих детей много спать легло
Непробудным сном на степи родной,
Под курганами и ракитами,
Под родимыми под калинами.
Улеглися спать непробудным сном
За народную волю вольную,
За свою ли власть за советскую,
За великую правду Ленина.
Убивали их братья-каины,
Те, что с барами были спаяны,
Те, что Разина[3] и Емелюшку[4]
Смелых соколов барам выдали;
Что Булавина[5] злой изменою
Навели на смерть от своей руки;
Что Некрасова[6] буйну голову
Во чужой земле жить заставили...
Беспокоюсь я, огорчаюся,
Злой измены вновь опасаюся!»
Как возго́ворит Волга-матушка,
В берега волной ударяючись:
«Как на небе есть солнце ясное,
На земле-то есть правда красная,
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна!
Не погибнет вновь трудовой народ —
Ленин Сталина к нашим детям шлет.
Не погибнуть вновь им от каина,
Коль вперед их ведет воля Сталина!»
...Над землей взошло солнце ясное,
Развернулось в степи знамя красное.
Это конники на кадетов шли,
И три ре́чушки им привет несли.

***

На Хопре было славной ре́чушке,
На шляху было на воронежском,
Наши конники думу думали,
Думу думали, разговор вели
Все про Конную про армеюшку,
Про сизо́го орла, про Буденного.
...Пишет Мамонтов[7] да Буденному,

Пишет грамоту генеральскую:
«Ты куда ведешь казаков донских,
Казаков донских да с хоперскими,
С мужиками вместях ставропольскими?
У меня полки офицерские,
Закаленные, обученные...
Я надеюся на лейб-гвардию,
Да на те ль полки атаманские,
Полки Маркова[8], Алексеева[9],
На шкуровские[10] на дивизии,
Всё донские, гребенские, закубанские...
У меня сильны батареюшки,
Батареюшки всё аглицкие,
А в них пушечки скорострельные,
Скорострельные, дальнобойные...
Я надеюся на Деникина[11]
Да на армию его белую,
Белу армию Добровольную!..
На кого ж, Буденный, ты надеешься?
Ты куда ведешь голытьбу свою,
Голытьбу свою неразумную,
Неразумную, неученую?..
Иль надеешься ты на Троцкого[12],
Да на штаб его, на приказ его,
На приказ его, мной составленный,
Мной составленный, им подписанный?»
Отвечал Семен тому Мамонту,
Тому коршуну чернокрылому:
«Нет! Надеюся я на Ленина,
На его, вождя, правду верную,
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна!
А еще, скажу, я надеюся
На помощника его Сталина,
На его, вождя, светлу голову,
На его приказ, верный сталинский.
А на Троцкого не надеюсь я:
Троцкий с барами обнимается,
А над нами он изгаляется.
Да предать он нас собирается.
Напрямик велит на Кубань итить,
Через Дон – гнездо да осиное,
Через крепи те, чрез кадетские...
А сизой орел, мудрый Сталин наш,

Свой разумный нам передал приказ,
Мы пойдем в обход, да ударим вас,
Разобьем орду, тучу черную.
Мы возьмем Донбасс, мы возьмем Ростов,
Возьмем с бою все ваши крепости...
Вот на что, скажу, я надеюся,
Вот о чем сейчас я кумекаю...
А еще, скажу, я надеюся
Да на славного Ворошилова,
Побратима маво, ясна сокола,
Маво старшего сотоварища,
Да надеюсь я на родной народ,
На родной народ, на работный люд,
На своих надеюсь удалых бойцов,
Удалых бойцов, славных конников!»
...И пошли бойцы наши конные,
Вся армеюшка шла Буденного,
На Воронеж шла, на Касторную
Выполнять приказ мудрый сталинский.
Под Воронежем, под Касторною
Богатырский бой день и ночь кипел,
Тучей шли на нас банды белые,
Банды белые офицерские...
Да не гнулась вспять наша Конная,
Наша Конная, братцы, армия.
Впереди Семен, в руках острый меч,
Дурьи головы косит с вражьих плеч.
Ворошилов с ним, и Щаденко с ним,
И комбриг лихой, славный Колесов...[13]
Как огни горят сабли острые
Адамантами* украшéнные...

***

То не два орла солеталися,
Да вступали в бой, богатырский бой,
То зверь Мамонтов на Буденного
Налетал, сам-друг, с саблей острою:
У него-то конь, словно лютый змей.
Изо рта огонь, в ноздри полымя.
У него меж плеч пятьдесят вершков,
У него-то вес двадцать пять пудов.

* Драгоценные камни.

Он зовет-кричит, как труба гремит,
Он Буденному говорит-грозит:
«Выходи, храбрец, на открытый бой,
Переведаюсь я, сам-друг, с тобой!»
Богатырь Семен, Илья Муромец,
Дернул черный ус, и нахмурился,
И вскричал своим зычным голосом,
Так что мать-земля всколыбалася:
«Принимаю бой, да держися, гнус,
Не таких я с коней опрокидывал!»
Под Буденным конь, как могучий лев,
Грива кольцами, да трубою хвост,
Дугой шеюшка лебединая.
От копыт коня стон в степи стоит,
Как прирос к седлу, наш Семен сидит,
Говорит коню: «Ну, болючий* мой,
Постоим в бою за народ родной!»
Как на всем скаку кони стукнулись,
Они стукнулись крепко грудью в грудь,
Из ноздрей у них кровь закапала,
Кровь закапала на холодный снег,
На широкую шлях-дороженьку...
А клинки бойцов как скрестилися,
Искры-молнии порассыпались.
Да никто из двух не погнулся вспять.
Разминулися да сошлись опять.
Да сошлись опять на кровавый бой,
На кровавый бой, богатырский бой.
Стон в степи стоит, снег водой бежит,
Гнется мать-земля под копытами.
А клинки блестят, а клинки гремят,
Искры-молнии рассыпаются.
Тяжела рука генеральская,
Да крепка рука и Буденного,
Адамантом меч, как звезда горит,
Он над Мамонтом кружит молнией.
Размахнул Семен, приуправился,
Да и дал с левши, что есть силушки,
По булатному клинку Мамонта.
Как живой запел, зазвенел клинок,
Зазвенел клинок да и вырвался,

* Любимый до боли.

Полетел он в степь ширкопыткою*,
И далече пал на холодный снег,
На широкую шлях-дороженьку.
Повернул коня-змея Мамонтов
И ударился на Касторную,
На Касторную, по степям-ярам,
А за ним-то вся его армия...
А Буденный вслед за ним гонится,
Да по заду бьет генеральскому,
Плáшмя шлепает, как дубиною,
Как дубиною, шелыжиною**,
Как вязовою чекмариною***;
Да в догон врагу приговаривает:
«Уноси, кабан, ты свой толстый зад,
Уноси башку ты неённую****;
Да скажи-ка всем ты своим друзьям
Так Ростов возьму, как Касторную!»
...Бела армия тут испужалася,
Вслед за Мамонтом разбежалася,
По широким степям Дона Тихого,
По ростовским полям, шлях-дороженькам.
А за нею вослед разносилося,
Что Буденный идет с Конной армией.
Поднималися тут внуки Разина,
Казаки-бедняки разудалые;
Выгоняли они белу гвардию
Из своих станиц, хуторов степных;
Шли к Буденному бойцы новые,
Казаки, крестьяне да работный люд.
И победы песнь по родной степи
Пели конники на своем пути,
Ах, вы, братцы мои, вы, буденновцы,
Вы, друзья мои, славны конники,
Ну-ка, вспомним мы нашу молодость
Да припомним все те походушки,
Те сражения богатырские,
Что вели за власть за советскую,
За свободушку за народную...

---

* Бешеным карьером, сломя голову.
** От «шелепуга» – палка, употребляемая вместо плети.
*** Дубина с утолщением на конце.
**** Безмозглая, бестолковая.

В дни морозные взяли мы Ростов,
Уничтожили Коновалова,
Крыжановского и Гусельщика,
Разгромили в прах полки Павлова[14]
И добили вконец зверя Мамонта.
Истребили мы, братцы, белых конников,
В спину вбили им кол осиновый.
Завершили путь и вошли в Майкоп,
Пополам разбив вражьи полчища...
Самый дальний путь — круговой маршрут
Был прямою дорогой к победушке.
Хоть теперь у нас седина в висках,
Но кипит в нас кровь молодецкая,
Грудь Буденного в орденах горит,
Ворошилов наш смотрит соколом,
А великий вождь, наш сизой орел,
Славный Сталин наш крепко в руки взял
Боевой штандарт — знамя Ленина.
Как о днях былых песен нам не петь,
Наша славушка будет век греметь.

***

Под Бенди́ном было́ польским городом.
Добрый мо́лодец, свет буденновец.
Он с конем своим, другом верным,
Другом верным разговор завел:
«Ты, товарищ мой, боевой мой друг,
Жеребенком я все кохал тебя,
В Бузулуке, в Хопре я купал тебя.
На Подхимском бугре объезжал тебя.
А потом с тобой на действительной
Мы служили в полку во четырнадцатом,
В этом самом Бенди́не — польском городе.
А потом с тобой на Карпаты шли
По приказу царя мы кровавого,
А теперь, мой друг, за родной народ,
За родную власть за советскую
Мы в поход пошли на семь тысяч верст,
На семь тысяч верст с половиною...
Ты носил меня в бои жаркие,
В бои жаркие с белой гвардией;

Из Майкопа мчал ты сюда меня,
На великий бой с польской шляхтою,
Из кольца панов уносил меня,
Своих быстрых ног не жалеючи.
Что ж теперь, скажи, ты, мой добрый конь,
Опустил свою ты головушку,
На широкий шлях на дороженьку,
На сырую землю, землю польскую!
Ты прости меня, мой болючий друг,
Не давал я тебе сроку-отдыху,
По сто верст день и ночь ты скакал, мой конь,
Не поен, не мыт, плохо кормленный.
Подломились твои резвы ноженьки,
Умираешь здесь на чужой земле,
На бендинской чужой шлях-дороженьке!
Скоро будет мир, война кончится,
По домам пойдут бойцы красные,
На Хопер, на Дон, на родную Русь,
Будут песни петь про победушку.
Уж как все друзья на своих конях,
На своих конях домой вернутся,
А меня спросит родный батюшка,
Спросит батюшка, спросит матушка,
Еще спросит меня молода жена:
"Ты куда девал коня верного,
Коня верного, батей данного?
Не сберег коня, загубил коня,
Строевого коня быстроногого...
Где же честь твоя, честь казацкая,
Так ли ты блюдешь все обычаи?"
Что отвечу я грозну батюшке?
Что отвечу тогда милой матушке?
Что скажу своей молодой жене?»
Приподнялся конь, строевой скакун,
Выгнул шеюшку лебединую,
Ноги выпрямил свои резвые
И в ответ свое слово вымолвил:
«Не кручинься, хозяин, не печалуйся,
Оботри глаза свои ясные,
Осуши слезу ты горючую:
За свободушку, за родной народ,
Куда хошь тебя понесу в поход.
Соберу я всю свою силушку,

Да воспомню я свою молодость –
Свою молодость, скачку резвую.
Не умру я здесь на чужбинушке,
Не сложу я здесь кости белые,
На сторонушку разродимую
Я вернусь с тобой, на Хопер домой...
А придет пора – на родной песок,
На родной песок склоню голову...
Ты в Хопре тогда искупай меня,
Бузулуцкой водой ты напой меня,
А умру – зарой на Подхимском бугре,
На Подхимском бугре над станицею!..»

***

Получили мы вести новые,
Вести новые да невеселые:
Не Горыныч-змей поднял голову –
Полки Врангеля[15] лезут черные.
Лезут черные да упорные
На советскую нашу родину.
Как из тех земель из Таврических
Осы-шершени разлетаются,
Разлетаются да надвигаются –
В тыл ударить нам собираются.
В ночь осеннюю, ночку темную
Выступали мы в путь-дороженьку,
Путь-дороженька не торнёшенька –
Разбить Врангеля тяжелешенько.
Но Семен сказал слово крепкое,
Слово крепкое командирское:
«Змей-Горыныча надо нам разбить,
Отстоять, друзья, правду Ленина;
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна!»
Эх, помчались мы, полетели мы,
Полетели мы в битву новую.
У Каховки мы как ударили,
Разорвали фронт, тучу черную,
Положили тьму офицерских тел,
Как под станцией под Касторною
Прорвались мы в тыл белой армии,

Разыгралась кровь молодецкая.
Под Рождественской, под Отрадою
Окружили нас вражьи полчища;
Да не в добрый час они вышли в бой –
Много их легло на земле сырой,
Затоптали их полки конные,
Расклевали их черны вороны:
А остатки в Крым откатилися,
Да за колючкою укрепилися.
Перекоп, Юшунь и Чонгарский мост –
Крепь природная, крепь последняя.
Пулеметы их в десять ряд стоят,
День и ночь гремит артиллерия,
Сверху сеет смерть авиация,
За валами ждет кавалерия.
Как мы бились за Чонгарский мост
Потряслась сама земля-матушка,
Звезды частые с неба падали,
А в реках вода поднималась вспять.
Как в аду кипел рукопашный бой,
Кровь лилась рекой, топли лошади.
Но вперед мы шли, позабывши страх,
Позабыв свои раны тяжкие,
В ночь Октябрьскую перешли Сиваш,
Ворвалися в Крым – в гнездо шéршеней.
Ах, как в том бою пали тысячи,
Жизнь окончили молодецкую
За родной народ, за работный люд,
За родную власть – за советскую.
Имена бойцов будут век греметь,
Внуки, правнуки будут песни петь,
Как разбили мы, разгромили мы
Змей-Горыныча – злого Врангеля,
Положили всю его армию
Да на тех горах на Таврических,
А остатки, сор – в море Черное,
В море Черное опрокинули.

***

Здравствуй, батюшка, славный Тихий Дон,
Свет, кормилец наш, Дон Иванович!

Здравствуй, Волга-река, наша матушка,
Река русская да величавая!
Здравствуй ты, Кубань, река быстрая,
Река быстрая да говорливая!
И Хопер, и Сал, и Медведица,
И родная степь ставропольская!
Принимайте вы своих детушек,
Своих детушек, славных конников.
Вы поздравьте нас да с победами,
Да с победами со великими.
Знамя красное мы прославили,
Свое дело мы честно справили.
Взволновалися реки русские,
В берега волной ударяючись,
Дорогих гостей с честью встретили.

***

Прогремели дни боевой грозы,
И свободный Дон тишиной цветет,
Тишиной цветет, песнь волной несет
Он про конницу про Буденного.
Поднимись ты наш, Ленин-батюшка,
Ты открой свои очи ясные,
Посмотри, как мы хорошо живем,
Песнь о Родине о своей поем.
Нас вперед ведет воля Сталина,
Светит солнышко — правда Ленина;
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна.
Если ж грянут дни боевой грозы,
Полетим, как вихрь, на конях лихих
Под знаменами Ворошилова,
Под знаменами мы Буденного.
Прогремят опять да по всей земле
Красной Армии полки конные.
Будет их вести воля Сталина,
Будет им светить правда Ленина,
Правда Ленина, правда Сталина
Марксом кована, ими спаяна!

15 (80). Василий Чапаев

Как во славном городе Балакове-городе,
На великой на реке, на Волге-матушке,
Жил-работал крестьянин Иван Иванович.
А прозваньем он был Чапаев сын.
И за всю за жизнь свою работную
Не нажил он себе палат каменных,
Не нажил он себе золотой казны.
А нажил себе он долю горькую,
Долю горькую, долю рабочую.
Он работал целый день с утра до вечера,
Гнул он спинушку свою да молодецкую.
Вот прожил он сорок лет без малого,
И родился у него сыночек первенький,
Первенький сыночек долгожданненький.
Как возрадовался тут Иван Иванович,
Он созвал к себе гостей да именитых,
Чтоб отпраздновать рожденье сына первого
По старинному обычаю отцовскому.
И нейдут к нему же гости званые,
Угощенья не хотят они крестьянского,
А где взять Ивану браги хмельные,
А где взять ему блюда заморские...
Закручинился Иваныч, запечалился,
И пошел он прямо в поле чистое,
В поле чистое, во степь широкую –
Поискать себе гостей для праздничка.
Видит он: идут навстречу три странника.
Поклонился он им низко до земли.
И возговорили тут три странника:
«Ой, ты, ой, ты, добрый молодец,
Отчего-то ты кручинишься-печалишься?
Аль беда тебе какая приключилася?
Аль напала на тебя печаль-заботушка?»
Рассказал тогда им добрый молодец,
Добрый молодец, Иван Иванович,
Про свою печаль-кручинушку,
Как родился у него да первой сын,
Что приглашены им гости именитые,
Не хотят они с ним праздник праздновать,
Оттого, что нечем гостей потчевать
По старинному обычаю отцовскому.

Отвечают ему странники убогие:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодец,
Уж поможем твоему мы горю горькому,
Пригласи ты нас троих к себе отпраздновать
Сына первого любимого рождение».
Как возрадовался тут Иван Иванович,
В гости он просил к себе трех странников,
Угощал он их одним лишь горьким хлебушком,
А и потчевал водицею студеною.
Как откушали все трое гости званые,
Поклонилися хозяину радушному
И промолвили такое слово дивное:
«Исполать тебе, хозяин добрый молодец,
Что от сердца от всего ты нас здесь потчевал,
И прими от нас, от трех от странников,
Ты подарочек для сына для любимого.
А от первого прими любовь народную,
От второго — удаль молодецкую,
А от третьего — смерть храбрую, горóдскую.
Сына назови своего ты Васенькой,
Васенькой, Василием свет Иванычем».
А спросил их тут Иван Иванович:
«А скажите вы мне, страннички убогие,
Как вас звать, как величать прикажете,
Чтобы знать, кому спасибо сказывать?»
Отвечает ему первый странничек:
«А зовут меня все люди добрые
Пугачевым атаманом Емельянушкой,
А другого моего товарища
Атаманом свет Степаном Тимофеичем,
А и третьего мово товарища
Величают Ермаком свет Тимофеичем».
Тут три старца ему в ноги поклонилися,
Поклонилися — и словно их и не было.
То не белая береза к земле клонится,
Не серой туман по полю расстилается.
Расстилается сын да перед батюшкой,
Просит он себе благословеньице
Ехать в дальнюю сторонушку,
Посмотреть по всей Руси великой,
Как живет-работает рабочий люд,
Как в деревне брат-мужик крестьянствует,
Всюду ль жисть ему не жисть, а горе горькое;

Он повсюду ль с утра до полуночи
Целый день работает и мается,
Зарабатывает в сутки корку черствую,
Отдает пот, кровь злодею лютому,
Лютому злодею да помещику,
А еще попу-то долгогривому,
А еще царю — злодею лютому.
Отпускает сына родной батюшка,
Добра молодца Василия Иваныча.
И пошел громить лихих разбойников,
Лютых врагов всея Руси великой,
Всей Руси крестьянской да рабочей.
Всех громил, громил до последнего,
Изничтожил силы колчаковские,
Он побил войска чехословацкие...
И вздохнула легче грудь рабочая,
И вздохнула легче грудь крестьянская.
Призадумались злодеи, люты вороги,
Генералы, казаки белогвардейские,
Как осилить им богатыря крестьянского,
Взять в полон Василькюшку Чапаева.
Как на самом берегу Урала-батюшки,
Возле самого Фордоса, возле Лбищева,
Разместилася застава богатырская,
А в заставе атаман Чапай с дружиною,
С дружинушкой своей да с хороброю.
Никому мимо заставы не проехати,
Ни злодею-генералу, люту ворогу,
Ни казаку белогвардейскому.
Вот спустилась-опустилась ночка темная,
Опустилась ночка темная, дремотная,
Крепко спит Чапай Василь Иванович
Во своем шатре да атаманинном,
Спит и вся дружинушка хоробрая.
И не слышат, и не чуют добры молодцы,
Что настала ночь последняя.

16 (81). Былина о Чапаеве

Как на славной матушке да на большой Руси
Нарождалось чадо, чадо милое,
Чадо милое да ведь любимое —
Молодой Чапай Василий сын Иванович,

Молодой Василий да Иванович.
А во время своего да возрастания
Много видел он да горькой участи,
Горькой участи от недостаточков родителей.
Он возрос до полного до возраста,
Захотелося Чапаю много мудростей:
Рыбой-щукою нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.
Услыхал Василий про невзгодушку,
Что с под той ли западной сторонушки,
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
А ведь в том году да в восемнадцатом
Перешли границу неприятели,
А со всех сторон да свету белого,
Точно черные во́роны, посыпались
А на тое ли государство пролетарское.
Разгорелося сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:
«А не может быть, чтоб трудовой народ
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним издевалися,
Издевалися да надсмехалися».
Говорит Василий таковы слова:
«А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю».
Одевается Василий, снаряжается:
Одевает одежицу военную,
А военную одежу зелена сукна.
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Карабинку брал пятизарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых;
С родной матушкой прощается.
Говорит Василью родна матушка:
«Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Василий свет Иванович,
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждать тебя да когда поджидать,
Да когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит Василий таковы слова:

«Ай же, свет моя ты родна матушка,
Первых три году ты прожди за меня,
Других три году ты прожди меня
Да ведь пройдет пор-времечки всех шесть годов,
Прибежит мой конь да из чиста поля,
Из чиста поля да без наездничка —
Так тогда, моя ты родна матушка,
Не покинь моих да малых детушек,
А я еду в поле биться-ратиться,
Постоять за правду, за отечество,
Защищать я еду землю пролетарскую.
Не вернусь я если из чиста поля,
Не забудет власть Советов моих детушек,
Помочь даст до полного до возраста».
Молодой Василий да Иванович
Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирает жеребчика неезжена;
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-изскоро седлал да закольчуживал,
На коня покладывает войлучек,
А на войлучек покладывает подпотничек,
На подпотничек седелышко черкальское.
Заседлал тут молодец добра коня,
И поехал молодец из широка двора,
А его ли мать да малы детушки
Со слезами на глазах да оставалися.
Молодой Василий да Иванович —
Повернул коня он на широкий двор,
Подъезжает он да к родной матушке,
Крепко руку жмет он родной матушке,
Обнимает своих да малых детушек,
На прощанье детушкам наказывал:
«Ай же, малые, мои вы вьюнишки,
Как возрастете вы до полного до возраста,
Станьте верными бойцами во чистом поле,
Защищайте землю вы советскую».
Молодой Василий да Иванович —
Повернул он своего добра коня
А с того ль двора, двора широкого
Да во тое ли раздольице чисто поле.
Со двора он ехал не воротами,

А из города он ехал не дорогою
Со своею сотнею Чапаевской,
И поехал ко городу к Уральскому.
Подъезжает ко городу к Уральскому,
Нагоняет он Фрунзе[1] да во чистом поле.
Они съехались да поздоровались,
Они делали сговор между собой,
Как им силушки расставить по фронтам везде.
Говорит ему Фрунзе таковы слова:
«Ай же ты, Василий свет Иванович,
А ведь быть тебе да атаманушком
Да над той ли армией великой».
Говорит Чапаев таковы слова:
«Ай же ты, Михайла да Васильевич,
Зря не сдамся в руки неприятелю,
Я не дам в обиду трудовой народ,
Трудовой народ да армию великую».
Разъезжались каждый по своим фронтам —
А ведь Фрунзе едет тут да ко Царицыну,
А Чапаев поехал ко Уральскому.
Приезжает Фрунзе во Царицын-град,
Прямо едет к штабу на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в палаты белокаменны,
На пяту он двери поразмахивал,
А он низко всем да поклоняется,
Да товарищу Сталину в особину.
«Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович,
А я был сегодня во чистом поле,
А я видел во чистом поле Чапаева,
Он поехал биться ко Уральскому,
Я поехал биться да ко Царицыну».
Говорит ему Сталин таковы слова:
«Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич, —
Как поехали с Москвы мы белокаменной
На поезде Ленин нам наказывал:
“Вы богатыри земли советской,
Земли русскоей да пролетарскоей”,
Постоять велел за правду за отечество,
Не велел давать в обиду трудовой народ.
Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
А мы будем биться под Царицыном
Да очистим как ведь мы да землю русскую,

Не дадим в обиду трудовой народ».
Молодой Василий да Иванович
Подъезжает ко городу к Уральскому.
Как под тем под городом Уральским
Нагнано там силы неприятельской,
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как ворона черна,
Хочут честных мужичков всех повырубить
Да во том ли городе Уральскоем,
Тая ли сила неприятельска.
Разгорелося сердце у богатыря
У молодого Василия Чапаева,
Закричал Чапаев громким голосом:
«Ай же, братцы мои да вы товарищи,
Колотили с вами мы Деникина[2],
Не давали мы пощады и Юденичу[3],
А Юденичу да Балаховичу[4].
Не оставимте в живых колчаковских банд![5]»
И пошла пальба тут по всем фронтам.
Сам Чапаев ясным соколом
Он летал от юга до севера,
Из ружья стрелял, рубил он саблей острою
Со своей ли армией великой,
А он силу бьет да неприятеля,
Да он силу бьет да как траву косит,
А ведь сила в нем не уменьшилась.
Он копьем колол да из ружья стрелял,
Он врагов рубил саблей острою,
А куда ударит — падет улица,
Повернет саблю — переулочки.
А ведь в ту ли пору, в тое времечко
Ко тому ли славному Чапаеву,
Подъезжал Фурманов[6] из чиста поля,
Из чиста поля к Чапаю в подкрепление.
Молодой Василий да Иванович
Подъезжал ко реченьке ко Белоей,
Усмотрел на северном бережке,
И там было силушки черным-черно,
А ведь вся-то сила неприятеля.
Молодой Василий да Иванович
Со своей он конницей великоей
Вплавь да через речку на них бросились,
А к тому ли северному бережку

Точно ясные соколы слеталися
Да на тую ли силу неприятеля,
Поклевали колчаковцев да деникинцев.
Крики, плачи раздавались колчаковские
Перед славною сотнею Чапаева.
У того ли Колчака да у Деникина
А ведь силы стало мало ставиться.
Испугались колчаковцы да деникинцы
И в бегах начали остреливать.
Так ведь в эту ли пору, в это времечко
А одна ли пуля неприятельска
Врылась в тело во Чапаева.
Молодой Василий да Иванович
Не почувствовал в себе ранения,
Его добрый конь да богатырский
Он не дрогнул от удара от великого,
Еще пуще по полю поскакивал.
Молодой Василий да Иванович
Он летал по полю ясным соколом
Со своей ли армией великоей;
За его отвагу героическу
Получил большое награждение,
От своей ли славной власти пролетарской
Получил он орден Красна Знамени,
А и тут его сердце да не утешилось,
От такого подарочка великого
Еще пуще сердце разгоралося
У молодого Василия да Ивановича:
Со своей ли да доброй Красной армией
Еще пуще дрался за отечество.
А в одну ли ночку, ночку темную
Крепко спали бойцы да во белых шатрах
После боя, драки, кроволития,
А ведь в тую ли пору, в тое времечко
Налетала сила неприятеля,
Налетала тучей черных воронов.
Да ведь эти ли во́роны рассыпались
А над славными героями над спящими.
Как проснулись от стрельбы да оружейноей
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли он да Красной армией,
Видит – дело есть тут нехорошее:
У того ли Колчака да у Деникина

Было нагнано силушки черным-черно,
А черным-черно, как ворона черна.
Тут вскричал Василий громким голосом:
«Ай же, братцы мои да вы товарищи,
А поедемте за речку на ту сторону
Да на той ли сторонке схватку сделаем!»
Сам Василий тут в речку бросился
И поплыл ко западной сторонушке.
Как ведь в тую ли пору в тое времечко
Не успел Василий всплыть на тот берег,
Как ведь в тую ли пору в тое времечко
А последняя пуля неприятеля
Да ударила Василия во головушку.
Утонул Василий посреди реки.
А вставали все – посхватилися,
Что не стало Василия Иванова.
Еще тут их сердца да разгоралися
А у той ли армии великоей
А после потери Василия,
Да Василия Иванова Чапаева.
Тут они за ружья похватилися
И прогнали с матушки большой Руси
Все остатки силы неприятеля.
Пусть еще когда-нибудь попробуют
Наскочить на наше царство пролетарское,
Так получат удары посильнее тех,
Что в былые годы были даны у Чапаева.
А ведь с той поры да с того времечка
Трудовой народ живет да царствует,
Споминает великого Чапаева
За его ли подвиги великие.
Есть на Волге памятник поставленный
А великого героя да Чапаева
А тому ли славному Чапаеву
За его заслуги за великие.

17 (82). Про Чапаева

Послушайте-ка вы, как дорогие нунь товарищи,
Спою вам я новую былинушку
Про молодого тут про Чапаева.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Родилсе ён в деревни Подволожьици,

Родилсе ён в семеюшке бедную,
Родилсе ён в семьи не в богатою.
А стал как ён растеть-то матереть-то нунь
А молодой Василий сын Иванович,
Ну рос как ён до полного до возраста,
Принимал как тут большие трудности,
Ну училсе ён как всяким тут хитростям,
А училсе нуньку всяким ён мудростям:
По темну лесу ён рыскал волком серыим,
По чисту полю летал как ясным соколом
Молодой Василий сын Иванович.
Ну во том ли как году восминадцатом
А налётела тут да банда белая
А на молодую власть на совецькою.
Ну эта ещё тут банда белая
Хотела погубить власть советскую,
Погубить ёна люд да как крестьянский,
А народ да тут ведь пролетарскиий.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
А говорил ён таковы слова:
«Пусть оны того да не думают,
А эти нунь банды да белыи,
А колчаки да были деникинцы,
А деникинцы как были тут юденичи,
Как поеду с има да поратитьсе,
А с этыма я бандамы белыма:
С Колчаком да я со Деникиным,
Со Деникиным как я да со Юденичем,
Покажу как свою силу молодецькую,
А дам как им удары богатырьскии,
Чтоб не пришли ёны в землю советьскую,
И не губили люду пролетарьского,
А того народу крестьянского».
Ну молодой как Чапаев тут Василий сын Иванович
Стал справляться ён поратитсе,
А с силой вражеской порасправитсе,
С колчакамы ён со деникинчамы.
Одевал как одежду тут военную,
А шинель да одевал ён сукна серого,
А брал как ён уздечку тесьмянную,
Брал седло ён черкальское,
А шол как ён нунь во конюшеньку,
Во стойлу эту лошадиную,

А брал себе жеребчика быстрого,
А этого жеребчика да шустрого,
А выводил как еще ён со конюшеньки,
А со стойлы этой лошадиною,
Становил жеребчика осерёд двора,
Стал жеребчика да тут обседлывать,
А потнички кладывал ён на потнички,
Ну подпружки всё на подпружки,
Седёлко кладывал на седёлушко,
Черкальское седло наверёх кладва́л,
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
Для укрепы ён как было богатырьскую,
Для поездки ещё тут молодецькую.
Молодой Чапаев Василий сын Иванович,
А брал как же тут ён саблю острую,
Во чехлы как брал ён тут наганчики,
А во карманы клал бомбы разрывчаты,
Попрощалсе ещё ён тут с родимой матушкой,
Попрощалсе ещё ён тут с молодой женой,
Попрощалсе со малыма со ребятами.
Молодой Чапаев Василий сын Иванович
А садился тут на добра коня,
Поезжал как ещё тут с широка двора.
Видли добра молодча сядучи,
Не видли молодча ведь поезжаючи
Молодого тут ли Чапаева.
А молодой ли как Чапаев Василий Иванович
Собирал дружину себе храбрую
Из того ли люда ён крестьянского,
Из того народа пролетарьского.
Ну собрал как себе дружину храбрую,
Ну собрал, собрал дружину себе сильнюю;
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Со своёй дружиною как храброю
А ехал ко городу Уральскому.
Приезжал как ён ко городу Уральскому
Со своей дружиной как храброю,
Ну у города как тут у Уральского
Ну стоят тут банды белыи,
Колчаки стоят да тут деникинчи,
Тут деникинчи стоят да юденичи,
А стоит-то их да чёрны́м чёрно́,
А чёрны́м чёрно́ как чёрна во́рона.

У молодого еще тут у Чапаева
У Василия сына тут у Иванова
А серче у ёго разгорелосе,
В сердечке кровь у его раскипеласе
На эту как на банду на белую,
На белую на банду фашизную,
На колчаков у его да на деникинчев,
На деникинчев у его да на юденичей.
А молодой да как Чапаев Василий сын Иванович
Приправил ён добра коня
На эту нунь да банду белую,
На колчаков да тут на деникинчев;
Ну махал как тут же ён саблей острою,
А махал на вси сторонушки,
Куда махне ён — да тут же улича,
А перемахне — переулочок.
А бил-то ён ту банду белую
А бил-то их, да что траву косил,
А разогнал по всим да сторонушкам
Эту банду да белую,
Эту банду да ён фашызною.
Налётела как тут да пуля вражеска,
А пуля вражеска да последняя,
А молодого Чапаева Василия сына Иванова,
Не повалила его да пуля вражеска
Пуля вражеска да последняя.
У молодого тут да у Чапаева
А пуще серче разгорелосе,
А пуще бил ён банду белую,
А белую банду да фашызную,
А разогнал её по речке по Уральскою.
А молодой Чапаев Василий сын Иванович
Говорил ён тут да таковы слова
А своей дружине было храброю:
«А моя дружина была храбрая,
После бою мы кроволития
А будем мы же отдóх держать,
А провожать как мы-ка ночку тёмную,
А пойдём мы-ка нунь во Урал-реки».
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Со своей дружиной ён как храброю
А ехал ён еще ко Урал-реки.
Приезжали тут ёны да ко Урал-реки,

Выходили ёны да со добрых коней,
Привязали ёны да добрых коней,
А раскинули свои палатки биленьки,
Ну стали провожать ночку тёмную,
А ночка тёмная была да нерадостна.
В эту ночь ли, ночку тёмную
Налётела как на их да банда белая,
Колчаки как эти да деникинчи,
А деникинчи ёны да юденичи,
Окружили молодого тут Чапаева
Со его дружиною со храброю.
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
А скачел как ён на резвы ноги,
Ну видит ён как дело нехорошее,
Говорит дружины своей храброю:
«А дружина как была моя храбрая,
Не дадимсе мы да силы вражеской,
Не сдадимсе колчакам мы да деникинцам,
А деникинцам да было юденичам,
Не помрём мы еще как без бою тут без кроволития,
А не помрём мы этой смертью глупою,
А помрём как мы за храбрость молодечькую».
(*Видишь как говорит-то!*)
Ну молодой ли как Чапаев Василий сын Иванович
Видит как ён тут дело нехорошее,
А скочел как ён тут во Урал-реку,
А поплыл на ту сторонушку,
Ну хотел как стрелять неприятеля,
Эту банду да белую,
А колчаковичей да деникинчей.
А эта банда тут да банда белая,
А стреляли его да с пулеметов нунь,
А в молодого оны Чапаева.
Налетела тут да пуля вражеська
(*Они вишь стреляли из пулеметов-то*),
А эта ещё пуля тут вражеська,
А пала молодому Чапаеву
В буйную его да тут головушку.
Утонул как тут молодой Чапаев Василий сын Иванович,
Не успел доплыть до бережка.
Ну в эту пору как в ту минуточку
Подоспела тут Красная Армия,
А Красная Армия была ёна храбрая,

А бы́ла храбрая как тут ёна сильная,
Ну прибила эту банду тут белую,
Прибила еще нунь у Урал реки.
Ну Красная как тут же Армия
Дала им урок да хороший,
Чтобы тут ёны да попомнили
Колчаки как эти да деникинчи:
Советская земля не пуста стоит,
Не пуста стоит — есь Красная Армия.
А Красная Армия тут да храбрая,
Ну храбрая ёна да сильная,
А много есь удалых добрых молодцов,
А сильныих могучиих богатырев.
Ну станет эта банда да белая,
Задевать нашу власть Советскую —
А может как ей ёна отпор да дать
В каждый ёна час, в кажную минуточку
А этим ещё бандам белыим,
Бандам белыим да фашызныим.
А мирной как тут люд говорит про Чапаева:
«А молодому Василию сыну Иванову
А славушка ему незабываема,
А молодому Чапаеву Василию сыну Иванову».
(*Кажется, я рассказал, а понятно ли, должны понять все, весь люд рабочий, что я пел-то.*)

18 (83). Чапай

Он летал над степями славно волжскими,
Летал орел-то златокрылый,
Ему славу поют да великую —
Орлу боевому, геройскому Чапаю.

На той на славной на Волге́
Небольшой городок был,
В этом городке жил работничек,
Работничек да он ведь плотничек,
На имя Василий, по оте́честву Иванович,
По фамилии Чапай.
Земля скудная да очень малая,
Не давала она большого пропитаньица,
Обижали тогда людей помешники,

Привелось ходить по разным сто́ронам.
И пошел Василий во прикащики,
Во прикащики к купцу богатому,
Заставлял купец обмеривать да обвешивать
Народ-людей-покупателей.
В одно время пришел к нему родной батюшка,
Он пришел с ним повидатися.
Говорил отец сыну любимому:
«Ты послушай моего наказаньица,
Ты живи да правдой сущею,
Ты не слушай купца в делах несправедливых-то!»
Тогда сделал Чапай себе гуслицы веселые,
Он стал ходить по городам да по деревенкам,
Он играет-то в гусли звончаты,
Пропевает песни про Емельку Пугача
Да про Стеньку Разина.
И говорили-то ему тут урядники:
«Почему не пропеваешь про роды царские?»
Отвечал тогда он им таковы слова:
«Ай же вы, урядничи, царские опричнички,
Мне-ка что да пропевать про них,
Мне-ка надо петь про то,
Об чем нужно жить».
Он сделался тогда плотничком,
Топором-то работал, пилой пилил,
Строил-делал он палаты да все высокие,
А себе домичка так и не построил.
Когда ерма́нская война заводилася,
Ермания-земля подымалася,
Подымалася она на нашу землю на Россиюшку,
Василий свет Иванович надевал платьице военное,
Собирался в путь-дорожечку, во солдатики,
С батюшкой, с матушкой распрощался он,
С молодой женой да с малыми деточками.
Шла война тогда да всекровавая,
Бился-боролся он ровно три года,
Когда пришел же он с войны домой,
Стал он всех-то спрашивать:
«Идет ли жизнь все по-старому,
По-старому да все по-прежнему,
Весь порядок по-досельному ли?»
Отвечают ему да люди добрые,
Люди добрые, знакомые:

«Уж ты ой еси, Василий Иванович,
У нас жизнь-то идет не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему,
Все идет не по-досельному:
Как твоя-то да молода жена
Изменила тебе да добру молодцу,
Детей она всех да спокинула,
Без приюту их оставила».
Говорили они ищо да таковы речи:
«Мы, крестьяне, трудовой народ, да взволновались же,
Хотим отнять-то землю у помешников,
Мы заводы хотим отобрать у заводчиков,
Война нам-то всем не к на́добью,
Против царя-то мы, за власть народную».
Тут случилася революция,
Пришло времячко — дела все изменилися.
Поднялся народ да за всю жизнь свою,
За новую жизнь за счастливую.
Уж не много-то было времячки веселого,
Уж не долго веселье продолжалося,
Как из далеча, из далеча, из чиста поля,
Из того ли из раздольица широкого
Тут не грозна туча подымалася,
Не темно облако накатилося,
Подымался тут злодей немилостливый,
Злодей немилостливый Дутов-енерал[1]
Да Колчак-адмирал[2].
И пришел тогда Чапай к большакам на обсужденьице,
Его усы да во колечушка завилися,
Его очи смотрят со решимостью,
Сапоги хромовы начищены да поблескивают,
В руках-то у него палица боёвая,
На боку висит у него сабелька вострая.
И говорил-то он таковую речь:
«Уж вы здравствуйте, добры молодцы,
Добры молодцы, большаки путевые,
Вы возьмите меня, добры молодцы, в свою партею,
В свою партею да всенародную.
С начала жизни своей я жил крестьянином бедным,
Был я прикащичком у купцов толстобрюхих,
Был я половым во трактире проезжем,
Был я скоморохом, выигрывал на гусельках,
Был работничком я, плотничком,

Был в солдатах, за чужо добро кровь проливал,
Все-то я видал да про все-то я наслышан.
Не хочу я быть у господ во работничках,
Во работничках да во прикащичках!
Вы дозвольте мне созвать дружинушку хоро́брую,
Дружинушку хоро́брую, красных мо́лодцев,
Разобьем-то все палаты господ белокаменные,
Разобьем полки офицерские, енеральские,
Посадим белых разбойников во темную во темницу!»
А как выскочил-то он на широкую на улицу
Да обернулся он красным богатырем.
Он пошел тогда да во широкий двор,
Брал тогда добра́ коня,
Добра́ коня да со семи цепей,
Убирал-то его в убор богатырский,
Он накладывал двенадцать тугих по́дпругов,
А тринадцату клал не ради красы, а ради крепости,
Ради той ли поездки молодецкой.
«Ай же вы, дружинушка хоро́брая,
Уж вы дайте-ка мне разгулятися,
С енералами мне поборотися,
Поборотися, силушкой померяться!»
Отвечала ему дружинушка хоро́брая:
«Уж ты ой еси, Василий Иванович,
Как не стоять нам за Ленина-вождя,
За те правды его народные,
За те порядки нам очень сходные».
Надевает он латы булатные,
Все доспехи боевые,
Он берет с собой саблю вострую,
Он берет с собой палицу тяжелую,
Он берет с собой булатный нож
Да пулеметное орудие-максимочку.
Забил его конь в землю ножкой правою,
Мать сыра земля да всколыбался,
В темных-то лесах древа́-то пошатались,
В море Хвалынском вода волной разливалася.
Не путем шли добры молодцы да не дорожечкой.
Шли лесами да чистым полем,
Приворотили-то ко кусточку к ракитову.
Под кустушком под ракитовым
Сидела тут де́вица, слезно плакала,
Слезы льются, как река течет.

Она плакала, таковы слова говорила:
«Ай, коса ты, моя коса, коса русая,
Доставалась коса не дородню добру молодцу,
Не дородню добру молодцу, не красну воину,
Доставалась коса русая
Злодею енералу на поруганьице!»
Красотой она была прекрасная,
Лицом-то была она белая,
Очи у нее, как у ясна сокола,
Брови-то у ней да чёрна соболя,
Речь-то у нее да очень смирная.
Говорил-то ей сам богатырь Чапай:
«Не плачь, не плачь, девица, душа красная.
Расскажи-ка мне, какого города, какой деревенки,
Какого отца да ро́дной матушки,
Как зовут тебя да все по имени,
Как величают тебя да по отечеству?»
«Я из той ли из деревни из Бедняихи,
Я дочь-то кузнеца да деревенского,
Именём-то зовут да Катерина же».
Тут заплакала девица пуще старого,
Не видит она свету белого.
Говорил же тут богатырь Чапай:
«Ай же вы, добры молодцы,
Мы возьмем девицу Катеринушку
Во свою дружинушку во хоро́брую.
Нам ведь надо принять ее да обучить ее,
Как стрелять-то из орудия пулеметного».
И примали они красну девицу во товарищи.
Он ведь ездил-то по полям да по лугам же,
По городам и по деревенкам,
Бился-боролся с енералами со белыми,
Разбил-разбросал собак по чисту полю,
По тому ли раздолью широкому.
Катерина-девица ему да помогала же,
Из орудия пулеметного да в их стреляла же.
В бою получил Чапай рану немалую,
Эта рана была в буйну голову,
Говорила Катерина таковы слова:
«Уж ты ой еси, Василий свет Иванович,
Дай тебе я да помогу во всем,
Голову твою кровавую у тебя омою,
Завяжу рану пла́том шелковым,

Зажила рана у тебя чтоб вскорости,
Не повредила тебе мóзгу голóвного».
Отвечал Чапай Катерине же:
«Уж ты ой еси, девица, красна пулеметчица,
Спасибо за все твое удовольствие,
Эта рана невеликая,
Невеликая да неглубокая,
Есть у меня раны побольше да поглубже ее.
Перва рана любовная –
Ты мне, Катеринушка, в любовь пришла,
Втора рана военная,
Военная да самая главная:
У нас есть злодей Колчак-енерал,
Мне-ка надоть побороть его».
Как опять же стоит собака-енерал середи поля,
Середи поля да середи чистого,
За самим за енералом силы числа-смéты нет:
За ним сорок енералов, сорок полковников,
За ним сорок сороковов станичных подорóжничков.
Он весь день рубился с утра до вечера,
Он бился-боролся всю темну ночь до утра ранного,
Не пиваючи да не едаючи,
А добрым коням отдыху не даваючи,
Он ведь стал тут по силы похаживать,
Стал он ту белу силу поколачивать,
Разметал, разбросал всю силу белую
По разным по сторонушкам.
Захотелося Чапаю большой мудрости,
Большой мудрости, ученьица,
Всем наукам обучитися,
Всех енералов помудрей же быть.
Он садился на добрá коня,
Он поехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к вождю Ленину,
Он желал да с ним повидатися,
Совету мудрого попросить у него.
Он ехал немало поры-времени,
Он приехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к самому Кремлю.
У ворот приворотников не спрашивал,
А махал через стену кремлевскую.
Он брал коня за ремянный повод
И вел по двору широкому, кремлевскому,

Заводил коня на конюшен двор,
Привязал коня ко столбу ко стоячему,
Насыпал ему пшеницы белояровой.
Сам пошел-то ко крылечушку ко высокому,
Пошел во горницу к вождю Ленину
И входит-то он безобъявочно.
Его встречал, встречал вождь же Ленин наш,
Они свиделись да познакомились,
Познакомились да поздоровались.
За его подвиги молодецкие,
За подвиги славно геройские
Благодарил его вождь,
Да он ведь жаловал, сам чествовал.
Он садил Чапая за столичек белодубовый,
За ту ли за скатерть за полóтнену,
Угощал кушаньем приготовленным –
Стерлужиной, белужиной да хлебом-солью же,
А поил водицей медовою.
Чапай сидел, повеся буйну голову,
Ясны очи потупил во ту ли во печку во муравлену,
Он сидел скучный, все не радостный,
Сидит – не тряхнется, не ворохнется.
Тогда Владимер Ильич стал на свое место,
Низко кланялся
И говорил ему таковую речь:
«Что же ты, Василий Иванович,
Не ешь, не пьешь, не кушаешь?
Вода ли московская тебе не сладкая,
Пшена ли моя тебе не дошлая
Иль хозяйка к тебе нелюбезная?
Какое горюшко у тебя на сердечушке?»
Отвечал тогда Василий Иванович:
«Уж ты ой еси, Владимер Ильич,
Уж ты дай мне совету лучшего,
Совету лучшего, самого мудрого,
Как мне обучитися,
Обучитися да поучитися:
Без ученьица жизнь самая гибшая,
Енералов бить – надо ученым быть!»
Написал вождь да скору грамотку,
Чтоб приняли его во ученьице,
Во ученьице да во военное,
В главные науки, в наукодемию.

Чапай берет скору грамотку во праву руку,
Кладет грамотку во правóй карман,
Благодарит его да земно кланяется,
Светлыми шпорами принабрякивает,
Со улыбочкой крепко руку жмет.
Прочитали в наукодемии скору грамотку —
Его приняли,
Они стали его спрашивать,
Про все стали они выведывать:
«Ты скажи-ка, Василий Иванович,
Где така иностранная река течет?»
На это Чапай да разобиделся,
Почему такой вопрос ему зáдали,
Он у них да сам спрашивал,
Он сам им да вопрос лукавый зáдал же:
«Вы скажите мне, где Солянка течет?»
Они призадумались да приразмыслились,
Отвечать они не знали как.
Он тогда им да возговорил же всё:
«Ах, вы, люди да всеученые,
Вы ученьица-то немалого,
Образованьица-то всего полного,
Почему про то не знаете,
Где течет река да славная Солянка?
А на речке на славной на Солянке
Я держал битву великую
С енералами все со белыми,
Много, много я побил же их».
Долго учитися Чапаю не пришлося,
Тут случилися несчастьица страшные:
Со всех четырех сторон
Енералы белы съехались,
Они хотели забрать всю страну советскую,
Они хотели вернуть порядочки досельные,
Порядочки досельные, богатейные, —
Меж собой собаки дёл делят:
Со избы они брали по петуху и по курице,
С каждого двора по добру коню
Да по стó пуд пшеницы белояровой,
У кого коня иль пшеницы нет,
Дак жону возьмут,
У кого жоны нет — самого в полон уволокут.
Ясны очи Чапая помутилися,

Могучи-то плечи сшевелилися,
Лепетá в лице переменилася,
Геройское сердце растреложилось, разъярилось,
Раскрывал он те двери дубовые,
Разлетались двери на серéдь двора.
«Уж вы ой еси, начальнички наукодемии,
Отмыкайте замочки висучие,
Выпускайте добра молодца на волюшку,
Приходит времячко строчное, необходимое,
Сейчас не пора, не времячко учитися,
Ехать мне надо на силу неверную,
На силу неверную, на подвиги на великие.
То не честь молодецкая,
Не выслуга славна геройская
Сидеть Чапаю в комнатке,
Надо мной добры молодцы будут ужахатися,
А малые ребята будут смеятися.
Дайте-ка выбрать у вас самолучшего коня
Из всего табуна!»
И заводят Чапая да во конюшенку,
Где Сереюшко стоит да конь ведь серенький,
Конь бросился да от яслей к нему,
Он ведь пал да на колени же,
Заговорил конь Василию Ивановичу:
«Ты возьми, возьми, богатырь Чапай,
Ты возьми меня да слугой себе,
Слугой верной да неизменной».
Чапай садится в стремена-седла,
Конь скóчил — за Москву-реку перескóчил,
Да во весь мах махнул в чисто поле.
Приезжает во чисто поле и Фурман-комиссар,
Фурман-комиссар, большак ученый молодец,
во помошнички,
С грамоткой от самого от Ленина.
Тут они подружилися,
Во боях стали друзьями верными,
Неизменными товарищами.
Говорил-то ему Чапай:
«По наукам вся мудрость твоя,
А сметка и геройство это я могу,
Уж мы будем друг дружке помогать во всем».
Не степной орел начал полетывать,
А наш герой начал поезживать,

Пыль-то в поле запыляется,
От земли песок подымается,
Много бьет-секет силы саблей вострою,
Вдвое-то топчет да его добрый конь Сереюшко.
Вправо Чапай махнет — валилась улица,
Влево отмахнет — валились переулочки.
Помогала ему дружинушка,
Помогал ему Фурман-комиссар,
Помогала ему пулеметчица, славна Катеринушка, —
Бились-боролись многи суточки.
Побежала рать, сила белая,
А за нею добры молодцы погна́лися,
Енералы все ему взмолилися,
Взмолилися да таковую речь возгово́рили:
«Не придавай нас да смерти скорой.
Уж не будем мы летать на советску Русь,
Уж не будем уносить мы живко́м людей».
Тут Чапай с Фурманом разлучилися,
Разлучилися, расставалися,
Фурман-комиссар спокидал дружинушку,
Уезжал-то он в други края
По той грамотке от Ленина.
Чапай распрощался с ним
Да прирасплакался.
Чапая конь от тех боев да утомился же,
Стал под ним да спотыка́тися,
Готов был упасть да со резвых же ног.
Захотел Чапай ему отдо́х давать,
Заезжали они в одну деревенку,
Деревенка стояла близко у реченьки,
Близко у реченьки, у быстрого Урала.
Они остановились во деревенке,
Сели есть да все ведь ужинать,
Стали есть, пить да кушать.
Увидал Чапай да у Катерины-пулеметчицы
В руках ложечку серебрянну,
Приказал дружинушке собиратися,
И сказал-то он дружинушке таковую речь:
«Уж вы ой еси, добры молодцы,
Все верная моя да вся дружинушка,
Это что такое чудо чудное,
Что за диво, диво дивное:
У ней была ложечка деревянная,

А сейчас почему у ней серебрянна?
Откуда она взяла ее,
Не по хорошому, вижу, положеньицу?
Как за это я дак хочу судить,
Чтоб не был у нас беспорядочек,
Я хочу ее судить да все своим судом,
А ведь вашего совета все прошу у вас».
Спроговóрила Катерина-пулеметчица:
«Уж ты ой еси, свет Василий все Иванович,
Ты прости меня вины да виноватой,
Эту ложечку я взяла в доме во проезжем
У человека у богатого, у убегшего».
За ее дружинушка заступилася,
Они просили, чтоб простил же он.
«Я прощаю тебя по твоей по младости,
По твоей не большой по недогаданности,
Если еще единый раз да повторится,
Не прощу тебя да не помилую,
Отсеку у тебя да буйну голову».
Еще чад от боев велик, дымом валит,
Они во всех подвигах утомилися,
Отдохнуть с подвигов захотелося,
Спать в домах повалилися,
Повалилися, приразóспались.
Был-то у Чапая молодец ухватчивый,
Молодец ухватчивый, Петруша – кудри русые,
За Чапаем он смотрел да все усматривал,
Он любил его да помогал во всем.
В последнюю ноченьку в треложную
Петруше не спалось никак,
Не спал он да все треложился,
Разбудил он Чапая
Да говорит ему таковы слова:
«Я гулял-ходил во чистом поле,
Во чистом поле дуб стоит,
На дубу сидит да черный ворон,
Ворон черный да птица вещая.
Хотел я подстрелить да черна ворона,
Проговорил черный ворон голосом человеческим:
“Уж ты ой еси, добрый молодец,
Не стреляй меня да понапрасну,
От меня тебе да корысть малая,
А польза невеликая!

Я скажу тебе правду сущую:
Недалече отсюда во чистом поле
Там ходят-проезжают разбойнички,
Разбойнички, губители великие.
Я летал над теми лесами высокими,
Над теми лугами зелеными,
Около той ли Урал-реки,
Я видал там силу несметную,
Мне-ка, черному ворону,
Той силы не облететь будет,
Волку серому не обежать будет".
Поговорил ворон да полетел же сам
На дуб на дерево на высокое,
На самую на вершину же».
Василий Иванович не расслушал ничего спросоньица,
Не разгадал про то, про что идут дела,
Про что дела идут да разговоры ведут.
С боку на бок перевернулся он,
Очи ясные не открыл же он,
Не промолвил он ни одного словечушка,
Заснул опять крепким сном,
Ничего-то он не думал о смерти скорой.
Как нагрянули за полночь неприятели
В ту темну ночь да в ту деревенку же,
Наехал проклятый чудище Сладков-енерал,
Сам чудище да престрашное:
Голова большущая, как пивной котел,
Ножищща будто дубины стоялые,
Ручищща будто больши хоботы,
А глазищща будто у тигра лютого.
Как кричал тогда зычным голосом Чапай-богатырь:
«Восставайте-ка, пробуждайтеся, добры молодцы,
Добры молодцы, дружинушка хоро́брая,
Он пришел енерал да целко́м сгло́нет!»
Чапай крык крыкнул не по-человеческому,
Он свист свистнул по-соловьиному,
Дак заслышало сердечушко кониное,
Сереюшко как жалобно заржет,
Будто с Чапаем распрощался он
И навечно расставался же.
Вскочил Чапай на резвы ноги,
Выбегал он на широкую на улицу
В одной рубашечке во нижней да без пояса.

Тут добры молодцы пробуждалися,
За ружья они хватались,
Выходили на скорый бой, на поединок.
Кричал тут Чапай-богатырь:
«Уж я был бы на волюшке во чистом поле,
Во чистом поле да на добро́м коне,
Я отсек бы тебе собачью голову!»
Они бились ружьями военными,
Они бились копьями булатными,
Они секлись саблями вострыми.
Сколько ни билися, ни боролися,
Не могли осилить силу белую:
Одну голову отрубят — две покажется,
Втору голову отрубят — тут много их окажется,
Наскочил беляк да много-множество.
Чапая в битве сильно ранили,
Выпала у него да сабля вострая,
На праву ногу стал да он припадывать,
На леву ногу прихрамывать,
Ружьем боевым подпирается,
А ружье под ним изгибается.
Побросался он во речку быструю,
Он хотел да переплыть ее.
«Уж вы дайте мне сроку малого,
Ищо выплыть на крутой на бережочек,
На россыпчатый песочек,
Наберу я силу многую,
Силу многую, советскую,
Тогда я с вами рассчитаюся,
Рассчитаюся да расквитаюся,
Не оставлю белой погани на се́мена!
Меня вынеси, волна, из неверной земли,
Из неверной земли, из енеральского загóну!»
Ищо выплыл Чапай на перву струю,
Ищо поплыл Чапай да на втору струю,
Да втора-то струя очень относиста,
Тут погинул Петруша, его помошничек,
Тут попала Чапаю пуля быстрая,
Раздробезжинила его да буйну голову.
И пошел Чапай в реку на дно,
Пошел на дно тяжелым камешком.
Ай, потухла звезда поднебесная,
Погибнул герой-богатырь на быстрой реке!

Приутихла, приумолкла река быстрая,
Приутихли, приумолкли песочны бережка́.
То не белая береза в поле клонится,
Не кудрявая, зеленая преклоняется,
Знамя красное над курганом развевается,
Над могилою в буйных головах приметочка,
Па́мятна доска железная:
Здесь лежат красны молодцы,
Могучие советские богатыри,
Славные чапаевцы.
Кто ни проедет, кто ни пройдет,
Всяк про героев вспомянет.
А унесла Чапая река быстрая,
Унесло его по реке да по теченьицу,
Где-то он нашел себе оприютьице:
Сквозь белы груди да трава выросла муравая,
Сквозь буйну голову да цветы расцвели лазуревые,
Перелетные птицы свивали свои гнезда
Во русых кудрях Чапаевых.
Василий Иванович да все ведь слышит он,
Слухом слышит, да слово не молвит,
Чапай лежит во земли сырой
Да думает думу крепкую:
«Пролежу ищо несколько поры-времени,
Накоплю силы да я побольше ищо,
Во сырой земли я скоро двадцать лет лежу,
Двадцать лет лежу, да скоро встану-выгляну».

Теки, теки, славна Волга́-река,
Кати, кати волны высокие!
Пропой, Волга́, песню очень чудную
Про Емельяна Пугачева, добра молодца,
Про Стеньку Разина, добра молодца,
Про героя,
Про красного богатыря,
Про Василия Чапая!

19 (84). Былина о Тойво Антикайнене

Как во той ли Финляндии озерноей,
А посреди ведь буржуазии богатоей,
А у одного рабочево обойщика

Росло чадочко веселое, отчаенно —
Молодой Антикайнен добрый молодец.
Много видел Тойво горя-голода
От своих престарелых родителей,
Да от их недостаточков безнадежных.
Поработал Тойво и газетчиком,
Поработал Тойво да и обойщиком
Он за малые гроши да за копеечки.
А ведь работал Тойво малым юношей
Все на тех ли на буржуев да на кулачество;
Скоро-наскоро он грамотку заучивал,
А заучивал да скоро выучил,
Не пошел работать больше он газетчиком,
Не хотелося больше быть обойщиком,
Поступил он на заводы да на фабрики.
Крепко Тойво на заводах агитирует
А он тем ли да финляндским да рабочиим
Против той ли власти буржуазноей.
Начинают да за Тойвою преследовать
А ведь те ли бандиты белофинские.
Разгорелось пуще сердце Антикайнена
Против тех ли лохтарей да белофинскиих.
Еще чаще он рабочим стал рассказывать
О великой свободе пролетарскоей.
А одним ли утречком ранешенько
Одевался Тойво поскорешенько
И пошел с Финляндии озерноей,
Уходил на матушку большую Русь
К рабочему классу в подкрепление.
Приходил он в государство пролетарское,
Клятву дал пред партией великоей,
Перед Лениным да перед Сталиным,
Что он будет служить да верой-правдою,
Верой-правдой для народа, для трудящихся,
Защищать он будет землю пролетарскую
Да от тех от панов от поганых.
Брал винтовочку пятизарядную
Да и набрал патронов целой тысячей,
Да и пошел служить да верой-правдою
Вместе с Красной Армией великою
Против той ли собаки Юденича[1],
Да не сдал Кронштадта и деникинцам.
А любили Тойву в Красной Армии

Как хорошево стрелка да пулеметчика.
Тойво силу бьет, как траву косит,
Из тово ли пулемета частобойново.
За его отвагу героическу
Был подарен орден Красна Знамени.
Но и тут у Тойво сердце не утешилось
От тово ли подарочка великово,
Разгорелась кровь по жилам добра молодца
Против тех злодеев неприятельских.
Ему хочется да лохтарей побить
А во той ли славной Карелии
Да избавить от бандитов трудовой народ
Да от тех ли панов поганых.
И вот этот дородний добрый молодец
А набрал бойцов да целой сотнею,
Целой сотнею да самых лучших.
Говорит командир да Антикайнену:
«Ты возьми бойцов хоть целой тысячей,
Чтобы с тем ли неприятелем расправиться,
Да лохтарей с Карелии повыгони».
Говорит тут Тойво таковы слова:
«А не надобно мне войска целой тысячи –
У меня взята дружиночка хоробрая,
Не боится ни холода, ни голода.
Я и с этой сотней дело выполню
Перед теми ли финляндскими бандитами.
С теми ли лохтарями порасправитца –
Нам не надобно да вороных коней,
Только дайте нам вы лыжи скороходчеты,
Дай военного нам вдоволь снаряжения».
Отправляются дородни добры молодцы
Из того ли военного училища
Да с тово ли Ленинграда знаменитого
На защиту славноей Карелии
В помочь Красной Армии великоей,
Грудью станут на защиту своей родины,
А в защиту народа пролетарсково.
А ведь этот ли дородний добрый молодец –
С Ленинграда он да со Лодейново,
Со своей ли сотней отчаянной
Он не видел трудностей да с неприятелем
От Лодейново до Кимас-озера.
Лохтари бежали – только охали,

Точно заюшки серые напуганы,
А им некогда было назад поглядывать.
Говорит тут Антикайнен таковы слова
А своей ли сотне скороходноей:
«Вы, удалые бойцы да добры молодцы,
Не пойдем ведь мы во погоню лохтарей искать,
А обойдем ведь мы их кругом да около,
А ведь встретим мы их под Кимас-озером,
С лохтарями тут мы порасправимся».
Так ведь эта ли сотня знаменитая
А по той ли пути да от Лодейново
Много шла реками да озерами,
Много шла холмами да болотами,
Да по тем ли лесам непроходимым.
Там, где пестрел зверь да не прорыскивал,
Там, где птица, горный ворон, не пролетывал,
Там прошел ведь Антикайнен добрый молодец
Со своею сотней знаменитою
А под тое ли славно Кимас-озеро.
На последний холм бойцы взобралися
И с холма наблюдают неприятеля.
С неожиданной сторонки добры молодцы —
Они в гости к лохтарям да поднаехали.
Говорит тут дородний добрый молодец,
Молодой Антикайнен, таковы слова:
«А отряд ведь Антикайнена спускаетца
Да на тое ли славно Кимас-озеро.
А он в гости к лохтарям да собираетца.
Не понравятся ведь гости Антикайнена
Лохтарям да финам в Кимас-озере.
Да не выдержать французам с англичанами
Перед славной Красной Армией великою.
А они ли той да поздней осенью
А бежали от острова от Клименец,
Да до самого до Северного полюса,
Да от той ли Ленинградскоей флотилии,
Они вдоль ли озера да по Карелии.
А им некогда было назад поглядывать
Да в Карелии местностей осматривать».
Так ведь этот ли дородний добрый молодец
Со своею он да сотней знаменитою
А спускался с той горы высокоей;
Прямо шли в село до Кимас-озера,

Да как начали лохтарей да поколачивать.
Тойво бил лохтарей, сам приговаривал:
«А ведь будете вы помнить Антикайнена,
Не захочется вам больше быть в Карелии
Да на тех границах пролетарских».
Разметались лохтари да вкруги бегают,
А не знают, как бежать, да где спасать себя.
Илмарийнен[2] в эту пору, в это времечко
Без штанов генеральских в окно вылетел:
Ему жалко, что суп да не был хлебаный;
Позабыв серка, он без коня бежал.
Не успел он на опушку леса выбежать,
Как из славного отряда Антикайнена
Прилетел ему в головушку подарочек.
Повалился Илмарийнен, как скошенный сноп,
Полилася кровь ручьем с головушки,
А лохтари бежали, не оглядоясь,
А до самой границы до финляндскоей,
Позабыв Антикайнена отстреливать.
А после ведь похода Антикайнена
Не бывали лохтари, да й не бывать им здесь,
Не видать им больше и Карелии.
А еще пусть когда-нибудь попробуют
Наскочить на наш да на рабочий класс
Да на наших колхозников с рабочими,
Так получат удары посильнее тех
Да от той ли Красной Армии великоей,
От тово ли Клима Ворошилова[3].

20 (85). Сила храбрая, красноармейская

Как при старой поры-времени,
При царе, при грабителе
Да при царской проклятой фамилии
Забирали сыновей у нас
На свою службу военную,
На войну на проклятую.
Они шли не охотушкой,
Шли великой неволюшкой:
Им итти не хотелосе –
Отказатца никак нельзя.
Им итти было не радостно
Что под ту ли пулю быструю,

Что под ту ли саблю вострую,
Что под ту ли лиху картечь,
Им на смерть свою голову класть.
Не хотелосе солдатам воевать.
Не хотелосе до зла горя.
Все солдаты стали думать да гадать
Как-нибудь да перестать им воевать,
Перестать им царско право исполнять,
Перестать им кровопивцев защищать.
От отцов-матерей от солдатских
Приходили в полки письма-грамотки.
Письма-грамотки были не радосны:
«Нет житья-бытья народу рабочему,
Нет житья-бытья люду крестьянскому,
На сердцах у них много боли-тягости,
Во мыслях у них много обидушки.
Рабочие стали гневатца
На своих фабрикантов-заводчиков.
Беднота в деревне стала голову сдыматъ
На своих кровопивцев-помещиков,
Кровь горячая ключом стала кипеть,
Ретиво сердце огнем стало гореть...»
Заходили мысли вольные в войсках,
Подымались смелы головы в полках,
Смелы головы большевицкие,
Говорили они да речи гневные:
«Мы ешше докуда будем воевать,
За чужих людей, людей кровь проливать,
За богатых, за богатиных.
Докуда будут наши матери стареть,
Докуда будут молоды жены вдоветь,
Докуда будут наши дети сиротеть,
Бесприютны наши домички стоять,
Беспристройны все деревни пустоватъ,
Бесприборны наши пашни посыхатъ.
Возвернемсе-ко, солдатушки, назад
Да запалим-ко назади большой пожар
Мы, во-первых, под проклятого царя,
Во-вторых, мы под помещика,
Мы, во-третьих, под заводчика,
Во-четвертых, под омманщика-попа,
Мы, во-пятых, под буржуя кулака,
Во-шестых, под офицера-дурака:

Он дурак-то — не дурак,
Да солдату — первый враг.
Что на тех ли врагов-ворогов
Повернемте мы свои востры штыки,
Размахнем мы востры сабельки
На зловредны ихны головы.
Мы очистим землю дочиста:
Уж мы скосим с родной земли
Ту полынь-траву горькую.
Что на нашей родной земле
Рассадим сады невиданны.
Чтобы наша родна земля
Зацвела сливой-вишенью
Той ли яблонью кудрявою,
Виноградами зеленыма,
Чтобы в том саду невиданном
Мог народ веки вечные
Жить-цвести в счастьи-радости».
Большевицко слово — оно доходчиво:
Разбередили сердце большевики
Да поднялись с фронтов несметные полки.
Возвернулись тут солдатушки назад,
Они сошлисе-съединилисе
Со товарищами рабочима,
Да со братьями крестьянами.
Они всей народной силою
Да запалили назади большой пожар,
Добралисе до проклятого царя,
Одарили всю фамилию его
Богатыма гостинцами солдацкима:
По гостинчику — по востру по штыку,
На закусочку — пулю быструю.
От заводчиков весь рабочий люд
Взял в свои руки заводы-фабрики.
От помещиков землю-матушку
Передала народу Советска власть.
Заварилось тут дело немалое,
Немалое да небывалое.
Чтобы это дело невиданно
Не пошлю бы оно прахом-пропадом,
Чтобы стара власть не возвернуласе,
Два больших орла — Ленин со Сталиным
Всех своих орлят к себе кликали.

Что на этот клич вождей-орлов
Слеталось тут племя орлиное,
Сбиралась тут сила несметная,
Несметная да несчитана,
Всенародная да Красна Армия.
В Красную Армию да всенародную
Солеталисе орлы-соколы,
Самы лучшие сыны да самы верные.
Они шли-пошли не неволюшкой,
А своей душевной охотушкой.
Им итти было радосно
Хошь под ту ли пулю быструю,
Хошь под ту ли саблю вострую,
Хошь под вражью лиху картечь:
Им не жалко было жизнь отдать
Что за Ленина со Сталиным,
За свою родну советску власть,
За свои заводы-фабрики,
За свою землю-матушку.
На ту пору по всей земли,
Как по нашей по родине,
Подымали свои головы
Генералы недобитые,
Офицеры недострелены.
Солетались они со всех концов
Злым-лихим вороньем, хищным коршуньем.
По-вороньи они тогда закаркали,
Что не жить, не летать молодым орлам
Высоко-далеко, по поднебесью,
Что не жить-то не быть Красной Армии
На свободной родной земле-матушке.
Уж как то ли зло-лихо воронье
Созывало оно силу заморскую:
Не званьем звало — наймом наймовало,
Что за те ли земли самолучшие,
Самолучшие да хлебородные,
Что за те ли за богатства народные.
Приходила к генералам из-за моря
Иноземна сила — помочь великая
Со тема ли со гостинцами заморскима:
Со пушками да скорострельныма,
Со танками да скороходныма,
С кораблями да со черненыма,

С самолетами да быстролетныма,
С винтовками многозарядныма,
С пулеметами многосмертныма,
С генералами многоученыма.
Налетало тут злое коршунье
На наши села с деревнями,
Топтало оно наши пашенки,
Уж и мяло нашу травоньку шелковую
И ломало наши яблони кудрявые,
Клевало, терзало народ честной,
Народ честной – людей лучшиих...
Поднималасе Красна Армия
Навстречу врагу-супротивнику.
Набольшим-то был Ворошилов Клим.
Он речь держал к орлам-соколам:
«Уж вы гой еси, орлы-соколы,
Вы советски народны богатыри,
Уж как дали нам Ленин со Сталиным
Два заданьица дали немалые:
Надо выгонить нам зверя белого,
Зверя белого генеральского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей-то советской земли-матушки.
Надо выгонить нам да змея лютого,
Змея лютого да заморского,
Заморского да людоедского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей-то советской земли матушки.
По указу товарища Ленина,
По совету товарища Сталина
Надо нам те заданьица выполнить,
Тех зверей врагов надо выгонить».
Полетели ясны соколы бойцы,
Красной Армии богатыри,
По чисту полю, по родной земле,
Размахалисе крыльем соколиныим,
Поднималисе птицей вольною
Выше лесу стоячего, выше облака ходячего,
По поднебесью летела ясныма соколами,
Опускалась на родну землю добрыма молодцами
Сила храбрая Красноармейская!
Опустились добры молодцы на сыру землю,
Расходилисе силой богатырскою,

Размахалисе вострыма сабельками
Как на ту ли стаю на полотную,
Уж и стали рвать-трепать стаю коршунью,
Уж и стали ломать крылье пустоперое,
Уж и стали бить-трепать перье со кожею,
Со кожею да до сыра мяса,
Ломать косье да мелко-намелко,
Не оставили крыла не ломана,
Крыла не ломана, пера не щипана,
Чтобы не было от них, не осталосе
Ни крыла, ни пера и ни косточки,
Не летать чтобы им по советской земле,
Не бывать-то да им в каменной Москве,
Не увидеть им света-Ленина,
Света-Ленина да света-Сталина.
Сила храбрая Красноармейская,
Уж повыгнала она зверя белого,
Зверя белого да генеральского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки,
Повыгнала да змея лютого,
Змея лютого да заморского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки.
Скосила она силу вражеску,
Как в поле полынь траву горькую,
Иноземна сила — помощь вражеска
Недокошена да недобитая,
Недобитая да недострелена,
Убежала она за сине море,
Во те ли земли заморские.
Тогда к нам пришло, прикатилосе
По всем фронтам замиреньице...
Ходил по границам Ворошилов Клим,
Запирал он границы на крепки замки,
Выставлял он заставушки верные,
Посылал он охранушки зоркие.
Посылая-то он им наказ давал,
Наказ давал да таку речь держал:
«Уж вы гой еси, добры молодцы,
Вы товарищи робята пограничники,
Вы храните-берегите мать родну землю,
Мать родну землю народную, Советскую.

Уж как наша-то земля не куплена –
Уж как наша-то земля кровью добыта,
Кровью добыта да кровью полита.
Вы смотрите – не проспите врага, ворог
Чтобы он нежданно в гости не пожаловал,
Не прошел бы к нам, разбойник, по чисту полю,
Не пролез бы, иноземец, по сырой земле,
По сырой земле да по подкустышкам,
Не проехал бы по морю на корабличке,
Не пролетел бы в самолете по поднебесью».
С той поры стоят робята пограничники
На советских на крепких на заставушках,
Стерегут они границы от разбойников,
От разбойников, фашистов-подорожников.
И пошла у нас тогда жизнь по-ладному,
По-ладному да по-хорошему,
Во спокои народ взялся за работушку,
Что по всей земле по Советскоей
Рассадили мы сады невиданны,
Стали строить города небывалые,
Стали накрепко крепить Красну Армию:
Стали строить себе пушки скорострельные,
Стали делать себе танки скороходные,
Да готовить самолеты быстролетные,
Да снастить себе кораблики черненые,
Да учить командиров ворошиловских,
Чтобы все мы могли на спокои жить,
Да растить-крепить дело колхозное,
Чтоб земля расцвела сливой-вишенью,
Сливой-вишенью да яблонью кудрявою,
Виноградами кустами да зеленыма,
Чтобы в нашем саду расцветающем
Мог народ век цвести в счастье-радости...
Не боится ветров гора каменна,
От ветров гора она не сдвинется:
Не боимся мы врага-супротивника –
От врага, как гора, мы не стронемся.
Мы не тронем никого, да и нас не тронь:
Как подступит враг, мы дадим отпор,
Мы дадим отпор крепче старого,
Теперь силушка у нас небывалая,
Мы сомнем-сокрушим врага-насильника,
Как былиночку буря-падера:

Нет во чистом поле такой былиночки,
Чтоб стояла — не склонилась в бурю-падеру,
Нет на всей земле такой силушки,
Чтобы выстояла против Красной Армии.

НОВИНА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОЛХОЗОВ

21 (86). Наказ Ленина

Стоит постановочка
Золоченая,
Вся золоченая,
Посеребренная.
На такой постановочке
Раззолоченной,
Рассеребренной
Стоит сам голова
Володимер Ильич.
Он стоит-то на ней —
Всему миру видать,
Говорит он слово —
Всем людям слыхать.
А слова-то его
Откликаются,
От богатых людей
Отскакивают,
А к бедным людям —
Прямо на сердце
Так и падают,
Так и падают,
Прививаются.
И нам, беднякам,
Никогда не забыть
Золотые слова —
Наказ Ленина,
Чтоб колхозом жить,
С кулаком не дружить,
Жить по-новому,
По-колхозному.
Собрались мужики,
Мужики-бедняки,
Собрались они,
Поговаривают:

«Без колхоза жить —
За беду платить,
За чужи горбы
Ложить силушку
Да в чужие рты
Класть хлебушко».
Собрались мужики,
Мужики-кулаки,
Надсмехаются,
Поговаривают:
«А как же из бедных
Работники?
Пропадут без нас
Они пропадом».
Бедняки на ответ
Дело сделали:
Собралися в колхоз,
На веселый воз,
На веселый воз,
На работушку.
А работа из рук
Не валится!
Мужики-бедняки
Поговаривают:
«Нам в колхозе жить —
На себя платить.
Урожай придет
К нам полнешенько,
И не будет нам убыточно.
Заживем в колхозе
Зажиточно».

НОВИНА О КИРОВЕ

22 (87). О Кирове

Как скажу я былину новую
Про того товарища про Кирова,
Про храброго богатыря советского
Сергея свет Мироновича.
Четырех годов остался он от батюшки,
Семи лет — от родной матушки,
В приют детский провожала его бабушка.

Жил Сереженька в приюте детскоем,
Хорошо он учился грамоте.
А достиг он до полного возраста, —
Полюбил читать книги Ленина.
Разгорелось тут сердце богатырское
У того ли Сергея да Мироновича.
Он стал выбирать себе дружинушку
Большевиков удалых, храбрыих.
Он доставал им оружие военное.
И пошли они по городу ль по Томску ли,
А навстречу им идет полиция
С казаками хорошо вооруженными.
И как тот Сергей Миронович
Со своей дружиною ли храброю
В бой пошли да и не дрогнули,
И прошли до театра многолюдного,
Где черная сотня кровавая
Рабочих избивала нагайками.
И Сергей да свет Миронович
И со всей своей дружиною храброей
Он набросился на сотню черную
И выручил он рабочих томскиих
Со того ли пламени огненного,
От той ли сотни черноей,
Со тех ли рук злодейскиих.
И за эти услуги великие
Того ли Кирова Сергея свет Мироновича
Признают его товарищи рабочие
Организатором и руководителем.
И повел тут Сергей Миронович
Тую работу подпольную.
Он построил типографии подземные,
Много раз он был под арестом,
Запирали его в тюрьмы крепкие,
Но удалый был он молодец —
Убегал из тюрем крепкиих.
Он из Томска бежал во Иркутск город,
А с Иркутска города во Владикавказ.
Там рабочих и крестьян организовывал
Против буржуев, кулаков и захватчиков.
И послушали его крестьяне и рабочие,
Восстали они против угнетателей
И сделали Владикавказ советскиим.

А как нужно стало оружие военное
Для молодой армии советскоей,
Отправляется Киров в каменну Москву
За оружием военныим.
Приезжает он во каменну Москву
Ко своим дорогим товарищам
Богатырям, вождям советскиим.
Рассказали ему товарищи:
Как Юденич шел на Питер-град,
С юга шли войска Деникина,
С востока шел адмирал Колчак,
А с-под севера англичане шли.
В Астрахани положение нехорошее:
Отступают войска красные,
Триста тысяч удалых бойцов,
Под натиском казаков белыих.
И охота врагам-злодеям лютыим
Забрать было Астрахань советскую.
И тут вожди советские
Они крепко думу думали,
Что кого послать во Астрахань,
Отстоять город от врагов лютыих,
Сделать в нем заставу крепкую.
Говорит тут великий вождь
Тот Владимир да свет Ильич:
«Мы отправим-ка во Астрахань
Сильного богатыря умелого
Смелого надежного Мироныча.
Разгромит он армию белую...»
Тут встает Киров на резвы ноги
И говорит он таковы слова:
«Вы прощайте-ко, мои товарищи,
Защищайте-ка вы каменну Москву,
Красный Питер от Юденича,
Прогоните Миллера из Севера,
А я поеду в город Астрахань,
Устрою там порядки советские,
Укреплю я духом Армию,
Прогоню я врагов лютыих».
Уж как тут Сергей да свет Миронович
Он берет с собой верных товарищей,
Берет деньги он для Красной Армии
Пять миллионов рублей золотом,

Отправлялся в путь-дороженьку
Со своим-то грузом тайным.
Говорит он так своим товарищам:
«Мы поедемте, братцы, во Астрахань,
Приготовим встречу Красной Армии,
Для больных лазареты понаделаем
И больных бойцов мы повылечим,
Да оденем и обуем по возможности
И сердца вложим в них советские.
Мы поделаем заставы великие
По всем путям и по дороженькам,
Сделаем мы город Астрахань
Твердой крепостью, неприступною.
Не дадим проходу врагу пешему,
Не дадим проехать и проезжему,
Не пропустим врага и пролетного».
И приехали они ко городу ко Астрахани,
Переехать надо широку реку,
Широку реку — Волгу-матушку
На машинах с грузами военными.
Шли машины по льду реки,
И случилась авария великая —
Просел лед на Волге-матушке,
И ушла одна машина под воду,
На само дно реки глубокоей.
Волга-матушка, река быстрая,
Кверху дном машину опрокинула,
С деньгами ящики далеко отбросила.
Не найти их и не нащупати.
И тут-то Сергей Миронович
Одевает он платье водолазное
И спущается на речное дно.
Старые водолазы дивуются,
На Сергея Мироновича любуются.
Как достал со дна речного ящики
Целыми, не врежоными,
Ни один был рублик не утерянный,
Ни один снаряд не был испорченный.
И принялся тут Сергей Миронович
Порядки наводить по фронту Астраханскому,
Из церквей госпитали повыстроил.
Врачи и сестры милосердия
Хорошо принимались за лечение,

Домохозяйки и работницы
Добровольно шли санитарами,
Крестьяне и городски извозчики
Вывозили больных из степных песков.
Астраханские жители бедняцкие
Не жалели отдать последнего продовольствия
Тем бойцам красноармейскиим.
И пришел Красный флот из Питера.
Сергей Миронович на море отправляется,
С англичанами схватиться собирается.
К Александровскому форту приплыли
Те ли корабли советские,
Скоро-наскоро десант они высаживали
И узнали о генерале белоем,
Что идет он на форт Александровский
Со своими провожатыми вооруженными.
Говорит Сергей Миронович
Своим морякам неустрашимыим:
«Уж вы гой еси, храбры молодцы,
Вы садитесь-ко на судно миноносное,
Поезжайте-тко на море на Каспийское
И заберите генерала белого!»
Отправлялися моряки неустрашимые
На своем миноносце на море.
Не поспели белые опомниться —
Краснофлоты к ним подъехали
И зашли уже на палубу,
На те ли корабли вражески.
И тут офицеры испугалися,
Многие в море побросалися,
А генерал забегал сумасшедшиим,
Он хотел корабли взорвать на море —
Подготовки тому не было,
Хотел спустить на морское дно —
Руки оказались короткими.
Корабли досталися нашим в целости,
А генерал сам себя позастреливал.
И все вражески документы
Доставалися в руки Кирову,
Тому ли Сергею Мироновичу.

* * *

Шли враги на Астрахань со всех сторон,
Но Киров, Сергей Миронович,
И вся его дружина храбрая
Со врагами со неверными
Скоро-наскоро расправились,
Загнали их в море Каспийское,
Очистили землю советскую
От шпионов-врагов, злодеев лютыих.
Мы за эти за дела хорошие
И за эти подвиги великие
Честь воздаем товарищу Кирову,
Сергею да свет Мироновичу,
И всей дружине его, Красной Армии!
А на том былинка и кончается.

НОВИНА О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

23 (88). Пропеваньице про сочинителя премудрого

Широко Волгá-река разливалася,
Протекла, подошла она ко городу,
Ко тому ли ко славному Нижне-Новгороду,
Там ведь жил-проживал удалый добрый молодец,
Из простых-то родов был да из бедности,
На отход ходил да он везде бывал,
Он везде бывал да он всего видал,
Жизнь прошла его не во гуляньицы,
Не во веселом-то пированьицы,
Не привелось ему позабавлятися,
Играми молодецкими поутешатися,
Жизнь сиротская шла, бесприютная,
По деревенькам ходил, по городам смотрел,
Смотрел-то он да оприметивал,
В науках мудрых искал счастьица;
За его судьбину за очень горькую
Дак прозвали его Максимушкой Горьким.
Трелога была в делах его немалая,
Были многи заботушки у него великие,
Мудры люди ему-то дивовалися,
Глупы люди над ним-то надсмехалися,
Как денечки белые он прохаживал,

Как ночки темные он продумывал,
Чтоб простому народу талан-счастье дать,
Жизнь просторную, жизнь свободную.
Прошло много-то поры-времени,
Уж как стал добрый молодец на возрасти,
Как ясен сокол на возлети,
Набрал он от жизни полного ума-разума,
Он ведь слышал в себе силушку великую,
В руках перышко у него было лебединое,
Писал-прописывал он рукописанья очень чудные,
Очень чудные да очень волшебные,
Как писал-то грамотки словами золотыми.
Дак прошла про него славушка великая
По городам по всем да по деревенькам,
Уж как стал он всему народу учителем в образованьици,
В образованьици, в премудром-то обученьици,
Уж как стал он свыше мудреца — северьянина Ломоносова,
Уж как мудрее он был восточных филосто́хов.
Возлюбили его вожди великие,
Первый вождь — Ленин Владимер Ильич,
Другой вождь — наш Сталин свет,
Уж как был он им другом верныим,
Другом верным, неизменныим,
Они вместях да думу думали,
Они вместях совет советывали,
Они вместях да речь гово́рили,
Они вместях чудно дело делали
Для народу нашего, для всего советского.
Завелись у нас злодеи, чудовища страшные,
Задумали погубить рыцаря премудрого,
Рыцаря премудрого, сочинителя великого,
Дорогого всему народу, очень милого,
Погубить его да отравить его.
Недолго, злодеи, они думали,
Отравительной травы да приготовили,
Люта зельица ему насыпали,
Они мучили его муками ядовитыми,
Разлучили его да со белым светом,
Очи ясные его да призакрылися,
Уста печальные его замолкнули.
Я живу у морюшка у Белого,
Во деревеньке в родной Золотице,
Никогда не забуду я Горького Максима,

Обучал он народ к счастью лучшему,
К счастью лучшему, к наукам-образованьицу,
Он с народом жил по-простому,
Он ведь знал долю бедную, старопрежнюю,
Горьку, бедну жизнь деревенскую,
Несчастну, треложну жизнь городовую.
Как пришла эта весточка нерадостна,
Вода в нашей речке Золотице помутилася,
Бело морюшко всколыбалося,
Морской волной да разливалося,
Народ-люди ужахнулися,
Ужахнулися да запечалились.
Много мудрости было в его буйной головушке,
Много трепета было в его ретивом сердце,
Да не привелось ему на свете полный век прожить.
А не стало у нас премудрого сочинителя,
А не стало у нас друга верного,
А не стало у нас дорогого Максима Горького.
Быстры реченьки в половодье текут,
Слезы печальные из очей бегут-катятся:
Потухла наша звезда светло-поднебесная,
Погасла-то у нас заря утренняя,
Как не стало у нас дорогой скатной жемчужинки,
Как не стало у нас драгоценного камешка,
Дорогой у нас не стало вершиночки,
Золотой-то у нас не стало прядочки,
Погинула краса-мудрость его всепрекрасная,
Он не держит во рученьке перышка лебединого,
Он не пишет нонче ученой грамотки,
Он ушел от нас, укатился ведь,
Как ко стене-то ко славна кремлевской,
Как во могилушку-то во глубокую.
Да не для того на небе красно солнышко,
Не для того белый день освещается,
Чтоб закрывался он тучей темною.
Пущай мудрость твоя великая не забудется,
Вечно будет про тебя вспоминаньице,
Вспоминаньице да пропеваньице,
Вечна славушка твоя да не минуется!

НОВИНЫ О ГЕРОЯХ АРКТИКИ

24 (89). Былина о челюскинцах

Как во матушке в каменной Москве,
Как у нашего вож(д)я да у Сталина
Есть много светлого ума, ума-разуму.
Направляет он удалых-добрых молодцев
С каменной Москвы и на Ленинград:
«Вы езжайте во путь да во дороженьку».
Направляет их Иосиф Виссарионович
Во путь да во дорожку долгую
Из града Ленина еще в теи океаны ледовитые.
Они справлены и снаряженые.
Во главе сидит Поколен-Борода[1],
Провожает их (да) весь честной народ,
Весь советский народ с Красной Армии
Узнавать путь-дороженьку
В океан-моря ледовитые,
Узнавать моря чужестранные,
Развернуть поход быстроходные,
Доставлять товар в скором времени,
Не по-старому, а по-новому,
По-новому, по-стахановськи.
И поехали удалые сильные молодцы,
Вновь богатыри — люди смелые,
Дружина-то их вся хоробрая.
Во главе богатырь — Поколен-Борода
Да капитан у них Умна-Голова[2].
Приехали удалы добры молодцы
К датскому королю в гости
От народа от нашего, советского.
Поколен-Борода да капитан удалой
Недолго побыли, да много видели
Наши удалые добрые молодцы,
Што товару у них продать некуды,
И рабочие там (все) голодные.
Наш советский народ живет весело,
У нас есть всего, да всего-навсего,
И товаров есть очень множество,
Городов у нас принастроено,
Города у нас изукрашены,
Чистота в городах, электричество.

Как отправились из Дании
Да на Мурман-град
Поколен-Борода, капитан Воронúн,
И приехали они да во Мурман-град.
Тут во Мурмане их тепло встретили,
Дорогих гостей — Поколен-Бороду,
И со всею с дружиной хороброю,
Их там встретили-то родные братья,
Родные братья и в ряде женщины.
Погостили они в граде Мурмане,
И отправились снова в путь-дороженьку
Они держать путь в море Карское.
Тут как встретились им злые недруги,
Злые недруги — льды пловучие,
Долго бились они с неприятелем,
Не могли никак от удару сбыть,
Тут удар нанесло в нос «Челюскину»,
Проломило борт, полила вода...
Поколен-Борода, капитан Воронин
От удара того да не дрогнули,
От удара скалы неприятельской.
Поколен-Борода стал командовать,
Капитан Воронúн стал приказывать,
Чтоб скоро-наскоро все было налажено,
Мастеров-слесарей он потребовал,
Быстротой мастеров все исправлено.
И поплыл кораб во перед во путь,
В океан-море ледовитое.
И встречали кораб они «Красина»,
Он помог пройти ледяные скалы,
Ледяные скалы, очень трудные.
А потом они распрощалися,
Каждый путь держал в свою сторону,
Долго бились они в ледяных горах,
Нужно было им нáказ выполнить,
Нáказ Сталина, нáказ всей Руси.
Как наехали они на большую гору,
Ледяную гору и высокую,
Вот и стало кораб льдами сильными.
Поколен-Борода, капитан Воронин
От удара того да не дрогнули
И команда была быстро созвана:
Не робейте, друзья вы товарищи,

Наш советский народ духом не падает,
Не боится он ни огня ни воды,
Океана не боится ледовитые,
На врагов даст отпор, отпор сильные
Той советской рукой да могучией.
С корабля что нужно́ было сброшено,
Как дружиной его на лед сложено,
По команды его, Поколен-Бороды,
В то же время дал знать в каменну Москву,
В каменну Москву, Москву Сталину,
Как родному отцу о спасении.
Сам пошел спасать орден Ленина,
Как врасплох позабыл в корабле он его,
Как пошел кораб в глубину морску,
Орден Ленина успел вытащить,
Поколен-Борода не дал гибели,
Чтоб пошел ко дну орден Ленина.
А на льду они думу думают,
Думу думают, думу крепкую.
Были созваны все товарищи,
И дружина его многосильная,
Как могучие все да богатыри,
Поколен-Борода, капитан Воронин
Тут собранием план раскинули,
Начертили его как быть лагерю.
И пришлось проспать ночь холодную
Как на тех на льдах на холодных,
Но измучились ведь от выгрузки,
И заснули они сном бога́тырским.
Тут как гибель была — лед раздвинуло,
Но не в страх пришла эта трещина,
Как дружина-то не испугалася.
Поколен-Борода успокаивал:
«Что в Москве об нас ведь заботятся,
Наш советский народ не покинет нас,
Он избавит нас от погибели.
Как шатер быстро́ да направили,
И живем мы теперь в этом лагере,
Сталин и́з Москвы прислал весточку:
Мы готовим вам еропланчики
О спасении вас да, товарищи».
Как проведали они весточку,
Заплясами все, веселилися,

Друг с другом они обнимались:
«Как об нас-то все да заботятся».
Тут как ветры у нас были сильные,
Были сильные и холодные,
Погоды-то были все ненастные,
Тут работали мы день и темну ночь,
Дорогих гостей ждали с неба мы...
Со небес гостей вроде ангелов,
Мы посадочки им уладили,
Штобы встретить нам дорогих гостей,
Чтобы были у нас чисто-полюшко.
А у нас в корабли было дитище,
У ней родина — океан-море,
Океан-море — море Карское,
Еще по морю ее мы и назвали,
Мы Кариной[3] ее тогда прозвали
Вся дружина Карью очень нянчило,
Одно дитище было любимое.

Как завияли ветры буйные,
Ветры буйные, ветра холодные,
Некак было-то нас вывести,
Еропланчиков моторы не работали,
Замерзали от морозов очень ярыих,
Сколько бились для нас люди добрые,
Чтоб спасти бы нас от погибели,
Не спустить людей в океан-море,
В океан море — море холодное,
Чтоб не хвастало море, океан-море,
Океан-море той добычею.
Не сдадимся врагу, врагу сильному,
Аще там да ледяным горам,
Ледяным горам и морским волнам.
Поколен-Борода, капитан Воронин
Всю дружину свою уговаривають,
Уговаривають-успокаивать:
Ведь об нас в Москве все заботятся,
Чтоб спасти нас всех лютой гибели.
Как пришла уж нам еще весточка,
Скоро-наскоро нас, скоро вывезут.

* * *

...Наступил тут день очень щастливый,
Вдруг поднялся шум в небе ясным,
Видим мы ероплан опускается,
Што летит ероплан на спасение.
Стало радостно и плясали все,
Сразу бросились все ко спасителю,
Подымали флачки, флачки красные,
Прилетали еще еропланчики
И спасли всех людей от погибели.
(Лишь один утонул – то нечаянно
Заплатили дань океан-морю[4].)
В каменну Москву мы приехали,
Вся Москва флага́ми изнавешана,
Дорогих гостей Москва встретила,
На руках несли вплоть до Сталина.
Как встречает тут Сталин-наш,
Сталин-вождь – Поколен-Бороду,
Капитана целует Воронина,
И всю дружину их многосильную.
Не боялись они ни огня, ни воды,
Ни зверей морских, ветров буйных,
Ледяных гор, гор высокиих,
Не боялись морозов свирепых.
Наградил-то их Сталин-вождь,
Наградил он их, много жаловал,
Как за ту за работу непосильную.
Приглашал к себе героев-летчиков,
Наградил героев за спасение,
Весь советский народ их приветствовал,
О их подвигах песни складывал.

25 (90). Поколен-Борода и ясные соколы

Снаряжал-то Сталин черне́ный большой ка́рабель,
Большой ка́рабель, славный ле́доход,
Садил-то на него ученых людей, людей мудрых,
Говорил-то им таковы речи:
«Уж вы, добрые молодцы, ученые да премудрые,
Вы пройдите все море ледовитое,
Дойдите до самого моря дальнего,
Проверьте все моря как следует!

Вы откройте путь-дороженьку, прямоежжую,
Проглядите там, как пройти туда,
Чтоб переезд-переход был-то скорый
В ту сторонушку дальневосточную,
К самому-то бога́тырю ко Блюхеру[1]».
Говорили люди ученые да люди мудрые,
Говорил за всех Поколен-Борода[2],
Поколен-Борода — начальничек голо́вный,
Борода у него очень длинная,
Очень длинная да очень черная,
От ветра она, как волна, колыбается,
При тихой погоде ковыль-трава не колышется.
Из простых людей да был же мудрый он,
Был-от мудрый да ученый он,
Смышленый во делах же был,
Во всем-то был догадливый,
Смелость-то была богатырская,
А подвиги-то славна рыцарские.
Говорил таковы слова:
«Ой ты ой еси, дорогой же вождь, товарищ Сталин,
Ты задал дела да очень тяжелые,
Тяжелые да очень треложные.
В эти пути-дорожечки ходили люди разные,
Ходили люди из Но́вогра́да,
Ходили народы разные иностранные,
Не могли они провести путь-дорожечку,
Не было у них такой мудрости,
Не было у них такой смелости,
Не было такого и ученьица.
Нам не страшны будут волны окиянские,
Нам не страшны будут ветры буйные,
Нам не страшны будут ночки темные.
У нас не мала дружинушка хоро́брая,
Она пройдет, пробьет же льды морозные,
Ветры буйные не повредят же их,
Ночки темные не попутают».

От славного от града-Ленина,
Из той гавани карабельной,
Из той из пристани да из причальной
Отходил черне́ный большой карабель.
Во-первых, пошел во ближне море,
Во-вторых, пошел в окиян-море.

Тут стоял, смотрел карабельщичек бывалый же,
Он стоял, смотрел на путь-дорожечку,
В руках-то держал трубочку подзорную,
Он смотрел-то во трубочку во все четыре стороны:
Во перву стороночку восходную,
Во втору стороночку заходную,
Во третью-то стороночку во летнюю,
А во четвертую стороночку полуночную.
Он смотрел-то, смотрел да поглядывал,
Поглядывал да высматривал,
Что впереди да ему видится,
Что позади да оставается,
Что по краям-то расстилается.
Ка́рабель несется птицей легкою,
Птицей легкою, морскою чайкою.
Увидал-то карабельщичек приметочку,
Приметочку-то — бережка крутые,
А на том бережку сам Блюхер стоит,
Сам Блюхер стоит, бога́тырь геройский.
Он стоит на заставе на великой в латах богатырских,
Он стоит да высматривает,
Чтоб ни птицы пролетные, ни звери морские,
Ни волки рыскучие, ни гады ползучие
Из чужих земель чтоб по морюшкам не прошли,
А горою не проехали.
Тут случилось-то горюшко великое,
Падала зима-то раньше сроку зимнего,
Заморозили ка́рабель льды морозные,
Задержали тут да путь-дорожечку,
Нельзя пройти черне́ну большу ка́раблю,
Не уйти-то им будет, не уехати
Не сухим-то путем, не водою.
Опускали парусы белы поло́тнены,
Бросали якоря новы булатные,
Клали-то сходни концом на лед,
Стали дожидаться весны красной да лета теплого.
Тут подымалась-то туча темно-грозная,
Велика невзгодушка зачиналася,
Она падала со всех четырех сторонушек.
Льдами, льдинами ка́рабель весь закла́ло уже,
Стало льдом закрывать да не видать его,
Пошатался карабель да с боку на бок,
Стал садиться ка́рабель на дно мо́рское,

Поверх карабля лишь ключи кипят.
Тут все люди ужахнулися,
Ужахнулися, но не растрело́жились,
В делах своих не растерялися:
Выгружали они кованы ларьци на льдину проходящую,
Сами скоро все соско́чили.
Один не соско́чил младой молодец,
Будто Садко, он пошел на донышко,
Ко царю пошел ко морскому же,
На его будто пированьице;
Не спокинул добрый молодец кара́блика советского,
Он один будет на нем да охранять его,
Охранять его в морюшке глубоком.
В одну думу все думали,
За одно да речь говорили,
Изо льду-то сделали шалаши себе,
Шалаши себе да оприютьице,
Оприютьице да обогретьице,
От снегов да от морозов приукрытьице.
Уж палаты те были не дворянские да не боярские,
Не боярские да не дома крестьянские,
Очень чудные да очень дивные,
Изо льда-то были сделаны.

Была баба на той на льдиночке же,
На руках у нее было дите малое,
Сберегли ее люди добрые,
Сберегли, не спокинули,
Уж убрали ей палату ледовую да саму лучшую.
«Ты расти, расти, дитя младое,
Дитя малое, да будь удалое!
Уж не налетят ли на нас птицы летучие,
Птицы летучие от самого Кремля,
А на них-то сидят добры молодцы,
Добры молодцы-перелетчики?
Не избавят ли нас от погибели,
Не выручат ли нас из неволюшки,
Не выберут ли нас из мо́рюшка, из холоду,
Из того ли льду из морозного,
Не унесут ли нас куда-нибудь во селеньице,
Во губернию ли, во деревни же?
Ты расти тогда, дитя младое,

Дитя младое, ледовое,
Будь счастливо долголе́тное!»

Во ту пору да в то времячко
Перепорхнула вестка за реку-Москву,
За реку-Москву в каменну Москву.
Услыхали про такое великое несчастье
Народы да от всех земель,
Разнесли скорбну весть по всем городам
Да по деревенкам,
По всей родной земли-матушки,
На всех голосах разных пле́меней.
Со старого до малого все ужахалися,
Отцы-матери прирастужились,
Братья-сестры призадумались,
А молоды жоны слезами уливаются:
«Есть у нас наде́я великая,
Наде́я великая — наш вождь дорогой,
Он не доведет их до погибели,
Спасет-то их, повыручит, из неволюшки повыведет».

Сталин учал посреди горницы похаживать,
Белыми руками приразмахивать,
Черными кудрями принатряхивать
И удумал-то он думу крепкую.
Он призвал к себе друзей-товарищев,
Всех товарищев, соработничков,
Ясных соколов-перелетчиков,
Говорил им таковую речь:
«Ой вы, товарищи, соработнички верные,
Случилося дело треложное,
Черне́ный ка́рабель у нас в гибели,
Он в гибели, во крушеньици,
Народ носит по морю на льдинушке,
На льдинушке во окиян-море.
Нужно, нужно все спасти народ,
Спасти, спасти народ, чтобы застать в живых,
В наших землях народ до́рог есть,
Каждый-то у нас во вниманьици.
Уж вы ой еси, ясны соколы,
Вы летите высоко по подне́бесью,
Через те ли леса темные,
Через те ли болота жидкие,

Через те ли реки быстрые,
Через те ли моря глубокие,
Выше тех ли облаков ходячих-то,
Долетите-то до моря-окияна же,
До той до мерзлой до лединочки,
Заберите народ в свои крылышка,
Поскорей перенесите, чтоб не нагнала их непогодушка
Со великими снегами, со морозами,
Перенесите их из моря да на суху землю!»
Льдину носит волнами,
А люди дела своего не теряют,
Производили они ученьице великое,
Обучали друг друга все ведь к лучшему,
Будто не было перед ними смерти скорой,
Будто не было у них печали-горюшка.
У них все будто забылося.
Скоро, скоро придет да весна красная,
Как тогда пойдет да лето теплое,
А растает льдиночка морозная,
Она вся-то вдруг развалится,
А народ погинут все в пучине мóрской.
Они думали, куда птице сесть.
У окон нет-то подоконничков,
Они брали-то складны ножички,
Разгребали на льдинке место чистое,
Чтоб птица птичьих ног не замóчила,
А теплых крылышков не заморóзила.

Во ту порочку, в то времячко
Заболел у них славный карабельщичек Поколен-Борода,
Заболел, захворал болезнью лютою,
Он лежал, не вздыхал, не стонал же,
На всех ласково посматривал.
А лежал-то он не на кроватушке тесовой,
Не на периночке пуховой уж,
Не было подушечки в изголовьици,
Не было у него одеяла теплого призакутаться,
Не было у него печки муравленой.
Лежал, спал на льдиночке морозной.
Вместо перинушки у него была лединочка,
Вместо подушечки рапачéк ледяной,
Вместо одеялушка — снег пушистой.
Говорил Поколен-Борода таковы слова:

«Вздыните головушки ко небушку,
Посмотрите за облака ходячие,
Не летят ли советские богатыри, ясные соколы?»
Вздымали добры молодцы головушки ко небушку,
Смотрели-то за облака ходячие:
Ничего-то там не видели.
Не поверил Поколен-Борода, что так есть,
Вставал сам да со постелюшки,
Припадал к небу да ухом правым,
Борода его ветром колыбалася,
Волоса его воздымалися,
Сквозь рубашку тело видится.
«Чую, чую я, что шум шумит,
По поднéбесью птица крыльем машет,
Крыльем машет, будто струна брычит,
Аль во болезни, во сновиденьици
Мне прислышалось да привиделось?»
Уж не много тут время миновалося,
День идет ко вечеру,
Соньце катится ко западу,
Загудела, зашумела птица прилетная,
Птица прилетная, советский богатырь, ясный сокол,
И садилась птица на то ли место чистое,
На чистое место на ровное,
Птичьих ног своих не замóчила,
Теплых крылышков не приморозила.
Ясный сокол по льдиночке похаживает,
Дубиночкой льдинки покалачивает,
Меховой кафтан нараспашонку держит.
Ясный сокол начал выговаривать:
«Прилетел я к вам из каменной Москвы,
Из каменной Москвы, со башни славной, со кремлевской,
Забираю всех-то вас под крылышка,
Унесу-то вас во селеньице,
Во селеньице, на суху землю.
Во-первых, возьму дитя малого,
Во-вторых, возьму баб же всех,
Во-третьих, бóльнего возьму да карабельщичка,
Во-четвертых, уж я всех заберу с собой,
Не спущу я вас черным воронам на карканье,
А белым медведям — на растерзаньице».
Спустился Поколен-Борода со крылечка со хрустального,
Со хрустального да со ледового,

Из своего-то ледяного шатра да разбитого,
Выходил-то на вольный белой свет
И говорил-то он таковы слова:
«Ай же ты, молодец ухватчивый,
Разве на земли-то стало тесно вам,
Разве небо стало низко вам?
Большое-то спасибо за спасеньице,
За спасеньице, за великое сохраненьице,
Только не честь будет молодецкая,
Не заслуга будет богатырская,
Когда я сам на первых крыльях улечу отсель,
Мне-ка нужно приостатися,
Мне-ка всех да спроводить-то нужно,
Улететь должóн последним я,
Это такие у нас обычьи водятся,
А я помешкаю немножко —
Дак все поправится».
Сказал слова́ да и повалился же,
Больше не мог с силами боротися,
Тут взяли его добры молодцы в охапочку,
Положили его птице во крылышко.
Во-первых, забрал дитя малого,
Во-вторых, забрал всех жонок ледовых,
В-третьих, забрал бóльнего карабельщичка, —
Всех кушаком по белым грудям привязывали
Ко крылышкам, ко перышкам птицы-сокола, —
И полетела птица высоко, по поднéбесью.

Тут налетали-то без счету ясны соколы,
Ясны соколы, славны птицы перелетные,
Они забрали весь народ оставшие,
Уносили их под óблака.

Они мало ли летели, коротко ли
Середи окияну, середи ледового,
Они мало ли, много ли летели поры-времени
Через те ли облака ходячие,
Через те ли леса темные, высокие,
Через те ли болота жидкие,
Через те ли реки быстрые,
Через те ли моря да глубокие,
Прилетели они в каменну Москву,
На пути, на дорожечке нигде не остановлялися,

В каменну Москву, к самому Кремлю,
На славну, на прекрасну Красну площадь.

Развязали ясны соколы кушаки от них ременчаты,
Выпускали спасенных из-под крылышков.
Тут встречал-то их народ из разных племеней,
Из разных племеней, из разных земелюшек.
По всем славным улицам по московским
Шел народ со старого до малого,
Шел народ со знамена́ми,
Со прекрасными со цветами.
Проливали слезы горючие от радости
Отцы-матери, братья-се́стрицы,
У иных-то молоды жоны.
Встре́ты были очень чудные,
Очень чудные да очень дивные.

Из тех ли ворот из кремлевских
Выходил же тут сам Сталин свет,
Сам Сталин свет с соработничками,
Шел-то он по площади по камешкам,
С ноги на ногу по-военному переступывал,
Хромовые сапожки его скрыпали,
Со веселою улыбкою он встречал гостей,
Он встречал гостей да целовал-то всех.
Во-первых, целовал дитя малого,
Дитя малого, ледового,
Во-вторых, целовал Поколен-Бороду,
Поколен-Бороду, карабельщика бо́льнего,
Во-третьих, целовал ясных соколов,
Ясных соколов, геройских перелетчиков,
Во-четвертых, обнимал всех спасе́нных же.
Тут пошло-то пированьице,
Веселое гуляньице
По всем землям, по земелюшкам.

А та лединочка, она плавает,
По окияну по седому она носится,
Никогда эта льдина не растаивает,
По той лединочке ходят-гуляют медведи белые,
Они ходят и дивуются.

Да это не чудо да не диковина:
Дальний Восток — дорожечка не ближняя,

Кривой ездой ехать ровно три года,
Прямой ездой ехать нонче тридцать дней.

Славному ледовому окияну на тишину,
Всему советскому народу на воспоминаньице,
От него пойдет на пропеваньице,
А ясным со́колам да славным карабе́льщикам
Им славы поют,
Им награда
Да честь великая!

26 (91). Сказание про полюс

Призывал-то к себе великий вождь Сталин на заседание,
На заседание да на рассуждение
Славного ледового героя Поколен-Бороду,
Призывал людей премудрых да все ученых,
Созывал ясных соколов, геройских перелетчиков,
Говорил-то он таковую речь:
«Уж вы гой еси, добры молодцы, герои-перелетчики,
Вы слетайте в ту страну в саму дальнюю,
В саму дальнюю да во холодную,
Во холодную да во северную,
Куда ясны соколы никогда не летывали,
Добры молодцы никогда не проезживали,
Где люди добрые не прожива́ли же.
Та страна для нас очень важная.
Как оттуда подымается вся погодушка
На всю нашу на родную земелюшку!
Приузнайте там, поразведайте,
Отчего зачались зори утренние,
Отчего-то дуют ветры буйные, –
Не ото льдов ли морозных воздыханьица?
Знать должны мы все про погодушку,
Когда и откуль подуют ветры буйные,
Когда пойдут да дожди частые,
Когда случится да люта засуха.
На полях своих да во делах своих
Обо всем этом мы должны ведати.
Вы летите в ту страну холодную,
Во холодную, во ледовитую,
Вы состройте там домичек ледовый,
Домичек ледовый с башенкой со высокой.

С той башенки глядите вы, проглядывайте,
Записывайте про все во книгу во памятну,
Посылайте мне ерлык да скору грамоту,
Как идут дела да что вам видится!»
Ходили в ту страну полунощную,
В ту страну, в северную, во холодную,
Люди многие иностранные
Ко тому ко столбу ко земному:
Чудный столб он ведь видится,
Из земли, из окияну он ведь кажется.
Как ходил один человек да иностранный,
Он хотел пройти, да не мог пройти.
Во тех во льдах да во морозных,
От тех от стуж да очень сильных
Он погиб да в том хожденьици,
Долго, долго да не знали ведь,
Где погинул хоробрый путешественник.
Через несколько поры, поры-времени
У того ли моря нашего у Белого
Как сидели рыбаки да рыбачили,
Они сети в море Белое закинули,
В сетях-то они выловили чудо чудное,
Чудо чудное да очень дивное:
Они выловили сапог с его правой ноги,
А в сапоге в том прописаньице положено:
«Во делах своих успеху не окончил я,
Не исполнил я заветного мечтаньица».
Как ходил другой человек да иностранный
По тем путям морским, по ледовым
Ко тому ко столбу стоячему, ко земному,
В путешествии он да утомился,
Утомился да приустал весьма,
Он хотел да отдохнуть в пути,
Как во ту пору да в то времячко
Напали на него медведи белые.
Медведи белые да очень жадные,
Разорвали его на части на мелкие,
Они съели, сглонули его без остаточку,
Не оставили ни одной от него косточки.
У того ли у моря нашего у Белого
Ходили наши охотники да охотились
За теми за тюленями, за зверями морскими,
Однажды зверя они да застреляли

Не тюленя, а медведя белого.
Медведя белого да заблудившего,
А как начали сдирать шкуру-то медвежию,
А как начали разрубать тушу-то медвежию,
Чудо чудное да очень дивное —
Во кишках нашли трубочку подзорную,
Трубочку подзорную того ли путешественника,
А в той во трубочке записочка положена:
«Во делах своих успеху не окончил я,
Не исполнил я заветного мечтаньица».
Как ходили третьи люди да иностранные
По тем морским путям по ледовым
Ко тому ко столбу стоячему, ко земному,
Да попали они во крушеньице,
Да впали они во великое несчастие,
Завелся между ними свирепый голод,
Они начали друг дружку есть да кушать.
Подоспели, подошли тут корабли советские.
Спасли тех, кто в живых был, не померли.
Много-то ходило туда народу разного.
Но не было у них такой способности,
Способности такой да премудрости.
Не было у них такой хоробрости и ученьица.
Полетели туда наши ясные соколы,
Ясные соколы, герои-перелетчики.
Летели они через горы высокие, ледовые,
Летели они через моря глубокие.
Прилетели они в ту страну холодную,
В ту страну холодную ко столбу земному,
А вокруг того столба льдинки носятся.
Льдинки носятся, кругом кружаются,
Приносили они на крылышках людей мудрых,
Людей мудрых да хоробрых же.
Опускали они их со крылышков
На ту лединочку на морозную, проходящую.
Они делали на том на столбу на земном
Знамя славное советское,
А на льдиночке домичек состроили,
Домичек ледовый со высокой с башенкой.
Опускались они на дно морское,
На дно морское бездонное.
Доставали они глубину окиянскую,
Смотрели-глядели они, как земля вертится,

Как вертится да вокруг кружается,
Кругом столба да обвивается,
Штоб всем от соньца было обогретьице,
Штоб знать было, когда идет же белый день,
Когда приходит ночка темная.
Не на трех китах земля основана,
Как говорили в старину люди старые,
Не потому земля колыбается,
Будто кит спросонья пробуждается,
А вертится земля вокруг столба стоячего,
Тем столбом земля насквозь протыкана,
И оттого земля-матушка колыбается,
Што чудный столб от ветра шатается.
На самом на том на столбу на земном,
Што торчит верхним концом ко небушку,
Знамя славное советское развевается,
Возле знамя того стоит сам Поколен-Борода.
Его черная бородушка по ветру воздымается,
Делает он разные приказаньица,
Как вести дела, как делать всю погодушку.
И оставались на той на льдине проходящей
Советские герои, пречудные рыцари,
Они стоят на заставе на самой морозной,
Они живут-проживают у того столба стоячего,
У славного герба советского.
Пришли к ним во помощнички медведи белые,
Медведи белые им поклоняются,
Они пришли с героями познакомиться,
Познакомиться да поздороваться,
Быть суседами да все ведь ближними
И товарищами все ведь верными.
Герои живут на льдиночке да дело делают,
Дело делают, все просматривают да проглядывают:
Как только ветры буйные зачинаются,
Изо льдов они делают стеночки защитные,
Штоб не дули ветры буйные на наши поля прожиточные,
Штоб древа в садах да не шатались,
Штоб корабли советские во спокое плавали.
Когда туча собирается — ее придерживают,
Попридерживают в руках да поощупывают,
Отпускают тогда тучу в ту стороночку,
Где нужны земле дожди очень срочные.
Лединочка с героями по окияну носится,

По окияну носится неизвестно в каку стороночку,
На ней горят нонь огни всяки-разные,
На ней цветут нонь цветы лазуревые.
Да это не чудо да не диковина:
Ноньче погодушку для своей для родины
Делают советские богатыри своею мудростью,
Своею мудростью, науками превеликими!

27 (92). Советские соколы

Полетели они, ясны соколы,
По туманам, облакам
Да по льдинным горам.
Как на льдине одной опустилися,
Зимовать на ней порешилися,
Посажав четырех, возвратилися,
Возвратилися невредимыми.
Рассчастливейший народ
Стал их спрашивати:
«Вы скажите нам, ясны соколы,
Где вы лётали и что видели?» —
«А мы летали в ту сторонушку,
В ту сторонушку неизведанную.
На далеком севере там на полюсе
Мы увидели диво дивное:
Как плывут по морям
Горы льдинные.
Мы опять полетим в ту сторонушку,
Отыскать мы хотим Леваневского.
По пути полетим по знакомому,
И на льдинушке той остановимся.
Там зайдем навестить мы зимовщиков
И расскажем им все мы про родину,
Как про родину, про счастливую.
От страны передадим по поклончику,
Всем по низкому,
А особый поклон — вождя Сталина».

28 (93). Не един славный богатырь во Советской земле

В ста́ринах-то наших пропевали-сказывали,
Будто богатыри на Руси повывелись:

Илья Муромец помер от старости,
Добрынюшка Никитич убился о камень-алатырь,
А молодые тридцать бога́тырей ока́менели.
Много-то прошло поры-времени,
Не было про богатырей никакой весточки,
Да не повывелись русские могучи богатыри,
Они сидели-то в долгом ожиданьице,
Они сидели-то в премудром рассужденьице:
Когда дойдет до них счастливый день,
Счастливый день да веселый час,
Да вызовут их на подвиги геройские,
На подвиги геройские, для всего народу желанные.
Не окаменели русские богатыри,
Они накопили теперь силу многую,
Стала силушка сильней у них,
Стала мудрость-то мудрей у них.
Уж как нонче у нас да не един Илья Муромец,
Уж как нонче у нас да не един Микула Селянинович,
Едино-то солнышко на небушке по-прежнему,
Да не един славный богатырь во Советской земле.
Сказать-то нам не про старинушку,
А сказать-то нам про новинушку,
Про жизнь про новую, про теперешнюю,
Про удалых добрых молодцев-папанинцев,
Про богатырей-то славна советских,
Про их-то славное хожденьице окиянское.
Не на пароходах-то ходили они паровых,
Не на черненых больших ка́раблях,
Не на парусных-то легких лодочках, —
Они носились-плавали на лединочке;
Снегом белым их занашивало,
Морозом-льдом их замораживало,
Волнами окиянскими разбивало их,
Ветрами сильными уносило их.
Приустроили они ледовый домичек со окошечком,
Кроваточки сделали себе да не кисовые,
Столики-лавочки сделали себе да не дубовые,
Изо льда да из лединочек все устроили;
Маяк-башенку на лединочке поставили,
Узнавать чтоб времена разные, погодушку.
Замечать, откуда пойдут тучи темные,
Замечать, откуда подуют ветры буйные,
Замечать, откуда подынутся волны окиянские.

Они плыли-то прямой дорожкой, неокольною,
Они плыли-то без ясна красна солнышка,
Они плыли-то без зорюшки без утренней, без вечерней,
Они плыли-то без светлого без месяца,
Они плыли-то без светлых частых звездочек.
А неделя-то за неделей, как ручей, бежит,
А месяц-то за месяцем, как река, текет.
А как разгневался морский царь, рассердился:
«Почему гости незваные наехали?»
Разгрубился царь морский, разбушевался,
Напускал-то погодушку очень грозную;
Зашумели-то волны гремучие, окиянские,
Да не устрашились герои славна советские,
Не убоялись они страху царя морского,
Не убоялись они непогодушки окиянской,
На лединочке по окияну они носилися,
В науках своих дела делали,
Над морским царем надсмехалися:
«У тебя, у царя, борода седа, голова бела,
Да нет у тебя большой мудрости,
Не зазвать нас на смертное пированьице,
Мы обучены наукам превеликим, советским,
А твоя-то сила вся в сказках поисточилася!»
Уж как наши поморы беломорские
Очень удалы они на лединах за зверем морским плавати,
Да не видали они такого чуда чудного,
Да не слыхали они такого дива дивного,
Как подвиг-то сделал славна богатырский,
Как проехал окиян-море на лединочке
Папанин Иван свет Димитриевич со товарищами,
Со советскими мудрыми героями.
Приходила я да ко морюшку Белому,
На крутой на бережочек, на желтый песочек,
Вот глядела-смотрела в море Белое,
Не плывет ли та лединочка в наше морюшко,
Не поднесет ли эту лединочку со героями
Тихо-кротко ко самому ко бережочку,
Не зайдут ли они во нашу во деревеньку,
Гости дорогие да очень ценные,
Вот уж будет тогда возрадованьице!
Дак не по нашему было по счастьицу,
Не так случилося, как хотелося:
Взбушевалась погодушка окиянская,

Со ветрами пала да со туманами,
Ветры пали да не попутные,
Унесло их по теченьицу в друго море,
Разломало-то их лединочку на кусочки на мелкие.
Тут пришло-то положеньице само гибшее,
Да не устрашились они смертной ужасти,
Они с ледины на лединочку перескакивали,
Собаку, друга верного, с собой перенашивали,
Во крушеньици своих наук не побросили.
Получал скору весточку дорогой же вождь,
Дорогой же вождь, славный Сталин свет,
Прочитал он да не замешкался,
Снаряжал он паровые скоры ледоколики,
Отправлял их для папанинцев,
Чтоб спасли всех до единого.
Из Мурманска-то из города,
Из той гавани из карабельной,
Выходили-то тут ледоколики,
Ледоколики, наши советские соколики;
Не пароходами шли, летели птицей перелетною,
Делали они путь-дороженьку очень скорую,
Им путь-дорожечка посчастливела,
Ихне плаванье было удачливо.
По утру, по утру ранному,
По восходу соньца красного,
Увидали папанинцы, будто небушко осветилось,
Услыхали они, будто шум шумит, да не лед гремит;
Как прилетела тут птица-сокол перелетная,
Принесла-то им весточку веселую:
«Скоро, скоро дак дойдут до вас,
Пробьют-проломают лед, разрушат его,
Как подойдут-то советские славные ледоколики».
Не вешняя вода да разливалася,
Ледоколики-то все приближалися,
Обошли кругом да подошли же к ней,
Ко лединочке, ко обломочку,
На лединочке добры молодцы дожидалися;
А не золото с золотом сливалося,
А не серебро с серебром стекалося,
А не два ветра в море слеталося,
А не две горы вместях сходилося, –
То герои к героям по лединочке подвигалися;
Тут встреты были очень чудные,

Очень чудные да очень дивные,
Они свиделись да поздоровались,
Со улыбочкой целовали в уста геройские.
Ай славны их подвиги, славны геройские,
Ай славу будут петь все народы разных пле́меней,
Пропевать-то будут со старого до малого,
Пропевать будут по городам и по деревенькам,
Ихня слава вечно не минуется!
Я приехала-то от морюшка от Белого,
Из той из деревни из Нижней Золотицы,
В каменну Москву, в стольный град народа советского,
Чтоб от поморов от всех передать по привету,
По привету да по низкому поклону,
Пожелать-то нашим героям жизни долголетной,
Долголетной да все счастливой!

29 (94). Былина

В старину-то было стародавнюю,
Как во том во городи Киеви
А у ласкового солнышка Владимира
Были сильныя могучии бога́тыри:
Святогор бога́тырь да сильнеющий,
От его ли силы бога́тырскоей
Не носила матушка сыра земля,
Он ездил всё да по большим горам;
Да ещё богатырь был крестьянский сын
Илья Муромец сын Иванович, —
Проложил дорожечку прямоезжую
К тому ли городу Киеву
А разбил-решил гнездо Соловьево,
А Соловья злодея Орихмантьева
Привёз ко князю ко Владимиру,
Сослужил народу службу верную;
Был Добрынюшка да Никитинец,
Ездил он за славное синё море,
Бился-ратился со Змеищом Горынищом,
И победил он змея шестиглавого,
И много бил поганых татаровей,
Освободил народ да своей родины;
Да еще богатырь Дюк Степанович, —
Когда ехал он ко городу ко Киеву,
Три заставы переехал он великие:

Перва — звери были поедучие,
Друга — змеи были поклевучие,
Третья — горушки были столкучие;
Всех зверей побил он поедучих,
Потоптал конём змей клевучих,
Пораздвинул горы он столкучии,
Проложил дорожку прямоезжую,
А ко славному ко городу ко Киеву,
Сослужил народу службу верную.
Старопрежние богатыри решилися,
А во Советской во Расеюшки
Новые богатыри явилися:
Во Москвы ли славной белокаменной,
А за той стеной кремлёвской златоглавоей
Богатырь есть Сталин красно солнышко,
От его ли словца ласкового, доброго
Свету-жару больше, чем от солнышка,
Обогрелася Советская Россиюшка.

***

Как сошлись удалы добры молодцы
Во Москву ли славну белокаменну
Ко тому ли вождю Сталину,
Как сошлись они да побраталися,
Словом честным умным обменялися.
А возговорит Иосиф красно солнышко:
«Уж вы русские совецкие богатыри,
У нас вся страна поразведана,
Вся больша земля и горы — всё измеряно,
Все колхозы, фабрики, заводы на своих местах,
Лесорубы и рабочие да на своих постах,
Только есть в стране задание да не проверено
Океан-море Ледово не измеряно».
Тут возговорит Папанин Иван Митрович[1]:
«Ой же ты, Иосиф красно солнышко,
Как теперь моё сердечко взрадова́лосе,
Оно давно твоё словечко дожидалосе,
Я с охотою пойду да к океан-морю,
Ко тому ли морю Ледовитому,
Уж ты дай-ко мне прощеньицо да разрешеньицо,
Уж ты дай товарищи надёжныи,
И работнички да неизменныя».

Тут ведь русские могучии богатыри
Папанин, Кренкель[2], Ширшов[3], Федоров[4]
В путь-дороженьку далеку отправлялися,
В океан-мори ледовом поселялися,
Как село стоит лагерь папанинцев,
Храбрецов удалых добрых молодцов,
А на той плиты да на ледовой,
На толстой ли льдины на дрейфовою,
Ледяны полаточки поставили,
Всё оружие-припасы поразвешали:
«Уж вы братьица мои совецкии богатыри,
Вы послушайте-ко брата большого,
А вы делайте-тко дело повеленное».
Тут скорым-скоро да поскорёшенько.
Удалы бойцы да все папанинцы
Начали работать по-стахановски[5].
Не спалось богатырям да ночку темную,
За работой коротали ночь всю заполярную,
С ветрами-бурями со стихией боролися,
За теченьицом морской воды дозорили,
Глубину морскую они промеряли,
Все теченьицо морской воды проверили,
И на дне морском растеньицо разведали,
Алый флаг советский тут поставили,
Проложили-указали путь прямёшенький
Во сторонушку суровую холодную.
Серый заюшка туда да не пробегивал,
Чёрный ворон вещий не пролётывал,
Пролетел только советский наш ясён сокол
А Валерий Чкалов да свет Павлович[6],
Проложил воздушный путь-дорожечку
Беспосадочно с Москвы прямо во Арктику.
А теперя удальцы да все папанинцы
Водный путь по Арктике проло́жили,
Развивают на пути флаги совецкие.
Как денечек за денечком как соко́л летит,
А неделька за неделькой как река бежит,
Прошло времечки да девять месяцов,
День ко вечеру да приближается,
У папанинцев работушка кончается.
Тут возго́ворит Папанин добрый молодец:
«Уж вы братьица мои, совецкие богатыри,
Вы товарищи мои надёжныи,

Покорили мы Ледовый океан-море
Пораскажем солнышку да Сталину,
Всей страны советской мудрой партии
И всему народу и по всей земле».
Выступал тут Кренкель добрый молодец
Свиснул он по-молодецкому,
Закричал-то он по-богатырскому.
Услыхала вся ли матушка земелюшка,
Услыхали это слово в каменно́й Москве,
В каменно́й Москве да в золотом Кремле
Красно солнышко Сталин с Ворошиловым[7]
Да и Молотов[8] ли со Калининым[9]
И весь советский трудовой народ.
Всю четверку удальцов папанинцов
Все встречали с честью-почестью,
Со великой большой радостью.
Мы петрозаводские да избиратели
Депутата встретили Папанина.
А во Москве столице да советскоей
Как Иосиф Сталин красно солнышко
Он возговорит да таковы слова:
«Вы советские могучие богатыри,
Как за вашу ли услугу верную,
А за работушку геройску неизменную,
Вас правительство да много жалует,
Вы берите-тко золотой казны,
И берите вы по добру коню.
И берите вы платья цве́тныи».
Тут возговорит Папанин в ответ Сталину:
«Уж ты славный богатырь да красно солнышко,
А много мы довольны твоей милости,
А не надо нам да золотой казны,
Золота казна нужна ведь на строительство,
Цветно платье мы оденем Красну Армию,
А добры́х коней мы богатырскиих
Подарим героям Красной Армии.
Уж ты дай-ко мне прошеньицо да разрешеньицо,
Ещё дай могучий большой ко́рабель,
Ледокол “Иосиф Сталин” со командою,
Чтобы ехать мне да в океан-море,
В океан-море да Ледовитое.
У нас пути-дороженьки проложены,
Флаги советские фарватором поставлены,

А скорым-скоро да в скором времени
К Арктике совецки ко́рабли пойдут,
А буржуазны страны с зависти с ума сойдут.
А теперь в бурливом океан-мори
Там ходил-гулял да большой ко́рабель
Как Седов-корабль[10] да со командою,
Со командою славной той Бадигина,
Он проложил дорогу-путь надёжную
Во сторонушку суровую холодную.
Срок-то времечко седовцам уж кончается,
Уж к бо́льшой земле Бадигин направляется.
А по морю бурному катаючись,
Понабили, настреляли там морских зверей,
И китов-моржов, да и тюленей,
Да и белых медведей с медвежатами,
Нагрузили в перегруз на большой ко́рабель.
Я сослужу народу службу верную,
Помогу товарищу Бадигину,
Привезём много подарочков своей стране».
Как к тому ли городу ко Мурману,
Ко той пристани да корабельною,
Ко той гавани да ко причальною
Под парусами полотняными
Со флагами да со красными
Подплывали славные два ко́рабля,
«Иосиф Сталин» со командою Папанина
А «Седов» — с командою Бадигина.

30 (95). Былина о папанинцах

Как во матушке каменной Москве
У того ли товарища да Сталина
Собирались могучие богатыри,
Да все летчики знаменитые.
И дает он им наказ, наказ выполнить:
Что ль на тот полюс слетать да полюс Северный,
Как во те моря да ледовитые,
Что ль исследовать океаны те свирепые,
Ледяные горы да высокие:
Отчего они все расходятся?
От ветров ли буйных, сильных,
От теплого ли теченьица могучего?
Вот встает тут добрый молодец,

Иван Димитриевич да Папанин свет —
Говорит он таковы слова:
«Ой ты гой еси, могучий богатырь,
Иосиф да Виссарионович.
Объявляю тебе свое согласие,
Чтобы выехать да в океан-море,
Чтоб измерить глубину морску».
И сказал ему наш великий вождь,
Иосиф да Виссарионович:
«Поезжай-ка ты, добрый молодец,
Да во те ли моря да ледовые,
Подбирай-ка себе команду хоробрую,
Ты бери себе корабли быстролетные».
И отправились добры молодцы,
Что ль во путь во ту да во дороженьку.
Оснастили корабли да быстролетные,
Погрузили в корабли все нужное:
Чтоб исследовать океан-море.
Проводили их с честью-почестью,
Весь честной народ и Красна Армия,
Дорогие вожди-руководители.
И дают тут добры молодцы
Слово верное, слово крепкое,
Послужить родной стране советскоей,
Дорогим вождям нашей родины:
«Наше сердце есть богатырское!
Отдадим всю жизнь мы за родину».
Только видели молодцов сядучи,
Но не видели их поедучи.
Поднялись корабли быстролетные
Со командою Шмидта и Папанина
Что ль в высоту да поднебесную.
Не по часам летят, а по минуточкам,
На пути ничто их не задерживает:
И ни облака поднебесные,
Ветры буйные, тучи грозные.
Прилетели они быстрой скоростью
На тот ли полюс да на Северный,
В океан-море Ледовитое,
Осмотрели место для посадочки,
Опустился на льды трехсаженные.
Нет ни дому, ни хозяина,
Обогреть с пути да добрых молодцев некому.

«Своей храбростью, своей силою
Мы построим шатры да полотняные,
Отдохнуть с пути да со дороженьки,
Чтоб укрыться добрым молодцам
От ветров-то буйных, от морозов трескучиих».

***

Что ль на тех полях торочистыих,
В океян-море Ледовитоем
Начинают жить люди смелые,
Люди смелые да советские.
По местам у них все разложено:
Продовольствие и оружие,
Все технически принадлежности.
Храбрая четверка папанинцев
Выполняет наказ красна солнышка,
Сильного богатыря нашей родины –
Иосифа да Виссарионовича.
Они работают не жалея сил:
Измеряют глубину морску,
Берут воду на исследование,
Измеряют льды да трехсаженные,
Изучают ветры да буйные.
Ни погодушки, ни ветры буйные,
Ни морозы да трескучие
Не мешают работать добрым молодцам...
И повыбрали их депутатами,
Во Верховный Совет нашей родины.
«Шлем привет дорогим вождям и избирателям!
Мы даем-то слово верное, слово крепкое,
Послужить-то нашей родине советскоей
Умом-правдою, честью-доблестью!
Отдадим мы жизнь за свою родину!»
Вот живут они много месяцев,
Все веселые и здоровые.

***

Раз заметили в голубом небе:
Заходили-то тучи темные,
Засвистали-то ветры буйные,
Закружили-то снеги белые,

Раскололися льды да трехсаженные
И остались они на ледяном островке.
Но не дрогнуло их сердце богатырское,
Продолжают работать по-стахановски,
И дает приказ красно солнышко
Наш родной Иосиф Виссарионович:
«Послать да ледокол во сине море!
Снять со льда да добрых молодцов,
Добрых молодцов, героев советскиих!»
И пошли пароходы ледокольные
Из Мурманска в океан-море.
Держат путь ледоколы ко лагерю —
Борются со льдами саженными;
Уж близко они подбираются,
Разговор ведут с героями-папанинцами,
С ледокольного корабля со «Мурмана».
Тут команда была подана:
Повылететь на самолетиках,
Найти лагерь героев советскиих!
Вылетает Власов со товарищем.
В первый раз лагерь не высмотрел,
Во второй-то раз да повылетел
И нашел он лагерь папанинцев.
Спустился он к добрым молодцам —
Не описать радости при встрече той...
«Привезли мы вам вести с родины
От того ли красного солнышка
Иосифа да Виссарионовича,
Он ведь дал нам наказ, наказ выполнить,
Чтобы вывезти вас да на родину.
Привезли мы вам посылочку от жен, детей...
Уж как ждут вас, героев добрых молодцев».
Погостил Власов у папанинцев
И повылетел обратно с вестью радостной.
А папанинцы меж тем разговор ведут
С каменной Москвой, с товарищем Сталиным
Иосифом да Виссарионовичем.
«Мы здесь встретили дорогих гостей
С нашей родины да посланников
Самолет-то Власова со командою...»

* * *

Собралась тут вся команда с командирами
Из тех ли кораблей да ледокольныих,
И пошли все к лагерю папанинцев
Со красными-то знаменами
И навстречу им молодцы идут,
Идет четверка героев-папанинцев.
Впереди несут знамя красное,
Сами бодрые и веселые.
Раздалася команда Остальцева,
Говорит он таковы слова:
«Много лет вам здравствовать, герои-то славные,
Дорогие депутаты Совета Верховного,
Нам ведь дан приказ от того ли красного солнышка
Иосифа да Виссарионовича
И от всей страны советскоей:
Снять вас, добрых молодцов,
Со той ли льдины пловучией.
Как и все-то народы советские
Ждут отважную четверку папанинцев».
Говорит Иван Димитриевич таковы слова:
«Мы, четверка папанинцев,
Приветствуем вас, добрых молодцов,
С пароходов ледокольныих!»
Поздоровалась вся дружина тут пароходная,
С богатырями да целовалися,
Целовалися да обнималися...
А на кораблях-то флаги подняты,
Раздаются гудки радостные.
После митинга короткого
Вся команда ледокольная с командирами
Осмотрела лагерь снежанный.

* * *

Собираются добры молодцы,
Добры молодцы, герои-то советскии,
Что ль во путь да во дороженьку,
К тем ли пароходам ледокольныим,
Забирают-то они все имущество,
Дорогие-те подарочки.
Призадумалась тут команда пароходная:

Кому везти героев добрых молодцов?
Всем хотелося принять дорогих гостей.
Вот начали они жеребья бросать...
И поехали удалы добры молодцы —
Кренкель со Папаниным на «Мурмане»,
Федоров, Ширшов на «Таймыре».
Едут они ко родным берегам...
А вся-то страна наша могучая, непокоримая
Готовится к встрече дорогих гостей —
Богатырей да советскиих!

31 (96). Папанинцы

Как во славной в столице в Москве-городе,
У Всесоюзного у старосты Калинина
Были гости во почетном гостбище —
Не простые, а герои все советские,
А герои-то были да все летчики,
О полетах-то они разговорилися.
А один сидит-то гость да призадумавшись,
Сидит Шмидт-то свет да Отто Юльевич.
И сидит-то он ничем не хвастает,
Он не ест, не пьет, думу думает,
Говорит тут Шмидт да таковы слова:
«И за что дан нам великий почет:
Мы прославлены героями советскими,
А земной-то шар неизведанный
И природа не везде-то ведь изучена.
Надо ехать нам в Арктику далекую.
Путь-дороженька туда-то не близкая,
И машины нам нужны да много-сильные.
Разрешения попросим у Калинина
Да и мнения узнаем Ворошилова,
Руководства мы попросим да у Сталина».
И на это все герои согласилися
И с почетноей гостебы расходилися.
А как снова-то созвали совещание,
Обсудили эти все да предложения,
План работы и полета все одобрили
Да ведь многое-то им еще пополнили.
В заключение сказали все приветствия
И счастливого успеха пожелание:
«Вы машины-то берите много-сильные,

И припасы-то берите все, что нужно вам,
Докажите-ка вы смелость молодецкую,
Что являетесь героями советскими».

***

Вот машины все проверены, снаряжены,
И припасы все к полету приготовлены.
Собиралися тут граждане со всей Москвы,
Посмотреть на их полет да всем хотелося,
Только видели тех молодцов сядучи,
А не видели уж молодцов поедучи...
Хоть не рыбою-то в море они плавали,
И не серым волком в поле они рыскали,
Они соколом взвились под сине облочко.
Уж над Мурманом они да ведь обедали,
А где ужинать пришлось да не заметили,
А на утро оказалися у полюса.
И на толстую на льдину приземлилися,
Знамя красное поставили на полюсе,
Четверо шатер себе раскинули,
Начали работу экспедиции...
«Полюс Северный» название той станции,
Лагерем назвалися папанинским.
Триста дней ведь их работа продолжалася,
Состояние всей группы у них бодрое,
Результаты оказалися блестящие.
Шмидт к ним выехал навстречу с Москвы-города.
Как спасли-то бывало ведь челюскинцев,
Не оставили во льдах-то и папанинцев.
Знамя красное на полюсе поставлено,
Экспедиция ж в Москву уже доставлена.
Снова граждане Москвы да собиралися,
Выступали ведь на митинге с докладами
И дарили-то папанинцев подарками.
А как выступил Папанин-то ведь с рапортом,
Доложил все советскому правительству:
«Ой ты гой еси да Сталин-батюшка,
И Калинин с Ворошиловым да и Молотов,
Нами выполнены ваши все задания».
Тут ведь было пированьице, почетный пир,
Тут ведь было столованьице, почетный стол.
Много на пиру было героев-летчиков

И почетных-то граждан нашей родины,
А собравшиеся снова у Калинина
Прочитают эту песню от Рябинина.

32 (97). Сказ о погибших на дирижабле «СССР В-6»

Полетели снежки белые,
Покрывали поля чистые,
Темно только да становится,
Холодно да все заводится.
Выше лесу, выше темного,
Да по облаку ходячему,
Высоко там да на воздухе
Пролетел дирижабль да во дальний путь,
Во дальний путь да людей спасать.
Он летел во край во северный
За дорогими героями-папанинцами.
Далеко они приотправились.
Ветры буйные да холодные,
Денечки темные да короткие,
Ночи длинные да снеговые,
Им нельзя да приподнятися.
И несчастьице тут случилося,
Несчастливый день да во погодушку
(Темнота таки неладная),
Занесло дирижабль непогодою
На крутую гору ледянистую.
Как на гору ту раскатился он
И разбился весь во дребезги.
Но не все погибли добры молодцы...
Там погиб да командир их Гудованцев
Со своими да товарищами,
Как со удалыми, добрыми молодцами.
И получили мы весть печальную,
Весть печальную да весть нерадостную.
Ох, как жалко их, тяжелешенько!
Как в несчастный раз, в бесталанный час,
Видно, добры молодцы вылетели.
Уж как жаль да погибших товарищей.
Да ничего уж не поделаешь.
Заступят на их место другие,
Пожелаем мы им да всей семьей,
Всей семьей да нашей огромной,

Чтоб добрались они да по хорошему,
По пути да по благополучному,
В эту северную сторонушку,
На синее на морюшко,
Где сидят да моряки смелые,
Моряки смелые да люди умные,
Карты научные да составляючи.
И про вас все люди знают,
Все о вас да вспоминают.
Где у нас такие удалые
Во стране да в нашей северной?
Ой ты гой еси, Сталин-батюшко,
Дорогой наш Виссарионович!
Обо всех ты нас заботишься,
О мужчинах и о женщинах,
И о маленьких о детушках.
Ведь теперь пошла наша жизнь новая,
Как увидела свет темна женщина,
Не оставит Сталин-батюшко
Вас на льдиночке далекоей,
Он о вас да позаботится,
Достать вас да поторопится,
Не скучайте там, не тревожьтеся,
Уж доставят вас в каменну Москву!
Возвращения на родину счастливого
Пожелаем мы всей Россеюшкой,
Все малые да старые,
Все люди служивые.

33 (98). Былина о героях

Как наш Сталин сказал, так и сделали,
А как скажет еще — так и сбудется.

* * *

Посреди океана Ледовитого,
Вокруг северной точки, вокруг полюса,
Не корабль, не плот и не лодочка,
Только льдины холодные плавают.
Океана там глубь не измерена,
Океана воды не изучены.
Дуют ветры там, ветры буйные,

Ветры буйные, ветры холодные,
Застилают ветры небо тучами.
Как готовят ветры, приготавливают
Для большой для земли нам погодушку.
Там полгода день — светит солнышко,
Там полгода ночь — светят звездочки.
И сияет камнями самоцветными,
Бриллиантовой радугой рассыпается
Северное сияние над полюсом...
С давних пор не раз духом сильные
К этой точке добраться старалися,
Но сложили головы молодецкие.
У кого же голова сохранилася,
Те в дороге к Северному полюсу
Растеряли надежду, уверенность
И с дороги, с пути воротилися...
Год за годом идет все по-старому,
А дела-то идут все по-новому.
Посреди океана Ледовитого,
Вокруг северной точки, вокруг полюса,
Не корабль, не плот и не лодочка,
Только льдина холодная плавает,
А на льдине на той теперь станция,
Не простая станция — научная,
И советский наш флаг цвета красного
С серпом-молотом на полотнище,
Со звездою красною пятиконечною
Над полярной этой станцией
Возле полюса развевается.
Строят станцию люди верные,
Люди смелые, люди ученые,
Нашей родины люди лучшие
Строят станцию по заданию Сталина,
Сталина великого и мудрого,
По заданию нашей партии,
Нашей партии и нашего правительства,
Нашего государства советского,
Нашей родины славной, счастливейшей.
Прилетел туда перво-наперво
Самолет Водопьянова[1] храброго,
Он стальную птицу огромную
Посадил на лед без поломочки.
Без поломочки посадил, без царапинки,

Посадил ее вместе с пассажирами,
Первыми пассажирами полюса.
Сам товарищ Шмидт Отто Юльевич
С четырьмя зимовщиками смелыми
Прилетел в самолете Водопьянова
Строить станцию на полюсе полярную.
А за ними вслед, словно соколы,
Над широкими ледяными просторами
Порасправили крылья широкие —
Алексеев[2] летит, Мазурук[3] летит,
Впереди же их наш земляк, наш друг
Наш Василий Сергеевич Молоков[4].

НОВИНЫ О ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

34 (99). Про Клима Ворошилова

Послушайте-ка вы, как дороги́ наши товарищи,
Спою я вам как новую нынь былинушку,
Ни про буржуев ещё я ни про кулачников,
Ни про эту влась буржуазную,
А спою-ка я про влась про советъскую,
Про партейных да про товарищов,
Про товарища как я Ворошилова.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то,
А Клим то ещё да свет Ефремович.
Удалый есь как добрый молодец,
Одевал как ён одёжу военную,
Ну шинель-то одевал су́кна серого,
Ну доспехи ещё ён да богатырьскии,
А шол-то еще ён-то во конюшеньку,
Во тую ли как стойлу лошадиную
Ну брал ён коня богатырского,
Брал за повод он да за шелковенькой,
А выводил ли ён коня со конюшеньки,
А со той ли стойлы лошадиную.
Становил коня да осерёд двора,
Стал коня да тут обсёдлывать,
Потнички кла́дывал ён на потнички,
А подпружки кла́двал на подпружки,
Седёлки кла́двал на седёлышки,
А черкальско седло наверёх кладва́л

Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради ён у́крепи богатырьскую,
А для поездки ещё тут молодецькоей.
Товарищ ещё наш тут Ворошилов-то,
А Клим-то ещё ён да свет Ефремович,
Удалый есь как добрый молодець,
А брал как ён же тут саблю острую,
За плеча кладва́л ён винтовочку,
А винтовочку как пятизарядную,
А кладывал за плеча за свои за могучии,
Ну круг себя как ён пристёгивал патронныи кабурочки,
Во чехлы кладывал ён наганчики,
А во карманы тут клал ён бомбы разрывчаты.
Облаталсе как тут да обкольчужилсе
Товарищ ещё наш Ворошилов-то,
А Клим-то ён ещё да свет Ефремович,
Удалой есь как добрый молодець,
Садилосе как тут ён на добра коня,
Поежжал ещё ён с широка двора.
А видли тут добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодца тут поежжаючи
Ну с Москвы ёго да белокаменной
От товарища да тут от Сталина.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то,
А Клим-то ён наш Ворошилов-то,
Удалый ён да добрый молодечь,
Ехал тут ведь добрый молодечь,
Ехал ён тут на добро́м кони,
А ехал нунь на Восток да Дальний,
Приезжал как на Восток на Дальний
Товарищ ведь как наш Ворошилов-то,
Говорил как нунь таковы слова:
«Ай, дружина, вы моя да храбрая,
Постоим-ка мы за влась за советскою,
Постоим как мы за партейных за товарищей,
За народ за крестьянский,
А за люд пролетарский.
Ну пойдём-ка мы ко озеру Хазаньскому,
А начнём бить мы эту банду белую,
Не даим как им да мы пощадушки,
Не даим им земли советьскоей,
Не даим шагнуть да шагушки
А этим мы бандам белыим,

А бандам белыим да фашызныим».
Товарищ ещё Ворошилов-то,
А Клим-то ещё ён да свет Ефремович,
Удалый есь как добрый молодець,
Со своей дружиной ён как храброю
А ехал ён ко озеру Хазаньскому.
Приезжал как ён ко озеру Хазаньскому
Со своей дружиной как храброю.
Как у озёра тут ли у Хазаньского
А стоят ли тут эти банды белыи,
А банды белыи стоят да фашизныи,
Стоит их да что чёрна ворона
У того Хазаньского у озёра.
У товарища как тут у Ворошилова
Сердечко у его разгорается,
Могучая рука поднимается
На эту тут на банду на белую,
На белую на банду фашизною.
Товарищ ищё тут Ворошилов-то
А приправил ён тут добра коня
Ну во эту ён во банду да белую,
А во белую банду во фашизною,
А ехал ещё тут ён на добром кони,
Махал тут рукой могучею,
А махал как нунь саблю вострою,
А где надо бил ён бомбой разрывчатой,
Ну с ружья стрелял с завидной ловкостью.
А ну прибил как эту банду белую,
А белую ту банду да фашизною
А у озера да ён у Хазаньского.
Ну славушка ей да миновалосе.
Товарищ ещё наш Ворошилов-то,
А Клим-то ещё да свет Ефремович,
Удалый ён да добрый молодець,
А дружине его как нуньку храброей
А славушка ли да не минуетсе,
А славушка идёт нунь по белу свету́
Товарищу как было Ворошилову.

35 (100). О боях на озере Хасан

Спеть бы мне былинушка не про старое,
А сложить бы мне былинушка про новое,

Как про то если Хасан да озёрышко,
Про советских могучих богáтырей.
Как у нас-то в советской земли-матушки
С юга на северную сторонушку
Как стоит ли Хасан да озёрушко,
Тихо вóдушка в нём колыхается,
Но врагам пить воды не удавается!
По одну сторону Хасана-озёрышка
Там стоят да сопки высокие,
Там бежит граница дальневосточная.
За той ли границей дальневосточною
Там живут самураи да японские,
По другу сторону Хасана-озёрышка
Живут советские могучи богáтыри,
Там бойцы живут политработнички,
Командиры живут да сверхурочнички,
Охраняют оне землю да советскую,
Не боятся ни огня оне не пламени,
Не боятся ни врагов и неприятелей.
Как в огонь пойдут да их огонь не жгёт,
Если в бой пойдут, дак пуля их не бьёт,
Из себя оне да очень бойкие,
И глаза у них очень зоркие.
Сзаду оне видят и видят спереду,
Высоко оне видят да на воздухе,
Далеко оне видят да в долинушки,
Оне сталинским духом воспиталисе
Ворошиловской смелости набралисе.
Однажды было пора-времечко,
Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого годышка,
Числа июля двадцать девятого
Как на тую ли сопку Безымянную,
Как на тое ли Хасан да озёрышко,
На советских сильных могучих богáтырей
Налетели на них чёрны вóроны,
Наступили самураи да японские,
Как хотели в Хасан-озере водушку повылакать,
Как советских могучих богатырей повыщелкать.
Увидали тут советские могучи богáтыри
Как тех ли самураев да японскиих —
Наступили своей ногой оне грязною
Как на нашу землю да советскую,
У советских сильных могучих богáтырей

Закипело в грудях сердце молодецкое,
Заходила у них силушка богатырская,
Оне недолго с врагами в бой сбиралися,
Оне недолго с врагами да расправлялися.
Как пошли наши сильны могучи бога́тыри,
Как бойцы пошли да политработнички,
Командиры пошли да сверхурочнички
Со своей ли оне великой Красной Армией
Как по той ли сопки да Безымянною,
Как по тем ли самураям да японскиим.
Как начали добры молодцы поезживать,
Как начали с пулеметиков постреливать, —
И пули летели, будто дождь дождел,
Пулемётики журчали, будто гром гремел.
Куда едут советски сильны могучи бога́тыри,
Куда едут, тут становится земля пуста,
Куда стреляют, тут становится кровь густа.
Вокурат как в ту пору да времечко
Как стояло пого́дье да неудачное,
Проходили дожди большие за́ливни,
Как болота с озёрами соединялися.
Как советские сильны могучи бога́тыри
Никаких они трудностей да не боялисе,
Всё с врагами дальше да расправлялися;
Как в атакушку рукопашную сходилися,
Как у тех ли самураев да японскиих
С плеч головушки как мячики валилися.
Как прошло да погодье неудачное,
Проходили дожди да большие за́ливни,
Загудело в облаках да красно солнышко,
Прилетели самолётики советские,
Приезжали ясны соколы сталинские,
Прилетели герои да ворошиловские.
Но тут гораже закипела в бою битвушка,
Не утихала тут битвушка ни ночью, ни днём,
Поливали тут врага да перекрёстным огнём,
Боялися враги да от советской руки
И бежали враги обратно во все ноги!..
Как теи ли самураи да японские,
Не выдержали сопки Заозерною,
Стреляли оне с орудий кто́ куда.
А советские могучи бога́тыри
В атаку вскричали ещё раз ура...

Как на той же сопки да Заозерною
Проходила битвушка да немалая,
Бежала ручьями кровь алая.
Как на ночь седьмого да августа
Проходила битвушка ужасная
Как на той ли сопки Заозерною,
На рассвете завевало знамя красное.
Как советские могучи богáтыри
Как тех ли самураев да японскиих
Прогнали на сопку Безымянную,
Как те ли самураи да японскии
Как по той ли сопки да высокою
Разбросались как зверёныши,
Расплывались оне как змеёныши.
А советские могучи богáтыри
Кормили их ручными гранатами,
Говорили тут советские богáтыри:
«Мы своей земли не отдадим вершка,
А чужой земли не возьмём ногтя».
Так и сделали советские сильны могучи богáтыри,
На том битвушку оне да призакончили,
Как тех ли самураев да японскиих
С советской земли их повыгнали;
Больше дух там ихней не послышится,
Больше след там ихней не повидится.
Как кипела эта битвушка да двенадцать дней,
Кипела она, как в котле вода.
Как про тую ли битвушку Хасан-озёрную
Знает весь мир и знает вся страна;
Нет таких трудностей, каких бы не преодолели
сталинские соколы,
Нет таких крепостей, каких бы не разбили сильны
советски богáтыри.

36 (101). Былина о бойце Зырянове

Как поезжает Зырянов добрый молодец
На тое ли поле бранное
На своём ли коне на ретивоем,
Как доехал он до Хасан-озера и пораздумался:
«На коне ль мне ехать на поле бранное,
Или лучше пойти в бой мне пешему
На скалистую вершину Заозерную?»

И спросил он разрешения,
Чтобы в бой итти ему пешему,
Итти пешему в рукопашную,
За своё славное отечество,
За свою советскую родину,
За Сталинскую Конституцию,
За самого товарища Сталина
И за своих товарищей храбрых воинов.
Он в руку левую пистолет берёт,
В руку правую саблю острую.
И как вышел он на гору Заозерную
И увидел самураев японскиих,
Богатырское его сердце разгорелося,
И закричал он зычным голосом:
«Эх вы гой, самураи японскии,
Уходите вы с нашей территории советскоей,
Не стоять вам против нас в бою,
В Хасан-озере вы воды много выпили,
А мы больше вашей крови повыточим.
Высока гора Заозерная,
Но мы выше гору сделаем
С ваших трупов убитых — самураевских!»
Услыхали его голос богатырский
Тыи ль самураи японскии,
Окружили его, молодца, со всех сторон;
Расходились его плеча могучие,
Размахались его руки сильные,
Он направо махнёт — летят головы,
А налево пальнёт — трупы валятце,
Прибил он их чуть не до единого,
А остальные самураи на бег пошли,
И сами они заклинаютце:
«Не дай ты нам, боже, бывать
На русско-советской земли,
Не дай ты нам, боже, видать
Русско-советских людей,
Неужели в России все таковы,
Что один человек наших тридцать семь убил?»
И как тот Зырянов-молодец
Он погнался вслед за самураями.
Но угодила пуля вражеска
Во его ли грудь широкою
И убила его до смерти,

И валился он на сыру землю.
Перестало битьця его сердце богатырское
Во его груди во белоей.
Его тело зарыто во сырой земле,
Об нём слава пройдёт по всей земли.

37 (102). Про Ивана-богатыря

Вставал Иванушка по утрушку ранёшенько,
Мылся водушкой белёшенько,
Обтирался посухошенько
Тонким льняным полотенышком,
Одевался почистёшенько
И просил у матушки разрешеньица
Ехать на границу на японскую,
Защищать свою родину.
И говорила Иванушке матушка:
«Даю, Иванушка, тебе да разрешеньице
Ехать на границу на японскую,
Защищать свою родину».
И шел Иванушка во стойло лошадиное,
Брал себе коня богатырского,
Он зауздывал, заседлывал,
Клал он войлучки да на войлучки,
А потнички да на потнички,
А наверх кладал седёлышко крестьянское
Со стременами да железными.
И садился Иван да на добра коня,
Брал оборону с собой богатырскую,
Брал пулемет многозарядный.
И поехал Иван на границу на японскую
Защищать да свою родину.
Как встретился с японским на́большим –
Ростом-то на́большой великий ведь,
А толщиной как идолище неверное,
А голова-то как змеище трехглавое.
И спрашивает японский на́больший у Иванушки:
«Куда едешь, добрый молодец, куда путь держишь?»
Отвечает тут Иванушка:
«Еду я на границу японскую, защищать да свою родину».
А говорит японский на́большой:
«Ты один едешь, добрый молодец,
А у меня силы – смету нет.

25 Рукописи

Еду я ваш славный город во полон забрать».
Тут Иван с японским на́большим да пораздорился,
У Иванушки сердечко разгорелося,
И поехал он на силу на японскую,
И начал с пулемета постреливать,
И начал силу японскую валить на камню.
Тут сила японская стреляла в Иванушку пулей-то железною.

Иванушка пули то выдергивал,
Маковыми листьями раны затупывал,
Покуда мог Иванушка, что было в пулемете, все повыстрелял.

Тут Иванушку сила японская подстре́лила.
Тут и пришло известьице широкое, что нет живого Иванушки.

И сказал тогда Иванов тятенька:
«Кто же будет заменять Иванушку?»
А у Иванушки был меньшой брат, звали брата Федором.
Да говорит Федор, меньшой брат:
«Как поеду я на границу на японскую,
Заменять буду Ивана должность я,
Защищать буду свою родину».
С Федором товарищей много справляется,
И поехали добры молодцы на границу на японскую,
Защищать свою родину.
Как встретились с японским на́большим,
Да говорит японский на́большой:
«Мне сказали, что Ивана и в живых-то нет,
А Иван на меня войной идет!»
Тут поехали добры молодцы
Сражаться с силой японскою,
А и начали они с оружией стрелять,
С оружией стрелять да с пулеметов палить.
А подстрелили да тут Федора,
А он пули-то железные выдергивал,
А и маковыми листьями затупывал.
Как услышал-то он: да и шум шумит,
А и шум шумит да и гром гремит:
Летит на подмогу да и третий брат,
А и третий брат да с Красной Армией.
Начали как с-под тученьки спускатися,
А и с-под той ли тучи темноей,
А спускались они да как белые лебеди,

Тут прибили силу всю японскую...
А на том былина и покончилась.

НОВИНА О ВОСЕМНАДЦАТОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

38 (103). Сказ о восемнадцатом съезде партии

Как во матушку во каменну Москву,
Во столицу во прекрасную
Со всего Союза Советского
Ясны соколы слеталися,
Делегаты собиралися.
И числа марта десятого
Во Кремле – в старинном здании,
На великом том собрании
(Собралось там больше тысячи),
Все сидят, ждут с нетерпением
Шага сталинского твердого,
Слова сталинского мудрого.
То не солнце из-за туч взошло,
Ясен месяц в небесах засиял, –
То явился перед съездом мудрый Сталин наш
Иосиф Виссарионович.
И не гром гремел весною раннею,
Не река забурлила могучая, –
То дрожал зал от приветствия
И от радости ко Сталину.
Становился он на место высокое,
Начал речь вести свою мудрую.
Он докладывал и рассказывал,
Что кругом на свете делается,
И что сделано нашей партией,
Как растет страна советская,
Как могуча наша армия,
Как зажили наши люди все,
Что намечено сделать в будущем,
В нашу третью пятилеточку.
Вот послушали слово Сталина,
И как он сказал, порешили все
На том съезде восемнадцатом:
Чтоб страна наша, как дуб, росла,
Чтоб страна наша, как мак, цвела,
Чтобы страны все соседние

Перегнала наша родина.
И уж знаю слово Сталина:
Порешили — значит будет так.

НОВИНЫ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К СССР НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

39 (104). О трусливых польских панах и храбрых красных воинах

Тучи черные ходят по небу,
Но не могут скрыть солнца красного.
Солнце красное с высоты глядит,
Луч бросает свой людям на землю.
Так страна моя богатырская
Красным солнышком людям кажется —
Зарубежному люду бедному,
Украинскому, белорусскому.
Тяжело живут братья кровные:
Сапогом панов все придавлены,
Нету радости, счастья, волюшки.
Вечно спины гнут — непосилен труд,
И живут в нужде, тяжкой горести.
Не видаючи светла, ясна дня,
На панов они вечно трудятся.
Шляхта польская вся исхвасталась,
Своей силушкой загордилася:
«Моя силушка несокрушимая,
Никогда никем не победимая».
Тучи грозные в небе плавают,
И сверкают вкруг змеи-молнии.
Поднялася вдруг буря сильная,
Ветер рвет в куски тучи черные...
Тучи черные порассеялись,
Засверкало вдруг солнце красное,
И ликует жизнь на земной груди,
Ярко светит ей солнце красное.
Так страна моя руку мощную
Подала своей кровной братии,
И пошли полки Красной Армии
Добывать волюшку люду бедному.
И летят орлы, сердцем храбрые,
Красны соколы, птицы смелые —

Разгромить, разбить силу польскую,
Силу польскую, силу панскую.
И пошли на бой красны воины,
На полях войны бились яростно,
Шли вперед, вперед лишь с победами
И в сердцах несли имя Сталина.
Зря расхвастались паны польские,
Словом храбрые, силой хилые.
Вволю скушали красных ягодок,
Угостили их красны воины,
Растрепали мы силу панскую,
Всю хвастливую, всю спесивую.
Будут помнить век паны польские
Красных воинов, храбрых воинов.
Пусть же знают все Красну Армию,
Кто охоч еще с ней поведаться.
Пусть лишь сунутся к нашей родине —
Мы ударим их крепко по носу.
Слава вам, орлы, красны воины,
За отвагу вам, волю твердую!
Будут помнить вас, красных воинов,
Люди добрые веки вечные.

40 (105). Былина о Москве

Ах ты, матушка да каменна Москва,
Каменна Москва да раскрасавица,
Ой, раскрасавица, как красна девица,
Вся как серебром ты покрытая,
Вся как золотом ты облитая,
Ой, облитая, сама богатая,
В тебе построены дома те высокие,
Выше лесушку да стоячего,
Выше облака да ходячего.
Ой, на домах веют флаги красивые,
Там живут московские люди счастливые.
Ой, среди Москвы, среди красавицы,
Там стоит гора из чистого из золота,
А это Кремль стоит друга Сталина.
Ой, над Кремлем горит да золота звезда,
Ой, золота звезда пятиконечная,
Ой, по всему белу свету она видная,
Ой, всем советским людям — как мать родная.

Ой, от земли-то звездочки рождаются,
Ой, по всему свету распложда́ются.
Ой, распложда́лися да зарождалися,
Ой, вновь три звезды пятиконечные:
Ой же, в Латвии, Литве да в Эстонии.
А во Кремле живет там наш отец родной,
Ой, отец родной да Сталин дорогой.
Ой, его глазочки-то как искриночки,
На волосах сияют золотиночки.
Да у его мудрая-то головушка.
И везде растут заводушки да фабрики,
А во деревеньках растут колхозушки,
Ой, растут в воздухе соколы смелые,
А на границах растут посты верные.
Ой, везде растет, цветет, умножается,
А власть советская по свету распложда́ется.
Ой, рядом со стеной кремлевскою
Там растет-цветет кулынь-трава.
Ой, от кулыни-травки корешки запложда́лися,
А от корешков елочки зарастали́ся.
Ой, тут возрос-зарос да зеленый сад,
Ой, сад зелененький да невеселенький.
Ой же, в этом садочку соловьи поют,
Ой, соловьи поют да пташки гуркают.
Говорил соловей-то ведь пташице,
Что стоит ведь садик, как темный день,
А на кремлевскую стену он бросает тень.
Ой, говорила пташица таковы слова:
«Что для того стоит садик кручинным,
Что Ленин с Кировым и Чкаловым
Они спят ведь сном непробудным».
Ой, говорил соловеюшка таковы слова:
«Хоть они спят сном и не пробудятся,
А о них честь и слава век не забудется».
Ой, рядом с садиком зеленым
Там построено да приналажено,
Ой же, теплое да вито гнездышко,
Ой, по прозваньицу да мавзолеюшко.
По нутру стоит оно не мшенное,
А по верху оно не шеломленое.
Ой, построено да поналажено
Да из красного оно из каменя
И из печального оно да из мрамора.

Ой, кругом мавзолеюшка-то Ленина,
Ой, пролегла тут путь да дороженька.
Как по этой по путистóй по дороженьке
Там народ идет — как вода текет,
Все идут советски люди да торопятся:
Посмотреть вождя Ленина всем хочется.
Ой же, спит-лежит дорогой Ильич,
Ой же, спит в гробу-то ведь хрустальноем,
И закрыт пеленами он печальными.
Ой, ведь спит сном непробудныим,
Ой, для всей страны для советскоей,
Ой, горит свечей неугасимою.
Ой, горит свеча — век не угаснется,
А о нем честь и слава век не забудется.
Ой, под землей Москвы да красавицы
Там не река бежит да не порог шумит,
Ой, бежит метро — дорожка подземельная,
Там шумит машина скороходная.
Ой же, то метро, дорожка подземельная,
Оно построено да поналажено
Оно из белого да из каменя,
Как из чистого да из мрамора.
Ой, туда дождь нейдет и снег не падает.
Везде горят огонечки те ясные,
И веют ветрушки те там прозрачные.
Ой, машина катит, как жар-птица летит.
Ой, там советские людушки катаются,
Ой же, там сами двери открываются.
Ой же, в той ли машинушке подземельноей,
Там все украшено да приналажено:
Ой, столы там ведь все дубовые,
У них ноженьки-то точеные,
На стенах зеркала-то золоченые,
А ведь на столах скатерти шелковые.
Все это сделали людушки толковые.
Ой, середи метро, дорожки подземельноей,
Там стоит чудушко чудное,
Там стоит ведь дивушко дивное.
Такого чудушка век еще не слыхано,
Такого дивушка век еще не видано,
Ой, что лестница идет, да она людей везет,
Вверх-то катятся людушки смелые,
Как стадами летят гуси серые;

Ой, вниз катятся девушки да молодушки,
Как на озере плавают лебедушки.
Ой, кругом Москвы, кругом красавицы,
Протекала там речка быстрая,
Речка быстрая да струистая,
Ой, по прозваньицу канал Москва – Волгушка.
Ой, эта реченька водушкой приналилася,
Ой, с многими реками-морями породнилася.
Ой, по этой реченьке да корабли плывут,
С речки водушку московские ведь люди пьют.
Ой же, матушки да каменной Москвы
Стать писать богатства – век не выписать,
Всего богатства в былинушке не высказать.

НОВИНЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

41 (106). Растревожилась да вся земелюшка

А и накатилася на нашу-то на земелюшку, на родную-то,
А и вот на родную земелюшку на российскую,
На российскую земелюшку на Советскую,
А и накатилась-то, надошла же туча грозная.
А и туча грозная надошла да очень темная,
А и со великими надошла с пригрозами,
А и она стоит-то, эта туча, братцы, не день, не два,
А и она второй-от ведь годочек поры-времени.
А и ветры сильно, страшно расшумелися,
А и моря северны-ти все страшно разревелися,
А и льды северны все же разгремелися,
А и южные моря сейчас же растревожились,
А и Черно морюшко стоит же во пригрозах-то,
Как Хвалынское стоит же, призадумалось,
А как Азовское стоит да ужахнулось-то.
А и мать сыра земля Советская да вся проплакала,
А и красно солнышко на небушке померкло-то,
Оно пекет-пекет – не греет же, не опекает-то,
А и как во мраке оно ведь только покажется;
Как луна у нас поднебесна стоит в затмении,
Часты звездочки у нас да не светло блестят,
А и время годово́ у нас замешкалось,
А и вот замешкалось да время, запечалилось.
А и как народ-от, люди все у нас советские,
А и все со старого до малого задумались,

А и вот задумались ведь все да запечалились,
Вот повесили с плеч буйны головушки,
А и протекли-то, пробежали с глаз у всех горючи слезы,
Тяжело у всех теперь же на сердечушках, –
У каждого на сердечушке тяжелый лежит ведь камешок.
Почему у нас ведь красно солнышко померкнуло?
А и почему у нас луна-то поднебесная в затмении?
Почему не ярко светят красны звездочки?
Почему моря-то северны, моря южные да ужахнулися?
А и ужахнулися они, тяжелешенько воздохнули-то!
А и почему сейчас ветры буйные-ти шумят-гремят?
Они шумят-гремят ведь очень, братцы, страшно-то,
Они хотят разбить-разметать тучу темную,
Тучу темную хотят же, очень грозную.
Как расшумелись у нас грозно моря северные,
Расшумелись и тогда же моря южные.
Уж как южные-ти моря да морям северным
Передают-то все переговорики, –
Выбегают-то ключи ведь все же подземельные,
Черно морюшко-то с океяном, с Белым морюшком
разговор ведут,
Разговор ведут, они же разговаривают,
Про великие несчастия рассказывают, –
Вот налег, налег лихой злодей-фашист,
Лиходей лихой на нас войной пошел,
Он обошел, прельстил други страны обманами,
Их своим змеиным-то вовлек лукавством-то.
Собрал силы фашист да со многих земель,
Посулил-то им да в подареньице
Еще каждому много земелюшки славной русскою,
С городами посулил да со деревнями,
Со морями посулил да все со южными,
Морями южными да все же северными,
Со лесами нашими да все со северными,
Зверями нашими да все же лесными,
Рыбами разными да все же морскими,
С горами высокими да камнем разным-то.
Он ведь хочет забрать да черно золото,
Черно золото да очень ценное.
Он страшнее, хуже змея Горыновича, –
Разорил злодей да славный Киев-град.
Он построен был у народа стара времени,
У предков наших был построен-то:

Как уделывал его Владимир-князь
Со своими же со русскими богáтырьми, —
На семи холмах да он построен все,
На семи холмах да на высоких-то,
На прекрасном Киев на месте-то,
Близ его протекает да Днепр-река,
Чудный мост переведен был да чрез Днепр-реку.
Уж как строили во Киеве теремочики,
Близ терема садочки зеленые,
Во кусточках пели соловьюшки.
В прежно времечко да во досельное
Киев был-стоял да он заставою,
Вот заставою да богатырскою.
Видел, видел же славный Киев-град,
Как ведь шел да бой кровавый тут,
Кроволитный бой-сражение:
Боролись-билися богатыри со силою,
Со силой вражеской да приходящею,
Со врагами-то да с лиходеями.
Не дозволяли богáтыри пройти же им,
Как пройти же им да все пробратися,
Как пробратися да все забратися.
Не могли зайти злодеи в славный Киев-град,
Не могли забраться в каменну Москву,
Побеждали-то всегда да неприятелей,
Разбивали-то киевски богáтыри.
Вот теперешно да все во времечко
Под несчастьицем да под великим-то,
Как же Киев-от да как Чернигов-то:
Залегли-то, залегли да все заграбили
Злодеи страшные — фашисты семиглавые,
Они зашли, зашли да в города-те все,
Напустили свою силушку вражеску,
Как свои законы-беззакония да все устроили,
Из веков в века да не бывало так!
Много потерпел несчастия народ же наш:
Их огнем-то жгли, пламенем палили-то,
Их мечом кололи, топорами рубили-то.
Немцы строили страшны виселицы, —
А по-прежнему реи висучие, —
А на этих на реях да на висучих-то
Еще братьев родных у нас задергивали,
На мороз, на холод нагих сестер гоняли-то,

Они детей, детей из рук выдергивали,
При родимых матушках детей кололи-то,
Кровь младенческу невинну проливали-то,
Старых стариков да со старухами
Гладной смертью-то морили-то.
Еще черная сила поганая,
Сила вражеска да все немецкая,
Красных девушек злодеи окаянные позорили,
Вот позорили да их бесчестили
На глазах же все да их родителей,
Каково смотреть да отцу с матушкой!
Пробегала, протекала да кровь невинная,
Кровь невинная да неповинная,
Протекали, протекли да ручьи быстрые
Как от той от крови от горячей-то,
От ручеечков протекали да реки быстрые.
А Гитлер лютый змей да страшный зверь
Как откроет пасть свою змеиную,
А из пасти-то его да дым густой валит,
Дым густой валит да искры сыплются,
Хочет он народ да весь советский-то,
Кого хочет он да все огнем сожечь,
Кого хочет он, злодей, да все водой залить.
Кого хочет змеиным дымом отравить же он,
Кого хочет он забрать в свои же хоботы змеиные,
Он ведь хочет унести да в свои норы-то,
Во свои норы-то да во змеиные.
Он ведь всю земелюшку Советскую,
Нашу родину, да хочет взять себе!
Не забрать ему землю Советскую,
Не забрать да в свои хоботы,
Отобьют ему да его хоботы,
Его хоботы змеиные проклятые!
Наша земелюшка да все русская,
Вот русская земля Советская,
Она плачет-то сейчас как мать о детях-то,
Растревожилась да вся земелюшка,
Не заможет боле держать злодеев страшных-то,
Злодеев страшных-то, немцев поганых-то.
Как ведь наши-то богáтыри старопрежние, —
Говорили уж про них, что они же померли,
Они померли да во гробах лежат,
Во гробах лежат да во могилушках,

Во могилушках да во глубоких-то,
Призарыты будто они сырой землей, —
Они слушали да все выслушивали,
Что ведь делается да что ведется-то,
Наверху да в славном Киеве,
Как народ живет да как дела ведет.
Как дошло до них да все известие,
Что идут бои да превеликие,
Вся земелюшка да славнорусская
Растревожилась да вся восстала-то, —
И вот тогда, тогда наши бога́тыри
Просыпаются да пробуждаются.
Они вскочили-то да на резвы ноги,
Приоткрыли-то свои да очи ясные,
Размахались у них да ручки белые,
Могучи плечи́ да шевелилися,
Лепота в лице переменилася,
Богатырские сердечушка растревожились.
Возгово́рил-то тогда да Илья Муромец,
Возгово́рил он да таковы слова,
Таковы слова да таковы речи:
«Уж вы храбрая дружинушка моя верная,
Вы ведь сильные, могучие мои бога́тыри,
Сейчас нужно вам, бога́тыри, да в бой итти,
В бой итти да чудный богатырский-от.
Вот сражаться буду на своем же я да на Белеюшке,
А Белеюшка да друг же верной мне,
Друг же верной, мой товарищ неизменной он,
Выручал-то помогал да все во битвах мне
Был помощничком да мне способщичком.
Приодену я да латы богатырские,
Беру в праву руку саблю вострую,
В леву беру палицу тяжелую,
Не забуду взять ко́пья богатырского.
А вы, дружинушка, да вставайте-тко,
Вот вставайте-тко да на резвы ноги.
Наша земелюшка да все родимая,
Она у нас сейчас расплакалась,
Проливает слезы да все горячие.
Нам ведь нужно-то помочь да все родной земле,
Вот родной земле да все ведь внукам-то».
Его слов-речей бога́тыри не ослышались,
Скакали скоро бога́тыри на резвы ноги.

Ско́чил, ско́чил-то Добрынюшка да все Никитич млад,
Он махнул-махнул да ручкой правою,
Он встряхнул светлорусыми да волосочками:
«А пойдем, пойдем, Алешенька, да все Попович свет,
Надеваем мы да платье цветное,
Платье цветное да латы богатырские.
Выбирай себе да добра коня да вот Буреюшка,
Поскорей сберу себе я Воронеюшка.
Скоро, скоро, на́скоро да приоденемся
Во свое да платье богатырское,
Приоденем мы же латы-ти булатные,
А тогда приоденем платье цветное.
На головушки наденем шапочки,
Вот шапочки да все булатные да богатырские,
Из булата все из крепкого,
Чтобы вражеска пуля их не прострелила-то,
Не прострелила их да не повредила-то.
Возьмем все свое оружие богатырское,
Возьмем в руки-ти свои да все во белые,
Во праву руку возьмем да саблю вострую,
Во леву руку возьмем да палицу тяжелую,
И вот возьмем же, не забудем копье вострое!»
Брали бога́тыри уздечки золоченые,
А и с поводами были со ременными,
Подходили скоро ко конюшенкам да ко стоялым-то
И вот скричали громким голосом,
Просвистели богатырским просвистом.
Услыхали ихни конички да богатырские,
Все в один же раз да кони со́ржали,
Когда отво́рили бога́тыри двери у своих конюшенок,
Ихны кони-то да возрадели-то,
Они падали пред ними на колени-то,
А с колен-то скакали на резвы ноги́,
Каждый конь-от обнял своего хозяина да за белу шею,
А богатыри да возгово́рили:
«Уж вы здравствуйте, друзья-то наши верные,
Друзья-ти верные, товарищи неизменные,
Сослужите нам да службу верную,
Послужите нам да верой-правдою,
Теперь нужно нам во бой итти,
Постоять за землю за родную-то».
Вот погладили коней да рукой правою,
Они начали коней да унаряживать,

Надели тогда уздочки да золоченые,
Вот накладывали двенадцать тугих подпругов,
А тринадцато накладывали ради крепости,
А накладывали на них седелышки черкальские,
Вот черкальские да золочены красным золотом,
И привязывали стремена же все булатные.
«Мы поможем-то сейчас своей дружинушке,
Своей верною да все любимою,
Дорогим своим друзьям да друзьям верным-то,
Друзьям верным-то да мы любимым-то,
Знаменитою да Красной Армии!
Едем бить-громить да силу неверную,
Вот неверную, поганую, немецкую».
Сели, сели все богáтыри на добрых коней.
Во первых же ехал старшей сам, сказать,
Старшей сам, сказать, да Илья Муромец, —
На добром коне да на Белеюшке.
Все ведь реки-то, озера между ног пускал,
Через пеньицо-кореньицо перескакивал,
А за ним ведь ехали все богáтыри,
Как ведь ехал-то Добрынюшка Никитич млад,
За Добрынюшкой Алешенька Попович млад,
Ехал, ехал-то Микула Селянинович,
А за ним все тридцать три богáтыря.
Едут, едут-то да русские богáтыри.
Мать сыра земелюшка да все Советская,
Она ведь вся у нас да сколыбалася,
Она.от ихней-то поездочки богатырскою,
Она ведь вся у нас да сколыбалася,
Сколыбалася да потрескалась,
Моря южные да растревожились,
Моря северны да взволновалися,
А Черно море-то со Хвалынским, со Азовским-то,
Морской волной да разливалися.
Вот почувствовали моря южные,
Что едут, едут вот помощнички,
Вот помощнички да все способщички,
Едут русские сильны богáтыри,
Едут, едут вот да поспешаются,
Они едут, поспешают, вот помочь хотят,
Они едут, поспешают на фрóнты все,
Вот на фронты они да ко друзьям своим, —
В знаменитую да в Красну Армию.

Они с бойцами-то вместях да все во бой идут,
Они с бойцами-то вместях да страшный бой ведут,
Страшный бой ведут, превеликое сраженьице.
В бой ведь весь идет да все народ советский-от,
Будут бить-громить да врага лютого,
Врага лютого, злодея страшного,
Будут стары бить, будут млады-ти громить,
Кто за отца пойдет, а кто за мать родну,
Кто за мать родну, кто за брата, сéстрицу.
А кто за родну земелюшку за матушку,
Да за свою страну да за любимую,
За земелюшку да за родну Советскую,
За полководца-то да за великого,
За премудрого да славна Сталина,
Вот за Сталина Иосифа Виссарионовича.

42 (107). Сказ про то, как храбрый помор Фока с немецкими злодеями воевал

Наше морюшко да наше Белое,
Оно чудное да очень дивное.
Не расходятся да волны беломорские,
Не гремят на берегах серы камешочики,
А на морюшке тогда гуляют гуси серые,
Белы лебеди да перелетны утицы.
Как подуют-то да ветры буйные,
Растреложится тогда да море Белое,
Никуда от шуму морского да не уйдешь.
На круты горы зайдешь — шум слышно все,
Во темны леса зайдешь — да все слыхать его.
Как подуют ветры северны со морюшка,
А подымутся-то волны беломорские,
Загремят-то серы камешочики,
Будто катится гора высокая с пригрозами,
С пеной белою да со жемчужною.
Вот у Белого у моря у студеного
Жил помор-рыбак, да звали Фокою.
Было имячко-то в честь «Святого Фоки» — карабличка.
Не парами он ходил, под парусочками,
Со попутными ходил да со ветерочками,
Ходил на нем Седов да в окиян-море.
Возлюбили все поморушки Седова-то,
В честь его рыбак-помор сыночка назвал Фокою.

Не по дням рос Фокушка, да по часам.
Стал на улочку Фокушка да все похаживать,
Со поморскими ребятами стал поигрывать.
Хватит Фокушка серой камешочик-от,
Он не мал-то, не велик, да все шесть пуд.
Бросит серой камешочик-то во сине море,
Он стреложит морюшко до донышка.
А и зачал царь морской да все гневаться,
Зазывать к себе да всех морских зверей:
«Это кто же так, да это что же есть,
Кто шутит такие шуточки да баламуточки?»
Звери морские да все ответили:
«Это так сильняк, сынок поморский-то,
Зовут Фокою да величают Фокушкой,
Он не мал да не велик — семи годов».
Возговорил тогда да царь морской:
«Это что за чудо-чудное да диво-дивное?
Когда повырастет да младой Фокушка,
Он ведь всех земных царей тогда повырубит.
Да и мне, царю морскому, во пучинушке
Надобно приразду́маться да приразмы́слиться,
Кабы мне досадушка да не случилася
От млада Фокушки, сына все поморского.
Роспустошит он царство мне подводное,
Дно морское-то да расколыбнется,
Забьет горячий ключ да со огнями-то,
Возгремит во море сильной страшной гром,
Тут и мне, царю морскому, все конец придет».
Как по лету-лету теплому,
Во июне-то во светлом месяце
Стояло море Белое на тишине.
Не дули-то да ветры буйные,
Не шумели-то древа да во темных лесах.
Во ту пору-то, во то времячко
Накатилась, надошла-то туча темная.
Пришла весть ко морюшку ко Белому:
Напал злодей-фашист на нашу Родину,
Дома-деревни злы немцы разрушивали,
Как над старыми, над малыми да изгилялися-то.
Вот великая да наша Красна Армия,
Собралась она да во поход пошла.
Как услышал-то помор да младой Фокушка,
Что злой немец-то на нас войной пошел,

Могучи плечи да сшевелилися,
Резвы ножечки его да расходилися,
Ретиво сердце да растреложилось.
Распростился он со младой женой,
Прижал детей к груди ко молодецкою:
«Вы не плачьте-то по мне, не тужите-тко,
Я иду оберегать-то нашу Родину,
Море Белое студеное, вас, деток-голубеточек.
Не допущу до вас я, дети малые,
Змей лукавых-то да семиглавых все,
Отрублю я хоботы змеиные,
Перебью змей всех до единого».
Ушел Фокушка богатырем во морюшко широкое:
Пошел Фокушка простым матросом-то,
Работал Фокушка-то и за лоцмана,
Стрелял за пушкаря-то он из пушечек,
Что прикажут работать, то работал он.
По всем морям-то Фокушка похаживал,
Страшных змей плывучих он разыскивал
Змеи те плывут, огнем пышат,
Чешуя на их да будто жар горит,
Глаза страшные со зеленью.
Их крушит-громит да младой Фокушка,
Из его-то пушек скорострельных-то
Ни один промах на пусто не идет,
Каждый выстрел-от валит ворога:
«Вались, злодей, да во пучинушку,
На дно морское к царю морскому!»
Змеи-то лукавые под водой плывут,
А и скрытно-тихо подплывают-то
Ко черненым-то ко караблям.
Распускают свои хоботы змеиные.
Под само дно чернена карабля.
Они хочут, злы, прогрызть же дно,
Они хочут, лиходеи, затопить корабль,
Чтобы к нам не шли-то карабли союзные,
Не была бы нам помощь военная.
Наш ведь младой моряк-то Фокушка
Охранят морски пути-дороженьки,
Водит чернены карабли через невзгодушки,
Их ведет в осенно-темно времячко,
Во погодушки да все во бурюшки;
По зимы ведет-то по холодною, —

Ветры сильные, морозные с холодных льдей
Ихни лица белые колют будто иголочками.
Руки белые у Фокушки коченеют-то,
А веревочка умерзлая долони режет-то,
Кожу с кровью-то сдирает с рук.
Налетели тут из тучи темной вороги —
Змеи лютые да семиглавые,
Вот бросали бомбы они страшные,
Заряженные все зельем-порохом,
Разгромить-разбить хотят чернены карабли.
А товарищи-ребятушки поморушки,
Не боятся-то они да страсти-ужасти,
Направляют-то дела по-богатырскому,
Исполняют повеленьица геройски-то.
Вот ведь шторм-то страшной разревелся-то,
Грозным вихорем да подымался он,
Вот удар в ночной же час пришел:
Мина вражеска она достигнула
До черненого дна корабля.
Она сделала пробоину большу,
Вода из морюшка забила во карабличек,
Цело озеро во карабли стоит.
Не убоялся младой Фокушка,
Прыгнул в воду-от студеную.
Он нашел-то, отыскал пробоину,
Призакрыл ее-то телом богатырским все,
Стал пробоину заделывать, залаживать.
Волны морски бьют со всей же силушкой,
Все ведь доски рвут из белых рук.
Оторвало от левой рученьки два пальца-то.
Он облился кровью-то горячею,
От своей работушки не отступил никак.
Вот заделал он пробоину, заладил-то,
И пошел черненый тот карабличек.
Он догнал, настиг ведь злых-то ворогов.
Тут первой Фокушка до пушки бросился.
Он зачал стрелять-палить презлых же ворогов.
Словно вихорь возле пушек носится,
Бьет-громит фашистов безошибочно,
Он не знает устали, отдоху-то.
Только пар валит от его-то силы богатырскою.
Рассчитался, отплатил да злым немцам он
За родной любимый свой карабличек.

Вот стояло Бело морюшко, не колыбалося,
А небушко лазурью-цветом покрывалося.
Сидит Фокушка-то на своем черненом карабли,
Да со палубы посматриват на Бело морюшко.
Во ту пору-то да во то времячко
Пролетали по поднебесью да гуси-лебеди,
На карабличек-то отдохнуть спустилися.
«Уж вы гой еси, да гуси-лебеди,
Вы откуль же, птицы перелетные,
Не с моей ли вы родной стороночки?
Не видали ли, гуси-лебеди,
Вы моей младой жены да малых деточек?»
Отвечает ему старшой лебедь-от:
«Прилетели мы с твоей родной сторонушки,
Принесли тебе мы весточку нерадостну:
Шел по морюшку черненый карабль,
На карабличке том шла твоя млада жена,
Черненый мал карабличек да без охранушки,
Без народу шел без военного.
Вот нежданно-то да вот негаданно
Со дна морского из пучинушки
Выставала лодка та немецкая.
Увидали злы немцы окаянные
Черненый мал карабличек да без охранушки,
Вот накинулись они, набросились,
Приразбили маленький карабличек,
Умертвили-то у Фокушки младу жену,
Твоих деточек любимых-то волной повыбросило
На крутой на бережок да на желтенький песок».
Тут вскочил-то Фокушка на резвы ноги-то:
«А спасибо вам, да гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, вы птицы вольные,
Как за вашу-то за весточку.
Отомщу злодеям я фашистам-то,
Я пролью, пролью да кровь немецкую,
Вот повыручу я своих детушек из неволюшки!»
Рассказал Фокушка товарищам
Про свое горе горькое.
Все поморушки да разгневалися,
Во одно-то слово речь говорили:
«Будем бить-громить да злых ведь ворогов,
И спасем твоих-то малых детушек».
Бело морюшко да сбушевалося,

Вот напали-то дожди со туманами.
В эту ночку страшную-прегрозную
Сели добры молодцы во карбас-лодочку,
Гуси-лебеди им путь-дорожечку указывают.
Высоко на волнах вздымается карбасочик-то,
Трудно-трудно добрым молодцам с има боротися,
Приустали ихни ручки белые,
Примозолилися ихние долонюшки.
Много думушек у Фоки на сердечушке:
«Где мои-то малы детушки любимые,
Как живется им без матушки родимою?
Не накормлены они, не оприючены,
Для них постелюшки не приготовлены,
Во изголовьицо подушка не положена,
Одеялышком-то теплым не укутаны.
У них постелюшка да мать сыра земля,
А подушечка да пеньицо-кореньицо,
Одеялышко да ветры буйные».
Расступилась тут пучина морская,
Показалося престрашно чудовище-то,
Чешуя на нем да сталь булатная,
А глазища все со зеленью,
Из ушей-ноздрей да дым валит,
Черный дым валит да искры сыплются.
Заприметило чудовище мал карбасочик-то,
Пасть большу да прирастворило-то,
Хобота змеины вот закинуло.
Он ведь думал-мыслил враг-злодей, –
Небольша-то будет тут работушка,
Легка будет-то ему наживушка.
Глянул Фокушка на морюшко,
Да схватил он палицу чугунную,
Бросил-кинул в пасть змеиную.
Была палица чугунная волшебная,
Была та палица чугунная разрывчата,
Разлетелась эта палица на тысячу кусков,
До ушей прервала пасть змеиную,
Разлетелись зубы острые во морюшко,
Глаза со кровью черною повылезли,
Как пузырь тюленя-зверя-то полопались.
Сколыбнулся змей лихой да опрокинулся,
Брюхом медным он перевернулся все,
С ревом страшным да ко дну пошел,

Грянул-стукнул он на теремочик царя морского.
Тут ведь крыша брамантова прогнетилася,
Столбики узорчаты да подломилися,
Слюдяны окошечки косисчаты поразлеталися,
Печеньки муравлены да прирассыпались.
Вот сгремел на море страшной, сильной гром,
Дно морское прираскололося,
Забил горячий ключ со пламенем.
Царь морской-то шел домой с гуляньица,
Во руках он нес веселы гуслицы.
Не успел взойти на высоко крылечушко,
Вот ударил гром-от в теремочик-то.
Сорвался с крылечушка стол золоченой-от,
Пал царю морскому прямо в медной лоб,
Страшна шишка-то на лбу да оказалася,
Золоты гусли из рук повыпали,
Еще струночки да все порвалися.
Вот заползал царь морской на четвереньках-то:
«Уж я знаю, чей такой поступочек,
Видно добра молодца да по осанке-то,
А богатыря-то сильного по силушке —
Это Фокушка-то молодой помор,
От него досадушка мне тут случилася,
Накидал же чудовищей он поганых-то,
Все-то дно морское опоганил он!»
Разогнал Фокушка злых ворогов,
Злых немцев, змей семиглавых-то.
Стало морюшко опять на тишине,
Засветило над ним солнце красное.
Лучи светлые над морюшком столбами-то,
Вода светлая на морюшке, хрустальная.
Полетел карабличек по морюшку,
Будто птицею летел он перелетною.
Среди морюшка Буян-то остров был.
Поднялися с него птицы стадами-то.
Подошел карабль ко бережочику,
Якоря булатны в море бросили,
Младой Фокушка скочил на бережочик-от,
Каждый кустик осмотрел-то он,
Нет ли где его да малых детушек.
Заглянул-то Фокушка да под ракитов куст:
Под кусточиком его да малы деточки
Теплым одеялышком-то приукутаны,

Пухом мягким-то да призакрытые:
Наносили для них птицы морские,
От дождей от частых ухоронили,
От ветров-то буйных во затуле-то.
Серы утицы им кашицу варили-то,
Чайки морские их охраняли-то,
Малы пуноши с има играли-то,
А гагары сказки сказывали.
Тут захлопали все птицы крыльями,
Разбудили малых деточек.
Приоткрыли очи ясные, увидали отца-батюшку.
Прижал Фокушка детей к сердечушку желанному:
«Никому вас не отдам теперь,
Погубить хотели немцы вас проклятые,
Разлучили вас с родимой матушкой.
Отплатил злодеям я за изгиленьицо!
Отомстил проклятым за родную кровь!
В бой-сраженьице иду за Родину,
За земелюшку родную русскую».

Вот за подвиги-то ратные, геройские,
Тут пошла честь-славушка про Фокушку,
По всему по морюшку по Белому.
Будут петь-то про него да в пропеваньицах,
Будут сказывать-то в рассказаньицах,
Вечна слава Фокушке да не минуется.

СОВЕТСКИЕ СКАЗКИ

СКАЗКИ О ПОИСКАХ ПРАВДЫ И СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЫ

1 (108). Как мужик и рабочий правду искали

Жил бедный мужик в деревне. Помещик его куда пошлёт, он должóн итти. У мужика ребят былó много. Тяжело семейство кормить. Он подумал: «Как я буду жить? Пойду я искать правды».

Вот идёт, дорогой стречается рабочий.

— Куда идёшь, товарищ?

— Да иду правду искать.

— Я тоже иду правду искать.

— Ну, пойдём вместе, двоём лучше!

Вот они пошли. И стоит помещика дом.

— Давай, товарищ, зайдём сюда!

Вот зашли к помещику, говорят:

— Барин, скажи, где правда есть?

Барин отвечает им:

— Идите-ка, поработайте у меня и правду узнаете!

Вот они пошли работать — рабочий и мужик. Работают они день, работают два. На третий день идёт этот хозяин. Они увидали:

— Эй, ты нам скажешь правду?

Он усмехнулся и говорит им:

— У меня по три года работают, а правду не спрашивают, а вы три дня поработали, да правду хотите узнать! Тогда нам некогда будет спать, если всю правду сказать.

Они говорят:

— Так, что, если правду не сказываешь, давай нам расчёт!

Вот они расчёт получили. Уходят с помещицкого двора и друг другу говорят:

— Правду люди сказали, наши старики! Помещик дерёт с нас кожу да с наших родителей. А нам чего драть? Хоть с картошки подерём.

Ну вот и рабочий сказывает:

– Пойдём, товарищ, дальше искать правду!

Они пошли. Стоит фабрика от кулака. Они заходят в контору, но не знают: управляющий или хозяин. Это неизвестно.

Вот рабочий и говорит:

– Барин, скажи нам, где правда есть?

Барин усмехнулся:

– Иди-ка на фабрику, поработай и правду узнаешь!

Вот они пошли работать. Он поставил их на работу такую, что даже с плеч два раза́ в день рубашку снимали: всё пот выступал, солью выступал. На третий день идёт этот управляющий, али хозяин, им неизвестно. Идёт, они и говорят:

– Барин, вы скажете правду?

– О-гу! – усмехнулся. – У меня люди по пяти лет работают, правду не узнают, а вы три дня поработали, правду хотите узнать! Если вы правду хотите узнать, так некогда будет нам спать.

– Ну, давай, барин, расчёт!

Он тоже сказал:

– Пожалуйста!

Вот они расчёт получили, выходят с этого завода и говорят:

– Правду люди сказывали, наши старики, которых помещики драли на конюшне. Придёт, двадцать пять плетей даст и слово не промолвит, а всё молчит.

Друг другу сказывают:

– Вот, товарищ, правда есть: они дерут с нас кожу, а мы хоть с картошки подерём, потому что больше питания нету.

Вот рабочий и говорит:

– Пойдём хоть до царя-батюшки! Он наш земный бог. Он нам всю правду скажет.

Вот и пошли до царя-батюшки. Там стоит стража, к царю-батюшке не пускают.

– Куда вы идёте?

– К царю-батюшке, хотим правду узнать!

– Сказывай, сказывай! Ты свои уши видал? Нет? Тебе и царя-батюшки не видать, а казацких плетей получишь!

Ну, они всё-таки этого не испугались.

Через один караул пробралися. Вот подходят к другому караулу, поближе к царю-батюшке. Так у их и спрашивают:

– Вы откудова явилися?

– Да к царю-батюшке идём!

– Как же вас караул пропустил первый?

Их сейчас же тут долго не спрашивали. Казацких плетей получили, за ворота́ выкинули их. Не знают, где и были. А друг от друга не отстают, и говорят:

– Вот и правда есть на свете: помещики дерут кожу, фабриканты дерут кожу, такó самó и царь-батюшка. Да, рубец на спине! Ну, подерём с картошки [кожу] и пойдём искать дальше.

Вот они пошли из Петрограда. Шли они почтовóй. Ни у одного копейки нету.

– Как, товарищ, проживём? Где правду найдём?

А рабочий сказывает:

– Нет, крестьянин, пойдём правду искать! Вот лесная дорога – пойдём-ка по этой дороге, скорей правду найдём!

Они пошли. Так что, может, вёрст двадцать прошли. Скоро сказывается, а шагами – так тяжело.

Стоит между лесу полянка большая такая.

– Давай-ка мы зайдём сюда! Вот там шалаш какой-то есть, верно, охотник там живёт.

И они подходят. Там сидит человек, плохо одетый был. Они подходят.

– Здравствуй, товарищ!

– Здравствуйте, здравствуйте!

– Ты, – говорят, – охотник?

– Да.

– Скажи нам, где правда есть?

Он усмехнулся, сказал:

– Сядьте, покурите, а потом я вам правду скажу.

И они сели. Покурили, он им и говорит:

– Правда в наших руках! Только сами себя не жалейте, тогда и выйдет наша правда!

Мужик немножко испугался, а рабочий и говорит:

– Вот тут правду нам и узнать, у полесника! (*А никто не знал, кто он такой.*)

– Ну, – говорит полесник, – теперь пойдёмте за мной!

Вот и ведёт в Петроград их. Приходят они до завода (*Буховский завод*). Он и говорит им:

– Ступайте на этот завод, поступите на Буховский завод на работу и правду узнаете. Только сами себя не жалейте и сказывайте всем, что вот такой там в лéсе полесник сидит, говорит, что, если мы собьём помещиков, фабрикантов и царя, тут и правда будет наша. Всё наше будет!

Работают они уже цéльный месяц и кажному рабочему говорят:

– Вот, товарищ, там полесник сидит один, говорит, что должна быть правда в рабочих руках.

И уже собралóсь людей много вокруг их.

Прошло еще время, и вот уже их собралóсь до пятисот человек, все за правдой пошли.

– Ну, давайте, – говорят, – теперь выйдём из ворот!

Вот они выходят из ворот. Уже мужик видит и рабочий видит, что за ими пошло много людей, много теперь силы собралóсь. Рабочий и говорит:

– Теперь, товарищи, хоть у нас нету припасов, так грудью затиснúм!

Вот они пошли смело. Доходят до дворца. А там еще больше народу, чем здесь. Да. Народ окруженный, один человек стоит на трибуне, говорит речь. Мужик и рабочий говорят:

– Пойдёмте, товарищи, ближе!

Подошли. Вот рабочий крикнул:

– Это же наш учитель, который нам правду сказал!

С тех пор и пошла Ленинская правда. И уж двадцать первый год идёт она. И мы должны за правду держаться всегда и не погибнем никогда!

2 (109). Как мужик и рабочий правду искали

Идёт мужик путём-дорогою, стречается с рабочим и спрашивает:

– Куда ты идёшь?

– Да я иду правду искать.

– Возьми меня с собой!

– Ну, пойдём.

Они пошли. Заходят они к помещику:

– Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

Он и говорит им:

– Поработайте у меня и правду увидите!

Они стали работать у барина. Поработали несколько дней. Стречают барина и спрашивают:

– Барин, ты сказал – правды нам покажешь! Мы три дня поработали, так и правду захотели узнать.

– У меня работают по три года люди – мужики, такие дураки, как и вы, – а правды не видали. А вам правду указать, так вы тогда не будете и спать. Вас много мужиков, а я один. Всем правду сказать, тогда некогда будет мне спать. А работай, пока хлеба дают вам.

Они друг другу сказали:

– Вот и правду нашли! Он свою шкуру спасает да мужиков обижда́ет. Верно люди сказывали, что помещики дерут с нас

кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего], да у его правда, а у нас нет. Пойдём-ка, товарищ, отсюдова. Неужели мы не найдём правды!

Пошли они дальше. Стоит фабрика.

— У помещика были, правды не нашли, давай зайдём сюда, может быть, тут правда есть.

Приходят они к фабриканту в контору и спрашивают:

— Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

— Ну, поработайте у меня — правду узнаете!

Направил он их на фабрику, на работу. Работают они день, работают два. Работа тяжолая. Тяжéльше, чем у помещика. Ну даже приходилось им по два разá рубашку скидáть и другую одевать, а на этой рубашке чуть не соль выходит (*оно правильно, работаешь, а на рубашке — соль*).

Тут является фабрикант. Они подошли к фабриканту и говорят:

— Барин, ты сказал, что скажу правду!

Он им отвечает:

— Люди у меня работают по пять лет, а не спрашивали, где правда есть, а вы поработали три дня, да и хóчете правду узнать. Тогда, видно, нам некогда будет спать, если вам всю правду сказать.

— Так вот, барин, дай расчёт нам.

— Пожалуйста, приходите. Я вижу, что делать нечего с вами. Вы не дураки, вы не зарабатываете нам пятаки.

Они взяли расчёт и идут путём-дорогою и говорят друг с другом:

— Работали мы у фабриканта, работали у помещика — правды не нашли. Верно люди сказывали, что фабриканты и помещики дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего]. Пойдём мы до царя теперь.

Приходят они в Петроград. В Петрограде спрашивают:

— Как нам добиться до царя, узнать правду, какая есть на свете?

Тут и сказывают им:

— Вы откудова пришли — туда и идите, а казацких плетей не ищите!

А они говорят:

— Всё-таки пойдём!

Вот приходят ко двору́. Стоит стража.

— Вам куда?

— Нельзя ли нам пройти к царю-батюшку, правду узнать?

— Не такие приходили да назад уходили, а вам и взять нечего! Как ушей своих вам не видать, так и царя-батюшки!

Взяли их и пихнули, плёткой подстегнули. И они пошли дальше.

— Вот тебе и правда царская! Верно люди сказывали, что фабриканты, помещики да цари дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки дерём [раз есть нечего].

Идут, а рабочий сказывает:

— Неправда, что не найдём правды! Есть на свете правда!

Вот и идут они путём-дорогой. Дорога была лесная. Выходят на полянку. На полянке под лесом стоит шатёр, из ёлок собранный, — от дождя скрываться.

— Давай, зайдём!

Заходят они туда. Тут сидит лысый мужичок, не очень старый и не молодой — лет тридцати пяти. Они и говорят:

— Здравствуй, товарищ!

Он отвечает:

— Здравствуй!

— Не знаешь ты, где на свете правда есть?

Он усмехнулся:

— А вы что — правду ищете?

— Да!

— Ну, так вот! Посидите и покурите, я вам правду скажу.

Они сели, покурили. Он и сказывает им:

— Правды я сам добивался. Ее не искать надо, а добиваться. Правда в наших руках. Только не жалейте сами себя. Собьём царя, собьём помещиков и фабрикантов, тогда до правды и доберёмся. Ну, вот собирайтесь в путь-дорогу!

Лысый мужичок ведёт их до Петрограду и говорит им:

— Вы на заводы идите, работайте и добывайте правду. Будьте между народу и сказывайте им, что правда в наших руках.

Он сам отправился дальше.

Они тут на фабриках, на заводах стали сбивать рабочих, что «правда в наших руках». Стал народ прислу́ховаться, и сказывают им:

— И мы пойдём с вами правды добиваться!

И пошли. Царя сбили и фабрикантов сбили. Ну и помещиков. И видят — на трибуне стоит лысый человек и речь держит. Они и сказали:

— Вот наш учитель здесь, вот наша и правда здесь!

С тех пор и пошла Ленинская правда по земле.

3 (110). Богатырь и орел

Когда-то в незапамятные времена жил богатырь. И этот богатырь любил много трудиться. Он так трудился, что рук не покладал. Принес он много доброго и хорошего на земле.

В одно прекрасное время нашла страшная грозовая туча, как бы с проливным дождем. Богатырь смотрел на эту тучу: «Что бы значило в такой ясный день? Не могло быть такой тучи!» Из тучи не получилось проливного дождя, а вылетел из нее двухглавый орел. И этот двухглавый орел налетел на этого богатыря с могучею страшною силою, стал его клевать стальными клювами и бить железными крыльями. Богатырь в изнеможении падал на землю, а когда он прикасался к земле, то он делался сильнее и опять поднимался на ноги, и это продолжалось много времени.

Видит орел, что ему не осилить будет этого богатыря, и он поднимается обратно вверх в тучу.

Богатырь обрадовался, что орел победить его не мог. Богатырь стал работать с удвоенной силой. И работал он день и ночь, и он принес более прежнего хорошего на земле.

Вдруг слетает двухглавый орел и с удвоенной силой накидывает на богатыря свои лукавые сети и связывает его по рукам и ногам. Тогда богатырь был обессилен, и поволок орел его в темницу, и заставил он его на себя работать. Работал богатырь на орла много лет. И не хватало его сил, и он падал на землю в изнеможении, стонал и плакал. Орел начинал его бить своими железными крыльями и колоть стальными перьями, а перья у орла были как ножи, клевал железными носами. Богатырь поднимался и начинал работать на орла. Работал богатырь день и ночь. Орел не давал ему помощи. Богатырь питался одной холодной водой и горелою коркою. Но силы богатыря переставали служить; богатырь в изнеможении сваливался на землю, охал, стонал и горько плакал от боли, которую наносил ему орел своими железными носами и стальными перьями, которые были как острые ножи. Думал богатырь: «Ужель не найдется такой человек, который мог бы его избавить?»

Орел налетал на него с новою силою, начинал его бить железными крыльями и своими стальными перьями, заставляя работать на себя. Богатырь опять поднимался, и работал он много лет, но избавления никакого не было.

Однажды богатырь в страшной истоме от голода и жажды упал на землю. Стал он плакать, и кричать, и просить мать сы-

рую землю, чтобы она уродила мудрого человека. И вот услышала мать сыра земля и уродила мудрого человека. И вот этот мудрый человек стал писать великую книгу, и писал он ее много лет, как богатыря избавить от этих бед. И кто только прочитает эту великую книгу, и тот только может узнать и разгадать, что в этой книге есть алмаз о двенадцати глаз. И когда эта книга была написана, то земля зацвела разными цветами. Орел увидел, что не вовремя цветы расцвели: время было осеннее. И он послал своих верных слуг узнать и разведать, почему не вовремя цветы цветут. Эти слуги искали по всему земному шару и ничего не находили, только одному слуге удалось нечаянно напасть на эту книгу, и он тут же хотел ее уничтожить. Но эта книга не им была писана. Прилетает верный слуга к двухглавому орлу и рассказывает об этой написанной книге.

Двухглавый орел, почуя такую беду, от своей злости не мог усидеть на месте, и пустил он страшное пламя, и хотел он сжечь эту книгу. Но эта книга не была при нем писана. Понял двухглавый орел, что книга осталась невредимой. Он сделался страшным вихрем. Ураганом полетел он туда, где была книга. Берет эту книгу, хотел он ее уничтожить, но эта книга была не им писана, и он взял ее и захотел скрыть. Полетел он с этой книгой в страшный дремучий лес, и стал он копать глубокую яму. Положил эту книгу в ларец и положил на дно этой ямы. Потом поставил на то место большой дуб и над этим дубом поставил каменную гору. Обнес эту каменную гору страшным непроходимым болотом, оградил это страшное болото непроходимым дремучим лесом, а сам полетел в свое место. Когда он прилетел к темнице, набросился на богатыря со страшною злобою, стал клевать его железными носами, и бить его железными крыльями, и колоть его стальными перьями. Заставлял работать на себя. И так он его бил, что богатырь терял сознание, а когда приходил в сознание, то видел орла, что он натирал его горячие раны ядом, от которых происходила невыносимая боль. Богатырь снова падал и терял всякую надежду избавиться от этого орла. Плакал и стонал богатырь и просил мать сырую землю: «Ужель не уродит она такого человека, который мог бы избавить его?»

Услышала, наконец, мать сырая земля его стоны и вопли. Она уродила красивого юношу и сказала этому юноше, что вот есть книга, по которой можно избавить богатыря от неволи. Красивый юноша поклялся матери сырой земле достичь этой цели, разыскать ту книгу, по ней вычитать и избавить богаты-

ря. Пошел юноша в разные страны света белого разыскивать эту книгу.

Идет он на восток, там ее не находит. Идет на запад, там тоже ее нет. Он стал обращаться к старикам и старушкам. Одна старушка говорит:

– Надо идти на юг.

Идет юноша на юг, там ее не находит. Обращается он к другой старушке:

– Не знаешь ли, бабушка, где есть такая книга?

Она ему показывает на север. Идет он на север и там ее не находит. Решил больше не искать эту книгу. Вспомнил он, что дал клятву матери сырой земле во что бы то ни стало найти эту книгу и избавить богатыря. Махнул он рукой: «Дай пойду на авось, куда глаза глядят». Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Зашел он в дремучий лес, и вот тут-то он встал в изумлении: некуда больше идти, нет нигде прохода. Сел он на колодинку и призадумался: «Ведь я дал клятву матери сырой земле. Не нужно оставлять задуманного дела». И стал просить он мать сырую землю, чтобы она дала ему пройти дремучий лес.

Встал и пошел. Как он ни идет, везде дремучий лес расступается и дает ему проход. Шел он долгое время, и пришел он к страшно непроходимому болоту. «Да, вот здесь-то мне и не пройти», – подумал юноша. Сел он на колодинку и призадумался. Вдруг увидал, что стоит пенек. На нем подпись подписана, подрезь подрезана: «Кто преодолеет все эти трудности, тот только может достичь своей цели». Встал юноша и пошел через болото. Встретил он большие препятствия. Где он брел, где полз, где утопал по горло и едва оттуда выкарабкивался, но все же у него с ума не сходила данная клятва матери сырой земле. Где он ухватывался за камыш, где хватался за кочку, где он обрывался и падал на спину. Наконец перешел он это болото, подошел к каменной горе и думает себе: «Ну, значит, здесь конец». Сел он отдохнуть и пораздумал, и все же клятва его с ума не сходила. «Дай, – думает, – еще попытаюсь». Пошел он подле этой горы, и увидел он темную нору.

Когда он заполз в эту нору, то она стала сильно сжимать его, как клещами. Едва он оттуда выбрался. Пошел он далее, все-таки где-нибудь да есть проход. Находит он вторую нору. Думает юноша на уме: «Пока я сам не полезу в нее». Взял он деревцо и стал спускать в эту нору, чтобы посмотреть, будет ли сжимать эта нора деревцо. Но нора не сжимала. «Значит, поползу я в эту нору», – думает юноша. Как только он заполз

в эту нору, то вдруг его охватил удушливый газ, чуть он не задохся и с большими трудностями выбрался обратно. Пошел он далее. Находит третью нору и думает: «Я в нее не полезу, а прикреплю к шестику насекомое, и если только есть газ, то насекомое задохнется».

Вынимает он оттуда шестик и видит, что насекомое осталось невредимым. «Да, вот это и есть нора, в которую можно пролезти», — подумал юноша и стал вползать в эту нору. В норе охватило его страшное пламя, чуть было там не сгорел, едва выполз обратно.

И так он решил пойти далее. Думает, все же где-то есть проход. И вот шел он долгое время. Находит он четвертую нору и хотел испытать еще. Прикрепляет к шестику бумажку. Если будет пламя, то бумажка сгорит. Вынимает он шестик, и бумажка оказалась несгоревшей. Тогда юноша давай спускаться в эту нору. Большие были трудности. Где приходилось боком, где ногами спускался вперед. Где было трудно нащупать ногами, он полз головою вперед. Иногда нора его сжимала, но он все полз вперед, преодолевая препятствия.

Наконец, он прошел эту нору и увидал дуб, такой толстый, прекрепкий. Стал он брать камни в руки и бить по корням этого дуба. Перебил все коренья, изорвал все свои руки, не чувствуя боли, так как он подходил близко к цели. Со страшным грохотом сваливается этот дуб на землю, а там, оказывается, под дубом стоит ларец, крепко окованный железом. С новою силою берет камни и разбивает ларец. Разбив ларец, он открыл его и увидел, что лежит громадных размеров книга. Читать ее — не вычитать, ходить по ней — не выходить. Его ум сам подсказывал ему, что было написано в этой книге.

В этой книге было написано, что где-то есть алмаз двенадцати глаз, которым можно видеть все на свете, и этим алмазом можно освободить богатыря от страшных оков и сетей.

Долго думал юноша, как найти этот алмаз. «Дай, — думает, — хоть вынесу эту книгу на свет». Когда он взял эту книгу и вынул из ларца, то под этой-то книгой был алмаз двенадцати глаз. Понес юноша эту книгу на свет. Но трудно было выбраться с книгой из норы, когда он сам едва прополз. А когда он стал смотреть в этот алмаз двенадцати глаз, то какие бы ни были преграды, то все они сторонились, давали проход.

Когда он вынес эту книгу на свет, то верные слуги орла налетели на него с разных сторон в виде разных страшилищ. Кто с огненным копьем, кто с огненным щитом, а красивый юноша поворачивал на них алмаз двенадцати глаз, и все эти

слуги разлетались в разные стороны, уносились они словно сильной бурей. И вот он приходит туда, где сидел богатырь в темнице и где в изнеможении он работал на орла. Когда красивый юноша взглянул в этот алмаз, то все эти крепкие оковы и хитрые сети слетели с богатыря. И вот в это-то время двухглавый орел с последнею силою налетел на прекрасного юношу и хотел его задавить, а прекрасный юноша взглянул в алмаз двенадцати глаз, и орел остался в бессилии. А богатырь подошел к орлу, сжал его своими руками, как в железные кисы. Прекрасный юноша подошел к орлу, общипал ему все стальные перья, обрубил ему железные крылья и отсек ему голову, а богатырь выбросил его на площадь, как чурбан.

Слуги двухглавого орла разлетелись по всему белому свету.

Земля расцвела так, что пером не опишешь, такими разными цветами. А про этого прекрасного юношу прошла славушка по всему земному шару.

4 (111). Русско-богатырская семья

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жили-были старик со старухою. У них не было детей, так они прожили до глубокой старости.

Однажды проходили мимо ихней халупки два незнакомые странника и попросились у них ночевать. Старики пустили их ночевать.

Вечером старик со старухою беседуют с этими странниками, что нет, мол, у них детей и некому будет похоронить ихние старые кости.

Один из странников говорит:

— А знаешь, бабушка, я тебе дам лекарство. Если выпьешь это лекарство, то произойдет от тебя потомок, великий потомок, которому не будет в свете равных.

Он вынимает лекарство, подает старухе. Старуха выпила и сейчас же стала молодая, как двадцатилетняя девица. Поцеловала она своего старика, и он помолодел, как двадцатилетний юноша.

Странники ночевали и назавтра ушли.

А помолодевшие старики по-прежнему трудились.

И вот у них родился сын, да такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Рос он не по дням, а по часам, как пшеничное тесто. Вырос он до десяти лет, стал землю пахать.

От разработки земли он стал великан русский, богатырь. Разработал он большие и широкие поля и стал получать с них крупный урожай. И все соседи стали ему завидовать.

Приходили к нему с разных сторон сильные и могучие богатыри и хотели позабрать у него всю землю, но не тут-то было. Этот русский великан-богатырь как кого хватит за голову — у того голова прочь, кого хватит за руку — у того прочь рука отлетела, кого хватит за ногу — у того ноги как не бывало.

И вот эти-то сильные, могучие богатыри, не солоно хлебавши, уходили в разные стороны. А русский великан-богатырь принимался еще сильнее работать, разрабатывать землю.

И вот однажды откуда-то взялся чародей и опутал русского великана-богатыря коварными сетями. И русский великан-богатырь стал бессильным, хилым и дряхлым.

А этот чародей стал заставлять его работать на себя, стал гордиться и величаться; он старался всех удивить.

Русский же великан-богатырь все хирел и хирел. Лукавый чародей заставлял русского великана-богатыря отбирать у других народов всякое добро, а русский великан-богатырь на это шел с большой неохотой. И он стал думать и просить мать сыру землю, чтобы она уродила великого и мудрого человека, который мог бы распутать лукавые сети. Услышала мать сыра земля вздохи и слезы русского великана-богатыря и уродила великого и мудрого человека, который снял с него все лукавые сети.

Когда русский великан-богатырь вышел на свободу, взял этого лукавого хитрого чародея, зажал его своими могучими сильными руками, как железными щипцами, и лукавый чародей обратился в прах и пыль. Русский великан-богатырь разбросал эту пыль на все четыре стороны и опять взялся крепко за работу.

Работал он много лет.

И вот у русского великана-богатыря родилось одиннадцать сыновей. Стали расти сыновья тоже не по дням, а по часам. И по указанию великого мудрого человека стали они творить чудеса: где реки по прямому руслу текли, — они стали их заставлять бежать в разные стороны и даже в обратный путь. И реки пошли в горы, а с гор устремлялись вниз с быстротою молнии и двигали разные машины.

По указанию мудрого человека одиннадцать богатырей управляли ветром и так, что им вся природа шла на подмогу.

И вот у этого русского великана-богатыря родилось пять внуков, и внуки стали по указанию великого мудрого человека работать, как и эти одиннадцать богатырей.

В одно время на закате солнца появились страшные темные тучи, как бы с проливным дождем. Но дождя тут не оказалось, а вышли из этих туч страшные лютые звери и страшные поганые змеи с пылающим огнем изо рта. И замыслили они задавить, задушить одиннадцать богатырей и пятерых его внуков.

А одиннадцать богатырей погнали их с большою силой и с сильным ветром, от которого никто не мог устоять.

И бежали лютые звери в страшной панике. Бежали в разные стороны и падали в приготовленные им бездонные пропасти и оставались там навеки.

И вот об этих одиннадцати богатырях и о пяти внуках и про великого мудрого человека пошла славушка по всему земному шару, и земля зацвела разными цветами.

5 (112). Как вдова Анна правду искала

Жила-была вдовушка. День-деньской в поте лица трудилась. Работала за троих, а ужинать в люди ходила. Бедно жила. Так бедно жила, что заработка на ужин не хватало. Была у нее небольшая полоска пашни, да и та перестала родить хлеб.

Горе да нужда на каждом шагу. А тут и еще одно несчастье свалилось. Богатеи собрали волостную сходку и решили отобрать у вдовы последнюю полоску. Пуще прежнего опечалилась женщина. Ходит, помощи ищет. Только нелегкое это было дело. Которые и пожалеют, да помочь не могут. Самим-то тоже несладко живется, ох несладко.

Однажды целую ночь без сна провела. Все думала-надумывала. А когда утро пришло, набралась смелости и на сходку пошла. В тот-то день как раз сходка была. Хотела, видишь, правду найти, отстоять свою полоску думала. Да вот, только успела переступить порог, а уж ей и кричат: «Ты куда, баба, лезешь? Не дозволено здесь бабам быть. Твое место у горшков, дома». Облилась она горькими слезами — обида ее крепкая взяла — и вышла на улицу. Вышла она и остановилась у избы и долго-долго смотрела, откуда ее выгнали. Потом отвернулась да и закричала, ровно без памяти стала: «Где же правда-то?»

Вроде, как ветку в буре, качает вдову, а она идет неведомо куда и о правде все думает, да о человеке, чтобы такую правду нашел и ей представил. Голодная идет, усталая. Свалилась она на дороге, и снится ей чудный такой сон. Где-то далеко живет великий человек, высокий, умный. Он стоит за правду, за всех людей, которых обижают, и будто в том царстве ни бедных нет, ни богатых. Мужики и бабы вместе на сходку со-

бираются, сообща все дела решают. Есть даже, что сходкой и женщина правит.

Проснулась горемычная и долго-долго думала: то ли во сне видела она все это, то ли наяву. И решила она правду искать.

День идет. Другой идет. Подходит к одной деревне и видит — в самой крайней избе огонек светится. Вошла она в избу и спрашивает, где есть такое царство на свете, что там великий человек живет, который правду открыл. Слыхать, говорят, о таком царстве слыхали, только туда дорога очень трудная.

Идут годы за годами. А вдовушка все ходит по деревням, по селам да по городам. Все правду и счастье ищет. Ходила она так, ходила, вся измучилась. А сама думает — есть все же правда, найду ее. Много ли, мало ли она ходила, только вернулась домой. А на волосы глянула — совсем седые. И как вернулась, в первый же день пошла в белый дом, где сходки бывали: просить землю вернуть.

Заходит она, крадучись, боится. Ну, только никто не гонит, не кричит. И старшина не тот за столом сидит, а молодой. Не видать ни старосты, ни урядника. Старшине женщина помогает делами править. Садиться любезно приглашают. Слушают внимательно и решают уважить просьбу. Видит: соседи заходят смело и не боятся, разговоры ведут. «Уж не во сне ли все это? Об этаких днях я весь век думушку думала». Ей и отвечают: «Это есть настоящее новое царство, здесь все мужики и женщины ровня. Людям правда и счастье даны, а обо всех заботится Сталин». Вдовушка радостно закричала: «Сталин! Где же бы найти его? Как же бы поблагодарить его?»

Другая жизнь пошла на селе. Без попов, без старшины, без кулаков. Бедняки сообща стали новую жизнь строить. Горе да нужды прошли, ровно камень с плеч свалился.

Стала вдовушка работать пуще прежнего. А сама все думает: «Рано ли, поздно ли, а нашего батюшку Сталина увижу».

Вот однажды бумага пришла. Велят послать в столицу лучших людей из деревни, самые важнейшие вопросы с правительством решать. Вся деревня в один голос и говорит: «Пошлем нашу Анну (вдову-то Анной звали), она нужду и горе испытала, она сейчас всю душу за нашу жизнь отдаст».

Приехала Анна в красивый город. Повели ее в большой каменный дом. К столу вышел человек. Глаза ясные, орлиные, улыбка теплая, ласковая, сам простой. Все кричат: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Анна-то хотела крикнуть пуще всех, да слезы подкатились, в горле будто пересохло. Только-только про себя твердит: «Я его

давно видела, давно я его видела». А в глазах у нее и слезы, и радость.

Со всеми Сталин беседовал, и Анна рассказала ему, что она теперь счастье и правду нашла.

6 (113). Про Епишку, который силу несоизмеримую имел и железного коня из дивных мест в свою артель привел

В одном селе, на окраине, у самых сопок и тайги жила вдова. Было у нее трое сыновей. Самый младший сын Епишка ото всех отличался: не так чтобы дурен он был — дурней можно быть, не так чтоб и умен — умней тоже можно быть. Но была у Епишки силища несоизмеримая. А так как ничему Епишка делом не учился, то и силу свою не знал куда девать. И судьба помыкала им, будто ветер былинкой в голой степи.

Мать у Епишки собственница была. Все она для себя прибрать старалась, тому же учила и сыновей. Старший сын оставил мать, пошел в дальние страны, за быстрые реки и горы крутые счастья искать. Средний сын с матерью остался, стал с ней собственность наживать. А Епишка был нрава такого: если ему надо что делать — он делал, если что новое приходило — он присматривался к нему. Считал Епишка, что жизнь идет к лучшему. Вот и в тайге, мол, раньше один гнус был, а сейчас дома понастроили, уютней стала тайга. И чем больше люди работают, тем уютней вся земля становится. А когда не спал Епишка, любовался он темными ночами, кострами пылающими да искрами яркими, подлетавшими к самым звездам. И опять думал Епишка, что все на земле человек сделал, и главное в жизни — когда человек работает. И все к лучшему, а лучшего Епишка очень хотел.

В селе к тому времени многие работать вместе, общим хозяйством стали. Ведь как ни тонка соломинка, а в снопе ее не переломить. По одной же, врозь, она и от бабочки гнется до самой земли, — хоть и какой у ней вес, у бабочки-то? Подумал Епишка и тоже пошел в то хозяйство. Только смотрит он: самый богатей в селе — завхозом, начальником над всем тем хозяйством, а зять его — в хозяйстве старшим. Крепкая дума про то запала Епишке в голову. Хозяйство-то оно бедных, а не богатеев! Богатеи же ничего не делают, а беднота вся в поле работает: то рис сеет да полет, то дрова рубит да возит, то сено косит да в стога метает.

Хитер был тот старшой, зять богатея-кулака. Узнал он про думы Епишкины, с тестем совет держит: «Нехорош, мол, Епишка, но выгонять его из хозяйства артельного нельзя. Вся голь перекатная догадается, чью линию старшой держит... Хитростью надо взять да работой непосильной из артельного хозяйства Епишку выжить». Пошли они к теще старшого, — она хитрая, что ни придумает, все так и будет — либо Епишка сам по себе сгниет, либо совсем из артели сбежит. А после того зовет старшой Епишку в правление, говорит ему:

— Сталин сказал: надо артели сделать большевистскими, а артельщиков зажиточными... Так вот тебе урок, — сверкнул глазом ядовитым старшой на Епишку. — Получай волов и коней, вон то поле надо вспахать, да как можно скорее; будем там посев делать.

А волы те и кони — одни ребра да кожа — от ветра шатались. А то поле что ни есть, болото, и пни на нем погнившие да выгоревший лес. Старшой думает: «Погубит все тягло, засудим Епишку, крышка теперь ему...» А Епишка посмотрел: «Ну, раз делать — надо делать. Раз Сталин сказал, — правильно сказал, сделаю обязательно».

А старшой все думает, с ехидцей улыбается: «Конец теперь Епишке. Волы и кони подохнут, сам он сбежит, если комары его не заедят. А сбежит — за волов тех да коней судить будем. Миром и выгоним из села как вредителя...»

А Епишка весел, песню поет радостную, в свирель наигрывает, на волов да коней ласково покрикивает. Где пень, там своим плечом богатырским принавалится, пень тот вывернет и в сторону отнесет. Земля-то черная, жирная, перегнойная. Епишка плуг подпирает, вперед посылает. Идут волы и кони легко, шелковую травку на ходу пощипывают, на голубое небо посматривают. А там солнце — шар золотой катится, молочные облака плывут, серебряные птицы в дальние страны летят и весело гудят... Вот уж солнце красным стало, небо посинело, вечер прохладой повеял. Епишка волов и коней отпрягал, от комаров костры разводил, сено коням и волам давал, а сам на свирели радостные, сердечные песни играл... В синем небе звезды горят, от костров в небо искры тоже как звезды подымаются. Коротает Епишка ночь, волов да коней кормит, ласкает...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Но у Епишки сила неведомая, — вот уже поле вспахано, черное, гладкое, как бархат, как пух мягкое. Волы да кони от ласки да от ухода хорошего справные стали, веселые, упитанные. Явился Епишка к старшому: «Полюшко, мол, вспахал, волов и ко-

ней в сохранности пригнал... Стало быть, то, что Сталин для нашей радостной жизни хочет, – всегда выполнимо».

Не знал старшой про силу богатырскую Епишки. Диву он дался, в поле поехал, посмотрел, ахнул: все как есть вспахано, да так, что лучше и не придумаешь! Глядь – и волы, и кони справные, и Епишка веселый со свирелью под мышкой рядом стоит.

Старшой опять к тестю с тещей – совет держать. Епишке ничего не сказал, велел подождать. Сел Епишка и в свирель заиграл, да так сердечно, радостно. Звезды на небе высыпали, месяц смотрит с высоты – песню слушают. А Епишка песню про самого дорогого человека – про Сталина играет...

Долго зять с тестем да тещей гадали и порешили Епишке весь худой скот дать и на пастьбу в болота да кочкари послать. Скот, мол, либо подохнет, либо в болотах завязнет, а Епишке, если тигры его не растерзают, за такое дело определенно не миновать суда.

Собрал Епишка весь худущий скот и пошел на болота, запрятав свирель свою под рубаху. Много он походил, узнал края нетопкие и пустил скот с толком. Быкам, которые застревали, под живот лазил и выносил их на сухое. От малой ходьбы да от большой травы, от Епишкиных хитростей скот справным стал, повеселел сразу.

Епишка решил – пора домой. В свирель заиграл, скот в село привел. Все смотрят, диву даются. От честной работы Епишкиной, от присмотра его да от силы богатырской скот весь идет веселый, как атласный блестит. Мужики, женщины, ребятишки рады, Епишку благодарят. А он рад утру веселому, солнцу ясному, что травы и цветы в росе серебрит, и роса на цветах самоцветами сверкает. Епишка песню поет и на свирели играет, как никогда, радостно.

Видя такой оборот дела, старшой пуще прежнего злой, к тестю с тещей идет. Решили они послать Епишку дрова рубить там, где и дерева нет, а камни одни. И говорит старшой Епишке:

– Всем ты удал, а вот тебе задача: у конца села, где лес не растет, дров гору нарубить, чтобы на всю холодную зиму хватило.

– Ладно, – говорит Епишка, сам думает: «Если надо делать, – значит, надо. Если оно на пользу артели, что ж, можно и дрова нарубить».

Пошел на окраину Епишка, смотрит – самого тестя-то старшого сруб для дома стоит, кругом цветы пышные цветут,

а лесу — и близко нет. Сел Епишка, на солнце поглядывает: «Вот, мол, и день кончился, а срок короток — три дня, где лесу взять?..» Топор острый в землю вогнал, достал свирель и ту свою думу по-птичьи запел.

Тут одна пташка, что в цветах жила, прыг-прыг по цветам, головкой повертывает, прислушивается, золотистыми глазками посматривает. Послушала и говорит:

— Эх, Епишка, Епишка, жалко мне тебя, да ладно, горю твоему я помогу. Сила у тебя богатырская, бревна тебе ровно спички. Разбери ты по бревнышку дом тестя старшого да повтыкай их в землю, словно это лес вырос. Тем временем старшой придет. Увидит он, разгневается, но ты ответишь: вот, мол, и цветы целы. А ежели б дом разорять, надо было и цветы и травы перемять. Лес-то, мол, здесь растет, только без веток, оттого, что стар лес. Только смотри, цветы не сомни!

И улетела пташка... Повеселел Епишка от тех речей, мол, хитростью возьмем, — чай, силы не занимать!.. Быстро принялся за дело, разобрал весь сруб. Но только воткнул последнее бревно, — глядь, сам старшой идет. Сердитый, кричит на Епишку:

— Да тебя, дуралей Епишка, за дом да за такую работу мало из артели выгнать, убить мало!.. А где дрова твои? Морозить зимой-то людей будем?

— А вот лес, — отвечает Епишка, — я его и порублю на дрова.

— Как лес? Это дом.

— Нет лес, — смотри... Если б дом кто разобрал, все бы цветы да травы были помяты...

Зло свое под ласковой улыбкой схоронив, видя такой оборот дела, старшой говорит:

— Ну, если это лес, так не лучше ль из него дом здесь сделать. Может, больше пользы будет?..

— Ну, дом — так и дом можно сделать...

Старшой ушел, а Епишка собрал лес и опять состроил сруб... Идет он домой, смотрит — лежат черные камни и горят. Обрадовался Епишка, целую кучу надолбил, мол, и ими можно топить, раз они горят. Развеселившись, пошел в артель и говорит:

— Вот дом и готов, а вместо дров топить можно черными камнями, что горят. Я их надолбил столько, что хватит!

Ничего ему старшой не сказал, только новое задание дал:

— Коли нетрудно тебе было в трое суток вырастить лес и из него дом выстроить да еще гору ценных камней, что горят,

надолбить, нетрудно тебе будет и болото осушить. Выкопай ты канавы на нем, словно реки.

Отвечает на те речи Епишка:

— Что ж, ежели надо сделать, можно и болото осушить. Смотришь, на пользу артели лишняя земля будет.

Взял Епишка свирель, каравай хлеба, заступ и на болото ушел... Долго шел, уморился. Пришел на болото, посмотрел и стал рыть. Долго рыл, канавы словно реки навел. И скоро луга вместо кочек шелком зазеленели, цветы на них зацвели, земля туже стала, высохла... И слух по селу пошел, что Епишка прямо богатырское дело сделал. Артель за его работу поля неизмеримые получила, и на тех полях артель хлеб и рис садила, сады разводила, таежные ягоды и виноград, самые дивные фрукты выращивала.

Еще пуще старшого зло взяло. Видит он, что Епишка уже артельным героем стал. И на тайном сговоре тесть с лютой тещей старшого порешили злое дело учинить: потихоньку ночью изничтожить Епишку...

Пошли, а ночь темная, что воронье крыло. Ни звездочки не видно, только светлячки мелькают голубым пламенем: загорятся и растают, загорятся и растают.

...Идут они. Вот, кажись, и болото, а под ногами сухо. Что за диво. А вот и костер... На поле тихо, только словно ручеек журчит — это друг-пташка Епишкин сон охраняет, песню ему поет.

Заслушался той песни старшой и не заметил как в канаву сорвался. Кряхтел, лазил, но выбраться не мог. А тесть-старик так испугался, что в село убежал и зятя своего в беде бросил.

Наутро тесть по артели слух пустил: Епишка, мол, нечистое дело делает и старшого он убил. Все к старику бросились:

— Как так старшого? Епишка убил?

— Может, и не Епишка, — хитрит старик, — проверить надо. Кто его знает, с кем греха не бывает!

Пошли мужики в поле... Там из канавы стон идет. Все туда, а там старшой с топором сидит, сам перепугался, трясется весь.

— Не думайте, нет на моей душе греха. Это я только дров нарубить пошел, да в яму и оступился!

Вытащили его, но недолго он пожил, с перепугу скоро помер. А после смерти злого зятя-старшого выбрали всем миром старшим артели Епишку. И держит речь новый старшой Епишка:

— Чтобы сделать артель большевистской, а всех артельщиков зажиточными, счастливыми, — землю надо обрабатывать

не только волами да конями. Ими всю нашу артельскую махину не взять.

– Правильно говоришь, не взять, – отвечал мир Епишке.

– А взять надо, – продолжает Епишка. – Слыхал я, что в дивных странах железные кони по заказу самого Сталина мастеровые для артельных делают.

И порешил мир: «За тем, мол, не то волом, не то конем, что трактором зовется, отрядить в те дивные страны Епишку, по отцу Иванова сына, как он есть наш старшой».

Собрался Епишка в дальний путь. Краюху хлеба да свирель за рубаху сунул. А тесть-то прежнего старшого таково хитро ему и говорит:

– Друг Епишка, ты теперь наш старшой. Постой, пойду я старуху пошлю. Она блинчиков, варенников да пирожков горячих тебе на дорогу принесет.

Сроду не ел такого Епишка, только видел, как другие едали, – решил подождать... И правда, принесла старуха узелок полон сдобы всякой. Посмотрел Епишка, – пахнет все так хорошо, – спасибо сказал, но решил не пробовать пока, а напоследок пути съесть. Заиграл он в свирель и в темную ночь из дому вышел...

А тесть-то умершего старшого на коня сел и поскакал. У моста он бревна перепилил. Мост рухнул в воду. Старик его всяким горючим облил и поджег, – так мост огнем по воде и уплыл... А хитрый старик опять на коня и скорей домой.

К утру Епишка к реке пришел, глядь, моста нет, а река широкая – как перейти?.. Задумался Епишка, заиграл в свирель. Тут друг-пташка вновь прилетела и говорит:

– Не печалься, Епишка, иди к лесу, делай плот и прямо в те дивные страны приплывешь.

Епишка ту пташку отблагодарить хотел, а узелок-то в воду упал. С горя Епишка краюху достал, отломил кусок, дал пташке и говорит:

– Сдобой да пирожками хотел тебя угостить, да утонули.

Пташка на то и говорит:

– Спасибо и за хлеб. Твой хлеб лучше тех пирожков, а почему – узнаешь потом.

Защелкала пташка, запела, взмахнула крыльями и в голубой выси растаяла. А Епишка сделал так, как пташка велела: связал плот из старых деревьев, спустил его на воду, травы положил, цветов всяких. И опять в свирель Епишка играет, плывет к дивным странам, с каждым днем все ближе подплывает...

День плывет, два, три дня плывет. К вечеру смотрит: страны те в огнях сияют. В воде огромные домища с круглыми окнами отражаются, отливают светом синим, зеленым, красным... Идет Епишка, все ново для него. Навстречу ему девочка идет, подпрыгивает — веселая такая, беленькая в красном галстуке. Он ее позвал, цветов дал и говорит:

— У тебя праздник, что красное одела?

— Нет, — отвечает девочка, — жить весело. В школу иду, учиться делу Ленина—Сталина. Я к этому всегда готова.

— Ну, ежели делу Ленина—Сталина, я тоже по этому делу. Ты, верно, знаешь, где здесь не то волы, не то кони железные артелям дают?

— А, это трактора?.. Это зайдите в комитет партии.

И пошел Епишка в комитет партии. Выслушали там Епишку, председателя артельного. Позвонили по проволокам электрическим, а оттуда люди и говорят, что можно и кредит дать, и трактор... Дали того коня железного, выучили Епишку, как за ним ходить, и отпустили в артель. На прощанье еще бумагу дали с тем, что великий Сталин писал и говорил о кулаках...

Долго ли, коротко ли Епишка на новом коне ехал, но как раз вовремя домой приехал. Встретили его с песнями и цветами... Даже мать Епишкина с просьбой принять ее в артель пришла.

А Епишка все в бумагу сталинскую смотрит. И появилась у него от мудрой бумаги-то такая сила, что после работы его и он и артель зажила по-новому. Тестя умершего старшого с хитрой тещей выгнали из артели как кулаков. И оказалось тут, что сдоба та, что утонула, была с отравой, о чем друг-пташка знала тогда. Потому узелок и утонул, что яд его на дно потянул. А конь-трактор уж так хорошо работал, что и не знаю как сказать.

По осени был в артели праздник урожая, артель пир устроила. Много пива и браги там было, горы круглых румяных блинчиков, вареников, пирожков, круглых поджаренных вертут[1], банки меда, сметаны, варенья... На праздник друг-пташка прилетела. Запела она, что сила у Епишки коммунистическая, а поэтому непобедимая. А сдоба, что тогда утонула, была кулацкая с ядом, а яд на воде не может держаться. И в жизни все плохое, что делают люди, тонет, пропадает, а светлое и хорошее навечно остается. Жизнь украшает лишь то, что трудом добыто. Епишка, открывая пир, так рад был, что речь не

[1] Вертуты — вид кушанья из крученого и слоеного теста.

мог держать. Музыка играла. Была на пиру и та девочка беленькая в красном галстуке. Был и тот, что по электрическим проволокам звонил, на празднике он хорошую речь сказал.

Сам великий товарищ Сталин — и тот на пир приехал и Епишке, как герою, большую награду дал, а артельщикам хорошее слово сказал. Слово то в самом сердце у каждого большой радостью отозвалось. Сказал товарищ Сталин, что надо всем честно работать, как Епишка работал, — и тогда артель будет великой силой счастья владеть, и никакие хитрости кулаков артель не победят. Люди — это самое хорошее, что есть на свете. Эх и люди! Да с такими людьми все можно сделать. Кто не боится трудностей жизни, того судьба не будет как щепку в море бросать!

Епишка кричал:

— Дорогой, родной Иосиф Виссарионович, сделаем.

И Сталин ему верил и рад был.

Зажглись вечером разные яркие огни. На деревьях фрукты засветились от соков наливных. Ребята физкультуру делали, девчата пели, хоровод водили, плясали. Сталин — и тот вышел, ударил сапогами, в круг пошел. Потом стал, трубку закурил и в ладони хлопает, — весело смеется... И все, веселые, окружили Сталина: и русские, и корейцы, и украинцы. Потому что вместе шли на борьбу, вместе горе и нужду делили, трудности переживали, вместе и радость добыли.

Епишка на свирели заиграл, в небе звезды и месяц заплясали, лес и горы песни подпевали. Веселый был пир, небывалый... Был и я на том пиру, пел, плясал и играл. Сколько бражки пил, меду да блинчиков и вареников ел. Раньше в сказках сказывали, что ничего в рот не попадало, а здесь уж столько попало, что и рассказать о том — слов не хватает!

7 (114). Страна счастливых и честных людей

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был крестьянин. Иваном его звали. Жил бедно, как ни бился, а из нужды никак не мог выбиться. Хлеба напашет — барин хлеб отберет, корову загодует — кормов на зиму не запасет (покосу не хватало), и надобно к весне корову за бесценок барину продавать.

У Ивана было три сына. Старшего звали Петром, среднего Андреем, а младшего, обычно, звать Иваном. Вот сыновья начали подрастать. Отцу стало нечем их кормить. А молодцы были хоть куда: здоровые, сильные, красивые!

Вот отец раз разбудил своих сыновей рано утром и сказал:

— Тяжело мне, мои дети, с вами расставаться, да делать нечего! Надо вам идти зарабатывать себе кусок хлеба, а я уж со старухой как-нибудь и здесь проживу.

Попрощались сыновья с отцом, с матерью и вышли из деревни на большие три дороги. Вот старший Петр и спрашивает:

— Ну, братья, куда пойдем?

Андрей и говорит:

— Я пойду туда, где солнце больше греет, где растут плоды.

А старший отвечает:

— Ну, хорошо, иди. Но и там жизни тебе не будет. Солнце греет только богатых, а не бедных. А я вот пойду туда, где солнце заходит; там есть большая богатая страна, в ней много машин, и люд там честный, справедливый! Я найду там себе работу.

А младший — Иван — думал, думал, да и говорит:

— Я пойду туда, где восходит солнце. Там есть, говорят, страна, в которой бедным жить хорошо.

— Ну, ладно, Иван, иди себе, проведай это царство да и нам приди расскажи.

— Ровно через три года, — сказал Иван, — собирайтесь на эту дорогу и расскажем друг другу, как кто жил, что видел.

И вот братья закинули котомки за плечи, распрощались и пошли в разные стороны.

Шел Иван долго лесами и болотами. Трудно ему было пробираться к этой стране. И только на восьмидесятые сутки он добрался до широкой реки. Сел на берегу, разулся, умылся и подумал: «Далеко ли эта страна?»

Вдруг с того берега человек закричал:

— Куда, мил друг, идешь-топаешь, далеко ли путь держишь?

— Да вот, друг, иду я в ту страну, где бедным хорошо живется.

— Там живут только честные, всех нечестных оттуда изгоняют, — ответил человек с того берега.

— Я себя считаю честным человеком и хочу быть всю жизнь таким.

— Ну, коли так, тогда я тебя на лодке перевезу и расскажу, как попасть в страну честных.

Иван переехал через реку. Человек ему рассказал, что за высокими горами, за дремучим лесом находится чудесная страна, и столица этой страны — большой город, и управляет этой страной человек, вышедший из бедной семьи, и он защищает бедных. Но попасть в эту страну нелегко. Отсюда не пуска-

ет стража этого государства. Надо перебираться через горы и леса скрытно, темной ночью, а то поймают и посадят в тюрьму.

На вторые сутки Иван был уже в другом государстве. Долго пограничники расспрашивали Ивана о жизни в другом государстве и зачем он перешел сюда. Иван рассказывал все подробно. Он пришел сюда узнать, как живет честный народ, чтобы рассказать братьям и отцу.

Ивана посадили в машину и повезли показывать чудесную страну. Вот привезли Ивана в главный город. Накормили, напоили и положили отдыхать на пуховые перины в высоком стеклянном тереме. Долго и крепко спал Иван, проснулся только на вторые сутки. Не успел он одеться и умыться, как собралось к нему народу всякого: и от газет, и от рабочих заводов; и от главного руководителя страны прибыл посланец.

Поздоровался с Иваном посланец за руку да и говорит:

— Ну, товарищ, зачем пришел в нашу страну, чего ищешь тут?

— Да пришел посмотреть вашу страну, хорошо ли у вас живется и откуда все берется?

— А вот пойдем, посмотрим, и все сам увидишь!

Вот они вышли на улицу. На улице народ идет, хорошо и чисто одетый, мчатся машины. Посланец руководителя и говорит:

— У нас имеется два царства: на земле и под землей. Сперва пойдем в подземное царство.

Вот они пришли в большой дом, стали на лестницу. Лестница чудесная, как живая, помчала их вниз, в подземелье. Вот Иван увидал под землею целое царство. Яркие звезды горят, как на небе. Стены мраморные стоят, огоньки на них круглые сутки горят, картины везде. Молодые идут — любуются, пожилые идут — дивуются. Вот светлый поезд тихо подошел, двери сами открылись, и Иван с посланцем зашел в голубой вагон. Светлый поезд их помчал по подземному царству. Вскоре быстрый поезд привез Ивана в другое царство, в чудесный сад-город. Удивился Иван: такого сада-города он отродясь не видел. Сад большой, людей много, все ходят, осматривают разные редкости, собранные сюда со всего государства. О таком городе-саде Иван слыхал только в сказках, от стариков, а теперь увидел этот сад своими глазами.

Посланец руководителя страны повел его по саду и начал показывать несметные богатства царства. Вот поле. Пашут и убирают хлеб машинами. Заодно и молотят. Один человек

машиной за день убирает больше, чем сто человек вручную. А вот просторный, светлый хлев, в нем стоят сытые коровы, их доят машинами. Одна корова дает в день по пять ведер молока. Бык весит шестьдесят пять пудов. Здесь в этом саду-городе за человека работает машина. Машина пашет, сеет, жнет, молотит, мелет, печет, копает картошку, рвет лен, собирает хлопок, прядет, ткет, косит сено, — все делают машины, а человек только управляет. Здесь растут яблони, груши, растет столько разных плодов, которых Иван ни разу не видел. Пять дней Иван ходил по саду-городу, пил, ел, что хотел, но и за пять дней не мог осмотреть весь сад-город. На шестой день Иван остановил посланца руководителя и спросил:

— Кто это все настроил? Где этот человек?

Посланец ответил:

— Человек живет вон там, видишь, где горит на башне пятиконечная красная звезда.

— А можно его увидеть?

— Ну, да он сильно занят работой; но что ж — пойдем, покажу.

И вот пришли они к руководителю царства. Часа через два посланец открыл большую дверь и пригласил Ивана к руководителю. Иван вошел в большую комнату. Навстречу ему шел человек немалого росту, в солдатских сапогах и покуривал трубку. Иван оглядел комнату и спросил у посланца:

— Ну, где ж тут управитель?

Посланец ответил:

— Вот он, управитель-руководитель нового нашего государства.

Руководитель улыбнулся и подал руку Ивану.

— Здравствуй, Иван! Понравилась ли наша страна?

— Так это вы будете главный управитель этого государства?

— Нет. Я не главный. Пойдем, я покажу главного. — И привел руководитель Ивана в каменный дом, который стоял на большой площади. Этот дом охраняли солдаты. В него входил и выходил молча народ. Вот правитель опустился вниз этого каменного дома и показал Ивану на стеклянный гроб, в котором лежал небольшой лысый человек.

— Вот этот и был наш главный руководитель. Когда он умер, то поручил мне выполнять его заветы — строить новую, счастливую жизнь для бедного рабочего народа.

Иван ответил:

— Ну вот, теперь я узнал свободную счастливую страну и того человека, который отдал жизнь за бедный народ...

Иван остался жить и работать в этой стране. Проработал три года и вернулся к отцу, но отца и матери он уже не нашел: они умерли с голоду. Вскоре Андрей тоже явился домой, а старший Петр где-то погиб в пути.

Вот Иван рассказал брату, что он видел в той стране, где восходит солнце. И начал Иван с Андреем собирать народ и рассказывать о счастливой стране, где нет царей, фабрикантов и помещиков, а правят жизнью выборные народом люди. И народ шел им навстречу. Вот им удалось свергнуть власть богачей и помещиков, и власть народ взял в свои руки. И с тех пор страна сделалась свободной.

8 (115). О серпе, молотке и орле золоченом

Встретились однажды серп с молотком и заспорили, кто из них важней для хозяйства.

Серп говорит:

— Ты, молоток, помолчи, я нужней тебя. Что бы стал делать мужик без серпа? Пришлось бы ему хлеб с корнем выдергивать. А мужиков-то много, в каждой деревне мужики. А деревень-то не сосчитать, как звезд на небе.

Молоток послушал, послушал и говорит:

— Ах ты, серп, гнутый шут! Ну, где тебе со мной тягаться? Первое дело: от кого ты получился? От меня, я тебя выстукал. Второе дело: молоток в каждом хозяйстве нужен: и в рабочем, и в крестьянском. А третье дело: как ты не хорохорься, а скоро тебе конец. Не век же серпом по полю прыгать. Скоро только один серп и останется во всем свете: на небе. Ну, там это по необходимости — звездам для развлечения. А на земле машины загудят.

Только серп хотел молотку поперечить, а тут откуда ни возьмись — летит орел золоченый:

— О чем это вы заспорили? Кажется, о важности своей. Ах, чудаки, чудаки. И как только у вас языки поворачиваются? Ну, кто ж важней меня во всем белом свете? Лечу я, куда мне вздумается, ем, что захочется. Глаза у меня зоркие, крылья быстрые, когти вострые. А при вашей-то участи я и жить бы не стал. Ну, кто вы? Мразь...

— Ну, ты не очень, а то живо крылья обломаем.

Это серп с молотком орлу говорят. И про спор свой позабыли, как орел их за живое задел, мразью обозвал.

— Руки коротки, — посмеивается орел и взлететь хочет. А молоток изловчился да как прыгнет. Прямо в грудь орлу уго-

дил. Здорово ушиб, а совсем не прикончил. Взвился орел. В Москву полетел. А молоток серпу говорит:

— Серп, товарищ, пойдем разыщем орла. Надо прикончить эту породу — орлов золоченых.

Поздней осенью приходит серп с молотком в Москву, спрашивают у столбов телеграфных:

— Не знаете, где тут орел золоченый живет?

— Как не знать — орлова квартира всякому известна. Идите вон туда. Там площадь Красная. Рядом с площадью Кремль с башнями. Вот на башнях-то на этих орел и проживает.

Пришли на площадь серп с молотком, кричат орлу:

— Сдавайся, а то все равно несдобровать.

Орел услыхал и засмеялся блеском высоким:

— Росточком маловаты, не дотянетесь.

— А, ты эдак?

— Ну-ка, серп, иди за своими братьями серпами, а я пойду всех молотков созову. Друг на друга встанем, верхних поддержим, а уж сковырнем тебя, золоченого.

А орел все сидит. Уж больно хорошо наверху: воздух вольготный. Да и лететь далеко нельзя: в грудь ушиблен.

А тут серпы идут, звенят.

А тут молотки идут, стучат.

Собралось видимо-невидимо. Где же орлу усидеть? Сковырнули. Нет больше орлов золоченых. И не будет. И площадь Красная по-настоящему стала Красной. А прежде только называлась так.

СКАЗКИ О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

9 (116). Мужицкий сказ о Ленине

Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал: «Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Неизвестного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И грозит этот самый человек: на царя Миколая приду, всех царевых солдатов одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородию и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пущу, слово такое есть у меня». Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплеснул, громким голосом воскричал: «Отпишите скореича человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленину, пусть не

ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, генералов моих, начальников, офицеров-благородию, а за то отдам я человеку тому полцарства моего!»

Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обточили перья вострые, отписали тому Ленину: «Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколая со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаева без бою, без ругани». И мало ли, много ли, а вскорости прислал ответ письменный тот человек, чину-званья неизвестного, без пашпорту, а по прозванью Ленин. И отписывает Ленин царю-Миколашке: «Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь-Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерням, ни по уездам, ни по во́лостям. А вот как, прописываю я тебе, на какую дележку с тобой я согласен, и чтоб без никаких больше разговоров. Забирай ты себе, царь-Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородию со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аполетами, с супругами благородными, с детями их белокостными. Господинов-помещиков со всем их богачеством, с одёжей шелко́вой и бархатной, с посудой серебряной позолоченной, с супругами ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною, и из банков пущай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казной, и с машинами, и со всем их заводским богачеством. А мне отдавай всю черную кость: мужиков, солдатов, фабричных, с немудрящей ихней шараборой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для пахотьбы».

Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: «Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие. И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость без всякого способия. А на тую казну мы себе другую черну кость найдем, из тех нанятых в солдаты заберем, и будем жить опять в спокое да в богачестве». Набежали тут опять к царю спешно-спешно, с задышкою, многие люди ученые, обточили перья вострые, отписали тому Ленину царево согласие. А насчет надсмешки и не гукнули, чтоб не одумался, не пошел на них с тайным словом своим.

И мало ли, долго ли, а вскорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужикам и фабричным. А царь с костью белою уж подальше отъехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий хрестьянский человек и говорит им: «Товарищи, здраствуйте». Куда глаз хватил, всех за ручку подержал и объявил громким голосом: «Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только вы меня слушайтесь, я всем наукам обученный и своих товарищев на худое не выучу». Солдаты по солдатьей своей выучке сейчас: «Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь». Фабричные, городской народ грамотный, со сноровкою тож, ему не прекословили. А мужики изобиделись, что в расчете просчитался он, зашумели, загалдели, задвигались: «За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились». Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: «Не галдите, не корите, забирайте землю-скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Не хватило бы казны той про вас, как есть вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А нащет того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю, еще неполное. Не докумекал маленечко. Но есть у меня другое, достоверное на всю черную кость по всёй земле. Как скажу его, нигде белая кость не найдет себе ни солдатов, ни работничков. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять».

И мало ли, долго ли, а вскорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И отписывает в том известии Миколашка-царь: «Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородия, как кони стоялые без солдатов нашинских. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уж поканчивают, одежу из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои, без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики мои все машины посбивали, перепортили. Как нету сноровки у них, по-книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймается, под твою руку прёт, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородия, чтоб отбить нам назад к себе всю черную кость».

И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородие команду на солдата кричать, войски туды-сюды передвигывать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в их жила тонкая. И недолго им на белом свете выстоять.

10 (117). Ленин на каменном столбе

Ведь вы, поди, знаете, что, там-ко, середь Москвы, значит, большущий-пребольшущий столб стоит каменный, почитай чуть не до неба. Ну, так вот, ежели забраца на этот столб, то с его видать не токмо Расея вся, но и земли все чужие, значит, не русские. Много людей всяких — может, тыщи, али милиены, ученых, интеллигентов — забраться пробовали на столб этот. Куда тут! Руки коротки! Потому — смекалки не хватило у них, и котелок ешшо не так варит, да и неправильные люди были эти.

Этак, может быть, сто продолжалось годов, и больше, может быть. Ну, значит, так, хорошо-о. Так.

И вот, значит, вдруг неведомо откедова объявился Ленин. Што за человек это, ево и мало хто тогда знал. Только один раз, поосенясь, когда трава в поле засохла, он, значит, Ленин-то, с товарищами и явился к столбу. А у столба-то народу — море.

— Ну, — товарищам говорит своим он, — знать, настал мой черед: надоть лезти и искать правду...

И понимаешь, и пошел, и пошел чесать по столбу-то, как белка! А с народом не поймешь, чо и деется. Которы кричат: «Молодец, ура, щаслива!» А которы: «Голову сломишь, чтоб те! Больше, знать, захотел других и штоб омманывать людей». А которые же завистники были, то из леворликов стреляли даже. Руки коротки! Ленин выше и выше все...

Ну, с тех пор и находитца на этом столбе Ленин-то. Чижало, шибко чижало ему-то, Ленину, приходитца. Днем глядит и по ночам глядит в стороны во все и распоряжацца по-хозяйски. Чуть что, скажем, министр какой, царь земли чужой, али комиссар наш, али другой хто — Ленин чичас же:

— Шалишь, брат, стоп, давай наказать, не туда, паря, гнешь, пошел прямо, придерживай полевей!..

Потому — ему, Ленину-то, с вышины видно все, как на ладонке, и следит сторожко за всем подходяво и направлят жисть на дорогу праведную.

Вот за это, а может стацца, и за то, что Ленин мучитца и страдает за народ, за мир честной, значит, ему-то и послал благодать бог-то.

Когда, примерно, на Расею навалились богатеи и миллиенчики из землей чужих, штоб сбить, значит,Ленина с пути праведного, вдруг гром страшный ударил и над Москвой-матушкой небо огневое все разверзнулось, и голос громовой:

— Не робей, товарищ Ленин, ты всех врагов и супостатов покоришь под ноги себе! Иди, — говорит, — дорогой своей и веди мир честной за собой к жизни щасливой, праведной, уготованной! А за правду, — говорит, — твою, за страдания и мучения твои за мир честной, не возьмет тя, — говорит, — ни пуля, ни нож, ни огонь, ни вода. И будешь, — говорит, — жить ты во веки веков до скончания мира. Аминь.

Ну, с тех пор вот и доспелась благодать-то с Лениным: кажинный месяц делается он раз молодым и раз старым. Примерно, когда на небе месяц моложавит, серпом висит, Ленин — вьюноша, парень кровь с молоком, а как только полнеть почнет месяц и делацца круглым, как краюха хлеба, Ленин стареет, становитца дедушкой... Вот, значит, так дела-то.

11 (118). Хитрый Ленин

Сидит один раз Ленин у себя, в комнатке, после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет — все про себя чтение находит.

Дескать, что нам перед Антантой стремиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич, по прозванию Ленин.

Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе:

— Ладно, так и сделаю.

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему говорит:

— Можешь сделать так, чтоб я умер, только не совсем, а так, для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это тебе?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают и во всяком деле мной загораживаются.

— Что же, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику

стеклом накроем, чтобы пальцем тебя никто не тыкал, а то затычут.

– Только вот что, доктор, чтобы это было в пребольшом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не вытерпели – в слезы. Все думают, сердцем трепыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди – англичане с французами присунутся.

А самый старший – Калинин – уговаривает: «Что же поделаешь? Это – не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну, и довольно, за дело надо браться».

Положили Ленина в амбарушке, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два, неделя, месяц, – надоело Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он тихонько, задней дверью из марзолея и – прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские.

Пропустили его в дверь, потому что в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали солдаты.

Приходит туда Ленин, а заседания уже закончились и служители полы подметают.

Ленин спрашивает:

– Кончилось?

– Кончилось.

– Не знаете, об чем говорили?

– Да об разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не все поняли.

– Так, так... А про Ленина не поминали?

– Как же. Поминали... Вот, говорят, Ленин умер, зато коммунистов чуть не в два раза больше стало... Теперь только пикни Антанта.

– А она не пищит?

– Да покуда, в час молвить, не слыхать.

– Так, так, – поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел в марзолей, лег под стекло, думает: «А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кой-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало: только-только чтоб пары не затихали, дер-

жат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтоб шпионы чего не подсудобили.

«Хватит и этих, – думает Ленин, – мне ведь не митинг разводить, только поспросить кой-о-чем».

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравствуй.

– Ну, как?..

– Да ничего... сходственно.

– Беспартейные?

– До смерти Ленина в беспартейных ходили, а теперь в коммунистах... ленинцы.

Ленину это по сердцу маслом.

– А в работе задержки нет? А товаров много выпускаете?

И начал, и начал вопросами донимать.

– Да скоро с мирным временем сравняемся.

– Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока прощайте.

«И тут ладно, – думает Ленин по дороге в марзолей, – теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье».

На третью ночь Ленин встал раньше, ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком идти придется.

В деревню он поехал, какую поглуше, чтобы наглядней было. В одной избушке огонек светился. Подошел Ленин:

– Можно отдохнуть у вас?

– Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочно спрашивает:

– Вы что же, некрещеные?

– Мы, товарищ, граждане, а в нашем доме – читальня, а это – уголок Ленина.

«И тут помнят меня», – думает Ленин.

– Ну, а как житье мужицкое?

– Да не так чтобы уж очень, а все-таки к лучшему налаживается. Теперь – слышно и по газетам, и по журналам, и по речам приезжих – на деревню все силы хотят направить... Одним словом, не задом к деревне, а лицом.

– Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам. Ну, вот теперь, видно, задумали сомкнуться, – давно бы пора.

Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоенный и спит вот уже много дней после своих странствий.

Теперь уже, наверно, скоро проснется.

Вот радость-то будет!

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь.

12 (119). Ленин не умер — он жив

Было то в тысяча и девятьсот двадцать первом году, на аглицкой земле, в золоченой хороме государевой. Призывает к себе царь холопьев своих, министров, фабричных хозяев. И говорит таковы слова:

— Люди знатные, богатеи вельможные, невозможно нам землями ведати, народные дела вершити. Появился на землях наших родных враг хитрый, обольстительный.

Переглянулись тут холопья царские, министры, фабричные хозяева. И держали речь на слова царские:

— Государь наш аглицкий, прикажи холопам своим изловить и сковать в цепи железные того врага хитрого, обольстительного, что мешает землями ведати, народные дела вершити.

И промолвил царь аглицкий:

— Ни холопы наши, ни хозяева фабричные и ни министры мои умные не поймают того врага лютого, обольстительного. В других землях, за морем, за океаном живет он и оттудова посылает гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному.

Тут обрадовались холопы царские, министры, фабричные хозяева.

— Государь наш аглицкий, прикажи державе той, где живет враг лютый, обольстительный, выдать нашим посланникам его голову окаянную, или мы, земля аглицкая, пошлем воинов на тую страну.

Запечалился государь аглицкий на теи слова и промолвил с растяжкою:

— Невозможно словити врага лютого, обольстительного, что мешает землями ведати, дела вершити. Прозывается он Лениным-бусурманином. Сам он правит державой той, за морем, за океаном. Суда наши не дойдут до державы его — перетонутся. Пушки наши не стрельнут ядрышками — порассыплются. Солдаты мои не пойдут на народ его — разбунтуются. Подослать кого для придушия — не пропустит держава советская, а охрана народная российская бережет свово главного. Невозможно тягаться с Лениным!

Занедужились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут самый старый холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

— Государь ты наш аглицкий, не прими мое слово в насмешечку, прикажи отпустить из казны твоей денег золотом.

Изобрел я средствие драгоценное для врагов твоих и державы аглицкой. И то средствие – не лекарствие, не крупинки в порошках больным и не пушка самострельная. А то средствие – невидимое, прозывается лучевой волной, незаметною. Наведем волну прямо на Ленина. И подохнет он, будто сам умрет.

Повскакали с мест люди царские. Государь вскочил без подмоги слуг. Закричали все:

– Ты – спаситель наш. Мы казной своей раскошелимся, наруши врага-обольстителя.

...С той поры занемог Ленин-батюшка, через средствие невидимое, что назвал холоп лучевой волной, незаметною. Заболел отец, на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек...

Лучевая волна промахнулася. Головы его не затронула. Только с ноженек пригнела к земле да и дыхание призамедлила. Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепает, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, обездоленный трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучевая волна незаметная закрывает его от лица людей.

13 (120). Самое дорогое

В нашей Карелии, у самого Онежского озера, был колхоз. Самолучшие колхозники в нем были: Федор-старик, Марья-колхозница да Алексей. Федор по рыбному делу ходил, Марья смотрительницей детей была, а Алексей был конюхом.

Вот сошлись все колхозники в правлении и начали говорить, что́ есть на белом свете самое лучшее и дорогое. Люди они были небывалые и заговорили по-своему, по-деревенскому. Бабы говорят:

– Наши коровы самолучшие: они нам молоко дают, всех нас питают. Мы молочка надоим, сливочки сольем, маслица собьем, в печь поставим, оттворожим, лепешек напечем, сметанкой зальем.

Ловцы говорят:

– Неверны слова ваши! Рыба дороже всего! Она нас кормит и поит. Мы мережи поставим, рыбы наловим, что лосося, что

малька, что сига, что ряпушку, уху наварим, рыбничков напечем, стопочкой запьем.

Ратаи-то говорят:

– Неверные ваши речи! Мы рожь да жито посеем, а как выспеет – хлебушек соберем, в скирды накладем, скирды выволочим да дома вымолотим, солоду насолодим да пива наварим. Без хлебца никому не прожить! Рыбничков без муки не спечь, да и пива не сварить.

Надумали тут колхознички разрешить спор: послать Федора, да Марьюшку, да Алексея по всей земле русской ходить и узнавать, что́ есть на белом свете самое лучшее и дорогое.

Сошлись Федор, Марьюшка да Алексей и не знают, куда им путь держать. Тут Марья и говорит, что бабушка ей перед смертью наказывала: «Коли ты чего знать не будешь, либо пути-дороги не знаешь, возьми-ка ты мой клубочек, за кончик ниточки держись, да на дорожку и брось. Куда клубочек покатится, туда тебе и путь лежит».

Сказала это Марьюшка Федору да Алексею, взяли они за печкой клубочек, всё как бабушка велела, сделали и пошли за клубочком.

Идут они и дивуются. Где прежде реки бродом брели, ни проходу ни провозу не было, там построили мосты через речки на полверсты: сваи позабивали, доски настлали, да балясы на них сделали. Где при старой власти болота непролазные, ни проходу, ни проезду не было, – проложены дороженьки хорошие, мощеные. По этим дорожкам ходят машины разные, а у самого Онежского озера самолет стоит. Хошь – пешком иди, хошь – на машину садись поезжай, хошь – на самолет садись лети. Где были леса дремучие, непроходимые, там проложены дороженьки широкие, вся земелька углажена и фонари расставлены. Днем идешь – светло, и ночью идешь – светло.

Безо всякой трудности идут Федор, Марья да Алексей за клубочком, и подкатился клубочек к самой каменно́й Москве. По матушке каменно́й Москве машин много бегает! Много в Москве светлоты, будто и ночи нет!

Федор говорит:

– Машины мне понравились. У старого тупы ноги ходить, дак хоть под старость на машине проехать.

Марья-то говорит:

– Не зря клубочек-то прикатился сюда. Москва – мудреная. В Москве-то и узнаем, что есть самое лучшее и самое дорогое.

Алексей говорит:

— Походим-ка мы по Москве и посмотрим: может, самое дорогое не у нас в колхозе есть, а в самой Москве.

На том и согласились. Идут по улицам, дивуются, как улицы изукрашены, любуются. Подкатился клубочек к дому, а на доме надписано: «Кому ехать — вниз пожалуйте».

Вкатился в дом клубочек и остановился. Взяла Марья клубочек в карман, и вошли они в метро подземельное.

В метро все-то день ясный, и ночи-то нет. Проехались они на метро, встали на лестницу — сами не идут, лестница за них идет. Вот лестница вынесла их на землю, поблагодарили они лестницу.

Марья вынула клубочек, конец нитки взяла в руки, клубочек на землю бросила. Покатился клубочек и прикатился к большому саду. Во саду музыка играет, цветы цветут хорошие, птицы поют дивные. Говорят-то они в Москве, а слышны слова на Онежском озере, — все по радио слышно. Нынь в один час вся Россеюшка слушает!

Во саду гуляют молодые и старые: тут пляшут, тут и на качелях качаются, и на деревьях фонари разноцветные горят. Федор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь веселые и довольные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из кармана выпрыгнул, успела только Марья конец нитки схватить, и покатился клубочек дале.

Идут Федор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около самого дому народу многое-множество!

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом. Смотрят: белая лестница цветами зарощена. Пошли они по лестнице, видят: в доме золотыми буквами написано и показано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудесам вел. И шли они до самой последней комнаты. Видят: в комнате флагов многое-множество, наклонены флаги среди комнаты, а от них красный свет, а средь комнаты — памятник.

Марья тут и сказала:

— Привел клубок нас к большому человеку!

Не успела она слова молвить, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схватить, и покатился клубочек все дале и дале. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене. Прокатился клубочек в ворота и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворяют двери, и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в

комнату и стал их обо всем расспрашивать, а они — обо всем рассказывать.

И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, и первый вопрос о том, как им жить лучше и богаче. Сказал им обо всем Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Распростились они с товарищем Сталиным, проводил он их до самой стены, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, сунула руку в карман, а клубочка-то и нет. Стали они его искать. Искали, искали и к Сталину воротились, и у него искали, не обронили ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашли. Ну, уж тут дорога была известная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

— Ну, что́ есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё, как, что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

СКАЗКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

14 (121). Грех

В одной деревне жили муж и жена. Муж был нравный, а жена тихая и молчаливая. Муж часто обижал жену, ругал, а то и бил, а жена никогда словечка не скажет супротив. Как раз недалеко от этой деревни война была — белые с красными воевали: по одну сторону белые, а по другую красные. Мешала война мужикам, а все-таки не сидели без дела, работали — и по домашности, и в поле.

Поехал в поле и муж с женой. Приехали в поле, зашли на первую борозду, а тут, откуда ни возьмись, скачет красный командир. Наверное, на разведку ехал или по другому делу торопился. Идут мужик и баба по борозде, глядь-поглядь — бумажник огромный подняли. Развернули, а там — планты

всякие и деньги бумажные. Мужик говорит жене: «Деньги эти офицер обронил. Смотри, никому не говори, что мы нашли их. Если скажешь – не жить тебе на свете». Вырыл мужик в борозде ямку, положил в нее бумажник с деньгами и с плантами, а сверху прикрыл большим пластом. Стал он пахать дальше. Вдруг скачет к ним командир. Прискакал и говорит: «Я обронил сумку... Вы не видали?»

– Нет, – отвечает мужик, а сам глядит на жену...

– Нет, – отвечает жена, а сама в землю глядит, глаз поднять не может.

Командир хлестнул кнутом и поехал в штаб. В обед приезжают на пашню три солдата и говорят: «Командир наш потерял важные бумаги и нигде не может найти. Может быть, вы их нашли?»

– Нет, – говорит мужик, – мы не находили никаких бумаг, – а сам строго глядит на жену.

– Нет, – говорит жена, а сама платок на лицо надвигает от стыда.

Солдаты ускакали, а мужик с бабой опять стали пахать. Мужик говорит бабе: «Если приедут еще и будут спрашивать о сумке, смотри, не проговорись, а станут брать с тебя клятву, клянись всем белым светом, что глазом не видала и слыхом не слыхала ни о какой сумке. А не поклянешься – не жить тебе на свете». Затряслась баба, как осиновый лист, а помирать не хочется.

К вечеру скачет на пашню целая рота. Прискакали и говорят:

– Командир наш в петлю полез с тоски. Мы все поля обшарили. Нигде не нашли сумки. Вы нашли ее. Деньги не нужны... Себе возьмите... Планты до зарезу надобны. Отдайте... Спасите командира от беды... Он руки на себя наложит, если не найдется сумка. Ведь за вас стараемся.

Мужик сердито посмотрел на солдат и говорит:

– Что вы пристали? Говорят вам, никакой сумки мы не находили.

– Поклянитесь, – говорят солдаты, – всем белым светом, что вы не находили сумки.

– Клянусь всем белым светом – ничего я не находил, – говорит мужик и смотрит в упор на жену.

– Клянусь всем белым светом, ничего я не находила, – чуть слышно прошептала жена.

Солдаты развели руками и ускакали обратно. Ночью мужик вырыл из земли деньги и поехал с женой домой. Планты

и сумку по дороге в речку бросил, а деньги за пазуху засунул. Мужик радовался, что у него теперь много денег, а баба была печальная. Ей представлялся командир с петлей на шее и с посинелым лицом. Она вздрагивала и крестилась. Скоро баба забеременела, и у нее родился еж. Все, как у ежа: и голова ежиная, и колючки, только ноги человечьи.

Баба испугалась и говорит мужу: «Смотри, что родилось-то?» А муж посмотрел и отвечает: «Ничего — еж».

— Что мы с ним делать будем?

— Бросим в яму, вот и все.

Взял и бросил ежа в яму. Через год баба опять родила ежа. Мужик и этого закопал в яму. Еще через год у бабы снова родился еж. Опять мужик зарыл его ночью в овраге. Тогда баба поняла, что грех ее непростительный. Собрала она мешочек, взяла палочку и пошла ходить по всем местам, по чужим землям. Везде побывала, по всему белому свету прошла, а грех все давил ее сердце тяжелым кирпичом.

Вот однажды подошла она к казарме, а возле казармы часовой в будке стоит. Подошла баба к часовому и стала спрашивать, что ей сделать, чтобы совесть не мучила.

— Иди домой, — говорит ей солдат-красноармеец, — иди и три ночи ночуй в бане одна, а дверь на крючок, смотри, не запирай.

Баба так и сделала. И вот в первую ночь, не успела она заснуть, снится ей пакость несметная — цари, генералы, купцы, дворяне. Языки у них до полу болтаются, в животе бурчит, как на мельнице, а ногтями длинными, вострыми рвут на себе волосья грязные.

— Не помогла ты нам, — вопят генералы, — хоть и утаила планты от командира. Все равно пришла нам гибель неминуемая.

Как запели петухи — все пропало сразу. Баба встала, огляделась, светает, а ей непонятно, к чему такой сон приснился и что ей надобно делать. На другую ночь только заснула баба, снятся ей войска красные — пешие и конные... идут с красными флагами... а потом остановились. Один речь начал сказывать и пальцем все куда-то показывает:

— Вон она, вон где притаилась. Много из-за нее мы лишней крови пролили, а все-таки победили врага.

А тут другой вышел и говорит:

— Не она виновата, это муж ее. Он теперь первый кулак на всю деревню, бедных притесняет, жир наедает, надо прикончить его.

На третью ночь баба спала спокойно. Только в полночь к их двору подъезжают вдруг на тройках и кричат:

– Гражданин Крутов, встречай гостей.

Муж вышел, а невидимая сила как стукнет его дубинкой по голове, так и покатился мужик. А наутро все село узнало о смерти кулака Крутова, а баба стала чувствовать себя плохо, легла на лавку и закрыла глаза. И вот слышит она – лает собака. Открыла глаза – нет никого. Закрыла – опять лает собака. Вдруг окно поднимается, и чорт лохматый, с высунутым языком, лезет в щелку. Баба сняла с головы красный платок и – ну махать на чорта. Чорт корчился, корчился – так и не влез в избу, а упал на завалинку и провалился. Села баба на лавку, и стало ее тошнить, потом стало рвать, и вместе с рвотой изо рта вылезла огромная змея. Баба взяла змею, завернула в платочек и выбросила далеко за окно. И стало ей легко и спокойно, и напал на нее сон. Уснула баба, а наутро ее нашли мертвой. Но лик ее был светлый. Умерла она прощенная. Грех вышел из нее змеею. А всем белым капут наступил.

15 (122). Как Чапаев храбрым стал

Отец Чапаева был бедный, и молодому Чапаеву жилось плохо. Вот он решил идти странничать, искать работы и на жизнь посмотреть. Положил в один карман творогу с хлебом, в другой жаворонка посадил, чтоб веселее было идти. Шел он целые сутки; его дом остался уже далеко позади.

На берегу одной реки Чапаев сел отдохнуть. Вытащил кусок хлеба и положил перед собой. И быстро на этот кусок уселось много мух. На Чапаеве был пояс с кистью, он размахнулся и ударил кистью пояса по куску, а убитых мух решил сосчитать. Насчитал около сотни. Тогда он написал на бумажке: «Одним помахом сто побивахом», а бумажку приклеил к поясу.

Только хотел Чапаев встать и пойти дальше, как видит, перед ним стоит огромный-преогромный великан. Испугался его было Чапаев, а великан прочитал у Чапаева «одним помахом сто побивахом» и тоже ужаснулся. Неужели, думает себе, сильнее меня на свете есть? Дескать, мальчишка, сухой, как вобла, небольшого роста – и вдруг «одним помахом сто побивахом»!

– Ты что, в самом деле такой? – спрашивает великан Чапаева.

– Да, такой, – отвечает Чапаев.

А великан говорит:

— А ты огромное дерево унесешь вот в эту гору? — А гора перед ним стояла огромная-огромная.

— Унесу, — говорит Чапаев. — Вытаскивай любое дерево.

А великан, не говоря ни слова, выбрал самое толстое дерево и выкорчевал его со всеми корнями из земли.

— Ну, — говорит, — неси.

Чапаев не струсил, а говорит ему:

— Это унесу, а лучше давай сперва вот из этого мела, что лежит на берегу реки, выжмем руками сок. Попытайся, а я выжму!

Великан взял ком мела, жал, жал его, — весь в порошок измял, а сок не течет.

— Вот, смотри, — говорит Чапаев.

Вынул из кармана творог, да как нажмет, сразу сок потек.

Великан ужаснулся. А Чапаев говорит:

— Это что! Давай — кто дальше всех камень вверх закинет?

Великан взял один из камней, кинул его вверх. Тот летел-летел и упал обратно. Чапаев вынул из кармана жаворонка — и как камнем бросит его вверх! Жаворонок поднялся ввысь и исчез.

— Вот как, видел? До самого неба, и обратно не падает, — сказал Чапаев.

Великан опять ужаснулся. И поверил в силу Чапаева.

А Чапаев и говорит:

— А теперь давай дерево понесем: ты бери за комелек и иди передом, а я возьму за вершинку, так как за нее нести тяжелее.

Великан согласился, взвалил на себя комель — и ну в гору, а Чапаев за вершинку держится и влазит в гору вслед за великаном. Гора была крутая и большая. Великан нес, нес, бросил дерево на землю, а Чапаев приподнимает вершинку да кричит:

— Ты что же, дружище? Давай, неси, неси!

— Нет, не могу. Замучился, — признался великан.

— То-то, — сказал Чапаев.

— Сильный ты все же, — сказал великан, а Чапаев тут-то и понял, что быть храбрым и сметливым — так любую силу можно победить.

Присев отдохнуть, Чапаев с великаном разговорились. Чапаев узнал, что великан охраняет одну княжну. Однажды на княжну напало человек сорок разбойников — великан их всех перебил. А великан этот был ростом две сажени, так что Чапаев промежду его ног проходил, не задевая головой. Пальцы на его руке — в руку Чапаева.

Чапаев поинтересовался:

— Много ли вы съедаете?

— Если в день, то три барана, двадцать четвертей молока, пуд хлеба, — это на плохой конец. Княжне трудно приходится, дорого я ей стою, а все же держит для охраны. Баранов я у нее всех поел, взялся за быков. Как два дня, так бык. Сейчас стал ходить к помещикам: пойду, пару баранов унесу в руках, как котят.

А Чапаев стоит и думает себе: «Какая сила огромная пропадает и кому служит она? Нет, храбростью и сметливостью своей я буду служить не княжнам, а народу».

И оттого, что Чапаев служил трудовому народу, слава о нем пошла огромная, хоть сам он и был маленький. А о великане, хоть он и был большой и сильный, — никакой славы не сохранилось.

16 (123). Чапай

И совсем не утонул Чапаев в седом Урале.

Урал он переплыл, не напрасно его хорошим пловцом считали, а казаки погоню за ним устроили.

Ловкий был Чапай.

Казаки за ним на конях, а он от них бегом да бегом по лесу бежит. Пули свистели над его головой — он только нагибался, приседал, да и опять несся вперед. Совсем было догнали Чапая. Схитрил только он. Спрятался в медвежью берлогу и сидит там. Казаки проскакали рядом — не заметили его, думали, он вперед убежал. А Чапай тем временем вылез из берлоги и вбок, по спрятанной в кустарнике тропинке пробежал. Лес был большой, хмурый, и долго ли бежал Чапай — трудно сказать. Долго, видно, бежал. Уж вечер спускался, когда он очутился на опушке. Солнце собиралось за край степи спускаться.

Оглядел Чапай и видит — вправо кибитка стоит, а по степи лошади пасутся. Пошел он туда.

— Кто хозяин? — спрашивает.

Никто не отвечает. И кругом тишина стоит. Слышно было, как трава звенит и жаворонки в небе перекликаются.

Чапай опять спрашивает:

— Кто тут хозяин, выходи.

Зашуршало что-то в кибитке, и вот из нее выполз дряхлый старик киргиз.

— Что, — говорит, — тебе надо, удал молодец?

Ему Чапай и рассказал, кто он такой.

— Я, — говорит, — Чапай, Василий Иванович, командир Чапаевской дивизии, против белых борюсь, за свободную жизнь для бедного народа.

— Слышал, слышал про тебя, — говорит старик. — Большой ты герой, вся земля знает. Все бедные люди любят тебя — и русские, и киргизы, и татары, и чуваши.

Нагнулся вдруг старик, приложил ухо к земле и слушает. Лицо его стало хмурым, беспокойным.

— Да-а, — говорит, — погоня за тобой несется, и близкая.

Старик быстро слазил в кибитку и принес оттуда ком сыра и кувшин кумыса.

— Пей, ешь скорей, а дальше видно будет, чего делать.

Закусил Чапай, вытер усы рукавом и ждет, что старик дальше скажет.

А старик опять прилег ухом к земле и послушал.

— Теперь казаки совсем близко. Вот-вот из леса выскочат... Лошади у них быстры, как лани, а у нас еще быстрее есть, как горные соколы.

Встал старик на дряхлые ноги да как свистнет на всю степь широкую. Смотрит Чапай, от табуна жеребец скачет, да такой — описать его невозможно. Редко у какого царя такие кони были. Огненный весь, на груди звездочка белая, а глаза умные-умные, как у человека.

— Вот тебе конь, — сказал старик, — он тебя от всех бед будет уносить. А вот тебе серебряная сабля и ружье позолоченное — они будут твоими первыми друзьями.

И подал старик Чапаю серебряную саблю и позолоченное ружье.

— Садись на коня и лети мимо леса, вправо и влево. Пять ночей и пять дней будешь нестись ты на коне, и принесет он тебя к высокой горе Черная Орлица — про ту гору никто на земле не знает. И будет там твой стан, и никто тебя оттуда не возьмет никогда. А в нужные минуты, когда бедный народ будут буржуи обижать, ты будешь выручать их из бед.

Подошел старик к Чапаю и поцеловал его три раза.

— Улетай, сокол ясный, казаки совсем рядом.

Только впрыгнул Чапай в дорогое седло да схватил за поводья: молнией понесся конь вдоль леса, облако пыли по земле только стелется.

В это время солнце на землю упало и наступила в степи ночь, темная-темная. Из леса казаки выехали и прямо к старику:

— Где тут Чапай скрывается?

— Не знаю, — говорит, — не видел такого.

— Как не видел? — закричали казаки. — Куда он делся?

Все кругом обыскали — и кибитку, и лес, — не нашли Чапая. Тогда офицер приказал подчиненным:

— Повесьте на осине киргизскую образину.

И повесили старика на осине, а кибитку его сожгли. А когда приехали к своему генералу, то доложили, что утонул Чапай в Урале.

И знают только уральские степи, какие геройские поступки совершал Чапай. Не мало было случаев, когда он выручал из бед красноармейские отряды.

Вот-вот погибнет отряд: и сил у него мало и патронов нет, того и гляди, озверелые беляки перерубят добрых людей — и вдруг, откуда ни возьмись, появится Чапай. Летит он на огненном коне, как на птице, саблей серебряной помахивает, а полы бурки по ветру развеваются.

— За мной, ребята! — закричит он и прямо на беляков понесется.

Пропадет у красноармейцев страх, разгорятся сердца и в атаку за Чапаем бросятся. Да так рубятся, что от врага ни единой живой души не останется.

А потом, когда опомнятся, глядь, а Чапаева нет. И не верится им — был ли он тут в самом деле. Но многие уверяют, что видели Чапая. Только на груди у него не один, а три боевых ордена.

17 (124). Жив Чапаев!

Чапаев был гордый и смелый, хоть и простого звания. В ту кровавую войну, что вели буржуи разных стран-государств, Чапаев служил простым солдатом. Смелый он был, никого не боялся и шашкой работал, что хороший плотник топором: ударит, не промахнется. За то ему генералы и офицеры разные ордена да ленты давали. Только Чапаев был не такой, чтобы генеральские подарки брать.

А потом, как буржуев скинули, прослышал про это Чапаев, собрал всех солдат и такое слово держит:

— Вот мы, солдаты, и свободы дождались, и землю в свои руки наши мужики взяли. Так будем мы воевать дальше аль нет? Давайте лучше по домам пойдем!

Ну вот, погуторили солдаты, ружья, сумки через плечо, да и пошли на станцию, домой ехать.

Ладно, поехали. А тут войско большое, а впереди знакомый генерал на белом коне, как сыч, сидит, все пузо в орденах.

— Вы куда, солдаты? — говорит генерал.

— Домой.

— Как так домой, когда война не кончена? — И приказ дает всем выходить да обратно шагать.

Тогда Чапаев встает и говорит:

— Не слушайтесь генеральских обманов! Свобода сейчас! Меня слушайтесь! Мало нас, отступать надо, только бы в генеральских цепях не быть.

Ладно. Как сказал Чапаев, так солдаты и сделали: ушли от генеральских войск. Догоняй ветер в поле!

А на станции, куда приехали солдаты с Чапаевым, еще другие солдаты встретились. Тоже домой собрались. Думают солдаты: «Ехать нельзя, как быть?»

— Воевать надо, — сказал Чапаев, — пока всех буржуев да их генералов долой не выгоним. А воевать не будем — нас перебьют и свободу задушат. Правду я говорю, товарищи?

— Правда! Надо воевать!

Выбрали солдаты своим командиром Чапаева. Стало у него войско: к солдатам еще рабочие и мужики пристали. Стал Чапаев большим красным командиром. Ну и повел он на знакомого генерала свои полки. Дорогой ему мужики коней дали, посадил он всех солдат на этих коней — и пошли! Чапаев сначала позади ехал, а как стали подъезжать ближе к генеральским, усы покрутил, папаху заломил, вынул шашку, вынесся вперед и крикнул:

— За мной!..

И рассыпались по полю, понеслись чапаевцы. А Чапаев обернется назад и подбадривает:

— Смелее! Песню!..

Запели — любил Чапаев песни, — и сразу словно силы прибавилось у каждого. Так с песней и налетели на генеральских. Оробели сразу те, смотрят: откуда такое войско взялось? А генерал как стоял, так и обмер, уронил бинокль, да на лошадь, да удирать! А за ним и все его войско.

С того дня все генералы узнали, какой-такой Чапаев. Если с песней идут в бой и командир впереди, — это самые чапаевские и есть. А самый смелый — Чапаев. И простой, что боец-красноармеец: бою нет — он песни поет со всеми и танцы танцует, а спать ляжет — тоже со всеми. За смелость, за простоту и любили его бойцы, в обиду никого не дает, стоит за землю и свободу. Скажет только бывалоча:

— Вот отвоюемся, коллективно будем жить. А пока, ребятки, воевать надо, твари кругом много расплодилось.

И дума у людей: правду командир говорит.

Пленных приводили к Чапаеву. Бывалоча, спросит Чапаев у пленника:

— Кто я таков — знаешь? Я — Чапаев!

У пленника и глаза на лоб. «Убьет», — думает. Только не убивал Чапаев несознательных.

— Значит, ты мужик, а супротив своего же мужика воюешь? Так, что ли?

Пленник молчит.

— Вот что, брат. Иди ты к своим, скажи, что Чапаев не зверь, он — за народ и умрет за народ.

Чудно́ станет генеральским: «Как так — "иди"? Кто же так пленников отпускает?»

— Что ж ты стоишь? — говорит Чапаев. И сам выведет, руку подаст на прощанье.

Только не все уходили от Чапаева. Жалко им было расставаться с добрым командиром:

— Много мы против тебя воевали; прими теперь к себе.

Таких пленников Чапаев оставлял. Звезду прикрепит, винтовку даст. «Воюй», — скажет.

Целые села шли к Чапаеву. Генералы пятиться начали все назад да назад, к пескам бухарским, калмыцким, к самому морю Каспию.

Как-то однажды разогнал Чапаев всех генеральских далеко, сам в городе Лбищеве остался.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, — говорит. — Пошлю я полки в разные стороны тварей добивать.

Так и сделал. С собой оставил один только полк. Узнали про это генералы: так, мол, и так, с Чапаевым людей мало.

Обрадовались генералы. А когда в Лбищеве все спали, они подкрались ночью-то. Видимо-невидимо, что твоя мошкара! Лбищев обложили. Слышит Чапаев — стреляют. Выбежал на улицу. Эге! Мошкары столько! И выругался крепко — не доглядел, проспал...

Поднялись бойцы-красноармейцы во двор, а там Чапаев уже пулемет настроил и строчит. Бились чапаевские ночь и утро, мошкара боится вперед идти. И назад не пятится. «Выбьем этого Чапаева», — надеются...

Ранили в этом бою Чапаева, и говорят, будто утонул в Урале.

Только неправда, что Чапаев утонул. Генеральские побили чапаевских, правда, а Чапаев остался. Раненный, весь в крови, шатается. Петька, товарищ его, поддерживает.

— Что ты один сделаешь? — говорит ему Петька.

А Чапаев уж и говорить не может — ослаб. Взвалил его Петька на себя да в Урал-речку, да на себе и переправил за речку. Выходил там его.

Выжил Чапаев и прозвище сменил, не Чапаевым стал прозываться, а по-другому как-то. За ошибку свою, значит, чтобы стыда не было на людях. И сейчас, люди бают, жив Чапаев, большим начальником стал — справедливый такой, добрый.

18 (125). Про Чапая

Вот нé в котором чарстви, нé в котором государстви, а именно в том, в котором мы с тобой живём, жил-был крестьянин, звали ёго Иваном. И у ёго было троё дитей. Старшего звали тоже Иваном, среднего Петром, а млаччего Василием. Василий Иванович по прозванию Чапаев. Жили оне бедно́ очень, так што своих ловушек не имелось и также не было своих посудин, на которых нужно было выезжать на лов.

И вот крестьянин этот по́жил немного и помер. Осталась вдовка одна с детьми. И вот когда выросли дети, в это времё слуцилась война. Этих старших сыновей забрали на войну, осталсе один только млаччий Василий; и этому тоже приходила очередь итти на войну, потому што всех брали поголовно, кто только был трудоспособен к военному действию, не щыталисъ нé со старым, и нé с малым. И вот когда очередь дошла до млаччего сына, конешно, ёму пришлось итти тоже на войну. Роспростилсе он с матерью и отправилсе на при́зыв. Вот идёт он себе по деревне, а надо было ёму проходить мимо тётки. Жила тут же недалёко евонная тетка, ма́терина сестра. Он и думает сам себе:

— Давай, — думает, — зайду к тётушки, прощусь, может, и не вернусь с войны.

И зашол.

— Здраствуй, тёта!

— Здраствуй, здраствуй, племянник, куда пошол?

— Да вот, тётушка, на войну надо итти, старшие братья уж воюют, ну и мне приходитце.

Она ёму и говорит:

— Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцё, и это кольцё у меня еще от мужа, принёс с турецкой войны. И в этом кольци такая волшебная сила, што никакая тебя пуля не возьмёт, и никакой тебя меч не сечёт. Ну, кольцё будет дествовать только на суши, а уж на воды́ такой силы у нёго не будет, так што остерегайсе воды.

И так он пошол дальше. Вот приходит он на при́зыв, и стали йих обучать военному действию. Когда он выучилсе к военному действию, то нача́л участвовать в боях. И так он выучился быстро и так был си́лен, што уж ёго произвели в офицеры. И никакая пуля ёго ни берёт. Так. Вот он прослужил на войне три года, и эта война уницьтожилась. Приежжает Василий Чапаев домой, и вот у нёго только была одна мать, братьев убили на войны. Пришлось ёму жонитьце. Мать, конешно, не препятствовала. И вот взял он из своей деревни тоже у одного кресьянина дочерь. Сыграли свадьбу, и стал Василий Иванович жить со своей жоной. Вот прожили там год или два, родилось у них двое дитей.

Так. Да, вот прошло немного времени, и прослышал Василий Иванович, што перешла власть Колчаку и Деникину, настала власть белая. Стали притеснять вольную большевицькую власть и гнать её от си́лы орудия. Тут Василию Ивановицю стало очень обидно, што поги́нет весь трудовой народ, перейдёт власть белая. Подумал Василий и розмыслил сам:

— Нет, лучче я еще раз пойду на войну, а уж не дам поги́нуть своей родины. А пуля меня всё ровно не возьмёт.

Да и говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая, я еще пойду на войну спасать трудовой народ, защищать власть совецькую.

Говорит ёму мать со слезами:

— Эх ты сын мой, была ты у меня последняя опора при старости. Было́ у меня три сына, вернулсе токо один, да опеть хочеш итти. Все поклали та́ма головы, и тебе покласть придётце, коль похо́диш второй раз.

— Ну, мать, всё ровно пойду, не оставь ты моих малых деточек, если я умру на войны.

Распростилсе он с матерью и с жоной, оседлал своёго́ ворона́ коня и поехал в Красную Армию.

Приежжает он в войска́ совецькие к красным командирам, поклонилсе и говорит:

— Здраствуйте, красные командиры совецькие, я хочу служить в Красной Армии, хочу помоч своей родины, прогоню Колчака и Деникина, штобы освободить трудовой народ.

Командиры и говорят:

— Здоро́во, молоде́ць, а хто ты есть такой? Много бывает всяких, натреплют языком, а там глядиш и поминай как звали.

— Нет, командиры, я хочу доказать на де́ле, а языком трепать я не охо́ч. А есть я вот из такой-то деревни, по имени Василий Ивановиць, по прозванью Чапаев.

— Молоде́ць, Василий Иванович, ну, возьмём тебя в Красну Армию, токо помоги нам.

Так. И вот наступил бой крова́вой. Тогда скочи́л Чапай на коня и пустилсе на неприятеля и нача́л он бить, как траву́ коси́ть колчако́вичей и дени́кинцей. И так он сильнё йих бил и мецём рубил и копьём колол, приходилось и из нагана бить. Не переставал он бить йих ни минутоцьки. И не прошло даже шесть часов, как всё полё было усеяно войскамы. И этот Колчак не удержалсе и убежал с остальным своим войском.

Тогда вся Красная Армия поверила и командиры все на деле видели. Вот солдаты и говорят:

— Мы с Чапаем пойдем куды хош в бой и никогда с ним не поги́нем.

Да, и вот не прошла неделя, как этот Колчак собра́л опеть войска́, даже в два раза больше, и пошол опеть на Красну Армию. Вот пошол опеть Чапай на второй бой, скоци́л на своёго́ коня и в саму середину заехал вра́жеска войска, где стоял сам Колчак на передней линии. И наця́л так жесто́ко бить, как и в перьвой раз. И мечём рубил, и копьём колол, и носилсе как ви́хорь. И бил он йих че́лы сутки. И ёго войска́, конешно, тоже помогали. Всё полё засеяли телами, но своих войско́в потери было мало. Больше половины колчако́вичей убили, кого в плен взяли, сам Колчак еле-еле успел скрытьце.

Вот после боя отдохнули, конешно, поели, по́пили, и пошол Чапай к Фрунзе. Фрунзе ёму и говорит:

— Ну, Чапай, молодой ерой, вот даю тебе армию, иди топерь командиром на другой фронт. Уж Колчак опеть войска́ набирает.

Да. Вот пошел Чапай со своим во́йском к реки Белой. И распола́жил он свои войска́ у одной деревни, ну, где белые находятце — не знают. Ну, надо во што ни стало узнать, где штаб Колчака. Вот и говорит Чапай своим войска́м:

— А што, робята, кто пойдёт со мной на вылазку, узнаем где енерал Колчак стоит, а потом и всё войско поведём за собой.

И вот много, конешно, вызвалось итти с ним, ну он отобра́л там так цёловек пятьдесят или там сто, и поехали. А уж дело к вецеру было. И стречает он по дороге одну там, однем слову, женщину.

— Эй, тётка, куда идёш?

— Да вот иду, командир, проведать мужа своёго́ в Красну Армию; да сбилась с пути, голодна, иду уж вторы сутки, не знаю, куда и попадаю.

— Ну, иди, тётка, мы тебя накормим.

И приказал Чапаев взять ей с собой и накормить. Вот и идёт она с нимá. А эта женщина, она была полячка, омманула Чапая, она была пóслана от Колчака шпионкой. Ну, он этого ничего не знал.

Да. И вот доехали до одной деревни, как раз деревня на берегу реки Белой стояла. А уж там йим мужики и россказали, где колчакóвичи стоят, тут недалёко за лесом, так вёрст с десяток будет. Василий Ивановичь и говорит своим войскáм:

— Дак вот што, робята, ночуем здесь, уж ночь нас застала, а наутри пойдём за своимá войскáми.

Вот располо́жил Чапай свои войскá и посты, а самы стали на отдых, отдохнуть нать перед боем. Вот заснули, и Василий Ивановичь спит, осталсе только один караул стоять. А эта полячка не спит, дожидает. Дождалась, как Чапай уснул, и скорей к Колчаку прибежала и обсказала, где войско Чапаево стоит, а што главного войска с ним нету. Колчак, конешно, обрадел и сецяс даёт приказ своим енералам поймать Чапая живого или мёртвого. Собрáли енералы свои войскá и окружили Чапая с трёх сторон. Сняли посты и напали на них в ноцьную пору, когда спал Василий Ивановичь крепким сном. Когда приступили белые к йихному штабу, скочи́л Чапай со сна, видит себя окружóнным и закрычал:

— Ставай, робята, измена!

Скочили чапáевцы и за оружие. Ну што, их, может, сотня и была, а колчакóвичей нагнано — тьма! Ну, красные в избах, дак держатце, отстреливают, ну, к себе не подпускают. А уж патронов совсем мало осталось. Вот и даёт Чапай такой приказ:

— Бежите, робята, к реки, с суши не прорватьце нам будет, а уж за рекой и войскá наши близко, опеть на Колчака пойдём.

Кинулись чапаевцы плысть через рекý, штобы прорватьце черезь белых. Увидал Колчак, што Василий Иванович с войском бросились в рекý. Кричит своим енералам:

— Стреляй по реки, а уж если перепловут реку Белую, соберут свои силы, то нам всем живым не быть.

Вот колчакóвичи сецяс пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Ивановичь, а потом ёго в руку ранило, на воды уж кольцё не действовало, дак! Ну, он всё ровно не переставал плысть. Кругом стреляют, много тогда красных поло́жили, а Колчак всё крычит:

— Как мож добивай Чапая, штобы он не перебралсе, стреляй по нему по одному.

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода ёго голову. Тут Василий Чапаев и преставилсе. А уж недалёко было от берега. Да, а уж свои войскá на помóгу шли. Собрáли подкрепленья и ударили на колчакóвичей и денúкинцей, разбили Колчака нáголову и прогнали с совецькой земли.

Прославилсе Василий свет Иванович, по прозванию Чапаев. И почитают ёго по всей нашей земле. А семье ёго и матери дали пособие, не оставили в обидушку.

И топерь о нём всё славитце, ну назад Василий не воротитце.

На этом она и концилась.

19 (126). Сказка о Чапае

Не в котором чарстви, не в котором государстви, но именно в том, в котором мы живем, в одном селе жил хресьянин, звали ево Иваном. У йетого хресьянина родилось три сына. Старшево звали тоже Иваном, среднево Петром, младшево Васильем. (Ето и будет Василий Иваныч Чапаев.)

Йетот хресьянин был бедный (не было сетей, не было лодок уежжать на лов). Но в скором времени он скончался, так што вдова осталась с трема́ сыновьям.

Вот скорое время, конешно, выросли сыновья. В ето время случилась война, и взяли двух сыновей на войну, Петра и Ивана. Ну што ж делать. Тех сыновей отправили, остался один Василий. Ета война продолжалась очень долго, поголовно стали всех брать, не щитались ни со старым, ни с малым. Хотя не достиг Василий Иваныч тово возраста, што как братья пошли, но пришлось, надо итти.

И пошел Василий Иваныч. Нужно итти было через одно село, а в этом селе жыла одна старушка, тетушка ему будет, материна сестра. И вот он идет в ето село и думает себе: дай заверну к тетушке, а вдруг да мне обратно не вернутца. Когда пришол и говорит:

— Здраствуй, тетенька.

— Здраствуй, здраствуй, Василий Иваныч! А ты куда?

Василий Иваныч:

— Как куда? Сама знаешь, всех берут на войну, и мои братья давно воюют. Надо и мне итти.

— Ну, ладно, сынок, иди на войну. Я даю тебе кольцо волшебное. Ето кольцо моим мужем привезёно с турецкой войны. Ето очень кольцо заповедное и волшебное. Имеет такую силу, што тебе смерти в бою не будет, ковда оденешь ето кольцо,

и пуля тебя брать не будет, и меч никакой тебя не будет сечь. Ну, только, сынок, оно будет существовать на суше, а на воде силы не имеет. Бойся воды!

И так он распростился со своей тетушкой. Идет на сборный пункт. Ну, ковда он пришел на сборный пункт, ево принели на службу обычно, как всех принимают. Вот он стал служить и воевать и получил чин командира и сражался – ничего не боялся, потому что его пуля никакая не могла сечь. Ну вот ета война, конешно, кончилась. Вернулся Василий Иваныч обратно домой.

Когда он вернулся, мать очень обрадела, што вернулся один из троих, и говорит ему:

– Вот, Василий Иваныч, хоть ты и один вернулся, и то хорошо, а твои братья положили голову на войне. Теперь будем жить.

И он задумал женитца. Мать против ничево не имела... Да, а он у одново хресьянина женилси, и в скорое время, через два года, родилось двое детей.

Прослышал Василий Иваныч – опять вешш нехорошая, то што напали на совецкую власть Колчак и Деникин, што хочут весь трудовой народ и Красну Армию погубить.

«Не дам я погибнуть, – сам себе думает, – Красной Армии и не дам погинуть трудовому народу. Лучше снова пойду на войну».

Вот приходит он к своей матери и говорит:

– Слушай, маменька, я снова пойду на войну, не дам погинуть трудовому народу, не дам погинуть и своей родине, лучше снова пойду на войну.

Мать ему со слезам отвечает:

– Слушай, Василий Иваныч, твои братья голову поло́жили, и тебе обратно не вернутца, если ты снова хочешь итти на войну.

Он говорит:

– Все равно пойду. Хоть погину – пойду!

Распростился со своей женой и матерью, выходит на двор, берет свово коня воронова и поехал. Едет в ряды Красной Армии.

– Здрасти, красныи командиры! – закричял Василий Иваныч.

– Здраствуй, здраствуй, молодец! Как вас звать, как имя?

– Меня зовут Василий.

– А фамилия?

– Василий Иваныч Чапаев, и я хочу поступить к вам в ряды Красной Армии и хочу помочь прогнать Колчака с Деникиным.

– Ну хорошо, мы тебя возьмем. Только у нас много таких говорунов, а на деле – их мало.

– Слушай, товарышшы, я языком меньше всего, а увидите на деле.

Вот прошло два дня. Наступил кровавый бой. Колчак войска надвинул.

Василий Иваныч сел на воронова свово коня и пустился в ряды белыи, што вихерь, и стал носитца по полю, что вихерь. Он штыком колол и мечом бил, и приходилось и из нагана стрелять. И етот бой продолжалси шесь часов. Когда уже они большую часть взяли в плен, своей потери было мало с нашей стороны.

И сказали солдаты красные:

– Мы с Василь Иванычем во всяку пору пойдем на войну и нигде с ним не погинем.

– А таперича, – говорят красныи командиры, – доказал Василий Иваныч сам себя, уже не хвастает.

Вот после боя отдохнули, повылежались. Потом Колчак опять войска надвигает, второй раз.

Ковда Колчак войска выдвинул и сам выехал на переднюю линию, и таперь опять начинаетца кровавый бой.

Тогда говорят ему красные командиры:

– Ну, Василь Иваныч Чапаев, ковда в первый раз ты отличился, то и таперь отличайся опеть же.

Потом Василий Иваныч садился на свово воронова коня и пустился во вражеское войско, как в первый рас, так и во фторой, и врезался в самую средину вражесково войска. Но, правда, было у Колчака очень много силы.

Ковда Василий Иваныч сел на свово воронова коня и полетел на вражеское войско и тем самым очутился, где стоял Колчак, на правом фланге. И он стал носиться по полю, что вихерь летал по небу, и бил войско, вражеское, то есть саблей колол и приходилось штыком колоть и из нагана бить. Бой очень долго продолжался. Да... Когда все это дело прошло, правда, потеряли они красных много, но только вышло то, что они свою правду доказали и много взяли в плен и большую часть убито было, и Колчак совсем отступил. Когда они вернулись обратно в штап, то и говорят ему красныи командиры:

– Ну, Василий Иваныч Чапаев! Ну, Василий Иваныч! Таперь ты можешь ехать к товарышшу Фрунзи, он тебя ожидает.

И Василий Иваныч уже сел на свово воронова коня и поехал дальше. И приежжаит к товарышшу Фрунзи в штап.

Да, конешно, когда приехал он в штап и поклонился и сказал:

– Здраствуй, товарышш Фрунзи.

А товарышш Фрунзи говорит:

– Здравствуй, здравствуй, Василий Иваныч! Я тольки тебя и ждал. (И даже фамилию «Чапаев» не повторяет.)

Да, конешно, когда они уселись, товарышш Фрунзи сказал:

– Ну, Василий Иваныч Чапаев, даю я тебе войско и будешь ты командиром над этим войском. (Ну, войско красных солдат, словом – извесно.)

И вот, когда это дело кончилось, тогда, Василию Иванычу, Фрунзи выставил войско 30 тысяч человек и сказал Фрунзи имá так:

– Нужно тобе ехать к реке Белой, там уже Колчак опять войско собирает, и сумеешь ты с имá управитца (*Примечание сказителя*: «Мне пришлось два раза в кино ходить, и только тогда я управился... Ну как же!»).

Тогда он получил войско и пустился в дорогу к реки Белой. (Я знаю, что река другая была, но уж такое слово нужно...) (*Помолчав немного*: «А не устала рука писать-то?»)

Да... Когда он не дошел до реки Белой десить километров, войско остановил и говорит:

– Ну, товаришшы, надо ехать в разведку – узнать, где находятца белыи. Хто со мной поедет?

Отозвалось человек тридцать. Дале пожелали еще и сто узнать, где белыи. (Они не знали, где были белые, не знал и Колчак, где красныи остановились.)

Теперь, значит, поехали. Ехали дорогою, увидали одну гражданку, идет по дороге, путается. Таперь он остановил свой отряд и спрашивает у йетой гражданки:

– Ты куда, тетушка, идешь? – спрашивает. (*Понижая голос, таинственно, подталкивая меня под локоть*: «А это самая шпионка-полячка идёт».)

– Слушай, тетушка, куда идешь?

– А иду в Красну Армию, искать мово мужа. (Это говорит шпионка.) Вот сбилась с дороги, не знаю, куда итти, двои сутки не евши.

– Ну, хорошо! Коли ты двои сутки не евши да идешь к красным, так мы возьмем тебя с собою.

Приказал дать ей лошадь, посадил ею́ на лошадь и поехали в село, которое стояло у реки Белой.

Когда Василий Иваныч приехал к реки Белой, то уже основательно узнал, где свой штап красный установить, и тут оста-

новился. А потом стал узнавать у хресьян, где стоят белыи. Мужички-кресьяне ему рассказывали то, што белыи стоят отсюда кило́метров десить в лесах, так что вот вам верное и с има́ есть генерал Колцяк. Тогда Василий Иваныч приходит домой и говорит:

— Товарышшы-братья, ехать нам топерь некогда, потому што ночь настигла и утром поедем в главную часть, где наши войска находятца, поворо́тим все войска и приступим к бою. А теперь, — он говорит, — товарышшы, расставим посты вокруг штаба и повалимся спать.

И так как он направил посты, и сам повалился крепким сном и все его товарышшы.

Ну йета полячка до тих пор не спала, пока заснул Василий Иваныч (потому што она шпионка была).

Когда заснул Василий Иваныч крепким сном, тогда полячка сичас смекнула — нужно передать Колчаку.

И вот даже не знали те посты, как она могла пробежать. И прибегает к генералу Колчаку.

Да... Говорит ему так:

— Генерал Колчак, я узнала, где теперь есть Василий Иваныч Чапаев. Вот в таком-то селе у реки Белой он штап взял и ночует, но главнова войска у нево за собой нету.

Тогда дает приказ генерал Колчак:

— Давайте скорее, взять Чапая или живова или мертвова — окружить с четырех сторон.

...Да, конешно, ето очень быстро сделано было, и они очень быстро сформировались.

Ну, значит сформировали свои войска и окружили Чапаева с четырех сторон и начали бить ихний штап из оружий, ну из ружей.

Когда Василий Иваныч услыхал выстрелы, он закричал:

— Вставайте, товарышшы, измена! (Тут маленько я пропустил: когда неприятель подступил, они сначала сняли наши посты.)

И товарищшы все скочили, быстренько оделись и давай за оружие братца. Теперь говорит Василий Иваныч Чапаев:

— Да, товарышшы, у нас войска мало, патронов мало, а их целая уйма. Очень нам трудно отбиваться от них и сквозь фронт нам не пробратца. Вот такую вешш я вам скажу. Давайте плавать через реку.

И все бросились к речки.

Когда увидал генерал Колцяк, што плывут чапаевцы, то он кричит (*громко, все усиливая звук*):

— Поворачивайте пулеметы по реки! Добить чапаевцев, чтобы они не переплыли через!

Да... И также были повернуты круто пулеметы и начели их бить. Да, тут часть положили чапаевцев-красных, но попала первая пуля Василию Иваныч в руку, что Василий Иваныч не почувствовал своево ранения, продолжал дальше плыть, и он почувствовал те слова, которые ему тетушка наказывала: што на суши будет, а на воде силы не имеет.

Когда увидал генерал Колцяк, что Чапаев плывет, приближается быстро к той стороне через речку, тогда второй раз закричал Колцяк:

— Поворацивайти вси пулеметы на Чапаева... Если он переплывет, то нам всим гибель будет.

И потом повернул все пулеметы на Василия Иваныча Чапаева.

Втора пуля попала иму в голову и, конешно, покрыла ево вода. А свои товарышшы переплыли часть тольки. Войска красныи были очень близко и рассказали, што с ними случилось. И оставшие красныи командиры, которыи остались, повернули свои войска напротив Колчака и Деникина и разбили их наголову и прогнали их всех с совецкой земли, так што от них не осталось основания.

Жоны́ и матери дали, конешно, пособие.

На этом сказка кончаетца, назад Василий Иваныч не воротитца.

СКАЗКИ О СОБЫТИЯХ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

20 (127). Как Марья с Иваном сравнялась

Работал Иван на фабрике, и Марья работала. Иван получал такое-то жалованье, а Марья поменьше. Иван и грамоте знал немного, ну и любил Иван выпивать немножко. Приходят они домой. Иван выпил, Марья стала с им спорить. Он Марье говорит:

— Ты что споришь? Я ж больше тебя получаю.

Она говорит:

— Хотя ты больше получаешь, да я такая, как и ты, мы ро́вни с тобой!

Он и говорит:

— Как же мы ро́вни: ты должна ж подчиняться мне?

— Почему?

— А ты не слыхала, как поп нас венчал с тобой, что жена мужу должна подчиняться.

Она и говорит:

– Так пойдём же до попа!

Они пошли до попа и спрашивают у попа:

– Батюшка, рассуди нас!

Он и спрашивает:

– Что, Иван?

– Батюшка, скажи нам, кто кому подчиняется?

Батюшка берёт евангелие и говорит:

– Вишь, даже в евангелии показано, что жена своему мужу должна подчиняться.

А Марья говорит:

– Неправда, батюшка! И я ж такая, как и он, – человек!

Ну, и вот пошли. Марья и говорит:

– А пойдем-ка мы до своего фабриканта!

Приходят к своему фабриканту. Марья и говорит:

– Барин, рассуди нас! Что вот Иван сказывает, я должна подчиняться ему.

А фабрикант сказывает:

– Вы у попа были?

– Были.

– Ну, что же вам поп сказал?

– Да поп сказал, что жена мужу подчиняется.

– Ну, так и я скажу, что должна подчиняться.

Они пошли домой. И живут несколько время.

Тут перемена произошла, другой пошол закон. Царя убрали, фабрикантов согнали, да и попам хвост притисли. Марья и сказывает:

– Вот теперь, пожалуй, я ро́вня с тобой буду!

А Иван всё не сдается.

Марья и говорит:

– Пойдем-ка мы в Москву до Ленина, пусть он рассудит!

И пошли. Ленин их пропустил и спрашивает:

– Чего пришли?

То Марья и сказывает:

– Вот живу я с Иваном много лет. Иван говорит, что я ничего не сто́ю.

А Ленин сказывает, что – Иван человек, то и ты такая. Вы ро́вные оба.

А Иван говорит:

– Какая же она ро́вня со мной: я всё-таки грамоте умею, а она не умеет.

То Ленин усмехнулся и говорит:

– Да ты оставь мне ее, и она будет уметь грамоте.

Иван оставил. Ленин дал учителей ей. Через несколько время и Марья научилась читать и писать. Тогда Ленин призывает Ивана:

– Ну-ка, смотри, Иван! Вот и Марья твоя знает читать и писать, как и ты. Теперь вы одинаковые, что Марья, то Иван.

А Иван всё не сдаётся и говорит:

– Я могу на тракторе ездить, командовать!

А Ленин:

–Так и она сможет.

Оставляет Ленин Марью опять у себя. Опять стала Марья учиться. И на тракторе Марья поехала. Ленин опять Ивана призывает:

– Смотри-ка, вот твоя Марья уже на тракторе ездит!

А Иван всё не сдаётся:

– Ну вот, она на тракторе ездит, а я могу на самолете летать. А она не может.

Ленин опять усмехнулся и говорит Ивану:

– Через несколько время и она на самолете полетит. Если она скоро научилась грамоте и научилась на тракторе работать, то она сумеет и на аэроплане полететь.

Ленин оставляет Марью опять у себя.

Через несколько время и Марья научилась по воздуху уже летать. Ленин третий раз призывает Ивана опять к себе и сказывает:

– Ну-ка, Иван, посмотри-ка на свою Марью!

И сказал Марье:

– Садись на аэроплан и посади Ивана своего!

Они сели, завели аэроплан, и Марья полетела.

Вернулися назад, опустились и идут к Ленину. Тогда Иван и склони́лся и говорит Ленину:

– Правду ты сказал, что все мы ро́вные: что баба, что мужик.

21 (128). Алый цветок

Был колхоз «Отрада». Выбрали заведывать колхозом Жукова Павла. Очень бедно Павел жил раньше, а хозяин он был хороший. Очень хорошо Павел колхоз повел. Кулаки-богачи возненавидели Павла, во всю бытность свою серчали на него и думали все: «Как бы нам извести его?»

Вдруг извещение дали: на съезд колхозникам собираться. Выбрали Павла. И поехал Павел на съезд. Приехал в Москву, в Кремль. Множество в Кремле было колхозного народу,

и стали все рассказывать всяк о своем хорошем и плохом. Павел тоже начал говорить:

– Колхоз «Отрада» у меня очень хороший, я три года заведующим в колхозе, и все меня слушают. Я приобрел конюшню, прибрел ясли, у меня все идут работать в веселом виде. Песенки поигрывают на работу и с работы. И я все думаю, чтоб прибавлять и прибавлять.

Сталин взглянул на Калинина, говорит:

– Слышь, Михаил Иванович, это про него говорят, что колхоз хорошо ведет?

А тут и Ворошилов упомянул:

– Наградить его надо! Коней хороших для Красной Армии растит.

И постановили Павлу ленинский орден дать.

А Калинин сказал:

– Старайся, Павел, а если что касается, мы вам будем помощь давать.

Приехал Павел домой, и увидали эти самые кулаки-богачи, что у него самая высокая заслуга. Собрались в уголку, шипят-говорят: «Что нам с ним делать? Все силы нужно приложить, а его похитить».

И стали за ним ухаживать Кирюха и Митюха – кулаки самые что ни на есть. Пошел Павел вечером в колхозный сад, и дали они выстрел на дальнем расстоянии, а пуля попала прямо в орден. Видят враги: не сделали они ничего Павлу, только орден помяли.

Павел опять работает, а кулаки только и думают, как его похитить.

Пошел Павел в лес. Кулаки за ним. Он учувствовал, что они в лесу, побежал от них. Они за ним. Догнали. А в лесу яма была глубокая. Поймали кулаки Павла, связали, да в эту яму и бросили. Целых три дня Павел в яме лежал.

Хватились колхозники Павла: нет нигде и где делся – неизвестно. Искали везде, никак найти не могут. Один мужичок в лесу влез на дерево и видит: в яме огонек светится. Слез с дерева, подходит к яме, а там Павел лежит, на груди орден светится. Обрадовался мужичок, крикнул товарищам. Вытащили они Павла и спрашивают:

– Кто тебя связал?

– Митюшка и Кирюшка связали. Думали, что меня волки съедят.

Стали этих бандитов искать. Ищут день, ищут другой, ищут третий. Не нашли. Наверно, они в дальнем расстоянии скрылись.

Отправился раз Павел в дальнее поле урожай смотреть. Идет вдоль ржи, любуется – очень рожь хороша! Слышит, во ржи шуршит что-то. Думал – перепел. Вдруг кидаются на него двое. Хотел обороняться, да во ржи запутался.

Поймали они его и стали бить, а потом связали, рот заткнули и закопали Павла живым возле реки.

Опять начали товарищи искать. Искали, искали целых два дня. Нет его. Идет в поиски мужик один возле реки и видит цветок алый красоты необыкновенной, и захотелось ему этот цветок сорвать. Нагнулся мужик, хвать за цветок, а цветок ему человечьим голосом:

– Не рви меня, разрой землю подо мной.

Удивился мужичок, думает: что это такое цветок говорит? Принялся он разрывать землю и видит: закопан в земле Павел.

Обрадовался он Павлу, повел его в колхоз. Пришли в колхоз, а в колхозе – мутня. Кирюха и Митюха народ смущают, говорят, что колхоз к неправильному ведет, что в колхозе хуже жить будет.

Вдруг входит Павел и говорит:

– Вот эти самые люди, Кирюха да Митюха, меня связали и возле реки зарыли. Да на мое счастье вырос надо мною цветок от моего ордена, который мне товарищ Сталин дал.

И тут крикнул весь народ:

– Связать их!

Не выпустили Кирюху и Митюху с собрания, связали и отправили в Соловки, а Павел стал жить-поживать да добра своему колхозу наживать.

22 (129). Ледяной холм

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, в старые времена в столичном городе проходила по берегу реки бедная вдова с маленьким сыном Колей.

Коля уронил нечаянно кусочек хлеба в воду. Этот кусочек заметила красноглазая рыбка и хотела его проглотить. Увидел это ерш и бросился к ней, чтоб отнять нежданную добычу. А рыбка закричала. На крик подплыл окунь, и они втроем пуще зашумели. Сбежались тут стаи разных рыбок, и поднялась драка. А мальчик стоит и любуется рыбьей войной. Вдруг, откуда ни возьмись, подплывает золотая рыбка. Она тоже заметила лакомство и хотела схватить его, но получила такой

удар в бок, что замерла близ бережка, будто мертвая. А мальчик радостно закричал:

— Мама! Возьми мне эту золотую рыбку!

Мать подошла и опустила руку в воду. Только она хотела вытащить рыбку из воды, как из-под колодины стрелой подлетела щука, схватила рыбку и сорвала с безыменного пальца вдовы перстень.

Вместе с рыбкой жадная щука проглотила и перстень. Увидя, что нет уж перстня на пальце, вдова горько заплакала и сказала сыну:

— Я потеряла перстень. Перстень этот мне подарила бабушка, когда умирала. «Носи, не теряй его, — сказала она. — Он теперь тусклый: не блестит и не сияет, а придет время, бедный народ выберет себе вождя, и ты должна этот перстень вручить тому вождю, — на его руке перстень заблестит и засияет. И тогда откроются богатства холодных земель, и все люди будут счастливы, и ты тоже будешь счастлива».

С тех пор часто вдова приходила на берег реки и ждала: не вернет ли щука ее перстень?

Раз приходит она и видит: тростник качается. Подошла поближе, глядит, в тростнике сети стоят, а в этих сетях щука запуталась. Освободила вдова щуку, пустила ее в воду. И заговорила вдруг щука человеческим голосом:

— О чем ты так кручинишься и горько плачешь?

Рассказала ей вдова обо всем, что случилось. Выслушала рыба и говорит:

— Твой перстень лежит далеко отсюда, во владении морского царя, на холодном холме, под самой яркой звездой. Там никогда еще не ступала нога человеческая.

Ничего больше щука не сказала, вильнула хвостом и уплыла.

Много годов после этого прошло, и крепко изменилась жизнь. Народ выбрал себе вождя, и бедные стали богатыми, а богатые лишились своего блаженства. Сын вдовы стал большим уже и кончил ученье и мог летать на стальной птице. А мать Коли постарела, волосы ее белеть уже начали.

Вот пришла она однажды на берег реки, села на скамейку и думает: «Дожила я до счастливого времени. Есть у нас мудрый вождь, есть у нас счастье. Пришла пора отдать перстень мудрому вождю, чтоб открылись богатства холодных земель. Да нет у меня перстня». И горько, горько она заплакала.

Подходит к ней человек с большой черной бородой и спрашивает:

– О чем ты так горько плачешь?

– Как же мне не плакать?

И рассказала она ему про перстень.

– Хорошо, что ты встретилась со мной, а я есть Искатель. Я для блага народа всюду езжу и летаю, на небе звезды считаю, и богатства на земле, и под землею, и под водами открываю. Я слыхал об этом заповедном перстне. Для такого великого дела не пожалею я своей жизни, а достану этот перстень, хоть бы лежал за тридевять земель, в тридесятом царстве, в самой глубине морской.

Вдова выслушала его и сказала:

– Твоими бы устами мед пить, а твоей красивой бородой разметать все трудные напасти.

Попрощавшись со вдовой, Искатель пошел в круглый дворец, где, как в небе, солнце, луна и звезды небесные ходили. И со своими учеными товарищами стал Искатель рассматривать звезды, и нашли они самую яркую, самую холодную звезду, под которой находился холодный холм.

И сказал Искатель своим товарищам:

– Вот эта яркая холодная звезда находится на Севере, она будет мне указывать путь к заповедному перстню.

Пошел Искатель к мудрому вождю народа, рассказал ему о желанном путешествии и просил вождя, чтобы дал он самый лучший корабль с командой, поварами, лекарями и сестрами милосердными. А вождь, узнав о перстне заповедном, о том, что блеск и сияние его откроют народу богатства мира, дал Искателю все, что он просил.

Спустя малое время Искатель приготовил все, что требовалось для дальнейшего путешествия, и корабль был готов, а на вершине мачты колыхалось разукрашенное красное знамя, вышитое разными шелками и усыпанное драгоценными камнями. Попрощавшись с мудрым вождем, Искатель отплыл от столичного города по быстрой реке и пошел в широкие моря, в большие, великие океаны.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наконец пришел корабль во владения морского царя. Только въехали, как царь зарычал:

– Сколько веков я царствую, еще никто не смел явиться ко мне!

И объявил морской царь Искателю войну. Выслал на него морских зверей с мохнатыми башками, с длинными клыками, со страшными глазами, а впереди всех верного своего слугу кита со множеством белых медведей.

Перестрелял Искатель со своими товарищами всех зверей, дорогие шкуры содрал, мясо подобрал, а сам не унывает: каждый день вести посылает мудрому вождю, что свой путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что побил Искатель морских зверей. Высунул царь из воды башку, разинул страшную пасть, дунул холодным духом поверх воды, и покрылось море ледяной броней. Да Искатель не испугался. Призвал товарищей, приказал им броню ломать. Взялись товарищи за руль, повели корабль вперед и ледяную броню тяжелым кораблем изломали.

Видит морской царь: ничто остановить Искателя не может! Выпучил он тогда свои огромные, как мельничные колеса, глаза, над ними же — мохнатые брови. Как повел царь этими бровями, сделалась сразу страшная буря, снежная метель и ночная тьма. Тут товарищи и говорят Искателю:

— Ехать дальше нельзя.

Вышел Искатель на палубу корабля, тряхнул своей красивой бородой — пропали метели. Позвал Искатель товарища с чудесным зеркальцем. И как взошел тот на палубу, сразу сделалось светло от зеркальца.

А Искатель все не унывает, каждый день мудрому вождю вести посылает о всех боях с царем морским и от вождя тотчас ответ получает и путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что и это не помогло, разинул он страшную пасть, выставил огромные клыки, — стало море как кипучий котел. И сказал царь Искателю:

— Платите дань, а не то я всех вас в полон возьму!

Наотрез отказался Искатель дань платить. И путь свой продолжал. Тут морской царь сжал корабль мохнатою клешней, нос корабля отхватил. И стал корабль тонуть.

Призвал Искатель товарищей, приказал все вещи на ледяную скирду выносить. А сам Искатель поднялся на высокую мачту, снял драгоценное знамя.

Только сошли все на скирду ледяную, корабль утонул. Стали они устраивать на ледяной скирде шатры, стенки шатров шкурами морских зверей обивать, под бока подстилать. Всем дела хватило! Кто еду готовил, кто за кипучим морем зорко дозорил.

А Искатель призвал товарища Радослуха и говорит ему:

— Скажи всему народу, что мы живем на льдине, близ холодного холма, против яркой и холодной звезды.

И Радослух крикнул так громко, что услыхал его весь народ, и весь вольный свет, и сам мудрый вождь.

Взял Искатель знамя и пошел к холодному холму, где лежал заповедный перстень. Расковырял холодный холм и достал перстень, вернулся к своим товарищам и приказал устроить пир. А на то место, где перстень лежал, Искатель поставил драгоценное красное знамя, и свет от него сиял, как радуга-дуга.

Тогда царь морской им говорит:

— Я вас все равно не мытьем, так катаньем возьму, заморожу.

Но и мороз они перенесли благополучно. Видит морской царь, что и это их не берет. Выплыл тогда он наверх и ударил хвостом по льдине, и раскололась льдина надвое.

Тут Искатель приказал перенести все вещи на ту льдину, на которой он сам находился. И только они успели все переправить, царь морской потащил льдину на дно моря. Посмотрел он, что было в жилищах, а там не только людей нет, а даже никакой вещи не осталось! Плюнул царь с досады, да так плюнул, что море вздулось и вырос столб вышиною до небес и сразу замерз.

Видит морской царь, что ничто не берет, ничто не пугает Искателя. Разинул он свою пасть и стал он грызть ту льдину, где остались жить люди с Искателем. С каждым днем льдины все меньше и меньше остается. Призвал Искатель Радослуха и говорит:

— Сообщи скорее мудрому вождю: остается нам жизни несколько дней и несколько ночей, находимся мы в большой опасности.

Как только вождь услыхал о несчастье, сказал, чтобы слетались к нему все стальные птицы. И слетелись тут же птицы. И на каждой птице сидел герой-богатырь. И все они дали согласие спасти Искателя и его товарищей.

Поблагодарил их мудрый вождь, и полетели они в далекий путь.

А Искатель уж знал, что к ним стальные птицы спешат. Призвал он товарищей и говорит:

— Расчищайте ледяное поле, чтобы было где птицам сесть.

Стали товарищи срывать горы.

В памятный день под самыми небесами слышит Искатель урчание, будто тетерева играют. Но их не видно: такую тьму напустил морской царь, такие метели да бураны нагнал!

Позвал тогда Искатель товарища, заиграл тот чудесным зеркальцем, показал правильный путь стальным птицам. А на самой огромной птице летел Коля; пробился он сквозь бураны

и снежные метели и сел на приготовленное ледяное поле. А как радовались при встрече — ни в сказке сказать, ни пером описать!

Усадил Искатель всех женщин на стальную птицу, с малыми ребятами, а морской царь еще пуще стал сжимать льдину. Но герой Коля поднял птицу под самые небеса, а остальные птицы одна за другой опускаются, одна – кружится, а другая на приготовленное место садится. И все товарищи сели на стальные птицы, а последним поднялся сам Искатель с заповедным перстнем. И крикнул на прощанье морскому царю:

— Мы тебя победили!

Высунул царь морской свою безобразную зеленую башку и хотел проглотить холодный холм с красным знаменем. Это заметил юный герой-богатырь, пустил птицу вниз и приказал ей, чтобы она сильно клюнула в башку морского царя. И она так сильно клюнула, что дурная башка разлетелась на несколько частей.

Полетели птицы в теплые земли, осталось на холодном холме красное знамя драгоценное. Оно развевается и развеваться будет вечно, и будет оно всем путь показывать.

Весь народ ожидал возвращения Искателя. Вождь приказал сделать пир на весь мир. И пришла на этот пир радостная вдова встретить сына своего любимого, увидеть заповедный перстень.

Сели птицы возле дворца на чистую, как хрусталь, площадь. Первым вышел Искатель с перстнем. К нему подбежала вдова, и он ей вручил перстень, и она смело подошла к мудрому вождю и просит его:

— Возьми заповедный перстень!

Мудрый вождь руку ей протянул, и только она успела коснуться перстнем его руки, как заблистал перстень, засиял, и открылись богатства холодных земель для всего народа. И слава об этом разнеслась по всему вольному свету.

23 (130). Заповедно́й перстень

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, в одном столичном городе, близ мраморного дворца протекала быстрая прозрачная река. В одно весеннее раннее утро ходила бедная вдова со своим белокурым мальчиком Колей и собирала весенние ранние цветы для продажи. Мальчик подошел к реке и уронил кусочек хлеба нечаянно в воду. Как вдруг заметила красноглазая рыбка и

хотела проглотить этот маленький кусочек. Но отколь и как она к нему ни подплывет – у нее был маленький ротик – и никак не проглотит. Вдруг заметил ерш и хотел отнять у нее этот кусочек. И они подняли шум. На этот шум подплывает окунь и тоже хотел воспользоваться этой добычей. И втроем они зашумели еще пуще. И на этот шум сбежалось столько всяких маленьких рыбок и подняли такую драку, что сделалась настоящая рыбья война. И вот, откуда ни возьмись, подплывает золотая рыбка и увидала это лакомство и тоже хотела воспользоваться. Как вдруг она получила такой толчок в бок, что чуть не вылетела на берег и около берега встала неподвижно, как будто мертвая. Когда мальчик увидал такую красавицу золотую рыбку, то весело закричал: «Мама, иди, возьми мне эту золотую рыбку!» Мать подошла, опустила руку в воду и только взяла в руку золотую рыбку, как вдруг из-под колодины стрелой подлетела щука и выхватила у нее из-под руки золотую рыбку, а с рыбкой прихватила у нее безыменный палец. А на пальце был надет заповедно́й перстень. Когда выдернула руку изо рта щуки, и она сразу заметила, что у нее на пальце нет заповедно́го перстня. И она горько заплакала и сказала своему мальчику Коле: «Потеряла я заповедно́й перстень, потеряла я с ним свое и счастье. Этот перстень мне подарила бабушка при смерти. И этот перстень передается из роду в род. Когда она передавала, то сказала: "На, носи и береги. Придет время, ты с ним будешь счастлива, не только ты, но и весь бедный народ. Он теперь тускл, не блестит и не сияет, а придет такое время, когда народ из среды себя выберет вождя сам, и ты должна этот перстень отдать этому избранному вождю народов. И он на его руке заблестит и засияет. И с ним будешь ты счастлива, не только ты, но весь бедный народ"». И вот она, рассказавши, горько плакала и все смотрела в воду, не вернет ли щука ей перстень. Но перстня нет как нет.

И вот она часто ходила смотреть на то место, где утеряла этот заповедно́й перстень. В одно время приходит и смотрит: в недалеке тростник шевелится. Она подошла поближе. А в тростнике была поставлена сеть, а в сеть попала рыбка, и рыбка так бьется, что тростник трясется. Бедной вдове стало жалко эту рыбку, и она взяла, освободила из сети рыбку и пустила в воду. А сама все горько плакала о своем заповедно́м перстне. Когда рыбка почувствовала свободу, то она заговорила человеческим голосом: «О чем ты так горько плачешь?» Бедная вдова рассказала все подробно рыбке, что случилось. Рыбка выслушала и отвечает: «Твой заповедно́й перстень теперь

находится очень далеко у морского царя Свирепого во владении. А как он туда попал? Когда проглотила щука эту рыбку, то сквозь щуки перстень был заметен от его красных прозрачных камней. И он жег ее утробу, как огнем, а поэтому она и поплыла в самые дальние холодные воды. А с ней повстречалась морская русалка. Когда она увидала в щуке такой прозрачный красивый перстень, то русалка поймала щуку, разорвала и взяла этот перстень. Налюбовавшись досыта, она его унесла в самое отдаленное холодное море и положила поверх воды, на один холодный холм, против одной яркой холодной звезды, а сама по временам подплывала и любовалась его красотой».

Прошло довольно много времени с тех пор, как утеряла бедная вдова этот заповедно́й перстень. Время изменилось — кто был бедным, тот стал богатым, а богатые стали трудиться так же, как все люди трудятся. А ее уже сын Коля подрос и остатки кончал учиться летать на стальной птице. Вот она пришла на эту реку и села на первую попавшую скамью и горько заплакала: «Вот пришло время, теперь народ выбрал себе вождя, и нужно бы мне передать мой заповедно́й перстень ему, а его нет как нет», — и сама горько заплакала. И вдруг к ней подходит довольно приличный человек с черной окладистой большой бородой и спрашивает: «Кто тебя обидел? Так ты горько плачешь!» Она ему сказала: «Никто меня не обидел», — а рассказала все подробно, как она потеряла заповедно́й перстень и что ей поведала рыбка. Он ей и сказал: «Ты вот как раз повстречалась со мной, а я есть Искатель, я везде езжу и летаю и все недра богатства открываю. И я слыхал об этом заповедно́м перстне, что он принесет много счастья бедному народу. И я даю клятву, что этот перстень с этого холодного холма достану, хотя бы он был за тридевять земель, в тридесятом царстве, в самой морской пучине на дне». Когда вдова выслушала его умные речи, то сказала: «Твоими бы сахарными устами вечно бы пить мед, а твоей бы красивой бородой разметать всякие препятствия».

И, попрощавшись, Искатель с вдовой пошел в то круглое здание, где вся небесная красота, где луна, солнце и звезды. И он со своими учеными товарищами стал рассматривать небесные светила. И он сам нашел эту яркую холодную звезду: «Вот эта яркая холодная звезда, которая находится на дальнем севере, и она нам будет служить маяком в пути». И они высчитали, сколько проехать дней и ночей. А сам пошел во дворец к мудрому и милостивому Вождю народов и стал его просить

разрешения, чтоб он ему снарядил самолучший корабль, дал команду, сколько ему требуется людей с поварами, лекарями и сестрами милосердными. Когда выслушал милостивый Вождь народов, то дал ему на это славное дело свое согласие и в знак согласия пожал ему крепко руку.

Тогда Искатель собрал дружину, сколько ему требовалось как мужчин, так и женщин. И уложили сахарные яства, заморские вина, а на мачту прикрепили корабля красное шелковое знамя, разушитое драгоценными красными камнями. Когда было все, то Искатель с дружиной, попрощавшись с милостивым Вождем народов, под звуки музыки и под громкие крики «ура» сначала отплыли от столичного города по быстрой реке, а потом поплыли по разным морям и наконец они доплыли до вод морского царя Свирепого, и как только въехали в море, то шум корабля разбудил морского царя Свирепого. Когда проснулся морской царь Свирепый, то сказал свирепым голосом: «Сколько веков я царствую, и когда я сплю этим холодным морозным сном, то еще никто не смел мне нарушать мой приятный покойный сон. А это что за невежи нарушили мой приятный сон? Я им покажу, и они закажут другу-недругу, чтобы никто не смел совать свой нос».

И морской Свирепый царь сразу объявил войну Искателю и его славной дружине. Высунул из воды свою огромную, как зеленую гору, голову и разинул пасть и дунул своим холодным духом поверх воды и одел море, как стальной броней, льдом, так что ехать было нельзя. И Искатель подзывает товарища Водохвата и дает ему приказ эти стальные брони изломать, а путь свой вперед продолжать. Товарищ Водохват так сильно вернул за руль, что он тяжестью корабля эти брони льда изломал, а путь свой вперед все продолжал. А Искатель не унывает, дружину свою подбодряет и путь вперед все продолжает. А об этом каждый день мудрому Вождю вести посылает. А от его ответ тотчас же получает. Тогда видит морской Свирепый царь, что эти стальные брони остановить корабль не могут, то он навстречу посылает им множество морских зверей с мохнатыми рылами, с длинными клыками, а вперед их посылает своего верного слугу Киту со множеством белых медведей. Искатель как заметил, то сразу свою дружину вооружил, и всех зверей перестреляли, дорогие шкуры с них содрали, а мясо подобрали и свой путь вперед продолжали. А мудрому Вождю каждый день вести посылает и от него обратно тотчас получает.

Тогда видит морской Свирепый царь, что и это не помогает, то он напустил снежные и морозные ураганы и превратил

день во тьму, так что ни зги не видно. Тогда товарищ Водохват говорит Искателю: «Ехать дальше нельзя». Тогда Искатель выходит на палубу корабля, махнул три раза своей густой красивой бородой и позвал товарища Светлопута. Товарищ Светлопут достал свое зеркальце, зеркальцем заиграл и вперед путь правильный светлый показал. Ураганы, метели расстались. А Искатель не унывает, свою дружину подбодряет и путь вперед свой продолжает. И каждый день мудрому милостивому Вождю народов вести посылает, а от него ответ тотчас же получает.

Когда морской Свирепый царь видит, что и это остановить их не может, и он море превратил в кипучий котел, и сделались ледяные высокие горы и стали корабль сжимать, а своей мохнатой клещой отломил у корабля нос. А Искатель дал распоряжение, чтобы все съестные припасы и что находится на корабле вытаскивали на громадную холодную льдину. И вот последний товарищ с тяжелой ношей бежал, поскользнулся и упал и подо льдину попал и больше его уж никто не видал. И об нем вся дружина горько плакала. Но на льдине они без дела не находились: кто палатки строил, кто пищу готовил, кто за кипучим морем зорко дозорил. А шкурами зверей стены обивали, а оставшие себе под бока подстилали.

И тогда Свирепый морской царь сказал Искателю: «Плати дань. Я все равно вас не битьем, так катаньём возьму, я вас всех заморожу и сожму этими снежными горами». Но Искатель наотрез отказался платить ему дань, а сам позвал товарища Радиослуха, который бы крикнул на весь мир, чтобы его было слышно, и сообщил также милостивому Вождю народов, что «мы теперь находимся близ этого холодного холма, против яркой холодной звезды. А под нами нету матери сырой земли. Корабль наш погиб, и нам остается жить несколько дней и несколько ночей. Но мы боремся с морским царем Свирепым и бороться будем и ему в руки не дадимся, ни живыми, ни мертвыми». И когда тонул корабль, Искатель драгоценное красное знамя сорвал с мачты корабля и пошел к тому холодному холму. Хотя с трудом холодный холм пешней расковырял и заповедной перстень достал, а на этот холм поставил это красное знамя, которое развевается, и оно сияет, как радуга-дуга. И это знамя будет служить как маяк для оставших мореплавателей.

Когда он возвратился к своим товарищам с перстнем, то в честь такой радости он велел приготовить хороший обед и выкатить несколько бочек заморских вин. И все товарищи были рады и веселы, но только один Искатель был несколько печален. Одна из женщин подходит к Искателю: «Я на вашем

лице как будто замечаю печаль, а не радость?» Он ей сказал: «Да. Совершенно верно. Когда я просил у милостивого Вождя команду, то я ему давал обещанье, что ни одного товарища во время моего путешествия не потеряю. А как нам известно, у нас один товарищ пропал и пошел на дно морское». — «Не горюй, Искатель. Я счет своих товарищей пополню», — сказала и сама удалилась. Когда был обед готов, и Искатель налил бокал и поздравил с драгоценной находкой команду, и хотел только выпить, как вдруг подбегает женщина и говорит: «Искатель, на, прими на этот славный и веселый пир новорожденного маленького товарища». И тогда Искатель от радости чуть не выронил из рук бокал и выпил бокал весь до дна. А за ним последовала его примеру вся дружина.

Но видит морской Свирепый царь, что и это ему ничто не помогает, и он выплыл и ударил эту льдину своим отвратительным хвостом и эту льдину расколол напополам. Тогда Искатель дал распоряжение все вещи перестаскать из жилищ на эту льдину, где сам находился Искатель. И он товарищей подбодряет и сам наперед вещи им таскать помогает. И только что они успели все вещи перебрать, как морской Свирепый царь заглотил эту льдину и посмотрел в ихнее жилище: там не только людей, но и никакой не осталось вещи. И он с досады плюнул, и от этого плевка получился водяной столб высотою до небес, и он замерз. Искатель не унывает, товарищей своих ободряет, и он эти ледяные горы срывает и устраивает ледяное большое поле для посадки стальных больших птиц.

Когда мудрый Вождь народов узнал и услыхал такую печальную весть об Искателе и его храброй дружине, то он вышел на высокий балкон и свистнул громовым посвистом, чтобы к нему слеталися все стальные птицы. И птицы моментально услыхали и моментально слетелись и сели на приготовленную для них площадь близ мраморного дворца, и они все, как один, сказали мудрому и милостивому Вождю народов, что «мы все летим для спасения Искателя». И также к ним прилетел вдовы сын Коля и просит разрешения у Вождя народов, что «я желаю спасти Искателя и отыскать свой заповедно́й перстень». И мудрый Вождь народов их поблагодарил и в путь далекой отпустил.

И вот в одно время Искатель и его дружина слышат, как будто тетерева играют. Урчанье слышно, а их не видно, потому что была сильная мга и метель. Тогда Искатель позвал товарища Светлопута. Светлопут своим зеркальцем заиграл и путь в воздухе показал. И самая громадная стальная птица

прорвалась сквозь эти снежные бураны и села на приготовленное для нее ледяное поле. И эту радость при виде стальной птицы нельзя ни в сказке сказать и ни пером описать. Тогда Искатель усадил в первую очередь на эту стальную птицу всех женщин и детей и в том числе новорожденного маленького товарища. А морской Свирепый царь зачал сжимать ледяными горами так, чтобы птица не могла подняться в воздух. Но Коля так стальную птицу сильно вернул за голову, что она сразу взвилась под облака. А оставшие птицы которые кружатся, которые на лед садятся. И всю дружину на птиц посажали, а последним сел Искатель с заповедным перстнем.

А Морской царь, видя, что оне все улетают, то он высунул свою огромную башку, как ледяную большую громадную гору, и хотел проглотить красное знамя, но это заметил Коля, и он так вернул свою птицу вниз обратно, и она так его клюнула в башку, что его череп разлетелся на несколько частей и пошел на дно морское на съедение зверям морским. Тогда Искатель сказал: «Мы морского царя Свирепого победили, а земные цари нам не страшны. Если они вздумают напасть на нашу дорогую отчизну, то мы их раздавим, как насекомых».

А между тем мудрый милостивый Вождь народов стал приготовлять славный и веселый пир. И на этот пир стекались люди со всех концов, и также пришла вдова ожидать своего сына и Искателя с заповедным перстнем. И на обратном пути на них посыпался как ливень пахучих цветов и дорогих пахучих букетов. Когда они прилетели к мраморному дворцу и на приготовленную для них гладкую, как хрусталь, площадь сели, то первым вышел Искатель с заповедным перстнем, с ног до головы усыпанный цветами и пахучими букетами. А к нему навстречу подбегает вдова, и он ей подает ее заповедной перстень. И она взяла и подбегает к мудрому Вождю народов и говорит: «Разрешите мне вам подарить мой заповедной перстень». И она смело подошла к мудрому Вождю и просит его: «Возьми заповедной перстень». Мудрый Вождь руку ей протянул и — только что коснулась его рука, как перстень засиял и заблистал и открыл недра — богатства страны для бедных людей. А мудрый Вождь этот заповедной перстень прикрепил на высокой башне мраморного дворца, который блестит и сияет и видно очень далеко его блеск и сияние. А возле вдовы сел ее сын Коля и рассказывал он, как он боролся со снежным ураганом и бураном и как победил морского царя Свирепого.

И я на этом пиру был, вино-пиво пил и свежей осетринкой закусил.

24 (131). Красные орлята

В не́котором царстве, в не́котором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил орёл на дубе, было́ у его гнездо. Он только стал разживаться, вдруг налетело на его солнце, стало его сжигать. Сил у его мало было́ еще. Ну, кое-как он продержался на дубе. Проходит год. У его тут стали уже орлята — малые ребяты. Наскакивает на его ветер, стал рушить его гнездо. Он опять кое-как гнездо своё подобрал, опять вместе [прутья] склал.

Третий год приходит, — его орлята уже в перья вошли, — налетает на его дождь, такой крупный! Орел и говорит им:

— Мы уже три года просидели, не скинули нас с этого дуба. Как они ни бились: солнцем пекли, ветром сбивали и дождем смывали, а мы три года продержались на дубе. Ну, всё-таки нам буде плохо, пока мы не достанем одной вещи. Достанем, тогда нас никто не собьёт.

А они спрашивают:

— Какой, отец?

— А вот в таком-то месте, за ледовитой горой, там сидит мороз. Он нас солнцем сбивал, ветром сбивал и дождем сбивал, ну нас не взял, мы всё-таки здесь окрепились, но вот есть у его сундучок, в этом сундучку красный цветок, если мы этот цветок возьмём себе в руки, то нас тогда никто не собьёт. Да, вот, у нас еще маловато силы. Я уже и сам летал туда, но не мог добиться, потому что еще сила моя плоховата, а вы, молодые, добиться еще тоже не можете, надо еще два года подождать, пока в перья возьмётесь.

Вот они говорят, орлята:

— Дак мы уже в перья вошли, полетим — достанем!

Он и говорит:

— Если лететь, так одному надо лететь. Если достанет, так достанет.

Ну, вот старший орленок и говорит, что «я полечу».

Орел ему говорит:

— Лети. Как я только вам скажу, то мороз давно караулит нас и старается сбить, но ему не придётся, потому что вы сейчас в перьях, как и я. Когда полетишь, будет солнце тебя пекти́, ты опускайся нижéй. Когда ты пролетишь, солнце скроется, ты лети прямо. Нападёт на тебя ветер-туман, ты подымайся вышéй; ветер-туман скроется, ты опять лети прямо. Когда ты будешь лететь прямо, будет нападать на тебя большой ветер, ты тогда опускайся нижéй и лети по взгору, — то по горе будет

ветер, что из пушки бить, а ты будешь лететь, то у тебя и пёрышко не колыхнётся. А мороз будет думать, что «я его собью». Когда ж ты проберёшься эту гору, то мороз будет смотреть в левую сторону, а в правой стороне будет стоять сундучок, а в этом сундучке – красный цветок. То когда ты возьмешь этот цветок и принесёшь мне, то нас никто не собьёт.

Орлёнок старший и полетел. Ну, вот солнце его не взяло, а туман и дождь сбил его. Он сел на землю. Ну, и теперь сидит там.

По расчёту орла четыре дня нету старшего орлёнка. Он и говорит этим двум орлятам:

– Старший полетел, должóн быть здесь, а его нету, то летика, средний, да примечай, где солнце жарило, – нет ли его там на земле, где дождь-туман – тоже посматривай там, и где ветер бьёт большой – тоже посмотри ты, нет ли его там. Так, смотри, лети той дорогой, как я сказывал.

Средний орлёнок и полетел. Когда он летел, мороз видит, что средний орлёнок летит, напускал на его солнце. Он от солнца опускался нижей. Мороз видит, что солнце не берёт его, – он напускает дождь и туман, чтобы он сбился. Он видит, что туман нападает, он подымается вышей. Туман и дождь перестал, он тоже летит прямо, как сказывал раньше орёл всем троим, и видит, что ему недалеко тут пролететь. Нападает на его большой ветер. Он не послухал того слова, которого слыхал.

– Неужели через какого-нибудь четверть часа меня собьёт ветер! Я пролечу прямо.

Ну, тут его ветер сбил, и этот там сидит.

Орёл видит, что и этого уже четыре дня нету, он и говорит:

– У нас силы убывает: уже двоих появу нету, отправляйся-ка ты.

Вот и третий полетел, младший.

– Ну, лети, как я сказывал, они, верно, на силу свою надеялись, что «пролетим», а на силу свою мало надеяться, надо лететь так, как отец говорит, где можно свильнуть – свильнул, так дальше пройдёшь, а если не свильнёшь, так можешь остаться и тут.

Младший орлёнок и полетел. Мороз видит:

– Ага, двух сбил, собью и этого, тогда и орёл на дубе не усидит, а с воробьями он немного поскачет.

Он напускает на его [младшего орленка] солнце. Он видит, что солнце стало его палить, он и говорит:

– Да, мне отец сказывал свильнуть.

Опускается нижéй, по самой земле летит. Солнце его нисколько не взя́ло. Он подымается и опять прямо полетел. Мороз видит, что солнце не взяло, он напускает дождь и туман, так что делает как тёмную ночь. Орлёнок видит, что «я запутаюсь, отец мне сказал, то можно свильнуть».

Он подымается вышéй. Поднялся он под облака, там стало ясно. Туман и дождь перестал. То мороз видит, что не взя́ло солнце, ни туман, ни дождь, он и говорит:

— Подлетит ближéй, я его ветром собью. Этот немножко похитрей.

Он и нача́л ветер напускать. Он видит, что ветер подымается, и говорит:

— Мне отец сказывал, что можно свильнуть.

Молодой орлёнок опускается нижéй, по самой земле, а сверху горы, что с орудия стреляют, ветер такой бьёт. А у его даже пёрышко не колыхнёт. И вот он добрался, а мороз сильней и сильней жмёт на эту гору, да всё смотрит в леву сторону, а он — в правую сторону. Подходит к сундучку, сундучок открывает, цветок забирает.

Ну, с радости али с испугу не опустил тихо крышки, стукнула крышка, и мороз увидел, что орлёнок у сундука был, а того не знает, что орлёнок цветок взял. Он погнался за орлёнком, стал ветром его сбивать, а ветер не берёт его, потому что у орлёнка цветок. Он стал туман напускать, у мороза силы нету и тумана напустить. Тогда мороз узнал, что орлёнок цветок взял. Тут орлёнок стал сбиваться с силы, а цветок у его в руках.

— Давай-ка я стану на низ опускаться, не найду ли хоть братьёв своих, их верно где-нибудь мороз сбил, хоть туманом, хоть солнцем, хоть ветром.

Вот он и опустился. Просто хотел отдыхнуть. Когда стал спускаться, слышит кличет его брат средний. Он подходит:

— Ты чего здесь сидишь?

— Да я, пожалуй, долго б сидел, если б ты не прилетел. Видишь, я и цветка не достал и на мель попал.

А этот говорит:

— Я цветок достал, да с сил сбился.

— Ну так, брат, я тебе пособлю цветка нéсти. Я отдыхнул.

Они посидели, младший брат отдыхнул, средний брат берёт цветок, и полетели. Меньшóй брат и говорит среднему:

— Теперь надо нам опускаться нижéй.

— Почему?

— Да тут где-нибудь и старший брат сидит, надо и того взять.

Вот они стали опускаться и слышат, кличет их старший брат:

– Эй, братцы, опуститесь и возьмите меня. Я вижу, что вы слетали и наверно цветка достали (*он думает, они двоём слетали*).

Они опустилися. Старший орлёнок и говорит:

– Если б мы трое разом полетели, дак мы б давно достали.

А средний и говорит:

– Я сам немало сидел, меня ветер сбил, а цветок достал наш меньшóй брат.

Они и полетели до своего отца, все трое.

Видит отец, что летят его орлята – храбрые ребята, все троём. Он кликнул птиц:

– Вы под дубом сидите, пользы делаете себе и мне, так вот, собирайтесь ко мне стречать орлят – моих ребят. Они летят и цветок тащáт.

Птицы собрались, стретили орлят, то тогда орёл и спрашивает:

– Кто достал цветок?

– Младший орлёнок.

– А ты, старший, полетел, почему ты не долетел?

Он и говорит:

– Я с солнца скрылся, стал туман и дождь меня настигать, ну, я думаю, немного пролечу, то он и стихнет, что мне вилять от его, я всё прямо держал. Ну, всё-таки меня сбило, то, пожалуй, я бы и теперь там сидел, если б братья не прилетели.

– Ну, а ты, средний, как?

Средний и говорит ему, что «я солнце пролетел, как ты мне сказывал, нападает туман на меня с дождем, – я поднялся под облака. Туман и дождь стих. Я полетел прямо, стал немножко ветер шевелить. Ну, я тут думаю: неужель меня ветер собьёт. Я всё летел прямо, меня ветер сбил. Ну, вот я там и сел. Если б брат не прилетел бы, то я бы там и теперь сидел бы».

Тогда орёл и говорит:

– Ну, а всё-таки вы молодцы, что пособи́ли цветок ему принéсти. Теперь нас никто не возьмёт: ни ветер, ни солнце, ни дождь, потому что у нас красный цветок.

Орёл спрашивает у птиц:

– Как мы назовём этих орлят – боевых ребят?

Птицы и сказывают, что «это красные орляты – боевые ребята, потому что они цветок красный достали».

Ну, и они начáли жить дружно. Вот уже живут двадцать первый год, и никто их не собьёт.

25 (132). Сказка о папанинцах

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил крестьянин, и звали его Папанин. От него родился сын, Иваном звали. Выучил Иван грамоту хорошую, повел он дела военные советские. Плавал на кораблях. Записывал все редкости.

В ту пору и в тое времячко призывают его Сталин да маршал Ворошилов, задумали они дело великое, чтобы отправить летчиков в океан-моря ледовитые, где полюс находится северный. Так решили, так и сделали. Выходит вождь на площадь Красную и дает он им такой наказ, всем летчикам да советским, чтоб исследовать полюс северный. Что попытки делали Англия, Америка и Франция, но до сих пор нет хозяина, кто обладает этим полюсом.

Соглашаются летчики все слетать на полюс северный.

— Мне не всех надобно, надобно мне четыре летчика, — говорит Иосиф Виссарионович.

Садились герои советские на те самолеты быстроходные, и поднялись орлы да по поднебесью. А великий Сталин, Виссарионович, это все наблюдал с площади: полетели-то да и опустилися. Показали мастерство свое. Увидал он тут полет Папанина и говорит ему таковы слова:

— Вот слетай-ка ты, Иван Дмитриевич, в океан-моря, на полюс северный. Выбирай-ка ты себе товарищей.

— У меня есть три товарища, люди честные — сыны советские. Постараемся работать дружно мы за страну советскую, за свою Родину.

Говорит тогда Иосиф Виссарионович:

— Собирай себе да снаряжение, забирай себе, чего надобно. Чего надобно для полета в океан-море, на полюс северный.

— Иосиф Виссарионович, дай-ко ты ковер-самолет. Ковер-самолет да волшебный тот. Он снесет нас добрых молодцев на тот полюс, на тот северный.

Вынимает Иосиф да Виссарионович ковер-самолет разукрашенный. Разукрашенный он светом-жемчугом и обит он снутри бирюзой. Чтобы летать добрым молодцам на полюс северный, чтоб не брали их ветры буйные, морозы лютые, холода свирепые. И подает ковер-самолет Ивану Дмитриевичу. И потом дает второй подарочек. Второй подарочек — волшебный платок. И говорит таковы слова:

— Будет времячко тяжелое проживать вам на полюсе северном, ты махни платком и узнаешь все.

Ну, а третий-то подарочек – дарю вам скатертку хлебосольную, что в пути-дороге это надобно. Без заботушки вы будете кормиться, пища в ней многочисленна.

Дает он им, наказывает:

– Для тебя, Иван Дмитриевич, отдам все, что надобно. Исследуй мне полюс северный.

Благодарит он вождя, Сталина Иосифа Виссарионовича, за его-то подарочки великие-ценные.

Приготовились четверо да папанинцев для полета в океан-моря. Распростилися они с родным отцом, с родным отцом Иосифом Виссарионовичем, и с товарищем Ворошиловым. Собирались они на ковер-самолет да поднялись, как орлы по поднебесью.

Вот летят они к океан-морям, к тем горам, к тем морям да ледовитым. Там стояли морозы лютые, холода, ветры стояли да все суровые. Пролетели они ледяные горы, их ковер стал опускаться, опустился он, да и исчез совсем.

Добры молодцы призадумались:

– Как же мы полетим обратно на свою родину?

Вытянул платок Иван Дмитриевич и махнул им на сторону. Как махнул – и вдруг – письмецо, а в письме было написано:

– Не бойтесь, герои советские. Коль пролетели океан-море, делайте делушко, что вам сказано.

Тут четверка вся Папанина ободрилася, принялись они все за работушку. Разбили лагерь для своего жилья. И стали исследовать океан-море, глубину морскую-океанскую. Выполнять наказ Сталина, записывать редкости океанские, что находилися в океан-море. Много записали они ценности.

Вот прожили они полгодика. Пали погодушки немалые. Все немалые, да суровые, холода те океанские. Прорвало у них шатер полотневый. Снеги пали глубокие. Вот товарищи опять и задумались – вся четверка да папанинцев:

– Может, похоронят нас снега глубокие, как порвало нашу палаточку.

Вот вытягивает Иван Дмитриевич из кармана платок и махнул им на сторону. Вдруг опять не отколь возьмись – и письмецо. А в письмеце было написано:

– Вся страна о вас заботится, не кручиньтесь, не печальтесь. Делайте делушко, что вам заказано.

Вся дружинушка приободрилася, дорогие бойцы нашей родины продолжали свое дело великое...

Прожили они девять месяцев. Пали штормы на них великие, великие-океанские. Раскололо у них льдиночку, и остались они на ма́лой части. Вот теперь они стали думу думать:

– Видно, не увидеть нам своей родины. Не удастся видать дорогого вождя Иосифа Виссарионовича, и не довидать нам будет наших ценностей, что собрали мы во синем море, на том-то полюсе да океанском. Не довидать нам, кто будет хозяином на том ли полюсе на северном.

Тогда Иван Дмитриевич вытягивает из кармана платок и махнул им на сторону. Не отколь возьмись – и письмецо. Прочитали его и ободрились. Было там написано:

– Летит к вам тот ковер-самолет, и обратно он вас вынесет. Ожидайте скорой скоростью.

Не прошло как двое суточки, вот стоят все и наблюдают. Они увидали ковер-самолет и обрадели все. Стал ковер над ними опускаться. Разукрашен был ковер сверху жемчугом, а внутри обит был бархатом, чтоб лететь было тепло добрым молодцам на свою да родину, во ту столицу во каменну Москву, к дорогому товарищу Сталину. И взялись они за посадочку. Погрузили они свои ценности и оставили флаг своей родины на завоеванном полюсе. Подымались они, как орлы поднебесные, выше тех гор да ледянистых и летели прямо в каменну Москву, на ту на площадь на Красную, к любимому товарищу Сталину. Прилетели-то да и опустилися. Их встретил весь трудовой народ. Встреча была неожиданна, неожиданна была, радостна. Обнял их Иосиф Виссарионович, дорогих сынов своей родины. И стал он да выспрашивать, как они жили на полюсе северном. Вот они стали докладывать. Он повел их в палаты белокаменны, во те ли стены во кремлевские. Тут они рассказывали все подлинно, дали факты да указаньица, как они завоевали полюс северный.

– Вот тебе, Иосиф Виссарионович, первый твой подарочек – ты его мне дал для полетику – ковер, жемчугом разукрашенный. Вот обратно тебе – прими, получай его. Дал ты мне второй подарочек – тот платок да волшебный был. Этим платком мы получали от тебя весточку из Москвы белокаменной. Вот тебе и третий твой подарочек – там скатерть хлебосольная, которой мы питались девять месяцев.

Принимал Иосиф Виссарионович свои ценные подарочки, доносил их на свои места, где они у него хранилися. В них сила нашей Родины. Охраняет их Красная Армия...

26 (133). Крылатые подруги

В одном прекрасном городе были три прекрасные подруги. Эти три подруги были с разных сторон. Когда они росли в детстве, то они еще не знали друг друга. Каждая воспитывалась по-своему, но общее у них было то, что они все росли смелыми, и это их роднило.

Старшая подруга Валентина с детства наблюдала за природой, всегда завидовала полету птиц, что они летают и порхают по воздуху так свободно, как чувствует себя человек на земле с крепкими ногами. Всегда она себе говорила: «Вот человеку летать бы так!»

У второй подруги Марины мечты были такие же, как и у старшей подруги.

Третья подруга Полина мечтала с самого детства узнать, правду ли говорят, что есть свод неба и никому бывать там недостижимо.

Полину страшно это опечалило, что никому нельзя бывать у свода неба, который находится далеко от земли, где живет человек.

Так шли года. Незнакомые три подруги все росли. Стали уже взрослыми, мысль их стала другая. Они стали крепкими прекрасными девушками-богатырями.

В одно прекрасное время три незнакомые подруги сошлись вместе у одного крылатого богатыря, и завели они разговор о прекрасных небесных птицах, как эти птицы перелетывают вокруг земли, морей и океанов и прилетают обратно в свои родимые места.

Много порассказал крылатый богатырь трем подругам. Подруги приняли этот рассказ с одинаковой силой чувства, и мысли породнили их. Так они стали друг другу близкими, что начали называться родными сестрами. Разошлись подруги по домам. Стали работать по хозяйству, но все же мысль о прекрасных небесных птицах не покидала их. И они решили идти к прекрасному могучему крылатому богатырю просить, чтобы он их научил летать по воздуху. Вот этот прекрасный крылатый богатырь стал им говорить, что нужно сделать летающую небесную птицу, которая могла бы по вашему велению летать. И все вместе стали они трудиться, чтобы сделать крылатую птицу.

В одно прекрасное время эта крылатая птица была готова. Крылатый богатырь стал учить подруг, чтобы каждая могла летать и управлять этой птицей. Когда подруги научились летать, они стали просить крылатого богатыря, чтобы их никто

не разлучал и чтобы всегда они летали вместе и каждая управляла своим делом на этой прекрасной небесной птице.

Подруги низко поклонились своему великому учителю — крылатому богатырю за то, что он их научил летать на прекрасной небесной птице. Мечты, которые были в детстве, стали для подруг достигнутыми.

И вот в одно время прекрасный крылатый богатырь наладил небесную птицу, и три подруги сели в нее. Сделали испытание, могут ли они летать, и полетели три прекрасные подруги по воздуху. Каждая из них делала свое дело, а затем спустились на землю. И стали думать: поднимутся ли они одни в воздух без крылатого богатыря? Немного отдохнули подруги и стали собираться в путь-дороженьку обратно. Одна подруга дала команду, чтобы небесная птица летела обратно. И послушная небесная птица поднялася в воздух и полетела пыльчее вихря-урагана и села на свое место против могучего крылатого богатыря.

Подругам очень понравилось летать по воздуху, и стали они просить крылатого богатыря, чтобы полетать еще. Крылатый богатырь согласился и дал им задание лететь выше всех, дальше всех и быстрее всех и посмотреть, что творится вверху и внизу, что плохое — тому помочь, а что хорошее — еще улучшить. Пообещали они все это выполнить в короткий срок и доложить крылатому богатырю.

Вот уселись три прекрасные подруги на небесную птицу, и старшая подруга сказала небесной птице, чтобы она летела так быстро, что при жизни людей никто так не летал. Вот послушная небесная птица вместе с подругами стала выполнять задание могучего крылатого богатыря.

Летела небесная птица, как каленая стрела с туго спущенного лука, выше леса стоячего, выше облака ходячего. Летели они мимо морей и океанов, мимо леса дремучего и мороза трескучего, сильного ветра порывистого, света невидимого, но ничто их не могло остановить на своем пути; они летели все дальше и дальше, все выше и выше, все быстрее и быстрее, словно блеснувшая молния.

До места, назначенного крылатым богатырем, подругам лететь оставалось недалеко.

Но вдруг нечистая сила помутила белый свет и небесная птица с тремя подругами не могли найти дорогу. Решила одна прекрасная подруга спуститься на землю и поразведать, что творится на земле. Подруга эта спустилась с большой высоты и села на дерево. А те две прекрасные подруги стали искать

себе место, чтобы небесная птица тоже села на землю. Вот садится небесная птица среди леса дремучего и мороза трескучего. Вдруг перед ними открывается широкое поле-раздолье со страшными болотами, где человек не прохаживал, где богатырь не проезживал, где зверь не прорыскивал и птица не пролётывала. Вот на этом месте стали жить две прекрасные подруги. Они стали просить природу, чтобы она пришла им навстречу и вывела их из этого волшебного места. Природа им помогала и кормила их чем только могла.

А подруга, что спустилась с воздуха и села на дерево, стала разглядывать, не летит ли где ее небесная птица. Но сколько она ни смотрела, увидеть не могла. Взяла и слезла с дерева и отправилась в путь-дороженьку искать живой души, чтобы узнать местность, где она находится. Долго ходила она по лесу дремучему, но найти ничего не могла. Стала она думать о прекрасном могучем богатыре. Вот ее чувства и мысли донеслись до могучего крылатого богатыря, и он сказал всей природе, чтобы помогли ей. И вот ниоткудова ни возьмись появились разные птицы и начали подавать ей пищу. Птицы слетались со всех сторон белого света и приносили ей такую пищу, что ни один человек никогда ее не едал. Накушалась прекрасная подруга досыта и отправилась дальше. Долго шла она по волшебному месту, но выйти к живым людям она не могла. Лютые змеи запутывали ее и становились напоперек пути. Отмахивалась она от лютых змеев своим волшебным платочком, который очищал ей путь, и все дни искала своих подруг.

Часто приходилось ей переходить ручейки и ручеечки. Она просила природу, чтобы она помогла перейти через эти ручейки.

Однажды она подошла к большому ручью, которого обойти нельзя и перескочить невозможно. Откуда ни возьмись навстречу ей выскакивает Мишка-косолапый и громким голосом спросил у прекрасной подруги:

— Что запечалилась, моя дорогая? Что закручинилась, прекрасная девица? Али обидел кто? Или отстала от кого?

Прекрасная подруга подошла близко к Мишке-косолапому и рассказала все, почему она здесь одна и почему запечалилась. Попросила Мишку, чтобы он помог ей перейти через ручеек.

Косолапый берет лесину и перебрасывает через речку. Тогда прекрасная подруга перешла через речку и пошла дальше.

Идет день, идет другой, третий, но никого найти не может. И вдруг на ее беду перед ее ногами очутилось такое болото,

что человек сроду по нему не прохаживал. Вот проступилась она в это болото и никак не могла вылезти сама. Долго билась и кричала она, но никто ей не помогал, и думала, что теперь погибнет. Но ее крик услышал Мишка-косолапый и прибежал к ней и вытащил ее на сухое место, сам повернулся и ушел обратно восвояси. Прекрасная подруга, вся промокшая, стала сушиться и хотела ложиться спать, а в это время прибегает заяц-косой и помог ей натаскать веток и сухой ветоши, чтобы теплее и мягче было спать. Наутро встала она, умылась, причесалась и стала собираться в путь-дороженьку, но куда идти, она не знала, силы стали ей изменять. Но она все-таки пошла по лесу и на пути встретила хитрую лисицу, которая несла пищу своим детям. Прекрасная подруга попросила у ней покушать. На что лиса хитрая – хотела увильнуть, но, увидев ее, она дала пищу досыта накушаться ей.

Вдруг ниоткуда взялася ласточка и стала над ней кружиться. Прекрасная подруга всмотрелась в нее и поняла, что она показывает ей дорогу. Ласточка улетала вперед, опять обращалась обратно, вторично показывала ей дорогу. Наконец ласточка ее вывела к своим двум прекрасным подругам. Те ее считали погибшей, но когда увидели, стали ее целовать поочередно. В это время появились над ними небесные птицы, с которых прыгнули прекрасные юноши к трем подругам. Они обрадовались, что увидели людей. Юноши рассказали подругам, что они прыгнули к ним по заданию могучего крылатого богатыря, который велел привезти их всех к нему.

Собрались они все вместе и отправились в путь-дороженьку к родимому месту. Отошли они недалеко от своего места, как вдруг перед ними предстала огненная колесница, которую снарядил за ними крылатый богатырь. Они сели и поехали дальше. Впереди их летели всевозможные птицы и разглашали в воздухе великую радость. Дорогой их встречали малые и старые. И пронесся слух о трех крылатых подругах по всему свету белому.

27 (134). Чудесные небесные птицы

В одном местечке Сибири, в лесу жил охотник по имени Степан.

У него была жена, и был у них сынок по имени Иван.

И вот этот охотник Степан охотился много лет, более тридцати лет. Было у него охотничье ружье – старинная кремневка. И вот этим-то ружьем приходилось бить ему много зверей и медведей, также и белку и соболя.

Пришло время, состарился. Не под силу ему стало охотиться.

Однажды берет он своего сына с собою, и пошли они на охоту. И стал он его водить и показывать, где какой кустик или пенек, и велел он сыну примечать:

– Это тебе пригодится. Будешь охотиться ходить и нас стариков кормить. Я-то теперя в лес не пойду.

Показывал он ему несколько дней. И приходят они домой.

Садятся они за стол. Стала расспрашивать мать своего сына:

– Ну как, Ваня, понравилась тебе тайга и охота?

А Ваня говорит:

– Дорогая мамаша, очень мне понравилась тайга, так и думаю, чтобы все я жил в тайге. Но только то, что неохота вас оставить, придется приходить и вас понаведывать.

Попили чайку, стали раздеваться, ложиться спать.

Назавтра встают, и Ваня стал просить у своих родителей благословения идти на охоту. И отец стал благословлять Ваню и стал ему наказывать, как жить на белом свете, как охотиться и как помогать родителям, а также не оставлять бедных и не обидеть вдов и сирот.

Берет Ваня кремневку, выходит из отцовского дома, а отец с матерью вышли провожать его.

Пошел Ваня в лес. Зашел он так далеко, но ничего ему не попадало. Так и подумал: «Видно, прохожу сегодня даром день».

Вдруг он увидел зайца, который попал в петлю. Бился и томился заяц, но вырваться из петли не мог, а Ваня посмотрел на него пристально и подумал: «Бедный зверек, хочет тоже на свободу». А заяц вдруг заговорил:

– Охотник, высвободи меня на свободу, я, может, когда-нибудь пригожусь тебе.

Ваню удивило, – такой ничтожный зверек, где же он может пригодиться? Вдруг он вздумал отцовские слова: «Отец мне наказывал, чтобы не оставлять бедных и слабых»; и подошел к зайцу, разрезал ножом петлю, а заяц прыгнул и убежал, а Иван пошел далее.

Забрел он далеко, но никого не видел и думает: «Зря я зайца не взял. Теперь придется вернуться простым домой». Повернулся он обратно и пошел домой. И так было ему неловко идти домой простому. Сильно задумался Иван.

Приходит он к бурной речке и увидал на другой стороне страшное лохматое чу́довище. Это чудовище хотело набро-

ситься на Ивана, а Иван сдернул с плеча свою кремневку и стрелил в это чудовище. Чудовище еще страшнее рассвирепело и хотело еще сильнее броситься на него. Иван сдернул с головы шапку, набросил на чудовище и привел его в замешательство. В этот момент зарядил кремневку и стрелил второй раз, а чудовище опять набросилось на него. Иван сбросил с себя тужурку и бросил на это чудовище и опять привел его в замешательство. Зарядил свою кремневку и стрелил третий раз. Чудовище еще сильнее хотело наброситься на него. Он сбросил с ноги унт и бросил на это чудовище, и опять зарядил свою кремневку, и стрелил четвертый раз. Так что, что было, все сбросил на него, и котомку свою и все свои охотничьи принадлежности. За все это время Иван выстрелил двенадцать раз. Больше нечем было приводить его в замешательство.

И вот это страшное лохматое чудовище все же набросилось на Ивана и стало давить его, стало мять и душить, а Иван от страшной боли потерял сознание. И это страшное чудовище тоже истекало кровью, весь в ранах отошел на расстояние и упал со страшными судорогами на землю.

Дома старик Степан со своей старухою удивляются и толкуют, куда их сын девался. Прождали они всю ночь, сидели у окна и все ждали сына с охоты. Старик говорит своей старухе:

— Если только Ваня не придет до утра, то надо будет что-то делать.

Назавтра старик подымается и говорит своей старухе:

— Ну, старуха, готовь котомку, я пойду искать своего сына.

А старуха ему и говорит:

— Куда ты, старик, пойдешь, когда ты и так запинаешься, едва ходишь, а в лесу запнешься, упадешь и не встанешь, оставишь меня одну горемычную горевать.

А старик ей и говорит:

— А разве нам будет легче сидеть дома? Если какой грех случится с сыном, то мы с тобой вместе погибать будем.

А старуха говорит:

— Нам ведь легче будет доживать последнее время вдвоем.

Старик настаивает на своем: «пойду и пойду». Тогда стала старуха готовить котомочку и котелок, а старик пошел и принес старую-престарую заржавленную кремневку. Зарядил свою кремневку и стал одеваться. Надел на себя котомочку, взял свое ружье и вышел из своей халупки, а старуха вышла его провожать. И долго она глядела за стариком своими померкшими глазами, пока старик не скрылся с глаз.

Старик торопился в лес. И вот проходил он весь день, и силы перестают ему служить, и думает: «Вдруг упаду где-то?»

Вдруг ниоткуда, как словно из-под земли, вырос перед стариком заяц и заговорил человеческим языком:

– Что ты, дедушка, закручинился, запечалился?

Старик удивился, что заяц говорит языком человеческим, и стал говорить зайцу:

– Как же мне не кручиниться, как же мне не печалиться? Был единственный мой сын кормилец, ушел он на охоту и без вести пропал.

– Да вот, дедушка Степан, я знаю твоего сына, где твой сын лежит. Твой сын сделал мне добро, за добро хочу заплатить добром. Иди за мной, я покажу твоего сына.

Заяц побежал вперед, а старик пошел за ним. И приводит заяц к сыну и показывает. Когда старик увидел своего сына, стал плакать и причитывать: «Дитятко ты мое родимое, что с тобой случилося и что с тобой повстречалося?» И упал на своего сына, стал его обнимать и целовать и потерял свое сознание.

Пролежал старик всю ночь на сыне без памяти. А наутро, когда опомнился, стал повертывать своего сына и поглядывать и в этот же момент увидел зайца, который сидел подле него. И он вспомнил вчерашние слова, что ему заяц говорил. Он стал расспрашивать зайца о случившейся беде. Заяц стал ему рассказывать, как Иван освободил его из петли и как стал заяц выполнять за это добром и все время следить за Иваном. И говорит:

– Иван повстречался со страшным лохматым чудовищем, которых немало шляется по тайге, бежавших от советской власти. И вот произвели они борьбу с твоим сыном Иваном. Чудовище хотело его задушить, чтобы он не рассказал об них советской власти. Иван стрелял в него много раз. Наконец чудовищу удалось задушить Ивана, а сам, изнемогая от ран, которые нанес ему Иван своими выстрелами, отошел от него со страшными судорогами. И вот лежит мертвый.

Заяц показал, где лежит чудовище.

– Теперь я, дедушка, выполнил свой долг, дальше мне нечем помочь тебе.

И заяц убежал. А старик стал думать, как тут быть: «Если нести мне сына, то не одолеть мне будет; если сделать волокуши, положить Ивана на волокуши и тащить, то ведь я и сам едва иду». И сел старик на колодинку, призадумался.

В этот момент он услыхал, не стук стучит и не гром гремит, и увидал – в поднебесьи три небесных птицы летит. Старик

стал на колени с воздетыми кверху руками, стал реветь, и гаркать, и просить их. И вот эти три небесные птицы спустились к старику на землю. И вышли из этих прекрасных птиц три прекрасных юноши в кожаном одеянии и стали расспрашивать дедушку Степана:

— Чего тебе, дедушка, от нас нужно?

Стал дедушка Степан рассказывать им, как его сын Ваня повстречался с этим мохнатым чудовищем, который убежал от преследования советской власти и шлялся по лесу и хотел задушить сына не на живот, а на смерть, чтобы он не рассказал советской власти, что шляется чудовище. Стали производить борьбу, и выстрелами Ваня нанес чудовищу смертельные раны, а он, изнемогая ранами, чуть до смерти не задушил Ваню.

— И вот хотелось бы мне вас попросить донести Ваню домой.

А три прекрасных юноши начали рассказывать дедушке Степану, что летят выполнять заданьице дорогого товарища Сталина узнать, что творится на земном шаре. И эти три прекрасных юноши между собою поговорили и говорят дедушке Степану:

— Ну ладно, дедушка, двое из нас полетят на север, а один из нас повезет тебя и твоего сына.

Двое сели на своих птиц и полетели на север, а один прекрасный юноша взял положил на свою прекрасную птицу Ивана и дедушку, и полетели к ихней халупе. А старуха когда увидела, то испугалась: «Что бы это значило? Какая-то птица прилетела и села». Старуха думала, то ли молиться, то ли что делать. Но вскоре она увидела своего старика и прекрасного юношу, то она не верила своим глазам и думала: «То ли вижу во сне, то ли наяву». А когда прекрасный юноша и дедушка Степан из небесной птицы вынули ее сына Ивана и понесли в халупку, старушка пошла за ними и не понимала, в чем дело. Положили бесчувственного Ивана на кровать. Тогда старуха упала с воплем на своего сына, стала плакать и причитывать. А когда опомнилась, стала расспрашивать своего старика о случившейся беде. А дедушка Степан стал ей рассказывать, как прекрасный юноша помог довезти их домой. Стали они благодарить прекрасного юношу и стали просить, чтобы он не оставил их и помог ихней беде — как быть и что делать с сыном. А прекрасный юноша стал им говорить:

— Рад бы я душой вам помочь. Прежде всего мне нужно сделать донесение дорогому товарищу Сталину о помощи вам.

Вышел он и сел на небесную птицу и полетел, а старик со старухой вышли провожать его.

Когда проводили, зашли обратно в избу, стали думать, как тут быть, чем своему горю пособить. Старуха стала его посылать за ворожейкой:

— Пусть поворожит, она и скажет, что делать...

А старик говорит:

— Чем идти за ворожейкой, лучше идти за знахаркой, которая сразу может лечить.

Поспорили. Старуха настояла на своем, чтобы сходить за ворожейкой. Вот побежал дедушка Степан за ворожейкой. И вскоре привел он ее. Та живо разбросала свои карты на столе и стала расспрашивать стариков, что получилося с ихним сыном. Старик стал ей рассказывать, как он боролся с тем страшным чудовищем, и как он убил его, и как прекрасные небесные птицы доставили его с сыном домой.

Вдруг ворожейка остановилась ворожить: «Что бы значило, откуда-то небесная птица привезла их?» Ворожейка бросила карты, не стала ворожить и ушла домой. Теперь старик и говорит своей старухе:

— Я ведь говорил тебе — надо идти за знахаркой, что́ твоя ворожейка принесла пользы, только время задержала.

Сам сейчас же собрался за знахаркой. Вскоре приводит он знахарку.

Знахарка поставила траву и стала ее кипятить, а сама стала расспрашивать, как получилося с ихним сыном. Старик рассказал знахарке, что рассказал ворожейке, как небесная птица привезла их сына и улетела с донесением дорогому товарищу Сталину. А знахарка прослушала эти слова, испугалась, не стала кипятить траву и ушла домой.

Теперь как быть, что делать... Старик со старухой стали думать, плакать и горевать, всю ночь просидели не спавши... А наутро старик пошел на двор доглядеть свою скотину, и услышал он — не стук стучит, не гром гремит, небесная птица летит. Забегает он в халупку, сказал своей старухе. Вышли оба на двор, а небесная птица спустилась и села возле халупки. Один тот юноша, который привозил дедушку Степана с Иваном, а другой прекрасный юноша в белом одеянии, под мышкою со шкатулочкой. Подходят они к старикам и здороваются. Прекрасный юноша в белом одеянии говорит дедушке Степану:

— Меня прислал к вам дорогой товарищ Сталин, чтобы помочь вашему горю.

И пошли они все в халупку. Прекрасный юноша в белом одеянии открывает свою шкатулочку и вынимает оттуда какой-то пузырек. Из этого пузырька вынимает каким-то инструментом какое-то лекарство и начинает намазывать Ивана. Вынимает второй пузырек, разжимает Иванов рот и вливает в рот ему какое-то лекарство. За короткое время Иван очнулся.

Иван поднялся, встал на ноги, и стал он ходить как ни в чем не бывало. И все трое: Иван, старик со старухой – стали благодарить прекрасных юношей, а они им говорят:

– Вы не нас благодарите, а благодарите дорогого товарища Сталина.

А дедушка Степан говорит им:

– Пока вы побудьте здесь у нас, а я пойду в лес. Не добуду ли я что, какой-нибудь подарочек.

Берет он свою старую кремневку и уходит в лес. Вскоре Степан вернулся обратно. Добыл он дорогого черного соболя, и говорит он этим прекрасным юношам:

– Отвезите этот подарочек дорогому товарищу Сталину за его заботу о человеке. Сам бы я пошел, да не дойти будет, поехал бы, да тоже не доехать будет, потому сильно стар стал.

А прекрасные юноши и говорят:

– Тогда мы тебя увезем самого с прекрасным подарочком дорогому товарищу Сталину.

Вышли все трое, сели на небесную птицу, поднялись вверх, а Ваня со своей матерью махали руками и заочно приветствовали дорогого товарища Сталина.

Дедушка Степан с прекрасными юношами улетели из виду, а Ваня с матерью зашли в халупку.

Прекрасные юноши и дедушка Степан в скором времени прилетели в Красную Москву. Небесная птица села в Кремле, и вот два прекрасных юноши повели дедушку Степана к дорогому товарищу Сталину, а дорогой товарищ Сталин вышел им навстречу. Дедушка Степан низко поклонился, стал на колени и положил соболя на голову, чтобы с головы взял дорогой товарищ Сталин дорогого соболя. А товарищ Сталин подходит, поднимает дедушку, обнимает его, целует и говорит ему:

– Теперь, дедушка, не встают на колени. Это раньше стояли на коленях, а теперь при советской власти мы все равны – товарищи.

И говорит товарищ Сталин своим:

– Нужно поводить дедушку по Москве и показать ему все достопримечательности. Прежде всего показать мавзолей

дорогого товарища Ленина, а дальше покатать по метро, по каналу Москва–Волга.

И вот повезли дедушку Степана по Москве. Завели его в мавзолей, и посмотрел он дорогого Ленина. Оттуда провели дедушку в метро. Когда он зашел в метро, то он просто удивился, – как все равно второй город, чистота, любо глядеть. А когда сели в трамвай метро, то дедушка Степан все оглядывал. И не успел сесть, как доехали до места, а когда подошел к выходу, то не знает, то ли идти, то ли стоять, – все равно движешься. Удивила его эта живая лестница. Поехал дедушка по каналу. Сел на пароход. Когда поехал, то его удивило: то, глядит, в переднем шлюзе воды нет, а когда подъедешь к воде, оглянешься назад, – там опять сухо. Удивился дедушка, что сон это или наяву.

Когда он доехал до города, осмотрел, что тут везде работают машины, переливают воду из шлюза в шлюз. И вот думает себе Степан: «В старое время Волга-река по старому руслу плохо бежала, а при советской власти Волга может в обратную сторону бежать».

Наконец Степан вернулся обратно в Москву. Повезли дедушку Степана показать ему планетарий и показали ему первый сеанс: среди белого дня ниоткуда взялася ночь. И увидел он там все небесные светила, и увидел он те звезды, по которым он наблюдал на охоте. И за все это Степан горячо благодарил дорогого товарища Сталина.

Приехал опять дедушка Степан в Кремль к товарищу Сталину, и стал он благодарить дорогого товарища Сталина за достижения и его заботу о человеке, а дорогой товарищ Сталин одарил дедушку дорогими подарками и велел отвезти его обратно.

И тот же прекрасный юноша в кожаном одеянии посадил его на небесную птицу, снялись с земли и полетели и скоро прилетели к дедушке Степану в халупку. А старушка его с Иваном все время ходят по надворью и дожидаются. И вот, когда увидели небесную птицу, радостей у них не было конца. Спустилася небесная птица к халупке. Слез дедушка Степан, а прекрасный юноша полетел обратно в Красную Москву.

А дедушка Степан и сын его зашли в халупку. И стал он рассказывать про дорогого товарища Сталина, про его заботу о человеке, рассказал все то, что видел и где был, и все трое благодарили дорогого товарища Сталина.

28 (135). Три сына

Было у старика три сына. Старший сын пошел в моряки, второй сын обучился на аэроплане летать, а третий сын пограничную стражу нес.

Отбыл старший сын службу, приехал героем. Одет красиво, в лентах. Обрадовались отец с матерью и говорят:

— Ты-то приехал, а те двое еще не отслужились.

Который был на самолете, тоже скоро прилетел. Спустился самолет возле деревни, и вышел средний сын. Одет тоже хорошо, в ременном пиджаке, в шапке кожаной. Поздоровался. Обрадовались старики и говорят:

— Хоть бы скорей младший приезжал!

А третьего сына нет и нет. Все на границе сын. Командиры очень его любили. Крепко знал он службу, правила соблюдал. Увидал он раз: враг границу переходит. Третий сын поймал врага живьем и командиру представил. Враги, конечно, озлились. Стали следить за третьим сыном, напали на него как-то ночью, утащили в плен и давай выспрашивать, сколько у вас войска, да где эти войска стоят. Третий сын говорит:

— Мне про это ничего не известно. Я знаю только одну свою стражу.

Не поверили враги.

— Врешь! — говорят. — Как ты солдат, то должен все знать. Иначе мы тебя не отпустим, а будем казнить.

Третий брат сказал:

— Это дело ваше. А я знать ничего не знаю. А знал бы, так все равно не сказал бы.

— Ах, ты вот, значит, какой! — говорят враги. И стали его изнурять, кинжалами в него тыкать и зверство творить.

Он весь кровью изошел, голову склонил и кончался уже, а ничего не сказал. Видят враги — разговора от него не добьешься, вышвырнули его обратно за границу.

А братья все ждут меньшого да думают: «Что это дорогой брат не является? Пора уж!» И вдруг письмо приходит: «Погиб ваш герой в руках у злодеев».

Долго плакали отец с матерью по нем, а брат, который на аэроплане летал, говорит флотскому брату:

— Поедем к товарищу Сталину, скажем: желаем быть там, где наш брат погиб.

Приехали к товарищу Сталину, говорят ему:

— Так и так, дорогой товарищ Сталин, вздумали мы отомстить злым врагам за нашего брата.

Сталин говорит: «Ладно, езжайте». И отправились они туда, где брат служил. Прилетели на границу, встречает их пограничный командир, говорит:

– Не застали вы брата своего в живых. Уж мы старались спасти, да ничего не помогло. Наука еще не досягает. Только что брат ваш кончился.

Пришли к нему братья, видят: весь он раненый, порезанный. И стали братья о нем плакать, а средний брат, который на аэроплане летать был обучен, сказал:

– Нужно нам в горы слетать. Там всякие ключи бьют. И есть особенный ключ с живой водой; от этой воды заживают раны, человек выздоравливает.

Флотский брат говорит:

– Летим быстрей. Найдем живой ключ.

Сели на аэроплан, покатили в горы.

Прилетели. Стали ключевые воды искать. Нашли маленький родничок. Вода в нем ключом кипит, а сама, как лед, холодная. Набрали они воды и думают: нужно ее проверить. Только об этом подумали – глядь, заяц сидит. Прицелились в зайца и убили. Старший брат и говорит:

– Теперь давай этого зайца испробуем: оживет он или нет?

И стали брызгать зайца водой. Брызнули в рану, где пуля была, брызнули другой раз, а на третий – заяц зашевелился, встряхнулся. Да как вскочит! Да как побежит!

Обрадовались братья. Набрали воды в пузырек, сели на самолет и вернулись к младшему брату.

А тот лежит без движения: не спит, не дышит. Начали они на раны водой брызгать, а сами стоят возле и плачут. Брызнули раз, другой и видят: заплывают раны, затягиваются.

Брызнули в третий раз, брат зашевелился, поднял голову и сказал тихо:

– Ох, братцы вы мои, как я долго спал!

А братья говорят:

– Вечно б тебе спать, если бы не мы.

Командир на радостях освободил их. Поезжайте, мол, отдохните. И они решили к родным на аэроплане слетать. Прилетели на родину, опустились возле деревни, пошли к своим родителям. Народ, конечно, знал, что меньшой брат убит, – смотрит, а меньшой живехонек. Только очень уж он худой да бледный, даже краски в лице нет. Побежали люди вперед братьев к старикам:

– Ваши детки идут. И младший живой, только очень тощой.

Обрадовались мать и отец, заплакали. Родным и тощой в радость.

Пожили они с недельку и говорят:

– А теперь нужно съездить к Сталину. Поедемте, братцы, все трое.

Отец с матерью говорят:

– Вы хоть мученого Егора оставьте.

– Нет, – говорит Егор, – я не останусь. Мне – к Сталину.

Так и сделали. Сели в аэроплан, поехали. Приезжают к Сталину, дают ему знать.

Сталин, конечно, позвал их в Кремль, пригласил садиться, велел рассказывать, как они брата своего спасали. Очень радовался Сталин, что спасли Егора, руки всем жал и говорил:

– Чего вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

– Желаем все трое не разлучаться, вместях быть. Желаем все на Дальнем Востоке на границе служить.

Сталин им ответил:

– Так тому и быть. Героям не откажешь. Я таких героев очень обожаю и люблю.

Дал он им ордена, и уехали братья на границу.

Пошел меньшой брат на стражу, увидали его враги, кричат:

– Эй, Егор! Это ты?

– Я самый, – говорит он.

– Ведь мы тебя убили, – удивились они.

Егор отвечает:

– Вы нас как ни убивайте, мы опять оживем.

Побежали враги в испуге к своим начальникам, докладывают. Начальники ужас как перепугались, за голову хватаются:

– Это никуда не годится такое дело. Как нам теперь быть, что ж нам теперь с ними делать? Выходит, что нам их никогда не уничтожить.

29 (136). Три брата

Жил старичок Василий, и было у него три сына. Одного сына, старшого, звать было Павел, другого звать было Егор, а третьего сына было звать Андрей.

Первого сына отдали в Красный флот, служил он на подводной лодке. Второй сын – Егор – защищал границу на Дальнем Востоке, а меньшой – Андрей – на ероплане стал ездить.

Приезжает старшой сын Павел домой. Поздоровкался с отцом, с матерью. Они и спрашивают: «Скоро ли братья твои

приедут?» А Павел отвечал отцу и матери: «Скоро и они, — говорит, — приедут, не тужите».

Является на ероплане Андрей — меньшой сын. Обрадовались отец и мать, что Андрей приехал. Поздоровкался он с отцом и матерью и говорит: «Папаша и мамаша, приехал я на малое время, на побывку».

Вдруг телеграмма приходит и извещает, что «ваш брат и сын Егор погиб на Дальнем Востоке».

«Брат, не надо нам коротать время, — сказал Андрей брату Павлу, старшому, — поедем мы с тобой на ероплане на Дальний Восток и узнаем, где он есть, наш брат Егор».

Сели они на ероплан и поехали на Дальний Восток. Приезжают они на Дальний Восток и спрашивают у начальника: «Где нам найти Жукова Егора?» А начальник ответил: «Вот я подзову красноармейца, что стоял с вашим братом на страже советской границы, он все расскажет».

«Пойдемте, я вам покажу вашего брата», — сказал красноармеец. И привел он Павла и Андрея к ихнему брату Егору. А Егор лежал мертвый. Кинулись они к нему, пощупали его, а он теплый. Тогда Андрей сказал: «Я на ероплане летал над горами, а в тех горах течет вода всякая. Не спасем ли мы брата этой водой?»

Взлетели они на гору, и увидал брат Павел зайца. Сделал прицел зайцу и убил его из ружья. Павел и говорит: «Если мы зайца спасем этой водой, то вернемся быстро на границу и брата нашего спасем».

Братья разной воды набрали и стали опрыскивать ею зайца. Вдруг заяц зашевелился, вскочил и побежал. Андрей и Павел быстро полетели к третьему брату с этой водой. Явились они на границу, расстегнули брату Егору грудь и начали вспрыскивать раны водой. Вдруг раны затянуло, и Егор глаза открыл. И видит Егор: стоят перед ним его братья. «Тебе бы вечно лежать, если б тебя не спасли мы, — сказали братья. — Полетим теперь все трое к родителям».

Домчал их ероплан до родителей.

Мать и отец очень обрадовались, что все три сына сошлись. День пожили, другой, и говорит Андрей, меньшой: «Ну как же, братцы, поедемте в Красную Москву и наведаем Сталина, а потом вернемся по своим местам».

Приехали они в Москву, Павел, Егор, Андрей, заявились к Сталину. «Вот у нас, — говорят, — какой случай сделался: брата мы воскресили».

Сталин поблагодарил Андрея и Павла за то, что спасли брата Егора и что едут опять они: один – опять на подводную лодку, другой – летать на ероплане, а третий – опять на Дальний Восток.

Уехали они из Москвы к отцу-матери, начали им про Москву рассказывать. «Извозчики, – говорят, – раньше ездили, а сейчас, – говорят, – папаша и мамаша, машины сами ходят, и незаметно, кто их возит».

«Еще были мы, – говорят, – под землей, на метро покатались. Наружи чисто в Москве, а внутри – еще чище вдвое будет. Как выехали из метро, пошли мы в Кремль. Подходили мы к Ивану Великому, и были мы в Кремле у товарища Сталина».

Распростились они с отцом, с матерью и уехали опять кто где был.

Егор, тот, что был убитый, стал на границе и забрал в плен двоих врагов, которые перешли нашу границу. Тут враги удивились. «Ведь мы тебя, – говорят, – убили, а ты опять жив!»

«Нас вы будете стрелять, а мы все будем оживать. Вы нас не побьете!» – ответил Егор.

Узнал по этому поводу Сталин. Поблагодарил Егора, Павла и Андрея. Наградил их по ордену Ленина и по три тысячи денег.

30 (137). Как охотник Федор японцев прогнал

На Дальнем Востоке близ манчжурской границы жила семья охотника: отец и три сына.

Старшие два брата каждый день ходили на охоту, а младший брат Федор оставался дома. Однажды братья приходят с охоты, садятся все за стол. Федор начинает беседу и говорит:

– Я тоже буду ходить охотиться...

Братья говорят ему:

– Ты еще молод, Федя. Вырастешь, находишься.

Назавтра братья встают и уходят на охоту. Федор тоже собрался после них. Взял ружье и тоже пошел. Заходит он в лес, и все он замечает, – кустик ли ему попадается или какое-нибудь дерево и куда оно накренится.

Попалася Федору белка, он хотел ее стрелять. Белка и говорит ему:

– Не стреляй меня, Федя, сейчас весна, мы только расплождаемся, а когда придет осень, тогда и можно охотиться на нас.

Федор оставил ее и пошел далее. Попадается Федору медведь, он хотел его стрелять. Вдруг медведь заговорил человеческим языком:

– Не стреляй меня, Федя, сейчас у меня шкура никудышная, шерсть облазит, а когда придет осень – буду ложиться в берлогу, тогда можно и охотиться на меня.

Федор оставил медведя и не стал в него стрелять.

Разные звери и птицы попадались Федору, со всеми приходилось переговариваться. Что нужное убивал, а что ненужное оставлял.

Пошел Федор домой. Когда приходит он домой, увидел, что братья дома уже. Они увидели Федора, что он принес много промысла. Старший брат и говорит Федору:

– Как ты это, Федя, много убил? Мастер стрелять или просто фартовый?

Федор и говорит им:

– Тут нужен большой труд и умение.

Братья говорят:

– И мы тоже трудились и почему-то не убиваем.

Тогда Федор и говорит им:

– Тогда идемте завтра со мною.

Наутро встает Федор и стал одеваться, и братья тоже оделись. Федор берет ружье, выходит, и братья за ним. Идут они в лес, приходят к бурной речке. Федор снимает с ног унты, а братья удивляются, что Федор не рассматривает ни брода, ничего и забредает в речку.

Братья боялись бурной речки, но нехотя пошли за ним. Старший брат и говорит:

– Какой ты, Федя, смелый. Не рассматривая броду, заходишь в речку.

А он показывает им на пенек, велит запомнить этот пенек:

– И вы тоже будете переходить здесь.

Пошли они далее. Подходят к высоким каменистым скалам. Федор пошел через скалы.

– Что такое, что за смелый? – говорит средний брат. – Здесь могут только птицы пролетать.

А Федя делает заметки и говорит:

– Запоминайте эти заметки, и вы тоже будете здесь переходить.

Перешли на другую сторону скал, зашли в дремучий лес. Старший брат и говорит:

– Ну, Федя, уж больно далеко забрались, пожалуй, сегодня не вернуться отсюда.

А Федор и говорит:

— Возьмем и заночуем здесь, да только огонька не будем раскладывать: иногда здесь двуногий зверь проскакивает. Здесь граница близко, может японец заметить.

И стали готовить каждый себе постельку. Кто ломал пихтарнику, а кто и кедровые ветки. Старший брат услыхал шум и треск и дернул Федора за полу и сказал:

— Что это за зверь идет?

А Федор и говорит им:

— Вы побудьте здесь, а я пойду поразведаю.

Федор пошел, но не успел сделать и десяти шагов, сразу же узнал что это не зверь, а идут люди. Не один и не два, а целый отряд. Вернулся Федор скоро обратно к братьям и шепотом сказал им:

— Идет враг, не нужно его пускать на Советскую землю. Вы, братья, слушайте мою команду.

Вот они пошли, и вдруг Федор шепотом подал команду стрелять. Все три брата выстрелили. Японцы тоже стали стрелять, но сами не знали куда. Иногда пули летели по ногам, а братья все трое прискакивали кверху, а когда пули летели по головам, то братья плашмя падали на землю. Японцев было много. Когда братьям приходилось трудно, то Федор стал просить природу, чтобы и природа помогла им. Ниоткуда взялась страшная буря и уронила большую сосну и придавила несколько японцев.

Японец напирал, а лес вставал преградою, буря гнула лес в дугу, а Федор с братьями ухватывался за вершину. Лес поднимал их и перебрасывал в другую сторону. А японцы стреляли, не зная куда. Братья нещадно убивали их с другой стороны, а японец опять направлял выстрелы туда, откуда стреляли братья. Тогда Федор стал просить зверей и птиц, чтобы они помогли выгнать японцев с земли Советской.

Вдруг откуда ни возьмись прибегает медведь, с боку на бок переваливаясь, схватывает колодину и придавил несколько японцев насмерть. Набежали волки, стали тянуть японцев во все разные стороны за ноги. На что кабан, на которого нельзя было и надеяться, и тот прибежал, щелкая своими клыками, и набросился на японцев.

Прилетели во множестве разные птицы. Были и орлы, были и мелкие и били их крыльями, клевали в темя и убивали насмерть.

Белка и та прибежала, срывала кедровые шишки и била японцев по лбу. А Федор и говорит братьям:

— Стойте, братцы, не сдавайте, братцы! Видите, вся природа пошла нам на помогу. Подержитесь немного, побегу к пограничникам и сделаю тревогу.

Но бежать было трудно. Сбросил он с себя тужурку, сбросил с себя унты, изорвал все свои ноги в кровь, но боли не чуял. Вдруг ниоткуда-то взялся сохатый и говорит:

— Садись, Федя, на меня и крепче за шерсть держись.

А когда сел Федя на сохатого, тогда сохатый побежал как накаленная стрела, выпущенная из туго натянутого лука.

Прибежал Федя к пограничникам, сделал тревогу, и пограничники разом все были на ногах.

Федор и говорит им:

— Давайте, товарищи, пойдемте. Японец зашел, не дадим Советскую землю.

И повел Федор пограничников и завел их с хорошей стороны, и всех японцев взяли в плен.

Тогда стал красный командир расхваливать братьев:

— Как сумели трое справиться с таким отрядом?

Тогда Федор и говорит:

— Товарищ командир, мы ведь были не одни. Нам ведь вся природа шла на подмогу: звери, птицы, лес и буря.

СКАЗКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

31 (138). Сказка о Гитлерище и его хвосте

Пошло на нас Гитлерище поганое,
Носом крутит,
Хвостом вертит,
Слюну кровяную плюет
И во всю глотку орет:
«Объявляй сход,
Собирай народ
В полном количестве
По указу его величества!»
А я дед,
Девяносто лет,
Говорю ему:
«Для вашего поганого величества
Нет у нас никакого количества:
Все село в партизаны ушло!»
Ах, как он заревет, Гитлерище поганое, на меня.
Заревел за такую обструкцию:

«Давай, подавай мне полную контрибуцию:
Сорок амбаров хлеба пшеничного,
Сорок вагонов сала отличного,
И сто быков рогатых,
Двести баранов лохматых,
Шестьдесят туш говяжьего мяса,
Тридцать бочонков медового квасу.
И вот я с устатку
Все это слопаю
Без остатку.
Силами подкреплюсь,
Хвостом отпихнусь,
Двинусь на Русь!»
А я, дед,
Девяносто лет,
Ему говорю:
«Для вашего поганого величества
У нас есть другое количество:
Сорок кадушек дохлых лягушек,
Сорок стаканов сухих тараканов,
Пятьдесят горшков собачьих кишков,
Кошка драная, да мышь поганая,
Да вот дерма колобок
И собственный ваш пупок
Вам на закусочку!»
Ах, да как он заревет на меня:
«Ты, старичище!
Я тебя смахну хвостищем!»
А я взглянул на него:
Хвостища-то у него нет,
Его партизаны отсекли.
А я остался живой,
Вышел на свободу,
Чтобы рассказать эту сказку
Всему советскому народу.

32 (139). Сон Гитлера

У Гитлера, после его «тяжких забот», когда почивает он в своей спальне, мысли блуждают даже в крепком сне.

Однажды он пробудился от крепкого сна и стал мечтать о завоевании и покорении всего земного шара. Его жалкая душонка терзалась от бессилия.

Он опять заснул и видит сон: предстал вдруг перед ним молодой человек в рыцарском одеянии, со стальным шлемом на голове, и стал смотреть своим пронизывающим взглядом Гитлеру в глаза. Гитлер долго никак не мог отделаться от этого взгляда и спросил:

– Кто ты такой будешь и зачем мне смотришь в глаза?

Молодой человек вдруг заговорил:

– Я тот, которого ты никогда не мог встретить. Я предстал перед тобою. Я Александр Великий, император Македонский, хочу тебе сказать: я покоритель половины света и то со своею гордостью не мог продлить свою жизнь. Сама природа не дала мне долго жить. А ты-то куда кидаешься со своею соломенной башкой? Лучше прекратил бы ты свои гнусные преступления, называемые тобою походами! Вот ты затеял недоброе дело, тебя будут проклинать даже самые дальние потомки.

Вдруг Гитлер проснулся, сам не зная, что это такое. Сон ли это ему приснился, наяву ли он видел? И он весь в поту и горячке свалился изможденный опять в постель. И не помня, как заснул, опять видит сон: какой-то грозный человек вонзает в него свой острый взгляд. На голове у него соболья шапка, сверкающая на лунном свете лоснящимся ворсом. В правой руке острый кинжал, а в левой – щит. Гитлер в большом волнении, недоумевая, что бы значило такое видение, вспомнил Александра Македонского, которого только что видел. А тут явился другой, и Гитлер громко на него закричал, как бы желая его напугать. А тот еще ближе подвинулся к нему. Тогда Гитлер спросил его:

– Кто ты такой будешь?

Тогда тот ему сказал на ломаном языке:

– Я буду Чингисхан, который завоевал чуть ли не весь свет. И то с русским богатырем не мог справиться, который постепенно меня поборол и обратно забрал землю и подданных. А ты-то куда суешь свой нос? Лучше бы тебе расстаться с мыслью о завоевании и покорении русского народа. Мой совет: покориться своей участи и удалиться от человечества.

И вдруг Гитлер проснулся и позвал своего денщика. Стал спрашивать о положении начатого дела против Русского государства. Денщик ему сказал, что дела плохи. Русские, мол, наших гонят и нещадно избивают.

Гитлер в раздумье опять задремал и прилег на свою кровать. Заснул крепким сном и вот слышит сквозь сон, как будто бы распахнулись у спальни двери. Кто-то застучал сапогами о пол и зашагал крупными шагами к кровати. Затем спросил:

— Что ты, дружище, так спишь крепко? Можешь все проспать.

Гитлер видит перед собою в треугольной шляпе Наполеона, императора Франции, и страшно удивился, откуда он взялся?

Наполеон подает ему свою руку. Гитлер в страхе взял его холодную мертвенную руку и спросил:

— Что вы хотите от меня?

Наполеон заговорил замогильным голосом:

— Я против тебя великан, а ты против меня — щенок. Я пошел на русского богатыря с двадцатью народами и то не мог с ним справиться. Русский богатырь меня загнал на неведомые воды, и я в морской пучине нашел себе вечный мраморный дворец. А ты куда побежишь? Тебе ведь некуда бежать, ты всеми презираемый, ненавидимый! На мой взгляд, одно остается тебе: руки на себя наложить.

Сказав эти слова, он повернулся, пошел твердыми шагами и застучал так сильно дверью, что Гитлер вздрогнул и проснулся. Гитлер от ужаса встал, не помня себя и прижимая кулаки к вискам. Что это значит? В одну ночь видеть три вещих сна!

И стал он плакать, как маленький ребенок.

Денщик, услышав его рыдания, прибежал и начал спрашивать о причине, вызвавшей эти горькие кровяные слезы.

Гитлер ничего на это не ответил.

33 (140). Бабушка Афимья

В одном местечке России жила старуха. Ей уже исполнилось девяносто лет. Все соседи ее называли — «бабушка Афимья». У этой бабушки были сын и его жена. У них были тоже дети — мал мала меньше. Бабушка Афимья еще в молодости овдовела. Сын у нее остался маленький от отца. Жили они бедно. Бабушка Афимья сохранила свое маленькое хозяйство. У нее был перед окном цветник и маленький сад, за которым она ухаживала, чистила от всякой сорной травы.

У бабушки Афимьи был чудесный кот, с которым она никогда не расставалась. В огород ли пойдет она или в сад пойдет, кот всегда ее сопровождал. Однажды бабушка Афимья зашла в сад, кот за ней. Тут бабушка Афимья взглянула на кота и сказала:

— Ну, Васька, хорошенько стереги мой сад и цветник, чтобы мыши не подрыли и не испортили, а то ведь нечем будет нам за лето красоваться.

А кот вдруг заговорил человеческим языком:

– Нет, бабушка, мыши не настоль вредны, а вот идут на нас лютые фашисты, эти-то, пожалуй, принесут вреда не только нам, а и всему Советскому Союзу. Так что, бабушка, нам нужно с тобою тоже помочь чем-нибудь в борьбе против них.

А бабушка говорит:

– Ах ты, кот Васька, чем же мы с тобою поможем? Я такая старая, и ты тоже насилу ноги волочишь за мною.

Кот ей и говорит:

– Ничего, бабушка, сумеем дело сделать.

И вдруг приходит бабушкин сын со своею женою и детьми с поля, с работы, и говорит бабушке, что озверелые немцы идут на наш Советский Союз войною и забирают всё с собою, города и села сжигают, мирных мужиков уводят с собою и заставляют их копать окопы, а кто не идет с ними, тех расстреливают, а жен и дочерей насилуют.

– И вот мы пришли за тобою, бабушка, – продолжает сын, – одевайся и идем с нами в лес, а то могут нас застать, тогда уже не увернешься от них.

А старуха говорит им:

– Я никуда не пойду, а останусь дома, пусть что хотят, то делают!

Так и не пошла с ними, а сын с женою и с детьми ушел в лес. А после его ухода приходят раненые два красноармейца, они просят у бабушки поесть. Старуха стала им готовить что-нибудь поесть. Вдруг прибегает кот Васька и говорит бабушке:

– Ну, бабушка, фашисты пришли. Скоро к нам пожалуют.

Тут старуха стала придумывать, куда спрятать раненых красноармейцев. И она повела раненых в свой тенистый сад. Их там укрыла и вернулась обратно. Вот в это время приходят сотни немецких людоедов и стали требовать от старухи:

– Давай, подай нам есть, старая карга, а то сейчас дух вышибем!

И стали раскладывать на стол награбленное у мирных жителей: кто принес бабью юбку, кто сорочку, а кто и бабьи панталоны, кто и детские игрушки и разные безделушки. Кричат на старуху и требуют от нее.

Старуха говорит:

– Я сама пятый день ничего не ела. Ваши изверги пришли и все у меня забрали!

А ихний командующий замахнулся клинком на старуху и говорит:

– Полезай, старая ведьма, на печь, а то сейчас твоей башки на плечах не будет!

Старуха и в самом деле полезла на печь, а там любимый ее кот Васька сидит и мурлыкает. Фашисты стали таскать в избу солому для ночлега. Раструсили солому и давай ложиться спать. Кот Васька говорит старухе:

— Ну, бабушка, слезай с печи и не щади себя и свой дом. Бери банку керосина и обливай солому. Затем чиркни спичку и подожги солому. Уничтожишь фашистов и себя — оставишь по себе вечную славу.

И вот старуха, не долго думая, давай спускаться с печи. Когда фашисты уже спали, она пошла на цыпочках и, взяв банку с керосином, давай обливать им солому. А когда закончила, вспомнила про своего любимого кота, нащупала его и говорит:

— Ну, Васька, уходи отсюда, пока цел, не поминай меня лихом. И расскажи моему сыну и невестке, что ваша бабушка сослужила службу своей Родине и для блага народа.

С этими словами выпустила кота на улицу, а сама взяла спички, чиркнула и подожгла солому.

Так ее дом с фашистами и с ней самой сгорел дотла. Зарево огня было видно на большое расстояние. А кот Васька, прибежав к бабушкину сыну и ее невестке, рассказал, как бабушка Афимья поступила с лютыми фашистами.

34 (141) Рыбак Василий и его семья

Далеко на Украине по Днепру-реке жил рыбак Василий. И отец его старик был с ним. По потомству все были рыбаки. Василий был женат; у него были два сына и дочка; старшему было десять лет, второму сыну семь лет, а дочке было пять лет.

Когда организовался в тех местах колхоз, Василий вступил в него. И колхоз отрядил его на рыбную ловлю. И вот Василий ходил каждую ночь рыбачить, а отец-старик дома оставался, день и ночь починял сеть.

И вот однажды старший внук Ваня говорит своему дедушке:

— Однако я буду ходить рыбачить.

Дедушка говорит ему:

— Ты ведь еще молодой, вырастешь — находишься.

А Ваня настаивает на своем. Наутро приходит с рыбалки Василий. Старик рассказывает сыну, что старший внук просится рыбачить. «Я его, — говорит, — отговариваю».

Василий говорит старику:

— Напрасно ты его отговариваешь. Пусть он ходит и привыкает.

Назавтра встает Василий, ведет своего сына на рыбалку и показывает ему, как управлять лодкой и где сети становить.

Приходят они домой. Садятся за стол и начинают беседу. Жена Василия начинает рассказывать, что она сегодня услышала – фашисты пошли войной на советскую землю. Несметны полчища собрали, всю Европу. Пошли грабить советскую землю, сжигать деревни, забирать имущество и скот, женщин и девушек насиловать.

Василий как услышал это, так и бросил ложку на стол, не стал есть и сказал своей семье:

– Иду я сейчас и запишусь добровольцем, и буду бороться до последней капли крови, и буду изводить этих страшных врагов с лица земли.

И ушел, записался, уехал в армию, а жена Василия осталась дома со свекором-стариком и с двумя сыновьями и дочкой. Назавтра рассказала в колхозе, что муж ее записался добровольцем и пошел на защиту своей родины.

И колхоз ей предложил работать в колхозе и тоже ходить рыбачить со старшим сыном.

И вот Васильева жена стала ходить на рыбалку.

Однажды вечером взяла она с собой Ваню и пошла рыбачить, и, когда они стали вынимать сеть из воды и выбирать рыбу, вдруг мать заметила фашистский отряд. Те подкрадывались не спеша, оглядывались в разные стороны. Мать со страшной ненавистью сказала своему сыну шепотом:

– Вот что, Ваня, ты следи за этими извергами, это страшные изверги-людоеды, а я пойду домой, унесу рыбу.

И ушла мать, а Ваня стал следить за отрядом. Ночь наступила темная-претемная, и стал дождик накрапывать. А фашистские отряды не решались вдаль идти в ночь. Они с крутого берега спустились к Днепру-реке, а Ваня на четвереньках стал к ним подкрадываться с большой осторожностью. Стал он прислушиваться и видит, кто сидит, кто лежит, а кто крепко храпит. Ваня из этого понял, что злодеи утомились сильно от ходьбы, и ему теперь можно свое дело начать. И маленький Ваня стал на брюхе ползти к ним, подполз к ним, подполз очень близко и стал вокруг себя обшаривать. Нашарил он один пулемет и стал его подтягивать к себе и потихонечку, не нарушая тишины, столкнул его в воду, потом далее стал обшаривать и нашарил другой пулемет; опять стал его подтягивать к себе и тоже незаметно спустил его в воду, а потом давай переползать дальше. Нащупал Ваня несколько винтовок и тоже поодиночке стал спускать их в реку, а потом нашарил два

мотоциклета и, едва справляясь с ними, поодиночке спустил их в воду. Вдруг кто-то из врагов закопошился. Ваня поспешил на крутой берег.

А мать унесла рыбу домой и подумала на уме: «Как бы страшные изверги не заметили сына и не сбросили его в воду». И она побежала искать, не попадется ли ей красный отряд. Бежала по полям и по сучьям, изранила свои босые ноги и изорвала свое одеяние, а сама боли не чувствовала и только думала, как бы извести этих врагов и людоедов.

И вот вскоре она напала на красный отряд и шепотом сказала:

— Товарищ командир, идемте скорее! Пришли фашистские изверги и людоеды. Давайте не дадимте им топтать советские земли и нарушать наш дорогой порядок, и чтобы они не издевались над женщинами и девушками!

И повела их скорее, а к ним навстречу подбегает Ваня и говорит красным бойцам:

— Давайте, товарищи, идите, я почти половину дела сделал!

И пришли туда, подошли с двух сторон, стали их колоть нещадно. Часть неприятеля бросилась в воду и утонула, а остальных всех взяли в плен.

В это время уже рассветало и видят: командиром в отряде муж и отец Василий. А он, Василий, так страшно удивился, что пришлось ему послужить и постоять за советскую землю со своей семьей — женой и сыном.

Красные бойцы подходили и крепко пожимали руку Василия, жены и Вани. И стали поздравлять их с победой.

А Василий-рыбак подошел к фашистским извергам и стал их проклинать:

— Ни дна вам, ни покрышки и ни верха доски! Вы стали чинить страшные грабежи и насилия над нашими женами и дочерьми и вырезать наши семьи, и вот за это не будет вам никакой пощады, потому нам дал наказ дорогой наш вождь товарищ Сталин и велел стереть с лица земли всех фашистов, до последнего!

КОММЕНТАРИИ

Произведения просоветской тематики разделены нами на четыре рубрики: (1) плачи и плачи-сказы, созданные по поводу смерти кого-либо из вождей или героев Советского государства; (2) сказы о счастливой советской действительности – произведения, в которых отражается личностное начало сказителя, построенные, как правило, от первого лица; (3) новины с их эпическим духом и ориентацией на поэтику былин и новины-поэмы, также произведения чисто эпические по своему характеру; (4) советские сказки – прозаические нарративы о вождях и героях новой власти и произведения аллегорического характера.

Внутри каждой рубрики материал делится на тематические группы, сформированные, в основном, в хронологии исторических событий, отраженных в том или ином комплексе произведений. Таким образом, читатель сможет «прочитать» историю Советского государства сквозь призму произведений народных сказителей и понять, какие исторические моменты и лица в глазах официальной власти были идеологически наиболее значимыми.

В свою очередь, внутри каждой тематической группы произведения расположены в хронологии их записи. По возможности, мы постарались учесть все публикации одного и того же текста. В комментариях специально оговаривается, подвергалось ли данное произведение при перепечатке текстологической или идеологической правке со стороны собирателя (публикатора, редактора). Называются также повторные записи того или иного произведения от данного сказителя. Вариантам дается текстологическая характеристика.

Комментарии строятся по следующей схеме. Сначала приводятся библиографические сведения о публикации (публикациях); затем даются так называемые паспортные данные текста (указание на собирателя, исполнителя, место и время записи). Далее следует текстологическая характеристика имевших место перепечаток, после чего предлагается реальный комментарий, нацеленный на выявление тех исторических событий или лиц, которые послужили толчком для составления плача (сказа, новины, советской сказки). Завершается комментарий фольклористической оценкой текста: указывается, какие фольклорные мотивы использованы сказителем при создании данного произведения.

В комментариях приняты следующие сокращения:

БПК – Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.

Господарев – Сказки Филиппа Павловича Господарева / Запись текста, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

Гофман, Минц – Современные русские сказки / Сост. Э. Гофман и С. Минц. М., 1940.

Громов, Чистов – *Громов Л., Чистов В.* Плачи о Ленине // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1939. Вып. 6.

Киров – Киров в народном творчестве / Сост. В. Чистов. Петрозаводск, 1939.

Крюкова. Сказания 1937 – Сказания Марфы Семеновны Крюковой: Сказание о Ленине; Чапай; Поколен-Борода и ясны соколы / Запись, обраб. и послесл. В. Попова. М., 1937.

Крюкова 1939 – Новины Марфы Семеновны Крюковой / Запись, обраб. и послесл. В. Попова. М., 1939.

Магай – Сказки Магая (Е. И. Сороковикова) / Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Л., 1940.

НТ КФ ССР – Народное творчество Карело-Финской ССР: Записи 1937–1938 гг. / Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. В. Чистова. Петрозаводск, 1940.

РПК – Русские плачи Карелии / Сост. М. М. Михайлов. Петрозаводск, 1940.

Сказания о героях Арктики – Сказания о героях Арктики / Сост. А. Карельский. Петрозаводск, 1938.

Сороковиков – *Сороковиков Е. И.* Новые сказки. Улан-Удэ, 1942.

СПЛ – Сказы и плачи о Ленине. Петрозаводск, 1938.

ТН СССР – Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. М., 1937.

ПЛАЧИ И ПЛАЧИ-СКАЗЫ

ТРАДИЦИОННЫЕ ПЛАЧИ С ЭЛЕМЕНТАМИ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В настоящий раздел включены причитания, исполненные плачеями по поводу смерти своих близких. Эти тексты полностью вписываются в устную фольклорную традицию. Однако время, когда они возникали, наложило на них отпечаток: элементы «советского мифа» нашли здесь свое отражение.

1. РПК. С. 200.

Записано М. М. Михайловым от Пелагеи Захаровны Ражиковой из дер. Клементьевская Сенногубского сельского совета Заонежского р-на Карельской АССР в 1937 г.

По-видимому, плач отражает гибель главы семейства в одном из военных конфликтов конца 1930-х гг. Текст строится на традиционных мотивах: описание обстоятельств получения плачеей вести о гибели мужа; ее горькие размышления о том, как она будет одна растить детей. Далее в текст вторгается мотив из «советского мифа»: рисуется образ Сталина как заботливого отца, пекущегося о всех семьях Советского Союза.

2. РПК. С. 203–205.

Записано Е. П. Родиной от Евдокии Павловны Копейкиной из с. Пудож Пудожского р-на Карельской АССР в мае 1939 г.

Причитание создано по поводу смерти в 1929 г. мужа исполнительницы, который скончался по дороге из Петрозаводска в Пудож. Тогда сложился основной остов плача, составленный из традиционных мотивов: описание того, как пришла нерадостная весть к плачее; разговор умирающего со Смертью – его просьба дать ему проститься с семьей; привоз покойного в пудожскую больницу и выражение горя исполнительницей по поводу того, что врачи делали вскрытие тела (ср. поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»); обращение к умершему, чтобы он научил, как жить и растить детей. Далее в тексте появляются мотивы, порожденные идеологией советского строя: муж отвечает плачее, что «теперь времечко советское» и она с детьми не будет обойдена вниманием властей; плачея направляет письмо «дорогому вождю Ленину» с просьбой, чтобы он дал ее детям «казенно содержаньице» и вывел их «в советску жизнь». В данном эпизоде образ Ленина становится фигурой заместителя, который берет на себя обязанности умершего мужа исполнительницы.

Последние 11 строк причета (с констатацией счастливой жизни исполнительницы и прославлением Сталина), по словам Е. П. Копейкиной, были ею приплаканы во время записи 1939 г.

3. *Рябинин-Андреев П. И.* Плач о брате, павшем в боях с белофиннами // На рубеже. 1940. № 10. С. 40.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, уроженца дер. Гарницы Заонежского р-на Карело-Финской ССР, в Петрозаводске в 1940 г. По-видимому, самозапись грамотного сказителя.

Причитание создано по поводу гибели в Советско-Финскую войну (1939, 30 ноября – 1940, 12 марта) Александра Ивановича Андреева, брата П. И. Рябинина-Андреева. Текст интересен тем, что являет собой довольно редкий пример плача в исполнении мужчины. Причитание в целом строится на традиционных мотивах: описание обстоятельств, при которых получена горькая весть; картина, рисующая убитого, лежащего в поле; горькие сетования на то, что родным не доведется увидеть могилу дорогого им человека. Новым мотивом, порожденным идеологией сталинского режима, стали заключительные строки плача «А ты честно положил свою головушку / За великого за Сталина, за родину».

ПЛАЧИ О ЛЕНИНЕ

Ленин (*Ульянов*) *Владимир Ильич* (1870–1924) – партийный и государственный деятель. Родился в семье педагога. В 1879–1887 гг. учился в Симбирской гимназии. В 1887 г. поступил в Казанский университет, откуда исключен в декабре того же года за участие в студенческих беспорядках. В 1891 г. сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета. Работал помощником присяжного поверенного в Самаре, где организовывал марксистские кружки. В 1893 г. переехал в Петербург и способствовал слиянию марксистских кружков в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Арестован 8 декабря

1895 г. В феврале 1897 г. выслан на три года в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии. После окончания срока ссылки в июле 1900 г. уехал за границу (Цюрих, Мюнхен, Лондон, Женева), где организовал издание газеты «Искра», сыгравшей значительную роль в консолидации революционного марксизма в России. Во время Первой русской революции в ноябре 1905 г. вернулся в Петербург. В декабре 1907 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1911 г. создал в Лонжюмо (под Парижем) школу для подготовки партийных кадров. С 1912 г. жил в Кракове. Вернулся в Петроград 3 (16) апреля 1917 г., выступив с так называемыми «Апрельскими тезисами» — планом перерастания буржуазной революции в социалистическую. В июле—августе 1917 г., когда был отдан приказ Временного правительства об аресте Ленина, скрывался под видом косаря-батрака на озере Разлив под Петроградом, затем выехал в Финляндию. В начале октября вернулся в Россию, возглавил руководство большевистским восстанием. 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Смольном на II Всероссийском съезде Советов был провозглашен переход власти в руки Советов и образовано правительство — Совет Народных Комиссаров, во главе которого встал Ленин. 30 августа 1918 г. был тяжело ранен членом партии эсеров Ф. Каплан. С мая 1922 г. тяжело заболел; с мая 1923 г. жил в Горках под Москвой. Скончался 21 января 1924 г.; 23 января гроб с телом Ленина перевезен в Москву и установлен для прощания в Колонном зале Дома Советов; 27 января похоронен на Красной площади во временном мавзолее.

4. *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой» по Ленине // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. 3—4. С. 53—64.

Записано Н. Хандзинским от Катерины Перетолчиной из с. Кимильтей Иркутской губ. в конце ноября 1924 г. Запись сделана в Иркутске, где исполнительница жила в прислугах в состоятельной семье. В публикации Н. Хандзинского дана также нотная запись плача, сделанная В. В. Макеевым.

Причитание не спровоцировано собирателем; оно было сочинено деревенскими комсомольцами, носителями фольклорной традиции, по собственному почину в день, когда до их деревни дошла весть о смерти Ленина. Основной мотив текста: создание образа заместителя Ленина — Л. Д. Троцкого.

Троцкий (*Бронштейн*) *Лев Давыдович* (1879—1940) — партийный и государственный деятель. В революционном движении с юности; находился в эмиграции. После Октябрьского переворота — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Революционного Военного Совета. Сыграл большую роль в создании регулярной Красной Армии. Неоднократно выступал против ленинской позиции по разным вопросам партийного и государственного строительства. В 1918 г. был активным противником Брестского мира. Выдвинул тезис о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране; выступал за экспортирование мировой революции в другие страны. В 1920—1921 гг. возглавил оппозицию в так называемой «профсоюзной» дискуссии, выступая за огосударствление профсоюзов (ленинский тезис противоположен: «профсоюзы — школа коммунизма»). На десятом съезде партии (март 1921 г.) взгляды Л. Д. Троцкого были подвергнуты критике. В 1923 г. выступил за свободу фракций и группировок внутри партии; многие партийные организации на местах поддержали Л. Д. Троцкого, и имя его

в этот период было весьма популярно у ортодоксальных сторонников советской власти. В это время Л. Д. Троцкий был одним из реальных претендентов на верховную власть в Советском государстве. В декабре 1927 г. перевес в борьбе за власть оказался на стороне И. В. Сталина, и Л. Д. Троцкий на XV съезде был исключен из партии; в 1928 г. – из Коммунистического Интернационала. В 1929 г. выслан из СССР. Убит в 1940 г. в Мексике по приказу Сталина.

Подробнее характеристику данного причитания см. во вступительной статье.

5. ТН СССР. С. 65–67.

Записано от Т. А. Долгушевой из колхоза «Красная звездочка» Шурлинского р-на Кировской обл. в январе 1937 г.

В плаче наличествуют традиционные для голошений мотивы: синее море, переполненное от слез; желание плачеи превратиться в птицу, чтобы полететь к умершему. Однако основное содержание переключает этот текст из жанра причитаний в жанр сказов. Важным для исполнительницы становится мотив счастливой жизни советского народа и образ Сталина как заместителя Ленина.

6. Студенческие записки филологического факультета: Специальный номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка / Ленингр. гос. ун-т; Отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937. С. 1–3. Репубикации: Песни и сказки на Онежском заводе / [Сост. А. Д. Соймонов]. Петрозаводск, 1937. С. 44–46; СПЛ. С. 21–23; Громов, Чистов. С. 93–94; НТ КФ ССР. С. 17–18; РПК. С. 274–275.

Записано Л. Громовым и В. Чистовым от Анастасии Степановны Уконен в Петрозаводске летом 1937 г.

Публикации в «Студенческих записках» и в «Песнях и сказках на Онежском заводе» почти полностью идентичны. Большинство разночтений носят, по-видимому, случайный характер: в сборнике «Песни и сказки на Онежском заводе» в ст. 3 добавлено слово «своей»; пропущены ст. 11, 22. Остальные разноречия – фонетические.

Репубикация в статье Л. Громова и В. Чистова также почти полностью идентична тексту из «Студенческих записок». Единственное существенное разночтение имеется в ст. 22: здесь явно ошибочное слово «кукушка» (опечатка в «Студенческих записках»?) изменено на «думушка».

В сборнике «Сказы и плачи о Ленине» сказано, что там текст печатался с сокращениями (с. 55). Действительно, здесь отсутствуют ст. 1–5, 21, 28–29, 33–35. В ст. 8 вместо «придет к тебе смеретушка» дано «придет к Ильичу смеретушка»; в ст. 9 вместо «пришла тебе судьбинушка» – «пришла ему судьбинушка». Эти исправления, как и снятие ст. 1–5, снимают личностное, интимное отношение плакальщицы к своему персонажу и переводят их на более официальный уровень. В «Сказах и плачах о Ленине» также вместо ст. 28–29 «Полагал свою жизнь / За своих любимых товарищей» введена (сочинена редактором?) строка «За свой любимый народ»; вместо ст. 53 «Для хороших работников» введено «Для народов всей Россиюшки». Наличествуют и другие мелкие изменения текста.

В сборнике «Русские плачи Карелии» текст печатался по публикации в «Сказах и плачах о Ленине». Текстовые разночтения незначительны и не носят идеологического характера: это фонетические различия и слу-

чайные пропуски слов (см. ст. 5, 26, 27, 39 – по нумерации стихов названных изданий).

Текст в сборнике «Народное творчество Карело-Финской ССР» почти полностью идентичен публикации в «Студенческих записках». Здесь пропущены только ст. 21 и ст. 34–36. Скорее всего это целенаправленная правка составителя сборника, снявшего ст. 21 из-за слова «келики» («келии») – реалия религиозно-монастырского мира. В ст. 34–36 составителю, вероятно, не понравилось выражение «нервы тяжелые».

Очевидно, что причитание спровоцировано собирателями, предложившими исполнительнице, владевшей причетной традицией, тему голошения – смерть Ленина, скончавшегося за 13 лет до записи. Традиционные мотивы, характерные для причетной традиции, в данном тексте отсутствуют. Причет построен как изложение биографии Ленина; фигуры его заместителя здесь нет.

7. Каменна Москва вся проплакала / Зап. от М. С. Крюковой // Правда. 1937. 9 сент. № 249. Републикации: ТН СССР. С. 52–55; Литературная газета. 1938. 20 янв. № 4; СПЛ. С. 15–20.

Записано от Крюковой Марфы Семеновны из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Северной (в дальнейшем: Архангельской) обл. в 1937 г.

А. Колотилова, записывавшая от М. С. Крюковой традиционные былины в 1934 г., писала о плаче «Каменна Москва вся проплакала» следующее: «Спустя три года после первой встречи и совместной работы мне пришлось по поручению "Правды" проводить с Марфой Семеновной подготовительную работу к созданию первых советских былин. В 1937 г. были написаны первые советские сказы: "Каменна Москва вся проплакала" – на смерть Владимира Ильича и "Слава Сталину будет вечная"» (*Колотилова А.* Замечательный самородок, прекрасный человек // Правда Севера. 1940. 24 марта. № 69).

При перепечатках сознательной правке текст не подвергался; разночтения незначительны.

Вначале причитание строится на традиционных мотивах: приход из Горок нерадостной вести о смерти Ленина; размышления плакальщицы о том, куда, в какую путь-дороженьку он отправляется; описание Ленина, лежащего в мавзолее, – ничем его не разбудить. Однако эти мотивы претерпели определенную трансформацию. Так, вместо традиционного обращения к самому покойному («ты», «тебя») в тексте наличествуют объективированные формы: «Он куда у нас да отправляется?» и др. Во второй половине плача развиваются мотивы советского плача: даются элементы биографии усопшего, который «за весь народ страдал»; рисуется образ его «славного друга» Сталина.

Текст насыщен газетными штампами тридцатых годов: «дорогой товарищ Ленин» (ст. 24); «великий вождь» (ст. 23, 51); «спокойно спи, дорогой Ильич» (ст. 76); «вождь всенародный» (ст. 123) и др.

8. Громов, Чистов. С. 96–97. См. следующий текст.

Записано В. Чистовым и А. Соймоновым от Феклы Ивановны Быковой из с. Сорока Сорокского р-на Карельской АССР в 1937 г.

Текст построен на противопоставлении старой и новой жизни. Здесь упомянуты император Николай II (1868–1918) и фаворит последнего царского двора Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1864 или 1865–1916).

Из крестьян Тобольской губернии. Прославился как «святой старец» и «прорицатель». С 1904 г. оказался вхож в высшие круги петербургской аристократии; с 1907 г. — в царский дворец. Оказывал медицинскую помощь больному гемофилией наследнику престола цесаревичу Алексею. Вмешивался в политические и военные дела. Убит заговорщиками-монархистами (Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич, вел. кн. Дмитрий Павлович) в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.

9. СПЛ. С. 39—41; РПК. С. 258—259. См. предыдущий текст.

Записано В. Чистовым и А. Соймоновым от Феклы Ивановны Быковой из с. Сорока Сорокского р-на Карельской АССР в августе 1937 г.

В сборнике «Сказы и плачи о Ленине» сказано: «Печатается в незначительной переработке» (с. 56). Эту фразу можно понимать так, что текст редактировался собирателями. Однако значительные (и весьма значительные) разночтения с предыдущей записью (см. текст № 8) заставляют предположить, что перед нами самостоятельный вариант.

В сборнике «Русские плачи Карелии» (по сравнению с СПЛ) редактором М. М. Михайловым вносилась незначительная правка. Так, в ст. 19 «Работали отцы и деды наши» слово «деды» было заменено на «дети»; в ст. 41, по-видимому, по недосмотру глагол «нападали» заменен на «напали». Можно отметить также фонетическую правку, направленную на усиление диалектных форм: «проклятым» → «проклятыим» (ст. 20); «одетые» → «одетыя» (ст. 33).

Текст строится на традиционных мотивах (упрек умершему, на кого он покинул семью; здесь: «Куда он нас бросил да и покинул / Всю славную Россию матушку?») и на мотивах, санкционированных советской идеологией: противопоставление тяжелой жизни крестьянства при царе и зажиточной, процветающей жизни при советской власти; прорисовка образа заместителя покойного — Сталина. Причитание наполнено газетными штампами тридцатых годов: «наш любимый Иосиф Виссарионович» (ст. 37); «великий Иосиф Виссарионович» (ст. 44); «продажные изменники» (ст. 40); «великая родина» (ст. 41) и др.

10. Громов, Чистов. С. 94—96. Републикации: СПЛ. С. 24—27; РПК. С. 256—257. Вариант: НТ КФ ССР. С. 14—16.

Записано Г. Париловой и А. Соймоновым от Анисьи Васильевны Ватчиевой из дер. Март-Наволок Кончезерского сельского совета Петровского р-на Карельской АССР летом 1937 г. Вариант записан В. Чистовым в 1938 г.

В сборнике «Сказы и плачи о Ленине» в примечаниях сказано: «Печатается с незначительными сокращениями» (с. 55). Действительно, текст в СПЛ отличается от публикации Громова и Чистова. Так, ст. 11—18 здесь звучат следующим образом:

И как теперечко и нынечко,
Будя встретила тебя скорая непосильная смеретушка.
Передал ты свою работу любимому товарищу Сталину.
Не забросит он нас многих рабочих-тружеников
Врагам да неверным,
Чтобы не отняли от нас больших полюшек хлебородных
И лугошек зеленых колхозных.
И как у нас по частым маленьким деревенькам
Есть устроено культурная жирушка веселая.

Ст. 28–29 «С ростом возрастом не сполнявши, / С умом разумом не собравши» сняты в сборнике СПЛ, по-видимому, как могущие снизить образ Ленина. Внутри длинных стихов 47–49 произошли внутристиховые сокращения:

И потерпела твоя молодецкая разудалая головушка
Эту тяжелую, трудную жирушку.
И так загубил ты свое любимое, драгоценное
здоровьишко.

Ст. 61–62 также в данной публикации сняты. Ст. 67–68 здесь звучат как «Приоставивши своего любимого товарища Сталина, / Приоставивши ты много заботушки в головушки».

В «Русских плачах Карелии» по сравнению с публикацией в «Сказах и плачах о Ленине» текст подвергся значительной фонетической правке, направленной на снятие диалектных форм: «к трудное ко тяжелое постелюшке» → «к трудной ко тяжелой постелюшке» (ст. 3); «не от легкие жирушки прохладное, / не от веселое гуляньице» → «не от легкой жирушки прохладной, / не от веселого гуляньица» (ст. 9–10); «белыя» → «белой» (ст. 52) и др.

Вариант, записанный В. Чистовым в 1938 г. (НТ КФ ССР. С. 14–16), очень незначительно отличается от текста, записанного Г. Париловой и А. Соймоновым. По сравнению с публикацией СПЛ несущественные разночтения имеются в ст. 8, 12, 14, 16–17, 20, 46, 48, 57, 59, 64. Этот факт заставляет предположить, что сказительница, исполняя плач повторно, имела текст своего произведения перед глазами.

Текст строится на мотивах, санкционированных идеологией советской власти: печаль вопленницы по поводу смерти Ленина; биография вождя; образ его заместителя Сталина. В изложении биографии обращает на себя внимание стремление сказительницы «окрестьянить» фигуру Ленина. Так, в биографию вносится мотив отправки героя родителями на «чужую дальнюю сторонушку» (по-видимому, в работники) (ст. 27–32), что не находит соответствия в реальной жизни Ленина.

11. СПЛ. С. 28–31. Републикации: РПК. С. 270–271. Варианты: Громов, Чистов. С. 97–99; НТ КФ ССР. С. 9–10.

Записано Л. Громовым и В. Чистовым от Анны Николаевны Корешковой (в сборнике «Сказы и плачи о Ленине» ошибочно: Котешкова) из дер. Сиверская Песчанского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в 1937 г. В НТ КФ ССР сказано: «Повторная запись 1938 г.».

В сборнике «Сказы и плачи о Ленине» в примечаниях сказано: «Печатается с незначительными сокращениями» (с. 55). В «Русских плачах Карелии» текст подвергся значительной фонетической правке, направленной на усиление диалектных форм: «заложечки» → «заложецки» (ст. 21): «ночка» → «ноцка» (ст. 29); «к личику» → «к лицку» (ст. 75) и т. д.

Вариант НТ КФ ССР практически ничем не отличается от первой по времени записи. Самое значимое разночтение здесь заключается в том, что после ст. 70 в данном тексте имеется еще два стиха: «В городочки незнакомые, / Да и в прозваньица тяжелые».

Вариант Громова и Чистова также в основном совпадает строка в строку, однако здесь есть и значимые разночтения с записью, опубликованной в СПЛ. Так, после ст. 3 здесь дано:

Что потеряли потеряшечку,
Да обронили оброняшечку,
Да оброняшечку немаленьку.

Образ пьяного мужа дан также несколько иначе:

Мы стрецяли мужа пьяного,
Мужа пьяного-дирямого,
Он придет все матюгается.

Наличествуют в тексте и иные разночтения. Тем не менее, повторяем еще раз, все три разновременных варианта (СПЛ; Громов, Чистов; НТ КФ ССР) очень близки друг к другу. Этот факт заставляет предположить, что сказительница при каждом повторном исполнении имела перед глазами написанный (напечатанный?) текст первоначального варианта, благодаря чему текст стабилизировался.

Текст причитания только в начале (ст. 1–9) и в конце (ст. 64–84) касается образа Ленина. Здесь исполнительница использует традиционный для плачей мотив желания превратиться в птицу, чтобы навестить умершего. Основное содержание причета – противопоставление положения женщины в царской и советской России.

12. СПЛ. С. 42–47. Републикация: РПК. С. 276–277. См. следующий текст.

Записано Л. Громовым и В. Чистовым от Евдокии Павловны Копейкиной из с. Пудож Пудожского р-на Карельской АССР в 1937 г.

В сборнике «Сказы и плачи о Ленине» в примечаниях сказано: «Печатается с сокращениями» (с. 56). В «Русских плачах Карелии» текст подвергся значительной фонетической правке, направленной на снятие диалектных форм: «на резвыи на ноженьки» → «на резвые на ноженьки» (ст. 25); «она в лесу не заблудилосе» → «...заблудилася» (ст. 50); «витъ» → «ведь» (ст. 72) и т. д.

Текст построен на традиционных мотивах: бужение покойного; картина, в которой рисуется явление Смерти, забравшей умершего; обращение к вдове с наказом построить для покойного «новую горенку»; строительство лодки, на которой можно поехать к покойному; образ «злых людюшек», которые загубили Ленина, и др. В целом текст на протяжении ст. 1–112 достаточно традиционен, и лишь в конце причитания возникает картина счастливой жизни при советской власти. Мотив «заместителя» (Сталина) в данном плаче отсутствует.

13. Громов, Чистов. С. 90–93. Предшествующая публикация: НТ КФ ССР. С. 25–28. См. предыдущий текст.

Записано Л. Громовым от Евдокии Павловны Копейкиной из с. Пудож Пудожского р-на Карельской АССР.

В оглавлении сборника НТ КФ ССР, которое одновременно является кратким комментарием, сказано: «Повторная запись В. Чистова. Незначительно отличается от первой». Отличия действительно имеются. Так, после ст. 14 (по тексту № 12) здесь даны стихи:

Уж как были люди смелыи,
Уж как разрезать груди белыи,
Уж поглядеть да во твои грудя –
Уж что за боль да во твоих грудях.

После ст. 37:

Уж как так нигде не водится,
Уж как с мертва живы не родятся.

Имеются и другие разночтения, в результате чего первоначальный вариант имеет 131 стих, а повторный – 147.

Текст в НТ КФ ССР имеет ряд разночтений с публикацией Л. Громова и В. Чистова, тем не менее это скорее всего литературная редакция именно этой записи.

Две разновременные записи (тексты № 12 и 13) в целом очень близки друг к другу. Можно предположить, что сказительница имела в своем распоряжении текст плача в записанном виде.

14. СПЛ. С. 48–49.

Записано Г. Нефедовым от Лукерьи Васильевны Андрияновой из Пудожского р-на Карельской АССР в 1937 г.

В примечаниях к сборнику сказано: «Печатается с сокращениями» (с. 56).

Текст строится на традиционном мотиве бужения усопшего. Далее рисуется образ «дорогого нашего батюшки Сталина Иосифа Виссарионовича» (ст. 28–29), то есть заместителя умершего. Завершается текст традиционной для «советского мифа» благодарностью «Сталину-батюшке» за счастливую жизнь.

15. СПЛ. С. 50–53. Варианты: РПК. С. 249–251; По твоим заветам / Записано от А. М. Пашковой в Пудожском р-не КАССР // Правда. 1939. 21 янв. № 21. Републикация: НТ КФ ССР. С. 3–5.

Вариант СПЛ записан А. Н. Антиповой от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., в 1938 г. Запись сделана в Петрозаводске. Вариант РПК записан М. М. Михайловым в 1938 г. Собиратель в варианте из газ. «Правда» не назван. Публикация в НТ КФ ССР абсолютно идентична газетному тексту.

Очевидно, что текст причитания спровоцирован собирателем, напомнившим исполнительнице, что в январе 1938 г. исполнялось 14 лет со дня кончины Ленина (см. в причети: «Прошло четырнадцать ли годиков, / Как не стало у нас Ленина» – ст. 8–9).

Варианты в записи А. Н. Антиповой и М. М. Михайлова необычайно близки друг к другу. Тексты плача совпадают строка в строку и лишь в нескольких случаях мы можем отметить существенные расхождения по стихам. Так, ст. 9–10 у М. М. Михайлова звучит следующим образом: «У товарища у Ленина / Душа с телом расставалася, / Очи ясны с белым светом»; ст. 32–33: «Ленин со Сталиным / Не братья были родные, / А таланты были ровные». После ст. 52 у М. М. Михайлова добавился стих

«Едят кашу с одного котла». Наличествуют и другие, более мелкие, разночтения.

Назовем наиболее существенные разночтения в варианте из газ. «Правда» (= НТ КФ ССР). Ст. 10 дан следующим образом: «Кабы мне найти бы крылышки, / Одни крылышки орлиные»; ст. 26–27: пропущены; ст. 57–58: «Как еще скажу я ласково / Как товарищу я Ленину»; ст. 65–66: «Как еще скажу я Ленину, / Ильичу скажу родимому».

Вероятнее всего, сказительница имела в своем распоряжении написанный текст плача, который и исполняла разным собирателям, минимально варьируя его.

Текст строится на традиционных и на новых, идеологически санкционированных, мотивах. К традиционным относится мотив желания плачеи иметь крылья, чтобы полететь к умершему. Подробно и художественно выразительно проработана картина счастливой жизни при советской власти. Во второй половине причитания исполнительница сосредоточивается на фигуре «заместителя» – Сталина. Текст причитания насыщен газетными штампами тридцатых годов: «поля цветут колхозные» (ст. 38); «ленинская дороженька (дорога)» (ст. 70); «дороженька (дорога) светлая, широкая» (ст. 76–77); «родная наша партия» (ст. 79) и др.

16. РПК. С. 263–265.

Записано О. Г. Большаковой от Евдокии Алексеевны Кокуновой из дер. Колово Коловского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в феврале 1938 г.

Текст строится на традиционных и новых мотивах. К традиционным относится образ покойного, у которого нет в груди «дыханьица», «во рученьках маханьица», и один из основополагающих мотивов традиционных похоронных причитаний – образ дороги, по которой никто не возвращается. Основное содержание причитания – противопоставление жизни до революции и при советской власти. Как заслуга новой власти называется всеобщее школьное образование; доступность медицинского обслуживания; ослабление семейного гнета. Мотив «заместителя» (Сталина) в причитании отсутствует.

17. Киров. С. 27–29. Републикация: РПК. С. 254–255.

Записано М. М. Михайловым от Анисьи Васильевны Ватчиевой из дер. Март-Наволок Кончезерского сельского совета Петровского р-на Карельской АССР в июле 1938 г.

Тексты двух публикаций различаются в некоторых деталях. Так, в сборнике «Русские плачи Карелии» после ст. 38 добавлены стихи «А как нонечко, топеречко / Здесь нам счастливая жирушка веселая, / Нашим детушкам учёбушка ученая»; после ст. 45 даны еще строки «И так стретила вас скорая непосильная смеретушка, / Призакрыли вы ясные оченьки, / И раньше этой счастливой жирушки веселоей».

В плаче довольно значительное место занимают традиционные для похоронных причитаний мотивы: желание плачеи превратиться в птичку, чтобы навестить умершего; бужение умершего; образ покойного, лишенного способности двигаться и говорить. Необычным для причитаний советской тематики является обращенность текста к двум персонажам – Ленину и Кирову (о С. М. Кирове см. с. 909–910). В данном плаче полу-

чил развитие мотив злодеев, погубивших руководителей советского государства. Мотив «заместителя» (Сталина) — отсутствует. Текст насыщен газетными штампами тридцатых годов: «злодейская рука» (ст. 43); «любимые вожди» (ст. 55, 66) и др.

18. РПК. С. 261–262.

Записано М. М. Михайловым от Александры Тимофеевны Конашковой в Петрозаводске в сентябре 1938 г.

Текст явно спровоцирован собирателем. Первую половину причитания исполнительница строит на традиционных мотивах, используя, в нарушение логики, привычные ей формулы голошений, звучащих, когда покойный еще не похоронен: «Уж как сегодняшним денечком <...> получили мы весть печальную». Из других мотивов звучит идеологически санкционированное противопоставление старой и новой жизни; рисуется образ «дорогого вождя Сталина». Причитание насыщено газетными штампами тридцатых годов: «трудящиеся граждане» (ст. 17); «пролетарии» (ст. 23); «Советский народ» (ст. 22); «всенародный вождь» (ст. 24); «мудрый, умный родной Сталин» (ст. 54); «дорогой вождь Сталин» (ст. 64) и др.

19. Громов, Чистов. С. 99–102. Републикации: СПЛ. С. 32–38; НТ КФ ССР. С. 21–24; РПК. С. 266–269.

Записано Л. Громовым и В. Чистовым от Матрены Филатовны Павковой из Авдеевского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в 1937 г.

Републикации плача в некоторых деталях значительно разнятся с публикацией Громова и Чистова. Так, первые семь строк в сборнике «Сказы и плачи о Ленине» даны в следующем виде:

Ох-ти я бедна горюшица,
И в те прежние денечки
Я сидела, многобедная,
У косивчата окошечка,
Все просила бога-господа,
А не знала людей добрых,
Помогателей хороших,
Ни Ленина, ни Сталина.

Стих 18 в СПЛ звучит как «А как после революции», что гораздо логичнее, чем «А по сегодняшнему денецку», хотя и не соответствует стилю голошений. Стих 29, где наличествует диалектное слово «буевка» (могила), здесь пропущен, видимо, для того, чтобы сделать текст более легким для восприятия. Стиху 57 «Не живал-то он, Володюшка» придан официальный тон — «Не живал-то он, Владимир Ильич». Официальная интонация избрана и для ст. 67: здесь вместо «Пресрекали Володю люди зверьские» дано «Стерегли Ленина люди зверские». Тот же характер имеет правка в ст. 69: вместо «Буйну голову Володе Ленину» — «Буйну голову товарищу Ленину». Литературная форма «сидел да за решетками» введена в ст. 60 вместо «А во тюрьмах сидел да страховитыих». Стихи 71–80 в сборнике СПЛ пропущены. Отмечается и ряд других разночтений.

Републикации в НТ КФ ССР и в РПК в основном следуют за текстом СПЛ. Однако и здесь имеются следы некоторой правки. В сборнике «Русские плачи Карелии» отмечается усиление диалектных черт сказительской речи. Так, повсеместно проведено цоканье: «денечки» → «денецки»; «косивчата окошечка» → «косивцата окошецка»; «печалило» → «пецалило» и т. д. Идеологически значимых изменений в текст не внесено.

Произведение строится из нескольких частей. Первая часть – лирический плач-жалоба исполнительницы на свою тяжелую жизнь до революции (и тут же рисуется картина счастливой жизни при советской власти). Вторая часть, эпическая по своему характеру, – это повествование о Ленине. В тексте обозначены основные вехи биографии Ленина: его детские годы в «небогатой семеюшке»; агитация за «жизнь свободную»; арест и сидение в тюрьме; революция и установление советской власти. В третьей части сказительница опять переключается на лирический лад и рассуждает об изменении положения женщины при советской власти. По-видимому, этот мотив порожден ее собственной биографией: М. Ф. Павкова после революции была делегаткой женотдела и участвовала в работе Пудожского районного съезда женщин и Всекарельского съезда в Петрозаводске. В четвертой части повествование опять становится эпическим по духу. Рисуется образ Смерти, которая пришла к Ленину. Заканчивается сказ портретом Иосифа Виссарионовича и его славословием.

В произведении наличествует газетная лексика тридцатых годов: «политграмотка» (ст. 45); «власть советская» (ст. 165); «забитые женщины» (ст. 167) и др.

20. РПК. С. 260.

Записано М. М. Михайловым от Феклы Ивановны Быковой из с. Сорока Сорокского р-на Карельской АССР в январе 1939 г.

Текст спровоцирован собирателем, напомнившим исполнительнице о том, что в январе 1939 г. исполнялось пятнадцать лет со дня смерти Ленина. Причитание строится на традиционном мотиве «бужения» умершего и на мотивах, характерных для плачей советского времени: счастливая жизнь при новой власти; образ Сталина. Детально разработанным оказывается еще один мотив – «если кто нападет на нашу родину, мы дадим отпор». Текст насыщен лексикой тридцатых годов: «дело твое не умрет» (ст. 22); «заветы исполнены» (ст. 26); «дадим отпор» (ст. 29) и др.

21. РПК. С. 252–253.

Записано М. М. Михайловым от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., в январе 1939 г. Запись сделана в Петрозаводске.

Очевидно, что текст причитания спровоцирован собирателем, напомнившим исполнительнице, что в январе 1939 г. исполнялось пятнадцать лет со дня кончины Ленина («пятнадцать лет живем без Ленина» – ст. 31). По сравнению с другим причитанием А. М. Пашковой о Ленине, где рисуется многосторонняя картина счастливой жизни при советской власти (колхозные поля цветут, дети учатся в школах, крестьянские женщины избираются в Верховный Совет, парни деревенские становятся летчиками, избы освещаются электричеством и т. д.) (см. № 15), в данном тексте исполнительница развивает тему положения женщины до революции и

при новой власти. Актуальным для сказительницы остается образ Сталина. Как примета времени, в тексте упоминается Испания (ст. 11), где в 1936–1938 гг. шла Гражданская война, в которой СССР помогал республиканской армии, боровшейся против режима Франко.

22. РПК. С. 272–273.

Записано М. М. Михайловым от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в августе 1939 г.

В примечаниях к сборнику «Русские плачи Карелии» указано, что «плач-сказ сложен в мавзолее Ленина при поездке в Москву на совещание сказителей» (с. 314). Мотив посещения мавзолея развивается сказительницей в ст. 1–24. Основное содержание плача – описание счастливой жизни при новой власти: «метро–дорожка подземельная»; трактора и машины на колхозных полях; детские ясли для крестьянских детей и т. д. В тексте наличествует газетная лексика тридцатых годов: «заветы у всех в сердцах остались» (ст. 78); «будем выполнять твои заветы» (ст. 80).

ПЛАЧИ О КИРОВЕ

Киров (*Костриков*) *Сергей Миронович* (1886–1934) – партийный и государственный деятель. Родился в Вятской губернии; рано осиротел, воспитывался в детском приюте в Уржуме. В революционном движении – с начала XX в. Арестовывался в 1905, 1906, 1911 гг. Активный участник Гражданской войны. В 1925 г. после XIV съезда партии направлен в Ленинград для борьбы с троцкистско-зиновьевской группой. С 1926 г. – секретарь Ленинградского губкома партии. В 1930 г. на XVI съезде выступил против лидеров правой оппозиции, поддержав Сталина. С 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б); с 1934 г. – секретарь ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в Смольном Николаевым.

Существует несколько версий его гибели. По официальным сообщениям, Киров застрелен «по прямому заданию врагов народа – Троцкого, Зиновьева и Каменева» (Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 21. С. 113). Газета «Правда» 2 декабря 1934 г. писала: «1 декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ Киров... От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества. Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу». Вокруг образа Кирова после его смерти стала твориться легенда о нем как о «любимце партии».

По второй версии, получившей широкое хождение после смерти Сталина, Киров был убит по его приказу. Испугавшись популярности Кирова среди членов партии, особенно ярко проявившейся на XVII съезде (1934), Сталин убрал противника. Согласно третьей версии, причины

покушения на Кирова были чисто бытовыми: Николаев приревновал его к своей жене (см.: *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 59–64).

Плачи о Кирове были записаны только в 1938 г., то есть четыре года спустя после его гибели, что, безусловно, свидетельствует о том, что все тексты были спровоцированы самими собирателями.

23. Киров. С. 17–19. Републикация: РПК. С. 285–286.

Записано Белововой от Пелагеи Назарьевны Денисовой из дер. Семеновой Пудожского р-на Карельской АССР в июле 1938 г.

Тексты в разных публикациях имеют некоторые отличия. Так, в сборнике «Русские плачи Карелии» ст. 15 звучит как «Ты пойдем-ка в Кремль да белокаменный»; ст. 41 – «Как цветет-растет страна советская»; в ст. 43 пропущена частица «да»; после ст. 49 добавлены две строки «Погубил он тебя из зависти / Ко словам, делам твоим правдивым».

Плач строится на традиционном мотиве «бужения» умершего: сказительница приглашает его встать, чтобы увидеть, как счастливо живется с «любимым вождем Сталиным».

24. Киров. С. 20–24. См. следующий текст.

Записано В. Чистовым (?) от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в 1938 г. Запись сделана в поселке имени 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

Плачи № 24 и 25 представляют собой разные варианты причитания, записанные от одной и той же исполнительницы. Основные различия – в начале текста: в плаче № 20 вступление дано в 8 стихах; в плаче 21 оно развернуто в 28 стихах, содержание которых полностью вписывается в причетную традицию русского народа. Текст № 24 завершается ст. 124–126, которых нет во втором тексте. Основная же часть обоих плачей (биография С. М. Кирова и описание дореволюционной жизни самой исполнительницы) совпадает практически строка в строку – с небольшими вариациями внутри стихов.

25. РПК. С. 279–282. См. предыдущий текст.

Записано М. М. Михайловым от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в 1938 г. Запись сделана в поселке имени 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

В сборнике «Русские плачи Карелии» рисуется следующая картина исполнения Е. С. Журавлевой плача о Кирове у себя в доме: «Присутствующие соседи, мужчины и женщины, увлеченные поэтической силой и скорбным мотивом причета, плакали вместе с вопленицей. Необычайным казалось, как потом рассказывала присутствующая при этом девушка, соседка вопленицы, что старые, бородатые мужчины поминутно выгирали слезы, катившиеся по их морщинистым щекам» (РПК. С. 41).

Причитание начинается с традиционных мотивов: сяду у окна и вспомню о покойном; обращение к земле с просьбой раскрыться, чтобы пого-

ворить с покойным. Далее исполнительница излагает биографию Кирова, причем в самом тексте плача есть указание на то, что она знакомилась с жизнью этого советского вождя по книжным источникам: «Прочитала я, беднушка, / Скоропищатую грамотку / Про твое житье я, беднушка» (ст. 30–32). В жизнеописании Кирова делается акцент на его сиротском детстве и на трагической гибели. Далее звучит мотив клятвы следовать заветам Кирова – «памятить твою программу молодецкую» (ст. 86–87). Важное место в причитании занимает автобиографическое начало, где Е. С. Журавлева, обращаясь к Кирову, в форме плача рассказывает о своей тяжелой жизни. Эта часть причета традиционна для похоронно-поминальной устной поэзии. Завершается текст мотивом, характерным для жанра советских плачей-сказов: рисуется картина новой светлой жизни и благодарность Кирову за это.

26. РПК. С. 283–284.

Записано Е. П. Родиной от Анисьи Васильевны Ватчиевой из дер. Март-Наволок Кончезерского сельского совета Петровского р-на Карельской АССР в 1938 г.

В тексте нет ни одного традиционного для причитаний мотива; по своим жанровым характеристикам это не столько плач, сколько сказ. Содержание текста – убийство Кирова в «месяц декабрь и число первое невеселое» (ст. 14–15) и описание реакции семьи плачеи на это событие. Развитым является мотив врагов, угрожающих советской власти. Текст насыщен газетными штампами тридцатых годов: «любимые вожди Ленин, Сталин, Киров» (ст. 2–3); «дорогая власть советская» (ст. 66); «коммунистическая партия большевиков» (ст. 71); «наши любимые коммунисты-большевики» (ст. 76) и др.

В автобиографии, опубликованной в сборнике «Русские плачи Карелии», А. В. Ватчиева упомянула о том, как она узнала об убийстве Кирова: «Прибежала Елькина, член партии. Она по деревне работала. "Что у нас сделалось-то!" Мы все перепугались. Витя, старший сын, спросил: "Да что такое случилось?" – "Кирова у нас не стало". И так горько стало, что вся семья расплакалась» (РПК. С. 183). Таким образом, картина, нарисованная исполнительницей в своем плаче, о том, как она при вести о гибели Кирова собрала «своих детушек» и поставила на стол портрет Кирова (ст. 40–44), в чем-то соответствует реальным событиям.

ПЛАЧ О ГОРЬКОМ

Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868–1936) – писатель. Родился в семье столяра-краснодеревщика. Рано потерял отца. В отрочестве работал посудомойщиком на волжском пароходе. В юности много путешествовал по Руси. До 1917 г. сочувствовал революционному движению и поддерживал партию большевиков. После Октябрьского переворота разошелся с большевиками; эмигрировал в Италию, но продолжал поддерживать тесные связи с Россией. В 1928 г. после настоятельных переговоров с советскими руководителями вернулся на родину. В 1932 г. с санкции Сталина страна широко отметила сорокалетие творческой деятельности М. Горького. В августе 1934 г. прошел Первый съезд советских писателей,

на котором Горький говорил о роли сказителей в народной культуре. Скончался 18 июня 1936 г.

Существует две основные версии его смерти. Согласно официальной, предложенной сталинским режимом, он был убит врагами советской власти. Во втором издании «Большой советской энциклопедии» говорится: «18 июня 1936 г. не стало Г. Его убили враги народа из право-троцкистской организации, агенты империалистов, против которых он мужественно боролся. Несколько ранее, в 1934, ими же был умерщвлен М. А. Пешков, сын Г.» (БСЭ. 2-е изд. М., [1952]. Т. 12. С. 259). Распространена также версия о том, что писатель был отравлен по приказу Сталина.

27. РПК. С. 300–302.

Записано М. М. Михайловым от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., в 1939 г. Запись сделана в г. Петрозаводске.

Текст, без сомнения, спровоцирован собирателем. В произведении нет ни одного традиционного для причитаний мотива; по своим жанровым характеристикам это скорее сказ, чем плач. Основное содержание текста – биография Горького, «друга верного Иосифа Сталина» (ст. 4) и его смерть, изложенные в соответствии с официальной версией сталинского режима. Акценты делаются на сиротском детстве писателя; на его хождении по «матушке Россеюшке» с целью узнать, как живется трудовому народу; на злодеях-убийцах, погубивших его сына; на его собственной смерти и расправе советской власти.с его убийцами. Текст насыщен газетными штампами тридцатых годов: «народ пролетарский» (ст. 5); «трудовой народ» (ст. 21); «царский гнет» (ст. 22); «наш советский писатель» (ст. 53); «суд пролетарский» (ст. 54) и др.

ПЛАЧ ОБ ЭКИПАЖЕ ЛЕВАНЕВСКОГО

Леваневский Сигизмунд Александрович (1902–1937) – летчик, Герой Советского Союза (20 апреля 1934; за спасение челюскинцев). Родился в семье польского рабочего. Участник Гражданской войны. В 1925 г. закончил Севастопольскую школу морских летчиков. С 1933 г. служил в Главсевморпути. В апреле 1934 г. участвовал в спасении лагеря челюскинцев (подробнее см. с. 949). В 1936 г. совершил перелет Лос-Анджелес (США) – Москва. 12 августа 1937 г. с экипажем в шесть человек вылетел из Москвы с задачей перелететь через Северный полюс в США; 13 августа связь с самолетом прервалась. Погиб в районе Северного полюса.

28. РПК. С. 303–304.

Записано Белобановой от С. В. Якушовой из дер. Семеново Пудожского р-на Карельской АССР в 1937 г. (?).

В тексте отсутствуют традиционные для причитаний мотивы. Основное содержание плача-сказа – рассказ о гибели «в окияне во Ледовитоем» (ст. 7) самолета и выражение уверенности в том, что семья погибшего будет не оставлена заботой советской власти. Текст насыщен газетными штампами тридцатых годов: «сокол» в значении «летчик» (ст. 4); «герои

славные» (ст. 19); «родина великая» (ст. 21); «страна советская» (ст. 22); «отец наш Сталин» (ст. 34); «герои летчики» (ст. 46) и др.

ПЛАЧ О ЭКИПАЖЕ ДИРИЖАБЛЯ «СССР – В-6»

5 февраля 1938 г. дирижабль «СССР – В-6» под командованием Н. С. Гудованцева, энтузиаста дирижаблестроения, вылетел из Москвы на спасение первой экспедиции на дрейфующей льдине (команда И. Д. Папанина; см. о нем с. 953). 6 февраля дирижабль разбился, врезавшись в скалу в районе Кандалакши. Из 18 членов экипажа 13 человек погибло, в том числе и командир Н. С. Гудованцев.

29. РПК. С. 307–308.

Записано О. Г. Большаковой от Евдокии Алексеевны Кокуновой из дер. Колово Коловского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в 1938 г.

В тексте отсутствуют традиционные для причитаний мотивы. Основное содержание плача-сказа – описание гибели дирижабля и славословие Сталину-батюшке, заботящемуся о всей стране вообще и об ученых людях, работающих на льдине. Текст насыщен лексикой тридцатых годов: «дирижабль» (ст. 11, 24); «командир» (ст. 29); «смелые моряки» (ст. 47); «ученые люди» (ст. 47) и др.

ПЛАЧИ О ЧКАЛОВЕ

Чкалов Валерий Павлович (1904–1938) – летчик, Герой Советского Союза (24 июля 1936 г.). В 1921 г. окончил Егорьевскую авиационную школу. Совершенствовался в летном мастерстве в других учебных заведениях. С 1930 г. летчик-испытатель научно-исследовательского института Военно-воздушных сил. Первый разработал и впервые осуществил новые фигуры высшего пилотажа. Испытал свыше семидесяти систем самолетов. Участвовал непосредственно в разработке новых типов самолетов. В июле 1936 г. экипаж в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова совершил беспосадочный перелет по маршруту Москва – Петропавловск-на-Камчатке – остров Удд. В июне 1937 г. в том же составе был осуществлен через Северный полюс перелет Москва – Ванкувер. Погиб 15 декабря 1938 г. при испытании самолета. По одной из версий, авиакатастрофа была подстроена.

Первые плачи-сказы о Чкалове были записаны через несколько дней после гибели летчика уже в декабре 1938 г. Это свидетельствует о том, что механизм идеологического мифотворчества к концу тридцатых годов сталинским режимом был уже полностью налажен и отработан.

30. РПК. С. 297.

Записано М. М. Михайловым от Александры Тимофеевны Конашковой в Петрозаводске в декабре 1938 г.

В причитании присутствует единственный традиционный мотив – получение плачеей вести о гибели Чкалова. Однако и этот мотив трансформирован в соответствии с реалиями времени: весть приносит не пти-

ца — она приходит по радио и из газет. В тексте дается развернутая картина того, как сказительница читает о подвигах Чкалова в газете. Сказ стремится к строгой документальности: «Как прошло число четырнадцать, / А на пятнадцатое декабря» (ст. 1–2). Текст наполнен лексикой тридцатых годов: «герой советский» (ст. 14); «депутат Верховного [Совета]» (ст. 15); «страна советская» (ст. 37) и др.

31. РПК. С. 291–294.

Записано Е. П. Родиной от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., в декабре 1938 г. Запись сделана в г. Петрозаводске.

Причитание построено на традиционных мотивах, характерных для похоронных голошений: явления природы, предвещающие гибель героя (волна в озере сходилася, вода с песком смутилася и т. д.); прилет вещей птички-радио с вестью о смерти Чкалова; персонифицированный образ Смерти. Далее текст развивается по законам советских плачей-сказов: приводится точная дата авиакатастрофы (ст. 35); дается характеристика деяний погибшего героя (перелет в Америку, рисуется картина гибели самолета — ст. 58–98). В последней части причета появляется образ «хрустального гроба», основой которого, скорее всего, является соответствующий сказочный мотив, соединенный с реальным образом мавзолея, где находится тело Ленина. В тексте наличествует лексика тридцатых годов: «радио советское» (ст. 26); «сталинский сокол» (ст. 55) и др.

32. РПК. С. 295–296.

Записано М. М. Михайловым от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в мае 1939 г. Запись сделана в поселке имени 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

В «Русских плачах Карелии» о данном плаче сказано следующее: «Сама Журавлева рассказывает, как однажды на пароходе по пути из Петрозаводска все находящиеся на палубе, знакомые и незнакомые, окружили ее и усиленно стали просить исполнить плач о Чкалове, который недавно кто-то из присутствующих слышал от нее. Слова плача потрясли до слез не только присутствующих женщин, но и группу военных, вышедших в это время из каюты» (РПК. С. 42).

Причитание построено на традиционных фольклорных мотивах, как характерных для похоронных голошений, так и сказочных. В начале текста развиваются причетные мотивы: явления природы (закатилось солнце, прогремела туча и т. д.) предвещают смерть героя; желание плачеи иметь крылья, чтобы полететь туда, где оплакиваемый принял смерть. Далее в плач вводится сказочный мотив бессмертной воды, которой исполнительница желала бы омыть погибшего (ст. 37–59). Заканчивается текст характерным для советских произведений прославлением героя.

33. *Ватчиева А.* Плач о Чкалове // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 21–22. См. следующий текст.

Записано от Анисьи Васильевны Ватчиевой из дер. Март-Наволок Кончезерского сельского совета Петровского р-на Карельской АССР в 1939 г. Собиратель не назван.

34. РПК. С. 298–299. См. предыдущий текст.

Записано от Анисьи Васильевны Ватчиевой из дер. Март-Наволок Кончезерского сельского совета Петровского р-на Карельской АССР в 1939 г. Собиратель не назван.

Две разновременные публикации надо рассматривать, по-видимому, как одну и ту же запись, подвергшуюся различной редактуре. Тексты совпадают дословно, строка в строку. Однако текст в сборнике «Русские плачи Карелии» более полный: в публикации альманаха «Карелия» отсутствуют ст. 7–8, 29, 39–60. Последний фрагмент весьма значим и характерен для советской причети: там рисуется образ «заместителей» погибшего Чкалова – «славные летчики», которых он научил летать.

В причитании отсутствуют традиционные мотивы. Основное содержание текста – перечисление деяний Чкалова: «Перелетывал свою родину, / Свою родину вдоль и поперек» (ст. 17–18); «Далеко летал да в Америку» (ст. 22); гибель летчика. Характерным для советских плачей-сказов является мотив «заместителей», оставшихся после смерти героя: «Научил ты много добрых молодцев, / Много славных ты летчиков» (ст. 41–42). В качестве приметы времени в тексте имеется упоминание самураев и фашистов (ст. 24). Характерно также приписывание всех героических деяний, совершающихся в стране, Сталину: Чкалов летал «по указу по великому, / По маршруту да по Сталина» (ст. 13–14); «А растил его, как миллион других, / Сталин наш родной и любимый нам» (ст. 27–28). Согласно творимому вокруг фигуры Сталина мифу о нем как об «отце-батюшке», в уста Сталина сказительница вкладывает следующие слова: «Но ценней у нас не машиночки, / Не машиночки, а человек живой» (ст. 33–34). Текст, как и предыдущие, насыщен лексикой тридцатых годов: «гордый сокол» (ст. 6); «страна наша расцветалася» (ст. 19); «сталинский сокол» (ст. 23); «страна наша социалистическая» (ст. 46); «бесстрашные соколы» (ст. 51) и др.

35. Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкаловск, 1940. С. 278–280.

Записано от Марии Васильевны Роботяговой из с. Ак-Булак Чкаловской обл. между декабрем 1938 и 1940 г.

Текст представляет собой характеристику Валерия Чкалова. Традиционные причетные мотивы здесь отсутствуют.

ПЛАЧ О ЛЕТЧИКАХ СЕРОВЕ И ОСИПЕНКО

Серов Анатолий Константинович (1910–1939) – военный летчик, Герой Советского Союза (2 марта 1938 г.), комбриг. Родился в семье рабочего в Верхотурском уезде Пермской губернии. С 1929 г. – в Красной Армии. В 1931 г. окончил школу летчиков. Служил в истребительной авиации; летчик-испытатель. Участвовал в Гражданской войне в Испании (1937–1938). С 1938 г. – начальник Главной летной инспекции Военно-воздушных сил Красной Армии. Муж известной актрисы Валентины Серовой, которой Константин Симонов посвятил знаменитое стихотворение «Жди меня». Погиб в авиакатастрофе 11 мая 1939 г.

Осипенко Полина Денисовна (1907–1939) – военная летчица, Герой Советского Союза (2 ноября 1938 г.), майор. Окончила Качинскую авиа-

ционную школу. Установила пять международных женских рекордов вместе с летчицами В. С. Гризодубовой и М. М. Расковой. Погибла 11 мая 1939 г. в авиакатастрофе вместе с А. К. Серовым.

Плач о Серове и Осипенко был создан через несколько недель после гибели летчиков уже в июне 1939 г., что еще раз подтверждает тот факт, что механизм идеологического мифотворчества к концу тридцатых годов был сталинским режимом уже отработан.

36. РПК. С. 305—306.

Записано Е. П. Родиной от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в июне 1939 г. Запись сделана в поселке имени 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

Текст причитания строится на переплетении традиционных и новых мотивов. Традиционные мотивы: вещая птица, приносящая известие о гибели героев; желание исполнительницы превратиться в птицу, чтобы полететь на могилы героев. Основное содержание плача-сказа — описание деяний героев и гибели их самолета; противопоставление старой и новой жизни, при которой сироты и семья не останутся без заботы «дорогого товарища Сталина». Весьма характерен также мотив «заместителей» погибших героев: «Как на ваши ерополанчики скоролетчаты / Сыновей я дам своих родимыих, / И дочерей я дам своих любимыих» (ст. 71—73).

ПЛАЧИ О КРУПСКОЙ

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — партийный и государственный деятель. В революционном движении с конца 1880-х гг. С 1927 г. — член ЦК ВКП(б); с 1929 г. — заместитель народного комиссара просвещения РСФСР, член Президиума Верховного Совета СССР. Жена В. И. Ленина. Скончалась 27 февраля 1939 г. Основной миф, творимый сталинской пропагандой вокруг фигуры Крупской, — «верная подруга Ленина» и «выдающийся педагог».

Первые плачи о Крупской были записаны уже в марте 1939 г. Без сомнения, они были инспирированы собирателями, давшими плакальщицам тему и снабдившими их необходимыми знаниями. Столь оперативное создание плачей-сказов о Крупской свидетельствует о том, что к концу тридцатых годов механизмы идеологического мифотворчества уже были отработаны и налажены сталинской пропагандистской машиной.

37. РПК. С. 289.

Записано М. М. Михайловым от Екатерины Семеновны Журавлевой, уроженки дер. Колтоноговская Семеновского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР, в марте 1939 г. Запись сделана в поселке имени 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

Текст строится по законам советских плачей-сказов: звучит позаимствованный из традиционной похоронной причети мотив о нерадостной вести; сообщается о смерти Крупской; далее развивается мотив с желанием плакальщицы иметь крылья, чтобы посмотреть на усопшую; завер-

шается все клятвой следовать по пути, намеченному покойной. В причитании в соответствии с выработанным каноном «советской причети» приводится точная дата смерти Крупской («В день двадцать седьмого февраля» – ст. 3). Текст перегружен газетными штампами тридцатых годов: «неутомимый большевик» (ст. 7); «перестало биться сердце большевистское» (ст. 9); «партийная работа (работушка)» (ст. 20); «отдала ты жизнь за дело Ленина и Сталина» (ст. 26); «дадим клятву идти по пути Ленина и Сталина» (ст. 26–27); «честь и слава о тебе у всех советских людей в сердцах останутся» (ст. 32–33) и др.

38. РПК. С. 287–288.

Записано М. М. Михайловым от Александры Тимофеевны Конашковой в Петрозаводске в марте 1939 г.

Как и предыдущий, текст строится по законам советских плачей-сказов: мотив сердца, предвещающего нерадостную весть; сообщение по радио о смерти Крупской; биография усопшей; клятва идти по завещанному ею пути. Текст насыщен лексикой тридцатых годов: «вождь великий» (ст. 11); «страна великая» (ст. 14); «борец за революцию» (ст. 19); «власть в руках трудящихся» (ст. 34–35); «гнет вековечный» (ст. 37) и др.

39. РПК. С. 290.

Записано М. М. Михайловым от М. Т. Мишаевой из дер. Теребовская Пудожского р-на Карельской АССР в 1939 г.

Краткий текст причитания строится на традиционном мотиве, в котором плакальщица обращается к окружающим не спешить уносить гроб. В данном тексте этот мотив трансформирован в соответствии с реалиями: «Не спешите <...> вы, герои советские, вы из зала из Колонного нести телушко» (ст. 1–4). Далее описываются похороны усопшей; завершается причеть картиной скорбящего народа: «Мы сидели у радио / Да слушали, / Слушали да горько плакали» (ст. 210–212).

ПЛАЧ О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941) – партизанка, Герой Советского Союза (16 февраля 1942 г.). В октябре 1941 г. добровольцем ушла в армию и стала бойцом диверсионного отряда, действовавшего в тылу врага. В конце ноября того же года была схвачена фашистами при выполнении боевого задания в деревне Петрищево. В плену назвалась Таней и не открыла своего имени. Казнена фашистами 29 ноября 1941 г. Ее мать, Любовь Тимофеевна Космодемьянская, написала повесть о своих детях. См.: *Космодемьянская Л. Т.* Повесть о Зое и Шуре. М., 1966.

40. *Чичаева Е. И.* Не забыть нам веки-повеки... Плач о Тане – Зое Космедемьянской. Красноярск, 1942. Републикация: То же. Иркутск, 1943.

Записано А. В. Гуревичем от Екатерины Ионовны Чичаевой из дер. Заледеево Красноярского края в 1942 г.

В плаче наличествует лирическое начало (личностное обращение сказительницы к оплакиваемой Зое / Тане). Однако в целом это произведе-

ние эпического характера, повествующее о гибели героини. Фольклорные топосы, типичные для голошений, здесь отсутствуют.

СКАЗЫ

1 (41). *Голубкова М. Р.* Мы пошли в поход на кулацкий род / Зап. Н. Леонтьев // Советский Север. 1939. № 1. С. 70–72.

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. около 1938 г.

Сказ посвящен кампании «раскулачивания», проводимой властями в деревне. Согласно большевистской доктрине, крестьянство делилось на «кулаков» (зажиточных крестьян, имевших наемную рабочую силу), «середняков» (зажиточных крестьян, обходившихся без наемной рабочей силы) и «бедняков». Большевистская пропаганда объявила о своей опоре на бедняков и старательно разжигала рознь между разными слоями деревни. В 1929–1931 гг. при начале строительства колхозов был провозглашен лозунг уничтожения кулаков как класса. В это время была развернута кампания по «раскулачиванию» – разорению крепких крестьянских дворов и высылке их хозяев из родных мест.

Сказ М. Р. Голубковой сложен песенно-эпическим стихом без использования традиционных фольклорных топосов.

2 (42). Горе: Рассказ Анны Егоровны Поповой / Зап. Н. Леонтьев // Север: Литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Архангельск, 1938. № 5. С. 108–110.

Записано 6 июня 1938 г. в дер. Пылемец на р. Печоре.

Сказительница следующим образом прокомментировала это произведение: «Вот моя песня. Эта песня про мою жизнь» (с. 110). Столкновения с богатыми соседями у А. Е. Поповой, жившей очень бедно, действительно были. «Дочери подрастать стали, – вспоминала исполнительница, – в няньки к оксинским кулакам Сумароковым пошли. Заробили они грош без алтына. Приехала я как-то к кулаку:

– Иван Олександрович, дай мяска за работу-то.

Знаю, что у него мясо мезенками стоит.

– Нету, – говорит хозяин.

А я умом заплывчата, сердцем взрывчата, в щеках несдержима.

– Кабы, – говорю, – у вас и не было, да бывать, и не будет. Не все в море – будешь в горе. Будешь у наших лавок купить булавок.

<...> А Сумароков всей нашей голытьбе был не по носу: в тот же год мы его и раскулачили» (с. 107–108).

Сказ сложен не песенно-эпическим стихом, характерным для причитаний или былин, а рифмованным стихом, идущим от традиции городского площадного (зрелищного) фольклора.

3 (43). *Пашкова А.* Сказ о колхозных яслях // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 26–28.

Записано от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., около

1939 г. Запись сделана в Петрозаводске. Собиратель в публикации не назван.

Первые детские ясли в деревнях появились при строительстве колхозов в 1929–1931 гг. Сказ построен на выработанном приеме – противопоставлении старой и новой жизни: бесправной жизни женщин в царской России и раскрепощении их при советской власти. Для А. М. Пашковой эта тема была биографически актуальной: сказительница после революции участвовала в женском движении.

4 (44). *Макарьев И.* Ткачиха-сказительница // Правда. 1935. 25 дек. № 354.

Записано И. Макарьевым от Анисьи Васильевны Морозовой из г. Калинина (Тверь) в 1935 г.

Сказ родился у А. В. Морозовой под впечатлением экскурсии в Москву, где сказительницу поразили метрополитен и эскалаторы («лестница-чудесница»). Исполнительница, жительница Центральной России, без сомнения, не владела былинами и, по-видимому, не знала и причетной традиции. Сказ сложен раешным стихом, знакомым исполнительнице, вероятно, по городскому зрелищному фольклору (театр «Петрушки», выкрики балаганных зазывал и др.).

Как и полагается в соответствии с «советской мифологией», все заслуги по строительству метрополитена приписываются вождям – «мудрому Сталину» и Л. М. Кагановичу.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – партийный и государственный деятель. Член партии с 1911 г. Активный участник событий 1917 г. и Гражданской войны. После XIII съезда большевистской партии (1924) – член ЦК; с 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1925–1928 гг. – первый секретарь ЦК Украины; 1930–1935 гг. – первый секретарь Московского комитета партии. При Кагановиче в 1931 г. в городе началось строительство метрополитена. 13 мая 1935 г. московскому метрополитену было присвоено его имя.

Тема метрополитена получила развитие в советском эпосе. См., например, «Сказ о московском метро» сказителя-карела Т. Туруева (*Туруев Т.* Сказ о московском метро / Пер. с карельского // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1940. Кн. 4. С. 147). О «чудо-лестнице» упоминается и в публикуемом в настоящем издании сказе М. Р. Голубковой «Чудо-выставка».

5 (45). Сказ о сталинской конституции // Карелия: XX: Литературно-художественный сборник Карельского Союза советских писателей. Петрозаводск, 1937. С. 195–196.

Записано от Михаила Кириаковича Рябинина из дер. Олений Остров Заонежского р-на Карельской АССР около 1938 г. Скорее всего, это самозапись сказителя.

Первая советская конституция (конституция РСФСР) была принята в 1918 г. Конституция 1924 г. законодательно закрепила образование Союза ССР. 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов была принята новая, так называемая сталинская, конституция. Основа конституции – принципы социализма: безраздельное господство социалистической собственности на землю, леса, фабрики и заводы; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; право на труд и на отдых. По этой кон-

ституции был введен принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

6 (46). Про выборы всенародные (Сказ о выборах М. Р. Голубковой, колхозницы Голубковского колхоза, Ненецкого округа) / Зап. Н. Леонтьев // Правда Севера. 1938. 10 июня. № 131.

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. в 1938 г.

Сказ посвящен первым всенародным выборам, проведенным в Советском Союзе. 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР была утверждена так называемая сталинская конституция. Согласно конституции, 12 декабря 1937 г. прошли выборы в первый Верховный Совет СССР – «декоративный» орган власти парламентского типа. 12 июня 1938 г., в воскресенье, состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик.

Сказ М. Р. Голубковой напечатан в «пятницком» номере главной газеты Архангельской области – накануне выборов в Верховные Советы Союзных Республик. Это произведение посвящено, по-видимому, выборам 12 декабря 1937 г. Сказ должен был сыграть определенную роль в новой предвыборной пропагандистской кампании – 1938 г.

7 (47). *Крюкова М. С.* Красной Армии честь-славушка великая // Крестьянка. 1938. № 21. С. 20. Републикация: Крюкова 1939. С. 135–139.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Две разновременные публикации различаются в отдельных строках. Так, ст. 11 в сборнике 1939 г. дан как «Над его-то молодецкой головушкой»; ст. 15 и 17 – пропущены; ст. 26 – «Из очей ты уходишь, укатываешься»; ст. 31 – пропущен; ст. 32 – «Много, много уходит солдат во дорожечку»; ст. 47, 49, 50, 51, 73 – пропущены. С другой стороны, в публикации 1939 г. добавлены строки, которых не было в тексте 1938 г. После ст. 74 здесь дано:

Не солдатиком простым ты вернешься,
Ты придешь – будешь младым полковничком,
Не матросиком простым ты вернешься,
Ты придешь – будешь старшим штурманом!

Названные разночтения двух публикаций наглядно свидетельствуют, что собиратель свободно редактировал сказительский текст и вносил в него свои коррективы.

Сказ отражает высокую степень уважения к Красной Армии, внушаемую народу пропагандистской машиной сталинского режима. Произведение построено на противопоставлении старой солдатской службы в царской армии и новой службы в Красной Армии. В сказе используются элементы поэтики рекрутских плачей.

8 (48). *Крюкова М. С.* Широка, велика страна наша колхозная / Запись и ред. В. Попова // Колхозник. 1938. № 7. С. 40–42. Републикация: Крюкова 1939. С. 151–154.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Две разновременные публикации совпадают почти дословно. Наиболее существенные отличия следующие. В публикации 1939 г. ст. 16, 17, 36, 37 – пропущены; ст. 1 дан как «Широка-велика страна наша колхозная»; ст. 47 – «Слышала я много звука песенного»; ст. 51 – «Народ идут работать с честью, радостью». Можно отметить и идеологически значимую правку. В публикации 1939 г. ст. 81–82 («Недолго земля-Ермания в дружбе живет, / Не узнаешь, когда она придет войной») даны как «Недолго земля неверная без войны живет, / Не узнаешь, когда она придет дракой кроволитною». Правка вызвана тем, что 23 августа 1939 г. был заключен советско-германский пакт о ненападении и фашистская Германия официально перестала быть государством, угрожающим СССР. Сборник «Новины Марфы Семеновны Крюковой» был подписан к печати 1 декабря 1939 г., и его составитель, таким образом, успел внести в текст сказа необходимые политические исправления.

Данный текст представляет собой образец бессюжетного сказа, прославляющего советскую родину. Сказ сложился после того, как М. С. Крюкова весной 1938 г. побывала в путешествии по югу России и Кавказу – в Азербайджане и в Грузии. Сказ строится как прославление жизни простых людей при советской власти под руководством мудрых вождей Ленина и Сталина.

9 (49). Крюкова 1939. С. 145–150.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Образец бессюжетного сказа, прославляющего советскую родину. Сказ сложился после того, как М. С. Крюкова весной 1938 г. побывала в путешествии по югу России и Кавказу. В произведении отразились образы русского былинного эпоса, связанные с местами, которые посетила сказительница.

10 (50). Крюкова 1939. С. 139–144.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Образец бессюжетного сказа, прославляющего столицу СССР. Сказ сложился как отклик на посещение сказительницей Москвы. Произведение вписано в эпическую картину мира: в первой половине текста говорится о главных персонажах русского песенного эпоса, выражающих героическое начало в русской истории.

11 (51). Крюкова 1939. С. 155–160.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Образец бессюжетного сказа, прославляющего Русский Север. Сложен после возвращения сказительницы из путешествия по СССР.

12 (52). В стране Советов // Карелия: Альманах. Фольклор Карелии. Петрозаводск, 1938. С. 23–26. Републикация: *Пашкова А. М.* В стране Советов // Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 269–271.

Записано от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчевой Нигижемской волости Пудожского уезда Олонецкой губ., в 1938 г. Запись сделана в Петрозаводске. Собиратель в публикации не назван.

При перепечатке текст изменениям не подвергался.

Образец бессюжетного сказа, прославляющего Советский Союз. Сказ построен на противопоставлении старой, дореволюционной, и новой, советской, жизни.

13 (53). Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940. С. 128–129.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, уроженца дер. Гарницы Заонежского р-на Карело-Финской ССР, в Петрозаводске в апреле 1939 г. По-видимому, самозапись грамотного сказителя.

В примечаниях к сборнику сказано: «Сказ написан в апреле 1939 г. Он явился в связи с награждением сказителей Карелии – М. М. Коргуева, Ф. А. Конашкова и П. И. Рябинина-Андреева – орденом "Знак Почета"» (с. 136). В новине упомянут М. И. Калинин (см. о нем с. 953–954).

14 (54). Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 6–10. Републикация: В сказках, песнях и былинах славим Сталина: Письмо народных сказителей Карелии товарищу Сталину // Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 275–278.

Публикации в альманахе «Карелия» и в сборнике «Карелия в художественной литературе» совпадают почти дословно. Целенаправленной правки не отмечено. Единственное существенное отличие текстов состоит в том, что в сборнике «Карелия в художественной литературе» наличествует дополнительный стих «Ну, а староста ведь в том и не нуждается», данный после ст. 61.

Сказ создан при следующих обстоятельствах. 25–30 мая 1939 г. состоялась первая республиканская конференция мастеров устного народного творчества и народного изобразительного искусства Карелии. Среди участников: А. М. Пашкова, Ф. И. Быкова, А. Ватчиева, М. М. Коргуев, П. И. Рябинин-Андреев, П. Г. Горшков, Е. С. Журавлева, Ф. А. Конашков, М. В. Павкова, Е. П. Савинкова, М. С. Самылин, Н. А. Ремизов, И. Т. Фофанов (см.: Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963). С докладом выступил Ю. М. Соколов (см.: Из доклада академика Ю. М. Соколова на 1-й республиканской конференции мастеров устного народного творчества и народного изобразительного искусства Карелии // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов. М., 1994. С. 86–93). Тогда же шесть сказителей Карелии были приняты в Союз советских писателей.

Всекарельское совещание сказителей явилось преддверием Всесоюзного слета сказителей в Москве, состоявшегося 16–20 июня 1939 г. в Москве. Материалы слета опубликованы в названном сборнике «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.». Участники московского слета приняли обращение ко всем сказителям Советского Союза (подписали: Марфа Крюкова, Федор Конашков, Анна Барышникова, Иван Ковалев, Анисья Морозова, Фекла Беззубова, Анна Пашкова,

Ангелина Суховерхова, Екатерина Журавлева и др.). Опубликовано: Песни и сказки – на службу народу: Обращение участников слета сказителей в Москве ко всем сказителям Советского Союза // Литературная газета. 1939. 5 июля. № 37.

Публикуемый сказ был сложен на Всекарельском совещании сказителей Ф. А. Конашковым, Ф. И. Быковой, П. Г. Горшковым, Е. С. Журавлевой, Н. В. Кигачевым, Н. Т. Ларионовым, А. М. Пашковой, Н. А. Ремезовым, М. Е. Самылиным, И. Т. Фофановым. Сказ построен на приеме противопоставления старой, дореволюционной, и новой, советской, жизни. Типичным является мотив славословия Сталину.

В сказе упомянуты «стахановцы» и работа «по-стахановски».

Стаханов Алексей Григорьевич (1905–1977) – рабочий, новатор угольной промышленности. В 1927 г. начал трудовую деятельность на шахте в Кадиевке (Донбасс). В августе 1935 г. установил рекорд, добыл за смену 102 тонны угля. Развернувшееся в 1930-е гг. движение за повышение производительности труда было названо стахановским.

15 (55). *Голубкова М. Р.* Чудо-выставка / Зап. и обраб. Н. П. Леонтьев // Октябрь. 1939. № 8/9. С. 199–204. Репубикация: Наша страна. 1940. № 6. С. 2 (в сокращенном виде).

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. в 1939 г.

Сказ создан под впечатлением осмотра сказительницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, действовавшей с 1939 по 1941 и с 1954 по 1958 г. Впоследствии на базе этой постоянной Выставки была создана Выставка достижений народного хозяйства – любимое место проведения досуга москвичами и гостями столицы. М. Р. Голубкова посетила Выставку в дни работы слета сказителей в Москве (июнь 1939 г.). Поездка в Москву (через Архангельск) была первым путешествием сказительницы за пределы Печоры.

Произведение начинается типичным для советского эпоса мотивом противопоставления старой («Путь-дороги были узеньки, / А тропинки нерастопганы» – ст. 18–19) и новой жизни («Путь-дорога нам открылася, / Нонь тропинки разрублены» – ст. 29–30). Центром сказа стало описание Выставки – мифологизированного советским сознанием объекта (см., например, знаменитый кинофильм И. А. Пырьева «Свинарка и пастух», где герои знакомятся на Выставке). В ст. 135–140 сказительница описывает знаменитую скульптуру Веры Игнатьевны Мухиной (1889–1953) «Рабочий и колхозница». Группа «Рабочий и колхозница» первоначально увенчала советский павильон на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. Скульптура символизировала собой построение нового социалистического общества. В 1939 г. композиция была установлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Сказ отражает также знакомство М. Р. Голубковой с именами Стаханова, Мичурина и Лысенко – фигур, также мифологизированных сталинским тоталитарным режимом: «Пронесут да прославят слух, / Про науки премудрые, / Про работы стахановские, / Про хитрости мичуринские, / Про мудрости лысенковские» – ст. 286–290.

Стаханов Алексей Григорьевич см. с. 923.

Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – биолог, основоположник в СССР научной селекции плодовых, ягодных и других культур. В 1875 г. арендовал в г. Козлове участок земли, где начал работы по выведению новых сортов плодовых и ягодных культур. В 1923 г. Совет Народных Комиссаров признал опытный питомник И. В. Мичурина учреждением, имеющим государственное значение. В 1928 г. на базе мичуринского питомника была организована Селекционно-генетическая станция плодово-ягодных культур. Направление научных работ И. В. Мичурина символизировало собой уверенность в победе человека над природой, характерную для идеологии советской власти.

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – биолог, агроном; академик АН СССР (с 1939 г.); Герой Социалистического Труда (1935). В 1925 г. окончил Киевский сельскохозяйственный институт. Работал на разных селекционных станциях. В 1934–1938 гг. – директор Всесоюзного селекционно-генетического института; в 1940–1965 гг. – директор Института генетики АН СССР. Президент ВАСХНИЛ (1938–1956 и 1961–1962). Работы Т. Д. Лысенко в области селекции превозносились при сталинском режиме, однако впоследствии были подвержены научной критике. Т. Д. Лысенко считается виновником разгрома в СССР генетики как научной дисциплины.

16 (56). *Голубкова М. Р.* На большой, на Красной площади / Зап. и обраб. Н. П. Леонтьев // Октябрь. 1940. № 1. С. 11–12.

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. в 1939 г.

Сказ создан под впечатлением экскурсии М. Р. Голубковой в мавзолей – памятник-усыпальницу В. И. Ленина. Первый (деревянный) мавзолей был возведен к 27 января 1924 г., когда здесь был установлен гроб с бальзамированным телом Ленина. В 1930 г. было закончено строительство каменного мавзолея (архитекторы: А. В. Щусев, И. А. Француз). В годы советской власти мавзолей был культовым местом официальной идеологии.

17 (57). Мать-Печорушка – всем рекам река: Сказ о колхозной Печоре / Зап. и обраб. Н. П. Леонтьев // Наша страна. 1939. № 8. С. 18–20.

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. в 1939 г.

Сказ построен на противопоставлении тяжелых условий труда до революции и радостного труда при советской власти.

18 (58). Честь великая Красной Армии / Со слов сказительницы Пинежья А. Е. Суховерховой записала А. Колотилова // Наша страна. 1940. № 2. С. 2.

Сказ отражает официальный пропагандистский миф о «добровольном» присоединении в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. 23 августа 1939 г. был заключен советско-германский пакт о ненападении, в котором были тайные статьи о разделе сопредельных земель. Согласно этому договору, Западная Украина и Западная Белоруссия, отошедшие после Гражданской войны Польше, присоединялись к СССР. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, тем самым развя-

зав Вторую мировую войну. Вскоре советские войска вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. 1 и 2 ноября эти территории были официально приняты в состав СССР и вскоре присоединены к Белорусской и Украинской ССР. В официальных средствах информации сталинского режима это событие рисовалось как освобождение братьев-славян от ига польской буржуазии.

19 (59). Сказ о выборах / Записал М. Юдкин от А. М. Пашковой // Смена. 1940. 16 июня. № 127. См. также следующий текст.

Записано М. Юдкиным от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчево Пудожского р-на Карельской АССР, 13 июня 1940 г. Запись сделана в Петрозаводске.

Сказ создан по поводу довыборов 16 июня 1940 г. в Верховный Совет СССР депутатов от Карелии и выборов в Верховный Совет Карело-Финской ССР, созданной 31 марта 1940 г. из Карельской АССР с присоединением к ней части территории, отошедшей к СССР в результате мирного договора с Финляндией. Карело-Финская ССР стала двенадцатой на то время союзной республикой СССР (Российская Советская Федеративная Республика, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия, Армения, Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан; Молдавия, Литва, Латвия и Эстония к этому времени еще не вошли в состав СССР).

Сказ опубликован в воскресном номере газеты «Смена», почти полностью посвященном выборам в Карелии. В передовой статье «Торжество карело-финского народа», в соответствии с законами пропагандистского советского мифа, говорилось: «Взоры и мысли избирателей будут обращены сегодня к всенародному депутату, творцу счастья карело-финского народа — великому Сталину и его боевым соратникам. За Сталина, самого близкого и родного человека для всех трудящихся, за руководителей партии и правительства карело-финский народ с радостью и гордостью отдаст свои голоса». Среди кандидатов в депутаты были Отто Куусинен, Тойво Антикайнен (финский коммунист, герой одной из новин), И. Д. Папанин (полярный исследователь, герой ряда произведений советской тематики), М. М. Коргуев (поморский сказитель). В ряду биографий кандидатов, напечатанных в газете «Смена», была и справка о М. М. Коргуеве.

Сопоставление сказов А. М. Пашковой и М. Р. Голубковой (о первых всенародных выборах в Верховный Совет СССР, состоявшихся 12 декабря 1937 г.; см. № 6 (46)) показывает зависимость текста первой сказительницы от произведения второй исполнительницы. В обоих текстах звучат мотивы ожидания праздничного дня выборов; раннего вставания до пения петухов; наряжения в праздничную одежду; призыва партии, обращенного к народу, и т. д. Местами тексты совпадают почти дословно. Ср.:

М. Р. Голубкова

Большевистская партия
Призывала простой народ:
И колхозниц, и колхозников,
И простых единоличников,
Сообща думу думати,
Думу думати немалую.

А. М. Пашкова

Большевистская-то партия
Призывала трудовой народ:
И колхозниц, и колхозников,
И простых единоличников,
Коммунистов с беспартийными,
Стариков и молодых людей
Заодно да думу думати,
Заедино дело делати.

Не приходится сомневаться, что М. Юдкин, работая вместе с А. М. Пашковой над ее сказом о выборах, имел в своем распоряжении текст М. Р. Голубковой, на который и ориентировал заонежскую сказительницу.

В сказе обращает на себя внимание образ потерянных «золотых ключей» от народного «галана-счастьица». Этот образ типологически близок к образу ключей, которые запирали Горе народное в «Плаче о писаре» знаменитой олонецкой вопленицы Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899) и которые, будучи случайно найденными, выпустили это Горе на белый свет (см.: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым/ Изд. подготовили Б. Е. Чистова и К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1. С. 237–240). В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» поэт, опираясь на федосовский текст, создает образ ключей от женского счастья. Не исключено, что Н. А. Некрасов был знаком с каким-то неизвестным нам фольклорным произведением, в котором присутствовал именно образ ключей от счастья, а не ключей, запирающих горе. Потерянные ключи от счастья народного в сказе А. М. Пашковой, как и полагается согласно официальной идеологии сталинского режима, находит «добрый молодец» «дорогой вождь Сталин». Рядом со Сталиным называется еще один советский вождь – Молотов.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – государственный и партийный деятель. С 1906 г. в рядах большевистской партии. В октябре 1917 г. – член Военно-революционного комитета, руководившего большевистским переворотом в Петрограде. После X съезда партии (1921) – член ЦК; с января 1924 г. – член Политбюро ЦК партии. Активный участник борьбы с троцкистско-зиновьевской группировкой в Ленинграде. С декабря 1930 г. – председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Совета труда и обороны. Участвовал в разработке пятилетних планов развития народного хозяйства. С мая 1939 г. к его предыдущим должностям добавился еще и пост Народного комиссара иностранных дел.

Так как сказ был заказан сказительнице накануне выборов, то о них здесь говорится в будущем времени: «А дорогого вождя Сталина <...> / Мы за то его все выберем / Во советское правительство» (ст. 92–95); «А за то мы их любим-жалуем, / За то в правительство наше выберем!» (ст. 108–109). Ср. вариант № 20 (60): «С честью-радостью мы повыбрали / Дорогого вождя да Сталина» (ст. 98–99); «Вот за что мы их любим-жалуем, / Вот за что мы их да повыбрали / В наше верное народное правительство» (ст. 111–113).

20 (60). *Пашкова А. М.* Сказ про шестнадцатое июня // На рубеже. 1940. № 1. С. 4–6. Републикация: Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 279–282. См. также предыдущий текст.

Записано от Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчево Пудожского р-на Карельской АССР, в 1940 г. В данной публикации собиратель не назван.

О фактах, на основе которых создан сказ, см. в комментариях к сказу № 19 (59). Текст, напечатанный в журнале «На рубеже», существенно отличается от сказа из газеты «Смена». Вероятно, это новый (вновь записанный, или, точнее, заново отредактированный) вариант произведения. В этом варианте имя Молотова отсутствует. Все повествование ведется в прошедшем, а не в будущем времени.

В свою очередь, републикация данной редакции сказа в сборнике «Карелия в художественной литературе» также имеет некоторые отличия от публикации в журнале «На рубеже». Так, в ст. 12 вместо «Торопились притти первыми» дано «Торопились, чтобы первыми»; в ст. 18 вместо «Кумачевыми полотнами» напечатано «Полотнами кумачевыми»; в ст. 72 вместо «К счастью светлую, широкую, счастливую» — «К счастью светлую, широкую, колхозную» и др. Самым же существенным отличием двух публикаций является большой фрагмент о самоуправстве дореволюционных старшин, имеющийся в сборнике «Карелия в художественной литературе» и отсутствующий в журнальном тексте (после ст. 42):

В ту пору да время тяжкое
Старшина был хозяином по всей волости,
А старшины те выбиралися
Богачами да буржуями.
Старшиной опять же богач выбирается,
Ему с правления полагается
Пара коней с колокольчиком,
А в подмогу — староста со сборщиком,
Да и сотский по селу ходит с палкою,
Урядник ездит со нагайкою.
Мужики-то балахонники,
Они боялись слово вымолвить.
Слово молвишь, так и рот заткнут,
К пауку-старшине на поклон пошлют.
А старшина-то за столом сидит,
Длинну бороду поглаживает,
На груди своей цепь поглаживает,
Мужикам кулак свой показывает,
Сам сидит, как паровоз пыхтит,
Говорит, как самовар шипит.
На нем одета шуба новая,
А голова-то бестолковая,
Пузо толстое, да совесть тонкая,
Как чурбан толстой, только ум пустой.

21 (61). *Суховерхова А. Е.* Изо всех звезд краше всех // Правда Севера. 1940. 24 марта. № 69.

Записано от А. Е. Суховерховой из Пинежья. Возможно, самозапись сказительницы.

Номера газеты «Правда Севера» за 24 и 25 марта 1940 г. посвящены 65-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности сказительницы Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. В газетах были напечатаны портреты народной певицы, тексты поздравительных телеграмм от Архангельского обкома партии, Архангельского областного комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, Архангельского отделения Союза советских писателей, сказителей Джамбула Джабаева и Маремьяны Голубковой, фольклориста Александра Гуревича и др. Даны статьи о М. С. Крюковой и ее творчестве. Приведены ее произведения — былина об Илье Муромце и сказ «Мое побываньице у трех морей». Среди других

материалов был и сказ А. Е. Суховерховой «Изо всех звезд краше всех» — о Марфе Крюковой.

22 (62). *Горшков П.* Мы готовы на защиту своей родины // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 11—12.

Записано от Петра Григорьевича Горшкова из с. Космозеро Заонежского р-на Карельской АССР около 1939 г. Собиратель в публикации не назван.

Сказ отражает тревожные настроения в обществе в конце 1930-х гг. в связи с угрозой войны с фашистской Германией.

23 (63). Грудью встанем за Родину / Записано у А. И. Гладкобородовой // Комсомольская правда. 1941. 19 июля. № 168.

Записано от А. И. Гладкобородовой в июле 1941 г.

Сказ является одним из первых, известных нам, откликов народного сказителя на нападение гитлеровской Германии на Советский Союз.

24 (64). *Туруев Т. Е.* Мы сказители, наперед пойдем / Зап. и обработал Н. П. Леонтьев // Октябрь. 1941. № 7—8. С. 114.

Записано от Тимофея Ефимовича Туруева из дер. Сельга Сегозерского р-на Карело-Финской ССР в июле 1941 г.

Сказ является откликом на нападение Германии на Советский Союз.

25 (65). Про Красную Армию: Сказ Марфы Крюковой // Правда Севера. 1942. 12 мая. № 110.

Записано от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1942 г. Собиратель в публикации не назван.

Сказ прославляет Красную Армию.

НОВИНЫ И НОВИНЫ-ПОЭМЫ

АНТИСОВЕТСКАЯ НОВИНА

1 (66). Как Святыя горы выпустили из каменных пещер своих Русских могучиих богатырей: Былина / Публикация В. Артемова // Москва. 1991. № 6. С. 47—57.

По сообщению публикатора, эта былина была записана в Вологодской области и издана в 1938 г. за границей братией книгопечатни Иова Почаевского. Первоисточник публикации не выявлен.

Данный текст можно рассматривать как «антиновину» — новацию, созданную на основе традиционных былин, идеологически направленную против советской власти. Подробнее см. во вступительной статье.

НОВИНЫ О ЛЕНИНЕ

О *В. И. Ленине* см. с. 897—899.

2 (67). Крюкова. Сказания 1937. С. 3—44. Републикации: Сказание о Ленине Марфы Семеновны Крюковой / Зап. и обраб. В. Попов. Архангельск, 1938. С. 7—39; Крюкова 1939. С. 5—43.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в июне 1937 г. Запись была сделана в Архангельске, куда сказительница была вызвана для участия в областной олимпиаде народного творчества.

Тексты разновременных публикаций 1937 и 1938 гг., совпадая в основном дословно, тем не менее представляют собой две разные редакции новины. Редакция 1937 г. более полная. Здесь наличествует концовка (ст. 1052–1161), где рисуется образ «предателя Троцкого». Согласно этой редакции, умирая, Ленин передает «золоты ключи от всей земелюшки» Сталину. В то же время в тексте 1937 г. отсутствует важный эпизод, который есть в тексте 1938 г., – описание того, как царица во время Февральских событий успела спрятать золоты ключи и передать их «помещикам и заводчикам».

Во ту пору когда Николай разговаривал,
Царица-то успела схватить золоты ключи,
Золоты ключи из золотых ларцей,
Она успела унести да ключи государственные,
Передать их помешничкам да заводчикам

(Сказание о Ленине Марфы Семеновны Крюковой / Зап. и обраб. В. Попов. Архангельск, 1938. С. 30).

Публикация 1939 г. дословно повторяет текст 1937 г.

Сам собиратель следующим образом характеризует это произведение: «"Сказание о Ленине" – это не фольклор в обычном понимании, это – индивидуальное творчество М. С. Крюковой, которая по праву может быть названа народным поэтом. Это – сказание-поэма <...> Мое участие при записи и обработке настоящего сказания заключалось в помощи ей расположить некоторые события в правильной исторической последовательности, в исключении отвлечений, не имеющих непосредственного отношения к основной теме, в значительном сокращении поэмы за счет излишних повторений и слишком растянутых в иных местах описаний, создававших диспропорцию отдельных частей поэмы» (Сказание о Ленине Марфы Семеновны Крюковой / Зап. и обраб. В. Попов. Архангельск, 1938. С. 5–6).

Новина представляет собой поэтическое изложение биографии В. И. Ленина, построенной согласно официальной историографии. Совершенно очевидно, что в составлении сказа М. С. Крюкова направлялась образованным собирателем, владевшим литературой по биографии Ленина.

Новина-поэма во многом основывается на фольклорных мотивах. Так, образ Идолища-царя (то есть Александра III) позаимствован исполнительницей из былины «Илья Муромец и Идолище». Как и в традиционных былинах, Идолище рисуется огромным и уродливым: «Это что такое за чудовище, / Живот очень большой да очень толстый, / Брюхо чуть на трон да не вывалилось». В уста Александра Ульянова, схваченного царем Идолищем и посаженного в темницу, сказительница вкладывает строки из песни «Уж ты молодость молодецкая». Идеологическому переосмыслению подвергается традиционный былинный образ столба с кольцом, с помощью которого Илья Муромец, только что получивший силу от чудесных калик, хочет перевернуть всю землю (былина «Исцеление Ильи Муромца»). В сказе М. С. Крюковой этот столб с кольцом наделя-

ется иным смыслом — точкой социального переворота. Образ ключей, в свою очередь, также трансформируется в сказе. Он приземляется, бытовизируется, в результате чего золотые ключи превращаются в «государственные ключи», которые царица (Александра Федоровна) в Февральскую революцию прячет от народа и передает помещикам и заводчикам (по редакции 1938 г.). Чрезвычайно значимыми для сказа стали образы Правды и Кривды. В описаниях событий Первой русской революции рисуется, как «Кривда Правду изобидела да победила же»; эти же образы встречаются и в картине гражданской войны: «Правда с Кривдою опять да повстречалися, / Повстречалися, заборолися». На известном фольклорном мотиве вещего сна, который снится одному из героев (жене антагониста) и им же истолковывается как грядущее несчастье (ср. былину «Волх Всеславьевич»), строится сцена разговора Александры Федоровны и Николая II накануне революционных событий февраля 1917 г. В сказе используются былинные формулы; текст выстроен былинным стихом.

Ниже приводится комментарий к именам и событиям, упомянутым в тексте сказа.

[1] *Ульянов Александр Ильич* (1866—1887) — старший брат Ленина, участник революционного движения. В 1883 г. окончил Симбирскую гимназию и поступил на естественный факультет Петербургского университета. С конца 1886 г. — член петербургской фракции партии «Народная воля». Участвовал в подготовке покушения на Александра III (царствовал: 1881—1894). А. И. Ульянов был арестован 1 (13) марта 1887 г., не успев осуществить террористический акт. Казнен вместе с другими участниками покушения 8 (20) мая 1887 г. в Шлиссельбургской крепости.

[2] *Ульянова* (*урожд. Бланк*) *Мария Александровна* (1835—1916) — мать В. И. Ленина.

[3] *Ульянов Илья Николаевич* (1831—1886) — отец В. И. Ленина, деятель народного образования. В 1854 г. окончил физико-математический факультет Казанского университета. В 1869—1886 гг. — инспектор, а потом директор народных училищ Симбирской губернии. Скоропостижно скончался 12 (24) января 1886 г., оставив во главе семьи своего старшего сына Александра.

[4] Сказительница имеет в виду одну из сестер В. И. Ленина: или *Ульянову* (*Елизарову*) *Анну Ильиничну* (1864—1935) — старшую сестру В. И. Ленина, участницу революционного движения; или *Ульянову Ольгу Ильиничну* (1871—1891) — вторую сестру В. И. Ленина, его друга по детским играм. Скорее всего, именно она рисуется М. С. Крюковой в эпизоде с прибытием «скорой грамотки» в Симбирск с вестью о казни А. И. Ульянова. Анна Ульянова в мае 1887 г. находилась в заключении в Петербурге. В Петербурге же в дни казни А. И. Ульянова пребывала и М. А. Ульянова, хлопотавшая о возможном смягчении приговоров сыну и дочери, которой грозила ссылка в Сибирь.

[5] 8 (20) декабря 1895 г. В. И. Ленин был арестован в Петербурге за участие в работе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». После более чем годового заключения в тюрьме он был сослан в феврале 1897 г. в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии. В ссылке им было написано более 30 работ, в том числе брошюра «Развитие капитализма в России», бывшая в Советском Союзе одной из обя-

зательных книг при изучении марксизма-ленинизма. Побега из ссылки, который рисуется М. С. Крюковой, в действительности не было. В. И. Ленин отбыл весь срок ссылки (три года) в Шушенском.

[6] В июле 1900 г. В. И. Ленин выехал за границу, где находился до 1905 г. (Мюнхен, Лондон, Женева, Цюрих).

[7] *Крупская Надежда Константиновна* (1869–1939) – жена В. И. Ленина, участница революционного движения. См. о ней с. 916. Ее знакомство с Лениным относится к 1894 г. В августе 1896 г. была арестована; в 1898 г. приговорена к ссылке на три года в Уфимскую губернию. По ее собственному ходатайству Уфимская губерния заменена на Шушенское, где Н. К. Крупская стала женой В. И. Ленина. Весной 1900 г., когда истек срок ссылки Ленина, ее собственный срок еще не закончился, и ей пришлось продолжить отбывание ссылки в Уфимской губернии. Поэтому она смогла приехать в Мюнхен к Ленину только в 1901 г. В Мюнхене Н. К. Крупская работала секретарем редакции газеты «Искра». Картина побега Н. К. Крупской из России, нарисованная в сказе М. С. Крюковой, не соответствует действительности. В произведении сказительницы произошло также смещение хронологии. Царь Идолище (то есть Александр III) скончался в 1894 г., тогда же, то есть за семь лет до выезда Н. К. Крупской из России, императором стал его старший сын Николай (Николай II – годы царствования: 1894–1917).

[8] Данная глава былинного сказа М. С. Крюковой образно рисует события Первой русской революции. Начало главы посвящено 9 января 1905 г. («кровавому воскресенью»), когда была расстреляна мирная (не вооруженная) демонстрация рабочих, направившихся с петицией к царю в Зимний дворец (сам Николай II в это время находился в своей загородной резиденции в Царском Селе). В петицию были включены политические и экономические требования: созыв Учредительного собрания, введение 8-часового рабочего дня, предоставление демократических свобод.

[9] «Поп соборный» – *Гапон Георгий Аполлонович* (1870–1906). Священник, создатель культурно-просветительской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1903–1904). Г. А. Гапон был организатором шествия рабочих к царю 9 января 1905 г. После расстрела демонстрации он бежал за границу; осенью 1905 г. вернулся в Россию. 28 марта 1906 г. в Озерках (под Петербургом) судим группой революционеров и повешен как провокатор, связанный с царским Охранным отделением.

[10] *Владимир Александрович*, великий князь (1847–1909) – третий сын Александра II, дядя императора Николая II. Со 2 марта 1881 г. был командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Ответствен за события 9 января 1905 г.

[11] В. И. Ленин вернулся из-за границы 8 (21) ноября 1905 г. и обосновался в Петербурге. Возглавил работу большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». В декабре 1907 г. ему пришлось отправиться во вторую эмиграцию.

[12] Данная глава посвящена событиям Первой мировой войны, начавшейся 1 (14) августа 1914 г.

[13] *Александра Федоровна*, императрица (1872–1918) – жена Николая II, дочь великого герцога Гессенского Людвига IV. В былинном сказе М. С. Крюковой образно отразились известные слухи о том, что Алексан-

дра Федоровна якобы во время войны предавала интересы России в пользу Германии.

[14] В данном эпизоде отразилось следующее событие. В декабре 1912 г. И. В. Сталин участвовал в совещании ЦК большевистской партии, проходившем в Кракове, где в это время находился В. И. Ленин. Здесь, как видим, также в повествовании сказительницы произошел хронологический сдвиг: события 1912 г. следуют за событиями Первой мировой войны.

[15] Данная глава посвящена событиям 1917 г. 2 (15) марта в своей ставке в Пскове Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. В Царском Селе, куда он вернулся после отречения, он вместе с семьей оказался на положении домашнего ареста.

[16] В. И. Ленин возвратился в Россию 3 (16) апреля 1917 г.; 4 апреля он выступил с так называемыми Апрельскими тезисами — планом борьбы большевистской партии за переход власти в ее руки.

[17] 7 (20) июля 1917 г. Временное правительство отдало приказ об аресте В. И. Ленина. До 8 (21) августа он скрывался на озере Разлив под Петроградом и жил под видом косаря-батрака в шалаше. В советские времена Разлив стал культовым местом официальной идеологии.

[18] Начало данной главы отражает события октября 1917 г., когда 26 октября (8 ноября) на II Всероссийском съезде Советов были приняты декреты о мире и о земле, а также образовано новое правительство. И. В. Сталин в этих событиях никакой значительной роли не играл.

[19] После Октябрьского переворота семья Николая II была вывезена в Тобольск, а затем в Екатеринбург, где и была в июле 1918 г. расстреляна по приказу из Кремля.

[20] После принятого на II Всероссийском съезде Советов декрета о мире большевики начали вести переговоры о перемирии с Германией. 2 (15) декабря 1917 г. соглашение было подписано. Однако уже в феврале 1918 г. германские войска, нарушив перемирие, перешли в наступление по всему фронту. Вскоре, 3 марта, большевиками был заключен очень тяжелый и позорный для России так называемый Брестский мир.

[21] Глава образно рисует события Гражданской войны. Здесь упомянут ряд командиров Красной Армии. *Ворошилов Климент Ефремович* (1881—1969) — активный участник Гражданской войны, командующий царицынской группировкой Красной Армии, один из организаторов Первой Конной армии. *Буденный Семен Михайлович* (1883—1973) — создатель Первой Конной армии, воевавшей с Деникиным, Пилсудским, Врангелем. *Чапаев Василий Иванович* (1887—1919) — командир бригады, а затем дивизии (см. о названных лицах подробнее с. 936, 938—939, 941—942). *Блюхер Василий Константинович* (1890—1938) — военный и партийный деятель; маршал Советского Союза (с 1935 г.). Родился в Ярославской губернии в крестьянской семье. В 1910—1913 гг. отбывал тюремное заключение за призыв к забастовке. Участник Первой мировой войны; награжден двумя Георгиевскими крестами. Проявил себя как талантливый военачальник в Гражданскую войну. 28 сентября 1918 г. первым был награжден советским орденом Красного Знамени. В 1921—1922 гг. — военный министр Дальневосточной народной республики. В 1924—1927 гг. — военный советник при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантон). В 1929—1938 гг. — командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Репрессирован и расстрелян 9 ноября 1938 г.

[22] 30 августа 1918 г. после выступления перед рабочими на одном из московских заводов В. И. Ленин был ранен покушавшейся на него Ф. Е. Каплан, членом партии эсеров.

[23] Роль И. В. Сталина как военачальника в годы Гражданской войны в соответствии с официальной пропагандой в новине М. С. Крюковой преувеличена.

[24] О *Л. Д. Троцком* см. с. 899.

3 (68). *Рябинин М. К.* Приезд Ленина в Петроград (из былины о Ленине) // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 2. С. 18–20.

Записано от Михаила Кириаковича Рябинина из Заонежского р-на Карельской АССР около 1939 г. Собиратель в публикации не назван. Скорее всего, перед нами самозапись сказителя.

Данный текст (как и последующий), по-видимому, представляет собой фрагмент из большой поэтической биографии В. И. Ленина. Отрывок рисует приезд В. И. Ленина 3 (16) апреля 1917 г. из-за границы в Петроград. Согласно официальному мифу, в новине изображается торжественная встреча В. И. Ленина на Финляндском вокзале революционно настроенными рабочими; нашла отражение в произведении М. К. Рябинина и речь, произнесенная Лениным на броневике.

В новине произошел хронологический сдвиг. В апреле 1917 г. В. И. Ленин вернулся в Россию под своим собственным именем. Псевдоним Карпов он использовал в феврале 1918 г., подписав им несколько своих статей для газеты «Правда».

4 (69). О Ленине // На рубеже. 1941. № 1–2. С. 69–70.

Записано от Михаила Кириаковича Рябинина из Заонежского р-на Карело-Финской ССР около 1940 г. Собиратель в публикации не назван. Скорее всего, перед нами самозапись сказителя.

Публикации в журнале «На рубеже» предшествовало следующее разъяснение: «Сказитель Михаил Кириакович Рябинин сложил большую былину о В. И. Ленине. Ниже мы публикуем два отрывка из этой былины. В первом отрывке т. Ленин изображен в то время, когда он скрывался под Сестрорецком от преследования агентов Временного правительства. Второй отрывок изображает смерть Ленина» (с. 69).

В новине употребляются формулы, характерные для былин, однако используются они в ситуациях, лежащих вне фольклорной традиции. Так, формула «Он направо помахнул – да стала улица, / А налево помахнул – да переулочек» (так традиционно описывается богатырь во время битвы) в новине используется при описании косьбы Лениным. Формула «Звери в темные леса да разбегалися, / Птицы в чистые поля да разлеталися, / Да и рыбы опускались во морскую глубь», традиционно рисующая реакцию природы на рождение богатыря (ср. былину о Волхе Всеславьевиче), в новине употреблена для выражения печали животного мира по поводу смерти Ленина.

НОВИНЫ О СТАЛИНЕ

Сталин (*Джугашвили*) *Иосиф Виссарионович* (1879–1953) – глава Советского государства. Родился в с. Гори (Грузия) в семье кустаря-сапожника. В 1894 г. окончил Горийское духовное училище. Учился в Тбилис-

ской православной семинарии, из которой исключен за участие в революционном движении. Участник революции 1905–1907 гг. в Закавказье. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В феврале 1913 г. сослан в Туруханский край в Сибирь. В марте 1917 г. вернулся в Петроград. На II Всероссийском съезде Советов был избран в состав первого советского правительства в качестве народного комиссара по делам национальностей и на этой должности находился до 1922 г. В период Гражданской войны возглавлял оборону Царицына. Согласно официальному пропагандистскому мифу, сыграл также большую роль в разгроме Белой Армии А. И. Деникина в 1919 г. В апреле 1922 г. на Пленуме ЦК партии избран ее генеральным секретарем. Известно письмо В. И. Ленина XII съезду партии (1923), где он давал следующую характеристику Сталину: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». При Сталине как главе Советского государства были проведены коллективизация в деревне (стоившая тысячи жизней разоренного крестьянства), индустриализация в промышленности, так называемая культурная революция. К середине 1930-х гг. сложился культ личности Сталина, что отразилось и в произведениях советского фольклора. На XX съезде партии (1956) была сделана попытка разоблачить этот культ и пересмотреть роль Сталина в истории России.

5 (70). ТН СССР. С. 100–104.

Записано от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в марте 1937 г.

Новина ориентирована на поэтику былин. Сталин здесь рисуется в образе богатыря, вступающего в сражение с вражеской силой. Идеологически важным оказывается мотив его дружбы с Лениным.

6 (71). Крюкова 1939. С. 44–60.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1938 г.

Новина представляет собой произведение, в котором тесно переплетаются лирическое (повествование сказительницы от первого лица о ее собственном путешествии по СССР) и эпическое (изложение биографии И. В. Сталина) начала. Произведение было сложено после того, как М. С. Крюкова весной 1938 г. побывала на отдыхе на Кавказе – в Азербайджане и в Грузии. Здесь она посетила музей И. В. Сталина на его родине в с. Гори – культовое место во времена сталинского режима.

7 (72). Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940. С. 109–114.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, уроженца дер. Гарницы Заонежского р-на Карело-Финской ССР, в Петрозаводске около 1940 г. По-видимому, самозапись грамотного сказителя.

В новине упомянуты следующие лица. Климентий Ефремович – Ворошилов (см. с. 938–939); Семен – С. М. Буденный (см. с. 936); Фрунзе (см. с. 944); Антикайнен (см. с. 947–948); Калинин (см. с. 953–954).

Новина построена на былинных топосах, и образ Сталина рисуется как образ богатыря, вступающего в единоборство с врагом.

8 (73). БПК. № 52.

Самозапись 1939 г. Никифора Васильевича Кигачева из дер. Тубозеро Рындозерского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР.

Новина составлена сказителем во время пребывания его в Петрозаводске. Навеяна прочитанной им литературой.

В основу новины положено изображение того эпизода в истории Гражданской войны, который в советской историографии было принято называть деникинщиной.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий вооруженными силами Белой Армии на юге России во время Гражданской войны. В Первую мировую войну командовал дивизией, корпусом, с 1917 г. – Западным и Юго-Западным фронтом. В конце 1917 г. стал одним из организаторов Добровольческой армии, состоявшей первоначально только из офицеров. После гибели Л. Г. Корнилова (13 апреля 1918 г.) возглавил Добровольческую армию. Подчинил себе также Донскую и Кубанскую казачьи армии. В 1919 г. Деникин распространил свою власть на Северный Кавказ, Кубань, Дон, Донбасс. Летом–осенью 1919 г. при поддержке стран Антанты (Англия и Франция) предпринял крупномасштабное наступление на Москву. В октябре им были взяты Воронеж и Орел; угрожал Туле. Южный фронт в это время стал самым важным для большевистского правительства. В результате Воронежско-Касторенской операции против Деникина, в которой участвовал Конный корпус Буденного, в ходе боев преобразованный в Первую конную армию, и Орловско-Кромской операции, руководимой А. И. Егоровым, деникинская армия была разбита. В декабре 1919 г. Красная Армия взяла Харьков и Киев; в начале 1920 г. – Донбасс и Ростов-на-Дону. В марте разгром армии Деникина был завершен на Северном Кавказе. Сам А. И. Деникин ушел в Крым и впоследствии эмигрировал из России с последними кораблями, увозившими остатки Белой армии в изгнание. Автор мемуаров «Очерки русской смуты» (Париж; Берлин, 1920–1925. Т. 1–4).

Согласно официальному мифу, отраженному в различных печатных источниках, в рябининской новине явно преувеличена роль И. В. Сталина как военачальника во время Гражданской войны. Ср. в сталинской Большой советской энциклопедии: «В ответ на наступление белых Ленин от имени Центрального Комитета обратился к партийным организациям со страстным призывом: "Все на борьбу с Деникиным!"

Южный фронт получил массовые пополнения людьми и боевые средства, но нужен был руководитель, который сумел бы сплотить сотни тысяч бойцов, сцементировать их единой волей и обрушить на врага. Центральный Комитет партии посылает Сталина организовать победу на Южном фронте.

Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность, отсутствие стратегического плана. Прогнав из штабов обанкротившихся ставленников Троцкого и потребовав полного невмешательства Троцкого в дела фронта, Сталин отбросил преступный старый план прорыва деникинского фронта от Волги (Царицын) на Новороссийск и составил свой план борьбы, гениально разрешивший задачу. Сталин предложил напра-

вить главный удар на Деникина из района Воронежа через Харьков–Донбасс–Ростов, чтобы рассечь армию контрреволюции на две части. Этот план обеспечил быстрое продвижение Красной Армии по району с пролетарскими центрами, где население с явным сочувствием ожидало Красную Армию <...> План Сталина был принят ЦК.

Сталин развернул гигантскую работу по организации победы. Он наблюдал за ходом операций, исправлял на ходу ошибки, подбирал командиров и политработников, вдохновлял их на борьбу <...> Реализация плана Сталина привела к полному разгрому Деникина. По инициативе товарища Сталина была создана I Конная армия во главе с Буденным, Ворошиловым, Щаденко. Легендарная Конная армия, поддержанная армиями Южного фронта, покончила с войсками Деникина» (Сталин Иосиф Виссарионович // Большая советская энциклопедия. М., 1947. Т. 52. Стб. 560).

Ниже дается комментарий к отдельным именам, упомянутым в новине.

[1] *Троцкий Лев Давыдович* – см. с. 899.

[2] *Буденный Семен Михайлович* (1883–1973) – военный деятель, Маршал Советского Союза (1935), Герой Советского Союза (1958). Родился в крестьянской семье в Донецкой области. В 1903 г. призван в армию; службу проходил на Дальнем Востоке. Участник Русско-японской войны в 1904–1905 гг. и Первой мировой войны; произведен в унтер-офицеры. Летом 1917 г. в Минске избран председателем полкового комитета. В 1918 г. сформировал конный отряд, переросший в дивизию. Дивизия С. М. Буденного действовала под Царицыном. В начале 1919 г. дивизия совершила успешный рейд по тылам войск генерала Краснова. В июне того же года Конный корпус Буденного сыграл важную роль в отражении наступления А. И. Деникина на Москву во время Воронежско-Касторенской операции. В ноябре 1919 г. Первая конная армия, выросшая из отряда Буденного, завершила разгром войск Деникина на Донбассе и Северном Кавказе. В 1920 г. Первая конная армия участвовала в боях против Врангеля. В 1923 г. С. М. Буденный – помощник главкома Красной Армии по кавалерии. С 1937 г. – командующий войсками Московского военного округа. В 1940 г. – первый заместитель наркома обороны СССР.

[3] *Орджоникидзе Григорий Константинович* (*Серго*) (1886–1937) – партийный и государственный деятель. Активный участник революционного движения в Закавказье в 1905–1907 гг. В 1907 г. был арестован и сослан в Енисейскую губернию, откуда бежал за границу. В 1911 г. нелегально вернулся в Россию. Повторно арестован в 1912 г. и осужден на три года каторги и вечное поселение в Сибири. В июне 1917 г. вернулся в Петроград. Участвовал в организации перехода В. И. Ленина в подполье в июле 1917 г. Активный участник Октябрьского вооруженного переворота и Гражданской войны. В 1919 г. – член Революционного Военного Совета (РВС) 14-й армии Южного фронта. В 1920 г. – член РВС Кавказского фронта; устанавливал советскую власть на Северном Кавказе. С 1930 г. – народный комиссар тяжелой промышленности. Покончил с собой в 1937 г. в условиях угрожающих ему репрессий.

[4] *Шкуро* (*Шкура*) *Андрей Григорьевич* (1887–1947) – генерал-лейтенант. Родился в Кубанской области в семье казачьего офицера. Служил в Ку-

банском казачьем войске. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны в 1918 г. сформировал на Кубани белоказачий отряд, который в 1919 г. соединился с Добровольческой армией А. И. Деникина. После Гражданской войны эмигрировал из России. Согласно официальной советской историографии, во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. захвачен советскими войсками в Чехословакии. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

[5] *Ворошилов Климент Ефремович* – см. с. 938–939.

Новина сложена былинным стихом и построена на трансформированных типических местах русского песенного эпоса: деникинская армия подвигается к Москве (ср. татарская сила обступила Киев); у «дорогого Владимира Ильича Ленина» собирается совет (ср. пир у князя Владимира); Ленин отправляет против Деникина Сталина, Буденного и Орджоникидзе (ср. три центральных богатыря в былинах – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович); седлание советскими богатырями коней; единоборство Сталина и Деникина; бегство Деникина (ср. татарский Калин-царь).

9 (74). *Крюкова М. С.* Как белые Север хотели отнять // Советский Север. 1939. № 2. С. 94–98.

Записано А. Колотиловой от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. около 1939 г.

Новина посвящена событиям англо-американской интервенции на севере России в 1918–1919 гг. В марте 1918 г. в Мурманске высадились первые иностранные солдаты. Летом они захватили северные города Кемь и Онегу; в августе – Архангельск и Шенкурск. В Архангельске было образовано Верховное управление Северной области, во главе которого стал один из старейших участников народовольческого революционного движения Н. В. Чайковский. На островах Мудьюг и Иоканьга были устроены концентрационные лагеря для сторонников советской власти. Согласно советской историографии, через них прошел каждый шестой житель края. Интервенты планировали взять Котлас, который должен был стать плацдармом для наступления на Москву. Большевистским правительством был организован Северный фронт, командующим которого стал М. С. Кедров (1878–1941; репрессирован в конце 1930-х гг., погиб в застенках НКВД – Народного комиссариата внутренних дел). В январе 1919 г. Красная Армия взяла Шенкурск. Летом началась эвакуация англо-американских войск и к осени на Севере остались лишь белогвардейские войска генерала Е. К. Миллера (1867–1937?; генерал-лейтенант царской армии, участник Первой мировой войны; в мае 1919 г. назначен Колчаком главнокомандующим войсками Северной области; после поражения эмигрировал за границу). В феврале 1920 г. советская власть была утверждена в Архангельске и Мурманске.

Новина строится на традиционных фольклорных образах, но использованных аллегорически, что не свойственно традиционным былинам: млада лебедь – советская власть; черны вороны и злые коршуны – ее противники. Согласно официальной пропаганде, Л. Д. Троцкий рисуется как Идолище поганое – «черный изменщик». В уста генерала Милле-

ра вкладываются слова былинного Змея: «Хошь водой стопим, хошь огнем спалим». Убегающие с Севера интервенты заклиналися: «Нам бы век не бывать в Архангельске...» (ср. слова татарского Калина-царя в былине «Илья Муромец и Калин-царь»). Новина заканчивается традиционной формулой «Старым людям на рассказаньице, / Белу морю на тишину», к которой прибавляется славословие советским вождям.

10 (75). *Туруев Т. Е.* Былина о северной авантюре // Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 261–263.

Записано от Тимофея Ефимовича Туруева из дер. Сельга Сегозерского р-на Карельской АССР в феврале 1940 г.

Новина посвящена событиям Гражданской войны на севере России. Ниже дается комментарий к конкретным именам, упомянутым в тексте.

[1] *Миллер Е. К.* см. с. 937.

[2] *Виноградов Павлин Федорович* (1890–1918) – участник Гражданской войны. Родился под Петербургом. С десяти лет работал на Сестрорецком оружейном заводе. С 1905 г. участвовал в революционном движении. В 1912 г. арестован и отдан в солдаты; за отказ от присяги царю приговорен к восьми годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости и в Александровском централе. После Февральской революции вернулся в Петроград. Участник штурма Зимнего дворца. В феврале 1918 г. отправлен в Архангельск для организации продовольственной помощи Петрограду. Летом 1918 г. возглавил Северо-Двинскую речную флотилию, сыгравшую большую роль в оказании сопротивления англо-американским интервентам и белому генералу Е. К. Миллеру. Погиб в бою под городом Котласом в сентябре 1918 г.

[3] *Терехин* и *Хаджи Мурат* – командиры Красной Армии, участвовавшие в описываемых событиях.

11 (76). Из былины про Ворошилова // Карелия: Лит.-худож. альманах. Фольклор Карелии. Петрозаводск, 1938. С. 27–30.

Записано К. Родиной от Петра Григорьевича Горшкова из с. Космозеро Заонежского р-на Карельской АССР в июле 1938 г.

Новина посвящена К. Е. Ворошилову.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – государственный, военный и партийный деятель; Маршал Советского Союза (1935), Герой Советского Союза (1956), Герой Социалистического Труда (1960). Родился в Екатеринославской губ. в семье рабочего-железнодорожника. В революционном движении с 1903 г.; неоднократно арестовывался и подвергался ссылкам. С марта 1917 г. – председатель Луганского совета рабочих депутатов и городской думы. В апреле 1918 г. участвовал в формировании Пятой украинской армии. В 1918–1919 гг. – организатор обороны Царицына. В 1919 г. – один из организаторов Первой конной армии, командующим которой был С. М. Буденный. В 1921–1924 гг. – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В 1925–1934 гг. – нарком по военным и морским делам и председатель Революционного Военного Совета СССР. В 1934–1940 гг. – нарком обороны СССР. Автор ряда работ, преувеличивавших роль Сталина в деле создания Красной Армии

(«Сталин и Красная Армия», 1929; «Сталин и строительство Красной Армии», 1939). В годы Великой Отечественной войны оказался несостоятелен как военачальник, не сумев организовать грамотное сопротивление гитлеровским войскам. В 1946–1953 гг. – заместитель председателя Совета Министров СССР. После XX съезда партии (1956) оказал сопротивление разоблачению культа личности Сталина.

Из былинных типических мест здесь использован мотив седлания героем коня и его битвы с врагом.

12 (77). Крюкова 1939. С. 61–68.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. около 1938 г.

Новина о К. Е. Ворошилове. См. о нем выше.

13 (78). Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940. С. 115–117. Предшествующая публикация: Сказители-орденоносцы Карелии. Петрозаводск, 1939. С. 54–57.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, уроженца дер. Гарницы Заонежского р-на Карело-Финской ССР, в Петрозаводске около 1939 г. По-видимому, самозапись грамотного сказителя.

В сборнике «Былины П. И. Рябинина-Андреева» сделано следующее примечание: «Былина о Ворошилове в первой редакции имела начало, в котором говорилось о жизни тов. Ворошилова до периода гражданской войны, опущенное нами по предложению самого сказителя, поскольку оно с художественной стороны было мало удачным» (с. 133).

14 (79). Былина о Буденном. Сталинград, 1940.

Записано от Андрея Карповича Чурекова из станицы Усть-Бузулукской Кругловского р-на Сталинградской обл.

Первоначальная запись новины была сделана в 1928 г. казаком Иваном Федоровичем Васильевым, впоследствии ставшим сотрудником сталинградской областной газеты «Дети Октября». Сам сказитель, участник Гражданской войны, сложил свою новину на основе песни «Разговор умирающего казака (буденовца) с конем». Новина исполнялась на мотив народной песни «Как на матушке на Неве-реке, на Васильевском славном острове». Со своей новиной А. К. Чуреков неоднократно выступал перед станичниками. После смерти сказителя (1933) осталась его рукопись с записью этого произведения. И. Ф. Васильев перенял этот текст и также исполнял новину в клубах и избах-читальнях.

О *С. М. Буденном* см. с. 936. Ниже дается комментарий к лицам, упомянутым в новине.

[1] *Щаденко Ефим Афанасьевич* (1885–1951) – политработник Красной Армии. В партии большевиков с 1904 г. С ноября 1917 г. – командир красногвардейских отрядов. В ноябре 1918 – январе 1919 г. – член Революционного Военного Совета Десятой армии. Участник обороны Царицына. В ноябре 1919 – июле 1920 г. – член РВС Первой конной армии, командующим которой был С. М. Буденный. После Гражданской войны – на командных должностях в Красной Армии. В 1937–1940 и 1941–1943 гг. –

заместитель наркома обороны СССР. Участник Великой Отечественной войны.

[2] *Ворошилов Климент Ефремович* – см. с. 938–939.

[3] *Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630–1671) – донской казак, предводитель крестьянского восстания 1670–1671 гг. Выдан царским властям казацкими старшинами. Казнен. Герой исторических песен и преданий.

[4] *Пугачев Емельян Иванович* (1740 или 1742–1775) – донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. Выдан царским властям казацкими старшинами. Казнен. Герой исторических песен и преданий.

[5] *Булавин Кондратий Афанасьевич* (ок. 1660–1708) – донской казак, предводитель крестьянского восстания 1707–1708 гг. По одной из версий застрелился при угрозе пленения царскими войсками; по другой – погиб во время перестрелки. Герой исторических песен и преданий.

[6] *Некрасов Игнат* (конец XVII – середина XVIII в.) – донской казак, один из участников Булавинского восстания 1707–1708 гг. После подавления восстания увел часть казаков на пустующие земли Кубани, а затем – в Турцию. Казаки-некрасовцы на чужбине сохранили язык, фольклор, одежду. На протяжении XIX – начала XX в. и в 1962 г. отдельные группы казаков вернулись на родину.

[7] *Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович* (1869–1920) – генерал-лейтенант Белой армии. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны командовал конным корпусом в деникинской армии. В октябре–декабре 1919 г. корпус К. К. Мамонтова был разбит С. М. Буденным в Воронежско-Касторенской и Харьковской операциях. После отстранения от командования скончался в Екатеринодаре от тифа.

[8] *Марков Сергей Леонидович* (1878–1918) – генерал-лейтенант царской армии (1917). Окончил Академию Генерального штаба (1904). Участник Первой мировой войны. В августе 1917 г. принял участие в контрреволюционном мятеже Корнилова, за что был арестован Временным правительством. Бежал на Дон. В Добровольческой армии командовал 1-м Офицерским полком (февраль–май 1918 г.). Умер от ран, полученных в боях с Красной Армией.

[9] *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) – генерал от инфантерии (1914). Окончил Академию Генерального штаба (1890). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В марте–мае 1917 г. – верховный главнокомандующий русской армии. При Временном правительстве А. Ф. Керенского – начальник штаба. В ноябре 1917 г. создал так называемую Алексеевскую организацию, ставшую ядром Добровольческой армии. Умер 8 октября 1918 г.

[10] *Шкуро Андрей Григорьевич* – см. с. 936–937.

[11] *Деникин Антон Иванович* – см. с. 935.

[12] *Троцкий Лев Давидович* – см. с. 899.

[13] Вероятно, имеется в виду *Колесов Николай Петрович* (1891–1928) – командир Красной Армии, награжденный за бои 1919 г. орденом Красного Знамени.

[14] *Коновалов, Гусельщиков, Павлов* – высшие офицеры Белой армии.

[15] *Врангель Петр Николаевич* (1878–1928) – один из главных руководителей Белого движения на юге России. Окончил Горный институт (1901) и Академию Генерального штаба (1910). Участник Русско-японской и

Первой мировой войн. С августа 1918 г. — в Добровольческой армии. Во время отступления Белой армии в конце 1919 — начале 1920 г. выступал за смену главнокомандующего, то есть А. И. Деникина. Отстранен Деникиным от должности и выслан за границу. С апреля 1920 г. — его преемник на посту главкома Белой армии. В апреле—ноябре 1920 г. организовал оборону Крыма от Красной Армии. 7—11 ноября большевистские войска преодолели укрепления крымских перекопов (Перекопско-Чонгарская операция) и вошли в Крым. Вскоре Врангель вместе с последними кораблями ушел за границу в эмиграцию.

В данной новине наличествуют лишь отдельные фольклорные мотивы, трансформированные в соответствии с идеологическим диктатом. Это упомянутый выше песенный лирический мотив прощания буденовца со своим конем, а также изображение Врангеля в образе Змея Горыныча. В остальном новина полностью является произведением индивидуального творчества.

15 (80). Красноармейский фольклор / Сост. В. М. Сидельников. М., 1938. С. 102—105.

В комментариях к первой публикации указано, что текст взят из газеты «Красный чапаевец» (орган политотдела 25-й стрелковой дивизии им. Чапаева — 1921. № 14). К сожалению, с этим источником мы не смогли ознакомиться.

Эта новина является первым, известным нам, произведением в былинной форме о В. И. Чапаеве.

Чапаев Василий Иванович (1887—1919) — герой Гражданской войны. Родился в бедной крестьянской семье в дер. Будайки в Чувашии. С 1914 г. находился на фронтах Первой мировой войны. За отвагу награжден тремя Георгиевскими крестами. Получил звание подпрапорщика. В декабре 1917 г., находясь в Саратове на излечении после ранения в госпитале, присоединился к большевикам. Был избран командиром 138-го запасного пехотного полка. С ноября 1918 г. до января 1919 г. находился на учебе в Академии Генерального штаба. Командовал бригадой, а затем дивизией в Красной Армии. Дивизия воевала под Бугурусланом и Уфой. В битве при Уфе был ранен. В июле 1919 г. дивизия В. И. Чапаева взяла г. Уральск. 5 сентября 1919 г. Чапаев погиб около г. Лбищенска.

Широкую известность имя Чапаева получило в связи с романом Д. Фурманова «Чапаев» (1923), культовым же оно стало после выхода на экран фильма режиссеров Г. Н. и С. Д. Васильевых под тем же названием (1934). Фильм Васильевых, являющийся классикой российского кино эпохи Советского Союза, — произведение по-настоящему высоко художественное. Эта кинокартина, без сомнения, послужила толчком для мифологизации образа Чапаева. Достоверно известно, что в тридцатые годы мальчишки играли «в Чапаева». Данный текст свидетельствует, однако, что мифологизация фигуры Чапаева началась задолго до романа Фурманова и фильма Васильевых.

Новина сложена былинным стихом. Здесь использованы сказочные мотивы: рождение героя в бедной семье и нежелание богачей идти на пир к отцу героя (то есть в крестные отцы, согласно традиционной сказке); наделение новорожденного героя долей тремя чудесными странниками.

Но мотив этот переработан согласно советской идеологии: странниками оказываются Емельян Пугачев, Степан Разин и Ермак — исторические персонажи, вступавшие в конфликты с официальной властью. Во второй части новины повествуется о реальной биографии Чапаева: о его битвах с войсками Колчака и гибели под Лбищенском.

16 (81). Былина о Чапаеве / Зап. от П. И. Рябинина // Северо-Западный водник. 1937. 3 марта. № 130. Републикации: Знамя. 1937. № 5. С. 190—195; Карелия: XX: Лит.-худож. сб. Карельского Союза советских писателей. Петрозаводск, 1937. С. 197—204; *Рябинин-Андреев П. И.* Былина о Чапаеве // Народное творчество. 1938. № 9. С. 51—53; Чапай: Сб. нар. песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое Гражданской войны В. И. Чапаеве / Сост. В. Паймен. М., 1938. С. 24—31; Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940. С. 118—123.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева из Заонежского р-на Карельской АССР в 1937 г. Собиратель в публикации не назван. В газете о новине сказано: «Ее записал наш сотрудник, когда товарищ Рябинин пел "Чапаева" на собрании работников бассейнового комитета речников».

Текст в журнале «Народное творчество» имеет некоторые разночтения с первоначальной публикацией. Так, здесь нет ст. 50; ст. 51 дан как «Да пройдет по-времечки и всех шесть годов»; отсутствует ст. 62; в ст. 65 явно ошибочно напечатано «жеребчека наезжена»; ст. 85 дан как «Защищайте власть пролетарскую»; ст. 97 как «Они делали сговор между собой»; ст. 115 «На ходу он двери поразмахивал». Стихи 127—130 представлены следующим образом: «Ай, богатыри вы земли русскоей, / Земли русскоей да пролетарскоей, / Постоять велел за правду за отечество, / Не велел давать в обиду трудовой народ». После ст. 133 дан стих «Землю русскую от неприятеля»; после ст. 142 — «Да во том ли городе Уральскоем, / Тая ли сила неприятельска». Стихи 148—149 даны как «Колотили с вами мы Деникина, / Не давали мы пощады и Юденичу». Ст. 155 отсутствует; ст. 197 дан как «За его отвагу за геройскую»; ст. 199 — как «От своей ли славной власти пролетарской»; ст. 228 отсутствует; ст. 229 дан как «Не успел Василий выплыть на берег»; ст. 230—231 дан как один ст. «А поспела пуля неприятеля»; ст. 241 дан как «И прогнали с матушки большой реки»; ст. 244 — как «Наскочить на нашу родину советскую»; ст. 246 — как «Что в былые года им Чапаев дал»; ст. 248 — как «Пролетарский народ живет да царствует». После ст. 254 добавлены два стиха «А ведь вновь былины составляются, / Да ведь тем эта былиночка кончается».

Равным образом отдельные разночтения с первоначальной публикацией имеются и в других перепечатках. Например, в «Былинах П. И. Рябинина-Андреева» ст. 19 звучит как «А со всех концов да свету белого»; ст. 49—50: «Первых три году ты прожди за себя, / Других три году ты прожди за меня»; в ст. 68: «Скоро-наскоро...»; в ст. 115: «На ходу...» После ст. 133 дана строка «Землю русскую от неприятеля»; ст. 138 и 155 пропущены; после ст. 160: «Из ружья стрелял, рубил он саблей острою»; ст. 175 звучит как «Они вплавь да через речку бросились»; ст. 208 — «Крепко спать бойцы легли да во белых шатрах»; после ст. 254 дано

«А ведь вновь былины составляются, / Да ведь тем эта былиночка кончается».

Фольклорист М. И. Кострова сообщала о своей работе с П. И. Рябининым-Андреевым над былиной о Чапаеве следующее: «Первым толчком к мысли о былине о Чапаеве послужил кинофильм "Чапаев", впервые просмотренный П. И. Рябининым в 1935 г. в Петрозаводске, в дни празднования столетия "Калевалы". Под непосредственным влиянием этой кинокартины Петр Иванович тут же, на заключительном заседании в дни юбилейных торжеств, взял на себя торжественное обязательство — создать былину о Чапаеве. Вскоре после этого ленинградские писатели прислали Петру Ивановичу роман Фурманова "Чапаев", который он сразу прочел. Через некоторое время молодому творцу пришлось быть в Петрозаводске, и он снова сходил в кино, чтобы посмотреть "Чапая"» (Доклад фольклориста М. И. Костровой о работе со сказителями П. И. Рябининым и Ф. А. Конашковым на совещании по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг.: Сборник документов. М., 1994. С. 163). Работа над текстом новины происходила следующим образом. П. И. Рябинин-Андреев приносил М. И. Костровой написанные наброски своего произведения, а фольклористка редактировала их: «Общее количество написанных строк в "Чапаеве" равняется приблизительно 100 из 280, — эти записи у сказителя играли роль черновых набросков. Каждый раз во время нашей совместной работы по оформлению былин Петр Иванович приносил мне и показывал небольшой (стихов 25—40) написанный им отрывок. Обычно это была основная тема той части, которую в данный день он хотел развивать и отделывать <...> Из отрывка в 40 стихов попадало в окончательный текст былины без изменения так 10 стихов, если это было удачно переработанное и приспособленное к современной тематике "общее место" традиционных былин. Чаще же от него оставалось стихов 5—6. Прежде всего эти написанные стихи сплошь и рядом "не брались на голос", в чем Петр Иванович тотчас же сам убеждался, как только начинал "пропевать" этот отрывок. Так в них, как правило, отсутствовали повторы и развернутые стилистические образы. При пении у П. И. Рябинина как бы сами собой возникали эти повторы, и первый записанный мною с голоса вариант того или иного отрывка уже увеличивался раза в полтора» (с. 164—165).

Новина о Чапаеве строится согласно официальному мифу о Сталине как гениальном полководце. В июне 1918 г. Центральный Комитет партии направил И. В. Сталина в качестве руководителя продовольственных отрядов на юг России. Прибыв в Царицын, он взял на себя организацию обороны этого стратегически важного для большевиков города. «Соединение в одном лице прозорливости политического вождя и талантливого полководца позволило Сталину разгадать роль Царицына как места главного удара со стороны контрреволюции. Взятие Царицына отрезало бы Республику от последних хлебных ресурсов, от бакинской нефти <...> Надо было во что бы то ни стало удержать в руках Советской власти Царицын. Очистив железной рукой город от белогвардейских заговорщиков, добыв и послав в голодающие столицы значительное количество продовольствия, Сталин целиком занялся обороной Царицына. Беспощадно ломая сопротивление контрреволюционных специалистов, при-

сланных и поддерживаемых Троцким, Сталин быстрыми и решительными мерами реорганизовал разрозненные отряды, ускорил прибытие из Донбасса частей Ворошилова, ставших ядром вновь сформированной 10 армии. Железная воля и гениальная прозорливость Сталина отстояли Царицын, не дали белым прорваться на Москву» (Сталин Иосиф Виссарионович // Большая советская энциклопедия. М., 1947. Т. 52. Стб. 558).

Ниже дается комментарий к конкретным именам, упомянутым в новине.

[1] *Фрунзе Михаил Васильевич* (1885–1925) – государственный, партийный и военный деятель. Родился в г. Пишпеке (в советские времена – Фрунзе: в настоящее время – Бишкек в Киргизии) Семиреченской обл. Отец – молдаванин; мать – русская крестьянка. После окончания гимназии в г. Верном (Алма-Ата) поступил в Петербургский политехнический институт. Выслан из столицы за участие в студенческом революционном движении. В мае 1905 г. возглавил руководство Иваново-Вознесенской стачкой, в ходе которой был создан первый Совет рабочих депутатов. Арестован в 1907 г., приговорен к смертной казни, замененной десятилетней каторгой. В 1915 г. выслан в Верхоянский уезд в Сибирь, откуда бежал. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Во время Гражданской войны проявил себя как талантливый военачальник. Провел ряд успешных операций против Колчака и Врангеля. В 1920–1924 гг. – командующий войсками Украины и Крыма. С января 1925 г. – председатель Революционного Военного Совета СССР и народный комиссар по военным и морским делам. Умер 31 октября 1925 г. во время медицинской операции. Существует версия, что он был зарезан врачами по тайному приказу Сталина, видевшему в его лице конкурента в борьбе за власть.

[2] *Деникин Антон Иванович* – см. с. 935.

[3] *Юденич Николай Николаевич* (1862–1933) – генерал от инфантерии царской армии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В июне 1919 г. при поддержке Эстонии сформировал белогвардейскую Северо-Западную армию и предпринял наступление на Петроград, захлебнувшееся осенью того же года. Войска Юденича отступили в Эстонию. Сам он эмигрировал в Англию.

[4] *Балахович* (*Бей-Булак-Балахович*) *Станислав Никодимович* (1883–1940) – ротмистр царской армии. В Гражданскую войну воевал в армии Юденича. Летом 1920 г. создал на территории Польши отряд в пять тысяч человек, который совершил кровавый рейд по западным окраинам Советской России.

[5] *Колчак Александр Васильевич* (1873–1920) – адмирал царского флота. Родился в семье морского офицера. В 1894 г. окончил Морской корпус. Участник полярной экспедиции 1900–1902 гг. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С июля 1916 г. – командующий Черноморским флотом. Командирован Временным правительством в США как специалист по минному делу. В конце 1917 г. вернулся в Россию на Дальний Восток. В октябре 1918 г. прибыл в Омск и при поддержке англичан установил в Сибири военную диктатуру в качестве Верховного правите-

ля Российского государства. Большевики оказали Колчаку в Сибири крупномасштабное партизанское сопротивление. В декабре 1919 г. арестован белочехами и передан Политическому центру партии эсеров в Иркутске. По приговору революционного комитета расстрелян 7 февраля 1920 г.

[6] *Фурманов Дмитрий Андреевич* (1891–1926) – участник Гражданской войны; советский писатель. Родился в крестьянской семье. В 1912–1914 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Во время Первой мировой войны служил братом милосердия. В 1919–1921 гг. – на фронтах Гражданской войны в качестве комиссара; комиссар Чапаевской дивизии. В 1924–1925 гг. – секретарь Московской ассоциации пролетарских писателей. Автор романов «Чапаев» (1923), «Мятеж» (1925), очерков о М. В. Фрунзе (1925).

Новина сложена былинным стихом и строится на традиционных песенно-эпических мотивах, трансформированных в произведении советского характера: мотив превращений Чапаева в рыбу-щуку, серого волка и птицу-сокола (ср. с былинным Волхом Всеславьевичем); мотив сборов богатыря в чисто поле поляковать; образ вещей матери, расспрашивающей, когда ждать возвращения сына (ср. с былиной «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»); седлание коня; молодецкая поездка; описание неприятельской силы под Уральском (ср. соответствующие описания татарской силы под Черниговом и Киевом в традиционных былинах); битва героя с врагами.

17 (82). БПК. № 30.

Записано К. В. Чистовым от Ивана Терентьевича Фофанова из дер. Климово Авдеевского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в июле 1938 г.

В комментариях к публикации сказано: «Данный текст представляет вариант "Былины о Чапаеве" карельского сказителя Т. Е. Туруева <...>, последняя в свою очередь восходит к редакции П. И. Рябинина-Андреева <...> Фофанов усвоил былину по книге, подаренной ему на конференции сказителей в мае–июне 1939 г. Текст очень близок к туруевскому и существенных отличий от него не имеет, за исключением особенностей языка (у Туруева язык ближе к литературному)» (с. 480).

Новина Т. Е. Туруева (Туроева) напечатана: *Туроев Т. Е.* Былина о Чапаеве // Карелия: Лит.-худож. альманах. Фольклор Карелии. Петрозаводск, 1938. С. 30–34 (пер. с карельского). И. Т. Фофанов, познакомившийся с опубликованным текстом новины Т. Е . Туруева, действительно, в своем произведении следовал за данным образцом довольно точно. Так, он повторил туруевское начало с прямым обращением к слушателям. Ср. у Е. Т. Туруева:

Слушайте вы, дорогие товарищи,
Расскажем мы вам былину,
Былину про удалого, храброго молодца
Могучего богатыря Чапаева.

Вслед за Е. Т. Туруевым И. Т. Фофанов вводит мотив обучения Чапаева «хитростям». Ср. в туруевском тексте:

Учился всяким хитростям,
Всяким хитростям, всяким мудростям:
Ясным соколом летать по воздуху,
Серым волком рыскать по лесу.

18 (83). *Крюкова М. С.* Сказания / Вступ. статья В. Попова // Новый мир. 1937. № 5. С. 29–36. Републикации: Крюкова. Сказания 1937. С. 45–64; Чапай: Сб. нар. песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве / Сост. В. Паймен. М., 1938. С. 31–45; Крюкова 1939. С. 71–90.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1937 г.

Две разновременные публикации в журнале «Новый мир» и в «Сказаниях» 1937 г. в основном совпадают слово в слово. Из существенных отличий укажем на то, что в сборнике несколько иначе изложен эпизод с недовольством урядников теми песнями, которые поет Чапай-гусляр народу:

И говорили ему тут урядники:
«Почему не пропеваешь про роды царские,
Поешь песни про разбойничков,
Про ночных да подорожничков?»
(Крюкова. Сказания 1937. С. 46)

В сборнике отсутствует ответ Чапаева, который он дает урядникам, согласно тексту, опубликованному в «Новом мире». Текст в «Новинах М. С. Крюковой» 1939 г., как и в сборнике «Чапай», дословно совпадает с публикацией в сборнике «Сказания Марфы Семеновны Крюковой» 1937 г.

В отличие от взаимосвязанных новин о Чапаеве П. И. Рябинина-Андреева, Т. Е. Туруева и И. Т. Фофанова, произведение М. С. Крюковой самостоятельно. Сказительница более подробно, чем другие певцы, излагает опоэтизированную биографию своего героя: повествуется о его предвоенной молодости; дается романтическая история взаимоотношений героя с девушкой Катеринушкой; рассказывается об экзамене в «наукодемии» (Академии Генерального штаба); вводится образ Петруши (по кинофильму – Петька).

Ниже дается комментарий к конкретным именам, упомянутым в новине.

[1] *Дутов Александр Ильич* (1864–1921) – полковник царской армии; один из руководителей белого казачьего сопротивления на юге Урала. В июне 1917 г. избран председателем Всероссийского казачьего съезда, проходившего в Петрограде. Готовил в июле выступление казачьих войск в столице. В сентябре 1917 г. избран атаманом Оренбургского казачьего войска. В ноябре возглавил вооруженное выступление против советской власти. В 1918–1919 гг. – командующий Оренбургской отдельной казачьей армией, входившей в состав войск Колчака. В марте 1920 г. эмигрировал в Китай. Убит в 1921 г. казаком в своем штабе в г. Суйдине.

[2] *Колчак Александр Васильевич* – см. с. 944.

Новина сложена былинным стихом и строится на традиционных песенно-эпических мотивах, существенно трансформированных в данном тексте: мотив возвращения героя домой, его расспросы встречных, все ли в доме по-прежнему, и ответ об измене молодой жены (ср. балладу «Князь, княгиня и старицы», где ответ стариц об измене был клеветой на героиню); седлание коня и вооружение героя доспехами (среди доспехов — «пулеметное орудие-максимочка»); эпизод с освобождением девицы Катеринушки от «злодея енерала» (ср. «Козарин»); мотив битвы героя с «сорока енералами, сорока полковниками» (ср. «Илья Муромец и Калинцарь»); выбор героем коня; эпизод, где «енералы» просят пощады («Уж не будем мы летать на советску Русь, / Уж не будем уносить мы живком людей») (ср. «Добрыня и Змей»); мотив вещего сна, который снится Петруше; мотив удвоения войска-силы, которую рубят герои (ср. с былинами о гибели русских богатырей); мотив грядущего воскрешения Чапаева (ср. с преданиями о Степане Разине).

19 (84). *Рябинин П. И.* Былина о Тойво Антикайнене // Народное творчество. 1938. № 9. С. 53—54. Републикации: Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 264—268; Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, статья и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940. С. 124—127.

Записано от Петра Ивановича Рябинина-Андреева из Заонежского р-на Карельской АССР около 1938 г. Скорее всего, это самозапись сказителя.

При републикациях новина подвергалась некоторой редактуре, в которой явно участвовал сам сказитель. Так, в сборнике «Былина П. И. Рябинина-Андреева» ст. 45 звучит как «Да не сдал Кронштадта и юденичам» (вместо: деникинцам), что более соответствует реальным событиям истории (Деникин никогда не угрожал Петрограду и Кронштадту, Юденич же развернул свою армию именно в этом регионе). После ст. 53 даны стихи «А у Тойвы во буйноей головушке, / Да его ли сердце молодецкоем». Стих 99 дан как «Так ведь эта ли сотня быстроходная». После ст. 114 приведен большой отрывок:

А не надобно нам бога на помочь,
Да святую пречистую богородицу.
У нас есть в руках винтовочки пятизарядные,
А у пояса висят наганы меткие.
Воробья стреляли за пятьсот шагов,
Лахтарей будем бить за целу тысячу.

После ст. 128:

Не удалось видеть им зверей и птиц,
Не удалось им в Онежском озере да лососей иматъ,
Лососей иматъ да сигов выловить.

Центральным в новине стал образ Т. Антикайнена.

Антикайнен Тойво (1898—1941) — один из организаторов коммунистической партии в Финляндии. Родился в Хельсинки в семье рабочего. С 1915 г. — член социал-демократической рабочей партии Финляндии. В августе 1918 г. участвовал в работе Учредительного съезда компартии

Финляндии. Эмигрировал в Советскую Россию. Служил в Красной Армии. Принимал участие в подавлении Кронштадтского антисоветского восстания в марте 1921 г. В январе 1922 г. руководил операцией по разгрому белофинских интервентов в Карелии. Вернулся в Финляндию и развернул революционную пропаганду в подполье. В ноябре 1934 г. был арестован и приговорен к пожизненной каторге. В мае 1940 г. под давлением Советского правительства освобожден из тюрьмы и приехал в СССР. Тогда же его имя стало популярным в Карелии. В июне 1940 г. он был избран депутатом Верховного Совета СССР от Карело-Финской ССР. Погиб 4 октября 1941 г. во время Великой Отечественной войны.

Ниже дается комментарий к конкретным именам, упомянутым в новине.

[1] *Юденич Николай Николаевич* – см. с. 944.

[2] *Илмарийнен* – белофинский генерал, заимствовавший себе имя из «Калевалы».

[3] *Ворошилов Климент Ефремович* – см. с. 938–939.

20 (85). Сила храбрая, красноармейская: Сказ о Красной Армии М. Р. Голубковой / Зап. Н. Леонтьев // Север: Литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Архангельск, 1938. № 5. С. 100–104.

Записано Н. П. Леонтьевым от Маремьяны Романовны Голубковой из дер. Голубково Нижнепечорского р-на Ненецкого национального округа Архангельской обл. в 1938 г. В публикации сказано, что сказ был записан в г. Нарьян-Маре в течение десяти дней – с 10 по 20 февраля 1938 г.

В отличие от предыдущих новин о Гражданской войне, сосредоточенных на конкретных эпизодах и именах этого исторического периода, данный текст дает общую ее картину и прославляет Красную Армию. Как и многие другие произведения советской тематики, новина строится на противопоставлении старой жизни (царской армии) и новой (Красной Армии).

Новина сложена песенно-эпическим стихом. Фольклорные топосы здесь отсутствуют.

НОВИНА О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОЛХОЗОВ

21 (86). ТН СССР. С. 349–350.

Записано от Сироткина Александра Петровича из дер. Яровой Армизонского р-на Омской обл. около 1937 г.

В новине прославляется строительство колхозов, начавшееся в 1929–1931 гг. Произведение сложено раешным стихом. Очевидно, что былинной традицией исполнитель не владел. Новину можно считать полностью плодом индивидуального творчества сказителя. Связи с фольклорной традицией здесь весьма условные.

НОВИНА О КИРОВЕ

22 (87). Киров. С. 30–36.

Записано от Никифора Васильевича Кигачева из дер. Тубозеро Пудожского р-на Карельской АССР около 1938 г.

О *С. М. Кирове* см. с. 909–910. К ст. 15 в публикации сделано примечание: «Тов. Киров в 1905 г. в Томске создал боевую дружину и организовал отпор черной сотне». К ст. 28 дано примечание: «20 октября 1905 г. в Томске был подожжен черносотенцами театр, в котором происходил революционный митинг, и здание Управления Сибирской железной дороги, в котором укрылись участники митинга. Только благодаря решительности т. Кирова и руководимой им боевой дружины большинство людей, находившихся в здании, было спасено».

Деникин Антон Иванович – см. с. 935.

Колчак Александр Васильевич – см. с. 944.

Юденич Николай Николаевич – см. с. 944.

Миллер Е. К. – см. с. 937.

Новина создана былинным стихом. Песенно-эпические топосы здесь не использованы.

НОВИНА О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

23 (88). Крюкова 1939. С. 115–118.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. около 1938 г.

Новина излагает официальную версию биографии М. Горького как верного друга Ленина и Сталина, точно так же, как и версию его отравления врагами советской власти. См. о Горьком с. 911–912.

НОВИНЫ О ГЕРОЯХ АРКТИКИ

24 (89). Былина о челюскинцах // Студенческие записки филологического факультета (специальный номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского кружка) / Ленингр. гос. ун-т; Отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937. С. 112–116. Републикация: Сказания о героях Арктики. С. 18–23.

Записано В. В. Чистовым от Матвея Егоровича Самылина из дер. Демидово Космозерского сельского совета Заонежского р-на Карельской АССР 29 августа 1937 г.

Текст в сборнике «Сказания о героях Арктики» имеет некоторые разночтения по сравнению с первой публикацией. Так, ст. 26–27 даны в один стих: «Приехали удалы молодцы в царство датское»; ст. 60 – пропущен; ст. 122–123 – даны как «Мы готовим уж самолеты вам, / Для спасения вас, да товарищи»; ст. 133 – пропущен (по-видимому, в связи с упоминанием там ангелов); изменения имеются также в ст. 142, 167, 169.

Новина повествует о челюскинцах – об одной из страниц из истории покорения Арктики. В 1933 г. в Дании для Советского Союза был построен пароход «Челюскин», который тогда же вышел в рейс из Ленинграда через скандинавские страны с целью пройти из Мурманска во Владивосток по Северному морскому пути за одну навигацию. Начальником экспедиции, состоявшей из 111 человек, был О. Ю. Шмидт, капитаном корабля – В. И. Воронин. В Беринговом проливе «Челюскин» был затерт льдами и вынесен в Чукотское море. 13 февраля 1934 г. пароход затонул, раздавленный льдами. Участники экспедиции высадились на лед, развернули лагерь и сумели по радио вызвать помощь. За несколько недель они

были вывезены самолетами на мыс Ванкарем. В эвакуации челюскинцев участвовали летчики А. В. Ляпидевский, С. А. Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Г. Слепнев, М. В. Водопьянов, И. В. Доронин — первые герои Советского Союза.

Ниже приводится комментарий к конкретным именам, упомянутым в новине.

[1] Поколен-Борода — принятое многими сказителями прозвище О. Ю. Шмидта. *Шмидт Отто Юльевич* (1891—1956) — математик, астроном, геофизик, географ; академик АН СССР (с 1935 г.). Герой Советского Союза (27 июня 1937 г.). В 1913 г. окончил Киевский университет. С 1916 г. — приват-доцент университета. После 1917 г. — член ряда народных комиссариатов. В 1932—1939 гг. — начальник Главсевморпути. В 1939—1942 гг. — первый вице-президент АН СССР. В 1930—1932 гг. — директор Всесоюзного арктического института; в 1938—1948 — основатель и директор Института теоретической геофизики АН СССР. В 1929 г. возглавил экспедицию на ледоколе «Георгий Седов» на Землю Франца Иосифа; в 1930 г. — экспедицию к Северной Земле. В 1932 г. на ледоколе «Сибиряков» впервые прошел северным морским путем за одну навигацию. В мае 1937 г. руководил воздушной экспедицией по организации первой дрейфующей станции «Северный полюс-1» («СП-1»), высадившей в районе полюса четырех полярников (И. Д. Папанин, П. И. Ширшов, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров).

[2] Умна-Голова — эпическое прозвище полярного капитана «Челюскина» Владимира Ивановича Воронина (1890—1952).

[3] *Карина Васильева* — девочка, родившаяся в условиях арктического перехода на ледоколе «Челюскин» в Карском море 31 августа 1933 г. Ее родители — Васильевы Василий Гаврилович и Доротея Ивановна, сотрудники Всесоюзного арктического института, направлявшиеся на «Челюскине» на зимовку на остров Врангеля.

[4] Имеется в виду Борис Могилевич, завхоз «Челюскина», погибший при выгрузке экипажа на лед.

Новина сложена былинным стихом. От традиционной композиции героической былины здесь сохранилась лишь отправка героев главой государства на подвиг (ср. князь Владимир и Илья Муромец, отправляемый им на битву с Калиным-царем; или князь Владимир и Добрыня Никитич, посылаемый на Пучай-реку для битвы со Змеем). Традиционные песенно-эпические места в данном тексте отсутствуют.

25 (90). *Крюкова М. С.* Сказания / Вступ. статья В. Попова // Новый мир. 1937. № 5. С. 25—29. Репубикации: Крюкова. Сказания 1937. С. 65—77; Крюкова 1939. С. 91—102.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в июне 1937 г.

Разновременные публикации в основном совпадают слово в слово, но тем не менее некоторые отличия имеются. Из существенных отличий укажем на эпизод с гибелью одного из участников экспедиции челюскинцев — Бориса Могилевича. В прорисовке этого образа явно сказывается реминисценция образа былинного Садко и мифологических представле-

ний о человеческой жертве водному божеству. В тексте, опубликованном в сборнике «Сказания Марфы Семеновны Крюковой» 1937 г. (как и в сборнике 1939 г.), мифологическое начало сглажено: там отсутствуют ст. 105–106, в которых отразилось представление о том, что человек, принесенный в жертву, становится мифологическим стражем клада, корабля и т. д.

В сборнике 1939 г. внесено еще одно значимое идеологическое изменение. Здесь в ст. 68–69 вместо образа В. К. Блюхера, охраняющего дальневосточные границы СССР, дан образ безымянного красноармейца. Эта правка обусловлена тем, что В. К. Блюхер в 1938 г. был арестован и расстрелян как «враг народа» 9 ноября того же года.

[1] *Блюхер Василий Константинович* – см. с. 932.

[2] Поколен-Борода – эпическое прозвище О. Ю. Шмидта. См. с. 950.

26 (91). Сказание про полюс // Комсомольская правда. 1937. 24 июня. № 143. Републикации: Советская Арктика. 1937. № 11. С. 96–99; Крюкова 1939. С. 103–108.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в июне 1937 г. Новина записана в Архангельске, куда М. С. Крюкова была вызвана для участия в областной олимпиаде народного творчества.

При републикации текст произведения практически не менялся, если не считать отдельных фонетических исправлений и явно случайного (не связанного с идеологической правкой) пропуска одной из строк.

Новина посвящена летчикам, высадившим в мае–июне 1937 г. на Северный полюс членов первой дрейфующей станции. Номер газеты «Комсомольская правда» весь отдан для освещения возвращения на большую землю экипажей самолетов, участвовавших в высадке экспедиции (летчики: М. Водопьянов, В. Молоков, И. Спирин, А. Алексеев, М. Бабушкин). Здесь помещены фотографии дрейфующей станции «Северный полюс-1», очерки о высадке экспедиции на льдину, речи О. Ю. Шмидта (руководившего операцией), указы о награждении летчиков и О. Ю. Шмидта званием Героев Советского Союза. 29 июня 1937 г. газеты напечатали письмо новых Героев Советского Союза, обращенное в Совет народных комиссаров, где выражалась благодарность коммунистической партии и славословилось имя Сталина: «С чувством великой любви, горячей преданности и благодарности, с чувством гордости за великую страну нашу обращаемся сегодня мы к вам. Северный полюс завоеван большевиками! <...> Да здравствует партия Ленина–Сталина, воспитавшая нас! Да здравствует близкий, родной и любимый вождь наш – Иосиф Виссарионович Сталин!» (Комсомольская правда. 1937. 29 июня. № 147).

Самолеты, высадившие экспедицию И. Д. Папанина на льдину, на обратном пути совершили перелет Амдерма–Архангельск, где экипажи остановились на отдых. Как сообщила газета, «старушка-поморка Марфа Семеновна Крюкова передала Отто Юльевичу (Шмидту, руководителю полярной экспедиции. – *Т. И.*) былины о нем» (Участники экспедиции на Северный полюс в Архангельске // Комсомольская правда. 1937. 24 июня. № 143).

В новине, по-видимому, нашли отражение следующие страницы из истории покорения Арктики, ставшие известными М. С. Крюковой. В 1594–1597 гг. голландский мореплаватель Баренц Виллем (ок. 1550–1597) совершил три плавания по Северному Ледовитому океану с целью отыскания северо-восточного прохода из Атлантического океана в Тихий. В последнем плавании 1596–1597 гг. непроходимые льды заставили экспедицию зазимовать на Новой Земле, где Баренц и скончался. В 1933 г. советской полярной экспедицией были проведены раскопки в районе зимовки Баренца, в результате чего найден ряд предметов, в том числе деревянный башмак, который сейчас хранится в Петербурге в музее Арктики и Антарктики.

Второй эпизод, упомянутый М. С. Крюковой, по-видимому, следующий. В 1845 г. английский полярный исследователь Джон Франклин (1786–1847) возглавил экспедицию на судах «Эребус» и «Террор»; экспедиция завершилась гибелью всех ее участников. Остатки экспедиции были обнаружены на берегу острова Кинг-Уильям Ф. Л. Мак-Клинтоком во время плавания в 1857–1859 гг.

Третий эпизод относится к 1928 г., когда итальянский конструктор дирижаблей Умберто Нобиле (1885–1978) организовал экспедицию на дирижабле «Италия», потерпевшем катастрофу в районе Шпицбергена. Трое из уцелевших участников экспедиции (Цаппи, Мариано, Мальмгрен) покинули лагерь. Цаппи и Мариано были спасены советским ледоколом «Красин»; удовлетворительного объяснения о судьбе Мальм-грена общественность так и не получила, поэтому и возникла гипотеза о каннибализме. Остальные члены экипажа дирижабля также были спасены «Красиным»; сам Нобиле был вывезен шведским летчиком Лундборгом.

Новина сложена былинным стихом. Традиционные типические места русского песенного эпоса в ней отсутствуют. Единственный подлинно фольклорный образ, используемый сказительницей, – это образ кита, на котором стоит земля.

27 (92). Советские соколы: Былина / Зап. А. В. Мухин // Литературный Воронеж. 1938. № 4. С. 287.

Записано А. В. Мухиным от Ивана Власовича Ольховского, 43 лет, из пос. Маникинский Александровского сельского совета Чигольского р-на Воронежской обл. 13 августа 1938 г.

Новина посвящена летчикам, высадившим на льдину папанинцев – членов экспедиции «СП-1».

Леваневский Сигизмунд Александрович см. с. 912.

Данная новина создана сказителем из небылинного региона и никак не связана с подлинной фольклорной традицией.

28 (93). Крюкова 1939. С. 109–114.

Записано В. Поповым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. около 1938 г.

Новина посвящена папанинцам (см. о них ниже). Произведение построено на соединении лирического начала (повествование от первого лица с прорисовкой образа самой сказительницы, ожидающей, не прибьет ли льдину с папанинцами к ее беломорской деревне) и эпического повествования. Новина сложена песенно-эпическим стихом и вписана в былинную

традицию: Илье Муромцу и Добрыне Никитичу, окаменевшим в горах, противопоставляются «славные богатыри Советской земли».

29 (94). БПК. № 16.

Самозапись сказительницы Анны Михайловны Пашковой, уроженки дер. Ярчево Нигижемской волости Пудожского у. Олонецкой губ. Записано в Петрозаводске в марте 1940 г.

По словам сказительницы, новину она составляла долго: «Носила в голове почитай много времени, а теперь решилась сказать» (с. 472). Былина посвящена папанинцам, высадившимся в мае 1937 г. на льдину в районе Северного полюса и дрейфовавшими вместе с льдиной на протяжении девяти месяцев. Ниже дается комментарий к именам, упомянутым в новине.

[1] *Папанин Иван Дмитриевич* (1894–1986) – исследователь Арктики, доктор географических наук (1938); контр-адмирал (1943). Дважды Герой Советского Союза (27 июня 1937 и 3 февраля 1940 г.). Родился в семье матроса. Участник Гражданской войны. В 1932–1933 гг. возглавлял полярную станцию в бухте Тихая на Земле Франца-Иосифа; в 1934–1935 – на мысе Челюскина; в 1937–1938 – первую дрейфующую станцию «СП-1». В 1939–1946 гг. – начальник Главсевморпути; в 1941–1945 – руководил перевозками на Севере; в 1948–1951 гг. – заместитель директора Института океанологии АН СССР по экспедициям. 16 июня 1940 г. граждане вновь образованной Карело-Финской ССР избрали И. Д. Папанина депутатом в Верховный Совет СССР.

[2] *Кренкель Эрнст Теодорович* (1903–1971) – полярник, доктор географических наук (1938); Герой Советского Союза (1938). Работал радистом на полярной станции Маточкин Шар (1924–1925; 1927–1928), в бухте Тихая (1929–1930), на мысе Оловянный (1935–1936), острове Домашний (1936). Участник полярных экспедиций на судах «Сибиряков» (1932), «Челюскин» (1933–1934). Радист первой дрейфующей станции «СП-1».

[3] *Ширшов Петр Петрович* (1905–1953) – океанограф, гидробиолог, полярный исследователь; академик АН СССР (1939). Герой Советского Союза (1938). В 1929–1932 гг. – научный сотрудник Ботанического сада АН СССР; в 1932–1936 гг. – научный сотрудник Всесоюзного арктического института. Участник экспедиций на ледоколах «Сибиряков» (1932) и «Челюскин» (1933–1934). В 1937–1938 гг. – член экспедиции на станции «СП-1». С 1946 г. – директор созданного им Института океанологии АН СССР.

[4] *Федоров Евгений Константинович* (1910–1981) – геофизик; академик АН СССР (с 1960 г.). Герой Советского Союза (1938). Главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1959–1962). В 1932–1938 гг. – научный сотрудник полярных станций; в 1937–1938 – «СП-1». В 1938–1939 гг. – директор Арктического научно-исследовательского института. В 1939–1947 и 1962–1974 гг. – начальник Гидрометеослужбы СССР.

[5] Работать по-стахановски – см. с. 923.

[6] *Чкалов Валерий Павлович* – см. с. 913.

[7] *Ворошилов Климент Ефремович* – см. с. 938–939.

[8] *Молотов Вячеслав Михайлович* – см. с. 926.

[9] *Калинин Михаил Иванович* (1875–1946) – государственный и партийный деятель. Из крестьян; с 1896 г. – токарь на Путиловском заводе. В ре-

волюционном движении с 1898 г. В 1917 г. – член Петербургского комитета РСДРП(б). Участник Октябрьского переворота. Делегат II Всероссийского съезда Советов. С декабря 1917 г. – член коллегии Народного комиссариата продовольствия. В годы Гражданской войны возглавлял агитационный поезд «Октябрьская революция». 30 марта 1919 г. избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и находился на этом посту до 1938 г. С 1938 по 1946 г. – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Миф, который творился вокруг фигуры Калинина официальной идеологией, – «всероссийский староста».

[10] Седов-корабль – ледокол «Георгий Седов». Построен в 1909 г. в Глазго. В 1916 г. приобретен Россией и назван по имени русского исследователя Арктики Г. Я. Седова. В 1920 г. «Георгий Седов» участвовал в первой советской экспедиции к устьям рек Обь и Енисей. В 1930 г. экспедиция, руководимая О. Ю. Шмидтом и капитаном В. И. Ворониным, впервые на «Седове» исследовала северную часть Карского моря. В октябре 1937 – январе 1940 г. ледокол под командой капитана К. С. Бадигина совершил дрейф через Арктический бассейн, во время которого был собран научный материал по гидрологии и метеорологии. Всему экипажу (15 человек) было присвоено звание Героев Советского Союза.

Новина сложена былинным стихом. Вначале дается перечисление эпических богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дюк Степанович) с краткой характеристикой их подвигов, чего никогда не бывает в подлинных былинах. Старопрежним богатырям, которые «решились», противопоставляются новые герои. Типические места, характерные для песенного эпоса и часто используемые слагателями новин, в данном текс-те отсутствуют.

30 (95). Сказания о героях Арктики. С. 9–14.

Записано А. Н. Антиповой от Матвея Егоровича Самылина из дер. Демидово Космозерского сельского совета Заонежского р-на Карелии в1938 г.

Новина посвящена папанинцам. Упомянутые в новине ледоколы «Мурман» и «Таймыр» – суда, участвовавшие в 1938 г. в снятии с льдины членов экспедиции «СП-1».

Новина сложена былинным стихом. От традиционной композиции героической былины здесь сохранилась лишь отправка героев главой государства на подвиг. Традиционные песенно-эпические места в данном тексте отсутствуют.

31 (96). Сказания о героях Арктики. С. 15–17.

Записано от Михаила Кириаковича Рябинина из дер. Олений Остров Заонежского р-на Карельской АССР около 1938 г. Скорее всего, это самозапись сказителя.

Новина посвящена папанинцам. Примечания к лицам, упомянутым в тексте, см. в комментариях к предыдущим произведениям.

32 (97). Сказания о героях Арктики. С. 24–25.

Записано Л. Большаковой от Евдокии Алексеевны Кокуновой из дер. Колово Коловского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в феврале 1938 г.

См. о дирижабле «СССР–В-6» с. 913.

33 (98). Былина о героях // Советская Арктика. 1937. № 11. С. 100–101.

В примечаниях сказано: «Авторство этой былины принадлежит В. В. Адамову» (с. 100). Место записи и собиратель не названы.

Новина посвящена папанинцам. Ниже приводится комментарий к конкретным именам, упомянутым в тексте.

[1] *Водопьянов Михаил Васильевич* (1899–1980) – летчик; Герой Советского Союза (20 апреля 1934 г.); генерал-майор авиации (1943). Родился в крестьянской семье. Участник Гражданской войны. Первый открыл воздушную линию на остров Сахалин. В марте 1934 г. участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин». В 1937 г. принимал участие в воздушной экспедиции на Северный полюс для высадки туда членов «СП-1». Во время Великой Отечественной войны командовал авиадивизией. Автор книги автобиографического характера «Полярный летчик» (1952) и «Валерий Чкалов» (1954).

[2] *Алексеев Анатолий Дмитриевич* (1902–1974) – летчик; Герой Советского Союза (27 июня 1937 г.). В Красной Армии – с 1920 г.; в 1930 г. окончил летные курсы и стал летчиком полярной авиации. Участвовал в высадке экспедиции на дрейфующую станцию «СП-1» в районе Северного полюса. Участник Великой Отечественной войны. После войны – летчик-испытатель.

[3] *Мазурук Илья Павлович* (1906–1989) – летчик. В Красной Армии с 1927 г.; в 1930 г. окончил Борисоглебскую военную школу летчиков. Одним из первых освоил дальневосточные воздушные трассы Главсевморпути. Участник высадки экспедиции дрейфующей станции «Северный полюс-1» в 1937 г., за что удостоен звания Героя Советского Союза (27 июня 1937 г.). Во время Великой Отечественной войны – командир авиационной группы Северного флота. После войны работал в северной авиации.

[4] *Молоков Василий Сергеевич* (1895–1982) – летчик; Герой Советского Союза (20 апреля 1934 г.); генерал-майор авиации (1940). В армии с 1915 г. Участник Гражданской войны. Окончил школу летчиков (1921), курсы усовершенствования при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (1929). В 1934 г. участвовал в спасении челюскинцев. В 1936 г. совершил полет вдоль Арктического побережья СССР. В 1937 г. участвовал в воздушной экспедиции на Северный полюс по высадке папанинцев. Во время Великой Отечественной войны командовал авиационной дивизией.

НОВИНЫ О ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

34 (99). БПК. № 29.

Записано В. Р. Дмитриченко от Ивана Терентьевича Фофанова из дер. Климово Авдеевского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в августе 1938 г.

Новина повествует о событиях 1938 г., когда 29 июля японцы атаковали сопки Безымянную и Заозерную в районе озера Хасан (Приморский край РСФСР) и захватили часть российской территории. К 9 августа 40-я стрелковая дивизия полковника В. К. Базарова выбила японские войска за границу; 10 августа японский посол в Москве предложил начать мирные переговоры.

В первой публикации дан следующий комментарий к этому произведению: «В отличие от других былин, посвященных участию товарища Ворошилова в гражданской войне и его работе по укреплению Красной Армии, Фофанов говорит о нем в связи с событиями на озере Хасан. Художественный замысел сказителя сводится к тому, чтобы на фоне этих событий дать образ героя, вождя. Поэтому в былине товарищ Ворошилов является непосредственным участником боев. В начале былины дан характерный для всякого эпического произведения зачин, в котором говорится, кому посвящена песня. Затем следует традиционное описание сборов в дорогу и отъезд богатыря. По-новому рассказывается о вооружении богатыря: он «обкалчужился и облатился» (т. е. надел кольчугу и латы), но вместе с этим взял винтовку, патроны, наган, бомбы и т. д. Применение этого нового оружия находим в описании картины боя, которая в остальном, как и вся былина, передана в стиле традиционной поэтики. С большим пафосом дано обращение Ворошилова к дружине. Заключением служит обычное в эпических песнях воспевание славы храброму герою, сломившему силу врагов.

Былина была составлена сказителем в самый разгар событий на озере Хасан, он знал о них по радио и из газет, которые ему выписывает Институт (Научно-исследовательский институт культуры Карельской АССР. – *Т. И.*). Живо интересуясь сообщениями о ходе боев, Фофанов как прекрасный мастер героического жанра решил составить новую былину, воспеть героику наших дней. Побудило его к этому и чувство соревнования, так как он знал, что и другие сказители составляют новые былины» (с. 480).

О *К. Е. Ворошилове* см. 938–939.

35 (100). БПК. № 72.

Самозапись Екатерины Семеновны Журавлевой из поселка им. 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР. Рукопись датируется 7 января 1939 г.

Новина посвящена событиям на озере Хасан.

Произведение сложено былинным стихом, но без использования традиционных песенно-эпических мотивов.

36 (101). БПК. № 51.

Самозапись сказителя Никифора Васильевича Кигачева из дер. Тубозеро Рындозерского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР. Рукопись самозаписи датируется 11 октября 1938 г.

Это первое произведение Н. В. Кигачева, составленное им на советскую тематику. Как сказано в комментариях к новине, сказитель прислал рукопись в Научно-исследовательский институт культуры в Петрозаводск в октябре 1938 г. вместе с вырезкой статьи «Зарубил 37 самураев» из газеты «Красный Пудож» (см.: *Степной И.* Зарубил 37 самураев // Красный Пудож. 1938. 5 окт. № 113. – Перепечатка из газ.: На защиту родины. 1938. 29 авг. № 21). Ниже приводим эту заметку полностью: «Во время боевых действий в районе озера Хасан бойцы, командиры и политработники проявили исключительный героизм. Много боевых эпизодов рассказывают участники боя. 6 августа на Заозерной был дан горячий бой, японцы были наголову разбиты и выброшены с советской территории. В этот

день в боях за Заозерную погиб смертью храбрых командир конного взвода тов. Зырянов.

С большим желанием шел в бой защищать родину храбрый кавалерист. В атаку он изъявил желание идти пешком. Тов. Зырянов был примерный, дисциплинированный командир-сверхсрочник. Жгучая ненависть к зарвавшемуся врагу и любовь к родине – вот что всегда занимало тов. Зырянова. Взяв в одну руку пистолет, в другую клинок, со словами "За Сталинскую конституцию, за товарища Сталина" он шел на самураев.

Вот его окружает десяток зарвавшихся самураев. Все они с ног до головы вооружены. Тов. Зырянов хладнокровно расправляется с ними. Он направо и налево рубит их как капусту. За время атаки он зарубил тридцать семь самураев. Готовился зарубить 38-го, но в это время вражеская пуля сразила его насмерть. Перестало биться горячее сердце храброго воина. Тов. Зырянов погиб, но память о нем будет вечна...»

37 (102). *Конашков Ф. А.* Про Ивана-богатыря (былина) // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 111–113.

Записано от Федора Андреевича Конашкова из дер. Семеново на реке Шале Пудожского р-на Карельской АССР в конце 1938 г. Собиратель в публикации не назван.

Новина сложена былинным стихом и построена на типических местах песенно-эпического эпоса: образ матери богатыря; седлание героем коня; изображение «набольшего японца» как Идолища. Текст использует также черты поэтики сказки: три брата, поочередно вступающие в бой с врагом; слова «японского набольшего» «Мне сказали, что Ивана и в живых-то нет, / А Иван на меня войной идет!».

НОВИНА О ВОСЕМНАДЦАТОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

38(103). *Конашкова А.* Сказ о восемнадцатом съезде партии // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 10–11.

Записано от Александры Тимофеевны Конашковой из Петрозаводска в 1939 г.

Новина посвящена XVIII съезду партии, проходившему 10–21 марта 1939 г. в Москве. С отчетным докладом ЦК ВКП(б) выступил И. В. Сталин; с докладом о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР – В. М. Молотов. В Большой советской энциклопедии дается следующая характеристика этого съезда: «18-й съезд подвел итоги переходного периода от капитализма к социализму и наметил курс для создания условий перехода к коммунистическому строительству» (Восемнадцатый съезд ВКП(б) // Большая советская энциклопедия. М., 1971. Т. 5. Стб. 1116).

НОВИНЫ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К СССР НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

39 (104). О трусливых польских панах и храбрых красных воинах: Былина / Зап. от И. Я. Мыльникова // Уральский рабочий. 1940. 30 марта. № 74.

Записано от Ивана Яковлевича Мыльникова, мастера химлеса, из пос. Богословск Свердловской обл.

Новина повествует о присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. См. с. 924–925.

Произведение создано в регионе, где уже давно угасла былинная традиция. О сказителе сказано, что он был участником смотра художественной самодеятельности. Данный текст полностью является плодом индивидуального творчества и лежит вне фольклорной традиции.

40 (105). Былина о Москве / Записана от Е. С. Журавлевой // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 51–53.

Записано от Екатерины Семеновны Журавлевой из поселка им. 1-го Мая Шальского сельского совета Пудожского р-на Карельской АССР в 1940 г. Собиратель в публикации не назван (самозапись сказительницы?).

Новина построена как прославление Москвы. Подробно описываются культовые места города: Кремль, мавзолей, метрополитен, канал Москва–Волга, открытый 15 июля 1937 г. Здесь же упоминается о только что зародившихся «трех звездочках пятиконечных» – присоединенных к СССР Латвии, Литве и Эстонии. Согласно тайным статьям германо-советского договора о ненападении (23 августа 1939 г.), страны Прибалтики должны были отойти к СССР. В июне 1940 г. при активной поддержке СССР правительства балтийских государств были свергнуты, а в названных странах установлена советская власть. В июле страны Балтии были приняты в состав СССР с образованием союзных республик Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР.

НОВИНЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

41 (106). *Крюкова М. С.* Растревожилась вся земелюшка // Звезда. 1943. № 1. С. 12–15.

Записано Э. Морозовой и А. Морозовым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. около 1943 г.

Новина сложена былинным стихом и построена на песенно-эпических образах и топосах. Картина военного несчастья, обрушившегося на страну, рисуется через образы растревоженной природы. Подробно описываются Киев и Чернигов – былинные центры, захваченные «фашистами семиглавыми». Гитлер изображается как «лютый змей», пышущий огнем. Главным в новине становится известный фольклорный мотив о богатырях, которые должны проснуться в час испытания для их родины. Ото сна пробуждаются Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и Микула Селянинович; они седлают коней и отправляются на битву с врагом.

42 (107). *Крюкова М. С.* Сказ про то, как храбрый помор Фока с немецкими злодеями воевал // Краснофлотец. 1943. № 16. С. 19–21.

Записано А. Морозовым от Марфы Семеновны Крюковой из с. Зимняя Золотица Приморского р-на Архангельской обл. в 1943 г.

Новина рисует в былинно-эпическом стиле особенности военных действий на Севере СССР: столкновения с фашистскими кораблями и подводными лодками; конвои союзников, везшие в СССР оружие и продо-

вольствие. В соответствии с новыми поворотами сталинской идеологии, произошедшими в период Великой Отечественной войны, в данном тексте звучит мотив исторической связи богатыря советского времени – помора Фоки – с героями дореволюционной России: Фока получил свое имя в честь корабля «Святой Фока», на котором плавал знаменитый исследователь Арктики Георгий Яковлевич Седов (1877–1914).

Новина сложена былинным стихом. Здесь используются в трансформированном виде традиционные песенно-эпические топосы: мотив быстрого роста героя (но без упоминания о том, что он в играх калечил других детей; ср. былину «Василий Буслаев и новгородцы»); образ Морского царя (ср. былину «Садко»); эпизод прощания героя с молодой женой (ср. «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»); образ «змей лукавых» и «семиглавых», в которых воплощено представление о фашистских кораблях и подводных лодках.

СОВЕТСКИЕ СКАЗКИ

СКАЗКИ О ПОИСКАХ ПРАВДЫ И СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЫ

1 (108). Господарев. № 27а. Предшествующие публикации: Комсомолец Карелии. 1938. 26 июня, № 87; Красная Карелия. 1938. 29 июня, № 148; *Чистов В.* Русская сказка советской эпохи // Народное творчество. 1938. № 8. С. 13–14; Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1938. С. 37, 71; Гофман, Минц. С. 20–25; НТ КФ ССР. С. 6–8. См. следующий текст.

Записано А. Д. Соймоновым от Филиппа Павловича Господарева из Петрозаводска в 1938 г.

Сравнение разновременных публикаций обнаруживает, что текст сказки каждый раз подвергался определенному редактированию. Так, в сборнике Э. Гофман и С. Минц диалог мужика и рабочего при их встрече звучит следующим образом: «Куда идешь, товарищ?» – «Да иду правду искать». – «Я тоже иду правду искать». – «Ну, пойдем вместе». В последней фразе здесь опущена концовка: «двоём лучше!» В сборнике НТ КФ ССР после неудачного пребывания у помещика герои рассуждают: «Правду люди сказывали, наши старики: "Помещик дерет с нас кожу да с наших родителей. А мы с картошки подерем"». В публикуемой редакции эта фраза выглядит несколько иначе: «А нам с чего драть? Хоть с картошки подерем». Подобные примеры еще раз подтверждают, что литературное редактирование сказительского текста было нормой для советской фольклористики тридцатых годов.

Обстоятельства сложения данной сказки таковы. Ф. П. Господарев, белорус по национальности, оказавшийся в Петрозаводске еще до революции на положении политического ссыльного, рабочий Онежского завода, услышал по радио исполнение белорусской сказки о поисках героями правды (текст был взят из сборника ТН СССР). Белорусская сказка послужила для сказителя толчком для создания своего собственно произведения. В основе его лежит известный сказочный мотив о поисках героем правды. В сказке Господарева, согласно официальной доктрине о союзе пролетариата с крестьянством, правду ищут рабочий и мужик. Побывав у помещика, у владельца завода, у царя, они находят ее у некоего «полесника», оказавшегося впоследствии Лениным.

2 (109). Господарев. № 27. См. предыдущий текст.

Записано Н. В. Новиковым от Филиппа Павловича Господарева из Петрозаводска до 1941 г.

В варианте, записанном Н. В. Новиковым, можно отметить дальнейшее, по сравнению с вариантом А. Д. Соймонова, отступление от поэтики традиционной сказки. Так, в первой записи Ленин прозывается «полесником» (по месту встречи с ним героев сказки), и его портретная характеристика отсутствует. Во второй записи дается, в нарушение сказочной поэтики, портрет Ленина: «Тут сидит лысый мужичок, не очень старый и не молодой – лет тридцати пяти». В дальнейшем он фигурирует в сказке как «лысый мужичок». В целом же оба варианта господаревской сказки очень близки друг к другу.

3 (110). Магай. № 41. См. следующий текст.

Записано Л. Элиасовым от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1938 г.

Сказка построена на художественном приеме аллегории (абстрактное понятие или мысль заменяется конкретным предметом или явлением действительности), который не свойствен русскому фольклору и, в частности, сказочной традиции. Так, богатырь – это аллегорическое изображение народных масс, угнетенных богачами; орел – эксплуататорские классы; мудрый человек, написавший великую книгу, – по-видимому, кто-то из классиков марксизма-ленинизма (сам Маркс); красивый юноша, который должен избавить богатыря от угнетения и для этого ищущий великую книгу, – революционер. Произведение строится по законам сказки: герой должен найти чудесный предмет (здесь: великую книгу). Сам образ книги, возможно, восходит к «Голубиной книге» из одноименного духовного стиха. Однако в целом эта сказка Магая гораздо менее связана с фольклорной традицией, чем предыдущая сказка Господарева о поисках мужиком и рабочим правды.

4 (111). Сороковиков. С. 7–10. Вариант: Новая Сибирь. 1938. № 1. С. 141–144. См. предыдущий текст.

Записано от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии.

Вариант предыдущей сказки, изложенный явно в сокращенном виде.

5 (112). Как вдова Анна правду искала (Сказ Натальи Захаровны Сторожевой) // Звезда. Пермь, 1939. 21 дек. № 290.

Записано в колхозе «Красная звезда» Юсьвинского р-на Пермской обл. Собиратель в публикации не назван.

Сказка напечатана 21 декабря – в день рождения Сталина. В этом произведении, согласно идеологии победившего тоталитарного режима, героиня находит в конце концов правду не у Ленина (ср. сказки Господарева), а у Сталина. В отличие от сказки Господарева здесь наличествует еще один фольклорный мотив – поиски счастливой страны (традиционно, это страна Беловодье, город Игната, река Дарья). Однако в целом, несмотря на мифологемы «правды» и «счастливой страны», произведение Сторожевой довольно-таки далеко отходит от подлинной сказочной традиции.

6 (113). *Кучерявенко В.* Сказки Дальнего Востока. Хабаровск, 1939. С. 20–28.

Записано от комсомольца Бондарева из с. Удугоц Владивостокского р-на Приморской обл. 20 июля 1935 г.

Произведение построено на известном сказочном мотиве – противники героя, желая избавиться от него, дают ему трудные задания, с которыми тот справляется. Здесь задания переосмыслены в реалистическом духе согласно новому времени: вспахать колхозное поле на плохих, непригодных волах и лошадях; пропасти колхозный скот на болотах; нарубить дров там, где не растет лес; болото осушить. Из сказочной традиции взят также образ птички-помощницы. В заключении произведения рисуется картина страны, которой управляет мудрый Сталин.

7 (114). Страна счастливых и честных людей / Записано от М. М. Коргуева // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 54–56.

Записано от Матвея Матвеевича Коргуева из с. Кереть Сорокского р-на Карельской АССР около 1940 г.

Произведение построено на мотиве поисков героем счастливой страны. Согласно мифологическому сознанию, у Коргуева она находится за рекой. В тексте также наличествуют топосы, характерные для советского эпоса: описание поездки Ивана под землею (метрополитен); осмотр им города-сада; посещение мавзолея.

8 (115). О серпе, молотке и орле золоченом: Сказка / Запись Родиона Акульшина // Волжская новь. 1935. № 10. С. 70–71.

Записано в с. Виловатове Куйбышевского края в 1925 г.

В сказке использован прием аллегории: серп – воплощение крестьянства; молоток – рабочего класса; орел – эксплуататорских слоев царской России. Очевидно, что сказка сложилась как отклик на учреждение одного из символов советской власти – герба СССР. Герб был утвержден Центральным Исполнительным Комитетом СССР 6 июня 1923 г. В Конституции 1936 г. дается следующее официальное описание герба: «Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Наверху герба имеется пятиконечная звезда».

СКАЗКИ О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

9 (116). *Сейфуллина Л.* Мужицкий сказ о Ленине // Красная новь. 1924. № 1 (18). С. 162–169. Републикации: Правда Севера. 1940. 22 апр. № 93; Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкаловск, 1940. С. 310–312. См. также переиздания произведений Л. Сейфуллиной.

Записано Л. Сейфуллиной в Оренбургской губ. в 1918 г.

Сказка, по-видимому, может считаться подлинным произведением фольклора – притчей, возникшей в среде носителей фольклорного сознания, которые стремились осмыслить революционные перемены в стране.

10 (117). *Песковский А. В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930. С. 33–35.

Записано А. Серовым в Новониколаевской губ. (Новосибирская обл.) в 1924 г.

Сказку, на наш взгляд, можно квалифицировать как подлинное произведение фольклора, возникшее в среде сторонников революционных перемен. Здесь наличествуют многие мифологические мотивы: столб, который является хранилищем правды (ср. столб на горе Судима в известном предании); бессмертие Ленина; зависимость его возраста от состояния месяца.

11 (118). *Акульшин Р.* Три сказки // Новый мир. 1925. № 11. С. 125–127. Републикация: Правда Севера. 1940. 22 апр. № 93.

Записано в Вятской губ. около 1925 г.

В газетной публикации текст подвергся небольшим сокращениям и литературной правке.

Сказка, по-видимому, является образцом подлинного фольклора о Ленине. Основной мотив, который здесь разрабатывается, – это мотив бессмертия героя (ср. Гришка Отрепьев, Степан Разин, Емельян Пугачев, Фридрих Барбаросса, Карл Великий и др.). Комментарий к историческим именам, упомянутым в тексте, см. выше: с. 916, 953–954.

12 (119). *Песковский А. В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М., 1930. С. 37–39.

Записано И. Поповым в Иваново-Вознесенском крае в конце 1925 г.

Сказка, по-видимому, является образцом подлинного фольклора о Ленине. Основной ее мотив – мотив бессмертия героя.

13 (120). ТН СССР. С. 96–99. Републикации: Сказочник Онежского побережья Ф. А. Конашков // Комсомолец Карелии. 1938. 16 авг. № 112; Карелия в художественной литературе / Сост. В. Г. Базанов и С. С. Шлеймович. Петрозаводск, 1940. С. 272–274.

Записано от Федора Андреевича Конашкова из дер. Семеново на реке Шале Пудожского р-на Карельской АССР около 1937 г. Собиратель в публикации не назван.

Текст представляет собой образчик псевдосказочных произведений, создававшихся сказителями в конце тридцатых годов по указке собирателей. Здесь, при наличии элементов сказочной поэтики (спор героев, что всего дороже; мотив пути и поисков самого дорогого на свете; путеводный клубочек), в развернутом виде предстают топосы, характерные для советского эпоса: восхищение героев метрополитеном; сад, в котором гуляют и веселятся люди; образ мудрого Сталина, который и есть «самое лучшее и самое дорогое у нас на земле».

СКАЗКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

14 (121). *Акульшин Р.* Три сказки: Гражданская война и Ленин в народном творчестве // Новый мир. 1925. № 11. С. 120–122.

Записано в Уфимской губ.

Произведение, по-видимому, является подлинно фольклорным. В легендарную форму, развивающую тему греха, здесь вплетаются приме-

ты времени – эпохи Гражданской войны. Баба наказана за ложь, в результате которой погиб красный командир.

15 (122). Чапай: Сб. нар. песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое Гражданской войны В. И. Чапаеве / Сост. В. Паймен. М., 1938. С. 16–18. Републикация: Чапай. Песни, былины, сказки, устные сказы и воспоминания о легендарном герое Гражданской войны, славном комдиве Василии Ивановиче Чапаеве. Куйбышев, 1938. С. 33–35.

Записано от Василия Гришкова и Петра Будаева в с. Копыловке Майнского р-на Куйбышевской обл.

Сказка построена на традиционных сюжетах состязания человека с великаном: СУС 1060 «Кто раздавит камень» и СУС 1062 «Кто выше бросит камень» (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979). Однако вместо сказочного героя-хитреца здесь выступает Чапаев. Согласно новой идеологии, в данном тексте Чапаев напрямую выражает мысль о том, что он выбирает службу трудовому народу, а не кому-либо из власть имущих.

16 (123). Красноармейский фольклор / Сост. В. М. Сидельников. М., 1938. С. 106–108. Предшествующие публикации: *Сидельников В., Крупянская В.* Чапаев в устном поэтическом творчестве // Литературный критик. 1936. № 12. С. 236; Чапай: Сб. нар. песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое Гражданской войны В. И. Чапаеве / Сост. В. Паймен. М., 1938. С. 20–22; Чапай: Песни, былины, сказки, устные сказы и воспоминания о легендарном герое Гражданской войны, славном комдиве Василии Ивановиче Чапаеве. Куйбышев, 1938. С. 36–38.

Записано от Федора Борисовича Бузуева из с. Б. Таволжанка Пугачевского р-на Саратовской обл. в июле 1936 г.

Все разновременные публикации не имеют между собой существенных разночтений.

Произведение представляется нам образчиком подлинного фольклора – это устное предание об историческом персонаже (Чапаеве – см. комментарий о нем, с. 941–942). Основной мотив, формирующий данное предание, – бессмертие героя и приход его на помощь в трудную минуту к своим соратникам. В просоветских произведениях этот мотив, помимо образа Ленина (см. выше), реализовался во многих текстах о Чапаеве.

Данный мотив присоединился к имени Чапаева, видимо, сразу же после гибели этого красного командира. В книге Арсения Михайлова приводятся воспоминания сына Чапаева, которого навестил кто-то из товарищей его отца: «Сидит на лавке, рука у него забинтована. Качает головой:

– Нет, – говорит, – этого не может быть.

– Чего не может быть? – спрашивает мать.

– Не может быть, чтобы Василий Иванович погиб: его пули не брали.

– Думаешь, заговор от пули знал?

– Не заговор, не наговор, а так – грудь у него, должно быть, стальная...

Мать насторожилась, да и мы затаили дыхание.

– Ты, может, слух какой о нем имеешь? – робко спросила мать.

Красноармеец помолчал, как будто что-то обдумывая, а затем сделал рукой знак, чтобы мы подошли к столу.

– Есть слух! – сказал он. – Сказал мне красноармеец один, что Василий Иванович Урал переплыл, а теперь у бедного киргиза в кибитке скрывается, ждет, когда казаков разгромят. Ведь иначе ему показываться нельзя.

Мы, затаив дыхание, слушали, и как-то даже верилось, что отец действительно жив.

<...> Мне теперь кажется, что он <...> выдумал и сам своей выдумке поверил» (*Михайлов А.* В. И. Чапаев в Пугачевске. М., 1936. С. 44–45).

17 (124). ТН СССР. С. 228–231. Републикации: Красноармейский фольклор / Сост. В. М. Сидельников. М., 1938. С. 108–110; Молодой колхозник. 1941. № 2. С. 28.

Записано от Анастасии Ивановны Филониной в с. Куриловка Куйбышевской обл. около 1937 г.

Образец предания о Чапаеве. В данном произведении мотиву бессмертия героя, в отличие от предания сказителя Ф. Б. Бузуева (см. предыдущий текст), придана реалистическая трактовка: Чапаев был спасен Петькой, но сменил имя, так как ему было совестно за свое поражение.

18 (125). Сказки М. М. Коргуева / Зап., вступ. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 1–7. Предшествующие публикации: Правда. 1937. 30 сент. № 226; ТН СССР. С. 223–227; Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Редакция А. Н. Нечаева. М., 1938; Сказочник М. М. Коргуев. Смерть Чапаева // Карелия: Лит.-худож. альманах. Петрозаводск, 1938. С. 169–172. См. следующий текст.

Записано А. Н. Нечаевым от Матвея Михайловича Коргуева из с. Кереть Сорокского р-на Карельской АССР около 1937 г.

Разновременные публикации имеют ряд отличий, свидетельствующих о том, что текст сказки подвергался каждый раз редактуре и литературной правке.

Советская сказка о Чапаеве. Здесь образ героя, отразившегося в подлинных устных преданиях, вписан в произведение сказочного характера. Использованы следующие мотивы: три брата; сказочный даритель – тетушка героя; волшебный предмет – кольцо, оберегающее героя от смерти на земле, но не на воде; полячка-изменщица – образ, явно восходящий к мотиву женской измены. В отличие от подлинных преданий здесь отсутствует мотив бессмертия Чапаева: в нарушение сказочной счастливой концовки и в соответствии с исторической правдой герой гибнет. Нарушение закона единства формы (сказка) и содержания (эпизод из Гражданской войны) приводит к искусственности данного текста. Комментарий к историческим личностям, упомянутым в коргуевской сказке (Колчак, Деникин, Фрунзе), см. с. 935, 944.

19 (126). *Крачковская В.* Новый вариант сказки М. М. Коргуева // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1941. С. 274–276. См. предыдущий текст.

Записано В. А. Крачковской от Матвея Михайловича Коргуева из с. Кереть Сорокского р-на Карельской АССР 8 января 1941 г.

Разновременные варианты в записи А. Н. Нечаева и В. А. Крачковской существенных, идеологически значимых отличий не имеют.

СКАЗКИ О СОБЫТИЯХ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

20 (127). Господарев. № 28. Предыдущие публикации: Комсомолец Карелии. 1938. 26 июня. № 87; *Чистов В.* Русская сказка советской эпохи // Народное творчество. 1938. № 8. С. 15; Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1938. С. 37; Гофман, Минц. С. 26–29.

Записано Н. В. Новиковым от Филиппа Павловича Господарева из Петрозаводска в 1938 г.

Разновременные публикации имеют некоторые отличия, свидетельствующие о том, что каждый раз текст подвергался редактированию и литературной правке.

В сказке развивается тема женского равноправия, очень актуальная для первых двух десятилетий советской власти.

21 (128). ТН СССР. С. 376–378.

Записано от В. И. Беспаликова из дер. Якшино Озерского р-на Московской обл. в феврале 1937 г.

Сказка посвящена теме колхозного строительства и кулачеству. Произведение строится на аллегорическом образе алого цветка, в котором воплощается представление о правоте колхозного дела. Аллегория – художественный прием, в общем-то не свойственный русскому фольклору. Комментарий к историческим именам, упомянутым в сказке, см. выше, на с. 933–934 и 953–954.

22 (129). ТН СССР. С. 458–464. См. следующий текст.

Записано от Ивана Федоровича Ковалева из с. Шадрино Воскресенского р-на Горьковской обл. в апреле 1937 г.

В сказке аллегорически повествуется об эпопее челюскинцев (комментарий об этом эпизоде истории Арктики см. на с. 949). Перстень вдовы – аллегория тайн и богатств, которые хранит в себе Арктика. Искатель («человек с большой черной бородой») – И. Д. Папанин; мудрый вождь – Сталин. Морской царь – воплощение враждебности Севера человеку. В соответствии с традицией лубочных повестей и сказок в произведении наличествуют и герои с говорящими именами: таков Радослух («радио» и «слух»).

23 (130). Гофман, Минц. С. 35–45.

Записано от Ивана Федоровича Ковалева из с. Шадрино Воскресенского р-на Горьковской обл.

Повторный вариант, несколько отличающийся от первоначальной записи.

24 (131). Господарев. Приложения, № 1. Предыдущая публикация: Карелия. Альманах. Петрозаводск, 1940. Кн. 4. С. 143–146.

Записано Н. В. Новиковым от Филиппа Павловича Господарева из Петрозаводска.

Во вступительной статье к сборнику сказок Господарева Н. В. Новиков писал: «"Красные орлята" – первая попытка Ф. П. воплотить дела и мысли героев – советских людей в образ художественного произведения в сказке. Радио, газеты, книги, беседы помогли осуществлению замысла художника. <...> Долго и упорно работал Ф. П. над "Красными орлятами". Не один раз он мне говорил: "Куда ни пойду, что ни делаю, а "Орлята" из головы не выходят. Все подбираю, что к чему". Первый вариант сказки отличался от последующего своей громоздкостью, нагромождением второстепенных и третьестепенных деталей, из-за которых затемнялся основной смысл произведения. Наряду с орлом-отцом и тремя орлятами в сказке были выведены филин, воробьи и пр., начальный эпизод открывался не борьбой орла с силами природы (солнцем, ветром, дождем), а борьбой орла с филином.

По желанию сказочника, с текстом "Красных орлят" ознакомилось несколько товарищей. Сказка была ими внимательно прочитана и разобрана. Господарев выслушал их критику и серьезно взялся за переработку» (с. 54).

Данное произведение – аллегорическая сказка. Орлята – советские летчики, покорители Арктики; красный цветок – тайны Арктики.

25 (132). *Коргуев М.* Сказка о папанинцах // Карелия: Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. С. 106–108. Предшествующая публикация: Сказочник Беломорского побережья Матвей Михайлович Коргуев: Сказка о папанинцах // Комсомолец Карелии. 1938. 16 авг. № 112.

Записано от Матвея Михайловича Коргуева из с. Керетъ Сорокского р-на Карельской АССР в 1939 г.

Разновременные публикации имеют некоторые отличия, свидетельствующие о том, что каждый раз текст подвергался редактированию и литературной правке.

26 (133). Магай. № 40.

Записано Л. Элиасовым от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1938 г.

Сказка аллегорически повествует о советских летчицах – Марине Михайловне Расковой (1912–1943), Полине Денисовне Осипенко (1907–1939), Валентине Степановне Гризодубовой (р. 1910). В сентябре 1938 г. они совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва–Дальний Восток. Полет закончился вынужденной посадкой в тайге в районе р. Аргунь. Во время этого перелета перед вынужденной посадкой штурман Марина Раскова покинула самолет с парашютом и на некоторое время потеряла связь с другими летчицами. Весь экипаж был найден. 2 ноября 1938 г. летчицам было присвоено звание Героев Советского Союза.

27 (134). Магай. С. 285–293. Предшествующая публикация: Новая Сибирь. 1938. № 1. С. 136–140.

Записано Л. Гуревичем от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1937 г.

В комментариях к сборнику Сороковикова сказано: «Сказка в целом чрезвычайно интересна сочетанием волшебного с новой тематикой и новыми образами. Змей оказывается чудовищем, врагом советской власти; чудесный пузырек с исцеляющей водой присылает товарищ Сталин, ковер-самолет заменяется "чудесными небесными птицами" — самолетами» (с. 330—331).

28 (135). ТН СССР. С. 279—282. Републикация: Гофман, Минц. С. 30—34. См. следующий текст.

Записано от В. И. Беспаликова из дер. Якшино Озерского р-на Московской обл. в феврале 1937 г.

В форме сказки в данном произведении отражены напряженные отношения между СССР и Японией во второй половине тридцатых годов. Среди сказочных мотивов: три брата, живая (целебная) вода.

29 (136). Красноармейский фольклор / Сост. В. М. Сидельников. М., 1938. С. 147—149. См. предыдущий текст.

Записано от В. И. Беспаликова из дер. Якшино Озерского р-на Московской обл. в октябре 1937 г.

30 (137). Магай. № 38. Ранний вариант записи 1937 г.: Правда. 1937. 9 сент.; Прииртышская правда. 1937. 24 сент. № 219; ТН СССР. С. 291—294; Как охотник Федор японцев прогнал. Воронеж, 1938; Новая Сибирь. 1938. № 1. С. 145—147; Русские сказки Восточной Сибири / Сборник А. Гуревича. Иркутск, 1939.

Записано Л. Элиасовым от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1938 г.

Два варианта сказки не имеют между собой существенных отличий. В комментариях к своему сборнику Л. Элиасов писал: «Данная сказка была первым опытом создания новых сюжетов у Сороковикова и наряду со сказкой о Чапаеве беломорского сказочника Коргуева принадлежит вообще к первым опытам <...> новых сказок. Выбор сюжета для создания новой сказки чрезвычайно характерен для Сороковикова: в ней действуют его основные герои (охотник), большую роль играет природа <...>, и в ней отчетливо выражен местный (сибирский) колорит» (с. 330). Сказка отражает напряженные отношения Советской России и Японии во второй половине тридцатых годов. См. с. 955—957.

СКАЗКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

31 (138). Сороковиков. С. 15—17.

Записано от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1941—1942 гг.

Сказка ориентирована на стихотворный жанр скоморошин, из которых в тексте использованы отдельные формулы («Сорок кадушек дохлых лягушек, / Сорок стаканов сухих тараканов»). Фольклорная основа прочитывается и в образе Гитлера («Гитлерище поганое» — ср. Идолище поганое в былинах).

32 (139). Сороковиков. С. 11–14.

Записано от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1941–1942 гг.

Сказка-притча, явно построенная на образах, воспринятых сказочником из историко-литературной традиции: во сне Гитлеру являются Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон, и каждый предупреждает его об опасности и безрассудности его планов по покорению мира.

33 (140). Сороковиков. С. 18–21.

Записано от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1941–1942 гг.

От поэтики сказки здесь присутствует лишь образ чудесного помощника – кота. В остальном же произведение выходит за пределы сказочного жанра: заканчивается оно трагически – гибелью героини. В основе текста лежат многочисленные реальные случаи поджога своих домов советскими людьми вместе с фашистскими оккупантами.

34 (141). Сороковиков. С. 11–14.

Записано от Егора Ивановича Сороковикова (Магая) из с. Ближний Хобок Цаган-Нурского сельского совета Тункинского аймака Бурятии в 1941–1942 гг.

Попытка облечь в сказочную форму рассказ о борьбе советской семьи с фашистами.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Л. Топорков. «*Обаяние* есть чудесная сила...» 5

КРАЛЕДВОРСКАЯ И ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ РУКОПИСИ И ИХ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Л. П. Лаптева. КРАЛЕДВОРСКАЯ И ЗЕЛЕНОГОРСКАЯ РУКОПИСИ
Введение 11
I. Краледворская и Зеленогорская рукописи — чешские подделки XIX века 12
II. Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX–XX веков 57
Рукопись Кралодворская. Собрание лирико-эпических народных песнопений. Перевод А. С. Шишкова (1820) 120
Краледворская рукопись. Перевод [и примечания] Н. В. Берга (1860) 155
Краледворская рукопись. Стихотворный перевод, пояснения и примечания Ивана Новикова (1939) 195

ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ БЕЛОРУСОВ, УКРАИНЦЕВ И ВЕЛИКОРОССОВ В ЗАПИСЯХ И МИСТИФИКАЦИЯХ XIX ВЕКА

А. Л. Топорков. О «БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ» И ИХ АВТОРЕ 245
П. Древлянский. **Белорусские народные предания** 255
Е. Е. Левкиевская. МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ФАНТОМОВ В «БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ» П. ДРЕВЛЯНСКОГО 311
А. Л. Топорков. О РУКОПИСИ Г. Д. КНИГОЛЮБОВА 352
Заговоры из сборника Г. Д. Книголюбова 359
А. Л. Топорков. СКАЗКА ПРО БОГА ПОСВИСТАЧА 390
А. В. Шишацкий-Илич. **О памятниках местной народности** 394

СОВЕТСКИЙ ЭПОС 1930-х—1940-х ГОДОВ

Т. Г. Иванова. О ФОЛЬКЛОРНОЙ И ПСЕВДОФОЛЬКЛОРНОЙ ПРИРОДЕ СОВЕТСКОГО ЭПОСА 403

ПЛАЧИ И ПЛАЧИ-СКАЗЫ

Традиционные плачи с элементами советской идеологии 432
Плачи о Ленине 436
Плачи о Кирове 475
Плач о Горьком 485
Плач об экипаже Леваневского 487
Плач об экипаже дирижабля «СССР—В-6» 489
Плачи о Чкалове 490
Плач о летчиках Серове и Осипенко 500
Плачи о Крупской 501
Плач о Зое Космодемьянской 504

СКАЗЫ 511

НОВИНЫ И НОВИНЫ-ПОЭМЫ

Антисоветская новина 576
Новины о Ленине 588
Новины о Сталине 620
Новины о Гражданской войне 641
Новина о строительстве колхозов 718
Новина о Кирове 719
Новина о Максиме Горьком 724
Новины о героях Арктики 727
Новины о военных конфликтах на Дальнем Востоке 762
Новина о Восемнадцатом съезде партии 771
Новины о присоединении к СССР новых территорий 772
Новины о Великой Отечественной войне 776

СОВЕТСКИЕ СКАЗКИ

Сказки о поисках правды и счастливой страны 791
Сказки о Ленине и Сталине 817
Сказки о Гражданской войне 828
Сказки о событиях тридцатых годов 847
Сказки о Великой Отечественной войне 888

Комментарии (сост. *Т. Г. Иванова*) 896

Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – 970 с. (Русская потаенная литература)

ISBN 5-86218-381-7

На протяжении XIX–XX веков в России и других славянских странах появилось множество псевдофольклорных текстов и фальсифицированных описаний народных верований. Со временем подделки были разоблачены, однако их несомненные литературные достоинства и тот след, который они оставили в истории культуры, делают их весьма любопытным, а подчас и забавным чтением.

В книгу включены русские переводы Краледворской и Зеленогорской рукописей – знаменитых подделок чешской эпической поэзии; фольклорно-мифологические фальсификаты, возникшие в России XIX века (в том числе «Белорусские народные предания» П. М. Шпилевского), а также произведения так называемого «советского фольклора»: сложенные в былинном духе песни о вождях – Сталине, Ворошилове и др., плачи на смерть Кирова и т. п. В статьях, сопровождающих публикацию текстов, вскрыты механизмы создания литературных мистификаций на фольклорной основе.

Книга адресована филологам и историкам, а также всем читателям, интересующимся фольклором и отечественной историей.

Научное издание

РУКОПИСИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО
Подделки в области славянского фольклора

Редактор
Ю. А. Михайлов
Технические редакторы
И. И. Володина, М. А. Страшнова
Корректор
И. В. Лебедева
Компьютерная верстка
В. Г. Курочкин

ИД № 2944 от 03.10.2000 г.
Подписано в печать 02.10.2002.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная.
Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 51,24.
Тираж 2000 экз. Зак. №3575

Научно-издательский центр «Ладомир»
при содействии ООО «ВРС»
103681, Москва, К-681, Заводская, 6а
тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с оригинал-макета
ООО ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, Челюскинцев, 3

ISBN 586218381-7

В СЕРИИ
«РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
вышли:

1. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова.
2. Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII – начала XIX века.
3. Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века.
4. Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки.
5. Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. Сб. статей.
6. Секс и эротика в русской традиционной культуре. Сб. статей.
7. Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова.
8. Народные русские сказки не для печати; Русские заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым.
9. *В. И. Жельвис.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. (1-е изд., 2-е изд.)
10. Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов.
11. Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. В 2 т.
12. *Анна Мар.* Женщина на кресте.
13. *А. П. Каменский.* Мой гарем.
14. Эрос и порнография в русской культуре. Сб. статей.
15. *М. Н. Золотоносов.* Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX – XX веков.
16. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). Сб. материалов и исследований.
17. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т.
18. «Тайные записки А. С. Пушкина. 1836–1837: *Перевод с французского*». (Публикация Михаила Армалинского.)
19. *Г. И. Кабакова.* Антропология женского тела в славянской традиции.
20. Национальный Эрос и культура. Сб. статей. Т. 1.
21. *С. Б. Борисов.* Мир русского девичества: 70–90 годы XX века.
22. *М. И. Армалинский.* «Чтоб знали»: Избранное. 1966–1998.
23. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора.

Серия издается с 1992 года.

В СЕРИИ
«РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
готовятся к изданию:

М. Н. ЗОЛОТОНОСОВ

Отщеренis Серебряного века

Издание представляет собой первую книгу романа-исследования «Братья Мережковские», посвященную старшему из шести братьев, Константину Сергеевичу Мережковскому (1855–1921). В кругах историков биологии К.С.М. хорошо известен как основоположник еретической теории симбиогенеза, идеи которой были выдвинуты К.С.М. в 1900-е гг. и около шестидесяти лет пребывали невостребованными, пока в конце 1960-х гг. они не были осмыслены рядом американских, а затем советских биологов как основа современного понимания эволюции высших таксонов органического мира и построения его системы. Однако биография К.С.М. оставалась ненаписанной, а сведения о нем – несобранными, поскольку с 1914 г. над К.С.М. тяготело своего рода «проклятие»: он был самым знаменитым педофилом своего времени, героем шумного газетного скандала 1914 г., начиненного шокирующими подробностями, вследствие которого бежал в 1914 г. из России за границу, где прожил всего семь лет и изобретательно покончил с собой в 1921 г.

«Отщеренis Серебряного века» – комплексная биография русского ученого и маргинального философа, «русского маркиза де Сада», который предстает как «абсолютно отрицательный человек», как символ зла, как человек, лишенный единой положительной черты, как реальное опровержение афоризма о несовместимости «гения» и «злодейства». Педофил, изнасиловавший около тридцати маленьких девочек (в возрасте от 3-х лет и старше) и оставивший об этом записи в своем тайном дневнике; доносчик, сотрудничавший с тайной политической полицией и в течение многих лет «стучавший» на своих коллег по Казанскому университету, где он работал в 1903 – 1914 гг.; доктринальный антисемит, доставивший в Казань «Протоколы сионских мудрецов», один из активных, хотя и тайных создателей Союза русского народа в Казани... Биография К.С.М. оказывается стержнем, на который нанизываются многочисленные сведения и об университетской жизни России 1900-х – 1910-х гг., и о политической борьбе в профессорской среде, и о сексуальных скандалах, преступлениях и обычаях этого периода (в частности, впервые с предельно возможной подробностью анализируется педофилический дискурс в русской культуре). Анализ брутального характера и поведения К.С.М. в контексте поэти-

ки бытового и эстетического поведения людей декадентско-символистского круга показывает, что К.С.М. можно считать Главным Символистом.

Исследование основано на архивных (обследовано более 10 российских и зарубежных архивов) и газетных материалах; все архивные материалы публикуются впервые.

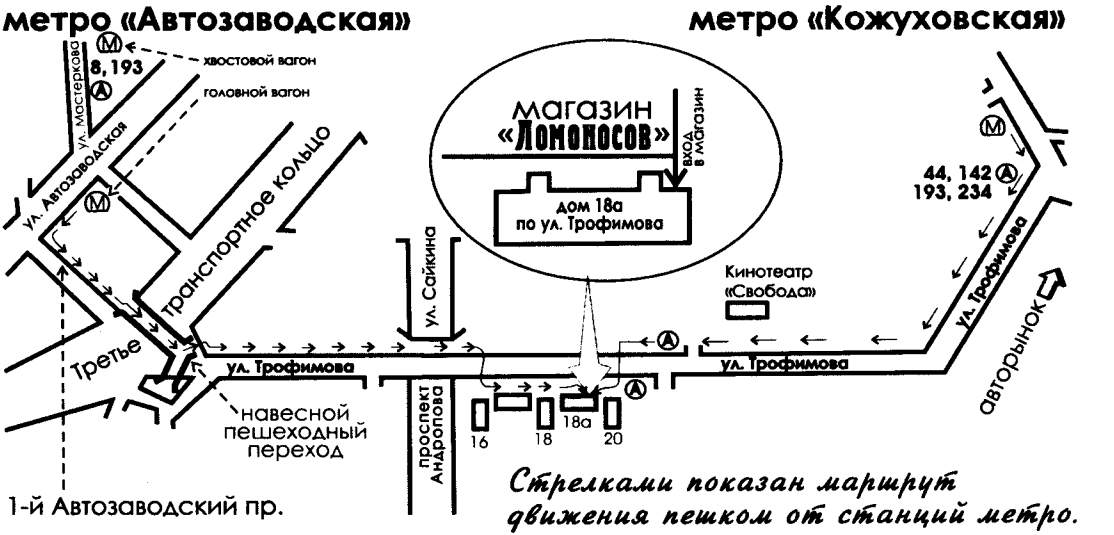
В издание также входят литературные и философские сочинения К.С.М., в которых отразились его утопические и педофилические идеалы, в первую очередь роман «Рай земной» (1903) и научно-фантастический труд «Универсальный ритм как основа новой концепции Вселенной» (1920, пер. с фр.), который демонстрирует, что К.С.М. не только тонко понял, но и предвосхитил многие научно-физические идеи XX века. Все сочинения К.С.М., публикуемые в книге, снабжены подробными комментариями.

Д. РАНКУР-ЛАФЕРЬЕР

Русская литература и психоанализ

Дениэль Ранкур-Лаферьер – американский литературовед, русист. В сборнике его избранных работ вошли труды разных лет, посвященные нашим самым известным писателям-классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Достоевскому, Льву Толстому, Солженицину... Выводы западного ученого, использующего в своих исследованиях методы классического психоанализа, могут кого-то шокировать и даже возмутить. Но вместе с тем, они дают богатую пищу для размышлений, позволяют совершенно по-новому взглянуть на такие хрестоматийные литературные персонажи, как Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Пьер Безухов, князь Мышкин, гоголевские Шпонька и Хома Брут... В том включена и сенсационная биография «Толстой на кушетке психоаналитика».

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:
124681, Москва, Заводская, д. 6а, НИЦ «Ладомир».
Тел.: (095) 537-98-33;
тел. склада: (095) 533-84-77.
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
Для получения бесплатного перспективного плана издательства и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт.
Книги можно приобрести также в фирменном магазине
«ЛОМОНОСОВ» (схему проезда см. на обороте).
Тел.: (095) 279-38-86.



Как добраться до магазина «ЛОМОНОСОВ»:
от м. «Кожуховская» (головной вагон из Центра):
– авт. 44, 142, 193, 234, ехать до остановки «Кинотеатр "Свобода"»;
– 7 мин. пешком по ул. Трофимова;
от м. «Автозаводская»:
– хвостовой вагон из Центра, поворот направо в подземном переходе, выход из метро налево, авт. 8, 193, ехать до остановки «Кинотеатр "Свобода"»;
– 15–20 мин. пешком по маршруту: головной вагон из Центра, выход из метро налево, на ближайшем перекрестке повернуть налево еще раз, пройти по навесному пешеходному переходу (пересечь третье транспортное кольцо), повернуть налево в третий раз и двигаться по ул. Трофимова до магазина.